

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

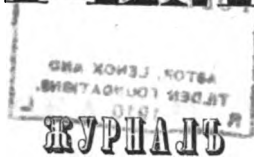

3 3433 07920041 0

INDEX

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

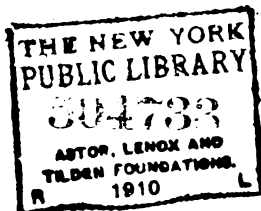

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

ТОМЪ II

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ, С. Петербургъ, 21 февраля 1861 года

Ценсоръ Е. Волковъ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вчерашній день къ вечеру мы переѣхали въ городъ. Экипажъ нашъ въѣхалъ по большой улицѣ и остановился у двухъ-этажнаго каменнаго дома. Подъѣздъ его украшенъ двумя большими львами, окрашенными подъ античную бронзу; лѣстница устлана пестрымъ ковромъ. Мы заняли бельэтажъ.

Въ большомъ залѣ встрѣтила насъ Олимпиада Сергѣевна. Въ комнатахъ пахло вежливимъ, и онѣ казалось церемонно ожидали хозяйку. Мебель оказалась разставленной не по вкусу Прасковьи Александровны, за что Олимпиада Сергѣевна получила замѣчаніе.

— Право, Олупре, ты ни къ чему неспособна, сказала Прасковья Александровна, — ужь и видно, что нерождена быть хозяйкой...

— Я не умѣю распоряжаться чужимъ, отвѣчала вспыхнувъ Олимпиада Сергѣевна. — На чужой вкусъ трудно угодить.

— Кажется ты довольно имѣла времени привыкнуть къ моему вкусу.

— Я и то старалась угодить...

— Ну, не сердись... Пехлопочи о чаѣ. Морозъ порядочный, мы перезябли; надѣюсь, что самоваръ готовъ?

— Сейчасъ велю подавать.

— Тебя навѣщалъ кто-нибудь?

— Гурскій, Старосвѣтовъ, прокуроръ, генераль Патокинъ. Вицъ-губернаторша присылала узнать, прїѣхали ли вы.

— *Excellent personne! si comme il faut!*

— Да! старикъ Зайцевъ заѣзжалъ еще.

— Слышишь, *Sophie*? еще переѣхать не успѣли, а сколько посѣтителей. Ну, а прокуроръ посидѣлъ у тебя?

— Очень умный человѣкъ; въ его годы занимать такое хорошее мѣсто не шутка. Онъ можетъ сдѣлать прекрасную партію. Квартира у насъ препорядочная, только завтра надо заняться разстановкой мебели. Лидія! ты оставь фарфоръ на горку, Лиза поможетъ тебѣ. Надо достать зелени. Отчего драпри не навѣшено?

— Не знаю, я еще съ утра приказала повѣсить. Вы знаете нашихъ людей — лентяи.

— Гришка! обратилась Прасковья Александровна къ входящему лакею, — отчего ты не навѣсилъ драпри?

— Не успѣлъ, сударыня, все убрались по дому.

— Ну, чтобы завтра, къ моему вставанью, было навѣшено. Да лѣнь свою прошу отложить, — здѣсь нѣ деревни, любезный, здѣсь полиція подъ рукой.

Лидія при этихъ словахъ вспыхнула и потупила глазки.

— При дядѣ Мишелѣ этого бы не было, сказала она мнѣ вполголоса, — шатап совѣтитса обращаться такъ съ людьми при немъ.

— Надо еще заняться ея туалетомъ, сказала Прасковья Александровна, показывая на меня движеніемъ головы, — платье ея уже изношено. Я думаю перешить ей твое сѣрое, *Sophie*, оно еще хорошо. Нельзя же ей такъ быть. Предурной эффектъ этотъ трауръ — точно погребальная колесница. Сѣрое не такъ мрачно. Да прошу беречь, прибавила она, смягчая улыбкой рѣзкость такого приказанія.

Во время чая, слуга доложилъ о прїѣздѣ генерала Патокина.

Это былъ тучный мужчина, съ краснымъ, налитымъ лицомъ; съ большими, круглыми, сѣрыми глазами на выкатѣ. Когда онъ расшаркивался и усаживался въ кресло, я боялась, что онъ задохнется.

— Ну, что новаго въ городѣ, *mon g n ral*? спросила между прочимъ Прасковья Александровна.

— Въ городѣ? Разныя гадости завелись, писаки непрошеные завелись, объ насъ статейки пишутъ — да-съ! Всѣ частности наружу выводятъ: теперь вы балъ ли сдѣлаете, театръ ли домашній затѣете — все въ печать попадетъ. Общество даже критикують — да-съ! дамъ нашихъ задѣваютъ, въ роскоши туалетовъ ихъ укоряють. Помилуйте, да кто кому запретить одѣваться такъ или иначе! Да моя жена хоть тысячное платье надѣнетъ, кому что за дѣло? Мало ли что между собой въ городѣ дѣлается, все и выводить наружу! — скверно!

— Каково!

— Казанова младшая, говорятъ, выходитъ замужъ за помѣщика Астапова; онъ съ состояніемъ, — душъ триста есть.

— Это новость. Какъ онъ скрытничали!

— Онъ и теперь еще не объявляютъ, но говорятъ дѣло уже сложено. Блировъ произведенъ въ дѣйствительные...

Генералъ сыпалъ новость за новостью въ этомъ родѣ. Сказалъ между прочимъ, что ему на дняхъ мебель привезли изъ Петербурга и проч.

Слава Богу, мнѣ нашлась маленькая отдѣльная комнатка наверху. Я боялась, что меня помѣстятъ съ Олимпіадой Сергѣвной, но она объявила, что не терпитъ стѣсненія.

Сегодня Прасковья Александровна съ дочерьми уѣхала съ визитами. Она три дня медлила въ надеждѣ, что къ ней пріѣдутъ первыя здѣшнія дамы, но однако никто не пріѣхалъ, кромѣ одной старой дѣвы-помѣщицы, которая впрочемъ «не отъ міра сего.» Она посвятила себя богомолью и благотворительности. По ея довольному лицу и торжественнымъ манерамъ можно заключить, что она считаетъ себя праведницей и кажется того и ждетъ, что ее, за добрыя дѣла, о которыхъ она очень ловко даетъ всѣмъ знать, рано или поздно вознесутъ ангелы прямо на лоно Авраамово. Ее никогда не видятъ въ большомъ кругу, но она со всѣми знакома и ко всѣмъ для визитовъ выбираетъ такое время, когда нѣтъ гостей; поэтому знаетъ очень хорошо, гдѣ что дѣлается. Одѣта она въ черный шелковый капотъ, который зоветъ своей расой, а на головѣ носитъ черный креповый чепчикъ, который вѣроятно воображаетъ

клубукомъ. Она дородна, румяна; лицо у ней круглое, глаза быстрые, большіе, каріе. Видно, что она въ молодости была недурна собой.

Сейчасъ была Ольга. Не найдя никого дома, она вѣршла прямо ко мнѣ.

— Ольга! сказала я ей, — вы, какъ добрый геній, не покидаете насъ.

— Я къ вамъ на минуточку, я не могу долго оставаться — дѣлаю визиты.

Я посмотрѣла на ея нарядъ; онъ былъ простъ, благороденъ и со вкусомъ. На ней было лиловое шолковое платье, бѣлая шляпа съ одной зеленью безъ цвѣтовъ; черная, плетеная, кружевная косынка выказывала ея стройную, гибкую талію. Пижма у ней маленькая, прелестная, ручка тоже. Ея густые, блестящіе волосы были такъ мягки, что при движеніи колыхались на ея граціозной головкѣ. Она казалось никогда не думала ни о своемъ нарядѣ, ни о своей наружности: это составляло въ ней главную прелесть.

— И наши уѣхали съ визитами, сказала я.

— Ну, и Богъ съ ними! Я рада повидать васъ. У меня большая забота, прибавила она, садясь, — Лидія и Дорельскій любить другъ друга не на шутку... Я узнала это отъ него самого. Она одна изъ тѣхъ, которыя не любятъ дважды. Онъ кажется добрый, честный молодой человекъ. Надо, чтобъ она вышла за него замужъ.

— Ее едва ли отдадутъ, онъ не богатъ.

— Это не бѣда: дядя Мишель богатъ и одинокъ; онъ можетъ обезпечить ее.

— Ахъ, это было бы прекрасно!

— Надо только съ тетушкой сладить, а пуще съ Sophie, которая не можетъ перевернуть мысли, что Лидія выйдетъ замужъ прежде ее, — она считаетъ это личной обидой.

— Вы сказали: Лидія не изъ тѣхъ, которыя любятъ дважды.. Развѣ многія любятъ дважды? развѣ сердце воскресаетъ вновь послѣ первой, истинной любви?

— А кто совѣтовалъ мнѣ выйти замужъ и полюбить другой разъ?

— Ахъ, и вправду! сказала я смѣясь.

— Можно любить и два раза въ жизни, заговорила Ольга, — все зависитъ оттого, насколько души и силъ унесетъ первая страсть. Оборвите весной почки съ дерева, оно пуститъ новыя; сдѣлайте это позже, въ немъ уже не будетъ силъ распуститься и зазеленѣть по прежнему... Нѣтъ, это все не то, прибавила она въ раздумьи. — Вторичная любовь въ жизни зависитъ отъ многихъ причинъ. Она можетъ быть великимъ благомъ, спасеніемъ, цѣлительнымъ бальзамомъ, но только когда и въ какихъ случаяхъ? Вдова выходитъ замужъ послѣ перваго мужа и не получаетъ за это нареканія, точно также и сердце можетъ овдовѣть; человекъ, котораго мы любимъ, забываетъ насъ, начинаетъ любить другую... Нарушена гармонія отношеній, помрачено, оскорблено чувство... Пустота въ душѣ, пустота кругомъ, а впереди длинный путь жизни и цѣлая молодость... Должна ли женщина гибнуть въ бесполезномъ одиночествѣ? Грѣхъ ли ей протянуть руку другому честному и доброму человеку, который полюбитъ ее и съумѣетъ залечить ея душевныя раны, внушить ей новое, животворное чувство и воскреситъ ее для надеждъ и счастья? Нѣтъ, въ такомъ случаѣ не укоръ ей вторая любовь, не законъ — любить только однажды!.. Вы сами же, милая Лиза, навели меня на эти мысли... Только трудно найти втораго: обманутая душа дѣлается взыскательна и подозрительна... Она все предугадываетъ — новизна счастья потеряна и не воротится... Тяжело все это, но большей частью мы сами виноваты.

— И вы, Ольга, также сами виноваты?

— Сама, сама, сама! отвѣчала она съ какимъ-то горестнымъ увлеченіемъ. Всѣ мы глупы до первой ошибки; послѣ дѣлаемся умнѣе, но какъ дорого платимъ мы за это!

— Что же дѣлать? Какъ избѣгнуть ошибокъ? гдѣ спасеніе? гдѣ вѣрное предохраненіе отъ нихъ?

— Здѣсь, сказала она, указывая на голову, — здѣсь, когда умъ руководитъ сердцемъ. Не тотъ сухой умъ, который душитъ чувство, а тотъ, который заботливо слѣдитъ за его разцвѣтомъ, и холитъ, и бережетъ его, и предохраняетъ отъ бурь... Мы мало думаемъ, милая Лиза, мы ни во что ясно вдуматься не хотимъ. Полюбимъ мы, — мы только и думаемъ о томъ, что вотъ мы любимъ, любимы... безъ смысла и толку глотаемъ очарованное питье; безъ смысла и толку отдаемся чувству, воображая, что

только его и достаточно для счастья... И какъ ошибаемся! Сколько нужно такта, осторожности, вниманія къ любимому человѣку; нужно изучать его характеръ, угадывать его душу, внимательно слѣдить за проявленіями его чувства, чтобъ освѣжать, очищать его, а не потакать его дурнымъ порывамъ. Нужно заставить уважать себя, не теряя силы и прелести своего вліянія надъ нимъ... Вотъ что нужно, прибавила она, тоскливо прикладывая руку къ своему разгорѣвшемуся лицу... — Однако я заболталась. Пора ѣхать. До свиданія! Кстати, я получила письмо отъ дяди Мишеля; онъ вамъ кланяется. Спрашиваетъ, вспоминаете ли вы о немъ? Если я напишу ему, что вы часто вспоминаете, — я не солгу?

— Нѣтъ, отвѣчала я, улыбаясь. — Что онъ еще пишетъ?

— Да много. Когда нибудь я покажу вамъ его письмо. До свиданія! повторила она и ушла.

Надо сказать правду, мнѣ здѣсь гораздо скучнѣе, чѣмъ въ деревнѣ. Постоянная суматоха, пріѣзды гостей, выѣзды Праксовьи Александровны съ дочерьми надоѣдаютъ мнѣ, хотя я и не участвую въ нихъ. Живешь точно на ярманкѣ. Всѣ эти люди заняты, хлопчуть — будто дѣло дѣлаютъ. Приходитъ утро — начинаются визиты. Разряженные барыни черезъ пять минутъ смѣняются одна другую. Пріѣзжаютъ затѣмъ, чтобы сказать нѣсколько пустыхъ словъ, похвалить или похулить вчерашній балъ; рѣшить хорошо или дурно была одѣта такая-то. Въ головѣ пустота, въ сердцѣ тщеславіе. Неужели это жизнь, неужели онъ только на это и родились? Нѣтъ, я не желала бы ни ихъ'нарядовъ, ни ихъ удовольствій. Впрочемъ всѣ эти лица смутно проходятъ предо мною: магическій кругъ, которымъ обвело меня знакомство съ Ольгой, въ которомъ слились всѣ лучшія мои привязанности, вѣрованія, убѣжденія, захватываетъ все мое вниманіе, такъ что все чуждое этому кругу, чуждо и мнѣ. Рѣдко пробуждаются во мнѣ интересы, въ родѣ твое, какое впечатлѣніе производитъ моя особа на тѣхъ, которые улоstonиваютъ бросить на меня любопытный взглядъ... А было время, когда душа у меня кипѣла и возмущалась; когда гордость охватывала меня глупыми грезами въ старомъ вокинутаемъ

домъ. О, какая я была глупая дѣвочка! Многое, очень многое переживило меня. Смерть моего отца была жестокииъ, но вмѣстѣ и спасительнымъ ударомъ, который показаль мнѣ всю ничтожность моихъ грезъ и страданій самолюбія. Съ этихъ поръ я стала думать только о томъ, чтобъ не уронить себя въ собственныхъ глазахъ моихъ. Чтеніе, встрѣча съ Ольгой, открыли мнѣ новый смыслъ въ жизни. Одною только не испытала я — любви, безъ которой говорить не полно существованіе человѣка. Ольга говорить, что в любовь придетъ непремѣнно; набѣжитъ какъ буря, какъ недугъ... Можетъ быть, но теперь сердце мое покойно, въ немъ нѣтъ бури; бываетъ подчасъ тихая грусть...

Что-то подѣлываетъ Михаилъ Александрычъ? Иногда, какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть его, поговорить съ нимъ. Ни въ комъ не нахожу я столько участія, столько доброты. Никто не улыбнется на мои слова такой доброй улыбкой. Ольга одна... но мнѣ все кажется, что у ней серьезная дума и забота въ головѣ. Я не имѣю права на ея исключительную привязанность. Она любитъ и меня, и Лидію, и всѣхъ, кто ей симпатиченъ, одинаковой любовью. Если нужны совѣтъ, помощь, участіе, она дастъ ихъ съ любовью и готовностью, но она дастъ ихъ всякому, кому они нужны. Во мнѣ она видитъ не меня, а человѣка, — личность моя исчезаетъ передъ ней. Тони я, она не умѣя плавать, бросилась бы спасать меня; но первая ея мысль была бы — человѣкъ товетъ, а не Лиза... Ольга — это мисіонеръ добросовѣстный, благородный, проникнутый весь своимъ призваніемъ дѣлать добро; Михаилъ Александрычъ другъ добрый, снисходительный. Когда онъ улыбается, я знаю, что онъ только мнѣ такъ улыбается: другой онъ улыбнется иначе. Въ его дружбѣ ко мнѣ есть что-то собственно для меня, а не для всѣхъ.

Вчера здѣсь былъ танцевальный вечеръ. Мнѣ сшили по этому случаю бѣлое кисейное платье съ закрытымъ лифомъ и длинными рукавами — знакъ, что я танцовать не буду. Наконецъ я

видѣла, что значить балъ, или что, какъ мнѣ сказали, почти одно и тоже — танцевальный вечеръ.

Софья и Лидія стали одѣваться съ восьми часовъ вечера. Призванъ былъ лучшей здѣшній парикмахеръ; въ диванной на стульяхъ лежали пышныя платья. Платье Софьи было особенно нарядно: розовое, отдѣланное кружевами, схваченное по бокамъ букетами цвѣтовъ. Прокуроръ прислалъ ей букетъ свѣжихъ цвѣтовъ, и цвѣты эти поставленные, въ ожиданіи бала, въ стаканъ съ водой, доставляли мнѣ истинное наслажденіе своимъ нѣжнымъ запахомъ. Тутъ были гіацинты и камелии, да еще какіе-то мелкіе лиловые цвѣточки, названія которыхъ я не знаю и душистая зелень мирты и розмарина.

— Вы такъ усердно нюхаете мои цвѣты, сказала мнѣ Софья, что я боюсь, они завянутъ отъ вашего дыханія... Я пошутила, прибавила она, видя, что я отсторонилась отъ букета.

У Лидіи не было букета. Дорельскій не смѣлъ привести ей. Она была чрезвычайно мила въ своемъ голубомъ газовомъ платьѣ безъ всякихъ украшеній. Я съ любопытствомъ наблюдала за ихъ туалетомъ. Онѣ обѣ одѣвались въ диванной передъ двумя большими зеркалами.

Я помогала Лидіи, которая была въ счастливомъ ожиданіи видѣть того, для кого ей вѣроятно хотѣлось быть красавицей въ этотъ вечеръ. Надо отдать имъ справедливость — обѣ сестры мало капризничали съ своими горничными. Софья на неловкость своей только хмурила брови и мрачно на нее взглядывала, а Лидія говорила съ милой шутливостью:

— Ахъ, какая ты! этотъ бантикъ криво приколоть. Посмотри сама, кажется криво? или, можетъ, это мнѣ зеркало показываетъ.

Горничная, не одаренная вѣрнымъ взглядомъ, увѣряла, что прямо; Лидія выслала ее будто принести что-то, а сама тихонько попросила меня переколоть бантикъ.

Къ концу ихъ туалета пришла Олимпіада Сергѣевна. Кислымъ взглядомъ осмотрѣла молодыхъ дѣвушекъ; кисло похвалила ихъ нарядъ и вся предалась созерцанію своей особы въ зеркалѣ, пользуясь отсутствіемъ Лидіи и Софьи, ушедшихъ показаться матери.

— Что же вы не одѣваетесь? сказала она мнѣ, пора. Хоть вамъ не танцовать и не встрѣчать гостей, а все пора. Посмотри-

те, гладко ли у меня лифъ сидитъ сзади? Кажется, эта косточка кривить.

И на мой утвердительный отвѣтъ, снова начала любоваться собой. И было чѣмъ: высокая фигура ея великолѣпно и пышно красовалась въ темномалиновомъ баржевомъ платьѣ, усѣянномъ безчисленнымъ множествомъ бантовъ того же цвѣта. На головѣ трепетала тяжолоя вѣтка изъ стекляруса, на груди сверкала огромная брошка, на рукахъ около десятка браслетовъ.

— Я привнесу сюда ваше платье, сказала мнѣ горничная Лиди. Только какже вамъ голову убрать? мнѣ не причесать васъ такъ, какъ парикмахеръ.

— И не нужно, моя милая, я причешусь сама, какъ причешаюсь всякій день.

Только что я распустила свои волосы, какъ легкій шумъ въ дверяхъ комнаты заставилъ меня обернуться — вошла Ольга. Она была въ сѣромъ легкомъ платьѣ, сдѣланномъ просто, но со вкусомъ; густая вѣтка зелени дрожала въ ея волосахъ — и больше ничего. Я въ первый разъ видѣла ее съ обнаженными плечами и залюбовалась нѣжными, тонкими, художественно-прекрасными линиями ея шеи, груди и плечъ.

— Право, я влюблюсь въ васъ, Ольга, сказала я, цѣлуя ее.

— Вотъ еще, что выдумала! отвѣчада она съ улыбкой. Сядь лучше, я причешу тебя.

Она въ первый разъ сказала мнѣ ты.

— Я хочу, чтобы ты была хороша сего дня, продолжала Ольга. Я хочу посмотреть, какъ будетъ идти къ тебѣ другая прическа. Твоя обыкновенная скрываетъ красоту твоихъ чудесныхъ волосъ... Балъ, блескъ, музыка, — все это имѣетъ свою прелесть. Не надо пренебрегать минутами удовольствія, если онѣ выпадаютъ на дорогѣ. Ты ужъ зафилософствовалась съ нами; пожалуй прогуляешь молодость, не увидишь ее, не сорвешь ни одного цвѣтка весенней порой твоей жизни.

И говоря это, она распорядилась моей косой. Подъ ея искусными руками, она ложилась на мою голову пышными, блестящими прядями; граціозно обрамляли эти пряди мое лицо, придали больше блеску глазамъ, больше мягкости чертамъ лица и спустились густой волной на шею.

— Ну, теперь надѣвай платье. Нравиться ли ты себѣ въ этой прическѣ? скажи откровенно, я въ минуту передѣлаю.

— Правлюсь, а вамъ?

— Да, ты лучше эдакъ, замѣтишь.

Когда я была совсѣмъ одѣта, вошла Лидія. Она была въ досторгѣ отъ моей прически и нѣжно поцѣловала меня.

— Какъ жаль, что дяди Мишеля здѣсь нѣтъ! сказала она, шалѣвая перчатку.

— А что? спросила Ольга.

— Было бы веселѣе...

— Да развѣ можетъ быть что-нибудь веселѣе, когда Дорельскій здѣсь?

— Ахъ, Ольга! сказала вся смутясь Лидія, развѣ ты... развѣ...

— Знаю, что ты влюблена въ него... Вотъ, этотъ локонь у тебя не на мѣстѣ, дай я поправлю. Сегодня можетъ быть ты влюбишься въ кого нибудь другого, прибавила Ольга вполголоса.

— Никогда! воскликнула Лидія рѣшительно и быстро поднявъ свою головку.

— Ты рѣшилась выйти за него?

— За него или ни за кого! Я обѣщалась передъ Богомъ.

— А если тебя не отдадутъ?

Лидія поблѣднѣла и съ отчаяніемъ посмотрѣла на Ольгу.

— Ты это знаешь навѣрное, Ольга?

— Это всего вѣроятнѣе.

— Я пойду въ монастырь, или... или умру... Ахъ Ольга, я въ ужасномъ положеніи... Нѣтъ выхода! одна надежда на Бога.

— Ты такъ и рѣшилась надѣяться на Бога, не дѣйствуя, не дѣлая ни одного шагу къ своему спасенію?

— Чтожъ мнѣ дѣлать! Научи меня! Мы съ Лизой ничего не можемъ придумать.

— Какъ! ты, Лиза, на ея мѣстѣ поступила бы также?

— А ты? спросила я.

— Я бы знала что дѣлать.

— И я бы знала что дѣлать, если бы отвѣчала только за себя.

— Вотъ, какія же вы обѣ, сказала Лидія съ упрекомъ, не хотите посоветовать.

Ольга обняла ее съ нѣжностью.

— Надѣйся на Бога, мой ангелъ. Мы послѣ поговоримъ съ тобой объ этомъ. Завтра вечеромъ пріѣзжайте ко мнѣ. Всѣ устанутъ послѣ бала и васъ отпустятъ, я попрошу.

Вскорѣ стали сѣзжаться гости, и съ каждой минутой освѣщенная зала становилась люднѣе и шумнѣе. Первая пріѣхала предсѣдательша какой-то палаты, бѣленькая, курносая женщина, увѣшенная блондами, украшенная величественной наколкой, съ двумя дочерьми, молоденькими дѣвушками, дурными собой, но очень бойкими и вертлявыми; вслѣдъ за ней пріѣхало еще нѣсколько семействъ и зала и гостинная наполнились газомъ, лентами и цвѣтами. Всѣ смѣшались въ одну сплошную, пеструю, душистую толпу. Разговоры, спросы о здоровьи, одобренія нарядамъ слились въ неясный говоръ. Хорошенькія головки мелькали тамъ и сямъ, не производя болѣе эфекта. Маменьки разсуживались по диванамъ и кресламъ въ ожиданіи музыки, слѣдя за дочками всевидящимъ родительскимъ окомъ. Дѣвицы осматривали другъ друга исподтишка, съ затаеннымъ чувствомъ зависти или насмѣшки. Мушцины отдѣлились густой черной толпой въ одной сторонѣ залы и какъ-то тупо поглядывали на проходящихъ газовыхъ сифидъ, исключая только нѣкоторыхъ отчаянныхъ любезниковъ, вертѣвшихся между дѣвицами. Любезники эти были или хорошіе танцоры, чувствовавшіе свое достоинство, или выгодные женихи, сознававшіе свои привилегіи и гордые своимъ положеніемъ въ свѣтѣ.

Олимпиада Сергѣевна величественно подымала свою голову, стягченную стеклярусомъ, какъ-то недовольно моргала глазами и будто что-то разнюхивала своимъ римскимъ носомъ. Праксovia Александровна была вся проникнута достоинствомъ хозяйки, дающей балъ и знающей всѣ свѣтскія приличія. Софья была горда и любезна; на балѣ она была красива и смотрѣла аристократкой. Милое личико Лидія мелькало тамъ и сямъ съ своими блѣдурными локонами и все зардѣлось и освѣтилось счастьемъ, когда встрѣтилось съ Дорельскимъ. Пріѣхали и Казановы. Одѣты онѣ были очень хорошо, но въ шортахъ на балѣ слишкомъ изученая грація — точно онѣ были на сценѣ и разыгрывали роль. Ольга какъ-то умѣла не смѣшиваться съ той; ея благородная фигура, гдѣ бы ни находилась она, такъ и выдавалась, точно она была тутъ новое лицо, не похожее на

другихъ, невольно останавливающее на себѣ вниманіе своей изящной простотой; она и на балѣ была точно въ своей комнатѣ.

Когда пріѣхали Казановы, мнѣ вдругъ стало грустно: чѣмъ-то знакомымъ повѣяло на меня, точно что прошлое, потерянное, вспомнилось мнѣ... Чувство грустнаго одиночества пронеслось по душѣ моей. Мнѣ еще болѣе стало жаль деревенской жизни. Въ ухахъ моихъ, казалось, раздавался знакомый голосъ, полный участія и я дорого бы дала въ эту минуту, чтобъ услышать его въ дѣйствительности, чтобъ увидѣть это задумчивое, умное лицо, этотъ дружески-наблюдательный взглядъ и снисходительную улыбку... Мнѣ вдругъ показалось, что я глупа была въ то время, когда Михаилъ Александрычъ былъ съ нами, что я не умѣла пользоваться минутами его присутствія, что теперь я не переживала бы ихъ такъ равнодушно, какъ тогда... И потянулись передо мной одинъ за другимъ деревенскіе дни и вечера... И когда подумала я, что еслибъ онъ теперь, сейчасъ явился сюда и подошелъ ко мнѣ — сердце мое забилося радостнымъ испугомъ и всѣмъ существомъ моимъ въ первый разъ овладѣло непонятное волненіе. Что это значить? Откуда нашло на меня все это? Неужели оттого, что пріѣхали Казановы?..

А между тѣмъ балъ кипѣлъ и волновался; пестрыя пары кружились подъ звуки музыки. Я встала и пошла въ уборную за двумя молодыми дамами, уставшими отъ танцевъ. Я шла за ними тихо и шаги мои были имъ не слышны за шумомъ ихъ богатыхъ, шолковыхъ платьевъ.

— Кто эта хорошенькая дѣвушка сидѣла у дверей гостиной, не входя въ залъ? спросила одна изъ нихъ.

— Она живетъ у Крипельскихъ, воспитанница какая-нибудь, отвѣчала другая.

— Une physionomie très distinguée.

— Oui, elle n'est pas mal, сказала другая небрежно. Замѣтила ты, какъ губернаторъ сегодня не въ духѣ?

— Вѣрно оттого, что здѣсь нѣтъ Чаповой.

— Ну, вотъ! Говорятъ, она ему надоѣла. Вѣдь онъ grand coiffeur. Сегодня цѣлый вечеръ приступалъ ко мнѣ съ своими любезностями и ужасно бѣсился, когда Жарскій ухаживалъ за мной.

— Право? Ну, берегись, Marie, Чаплова ревнива.

— Вотъ! испугаюсь я Чапловой!

— Она держитъ его въ рукахъ.

— Почему Лорова нѣтъ здѣсь? спросила та, которую другая назвала Marie, усаживаясь въ уборной.

— Онъ сейчасъ пріѣхалъ. Какъ ты его не замѣтила?

— Неужели! Это все Жарскій виноватъ — болтаетъ безъ умолку и смѣшить ужасно. Такъ Лоровъ здѣсь, прибавила она помолчавъ, — будетъ ли онъ танцовать съ Надиной? Къ ней ли первой подойдетъ?

— Нѣтъ, онъ и прошлый разъ на балѣ у Линевиць, не пригласилъ ее на мазурку, а танцевалъ съ Катенькой Ладовой. Пора Надины прошла, торжество ея кончилось... Оттого она такъ и печальна, хоть и старается скрывать. Какой только онъ вѣтренникъ! Миѣ кажется, онъ не женится въ нашемъ городѣ, а только такъ кружить головы. *Ce n'est qu'un fat, — mais bon garçon au reste.*

— О комъ вы это говорите? спросила входя еще дама, уже не первой молодости, одѣтая солидно въ темное, шелковое платье съ закрытымъ воротомъ, въ уборѣ изъ пунцоваго бархата съ золотомъ.

— О Лоровѣ.

— А! Онъ вчера былъ у меня въ первый разъ съ визитомъ. Очень свѣтскій и пріятный молодой человекъ; видно, что былъ въ лучшемъ обществѣ. Говорятъ, онъ женится на Наденькѣ.

— Не можетъ быть, онъ сперва за ней ухаживалъ, а теперь вдругъ сталъ удалиться.

— Онъ говорятъ ужасно соритъ деньгами.

— Да... Теперь все вниманіе его устремлено на Катю Ладову. Madame Ладова имѣетъ на него большое вліяніе и отвлекла его отъ Надины.

— А Наденька неравнодушна къ нему?

— Кажется, когда онъ подходитъ къ ней, она краснѣетъ.

— Миѣ жаль Наденьки, сказала дама въ пунцовомъ уборѣ, бѣда дѣвушкѣ безъ матери. Долго ли увлечься. Онъ, какъ я слышала, бывалъ у нихъ каждый день; они вдвоемъ просиживали цѣлые часы, въ сумерки; отецъ отдыхаетъ, madame Тиксъ дремлетъ въ другой комнатѣ... Я бы своей дочери такъ не поз-

волила. Она у меня настоящее дитя; теперь въ семнадцать лѣтъ ее занимають совершенные пустяки. Право, она готова играть въ куклы.

— *C'est charmant!* воскликнули дамы въ одинъ голосъ.

Я обернулась; въ дверяхъ стояла Ольга съ такимъ строгимъ серьезнымъ лицомъ.

Пришла еще молодая миловидная женщина. Она вошла, осматривая свое бѣлое легкое платье, изорванное неловкимъ квалеромъ.

— Посмотрите, *mesdames*, сказала она, а еще вашъ модный левъ Лоровъ танцевалъ со мной, — оторвалъ волашь.

— Лоровъ? сказала Ольга, — это тотъ, что глядитъ такъ глупо и самонадѣянно?

— Ольга! воскликнула молодая женщина, ты не щадилъ своихъ приговорами.

— *Mesdames!* обратилась Ольга ко всѣмъ; уборная между тѣмъ наполнилась, — неужели онъ смотритъ не глупо и не самонадѣянно? неужели мнѣ такъ показалось?

— Ахъ, нѣтъ, онъ добрый и любезный молодой человекъ! отозвалась пухлая волнующаяся дама съ сладкой улыбкой масляными глазками.

— Добрый? Въ чемъ же состоитъ его доброта?

— Онъ человекъкъ высшаго круга, единственный сынъ богатаго отца...

— Это не составляетъ еще личнаго достоинства человека.

— Смотрите, сказала тихо Ольгѣ пухлая дама, волнуясь всѣмъ корпусомъ, ему передадутъ, у него злой языкъ.

— Пускай! отвѣчала та гордо и смѣло, — я не боюсь.

Уборная мало по малу опустѣла. Осталась только Ольга, и дама съ приятнымъ, веселымъ лицомъ; горничная зашивала платье.

— Ахъ, Ольга! сказала эта дама, тебя всѣ возненавидятъ, что ты дѣлаешь? Развѣ ты ихъ исправишь? Если бы я не любила тебя, мнѣ было бы только досадно; ты теперь сдѣлала то, что я съ неприятнымъ чувствомъ подамъ руку Лорову.

— Вотъ, ужъ и польза, милая *Annette*; ты не будешь спокойна, и снисходительно улыбаться пустому человеку, потому только, что онъ сынъ богатаго отца.

— Не у всякаго достанеть характера иди на перекоръ цѣ-
 обществу; не всякій можетъ равнодушно презирать его
 ние.

— Да, сказала Ольга тихо и съ раздумьемъ, — тяжело под-
 видѣть себя одной, безъ опоры и сочувствія...

— Тебя будутъ осуждать, бранить, можетъ даже чернить.

— Пусть ихъ! отвѣчала Ольга, садясь возлѣ меня и только
 замѣтивъ мое присутствіе. Ты здѣсь, мой другъ! сказала
 мнѣ, — въ какой уголокъ забралась ты! Пойдемъ въ залъ.

И она увела меня въ залъ, гдѣ множество паръ носилось въ
 стромъ танцѣ.

— Съ кѣмъ танцуетъ Sophie? спросила я Лидію, когда нача-
 кадрили.

— Съ Лоровымъ.

Я съ любопытствомъ разсматривала человѣка, подавшаго по-
 къ горячей выходкѣ Ольги. Съ виду онъ вовсе не похо-
 на истощеннаго аристократа-богача: онъ былъ румянь,
 глослицъ, не худъ; самодовольное лицо его выражало пусто-
 души и тщеславіе. Манеры его были изысканно небрежны;
 ихъ выражалась не смѣлость характера, а смѣлость положе-
 и избалованность богатаго человѣка, убѣжденіе, что ему
 нтъ только выбрать и всякая дѣвушка почтетъ за счастье
 его женой.

Визави съ Лоровымъ танцевала Наденька Катова, — какъ
 зала мнѣ Лидія, танцовавшая близъ меня; — бѣдная дѣвуш-
 въ самомъ дѣлѣ краснѣла и блѣднѣла, когда ей приходилось
 давать ему руку. Во второй парѣ танцевала Катенька Ладова,
 а была хороша собой, но выраженіе лица ея не измѣнилось
 разговорѣ. Причесанная à la marquise, она походила на фа-
 льшивы портретъ, который куда ни поставь, какъ ни поверни,
 да останется въ той же позѣ, съ той же миной.

— Божественная! воскликнулъ вполголоса, стоящій недале-
 отъ меня за толпой смотрѣвшихъ на танцы студентъ, слѣдя
 вострымъ взоромъ за Ладовой.

— Не дурна, отвѣчалъ ему товарищъ, — а Катова лучше.

И въ самомъ дѣлѣ Катова была лучше: ея правильное, съ
 чистымъ носикомъ личико, было одушевлено чувствомъ.

Но мнѣ полошолъ какой-то блѣдный господинъ съ свирѣ-
 лицомъ. Право, было что-то мрачное въ его черныхъ, уз-

кихъ глазахъ съ нависшими широкими бровями, въ его блѣдности и тонкихъ губахъ, неспособныхъ кажется ни къ ласковому слову, ни къ доброй улыбкѣ.

Онъ пригласилъ меня на слѣдующую кадрили и на слова мои, что я не танцую, спросилъ отрывисто:

— Почему же?

Я, какъ можно короче, объяснила ему причину моего отказа, но онъ сѣлъ рядомъ со мной и продолжалъ спрашивать меня. Онъ хотѣлъ знать — и гдѣ я родилась, и давно ли потеряла родителей, и почему живу у Крипельскихъ. Мнѣ было почти досадно удовлетворять его вопросамъ, не зная пустое ли любопытство или участіе заставляло его ихъ дѣлать.

— И такъ, сказалъ онъ наконецъ послѣ нѣкотораго молчанія, — вы не танцуете, потому что еще не вышло положеннаго числа дней вашему трауру... Да развѣ сожалѣніе о потерѣ невозвратимой и дорогой можно ограничить извѣстнымъ срокомъ? Если горе утихло, рана зажила, тогда и трауръ кончился. Знаю, знаю, что вы мнѣ отвѣтите: люди, свѣтъ, приличія... Я не виню васъ, — я хотѣлъ бы только знать, на сколько вы въ душѣ презираете идола, которому поклоняетесь наружно?

— На столько, на сколько есть у меня здраваго смысла, отвѣчала я.

— А балъ нравится вамъ?

— Да, балъ хорошъ; мнѣ весело смотрѣть на новыя для меня лица и красивую обстановку.

— Трауръ этому не мѣшаетъ? сказалъ онъ насмѣшливо. А если бы вы остались въ своей комнатѣ и вмѣсто того, чтобъ любоваться этой мишурой, подумали хорошенько о назначенія женщины? не было ли бы это въ тысячу разъ лучше, полезнѣе?

— И душеспасительнѣе... прибавила я съ невольной насмѣшливостью. Согласна съ вами, но вотъ видите ли, мнѣ семнадцать лѣтъ и я имѣю право на небольшую долю удовольствія.

— И это удовольствіе! Смотрите на эту барыню въ кружевахъ и бархатѣ — на дняхъ будутъ продавать съ аукціона имѣніе ея мужа, а она пляшетъ и смѣется. А вотъ эта, сказала онъ, указывая на другую, — продала свое доброе имя за счастье блистать брильянтами, которыми она украшена. На выѣзды этихъ двухъ дѣвицъ въ розовыхъ платьяхъ, идетъ три четверти годово-

го дохода в дома онѣ ѣдятъ пустые щи и кашу, морятъ своихъ дворовыхъ людей чуть не на овсяномъ хлѣбѣ и разоряютъ крестьянъ тяжелыми оброками... Казановы дотанцовались чуть не до чахотки, въ надеждѣ выйти за мужъ за богатаго... Балъ! сѣсть! это омутъ, гдѣ тоиеть все лучшее женской природы, гдѣ душа пустѣетъ и искажается образъ человѣка.

— Но нельзя же избавиться отъ столкновенія съ обществомъ, жить всѣмъ уединенно.

— Развѣ этотъ балъ не могъ бы походить на простой семейный вечеръ? развѣ не могли бы всѣ веселиться въ холстинковыхъ платьяхъ, по крайней мѣрѣ, у кого нѣтъ средства одѣваться роскошно?

— Сколько для этого нужно силы воли, нравственного развитія. Вы забываете, какъ тяжело женскому самолюбію быть хуже всѣхъ и, кто знаетъ, можетъ быть вы первый прошли бы съ презрѣніемъ мимо бѣдной дѣвушки, рѣшившейся показаться въ сѣтѣ дурно одѣтой. Нѣтъ, ужь пусть она остается дома и ищетъ въ тишинѣ и уединеніи семейнаго кружка другихъ удовольствій.

— Но вы? — вы бѣдная дѣвушка, — неужели вы здѣсь потому только, что ваши *благодѣтели* прилично васъ одѣли?

Это было сказано рѣзко. Чувство мгновенной обиды захватило мнѣ душу; я потерялась и нѣсколько минутъ не имѣла силъ говорить.

— Вы разсердились? началъ онъ снова. — Простите, я не принадлежу къ числу медовыхъ франтовъ и выражаюсь иногда рѣзко. Но мнѣ жаль васъ. Ваша физиономія, ваше положеніе, ваша молодость трогаютъ меня. Вѣрьте, я желаю вамъ добра и за такое желаніе можно извинить жесткое слово.

— Я васъ не знаю, и ваше участіе не возбуждаетъ во мнѣ ни довѣрія, ни благодарности.

— А если, сказалъ онъ, придвигаясь ко мнѣ, оно выразится со временемъ, въ болѣе ясныхъ и положительныхъ доказательствахъ? Тогда вы повѣрите?

Я молчала и взглядомъ искала случая избавиться отъ моего страннаго собесѣдника. Но, увы! кадрили продолжалась, уйти было неловко, потомучто надо было пробираться между танцующихъ, подойти не къ кому. Я принуждена была остаться на мѣстѣ.

— Мнѣ жаль васъ, продолжалъ онъ упрямо, — вы гибнете, сами того не замѣчая.

Я посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Да, гибнете! Бѣдная дѣвушка, безъ родныхъ, безъ опоры, въ этомъ домѣ вы, мало по малу, всасываете въ себя ядъ роскоши; этотъ ядъ обратится со временемъ въ неодолимую потребность и постепенно вы будете жертвовать за каждую каплю его уступками самолюбія, сокровищами души, достоинствомъ женщины и человѣка... Вы будете дрожащими руками держаться за этотъ хламъ, изъ страха лишиться его. Средняя, скромная доля сдѣлается вамъ противна; вы останетесь для вѣчной приживалкой Кригельскихъ, или умрете отъ тоски въ борьбѣ съ укоренившейся привычкой... Вѣдь надо быть Ольгой Васильевной, чтобъ сохранить свою душу чистой посреди искушеній...

— Вы думаете, что Ольга только одна на свѣтѣ? сказала я дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Его слова кололи и жгли меня, потомучто я чувствовала въ нихъ горькую правду.

— А вы такая же? Вы убѣждены въ своихъ силахъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ!.. прошептала я. Но я не останусь здѣсь, я пойду въ гувернантки.

— Чтожъ вы медлите? Хотите, я черезъ недѣлю найду вамъ мѣсто гувернантки?

— Такъ скоро я не могу, я должна еще приготовиться.

— Вы можете готовиться вступая уже въ домъ, некуда на вашихъ рукахъ будутъ еще маленькія дѣти, для которыхъ не требуется большой учености.

— Занятіе съ дѣтьми отниметъ у меня много времени.

— Я сдѣлаю такъ, что вамъ дадутъ въ день четыре или пять свободныхъ часовъ.

— Раньше дѣта я не могу.

— Это почему же?

— Я имѣю свои причины.

— Причины? свои причины? повторялъ онъ голосомъ судьи, пытающаго подсудимаго, я узнаю ихъ.

Его взглядъ впился въ лицо мое и казалось хотѣлъ проникнуть сокровеннѣйшія мои мысли.

Мнѣ вдругъ стало дехорошо, неловко и обидно, что чужой, незнакомый человѣкъ, насильно, самовольно врывается въ мою душу, заставляетъ меня смущаться и понуждаетъ къ рѣзкому отпору его непрошеннаго, грубаго участія.

— Вы хитрите, сказалъ онъ, у васъ есть какіе-нибудь тайные планы.

— Вы не такъ провищательны, какъ думаете, у меня вѣтъ на головѣ тайныхъ плановъ, кромѣ того, чтобъ честно, своими трудами доставать себѣ хлѣбъ.

— А медленность къ достиженію этого? а тайныя приемы?

— Я не обязана открывать ихъ незнакомому человѣку.

— Я и не настаиваю.

Кадриль къ счастью кончилась. Ольга подошла ко мнѣ.

— Полно вамъ пугать молоденькихъ дѣвушекъ, сказала она, обращаясь къ моему сосѣду. У васъ было такое суровое лицо во время разговора съ ней, что мнѣ становилось жаль ее. Посмотрите, она взволнована. Ты не бойся его, Лиза; онъ хорошій человѣкъ и вовсе не такъ суровъ, какъ кажется. У него страсть глядѣть медвѣдемъ. Безъ этого онъ былъ бы гораздо лучше.

— Что говорилъ тебѣ Золотовскій? спросила меня Ольга, когда мы были въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ.

— Какой онъ странный человѣкъ, Ольга! какъ онъ рѣзко и неприятно говорить.

— Онъ ожесточенъ, ему все неудачи въ жизни; да и отъ природы онъ раздражителенъ и жолченъ. Но онъ не золъ и такъ честенъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать, что онъ покривилъ душой, занимая довольно скользкія должности. Онъ трудно уживается на службѣ: его ненавидятъ за честность и неподкупность. Все это хорошія черты, душа моя, а если я знаю хоть одну истинно хорошую черту въ человѣкѣ, то онъ уже имѣетъ право на мое уваженіе и свисхожденіе къ другимъ недостаткамъ его характера.

— Женатъ ли онъ?

— Нѣтъ.

— И хорошо. Мнѣ кажется, со всей своей честностью, онъ былъ бы деспотъ и мучитель своей семьи.

— Какъ знать, много зависело бы отъ характера его жены.

— Ольга! ты кажется всю отвѣтственность, все счастье и несчастье супружества взваливаешь на женщину, не допуская исключеній, гдѣ не спасетъ ее никакая добродѣтель, никакой характеръ. Это фальшивая сторона твоихъ мнѣвій. Ты неумолима къ своимъ сестрамъ, по твоему нѣтъ такихъ дурныхъ мужчинъ, изъ которыхъ бы такая женщина, какъ ты впрямь, не сдѣлала хорошихъ... Развѣ нѣтъ безвыходныхъ, тяжолыхъ положеній, въ которыхъ женщина не виновата? Развѣ нѣтъ мужей тирановъ, деспотовъ, грубыхъ, безчувственныхъ эгоистовъ?

— Я не спорю, моя милая, они существуютъ для шестнадцатилѣтнихъ неопытныхъ дѣвушекъ, выходящихъ за мужъ чуть не съ куклами въ приданомъ; для довѣрчивыхъ институтокъ, да для тѣхъ, кого выдаютъ противъ воли и для тѣхъ, которыя не хотятъ дать себѣ труда попристальнѣе разсмотрѣть характеръ будущаго своего мужа, выждать, испытать, убѣдиться, а торопятся, боятся упустить случай пристроиться. О, будь наши матери умнѣе и осторожнѣе, вникай онѣ глубже въ свою собственную жизнь, повѣрай свои ошибки и страданія, не малодушничай онѣ, не жертвуй своими дочерьми богатству, выгодному положенію и страху видѣть дочерей своихъ засидѣвшимися невѣстами, не то было бы въ нашей семейной жизни! Не было бы на каждомъ шагу грустныхъ положеній, неисправимыхъ несчастій.

— Еслибъ даже все было такъ, какъ ты говоришь, Ольга, и тутъ, мнѣ кажется, не обошлось бы безъ горя. Развѣ мы не видимъ, что жеваясь по любви, при всѣхъ условіяхъ счастья, прокрадывается какой-то демонъ раздора въ супружескую жизнь: часто женщина со всей готовностью посвятить себя счастью любимаго, бываетъ оскорблена имъ въ самыхъ лучшихъ, святыхъ своихъ чувствахъ, а этого довольно, чтобъ улетѣла любовь и остался одинъ холодный долгъ. Она чувствуетъ себя молодой, достойной любви; сердце не отжило, любить мужа она не можетъ, другого не смѣетъ... Характеры обоихъ ожесточаются при мысли, что одинъ другому помѣха въ жизни; всѣ пути къ свободѣ заперты; сила супружескаго права становится ложной, ненавистной! Онь господитъ по эгоизму и самолюбію, она раба по непреложному закону... Оба могли бы начать новую жизнь, новое счастье и разстаться друзьями, но свѣтъ стоитъ

на стражѣ и не позволяетъ выйти изъ пропасти... Попались, такъ гибните, говорить онъ... А спасеніе между тѣмъ возможно...

— Браво! сказала Ольга, вотъ до чего ты додумалась, да еще и на балѣ... Да, въ твоихъ словахъ есть правда, ты коснулась больного мѣста опасной раны. Лекарство есть, но оно, какъ живая вода въ сказкахъ, стережется чудовищемъ и змѣемъ Горынычемъ; Иванъ царевичъ еще въ пеленкахъ и не по часамъ растетъ онъ къ сожалѣнію... Будемъ надѣяться, что онъ окрѣпнетъ, вырастетъ и достанетъ живую воду, а пока станемъ обходить пропасть и помнить, что изъ нее не вытащить насъ ни люди, ни собственные силы...

Вошла Олимпиада Сергѣевна и подозрительно обвела насъ взглядомъ.

— Вы не танцуете? спросила ее Ольга.

— Я что-то устала, отвѣчала она. Вы тоже отдыхаете? Вамъ, я думаю, не весело, обратилась она ко мнѣ, — какъ вы можете оставаться на балѣ, не танцуя? Вамъ вѣрно спать хочется?

— Нѣтъ, не хочется, я не устала.

— Славный вечеръ! сказала она Ольгѣ.

— Все какъ слѣдуетъ, отвѣчала та. Ваше платье великолепно; къ вамъ страшно подходить въ такомъ скромномъ цвѣтѣ, какъ мое платье.

— Для бала нуженъ эффектъ.

— И вы производите его съ вашимъ ростомъ, въ этомъ нарядѣ. Вы очень замѣтны. Эго не то, что мы грѣшныя.

— Насмѣхайтесь!

— И не думаю.

— Я знаю, что вы говорите не отъ души.

— Вольно же вамъ такъ думать.

— Поневоля думается... Который часъ? Еще только двѣнадцать. Знаете ли кто сейчасъ пріѣхалъ? Матухинъ.

Я взглянула на Ольгу. Едва замѣтный румянецъ покрылъ ея щеки и на губахъ мелькнула улыбка.

— Онъ спрашивалъ здѣсь ли вы, продолжала Олимпиада Сергѣевна. Мнѣ кажется, вы сдѣлали побѣду.

— Побѣда тамъ, гдѣ борьба и трудъ, отвѣчала Ольга. Если мужчина найдетъ удовольствіе поговорить со мной, по вашему ужъ это побѣда. Мнѣ кажется, Sophie гораздо ближе къ побѣдѣ, Она дѣйствуетъ какъ опытный полководецъ.

— Она? и не думаетъ...

— Да вотъ и она, — видите, онъ слѣдуетъ за нею...

— Чтобы дойти до васъ, отвѣчала Олимпиада Сергѣевна съ язвительной улыбкой.

Латухинъ подошелъ къ намъ. Поклонъ его Ольгѣ былъ какъ-то торопливъ и тревоженъ; за то мнѣ, онъ будто болѣе всѣхъ обрадовался.

— Mademoiselle Lise! сказалъ онъ садясь возлѣ меня, какъ вы похорошѣли! Кажется даже выросли.

— Развѣ нравственно, отвѣчала я улыбаясь.

— Ахъ, это еще лучше. Вы въ первый разъ на балѣ? Ну, какъ это на васъ дѣйствуетъ? Есть ли здѣсь кто-нибудь, о комъ вы подумали, одѣваясь?

— Увы! нѣтъ никого.

— Плохо. Какъ вы изящно причесаны, какіе у васъ чудесные волосы!

— Это Ольга причесала меня.

— Ольга Васильевна! я привезъ вамъ цвѣтовъ, но къ балу не успѣлъ ихъ доставить, меня задержало одно дѣло. Я заѣхалъ къ вамъ и просилъ вашу няню поставить ихъ въ воду. Они немного повяли, но не замерзли. Я хранилъ ихъ отъ холода.

Въ комнатѣ, кромѣ меня и Ольги, никого не было, когда онъ говорилъ это. Ольга, молча и задумчиво, протянула ему руку въ знакъ благодарности.

— Ну, какъ вы провели это время? спросила она его послѣ минутнаго молчанія, живо и дружески, будто пробуждаясь отъ сна. Не скучали?

— Не скучалъ, а хандрилъ подъ часъ.

— Что это нашло на васъ?

— Да, нашло что-то. Я не знаю еще что это такое, а нашло.

— Не развѣдывайте, скорѣе пройдетъ, сказала она.

Мы снова вошли въ залъ. Началась мазурка. Софья опять танцевала съ Лоровымъ. Она говорила съ нимъ о чемъ-то, о чемъ

оживленно; въ-подъ низкихъ правильныхъ бровей ея, блисталъ взглядъ гордый, самоувѣренный; небрежная улыбка появлялась на губахъ. Надо отдать ей справедливость, она одна изъ всѣхъ дѣвицъ, не теряла передъ нимъ своего достоинства, не казалась дѣтски довольной его вниманіемъ. На балѣ только во всемъ блескѣ выказывались ея свѣтскія достоинства, тонкій тактъ въ обращеніи и умѣнье держать себя. Случилось однажды, что она пропустила фигуру, заговорясь съ своимъ кавалеромъ.

За ужинкомъ мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ Золотовскимъ, который услуживалъ мнѣ и разговаривалъ со мной все тѣмъ же полураздражительнымъ, отрывистымъ тономъ.

Я замѣтила, что сидѣвшіе противъ насъ за столомъ мужчины и дамы смотрѣли на насъ съ любопытствомъ, какъ-будто тутъ только замѣтили мое присутствіе. Золотовскаго всѣ знали: онъ занималъ довольно видное мѣсто, считался умнымъ человекомъ и злымъ языкомъ и его вниманіе выводило меня изъ мрака незвѣстности, которымъ я до сихъ поръ была покрыта. Ольга могла говорить и быть ласковой съ бѣдной дѣвушкой, но Золотовскій — другое дѣло.

Поздно пришла я вчера въ свою комнату, хотѣла писать, но отложила; въ головѣ моей была какая-то путаница.

Сегодня насъ съ Лидіей отпускаютъ къ Ольгѣ на цѣлый вечеръ. Лидія получила отъ матери выговоръ за то, что слишкомъ много танцевала съ Дорельскимъ; но ей не до выговора: Дорельскій сказалъ ей, что онъ намѣренъ, чтобы тамъ ни было, просить ея руки у Прасковьи Александровны. Какое счастье, что насъ отпускаютъ къ Ольгѣ! Она посоветуетъ лучше, потому что Лидія увѣрена въ отказѣ. Она блѣдна и встревожена; ходила сегодня къ обѣднѣ и со слезами молилась.

Сейчасъ былъ Лоровъ съ визитомъ. Кажется, онъ заинтересовался Софьей. Если онъ посватается, она выйдетъ не задумавшись, потому что онъ хорошей фамиліи и богатъ. Она не посмотритъ ни на его испорченную нравственность, ни на недостатки ума. Сегодня я слышала его разговоръ. Боже мой! какая пустота! какая пошлость! Здѣшняя губернская молодежь льнетъ къ нему, какъ мухи къ меду; онъ поитъ ихъ шампанскимъ, проигрываетъ пари и даетъ денегъ взаймы. Умъ его неразвитъ, пустая порочная жизнь охватила его съ рожденія и заперла входъ

ко всему прекрасному. Опъ , какъ дитя , готовъ бросить грязью въ самый священный предметъ , не понимая его значенія . Это человѣкъ безъ всякихъ убѣжденій , безъ всякихъ серьезныхъ идей , кромѣ одного , что ему какъ человѣку богатому все позволено , что другіе бѣднѣе его , служатъ чтобъ быть полезными и жить своими трудами , а онъ только для чину числится на службѣ . Другіе читаютъ и занимаются , а ему некогда , потому что онъ живетъ въ свѣтѣ , ложится поздно , встаетъ поздно , пьетъ въ двѣнадцать часовъ утра чай , завтракаетъ въ два , дѣлаетъ визиты , обѣдаетъ , танцуетъ , волочится , кутитъ съ молодежью . Когда тутъ думать , читать , трудиться ? Золотовскій правъ : свѣтъ омутъ , гдѣ тонетъ все лучшее человѣка...

Вчера , пріѣхавъ къ Ольгѣ , мы нашли у ней Дорельскаго . Когда мы вошли , онъ въ волненіи ходилъ большими шагами по комнатѣ . Ольга , молча слѣдила за нимъ , сидя на диванѣ . Видно было , что они только что кончили разговоръ , взволновавшій ихъ обоихъ .

— Какъ это все по вашему легко , Ольга Васильевна ! сказалъ онъ , садясь противъ нее и почти не обращая на насъ вниманія .

— А по вашему все трудно . Вы хотите , чтобъ судьба поднесла вамъ счастье , какъ десертъ на балѣ .

— Лидія , ангелъ мой ! сказалъ онъ , подходя къ ней , любишь ли ты меня на столько , чтобъ принести жертву въ случаѣ неудачи ? Бѣжишь ли ты со мной , пренебрежешь ли глупыми криками и осужденіями ? Не будетъ ли это выше силъ твоихъ ?

— Выше силъ моихъ только разстаться съ тобой , а быть твоей женой или ничьей , я обѣщала передъ Богомъ .

— Я ѣду , сказала Ольга , быстро вставая съ мѣста .

— Куда ? спросили мы всѣ въ одинъ голосъ .

— Подождите меня . Я ѣду къ тетюшкѣ , нападу на нее врасплохъ , напугаю скандаломъ... а тамъ увижу .

Черезъ часъ мучительнаго ожиданія , раздался стукъ экипажа и человѣкъ Кринельскихъ подалъ мнѣ записку , сказавъ , что насъ « приказано просить домой . »

Въ запискѣ было написано карандашомъ рукой Ольга:

«Пусть Дорельскій дожидается моего возвращенія.»

Съ треветомъ сердечнымъ побѣжали мы домой; со страхомъ подошли къ гостиной, гдѣ сидѣли только Ольга и Прасковья Александровна.

— Не бойся, будь смѣлѣе и тверже, шепнула я Лидіа, разставаясь съ ней у дверей.

— Лиза! сказала она мнѣ, пройди въ диванную; обойди кругомъ и послушай; я буду смѣлѣе, когда буду знать, что ты слышишь все.

Софья и Олимпіада Сергѣевна были въ гостяхъ.

— Лидіа! начала торжественно Прасковья Александровна, подойди сюда. Ты скрывала отъ матери твои чувства, воображая, что она ничего не знаетъ, ничего не замѣчаетъ. Это дурно. Я никогда не ожидала, что ты сдѣлаешь хорошую партію. Я всегда это говорила, такъ и вышло. Тобой заинтересовался было полковникъ, но увидя какая ты глупая дѣвочка, женился на другой. Ты влюбилась теперь въ бѣднаго, почти ничтожнаго мальчика и безразсудно хочешь выйти за него за мужъ... Правда ли это?

— Правда, машап, отвѣчала Лидіа робко.

— Я знаю, что разъ забравши въ голову какое-нибудь безрассудство, ты упрямо стоишь на томъ... Я могла бы не позволять, но право мнѣ не весело будетъ слышать твои хныканья и видѣть, какъ ты будешь компрометировать и меня, и себя въ обществѣ печальными гримасами. Если всѣ мои понеченія и старанія не могли исправить твоего характера, то ужъ остается одно: выдать тебя замужъ. Только раньше лѣта я не могу позволить. Боже мой! Боже мой! прибавила она съ амфазомъ. Какъ тяжело положеніе матери! И такъ ты идешь за него противъ желанія матери?

— Машап! да вы позволяете...

— А еслабъ не позволила?

— Машап! простите! Я должна, я обѣщала...

— Безъ моего спроса ты распорядилась собой! прекрасно! Да этого бы не сдѣлала Лиза — посторонняя!

Въ это время вошла Софья, она вся сіяла какимъ-то самодовольствомъ.

— Полюбуйся на сестрицу... обратилась было къ ней Прасковья Александровна.

— Матап! поздравьте меня, перебила ее Софья, я невѣста. Лоровъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе; я дала слово. Сейчасъ онъ прїѣдетъ къ вамъ.

— Какъ ты быстро распорядилась собой, Sophie!.. сказала Ольга, поздравивъ ее. Поздравь и Лидію — она выходитъ замужъ за Дорельскаго. Тетушка повяла ея чувства и, какъ добрая мать и умная женщина, не препятствуетъ. Она не хочетъ, чтобъ о ней говорили, что она жертвуетъ счастье дочери расчету и гордости. Впрочемъ, Дорельскій хорошій, добрый, умный молодой человекъ, и если онъ бѣденъ, то будетъ трудиться, служить. Притомъ дядя Мишель такъ любитъ Лидію... онъ обезпечитъ ее.

Я поспѣшила уйти. Вскорѣ пришла ко мнѣ Ольга. Я сказала ей, что была въ диванной и все слышала.

— Я послала за Дорельскимъ, сказала Ольга. Надо ловить благоприятныя минуты. Очень интересно столкновеніе двухъ жениховъ, столь различныхъ по состоянію и нравственнымъ достоинствамъ. Бѣдный Дорельскій! Лоровъ закидаетъ свою невѣсту брильянтами и дорогими подарками, а онъ подаритъ Лидію только свою любовь и нѣжность. Счастливыя пары! всякой судьба даетъ по желанію.

Насъ позвали на семейное поздравленіе. Ласково улыбалась Прасковья Александровна Лорову и снисходительно, принужденно Дорельскому. Я поняла, что онъ и Лидія должны будутъ выдержать испытаніе, что чувства ихъ будутъ оскорблены не разъ, а самолюбію придется пострадать. Пусть любовь дастъ имъ силъ и терпѣнья!

Свадьба Софьи будетъ черезъ мѣсяць, свадьба Лидіи отложена до лѣта. Теперь въ домѣ у насъ настоящая неурядица. Прасковья Александровна съ Софьей окружены матеріями, блондами, кружевами, модистками, а всѣ прочіе предоставлены своей волѣ. Ко всему этому гости съ поздравленіями и безпрестанные визиты. Золотовскій былъ сегодня утромъ. Я не выходила къ нему, онъ спрашивалъ обо мнѣ Лидію и велѣлъ мнѣ кланяться отъ него. Вотъ чудакъ!

При всей теперешней суматохѣ, я перестала быть чуждымъ, невѣстнымъ лицомъ. Со мной всѣ говорятъ привѣтно; многія дѣвицы жмутъ мнѣ руку и даже повѣряютъ свои свѣтскія тайны. Молодые люди вѣжливы и любезны со мной, не исключая и Лорова. Я замѣтила, что онъ смѣлѣть только съ тѣми дѣвушками, которыя краснѣютъ передъ нимъ и потупляютъ жеманно глазки. Я не дѣлаю этого, и онъ держитъ себя со мной скромно. Но еще скромнѣе онъ съ Ольгой: вѣроятно ему передали ея отзывъ, и онъ боится ее. При ней онъ становится молчаливъ и вообще избѣгаетъ ее. Кланяется ей съ какимъ-то театральнымъ почтениемъ.

Вчера я спросила Ольгу, какимъ чудомъ она усмирила Прасковью Александровну и настроила ее на согласіе на бракъ Лидіи съ Дорельскимъ.

— Э, моя милая, отвѣчала она, — эти по видимому спѣсивыя и недоступныя барыни, не такъ страшны на самомъ дѣлѣ, какъ кажутся. Ихъ легче всего припугнуть: ихъ страшитъ самый призракъ гласности, имъ во всемъ мерещится скандалъ... Стоитъ узнать нѣсколько тайныхъ грѣшковъ ихъ семейной жизни, чтобъ держать ихъ въ рукахъ. Она знаетъ, что я не струшу ни передъ ней, ни передъ свѣтомъ, не побоюсь вступить съ ней въ открытую войну... Я многое доказала ей ясно, да еще сказала, что Дорельскій увезетъ Лидію въ случаѣ отказа, и я первая буду помогать имъ... Вообще я что-то была въ духѣ и очень убѣдительно говорила. Надо еще сказать, что тетка уважаетъ меня въ душѣ и хотя не любитъ, а вѣритъ моему слову. Она бы и любила меня, да книжничество и фарисейство стоятъ между нами...

Вчера Дорельскій много говорилъ со мной; онъ высказалъ все, что его тревожитъ и печалитъ... Онъ боится за Лидію: ему страшно сводить ее съ большой дороги свѣта на узкую тропинку скромной домашней жизни. Неловко ему, бѣдному жениху, при другомъ, богатомъ; горько ему видѣть подчасъ презрительную улыбку Софьи и невниманіе Прасковьи Александровны.

— Мнѣ бы нужно ухъать, переждать это время, сказалъ онъ, какъ вы думаете?

— Если разлука не страшитъ васъ , поѣзжайте , отвѣчала я , только не говорите Лидіи настоящей причины вашего отъѣзда — это огорчить ее.

— Почему же огорчить ? развѣ она не пойметъ ?

— Вы видите , что ее не смущаетъ то , что тревожитъ и смущаетъ васъ... Она счастлива своей любовью и ничего не видитъ изъ-за нее.

— Надолго ли ? не проснется ли она , не обвинитъ ли себя и меня со временемъ ?

— О , нѣтъ ! она не такая !

— Она ангелъ ! — сказалъ онъ.

Вчера обѣдало здѣсь нѣсколько постороннихъ лицъ , въ томъ числѣ и Золотовскій . При первой удобной минутѣ , онъ подошелъ и заговорилъ со мной . Разговоръ этотъ мнѣ памятенъ , потому что сдѣлался причиной теперешняго печальнаго настроенія души моей .

— Отчего я давно не видалъ васъ ? спросилъ онъ меня , — я былъ здѣсь уже два раза послѣ бала , а вы не выходили .

— Такъ случилось . Я была занята или не дома .

— Лидія Николаевна передала вамъ мой поклонъ ?

— Передала .

— Что вы подумали при этомъ ?

— Вѣрно я подумала , что вы вспомнили обо мнѣ , а впрочемъ не помню .

— Я пріѣзжалъ съ тѣмъ , чтобъ видѣть васъ , сказалъ онъ , садясь возлѣ меня и разсѣянно разсматривая мою работу .

— Очень вамъ благодарна .

— Благодарить тутъ не за что ; я сдѣлалъ это не изъ того , чтобъ доставить вамъ удовольствіе . Я хотѣлъ васъ видѣть , удовольствія вамъ отъ этого нѣтъ никакого .

— Почему вы такъ думаете ? Вы не можете знать навѣрное .

— Я хотѣлъ бы знать навѣрное . Со мной трудно хитрить .

— Ну , такъ ужь я скажу вамъ всю правду — на балѣ вы произвели на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе .

— Я это зналъ .

— Вы обязаны изгладить его, сказала я улыбаясь.

— Вотъ, видите ли что, судьба создала меня страннымъ чело-
вѣкомъ — я не похожъ на балльныхъ шаркуновъ и волокитъ.

— Тѣмъ лучше.

— Ужъ я право тамъ не знаю лучше или хуже. Они счастли-
вы, а я нѣтъ; ихъ любятъ женщины, а меня нѣтъ.

— Вы не перемѣнили вашего намѣренія быть гувернанткой?
спросилъ онъ, послѣ вѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ.

— Знаете ли вы, какую тяжкую обязанность вы принимаете на
себя? Сколько униженій, оскорбленій, непріятностей выне-
сете вы?

— Знаю. Чтожъ! по крайней мѣрѣ меня не будутъ укорять
названіемъ приживалки.

— Кто жъ укоряетъ васъ?

— Можетъ быть многіе и вы первый, а пуще всего я сама.

— Весной ожидаютъ сюда молодого Крипельскаго. Вы слы-
шали?

— Слышала.

— Не влюбитесь — онъ пріѣдетъ прямо изъ Парижа.

— Не влюблюсь я — не до того мнѣ!

Золотовскій засмѣялся.

— Какая вы странная дѣвушка! Откуда такая положитель-
ность? Вы не влюблены? Скажите откровенно, — я знаю, что же-
навиться въ отвѣтъ вы не будете.

— Нѣтъ, не влюблена.

— А еслибъ ктонибудь вамъ объяснился въ любви?

— Мнѣ было бы неловко.

— Знаете ли, что многіе находятъ васъ красивой, интересной
дѣвушкой.

— Чтожъ, — это мнѣ пріятно.

— Если бы къ вамъ посватался кто-нибудь съ порядочнымъ
состояніемъ и хорошимъ положеніемъ въ свѣтѣ, вышли бы вы
замужъ?

— Еслибъ полюбила.

— А еслибъ вы только уважали его, еслибъ онъ, какъ гово-
рится, былъ вамъ только не противенъ?

Я медлила отвѣчать. Я колебалась: мнѣ вдругъ стало такъ
тяжело, какъ-будто я и въ самомъ дѣлѣ находилась въ томъ по-

ложеніи, какое онъ мнѣ представлялъ. Какія-то странныя мысли, странные голоса поднялись изъ глубины души моей. Что-то ныло и тосковало въ моемъ сердцѣ, будто прося пощады.

— Ну, что же? сказалъ Золотовскій, вы затрудняетесь?

— Нечего мучить себя тѣмъ, чего еще нѣтъ, отвѣчала я.

— Но вѣдь это можетъ случиться, ну, положимъ, что это случится непременно...

— Надо, чтобъ я любила, проговорила я смущаясь.

— Вамъ непременно нужна страсть! Да вѣдь она проходитъ скоро и большею частью кончается разочарованіемъ. Въ супружескомъ счастьи страсть не нужна — нужны привязанность и уваженіе. А между тѣмъ вы избавились бы всѣхъ тягостныхъ положеній, въ которыхъ вы находитесь и которыя еще грозятъ вамъ впереди. Подумайте-ка объ этомъ хорошенько.

— Не теперь только, не сейчасъ...

— Ну, послѣ. Я васъ опять спрошу объ этомъ. Что вы это такъ усердно шьете?

— Обшиваю воланы къ платью Sophie. Завтра она ѣдетъ на вечеръ. А послѣ буду работать для Лидіи.

— Когда же для себя?

— Когда придется.

— Не слышали вы, спросилъ меня Золотовскій помолчавъ, когда ожидаютъ сюда Мухапла Александрыча?

— Онъ уѣхалъ на всю зиму, отвѣчала я, и мнѣ вспомнилось странное волненіе, овладѣвшее мной при появленіи Казановыхъ на балѣ и вдругъ, сама не знаю отчего, я почувствовала, что щеки мои горятъ, а сердце замираетъ.

— Какъ это глупо! подумала я, стараясь овладѣть собой. Это все оттого, что онъ уѣхалъ, при немъ я была бы покойнѣе и равнодушнѣе.

— Онъ славный человекъ, сказалъ Золотовскій.

— О, конечно, такъ говорятъ и думаютъ всѣ, кто его знаетъ.

— А вы знаете его?

— Еще бы! Онъ принялъ во мнѣ самое искреннее участіе въ тяжкія минуты моей жизни.

— А какъ вы думаете, можетъ ли быть безкорыстно участіе мушкетера къ молоденькой дѣвушкѣ, не дурной собой?

— Конечно можетъ, примѣръ на мнѣ.

— Вы чѣмъ платите ему за участіе?

— Благодарностью.

— И самой жаркой?

— Не холодной, разумѣется.

— О, воскликнулъ онъ, ничего итъ выгоды, какъ одождать выдкихъ мечтательницъ... Я зналъ одну молодую дѣвицу, вчитавшуюся романовъ. Она все ждала героя; героя не было. Однажды, она въ обществѣ знакомыхъ гуляла въ деревнѣ; пришлось переходить ручей по тоненькой дощечкѣ; дѣвица, переходя пошатнулась; одинъ изъ сосѣдей, такъ себѣ, не ражій молодой чедовѣкъ, поддержалъ ее и помогъ перейти. Что же? Съ этой минуты дѣвица страстно въ него влюбилась: «онъ, говоритъ, сдаетъ жизнь мою; я ему безпредѣльно обязана.» Вышла за него замужъ. Она была богата и хороша, и всю жизнь такъ и осталась при томъ убѣжденіи, что вышла за своего избавителя.

Я не могла не разсмѣяться, слушая этотъ рассказъ, потому что онъ переданъ былъ Золотовскимъ съ тонкимъ и злымъ кокетствомъ.

— Вотъ, вы и всѣ такъ, молодые дѣвушки, прибавлялъ онъ.

— Неужели всѣ?

— Всѣ, и вы первая.

— Да вѣдь меня не черезъ ручей по тоненькой дощечкѣ переехали, а вывели изъ самаго тяжелаго положенія.

— Да вѣдь и той барышнѣ казалось, что она переходила впроцѣсть.

— Вы пожалуй увѣрите меня, что я помѣшана.

— На одномъ пунктѣ — на жаркой благодарности.

— Что же! это пріятное помѣшательство.

— Да вѣдь и у той дѣвицы было пріятное помѣшательство.

— Ахъ, полноте вы съ вашей дѣвицей! Ну, какое между нами сходство? сказала я вдругъ, развеселась и взглянувъ ему въ лицо. Ужасно, черные глаза его встрѣтили мой взглядъ твердо и настойчиво. Вскорѣ онъ уѣхалъ.

Сейчасъ пріѣхала за мной Ольга съ тѣмъ, чтобы увести меня къ себѣ.

Я нашла у Ольги цѣлое общество. Оно рѣзко отличалось отъ свѣтскаго круга Крипельскихъ: тутъ были два уже пожилые учителя гимназіи, слывшіе за чудаковъ и разъ въ годъ появлявшіеся на балѣ у губернатора въ царскій день, гдѣ ихъ неловкія движенія и смущенныя фізіономіи обращали на себя удивленныя, насмѣшливые взоры модниковъ и модницъ. Тутъ былъ старшій сгорбленный отставной профессоръ, чуть двигавшійся; были двѣ гувернантки и двѣ чиновницы средняго круга. Тутъ былъ неизвѣстный никому въ обществѣ молодой человѣкъ, имѣющій страсть къ литературѣ и самъ пишущій стихи; былъ еще старшій актеръ, одинъ изъ тѣхъ непризнанныхъ талантовъ, которыхъ неудачи и недостатокъ протекціи забиваютъ въ тѣнь и иракъ и заставляютъ сойти съ принятой дороги. Были два, три студента, полные юношескихъ надеждъ и мечтаній; былъ учитель музыки, скромный и застѣнчивый нѣмецъ, да еще болѣе застѣнчивый молодой человѣкъ—писецъ изъ какой-то палаты, обладающій замѣчательнымъ теноромъ.

Удивительно, какъ всѣ эти господа распечатывались подъ вліяніемъ Ольги; какъ высказывалось въ нихъ все лучшее ихъ натуры, какъ выдавалось все, что было подавлено и заглушено обстоятельствами и бѣдностью, и какъ, при другихъ условіяхъ, эти люди могли бы развиться и сдѣлаться полезными и нужными.

Всѣ были оживлены, веселы, всѣмъ было по душѣ; каждый чувствовалъ свое человѣческое достоинство и ставилъ себя въ эти минуты равнымъ всѣмъ сильнымъ міра сего.

Старикъ профессоръ рассказывалъ про свою молодость, про Малороссію, про исчезнувшія грезы и надежды; какъ онъ, съ Гораціемъ въ рукахъ, проводилъ часы подъ тѣнью черешень и ждалъ отъ жизни многого... Какъ бросали его житейскія волны изъ мѣста въ мѣсто; какъ обманула его эта жизнь и прошла незамѣтно, оставивъ дряхлымъ и хилымъ... Чиновницы между прочимъ развертывали закулисную жизнь тѣхъ самыхъ лицъ, которыя въ шелку и бархатѣ красовались на балѣ у Крипельскихъ. Онѣ рассказывали, какъ госпожа Линевицъ принимаетъ подарки за мѣста отъ жонъ чиновниковъ, выпрашивая эти мѣста у мужа съ исторіями и сценами; какъ госпожа Б. придирается къ своимъ гувернанткамъ и прогоняетъ ихъ изъ дому съ намѣреніемъ не доплатить имъ денегъ; какъ госпожа Н., одна

изъ самыхъ тонныхъ кокетокъ здѣшняго высшаго круга, оставая большаго мужа одного наверху, сидитъ цѣлые вечера съ господиномъ Д. и въ то время, какъ мужа соборовали, играла на фортепьяно и пѣла... Тутъ со многихъ спадала мишура и становилась понятной презрительная улыбка Ольги при встрѣчѣ со многими пышными дамами и важными господами.

Давъ посплетничать чиновницамъ, Ольга незамѣтно и ловко навела разговоръ на то, какъ непріятно видѣтъ небогатую женщину, разряженную не по состоянію, разоряющую мужа, заставляющую его часто изъ-за тряпокъ кривить душой, и какъ та же женщина могла бы въ своей домашней жизни быть ему помощницей и умѣря свои пустыя желанья, принести себѣ другія, лучшія и чистыя радости. Она также коснулась причинъ, почему многіе чиновники живутъ плохо съ жонами, проводятъ половину времени въ трактирахъ, предаются пьянству, картамъ; причины эти по ея мнѣнію, отъ нерадѣнья жонъ къ хозяйству, отъ неоприятности и безпорядка, царствующихъ въ домѣ, отъ дурного характера, отъ неосновательной ревности и укоровъ, отъ неумѣнья сдѣлать пріятной домашнюю жизнь для человѣка, уставшаго отъ труда и службы.

Молодыя женщины слушали ее съ любопытствомъ и вниманіемъ, какъ будто имъ никогда никто не говорилъ объ этомъ. Правда высказанная отъ души, отдавалась въ сердцѣ каждаго. Это были не сухія нотации и разглагольствованія, нѣтъ, все это высказывалось безъ претензіи поучать, а будто печально срывалось съ языка и сопровождалось такой доброй улыбкой, такимъ милымъ взглядомъ, полнымъ участія и ласки.

— Всѣ, кого ты здѣсь видишь, сказала мнѣ Ольга тихо, болѣе или менѣе близки къ памяти о моемъ отцѣ: это или люди, получившіе отъ него добро и сами оказавшіе ему услуги, или дѣти тѣхъ людей. Мнѣ пріятно ихъ видѣть у себя: они живо напоминаютъ мнѣ прошедшее и незамѣнимую потерю...

Уже поздно, часовъ около десяти, пріѣхалъ Латухинъ.

— Я думалъ найдти васъ одну, сказалъ онъ Ольгѣ.

— Почему же? Развѣ я обѣщала вамъ быть одной сегодняшней вечеръ?

— Вѣроятно, потомучто мнѣ этого хотѣлось.

— Я рѣдко бываю одна; у меня всегда кто-нибудь есть. Впрочемъ подождите, сегодняшніе гости мои разойдутся скоро;

это люди трудящіеся и немѣющіе привычки спать до одиннадцати часовъ утра; мы останемся втроемъ; Лизу я не отпущу скоро, наши на вечерѣ и возвратятся поздно. Они общались заѣхать за ней по дорогѣ.

Вскорѣ всѣ разѣхались.

— Ну, довольны ли вы? сказала Ольга Латухину, — мы остались втроемъ.

— Всякому изъ вашихъ друзей пріятнѣе васъ видѣть, когда вы не развлечены и когда вниманіе ваше преимущественно обращено на него.

— Это ничто въ родѣ комплимента, сказала она шутя.

— Нисколько; комплиментъ бѣльшей частью, преувеличенная похвала.

— Какъ немногіе умѣютъ хвалить такъ, чтобъ было ловко и пріятно выслушать похвалу.

— Я не принадлежу къ числу этихъ немногихъ?

— Вы до сихъ поръ меня не хвалили.

— Есть также умѣнье — понимать похвалу.

— Въ мои годы выслушать комплиментъ не лишнее.

— Въ ваши годы! Сколько же вамъ лѣтъ?

— Подождите, сказала Ольга вставая, — я принесу вамъ мое метрическое свидѣтельство, а то пожалуй, вы подумаете, что я убавляю.

— Ольга Васильевна!

— То-то же, никогда не спрашивайте женщину сколько ей лѣтъ. Французы придумали прекрасно, сказавъ что женщины столько лѣтъ, сколько на лицѣ у нея видно. Посмотрите на мое лицо и рѣшите.

— Вы кажетесь мнѣ одной изъ тѣхъ миеологическихъ богинь, для которыхъ вѣтъ времени — онѣ вѣчно юны и прекрасны.

— Викторъ Павлычъ! это великолепно! сказала она, смѣясь отъ всей души. Что съ вами сегодня? Это ухаживанье за Sophie приучило васъ къ такимъ изящнымъ сравненіямъ. Кстати объ этомъ, — вы были къ ней неравнодушны?

— Да, въ некоторое время она меня очень интересовала. Я хотѣлъ добраться до истиннаго характера ея природы. Мнѣ казалось, что подъ этой ледяной корою таится живая и горячій

ключъ жизни; я ошибся, — тутъ все высушено, выжаты всѣ лучшіе соки ума и сердца.

— Можетъ быть у васъ неостало терпѣнія.

— А ея замужство? Быть женой Лорова!

— Можетъ быть это съ горя, съ досады?

— Полноте! она хочетъ во что бы-то ни стало, купить себѣ богатство и положеніе въ свѣтѣ.

— А любопытно возбудить страсть въ такой женщинѣ.

— Это будетъ съ ней послѣ замужства, когда ей нечѣмъ будетъ жертвовать.

— Какъ нечѣмъ? А долгомъ, честью, совѣстью?

— А теперь развѣ она не жертвуетъ всѣмъ этимъ, отдаваясь чловѣку, котораго она ни любить, ни уважать не можетъ?

— Можетъ быть она его и любить.

— Такъ ли любить?!

— А какже? сказала она, бросая на него одинъ изъ тѣхъ неуволнимыхъ, полукокетливыхъ, полудружескихъ взглядовъ.

— Если вы не знаете, такъ я знаю... сказалъ онъ серьезно, измѣняясь въ лицѣ.

— Вы не знаете? спросилъ онъ ее послѣ нѣкотораго молчанія.

Она не отвѣчала, да ей и не нужно было отвѣчать, каждая черта лица ея дышала грустнымъ, задушевымъ, понятнымъ отвѣтомъ.

Я слѣдила за ними изъ-за книги, которую читала, конечно безъ всякаго вниманія.

— Брось эту несносную книгу, Лиза, сказала Ольга.

— Читайте, mademoiselle Lise, сказалъ Латухинъ полушутя, — для молодой дѣвицы поучительно и полезно заниматься чтеніемъ.

— Это образовываетъ душу и развиваетъ умъ, отвѣчала я въ томъ же тонѣ.

— Обогащаетъ память познаніями и такъ далѣе...

Я снова принялась за книгу, да еще ушла къ другому столу, подальше.

— Ну, что же? обратился Латухинъ къ Ольгѣ, перелистывая номеръ журнала, — вы мнѣ не хотѣли отвѣчать.

— Мнѣ кажется, я отвѣчала.

— Да, безъ словъ.

— А вамъ нужны слова?

— Да, мнѣ нужны слова, сказанныя вашимъ голосомъ.

— Вѣдь это одно мужское любопытство.

— И вамъ не грѣхъ такъ опредѣлить мой вопросъ!

— Это тяжолый вопросъ... Разумѣется я любила...

— И... какже онъ не съ вами? какже онъ не сдѣлался вашимъ мужемъ? Вы разлюбили его, удалили отъ себя?

— Ничуть не бывало — онъ нашолъ другую, лучше...

— Можетъ ли быть?

— Видно, что можетъ...

— И послѣ вы никого не любили?

— Никого.

— Но вѣдь можете же вы полюбить? Вѣдь это, простите за выраженіе, — безразсудство, пустой романтизмъ, бросить въ жертву первому встрѣчному цѣлую жизнь бесплодно и бесполезно. Вамъ ли жить безъ любви?

— Да вотъ, живу.

— Отъ васъ-то я не ожидалъ такой нѣмецкой сентиментальности! Онъ васъ забылъ, промѣнялъ на другую, а ваше сердце не можетъ отмстить ему даже равнодушіемъ.

— Я вамъ этого не говорила, я не люблю ужъ его по прежнему, я его не считаю тѣмъ, чѣмъ считала прежде; я все сдѣлала чтобъ забыть его, видитъ Богъ, какъ я объ этомъ старалась... Но что же дѣлать — сердце мое разбито, оно не можетъ оправиться. Цѣтъ, весна моей жизни миновалась... Не будемъ говорить объ этомъ... Лиза! полно тебѣ читать.

Латухинъ всталъ и молча ходилъ по комнатѣ. Видно было, что у него лежало что-то на душѣ, что ему хотѣлось высказаться и онъ затруднялся моимъ присутствіемъ. Я сказала, что у меня болитъ голова и легла на диванъ въ другой комнатѣ, откуда мнѣ было все видно и слышно. Я съ любопытствомъ и участіемъ слѣдила за ними. Латухинъ влюбленъ, это ясно; Ольга не вѣрила или не замѣчала этого; чувство искренней дружбы проглядывало въ ней до сихъ поръ въ отношеніи къ нему.

— Вы сегодня что-то не въ духъ, сказала ему Ольга.

— Гораздо хуже — я страдаю.

— Что же случилось? какое горе? Какже вы молчите? Развѣ вы не увѣрены въ моей дружбѣ, въ моемъ участіи! Ино-

гда бываетъ утѣшеніемъ уже и то, что передаешь другому, что васъ тревожить.

— Я и самъ не знаю что меня тревожить... Просто хандра.

— Ужь не влюблены ли вы! Не могу ли я быть вамъ полезна? Я могу скорѣй узнать ту, которую вы любите, могу угадать ея чувства, утѣшить, успокоить васъ.

Онъ сѣлъ съ ней рядомъ, взявъ ея руку и прижался къ ней губами крѣпко безъ звука.

— Вы не сердитесь? спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— За что же? что вы поцѣловали мою руку? Это было бы жеманство. Развѣ это меня унижаетъ? Развѣ не искренно, не честно то чувство, съ которымъ вы это сдѣлали?

— Ольга Васильевна! будьте моей женой — это все, что нужно для моего счастья, проговорилъ онъ тревожно и страстно.

Ольга сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла бѣжать отъ чего-то страшнаго и снова опустилась на диванъ, взволнованная, грустная, безмолвная.

Латухинъ не допытывался отвѣта; онъ облокотился на столъ и склонилъ голову на руки.

— Я ошибся! проговорилъ онъ наконецъ. Минута, въ которую я встрѣтилъ васъ, была роковой минутой для меня. Такихъ женщинъ какъ вы, не забываютъ скоро... Ну, что же! укажите мнѣ на дверь.

— Вы не огорчайтесь мой другъ, заговорила она тѣмъ нѣжнымъ, чарующимъ голосомъ, который являлся у нея, Богъ вѣсть откуда въ минуты ласки, — выслушайте меня, подумаемъ, обсудимъ вѣстѣ все дѣло — тогда рѣшите сами, я не буду виновата.

Но на Латухина напалъ одинъ изъ тѣхъ капризовъ страсти, когда человѣкъ ничего не видитъ и ничему не внемлетъ.

— Я съ ума сойду! мнѣ все опротивѣть! вскричалъ онъ. — Нѣтъ, ужъ скажите разомъ, не мучьте меня. Я скрывалъ долго мою любовь, мою страсть... Понимаете ли вы, я люблю васъ страстно, безумно!.. Это смѣшно положимъ, но не вѣкъ же притворяться человѣку!

— А вѣдь намъ было такъ хорошо, когда мы были друзьями!

— Да развѣ любить хуже!

— Другъ мой! я чуть ли не старѣе васъ. Подумайте объ этомъ...

— Неужели же это причина? Не можетъ быть!

— Вы стоите лучшаго сердца, нежели мое; вамъ пужно свѣжую, полную любовь женщины, любовь, не отравленную воспоминаніями, которую бы не смущала никакая греза прошедшаго... А моя душа измучена, утомлена... И между-тѣмъ, какъ для нее всходитъ новая звѣзда — она оглядывается и ищетъ хоть отблеска прежней, уже закатившейся... Вѣдь это гадко, мой другъ, вѣдь это болѣзнь... Я, которая хотѣла бы собрать на вашу голову всѣ радости жизни — отдамъ вамъ только сердце, уже любившее, уже страдавшее... Вамъ не за что на меня сердиться, прибавила она подходя къ нему и тихо, ласково преклоняя къ нему голову, — я не виновата, что встрѣтила васъ поздно... я сама страдаю, мнѣ такъ тяжело! Какъ бы мнѣ хотѣлось, продолжала она, — чтобъ мнѣ было семнадцать лѣтъ, чтобъ я только теперь, въ первый разъ полюбила васъ умнаго, добраго, благороднаго человѣка, и гордая, счастливая подада бы вамъ руку на всю жизнь.

У меня замирало сердце за Латухина; я чувствовала, что онъ любилъ ее еще болѣе въ эту минуту. Онъ весь поддался нѣжному, тихому очарованію. Ея рука была въ его рукѣ; она смотрѣла ему въ глаза своими прелестными глазами; каждая черта лица ея дышала грустью... Латухинъ долго и упорно опровергалъ всѣ ея доводы; онъ молилъ ее такъ усердно согласиться быть его женой, что она невольно поддавалась той же нѣжности, какую успѣла внушить ему.

— Не отнимай же у меня надежды! проговорилъ онъ тихо.

— О нѣтъ, сохрани Богъ! только нужно время. Намъ нужно испытать себя. Я хочу чтобъ ты былъ счастливъ со мной; если же нѣтъ, это убьетъ меня! Тебѣ не нужно холоднаго, пустого, равнодушнаго счастья. Надо, чтобъ надъ нами свѣтили звѣзды и жизнь звучала музыкой любви и поэзіи... Чтобъ все темное и трудное озарено было теплымъ, яснымъ лучемъ. Мы должны узнать возможно ли это. Ты не долженъ торопиться связывать себя. За эти минуты, въ которыя ты меня любишь, я съумѣю все простить тебѣ въ будущемъ.

Онъ цѣловалъ ея руки и называлъ ее самыми нѣжными име-

нами; она проводила его до дверей и простилась съ нимъ «до завтра.»

Оставшись одна, она закрыла лицо руками и зарыдала. Отъ счастья плакала она, или грезы прошлаго восились надъ ней темными тучками — кто ее знаетъ?..

Я сама была взволнована; я не знаю, что со мной сдѣлалось; и тоска, и грусть, и жажда любви охватили меня... И до сихъ поръ еще надо мной будто ходитъ гроза и проникаетъ мнѣ душу электрической струей...

Прощаясь со мной, Ольга не намекнула ни словомъ на объясненіе съ Латухинымъ; я тоже дѣлала видъ будто ничего не слышала, ни о чемъ не догадывалась. Она какъ-то застѣнчиво и грустно проводила меня. Я не видалась съ ней ни вчера, ни сегодня. Сегодня вечеромъ она приглашена сюда къ чаю. Будетъ ли Латухинъ? Меня беретъ любопытство увидать ихъ вмѣстѣ въ обществѣ, послѣ послѣдняго ихъ разговора.

Софья какъ-будто задумчивѣе съ тѣхъ поръ, какъ стала невѣстой: Начинаетъ ли заботить ее будущее, надоѣдаетъ ли жевихъ своей ничтожностью, только съ нѣкотораго времени, когда она остается одна въ своей семьѣ, безъ постороннихъ, что случается впрочемъ рѣдко, она больше и больше хмуритъ свои черныя брови. Мать слѣдитъ съ безпокойствомъ за этими проявленіями скуки или печали.

Однажды, когда Прасковья Александровна жаловалась на выборъ Лидіи, Софья неожиданно и вспылчиво заступилась за сестру.

— Не думаете ли вы, сказала она съ какимъ-то жолчнымъ смѣхомъ, — что вы могли бы принудить меня выбрать жениха; я сама такъ хотѣла... и если мой выборъ пришолъ вамъ по вкусу — я очень рада.

— Да ты съ твоимъ умомъ и разсудительностью, не могла поступить иначе.

— Отчего же не могла? А еслибъ я также влюбилась какъ Лидія?

— Фи, ma chère! тебѣ ли!..

— Отчего же не мнѣ!.. Вы кажется считаете меня камнемъ...

— Перестань пожалуйста! сказала Прасковья Александровна и перемѣнила разговоръ, завидѣвъ въ залѣ Дорельскаго, шедшаго объ руку съ Лидіей.

— Вы не можете наговориться! сказала имъ Софья полунасмѣшливо.

— Ахъ, Sophie! ты не знаешь, какъ мнѣ дорога каждая минута его присутствія! сказала Лидія съ жаромъ.

— Неужели это такое блаженство?

— Какъ вы объ этомъ спрашиваете! сказалъ Дорельскій. — Вы сами выходите замужъ, слѣдовательно сами любите.

— Не смѣйтесь, возразила она, угрюмо взглянувъ на него, — я не влюблена.

Матери не было въ комнатѣ. Дорельскій посмотрѣлъ на нее съ участіемъ и спросилъ вполголоса:

— Вы исполняете чужую волю?

— Нѣтъ, свою собственную. Вы кажетесь мнѣ оба сумасшедшими, прибавила она, — вы оба не богаты и связываете себя. Что ждетъ васъ въ будущемъ? какое воспитаніе ждетъ вашихъ бѣдныхъ дѣтей?

— Дѣти мои, правда, не будутъ имѣть англичанъ и французъ гувернерами, но они будутъ понимать, какъ должно жить и дѣйствовать по совѣсти... Мы сходимъ безъ сожалѣнія со скользкой и блестящей арены свѣта и будемъ жить скромно и тихо...

— И сходить съума отъ скуки...

— Скука, едва ли не скорѣй заглянетъ къ вамъ.

— Можетъ быть, но зато и прогнать ее легче.

— Не думаю. А чѣмъ купите вы минуты нашего счастья — ихъ достанетъ на долго, на всю жизнь... Кто не любилъ, не можетъ понять васъ...

При этихъ словахъ онъ нѣжно поцѣловалъ руку своей невесты и посмотрѣлъ на нее яснымъ, любящимъ взоромъ. Софья вспыхнула, глядя на нихъ и замолчала, углубясь въ свою работу.

— Ты не повѣришь, Sophie, какое счастье для меня думать, что я милѣе и дороже ему всѣхъ на свѣтѣ! сказала Лидія.

— Ты въ этомъ увѣрена?

— Конечно.

— Ну, вообразите, сказалъ смѣясь Дорельскій, — что кто-нибудь влюбленъ въ васъ, что цѣлый міръ для него ни почемъ, когда онъ видитъ васъ, слышитъ вашъ голосъ; вообразите, что ваша душа замираетъ блаженствомъ въ присутствіи этого чело-вѣка...

И говоря это, Дорельскій кокетничалъ передъ ней, смотрѣлъ на нее лукаво и тихо касался ея плеча своими густыми, мягкими, темнорусыми кудрями.

Софья холодно и гордо отодвинулась отъ него.

Въ это время пріѣхалъ Лоровъ. Онъ сіялъ самодовольствомъ. Все въ немъ, начиная съ лайковыхъ узкихъ перчатокъ до лакированныхъ блестящихъ сапоговъ, было безукоризненно модно. Тщательно и граціозно завязанъ былъ узелъ его галстука; картинно держалъ онъ складную шляпу; картинно подаль красивую бонбоньерку своей невѣстѣ; съ рассчитанной небрежностью помѣстился возлѣ нее на креслѣ, спросилъ о здоровьи и началъ рассказывать о достоинствахъ рысаковъ, купленныхъ Сержемъ Порянскимъ у пріѣзжаго помѣщика, о скачкахъ за городомъ, откуда онъ сейчасъ пріѣхалъ, о петербургскихъ модахъ, о дамскихъ нарядахъ, о предстоящемъ балѣ у вице-губернатора, объ ожидаемой имъ каретѣ отъ лучшаго мастера въ Петербургѣ.

— А вы наняли премильную квартиру, обратился онъ къ Дорельскому, — маленькая, но чистенькая, точно игрушка. Тѣва только.

— Я не имѣю средствъ нанимать большую и богатую квартиру, отвѣчалъ сухо Дорельскій.

— Нѣтъ, эта очень мила. Мы къ вамъ пріѣдемъ пить чай, когда вы женитесь.

— Милости просимъ.

Слуга доложилъ о пріѣздѣ Ольги Васильевны. Лоровъ побѣжился.

— Милая Софи! я къ тебѣ съ просьбой, сказала Ольга, поздоровавшись со всѣми, — выходить замужъ очень, очень бѣдная дѣвушка. Не удѣлишь ли ты что-нибудь изъ твоего приданого.

— Съ удовольствіемъ, я придумаю.

— А меня ты не просишь? сказала Лидія.

— Ты дашь я безъ просьбы. Такъ я пришлю къ вамъ мать этой дѣвушки.

— Точно ли онъ бѣдны? сказалъ Лоровъ, — эти салонницы часто прикидываются.

Ольга небрежно посмотрѣла на него.

— Вамъ-то что за дѣло? сказала она. — Вѣдь вы не можете ни въ какомъ случаѣ.

— Я не намѣренъ способствовать размноженію нищихъ. Къ чему женятся эти бѣдняки!

— Можеть быть, для того, чтобъ быть живымъ укоромъ богатымъ, сказала Ольга рѣзко.

— Vous avez de l'humeur, mademoiselle.

— Я не выношу нелѣпостей.

— Гдѣ же тутъ нелѣпость? я сказалъ правду — размноженіе нищихъ...

— Странно, что богатые, вмѣстѣ съ правомъ дѣлать огромныя долги и еще что-нибудь похуже, хотять присвоить единственно себѣ и право на семейное счастье.

Лоровъ смутился, но хотѣлъ возражать, какъ принесли съ почты письма и посылки. Посылки были вещи для приданого Софьи; — письма отъ молодого Крипельскаго изъ-за границы и отъ Михайла Александрыча. Последній между прочимъ спрашивается обо мнѣ, спрашиваетъ, что я подѣлываю и проч. Мнѣ прочитавъ это вслухъ. Иногда мнѣ самой хочется писать ему; порой становится грустно при мысли, что онъ можеть быть измѣнился, что его участіе перешло въ холодную обязанность продолжать начатое доброе дѣло... Онъ сожалѣеть, что не можеть пріѣхать на свадьбу Софьи и надѣется быть къ свадьбѣ Андія.

Молодой Крипельскій возвратится весной, проведетъ лѣто въ деревнѣ и утѣшаетъ свою татап обѣщаніемъ заняться хозяйствомъ и разными реформами на иностранный ладъ.

Вчера къ чаю собрались гости; въ числѣ ихъ Золотовскій, да еще новое лицо, дальній родственникъ Прасковьи Александровны, капитанъ, съ рыжими усами и армейскими ухватками, тѣмъ болѣе смѣшными, что онъ видимо старался принаравливаться къ манерамъ порядочнаго общества и желалъ казаться любезнымъ

дававшимъ кавалеромъ. Обращаясь къ женщинамъ, онъ мгновенно перемѣнялъ тонъ и голосъ, и говорилъ съ сладкой улыбкой и масляными глазками, причемъ очень походилъ на разнѣшившагося кота. Даже Софья не могла удержаться отъ улыбки, глядя на него; мы едва всѣ не расхохотались, когда онъ поднималъ ей платокъ, чуть придерживая его двумя пальцами, склонивъ на сторону голову и граціозно махнувъ имъ по воздуху.

— Позвольте спросить, кто эта прекрасная дѣвица? спросилъ онъ громкимъ шепотомъ Лидію, указывая на меня глазами и воображая, что я не слышу.

Золотовскій былъ близко и тоже слышалъ. Несносный капитанъ сдѣлалъ то, что Золотовскій цѣлый вечеръ называлъ вся «прекрасной дѣвицей.»

Такъ какъ набралось довольно много дѣвицъ, то устроились *jeux de société*. Лидіи вздумалось упрашивать Золотовскаго принять въ нихъ участіе; онъ, сверхъ ожиданія, согласился. Предложили омонимы. Въ то время, какъ угадывали «леандръ» вошелъ Латушевъ. Ольга еще не было. Онъ былъ блѣденъ и серьезенъ. Софья бѣгло, но внимательно посмотрѣла на него. Онъ подошелъ къ ней, она указала ему мѣсто возлѣ себя.

— Вы насъ забыли, сказала она ему, вы бываете почти каждый день въ городѣ и не навѣщали насъ цѣлую недѣлю. Такъ не дѣлаютъ съ старыми друзьями.

— Между старыми друзьями многое измѣнилось, отвѣчалъ онъ съ улыбкою. Вы теперь заняты вашимъ новымъ положеніемъ...

— А вы?.. Впрочемъ, я знаю чѣмъ вы заняты...

— Самъ собой...

— Фи! это не похоже на васъ.

— Почему вы считаете это дурнымъ?

— Въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы сами понимаете это выраженіе.

— Примите это въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ повѣрять, изслѣдовать себя.

— А, это другое дѣло! Такъ вы повѣрили, изслѣдовали себя... Ну, какой же вышелъ результатъ? Совѣсть ваша покойна?

— Вы хотите добраться до моей совѣсти?

— Это трудно. И совесть и сердце у васъ закрыты. Первая открыта только вамъ, а послѣднее еще одной особѣ...

— Вы думаете, что угадали вдохновеніемъ?

— Думаю... Ну, что же, въ добрый часъ! Желаю вамъ успѣха...

— Позвольте спросить, какъ вы любите? сказалъ капитанъ подходя къ Софѣ.

— Какъ? Что?.. Я не разслышала, отвѣчала она.

— Вы заговорились. Извините, я спрошу вотъ ихъ, — и онъ обратился ко мнѣ.

Дѣло шло объ омонимѣ «диванъ». Я запутала, какъ могла догадливость капитана. Вскорѣ игра прекратилась.

— Я только хотѣлъ предложить «чары», сказалъ Золотовскій подходя ко мнѣ, и приготовилъ уже отвѣтъ, въ которомъ упомянулъ бы «о прекрасной дѣвицѣ». Какъ вы любите? спросилъ онъ меня шутя.

— Никакъ, отвѣчала я смѣясь.

— Вотъ омонимъ глупца, сказалъ онъ показывая на капитана.

— Такихъ омонимовъ наберется не мало, если присмотрѣться внимательно.

— А мнѣ кажется, вы сдѣлали побѣду — воинъ на васъ очень поглядываетъ.

— По крайнѣй мѣрѣ, я не желаю этой побѣды.

— Всякой женщинѣ пріятна побѣда.

— Только та, къ которой она сама стремится.

Подожолъ Латухинъ. Золотовскій молча удалился. Онъ всегда прекращаетъ со мной разговоръ, когда подходитъ къ намъ кто-нибудь.

— Вы нынче недоступны, сказалъ мнѣ Латухинъ, около васъ всегда кто-нибудь увивается; не выберешь минуты поговорить съ вами.

— А на дняхъ вечеромъ у Ольги, мы сидѣли только втроемъ, можно было говорить, сколько угодно.

Я посмотрѣла на него, говоря это; по лицу его быстро пробѣжало выраженіе страсти и печали.

— Тогда вы куда-то скрылись, помнится, сказалъ онъ разсѣянно, не глядя на меня. А вы кажется пользуетесь полной откровенностью Ольги Васильевны? заговорилъ онъ помолчавъ.

— Вы ошибаетесь. Ольга ни съ чѣмъ не откровенна вполнѣ. Только развѣ съ однимъ Михайломъ Александрычемъ.

— Вы думаете? онъ быстро и пытливо взглянулъ на меня.

— Я догадываюсь, что разговоръ идетъ о кузинѣ Ольгѣ, сказала Софья, подходя къ намъ. Меня всегда интересуеть разговоръ о ней. Безъ шутокъ, М-г Латухинъ, какое ваше настоящее мнѣнiе объ Ольгѣ?

— Я думаю, что въ ней больше хорошаго, чѣмъ дурнаго.

— Ну, это можно примѣнить и не къ ней одной.

— Въ такомъ случаѣ, я думаю, что въ ней больше хорошаго, чѣмъ во всѣхъ, кого я знаю.

— Вы больше откровенны, чѣмъ я предполагала.

— Что дѣлать, откровенность мой порокъ.

— Мнѣ не развѣ случалось убѣждаться въ этомъ... Но дѣло не въ томъ, уважите мнѣ пожалуста на тѣ великія достоинства Ольги, которыя доставляютъ ей такихъ восторженныхъ поклонниковъ.

— Зачѣмъ вамъ это?

— Чтобы и я въ свою очередь могла поклониться ей.

— Она говоритъ сама за себя.

— Вѣрнѣе лыжкомъ беговъ, потому что я плохо ее понимаю.

— Вы не имѣете къ ней симпатiи?

— Нѣтъ! отвѣчала Софья, и въ этомъ «нѣтъ» выразилась всякая нелюбовь ея къ Ольгѣ.

— Жаль, сказалъ Латухинъ.

— Не стоить сожалѣнiя. Не всѣмъ быть заколдованнымъ, какъ вы напримѣръ... Вы этого не отвергаете? прибавила она, видя, что Латухинъ задумался; но онъ имѣлъ способность задумываться быстро и неожиданно, и потому не слышалъ послѣднихъ словъ Софьи.

— Видно любовь дѣлаетъ разсѣяннымъ, сказала она.

— А вы не способны быть разсѣянной отъ любви?

— Отчего же нѣтъ?

Она посмотрѣла на него какъ-то странно, загадочно.

— Мнѣ почему-то думается, что вы очень постоянны. Правда? прибавила она съ ѣдкостью.

— Я отыщу вамъ черезъ пять или шесть лѣтъ, когда испытаю прочность моихъ чувствъ.

— Тогда я васъ не спрошу объ этомъ болѣе... Mademoiselle Lise! Золотовскій кажется направляется сюда. Послайте время, вы сдѣлались его магнитомъ.

Она отошла.

— Поздравляю васъ, сказала Латухинъ.

— Пожалуста не вѣрьте, это неправда.

Въ это время вошла Ольга. Мы стояли въ диванной, прямо противъ дверей гостиной.

Было что-то особенно привлекательное въ выраженіи лица Ольги, въ походкѣ, въ движеніяхъ. Латухинъ быстро повернулся къ дверямъ и прильнулъ взоромъ къ вошедшей Ольгѣ; на лицѣ его блѣдность мгновенно смѣнилась лихорадочнымъ румянцемъ. Онъ видѣлъ казалось только одну ее, слышалъ только шорохъ ея сѣраго платья.

— Латухинъ! сказала я, вы влюблены и не скрываете этого.

Вмѣсто отвѣта онъ махнулъ рукой и отойдя всторону, бросился на первое попавшееся кресло, будто подавленный страстью.

Я пошла поздороваться съ Ольгой. Она съ жаромъ разговаривала съ Золотовскимъ.

— Вы постараетесь объ этомъ, употребите все ваше влияние. Какъ благородный человѣкъ, вы должны это сдѣлать.

— У насъ есть законы, сказалъ онъ.

— Законы можно ложно толковать.

— То есть вы хотите сказать, что законы святы, а исполнители лихіе супостаты...

— Не будьте же лихимъ супостатомъ, рассмотрите самъ это дѣло... Если они проиграютъ, имъ придется просить милостию; а противнику зажиточный судья.

Золотовскій посматривалъ на нее исподлобья и лукаво улыбался.

— Ну, ужъ если вы такъ улыбаетесь, то знаю, что сдѣлаете все, о чемъ прошу васъ... Да? такъ? добрый Владимиръ Андрѣичъ, ради Бога!

— Вотъ, обратился ко мнѣ Золотовскій, Ольга Васильевна называетъ меня добрымъ, — какъ вы думаете, правда ли это?

— Мнѣ кажется правда, Ольга не похвалитъ напрасно.

— Честь имѣю рекомендоваться, а нашъ родственникъ, проговорилъ капитанъ надъ самымъ ухомъ Ольги, которая только

но вздрогнула от неожиданности, но любезно улыбнулась родственнику и сказала: «очень рада».

— И давно желалъ съ вами познакомиться, такъ много слышавъ. Я недавно изъ Т. и тамъ ваши знакомые Серповскіе поручили мнѣ кланяться вамъ.

— Вы знакомы съ ними? спросила Ольга, слегка измѣняясь въ лицѣ.

— Какъ же-съ, мы нынѣшній годъ даже породнились съ ними: племянница моя Аметочка вышла замужъ за Леопида Иваныча; на свадьбу прѣѣзжалъ и Дмитрій Иванычъ. Елена Ивановна какая милая дѣвица; рѣдкаго ума. Какъ-то разговорился о васъ, тутъ я и узналъ, что вы знакомы. Елена Ивановна очень васъ вспоминають.

— А Дмитрій Иванычъ вспоминаетъ обо мнѣ? сказала Ольга слегка дрожащимъ голосомъ и съ какой-то горькой улыбкой.

— Да-съ, какъ же... отвѣчалъ капитанъ нерѣшительно.

Она посмотрѣла на него съ той милой добротой и пріятливостью, противъ которой трудно было остаться равнодушнымъ. Сладкое умиленіе разлилось по лицу воина, усы его приподнялись довольной улыбкой и глаза устрежились на Ольгу съ нѣжностью.

— Какъ вы проводите время, драгоценная кузина? сказалъ онъ. Я благодарю Провидѣніе, что имѣю случай познакомиться съ вами!

— Я сама рада васъ видѣть. Прѣѣзжайте ко мнѣ, я живу своимъ хозяйствомъ и приму васъ съ удовольствіемъ.

— Почту себя счастливымъ...

Онъ распространялся бы вѣроятно довольно долго на счетъ своего счастья, еслибы Лоровъ, потѣшавшійся имъ цѣлый вечеръ, не отозвалъ его и не предложилъ партію на бильярдъ.

— Латухинъ здѣсь? спросила меня Ольга.

— Здѣсь, въ той комнатѣ. Онъ что-то хандрить.

— Я сама хандрю не меньше, сказала она со вздохомъ.

— Ольга! разъясни все поскорѣе, не мучь его.

— Что такое, мой милый другъ? проговорила она съ волненіемъ.

— Я все знаю, все слышала тогда... Любишь ли ты его, Ольга?

— Развѣ онъ мнѣ не вѣрить? спросила она грустно.

— Вѣришь ли ты сама твоему сердцу?

— Я не могу не любить его... но... я очень страдаю, потому что сомнѣваюсь, не былъ ли бы онъ любимъ болѣе другою... у которой не было бы въ прошедшемъ никакой иной любви. Я отдамъ ему будущее, настоящее, всю жизнь; но прошедшаго онъ не наполнитъ, тамъ я вѣчно буду сталкиваться съ другимъ образомъ, съ тоской, сожалѣніемъ или ненавистью, — это все равно. Спрячу ли я отъ него этотъ роковой образъ, сведу ли его съ нимъ — во всякомъ случаѣ, онъ будетъ между нами, онъ втѣснится въ нашу жизнь, будетъ смущать лучшіе порывы нашего чувства... Это большое несчастье, мой другъ!

— Неужели тебѣ мало настоящаго и будущаго, чтобы быть счастливой...

— Было бы довольно, еслибъ я не знала, что же сегодня, завтра я встрѣчусь...

— Съ кѣмъ, милая Ольга?

— Съ тѣмъ, съ кѣмъ еще ни разу не встрѣчалась равнодушно, чье роковое вліяніе тяготѣло надо мной темной тучей до сихъ поръ.

— Въ чемъ же это вліяніе?

— Во всемъ — въ его голосѣ, взглядѣ, въ пробужденіяхъ страсти, въ правахъ долгой привязанности, въ наслажденіи, съ которымъ онъ будитъ и тревожитъ во мнѣ прошедшее, на которое утрачено съ его стороны всякое право...

— Сдѣлай усиліе; развяжи себя такъ или иначе. Испытай свое сердце, но дай Латухину полную надежду или отними ее совершенно. Видно, что онъ страдаетъ.

— Да, ты права, моя благоразумная дѣвочка, нужно сдѣлать одно, послѣднее испытаніе... Пойдемъ теперь къ нему; ты сказала, что онъ хандритъ.

Латухинъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, только не одинъ. — Софья и Олимпіада Сергѣевна были возлѣ него. Софья была оживленнѣе обыкновеннаго и о чемъ то съ жаромъ говорила.

— Какъ ты кстати, Ольга, сказала она, — не оживишь ли ты М-г Латухина, — онъ у насъ скучаетъ, чуть не дремлетъ.

— Если ты предполагаешь во мнѣ такую способность, то я рада сдѣлать все, что отъ меня возможно. Жалоба Софи справедлива? сказала Ольга Латухину. — Вы ничего не имѣете сказать въ оправданіе?

— Я изъ вѣжливости долженъ остаться виноватымъ...

— Только изъ вѣжливости? подхватила Олимпиада Сергѣевна.

— Развѣ вѣжливость не хорошее качество? сказала Латухинъ.

— Ахъ, это правда, въ нѣмѣцкихъ молодыхъ людяхъ такъ ее мало...

— Жаль, что нѣтъ дяди Мишеля, онъ бы поддержалъ ваше мнѣнiе, сказала Ольга.

— Миѣ право все равно! je ne gaffole pas de lui...

Ольга засмѣялась.

— Этотъ камешекъ направлень въ мой огородъ, сказала она.

— Если вы такъ принимаете...

И Олимпиада Сергѣевна, сдѣлавъ кислую мину, отошла.

Латухинъ, Ольга и Софья долго еще разговаривали. Разговоръ, не смотря на свою легкость, полонъ былъ игривыми и тонкими намеками на многое, что касалось тайныхъ думъ каждаго. Софья умѣла колоть и затрогивать; Ольга сбивала ее съ толку умно и ловко; Латухинъ искусно высказывалъ свои чувства, не давая между тѣмъ возможности придраться и уличить себя.

Я слушала ихъ съ удовольствiемъ до тѣхъ поръ, пока Золотовскiй не подсѣлъ ко миѣ и миѣ самой не пришлось отбиваться отъ его странныхъ намековъ на чувства, которыхъ я не желала бы ему внушать, которымъ хотѣла бы не вѣрить. Онъ смущалъ и пугалъ меня и сдѣлалъ то, что я была рада, когда начали разѣзжаться гости и вечеръ пришолъ къ концу. Завтра Ольга звала меня обѣдать.

Ольга приняла меня какъ-то тревожно, съ какимъ то скрытымъ безпокойствомъ.

— Золотовскiй напросился ко миѣ сегодня обѣдать, сказала она, входя за мной въ свою маленькую уборную, — онъ слышалъ, какъ я вчера приглашала тебя. Ты нравишься ему не на шутку в, какъ я могла замѣтить, онъ намѣренъ сдѣлать тебѣ предложенiе.

И посмотрѣла на нее съ непритворнымъ испугомъ.

— Что тебя это такъ пугаетъ? спросила она.

— Милад Ольга! я не пойду за него, ни за что, не пойду! Я его не могу любить...

— Не выходи, никто тебя не виновитъ. Если ты даже ни въ кого не влюблена, все-таки не выходи, если не чувствуешь никому ни малѣйшаго сердечнаго влеченія... Вѣдь ты ни дѣ кого не влюблена?

— О, нѣтъ! отвѣчала я, и вдругъ вся испыхнула. Мнѣ показалось, что я лгала, а между тѣмъ положительной лжи тутъ не было.

Ольга посмотрѣла на меня задумчиво и сказала:

— Ты полюбишь, только ужъ вѣрно не Золотовскаго...

— Надо придумать, какъ отъ него избавиться. Неприятно мнѣ оскорбить его прямымъ отказомъ. Какъ бы дать ему знать это помѣгче?

— Нѣтъ, ужъ лучше объяснись съ нимъ прямо.

— Не любя, не выходи — сохрани Богъ! повторила она и ушла въ гостиную, гдѣ ожидали ее гости.

Я готова была уѣхать, такъ мнѣ было неловко и тоскливо. Я сѣла на маленькій диванчикъ въ уборной и чуть не заплакала. День былъ мрачный; снѣгъ ложился мокрыми хлопьями на стекла; вѣтеръ качалъ обнаженные вѣтки большой старой березы, которая лѣтомъ вѣроятно пышно зеленѣла въ маленькомъ садикѣ, куда выходило окно Ольгиной уборной. Я давно не чувствовала себя такъ несчастной, какъ въ эту минуту; мнѣ казалось, что никому не было до меня дѣла... даже самой Ольгѣ, у которой душа была полна новаго, живого чувства, такъ часто дѣлающаго равнодушнымъ человѣка даже къ друзьямъ. Наконецъ я встала, чтобъ идти въ гостиную, какъ взглядъ мой невольно остановился на письменномъ столѣ, гдѣ одна вещь мгновенно приковала мое вниманіе — это былъ фотографическій, чрезвычайно похожій портретъ Михаила Александрыча. Выраженіе лица было задумчиво, почти строго. Я смотрѣла на портретъ и кажется никогда не рѣшилась бы смотрѣть такъ долго и пристально на оригиналъ. Я мысленно спрашивала его совѣта, его мнѣнія, какъ-будто его совѣтъ, его мнѣніе могли заставить меня поступить не такъ, какъ говорила мнѣ совѣсть, но я искала въ нихъ отзыва на мои собственные мысли и чувства.

Когда я вошла въ гостиную, тамъ уже были усатый капи-

танъ и Золотовскій. Последний смотрѣлъ угрюмо въ обыкновеннаго и не начиналъ со мной разговора.

— Ну, подумала я, — онъ все непохожъ на человека, на истребляющагося предложить руку и сердце; и почти успокоилась.

Между-тѣмъ визитъ смѣнился визитомъ. Былъ праздникъ, и всѣ находили удобнѣе посѣщать знакомыхъ послѣ праздничной обѣды. Перебывала большая часть губернской аристократіи. Конечно Ольга не нуждалась въ этихъ посѣщеніяхъ, но она приняла ихъ, какъ доказательство своей нравственной силы, въ отношеніи къ этому обществу, которое осуждая ее заочно, не смѣивалось вступить съ ней въ борьбу ни малѣйшимъ нарушением вѣжливости. Толпясь, время отъ времени, въ ея скромныхъ комнатахъ, оно само же и опровергало этимъ всѣ мелкіе свои выдумки и толки.

Къ тремъ часамъ посѣщенія прекратились, остались только обѣдающіе у Ольги, то есть я, Золотовскій, Латухинъ и капитанъ.

Латухинъ злился на болтливаго капитана и не понималъ, какъ доставало терпѣнія у Ольги снисходительно выслушивать его. Но я догадывалась, что у нея былъ особенный, затѣенный интересъ; она искусно наводила его на рѣчь о Т знакомыхъ и, когда онъ упоминалъ ихъ имена, внимательно и задумчиво прислушивалась къ нимъ. Капитанъ между тѣмъ таялъ отъ ея ласковаго, добраго обращенія и я видѣла, что она приобрѣла себѣ еще человека, готоваго за нее, какъ говорится, въ огонь и въ воду.

— Ну, сестра, сказалъ онъ, втягивая послѣ обѣды свои грубыя, замшевыя перчатки, — по гробъ не забуду твоей ласки родственнаго расположенія и постараюсь самъ заслужить. Прощай пока, до свиданія! Завтра заѣду проститься. А туда-то, въ большой-то свѣтъ, къ тетушкѣ-то, мнѣ что-то не хочется...

— Господи! ужъ онъ съ нами на ты! сказала смѣясь Латухинъ, когда капитанъ уѣхалъ.

— Пусть его! отвѣчала Ольга. Подъ его смѣшной, грубой оболочкой, пресвѣтлѣется много добрыхъ чертъ характера.

Золотовскій продолжалъ хранить со мной молчаніе.

— Блава Богу! подумала я еще разъ, — онъ не только не го-

ворить мнѣ ничего; но даже вовсе не говорить со мной... Можетъ быть Ольга такъ показалось.

— Ольга Васильевна! какой-то мальчикъ проситъ позволенія васъ видѣть, сказала возмездная Саша. Онъ плачетъ, прибавила она.

— Введи его сюда, сказала Ольга.

Въ комнату вошелъ мальчикъ, лѣтъ одиннадцати. Не смотря на зимнее время, онъ былъ въ худенькомъ, почти развалившемся ситцевомъ халатѣ, очень короткомъ; стоптанныя, минокіе, какъ видно чужіе башмаки, едва держались на босыхъ, покрасившихся отъ стужи ногахъ. Онъ всхлипывая, робко остановился въ дверяхъ.

— Поди сюда, поди мой милый! сказала Ольга, съ живостью взявъ его за окоченѣвшія руки. Что тебѣ нужно?

— Меня къ вамъ прислала Катерина Ивановна, отвѣчалъ онъ сквозь слезы. — Поди, говоритъ, она добрая, у меня, говоритъ; гривенника нѣтъ въ домѣ... Маменька у насъ тонится, хочетъ...

— Какъ топиться?

— Удавлюсь, говоритъ, либо утоплюсь... Мы другой день не ѣвши... Насъ у маменьки—то пятеро...

— Ахъ, Боже мой! онъ голоденъ... Лиза! потрудись сказать нянѣ...

— Не надо, я набѣся у Катерины Ивановны. Маменька—то дома лежитъ съ утра, все плачетъ...

— Ваша лошадь здѣсь? спросила Ольга Латухина. Надо ѣхать, онъ не съумѣетъ растолковать, да и долго.

— Поѣдемте вмѣстѣ, отвѣчалъ онъ.

— Можетъ быть пужбы будутъ деньги, сказалъ Золотовскій, подходя къ Ольгѣ, — я знаю, у васъ ихъ не бываетъ много; то вотъ, возьмите.

Ольга молча пожала ему руку; она была такъ взволнована и такъ торопилась, что почти не могла говорить. Няня между тѣмъ уже успѣла связать узелъ, чтобъ отпустить его съ Ольгой.

— Одна я не могу ничего дать, подумала я съ горечью, на мнѣ все чужое; нѣтъ у меня ни браслета, ни кольца мнѣ принадлежащаго...

Къ счастью я вспомнила, что въ ушахъ у меня были серьги

позднейшей матери, эта вещь. — моя собственность... Я отослала историкъ, поспѣшно вынула икъ и тиконько отдала Ольгѣ.

Только черезъ нѣсколько минутъ послѣ ихъ отъѣзда я сообразила, что осталась одна съ Золотовскимъ. Ольга такъ напугала меня утромъ, что я невольно смутилась; но тутъ же подумала, что онъ помогъ черезъ Ольгу бѣднымъ людямъ такъ радушно и такъ просто, какъ будто иначе онъ и поступить не могъ и насупленные брови его показались мнѣ уже не такъ страшными.

— Ольга Васильевна ничего вамъ не говорила обо мнѣ? спросилъ онъ меня наконецъ.

— Нѣтъ... я не помню... я что-то не поняла...

— Я постараюсь, чтобъ вы поняли, продолжалъ онъ, придвигая ближе ко мнѣ свое кресло.

— Вы такъ хмуритесь и такъ злобѣще смотрите, что я почти боюсь васъ, сказала я, силась улыбнуться. — Вы за что-нибудь сердитесь на меня?

— Не за что мнѣ на васъ сердиться... А что Богъ далъ мнѣ такое невзрачное лицо, такъ въ этомъ не я виновата.

— Я говорю о выраженіи вашего лица, а не о красотѣ его.

— Выраженіе моего лица есть выраженіе челоуѣка, который сознаетъ, что рискуетъ быть одураченъ молоденькой дѣвушкой... По просту, я хочу за васъ свататься, и если вы не прочь выйдти за меня замужъ...

Тонъ его рѣчи неприятно на меня подѣйствовалъ. Такая безцеремонность показалась мнѣ профанаціей чувства.

— Вотъ странное предложеніе! перебила я его.

— Можетъ быть странно выраженное, хотите вы сказать...

— Положимъ и такъ...

Я замолчала.

— Ну, такъ какже? Вы мнѣ не отвѣчаете...

— Снадите мнѣ, Владимиръ Андрѣичъ, вслѣдствіе какихъ причинъ или расчетовъ дѣлаете вы мнѣ эту честь?

— Вотъ вопросъ! какіе расчеты, что за причины! Вы мнѣ нравитесь, и все тутъ.

— Но мнѣ кажется этого мало, вамъ все-таки нужно было убѣдиться, нравитесь ли вы мнѣ... Иначе я имѣю право думать, что вы болѣе всего надѣетесь въ настоящемъ случаѣ на мое благоразуміе и незавидное положеніе въ обществѣ... Такъ позволъ-

те васъ увѣрить, что я не намѣрена приобретать тебѣ лучшаго бракомъ, но одну холодному расчету.

— Это все, что вы можете сказать мнѣ?

— Я могу еще прибавить, что всегда буду уважать васъ и всю жизнь сохраню благодарность за ваше доброе намѣреніе вывести меня изъ ничтожества.

— Это называется — позолотить пилюлю... И я въ свою очередь благодарю васъ за откровенность... Ну, вотъ и все конечно, прибавилъ онъ, жолчно улыбувшись. Надѣюсь, все это останется между нами?

— О, конечно, вы можете быть увѣрены.

Онъ взялъ со стола какую-то книгу и быстро, машинально сталъ ее перелистывать. Я сидѣла въ неприятномъ раздумьи на счетъ того, что мнѣ привелся случай огорчить или раздосадовать этого человѣка.

— Ольга сдѣлала бы это мягче, ласковѣе, подумала я, и мнѣ стало досадно на себя. Всему виной положеніе и проклятая гордость!

— Вотъ, заговорилъ опять Золотовскій, искоса поглядывая на меня изъ-за книги, — вы, я увѣренъ теперь сидите и думаете, что нажили себѣ врага. Ошибаетесь, я не такъ золъ, какъ вы воображаете.

— Нѣтъ, я совсѣмъ этого не думаю; увѣряю васъ, что я считаю васъ хорошимъ человѣкомъ.

— А напрасно вы поторопились, не подумали... Видъ Михайлъ Александрычъ не женится на васъ: тутъ много препятствій, о которыя могутъ разбиться всѣ ваши воздушные замки и давно задуманные планы.

При этой неожиданной выходкѣ, вся кровь бросилась мнѣ въ лицо.

— Владиміръ Андрѣичъ! чѣмъ подала я вамъ поводъ дѣлать такія несправедливыя, обидныя заключенія?

— Всѣмъ, отвѣчалъ онъ рѣзко и коротко.

Я посмотрѣла на него, какъ на помѣшаннаго.

— Всѣмъ! повторилъ онъ, если у васъ не сидятъ это въ головѣ, такъ засѣло въ сердцѣ и вы сама еще не сознаете этого. Какъ вы ни скрытны, а такого стараго воробья какъ я, не проведете... Отчего вы и теперь такъ вспыхнули?

— Боже мой! отъ досады, что вы вводитѣ на меня такую небывицу.

— А прошлые разы отъего вы всякій разъ краснѣли, когда я разговаривала о немъ?

— Оттого, что я чувствовала, что вы говорите съ какой-то застенчивой, обидной для меня мыслью.

— И васъ очень сердила эта мысль! Подnote!... Васъ такъ пугаетъ эта мысль, что даже сами съ собой вы обходите не и боитесь заглянуть въ свое сердце... только я васъ предупреждаю — Прасковью Александровну бѣда растрогать, она на всѣ гадости пойдетъ... Васъ забросаютъ грязью, въ прахъ вобьютъ... Вотъ, тогда вы и вспомните обо мнѣ. А то что я говорю о задуманныхъ планахъ — не обижайтесь... Любовь строить ихъ и безъ нашего вѣдома.

Я сама не могла дать себѣ отчета, почему слова его такъ огорчали и смущали меня, до того смущали, что я закрыла глаза рукой и такъ оставалась нѣсколько минутъ безъ словъ, безъ движенія.

— Подnote, началъ Золоторскій, слегка прикасаясь къ моему рукѣ, не горюйте, перемелется мука будетъ. Вотъ, я огорчилъ васъ... рѣзокъ я очень, характеръ проклятый... Не сердитесь вы на меня... Вонъ, и Ольга Васильевна воротилась.

При послѣднихъ словахъ я отвела отъ лица руки и вышла изъ комнаты, чтобъ оправиться отъ смущенія.

— Куда ты спряталась! сказала мнѣ Ольга, встрѣчаясь со мной въ своемъ кабинетѣ. Ахъ, Лиза, Лиза! заговорила она изволнованнымъ голосомъ, какая жизнь, какая нищета! Вообрази сырую, темную, холодную комнату, съ одинаковыми радами, въ которыхъ на половину разбитыя стекла, разлеянная бумагой... пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшій — тотъ мальчикъ, который прибѣгалъ ко мнѣ; всѣ они босые, чуть не наги, озябшіе и голодные... Это семейство писца уѣзднаго суда. Отецъ получаетъ полтора рубля серебромъ жалованья и все пропитываетъ... Это ужасно! И такъ можно жить!.. Какъ мало при этомъ энергіи, силы воли...

— При такихъ обстоятельствахъ, всякая энергія, всякая сила души будетъ подавлена... сказала я.

— Но мнѣ кажется, что эти обстоятельства прииваются сильнѣе къ невѣжеству и безхарактерности, какъ плѣсень къ

стоячей водѣ.. Какъ при всемъ этомъ, живы и сильны у насъ предрасудки касть, продолжала она, — вообрази, эта несчастная мать, на общаніе Латухина позаботится о ея дѣтихъ, обучить ихъ современемъ какому-нибудь полезному ремеслу, отвѣчала: ахъ, какъ можно! они чиновничьи дѣти.. ужь это не приходится... И такъ, сынъ пойдетъ по дорогѣ отца и будетъ имѣть ту же участь... Грустно!

— Вошла няня.

— Ну; что матушка, очень бѣдно? спросила добрая старушка.

— Ужась няня! невозможно смотрѣть безъ слезъ...

— Ну, да ужь какъ тебѣ можно безъ слезъ!.. Видишь, глазки-то красные... Охъ ты моя Софья, обо всѣхъ то ты сохнешь! Это хорошо что ты о бѣдныхъ радѣешь, Богъ о тебѣ самъ порадуется; да вѣдь голубчикъ мой, всѣхъ не оплачешь, надо и себя пожалѣть.

— Поди-ка сюда няня, сказала Ольга, взявъ ее за руку и подводя къ изображенію распятія, стоявшаго въ углу, — посмотри на Него, каковъ Онъ? Избитый, израненный, опозоренный — жалѣлъ ли Онъ себя!?

Старушка благоговѣнно перекрестилась и глубоко вздохнула.

— А по нашему, продолжала Ольга, тронуться страданіями ближняго кажется уже чуть не подвигомъ...

Между тѣмъ какъ она въ раздумьи, опустила голову, свдѣла въ креслѣ; за мной прислали отъ Крипельскихъ. Я поторопилась, чтобъ не держать экипажа.

— Какая досада! сказала Ольга, выходи изъ задумчивости, мнѣ нужно бы было поговорить съ тобой... Ну, что Золотовскій?

Я пѣскоро передала разговоръ мой съ нимъ, умолчавъ однако о его странной выходкѣ на счетъ Михаила Александрыча: этого рассказать у меня не поворотился бы языкъ.

— Очень онъ заился?

— Нѣтъ, не очень.

— Ты обращайся съ нимъ по прежнему, если это тебѣ не трудно, какъ-будто ничего не бывало... Это будетъ ему пріятно и скорѣе сгладитъ съ его души тяжелое впечатлѣніе.

Вчера между Прасковьей Александровной и ея старшей дочерью, шоль сѣдующій разговоръ. Были сумерки, я сидѣла въ диванной, откуда каждое слово ясно мнѣ было слышно. Олимпиада Сергѣвна мѣрала ботинату своими длинными ногами и по временамъ зѣвала, непуская при этомъ звукъ, похожій на тихое стenanie.

— Вотъ, ужъ недолго побыть тебѣ со мной, chère Sophie, сказала Прасковья Александровна. Ты вступаешь въ новую жизнь. Я увѣрена, что ты всегда сохранишь тѣ правила, которыя я старалась внушить тебѣ.

— Я увѣрена, что она будетъ счастлива! сказала Олимпиада Сергѣвна.

— О, дай Богъ! отвѣчала Прасковья Александровна. Она такъ умна и разсудительна, что съумѣетъ поставить себя на хорошую ногу въ томъ обществѣ, которому можетъ служить украшеніемъ. Умная жена и посредственнаго мужа поддержитъ и выведетъ на прямую дорогу въ свѣтъ. А мнѣ кажется, Лоровъ *нѣ bon garçon*.

— Какъ я могла замѣтить, у него мягкій характеръ, съ нимъ можно ладить, сказала Софья.

— Онъ совсѣмъ испорченъ... подумала я.

— Не поторопилась ли ты? сказала Прасковья Александровна. Въ ней вдругъ пробудился инстинктъ матери. — Онъ мнѣ кажется мотовать немножко, любить дѣлать долги. Еще дѣло не потеряно... *On peut s'arranger*.

— О нѣтъ, шаманъ, это вздоръ. Какой же молодой человѣкъ съ его состояніемъ не дѣлаетъ долговъ... Я слыхала пословицу: женится — переимѣнится... Притомъ же я не Лидія, у меня есть характеръ, а не одно пустое упрямство.

— Жаль, сказала Олимпиада Сергѣвна, что съ Латухинымъ не состоялось.

— Да, Латухинъ акуратнѣе, но онъ бы заперъ ее въ деревню; притомъ же старикъ отецъ его... Ты знаешь, какъ Латухинъ удажаетъ его; сколько разъ говорилъ онъ, что не оставитъ отца, пока старикъ живъ, не нарушитъ его привычекъ... Ну, а Богъ знаетъ, сколько еще онъ проживетъ: онъ бодръ и здоровъ для своихъ лѣтъ, даромъ что пятнадцать лѣтъ сидитъ безъ ногъ. Не очень-то весело глядѣть у него изъ рукъ...

— Кузина Ольга выйдетъ за Латухина и будетъ богатой по-
мѣщицей, сказала Софья съ заатаенной горечью.

— Ну, еще Богъ знаетъ, выйдетъ ли... возразила Олимпиада
Сергѣевна. Она не такъ себя держитъ, какъ бы слѣдовало...
Мужчины большою частью употребляютъ во зло излишнюю
снисходительность къ нимъ...

— Сюда ждутъ тетку Латухина, сказала Софья. Вы говорили,
паташ, что хорошо съ ней знакомы, что она васъ очень ува-
жаетъ и слушаетъ.

— Я точно знаю ее очень давно; была у ней посаженой
матерью на свадьбѣ, и точно она меня уважаетъ и любитъ. Но
это такая безхарактерная женщина, ее сейчасъ можно сбить съ
толку... Притомъ же сантиментальна. Она никогда не умѣла,
какъ должно, пользоваться своимъ положеніемъ, вѣчно ныла о
томъ, что вышла за богатаго человѣка, а не за какого-то маль-
чишку, въ котораго влюблена была пансіонеркой. Конечно она
больше рисуется своими жертвами, но вѣдь все-таки это глуп-
ность. К чему?.. Чтобъ имѣть на нее вліяніе, надо за ней до-
стойно слѣдить.

— А знаете, паташ, мнѣ жаль Латухина, сказала Софья, —
его опутали. Еслибъ можно было открыть ему глаза...

— Я, ма бонне amie, съ своей стороны все сдѣлаю, я не по-
смотрю на родство, поступлю по совѣсти. Ну, можетъ ли она
быть хорошей женой, не смотря на весь свой умъ?.. Я этой
мямлѣ Мильгоровой выскажу всю правду. Она къ племяннику
очень расположена. Нянчилась съ нимъ, когда еще онъ былъ
въ университетѣ. Увѣряетъ, что онъ имѣетъ необыкновенное
сходство съ ея умершимъ сыномъ. Страшное сходство! Тотъ
умеръ лѣтъ семи или восьми, а Латухина она узнала уже студен-
томъ. Ну, да это все равно.

— Вы мнѣ, пожалуста, пишите обо всемъ, какъ это у нихъ
пойдетъ.

— Непремѣнно.

— Когда свадьба Лидіи? спросила Софья.

— Охъ, ужъ эта днѣ свадьба! отвѣчала со вздохомъ Пра-
сковья Александровна. Надо подождать брата, — средства у
насъ плохи. Анатолий пріѣдетъ, ему нужны будутъ деньги... Ужъ
партія, нечего сказать, угвѣшила!

— Зачѣмъ же вы позволяли?

— Я шила, мой другъ, свои причины; мать знаетъ, что дѣлать. Ты сама знаешь ея упрямый характеръ. Можно еще было съ ней ладить, пока она не высказалась, а ужъ какъ переступить за черту — конечно! Промалуй, еще надѣлала бы глупостей... После и будетъ жалеть, да ужъ поздно...

— Не безпокойтесь — Лидія сама будетъ стряпать и класть дрова въ печь — это ей по вкусу.

— Конечно, Ольга Васильевна тутъ много виновата, она настрого бѣдную дѣвочку, шилахалась Олимпиада Сергѣевна.

— Она развила ея врожденный вкусъ къ кухнѣ и крестьянской работѣ, сказала Софья. Видь Лидія всегда мечтала о скромной долѣ. Ольга придала ей рѣшимости осуществить эту мечту.

— Конечно постороннее вліяніе много значить, но это уже и врожденное. Вы обѣ получили равное воспитаніе, отчего же ты не такая? сказала Прасковья Александровна съ гордостью.

Разговоръ прерванъ былъ пріѣздомъ гостей, въ числѣ которыхъ былъ и Золотовскій. Я встрѣтила его, какъ-будто между нами ничего не было и онъ, какъ и прежде, былъ внимателенъ и любезенъ со мной по своему.

Свадьба Софьи отпразднована на дняхъ. Молодые, по англійскому обычаю, уѣхали въ день вѣнчанья въ Петербургъ. Прасковья Александровна печальна и озабочена. Лидія горько плакала, когда сестра одѣвалась къ вѣнцу.

— О, какъ мнѣ жаль Софи!.. сказала она мнѣ, сквозь слезы.

И мнѣ самой стало жаль ее, когда блѣдная, почти прекрасная, гордая и молчаливая, вышла она въ вѣнчальномъ нарядѣ принять благословеніе матери... Когда въ глазахъ ея засверкали слезы и она торопливо отерла ихъ своимъ великолѣпно вышитымъ носовымъ платкомъ... Она, можетъ быть, въ первый разъ въ жизнь искренно обняла сестру, поцѣловала меня и твердой, величественной походкой вышла изъ дому, чтобъ сѣсть въ карету и ѣхать въ церковь... гдѣ ждалъ ее ничтожный, пустой чловѣкъ, съ которымъ осудила она себя идти обѣ руку по трудному, извѣстному жизненному пути...

Наконец-то приходит къ концу эта длинная зима. Не смотря на то, что февраль въ половинѣ, морозы еще стоятъ сильныя. Въ городѣ тащима по случаю великаго воста; но баллавы губернатора разстроились представляемыя живыя картины; были два-три неудачные концерта и всѣ великопостыя удовольствія этимъ и окончились. Правда, въ семейныхъ домахъ танцуютъ иногда по вечерамъ подъ фортепьяно, за то днемъ звонятъ, грибы и уныніе...» Недѣли черезъ двѣ, мы переѣзжаемъ въ деревню; Ольга уже давно переѣхала въ свой деревенскій домикъ. Какъ хочется весны, цвѣтовъ, молодой зелени! Скоро пріѣдетъ Михаилъ Александрычъ... О, тогда я вырвусь къ задуманной мною цѣли и докажу Золотовскому, что онъ неправъ, что мысль о супружествѣ съ Михайломъ Александрычемъ никогда не приходила мнѣ въ голову.

Ю. ЖАДОВСКАЯ

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1733

ОЦЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

V

Ц А Р Е В Н А К А Т Е Р И Н А .

-Катюшка свѣтъ мой здравствуй... приходи на табою милость божия и пресветые Богородицы миласердие... А большая мне печаль а тебѣ... письма твои Катюшка чту и всегда плачу на ихъ смотря... При семь быть натобою мае и отцово благословение писавый мать ваша царица Прасковья. -

«Свѣтъ-Катюшка» была любимицей, баловницей — была отрадой и утѣшеніемъ Прасковьи. Она была старшей ея дочерью и съ малыхъ лѣтъ, въ ущербъ сестрамъ, пользовалась материнскими ласками и самой теплой привязанностью. Катерина не была особенно образована; какъ ученица Остермана старшаго, т. е. Остермана «неудобнаго» ни къ какому роду службы и занятіямъ — она не слѣдала, да и не могла слѣлать какихъ либо успѣховъ. Довольно сказать, что окружная вѣдками гувернерами, она не выучилась даже свободно говорить по вѣмецки и впоследствии только понимала этотъ языкъ, но изъяснялась на немъ и не охотно, и не хорошо. И такъ ни успѣха ея привлекли особую любовь матери, ни красота — и въ ней судьба ее отличала, — но рѣзкое отличіе ея характера отъ характеровъ младшихъ сестеръ. Въ самомъ дѣлѣ: сосредоточенная, угрюмая, не общительная Анна, а также вѣчно больная, уродливая и тупая отъ рожденія младшая Прасковья, и та, и другая рѣзко отличались отъ старшей сестры.

Т. II. — Отд. I.

Благодаря описаніямъ современниковъ, мы ясно видимъ предъ собой «свѣтъ-Катюшку».

Маленькая, преждевременно расплывшаяся до чрезмѣрности, черноглазая, съ черною косою, блѣлолицая — она не была красавицей. Но за то обращала на себя всеобщее вниманіе непомянутою болтливостью, громкимъ смѣхомъ, беззаботностью и особенно способностью говорить все, что только взбредетъ въ ея вѣтренную голову.

Она рано стала отличать въ окружающихъ ее придворныхъ — среди пажей, денщиковъ, секретарей и др. героевъ — красавцевъ, была къ нимъ особенно внимательна, словоохотлива и зачастую отпускала остроты — на столько остроумныя, что Лэди Рондо, ни слова непонимавшая по-русски, серьезно находила въ ней «сатирической взглядъ» на вещи.

На ассамблеяхъ и всякаго рода пиршествахъ «свѣтъ-Катюшка» танцевала гораздо больше, нежели ея хворыя и скучныя сестры; — вертѣлась, хохотала, вызывала и отвѣчала на шутки впопадъ и невпопадъ — и звонкій смѣхъ ея постоянно оглашалъ визенскіе, прокопченные табаконъ и провонявшіе пивомъ и водкой, танцевальныя покои общественныхъ собраній.

«Катерина Ивановна», отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ камерюнкерь Берхгольцъ, «женщина чрезвычайно веселая. Она постоянно говоритъ все, что только прійдетъ ей въ голову и потому зачастую выходятъ преуморительныя вещи. «Если я буду предъ вами бранить Берхгольца, сказала она мнѣ однажды черезъ переводчика, — стану называть Берхгольца дезертиромъ и измѣнникомъ, — то вы не принимайте этого на свой счетъ. Я браню не васъ, а вашего двоюроднаго брата оберъ-егермейстера, за то что онъ состоитъ въ шведской службѣ». — Любопытно, замѣчаетъ при этомъ составитель дневника, что Катерина Ивановна хотѣла сказать этимъ комплиментъ, но онъ вышелъ какъ-то особенно странно (1).

А всѣ эти странности нравились многимъ невзыскательнымъ представителямъ тогдашней аристократіи и приводили въ восторгъ вѣжную маманьку. — Она положительно не слышала души въ невзглядной свѣтъ-Катюшкѣ — берегла и лелѣяла ее пуще всего на свѣтѣ...

Этотъ любовью объясняется и то обстоятельство, что желая по долѣе удержать при себѣ старшую дочь, Прасковья охотно отдавала прежде за мужъ среднюю.

(1) Берхгольцъ, ч. II стр. 300. Де-Лірія, стр. 116. Рондо 45. Портреты дочерей ц. Прасковьи, см. въ императ. Романовской галлерей.

Катерина была утѣхой, другомъ, повѣреннымъ всѣкъ тайнъ старушки матери. Царица нерѣдко черезъ нее обращалась съ своими просьбами къ государю, черезъ нее записывала въ новой государынѣ... Эта новая государыня съ каждымъ годомъ получала все больше и больше значенія, больше и больше влiянія на частныя дѣла тогдашней аристократіи — и старушка всячески торопилась ее задобрить. Такимъ образомъ, выполняя желаніе матери, царица Катерина явсалась къ супругу Петра грамотки, исполненныя самыхъ вѣжливѣхъ эпитетовъ: «предражайшая, прелюбезнѣйшая невѣстушка, — голубушка, свѣтъ—царица», поздравляла съ праздниками и всякаго рода торжественными случаями.

Родилась у государыни дочь Марія — и царица спѣшить засвидѣтельствовать свои радостныя чувства, вызванныя этимъ случаемъ: За него, увѣрила Катерина, «мы всемілостиваго Бога благодаримъ, что слышимъ про ваше здравіе, что васъ Господь Богъ въ добромъ здравіи распроталъ чрезъ такой вашъ дальній путь...» «А въ новой годъ (1714—II), продолжала царица, подай Господи царица и чего отъ всего сердца желаемъ (1)...»

И желаніе, какъ надо думать, было самое чистосердечное: государыня вскорѣ (29 окт. 1715 г.) родила Петра Петровича. Его появленіе въ свѣтъ — послужило только къ гибели первенца сына. Царицей Петромъ Преобразователь рѣшился замѣстить убылое мѣсто, но законы Провидѣнія неисповѣдны и десять мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Алексѣя, умеръ Петръ Петровичъ...

Старшая дочь Прасковьи давно была въ лѣтахъ. Ей минуло 24 года, когда вѣщесносный дядошка рѣшился наконецъ пристроить племянницу. За женихами дѣло не стало. Въ январѣ 1716 года явился къ Петру посоль герцога мекленбургскаго совѣтникъ Габихталъ. Посоль явилъ грамоту, въ которой герцогъ въ самыхъ выпрецихъ выраженіяхъ просилъ руки царицы Катерины. Государь охотно согласился, тѣмъ болѣе, что бракъ этотъ входилъ въ черту его политическихъ плановъ и соображеній (2).

Въ день аудіенціи посла приступлено было къ заключенію свадебнаго контракта. На основаніи его, герцогъ обязывался, по заключеніи стовора, — вступать въ бракъ немелвенно, съ подобающимъ торжествомъ, въ томъ мѣстѣ, какое будетъ назначено по взаимному соглашенію. Ея высочество останется православною, равно какъ и весь ея русскій штатъ; причемъ въ резиденціи своей она будетъ имѣть православную церковь. Герцогъ обязывался опре-

(1) См. въ приложеніяхъ. № 1.

(2) *Лѣтопись* VI, стр. 374, 408—410, 416—417.

дѣлать на содержаніе жены и ея штата надлежащее жалованье; всѣ придворные чины должны были получать приличное содержаніе и столъ для ея высочества — долженъ былъ приготовляться въ надлежащія дни постный. — На случай своей смерти, герцогъ обязывался закрѣпить за женою замокъ Гистровъ съ двадцатью-пятью тысячами фунтовъ ежегоднаго содержанія.

Что же касается до русскаго государя, то въ силу свадебнаго договора, онъ обязывался снабдить племянницу экипажами, гардеробомъ и проч., да кромѣ того дать въ приданое двѣсти тысячъ рублей, буде неудастся силою оружья отнять у шведовъ городъ Висмаръ съ Барнеминдомъ, отошедшими отъ Мекленбурга по вестфальскому миру.

Висмаръ, лежащій въ семи миляхъ отъ Балтійскаго моря, нѣкогда принадлежалъ къ славному ганзейскому союзу и вообще былъ весьма выгоднымъ постомъ для морской торговли. Вотъ почему, имѣя въ виду усиленіе и упроченіе своихъ торговыхъ сношеній съ Европою, Петръ непременно хотѣлъ имѣть въ сильной крѣпости Висмаръ надежное складочное мѣсто для русскихъ товаровъ, на что и могъ рассчитывать при закрѣпленіи Висмара съ его пригородами за первоначальными владѣльцами, настоящій представитель которыхъ дѣлался его зятемъ.

Но нельзя сказать, чтобъ новый свойственникъ царской фамиліи былъ человѣкъ симпатичный, достойный родства съ могущественнымъ домомъ. Нѣтъ, Карлъ-Леопольдъ — былъ типъ грубаго, необразованнаго, своевольнаго, въ высшей степени взбалмошнаго владѣльца клочка Германіи.

Начиная съ того, что онъ вступалъ въ бракъ съ русской царевной, въ то время, когда еще жива была его первая супруга, нѣмка, Софія-Гедвига, урожденная принцесса нассау-фрисландская, — но онъ съ ней рѣшительно не уживался, точно также какъ не могъ ужиться съ подданными, въ которыхъ видѣлъ постоянныхъ заговорщиковъ на свое имущество, свободу, даже на жизнь. Вслѣдствіе этого онъ ихъ преслѣдовалъ самымъ деспотическимъ образомъ; хваталъ недовольныхъ, бросалъ въ тюрьмы, чинилъ самъ судъ и расправу, и попирая всякій законъ, посылалъ на эшафотъ...

Зналъ ли Петръ о дѣяніяхъ будущаго зятя? Нѣтъ сомнѣнія, что зналъ какъ нельзя лучше; но едвали смотрѣлъ на это строго, а главное эти *неудобства* были ничтожны въ его глазахъ, предъ несомнѣнными выгодами брачнаго союза. — Свадебный договоръ былъ подписанъ обоими представителями своихъ государей; вице-канцлеромъ Шафировымъ и совѣтникомъ Габихтаемъ. — Послѣдній въ особомъ сепаратномъ артикулѣ обязывался до совершенія брака

предъявить точное доказательство о разводѣ герцога съ первой женой.

По совершеніи обрученія и сговора — весьма довольный Габсбургъ имѣлъ отпускныя аудиенціи — у всѣхъ членовъ царской фамиліи; причемъ царица Прасковья, какъ хлѣбосольная хозяйка и мать высокой невѣсты — всячески старалась его угостить. Была ли она довольна брачнымъ договоромъ? Неизвѣстно, но хочешь или не хочешь, а покориться было надо; она знала крутой нравъ Петра: противиться ему было дѣломъ не легкимъ. — Впрочемъ, государь какъ всегда былъ ласковъ и внимателенъ къ невѣсткѣ и еще незадолго до приѣма мекленбургскаго посла, провелъ у нее нѣсколько часовъ въ толкахъ и бесѣдѣ о предстоящемъ сватовствѣ нѣмецкой владѣтельной персоны.

Прасковья убѣдительно просила государя выдать ей Катюшку замужъ не иначе, какъ въ своемъ высокомъ присутствіи; причемъ просила строго на строго наказать ея мужу, чтобъ онъ берегъ жену... Старушка скорбѣла, что за тяжкими недугами не могла сама быть на торжествѣ, столь близкомъ ея родительскому сердцу.

27 января 1716 года она проводила свою любимицу въ дальнюю дорогу. Государь съ государыней, съ племянницей-невѣстой и съ необходимою свитою — выѣхалъ изъ Петербурга въ Данцигъ (1). Женихъ явился въ Данцигъ 8-го марта и здѣсь впервые увидѣлъ свою веселую, бойкую, хохотунью невѣсту. Первый день ихъ знакомства заключился торжественной ассамблеей у бискупа варминскаго князя Потоцкаго; — за тѣмъ послѣдующіе дни, вплоть до свадьбы, прошли въ осмотрѣ достопамятныхъ замковъ, мѣстностей, церквей, въ посѣщеніи музеевъ; вечера — въ театрахъ и ассамблеяхъ. Нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошли (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ бумагахъ, которыя мы пересматривали) письма Катерины къ ея матушкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ нихъ мы бы узнали какое впечатлѣніе произвелъ на нее Карлъ-Леопольдъ, на сколько полюбилась ей его бесѣда, его наружность, его придворные... Въ официальныхъ же источникахъ мы ничего не находимъ, кромѣ сухого, безжизненнаго перечня празднествъ и торжествъ, въ которыя погружилась брачная чета. Празднества были тѣмъ великолѣпнѣе, что въ Данцигъ съѣхались не только уполномоченные, но и сами вѣнценосные владѣтели Дании, Пруссіи, Ганновера, наконецъ королевства Польскаго. Всѣ они поспѣшили къ Петру, подъ его знамя, для составленія грознаго союза противъ Швеціи... И тутъ, среди политическихъ толковъ, пересудовъ и разсужденій, въ которыхъ иногда до-

(1) Подденная записка 1772 г. II, стр. 14. Голиковъ. VI, 98—109. 473—479.

вольно бесплодно пропадало время, они всячески старались щегольнуть передъ русскимъ царемъ великолѣпными празднествами и пирами.

Достойна замѣчанія елѣдующая случайность: наканунѣ свиданія Карла-Леопольда съ Катериной Ивановной было видно на небѣ громадное сѣверное сіяніе: превеликій былъ свѣтъ съ бѣлымъ огнемъ отъ горизонта до самаго зенита. «Правда, писалъ Петръ въ Россію, хотя натуральное (то было) дѣло; однако зѣло было ужасно видѣть.» Небесное знаменіе было видимо и въ Россіи; и если Петръ находилъ его ужаснымъ, то какъ должна была объяснять его суевѣрная толпа, да и не менѣе ее суевѣрное большинство русской аристократіи? Всѣ они считали воздушное явленіе чудомъ, грознымъ предзнаменованіемъ страшныхъ несчастій... Такъ что Меншиковъ находилъ нужнымъ объяснять во многихъ знатныхъ домахъ, между прочимъ князю Черкасскому «что знаменіе, еже недавно на воздухѣ видимо было, не чрезнатуральное, но обычайное есть; еже по универсальному разсужденію философовъ, изъ сѣрныхъ и селитренныхъ выхожденій происходитъ, и таковыя сіянія въ сихъ нордскихъ странахъ часто видятъ».

Впрочемъ ученія объясненія Меншикова не успокоивали простодушныхъ истолкователей казусаго явленія. Мы можемъ представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе произвело оно на дарицу Прасковью, какъ пылливо спрашивала она о его значеніи у своихъ доморощенныхъ пророковъ и кудесниковъ, и съ какою теплою мольбой сѣдшила въ монастыри да Божьи храмы — къ чудотворной иконѣ, къ нетлѣннымъ мощамъ... ея мольба была за здоровье и счастье ненаглядной «Катюшки».

А «Катюшка» тѣмъ временемъ веселилась; безъ сомнѣнія, довольная и счастливая. Такъ по крайней мѣрѣ мы имѣемъ право думать, зная ея вѣтренный, легкомысленный характеръ. Ее радовали праздники, поражали новые предметы, новыя лица, незнакомый ей бытъ... А будущее? Кчему въ него было заглядывать?

Не такъ думалъ Петръ. Еще наканунѣ свадьбы, 7 апрѣля 1716, онъ обзаялъ герцога выдавать женѣ ежегодно на карманные расходы по 6000 рейхсталеровъ. А за тѣмъ, въ особомъ трактатѣ, въ девяти пунктахъ, изложилъ условія и цѣль, для которыхъ заключается родственнѣй союзъ. Карлъ-Леопольдъ герцогъ мекленбургскій, князь венденскій, шверинскій и рацебургскій, ростокскихъ и старгардскихъ земель государь, взаимно съ русскимъ царемъ обязывался: быть вѣрными другъ другу союзниками и пособниками, во всякомъ, какъ паступательномъ, такъ и оборонительномъ дѣйствіи. Петръ обѣщалъ помощь слабому союзнику и войскомъ и деньгами въ сѣвер-

ной войнѣ, для отнятія у шведовъ Висмара съ пригородами; но зато герцогъ долженъ былъ давать все что нужно и что было въ его власти, для успѣшнаго дѣйствія русско-вспомогательнаго корпуса. Въ случаяхъ какихъ либо неприятныхъ столкновеній мекленбургскаго герцога съ цезарскимъ величествомъ, Петръ бралъ на себя ходатайствовать за него чрезъ своихъ уполномоченныхъ при вѣнскомъ дворѣ.

Все эти условія были крайне выгодны для небольшого германскаго владѣтеля, но трактатъ былъ далеко небезвыгоденъ и для русскаго государя. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ покровительствѣ Петръ являлъ свою силу и вліяніе на дѣла европейской политики; но кромѣ того, на основаніи седьмой статьи трактата, онъ получалъ право свободно и невозбранно присылать свои суда торговыя и военныя въ мекленбургскія пристани; русскіе купцы могли жить, складывать свои товары, имѣть свою церковь, заключать разныя торговыя операціи, подъ особымъ покровительствомъ герцога. Барль-Леопольдъ обязывался всегда чинить свободный пропускъ войскамъ Петра чрезъ свои земли, устраивать для нихъ запасныя магазны и проч.

8 апрѣля была свадьба. Польскій король, не ладившій съ конфедератами и искавшій помощи Петра, разсыпался предъ нимъ во всевозможныхъ пирахъ, ассамблеяхъ и всякаго рода увеселеніяхъ. Тщеславный, сластолюбивый, расточительный и ничтожный по характеру, Августъ II умѣлъ блеснуть роскошью своего двора и находчивостью въ изобрѣтеніи всякаго рода удовольствій.

На другой день послѣ свадьбы онъ далъ новобрачнымъ, ихъ дядѣ, теткѣ и всему двору пиръ на славу, съ разными потѣхами. При сочиненіи ихъ, Августъ искусно подобралъ такія именно забавы, какія должны были повравиться его могучему сосѣду. И дѣйствительно: примѣрныя битвы саксонцевъ съ городскимъ войскомъ, всякаго рода огненныя потѣхи, игры, какъ нельзя больше поправились Петру.

«Извѣствую вамъ, писалъ государь къ Апраксину, что вчерашняго дня племинницы нашей бракъ съ герцогомъ мекленбургскимъ, при присутствіи короля польскаго, и при многихъ знатныхъ особахъ, съ стрѣльбою пушечною и фейерверкомъ торжественно совершился, и съ сею новизною вамъ поздравляю».

Прислушиваясь къ поздравленіямъ и приглядываясь къ празднествамъ и забавамъ, можно подумать, что брачный союзъ заключенъ былъ безъ всякихъ помѣхъ, не вызвалъ никакихъ неприятельныхъ дѣйствій. Противниковъ дѣйствительно было немного, но они были. Во главѣ ихъ стоялъ ганноверскій министръ Беренсдорфъ, родомъ

мекленбургець. Онъ всячески интриговалъ противъ брака Карла Леопольда, и когда интриги его не разстроили свадьбу, онъ много повредилъ въ общемъ дѣлѣ сѣверныхъ союзниковъ. Беренсдорфъ чинилъ всякаго рода проволочки въ дѣйствіяхъ войскъ, и вообще «непрестанно злодѣйствовалъ. И какую напрасную ссору между Россіею и Англіею произвелъ сей злодѣйственный и безсовѣстный человѣкъ, восклицаетъ Петръ, ради своего партикулярнаго дѣла, свѣту есть извѣстно! А понеже онъ въ своемъ принципалѣ такую силу имѣлъ, что все по волѣ его оный дѣлалъ; къ тому же сей Беренсдорфъ имѣлъ своихъ земляковъ (и согласниковъ) при датскомъ дворѣ большую часть, какъ въ министрахъ, такъ и въ генералахъ... къ тому же склонялъ другихъ деньгами... того ради, по злобѣ своей, чрезъ оныхъ вымыслами потѣшалъ, дабы препараціи уметь; и когда опоздають, то самая невозможность будетъ... Здѣсь всякъ непристрастный и разумный рассуди, ни для чего иного сіе учинено, только дабы не зимовать въ Мекленбургіи!» (1)...

По этимъ словамъ можно видѣть, что въ противникѣ брачнаго договора племянницы, Петръ нашолъ интригана искуснаго, опытнаго, надѣлавшаго ему не мало хлопотъ, а главное разстроившаго многіе его планы. Но молодые, хотя и близко были заинтересованы въ планахъ Петра, весело провели медовый мѣсяцъ, за тѣмъ уѣхали въ свои владѣнія и здѣсь, въ городѣ Шверинѣ, Карлъ-Леопольдъ имѣлъ честь принимать (мая 12) своего именитаго теста. Герцогъ провожалъ государя отъ города въ городъ въ предѣлахъ своихъ владѣній, но не видно чтобы Петръ совѣщался съ нимъ, либо звалъ его на сѣзды для переговоровъ съ остальными союзниками... Годовщина полтавской битвы была отпразднована въ Ростокѣ, въ домѣ герцога, съ подобающимъ торжествомъ. Предпримчивый и неутомимый Петръ не оставался долго на одномъ мѣстѣ: онъ ѣздилъ, писалъ приказанія, толковалъ съ министрами, одушевлялъ одного союзника, торопилъ другого и т. д. Такимъ образомъ

(1) Журналъ или подденная записка Петра, т. II. стр. 20—24. 43—44. 398. 421. Судя по энергическому слогу, можно смѣло сказать, что выписанныя нами въ извлеченіи строки, принадлежать ни кому другому, какъ самому Петру. Государь, какъ извѣстно нѣсколько разъ исправлялъ, и вписывалъ цѣлыя страницы въ составляющуюся, по его приказанію, подденную записку. Нельзя не порадоваться, что этотъ драгоценнѣйшій источникъ исторіи царствованія Петра когда-нибудь ляжетъ въ свѣтъ, въ возможно полномъ изданіи, съ примѣчаніями, съ обозначеніемъ собственноручныхъ строкъ Петра, указаніями на его поправки и проч. и проч. Этотъ громадный трудъ принялъ на себя В. Θ. Ратчъ; извѣстный своими изслѣдованіями и розысканіями по части исторіи русской артиллеріи. Правительство назначило ему на изданіе 5000 руб. *Аст.*

во время своихъ заѣздовъ въ Шверинъ или Ростокъ, онъ проводилъ съ семьѣ герцога только нѣсколько сутокъ и спѣшилъ далѣе; за то государыня гостила у нихъ и по часту, и по долгу, такъ какъ она не хотѣла задерживать Петра ни собой, ни своимъ штатомъ.

Самымъ интереснымъ визитомъ Петра къ Карлу-Леопольду, былъ безспорно прїѣздъ его въ Магдебургъ 6 сентября 1717 года.

Государь, какъ кратко значится въ журналѣ, прїѣхалъ сюда въ 8 часовъ утра. Его встрѣтили герцогъ мекленбургскій съ герцогинею, генералъ-фельдмаршалъ прусской службы князь Дангалтъ и другіе.

Государь предъ обѣдомъ ходилъ въ церковь, въ которой осматривалъ разныя достопамятности, между прочимъ камень, на которомъ отсѣкли голову епископу Удону и, переночевавъ въ квартирѣ герцога, выѣхалъ въ Бранденбургъ.

Поденная записка умалчиваетъ о нѣкоторыхъ частныхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ встрѣчи Петра съ зятемъ; тѣмъ не менѣе онѣ интересны, если только справедливы. Такъ напр. объ одной изъ нихъ (едва ли не въ Магдебургѣ) вотъ что рассказываетъ камергеръ Пельвицъ: (1)

«Г. Соссежі, братъ канцлера, въ главѣ правительственныхъ ящъ явился къ Петру съ привѣтствіемъ и поздравленіемъ съ благополучнымъ прибытіемъ. Онъ засталъ гостя съ двумя русскими барынями, Петръ пѣжно обнималъ своихъ собесѣдницъ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока его не отвлекли привѣтственной рѣчью». Какъ ни странно было для нѣмцевъ подобное безцеремонное обращеніе въ ихъ присутствіи, но все это было ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что они увидѣли на другой день. Герцогиня мекленбургская съ мужемъ, прибывши изъ Шверина, чтобъ повидаться съ тестемъ и проводить его въ Берлинъ, сдѣлали государю ранній визитъ. Петръ выбѣжалъ къ племянницѣ на встрѣчу, нѣжно ее обнялъ и повелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ заботливо посадилъ ее на диванъ, оставилъ герцога и его свиту изъ передней слѣдить за его ласками въ растворенную дверь...

7 декабря 1718 года Катерина Ивановна родила дочь Анну. Съ легкой руки Тимофея Мальгина, автора «Зеркала російскихъ государей» принцесса эта доселѣ именуется русскими историками Анной *Леопольдовной*, вмѣсто Анны *Карловны*.

Невзгоды семейной жизни рано начали огорчать герцогиню. Безпокойный, жесткій нравъ мужа скоро обнаружился во всей своей

(1) Mémoires pour servir à l'histoire etc. II p. 65. Anna Ioannovna, Dargestellt von F. W. Barthold p. 22—23.

прелести. Карлъ-Леопольдъ присвоивалъ движимое и недвижимое имѣніе своихъ подданныхъ, безтолково противодѣйствовалъ австрійскому императору, не выполнялъ условій свадебнаго контракта, не снабжалъ жену ни деньгами, ни достаточнымъ содержаніемъ, такъ что она часто обращалась съ сѣтованіями и просьбами о помощи къ матушкѣ, которая всѣми силами хлопотала за нее у Петра. Безпутный мужъ шолъ прямо къ своей гибели, не внимая предостереженіямъ и совѣтамъ тестя... (1)

Посѣщенія сестры Анны въ Митавѣ, гдѣ Катерина видѣлась однажды съ матерью; перениска съ ней при разлукѣ и вниманіе государя, должны были не мало утѣшать и ободрять герцогиню, если только эта толстая, румяная русская барыня, затянутая въ нѣмецкій корсетъ, могла когда нибудь слишкомъ печалиться.

Въ апрѣлѣ 1719 года она гостила у сестры — и государь былъ столь милостивъ, что повелѣлъ выдать ей изъ *курляндскихъ доходовъ* 1000 червонныхъ... Впрочемъ, содержаніе ея было плохо, далеко не герцогское; штатъ состоялъ изъ русскихъ школьничковъ Чемесова и другихъ, которые по словамъ самой государыни, были «гораздо плохи» (2).

Катерина просила, чрезъ посредство матери, въ Августѣ 1719 г. о пополненіи ея штата, о присылкѣ церковнаго причта. Старушка немѣшкотно препроводила письмо въ Петергофъ, къ государынь.

«Государыня, моя невѣстушка, царица Прасковья Федоровна, отвѣчала Катерина, здравствуй на множество лѣтъ купно съ дочкою! Объявляемъ вамъ, государыня, что письмо, до васъ писанное, отъ любезнѣйшей вашей дочери, а нашей племянницы, царевны Катерины Ивановны, его царское величество изволилъ все вычестъ и о священникѣ самъ изволилъ приказать новгородскому архіерею Θεодосію; чтобъ немеленно, по желанію ея величества, отправить попа паискорѣ...»

Государыня заканчивала объявленіе, просьбой, чтобъ «невѣстка не печалилась и увѣдомила бы о своемъ здоровьи: если въ болѣзни ей облегченіе?» (3)

Дорогая царица-невѣстушка дѣйствительно очень хворала; недугъ еще болѣе усиливался печалью въ разлукѣ съ любимой дочерью, несогласіями съ средней и болѣзнию младшей; но собственная болѣзнь

(1) Карлъ-Леопольдъ, лишенный престола (въ 1736 году), пережилъ жену и дочь и скончался въ заточеніи, въ крѣпости Демницъ 28 ноября 1747 года.

(2) Каб. I пол. кн. 64 л. 736 письмо отъ имени Ек. Алек.

(3) Каб. дѣл. I. пол. т. 64 л. 668.

не мѣшала ей выполнять самымъ тщательнымъ образомъ всѣ просьбы «свѣтъ Катюшки».

Такъ въ отвѣтъ на просьбу о присылкѣ церковнаго причта, она извѣщала дочь: «Поѣхали къ тебѣ священникъ, да съ нимъ діаконъ Фильповъ и пѣвчій Филька, кажется люди нарочиты, а буде плохъ, а по землѣ другого пришлю; и чаю, сама поѣду къ Москвѣ зпую и тамъ выберу добрыхъ...» (1)

«А что пишешь, замѣчаетъ въ другомъ письмѣ заботливая матушка, чтобъ не присылать женскаго роду (т. е. прислугу), въ Ригу, и я вѣдь пришлю не на твоёмъ коштѣ, хотя негодны будутъ вамъ и онѣ назадъ прїѣдутъ; и о томъ отпиши, присылать или нѣтъ?...» (2)

Прасковья переписывалась очень усердно; но не довольствуясь письмами, зачастую посылала къ дочери, въ особенности въ то время, какъ она гостила у Анны въ Митавѣ, близкихъ ей людей. Мы видѣли, какъ не вразились подобныя надсмотрщики царевнѣ Аннѣ, не могли нравиться они и сестрѣ ея Катеринѣ; но прекословить матери она не рѣшалась и держала при себѣ этихъ пословъ, которые писали о всѣхъ порядкахъ въ ея жизни къ безпокойной старушкѣ. Въ такихъ посылкахъ, какъ это видно изъ писемъ, особенно часто бывалъ Окуневъ.

«А Окунева, Катюшка, пишетъ Прасковья, буде те надобно держи; буде есть нужда какая приказать и ты ко мнѣ его пришли, а я тотчасъ (его) къ вамъ назадъ пошлю...» «Изволь ты его держать долго, наказываетъ старушка, чтобы мнѣ побольше про васъ сказывалъ...» (3)

Роды были не совсѣмъ счастливы для Катерины Ивановны; первые годы послѣ нихъ она иногда хворала, и вѣсти о ея болѣзни сильно тревожили мать. У Катерины дуло животь, дѣлались судороги и старушка въ интимныхъ письмахъ всячески старалась ее успокоить: «что пишешь про свое брюхо, говоритъ старушка въ одной изъ грамотокъ, и я, по письму вашему не чаю, что ты брюжата. Живутъ съ такіе случаи, что не познаетце; и я при отцѣ такъ была годъ; чаала брюхата, да такъ изошло. Отпиши еще поподлиннѣе про свою болѣзнь и могутъ ли дохтуры вылечить?» (4)

Но успокоивая дочь, старушка сама безпокоилась какъ польза больше и какъ для свиданія съ собой, такъ еще больше для вѣрчевія дочернихъ исдуговъ, звала «Катюшку», на олонекія воды...

(1) Прилож. № 3.

(2) Прилож. № 6.

(3) Прилож. №№ 4, 6 и др.

(4) Прилож. № 5.

«буде мнѣ (лишь) возможно будетъ ѣхать, пишетъ Прасковья въ той же грамоткѣ, и я съ Москвы прямо къ водамъ поѣду. Да отпущи пожалуй подлинно, поѣдетель вы въ Ригу или нѣтъ? И ежели тебѣ возможно отъ него (т. е. отъ мужа), буде не брюхата *по прежнему*, у насъ побывать, какъ вылечисся, для моей старости и для моей болѣзни. И ежели не брюхата, и тебѣ все конечно надобно быть на Оловцѣ, у Марціальныхъ водъ для этакой болѣзни, что пишешь — есть опухоль. И отъ такихъ болѣзней и поврежденія жепскихъ немощей вода зѣло пользуется и вылечиваетъ. Сестра княгиня Настасья (1) у водъ вылечилась отъ такихъ болѣзней. И не пухнетъ и бокъ не болитъ, и немощи уставились помѣсячно, порядкомъ. Если не послужатъ докторскія лекарства, всеконечно надобно тебѣ къ водамъ ѣхать на Олонецъ...» (2)

Находя свои слова недовольно убѣдительными, старушка ссылалась въ доводахъ на авторитетъ государя. Что Прасковья положительно преклонялась предъ своимъ «архангеломъ», такъ она называла Петра, уважала и боялась его (боязнь и уваженіе сливались, какъ всегда, въ одно чувство), это не удивительно; но то интересно, что она даже слѣпо вѣровала въ его медицинскія познанія. Какъ извѣстно, Петръ любилъ анатомію, медицину, самъ выколачивалъ и выдергивалъ зубы, выпускалъ изъ больныхъ водяною — воду, причемъ наивно удивлялся, отчего больные умирали, бросалъ кровь, отрѣзывалъ зараженные члены, наконецъ, какъ мы видѣли при казни Фрейлины Гамильтонъ, съ видомъ знатока, съ любопытствомъ разсматривалъ, ради анатоміи, срубленные головы несчастныхъ...

Всѣ эти обстоятельства не могли не убѣдить его придворныхъ, а съ ними и старушку, что Петръ дѣйствительно близко знакомъ съ медициной и на его слова можно положиться.

...«О болѣзни своей Катюшки, что ты ко мнѣ писала, пишетъ Прасковья, я удивляюсь тому, что какое твое брюхо? Надобно гораздо пользоваться и зѣло (я) сокрушаюсь. Ежели бы были вмѣстѣ, могли бъ всякую пользу сдѣлать. По письму вашему, всеконечно будутъ вамъ дѣйствовать (въ) вашей болѣзни воды; *также и дядюшка изволилъ разсуждать про болѣзнь твою*, какъ чель письмо то, которое ко мнѣ пишешь, *чтобъ конечно вамъ ѣхать къ водамъ*, какъ въ Ригѣ будете, для того, что отъ Риги не далеко. Сестра моя, княгиня Настасья, больше пятнадцати лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла, пожелѣла и распухла, и (отъ) болѣзни ея и док-

(1) Настасья Федоровна Салтыкова, умершая 2 сент. 1736 г. была за дѣйств. тайн. совѣт. княземъ кесаремъ Иваномъ Федоровичемъ Ромодановскимъ.

(2) *Прилож. № 5.*

тора всѣ отказались. И ее *государь* *изволилъ* послать къ водамъ, и она отъ тѣхъ водъ выздоровѣла, какъ не бывало болѣзни, и все стало быть временно (1)!»

Для насъ эти строки важны не только потому, что они показываютъ любовь и нѣжную заботливость матери о своей дочкѣ, но еще и потому, что какъ нельзя лучше обнаруживаютъ то безусловное вѣрованіе въ авторитетъ государя, которое безспорно всегда имѣла Прасковья. Мудрено ли, что за это уваженіе, за эту покорность, за это вѣрованіе въ справедливость каждаго изрѣченія Петра, тотъ платилъ ей взаимно любовью, большимъ или меньшимъ участіемъ къ ея интересамъ, а главное снисхожденіемъ къ ея, довольно крупнымъ слабостямъ, которыя не прощаль однако своимъ теткамъ, сестрамъ и другимъ свойственницамъ...

Впрочемъ, говоря о той пользѣ, какую принесли минеральныя воды сестрѣ Настасѣ, Прасковья не могла сослаться на себя, не смотря на то, что она посѣщала ихъ часто, воды ей не помогали. По примѣру и совѣту Петра, она была на кончезерскихъ водахъ въ 1719 году (2), ѣздила въ Олонецъ на «марціальныя воды» въ началѣ 1721 года, причеиъ ее провожала довольно большая свита, на шестидесяти подводкахъ (3). Царица пробыла здѣсь до 15 марта; была она и въ началѣ 1723 года, но воды не помогали: она постоянно страдала разными недугами. Какъ видно изъ ея писемъ, болѣзни были у нея великія: «мокrotная, каменная, подагра и ея натурѣ такихъ болѣзней не свестъ...» Ноги ей рано отказались служить, она обрюзгла, опустила, сдѣлалась непомѣрно раздражительна и подѣ мѣненіемъ этихъ болѣзней, являла иногда характеръ, какъ увидимъ ниже, въ высшей степени звѣрскаго... Надо думать, что кромѣ премононыхъ лѣтъ, болѣзнь ея развилась и отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Кто бы ни пріѣзжалъ въ привольное село Измайлово, либо въ ея домъ въ Петербургъ; кто бы ни являлся къ хлѣбосольной хозяйкѣ, онъ рѣдко уходилъ не осушивъ нѣсколькихъ стакановъ крѣпчайшаго вина, наливки или водки. Царица всегда была такъ милостива, что сама подавала завѣтныя напитки, сама же и опорожняла стаканъ, ради добраго гостя.

Даже выѣзжая куда нибудь, царица приказывала брать съ собой

(1) *Прилож. № 6.*

(2) *Голлицевъ Г. II. 455.*

(3) Вѣдѣніе служителя ея Петрова въ камеръ-коллегію 8 февр. 1721 г. о дачѣ подводъ на обратный проѣздъ царицы въ Спб. - и тѣ подводки въ пристойныхъ мѣстахъ поставить безъ замедленія, дабы за тѣми подводками, въ пути ея величеству остановки не было. • *Каб. дѣль II полов. т. LIV ст. 1407.*

нѣсколько бутылокъ вина... Нельзя слишкомъ обвинять въ этой слабости старушку; она пила также, какъ пили всѣ, или почти всѣ русскія аристократки Петровскаго двора. Кто читалъ дневникъ Берхгольца, тотъ безъ сомнѣнія помнитъ опасанья въ царскіе дни петербургскихъ и московскихъ барынь; помнитъ и маленькія непріятности для дамъ, неминуемыя послѣдствія подобныяхъ пооекъ. Горькая чаша зачастую не обходила и «ангелоподобныхъ цесаревенъ», какъ называетъ почтительный камеръ-юнкеръ, дочерей великаго монарха...

Больная старушка, убѣждая дочь посѣтить ее, да хорошенько полегчитья, послала ей, также герцогу и ихъ дочери, въ знакъ особенной своей любви и привязанности, разные подарки. То были большею частью дорогіе мѣха лисьи, собольи, горнастаевы, гречкое мыло, дорогіе камни, внучкѣ игрушки и всякаго рода гостинцы (1).

По просьбѣ царицы, самъ государь дѣлалъ иногда подобныя подарки, но разумѣется, чаще доводилось ему дарить деньгами, что было для герцогини гораздо важнѣе, всѣхъ бочечекъ да мазиковъ, которыя не скупилась присылать Прасковья для передачи «крошечкѣ-шалютчкѣ внучкѣ своей Аннушкѣ».

Такъ напр. въ бытность Катерины Ивановны съ мужемъ въ Вѣнѣ (въ 1720 году), государь послалъ на ея нужды переводъ на банкирскій домъ въ 5,000 ефимковъ (2), вообще былъ къ ней какъ нельзя болѣе внимателенъ, извѣщалъ о своихъ радостяхъ, обнадеживалъ своей помощью въ ея нуждахъ и проч.

Рескрипты по большей части писались секретарскою рукой, но иногда начало и конецъ, въ особенности въ P. S. Петръ писалъ самъ.

Въ томъ же 1720 году, 8 августа, государь сообщилъ любезной государынѣ-племянницѣ «зѣло радостную вѣдомость о побѣдѣ, одержанной княземъ Голицынымъ, 6 числа, надъ шведскою эскадрою въ Ламеланской гавани, причѣмъ взяты были русскими четыре фрегата. «И съ сею печальною вѣкторією вамъ поздравляемъ, а какимъ порядкомъ то дѣлалось и что чего взято, тому прилагается печатная вѣдомость». «А что требовали вы о своей нуждѣ, присылывалъ Петръ собственноручно, то исполнимъ вскорѣ; такожъ не извольте думать, чтобы мы васъ позабыли; но летать не умѣемъ, а идемъ хотя тихохонько, по слава Богу не откажемся; а когда въ на-

(1) Прилож. № 3.

(2) Голицынъ, VIII, 431.

шихъ дѣлахъ добро совершится, то и вамъ безъ труда добро дѣлать будемъ» (1).

Катерина неоднократно писала къ лядюшкѣ и тотъ постоянно отвѣчалъ ей въ самый дружелюбномъ тонѣ; вотъ напр. обращикъ этой полуофіціальной, полуродственной корреспонденціи:

«Пресвѣтлѣйшая герцогиня, дружбно-любезная племянница! Мы благодарствуемъ вашему царскому высочеству и любви за учиненное по отправленной къ намъ вашей пріятной грамотѣ, отъ 10 декабря минувшаго гола поздравленіе (съ) новымъ годомъ. И яко мы, во всемъ томъ, что вашему царскому высочеству пріятное и пожеланное приключится можетъ, особливое радостное участіе пріемлемъ такого взаимно желаемъ мы вашему ц. высочеству; и любви отъ Всевышняго, такъ въ наступившемъ новомъ году, какъ на многія слѣдующія лѣта всякой счастливости, постоянного зравія и саможелаемаго благоповеденія и пребываемъ навсегда вашего царского высочества дружбно-охотный дяя Петръ» (2).

Не желая ограничиваться однимъ обмѣномъ поздравительныхъ рескриптовъ, Петръ душевно бы желалъ помочь, ради герцогини, ея мужу. Дѣла послѣдняго были крайне плохи. Онъ ни съ кѣмъ не уживался, никого не слушалъ; на него негодовала австрійскій императоръ, негодовали союзники и сосѣди, а болѣе всего жаловались, и не безъ основанія, его подданные.

— «Просишь ты, писалъ государь къ племянницѣ (3), о прежнихъ вамъ и нынѣ предстоящихъ обидахъ, чтобъ вамъ вспомочь, во и мы часто досады тернимъ и сколько мочно при дворѣ царскомъ трудимся о вашей пользѣ». Государь совѣтовалъ имъ пока обождать, быть возможно уступчивѣе и «склоннѣе», что было по его мнѣнію, необходимо «по нынѣшнимъ пазитурамъ», а главное напоминалъ племянницѣ, чтобъ она убѣдила своего благовѣрваго супруга, чтобъ, онъ не *все такъ дѣлалъ чего хочетъ, но смотря по времени и случаю*».

Не тутъ-то было. Благовѣрный Карлъ-Леопольдъ не унимался, не смотрѣлъ ни на время, ни на случай и дождался грозы со стороны цесаря. Въ его владѣнія, какъ онъ жаловался, несправеднымъ поступкомъ прислали «экзакуцію» (т. е. войско), герцогиня спѣшила послать жалобу къ Петру.

(1) Подлинныя письма Петра 1720 г. л. 1.

(2) Каб. дѣл. I пис. т. LXIV, л. 715.

(3) Письмо Петра 1720. л. 2 собственноручный отвѣтъ изъ Спб. 44 дек. 1720 г. на письмо герцогини отъ 23 ноября изъ Динаминда.

...«Сердечно (объ этомъ) соболъзную, отвѣчалъ государь, но не знаю, чѣмъ помочь? *Ибо ежели бы мужъ вашъ слушался моего совѣта, ничего бѣ сего не было; а нынѣ допустилъ до такой крайности, что уже дѣлать стало нечего. Однакожъ прошу не печалься; по времени Богъ исправитъ и мы будемъ дѣлать сколько возможно*» (1).

Съ заключеніемъ штатскаго мира эта возможность представилась очевиднѣе, и Петръ на официальномъ поздравленіи племянницы «съ благимъ и пожелаемымъ миромъ», собственноручно приписывалъ: «и нынѣ свободнѣе можемъ въ вашемъ дѣлѣ вамъ вспомогать, лишь бы супругъ вашъ *помяче поступалъ*» (2).

Достаточно послѣднихъ словъ, чтобъ представить себѣ, каково было поведеніе Карла-Леопольда, герцога мекленбургскаго, если даже самъ суровый и грозный Петръ вынужденъ былъ напоминать ему о *мякихъ поступкахъ*.

А вѣсти объ этихъ не мягкихъ поступкахъ, болѣе и болѣе отравляли царицѣ Прасковьи и безъ того горькую разлуку съ любимицей Катюшкой; больная, она по цѣлымъ мѣсяцамъ (съ 1720 года) лежала въ постели, владѣя только руками; къ ея же горести, младшая дочь, бывшая при ней неотлучно, безпрестанно неодолевала (3). И душевныя и тѣлесныя скорби вызывали со стороны старушки безпрестанныя просьбы къ «свѣтъ-Катюшкѣ», чтобъ она писала сколь возможно чаще и чаще:

«Пиши ты ко мнѣ царевна Екатерина Ивановна, безпрестанно напоминаетъ царица, пиши ко мнѣ про свое здоровье и про мужнее, и про дочкино почаше...» «Пиши ты ко мнѣ почаше, не крушите меня...» «Отпиши противъ сего письма, какъ можно поскорѣе... а письма твои Катюшка чту, и всегда плачу на ихъ смотря» и т. д. (4).

Что это были за грамотки, которыя обливала слезами Прасковья, мы не знаемъ; мы не нашли ни одной изъ нихъ въ просмотрѣнныхъ нами подлинныхъ бумагахъ; вѣроятно онѣ сохраняются въ одномъ изъ московскихъ архивовъ и когда-нибудь явятся въ свѣтъ... Что они должны быть любопытны для характеристики царевны, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, точно также, какъ не безинтересны письма ея маменьки, помѣщаемыя нами въ приложеніяхъ.

(1) *Каб. дѣл.* I пол. т. *LXV* и 260. письмо изъ Спб. отъ 16 марта, какъ кажется 1721 года.

(2) Подлинныя письма Петра. л. 3. 1721 г. 8 сент. Спб.

(3) *Прилож.* № 5.

(4) *Прилож.* №№ 3, 4, 6 и друг.

Въ этихъ письмахъ какъ нельзя лучше высказывается самая вѣжная материнская привязанность и заботливость старушки о «Катюшкѣ»; съ какою любовью распрашиваетъ она о ея дѣлахъ, какъ искренно груститъ о ея печаляхъ, какъ заботливо спрашиваетъ про болѣзни и какъ неутомимо исписываетъ грамотки совѣтами лечиться сколь возможно скорѣе и старательнѣе; часто напоминаетъ о наблюденіи супружескаго закона, молить не забывать Господа Бога; шлетъ подарки, удовлетворяетъ ея просьбамъ, наконецъ спрашиваетъ о новыхъ нуждахъ, съ полной готовностью выполнить малѣйшую просьбу. Нельзя не замѣтить при этомъ, что ни въ одной строкѣ Прасковьи не прорывается упрека герцогу, котораго она имѣла бы полное право упрекать во многомъ. Если большая часть его поступковъ могла быть скриваема отъ старушки, то все-таки трудно предположить, чтобъ она ничего не знала и ни въ чемъ бы его не винила; но какъ женщина съ большимъ природнымъ умомъ, она не хотѣла упреками посягать раздоръ между супругами; она благоразумно находила, что упреки ни чему не помогутъ, а пожалуй вынудятъ капризнаго и своевольнаго Карла-Леопольда на какой-нибудь дерзкій поступокъ.

Прочитывая самыя вѣжныя, полныя материнской страсти письма Прасковьи къ Катюшкѣ и къ внучкѣ Аннушкѣ, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели въ этой любящей душѣ, на ряду съ столь прекраснымъ и сильнымъ чувствомъ, могли быть другія страсти?.. А между-тѣмъ, въ этой же душѣ, какъ мы увидимъ, гнѣдилась злоба непоимѣрная, жестокость и звѣрство, превышающія всякое вѣроятіе, но видимо совершенно не мыслимыя въ женской натурѣ... Но это было такъ... объ этомъ свидѣлствуютъ подлинныя бумаги...

Пока однако дойдемъ до этихъ фактовъ, послушаемъ горячія просьбы, гнѣвъ и закланія, съ какими убѣждаетъ старушка неважливую Катюшку пріѣхать къ ней на житье; она съ замѣчательною постепенностью и искусствомъ подбираетъ самыя сильныя доводы о необходимости этого пріѣзда:

...«О васъ государь соболѣзнуеть очень и всѣмъ хочетъ помочь, только не выдавшись съ вами, нельзя сего дѣла дѣлать; всеконечно надобно вамъ быть въ Ригу»... Царица жалуется на болѣзни, увѣряетъ, что отъ великихъ скорбей и несносныхъ печалей, не чаеть себѣ долгаго житія и просить простить ея грѣхи, буде что Господь сотворить... И все это пишетъ къ тому, чтобъ Катюшка «буде не брюхата, побывала бы у насъ, какъ вымечася для моей старости и для моей болѣзни»...

И тутъ, рассчитывая на авторитетъ государя и на его значеніе

относительно герцога, Прасковья настаиваетъ, чтобъ дочь просила его ѣхать къ ней въ Россію, а буде отправитесь «не покидайте дочки (Аннушки), не надсадите меня при моей старости». Самымъ сильнымъ доводомъ Прасковьи было желаніе *дядюшки*, т. е. государя; его пиевемъ обнадеживала она дочь, что ихъ дѣло лучше устроится въ Россіи... «всеконечно, Катюшка, пишетъ царица, дядюшка говорилъ, что какъ пріѣдутъ, всеконечно дѣло ихъ управлю; я не пишу никогда ложно»... (1)

«Что до меня, пишетъ Прасковья въ другомъ письмѣ, то я всеконечно больна и лежу въ разслабленіи, и тебѣ, Катюшка, всеконечно надобно ко мнѣ пріѣхать для благословенія и для утѣшенія мнѣ; также чтобъ мнѣ видѣть твою дочку (того) безмѣрно желаю, тобъ я утѣшилась (еслибъ ее увидѣла)»... Затѣмъ опять тѣже обѣщанія, что дѣло герцога устроится тотчасъ же, лишь только онъ, либо Катюшка, пріѣдутъ въ Россію; новыя ссылки на дядюшку, на его желаніе видѣть при себѣ племянницу; а буде это желаніе не исполнится, то вы его тѣмъ «на крѣпко раскручините и у дядюшки всю свою пользу потеряете»... Но изъ слѣдующихъ же за тѣмъ строкъ ясно видно, что дѣло идетъ не столько о *пользѣ герцога*, сколько о сильномъ желаніи старушки «для самаго Бога и Пресвятой Богородицы дочку и внучку увидѣть, хоть на одинъ часъ».

Наконецъ вида, что ея желаніе по разнымъ причинамъ все еще не выполняется, Прасковья въ новомъ письмѣ начинаетъ грозить «Катюшкѣ» гнѣвомъ Божиимъ, даже проклятіемъ, буде та не пріѣдетъ къ ней (2)...

Интересно, что для большей убѣдительности просьбъ, Прасковья не разъ писала шутивыя и въ то же время нѣжныя посланія къ малюткѣ внучкѣ своей Аннушкѣ.

Мы уже видѣли, съ какой заботливостью послала она къ ней игрушечки и гостивцы; попеченія о единственной внучкѣ никогда не покидали бабушку: «которая у меня дѣвушка грамотѣ умѣетъ, пишетъ она между прочимъ къ «Катюшкѣ», и она посылаетъ къ намъ тетрадку; а я ее держу у себя, чтобъ внучку учить Русской грамотѣ» (3).

Какъ просто и какъ наивенъ взглядъ на образованіе своихъ претендовъ у царицы-помѣщицы. Она приказала обучить грамотѣ одну изъ своихъ холопокъ, для того, чтобъ та въ свою очередь, когда придетъ пора, по ея велѣнью, открыла бы свѣтъ науки «не-

(1) *Прилож. №№ 3, 6, 2 и друг.*

(2) *Прилож. тѣже.*

(3) *Прилож. № 3.*

взглядной Аннушкѣ», дочери герцогини мекленбургской. Планъ старушки однако, сколько намъ извѣстно, не исполнился: въ числѣ вставниковъ и наставницъ будущей правительницы: всероссійской империи, мы не видимъ крѣпостную дѣвицу царицы Прасковьи.

Старушка въ особыхъ грамоткахъ просила «махоточку внучку» утѣшать батюшку и матушку, не давать имъ кручиниться. Смотрите напр. сколько вѣжности и любви въ этихъ посланіяхъ, писанныхъ Прасковьей къ внучкѣ самыми тщательными каракульками, уставцемъ, на маленькихъ листочкахъ, бережно и красиво обрѣзанныхъ :

«Другъ мой сердечный внучка, здравствуй съ батюшкомъ и съ матушкой! Пиши ко мнѣ о своемъ здоровьи, и про батюшкино, и про матушкино здоровье своею ручкою. Да поцѣлуй за меня батюшку и матушку: батюшку въ правый глазокъ, а матушку въ лѣвый. Да посылаю я тебѣ свои глаза ☺ ☺ старые, и уже чуть видять свѣтъ; бабушка твоя старенькая хочетъ тебя внучку маленькую видѣть».

«Внучка, свѣтъ мой! пишетъ бабушка въ другой грамоткѣ, желаю я тебѣ, другъ мой сердечный, всякаго блага отъ всего моего сердца; да хочетца, хочетца, хочетца тебя, другъ мой внучка, мнѣ, бабушкѣ старенькой, видѣть тебя маленькую и подружиться съ тобой. Старая съ малой очень живутъ дружно а мнѣ съ тобой о нѣкихъ нуждахъ, самыхъ тайныхъ, подумать и переговорить (нужно)» (1).

Надежды старушки свидѣться съ Катюшой и внучкой начали осуществляться. Еще въ январѣ 1722 года при дворѣ Петра стали воговаривать о скоромъ пріѣздѣ въ Россію герцога мекленбургскаго. 18 января сего года прибылъ отъ него въ Москву курьеромъ полковникъ Тиле. Пріѣздъ его не обратилъ бы на себя большого вниманія, еслибъ онъ не сопровождался слѣдующимъ приключеніемъ. Между Москвой и ближайшей отъ нея станціей, на мекленбургскаго полковника напали разбойники и самымъ неучтивымъ образомъ обобрали и его, и сопровождавшаго его егеря до послѣдней нитки, такъ что ѣмецъ курьеръ явился въ русскую столицу въ крестьянскомъ полубубкѣ... Вѣсть о такомъ грабежѣ вызвала разные толки, между прочимъ о порученіи, съ какимъ явился полковникъ. Оно было секретомъ для двора, но поговаривали, что Тиле присланъ въ Москву вслѣдствіе заговора противъ герцога мекленбургскаго, за который тайный совѣтникъ Вольфратъ съ женою и многія другія

(1) Прилож. №№ 5, 10 и 11.

знатныя лица, подверглись жестокому аресту; говорили между прочимъ и о томъ, что скоро прїѣдетъ въ Россію самъ герцогъ...⁽¹⁾

Петръ дѣйствительно былъ не прочь видѣть его у себя, частью изъ надеждъ направить Карла-Леопольда совѣтами и личными убѣжденіями на настоящую дорогу, частью и потому, что хотѣлъ угодить невѣсткѣ, которая не переставала его осаждать просьбами вытребовать Катюшку въ Россію.

Вслѣдствіе всего этого, отъѣзжая въ персидскій походъ, государь 8 и 11 мая 1722 года отпривилъ двѣ запынныя грамотки къ любезнѣйшей племянницѣ:

«... Обнадеживаемъ васъ, пишеть онъ въ первой, что мы его свѣтлости герцогу, супругу вашему, въ дѣлѣ его вспоможеніе чинить не оставимъ, но понеже необходимо о такомъ важномъ дѣлѣ намъ съ его свѣтлостью самимъ разсужденіе имѣть и о мѣрахъ къ отпривленію того согласиться, того ради, мы къ нему нынѣ... отпривили... капитана Бибикова съ грамотою нашею, требуя, дабы его свѣтлость кунно съ вами въ Ригу прїѣхали. И уповаемъ, что его свѣтлость, ради своей собственной пользы учинить не отречется. А ежели, паче чаянія, его свѣтлость для какихъ причинъ въ Ригу не поѣдетъ, то въ такомъ случаѣ желаемъ мы, (понеже невѣстка наша, а ваша мать, въ болѣзни обрѣтается и васъ видѣть желаетъ), дабы вы для посѣщенія оной прїѣхали сюда. Гдѣ мы съ вами и о дѣлахъ его свѣтлости переговоры и потребное объ оныхъ опредѣлить можемъ».

Вслѣдъ за этимъ рескриптомъ, писаннымъ рукой секретаря, государь подтверждалъ тоже приказаніе въ собственноручной припискѣ: «паки подтверждаемъ, чтобы вы прїѣхали, понеже мать того необходимо желаетъ для своей великой болѣзни.»

Курьеру, капитану Бибикову, императоръ, по убѣдительной просьбѣ невѣстки, вручилъ незапечатанную, собственноручную записку, въ которой просилъ любезную племянницу вѣрить тому, что будетъ говорить предъявитель записки, помнить, что «мать зѣло ее видѣть въ своей болѣзни желаетъ» и чтобы Катюшка всячески спѣшила прїѣздомъ⁽²⁾.

Что касается до самой Прасковьи, то она написала при этомъ случаѣ длинное посланіе (отъ 15 мая)⁽³⁾; главное содержаніе его состояло въ повтореніяхъ просьбъ прїѣхать поскорѣй; старушка не только утверждала, что отъ этого зависитъ вся польза ихъ собствен-

(1) Берггольцъ ч. II, с. 47.

(2) Подлинныя письма Петра, л. 4 и 5.

(3) Прилож. № 6.

наго дѣла, но даже нужнымъ сочла замѣтить, что при житіи въ Россіи «убытку мнѣ никакого не будетъ, — весь коштъ будетъ государевъ».

Пришла наконецъ вѣсть, что дорогая гостя поднялась въ путь-дороженьку: свѣтъ Катюшка — безъ мужа, но съ четырехъ лѣтней дочкой ѣдетъ въ Москву... То-то радость, то-то веселье въ родномъ Измайловѣ! Старушка засуетилась: она то заботливо отдастъ приказанія о чисткѣ хоромъ, о приготовленіяхъ къ приему своей любимицы, то посылаетъ къ ней на встрѣчу, пишетъ письма, — дни для нея тянутся недѣлями, она считаетъ каждый часъ и ждетъ не дождется давножеланныхъ гостей.

Посмотрите, какъ суетится, какъ тревожится царица; время для нея такъ тянется долго, что она рѣшительно терять надежду обнять дочку съ внучкой...

«Катюшка, свѣтъ мой здравствуй! послала я къ тебѣ Алексѣя Татищева... я думаю, что вы долго не будете? Пришлите вѣдомость, гдѣ вы теперь? чтобы вѣдать мнѣ... Пуще прежняго, жемъ да не дождемся... Внучка моя здравствуй! пріѣзжай поскорѣй, не могу я васъ дожидаться и, Богъ вѣсть, дождусь ли я или нѣтъ, по своей болѣзни...

За первымъ встрѣчникомъ посылаются новые; царица отправляетъ «Татьяну съ товарищи», за ними царевну Прасковью... Онѣ везутъ грамотки съ новыми сѣтованьями на медленность въ пути: «... Я васъ, свѣтовъ своихъ, пишетъ старушка, дожидаю въ радости; а больше вѣры нейму, что будете! Кажется, не будете! Если можно, поспѣшите поскорѣе, для того, что днати долго въ дорогѣ быть трудно и для моей болѣзни... Если мнѣ будетъ возможно, я сама выѣду васъ встрѣтить... у меня, свѣтъ мой, намъ и хоромы вымощены для вашего покою... Чаю вамъ ѣхать трудно съ дорогѣ, а больше того днати великой трудъ. А думаю, а никакъ васъ не дождусь, по своей болѣзни... Хотя бы взглянуть (мнѣ) на внучку... У меня въ домѣ, свѣтъ мой, всѣ радуются твоему пріѣзду, а напаче дочкѣ вашей»...

Отъ радости Прасковья стала бодрѣе, поправилась, прощолѣломъ въ костяхъ, чѣмъ она много страдала; но ходить все не могла, и потому, какъ узнала что Катюшка близко, выслала ей на встрѣчу Василья Алексѣевича Юшкова, своего пятиннаго, горячо любимато фаворита. Царица посылала его вмѣсто себя, «впрочемъ тутъ же просила отнюдь не держать его при себѣ болѣе сутокъ»; пришли его ко мнѣ скорѣй, «а я тебя, писала царица, не могу дожидаться» (1).

(1) Прилож. №№ 7, 8 и 9.

Представляешь читателямъ самую прекрасную картину восточной Праксовны съ любимой дочерью, послѣ пылливой разлуки.

Катерина Ивановна прѣѣхала въ Москву въ довольно скучную пору. Государь 13 мая, велѣлъ за нимъ императрица (14-го ч.) и многіе изъ придворныхъ отправились въ Астрахань, въ персійскій походъ. Недѣля двѣ спустя выѣхали въ Петербургъ цесаревны Анна и Елизавета Петровны, также въ сопровожденіи большой свиты⁽¹⁾. Герцогиня Анна Ивановна жила въ Митауѣ, такимъ образомъ изъ имѣннѣйшихъ лицъ въ Москвѣ, оставалась только герцогъ голштинскій съ своимъ штатомъ, добросовѣстно опорожнившись съ своимъ господиномъ кубки съ виномъ въ застѣваніяхъ пьяной компаніи, основанной герцогомъ, подъ названіемъ: «стоить коллегіи».

«Свѣтъ-Катюшка» заняла въ Измайловѣ отведенныя ей комнаты подлѣ матушки; въ большихъ флигеляхъ размѣстилась ея свита, между которыми были и мекленбургцы, такъ напр. капитанъ Бергеръ и друг.⁽²⁾

При дешевизнѣ тогдашней жизни и богатству запасовъ, получаемыхъ съ большихъ вотчинъ, измайловскія обитательницы жили въ достаткѣ, сытно, тепло, уютно; но, платя дань вѣку и собственному необразованію, жили довольно грязно; проводили время въ вѣдѣ, въ спаньѣ, въ исполненіи церковныхъ требъ и въ бездереженномъ приниженіи и угощеніи гостей до отъѣзда и отъѣздія.

Если бы вы вслѣдъ за камеръ-юнкеромъ Беркгольцомъ⁽³⁾ который, какъ статный паренъ — скоро полюбился толстенькой герцогинѣ, зашли бы въ ней въ измайловскій дворецъ, вы бы вѣроятно не попались на встрѣчу царовнѣ Праксовнѣ — блѣдная, растрепанная, съ заплаканными глазами, осунувшимся лицомъ; она бы обыкновенно въ беззаботное, не это же понимала бы ей сумуть вамъ для надежда своею крѣпкою руку. Вы цѣлуете и проходите въ комнату

(1) Онѣ выѣхали вмѣстѣ съ Меншиковымъ 5-го іюня 1722 г. Князь часто извѣщалъ государя съ государыней о здоровьи и занятіяхъ цесаревнѣ *Каб. бѣла*, II полов. т. LX л. 359—379. См. также *Діаріушъ Халемки* въ чт. Общ. Ист. 1856 г. Смѣсь кн. I с. 68.

(2) На родоушеникѣ изъ вѣдомому впоследствии донощику Бергеру, вѣдомому дѣлѣхъ казенной, достигшихъ Латушниковъ въ 1743 году?

(3) Онъ сдѣлалъ первый визитъ въ Измайлово въ свитѣ своего герцога 5 сентября 1722 г. Голштинцы отправлялись въ четырехъ каретахъ, каждая въ шесть лошадей, парадными цугами. Гостей встрѣчали и провожали въ Измайловѣ кавалеры герцогини и царицы. — Бѣсѣда тянулась съ часъ и какъ ни коротко было это время, но всѣ успѣли опорожнить по нѣсколько стакановъ венгерскаго вина, поднесеннаго гостепримными хозяевами.

герцогини не иначе, какъ чрезъ спальню больной царевны... а вотъ и Катерина Ивановна. Послушайте, какіи она отпускаетъ уморительныя вещи, какъ весело болтаетъ, какимъ звонкимъ смѣхомъ заливается на весь домъ при каждомъ словѣ, по ея мнѣнію, остроумномъ.... Хотите или не хотите, а вы должны выпить вина; вамъ его поднесутъ либо сама герцогиня, либо ея малютка дочь, либо подастъ больная Прасковья. — Предваряю, что отказываться нечтиво, да и неприято; пейте и спѣшите за статнымъ камеръ-юнкеромъ... Хохотушка Катерина велѣтъ его въ спальню, устланную краснымъ сукномъ, довольно еще чистымъ; герцогиня показываетъ свою кровать, Богъ знаетъ чѣмъ заслуживающую осмотра, и рядомъ съ ней въ альковѣ вы можете видѣть постель маленькой принцессы. Вообще убранство этой комнаты лучше остальныхъ, которыя меблированы крайне плохо.

Тихе... что это за пискъ и вой? Оглядываетесь: предъ вами полуслѣпой, грязный и страшно провонявшій чеснокомъ и потомъ бандурщикъ, гнусливо затянулъ пѣсню, за ней другую, третью... Катерина Ивановна вообще любительница музыки и всякаго рода эстетическихъ наслажденій; она съ довольной улыбкой слушаетъ и ѣще; Берхгольцъ съ нѣмцами товарищами ничего не понимаетъ, а пѣсни всѣ сальны, не даромъ же царевна Прасковья, въ качествѣ дѣвicy, считаетъ неприличнымъ оставаться въ комнатѣ, когда поютъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Кромѣ нѣсенъ бандурщика, герцогиня выходитъ не мало удовольствія въ шумныхъ и скромощицествѣхъ грязной, слѣпой и безобразной старухи, которая босикомъ, въ какомъ-то рубашкѣ, смѣло и свободно разгуливаетъ въ ея комнатахъ. Особенный звукъ постоянно производитъ сабдукиій фарсъ шумихи: по первому слову матушка Катерина Ивановна, старуха пускается въ плясъ, прачешь съ неподражаемымъ искусствомъ поднимаетъ спереди и сзади свои старыя вонючія лохмотья...

Нѣмцы гости недоумѣвали, какъ герцогиня, столь долго жившая въ Германіи сообразно своему званію, можетъ здѣсь терпѣть такую бабу... Но недоумѣніе ихъ было странно. Катерина Ивановна привыкла къ шутамъ, шутихамъ, карламъ, дурамъ, юродивымъ и т. п. исчадіямъ тогдашней боярской жизни съ малыхъ лѣтъ; вся эта обстановка не поражала, да и не должна была ее поражать; а у такого милого супруга, какимъ былъ безпутный Карлъ-Леопольдъ мекленбургскій, она едва ли могла заимствовать новыя привычки и усвоить новый образъ жизни... Вотъ почему она и посѣдила зажить по старому, лишь только попала въ родимое болото...

Въ этомъ болотѣ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ — былъ старшій нашъ знакомый В. А. Юшковъ. Возвеличенный въ званіе главнаго управляющаго всѣми вотчинными и домами царицы, фаворитъ ея, онъ хлопоталъ объ интересахъ госпожи далеко не съ надлежащимъ усердіемъ. Хозяйство шло плохо, долговъ на «домѣ государыни царицы» считалось много, уплаты велись неакуратно; а при недосмотрахъ главнаго управляющаго, естественно, что не чинились мелкіе прикащики и тащили господское добро на право и на лѣво. Къ довершенію неурядицы заносчивый и своевольный Юшковъ, гордый связью и довѣріемъ къ нему Прасковьи, велъ себя относительно сослуживцевъ крайне дерзко и распоряжался ими по своему произволу.

Въ числѣ ихъ былъ подъячій Василій Деревининъ. Сынъ дьяка изъ приказа большого дворца, Федора Петровича Деревинина, и свойственникъ одного изъ шести думныхъ дьяковъ Гаврилы Деревинина, Василій Федоровичъ началъ службу стряпчимъ при отцѣ и съ 1703 по 1714 годъ, состоялъ въ служителяхъ при комнатѣ царицы Прасковьи. Въ 1714 году, по царскому указу, опредѣленъ онъ въ Измайлово комиссаромъ «для отправленія государевыхъ дворцовыхъ волостныхъ дѣлъ». Въ небытность царицы въ Москвѣ съ 1715 по 1719 г. Деревининъ управлялъ окладною казною царицы.

До сихъ поръ имъ были довольны, онъ исполнялъ свои обязанности спокойно, пользуясь надлежащей довѣренностью. Но въ 1718 году Деревининъ, неизвестно вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, навлекъ на себя гнѣвъ Юшкова. Изъ Петербурга пріѣхалъ для его учета дьякъ Степанъ Тихменевъ, преданный слуга Юшкова и личншій врагъ Деревинина. Учетъ и сдача казны продолжались довольно долго и только въ 1720 году Василій Федоровичъ, по собственному прѣшевію, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности. Сдача должности была неблагополучна для нашего стряпчаго. На него насчитали большіе начеты, онъ не зналъ какъ съ ними быть и дождавшись пріѣзда Юшкова съ царицей въ Москву, сталъ осаждать неотступными просьбами расчитать его безъ несправедливыхъ, по его, удѣренію, начетовъ.

Кто изъ нихъ былъ правъ, изъ дѣлъ не видно; да для насъ рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ особенной важности. За то эта распря интересна въ томъ отношеніи, что въ ея послѣдствіяхъ какъ нельзя лучше выразилась личность старушки Прасковьи. Дѣло Василія Деревинина бросаетъ новый свѣтъ на царицу, тишичную представительницу аристократокъ петровскаго времени. Эпизодъ этотъ столь важенъ, что мы отводимъ для него слѣдующія главы...

VI

ЦЫ Ф И Р Н О Е П И С Ь М О .

... Злымъ, отчаяннымъ, воровскимъ вымысломъ на честь ея величества Параскевіи Феодоровны и къ поношенію ея имени предано то письмо приказной публичкѣ!

(Виденіе въ полицію 29 сент. 1722 г.)

5-го января 1722 г. Деревнинъ въ сотый уже разъ пришолъ хлопотать по своему дѣлу къ Юшкову. Василій Алексѣичъ пріѣхалъ въ это время изъ Измайлова въ свитѣ Прасковьи, и царица по обыкновенію остановилась въ домѣ брата своего Василя Феодоровича, на Тверской, въ приходѣ Спаса (1).

Дождая фаворита, стряпчій стоялъ на дворѣ; вдругъ изъ хормъ вышелъ Юшковъ; онъ не обратилъ вниманія на Деревнина, куда-то спѣшилъ и, проходя по двору, выронилъ нечаянно изъ кармана какую-то бумагу.

Стряпчій оглянулся, на дворѣ не было ни души; онъ подвѣлъ бумагу: то было письмо руки царицы къ ея фавориту, писанное уставцемъ, многія слова были означены *литерами* подъ *тытлами*; въ первой строкѣ такихъ словъ было три, въ другой — четырнадцать, въ третьей — три. Что это было писано Прасковьей Феодоровой, стряпчій не сомнѣвался ни минуты: онъ очень хорошо зналъ ея почеркъ.

Радость и страхъ въ одно и тоже время овладѣли Деревнинымъ. Въ его рукахъ была какая-то тайна; раскрытіе могло дать возможность отомстить ненавистнику его Юшкову, а какъ доносчикъ — онъ получить награду.

Но радость смѣшалась страхомъ: находкой онъ вооружалъ противъ себя Прасковью: сила и значеніе ея хорошо были ему явѣстны. Въ царствѣ онъ навивалъ себѣ врага могущественнаго и непринримаго. Возвратить ли письмо или представить его царю — вотъ вопросъ, который быстро мелькнулъ въ головѣ Деревнина. Не

(1) Этотъ домъ перешолъ потомъ къ Строганову, а отъ него къ князю Александру Борисовичу Голицыну. *Щербатовъ*: О повр. вр. с. 22. У В. Ф. Салтыкова былъ еще дворъ въ Москвѣ за Яузскими воротами, за землянымъ городомъ.

возвратить — подвергнуться преслѣдованіямъ Юшкова и царяцъ; возвратить — потерять случай къ мценію и нарушить государевы указы, находя въ нихъ строгое повелѣніе ничего не утаивать «противнаго въ дѣлѣ государевомъ»; онъ находилъ и одобренія и поощренія къ доносу: «ежели бѣ кто сумнился о томъ, — гласилъ указъ 1714 года, — что ежели явится какой доносчикъ, тотъ бѣдствовать будетъ, то не истинно, ибо не можетъ никто доказать, которому бы доносителю какое наказаніе или озлобленіе было, а милость многимъ явна показана... Того ради, кто истинный христіанинъ и вѣрный слуга своему государю и отечеству, тотъ безъ всякаго сумнѣнія можетъ явно доносить словесно и письменно о нужныхъ и важныхъ дѣлахъ...» (1)

Деревнинъ былъ стряпчій, законникъ, не зная указовъ не могъ; забыть ихъ — также, и слѣдовательно немудрено, что чувство подъячяго, ахчущаго шестя и выслуги, взяло верхъ. Онъ поспѣшилъ со двора кравчаго съ завѣтнымъ письмомъ.

Въ тотъ же день, въ задушевной бесѣдѣ съ тестемъ своимъ, Терскимъ, подъячимъ по страсти и провинціалъ-фискаломъ по должности, Деревнинъ разсказалъ о находкѣ. Терскій долго разсматривалъ письмо, силился разобрать цифирь, но «разудить ее, какъ самъ сознавался, не могъ». — Я хочу подать письмо самому государю, — говорилъ зять. Тесть не отговаривалъ, а напротивъ, со взглядомъ знатока замѣтилъ, что письмо дѣйствительно «противное», т. е. важное и заслуживаетъ доноса.

Между-тѣмъ, пока стряпчій нашъ искалъ случая побить челомъ великому монарху, Юшковъ хватился письма, сталъ развѣдывать, рѣзослалъ лазутчиковъ, и черезъ нихъ, при болтливости Деревнина, скоро узналъ въ чьихъ рукахъ письмо. Не долго думая, Василій Алексѣичъ тотчасъ же арестовалъ стряпчяго и заточилъ въ особую казенку. При боярскихъ домахъ для заточенья и штрафованія ослушныхъ челядинцевъ не было недостатка въ подобныхъ пріютахъ.

Деревнинъ просидѣлъ подъ самымъ строгимъ карауломъ восемнадцать дней, съ 5 по 23 января; къ нему никого не допускали.

(1) Указъ блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти императора Петра Великаго 1714 г. янв. 25. Цѣлый рядъ указовъ: ноября 1705 г. 2 марта 1711, август. 25, окт. 25 — 1713 г., янв. 25, сент. 26, дек. 24 — 1715 г., апрѣл. 16 и 19. — 1717 г., янв. 10 — 1718 г., 16 апр. 1719 г., 9 февр., 22 юля 1720 г., февр. 19 пункт. 6 п 7 — 1721 г., янв. 11 — 1722 г., и многіе другіе указы исполнѣ и отчетливо объявили, кому и какъ доносить, ободрили несмѣлыхъ доносчиковъ, возбуждали честолюбивыхъ общанія, грозили трусливымъ наказаніемъ и проч. Рядъ этихъ указовъ далъ прочное развитіе на Руси цѣлой кастѣ доносчиковъ и шпіоновъ.

Юшковъ требовалъ выдать писма, Деревнина увѣрялъ, что его не имѣлъ и не имѣетъ. Для повѣрки сего показанія, фаворитъ царицы вложилъ на заключеннаго «чепъ пудовъ въ пять». Пытка была слаба въ сравненіи съ сильнымъ желаніемъ Деревнина выслужиться и отомстить противнику. Отъ продолжительнаго и тяжкаго заточенія страпчій заболѣлъ весьма опасно; но чѣмъ больше страдалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что писмо должно быть важное, если Юшковъ такъ настойчиво силится его вымучить.

23 января пришелъ къ Юшкову, какъ къ управляющему, конюхъ отъ двора его величества изъ Преображенскаго, съ требованіемъ выслать немедля четырехъ бывшихъ прикащиковъ Измайлова, въ томъ числѣ и Деревнина, для нѣкоторыхъ справокъ, по повѣркѣ жалобъ царицы на безпорядочное ихъ управленіе.

Но Юшковъ, отославъ двухъ прикащиковъ, не нашолъ совѣтнымъ съ своимъ дѣломъ исполнить приказъ вполне, и не только не выпустилъ Деревнина, но усилилъ надзоръ за арестантомъ, приставивъ къ нему на конюшнѣ въ караулнѣ трехъ солдатъ. Дѣло принимало размѣры болѣе серьезныя, и въ тотъ же день къ заточенному явился, по приказу Прасковьи, служитель ея Андрей Кривскій. Ему поручено было снять поличійшій допросъ.

Кривскій началъ съ того, что выслалъ вонъ караулныхъ. «За чѣмъ тебя спрашиваетъ его императорское величество и чрезъ кого ты хлопоталъ, чтобъ тебя потребовали къ государю?»

— Я не хлопоталъ и не просилъ объ этомъ, отвѣчалъ Деревнинъ. (1)

Кривскій записалъ это показаніе, и записалъ съ слѣдующей уловкой, вмѣсто «спрашивалъ страпчаго Деревнина его императорское величество» — «спрашивалъ Матвѣй Олсуфьевъ»; къ этой бумагѣ заставилъ Деревнина приложить руку и отнесъ допросъ къ царицѣ.

Съ 23 января заточеніе страпчаго ухудшилось до такой степени, что отъ жестокаго держанія онъ заскорбѣлъ и едва былъ живъ». Юшковъ струсилъ; государь былъ въ Москвѣ; государь могъ провѣдать про его самоуправство, и бѣда, если страпчій умретъ подъ арестомъ. 30 января Деревнина выпустили, причемъ подъ великимъ страхомъ запрещено было ему отъ Юшкова съ чѣмъ бы то не было являться къ государю.

Надо думать, что пятипудовая цѣпочка неполниѣ выдавила изъ

(1) Его требовали съ другими страпчними царицы, Аргамаковымъ и Татищевымъ, для повѣрки счетныхъ книгъ, въ которыхъ были неправильно выведены приходъ и расходъ денегъ, выданныхъ изъ кабинета государева. Жаб. П пол. кн. 65 л. 478 и кн. 68 л. 589—590.

нашего героя желаніе заявить Петру дѣйствіе посланіе царственной старушки; онъ не уговорился, сталъ болтать о своемъ намѣреніи — и вотъ, не далѣе какъ двѣ недѣли спустя, отъ Юшкова явились новые сыщики, съ приказомъ схватить Деревинина. Но стряпчій былъ на этотъ разъ осторожнѣе; находя домъ тестя ⁽¹⁾ невольнѣ надежнымъ убѣжищемъ, онъ поспѣшно собрался въ дорогу, обложился подушками, и вмѣстѣ съ женой уѣхалъ въ деревню свояка своего, ревельскаго школьника Петра Иванова Юрьева. ⁽²⁾ Юрьевъ зная, что свояка ищутъ, боялся долго его укрывать, и своякъ до сентября мѣсяца переѣзжалъ изъ деревни въ деревню своихъ родственниковъ въ Московскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ.

Надоѣла ему наконецъ жизнь бродяги. Разсчитывая на то, что государь скоро вернется изъ Астрахани, а царица запомитъ его имя и о таинственномъ письмѣ, Деревининъ вернулся 11 сентября въ Москву и остановился попрежнему въ домѣ своего тестя. Если вѣрить Терскому, то онъ держалъ зятя не скрытно, думая, что никто уже его не потревожитъ.

Но тревожились Юшковъ, тревожилась и царица. Петра не было, руки были развязаны, и они начали дѣйствовать смѣлѣе и свободнѣе, съ полной увѣренностью, что съ поимкой Деревинина, вымучатъ отъ него письмо. Юшковъ повелѣлъ служителямъ именемъ царицы отыскать стряпчаго и за доставку его въ Измайлово, посулить 100 рублей. Награда была заманчива; начались поиски; но у Деревинина были друзья. Александръ Барнавалоконъ и Федоръ Балусевъ, служители царицы, посѣтили его въ домѣ Терскаго и объявили о поискахъ. «Объщано за тебя 100 рублей и больше, и ужъ многіе ле тебя ищутъ» — говорили друзья и говорили совершенно справедливо.

29 сентября, у Покровскихъ воротъ, за землянымъ городомъ, Деревининъ наткнулся на царицына конюха Евтихія Соловцова.

— Стой, братъ! закричалъ Соловцовъ, — всѣмъ намъ приказано, поймавъ тебя, привести, и общана за то великая награда, ступай за мной.

Страхъ придалъ силы, и Деревинину удалось отбиться отъ Соловцова; за то съ этого времени онъ сталъ такъ бдительно хорониться то у тестя, то у свояка, то у другихъ родственниковъ, что Юшковъ

(1) Въ Огородной слободѣ, въ приходѣ церкви Харитонія Исповѣдника, за Мясницкими воротами.

(2) Жены Юрьева и Деревинина были родныя сестры, дочери Григорья Терскаго.

потерялъ наконецъ надежду поймать его своими людьми и ^о братья-са къ пособію оберъ-полиціймейстера.

Полковникъ Максимъ Петровичъ Грековъ былъ еще новичекъ въ своемъ дѣлѣ; званіе московскаго оберъ-полиціймейстера только еще было учреждено (ук. 19 января 1722 г.), и онъ всячески старался угодить сильнымъ міра сего; на его усердіе и Юшковъ и царица смѣло могли положиться.

Такимъ образомъ, 24 сентября отъ двора царицы представлено было къ нему вѣденіе. Въ немъ стреманный Никита Іевлевъ объявлялъ, что дому его государыни служитель Деревининъ, находившійся у ея казны, похитилъ знатную сумму денегъ, нѣсколько тысячъ рублей, бѣжалъ съ женой, дѣтьми и съ пожитками, скрывается въ Москвѣ, а гдѣ — то можетъ указать посланный служитель. Нечего и говорить, что минная (какъ ниже увидимъ) кража Деревинина была только оффиціальной причиною его сыска.

Грековъ немедля послалъ капитана Пазухина и каптенармуса Лодыженскаго арестовать бѣглеца съ его семействомъ и служителями, а пожитки, какія сыщутся, описать, запечатать и приставить къ нимъ караулъ. Буде же Деревинина не сыщутъ въ домахъ, указанныхъ служителемъ, и тѣхъ домовъ хозяевъ, жильцовъ и прислугу привезетъ въ полиціейстерскую канцелярію, дома опечатать и приставить къ нимъ караулъ.

Оберъ секретарь Тихменевъ, повѣренный царицы и самъ судья, привелъ капитанъ-поручика съ его свитой въ домъ фискала Терскаго. Команда была съ заряженными ружьями, и прийдя на мѣсто, весѣлишила оцѣпить домъ съ улицы и переулка. Въ верхнихъ залахъ былъ Деревининъ; услыжавъ шумъ и, догадавшись кто были гости, онъ бросился черезъ калитку на смежный дворъ; полиція не нашла его, не нашла и хозяйина дома: по какому-то сутяжническому дѣлу онъ былъ подъ арестомъ при военной коллегіи, у прокурора Пашкова; — Терскаго отправился выручать въ тотъ день на поруки Юрьевъ, а къ послѣднему уѣхала въ гости жена Деревинина.

Полиція нашла въ домѣ Терскаго его племянницъ, Катерину Игнатьеву и Афію Еремѣеву; слугу Деревинина — Харитона Иванова, слугъ Юрьева — Ивана Петрова, Евстафія Спиридонова, наконецъ шведа Егора Яковлева, купленнаго Терскимъ на улицѣ по весьма сходной цѣнѣ, всего за 2 руб. 50 коп. мѣдн. Всѣ они «избитые мучительно», такъ по крайней мѣрѣ писалъ впоследствии Терскій, со связанными руками назадъ, были отправлены къ оберъ-полиціймейстеру; даже баба изъ сосѣдняго дома, Марья Назарова, вращавшая посудачить къ служанкамъ Терскаго, и та была схвачена усердными полиційскими. Они обшарили весь домъ, перепо-

тѣмъ неволь, вещи, переломали замки, перетраели пуховики да черныи, но ничего *подозрительнаго* не нашли, кромѣ двухъ бумажекъ: то были задранныя нѣматы. Ихъ почему-то Пазухинъ счелъ нужнымъ представить начальству, вмѣстѣ съ чернильницей, палячимъ кнутомъ и сѣрой лошадыю съ нѣмецкимъ сѣломъ. Въ какой-то стожени эта лошада нужна была для допросовъ, неизвѣстно. Совершивъ такимъ образомъ набѣгъ на домъ мирнаго гражданина, волиця оставила все его имущество подъ печатью и карауломъ.

Приведенная партія арестантовъ тотчасъ подверглась самымъ обстоятельнымъ и подробнымъ до нелѣпности опросамъ. Грекову и повѣренному отъ царицы нужно было только знать: куда скрылся Деревнинъ, а между тѣмъ, слѣдуя правиламъ тогдашняго (да и нынѣшняго) дѣлопроизводства, они должны были интересоваться вопросами и отвѣтами, нимало не идущими къ дѣлу, т. е. какого вѣроисповѣданія, происхожденія, гдѣ родился, чѣмъ занимается, былъ ли наказанъ — такой или такая-то отвѣтчикъ и отвѣтчица?

И вотъ, вслѣдъ за любопытнымъ полковникомъ, мы узнали, что отцы приведенныхъ дѣвицъ, братья Терскіе, были: одинъ — вольноотпущенный князя Сергія Долгорукова, а другой — крестьянинъ боярина Сверчкова, отданный имъ въ солдаты; что дядюшка ихъ, провинціалъ-фискаль, въ благопріобрѣтенномъ домѣ котораго онѣ живутъ, имѣетъ большую прислугу, а для острастки ее держитъ кнутъ. Харитонъ Ивановъ генеалогію свою помнитъ гораздо хуже: онъ не зналъ напр. сколько ему лѣтъ, какое его прозвище, крѣпостной ли онъ по рожденію или купленный, и если купленный, то какъ была велика его стоимость; впрочемъ сообщилъ нѣсколько извѣстныхъ уже намъ свѣденій о переѣздахъ его барина, Деревнина, изъ деревни въ деревню. Если память измѣнила Харитону Иванову, за то Иванъ Петровъ очень хорошо помнилъ, что отецъ его былъ кузнецъ, что онъ родился въ Суздальскомъ уѣздѣ, впрочемъ Петровъ не преминулъ назвать село, ознаменованное его рожденіемъ, замѣтилъ, что ему 35 лѣтъ отъ роду и третій годъ пошолъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ взятъ своимъ баринномъ Юрьевымъ въ Москву и живеть въ его домѣ, въ Китай городѣ, у Ильинскихъ воротъ. Что касается до шведа Егора Яковлева, по прозвищу Боровкова, столь сходно купленнаго Терскимъ, то мѣста своей родины онъ не помнилъ, крѣпостной или нѣтъ — того обстоятельно не зналъ; зналъ одно — огородъ да капусту, вѣренную его храненію, и то зналъ только потому, что за недосмотръ, какъ и явилось по осмотру его сцѣпы, Егоръ «весьма знатно бить кнутомъ».

— Нѣтъ, не кнутомъ меня били, говорилъ Боровковъ, меня били батрагами да плетьюи.

Впрочемъ, полиціймейстеръ не съ разу повѣрять, жбо и здѣсь память Егора могла ему измѣнить. Измѣнила она и шестнадцатилѣтнему крѣпостному мальчику г. Юрьева, Остафію Сидридонову. «По осмотру его слышны являлось, что онъ битъ кнутомъ»; но юноша стоялъ на томъ, что баринъ соизволилъ бить его за домашнія вину и чѣмъ инымъ, какъ только плетью да батогами.

Приведенныя нами показанія отобранны были далеко не простымъ сиромомъ. Кудаки и батоги, какъ неизмѣнное условіе тогдашняго полицейскаго опроса (нынѣ они забыты?), были пущены въ дѣло ⁽¹⁾. Если вѣрять Терскому, то Грековъ, и еще болѣе Тихоневъ, пристрастный судья, человекъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, брали допрашиваемыхъ самыми скаредными словами, били нѣкоторыхъ по щекамъ собственноручно, наконецъ раздѣвали и поролли плетью и батогами.

Марья Назарьевна сообщила, что мужъ ея, Осдоръ Даниловичъ Валевъ, служитель царицы Прасковьи; что она зашла нынѣ въ домъ Терскаго по сосѣдству, съ намѣреніемъ доволно мирнымъ — заказать его служанкамъ шесть рубахъ. Такъ какъ болѣе интереснаго Марья ничего не сказала, то ее въ тотъ же день и освободили, во не иначе, какъ на цорухи, подъ росписку мужа, съ тѣмъ, чтобы явилась въ полицію по первому востребованію.

Всѣ эти показанія, представля намъ двѣ-три черты не безинтересныя для знакомства съ нравами того времени, ничего однако не разъяснили Грекову. Было уже списано листовъ десять первыми допросами и было десять часовъ ночи, когда Грековъ нашомъ увѣрымъ поручить тому же капитану Пазухину отправиться въ домъ Юрьева, поискать тамъ Деревнича, а въ случаѣ неудачи, арестовать какъ водится всѣхъ жильцовъ, хозяекъ и хозяина дома.

Новый набѣгъ полицейскаго партизана и на этотъ разъ не вполне удался: Деревнича вновь ускользнулъ изъ его рукъ. Но домъ былъ оцѣпленъ вооруженными солдатами; полицейскіе рыскали по комнатамъ вездѣ и все перешарили; Пазухинъ ругался, «чинилъ разныя обиды», а когда Петръ Ивановичъ Юрьевъ, хотя и революскій школьникъ, внесившій за себя ежегодный выкупъ дѣсти руб. въ адмиралтейство, но во всякомъ случаѣ баринъ самъ, не лишри-

(1) Достоинно замѣчанія, что уже много лѣтъ спустя не только послѣ петровской эпохи, но и послѣ знаменитыхъ указовъ, отмѣнявшихъ пытки, нѣкоторые виды ея, разумѣется незаконно, существовали еще въ разныхъ мѣстахъ необъятной Россіи. Укажу на одинъ видъ подобныхъ секретныхъ истязаній, — на *верлатки*: это, ничто иное, какъ особый видъ ручныхъ кандаловъ въ одинъ, два, четыре, шесть и даже болѣе пудовъ вѣса.

ный права драться, вздумалъ останавливать полицейскаго, то вспылчивый капитанъ-поручикъ отпустилъ ему такого тумака кулакомъ въ голову, что тотъ нашолъ неудобнымъ продолжать дальнѣйшее объясненіе. Съ дамами боецъ отъ полиціи велъ себя не мѣнѣе деликатно. Жена Юрьева, дерзнувшая также что-то сказать, получила ударъ кулакомъ «въ затылокъ» столь ловкій, что слетѣла съ высокаго крыльца, и непременно бы разшиблась до смерти, — такъ повѣствуетъ въ своей жалобѣ очевидецъ Терскій, — если бы добрые люди не подхватили барыню, бывшую въ это время «чреватую».

Было четыре часа ночи, когда Пазухинъ кончилъ обшаривать да опечатывать имущество въ домѣ Юрьева. Оставивъ здѣсь караулъ, онъ отвелъ въ полицмейстерскую канцелярію Григорія Терскаго, его жену Прасковью Дмитриевну, Петра Юрьева и жену его Аппу Григорьевну; что же касается до жены Деревнина, то лгать только она узнала о набѣгѣ полиціи въ домъ ея отца, она тотчасъ ушла изъ дому Юрьева и куда скрылась — неизвѣстно.

Въ полиціи арестантовъ разсажали по казенкамъ; главнѣйшій изъ нихъ, Григорій Терскій, посаженъ былъ въ колодничью палату, въ которой быть было нельзя: въ сырой, тѣсный и душный подвалѣ заперты были 200 человекъ; высидѣвъ въ подвалѣ ночь, Терскій, какъ самъ свидѣтельствуется, едва живъ остался.

Между-тѣмъ допросы продолжались всю ночь; Тихменевъ, личный врагъ Деревнина, не уставалъ; не утомился и господинъ оберъ-полцимейстеръ въ увѣренности, что его труды сторженцею вознаграждаются отъ щедротъ благодушной царицы.

Отъ Юрьева, его жены и тещи слѣдователи ничего особеннаго не узнали; гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе были отвѣты провинціалъ-фискала, составленные съ большимъ искусствомъ человека бывалаго, извѣдавашаго всякаго рода сутяжничество.

Да и немудрено, вольноотпущенный князь В. М. Долгорукяго, онъ началъ службу при «инспекторѣ» Курбатовѣ въ ратушѣ, съ 1706 г. былъ у кабацкихъ и таможенныхъ дѣлъ надзирателемъ, потомъ инспекторомъ въ московской ратушѣ, былъ отставленъ отъ одной должности, получалъ другую, и хотя все это доставалось «не изъ дачъ», какъ самъ увѣрялъ, но въ справедливости его показаній мудрено не усумниться. Съ 1721 года, при посредствѣ оберъ-фискала Нестерова (смертью на висѣлицѣ поплатившійся въ послѣдствіи за взятки и мошенничество), Терскій слѣланъ былъ провинціалъ-фискаломъ. Какъ можно видѣть, тестъ Деревнина занималъ должности и получалъ мѣста прибыльныя, чисто въ подъяческомъ родѣ, и постоянно пребывалъ въ средѣ сутяжничества да лбедничества; если

ему по должности приходилось составлять ловкія челобитныя и доносы, то не менѣе ловко вывертывался онъ изъ обстоятельствъ самыхъ тѣсныхъ. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ могъ оправдываться съ чистою совѣстью: за нимъ не было никакой вины; онъ только имѣлъ неосторожность найти показанное ему цыфирное письмо бумагою важною, и потомъ держалъ Дереннина у себя, но держалъ не какъ преступника, а какъ близкаго родственника.

— Помилуй, господинъ полковникъ, говорилъ Терскій Грекову при началѣ допроса, — ты велѣлъ меня допрашивать оберъ-секретарю Тихменеву, а Тихменевъ особа подозрительная, и Тихменеву при допросѣ не надлежитъ быть. Я подаю на него въ надворный судъ по своему дѣлу доношеніе, да и ему, Тихменеву, переданы счетныя книги у казны царицыной послѣ зятя моего Дереннина.

— Нѣтъ, это ничего, пустяки, возразилъ оберъ-полиціймейстеръ: Тихменеву выходить не для чего. Отвѣчай ему.

Нечего дѣлать. Терскій долженъ былъ отвѣчать, и сообщилъ свѣденія о томъ, съ какого и по какое время жилъ у него Дереннинъ, когда съѣхалъ съ Москвы и проч. Куда дѣвался Дереннинъ, того Терскій не вѣдалъ. По разнообразію вопросовъ, разнообразны были и отвѣты. Полюбопытствовали узнать, для чего у него мастерской, т. е. палачный кнутъ? «Для острастки людей мошхъ, спокойно отвѣчалъ провинціалъ-фискалъ: купилъ я кнутъ у носящаго человѣка, въ Китай-городѣ, близъ Казанскаго собора; отчего у того кнута коонецъ—хвостецъ въ крови, — того я не знаю; купилъ его такъ съ кровью. Изъ людей же билъ только мальчика Спиридонова за воровство и побѣгъ, да Егора Боровкова за домовыя кражи и подвалъ ко двору воровскихъ людей; билъ ихъ не я самъ, а мои же змя, и притомъ не этимъ кнутомъ, а кучерскимъ...»

Подѣлавшись столь интересными фактами, Терскій заявилъ нажалу, что къ 29 сентябрю Дереннинъ явится въ полицію; основываясь на этомъ, Тихменевъ предложилъ ему подписать обязательство: буде не представитъ онъ, Терскій, зятя своего въ теченіи четырехъ дней, то за то взятъ будетъ на немъ показанный отъ царицы Прасковьи ведочетъ, виновникомъ котораго находятъ бывшаго казначея.

Отбравши подписку, слѣдователи не нашли однако нужнымъ освободить Терскаго для поисковъ зятя; напротивъ, заковали его въ желѣза, съ строгимъ запрещеніемъ кого бы то ни было подпускать къ нему и говорить съ нимъ.

Обвиненіе на зятя, будто онъ обворовалъ казну царицы, — Терскій положительо отрицалъ; но сказывалъ Грекову, что имѣетъ за собой нѣкоторое государево дѣло, которое надлежитъ объявить въ

сонатъ, либо въ тайной канцеляріи. Грековъ вынуждалъ сказать ему это дѣло; Терскій долго колебался: ему непремѣнно хотѣлось какъ-нибудь отдѣлаться отъ полиціи, хоть бы съ переволомъ въ тайную канцелярію. Но «по многому принужденію», отозвалъ Грекова въ отдѣльную казенку: «за зятемъ моимъ, объявилъ Терскій, такое государское дѣло, что у него есть нѣкоторое противное письмо руки царицы Прасковьи къ служителю ея Юшкову; а письмо съ литерными словами подъ титлами; въ немъ нѣтъ ничего противъ здоровья его императорскаго величества, ни объ измѣнѣ и бунтѣ, но уразумѣть его я не могъ, понеже оно цыфирное».

Грековъ, можетъ быть и не подозрѣвая, что это письмо и есть главный поводъ ко всему дѣлу, не нашолъ показаніе Терскаго достойнымъ тайны, и выхода изъ казенки, приказалъ то дѣло объявить явно.

— Если я то дѣло объявлю, отговаривался Терскій, то въ страхъ буду, чтобъ мнѣ то за вину не причлось.

— Объяви не опасаясь, — повторялъ оберъ-полиціймейстеръ: здѣсь у насъ только трехъ словъ судить не велѣно; а оное жъ дѣло не какое важное; а здѣсь така-жъ канцелярія, какъ и тайная.

Тогда Терскій нашолся вынужденнымъ повторить свое показаніе и оно было записано.

Подозрительность слѣдователя и усердіе Грекова доходили до крайности. Одинъ изъ жильцовъ въ домѣ Юрьева, Скрипицынъ, послалъ къ нему въ полицію кафтанъ, подушку, а слугамъ хлѣбъ на прощтаніе. Посланный схваченъ и немедля подверженъ допросу. Федоръ Даниловъ, такъ звали служителя Скрипицына, весьма обстоятельно разсказалъ, гдѣ и когда онъ родился, какъ прежде былъ въ извозникахъ, кого возилъ и съ кѣмъ ѣздилъ, какъ его прибилъ и ограбилъ въ одной деревнѣ какой-то Никита Грозный, а его потому дѣлу въ городѣ Пошехонѣ посадили въ тюрьму, наконецъ какъ, освободившись изъ нея, онъ наваялся въ Москвѣ въ услуженіе къ секретарю генерала Чернышева, къ г. Скрипицыну.

Выслушавши, мало того — записавши разсказъ, не имѣвшій ни малѣйшаго отношенія къ производимому слѣдствію, Грековъ любопытствовалъ даже осмотрѣть спину Данилова, — и спина, — чему нельзя не подивиться, — оказалась цѣла.

26 сентября оберъ-полиціймейстеръ положилъ слѣдующія рѣшенія: 1) Племянницъ Терскаго, Игнатьеву и Еремѣеву, также служителя г. Юрьева, Петрова, освободить подъ росписки званымъ московскимъ людямъ, у которыхъ свои дома есть, съ обязательствомъ по первому требованію представить людей въ полицію. 2) Служителя Харитона Иванова разспросить въ застѣвкѣ подъ пыту-

кой⁽¹⁾, куда скрылся его господинъ Деревнинъ. 3) Шведа Борокова и мальчика Спиридонова также допросить въ застѣнкѣхъ подъ пыткой: за что и чѣмъ именно они биты. 4) Петра Юрьева и жену Терскаго освободить для сыску Деревнина, но не иначе какъ подъ росписку знатныхъ людей. 5) Фискала Григорья Терскаго «до полнаго розыска и до указа» держать особо подъ крѣпкимъ карауломъ, скованнымъ, дабы «онъ утечки не учинилъ и никого къ нему не пропускать, повеже онъ допросомъ своимъ самъ себя приманилъ къ немалой важности о *безчестіи* ея величества великой государыни благовѣрной царицы Прасковьи Федоровны». 6) Пожитки въ домахъ Терскаго и Юрьева *прибрать съ однихъ* кладовыя подъ печать и караулъ. (Эта уборка производилась полицейскими, и можно себѣ представить, въ какомъ порядкѣ она дѣлалась и въ какой цѣлости были вещи!)

Въ тотъ же день для какой-то справки по недочетамъ казны Прасковьи, оставшимся на Деревнинѣ, сыскали въ Кадашевской слободѣ торговца Курочкина; въ бытность Деревнина казначесемъ, онъ былъ купчиною при дворѣ царицы (вѣроятно поставщикомъ или подрядчикомъ), и потому надѣялись добиться отъ него нѣкоторыхъ объясненій; но кромѣ свѣденій о мѣстѣ своего рожденія, родѣ занятій и проч., Курочкинъ не нашолъ что рассказать, и его отпустили подъ росписку.

Любопытно было бы знать, дѣлались ли эти освобожденія послѣ нѣкоторыхъ *решпектовъ* оберъ-полиціймейстеру? Судя по угодливости Грекова Прасковьи и ея клеветамъ, трудно допустить, чтобы онъ упускалъ случай поживиться отъ доброхотныхъ дателей, особенно, когда эти датели готовы были на все, чтобы только вырваться изъ смрадныхъ полваловъ — въ нихъ же быть нельзя?

Не безъ страха ждалъ скованный Терскій 29 сентября: въ этотъ день зять его долженъ былъ явиться въ полицію; буде Деревнинъ не явится — Терскаго предадутъ пыткамъ; а въ присутствіи повѣреннаго царицы и врага его Тихменева — пытка не могла быть снисходительна. Съ нетерпѣніемъ ждали этого дня царица и ея фаворать.

Наковецъ настало завѣтное число. Деревнинъ не доставленъ въ

(1) Право пытать и чинить всякаго рода экзекуціи всемілостивѣйше предоставлено было полиціймейстерской канцеляріи 18 января 1721 года. Великій монархъ собственноручно предписалъ: «Полиц. канцеляріи чинить розыскъ и экзекуціи тѣмъ, которые будутъ пойманы въ городѣ и слободахъ въ какомъ состояніи (т. е. въ преступленіяхъ низшаго рода), кромѣ разбоя, татбы и тому подобныхъ дѣлъ». Но для акуратности, о розыскахъ и экзекуціяхъ полиціймейстеръ обязанъ былъ рапортовать юстицъ-коллегіи.

полицію — и стреманный Никита Іевлевъ явился въ канцелярію съ новымъ объявленіемъ либо вѣденіемъ; оно было написано рѣзко, сильно; въ немъ явно выражались досада и гнѣвъ Прасковьи. Царица въ особенноти была озлоблена показаніемъ Терскаго о цифирномъ письмѣ: до него дѣло производилось о кражѣ Деревнина; теперь всѣ увидѣли, что это не болѣе какъ маска; главная пружина всего есть таинственное посланіе; извѣстіе о немъ, какъ записано было у Грекова, клонилось къ безчестію имени ея величества. Вотъ какъ выразилась злоба госпожи въ объявленіи ея стреманнаго: обвиняя Терскаго въ укрывательствѣ бѣглаго стряпчаго, Іевлевъ писалъ: «Провинціалъ-фискаль упомянулъ въ допросѣ о какомъ-то письмѣ царицы; но въ немъ, по его жъ словамъ, ни о здоровьи государя, ни объ измѣнѣ, ни о бунтѣ не написано, то и не слѣдовало Терскому упоминать объ этомъ письмѣ, развѣ по злему его умыслу и къ поношенію чести ея величества, повеже онъ Терскій допрашиванъ о укрывательствѣ въ похищеніи казны ея величества зятемъ его Деревнинимъ, а къ этому безъ всякой причины присовокупилъ въ допросѣ злымъ его, Терскаго, воровскимъ, отчаяннымъ вымысломъ о чести ея величества, чего ему, ежели бы не по злобѣ къ поношенію чести ея величества *приказной публикѣ* тѣмъ допросомъ предавать не надлежало. Притомъ, когда не взыскивали на немъ вора Деревнина, тогда онъ ни о какомъ письмѣ не упоминалъ, а когда стали онаго вора на немъ приказнымъ случаемъ взыскивать, и онъ, Терскій, умыслилъ воровски упомянутое оклеветаніе и за злобу началъ чинить. Если же въ письмѣ была какая-нибудь важность, — весьма ловко заключалъ составитель объявленія, — то не отдавая его Деревнину и *не предавая приказной публикѣ*, Терскій долженъ былъ представить его куда слѣдуетъ» (1).

Обстоятельство это, по мнѣнію составителей объявленія, до такой степени было важно, что они отъ имени царицы просили полицію допросить Терскаго *въ застѣлкѣ и пыткой* принудить его представить Деревнина.

Просьба царицы была бы выполнена непременно въ самомъ скорѣйшемъ времени и съ величайшимъ стараніемъ. Тайный доносчикъ, фискаль Терскій совершенно случайно слѣзлся бы мученикомъ *приказной публичности*, страдальцемъ за гласность, но его спасла попечительная — не матушка, а тайная канцелярія!

Дѣло въ томъ, что еще за два дни до рокового 29 сентября, сынъ

(1) Царица съ Юшковымъ не знали еще, что виновникомъ публичности объявленія Терскаго о цифирномъ письмѣ былъ усердный оберъ-полиціймейстеръ. Это обстоятельство открылось гораздо позже изъ новаго показанія Терскаго 22 октября.

Терскаго, Иванъ, явился туда съ челобитьемъ; въ немъ онъ изложилъ ходъ дѣла и намѣреніе полиціи пытать его отца въ то время, когда за батюшкой есть тайное государственное дѣло. Была ли эта выходка со стороны молодого Терскаго благороднымъ порывомъ какъ-нибудь спасти отца, или старикъ нашолъ возможность передать сыну такое порученіе, — неизвѣстно; какъ бы то ни было, только слово: тайное государственное дѣло — имѣло обычную силу. Въ тотъ же день, 27 сентября, посланъ былъ въ полицію указъ Скорнякова-Писарева, немедленно прислать къ нему въ тайну — Григорья Терскаго.

Непріятно было это повелѣніе ни царицѣ съ Юшковымъ, ни Грекову, отъ котораго съ Терско-Деревнианскимъ дѣломъ ускользалъ изъ рукъ весьма лакомый кусокъ; три дня не высылалъ онъ Терскаго въ надеждѣ новымучить отъ него что-нибудь интересное для царицы; но далѣе мѣшкать было нельзя, послушаться могущественной тайной канцеляріи — дѣло невозможное, и 30 сентября, не безъ грусти, расторопный оберъ-полиціймейстеръ препроводилъ Терскаго по назначенію. До какой степени ему не хотѣлось съ нимъ разстаться, видно изъ того, что дѣло его не было препровождено въ тайную, а отправлено о немъ доношеніе, въ которомъ тщательно подобраны были самыя грозныя обвиненія и противъ него, и противъ Деревнина.

1 октября члены тайной канцеляріи изъ допроса, святаго съ Терскаго, узнали, что государственное дѣло, о которомъ писалъ его сынъ, состояло въ вѣденіи за Деревнинымъ цыфирнаго письма царицы къ Юшкову, которое онъ видѣлъ, но разобрать не могъ.

Тотчасъ же поручено молодому Терскому привести Деревнина. Стряпчій на этотъ разъ не скрылся, свѣдавъ, что дѣло перешло въ тайную канцелярію, не столь доступную вліянію и подкупу царицы Прасковьи и ея фаворита; наконецъ въ увѣренности, что новые судьи его, какъ лица постороннія, будутъ безпристрастнѣе, онъ поспѣшилъ изъ дома Юрьева (гдѣ скрывался) явиться на призывъ.

Въ первомъ же допросѣ обстоятельно познакомивъ членовъ тайной канцеляріи съ своей генеалогіей и подробностями формулярнаго списка, Деревнинъ разсказалъ, какъ и гдѣ нашолъ онъ злополучное письмо, какъ хотѣлъ его предъявить государю императору, разсказалъ о преслѣдованіяхъ Юшкова, и тутъ же представилъ злополучное письмо генералу и гвардіи полковнику И. И. Бутурлину, одному изъ членовъ канцеляріи.

Бутурлинъ поспѣшилъ завернуть письмо въ особый пакетъ и запечаталъ собственной печатью.

Вѣсть о сыскѣ Деревнина быстро прилетѣла къ царицѣ; она по-

ручила оберъ-полиціймейстеру добыть ей «злодѣя стряпчаго», и Грековъ въ тотъ же день представилъ въ тайную канцелярію убѣдительнѣйшую и настоятельнѣйшую просьбу препроводить къ нему Терскаго съ Деревнинымъ для розыску и окончанія начатаго дѣла (1), ссылаясь на извѣстный намъ указъ Петра 21 января 1720 г., всемилостивѣйше даровавшаго право полиціи чинить пытки и экзекуціи по всѣмъ «приводнымъ и воровскимъ дѣламъ», ссылаясь на сенатскую инструкцію, — все было напрасно. Тайная канцелярія очень хорошо знала, что ея собственная коллекція всевозможныхъ инструментовъ для пытокъ и казней несравненно богаче подобнаго же музея полицейской канцеляріи, что въ случаѣ нужды она и сама съумѣетъ *разыскать* кого бы то ни было, и потому не обратила вниманія на просьбы Прасковьи и Юшкова, переданныя устами любезнаго оберъ-полиціймейстера.

Гласъ его остался — гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Пылая гнѣвомъ и жаждою мести, царица рѣшилась наконецъ покинуть село Измайлово и самой добыть либо Деревнина, либо свое цѣфирное письмо (2).

МЕХАНГЪ СЕМЕВСКІЙ

11 февраля 1861 г. Спб.

(Окончаніе слѣдуетъ)

(1) Что касается до Юрьева, то онъ освобожденъ 2 октября вмѣстѣ съ тещею подъ росписку. Тогда же крестьянинъ Федоръ Даниловъ, такъ некстати явившійся къ нему съ подушкой и кафтаномъ, посланъ въ дворцовую канцелярію для повѣрки его показаній.

(2) Верш. дѣла. Р. Д. тайн. канцел. картонъ № 15: дѣло стряпчаго Василія Деревнина. Оно состоитъ изъ трехъ частей. I. Дѣло, присланное изъ полиц. канцел. о В. Деревнинѣ 81 л., а въ немъ слѣд. документы: а) Въденіе Іевлева въ полицію 24 сент. б) Рѣшеніе Грекова 24 сент. в) Докладъ Пазухина. г) Здравная и заупокойная память Терскаго. д) Росписка въ приемъ арестантовъ подъ карауль. е) Допросъ Игнатьевой. ж) Допр. Еремѣевой. з) Доп. Харитона Иванова. и) Допр. Петрова. і) Боровкова. к) Спиридонова. л) Валяевой. м) Приказъ Грекова о новой арестации. н) Допр. Юрьева. о) Юрьевой. п) Григорія Терскаго. р) Терской. с) Обязательство г. Терскаго. т) Допр. Ѳ. Данилова. у) Рѣшеніе Грекова 26 сентября. ф) Допр. К. рочкина 27 сентябр. х) Росписка моручныхъ разныхъ лицъ. ц) Указ. т. канц. о присылкѣ Терскаго. ч) 29 сент. въденіе под. Іевлевымъ. ш) 1 окт. донош. полиціи въ т. канц. щ) 2 окт. росп. поручителей за Юрьева и др. Опись всему дѣлу и экстрактъ для тайной канцеляріи. Во II ч. дѣл. о стряпч. Деревнинѣ — производ. въ тайн. канцел. 90 листовъ. Смотри просьбу И. Терскаго — 27 сент., указъ Писарева, доношеніе Грекова о необходимости кончить сіе дѣло въ полиціи, допросы 1 окт. Терскаго и Деревнина.

ВАНЬКА-КЛЮЧНИКЪ

БАЛЛАДА

Словно ягода лѣсная,
И укрыта и спѣла,
Свѣтъ-княгиня молодая
Въ княжемъ теремѣ жила.

У княгини мужъ ревнивый,
Хоть и сѣдъ, а нравомъ крутъ,
Царской милостью спѣсивый,
Вѣдалъ Думу лишь да судъ.

А у князя Ваня-ключникъ
Кудреватый, удалой,
Ваня-ключникъ — злой разлучникъ
Мужа стараго съ женой.

Хоть не даривалъ княгинѣ
Ни монистъ, ни кумачу,
А вѣдь льнула же къ дѣтнѣ,
Что сорочка ко плечу!

Цѣловала, миловала,
Подносила къ чаркѣ хмѣль
И тайкомъ съ собою клала
Что на княжую постель.

Да извѣтнымъ наговоромъ
Князь дознался всю вину, —
Какъ дознался, такъ съ покоромъ
И замкнулъ на ключъ жену.

«Гой, холопя, вы подите —
Быть на дыбѣ вамъ въ огнѣ!

Вы подите, приведите
Ваньку-ключника ко мнѣ!»

Охъ, ведутъ къ нему Ванюшу, —
Вѣтеръ кудри Ванѣ бьетъ;
А княгиня—то всю душу
За Ванюшу отдаеть...

«Ты скажи ли мнѣ, Ванюшка,
Какъ съ княгиней жилъ досель?»
— «Охъ, то вѣдаеть подушка
Да пуховая постель!»

«А и хмѣль-то былъ угаренъ, —
Такъ позволъ же мнѣ скорѣй
Спѣть въ послѣдній разъ, бояринъ,
Пѣсню милости твоей :

«Много тамъ было попито
Да поругано тебя,
А и въ красцѣ-то пожито,
И цѣловано, любя!»

«На кровати, въ волю княжью,
Тамъ полежано у насъ
И за грудь ли, грудь лебязью
Было хватано не разъ!» —

— «Ай-да пѣсня!.. видно хвата!
Исполать, за то люблю! —
Вы повѣсьте-ка, ребята,
На шелковую петлю!»

Вѣтеръ Ванюшку качаетъ,
Что былинку на мсѣхъ, —
А княгиня умираеть
Во свѣтлицѣ, на ножѣ...

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ

ПОХОЖДЕНІЯ АРТУРА ГОРДОНА ПЭЙМА

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ЭДГАРА ПО

I

СКОРОСПѢЛЫЕ ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНІЙ

Имя мое — Артуръ Гордонъ Пэймъ. Отецъ мой былъ почтенный торговецъ, поставщикъ морскихъ матеріаловъ въ Нантуки, гдѣ я родился. Дѣдъ мой, по матери, былъ атторнэй и велъ дѣла свои очень хорошо. Все ему удавалось, и онъ сдѣлалъ нѣсколько очень счастливыхъ спекуляцій на фонды *Эдгартонскаго Новаго Банка*, при самомъ его учрежденіи. Этими и другими средствами онъ сумѣлъ приобрѣсть себѣ состояніе довольно порядочное. Онъ питалъ ко мнѣ, полагаю, расположенія болѣе, чѣмъ къ кому-нибудь другому на свѣтѣ, и я могъ надѣяться на самую значительную часть этого богатства послѣ его смерти. Шестилѣтняго, онъ отдалъ меня въ школу стараго мистера Рикетса, почтеннаго джентельмена, съ одной рукой и съ довольно эксцентричными манерами: онъ извѣстенъ очень хорошо почти всеѣмъ лицамъ, посѣщавшимъ Нью-Бедфордъ. Я пробылъ въ его школѣ до шестнадцатилѣтняго возраста и оставилъ ее затѣмъ, чтобы поступить въ академію мистера Э. Ровальда на горѣ. Тамъ я подружился съ сыномъ мистера Бернарда, капитана корабля, принадлежавшаго дому Ллойдъ и Вреденбургъ; мистеръ Бернардъ также очень хорошо извѣстенъ въ Нью-Бедфордѣ и имѣеть, я увѣренъ, много родственниковъ въ Эдгартонѣ. Сына его звали Августомъ; онъ былъ годами двумя старше меня. Онъ ходилъ однажды съ своимъ отцомъ на китоловномъ суднѣ *Джонъ До-*

нальдсонъ и безпрестанно рассказывалъ мнѣ свои приключенія въ Южномъ Тихомъ океанѣ. Я очень часто посѣщалъ его семейство, проводилъ тамъ цѣлый день, а иногда и ночевывалъ. Мы ложились на одну кровать, и Августъ былъ увѣренъ, что можетъ не дать мнѣ заснуть до утра, рассказывая бездну исторій о дикихъ острова Тиниана и другихъ мѣсть, которыя онъ посѣщалъ во время своего путешествія. Кончилось тѣмъ, что я сталъ находить особенный интересъ въ его рассказахъ и мало по малу во мнѣ развилось пламенныйѣе желаніе отправиться въ море. У меня былъ парусный ботъ, названный мною *Аргелемъ* и стоившій около семидесятипяти долларовъ. На немъ была палуба и каюта въ носу; построенъ онъ былъ тендеромъ. Я забылъ его вмѣстимость, но безъ большого неудобства на немъ могло сидѣть до десяти человѣкъ. На этой-то лодкѣ мы имѣли обыкновеніе совершать самыя нелѣпыя путешествія; и теперь, когда я вспоминаю объ этомъ, всегда дивлюсь, что я еще живъ.

Я расскажу одно изъ нашихъ приключеній въ видѣ вступленія къ болѣе длинному и болѣе серьезному разсказу. Однажды, вечеромъ, у мистера Бернарда были гости и къ концу вечера мы съ Августомъ порядочно подгуляли. По моему обыкновенію въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто того, чтобы воротиться домой, я считалъ за лучшее ночевать у своего друга. Онъ заснулъ очень покойно, по крайней мѣрѣ я такъ думалъ (гости разошлись около часу ночи), и не сказавъ ни слова о своемъ любимомъ предметѣ. Прошло около получаса какъ мы легли, и я сталъ только забываться, какъ онъ вдругъ всталъ и началъ божиться самыми ужасными клятвами, что онъ не согласится спать, ради всѣхъ Артуровъ Пэймовъ въ христіанствѣ, когда дуетъ такой прекрасный юго-западный вѣтеръ. Никогда въ жизни не былъ я такъ удивленъ; не понимая что онъ хочетъ сказать, я думалъ, что ликеры и вино довели его до чертиковъ. Между тѣмъ онъ сталъ разговаривать очень спокойно, сказалъ, что знаетъ, будто я считаю его пьянымъ, но что напротивъ, онъ никогда въ жизни не былъ такъ трезвъ. Онъ только усталъ, добавилъ онъ, отъ лежанья въ постели, какъ собака, въ такую прекрасную ночь и рѣшился встать, одѣться и прокатиться въ лодкѣ. Я не съумѣю рассказать что сдѣлалось со мною; но едва выговорилъ онъ эти слова, какъ я почувствовалъ раздражительную дрожь и величайшую жажду удовольствія, и нашолъ, что его безумная мысль, прелестнѣйшая и умнѣйшая вещь въ мірѣ. Дующій вѣтеръ былъ почти бурей и время стояло холодное; былъ октябрь въ половинѣ.

Я вскочилъ съ постели въ какомъ-то безуміи и объявилъ ему, что я также храбръ какъ и онъ, также усталъ лежать въ постели какъ собака, и также готовъ совершить всѣ прогулки въ мірѣ, какъ и всѣ Августы Бернарды изъ Нантуки.

Мы на-скоро одѣлись и поспѣшили къ ботику. Онъ былъ прича-ленъ къ старой развалившейся набережной, около верфи Панкэй в комп., и сильно бился бортами о толстые брусья. Августъ вошелъ въ лодку и сталъ ее отливать, потомучто она почти до половины была наполнена водой. Кончивъ это, мы подняли марсъ и большой парусъ и подѣ полнымъ вѣтромъ смѣло пустились въ открытое море.

Свѣжій вѣтеръ, какъ я уже сказалъ, дулъ съ юго-запада. Ночь была свѣтлая и холодная. Августъ сталъ на руль, а я помѣстился у мачты на палубѣ. Мы неслись прямо съ величайшею бы-стротою, и ни одинъ изъ насъ не произнесъ ни слова съ той минуты, какъ лодка была отвязана отъ набережной. Наконецъ я спросилъ моего товарища, куда онъ намѣренъ плыть и когда, по его мнѣнію, мы возвратимся на берегъ. Онъ посвисталъ нѣсколько минутъ и по-томъ сердито сказалъ:

— Я, я иду въ море, что касается до *васъ*, вы можете отпра-виться домой, если находите это нужнымъ!

Взглянувъ на него, я тотчасъ же замѣтилъ, что не смотря на притворную беззаботность, онъ въ страшномъ волненіи. При лун-номъ свѣтѣ я могъ видѣть его ясно: лицо у него было бѣлѣе мра-мора, а рука дрожала такъ сильно, что едва держала руль. Я ви-дѣлъ, что совершается что-то очень важное и сталъ серьезно без-покоиться. Въ то время я не былъ силенъ въ управленіи судномъ, и мнѣ пришлось завистъ совершенно отъ искусства моего друга. Вѣтеръ вдругъ засвѣжѣлъ и насъ сильно понесло отъ берега; между тѣмъ мнѣ стыдно было выказать малѣйшій страхъ, и въ продолже-віи почти часа, я твердо хранилъ молчаніе. Но какъ бы то ни было, я не могъ наконецъ выносить долѣе этого положенія и заговорилъ Августу о необходимости возвратиться на берегъ. Какъ и прежде онъ молчалъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, не обращая ни-какого вниманія на мой совѣтъ.

— Сейчасъ, сказалъ онъ наконецъ... у насъ есть еще время... у насъ... сейчасъ.

Я ожидалъ отвѣта въ этомъ родѣ, но въ произношеніи Августа было что-то, что наполнило меня чувствомъ невыразимаго страха.

Я сталъ внимательнѣе въ него вглядываться. Губы его были совершенно свинцоваго цвѣта, а ноги тряслись такъ сильно, что онъ казалось едва стоитъ.

— Ради Бога, Августъ! крикнулъ я, совершенно испуганный на этотъ разъ, что съ тобой? Что такое? что ты хочешь дѣлать?

— Что такое! бормоталъ Августъ съ видомъ величайшаго удивленія, выпуская въ тоже время изъ рукъ руль и падая впередъ на дно лодки; — что такое! да ничего... совершенно ничего... домой... мы идемъ домой, чортъ возьми!.. развѣ не видишь?..

Тогда истина открылась мнѣ. Я бросился къ нему и поднялъ его. Онъ былъ пьянъ, пьянъ какъ стелька; не могъ больше ни стоять, ни говорить, ни глядѣть. Глаза у него стали совершенно стеклянные. Въ припадкѣ отчаянія, я бросилъ его, и онъ покотился какъ колода въ воду на дно лодки, откуда я его вытащилъ. Очевидно было, что на вечерѣ онъ шилъ гораздо болѣе, чѣмъ я подозрѣвалъ и что поведеніе его въ постели было слѣдствіемъ одного изъ тѣхъ глубоко-сосредоточенныхъ опьяненій, которыя, какъ и сумасшествіе, даютъ часто жертвамъ способность подражать поведенію людей, сохранившихъ полное самосознаніе. Холодный ночной воздухъ произвелъ скоро свое обычное дѣйствіе; нравственная сила уступила его вліянію, а неясное сознаніе, какое имѣлъ онъ безъ сомнѣнія о нашемъ опасномъ положеніи, приблизило катастрофу. Теперь онъ лежалъ совершенно безъ движенія, и можно было предполагать, что онъ останется въ этомъ положеніи въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Нельзя представить себѣ всю мѣру моего ужаса. Часть опьяненія испарился, и я сталъ вдругъ робокъ и нерѣшителенъ. Я зналъ, что былъ совершенно неспособенъ управлять лодкой и что страшнѣйшій вѣтеръ, съ сильнымъ отливомъ, гонитъ насъ къ смерти. За нами видимо собиралась буря; у насъ не было ни компаса, ни провизіи; и ясно было, что если мы станемъ продолжать настоящій путь, то еще до свѣту потеряемъ изъ виду землю. Эти мысли и бездна другихъ, равно ужасныхъ, проходили въ умѣ моемъ съ ослѣпительною быстротою и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ парализовали меня до того, что отняли возможность сдѣлать малѣйшее усиліе. Лодка бѣжала полнымъ ходомъ по вѣтру; она рѣзала воду и летѣла съ ужасною быстротою — безъ малѣйшей складки въ марсѣ и большомъ парусѣ и совершенно зарываясь носомъ въ волны. Это было чудо изъ чудесъ, что ее не захлестнуло водой, между тѣмъ какъ Августъ, какъ я уже сказалъ, бросилъ руль, а я былъ взволно-

ванъ до того, что даже и не подумалъ о рулѣ. По счастью лодка держалась подъ вѣтромъ, и мало по малу я собрался нѣсколько съ духомъ. Вѣтеръ все крѣпчалъ и крѣпчалъ и когда мы зарывались носомъ и поднимались опять, волна падала на корму и заливала насъ водой. И за тѣмъ всѣ мои члены до того костенѣли, что я терялъ всякое сознание. Наконецъ, я призвалъ на помощь рѣшительность отчаянія и кинувшись на большой парусъ, отдалъ его. Какъ я и могъ ожидать, онъ упалъ надъ переднею частью судна и отягченный водой увлекъ за бортъ и мачту. Это послѣднее обстоятельство спасло меня отъ неминуемой гибели. Съ однимъ марсомъ я могъ теперь бѣжать подъ вѣтромъ, выкидывая отъ времени до времени за бортъ грузъ, но уже освобожденный отъ ужаса близкой смерти. Я взялся за руль и вздохнулъ свободнѣе, видя, что намъ осталась еще послѣдняя возможность спасенія. Августъ попрежнему лежалъ неподвижно, безъ чувствъ, на днѣ бота; и такъ какъ ему грозила неминуемая опасность утонуть (въ томъ мѣстѣ, куда онъ упалъ, было около фута воды), я ухитрился поднять его немного и, чтобъ удержать его въ положеніи сидящаго человѣка, продвѣлъ ему подъ мышку веревку и привязалъ ее къ кольцу на палубѣ каюты. Устроивъ все это какъ только могъ, я, окоченѣвшій и взволнованный, поручилъ себя Богу и рѣшился вынести все что случится со мной, съ возможнымъ мужествомъ.

Едва я укрѣпился въ своемъ рѣшеніи, какъ вдругъ страшный, продолжительный крикъ, какъ бы рычанье вырвавшееся изъ глотокъ тысячи демоновъ, раздался въ воздухъ и пробѣжалъ надъ нашей лодкой. Никогда, пока живъ, не забуду я страшной агоніи ужаса, который испыталъ я въ эту минуту. Волосы поднялись у меня на головѣ дыбомъ, — я почувствовалъ, что кровь застыла въ моихъ жилахъ, — сердце совершенно перестало биться, и не поднявъ ни разу глазъ, чтобы узнать причину моего испуга, я упалъ головой впередъ, какъ какой-нибудь свалившійся грузъ, на моего друга.

Когда я пришелъ въ себя, я былъ въ каютѣ большого китоловного судна *Пингвинъ*, изъ Нантуки. Наклонившись надо мною стояли какія-то лица, а Августъ, блѣднѣе смерти, дѣлательно занимался оттираніемъ мнѣ рукъ. Когда онъ увидѣлъ, что я открылъ глаза, его крики благодарности и радости вызывали попеременно смѣхъ и слезы даже у людей, съ суровыми лицами, насъ окружавшихъ. Тайна нашего спасенія скоро объяснилась.

Мы были потоплены китоловнымъ судномъ, которое шло близко,

лавируя къ Нантуки, на всѣхъ парусахъ, какими оно могло рискнуть въ такую погоду; случайно, оно шло на насъ почти подъ прямымъ угломъ. Нѣсколько человѣкъ было на вахтѣ на носу; но они замѣтили нашу лодку только тогда уже, когда невозможно было избѣжать столкновенія; ихъ-то крики такъ и испугали меня. Огромное судно, сказали мнѣ, переѣхало насъ съ такою же легкостью, какъ наша лодка скользнула бы надъ перомъ, и безъ малѣйшей задержки на своемъ ходу. Ни одного крика не поднялось съ палубы пострадавшаго бота; — былъ слышенъ только легкій шумъ, какъ будто что-то разорвалось; шумъ этотъ смѣшался съ завываніемъ вѣтра и воды, когда утлое суденышко, уже поглощенное, было превращено въ щепки килемъ своего палача, и все было кончено. Полагая что лодка наша (безъ мачты, какъ помните), была не болѣе какъ какая-нибудь негодная вещь, выброшенная бурей, капитанъ (капитанъ Е. Т. В. Блокъ, изъ Нью-Лондона) продолжалъ путь, нисколько не безпокоясь о случившемся. По счастью, двое изъ людей, бывшихъ на вечерней вахтѣ, утверждали положительно, что замѣтили кого-то на рулѣ и говорили, что еще возможно было его спасти. Послѣдовали толки; но Блокъ разсердился и черезъ минуту сказалъ, что «не его дѣло смотрѣть за всѣми яичными скорлупами, что судно его конечно не воротится для подобной глупости и что если и потонулъ человѣкъ, то самъ виноватъ и долженъ пѣнять на самого себя и что наконецъ пусть онъ тонетъ и убирается къ чорту!» или что-то въ томъ же родѣ. Гендерсонъ (лейтенантъ), сталъ возражать, негодуя, какъ и весь экипажъ на слова, изблличавшія такую жестокость, такое безсердечіе. Онъ говорилъ прямо, чувствуя поддержку въ матросахъ, — что считаетъ его достойнымъ вистълицы, и не послушается его приказаній, если бы даже за это вздумали его повѣсить, при выходѣ на берегъ. Оттолкнувъ Блока (который поблѣднѣлъ и не отвѣчалъ ни слова), онъ бросился на корму и, схвативъ руль, крикнулъ твердымъ голосомъ: *держи противъ вѣтра!* Люди кинулись на свои мѣста и судно круто повернулось. Все это заняло около пяти минутъ времени, и казалось едва ли возможнымъ спасти человѣка, котораго видѣли на ботѣ. Между тѣмъ, какъ извѣстно читателю, Августъ и я были вытащены изъ воды и наше спасеніе походило на слѣдствіе одного изъ тѣхъ чудесныхъ счастлихъ, которыя люди благоразумные и набожные приписываютъ исключительному посредничеству Провидѣнія.

Между тѣмъ какъ судно легло въ дрейфъ, лейтенантъ потребо-

валъ лодку и вскочилъ въ нее, кажется съ двумя матросами, которые увѣрили, что видѣли меня на рулѣ. Только что они сошли съ борта *не подѣ вътромъ* (луна свѣтила очень ярко), какъ судно подверглось сильной боковой качкѣ и Гендерсонъ, вставъ на скамью, крикнулъ своимъ людямъ: *идти заднимъ ходомъ*. Онъ ничего не говорилъ, покрикивая только нетерпѣливо: *задній ходъ! задній ходъ!* Они поплыли возможно скоро; но въ это время судно повернулось и пошло носомъ, хотя всѣ руки заняты были отдачею парусовъ. Не смотря на опасность предпріятія, лейтенантъ уцѣпился за большія ванты, какъ только это было возможно. Новая сильная качка выкинула правый бортъ корабля изъ воды почти до киля и наконецъ онъ увидѣлъ цѣль своей тревоги. Показалось человѣческое тѣло, страннымъ образомъ прилепившееся къ гладкому и блестящему днищу (*Пингвинъ* былъ обшитъ мѣдью) и сильно бьющееся о корабль при каждомъ движеніи его корпуса. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ усилій, возобновляемыхъ при каждомъ толчкѣ корабля, съ опасностью погубить лодку, я былъ наконецъ освобожденъ изъ моего гибельнаго положенія и втащенъ на бортъ, потому что тѣло это — былъ я. Я полагаю, что одинъ изъ высунувшихся гвоздей обшивки, зацѣпилъ меня въ то время, какъ я попалъ подѣ корабль и такимъ страннымъ образомъ прицѣпилъ меня къ днищу. Шляпка гвоздя прохватила воротникъ моего жилета, изъ толстаго сукна, и заднюю часть моей шеи и вошла, между двумя сухими жилами, какъ разѣ подѣ правымъ ухомъ. Меня тотчасъ же положили на койку, хотя жизнь казалась совершенно во мнѣ угасла. На кораблѣ не было доктора. Тѣмъ не менѣе, капитанъ обошелся со мной со всевозможнымъ вниманіемъ — безъ сомнѣнія, чтобы искупить въ глазахъ экипажа свое жестокое поведеніе въ первой половинѣ происшествія.

Между-тѣмъ Гендерсонъ снова отчалилъ отъ корабля не смотря на то, что вѣтеръ обратился въ это время въ ураганъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ напалъ на кой-какіе обломки нашей лодки и, вскорѣ затѣмъ, одинъ изъ его матросовъ увѣрилъ его, что, отъ времени до времени, среди завыванія бури, слышитъ крикъ. Это заставило храбрыхъ матросовъ продолжать поиски болѣе получаса, не смотря на повторяющіеся сигналы капитана Блока, который приказывалъ имъ воротиться, и на то, что каждая минута въ этой утлой лодкѣ, грозила имъ смертельною и неминуемою гибелью. Въ самомъ дѣлѣ трудно понять какимъ образомъ ихъ маленькій ботъ могъ избѣжать крушенія. Онъ былъ построенъ для ловли китовъ и снабженъ,

какъ я могъ потомъ убѣдиться, люками, на подобіе нѣкоторыхъ спасительныхъ ботовъ на берегахъ Новаго Валлиса.

Послѣ многихъ тщетныхъ поисковъ, они рѣшились воротиться на корабль; но не успѣли принять это рѣшеніе, какъ раздался слабый крикъ съ какого-то чернаго предмета, который быстро проплылъ мимо ихъ. Они кинулись въ погоню за этимъ предметомъ и поймали его. Это были палуба и каюта *Ариель*. Августъ бился на палубѣ въ страшнѣйшей агоніи. Схвативъ его, они увидѣли, что онъ былъ привязанъ веревкой къ этой палубѣ. Это я привязалъ его, прикрѣпивъ веревку къ кольцу, чтобы удержать его въ сидячемъ положеніи. Какъ потомъ оказалось, я этимъ спасъ ему жизнь. *Ариель* былъ построенъ непрочнo, и весь корпусъ его, рухнувши въ воду, разлетѣлся въ щепы; палуба же каюты, очень естественно, была поднята силою воды нахлынувшей туда, отдѣлилась совершенно отъ всего остова и поплыла безъ сомнѣнія съ другими частями, по вѣтру; вмѣстѣ съ нею поплылъ и Августъ и, такимъ образомъ, избѣжалъ страшной смерти.

Прошло болѣе часа какъ онъ обнаружилъ признаки жизни и могъ сообразить все что съ нами случилось. Наконецъ, онъ совершенно пришолъ въ себя и могъ подробнѣе рассказать о своихъ ощущеніяхъ, испытанныхъ имъ въ минуты опасности. Едва онъ опомнился, какъ очутился подъ водою, вертясь съ невообразимою быстротой, и чувствуя, что шею его обхватываетъ и туго стягиваетъ веревка. Черезъ секунду потомъ, онъ почувствовалъ, что поднимается, какъ вдругъ, ударившись страшно головой о что-то твердое, снова лишился чувствъ. Прийдя опять въ себя, онъ почувствовалъ что уже кое-что можетъ сообразить, хотя сознаніе все еще было неясно... темно. Онъ понималъ тогда, что случилось какое-то происшествіе и что онъ былъ по-горло въ водѣ, и могъ дышать съ нѣкоторою свободою. Каюта плыла быстро по вѣтру и уносила его, такимъ образомъ, лежащаго на спинѣ. До тѣхъ норъ пока онъ сохранить это положеніе, ему почти невозможно было утонуть, но вдругъ волной его сбросило съ палубы; онъ силился удержаться въ этомъ новомъ положеніи, вскрикивая по временамъ: спасите! Когда Гендерсонъ увидѣлъ его, онъ принужденъ былъ, обезсиленный, разжать руки и, падая снова въ море, считалъ себя уже погибшимъ. Виродолженіе всей этой борьбы, ему не приходило на память ни *Ариель*, ни одна изъ подробностей всего случившагося съ нами. Неясное чувство ужаса и отчаянія овладѣло всѣми его способностями. Когда

его окончательно вытащили, онъ потерялъ совершенно рассудокъ; и, какъ я уже сказалъ, только черезъ часъ послѣ того, какъ взяли его на *Пингвинъ*, получилъ полное сознание своего положенія. Что касается до меня, то я былъ вытащенъ въ состояніи очень близкомъ къ смерти и возвращенъ къ жизни только послѣ трехъ часовъ съ половиною, когда были уже употреблены всѣ средства сильными растираніями фланелью, смоченною теплымъ масломъ. Рана на моей шеѣ, хоть и очень страшная по наружности, была не опасна, и я вылечился очень скоро.

Пингвинъ вошелъ въ портъ въ девять часовъ утра, послѣ борьбы съ самымъ сильнымъ вѣтромъ, какой когда-либо дулъ у Нантуки. Мы съ Августомъ устроили такъ, чтобы явиться у Бернарда къ завтраку, который по счастью запоздалъ немного, по случаю предыдущаго вечера. Я полагаю, что всѣ лица находившіяся за столомъ, были сами очень утомлены, потому и не замѣтили нашихъ измученныхъ физиономій. Кому же школьники способны творить чудеса по части надувательства, и я не думаю, чтобы хоть кому-нибудь изъ нашихъ друзей въ Нантуки пришло въ голову, что страшная исторія, рассказываемая въ городѣ нѣкоторыми моряками — какъ они разбили въ морѣ корабль и потопили тридцать или сорокъ бѣдняковъ — имѣла что-нибудь общее съ *Аріелемъ*, моимъ товарищемъ и мною. Мы съ нимъ часто потомъ говорили объ этомъ происшествіи, и всегда не безъ тремета. Среди одного изъ этихъ разговоровъ, Августъ признался мнѣ откровенно, что во всю свою жизнь онъ никогда не испытывалъ такого сильного чувства испуга какъ въ минуту, когда на нашей маленькой лодкѣ, онъ вдругъ созналъ всю степень своего опьяненія и почувствовалъ себя совершенно подавленнымъ имъ.

II

Т А Й Н И К Ъ

Но изъ всевозможныхъ опасностей или потерь никто еще не выводилъ заключеній ни за ни *противъ* ихъ; опытность отъ нихъ никогда не выигрывала. Кто-нибудь предположить, можетъ-быть, что катастрофа о которой я рассказалъ, должна была охладить совершенно раждающуюся во мнѣ страсть къ морю. Совсѣмъ *напротивъ*; никогда еще не испытывалъ я такого пламеннаго жела-

нія познакомиться съ дивными приключеніями, случающимися въ жизни моряка, какъ недѣлю спустя послѣ нашего чудеснаго спасенія. Этого короткаго времени съ избыткомъ достаточно было, чтобы изгладить изъ моей памяти мрачныя стороны и выставить въ полномъ свѣтѣ всѣ восхитительно-соблазняющіе оттѣнки, всю живописную сторону нашего опаснаго приключенія. Мои бесѣды съ Августомъ, день ото дня становились чаще и занимательнѣе. Манера, съ которой онъ рассказывалъ эти морскія исторіи (я подозреваю теперь, что это были, по крайней мѣрѣ на половину, чистыя созданія его воображенія), могла подѣйствовать на такой восторженный темпераментъ, какъ мой, на воображеніе мое, хотя немного мрачное, но все-таки пламенное. Не менѣе страшно и то, что описывая именно самыя страшныя минуты страданія и отчаянія въ жизни моряка, онъ болѣе всего увлекалъ всѣ мои способности и всѣ мои чувства къ этой романической профессіи. Къ блестящей сторонѣ описанія я чувствовалъ симпатію весьма ограниченную. Всѣ грезы мои состояли изъ кораблекрушеній и голода, изъ смерти или плѣна у варварскихъ племенъ, изъ жизни, полной страданій и слезъ, влачимою на какой-нибудь мрачной и уединенной скалѣ, среди недоступнаго и неизвѣстнаго океана. Такія грезы, такія желанія, потому что это доходило до желаній, — весьма обыкновенны, какъ меня увѣряли потомъ, между весьма многочисленнымъ классомъ людей меланхолическихъ; но въ то время, о которомъ я говорю, я глядѣлъ на нихъ, какъ на пророческіе проблески предназначенія, къ которому я чувствовалъ себя, такъ сказать, *призваннымъ*. Августъ очень хорошо понималъ направленіе моего ума. Съ достовѣрностью можно предположить, что наше сближеніе было причиною обмѣна части нашихъ характеровъ.

Спустя мѣсяцевъ восемь послѣ крушенія *Ариелл*, домъ Ллойдъ и Вреденбургъ (домъ, имѣющій до нѣкоторой степени связь съ домомъ гг. Эндерби, кажется въ Ливерпулѣ), вздумалъ починить и оснастить для ловли китовъ бригъ *Грампусъ*. Это былъ старый остовъ, едва могущій выдержать море даже послѣ всего, что сдѣлано для его исправленія. Почему онъ былъ выбранъ предпочтительно передъ другими хорошими судами, принадлежащими тѣмъ же хозяевамъ, я не знаю, но это было такъ. Г. Бернарду было поручено командованіе, и Августъ долженъ былъ отправиться съ нимъ. Въ то время, какъ оснащали бригъ, онъ настойчиво побуждалъ меня воспользоваться превосходнымъ случаемъ, какой представлялся,

чтобы удовлетворить моему желанію путешествовать. Я конечно былъ очень расположенъ слушать его; но не такъ легко было устроить это дѣло. Отецъ мой не противорѣчилъ прямо, но съ матерью, едва заходила рѣчь объ этомъ, дѣлались нервные припадки; и что всего хуже, дѣдушка мой, отъ котораго я ожидалъ многого, поклялся, что не оставитъ мнѣ ни шиллинга, если я осмѣлюсь когда нибудь заговорить съ нимъ объ этомъ предметѣ. Но всѣ эти затрудненія, вмѣсто того, чтобы убить во мнѣ желаніе, напротивъ только подмывали масло на огонь. Я рѣшился отправиться во всякомъ случаѣ, и когда я открылъ мое намѣреніе Августу, мы стали трудиться надъ изобрѣтеніемъ плана къ его выполненію.

Между-тѣмъ съ этихъ поръ я принялъ за правило даже и не заикаться о путешествіи кому-нибудь изъ родныхъ и такъ какъ явно я занимался своимъ обычнымъ ученіемъ, то дома у меня подумали, что я бросаю свое намѣреніе. Часто, потомъ, разбирая свое поведеніе въ то время, я столько же удивлялся, какъ и негодовалъ на него. Это глубокое притворство, къ какому я прибѣгалъ для исполненія своего предположенія, притворство, какимъ въ теченіи довольно долгаго времени были проникнуты всѣ мои слова и дѣйствія — я нѣсколько оправдывалъ только пламенной и необыкновенной надеждой осуществить свою мечту путешествовать, мечту, лежащую такъ долго и такъ упорно.

Для исполненія своего плана, я по необходимости долженъ былъ многое предоставить Августу, проводившему большую часть дня на палубѣ *Грампуса* и занимавшемуся устройствомъ каюты и трюма для своего отца; но вечеромъ мы непременно видѣлись и толковали о своихъ надеждахъ. Такимъ образомъ мы провели цѣлый мѣсяцъ и не остановились ни на одномъ планѣ, который общалъ бы вѣрный успѣхъ. Наконецъ Августъ сказалъ мнѣ, что онъ все придумалъ.

У меня былъ родственникъ въ Нью-Бедфордѣ, нѣкто мистеръ Россъ, у котораго я проводилъ иногда по двѣ или по три недѣли. Бригъ долженъ былъ поднять паруса около середины іюня (іюня 1727 г.), и у насъ положено было, что за день или за два до его ухода, отецъ мой получитъ, какъ обыкновенно, письмо отъ г. Росса, съ просьбою прислать меня къ нему провести недѣли двѣ съ его сыновьями Робертомъ и Эмме. Сдѣлавъ видъ, что ѣду въ Нью-Бедфордъ, я долженъ былъ сойтись съ Августомъ, который приготовить мнѣ потаенное мѣсто на Грампусѣ. Это потаенное мѣсто; увѣрялъ онъ меня, будетъ устроено достаточно удобно, чтобы

остаться тамъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ я не долженъ показываться. Когда бригъ достаточно удалится отъ берега, такъ чтобы не могло и быть вопроса о возвращеніи, тогда, говорилъ Августъ, я формально получу право наслаждаться всеми прелестями каюты; а что касается до его отца, то онъ отъ души посмѣется этой прекрасной штукѣ. Мы встрѣтимъ не мало судовъ, съ которыми я могу отослать моимъ роднымъ письмо съ объясненіемъ всего происшествія.

Наконецъ половина іюня наступила и все было подготовлено. Письмо было написано, отослано, и въ одинъ изъ понедѣльниковъ утромъ я вышелъ изъ дому, дѣлая видъ что отправляюсь на Нью-Бедфордскій пакботъ. Между-тѣмъ я отправился прямо къ Августу, который ожидалъ меня на углу улицы. По первоначальному плану нашему было положено, что я спрячусь до тѣхъ поръ, пока стемнѣетъ и тогда проскользну на бригъ; но какъ на наше счастье былъ густой туманъ, мы рѣшили, что мнѣ нечего терять время и прятаться. Августъ направился къ пристани, а я слѣдовалъ въ нѣкоторомъ разстояніи за нимъ, завернувшись въ толстый матросскій плащъ, принесенный мнѣ Августомъ. Какъ разъ на поворотѣ за второй уголъ, только что мы миновали колодезь мистера Эдмунда, — кто-то шолъ мнѣ на встрѣчу, остановился прямо противъ меня и сталъ смотрѣть мнѣ въ лицо. Это былъ мой дѣдъ, онъ самъ, старикъ Петерсонъ!

— Ну! ну! сказалъ онъ послѣ длинной паузы, Гордонъ! Прости мнѣ Господи! Чье это засаленное пальто у тебя на плечахъ?

— Милостивый государь! возразилъ я, принимая на сколько могъ прилично обстоятельству, видъ оскорбленнаго удивленія и, говоря самымъ грубымъ тономъ, какой только можно себѣ представить, — милостивый государь, вы какъ кажется мнѣ ошибаетесь; мое имя прежде всего не имѣетъ ничего общаго съ Гордономъ, и я желаю вамъ впередъ лучше разглядывать и не считать моего новаго плаща засаленнымъ пальто — чудакъ!

Не знаю какъ я удержался отъ хохота, глядя какимъ страннымъ образомъ старый джентльменъ принялъ этотъ великолѣпный отпоръ. Онъ отскочилъ назадъ на два или на три шага, сначала поблѣднѣлъ, а потомъ страшно покраснѣлъ, поднялъ свои очки и затѣмъ, опустивъ ихъ, кинулся на меня со всѣхъ ногъ, съ поднятымъ зонтикомъ. Онъ однакожъ вдругъ остановился, какъ бы пораженный внезапно какимъ-то воспоминаемъ; потомъ отвернулся и пошелъ, по-

храмывая вдоль улицы, дрожа отъ гнѣва и бормоча сквозь зубы: — плохо! совсѣмъ плохо! — а еще новыя очки. Я бы поклялся, что это былъ Гордонъ; проклятый матросъ, чортовъ сынъ!

Отдѣлавшись такимъ образомъ, мы продолжали нашъ путь съ большимъ благоразуміемъ и счастливо достигли своей цѣли. На бакѣ былъ одинъ или два человѣка, занятые не знаю чѣмъ на носовой части корабля. Капитанъ Бервардъ, мы знали, былъ занятъ у Ллойда и Вреденбурга и долженъ былъ пробыть тамъ до поздняго вечера; слѣдовательно намъ съ этой стороны нечего было очень бояться. Августъ первый поднялся на корабль и я послѣдовалъ за нимъ очень скоро, незамѣченный работавшими людьми. Мы тотчасъ же вошли въ каютъ-компанію и не встрѣтили тамъ никого. Она была устроена самымъ комфортабельнымъ образомъ, что не всегда бываетъ на китоловномъ суднѣ. Въ немъ были четыре офицерскія каюты, съ широкими и удобными койками. Я замѣтилъ также довольно большую печь и очень хорошій и плотный коверъ, покрывавшій полъ каютъ-компаніи и офицерскихъ каютъ. Потолокъ былъ на высотѣ семи футовъ и все было по наружности гораздо обширнѣе и лучше, чѣмъ я воображалъ. Августъ однакожъ далъ немного времени моему любопытству и настаивалъ на необходимости спрятаться какъ можно скорѣе. Онъ ввелъ меня въ свою каюту, которая была расположена у праваго борта и около самой внутренней обшивки. При входѣ онъ заперъ дверь на задвижку. Мнѣ казалось, что я никогда не видалъ болѣе красивой комнатки. Она была длиною около десяти футовъ и имѣла только одну койку, которая, какъ я уже сказалъ, была широка и удобна. Въ части каюты, прилегающей къ обшивкѣ, было пространство въ четыре квадратныхъ фута, помѣщавшее въ себѣ столъ, стулъ и рядъ полокъ, уставленныхъ книгами, преимущественно о путешествіяхъ и навигаціи. Я замѣтилъ въ этой комнаткѣ бездну другихъ мелкихъ удобствъ, въ числѣ которыхъ обратили мое особенное вниманіе шкапики съ отличнымъ запасомъ лакомствъ и ликеровъ.

Онъ пожалъ рукой въ одно мѣстѣ пола, въ углу той части каюты, о которой я говорилъ, и обратилъ мое вниманіе на то, что кусокъ паркета подъ ковромъ, около шестнадцати квадратныхъ вершковъ, совершенно отдѣлялся отъ пола. При пожатіи эта часть поднялась на столько, что Августъ могъ просунуть палецъ. Такимъ образомъ онъ увеличилъ отверстіе трапа (къ которому коверъ былъ прикрѣпленъ гвоздиками) и я увидѣлъ, что оно ведетъ въ заднюю

часть трюма. Тутъ онъ зажегъ небольшую свѣчку, и поставивъ ее въ глухой фонарь, сошелъ въ отверстіе, приглашая меня слѣдовать за нимъ. Я повиновался и тогда онъ опустилъ люкъ съ помощью гвоздя, прибитаго на его внутренней поверхности; такимъ образомъ коверъ занялъ свое прежнее положеніе на полу каюты и всѣ признаки отверстія исчезли.

Свѣчка бросала такой слабый свѣтъ, что я съ большимъ трудомъ только могъ пробираться между разбросанными кучами разной клади. Глаза мои однакожъ постепенно привыкли къ темнотѣ, и я подвигался свободнѣе, придерживаясь за фалды платья моего товарища. Мы шли ощупью, а иногда и ползкомъ по разнымъ изворотамъ среди безчисленныхъ и узкихъ проходовъ, и наконецъ онъ привелъ меня къ ящику, окованному желѣзомъ, въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются иногда для укладки дорогого фаянса. Вышиною онъ былъ около четырехъ футовъ, длиною шести и чрезвычайно узокъ. Два большихъ, пустыхъ боченка изъ подъ масла, были поставлены сверху, а надъ ними наложено въ кучу вплоть до потолка огромное количество рогоженыхъ ковриковъ. Все вокругъ заваленное и сдвоенное елико возможно, до самаго потолка, представляло настоящій хаосъ провизіи съ разнородною смѣсью клѣтокъ, корзинокъ, боченковъ и тюковъ до того, что мнѣ показалось чудомъ, какъ мы пробрались до ящика, о которомъ идетъ рѣчь. Я узналъ потомъ, что Августъ положилъ съ намѣреніемъ весь грузъ въ трюмъ, съ цѣлью устроить мнѣ отличное потаенное мѣсто, при помощи только одного человѣка, который не пошелъ на бригъ.

Августъ показалъ мнѣ потомъ, какъ одна изъ стѣнокъ ящика можетъ быть по желанію поднята. Онъ въ самомъ дѣлѣ приподнял ее и я увидѣлъ внутренность, которая меня очень заняла. Тюфякъ, взятый съ одной изъ коекъ каюты, покрывалъ все дно, здѣсь были всѣ удобства, какія только можно было помѣстить на такомъ небольшомъ пространствѣ и все-таки оставалось еще достаточно мѣста для моей особы, и я могъ въ самомъ дѣлѣ сидѣть или лежать растянувшись. Въ ящикѣ между разными другими вещами, было нѣсколько книгъ, перья, чернила и бумага, три одѣяла, большая кружка съ водою, маленькій боченокъ сухарей, три или четыре огромныя болонскія колбасы, почтенной величины окорокъ, славная мога холодной, жареной баранины и полдюжины бутылокъ съ разными водками и ликерами. Я сейчасъ же вступилъ во владѣніе моей маленькой квартирой, и конечно ужъ съ большимъ чувствомъ до-

вольства, чѣмъ какой-нибудь монархъ, входя въ новый дворецъ свой. Затѣмъ Августъ показалъ мнѣ, какъ обходиться съ подвижной стѣнкой ящика, потомъ, поднеся свѣчку къ палубѣ, онъ далъ мнѣ заштыть конецъ веревки, которая была тамъ привязана. Эта веревка, объяснилъ онъ, шла отъ моей засады, вислась между вѣсѣмъ грузомъ и сообщалась съ гвоздемъ, утвержденнымъ въ палубѣ, какъ разъ подъ трапомъ, отворившимся въ его каюту. Посредствомъ этой веревки, я могъ легко отыскать дорогу безъ проводника, въ случаѣ, если бы какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство сдѣлало необходимымъ это путешествіе. Затѣмъ онъ простился со мной, оставивъ мнѣ фонарь съ порядочнымъ запасомъ свѣчей и спичекъ и обѣщаясь навѣщать меня такъ часто, какъ это можно будетъ, не возбуждая вниманія. Все это происходило 17 іюня.

Я оставался въ своей засадѣ (сколько я могъ догадываться) трое сутокъ, безвыходно, за исключеніемъ двухъ разъ, когда я вылезалъ, чтобы расправить на свободѣ свои члены, стоя между двумя каѣтками, какъ разъ противъ отверстія. Въ продолженіи всего этого времени, я не имѣлъ никакихъ извѣстій объ Августѣ: но это не очень беспокоило меня, потомучто я зналъ, что съ минуты на минуту бригъ долженъ выйти въ море и при всей этой тревогѣ другу моему не легко было улучить минуту и спуститься ко мнѣ. Наконецъ я услышалъ, что трапъ отворился и затворился, и затѣмъ Августъ кликнулъ меня глухимъ голосомъ, спрашивая все ли идетъ хорошо у меня и ненужно ли мнѣ чего-нибудь.

— Ничего, отвѣчалъ я, мнѣ такъ хорошо, какъ только можетъ быть. Когда идетъ бригъ?

— Онъ снимется съ якоря менѣе чѣмъ черезъ полчаса, отвѣтилъ онъ мнѣ; — я пришолъ сказать тебѣ объ этомъ и боялся, чтобы тебя не обезлюило мое отсутствіе. Мнѣ не удастся придти къ тебѣ скоро. На верху все идетъ хорошо. Когда я поднимусь я запроу трапъ, проберись по веревкѣ до гвоздя. Ты найдешь тамъ мои часы: онѣ могутъ быть тебѣ полезны, потомучто безъ дневного свѣта, тебѣ нельзя распознавать время. Держу пари, что ты не въ состояніи сказать сколько времени погребенъ здѣсь: — всего три дня, у насъ сегодня двадцатое число. Я бы охотно донесъ мои часы до твоего ящика, но боюсь, чтобы меня не хватились.

И затѣмъ онъ поднялся.

Спустя съ часъ послѣ его ухода, я почувствовалъ ясно, что бригъ пошелъ и поздравилъ себя съ счастливымъ началомъ путе-

шествія. Полный этой мыслью, я рѣшился не унывать и спокойно ожидать дальнѣйшаго хода происшествій, до тѣхъ поръ, пока мнѣ позволено будетъ перемѣнить мой тѣсный ящикъ на каюту. — помѣщеніе болѣе обширное, но едва ли болѣе изысканное. Первою моею заботою было отправиться за часами. Я оставилъ зажженую свѣчу и сталъ ощупью пробираться въ потемкахъ, придерживаясь веревки и слѣдя за ея изгибами, до того сложными и частыми, что, не смотря на всѣ мои усилія и всю пройденную дорогу, я подвинулся только на одинъ или на два шага. Наконецъ однакожь я достигъ до гвоздя и, овладѣвъ предметомъ такого долгаго путешествія, благополучно воротился. Затѣмъ я сталъ разсматривать книги, которыми Августъ снабдилъ меня съ такою милою предупредительностью, и выбралъ *Экспедицію Левиса и Клерке въ устье Колумбіи*. Меня заняло это на нѣкоторое время, и потомъ, чувствуя, что глаза мои утомились, я потушилъ осторожно свѣчу и скоро крѣпко заснулъ.

Проснувшись, я ощутилъ какое-то странное помраченіе разсудка и прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ я могъ вспомнить различныя обстоятельства моего положенія. Мало по малу однакожь я вспомнилъ все. Я добылъ огня и взглянулъ на часы: они остановились, и слѣдовательно у меня не было никакого средства узнать сколько времени продолжался мой сонъ. Члены мои были будто изломанные и я принужденъ былъ, чтобы хоть нѣсколько поправить ихъ, стать между клѣтками. Почувствовавъ затѣмъ почти лютый голодъ, я вспомнилъ о холодной баранинѣ, кусокъ которой я съѣлъ до сна и нашолъ ее тогда превосходною. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что она совершенно протухла. Это обстоятельство сильно обезпокоило меня, потомучто сближая его съ помраченіемъ разсудка которое я почувствовалъ при пробужденіи, я сталъ думать, что я должно быть проспалъ необыкновенно долго. Смертная атмосфера трюма можетъ быть тоже имѣла свое дѣйствіе и могла, если заключеніе мое продолжится, навлечь самыя плачевныя послѣдствія. Голова у меня сильно болѣла; мнѣ казалось, что я дышу съ трудомъ и наконецъ я былъ какъ бы подавленъ множествомъ меланхолическихъ ощущеній. Я не осмѣливался однакожь отворить трапъ или прибѣгнуть къ какому нибудь другому средству, которое могло произвестъ тревогу и заведя часы, старался сколько могъ покориться своей участи.

Виродженіи длинныхъ, невыносимыхъ двухъ сутокъ, никто не являлся мнѣ на помощь, и я не могъ удержаться чтобы не обвинить

Августа въ самомъ грубомъ равнодушіи. Больше всего возмущало меня то, что въ кружкѣ моей оставалось едва съ полпинты воды, а я сильно страдалъ жаждой, съѣвъ болонскую колбасу, послѣ потери баранины. Я былъ этимъ сильно встревоженъ и не обращалъ уже никакого вниманія на книги. Мною овладѣло удивительное желаніе заснуть и я дрожалъ при мысли поддаться сну, изъ страха что спертый воздухъ трюма можетъ подѣйствовать на меня такъ же вредно, какъ дѣйствуетъ перегорѣвшій уголь. Между тѣмъ качка брига доказывала мнѣ, что мы въ открытомъ океанѣ и глухой шумъ, кричаніе, доходившіе до моего слуха, какъ будто чрезвычайно изъ далека, убѣждали меня, что вѣтеръ, который дулъ, былъ необыкновеннымъ вѣтромъ. Я не могъ придумать причины, чтобы объяснить себѣ отсутствіе Августа. Мы безъ сомнѣнія прошли достаточно пути, и я думалъ, что мнѣ уже можно бы и выйти на палубу. Съ Августомъ могло случиться что нибудь, но я ничего не могъ придумать, что объяснило бы мнѣ, почему онъ оставляетъ меня такъ долго въ затворничествѣ, за исключеніемъ развѣ того, что онъ внезапно умеръ или упалъ за бортъ; а остановиться на подобной мысли, хоть на нѣсколько секундъ, было для меня невыносимо. Правда, можно было предположить, что противный вѣтеръ задержалъ насъ и мы находились все еще неподалеку отъ Нантуки. Но я скоро принужденъ былъ отказать отъ этой мысли; еслибъ это было такъ, бригъ долженъ бы былъ часто поворачивать борта, а я былъ совершенно убѣжденъ, по его постоянному наклоненію на лѣвый бортъ, что онъ шолъ все время подъ вѣтромъ въ правый бортъ. Къ тому же, допуская что мы все еще въ сосѣдствѣ съ островомъ, развѣ Августъ не долженъ бы былъ посѣтить меня и справиться о моемъ положеніи?

Размышляя такимъ образомъ надъ затрудненіями моего жалкаго и уединеннаго положенія, я рѣшилъ ждать еще сутки, послѣ которыхъ, если не получу помощи, отправлюсь къ трану и постараюсь или добиться свиданія съ моимъ другомъ или по крайней мѣрѣ подышать немного сквозь отверстіе свѣжимъ воздухомъ и принести изъ каюты новый запасъ воды. Въ то время какъ меня занимала эта мысль, я, не смотря на все мое сопротивленіе, погрузился въ глубочайшій сонъ или скорѣй въ какое-то оцѣпенѣніе. Грезы мои были самаго страшнаго свойства. Всѣ роды бѣдствій и ужасовъ сыпались на меня. Между разными напастями, я чувствовалъ, что меня, подъ большими подушками, душили до смерти демоны самаго мрачнаго и

свирѣпаго вида. Чудовищныя змѣи держали меня въ своихъ кольцахъ и глядѣли мнѣ въ лицо своими страшно блестящими глазами. И потомъ передо мною разстилались безграничныя пустыни, пустыни, способныя навести отчаяніе на душу, и наполненныя всевозможными ужасами. Гигантскіе стволы сѣроватыхъ деревъ, безъ листьевъ, поднимались словно въ безконечной процессіи, такъ далеко, какъ только могъ видѣть мой глазъ. Ихъ корни были затоплены въ огромныхъ болотахъ, воды которыхъ разливались черныя мрачныя и ужасныя въ своей неподвижности. И эти странныя деревья, казалось, были одарены человѣческой жизнью и, двигая туда и сюда свои костлявыя руки, просили пощады у молчаливыхъ водъ, просили милосердія съ неровными и пронзительными криками отчаянія и самой тяжелой агоніи. А потомъ сцена измѣнялась: я стоялъ, нагій и одинокій въ жгучихъ пескахъ Сахары. У ногъ моихъ валялся и корчился свирѣпый тропическій левъ. Вдругъ его истомленные глаза раскрывались и падали на меня. Однимъ прыжкомъ онъ поднимался на ноги и открывалъ ужасный рядъ своихъ зубовъ. Вслѣдъ за тѣмъ изъ его красной пасти вырывалось рычаніе, подобное грому небесному и я стремительно бросался на землю. Подавленный припадкомъ страха, я наконецъ вполовину проснулся. И что же? Мое сновидѣніе не совсѣмъ было сновидѣніемъ. Я владѣлъ уже самосознаніемъ, а между тѣмъ лапы какого-то огромнаго и настоящаго чудовища тяжело опирались на мою грудь, его горячее дыханіе жгло мнѣ ухо, а его бѣлые и зловѣщіе клыки блестяли надо мной во мракѣ.

Еслибъ для спасенія моей жизни, мнѣ нужно было пошевелить только пальцемъ или произнести только одинъ звукъ, я не могъ бы ни пошевелиться, ни говорить. Животное, какое бы оно ни было, попрежнему хранило свое положеніе, не предпринимая никакого паденія, а я лежалъ подъ нимъ, въ состояніи совершеннаго безсилія, которое считалъ чрезвычайно близкимъ къ смерти. Я чувствовалъ, что физическія и нравственныя способности быстро покидаютъ меня, однимъ словомъ, что я умираю и что умираю чисто отъ страха. Разсудокъ мой колебался, смертельное головокруженіе долѣвало меня; глаза измѣняли мнѣ и, казалось, даже искрѣпцѣся глаза, устремленные на меня, темнѣютъ. Съ невѣроятнымъ и страшнымъ усиліемъ я вознесъ къ Богу слабую молитву и рѣшился умереть. Звукъ моего голоса казался пробудилъ все сдерживаемое бышество животного; оно налегло всѣмъ своимъ туловищемъ на меня.

Но каково было мое изумленіе когда, испустивъ продолжительное и глухое рычаніе, оно начало лизать мнѣ лицо и руки съ необычайною наглостью и самыми безумными изъявленіями привязанности и радости! Я просто обезумѣлъ; удивленіе мое пропало, я вспомнилъ особенныя взвизгиванія Тигра, моего тернева и зналъ очень хорошо его странныя ласки. Это былъ онъ. Я почувствовалъ какъ потокъ крови прихлынулъ къ вискамъ, и голова моя готова была закружиться отъ чувства освобожденія и воскресенія. Я быстро поднялся на тюфякъ и, кинувшись на шею моего вѣрнаго товарища и друга, облегчилъ продолжительное стѣсненіе сердца потокомъ самыхъ горячихъ слезъ.

Когда я поднялся съ тюфяка, мозгъ мой, все еще былъ въ какомъ-то разстройствѣ. Довольно долго мнѣ было почти невозможно связать двѣ мысли; нотиho и постепенно способность мышленія возвратилась ко мнѣ, и я вспомнилъ, наконецъ, различныя обстоятельства моего положенія. Что касается до присутствія Тигра, я напрасно усиливался объяснить его и, потерявшись въ тысячѣ предположеній объ этомъ, просто радовался, безъ дальнѣйшихъ розысканій, тому, что онъ явился раздѣлить мое печальное уединеніе и подкрѣпить меня своими ласками. Многіе любятъ своихъ собакъ; но мое расположеніе къ Тигру было сильнѣе обыкновеннаго и никогда, безъ сомнѣнія, ни одно существо такъ незаслуживало этого. Впродолженія семи лѣтъ онъ былъ моимъ неразлучнымъ товарищемъ и въ тысячѣ случаевъ доказалъ мнѣ всѣ благородныя качества, за которыя мы уважаемъ животное. Я вырвалъ его, щенкомъ, изъ когтей злого шалуна въ Нантуки, тащившаго его съ веревкой на шеѣ въ воду: выросши, собака заплатила мнѣ свой долгъ, года три спустя и спасла отъ дубины уличнаго вора.

Я взялъ за тѣмъ часы и приложивъ къ уху, замѣтилъ, что они опять остановились; но я нисколько не удивился этому, будучи убѣжденъ, по особенному состоянію моихъ чувствъ, что я какъ это уже случилось со мной, спалъ очень долго, а сколько? этого я не могъ сказать. Я былъ уничтоженъ лихорадкой и жажда моя была почти вестерпима. Я сталъ искать ощупью, изъ моего ящика, малую толку, которая должна была оставаться изъ моего запаса воды; огня у меня не было, свѣча догорѣвъ въ фонарѣ, потухла, и я не могъ въ настоящую минуту добыть огня. На конецъ отыскавъ кружку, я увидѣлъ, что она была пуста: Тигръ, безъ всякаго сомнѣнія, не могъ устоять противъ желанія напиться, равно какъ и противъ желанія

сожрать весь остатокъ баранины, кость отъ которой, отлично выложенная, валялась у моего ящика. Пусть не было у меня говядины, Богъ съ ней, но воды? при одной мысли объ этомъ у меня упало сердце. Я былъ чрезвычайно слабъ, такъ слабъ, что при малѣйшемъ движеніи, при самомъ легкомъ усилии, дрожалъ всѣмъ тѣломъ какъ въ сильнѣйшемъ припадкѣ лихорадки. Къ увеличенію моихъ затрудненій, бригъ подвергался страшной качкѣ и килевой и боковой, и бочки съ масломъ, помѣщенные надъ моимъ ящикомъ, угрожали каждое мгновеніе скатиться и закрыть такимъ образомъ единственный выходъ изъ моего тайника. Я испытывалъ также ужасныя страданія вслѣдствіе морской болѣзни. Сообразивъ всѣ обстоятельства, я рѣшился отправиться на удачу къ трапу и поискать, не откладывая, помощи, пока не дошолъ еще до совершенной слабости. И вотъ я сталъ отыскивать снова, оцупью, спички и свѣчи. Не безъ труда нашолъ я спички, но долго не находя свѣчи, хотя и помнилъ нѣсколько мѣсто, куда положилъ ихъ, бросилъ эти поиски и приказавъ Тигру лежать покойно, со всею рѣшительностью, на какую только былъ способенъ, отправился къ трапу.

При этой попыткѣ еще яснѣе обнаружилась моя крайняя слабость. Только съ большимъ трудомъ могъ я тащиться и очень часто ноги вдругъ подкашивались у меня; я падалъ и оставался нѣсколько минутъ въ состояніи, близкомъ къ безчувственности. Между тѣмъ я все-таки боролся и тихо подвигался, трепеща всякую минуту упасть въ обморокъ въ узкомъ и запутанномъ лабиринтѣ груза, при чемъ мнѣ не предстояло другой развязки, кромѣ смерти. Черезъ нѣсколько времени, подвигаясь впередъ со всею собранною мною энергіею, я страшно ударился лбомъ объ острый уголъ ящика, обитаго желѣзомъ. Отъ удара я только ошалѣлъ на нѣсколько секундъ; но съ невыразимымъ огорченіемъ открылъ, что страшная качка корабля сбросила одинъ изъ ящиковъ какъ разъ поперекъ моей дороги, совершенно загородивъ проходъ. Употребивъ всѣ мои силы, я не могъ сдвинуть его хоть на вершокъ, такъ какъ онъ врѣзался крѣпко между сосѣдними ящиками и прочимъ грузомъ. Мнѣ слѣдовательно нужно было, при моей слабости, или бросить путеводный шнурокъ и искать другого прохода или карабкаться черезъ препятствіе и продолжать путь съ другой стороны. Первое представляло слишкомъ много затрудненій и опасностей; безъ трепета объ этомъ я не могъ и подумать. Измученный и тѣломъ и духомъ, я неминуемо долженъ былъ пропасть, если бы отважился на подобное

безразсудство, и погибнуть жалкимъ образомъ въ этомъ мрачномъ и отвратительномъ лабиринтѣ трюма. И такъ, не колеблясь, я сталъ собирать остатки силы и храбрости, чтобы постараться, если это будетъ возможно, перелѣзть черезъ ящикъ.

Поднявшись съ этою цѣлью, я замѣтилъ, что предпріятіе превосходило мои ожиданія и представляло затрудненіе болѣе серьезное, чѣмъ я воображалъ. Съ каждой стороны узкаго прохода, поднималась настоящая стѣна изъ самыхъ тяжелыхъ матеріаловъ; малѣйшая неловкость съ моей стороны, могла обрушить ихъ на мою голову: или, если бы я избѣжалъ этого несчастія, скатившаяся масса могла бы совершенно заперѣть мнѣ возвращеніе и такимъ образомъ передо мною было бы новое препятствіе. Что касается до ящика, онъ былъ очень высокъ и массивенъ и перелѣзть черезъ него не было возможности. Напрасно я пробовалъ всеми возможными средствами схватиться за верхъ, надѣясь подняться такимъ образомъ своєю рукъ. Еслибъ мнѣ даже и удалось уцѣпиться за верхъ, то навѣрно у меня не хватило бы силы чтобы подняться. Да и хорошо что я не умѣлъ этого сдѣлать. Черезъ нѣсколько времени, въ продолженіи котораго я дѣлалъ отчаянное усиліе тронуть съ мѣста ящикъ, я почувствовалъ какъ будто легкое содраганіе въ той сторонѣ ящика, которая находилась передо мной. Съ тренетомъ провелъ я рукой по щелямъ досокъ и замѣтилъ что одна изъ нихъ, очень широкая, шаталась. При помощи ножа, который былъ по счастью при мнѣ, мнѣ удалось, но не безъ труда, оторвать ее совсѣмъ; изслѣдовавъ отверстіе, я открылъ къ великой моей радости, что на противоположной сторонѣ не было досокъ, другими словами, что недоставало крышки и что я проложилъ себѣ ходъ сквозь дно. За тѣмъ я продолжалъ свой путь безъ большихъ затрудненій до тѣхъ поръ, пока не достигъ наконецъ до гвоздя. Я поднялся съ бьющимся сердцемъ и тихонько толкнулъ дверь трапа. Она неподавалась уже съ прежнею легкостью; я толкнулъ ее рѣшительнѣе, боясь все-таки, чтобы кто-нибудь другой, кромѣ Августа, не случился на эту минуту въ каютѣ. Между тѣмъ дверь, къ величайшему моему удивленію, не открывалась, и я порядочно встревожился, зная, что прежде она уступала легко малѣйшему давленію. Я толкнулъ ее сильно, она не шевелилась; изо всей силы, она не подавалась; съ бѣшенствомъ, съ неистовствомъ, съ отчаяніемъ пихалъ я ее: она не уступала никакимъ усилямъ; и было ясно, судя по непоколебимому сопротивленію, что отверстіе было замѣчено и крѣпко заколочено

или пожалуй, что на него положена какая-нибудь огромная тяжесть, которую нечего было и думать поднять.

Я почувствовалъ ужасъ и страхъ. Напрасно пробовалъ я придумать возможную причину, которая такимъ образомъ погребала меня въ моей могилѣ. Я не могъ уловить никакой логической цѣпи размышленій; я упалъ на полъ и предался, безъ борьбы, самымъ чорнымъ мыслямъ, между которыми прежде всего поднялись, подавляющія и ужасныя, смерть отъ жажды, смерть отъ голода, удушья и погребенья заживо. Черезъ нѣсколько времени однакожь часть разсудка возвратилась ко мнѣ. Я поднялся и пальцами сталъ искать скрѣпы и щели трапа. Отыскавъ ихъ, я старательно оглядѣлъ ихъ, чтобы повѣрить не пропускали ли онѣ сколько-нибудь свѣта изъ каюты; но не было ни малѣйшаго луча. Я всунулъ за тѣмъ въ щель лѣзвее перочиннаго ножика: оно встрѣтило какое-то твердое препятствіе. Поскобливъ, я нашелъ, что это была огромная масса желѣза и по особенному ощущенію шереховатости, которое передавалъ мнѣ ножикъ, постоянно задѣвая за что-то, я заключилъ, что это была цѣпь. Единственное средство, которое оставалось мнѣ теперь, было: воротиться къ своему ящику и тамъ покориться горькой участи, или собрать всю силу моего разсудка и составить какой-нибудь планъ спасенія. Не откладывая принялся я за дѣло, и мнѣ удалось послѣ безконечныхъ затрудненій воротиться. Когда я, совершенно измученный, упалъ на тюфякъ, Тигръ растянулся во всю свою длину, подлѣ меня, какъ бы желая своими ласками утѣшить меня во всѣхъ моихъ мученіяхъ и ободрить меня къ перенесенію ихъ съ твердостью.

Черезъ нѣсколько времени странность его поведенія обратила мое вниманіе. Полизавъ нѣсколько минутъ мое лицо и руки, онъ вдругъ пріостановился и глухо заворчалъ. Когда я протягивалъ къ нему руку, я находилъ его лежащимъ неподвижно на спинѣ, лапами вверхъ. Эти продѣлки, повторяясь, показались мнѣ странными, и я ничѣмъ не могъ ихъ объяснить себѣ. Когда бѣдная собака казалось пришла въ отчаяніе, я заключилъ, что она ушиблена; и взявъ въ руки ея лапы, ощупалъ ихъ одну за другой, но не нашелъ никакихъ признаковъ боли. Тогда я предположилъ, что она была голодна и далъ ей большой кусокъ ветчины, которую она быстро проглотила и потомъ опять начала свои необыкновенные маневры. Тогда я вообразилъ, что она страдала, какъ и я, жаждой и готовъ былъ принять это заключеніе; какъ самое вѣроятное, когда мнѣ пришла мысль,

что я осматривалъ до сихъ поръ только лапы и что у ней могли быть какія-нибудь раны на тѣлѣ или на головѣ. Я ощупалъ тщательно голову, но не нашолъ ничего. Проводя же рукой вдоль спины, я почувствовалъ, что шерсть во всю ширину туловища какъ бы поднялась. Продолжая ощупывать это мѣсто на его туловищѣ, я нашолъ шнурокъ, и увѣрился, что онъ охватывалъ все туловище собаки. Благодаря болѣе внимательному розыску, я нашолъ маленькій свертокъ, который оказался мнѣ почтовой бумагой; шнурокъ прохрѣдилъ въ этотъ свертокъ и былъ укрѣпленъ такъ, что держалъ его какъ разъ подъ лѣвымъ плечомъ животнаго.

III

Бѣшенный тигръ

Мнѣ пришла тотчасъ же мысль, что бумага эта была записка отъ Августа и что, такъ какъ непонятный какой-нибудь случай помѣшалъ ему прійти и извлечь меня изъ моего заключенія, то онъ избралъ это средство, чтобы увѣдомить меня о настоящемъ ходѣ дѣлъ. Дрожа отъ нетерпѣнія, я снова принялся отыскивать мои спички и свѣчи. Я какъ будто неясно припоминалъ, что заботливо припряталъ ихъ куда-то, какъ разъ передъ обморокомъ и я увѣренъ, что до моей послѣдней экспедиціи къ трапу, я былъ способенъ припомнить именно то мѣсто, куда я ихъ положилъ. Но теперь, я напрасно силился и нацрягалъ память: я потерялъ по крайней мѣрѣ добрый часъ на бесполезные и досадные поиски этихъ пропавшихъ предметовъ; никогда конечно я не былъ въ такомъ плачевномъ состояніи безпокойства и недоумѣнія. Наконецъ, когда я шарилъ по всѣмъ угламъ, оперевъ голову на бадасть, у отворотія моего ящика и нѣсколько высунувшись, я замѣтилъ какъ бы слабое мерцаніе. Весьма удивленный, я силился направиться къ этому свѣту, который казалось былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Но лишь только шевельнулся я съ этою цѣлью, какъ совершенно потерялъ его изъ виду; и чтобы снова замѣтить его, долженъ былъ ощупью пройти во всю длину моего ящика, пока не попалъ на свое прежнее мѣсто. Тогда, наклоня осторожно голову туда и сюда, я открылъ, что, подвигаясь медленно, съ величайшею предосторожностью, въ сторону, совершенно противоположную той, которую я было избралъ прежде, я могу добраться до свѣта, не потерявъ его изъ виду. На-

конецъ , путемъ перерываемымъ бездною извилинъ , я достигъ цѣли и открылъ , что свѣтъ этотъ происходитъ отъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ моихъ спичекъ , разбросанныхъ въ пустомъ и лежавшемъ на боку боченкѣ . Я былъ сильно удивленъ , найдя ихъ въ этомъ мѣстѣ , когда рука моя наткнулась на два или на три кусочка воску , очевидно изжеванные собакой . Я тотчасъ же заключилъ , что она съѣла весь мой запасъ свѣчей и отчаялся прочесть когда либо записку Августа . Крохи воску такъ перемѣшались съ другими остатками въ боченкѣ , что я отказался извлечь изъ нихъ малѣйшую пользу и бросилъ ихъ . Что касается до фосфора , отъ котораго остались еще одна или двѣ свѣтящіяся крошки , я собралъ его какъ могъ и съ большимъ трудомъ воротился въ свой ящикъ , гдѣ все это время оставался Тигръ .

Право я не зналъ , что мнѣ дѣлать теперь . Въ трюмѣ было такъ темно , что я не могъ видѣть своей руки , придвигая ее даже къ самому лицу . Что же касается до бѣлой полоски бумаги , я едва различалъ ее и то еще не прямо глядя на нее , но поворачивая къ ней наружную часть свѣтчатой оболочки глаза , т. е. разглядывая ее нѣсколько искоса . Такимъ образомъ можно себя представить , какъ черна была ночь моей тюрьмы , и записка моего друга , если это была записка отъ него , казалось должна была только увеличить мое безпокойство , бесполезно волнуя мой бѣдный разсудокъ , уже такъ потрясенный и ослабленный . Напрасно я перебиралъ въ головѣ множество нелѣпныхъ способовъ добыть свѣту , способовъ , похожихъ на тѣ , какіе выдумываются съ подобною цѣлью человекомъ , погруженнымъ въ безпокойный сонъ отъ опиума ; каждый поочередно представляется спящему какъ самый разумный и вмѣстѣ съ тѣмъ самой нелѣпой выдумкой , смотря потому : свѣтъ ли разсудка или воображеніе господствуютъ въ колеблющемся умѣ . Наконецъ мнѣ пришла мысль , показавшаяся благоразумною , и я удивлялся только одному , какъ она не пришла мнѣ тотчасъ же . Я подожилъ полоску бумаги на переплетъ какой-то книги и собравъ остатки спичекъ , которыя принесъ изъ боченка , положилъ ихъ вмѣстѣ на бумагу ; потомъ ладонью сталъ тереть скоро и крѣпко . Тотчасъ же на поверхности появился ясный свѣтъ и еслибъ на ней было что-нибудь написано , я увѣренъ , мнѣ не стоило бы никакого труда прочесть . Но на бумагѣ не было ни одного слова , ничего кромѣ печальной и несносной бѣлизны ; черезъ нѣсколько секундъ свѣтъ потухъ и вмѣстѣ съ нимъ , я чувствовалъ какъ замерло мое сердце .

Я говорилъ уже, что за нѣсколько минутъ до всего этого, разсудокъ мой былъ близокъ къ помѣшательству. Были правда нѣкоторыя промежутки ясности и даже, отъ времени до времени, энергіи; но они были не часты. Нужно припомнить, что я нѣсколько дней дышалъ почти зараженной атмосферой въ тѣсной темницѣ китоловного судна и въ продолженіи значительной части этого времени, пользовался весьма недостаточнымъ количествомъ воды. Въ продолженіи послѣднихъ четырнадцати или пятнадцати дней, я лишонъ былъ и воды и сна. Соленая провизія самаго раздражающаго свойства была моею преимущественною и даже, послѣ потери баранины, единственною пищею за исключеніемъ морскихъ сухарей, да и тѣ уже рѣшительно не годились къ употребленію; они были такъ сухи и тверды, что я не могъ глотать ихъ съ опухшимъ и высохшимъ горломъ. Меня била въ это время сильная лихорадка, и во всѣхъ отношеніяхъ я былъ очень боленъ. Послѣ этого понятно, сколько длинныхъ, бѣдственныхъ часовъ изнеможенія должно было пройти отъ исторіи съ фосфоромъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ пришла мысль, что я осматрѣлъ только одну сторону бумаги. Не стану пытаться описывать всѣ ощущенія бѣшенства (я думаю, что гнѣвъ господствовалъ надъ всѣми другими чувствами), когда въ головѣ моей мелькнула вдругъ мысль объ этой замѣчательной разсѣянности. Этотъ промахъ самъ по себѣ не былъ очень важенъ, еслибъ не мое безуміе и бѣшенство; въ досадѣ, что я не нашолъ ни слова на бумагѣ, я ребячески изорвалъ ее и бросилъ клочки, — куда? Богъ знаетъ.

Но изъ этого затрудненія я былъ вырученъ понятливостью Тигра. Отыскавъ послѣ долгихъ поисковъ небольшой клочекъ записки, я подставилъ его подъ носъ собакъ, стараясь объяснить ей, что вужно принести мнѣ остальные. Къ величайшему моему удивленію (я никогда не училъ ее никакимъ собачьимъ штукамъ), она, казалось, тотчасъ же поняла мою мысль и, пошаривъ нѣсколько мгновений, довольно скоро нашла другой кусокъ весьма важный. Она принесла его мнѣ, приостановилась и потираясь носомъ объ мою руку, казалось ждала, чтобы я одобрилъ ея дѣйствія. Я потрепалъ ее по головѣ, и она тотчасъ же отправилась на новые поиски. Прошло нѣсколько минутъ, но наконецъ она принесла большой клочокъ, дополнившій всю разорванную бумагу: я розорвалъ ее по видимому только на три части. По счастью, не стоило большого труда найти опять небольшой остатокъ фосфора. Мои неудачи убѣдили меня въ

необходимости благоразумія и я сталъ обдумывать, что мнѣ дѣлать. Очень вѣроятно, думалъ я, что нѣсколько словъ было написано на той сторонѣ бумаги, которую я не изслѣдовалъ; но которая же это сторона? Соединеніе клочковъ не давало мнѣ никакихъ данныхъ въ этомъ отношеніи и гарантировало только то, что я найду всѣ слова (если тутъ только были слова), на одной и той же сторонѣ и въ логическомъ порядкѣ, какъ были написаны. Повѣрить сущность дѣла самымъ несомнѣннымъ образомъ было безусловно необходимо, потому что остатки фосфора были совершенно недостаточны для третьяго опыта, если по несчастью мнѣ не удался бы настоящій. Я положилъ, какъ уже дѣлалъ, бумагу на книгу и сидя нѣсколько минутъ старательно обдумывалъ вопросъ. Наконецъ я пришолъ къ заключенію, что исписанная сторона, можетъ пожалуй отличаться нѣкоторого неравноюстью на поверхности, въ которой можно убѣдиться легкимъ осязаніемъ. Я рѣшился сдѣлать опытъ и осторожно провелъ пальцемъ по первой, попавшейся мнѣ сторонѣ; не почувствовавъ рѣшительно ничего, я перевернулъ бумагу и снова сложилъ ее на книгу. Потомъ опять провелъ указательнымъ пальцемъ, во всю длину, съ большою предосторожностью, и увидѣлъ свѣтъ чрезвычайно слабый, но однакожь замѣтный, который выходилъ какъ-будто изъ-подъ моего пальца. Это очевидно могло происходить только отъ маленькихъ частичекъ фосфора, который я теръ въ первую мою попытку. Слѣдовательно на другой сторонѣ, на оборотѣ должно было быть письмо, если только надлежало быть письму. Я еще разъ перевернулъ записку и принялся за работу, какъ дѣлалъ передъ тѣмъ. Потеръ фосфоръ; снова появился свѣтъ, но на этотъ разъ ясно обозначилось нѣсколько строкъ крупнаго почерка, написанныхъ казалось красными чернилами. Свѣтъ хотя довольно яркій былъ мгновененъ. Между тѣмъ, еслибъ я не былъ сильно взволнованъ, мнѣ достаточно было бы времени прочесть всѣ три фразы, явившіяся передо мной; я видѣлъ, что ихъ было три. Но въ моемъ нетерпѣніи прочесть все разомъ, мнѣ удалось только схватить девять словъ въ концѣ, то были: ... *кровью, оставайся здѣ теперь, отъ этого зависитъ твоя жизнь.*

Еслибъ даже я могъ узнать все содержаніе записки, и такимъ образомъ полный смыслъ предостереженія моего друга, то это предостереженіе, я увѣренъ, хотя бы оно открывало мнѣ исторію страшнаго, невыразимаго бѣдствія, не наполнило бы мой разумъ и десятою частью того непреодолимаго и непостижимаго ужаса, какой

внушая мнѣ этотъ ключекъ извѣстія, полученнаго такимъ образомъ. И это слово *крьвъ*, — это страшное слово, это царь слово, всегда столь богатое тайной, страданіемъ и ужасомъ, это слово показало мнѣ тогда въ три раза крупнѣе по значенію! Этотъ повидимому пустой слогъ, оторванный отъ ряда предыдущихъ словъ, которыя опредѣляли его и дѣлали попитнымъ, падалъ тяжолый и ледяной, среди глубокой темноты моего заключенія, въ самые сокровенныя изгибы моей души!

Августъ имѣлъ несомнѣнно основательныя причины желать, чтобы я оставался спрятаннымъ, и я дѣлалъ тысячу догадокъ, касательно причинъ этихъ; но ничего не могъ найти, чтобы могло разрѣшить мнѣ удовлетворительно тайну. Когда я воротился изъ моего послѣдняго путешествія къ трану и прежде, чѣмъ вниманіе мое было занято страннымъ поведеніемъ Тигра, я рѣшился во чтобы то ни стало дать о себѣ знать людямъ на палубѣ или — если это не удастся, попытаться проложить себѣ ходъ сквозь декъ. Надежда, что въ крайнемъ случаѣ, я способенъ исполнить одно изъ этихъ предпріятій, придавала мнѣ бодрость (которой не было у меня прежде) сносить бѣдствія моего положенія. И вотъ нѣсколько прочитанныхъ мною словъ сгубили эту послѣднюю надежду! Теперь впервые я почувствовалъ всю горечь моей участи. Въ припадкѣ отчаянія, я кинулся на тюфякъ и лежалъ растянувшись цѣлый день и цѣлую ночь въ какомъ-то оцѣпенѣннн, въ которомъ изрѣдка мелькали проблески разсудка и памяти.

Наконецъ, я поднялся еще разъ и сталъ размышлять объ окружающихъ меня ужасахъ. Мнѣ было очень трудно прожить еще сутки безъ воды; что я говорю, трудно! невозможно. Въ первое время моего затворничества, я преспокойно употреблялъ ликеры, которыми снабдилъ меня Августъ, но они только усиливали лихорадку, нисколько не утоляя жажды. Изъ нихъ у меня оставалось теперь не болѣе четверти бутылки и это былъ очень крѣпкій ликеръ, изъ плодовъ съ косточками, отъ котораго меня тошнило. Колбасы были съѣдены; отъ ветчины оставался только небольшой кусокъ кожи и за исключеніемъ кое-какихъ остатковъ одного сухаря, всѣ остальные были пожраны Тигромъ. Къ довершенію моей тоски, я чувствовалъ, что головная боль моя увеличивается съ каждымъ мгновеніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ же бредомъ, который болѣе или менѣе мучилъ меня съ первой дремоты. Уже въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, я дышалъ съ большимъ трудомъ, и теперь всякое усиліе

вздохнуть, сопровождалось самыми беспокойными спазмами въ груди. Но у меня была еще другая причина беспокойства, совѣтъ много рода, вслѣдствіе которой томительный ужасъ вырвалъ меня изъ оцѣпенѣнія и заставилъ насильно подняться на тюфякъ.

Это беспокойство причиняло мнѣ странное поведеніе собаки.

Я уже замѣтилъ въ ней перемѣну, когда теръ фосфоръ на бумагѣ во время моего послѣдняго опыта. Лишь только я кончилъ, она всунула мнѣ въ руку свою морду съ легкимъ ворчаньемъ, но я былъ такъ сильно взволнованъ въ ту минуту, что не обратилъ особеннаго вниманія на это обстоятельство. Вскорѣ послѣ этого, какъ помните, я кинулся на тюфякъ и впалъ въ родъ летаргіи. Въ это время я замѣтилъ какое-то странное сопѣніе, совершенно у моего уха и открылъ, что это сопѣлъ Тигръ, который задыхался и ворчалъ, точно былъ въ самомъ величайшемъ раздраженіи, страшно сверкая глазами даже и въ темнотѣ. Я заговорилъ съ нимъ: онъ отвѣчалъ мнѣ глухимъ ворчаньемъ, и потомъ какъ-будто успокоился. Я впалъ опять въ оцѣпенѣніе и опять былъ пробужденъ такимъ же образомъ. Это повторялось три или четыре раза; наконецъ поведеніе его такъ напугало меня, что я совершенно очнулся. Онъ лежалъ въ это время какъ разъ противъ отверстія ящика, страшно ворча, хотя низкимъ и глухимъ тономъ и скрипя зубами, какъ бы мучимый сильными конвульсіями.

Не было сомнѣнія, что недостатокъ воды и спертая атмосфера трюма привели его въ бѣшенство, и я рѣшительно не зналъ на что мнѣ рѣшиться. Я не могъ вынести мысли убить его и между тѣмъ это казалось мнѣ необходимымъ для моего собственнаго спасенія. Я хорошо различалъ его глаза, уставленные на меня съ выраженіемъ смертельной злобы и ждалъ каждое мгновеніе, что онъ кинется на меня. Наконецъ я чувствовалъ, что не могу долѣе выносить это ужасное положеніе и рѣшился, во чтобы то ни стало, выйти изъ моего ящика и покончить съ Тигромъ, если сопротивленіе съ его стороны сдѣластъ эту крайность необходимою. Чтобы выйти изъ своей засады, мнѣ нужно было перешагнуть прямо черезъ его туловище; можно было подумать, что онъ предчувствовалъ мое намѣреніе, потому что поднялся на заднія лапы, что я замѣтилъ по измѣненію положенія глазъ и открылъ бѣлый рядъ зубовъ, которые я могъ различить безъ труда. Я взялъ остатокъ кожи отъ ветчины и бутылку съ ликеромъ, а также и большой столовый ножъ, оставленный мнѣ Августомъ; потомъ плотно завернувшись въ свое пальто,

сдѣлалъ движеніе къ отверстию ящика. Едва я пошевелился, какъ собака съ сильнымъ воемъ кинулась мнѣ на горло. Огромная тяжесть ея тѣла толкнула меня въ правое плечо, и я грохнулся на право, между тѣмъ какъ бѣшеное животное перелетѣло черезъ меня. Я упалъ на колѣни, съ головой, окутанной въ одѣяло, что предохранило меня отъ опасности, при второмъ нападеніи, столько же свирѣпомъ какъ и первое; я чувствовалъ какъ острые зубы сильно грызли шерстяное одѣяло на моей шеѣ, но не могли по счастью прокусить всѣ складки. Въ эти минуты я лежалъ подъ животнымъ и черезъ нѣсколько мгновеній долженъ былъ очутиться совершенно въ его власти. Отчаяніе придало мнѣ силы, я быстро вскочилъ, далеко отбросивъ отъ себя собаку одною силою движенія и схвативъ съ тюфяка простыню и одѣяло, кинулъ ихъ на Тигра, выскочилъ изъ ящика и притворилъ его дверцу на случай преслѣдованія. Но въ этой битвѣ я принужденъ былъ выпустить изъ рукъ кусокъ кожи отъ ветчины и теперь вся провизія моя ограничивалась четвертью кружки ликера. Когда эта мысль промелькнула у меня въ головѣ, я почувствовалъ, что увлекаюсь однимъ изъ припадковъ злобы, похожихъ на движеніе избалованнаго ребенка и поднеся бутылку къ губамъ, опорожнилъ ее до послѣдней капли и потомъ съ бѣшенствомъ разбилъ ее у ногъ моихъ.

Едва замерло эхо разбитаго стекла, какъ я услышалъ свое имя, произнесенное безпокойнымъ и задыхающимся голосомъ, въ томъ направленіи, гдѣ помѣщался экипажъ. Подобное обстоятельство было для меня такою неожиданною вещью и волненіе, причиненное имъ было такъ сильно, что я напрасно старался откликнуться. Я потерялъ совершенно способность говорить и мучимый страхомъ, чтобы не сочли меня мертвымъ и не воротились безъ попытки отыскать меня, я стоялъ на ногахъ между кѣтками, подлѣ двери ящика, судорожно дрожа, разинувъ ротъ и сисясь заговорить. Еслибъ даже участь тысячи людей зависѣла отъ одного слога, я бы не могъ произнести его. Тогда я услышалъ какъ бы легкое движеніе среди груза, гдѣ-то неподалеку отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ. Потомъ шорохъ этотъ сталъ менѣе ясенъ, а потомъ еще менѣе, наконецъ онъ сталъ удаляться, ослабѣвая все болѣе и болѣе. Забуду ли я когда-нибудь мои тогдашнія ощущенія? Онъ уходилъ, онъ, мой другъ, мой товарищъ, на котораго я имѣлъ право столько надѣяться! онъ уходилъ, онъ хотѣлъ покинуть меня, онъ ушелъ! Онъ хотѣлъ, стало быть, чтобы я погибъ самымъ гнуснымъ образомъ, чтобы я издохъ въ са-

мой страшной и отвратительнѣйшей тюрьмѣ; и одно слово, одинъ звукъ могъ спасти меня! и этотъ единый звукъ, я не могъ произнести! Я испытывалъ въ эту минуту десять тысячъ разъ мученія смерти. Голова у меня закружилась и я упалъ, въ смертельной слабости на самый край ящика.

Когда я падалъ, столовый ножъ выскочилъ изъ-за пояса моихъ панталоновъ и покатился на полъ съ сухимъ шумомъ желѣза. Нѣтъ, никогда прелестная музыка не трогала такъ сладостно моего слуха! Я прислушивался съ самымъ жгучимъ безпокойствомъ, чтобы замѣтить вліяніе этого шума на Августа; я зналъ, что произносившій мое имя былъ никто иной, какъ онъ. Но кругомъ нѣсколько мгновеній царствовало глубокое молчаніе. Наконецъ я опять услышалъ слово: *Артуръ!* повторенное нѣсколько разъ, тихимъ тономъ, и одинъ разъ съ большою нервнѣйшностью. Возрождающаяся надежда вдругъ освободила мое скованное слово и я громко крикнулъ:

— Августъ! о, Августъ!

— Тсъ! ради Бога, молчи! возразилъ онъ голосомъ дрожащимъ отъ волненія, я сейчасъ буду у тебя, только дай пробраться.

Долго я слышалъ, какъ онъ пробирался между грузомъ и каждое мгновеніе казалось мнѣ вѣкомъ. Наконецъ я почувствовалъ его руку на моемъ плечѣ и въ тоже время онъ поднесъ къ моимъ губамъ бутылку съ водою. Только тотъ, кто былъ вырванъ внезапно изъ челюстей смерти или кто испытывалъ нестерпимыя мученія жажды, при такихъ сложныхъ обстоятельствахъ, какія осаждали меня въ моемъ мрачномъ заключеніи, можетъ представить себѣ невыразимое наслажденіе, которое принесъ мнѣ этотъ чудный глотокъ, давно желанный, глотокъ залпомъ, этотъ райскій напитокъ, — это сладостное чувство, совершеннѣйшее изъ всѣхъ!

Когда я потчи утолилъ жажду, Августъ вынулъ изъ своего кармана три или четыре варенныя и холодныя картофелины, которыя я уничтожилъ съ величайшею жадностью. Онъ принесъ свѣчу и глухомъ фонарѣ и прелестныя лучи свѣта обдали меня чувствомъ радости, не менѣе пищи и питья. Но я нетерпѣливо желалъ узнать причину его продолжительнаго отсутствія и онъ началъ разсказывать мнѣ что случилось на палубѣ во время моего заточенія.

IV

БУНТЪ И РЪЗНЯ

Бригъ вышелъ въ море, какъ я отгадалъ, спустя около часу послѣ того, какъ Августъ оставилъ мнѣ свои часы. Это было 20 іюня. Вы помните, что я былъ въ трюмѣ уже три дня, и въ продолженіе всего этого времени, на кораблѣ была такая постоянная суматоха, столько хлопотъ, что Августъ никакъ не могъ придти ко мнѣ, не рискуя обнаружить тайну трапа. Когда онъ наконецъ сошелъ ко мнѣ, я увѣрилъ его что мнѣ хорошо; поэтому два слѣдующіе дня онъ не очень беспокоился обо мнѣ; между-тѣмъ все-таки поджидалъ случая сойти въ трюмъ. *Только на четвертый день* ему удалось это. Нѣсколько разъ въ продолженіе этого времени онъ рѣшался открыть все своему отцу и вывести меня на верхъ; но мы были все еще близко къ Нантуки и можно было опасаться, судя по нѣкоторымъ словамъ, вырвавшимся у капитана Бернарда, что онъ тотчасъ же вернулся бы, узнавъ, что я на кораблѣ. Ктому же, взвѣсивая хорошенько всѣ обстоятельства, Августъ, — такъ по крайней мѣрѣ говорилъ онъ — не могъ себѣ представить, чтобы я терпѣлъ какую-нибудь крайнюю нужду или чтобы въ такомъ случаѣ, не извѣстивъ о себѣ черезъ трапъ. Итакъ, по всѣмъ соображеніямъ, онъ предпочелъ оставить меня въ тайникѣ, пока не найдетъ случая незамѣтнымъ образомъ посѣтить меня. Это, какъ я сказалъ, случилось только на четвертый день послѣ того, какъ онъ принесъ мнѣ часы и на седьмой съ самаго моего водворенія въ трюмѣ. Онъ спустился, не взявъ съ собою ни воды, ни провизіи, имѣя въ виду только обратиться на себя мое вниманіе и заставить меня придти изъ ящика къ трапу, потомъ подняться въ свою каюту и оттуда передать все, въ чемъ я нуждался. Когда онъ сошелъ съ этою цѣлью, то замѣтилъ, что я спалъ. Должно быть я храпѣлъ тогда очень громко. По всѣмъ соображеніямъ; это должно быть было то несчастное оцѣненіе, въ которое я впалъ какъ разъ воротившись отъ трапа съ часами, оцѣненіе, продолжавшееся слѣдовательно по крайней мѣрѣ *трое сутокъ*. Очень недавно я узналъ по собственному опыту и по свидѣтельству другихъ, снотворное вліяніе сильно спертаго запаха стараго рыбьяго жиру. Когда думаю теперь о трюмѣ, въ которомъ былъ заключенъ, и о долговременномъ служеніи судна китоловному про-

мыслу, я готовъ скорѣй удивляться, какъ могъ я проснуться, погрузившись однажды въ этотъ опасный сонъ, чѣмъ тому, что я спалъ непробудно все это время.

Августъ сначала позвалъ меня тихимъ голосомъ и не затворяя трапа, но я ничего не отвѣтилъ. Тогда онъ заперъ трапъ и заговорилъ со мною, возвысивъ голосъ; наконецъ заговорилъ очень громко, но я продолжалъ храпѣть. Не скоро можно было пробраться между всякою всячиною трюма и дойти до моей будки, а между тѣмъ его отсутствіе могло быть замѣчено капитаномъ Бернардомъ, который каждую минуту нуждался въ его услугахъ для приведенія въ порядокъ и переноски бумагъ, относящихся до цѣли путешествія. И потому, разсудивъ, онъ рѣшился подняться опять и ждать другого случая посѣтить меня. Тѣмъ легче принялъ онъ это рѣшеніе, что сонъ мой казался покойнымъ, и онъ никакъ не предполагалъ, чтобы я могъ испытывать малѣйшее неудобство въ моемъ заточеніи. Во время всѣхъ этихъ соображеній, вниманіе его было привлечено совершенно необыкновеннымъ шумомъ, который доносился казалось изъ каюты. Онъ бросился какъ можно скорѣе черезъ трапъ, затворилъ его и отперъ дверь своей каюты. Едва ступилъ онъ на порогъ, какъ пистолетный зарядъ пролетѣлъ мимо лица его, а ударъ ганшпугомъ повалилъ его на землю.

Сильная рука держала его распростертымъ на полу каюты и сжимала горло; между тѣмъ онъ могъ видѣть, что происходило вокругъ. Отецъ его, связанный по рукамъ и по ногамъ, лежалъ, распростертый вдоль ступеней головой внизъ, съ глубокой раной на лбу, изъ которой кровь лилась ручьемъ. Онъ не говорилъ ни слова и казалось умиралъ. Надъ нимъ стоялъ старшій, смотря ему въ лицо съ выраженіемъ дьявольской насмѣшливости и обшаривая спокойно карманы, откуда въ эту самую минуту онъ вытащилъ толстый бумажникъ и хронометръ. Семь человекъ экипажа (между ними кокъ (поварь) — негръ) рылись въ каютахъ бакборта, чтобы захватить тамъ оружіе и скоро у всѣхъ были ружья и порохъ. Не считая Августа и капитана Бернарда, всего на лицо было девять человекъ, — извѣстнѣйшихъ бездѣльниковъ изъ всего экипажа. Разбойники поднялись затѣмъ на палубу, ведя съ собою моего друга, съ связанными за спину руками. Они отправились прямо на бакъ, который былъ запертъ, — два бунтовщика встали по сторонамъ съ топорами, — двое другихъ у самаго входа. Старшій крикнулъ громкимъ голосомъ :

— Слушайте, вы, внизу! маршъ на верхъ, на палубу! — по одному, слушать! — и не ворчать!

Прошло нѣсколько минутъ прежде чѣмъ кто-нибудь осмѣлился показаться; наконецъ, одинъ англичанинъ, сѣвшій на корабль какъ новичокъ, взлѣзъ съ жалобнымъ плачемъ и умолялъ старшаго въ самыхъ жалкихъ выраженіяхъ, пощадить его жизнь. Единственнымъ отвѣтомъ на его просьбу, былъ ловкій ударъ топора въ голову. Бѣдный малый покотился по палубѣ, не испустивъ ни одного стона; черный поваръ поднялъ его на руки, какъ поднялъ бы ребенка и спокойно бросилъ въ море. Услыхавъ ударъ и паденіе тѣла, люди внизу рѣшительно отказались выходить на палубу; общанія и угрозы, все было напрасно. Наконецъ, кто-то предложилъ задуть ихъ всѣхъ дымомъ. Это произвело общее смятеніе и одно мгновеніе можно было думать, что корабль будетъ отнятъ у бунтовщиковъ. Но кончилось однакожъ тѣмъ, что бунтовщикамъ удалось опять крѣпко запереть бакъ и только шестеро изъ ихъ противниковъ могли выскочить на палубу. Эти шестеро, не равные по силѣ и совершенно безоружные, покорились послѣ очень непродолжительной борьбы. Старшій сказалъ имъ сладкую рѣчь, безъ всякаго сомнѣнія, чтобы довести до покорности тѣхъ, которые были внизу и могли безъ труда слышать все, что говорилось на палубѣ. Послѣдствія показали, что расчетъ его былъ вѣренъ, равно какъ и дьявольское злодѣйство его. Всѣ запертые въ бакъ люди объявили намѣреніе покориться; и, поднимаясь одинъ за другимъ, были связаны и брошены на спину вмѣстѣ съ шестью первыми, — всего двадцать семь человекъ экипажа, не принявшихъ участія въ бунтѣ.

Послѣдовала страшная рѣзня. Связанныхъ матросовъ притащили къ шкафуту. Тамъ кокъ стоялъ съ топоромъ, поражая въ голову каждую жертву въ ту минуту, какъ другіе разбойники выкидывали ее за бортъ. Такимъ образомъ погибло двадцать два человека, и Августъ считалъ и себя погибшимъ, думая всякую минуту, что приходитъ и его очередь. Но по-видимому негодян или слишкомъ утомились или можетъ быть почувствовали нѣкоторое омерзеніе къ своей кровавой работѣ, потому что четверо остальныхъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ и мой другъ, брошенный вмѣстѣ съ другими на палубу, были пощажены; между-тѣмъ старшій послалъ внизъ за ромомъ и вся шайка убійцъ стала пьянствовать, что длилось до солнечнаго заката. Тогда они подняли споръ относительно участи оставшихся въ живыхъ, которые лежали въ шагахъ четырехъ отъ

нихъ и не могли проронить ни одного слова изъ этого разговора. На нѣкоторыхъ бунтовщиковъ пьянство казалось произвело впечатлѣніе смягчающее, потомучто нѣсколько голосовъ поднялось за полное освобожденіе плѣнниковъ, съ условіемъ, что они присоединятся къ нимъ и примутъ свою часть добычи. Между тѣмъ негръ-кокъ (который во всѣхъ отношеніяхъ былъ совершенный демонъ и казалось пользовался такимъ же влияніемъ, если не бѣльшимъ, какъ и самъ старшій), не хотѣлъ и слышать о подобномъ предложеніи и каждое мгновеніе подымался, чтобъ опять приняться за свою обязанность налача у шкафута. Къ величайшему счастью онъ былъ такъ обезоленъ пьянствомъ, что его легко могли удержать менѣе кровожадные члены шайки, между которыми былъ одинъ канатный мастеръ, извѣстный подъ именемъ Дирка Петерса. Человѣкъ этотъ былъ сыномъ индіанки изъ племени Упсарока, которое занимаетъ естественныя укрѣпленія Черныхъ горъ, при источникѣ Миссури. Отецъ его кажется торговалъ пушнымъ товаромъ или по крайней мѣрѣ имѣлъ какія-то сношенія съ торговыми мѣстами индійцевъ на рѣкѣ Люисѣ. Что касается до Петерса, это человѣкъ самой свирѣпой наругности, какую я только видывалъ. Онъ былъ небольшого роста, не болѣе четырехъ футовъ и восьми вершковъ, но члены его были отлиты въ геркулесовскія формы. Руки особенно были такъ чудовищно толсты и мускулисты, что едва сохраняли человѣческую форму. Какъ руки, такъ и ноги были у него выгнуты самымъ страшнымъ образомъ и казалось не были одарены ни малѣйшею гибкостью. Голова также уродлива, громадной величины, съ клочками волосъ на макушкѣ, какъ у многихъ негровъ и совершенно лысая. Чтобы прикрыть этотъ послѣдній недостатокъ, онъ носилъ обыкновенно парикъ, сдѣланый изъ перваго попавшагося мѣха, иногда изъ шкуры болонки или сѣраго американскаго медвѣдя. Въ то время, о которомъ я говорю, онъ носилъ клочокъ медвѣжьей шкуры, и это не мало увеличивало природную свирѣпость его физиономіи, сохранявшей типъ упсарока. Ротъ растягивался у него почти отъ одного уха до другого; губы были тонки и казалось совершенно лишены, какъ и всѣ другія части его особы, эластичности, такъ что господствующее ихъ выраженіе никогда не измѣнялось влияніемъ какого-нибудь душевнаго движенія. Легко отгадать это обыкновенное выраженіе, если представить себѣ чрезвычайно длинныя и выдающіеся зубы, которые никогда не прикрывались губами. Бросивъ на него небрежный взглядъ, можно было подумать, что его схватила судорога смѣха, но

присмотрѣвшись внимательнѣе, вы съ трепетомъ убѣждались, что если это выраженіе было признакомъ веселости, веселость эта была веселостью демона. Бездна анекдотовъ кодила объ этомъ странномъ существѣ между нантукскими матросами. Всѣ эти анекдоты доказывали его чудесную силу, когда онъ бывалъ раздраженъ чѣмъ-нибудь и нѣкоторые изъ нихъ давали поводъ подозрѣвать, что онъ былъ не совѣтъ въ здравомъ умѣ. Но на *Грампусъ* во время мятежа онъ для всѣхъ служилъ скорѣй предметомъ насмѣшекъ, чѣмъ ужаса. Я распространился немного о Диркѣ Петерсѣ потому, что не смотря на всю его наружную свирѣпость, онъ сдѣлался главнымъ орудіемъ спасенія Августа и потому еще, что мнѣ очень часто придется говорить о немъ въ моемъ разсказѣ, разсказѣ, который въ послѣдней своей части, да позволено мнѣ будетъ сказать это, представить случаи до того выходящіе изъ ряда человѣческихъ дѣлъ и до того превышающіе границы человѣческой довѣрчивости, что я продолжаю разсказъ съ отчаяніемъ никогда не добиться вѣры въ перо мое и уповаю только на время и прогрессъ науки, которыя подтверждаютъ нѣкоторыя изъ моихъ важнѣйшихъ и невѣроятнѣйшихъ сказаній.

Послѣ большой нерѣшительности и двухъ или трехъ страшныхъ осоръ, было наконецъ рѣшено, что всѣ плѣнники (за исключеніемъ Августа, котораго Петерсъ настаивалъ коническимъ образомъ оставить при себѣ секретаремъ), будутъ спущены на произволъ моря и вѣтра въ самой маленькой шлюбкѣ. Старшій спустился въ каютъ-компанію посмотрѣть не живъ ли еще капитацъ Бернардь: надо припомнить, что когда бунтовщики поднялись на палубу, онъ былъ оставленъ внизу. Скоро они явились оба; капитацъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ, но успѣлъ уже немного оправиться отъ раны. Онъ заговорилъ съ людьми едва внятнымъ голосомъ, умолялъ ихъ не оставлять его въ дрейфѣ, но возвратиться къ своимъ обязанностямъ, обѣщая высадить ихъ гдѣ бы они ни захотѣли и нисколько не хлопотать о преданіи ихъ правосудію. Столько же пользы было бы ему переговариваться съ вѣтромъ. Двое подлецовъ схватили его за руки и кинули за бортъ въ шлюбку, которую спустили въ то время, какъ старшій ходилъ въ каютъ-компанію. За тѣмъ четыре человѣка, лежащіе на палубѣ, были развязаны и получили приказаніе сойти, что они и исполнили безъ малѣйшаго сопротивленія. Августъ оставался въ прежнемъ печальномъ положеніи, не смотря на то, что волновался и умолялъ позволить ему проститься въ послѣдній разъ съ отцомъ. Затѣмъ несчастнымъ передали горсть сухарей и кружку

воды, но ни мачты, ни паруса, ни веселья, ни буссоли. Потомъ шлюбку буксировали за кормой нѣсколько минутъ, въ продолженіи которыхъ бунтовщики держали снова совѣтъ; наконецъ отрѣзали ее отъ кормы. Въ это время наступила ночь; не видно было ни луны, ни звѣзд; море начинало волноваться, хотя не было сильнаго вѣтра. Шлюбка тотчасъ же пропала изъ виду и мало было надежды на спасеніе несчастныхъ, которые сидѣли въ ней. Все это происходило однакожъ подь 35° 30' сѣверной широты и 61° 20' западной долготы, слѣдовательно въ недалекомъ разстояніи отъ Бермудскихъ острововъ. Августъ по этому случаю старался утѣшить себя мыслью, что шлюбкѣ удастся можетъ быть достигъ берега или что она подойдетъ на столько, что можетъ встрѣтить какое-нибудь береговое судно.

Послѣ этого были подняты всѣ паруса и бригъ продолжалъ путь къ юго-западу; бунтовщики имѣли въ виду какую-то разбойничью экспедицію. Дѣло шло, сколько могъ понять Августъ, о томъ, чтобы захватить корабль, который долженъ былъ идти отъ острововъ Зеленаго мыса въ Порто-Рико. На Августа не обращали никакого вниманія, его развязали и онъ могъ ходить свободно всюду. Диркъ Петерсъ обращался съ нимъ довольно ласково и при случаѣ даже спасалъ его отъ грубости кока (повара). Положеніе его все-таки было самое печальное и самое трудное, потому что люди постоянно пьянствовали и нельзя было слишкомъ полагаться на ихъ настоящее хорошее расположеніе и безопасность. Между тѣмъ Августъ говорилъ мнѣ о своемъ безпокойствѣ въ отношеніи меня, какъ о самомъ печальномъ фактѣ его положенія, и я не имѣлъ дѣйствительно никакой причины сомнѣваться въ искренности его дружбы. Нѣсколько разъ онъ рѣшался открыть бунтовщикамъ тайну моего присутствія на кораблѣ, но его удерживало отчасти воспоминаніе о жестокостяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и отчасти надежда, что онъ скоро будетъ въ состояніи помочь мнѣ. Чтобы достигъ этого, онъ былъ постоянно на сторожѣ, но на перекоръ самой упорной бдительности прошло три дня съ тѣхъ поръ, какъ пустили въ дрейфъ шлюбку, прежде чѣмъ представился удобный случай. Наконецъ на третій день вечеромъ съ востока налетѣлъ сильный шквалъ и всѣ люди были заняты закрѣпленіемъ парусовъ. Благодаря послѣдовавшей сумятицѣ, онъ могъ незамѣченный спуститься въ свою каюту. Каковы же были его горе и ужасъ, когда онъ увидѣлъ, что здѣсь устроено складочное мѣсто провизіи и корабельныхъ принадлежно-

стей и что нѣсколько сажень старыхъ цѣпей, валявшихся прежде на лѣстницѣ каюты, были стащены, чтобъ очистить мѣсто ящику и лежали теперь какъ разъ на трапѣ! Стащить ихъ, не будучи зачѣпленнымъ, было невозможно, и потому онъ какъ можно скорѣй поднялся на палубу. Не успѣлъ онъ взойти туда, старшій схватилъ его за горло, спрашивая что онъ дѣлалъ въ каютѣ и готовъ былъ выкинуть его за бортъ, но Диркъ Петерсъ вступился и еще разъ спасъ ему жизнь. Затѣмъ ему надѣли ручныя цѣпи (на кораблѣ было нѣсколько паръ) и крѣпко связали ноги. Потомъ отнесли его въ каюту экипажа и бросили на внутреннюю койку у самой переборки бака, объявивъ ему, что онъ ногой не ступитъ на палубу до тѣхъ поръ, пока *бригъ не будетъ больше бригомъ*. Таково было выраженіе кока; какой именно смыслъ онъ приписывалъ этому выраженію, объяснить невозможно. Между тѣмъ обстоятельства окончательно обратились въ мою пользу, какъ это сейчасъ будетъ видно.

V

КРОВАВОЕ ПИСЬМО

Когда кокъ ушелъ съ бака, Августъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ предавался отчаянію, не надѣясь никогда выйдти живымъ изъ своей койки. Тогда онъ рѣшился справиться о моемъ положеніи чрезъ перваго человѣка, который сойдетъ, разсчитывая, что лучше предоставить мнѣ случай сойтись съ бунтовщиками, чѣмъ умирать въ трюмѣ отъ жажды, такъ какъ прошло уже десять дней со времени моего заключенія, а въ кружкѣ моей не было воды и на четыре дня. Когда онъ раздумывалъ объ этомъ, ему вдругъ пришла мысль, что онъ можетъ быть будетъ въ состояніи открыть со мной сообщеніе черезъ большой трюмъ. При всякихъ другихъ обстоятельствахъ, трудность и опасности предпріятія остановили бы его, но въ настоящее время у него наконецъ такъ мало было надежды остаться въ живыхъ и слѣдовательно онъ такъ мало терялъ, что употребилъ весь свой умъ на это новое предпріятіе.

Цѣпи его составляли первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію. Сначала онъ не находилъ никакого средства отдѣлаться отъ нихъ и боялся такимъ образомъ быть остановленнымъ въ самомъ началѣ; но болѣе внимательное изслѣдованіе открыло, что онъ можетъ про-

сто, сжимая руки, вытаскивать ихъ изъ оковъ, безъ большихъ усилий и затрудненій. Цѣли этого рода были совершенно недостаточны, чтобы сковать члены очень молодого человѣка, у котораго тонкія кости легко уступаютъ давленію. Затѣмъ онъ развязалъ себѣ ноги и оставивъ веревку такимъ образомъ, чтобы можно было опять легко надѣть ее, въ случаѣ если кто-нибудь войдетъ, — онъ началъ разсматривать перегородку въ томъ мѣстѣ, гдѣ была койка. Переборка состояла изъ тонкихъ пихтовыхъ досокъ, и онъ увидѣлъ, что не трудно будетъ проложить сквозь нихъ ходъ. Въ это время наверху лѣстницы бака послышался голосъ; онъ едва успѣвъ всунуть правую руку въ оковы (лѣвая не была еще вынута) и завязать веревку вокругъ ладыжки, какъ вошелъ Диркъ Петерсъ въ сопровожденіи Тигра, который немедленно вскочилъ на койку и улегся тамъ. Собаку привелъ на корабль Августъ, знавшій мою привязанность къ этому животному и подумавшій, что мнѣ будетъ пріятно имѣть его при себѣ въ продолженіи путешествія. Онъ ходилъ за нимъ въ домъ моего отца тотчасъ же послѣ того, какъ провелъ меня въ трюмъ, но принося часы, забылъ сказать мнѣ объ этомъ.

Со времени бунта, Августъ увидѣлъ его въ первый разъ съ Диркомъ Петерсомъ и считалъ его пропавшимъ, предполагая, что который-нибудь изъ негодяевъ изъ шайки старшаго выбросилъ его за бортъ. Открылось, что онъ заползъ подъ шлюбку, откуда не могъ никакъ выкарабкаться. Наконецъ уже Петерсъ освободилъ его и съ нѣкоторымъ добрымъ чувствомъ, которое другъ мой умѣлъ оцѣнить, привелъ къ нему на бакъ, оставивъ Августу въ тоже время небольшой запасъ солонины и картофелю, съ кружкой воды; затѣмъ онъ поднялся на палубу, обѣщая придти еще завтра и принести что-нибудь съѣстное.

Когда онъ ушелъ, Августъ освободилъ обѣ руки изъ оковъ и развязалъ ноги; затѣмъ отвернулъ верхнюю часть тюфяка, на которомъ лежалъ и перочиннымъ ножикомъ (разбойники почли лишнимъ обыскивать его) началъ сильно надрѣзывать одну изъ досокъ перегородки, какъ можно ближе къ полу, составлявшему дно койки. Онъ выбралъ это мѣсто потому, что еслибъ ему вдругъ помѣшали, онъ могъ скрыть начатую работу, опустивъ просто верхнюю часть тюфяка на его обычное мѣсто. Но во все остальное время дня его не беспокоили, и ночью онъ совершенно вырѣзалъ доску. Надо замѣтить, что никто изъ экипажа не отдыхалъ на бакѣ и что со времени мятежа, всѣ до одного жили въ кормовой каютѣ, пили вино,

угощались провизією капитана Бернарда и на маневры судна обращали только самое необходимое вниманіе.

Обстоятельства эти послужили на пользу мнѣ и Августу, потому что въ противномъ случаѣ ему было бы невозможно пробраться ко мнѣ. И такъ онъ съ нѣкоторою смѣлостью выполнялъ свое предположеніе. Между тѣмъ утро застало его за неоконченною работою, такъ-какъ оказалось мало прорѣзать одну доску; дѣло шло о томъ, чтобы сдѣлать отверстіе, черезъ которое можно бы было пройти подъ палубу. Пробравшись туда, онъ безъ особеннаго труда могъ достигъ до большаго внутренняго люка, не смотря на то, что при этомъ ему приходилось лѣзть по ряду бочекъ съ жиромъ, наваленныхъ почти до втораго дека и едва оставлявшихъ свободный проходъ его туловищу. Когда онъ достигъ до люка, онъ замѣтилъ, что Тигръ слѣдуетъ за нимъ, прокрадываясь между двумя рядами бочекъ. Но тогда было уже очень поздно, чтобы можно было добратъся до меня до полнаго разсвѣта; главное затрудненіе заключалось въ проходѣ между грузомъ втораго трюма.

И такъ онъ рѣшился подняться опять и ждать до слѣдующей ночи. Съ этою цѣлью онъ началъ поднимать люкъ; этимъ выигрывалось время. Но едва онъ его поднялъ, какъ Тигръ вскочилъ въ отверстіе, нетерпѣливо понюхавъ съ минуту, и потомъ завылъ, роя лапами, словно хотѣлъ сорвать трапъ. Было ясно, по его поведенію, что онъ чувствуетъ мое присутствіе въ трюмѣ, и Августъ подумалъ, что онъ легко могъ дойти до меня, если пустить его внизъ. Тогда-то онъ и придумалъ посылку записки; потомучто прежде всего онъ желалъ, чтобы я не дѣлалъ никакой попытки выйти изъ моего тайника, но крайней мѣрѣ при настоящихъ обстоятельствахъ, да и вообще онъ не былъ увѣренъ, что будетъ въ состояніи пройти ко мнѣ на слѣдующее утро, какъ намѣревался. Послѣдующія обстоятельства доказали, какъ счастлива была эта мысль, потомучто еслибъ я не получилъ записки, я навѣрное остановился бы на какомъ нибудь отчаянномъ планѣ, поднялъ бы весь экипажъ и весьма вѣроятнымъ слѣдствіемъ этого была бы наша погибель.

И такъ онъ рѣшился писать; затрудненіе заключалось теперь въ присканіи средствъ исполнить это намѣреніе. Старая зубочистка превратилась тотчасъ въ перо; легко представить себѣ, что операція эта была произведена оцупью, потомучто междуdecke было темно какъ ночь. Наружный листокъ нисыма снабдилъ его достаточнымъ количествомъ бумаги; это былъ второй экземпляръ подложнаго пись-

ма, приготовленного для г. Росса, къ которому былъ отправленъ второй экземпляръ, болѣе удавшійся относительно почерка; первый же экземпляръ, къ величайшему счастью, Августъ сунулъ въ карманъ своего платья, гдѣ оно и нашлось теперь очень кстати. Недоставало только чернилъ, но онъ скоро нашолъ чѣмъ замѣнить ихъ, надрѣзавъ слегка конецъ пальца, какъ разъ надъ ногтемъ; струя крови брызнувшая оттуда была достаточна, какъ вообще изъ ранъ, сдѣланныхъ въ этомъ мѣстѣ. Тогда онъ написалъ записку такъ четко, какъ только могъ, въ потемкахъ и при подобныхъ обстоятельствахъ. Записка эта объясняла мнѣ вкратцѣ, что былъ бунтъ, что капитанъ Бернардъ оставленъ въ открытомъ морѣ, что въ отношеніи провізіи я могу рассчитывать на безотлагательную помощь, но что я не долженъ ни подъ какимъ видомъ чѣмъ-нибудь обнаруживать своего существованія. Посланіе заключалось слѣдующими словами: *Я царапаю это кровью, оставайся въ тайникѣ, отъ этого зависитъ твоя жизнь.*

Привязавъ записку къ собакѣ, онъ пустилъ ее черезъ люкъ, и воротился на бакъ, куда повидимому никто изъ экипажа не приходилъ въ его отсутствіе. Чтобы скрыть отверстіе въ перегородкѣ, онъ воткнулъ надъ нимъ свой ножикъ и повѣсилъ на него матросскую шинель, найденную имъ на койкѣ. Затѣмъ надѣлъ опять цѣпи и связалъ веревкой ноги.

Едва были окончены эти распоряженія, какъ спустился Диркъ Петерсъ, очень пьяный, но въ очень хорошемъ расположеніи духа и принесть моему другу его дневную порцію. Она заключалась въ дюжинѣ печоныхъ, большихъ ирландскихъ картофелинъ и кружкѣ воды. Онъ посидѣлъ нѣсколько времени на сундукѣ, подлѣ койки и началъ свободно говорить о старшемъ и болтать о всемъ что дѣлается на палубѣ. Жесты его были чрезвычайно капризны и даже смѣшны. Одну минуту Августъ былъ очень взволнованъ его страннымъ поведеніемъ. Наконецъ наболтавшись, онъ поднялся на палубу, бормоча что-то въ родѣ обѣщанія принесть на слѣдующій день хорошей объѣдъ своему плѣннику.

Днемъ, два человѣка изъ экипажа, багрильщики, сошли въ сопровожденіи кока, всѣ трое пьяные до послѣдней степени. Подобно Петерсу, они нисколько не затруднялись говорить о своихъ предположеніяхъ, безъ всякой осторожности. Кажется всѣ они были очень различнаго мнѣнія относительно окончательной цѣли путешествія и не сходились ни въ чемъ, за исключеніемъ предположеннаго нападенія

на корабль, который шолъ съ острововъ Зеленаго мыса и съ которыми встрѣчи они ждали съ минуты на минуту. Сколько можно было судить, бунтъ былъ поднятъ не изъ одной любви къ мятежу: главною причиною была частная ссора старшаго съ капитаномъ Бернардомъ. Казалось, что на кораблѣ теперь были двѣ противныя партіи; одна, подъ предводительствомъ старшаго, другая, преданная коку. Первая партія хотѣла завладѣть первымъ порядочнымъ кораблемъ, какой встрѣтится и, оснастивъ его на одномъ изъ Антильскихъ острововъ, крейсировать какъ пиратамъ. Вторая партія, сильнѣйшая и имѣвшая въ числѣ своихъ партизановъ Дирка Петерса, уговаривала слѣдовать путемъ первоначальнаго назначенія къ южному Тихому океану и тамъ, или ловить китовъ или дѣйствовать иначе, какъ укажутъ обстоятельства.

Представленія Петерса, который часто посѣщалъ эти мѣста, имѣли должно быть большую цѣну въ глазахъ бунтовщиковъ, нерѣшительныхъ и колеблющихся между множествомъ дурно понятыхъ идей о прибыли и удовольствіи. Онъ напиралъ особенно на новизну и удовольствія, которыя они непременно встрѣтятъ на безчисленныхъ островахъ Тихаго океана, на совершенную безопасность и безусловную свободу, которыми наслаждаются тамъ, но еще болѣе на прелесть климата, на изобильные источники къ хорошей жизни и на чудную красоту женщинъ. До сихъ поръ еще ничего не было рѣшено положительно; но картины канатнаго мастера сильно поражали пылокое воображеніе матросовъ и всѣ вѣроятія были за принятіе его плана.

Они ушли черезъ часъ и во весь день никто не приходилъ на бакъ. Августъ сидѣлъ спокойно до наступленія ночи. Тогда онъ освободился отъ цѣпей и отъ веревки и приготовился къ новой попыткѣ. На одной изъ коекъ онъ нашелъ бутылку и налилъ въ нее воды изъ кружки, оставленной Петерсомъ, потомъ сунулъ въ карманы холодный картофель. Къ великой радости, онъ нашолъ также фонарь съ маленькимъ огаркомъ. Зажечь его онъ могъ когда вздумается, потомучто спички были при немъ.

Когда наступила совершенная ночь, онъ скользнулъ сквозь отверстіе въ перегородкѣ, взявъ предосторожность сложить одѣяло въ видѣ лежащаго человѣка. Пролѣзши, онъ опять, чтобы прикрыть отверстіе, повѣсилъ на ножъ шинель, что не трудно было сдѣлать ему, такъ какъ одинъ кусокъ доски онъ вставилъ уже послѣ. Затѣмъ онъ очутился между деками и продолжалъ свой путь, какъ и

прежде, между вторымъ декомъ и бочками съ жиромъ, до большого люка. Здѣсь онъ зажогъ огаронъ и спустился ощупью и съ большими затрудненіями, между плотнаиваленнымъ грузомъ трюма. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ сильно-встревоженъ густотою атмосферы и нестерпимой вонью. Онъ не думалъ, чтобы я могъ пережить такое долгое заключеніе, и въ такомъ удушливомъ воздухѣ. Онъ кликнулъ меня нѣсколько разъ по имени, но я не отвѣчалъ, и ему казалось, что опасенія его подтверждаются. Бригъ страшно начало и вслѣдствіе этого стоялъ такой страшный шумъ, что совершенно бесполезно было прислушиваться къ такому слабому звуку, какъ мое дыханіе или храпѣніе. Открывъ фонарь, онъ держалъ его какъ можно выше, когда только было мѣсто, съ цѣлю дать мнѣ замѣтить свѣтъ и такимъ образомъ показать мнѣ, если я только въ живыхъ, что приближается помощь. Между тѣмъ онъ не слышалъ ни малѣйшаго звука и предположеніе, что я умеръ, подтверждалось все болѣе и болѣе. Онъ рѣшился однакожь пробраться, если возможно, до моего ящика, чтобы по крайней мѣрѣ повѣрить положительно свои страшныя опасенія. Нѣсколько минутъ онъ подвигался впередъ въ величайшемъ безпокойствѣ, какъ вдругъ увидѣлъ, что дорога совершенно заграждена ему, и нѣтъ возможности сдѣлать и шагу по избранному имъ пути. Побѣжденный различными ощущеніями, онъ кинулся въ отчаяніи на разбросанныя кучи вещей и какъ ребенокъ заплакалъ. Въ эту то минуту онъ услышалъ шумъ разбитой мною бутылки. Это въ самомъ дѣлѣ былъ счастливый случай, потому что какъ ни былъ онъ повидимому ничтоженъ, имъ связывалась нить моей участи. Много прошло однакожь лѣтъ, прежде чѣмъ я узналъ все дѣло. Естественный стыдъ и раскаяніе въ слабости и нерѣшительности мѣшали Августу признаться мнѣ въ томъ, въ чемъ признался онъ впоследствии. Увидѣвъ, что дорога черезъ трюмъ была для него загорожена препятствіями, которыхъ онъ не могъ преодолѣть, Августъ рѣшился отказаться отъ своего предпріятія и положилъ вернуться на бакъ. Прежде чѣмъ обвинять его въ этомъ дѣлѣ, необходимо взять въ соображеніе всю горькую обстановку, которая его окружала. Ночь проходила быстро, и отсутствіе его могло быть замѣчено на бакѣ, а это неминуемо случилось бы, еслибъ онъ опоздалъ воротиться на свою койку до разсвѣта. Свѣчка готова была скоро догорѣть, и ему очень трудно было бы въ потьмахъ найти опять дорогу къ люку. Каждый согласится также, что онъ имѣлъ всѣ возможныя основанія считать меня мертвымъ;

въ такомъ случаѣ не было никакой пользы для меня доходить ему до моего ящика, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно бесполезно побѣдить множество опасностей. Онъ окликалъ меня нѣсколько разъ, но я не отзывался. Впродолженіи одиннадцати дней и одиннадцати ночей, у меня была только одна кружка воды, оставленная мнѣ Августомъ, запасъ, который я по всей вѣроятности не берегъ въ началѣ моего заключенія, въ полной надеждѣ на скорое освобожденіе. Атмосфера трюма также должна была показаться ему, послѣ воздуха сравнительно чистаго, отравленною и конечно болѣе нестерпимою, чѣмъ показала она мнѣ самому, когда я поселился въ своемъ ящикѣ, потому что тогда люки оставались открытыми впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Прибавьте къ этимъ соображеніямъ эту ужасную сцену, это кровопролитіе, свидѣтелемъ которыхъ былъ недавно мой другъ, его заключеніе, его лишенія, эту смерть постоянно висящую надъ нимъ, которую онъ видѣлъ такъ близко; эту жизнь, которою онъ обязанъ былъ только какому то невѣрному и сомнительному условію, — прибавьте всѣ эти обстоятельства, способныя убить всю нравственную энергію и вы легко вмѣстѣ со мной будете смотрѣть на это видимое ослабленіе дружбы и вѣрности скорѣе съ сожалѣніемъ, чѣмъ съ негодованіемъ.

Августъ слышалъ какъ разбилась бутылка, но не былъ увѣренъ, что звукъ этотъ выходилъ изъ трюма. Сомнѣніе впрочемъ было уже достаточнымъ ободреніемъ. Онъ доползъ по грузу почти до междудечья и тогда, пользуясь минутной остановкой страшной качки корабля, окликнулъ меня во весь голосъ, не заботясь въ эту минуту объ опасности быть услышаннымъ экипажемъ. Читатель помнитъ конечно, что голосъ достигъ въ это время до меня, но что я былъ такъ страшно взволнованъ, что не могъ отвѣтить. Тогда увѣренный, что его страшныя опасенія были основательны, онъ слѣзъ съ цѣлю воротиться, не теряя времени, на бакъ. Въ поспѣшности онъ сронилъ нѣсколько маленькихъ ящичковъ, шумъ которыхъ, какъ припомнить, достигъ моего слуха. Августъ прошолъ уже довольно много по обратному пути, какъ паденіе моего ножа снова поколебало его. Онъ тотчасъ же воротился и пролѣзая вторично по грузу и пользуясь минутной тишиной, громко крикнулъ какъ прежде мое имя. На этотъ разъ голосъ наконецъ воротился мнѣ. Увлекаемый радостью видѣть меня еще живымъ, онъ рѣшился пренебречь всѣми трудностями и опасностями, чтобы добраться до меня. Выбирался съ возможною скоростью изъ окружающаго его лабиринта,

онъ очутился наконецъ въ болѣе просторномъ проходѣ и, послѣ разныхъ усилій, окончательно достигъ до моего ящика, но уже совершенно обезсиленный.

VI

ЛУЧЪ НАДЕЖДЫ

Пока мы оставались подлѣ ящика, Августъ сообщилъ мнѣ только главные обстоятельства этого разсказа. Уже послѣ онъ вошелъ во всѣ подробности. Онъ боялся, чтобы не замѣтили его отсутствія, а я сгоралъ нетерпѣнїемъ покинуть свою гнусную тюрьму. Мы рѣшили сейчасъ же отправиться къ отверстію въ перегородкѣ, подлѣ которой я долженъ былъ оставаться, между-тѣмъ какъ Августъ пойдетъ на рекогносцировку. Мысль оставить Тигра была невыносима для обоихъ насъ. Между-тѣмъ могли ли мы поступить иначе? Вотъ въ чемъ былъ вопросъ. Тигръ казался теперь совершенно покойнымъ и приложивъ ухо къ самому ящику, мы не могли слышать даже его дыханья. Я былъ убѣжденъ, что онъ мертвъ и рѣшился отворить дверь. Мы нашли его растянувшимся, какъ бы погруженнымъ въ глубокое оцѣненїе, но еще живого. Намъ конечно некогда было терять время и однакожъ я не могъ рѣшиться бросить его, не попытавшись спасти животное, которое дважды было орудіемъ моего спасенія. Съ невѣроятнымъ трудомъ мы потащили его съ собою; Августъ долженъ былъ, большую часть времени, лѣзть черезъ препятствія, загоразивавшія намъ дорогу, съ огромной собакой на рукахъ, — у меня не было на то ни силы, ни ловкости. Намъ удалось наконецъ добраться до отверстія, въ которое первый прошолъ Августъ; потомъ протащили на бакъ и Тигра. Все шло прекрасно; мы были цѣлы и невредимы, и не преминули воздать Богу искреннюю благодарность за чудесное избавленіе наше отъ угрожавшей опасности. Между нами было теперь рѣшено, что я останусь подлѣ отверстія, черезъ которое моему товарищу легко будетъ передавать часть его денной провизіи и гдѣ я буду имѣть преимущество дышать болѣе чистою атмосферою. Я хочу сказать болѣе чистою относительно.

Для поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ этого разсказа, гдѣ я только говорилъ о грузѣ брига, и который можетъ показаться темнымъ кому нибудь изъ моихъ читателей, видѣвшихъ можетъ быть грузъ

правильный и хорошо устроенный, я долженъ упомянуть здѣсь, что способъ какимъ было исполнено это очень важное дѣло на *Грампусь*, представлялъ постыдный примѣръ небрежности со стороны капитана Бернарда, который не былъ на столько заботливымъ и опытнымъ морякомъ, сколько этого требовали непременно случайности и опасности службы, ему порученной. Настоящая нагрузка должна быть сдѣлана самымъ старательнымъ образомъ, и самые пагубные случаи, на моихъ глазахъ, бывали часто слѣдствіемъ нерадѣнія или невѣжества по этой части.

На *Грампусь* грузъ былъ устроенъ очень дурно, если только грузомъ можно назвать какія-то наваленныя кучи, смѣсь бочекъ жиру съ корабельными принадлежностями. Я уже говорилъ о расположеніи вещей въ трюмѣ. Между деками какъ я сказалъ, было довольно мѣста для моего туловища. Извѣстное пространство оставалось пустымъ вокругъ большого люка и было также оставлено пустыми много мѣстъ, довольно обширныхъ, между грузомъ. Подлѣ отверстія, сдѣланнаго Августомъ въ перегородкѣ бака, хватило бы мѣста на цѣлую бочку, и въ этомъ-то мѣстѣ я и расположился въ настоящее время, довольно покойно.

Между-тѣмъ, какъ товарищъ мой снова очутился на своей койкѣ и надѣлъ цѣпи и веревку, разсвѣло совершенно. Въ самомъ дѣлѣ, мы счастливо отдѣлались, потому что едва только Августъ устроился, какъ спустился старшій съ Петерсомъ и кокомъ. Нѣсколько минутъ они говорили о кораблѣ, идущемъ отъ Зеленаго мыса и казалось ждали его появленія съ большимъ нетерпѣніемъ. Затѣмъ кокъ подошелъ къ постели Августа и сѣлъ у изголовья. Я все видѣлъ и слышалъ изъ моего алькова, потому что вынутая доска не была вставлена на свое мѣсто, и каждое мгновеніе боялся, чтобы негръ не оперся на повѣшенную шинель, при чемъ все было бы открыто и мы оба конечно бы погибли. Но счастливая звѣзда наша спасла насъ, и хотя онъ часто при качкѣ касался шинели, но не опирался ни разу такъ сильно, чтобы открыть нашу тайну. Подолъ шинели былъ тщательно прикрѣпленъ гвоздемъ такъ, что не могъ колебаться и обнаружить отверстіе. Въ продолженіи всего этого времени, Тигръ лежалъ въ ногахъ постели и казалось нѣсколько поправился; я видѣлъ какъ онъ отъ времени до времени открывалъ глаза и тяжело вздыхалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, старшій съ кокомъ поднялись на палубу, оставивъ позади себя Дирка Петерса, который сейчасъ же

воротился и сѣлъ какъ разъ на то мѣсто, гдѣ только что сидѣлъ старшій. Онъ началъ разговаривать съ Августомъ совершенно дружески, и мы замѣтили, что его опьяненіе, весьма очевидное въ то время, когда старшій и кокъ были здѣсь, было большею частью притворное. Онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы моего товарища совершенно свободно. Онъ говорилъ, что не сомнѣвается въ спасеніи Августова отца, потомучто въ тотъ день, какъ его высадили въ шлюбку, передъ самымъ закатомъ солнца, видно было по крайней мѣрѣ пять судовъ; наконецъ онъ говорилъ языкомъ, которому старался придать тонъ утѣшенія и который удивлялъ и вмѣстѣ съ тѣмъ радовалъ меня. По правдѣ сказать, у меня явилась надежда, что Петерсъ могъ бы очень послужить намъ орудіемъ къ завладѣнію бригамъ, и я, при первомъ удобномъ случаѣ, передалъ эту мысль Августу. Онъ полагалъ какъ и я, что дѣло это возможно, но настаивалъ на необходимости приступить къ нему съ величайшимъ благоразуміемъ, потомучто, казалось ему, поведеніе метиса имѣло источникомъ самый своевольный капризъ, и дѣйствительно трудно было отгадать въ своемъ ли онъ разсудкъ. Петерсъ поднялся на палубу почти черезъ часъ и спустился опять не ранѣе полудня, пригласивъ тогда Августу порядочную порцію солонины и пудинга. Когда мы остались одни, я радостно принялся за свою долю, не трудясь даже пролѣзть въ отверстіе. Цѣлый день никто не сходилъ на бакъ и вечеромъ я легъ на койку Августа и проспалъ крѣпко и отлично почти до разсвѣта. Тогда Августъ грубо растолкалъ меня, услышавъ движеніе на палубѣ, и я убрался какъ можно скорѣй въ свой тайникъ. Съ наступленіемъ дня мы увидѣли, что Тигръ совершенно поправился и не показываетъ никакихъ признаковъ водобоязни, потомучто выпилъ съ замѣчательною жадностью небольшое количество воды, которое далъ ему Августъ. Въ продолженіи дня онъ приобрѣлъ снова и прежнюю силу и аппетитъ. Его странное помѣшательство было, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдствіемъ вредной атмосферы трюма и не имѣло ничего общаго съ собачьимъ бѣшенствомъ. Я не могъ нарадоваться, что настоялъ на томъ, чтобъ пригласить его съ собой. Это было 30 іюня и тринадцатый день, какъ *Грампусъ* вышелъ изъ Нантуки.

2 іюля старшій спустился внизъ, по обыкновенію пьяный и въ отличномъ расположеніи духа. Онъ подошелъ къ койкѣ Августа и, хлопнувъ его по спинѣ, спросилъ, станеть ли онъ съ этихъ поръ вести себя хорошо, если его освободятъ и общается ли не возвра-

щаться болѣе въ свою каюту. Другъ мой, очень естественно, отвѣтилъ утвердительно; тогда негодай освободилъ его, заставивъ выпить глотокъ рома изъ фляжки, которую вытащилъ изъ кармана своего пальто. Они поднялись вмѣстѣ на палубу, и я не видѣлъ моего друга около трехъ часовъ. Наконецъ онъ спустился, объявляя мнѣ, какъ приятную новость, что получилъ позволеніе ходить вездѣ, гдѣ ему вздумается, по бригу, впрочемъ на носовой части только, и что ему велѣно ложиться, какъ и прежде, на бакъ. Онъ принесъ мнѣ также хорошій обѣдъ съ приличнымъ запасомъ воды. Бригъ продолжалъ крейсировать, чтобы встрѣтить корабль, идущій отъ Зеленаго мыса и вдали было уже замѣчено судно, которое считали именно этимъ кораблемъ. Такъ какъ происшествія слѣдующихъ восьми дней были неважны и не имѣютъ прямого отношенія къ главнымъ происшествіямъ моего разсказа, я излагаю ихъ въ формѣ журнала, потому что не хочу все-таки выкинуть ихъ совершенно.

3 іюля. Августъ снабдилъ меня тремя одеялами, при помощи которыхъ я устроилъ въ моемъ тайникѣ порядочную постель. Никто не сходилъ въ теченіи дня, кромѣ моего друга. Тигръ расположился на койкѣ, какъ разъ подлѣ отверстія и спать тяжело, какъ бы еще не совсѣмъ оправившись отъ припадковъ своей болѣзни. Подъ вечеръ, на бригъ внезапно налетѣлъ шквалъ, прежде чѣмъ успѣли закрѣпить паруса, и почти опрокинулъ его. Впрочемъ шквалъ скоро улегся, и мы не потеряли никакого поврежденія, за исключеніемъ нашего малаго марсея, лопнувшего по срединѣ.

Диркъ Петерсъ обращался съ Августомъ цѣлый день очень хорошо и пустился съ нимъ въ длинный разговоръ относительно Тихаго океана и острововъ, на которыхъ онъ былъ въ этихъ мѣстахъ. Онъ спрашивалъ Августа, не захочетъ ли онъ предпринять, съ взбунтовавшимся экипажемъ, путешествіе для удовольствія и изслѣдованія этихъ странъ и сообщилъ при этомъ, что къ несчастью люди склоняются по немногу къ мыслямъ старшаго. Августъ почелъ нужнымъ отвѣтить, что онъ будетъ очень счастливъ принять участіе въ этой экспедиціи, что къ тому же нечего больше и дѣлать и что все же это было лучше жизни пиратовъ.

4 іюля. Замѣченное судно оказалось небольшимъ бригомъ изъ Ливерпуля, и его оставили въ покоѣ. Августъ большую часть времени провелъ на палубѣ, съ цѣлью собрать всевозможныя свѣдѣнія относительно намѣреній бунтовщиковъ. Между ними происходили страшныя и безпрестанныя ссоры и посреди одной изъ этихъ схва-

токъ, нѣкто Джимъ Боннэ, багрильщикъ, былъ выброшенъ за бортъ. Партия старшаго брала верхъ. Этотъ Джимъ Боннэ принадлежалъ къ шайкѣ кока, въ которой былъ и Петерсъ.

5 июля. Почти на разсвѣтѣ на насъ налетѣлъ съ запада сильный шквалъ, который къ полудню обратился въ штормъ, такъ что всѣ паруса были закрѣплены. Закрѣпляя малый марсель, Симмсъ, одинъ изъ простыхъ матросовъ, принадлежавшій тоже къ шайкѣ кока, упалъ въ море; онъ былъ очень пьянъ и утонулъ; не было и попытки спасти его. Число всѣхъ людей на кораблѣ уменьшилось такимъ образомъ до тринадцати; именно остались: Диркъ Петерсъ, Сеймуръ, черный кокъ, Джимъ, Грели, Гартманъ Роджерсъ и Вильямъ Элленъ, всѣ партіи кока; старшій, имени котораго я никогда не зналъ, Абсалонъ Гиксъ, Вильсонъ, Джонъ Гунтъ и Ричардъ Паркеръ, составляли шайку старшаго, наконецъ Августъ и я.

6 июля. Буря продолжалась цѣлый день, перемѣшиваясь съ сильными порывами вѣтра и дождемъ. Бригъ набралъ черезъ швы порядочно воды и одна изъ помпъ не переставала дѣйствовать. Августъ откачивалъ воду въ свою очередь, на равнѣ съ другими. При самомъ наступленіи ночи, мимо насъ прошелъ большой корабль, который замѣтили только тогда, какъ онъ былъ на разстояніи оклика. Думали, что это тотъ самый корабль, который подстерегали такъ долго. Старшій опросилъ его, но отвѣтъ потерялся въ завываніи бури. Въ одиннадцать часовъ на насъ набѣжалъ сильный шквалъ, оторвавшій у насъ значительную часть стѣны бакборта и сдѣлавшій еще кое-какія легкія поврежденія. Къ утру буря стихла, и съ восходомъ солнца, почти уже не было вѣтра.

7 июля. Намъ пришлось цѣлый день выносить огромное волненіе и бригъ, будучи мало нагруженъ, страшно качался и даже въ трюмъ, какъ я могъ слышать очень явственно изъ своего тайника, попадало много вещей. Я сильно страдалъ морской болѣзнью. Петерсъ имѣлъ въ этотъ день очень длинный разговоръ съ Августомъ и сообщилъ ему, что двое изъ его партіи Грели и Элленъ, перешли на сторону старшаго, рѣшившись сдѣлаться пиратами. Онъ дѣлалъ Августу много вопросовъ, которыхъ тотъ не понималъ. Вечеромъ замѣтили, что течь на корабль усилилась и не было больше средствъ отвращать ее: такъ всѣ были измучены, и вода шла во всѣ швы. Шпигованнымъ парусомъ заклеили носъ: это помогло намъ нѣсколько, потомучто пріостановило течь.

8 июля. Съ восходомъ солнца поднялся восточный вѣтеръ и

старшій велѣлъ повернуть носъ на юго-западъ, чтобы подойти къ какому-нибудь изъ Антильскихъ острововъ и выполнить планъ пиратства. Не было ни малѣйшей оппозиціи со стороны Петерса, точно также и со стороны кока, по крайней мѣрѣ на глазахъ Августста. Мысль захватить корабль, идущій отъ Зеленаго мыса, была совершенно брошена. Течь легко исправлялась одной помпой, дѣйствовавшей изъ часу въ часъ, по три четверти часа. Изъ подъ носа выгнали парусъ. Въ продолженіи дня окликнули двѣ шкуны.

9 іюля. Отличная погода. Весь экипажъ занятъ починкою борта. Петерсъ опять имѣлъ длинный разговоръ съ Августомъ и выразился яснѣе, чѣмъ говорилъ до сихъ поръ. Онъ сказалъ, что ничто въ свѣтѣ не принудитъ его согласиться съ мнѣніемъ старшаго и обнаружилъ даже намѣреніе отнять у него начальство надъ бригомъ. Онъ спрашивалъ моего друга, можетъ ли разсчитывать въ подобномъ случаѣ на его помощь; на что Августъ не колеблясь отвѣтилъ: да. Тогда Петерсъ сказалъ ему, что онъ пощупаетъ по этому предмету людей своей партіи и уйдетъ отъ него. Въ остальное время дня, Августу не удалось поговорить съ нимъ на единѣ.

VII

ПЛАНЪ ОСВОБОЖДЕНІЯ

10 іюля. Окликнуть бригъ, шедшій изъ Ріо въ Норфолькъ. Погода пасмурная съ легкимъ восточнымъ вѣтромъ. Въ этотъ день умеръ Гартманъ Роджерсъ; съ 8-го, послѣ стакана грогу, его схватили спазмы. Человѣкъ этотъ принадлежалъ къ партіи кока и на него Петерсъ разсчитывалъ особенно. Петерсъ сказалъ Августу, что подозрѣваетъ, будто старшій отравилъ его, и что онъ сильно боится, чтобы и до него не дошла очередь, если онъ не станетъ остерегаться. И такъ въ его партіи, кромѣ его самаго, были только Джонъ и кокъ, а на другой сторонѣ было пятеро. Онъ говорилъ Джону о своемъ намѣреніи отнять у старшаго начальствованіе, но такъ какъ мысль эта была принята довольно холодно, то остерегся пикнуть слово коку. И хорошо сдѣлалъ, что былъ благоразуменъ, потому что, послѣ обѣда, кокъ объявилъ намѣреніе принять сторону старшаго; между тѣмъ какъ Джонъ искалъ случая поссориться съ Петерсомъ и давалъ ему почувствовать, что сообщить старшему о замѣченномъ имъ планѣ. Очевидно, нечего было терять время, и

Петерсъ выразилъ рѣшимость попытаться во что бы то ни стало завладѣть кораблемъ, только бы Августъ подалъ ему руку помощи. Другъ мой тотчасъ же увѣрилъ его въ искреннемъ желаніи принять участіе въ какомъ бы то ни было планѣ съ этою цѣлью, и, полагая случай удобнымъ, открылъ ему мое присутствіе на кораблѣ.

Метисъ былъ столько же удивленъ, сколько и обрадованъ; онъ никакимъ образомъ не могъ рассчитывать на Джона, на котораго смотрѣлъ уже какъ на продавшагося партіи старшаго. Они тотчасъ же еошли; Августъ кликнулъ меня по имени, и мы скоро познакомились съ Петерсомъ. Было рѣшено, что мы, при первомъ удобномъ случаѣ, попытаемся овладѣть опять кораблемъ и что исключимъ совершенно Джона изъ нашего совѣта. Въ случаѣ успѣха, мы должны были завести бригъ въ первый попавшійся портъ и отдать его въ руки правительства. Петерсъ вслѣдствіе измѣны своей партіи, принужденъ былъ отказаться отъ путешествія въ Тихій океанъ; экспедиція эта была невозможна безъ экипажа, и онъ рассчитывалъ или на оправданіе по причинѣ помѣшательства (онъ торжественно поклялся намъ, что только безуміе заставило его принять участіе въ бунтѣ), или на прощеніе, если будетъ обвиненъ, при ходатайствѣ моемъ и Августа. Наше разсужденіе было прервано крикомъ: всѣ крѣпи паруса! и Петерсъ и Августъ побѣжали на палубу.

По обыкновенію, почти всѣ люди были пьяны, и прежде чѣмъ паруса были закрѣплены какъ должно, сильный шквалъ положилъ бригъ на бортъ. На ходу однакожь онъ поднялся, но сильно зачерпнулъ. Едва все было исправлено, какъ на корабль налетѣлъ другой порывъ вѣтра, и за нимъ тотчасъ же третій, но безъ всякихъ поврежденій. По всѣмъ признакамъ намъ предстояло выдержать бурю; дѣйствительно, она не заставила себя ждать; подулъ страшный вѣтеръ съ сѣвера и съ запада. Все было закрѣплено какъ только можно, и мы по обыкновенію легли въ дрейфъ подъ бизанью. Съ наступленіемъ ночи, вѣтеръ засвѣжелъ и море вдулось необычайно. Петерсъ пришелъ въ это время съ Августомъ на бакъ, и мы возобновили наши толки.

Мы рѣшили, что представляющійся теперь случай, — самый удобный, для исполненія нашего намѣренія, потому что никто не ожидаетъ попытки этого рода при подобныхъ обстоятельствахъ. Такъ какъ бригъ лежалъ въ дрейфѣ, почти безъ парусовъ, не было никакого основанія маневрировать до возвращенія хорошей погоды, и

если бы намъ удалось наше предпріятіе, мы могли бы освободить одного или двухъ человѣкъ, чтобы они помогли намъ довести корабль до порта. Главное затрудненіе состояло въ неравенствѣ нашихъ силъ. Намъ было только трое, а въ каютѣ-компаніи ихъ было девять. Сверхъ того все оружіе было въ ихъ рукахъ, за исключеніемъ пары маленькихъ пистолетовъ, которую Петерсъ припряталъ себѣ и большого матросскаго ножа, который онъ носилъ всегда за поясомъ панталонъ. Кромѣ того, по нѣкоторымъ признакамъ, можно было опасаться, что старшій имѣетъ подозрѣніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Петерсу и ждетъ только случая отдѣлаться отъ него; такъ напримѣръ, нельзя было найти ни одного топора, ни одного ганшпуга на ихъ обыкновенномъ мѣстѣ. Было очевидно, что мы не могли исполнить свое намѣреніе въ скоромъ времени. Между тѣмъ мы были очень неравносильны и не могли поступать иначе, какъ съ большими предосторожностями.

Петерсъ взялъ на себя подняться на палубу и завязать разговоръ съ вахтеннымъ (Эдленомъ) до тѣхъ поръ, пока не случится удобной минуты выкинуть его за бортъ; за тѣмъ Августъ и я, должны были подняться и постараться захватить какое бы то ни было оружіе на палубѣ; наконецъ вмѣстѣ кинуться и овладѣть дѣстницей, прежде чѣмъ успѣютъ оказать малѣйшее сопротивленіе. Я былъ противъ этого плана, потому что не считалъ старшаго (весьма разсудительнаго во всемъ что не касалось его суетвѣрныхъ предразсудковъ) человѣкомъ, котораго можно бы было такъ легко захватить върасплохъ. Этотъ простой фактъ, что на палубѣ стоялъ вахтенный, служилъ достаточнымъ доказательствомъ, что старшій былъ на сторожѣ; потому что не въ обычаѣ, за исключеніемъ военныхъ кораблей, гдѣ строго соблюдается дисциплина, ставить вахтеннаго на палубѣ, когда судно при вѣтрѣ лежитъ въ дрейфѣ. Старшій никогда не имѣлъ привычки оставлять въ такомъ случаѣ на палубѣ вахтеннаго; теперь же вахтенный стоялъ тамъ; къ тому же, исчезновеніе топоровъ и ганшпуговъ, доказывало намъ, что экипажъ былъ очень остороженъ и нельзя было захватить его върасплохъ такъ, какъ предлагалъ намъ Петерсъ. Между тѣмъ надо было на что-нибудь рѣшиться и какъ можно скорѣе, потому что Петерсъ, уже возбудившій однажды подозрѣніе, долженъ былъ непременно пострадать при случаѣ. Случай этотъ конечно нашли бы или выдумали при первомъ безвѣтріи.

Тогда Августъ предложилъ, что если Петерсъ можетъ только

нодъ какимъ-нибудь предлогомъ стащить связку цѣпей, положенную на трауѣ каюты, мы можемъ черезъ трюмъ напасть на нихъ нечаянно; но нѣкоторое размышленіе убѣдило насъ, что при такой сильной качкѣ судна, предпріятіе это невозможно.

Къ величайшему счастью, мнѣ пришла наконецъ мысль воспользоваться суевѣрнымъ страхомъ и нечистою совѣстью старшаго. Вы помните конечно, что утромъ умеръ одинъ человѣкъ изъ экипажа, Гартманъ Роджерсъ, отъ конвульсій послѣ воды и спирту. Петерсъ выразилъ намъ свое мнѣніе, что человѣкъ этотъ былъ отравленъ старшимъ и по словамъ его, онъ имѣлъ ясныя тому доказательства, которыя онъ никакъ не хотѣлъ сказать намъ; это упрямство соотвѣтствовало, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ его странному характеру. Имѣлъ ли онъ или не имѣлъ болѣе положительныхъ, чѣмъ мы основанія подозрѣвать старшаго, мы повѣрили его подозрѣніямъ и рѣшились дѣйствовать сообразно съ этимъ обстоятельствомъ

Роджерсъ умеръ около одиннадцати часовъ утра, въ страшныхъ судорогахъ, и тѣло его, черезъ нѣсколько секундъ послѣ смерти, представляло одну изъ самыхъ ужасныхъ и самыхъ отвратительныхъ картинъ, оставшихся у меня въ памяти. Животъ безмѣрно вздулся, какъ у утопленника, пробывшаго въ водѣ нѣсколько недѣль. Руки подверглись такому же превращенію, а лицо, скоробленное, морщинистое и блѣлое какъ мѣлъ, было въ двухъ или трехъ мѣстахъ, какъ будто изсѣчено ярко красными пятнами, похожими на пятна рожи. Одно изъ этихъ пятенъ протягивалось по всему лицу и совершенно покрывало глаза, какъ красная повязка. Въ такомъ страшномъ положеніи, тѣло подняли около полудня изъ каюты, чтобы бросить за бортъ, когда старшій, взглянувъ на него (онъ видѣлъ его въ первый разъ), тронутый можетъ быть угрызеніемъ совѣсти или просто пораженный ужасомъ такого страшнаго зрѣлища, приказалъ людямъ зашить его въ свой гамакъ и дозволилъ обыкновенное у матросовъ погребеніе. Отдавъ это приказаніе, онъ опять сошелъ внизъ, какъ будто избѣгая видѣть свою жертву. Во время приготовленій, буря увеличилась до того, что принуждены были отложить погребеніе. Кинутый трупъ плавалъ въ шпигель бакборта, гдѣ оставался еще и въ то время, о которомъ я говорю, и бился и качался при всякомъ толчкѣ брига.

Обдумавъ планъ, мы поставили себѣ долгомъ исполнить его какъ можно скорѣе. Петерсъ поднялся на палубу и, какъ предвидѣлъ, встрѣтилъ тотчасъ же Эллена, который стоялъ на бакѣ скорѣе на

вахтѣ, чѣмъ для чегонибудь другого. Но участь этого бѣдняка была рѣшена скоро и въ совершенной тишинѣ; Петерсъ подошолъ къ нему съ беззаботнымъ видомъ, будто бы поговорить съ нимъ, схватилъ его за горло и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ крикнуть, кинулъ его за бортъ. Тогда онъ позвалъ насъ и мы поднялись. Первой нашей заботой было осмотрѣть всѣ закоулки, нѣтъ ли гдѣ какогонибудь оружія и для этого мы подвигались съ большими предосторожностями; не было возможности стоять на палубѣ, не придерживаясь за чтонибудь. Между-тѣмъ было необходимо торопиться; мы каждую минуту ждали, что старшій поднимется на палубу приказать качать воду, потому что очевидно, бригъ много набралъ воды. Порывшись довольно долго, мы не нашли ничего болѣе годнаго для нашего предпріятія, какъ двѣ рукоятки отъ помпы; Августъ взялъ одну, я — другую. Спрятавъ ихъ, мы стащили съ трупа рубашку и бросили его за бортъ. Потомъ съ Петерсомъ мы спустились, оставивъ Августа часовымъ на палубѣ; онъ занялъ какъ разъ мѣсто Эллена, но епиной гѣлѣстницѣ каюты, на случай, что если кто-нибудь изъ людей старшаго поднимется, то приметъ его за настоящаго вахтеннаго.

Какъ только я спустился внизъ, сейчасъ началъ рядиться такъ, чтобы представить трупъ Роджерса. Снятая нами рубашка должна была много помочь намъ, потому что она была особеннаго виду и пороя и очень замѣтна, нѣчто въ родѣ блузы, которую покойнику надѣвали сверхъ другого платья. Она была изъ голубого трико, съ широкими бѣлыми полосками. Надѣвъ ее, я началъ поддѣлывать себѣ фальшивое брюхо какъ у вздувнаго трупа. При помощи нѣсколькихъ сдѣялъ, это было скоро сдѣлано. Рукамъ своимъ я придалъ нужную форму съ помощью пары бѣлыхъ полотняныхъ перчатокъ, которыя мы набили разными тряпками. За тѣмъ Петерсъ разрисовалъ мнѣ лицо, вытеревъ его прежде мѣломъ и потомъ сдѣлавъ пятна и полосы кровью изъ разрѣза на концѣ пальца. Не забыта была и большая красная полоса черезъ глаза, и она конечно имѣла самый отталкивающій видъ.

VIII

МЕРТВЕЦЪ

Когда наконецъ я поглядѣлъ на себя въ небольшой кусокъ зеркала, при слабомъ свѣтѣ корабельнаго фонаря, моя физиономія и

воспоминаніе объ ужасной дѣйствительности, которую я представлялъ, поразили меня паническимъ страхомъ, до того, что мною овладѣла сильнѣйшая дрожь, и я едва могъ собрать достаточно энергіи, необходимой для продолженія моей роли. Надо было между тѣмъ дѣйствовать рѣшительно, и я съ Петерсомъ поднялся на палубу.

Тамъ, какъ мы увидѣли, все шло хорошо въ настоящую минуту, и пробираясь по борту судна, мы проскользнули къ лѣстницѣ каютъ-компаніи. Она была не совсѣмъ заперта, и на первой ступенькѣ положены были колоды, — предосторожность имѣвшая цѣлью помѣшать затворить или выбить дверь снаружи. Мы безъ труда могли видѣть внутренность каюты сквозь щели у дверныхъ петель. Очень хорошо было, что мы не пытались напасть на нихъ нечаянно, потому что они очевидно были на сторожѣ. Одинъ изъ нихъ только заснулъ и лежалъ какъ разъ у лѣстницы, съ ружьемъ подлѣ себя. Остальные сидѣли на нѣсколькихъ тюфякахъ, вытщенныхъ изъ коекъ и брошенныхъ на полъ. Они вели серьезный разговоръ, и хотя и пображничали, судя по двумъ пустымъ кружкамъ и нѣсколькимъ оловяннымъ стаканамъ, разбросаннымъ здѣсь и тамъ, но были противъ обыкновенія не очень пьяны. У всѣхъ были пистолеты, а на койкѣ навалено было множество ружей.

Мы прислушались нѣсколько къ ихъ разговору, прежде чѣмъ рѣшиться что намъ дѣлать; мы знали только одно: что когда наступитъ минута напасть на нихъ, мы попытаемся парализовать ихъ сопротивленіе появленіемъ Роджерса. Говорили же они о своихъ планахъ относительно пиратства; мы могли только услышать, что имъ хотѣлось соединиться съ экипажемъ шкуны *Горнетъ* и даже, если можно, овладѣть самою шкуною для дальнѣйшаго, болѣе обширнаго предпріятія; что касается до подробностей этого дѣла, никто изъ насъ не могъ ничего понять изъ ихъ разговора.

Одинъ изъ людей заговорилъ о Петерсѣ; старшій отвѣчалъ ему такъ тихо, что мы не могли ничего разобрать; немного погодя, онъ прибавилъ, возвысивъ нѣсколько голосъ, «что онъ не можетъ понять, что дѣлаетъ Петерсъ такъ часто на бакѣ съ капитанскимъ мальчишкою и что надо бы обоихъ за бортъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». На эти слова никто не отвѣчалъ; но мы могли легко понять, что этотъ намекъ былъ очень хорошо принятъ всей шайкой и особенно Джономъ. Въ эту минуту я былъ чрезвычайно взволнованъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ рѣшительность Августа и Петерса. Какъ

бы то ни было, я положилъ дорого продать жизнь и не поддаваться ни малѣйшему чувству страха.

Ужасный шумъ отъ завыванья вѣтра въ такелажъ и отъ шквала, гулявшаго по палубѣ, мѣшалъ намъ слышать что говорилось, исключая въ некоторыхъ промежутковъ минутнаго затишья. Въ одинъ изъ такихъ промежутковъ мы явственно услышали, что старшій приказывалъ одному человѣку «сходить на бакъ и велѣть этимъ собакамъ сойти въ каютъ—компанію, потомучто тамъ по крайней мѣрѣ онъ можетъ глядѣть за ними и что онъ не понимаетъ, чтобъ пабригъ могли быть секреты». На наше счастье въ эту минуту была такая сильная качка, что приказаніе это не могло тотчасъ же быть исполнено. Кокъ поднялся съ своего тюфяка, чтобы идти за нами, какъ вдругъ судно качнуло такъ сильно, что онъ головой ударился въ дверь и выбилъ ее, что еще болѣе увеличило беспорядокъ.

По счастью никто изъ насъ не былъ опрокинутъ, и мы имѣли время отступить къ баку и придумать на скоро планъ дѣйствій, прежде чѣмъ посланный показался, или скорѣе высунулъ голову, потомучто онъ не поднялся на палубу. Съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, онъ не могъ замѣтить отсутствіе Эллена и слѣдовательно, полагая что онъ тутъ, принялся окликать его, что было мочи, и передавать ему приказаніе старшаго. Петерсъ отвѣчалъ такимъ же крикомъ и измѣняя голосъ: Есть! есть! и кокъ тотчасъ же сошолъ, не подозревая даже, что на корабль не все ладно.

Тогда мои два товарища смѣло отправились на корму и сошли въ каютъ—компанію. Петерсъ заперъ за собой дверь, какъ была она заперта до него. Старшій принялъ ихъ съ притворнымъ добросердечіемъ и сказалъ Августу, что такъ какъ онъ велъ себя послѣднее время хорошо, то можетъ поселиться въ каютѣ и считаться съ этихъ норъ своимъ. За тѣмъ онъ налилъ ему половину большого стакана рому и заставилъ выпить. Я видѣлъ и слышалъ все это, потомучто послѣдовалъ за моими товарищами, и лишь только дверь была заперта, занялъ свой прежній наблюдательный постъ. Я принесъ съ собой двѣ рукоятки отъ помпы и одну спряталъ у лѣстницы, чтобы въ случаѣ надобности имѣть ее подъ рукой.

За тѣмъ я укрѣпился какъ могъ, чтобы не проронить ничего что дѣлается внизу и старался возбудить въ себѣ силу воли и храбрость, чтобы по знаку Петерса, какъ было положено, тотчасъ же сойти къ бунтовщикамъ. Петерсъ старался въ эту минуту направить разговоръ на кровавые эпизоды мятежа и постепенно довелъ

людей до разговора о разныхъ суевѣрныхъ разсказахъ, которые вообще такъ распространены между моряками. Я не различалъ всего, что говорилось, но могъ видѣть легко впечатлѣнїе разговора на лицахъ присутствующихъ. Старшїй очевидно былъ сильно взволнованъ и когда, черезъ минуту, одинъ изъ нихъ заговорилъ о страшной наружности Роджерсова трупа, я право думалъ, что онъ лишится чувствъ. Тогда Петерсъ спросилъ его, не думаетъ ли онъ, что лучше было бы окончательно выкинуть трупъ за бортъ, потому что страшно видѣть какъ онъ бьется и плаваетъ въ шпигель. Въ это время бѣднякъ конвульсивно вздохнулъ и тихо оглядѣлъ своихъ товарищей, какъ бы умоляя кого нибудь изъ нихъ подняться на палубу, чтобы исполнить это дѣло. Никто однакожь не пошевелился; было очевидно, что все общество дошло до высшей степени нервическаго раздраженїя. Тогда Петерсъ сдѣлалъ мнѣ знакъ. Я отворилъ быстро дверь лѣстницы и, спустившись молча, очутился вдругъ посреди шайки.

Чудесное впечатлѣнїе этого неожиданнаго явленїя никого не удивить, если принять въ соображенїе всѣ различныя обстоятельства, при которыхъ оно произошло. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ въ умѣ зрителя остается какой-то лучъ сомнѣнїя въ дѣйствительности видѣнїя, которое у него передъ глазами; онъ сохраняетъ до извѣстной степени надежду, какъ бы ни была слаба она, что онъ игрушка мистификаціи и что видѣнїе не выходець же въ самомъ дѣлѣ изъ страны тѣней. Но въ настоящемъ случаѣ въ умѣ бунтовщиковъ не могло быть и тѣни основанїя сомнѣваться, чтобы явленїе Роджерса не было въ самомъ дѣлѣ воскресенїемъ его отвратительнаго трупа или по крайней мѣрѣ его безтѣлеснаго образа. Въ продолженїе двадцатичетырехъ дней мы были въ морѣ, не имѣли сообщенїя ни съ однимъ судномъ, исключая одно, которое только откликнулось. Къ тому же весь экипажь, всѣ тѣ по крайней мѣрѣ, которые думали, что составляютъ весь экипажь, были очень далеки отъ подозрѣнїя, что на кораблѣ есть еще какая-нибудь другая личность; всѣ они были собраны въ каютъ-компанїи за исключенїемъ Эллена, вахтеннаго; что же касается до него, то всѣ очень хорошо приглядѣлись къ его высокому росту (шести футовъ шести вершковъ), и никакъ не могли предположить, чтобы онъ былъ страшнымъ привидѣнїемъ. Прибавьте ко всему этому сильный штормъ и данное Петерсомъ направленїе разговора, глубокое впечатлѣнїе, произведенное утромъ на воображенїе всѣхъ этихъ людей безобразїемъ

настоящаго трупа, искусство моей грамировки и невѣрный и мерцающій свѣтъ фонаря, страшно качавшагося вмѣстѣ съ судомъ и бросавшаго неровное и дрожащее освѣщеніе, и вы нисколько не удивитесь, что впечатлѣніе обмана превзошло наше ожиданіе.

Старшій поднялся съ тюфяка, на которомъ лежалъ и не пикнувъ грохнувся мертвый на полъ каюты; сильный толчекъ судна покатилъ его какъ колоду. Изъ семи остальныхъ, только трое выказали нѣкоторое присутствіе духа. Четверо другихъ оставались нѣсколько времени сидящими, словно пустили корни; это были самыя жалкія жертвы ужаса и отчаянія, какія я когда либо видѣлъ. Единственное сопротивленіе мы встрѣтили со стороны кока, Джона Гунта и Ричарда Паркера, но оборона ихъ была слаба и нерѣшительна. Первые двое были тотчасъ же поражены Петерсомъ, а рукоятію отъ помпы, захваченною мною, я ударилъ Паркера въ голову. Въ то же время Августъ схватилъ съ полу ружье и выстрѣлилъ въ грудь Вильсону, одному изъ остальныхъ бунтовщиковъ. Осталось только трое, но въ это время они оправились отъ своего изумленія и увидѣли, что были обмануты хитростью, стали драться съ большою рѣшимостью и съ бѣшенствомъ, и не будь страшной силы у Петерса, они могли бы сладить съ нами. Эти трое были Джонъ, Грели и Абсалонъ Гиксъ. Джонъ опрокинулъ Августа; онъ нанесъ ему уже нѣсколько ранъ въ правую руку и безъ сомнѣнія скоро бы отправилъ его на тотъ свѣтъ (Петерсъ и я не могли скоро отдѣлаться отъ нашихъ противниковъ), еслибъ не явился очень кстати намъ на помощь другъ, на присутствіе котораго мы конечно не рассчитывали. Другъ этотъ былъ не кто иной какъ Тигръ. Съ глухимъ ворчаньемъ вскочилъ онъ въ каюту въ самую критическую минуту для Августа и, бросившись на Джона, въ одно мгновеніе пригвоздилъ его къ полу. Во всякомъ случаѣ другъ мой былъ очень серьезно раненъ и не могъ помочь намъ нисколько, а я такъ былъ связанъ своимъ нарядомъ, что тоже не могъ сдѣлать многого. Собака не выпускала горла Джона, а Петерсъ былъ достаточно силенъ, чтобы покончить съ двумя остальными; онъ безъ сомнѣнія уложилъ бы ихъ скорѣе, еслибъ не былъ затрудняемъ тѣсною мѣстою и страшной качкой судна. Схвативъ тяжелую скамью, валявшуюся на полу, онъ проломилъ черепъ Грели въ ту минуту, когда тотъ собирался выстрѣлить въ меня, и вслѣдъ за тѣмъ толчокъ корабля кинулъ его на Гикса, котораго онъ схватилъ за горло и мгновенно задушилъ одной

силою руки. Такимъ образомъ скорѣй, чѣмъ я рассказываю, мы овладѣли бригомъ.

Единственный изъ нашихъ противниковъ, оставшійся въ живыхъ, былъ Ричардъ Паркеръ. Читатель вѣроятно помнитъ, что въ началѣ нападенія, я нанесъ ему ударъ рукоятью отъ помпы. Онъ лежалъ неподвижно подлѣ выбитой двери каюты, но когда Петерсъ тронулъ его ногой, онъ заговорилъ и просилъ пощады. Голова у него была легко пробита, другихъ ранъ не было: ударъ просто оглушилъ его. Онъ поднялся, и мы пока связали ему руки за спину. Собака была все еще на Джонѣ, продолжая сердито ворчать, но взглянувъ внимательно, мы увидѣли, что Джонъ былъ уже совершенно мертвъ; ручей крови бѣжалъ изъ глубокой раны на горлѣ, которую сдѣлали могучіе клыки животного.

Это было въ часъ утра, и вѣтеръ дулъ все еще страшнѣйшимъ образомъ. Бригъ страдалъ очевидно болѣе обыкновеннаго и становилось необходимымъ сдѣлать что-нибудь для его облегченія. Почти при каждомъ толчкѣ качки подъ вѣтромъ онъ зачерпывалъ воду, и она проникла даже во время нашей борьбы въ каюту, потому что, спускаясь туда, мы не затворили люка. Всю стѣнку бакборта снесло; снесло также и печи и боть съ кормы. Трескъ и дрожаніе большой мачты показывали намъ, что и она скоро не выдержитъ. Чтобы оставить въ кормовомъ трюмѣ больше мѣста для груза, основаніе этой мачты было укрѣплено между деками (скверная метода, къ которой прибѣгаютъ часто неслѣдующіе строители), такъ что легко могла выйти изъ своего стенса. Но къ увеличенію нашихъ бѣдствій, опустивъ лотъ, мы нашли, что воды было семь футовъ.

Мы оставили труны въ каютѣ-компаніи и принялись тотчасъ же за помпы. Паркера конечно развязали, чтобы онъ могъ помогать намъ въ этой работѣ. Мы какъ умѣли перевязали руку Августу, и бѣднякъ дѣлалъ что могъ, то есть немного. Между тѣмъ мы увидѣли, что дѣйствуя непрерывно помпой, мы можемъ еще совладать съ водой, то есть не позволить ей увеличиваться. Такъ какъ насъ было только четверо, работа эта была тяжела, но мы старались не падать духомъ и съ безпокойствомъ ждали разсвѣта, надѣясь облегчить тогда бригъ тѣмъ что срубимъ большую мачту.

Такимъ образомъ мы провели ночь, полную тревоги и страшнаго труда; когда наконецъ разсвѣло, буря нѣсколько не стихла и не было даже ни малѣйшаго признака, что погода разгуляется. Мы вытащили тогда тѣла на палубу и выкинули ихъ за бортъ. Затѣмъ

мы привалились за большую мачту. Когда сдѣланы были необходимыя приготовления, Петерсъ, который нашолъ въ каютѣ топоръ, сталъ рубить мачту, въ то время, какъ мы остальные наблюдали за штагами и лопарями. Бригъ сильно качался; данъ былъ сигналъ рубить лопари и, когда это было сдѣлано, вся эта масса дерева и снастей рухнула въ море и освободила бригъ, не причинивъ намъ никакихъ поврежденій. Мы видѣли теперь, что корабль нашъ страдаетъ меньше прежняго, но положеніе наше все-таки было очень ненадежно, и на переборъ самымъ величайшимъ усиліямъ, мы не могли совладать съ водою безъ помощи двухъ помпъ. Августъ могъ оказывать намъ услуги весьма незначительныя. Къ увеличенію нашего бѣдствія огромный валъ, ударивъ въ бригъ со стороны вѣтра, выкинулъ его на нѣкоторое разстояніе изъ вѣтра и прежде чѣмъ онъ успѣлъ занять свое прежнее мѣсто, другой валъ разбился о палубу и положилъ бригъ на бортъ. Тогда баласть сбился въ кучу, передвинулся подъ вѣтеръ и мы въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ думали, что непремѣнно опрокинемся. Однакожъ мы нѣсколько поднялись, но баласть, оставаясь на бакбортѣ, такъ крѣпилъ судно, что бесполезно было и думать дѣйствовать помпами; да мы ни въ какомъ случаѣ и не могли бы дѣйствовать ими дальше, потому что руки наши были въ пузыряхъ отъ нашего страшнаго, кроваваго труда.

Вопреки мнѣнію Паркера, мы начали тогда рубить бизань мачту; намъ удалось это очень скоро и съ большимъ трудомъ, по причинѣ нашего наклоннаго положенія. Свалившись за бортъ она сорвала бушпритъ и бригъ оставался въ состояніи простого понтона.

Мы могли еще радоваться, что сохранили шлюбку, которая не была повреждена этими страшными шквалами, но и это не на долго. Когда бизань-мачта и бизань, поддерживавшія нѣсколько бригъ, исчезли, каждый валъ доходилъ до палубы, и въ пять минутъ она была смыта съ конца въ конецъ; шлюбка и стѣнка триборта были снесены и самый брашпиль изломанъ въ куски. Трудно было находиться въ болѣе плачевномъ положеніи.

Въ полдень насъ порадовала надежда, что буря уменьшается, но мы были жестоко разочарованы, когда, притихнувъ на нѣсколько минутъ, она разыгралась еще съ большимъ свирѣпствомъ. Въ четыре часа по полудни она дошла до такой силы, что невозможно было держаться на ногахъ; и когда наступила ночь, у меня не было

уже и тѣни надежды. Я не думалъ, что судно наше можетъ выдержать до утра.

Въ полночь вода сильно залила насъ: она доходила уже до второго дека. Немного спустя, сорвало руль, и шквалъ, сорвавшій его, поднялъ всю кормовую часть изъ воды, такъ что падая опять, бригъ стукнулъ килемъ о балку и затрясся какъ судно, ставшее на мель. Мы все рассчитывали, что руль выдержитъ до конца, потому что онъ былъ необыкновенно крѣпокъ и прикрѣпленъ такъ, какъ мнѣ не удавалось видѣть ни прежде, ни послѣ. О страшной силѣ шквала, который сорвалъ его, можно судить по тому факту, что крючья старпоста, которые шли отъ одного конца до другого и были заклепаны съ другой стороны, все безъ исключенія выскочили изъ дерева.

Мы едва успѣли перевести духъ послѣ этого страшнаго потрясенія, какъ ужаснѣйшій валъ, какой я когда либо видывалъ, тяжело хлестнулъ черезъ бортъ, сорвалъ трапъ, проникъ въ люкъ и наводнилъ корабль совершеннымъ потопомъ.

IX

ЛОВЛЯ СЪВѢСТНЫХЪ ПРИПАСОВЪ

Къ счастью еще съ вечера намъ пришла мысль привязать себя къ обломкамъ мачты, и мы пролежали на палубѣ совершенно въ растяжку. Эта предосторожность спасла насъ отъ смерти. Въ первую минуту мы почти лишились чувствъ подъ тяжестью воды и, когда она стекла, у насъ не было силъ пошевелиться. Когда я очнулся, первымъ моимъ дѣломъ было окликнуть товарищей. Мнѣ отвѣчалъ одинъ только Августъ: «Ну, теперь мы погибли. Господи, помилуй наши грѣшныя души!» Черезъ нѣсколько минутъ очнулись и другіе и нѣсколько ободрили насъ, объявивъ что не вся надежда потеряна и что бригъ не можетъ пойдти ко дну, по свойству своего груза и что вѣроятно буря успокоится къ утру. Эти слова дали мнѣ новыя силы; близость опасности такъ перепутала мои мысли, что я не могъ до этой минуты сообразить, что судну, нагруженному пустыми бочками, дѣйствительно трудно пойдти ко дну. Надежда на спасеніе снова представилась мнѣ и я всеми силами старался привязать себя покрѣпче къ обломкамъ; тоже дѣлали и мои товарищи. Была совершенно темная ночь, и нѣтъ словъ для изображенія адскаго шума и хаоса, которые царствовали вокругъ насъ. Палуба была наравнѣ съ

поверхностью моря или лучше сказать, мы были окружены водяными холмами, и каждую минуту одинъ изъ нихъ переклестывалъ черезъ насъ. Наши головы, и это не будетъ преувеличеніе, оставались подъ водою секунды три и на одну только освобождались. Хотя мы лежали всѣ четверо рядомъ, но видѣть другъ друга не было возможности; также не видно было ни одной части брига, на которомъ насъ такъ неистово качало. Отъ времени до времени мы звали другъ друга, чтобъ подкрѣпить такимъ образомъ угасающія силы и ободрить того изъ насъ, кто наиболѣе въ этомъ нуждался. Августъ былъ такъ слабъ, что мы всѣ за него боялись; правая рука была у него вся въ ранахъ и потому онъ не могъ хорошенько укрѣпить каната; мы такъ и ждали минуты, когда его снесетъ въ море; помочь же ему было рѣшительно невозможно. Къ счастью онъ помѣстился удобнѣе всѣхъ насъ: верхняя часть его тѣла была защищена остатками разбитой мачты, такъ что сила волнъ значительно умѣрялась этимъ препятствіемъ. Не помѣстись онъ такъ счастливо (а это случилось совершенно нечаянно), мы не нашли бы его по утру. Бригъ, какъ я уже говорилъ, сильно клонился на бокъ и потому—то насъ не относило далеко въ море. Сторона, которой бригъ наклонился, была бакбордъ, и половина палубы постоянно покрывалась водою. Слѣдовательно волны, которыя доставали до насъ, на правой сторонѣ корабля, уже отчасти разбивались о его бока и, мы, лежа ничкомъ, получали только крупныя брызги; волны же, долетавшія къ намъ съ противоположной стороны, ударяли намъ въ спину, и положеніе наше мѣшало имъ снѣсти насъ въ воду.

Мы пролежали въ этомъ страшномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока первые лучи дня показали намъ всѣ ужасы, насъ окружавшіе. Бригъ нашъ былъ большой обломокъ, который волны перебрасывали одна къ другой, а буря все больше свирѣптѣла; это былъ настоящій ураганъ, и спастись можно было развѣ чудомъ. Мы молчали въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, ежеминутно ожидая, что развяжется канатъ или остатки мачты снесетъ за бортъ, или одна изъ тѣхъ свирѣпыхъ волнъ, которыя ревѣли надъ нами, подъ нами, во всѣхъ направленіяхъ, погрузитъ судно въ воду, и мы захлебнемся прежде нежели оно вывырнетъ. Но Провидѣнію угодно было спасти насъ отъ неминуемой гибели; около полудня проглянулъ благословенный лучъ солнца, и вскорѣ мы замѣтили, что вѣтеръ дулъ не съ такой уже силою. Августъ заговорилъ въ первый разъ послѣ вчерашняго вечера и спросилъ у Петерса, есть ли какая-нибудь на-

дежда на спасеніе. Такъ какъ метись сначала не отвѣчалъ ни слова, то всѣ мы заключили, что онъ захлебнулся, но къ величайшей радости онъ произнесъ слабымъ голосомъ, что онъ очень страдаетъ, что рана ему стягиваетъ животъ и нѣдо найти какое-нибудь средство освободиться или умереть, потому что переносить дольше такую пытку онъ не въ силахъ. Мы очень опечалились, потому что помочь ему не было никакой возможности, пока волны будутъ перелетать черезъ насъ. Мы умоляли его потерпѣть еще немного и общали воспользоваться первой возможностью помочь ему. Онъ отвѣчалъ, что скоро будетъ поздно, что его уже не станетъ и постовавъ нѣсколько минутъ, замолчалъ. Мы заключили, что онъ умеръ.

Съ приближеніемъ вечера, волны значительно утихли; только черезъ каждыя пять минутъ, нѣкоторыя еще ударялись въ сторону брига, обращенную къ вѣтру; вѣтеръ тоже дулъ не такъ сильно; мои товарищи давно уже не подавали голоса и я началъ звать Авгу-ста. Онъ отвѣчалъ, но такъ тихо, что нельзя было разобрать словъ. Я обратился къ Петерсу и Паркеру, но отъ нихъ ничего не дождался.

Немного спустя, я впалъ въ какое-то онемѣніе, въ продолженіе котораго мнѣ чудились самыя привлекательныя картины; я видѣлъ зеленыя деревья, великолѣпныя поля съ зрѣлой рожью, процессіи молоденькихъ танцовщицъ, великолѣпныя кавалерійскіе отряды и проч. Я припоминаю теперь, что во всемъ что мнѣ чудилось, преобладала идея *движенія*. Мнѣ ни разу не представлялись предметы, стоящіе на одномъ мѣстѣ, наприм. домъ, гора, но все вѣтряныя мельницы, корабли, большія птицы, воздушные шары, люди на лошадахъ, экипажи летящіе во весь опоръ и другіе движущіеся предметы; всѣ они являлись и исчезали съ удивительной быстротою. Когда я вышелъ изъ этого страннаго положенія, солнце взошло уже болѣе часа, по моему предположенію. Я съ трудомъ могъ припомнить всѣ обстоятельства моего теперешняго положенія и нѣсколько времени былъ увѣренъ, что лежу въ трюмѣ, возлѣ своего сундука и принималъ тѣло Паркера за свою собаку.

Когда я окончателно получилъ сознаніе, то замѣтилъ, что вѣтерокъ дулъ самый легкій и море, сравнительно, тихо; такъ что оно плескалось на бригъ только съ носа. Моя лѣвая рука высвободилась изъ подъ каната и была вся изранена до локтя, правая же совсѣмъ онемѣла, а кисть совершенно опухла отъ тренія веревкою. Я чувство-

валъ еще сильную боль отъ веревки, окружающей талью и жестокимъ образомъ стягивавшей меня. Осмотрѣвшись вокругъ, я замѣтилъ что Петерсъ живъ, хотя веревка вѣзлалась ему совершенно въ бока; лишь только я пошевелился, онъ сдѣлалъ слабый знакъ рукою, указывая на веревку. Августъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни и лежалъ, согнувшись вдвое подъ обломкомъ мачты. Паркеръ заговорилъ, когда увидѣлъ, что я двигаюсь и спросилъ, хватитъ ли у меня силъ освободить его, прибавивъ, что если соберу всю свою энергію и отвяжу его, у насъ останется еще средство къ спасенію, въ противномъ случаѣ все погибло.

Я ободрялъ его и обѣщалъ сдѣлать все что могу. Ощупавъ у себя въ карманѣ перочинный ножикъ и открывъ его съ большими усиліями, я лѣвою рукою перерѣзалъ канаты на правой и также изрѣзалъ другія веревки. Но, когда я хотѣлъ приподняться, то замѣтилъ, что ноги отказываются служить мнѣ, а правая рука тоже не хочетъ повиноваться. Я передалъ это Паркеру, который посоветовалъ мнѣ посидѣть нѣсколько минутъ спокойно, придерживаясь лѣвой рукой за мачту, покуда кровь снова начнетъ обычное обращеніе. Въ самомъ дѣлѣ, онѣмнѣніе исчезло; сперва я могъ пошевелить одною ногою, потомъ обѣими и наконецъ началъ немного дѣйствовать правой рукой. Тогда я подползъ къ Паркеру съ большою осторожностью, не становясь вовсе на ноги и обрѣзалъ вокругъ него всѣ канаты. Онъ какъ и я, началъ наконецъ дѣйствовать всѣми членами. Мы поспѣшили вмѣстѣ на помощь Петерсу. Веревка протерла его суконные панталоны и двѣ рубашки и вошла глубоко въ тѣло; кровь брызнула фонтаномъ, когда мы ее вынули. Однакомъ Петерсъ тотчасъ почти заговорилъ и чувствовалъ себя замѣтно лучше: онъ даже двигался гораздо свободнѣе чѣмъ мы оба, что вѣроятно было слѣдствіемъ невольнаго кровопусканія.

Августъ по прежнему оставался недвижимъ, и мы уже не надѣялись привести его въ чувство, но подойдя ближе замѣтили, что онъ въ обморокъ отъ сильной потери крови. Вода снесла повязку съ его руки и раны раскрылись. Веревки же не сильно его перетягивали. Вынувъ его изъ подъ обломка, мы снесли его на ту сторону, гдѣ сильнѣе дулъ вѣтеръ и стали растирать ему руки и ноги. Черезъ полчаса онъ очнулся, но началъ говорить и узнавать всѣхъ насъ не раньше слѣдующаго утра. Такъ мы провозились до ночи съ своими канатами; небо опять начало покрываться тучами, и мы смертельно боялись новой непогоды. Тогда намъ не было бы воз-

возможности избавиться от смерти, да и силъ больше ужъ не хватало. Однакожъ ночь прошла тихо, вѣтеръ дулъ сѣверо-западный, но было довольно тепло. Августъ былъ все еще такъ слабъ, что его нужно было привязать, мы же сѣли все трое рядомъ, держась за веревки и повели рѣчь о средствахъ выйти изъ непріятнаго положенія. Мы рѣшили снять платье и выжать изъ нихъ воду, и когда снова надѣли ихъ послѣ этой операціи, онѣ показались намъ очень теплыми. Тоже сдѣлано было и съ платьемъ Августа. Главное наше мученье составляли теперь голодъ и жажда, и когда мы бросали безнадежный взглядъ на будущее, то почти сожалѣли, что остались въ живыхъ. Впрочемъ мы утѣшились мыслью, что насъ приметъ какое-нибудь судно и рѣшились терпѣть до послѣдней возможности.

Наступило наконецъ 14 число; время стояло тихое и дулъ сѣверо-западный вѣтеръ. Море совсѣмъ утихло и такъ какъ бригъ нашъ не наклонялся больше на бокъ, палуба оставалась почти сухая и мы могли ходить по ней на свободѣ. Уже болѣе трехъ сутокъ мы ничего не ѣли и необходимо было попытаться достать что-нибудь съ низу. Бригъ былъ наполненъ водою и мы начали поиски съ малой надеждой на успѣхъ. Мы сдѣлали родъ черпака, склотивъ двѣ доски гвоздями, привязали ихъ на веревку и спустили въ каюту, черпая въ разныхъ направленіяхъ, чтобъ поймать что-нибудь съѣдобное. Большая часть утра прошла въ этомъ безплодномъ занятіи; мы поймали нѣсколько одѣялъ, которыя зацѣпились за гвозди. Впрочемъ и инструментъ былъ такъ неудаченъ, что трудно было ожидать успѣха.

Мы стали было приходить въ отчаяніе, когда Петерсъ придумалъ спуститься самъ на веревкѣ въ каюту. Предложеніе принято было съ восторгомъ, очень понятнымъ при нашихъ обстоятельствахъ. Онъ тотчасъ снялъ платье и привязалъ веревку подъ мышками; предпріятіе было опасно и трудно, потому что, такъ какъ мы рассчитывали найти очень немного въ каютѣ, Петерсу пришлось бы повернуть на право и идти подъ водою въ камбузъ (*), не имѣя возможности дышать все это время.

Когда все было готово, Петерсъ сошелъ въ каюту по лѣстницѣ, пока вода покрыла ему ротъ; тогда онъ нырнулъ внизъ головою и старался попасть прямо въ камбузъ; но первая попытка не удалась. Прошло не болѣе полуминуты какъ онъ спустился, и мы по-

(*) Камбузъ — кладовая, гдѣ сохраняются на кораблѣ съѣстные припасы.

чувствовали, что онъ сильно дергаетъ за веревку; это былъ сигналъ вынуть его изъ воды. Мы вытащили его тотчасъ же, но такъ неосторожно, что онъ разбился весь объ лѣстницу. Онъ не принесъ ничего, потому что его безпрестанно относило водою и нужно было отыграть цѣлая четверть часа, чтобы снова собраться съ силами.

Вторая попытка была еще неудачнѣе, потому что онъ такъ долго не подавалъ сигнала, что мы встревожились и вытащили его тотчасъ же. Оказалось что онъ чуть было не задохся. Несчастный нѣсколько разъ дергалъ веревку, но мы этого не чувствовали, вѣроятно потому, что она зацѣпилась за перила лѣстницы. Рѣшено было уничтожить это препятствіе, прежде чѣмъ приступить къ третьей попыткѣ, и такъ какъ это можно было сдѣлать только руками, то мы всѣ четверо спустились въ воду какъ могли глубже и сломали перила общими силами.

Третья попытка не была счастливѣе первыхъ и ясно было, что мы ничего не добьемся безъ помощи какой-нибудь сильной тяжести, которая бы помогала ныряющему удержаться нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ, пока онъ будетъ искать. Мы долго искали вокругъ себя, и къ величайшей радости замѣтили одну изъ русленей бизанни, до того раскаченную вѣтромъ, что намъ не трудно было выломать ее окончательно. Петерсъ накрѣпко привязалъ ее къ ладыжкѣ, спустился въ четвертый разъ въ воду и успѣлъ наконецъ добраться къ двери камбуза. Но къ величайшему несчастію, она была заперта и онъ возвратился опять безъ успѣха. Подъ водой можно было оставаться не долѣе минуты, а выломать въ это время дверь невозможно. Дѣла наши принимали ужасный оборотъ, и мы съ Августомъ не могли удержаться отъ слезъ, при мысли о всѣхъ страданіяхъ, которыя суждено намъ перенести, ожидая невѣрнаго спасенія. Но слабость эта продолжалась недолго: мы стали на колѣни, горячо помолились Богу и съ новыми силами рѣшились идти на встрѣчу опасности и отстаивать жизнь всѣми зависящими отъ человѣка средствами.

Х

Т А И Н С Т В Е Н Н Ы Й Б Р И Г Ъ

Черезъ нѣсколько времени случилось происшествіе, сначала такое радостное, а потомъ до того ужасное, что именно по этому,

оно представляется мнѣ и теперь самымъ потрясающимъ, самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ случаевъ, какіе испытывалъ я втеченіи десяти длинныхъ лѣтъ, — лѣтъ, изобилующихъ приключеніями самыми удивительными и часто невѣроятными. Мы лежали на палубѣ, подлѣ лѣстницы, какъ вдругъ, взглянувъ на Августа, лежавшаго противъ меня, я замѣтилъ, что онъ внезапно поблѣднѣлъ какъ мертвецъ и что губы его трясутся самымъ страннымъ и непонятнымъ образомъ. Сильно обезпокоенный, я заговорилъ съ нимъ, но онъ не отвѣчалъ и я начиналъ думать, что его схватила внезапная боль, но меня поразили его глаза, необыкновенно блестящіе и уставившіеся на какой-то предметъ сзади меня. Я повернулъ голову и никогда не забуду того упоенія, которымъ прониклось все мое существо, когда я увидѣлъ большой, идущій на насъ бригъ, не далѣе какъ въ двухъ миляхъ разстоянія. Я вскочилъ на ноги, словно ружейная пуля ударила меня въ сердце и, протянувъ руки по направленію къ кораблю, стоялъ неподвижный, неспособный произнести ни одного звука. Петерсъ и Паркеръ были также поражены, хотя и различнымъ образомъ. Первый плясалъ на палубѣ какъ безумный, выкидывая самыя чудовищныя нелѣпости, сопровождая ихъ рыданіями и руганьемъ, между тѣмъ какъ другой заливался слезами какъ ребенокъ.

Замѣченное судно было бригъ-шкунa, построенное по-голландски, окрашенное въ черный цвѣтъ, съ яркимъ вызолоченнымъ гальсономъ. Оно очевидно выдержало порядочную бурю и по видимому, сильно пострадало въ одно время съ нашимъ судномъ, потеряло марсъ-бизань мачту и стѣнку триборта. Когда мы увидѣли его въ первый разъ, оно было, какъ я уже сказалъ, въ двухъ миляхъ разстоянія, подъ вѣтрѣмъ, и шло на насъ. Вѣтеръ былъ весьма слабый и насъ очень удивляло, что на суднѣ не было другихъ парусовъ, кромѣ бизани и большого паруса, съ бом-кливеромъ; — поэтому оно шло очень тихо и нетерпѣніе наше доходило почти до бѣшенства. Неловкіе маневры судна были замѣчены всѣми нами, не смотря на страшное волненіе. Оно дѣлало такіе скачки, что разъ или два мы думали, что оно не видитъ насъ или замѣтивъ наше судно, но не видя людей на палубѣ, вернется и пойдетъ другимъ путемъ. Во всякомъ случаѣ мы кричали и стонали во всю силу легкихъ. и неизвѣстный корабль казался пережѣнялъ на минуту намѣреніе и и клалъ носъ на насъ; — этотъ странный маневръ повторялся два или три раза, такъ что наконецъ мы не могли объяснить его ничѣмъ, кромѣ предположенія, что рулевой пьянъ.

Мы не замѣчали ничего на кораблѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не подошелъ на четверть мили отъ насъ. Тогда мы увидѣли трехъ чело-
вѣкъ, которыхъ, по наряду, приняли за голландцевъ. Двое изъ нихъ
лежали на старыхъ парусахъ около бака, а третій, который каза-
лось смотрѣлъ на насъ съ любопытствомъ, былъ на носу, на три-
бортѣ, подлѣ бугсприта. Этотъ послѣдній былъ высокій и плот-
ный мужчина, очень черной кожи. Онъ казалось жестами ободрялъ
насъ потергѣтъ, кивалъ радостно головой, однако нѣсколько стран-
нымъ образомъ, и постоянно улыбался, какъ бы для того, чтобы вы-
казать рядъ ярко бѣлыхъ зубовъ. Когда корабль приближался, мы
видѣли какъ съ головы его слетѣлъ въ воду красный шерстяной кол-
пакъ; но онъ не обратилъ на это вниманія, продолжая свои улыбки
и странные жесты. Я передаю до мелочи всѣ эти вещи и обстоя-
тельства, и передаю ихъ, именно какъ они намъ казались.

Бригъ подходилъ къ намъ тихо и съ нѣкоторою увѣренностью
въ маневрахъ (я не могу хладнокровно говорить объ этомъ приключе-
нии); сердца безумно прыгали у насъ въ груди, и мы изливали всю
нашу душу въ крикахъ радости и благодаренія Богу за полное, слав-
ное и неожиданное избавленіе, которое было уже такъ очевидно у насъ
подъ рукой. Вдругъ съ таинственнаго брига, уже весьма близкаго
къ намъ, до насъ долетѣлъ такой запахъ, такая вонь, для выраженія
которой нѣтъ слова на свѣтѣ: вонь адская, удушающая, невыноси-
ма, необъяснимая! Я раскрылъ ротъ, чтобы вздохнуть и, обернув-
шись къ товарищамъ, увидѣлъ, что они были блѣднѣе мрамора. Но
какъ некогда было толковать и разсуждать, — бригъ былъ въ пяти-
десяти футахъ отъ насъ, — и казалось, хотѣлъ подойти такъ, чтобы
мы могли сцѣпиться съ нимъ, не заставляя его спускаться шлюбку. Мы
бросились на корму, какъ вдругъ сильный толчекъ откинулъ его въ
сторону и, проходя у насъ за кормой на разстояніи двадцати футовъ,
онъ открылъ намъ всю свою палубу. Я никогда не забуду тройной
ужасъ этой картины! Двадцать пять или тридцать человѣческихъ
тѣлъ, между ними нѣсколько женщинъ, валялись разбросанныя здѣсь
и тамъ, между кормой и кухней, въ послѣднемъ и самомъ отврати-
тельномъ состояніи гніенія! Мы видѣли ясно, что ни одной живой
души не было на этомъ проклятомъ суднѣ; между тѣмъ мы не могли
умержаться, чтобы не звать этихъ мертвецовъ къ намъ на помощь!
Да, въ настоящей агоніи, мы долго и громко просили этихъ молча-
ливыхъ, отвратительныхъ призраковъ остановиться, не дать намъ
сдѣлаться подобными имъ и принять насъ въ свое прекрасное обще-

ство! Ужасъ и отчаяніе доводили насъ до нецѣпостей, — тогда и разочарованіе сдѣлало насъ совершенно безумными.

На наше первое рыданіе ужаса, что-то отвѣтило намъ съ бугсприта страннаго корабля и что-то такъ походило на крикъ человѣческій, что самый тонкій слухъ дрогнулъ бы и обманулся. Въ эту минуту, новый внезапный толчекъ выдвинулъ намъ на глаза бакъ брига, и мы въ тоже время увидѣли причину крика. Мы увидѣли высокаго и плотнаго челоуѣка, опирающагося на стѣнку борта и повачивающаго головой, но лицо его было повернуто, такъ что мы не могли его замѣтить. Руки его, вытянутыя на рыбинѣ, спускались наружу. Когти лежали на такелажѣ, крѣпко натянутомъ и идущемъ отъ бугсприта до одной изъ кронбалокъ. На спинѣ его, гдѣ была разорвана рубашка и открывалось голое тѣло, сидѣла огромная чайка и обшirlалась мясомъ; клювъ ея и когти глубоко впились въ тѣло, а бѣлыя перья были окрашены кровью. Когда бригъ продолжалъ поворачиваться, словно нарочно, чтобы мы увидѣли его еще ближе, птица съ трудомъ вытащила изъ раны свою окровавленную голову и, взглянувъ на насъ какъ бы въ недоумѣніи, лѣниво поднялась съ тѣла, которымъ угощалась; потомъ взлетѣла прямо надъ нашей палубой, покружилась нѣсколько минутъ въ воздухѣ, съ кускомъ какого-то густого вещества, казавшагося живымъ, въ клювъ. Наконецъ, этотъ страшный кусокъ упалъ, съ какою-то зловѣщею торжественностью, какъ разъ къ ногамъ Паркера. Да простить мнѣ Господь! но тогда, въ первую минуту, въ умѣ моемъ мелькнула мысль, — мысль, которую я не напишу, — и я машинально сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ окровавленному мѣсту. Я поднялъ глаза, и взглядъ мой встрѣтился со взглядомъ Августа, въ которомъ былъ такой сильный и энергическій упрекъ, что я тотчасъ же опомнился. Я бросился и съ глубокимъ трепетомъ выкинулъ эту страшную вещь въ море.

Тѣло, изъ котораго былъ вырванъ кусокъ, опираясь на такелажъ, легко качалось подъ усиліями хищной птицы и эти то движенія заставили насъ принять его за живое существо. Когда чайка освободила его отъ своей тяжести, оно покатилося, повернулось и упало такъ, что мы могли видѣть все лицо. Нѣтъ, никогда не бывало зрѣлища болѣе страшнаго! Глазъ уже не существовало, и все извѣденное мясо рта, открывало совершенно зубы. Такова-то была эта улыбка, ободрявшая насъ надеждой! Такова была... Но я останавливаюсь. Бригъ, какъ я сказалъ, прошолъ за нашей кормой и продолжалъ тихо и правильно идти подъ вѣтромъ. Съ нимъ и его страннымъ эки-

пакемъ исчезли все наши счастливые признаки радости и спасенія. Такъ какъ ему нужно было употребить нѣсколько минутъ на то, чтобы пройти у насъ за кормой, мы могли бы, можетъ быть, найти какое нибудь средство прицѣпить его, еслибъ внезапное отчаяніе и ужасный видъ не парализировали все наши физическія и нравственныя способности. Мы видѣли и чувствовали, получили способность дѣйствовать, но думать? стали увы уже слишкомъ поздно. Какъ этотъ случай ослабилъ наши умственные способности, можно судить по слѣдующему простому факту: — когда корабль удалился на такое разстояніе, что намъ примѣтна была только половина его кузова, мы серьезно предположили попытаться догнать его вплавь.

Я съ этого времени дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы разъяснить страшную тайну, покрывавшую участь этого неизвѣстнаго корабля. Его форма и общій видъ заставили насъ предположить, какъ я уже сказалъ, что это было голландское торговое судно и нарядъ экипажа утвердилъ насъ въ этомъ мнѣніи. Мы легко могли бы прочесть его названіе на кормѣ и сдѣлать другія наблюденія, которыя послужили бы намъ къ узнанію истины; но глубокое потрясеніе въ ту минуту ослѣпило насъ и скрыло все подобныя примѣты. По пѣрванному цвѣту нѣкоторыхъ, не совсѣмъ еще испортившихся труповъ, мы должны были заключить, что все на кораблѣ умерло отъ золотой лихорадки или какой-нибудь другой заразы. Если это было такъ (а кромѣ этого, я не знаю право что и выдумать), то смерть, судя по положенію труповъ, должно быть поразила ихъ внезапнымъ и тяжкимъ образомъ, совершенно различнымъ отъ того даже, который характеризуетъ самыя смертельныя болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ, случайно попавшій въ какую нибудь провизію на кораблѣ, могъ произвести это опустошеніе; можетъ быть они поѣли какой-нибудь неизвѣстной рыбы ядовитой породы или океанической птицы или другого какого-нибудь морского животнаго, — какъ знать? — Но совершенно лишнее дѣлать заключенія о случаѣ, который покрытъ и вѣчно останется покрытымъ самой ужасной и самой непроницаемой тайной.

XI

БУТЫЛКА ПОРТВЕЙНА

Остатокъ дня мы провели въ состояніи тупой летаргіи, продолжая глядѣть на корабль, до тѣхъ поръ, пока темнота, скрывъ его изъ

нашихъ глазъ , не привела насъ , такъ сказать , въ нормальное состояніе . Тогда возобновились муки голода и жажды , поглощая всѣ другія заботы и разсужденія . Во всякомъ случаѣ , до утра нечего было дѣлать и , размѣстившись какъ можно удобнѣе , мы старались отдохнуть хоть немного . Мнѣ удалось это даже лучше чѣмъ я надѣялся и я проспалъ до разсвѣта , когда товарищи мои , которымъ посчастливилось менѣе моего , разбудили меня , чтобы начать снова (мы разъ уже пробовали) наши несчастныя попытки въ баталерской каютѣ .

При совершенной тишинѣ , море было такъ гладко , какъ я еще не видывалъ его никогда , — погода стояла теплая и пріятная . Роквой бригъ скрылся изъ виду . Мы начали нашу операцію тѣмъ , что не безъ труда , оторвали руслени бизани ; и Петерсъ , привязавъ обѣ къ ногамъ , попробовалъ еще разъ спуститься до дверей баталерской каюты , думая , что ему удастся выбить ихъ , если только доберется до нихъ скоро ; онъ рассчитывалъ на это , потомучто корабль стоялъ въ лучшемъ положеніи , нежели прежде .

Ему удалось дѣйствительно достигъ очень скоро до двери и тамъ , отвязавъ съ одной ноги тяжесть , онъ пытался ею выбить дверь ; но всѣ его усилія были тщетны ; плотничья работа была крѣпче , чѣмъ онъ ожидалъ . Онъ былъ совершенно обезсиленъ долгимъ пребываніемъ подъ водой и необходимо стало кому нибудь изъ насъ замѣнить его . Паркеръ тотчасъ же вызвался на эту услугу ; но послѣ трехъ безплодныхъ путешествій , онъ не достигъ даже до двери . Печальное состояніе руки Августа , дѣлало всякую попытку съ его стороны излишнею , потомучто еслибъ онъ и добрался до двери , то совершенно не былъ бы способенъ пробить ее ; на меня слѣдовательно падалъ теперь долгъ употребить свои силы на спасеніе общества .

Петерсъ оставилъ въ проходѣ одну изъ русленей ; нырнувъ я замѣтилъ , что у меня недостаточно тяжести , чтобы твердо держаться подъ водой . Поэтому я рѣшился , при первой попыткѣ , просто отыскать прежде другую тяжесть . Съ этою цѣлью ощупывая полъ прохода , я вдругъ почувствовалъ что-то твердое , что немедленно и схватилъ , не имѣя времени разузнавать что это такое было . Находка моя была бутылка , и легко представить нашу радость , когда мы увидѣли , что она наполнена портвейномъ . Мы поблагодарили Бога за это утѣшеніе и эту помощь во время ; потомъ моимъ перочиннымъ ножомъ , вытаскивали пробку и послѣ весьма умѣренного глотка , сдѣланнаго намъ :

дымъ изъ насть, мы почувствовали себя необыкновенно подкрѣпившимися и какъ бы наводненными теплотой, крѣпостью и жизненными силами. Тогда тщательно закупорили снова бутылку и посредствомъ платка привязали ее такъ, чтобы она не могла разбиться.

Я отдохнулъ немного послѣ этого счастливаго открытія, потомъ спустился внизъ и наконецъ нашолъ руслени, съ которыми тотчасъ же воротился. Привязавъ ихъ къ ногѣ, я нырнулъ въ третій разъ и убѣдился, что мнѣ никогда неудастся выбить дверь баталерской каюты. Я возвратился въ отчаяніи.

Рѣшительно должно было отказаться отъ всѣхъ надеждъ, и я видѣлъ по лицамъ моихъ товарищей, что они рѣшились умереть. Отъ вина они были въ какомъ-то изступленіи, отъ котораю меня можетъ быть предохранило мое послѣднее погруженіе въ воду. Они болтали безсвязно и о вещахъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ нашему положенію. Петерсъ осыпалъ меня вопросами о Нантуки. Августъ также, я помню, подошелъ ко мнѣ съ очень серьезнымъ видомъ и просилъ меня дать ему гребеночку, потому что у него, говорилъ онъ, волосы полны рыбьей чешуи и что онъ хочетъ вычесаться, прежде чѣмъ выходить на берегъ. Паркеръ казалось былъ спокоинѣе и настаивалъ, чтобы я еще разъ нырнулъ въ каюту и принесъ ему первую вещь, какая попадется мнѣ подъ руку. Я согласился и въ первую же попытку, пробывъ порядочно подъ водой, вытащилъ маленькій кожаный чемоданчикъ, принадлежащій капитану Бернаруду. Мы тотчасъ же открыли его, съ слабой надеждой, что въ немъ найдется что-нибудь изъ питья или съѣстнаго, но мы нашли въ немъ бритвенный ящикъ и двѣ полотняныя рубашки. Я нырнулъ еще разъ и возвратился съ пустыми руками. Когда голова моя высовывалась изъ воды, я услышалъ на налубѣ шумъ чего-то разбившагося и, выйдя наверхъ увидѣлъ, что товарищи мои по бѣдствію, безчестно воспользовались моимъ отсутствіемъ, чтобы выпить остальное вино, и, торопясь положить опять на мѣсто бутылку, чтобы я не замѣтилъ, разбили ее. Я представилъ имъ ихъ безсердечіе, и Августъ залился слезами. Остальные двое пытались смѣяться и обратили это дѣло въ шутку, но я надѣюсь никогда больше не слышать подобнаго смѣха: физиономіи ихъ были конвульсивно искривлены и страшны. Дѣйствительно видно было, что раздраженіе, происшедшее въ ихъ пустыхъ желудкахъ, произвело впечатлѣніе мгновенное и сильное и что они были ужасно пьяны. Съ большимъ трудомъ уговорилъ я ихъ лечь, и они почти тотчасъ же

погрузились въ тяжолый сонъ , сопровождаемый громкимъ храпомъ .

Я очутился теперъ , такъ сказать , одинъ на бригъ и разумѣется , размышленія мои были самаго ужаснаго и самаго чернаго направленія . Единственная перспектива , представлявшаяся мнѣ была , — умереть медленно-голодной смертью или , предполагая все лучшее , быть поглощеннымъ первою бурей , какая подыметя , потому что при нашемъ безсиліи , нельзя мнѣ надѣяться пережить новую бурю .

Раздирающій голодъ , который я испытывалъ , былъ почти уже невыносимъ , и я чувствовалъ что способенъ для утоленія его , на послѣднія крайности . Я отрѣзалъ своимъ ножомъ маленькій кусочекъ отъ коженаго чемодана и старался сжевать его , но не было никакой возможности проглотить хотя крошку ; мнѣ казалось однакожь , что разжевывая и держа за щекой маленькіе кусочки кожи , я чувствовалъ небольшое облегченіе своихъ страданій . Подъ вечеръ , мои товарищи поднялись одинъ за другимъ , и всѣ въ состояніи слабости и неописаннаго ужаса , вслѣдствіе вина , чадъ котораго теперъ испарился . Они тряслись какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ и съ воплями просили воды . Положеніе ихъ трогало меня живѣйшимъ образомъ , и я не могъ удержаться и не порадоваться счастливому случаю , который не позволилъ мнѣ соблазниться виномъ , избавивъ меня такимъ образомъ отъ ихъ ужасныхъ , раздирающихъ душу мученій . Паркеръ казалось чувствовалъ себя лучше другихъ и я , всеми возможными средствами , старался оживить его . Предвидя , что морская вода можетъ имѣть хорошее послѣдствіе , я придумалъ обвязать ему вокругъ туловища конецъ веревки и потомъ , притащивъ его къ лѣстницѣ (онъ оставался неподвиженъ и безчувственъ) , окунулъ въ воду и тотчасъ же вытащилъ . Я могъ поздравить себя съ успѣхомъ , потому что , получивъ опять жизнь и силу и поднимаясь , онъ спросилъ меня , съ видомъ совершеннаго благоразумія , зачѣмъ я такъ поступилъ съ нимъ . Когда я объяснилъ ему свою цѣль , онъ поблагодарилъ меня за услугу и сказалъ , что чувствуетъ себя лучше послѣ купанья , затѣмъ онъ заговорилъ очень разсудительно о нашемъ положеніи . Мы положили тогда употребить эту же систему леченія и съ Августомъ и Петерсомъ , что тотчасъ же исполнили и внезапный испугъ принесъ обоимъ замѣтное облегченіе .

Видя что я могу наконецъ довѣрить моимъ товарищамъ держать конецъ веревки , я нырнулъ еще три или четыре раза въ каюту , хотя уже наступила ночь , и зыбь довольно покойная , но очень

продолжительная , качала немного нашъ понтонъ. Втеченіи этихъ попытокъ, мнѣ удалось добыть два большихъ столовыхъ ножа, кружку объемомъ въ три галона, но пустую, наконецъ оѣдало, но ничего, что бы могло послужить къ облегченію нашего голода.

Остатокъ ночи мы провели въ самой страшной, нравственной и физической агоніи, какую только можно вообразить. Наступило наконецъ утро 16, и глаза наши съ жадностью искали какой-нибудь помощи по всему горизонту, но тщетно. Море попрежнему было гладко, съ длинною зыбью съ сѣвера, какъ наканунѣ. Прошло шесть дней, какъ мы не пробовали никакой пищи, не пили никакого питья, за исключеніемъ бутылки портвейна, и было ясно, что мы въ состояніи выдерживать очень недолго, если только не найдется чего-нибудь въ это время. Я никогда не видѣлъ и не желаю никогда видѣть человѣческихъ образовъ, такъ совершенно изсохнувшихъ, какъ Петерсъ и Августъ. Паркеръ, хотя страшно похудѣвшій и до того слабый, что не могъ поднять головы, не былъ однакожъ въ такомъ положеніи, какъ тѣ двое. Онъ страдалъ съ бѣльшимъ терпѣніемъ, не произносилъ ни одной жалобы и, всѣми средствами, какія только могъ выдумать, старался внушить намъ надежду. Что до меня, то хотя я и былъ болѣнъ въ началѣ путешествія и всегда отличался слабымъ сложеніемъ, однако страдалъ меньше всѣхъ прочихъ.

Около полудня, Паркеръ объявилъ, что онъ видитъ въ сторонѣ бакборда землю, и мнѣ стоило всѣхъ возможныхъ усилій въ мірѣ помѣшать ему броситься въ море, чтобы вѣлавъ достигъ берега. Петерсъ и Августъ не обращали большого вниманія на его слова; оба они казалось погружены были въ молчаливое наблюденіе. Глядя по указанному направленію, я рѣшительно не могъ замѣтить малѣйшихъ признаковъ побережья; къ тому же я очень хорошо зналъ, что мы далеко отъ всякой земли, и не могъ предаться подобной надеждѣ. Не менѣе того, мнѣ нужно было много времени, чтобы убѣдить Паркера въ его заблужденіи. Тогда онъ разразился ручьемъ слезъ, хныкая какъ ребенокъ, съ криками и рыданіями; это продолжалось два или три часа, наконецъ обезсиленный своимъ отчаяніемъ, онъ уснулъ.

Въ это время Петерсъ и Августъ дѣлали тщетныя усилія проглотить куски кожи. Я совѣтовалъ имъ жевать ее и выплевывать божу, но они были такъ ужасно ослаблены, что не могли выполнить моего совѣта. Я продолжалъ по временамъ жевать куски кожи и чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, но главное мое мученіе заключа-

лось въ недостатокѣ воды, и я устоялъ только противъ желанія напиться морской воды, вспомнивъ ужасныя послѣдствія, испытанныя уже другими въ подобномъ положеніи.

Такимъ образомъ проходилъ день, какъ вдругъ я примѣтилъ на востокѣ судно, въ направленіи нашего носа, со стороны бакборда. Это былъ, какъ мнѣ казалось, большой корабль, идущій почти прямо на насъ и безъ сомнѣнія на разстояніи двѣнадцати или пятнадцати миль. Никто еще изъ моихъ товарищей не замѣтилъ его, и я воздержался указать на него тотчасъ же, боясь опять обмануть ихъ надежду. Наконецъ, по мѣрѣ того какъ онъ приближался, я ясно увидѣлъ, что онъ держитъ носъ прямо на насъ и идетъ на всѣхъ парусахъ. Къ несчастію я не могъ далѣе удержаться и показалъ его моимъ собратамъ. Они немедленно поднялись на ноги, предаваясь опять самымъ негнѣимъ выраженіямъ радости, плача, смѣясь безсмысленнымъ образомъ, прыгая, топая ногами по палубѣ, вырывая на себѣ волосы, молясь и проклиная поочередно. Я такъ былъ увлеченъ ихъ поведеніемъ, равно и предстоящимъ спасеніемъ, которое считалъ теперь несомнѣннымъ, что не могъ удержаться, чтобы не присоединиться къ нимъ, раздѣлить ихъ сумасшествіе, и дать полную свободу всѣмъ изліаніямъ своей радости и счастья. Я валялся и катался по палубѣ, хлопалъ руками, кричалъ и дѣлалъ тысячу подобныхъ ребячествъ, до тѣхъ поръ, пока не пришолъ въ себя отъ полнѣйшаго отчаянія, увидѣвъ вдругъ, что корабль повернулъ къ намъ корму и идетъ въ совершенно противоположную сторону.

Мнѣ нужно было нѣсколько времени, чтобы объяснить своимъ бѣднымъ товарищамъ наше новое несчастье. На всѣ мои увѣренія они отвѣчали неподвижными взглядами и движеніями, означавшими, что ихъ не могутъ обмануть подобныя шутки. Больше всего огорчало меня поведеніе Августа. На перекоръ всему что я могъ сказать противъ его убѣжденія, онъ продолжалъ утверждать, что корабль быстро приближается къ намъ и приготовлялся взойти на его палубу. Онъ показывалъ нѣкоторыя морскія растенія, плавающія у брига и утверждалъ, что это шлюбки съ корабля; онъ силился даже броситься въ воду, съ рыданіями и крикомъ, раздирающими душу; наконецъ я принужденъ былъ употребить силу, чтобы помѣшать ему кинуться за бортъ.

Когда мы немного оправились отъ волненія, то продолжали слѣдить за кораблемъ до тѣхъ поръ, пока въ сумеркахъ, при подымавшемся легкомъ вѣтрѣ, не потеряли его окончательно изъ виду. Ког-

да онъ исчезъ совершенно, Паркеръ вдругъ повернулся въ мою сторону съ такимъ выраженьемъ въ лицѣ, что я содрогнулся. Онъ былъ повидимому покоенъ и хладнокровенъ, чего я не замѣчалъ въ немъ до этого времени, и прежде, чѣмъ онъ открылъ ротъ, сердце мое уже угадало что онъ хотѣлъ сказать. Въ короткихъ выраженіяхъ, онъ предложилъ мнѣ пожертвовать однимъ изъ насъ для спасенія жизни другимъ.

XII

ЖРЕБИЙ

Съ нѣкотораго времени я уже думалъ, что мы будемъ доведены до этой ужасной крайности и тайно рѣшился скорѣе вытерпѣть какой угодно родъ смерти, чѣмъ прибѣгать къ подобному средству. Рѣшимость эта нисколько не ослабѣла отъ дѣйствовавшей на меня силы голода. Ни Августъ, ни Петерсъ не слышали предложенія. Я отвелъ Паркера въ сторону и, моля мысленно Бога дать мнѣ краснорѣчіе отговорить его отъ этого отвратительнаго намѣренія, сталъ увѣщевать его, горячо умолялъ, заклиналъ именемъ всего священнаго, убѣждалъ его всевозможными доводами, бросить мысль нелѣпую и не повѣрять ее никому изъ товарищей.

Онъ слушалъ все, не пытаясь противорѣчить, и я начиналъ уже надѣяться на побѣду, но лишь только замолчалъ, онъ отвѣчалъ, что сознаетъ на сколько все сказанное мною правда, и что прибѣгать къ подобному выбору, почти недоступному человѣческой мысли, можно только въ послѣдней крайности, что онъ терпѣлъ на сколько могла вынести его натура, но убѣдился наконецъ, что бесполезно умирать всѣмъ, когда возможно и даже несомнѣнно, пожертвовавъ однимъ, спасти всѣхъ остальныхъ. Бесполезно трудиться, прибавилъ онъ, отговаривать его отъ намѣренія, потомучто онъ на него твердо рѣшился еще до появленія корабля и только это-то появленіе и удержало его на нѣкоторое время.

Тогда я умолялъ его, если ужъ не бросить совсѣмъ это намѣреніе, то отложить его по крайней мѣрѣ до другаго дня, потомучто какой-нибудь корабль можетъ еще явиться намъ на помощь; я привелъ опять всѣ доводы, какіе пришли мнѣ на умъ и какіе считалъ способными подѣйствовать на такую грубую, закаленную натуру. Онъ отвѣчалъ, что ждалъ сколько могъ, до послѣдней минуты; что

ему невозможно жить безъ какой-нибудь пищи; и что слѣдовательно мысль его, отложенная до другого дня, опоздаетъ, по крайней мѣрѣ относительно его самого.

Видя, что его ничемъ не тронешь и что кроткія мѣры не помогутъ, я заговорилъ другимъ тономъ и объявилъ ему, что онъ долженъ знать, что я страдалъ меньше ихъ всѣхъ, что слѣдовательно я былъ въ настоящее время сильнѣе и здоровѣе, не только его, но даже Петерса и Августа; короче, что я въ состояніи употребить силу, если найду это нужнымъ; и что если онъ попробуетъ какимъ-нибудь образомъ сообщить другимъ свой страшный планъ людоедства, я не задумаюсь выкинуть его въ море. Вслѣдъ за этимъ, онъ схватилъ меня быстро за горло и, вытащивъ ножъ, бесполезно силится ударить меня въ животъ; только крайняя слабость помѣшала ему исполнить эту жестокость. Между тѣмъ, доведенный до высшей степени гнѣва, я оттолкнулъ его къ борту, съ твердымъ намѣреніемъ выбросить. Но его спасло вмѣшательство Петерса, который подошелъ и рознялъ насъ, спрашивая причину ссоры. Паркеръ объяснилъ ее прежде, нежели я нашолъ средство помѣшать ему въ этомъ.

Впечатлѣніе его словъ было ужаснѣе, чѣмъ я ожидалъ. Августъ и Петерсъ, которые по видимому давно уже питали втайнѣ ту же страшную мысль, согласились и настаивали на ея безотлагательномъ исполненіи. Я думалъ, что одинъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ будетъ имѣть достаточно душевной силы и власти надъ собой, чтобъ взять мою сторону и съ помощью одного изъ нихъ, я могъ бы не допустить еще этого варварства, но, лишенный этой надежды, долженъ былъ по возможности охранять свою безопасность, потомучто дальнѣйшее сопротивленіе съ моей стороны, могло быть сочтено этими людьми основательной причиной, чтобъ отнять у меня право голоса въ трагедіи, которая должна была немедленно разыгратъся.

Я сказалъ имъ, что охотно приму предложеніе, и что прошу отсрочку на одинъ часъ, чтобы дать время разсѣяться окружающему насъ туману, потомучто тогда корабль, замѣченный нами, можетъ-быть будетъ еще видѣнъ. Послѣ долгихъ затрудненій, я добился отъ нихъ обѣщанія подождать, и такъ какъ я и надѣялся, благодаря быстро налетѣвшему вѣтру, туманъ поднялся еще до истечения часа; но увы! ни одного корабля не показывалось на горизонтѣ, и мы приготовлялись метать жребій.

Съ чрезвычайнымъ отвращеніемъ начинаю я описаніе слѣдую-

щей, ужасной сцены, — сцены, которую не могло изгладить изъ моей памяти никакое позднѣйшее происшествіе, сцены, которая осталась начертанною въ моемъ умѣ до мельчайшихъ подробностей и страшное воспоминаніе о которой, отравить каждую минуту моего будущаго существованія. Да будетъ позволено мнѣ передать эту часть моего разсказа такъ коротко, какъ требуетъ самое свойство происшествія, о которомъ пойдетъ теперь рѣчь. Единственный способъ, бывшій въ нашемъ распоряженіи для этой ужасной лоттереи, въ которой каждый могъ разсчитывать на удачу, состоялъ въ томъ, чтобъ кинуть жребій. Маленькія щепки могли выполнить предположенную цѣль и рѣшено было, что я буду держать жеребейки. Я ушелъ на конецъ корабля, повернувшись спиною. Самая страшная минута этой ужасной драмы, полная агоніи, была минута приготовления щепочекъ... Сначала я не могъ даже собраться съ силами, чтобы отломить и уровнять ихъ; пальцы мои совершенно отказывались служить мнѣ, а колѣни колотились одно о другое. Въ умѣ моемъ пробѣгало тысячу глупѣйшихъ попытокъ избѣгнуть этой ужасной игры. Я думалъ кинуться на колѣни передъ моими товарищами и умолять ихъ уволить меня отъ этой необходимости; неожиданно броситься на нихъ, убить одного и такимъ образомъ, сдѣлать лишнимъ рѣшеніе по жребію; коротко сказать, я думалъ обо всемъ, кромѣ того что дѣлалъ. Наконецъ потерявъ много времени на всѣ эти глупости, я былъ образумленъ голосомъ Паркера, который понуждалъ меня вывести ихъ наконецъ изъ страшнаго безпокойства. Я сталъ придумывать новыя хитрости, чтобы сплутовать какимъ-нибудь образомъ и подсунуть короткую щепочку одному изъ товарищей, такъ какъ у насъ рѣшено было, что коротенькая означать будетъ приговоръ къ смерти. Пусть всякій желающій осудить меня за эту кажущуюся подлость, поставитъ себя въ положеніе, совершенно подобное моему.

Наконецъ медлить далѣе не было уже возможности; чувствуя какъ сердце готово разорваться у меня въ груди, я приблизился къ баку, гдѣ ждали меня мои товарищи. Я протянулъ руку со щепками и Петерсъ приступилъ къ жребію первый. Онъ былъ свободенъ! — по крайней мѣрѣ его щепка не была самая короткая; у меня оставалось, слѣдовательно, однимъ шансомъ менѣе къ спасенію. Я собралъ всю свою энергію и протянулъ жеребейки Августу. Онъ тотчасъ же вытащилъ и также оказался свободнымъ; теперь ужъ окончательно долженъ былъ рѣшиться для меня вопросъ о

жизни и смерти: шарсы между нами двумя были совершенно ровны. Въ эту минуту вся свирѣпость тигра поднялась въ моемъ сердцѣ: я почувствовалъ къ Паркеру, моему бѣдному товарищу, самую сильную, самую сатанинскую ненависть. Но это чувство было непродолжительно и черезъ нѣсколько мгновений, съ конвульсивною дрожью и съ закрытыми глазами, я протянулъ къ нему двѣ оставшіяся щечки. Прошло добрыхъ пять минутъ прежде чѣмъ онъ рѣшился; въ продолженіи этой нерѣшительности, равняющейся вѣку, раздирающей сердце, я ни разу не открылъ глазъ. Наконецъ щечка была быстро вырвана изъ моихъ рукъ. Судьба значитъ рѣшилась. Никто не произнесъ ни слова, а я не осмѣливался развязать свою будущность, взглянувъ на оставшуюся у меня щечку. Наконецъ Петерсъ схватилъ меня за руку, я сдѣлалъ усиліе, открылъ глаза, и увидѣлъ по физиономіи Паркера, что не я былъ осужденной жертвой. Я конвульсивно вздохнулъ и упалъ безъ чувствъ на палубу.

Однакожъ я успѣлъ придти въ себя, чтобы видѣть развязку трагедіи и быть свидѣтелемъ смерти того, кто какъ зачинщикъ предложенія, былъ такъ сказать, своимъ собственнымъ убійцею. Онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго сопротивленія, и пораженный Петерсомъ въ спину, упалъ мертвый. Я не стану останавливаться на страшномъ пиршествѣ, послѣдовавшемъ тотчасъ же по его смерти; эти вещи можно вообразить себѣ, но слова безсильны, чтобъ передать весь ужасъ дѣйствительности. Довольно, если я скажу, что утоливъ, до извѣстной степени томящую насъ жажду кровью жертвы и оторвавъ съ общаго согласія руки, ноги и голову, которыя виѣстѣ съ внутренностями были выброшены въ море, мы остальное тѣло, кусокъ за кускомъ, пожирали въ продолженіи слѣдующихъ, навсегда памятныхъ дней: 17, 18, 19 и 20 іюля...

21 снова начались наши бѣдствія. Время стояло теплое и пріятное, былъ небольшой туманъ, и вѣтеръ дулъ попеременно съ сѣвера и запада.

22 мы сидѣли всѣ трое, прижавшись другъ къ другу и обдумывая свое грустное положеніе; вдругъ мнѣ блеснула счастливая мысль: я вспомнилъ, что когда мы подрубили бизань-мачту, Петерсъ передалъ мнѣ топоръ и просилъ спрятать въ надежное мѣсто и что я перенесъ его въ бакъ. Еслибъ намъ найти его теперь, то легко было бы прорубить дверь запасной каюты и достать такимъ образомъ съѣстныхъ припасовъ.

Когда я сообщилъ свой планъ товарищамъ, они испустили слабый крикъ радости, и мы отправились на поиски. Надо было спуститься въ бакъ, что было очень трудно, потомучто отверстіе не было широко. Я попытался однакожь и спустился ногами внизъ; вскорѣ топоръ былъ найденъ. Появленіе его встрѣчено было криками радости, и мы заключили, что первая удача поведетъ за собою другія.

Мы начали работу съ энергіей, которую вселяла въ насъ возродившаяся надежда; владѣть топоромъ могли только Петерсъ и я, потомучто большая рука Августа мѣшала ему быть намъ полезнымъ. Мы были еще очень слабы, и намъ приходилось отдыхать поминутно, такъ что работа тянулась медленно. Это однакожь не убавило нашего мужества и, проработавъ всю ночь, къ утру 23, мы достигли наконецъ своей цѣли.

Петерсъ первый спустился и принесъ намъ небольшой кувшинъ съ оливками. Мы раздѣлили ихъ и съѣли съ чрезвычайною жадностью; потомъ онъ отправился снова и вытащилъ, сверхъ нашего ожиданія, огромный окорокъ и бутылку мадеры. Мы выпили только по нѣскольку глотковъ вина, потомучто знали по опыту, какія оно можетъ имѣть послѣдствія. Окорокъ былъ почти совершенно испорченъ, такъ что мы вырѣзали не болѣе двухъ фунтовъ мяса и раздѣлили его на три части. Товарищи мои тотчасъ же истребили свою порцію, но я, боясь жажды, съѣлъ только маленькій кусочекъ. Потомъ мы стали отдыхать отъ своей тяжелой работы.

Около полудня, почувствовавъ себя довольно сильными, мы съ Петерсомъ спускались поочередно и всякій разъ съ уснѣхомъ; такъ прошло время до вечера. Мы вытащили четыре кувшина оливокъ, окорокъ, большую плетеную бутылъ съ превосходной мадерой и, что всего болѣе насъ обрадовало, небольшую черепаху, изъ породы *Galapago*, которыхъ капитанъ Бернардъ получилъ нѣсколько отъ капитана Мери Питтъ, возвращавшагося изъ Тихаго океана. Эта порода черепахъ водится преимущественно на островахъ, называемыхъ *Galapagos*, получившихъ свое названіе именно отъ этихъ животныхъ. *Galapago*, по испански, значитъ рѣчная черепаха. Ея необыкновенная форма и движенія, пріобрѣли ей также названія слона-черепахи. Онѣ бываютъ иногда огромной величины и вѣсятъ до 1500 фунтовъ; такія впрочемъ встрѣчаются рѣдко, и большая часть мореплавателей встрѣчали черепахъ вѣсомъ не болѣе 800 фунтовъ. Форма ихъ странная и даже непріятная, движенія очень медленны

и тяжелы, длина шеи простирается отъ 18 вершковъ до 2 аршинъ. Мнѣ случилось убить одно изъ этихъ животныхъ, у котораго разстояніе отъ плеча до верхней части головы было 3 аршина 10 вершковъ. Голова ихъ похожа на голову змѣи, онѣ могутъ прожить невѣроятно долгое время безъ пищи; рѣзказываютъ, что по прошествіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ, ихъ находили забытыми на нѣкоторыхъ корабляхъ, и онѣ были также жирны, какъ въ минуту привоза. Эти странныя животныя имѣютъ одинаковое свойство съ верблюдомъ: въ началѣ шеи, у нихъ есть мѣшочекъ, куда онѣ набираютъ воду и убивъ такую черепаху, прожившую почти цѣлый годъ безъ пищи, еще находили въ этомъ мѣшочкѣ, совершенно чистую и свѣжую воду. Онѣ питаются дикой петрушкой и сельдереемъ, портулакомъ, содой и ракеточной травой; это послѣднее растеніе всего болѣе имъ по вкусу и находится на скатахъ холмовъ, близъ берега, гдѣ ловятся и самыя черепахи. Это животное служитъ здоровою пищею и нерѣдко спасало отъ голодной смерти моряковъ, отправлявшихся на китовую ловлю въ Тихомъ океанѣ.

Намъ попалась не слишкомъ большая и вѣсила вѣроятно не болѣе 70 фунтовъ. Это была самка, жирная и имѣвшая въ зобу по крайней мѣрѣ четверть галлона чистой воды. Находка равнялась самому большому сокровищу и, бросившись всѣ трое на колѣни, мы благодарили Бога за неожиданное спасеніе.

Протащить черепаху въ отверстіе на палубѣ было трудно; она отчаянно билась и была очень сильна. Петерсъ почти ужъ выпустилъ ее изъ рукъ, но Августъ догадался набросить ей на шею арканъ изъ веревки и удержалъ ее до тѣхъ поръ, пока я спустился на помощь Петерсу.

Мы выцѣдили воду изъ ея зоба въ кувшинъ изъ подъ оливокъ, отбили горлышко отъ бутылки, такъ что образовался стаканъ, выпили каждый поровну и рѣшили употреблять въ день не болѣе одного такого стакана, чтобъ сохранить воду какъ можно долѣе.

Такъ какъ въ послѣдніе три дня время было хорошее, то отѣляя которыя мы выудили изъ каюты, совершенно просохли, также и наше платье, и мы провели ночь на 24 съ нѣкоторымъ комфортомъ, поужинавъ напередъ оливками и окорокомъ и выпивъ понемногу вина. Боясь чтобы вѣтеръ не снесъ ночью наши припасы въ море, мы привязали ихъ веревками, а черепаху, которую хотѣлось намъ какъ можно долѣе имѣть живую, мы опрокинули на спину и тоже привязали покрѣпче.

XIII

НА К О Н Е Ц Ъ !

24 іюля. Утромъ проснулись мы отлично бодрими и въ хорошемъ расположеніи духа. Опасности и муки, которыя на время, правда, такъ неожиданно прекратились, заставили насъ позабыть, что и теперь положеніе наше далеко незавидное. Мы носились на разбитомъ, негодномъ суднѣ, далеко отъ земли, безъ защиты отъ вѣтровъ и бури, съ припасами, которыхъ хватить едва на двѣ недѣли и съ самымъ крошечнымъ запасомъ воды, а однакожь далеко не отчаивались. Справедливо вполнѣ, что понятіе о счастіи совершенно относительно.

Съ восходомъ солнца, мы приготовились возобновить путешествія въ запасную каюту, но пошелъ проливной дождь и мы начали собирать дождевую воду простынею, которая ужь одинъ разъ служила намъ для этого употребленія. Мы устроили подпорку по серединѣ простыни и натянули ее такъ, что вода скатывалась съ краевъ и попадала въ наши кружки. Одна кружка почти наполнилась, какъ поднялся сѣверный вѣтеръ и нужно было оставить попытку, потому что судно наше качалось во все стороны и нельзя было стоять на ногахъ. Мы снова, укрѣпили себя веревками и ожидали послѣдствій гораздо спокойнѣе, чѣмъ бы слѣдовало въ подобномъ положеніи. Въ полдень, вѣтеръ сталъ холоднѣе, а ночью нашолъ большой валъ, но мы уже были научены, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ; насъ то и дѣло, обливало водою и угрожало снести въ море. Къ счастью, вода была очень тепла.

25 іюля. Въ это утро буря утихла, вода стекла, такъ что на палубѣ сдѣлалось сухо; но мы съ горестью замѣтили, что два кувшина оливокъ и окорокъ исчезли, не смотря на все наше стараніе сохранить ихъ. Мы все еще не рѣшились убить черепаху и обошлись вѣсколькими оливками и водою, съ небольшою примѣсью вина, что насъ подкрѣпило, не произведя опьяненія. Море не совсѣмъ еще успокоилось, и нельзя было спуститься за провизіей. Впродолженіе дня, нѣкоторыя вещи, бесполезныя въ нашемъ теперешнемъ положеніи, всплыли наверхъ изъ отверстія каюты и снесены были въ море. Мы замѣтили также, что судно все клонится на бокъ, такъ что нельзя было стоять, не будучи привязаннымъ. Это опять былъ

одинъ изъ тяжолыхъ дней. Въ полдень солнце взошло почти надъ нашими головами, и мы заключили, что сѣверные и сѣверо-западные вѣтры прогнали насъ почти къ экватору. Къ вечеру мы увидѣли нѣсколько акулъ и порядочно испугались, когда одна изъ нихъ пошла было на насъ, съ очевидно дерзкимъ намѣреніемъ. Когда на лубу разъ вѣтромъ погрузило въ море, чудовище плавало прямо надъ нашими головами и даже задѣло Петерса своимъ хвостомъ. Сильный порывъ вѣтра столкнулъ ее въ море, къ немалому нашему удовольствію. Еслибы было потише, мы бы могли поймать ее.

26 іюля. Сегодня утромъ вѣтеръ уменьшился и вода опустилась, мы рѣшились начать ловлю сѣстныхъ припасовъ. Проработавъ весь день, мы убѣдились, что ожидать съ этой стороны уже болѣе нечего, потомучто ночью снесло перегородку и провизія скатилась въ трюмъ. Это открытіе всеконечно привело насъ въ отчаяніе.

27 іюля. Море почти гладко и дуетъ крошечный вѣтерокъ, по прежнему съ сѣвера или запада. Солнце послѣ полудня очень палило и мы сушили свои платья. Купаясь въ морѣ, мы спаслись отъ жара и не такъ чувствовали жажду, но очень боялись акулъ, которыя нерѣдко плавали вокругъ нашего судна.

28 іюля. Погода ясная. Бригъ сталъ такъ сильно наклоняться на бокъ, что мы боялись быть опрокинутыми и приготовились по возможности къ этому случаю. Черепаху, оливки и воду, мы переставили на сторону, откуда дулъ вѣтеръ.

29 іюля. Погода не переменяется. Больная рука Августа угрожаетъ воспаленіемъ; онъ жалуется на головокруженіе и сильную жажду, но не чувствуетъ особенной боли. Помочь ему рѣшительно нечѣмъ; мы пробовали мазать раны уксусомъ изъ подъ оливокъ, но кажется это не принесло пользы. Все что могли мы сдѣлать, — это дать ему втрое больше воды.

30 іюля. Ужасно жаркій день безъ вѣтра. Огромная акула вертѣлась около насъ весь этотъ день; мы старались поймать ее арканомъ, но бесполезно. Августу хуже; онъ замѣтно слабѣетъ отъ недостатка пищи и отъ страданій и умоляетъ насъ прекратить ихъ, увѣряя, что жаждетъ смерти. Вечеромъ съѣли мы послѣднія оливки, а вода такъ испортилась, что безъ вина нельзя было ужь проглотить ее. На слѣдующее утро рѣшено убить черепаху.

31 іюля. Проведя тревожную ночь, потомучто судно ужасно наклонялось, мы убили животное. Оказалось, что оно далеко не такъ

жирно какъ мы ожидали; все мясо вѣсило не болѣе десяти фунтовъ. Чтобы сохранить его какъ можно долѣе, мы изрѣзали его на кусочки, уложили въ бутылъ и кувшины и полили уксуомъ отъ оливокъ. Такъ заготовили мы въ прокъ около трехъ фунтовъ мяса. Рѣшено было съѣдать не болѣе четырехъ унцій въ день, чтобы запаса хватило на тринадцать сутокъ. Вечеромъ пошелъ дождь съ громомъ и молніей, но былъ непродолжителенъ и мы собрали очень мало воды. Ее всю отдали Августу, потомучто онъ кажется при смерти. Онъ глоталъ воду прямо съ простыни, которую мы держали такъ, чтобы вода стекала ему въ ротъ, потомучто посуда была вся занята мясомъ.

Больной почувствовалъ отъ этого очень слабое облегченіе. Рука у него почернѣла отъ плеча до кости, а ноги были холодны какъ ледъ. Мы каждую минуту ожидали его смерти. Онъ исхудалъ до такой степени, что при выѣздѣ изъ Нантуки, вѣсилъ 127 фунтовъ, а теперь только сорокъ или пятьдесятъ, самое болѣе. Глаза совершенно ввалились, кожа на щекахъ такъ повисла, что жевать и глотать пищу сдѣлалось чрезвычайно трудно.

1 августа. Погода не перемѣняется. Тишина и жара невыносимая. Въ водѣ нашей завелись черви, и мы жестоко страдаемъ отъ жажды; однакоже, смѣшавъ ее съ виномъ, сдѣлали все по нѣскольку глотковъ, но почти не утолили жажды, даже на время. Купаться можно только изрѣдка отъ близкаго присутствія страшныхъ акулъ. Августъ все это время страдалъ невыносимо и наконецъ послѣ июлудня скончался въ ужасныхъ конвульсіяхъ, не произнеся ни слова. Смерть его породила въ насъ мрачныя предчувствія: мы молча пролежали у его тѣла весь остатокъ этого дня и только ночью собрались съ силами и выбросили тѣло въ море. Онъ разложился совершенно, такъ что когда приподнимали трупъ, одна нога осталась въ рукахъ Петерса. Когда море приняло тѣло нашего бѣднаго товарища, мы видѣли какъ нѣсколько акулъ разорвали его на части, и стукъ ихъ страшныхъ зубовъ можно бы было слышать на разстояніи цѣлой мили. Зрѣлище это поразило насъ ужасомъ.

2 августа. Жаръ, тишь и духота. Утро застало насъ въ совершенномъ изнеможеніи; силы все истощились. Къ водѣ ужъ нельзя приступиться: это сдѣлалась тягучая масса, въ которой кишатъ разныя наѣкомыя. Мы выбросили ее въ море, вымыли начисто посудину и влили въ нее уксусу. Жажду старались тщетно утолить виномъ, но оно производило дѣйствіе масла вливаемого на огонь и

мы быстро хмѣли. Пробовали морскую воду съ виномъ, но съ нея насъ тошнило. Даже выкупаться неудалось намъ ни разу, потому что акулы сторожили со всѣхъ сторонъ, быть можетъ тѣ самыя, которыя растерзали бѣднаго Августа и ожидали минуты закусить новой жертвой. Состояніе духа было самое мрачное: мы ужасались при мысли, что лишены будемъ послѣдняго облегченія, погрузиться въ свѣжую воду. Опасность впрочемъ существовала и безъ этого; малѣйшая неосторожность или невѣрный шагъ, могли отдать насъ во власть чудовищамъ, которыя плавали очень близко. Крики и жесты наши не пугали ихъ нисколько; Петерсъ ранилъ самую большую топоромъ, что не мѣшало ей кружить около брига. Нашло было къ вечеру облачко, но къ сожалѣнію разсѣялось. Рѣшительно нельзя себѣ вообразить нашихъ мученій. Спать мы въ эту ночь не могли вовсе.

3 августа. Никакой надежды на облегченіе, а бригъ все наклоняется на бокъ, такъ что ноги скользятъ. Всѣ наши старанія сосредоточены на томъ, чтобы уберечь вино и остатки черепахи. Топоромъ вырвали два гвоздя, вколотили ихъ и привязали къ нимъ припасы. Страданія отъ жажды невыносимы; сна нѣтъ и никакой возможности выкупаться.

4 августа. Судно рѣшительно наклонилось. Мы хотѣли взобраться на противоположную сторону, но сорвались и упали въ море. Погружаясь въ воду, я долженъ былъ выпустить веревку, за которую держался и чувствуя себя подъ судномъ, почти не имѣлъ силы противиться смерти, но вода взволнованная движеніемъ брига, быстро вскинула меня наверхъ. Судно стояло килемъ къ верху и ужасно качалось; море было въ волненіи. Петерса не видать. Не подалеку отъ меня плавала бочка съ масломъ и другія вещи съ нашего брига.

Всего болѣе я страшился акулъ и, чтобы не дать имъ подойти слишкомъ близко, колотилъ по водѣ руками и ногами, образуя вокругъ себя массу пѣны. Я и теперь не сомнѣваюсь, что обязанъ своимъ спасеніемъ этой несложной выдумкѣ; прежде чѣмъ повернулся бригъ, акулъ было такъ много, что онѣ не могли отплыть далеко. По счастью я и на этотъ разъ достигъ благополучно судна, но такъ утомился, что былъ не въ силахъ вскарабкаться безъ помощи Петерса, который влѣзъ съ противоположной стороны и бросилъ мнѣ конецъ веревки, той самой, которою мы привязывали кувшины къ гвоздямъ.

Спасшись отъ одного рода смерти, мы рисковали подвергнуться другому, не менѣе ужасному, именно, умереть съ голода. Запасы наши исчезли, и не предвидя возможности достать другихъ, мы зарыдали какъ дѣти, не стараясь даже ободрять долѣе другъ друга. Слабость эта сдѣлается понятна, если припомнить цѣлый рядъ ужасовъ и лишеній, послѣ которыхъ разсудокъ нашъ не могъ найдтись въ нормальномъ состояніи. Въ теченіи этого времени я перенесъ стойчески столько несчастій, а Петерсъ выказалъ столько философіи въ самыхъ ужасныхъ случаяхъ, что настоящая ребяческая слабость вполне была извинительна.

Потеря вина и съѣстныхъ припасовъ была однакожъ не такъ ощутительна, какъ потеря простынь и сосудовъ для собиранія дождевой воды, потомучто одна часть корабля, до самаго носа, была покрыта морскими животными (*cirrhopodes*), которыя могли служить намъ сытною и здоровою пицею по крайней мѣрѣ на мѣсяць. Такимъ образомъ случай ведущій по видимому къ явной гибели, послужилъ для насъ средствомъ къ спасенію.

Трудность достать воды, заставила насъ однакожъ почти забыть настоящую радость. Мы сняли рубашки и рѣшили употребить ихъ вмѣсто простынь при первомъ дождѣ. Ночью Петерсъ заснулъ ненадолго; я же не могъ сомкнуть глазъ отъ страданій.

5 августа. Въ этотъ день вѣтеръ понесъ насъ впередъ и доставилъ возможность поймать нѣсколькихъ морскихъ раковъ; скорлупа на нихъ такъ нѣжна, что мы съѣли ее вмѣстѣ съ мясомъ и это усилило нашу жажду. Не видя вокругъ ни одной акулы, мы рискнули окунуться въ воду и остались въ ней пять часовъ сряду; въ это время жажда томила насъ гораздо менѣе. Въ эту ночь мы заснули и вообще чувствовали себя бодрѣе.

6 августа. Богъ далъ сегодня дождь, который продолжался отъ полудня до вечера. Тогда-то мы пожалѣли о потерѣ кружекъ и бутылки, потомучто даже безъ помощи простынь, мы могли бы наполнить ихъ сегодня. Впрочемъ пока жажда была утолена, мы нѣсколько разъ подставляли подъ дождь наши рубашки и выжимали ихъ себѣ въ ротъ. Весь день прошолъ въ этомъ занятіи.

7 августа. Съ первымъ лучомъ разсвѣта, мы оба въ одно время замѣтили судно, очевидно шедшее на насъ! Изъ груди нашей вырвался долгій, радостный крикъ и мы принялись подавать всѣ возможные сигналы, махать рубашками, прыгать, на сколько позволяла намъ наша слабость и даже кричать во всю силу легкихъ, хотя

судно было еще на разстояніи пятнадцати миль. Оно шло прежнимъ ходомъ и несомнѣнно должно было замѣтить насъ. Спустя часть, мы могли различать уже людей на палубѣ и насъ охватилъ сильный страхъ, при мысли, что насъ не увидятъ или оставятъ на произволъ судьбы, какъ это иногда случалось съ такими же несчастными какъ мы. Поступокъ былъ бы истинно варварскій и недостойный человѣка. Опасенія наши, благодаря Бога, не сбылись, потому что идущее къ намъ судно, выкинуло англійскій флагъ и повернуло по направленію къ намъ. Спустя полчаса, мы были уже на его палубѣ, подъ покровительствомъ капитана Гюи, шедшаго въ Тихій океанъ на ловлю нерпа...

ВРЕМЯ

(ИДЕЯ НЕИЗВЕСТНАГО ПО ИМЕНИ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПОВТА)

-Time was-, he said, -but time is no more...-

У *живыхъ* спросилъ я, у любезныхъ братій;
Но сквозь плачь и пѣсни, но сквозь гулъ проклятій,
Но сквозь смѣхъ веселый юныхъ голосовъ
Разслышалъ я мало мнѣ понятныхъ словъ :

— «Для меня пеленки», говоритъ ребенокъ —
«Ничего вѣтъ въ мирѣ тяжелѣй пеленокъ...»
— «Для меня — игрушка», отрокъ говоритъ ;
— «Я его не вижу!» — юноша твердитъ ;

— «Время», отвѣчаетъ взрослый, «это сила!»
— «Время», шепчетъ старецъ, — «темная могила».
— «Время?» отвѣчаютъ люди мнѣ толпой :
— «Деньги! — Слава! — Мука! — Вѣчный упокой!»

Я спросилъ у *мертвыхъ*; но, полъ сѣнью мрака,
Не дали отвѣта саванъ, гробъ и рака,
И на всѣ вопросы погребальный склепъ
Былъ всегда упорно-нѣмъ, и глухъ, и слѣпъ.

Я спросилъ у сердца : что такое время?
Сердце отвѣчало : — «Лишний звукъ и бремя :
Маятникъ всей жизни только я, повѣрь,
И не имъ, а мною, жизнь земную мѣрь...»

У земной природы я спросилъ... Сначала
На вопросъ природа мнѣ не отвѣчала,

А потомъ сказала: — «Ты сошелъ съ ума!
Развѣ ты не видишь? Время — я сама!»

У свѣтилъ небесныхъ я спросилъ: сіяютъ
Кротко надо мною, кротко отвѣчаютъ
Ясными лучами въ синей вышинѣ;
Но отвѣтъ ихъ вѣщій непонятенъ мнѣ...

И его спросилъ я, самаго Сатурна;
Но пронесся мимо онъ, какъ вихорь, бурно,
И ужь былъ далеко — дальше всѣхъ планетъ —
И за нимъ дымился недогонный слѣдъ.

Ангела спросилъ я: мощною стопою
Грозно сталъ надъ моремъ онъ и надъ землею,
И трубою судной мнѣ гремитъ въ отвѣтъ:
— «Время?... Время было, но его ужь нѣтъ!»

Л. МЕЙ

26 января 1861 г.

ПОМЪШАННЫЙ

СЦЕНЫ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІАХЪ

(Н. А. СЕРДЪ 2-му)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

ХРИСАНФЪ ИГНАТЬИЧЪ ФОРДАБАЕВЪ, 52 лѣтъ. Голосъ, взглядъ и жесты проникнуты чувствомъ собственнаго достоинства.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА жена его, 27 лѣтъ.

ИВАНЪ ИВАНЫЧЪ МИРОШКИНЪ, 48 лѣтъ, членъ врачебной управы.

АННА ЕВГРАФОВНА жена его.

МАРЬЯ АНДРЕВНА ПИВОВАРОВА, 63 лѣтъ, помѣщица 200 душъ.

МАРЬЯ ОСИПОВНА КРАЮШКИНА старуха-помѣщица.

РАЗГУЛЯЕВЪ, отставной ротмистръ, видный мужчина. Одинъ изъ тѣхъ господъ, которые Богъ знаетъ почему назывались некогда *широкими натурами*. Говоритъ громко, почти кричать. Постоянно на веселѣ; но плясъ не бываетъ.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА БЕЗПРОЗВАННАЯ, приживалка Пивоваровой. Темная личность. У иныхъ слыветъ за вдову-полковницу, у другихъ за вдову-капитаншу.

МАРТЕМЬЯНЪ СИДОРЫЧЪ, писмоводитель Фордабаева, 43 лѣтъ.

ЕФИМЫЧЪ, слуга Пепельникова. Старикъ-резонеръ.

ИВАНЪ, слуга Краюшкиной.

ПЕТРЪ
ЛІЗА } крѣпостные Пивоваровой.

Родственники помѣщика Пепельникова.

(Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Пивоваровой.)

Залъ въ домѣ Пивоваровой. Посрединѣ дверь въ переднюю, на лѣво — въ гостиную; на право — въ зимнюю галерею. На срединѣ комнаты большой круглый столъ. На немъ самоваръ, съ чайнымъ приборомъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ПЕТРЪ и ЛИЗА (хлопочутъ около стола)

Лиза (*разставляя на подносы чашки*). Принеси еще чашку, а то не достанетъ!

Петръ. А вотъ и врешь! — достанетъ! (*считая стаканы и чашки*). Вотъ эта Краюшчихъ! Сидѣла бы старушенція старая дома, да книжки божественныя читала, а то вѣдь тоже въ гости наровить. (*Показывая на другіе стаканы.*) Вотъ это значить предводительшѣ... это супругу ихъ будетъ... это офицеру... лихачъ! какъ есть лихачъ!.. это... ишь фхъ сколько понаѣхало!

Лиза. А Мирошчиху пропустилъ, что? То-то! Да загляни, не чадить ли. А то, эта безпашпортная опять вскинется.

Петръ (*оскалясь*). Капитанша-то? (*мазнувъ рукой*) А! ну, ее!

Лиза. Не больно храбрись! Нажалится барынь — худо будетъ. Вечоръ ужъ она ѣла, ѣла Машку... какъ змѣя шипитъ... Подъ розги подвести пообѣщала, и подведетъ эхидна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ПРЕЖНІЕ и ЕФИМЫЧЪ.

Лиза. А, Ефимычъ! Милости просимъ. Какихъ новостей привезли?

Ефимычъ. Да вотъ отъ барина записочка къ вашей. Доложить бы надо.

Лиза. Что такъ не терпится?

Ефимычъ. По вечеръ назадъ надо быть.

Лиза. Да вы полно, не взавправду-ли свадьбу играете?

Ефимычъ. Ну, а хоть бы и такъ!

Лиза. Удивленія достойно! это сколько вѣтку своего изжила... по разнымъ господамъ въ Москвѣ и Питербурхѣ служила, а такого дѣла и въ жисть не видала! Этакой баринъ, да на своей крѣпостной женится. Нашей сестрѣ въ рѣдкость и за чиновника выйдати. Такъ ужь то одно слово чиновникъ, все не помѣщикъ.

Петръ (*добродушно*). Эка мелеть! Виданное-ли дѣло, чтобы баринъ вашу сестру эгозу взялъ. Ужь какой это баринъ значить. Развѣ самый что ни на есть ледацийъ.

Лиза. Не бодьно ледацийъ! Можетъ по чище ихняго будетъ. Вотъ Кларисса, что у Бахановыхъ жила, чай помнишь! за регистратора вышла. Генераль штатскій посажонимъ отцомъ былъ.

Петръ. Регистраторъ-то онъ, точно. Ну да оно одна слава что регистраторъ, а лицо-то у него все осной попорчено. Точно, прости Господи, вербаудъ ему на харю наступилъ; такой несуразной! Да и виновомъ шибко зашибался. Видѣлъ, вѣдъ я, какъ подъ вѣнецъ его везли. Только что земли ухомъ не доставалъ, мокрый такой! Нѣтъ, это ужь какая свадьба! Отъ вѣнца жениха домой отнезли зеленѣе вина, а невѣста къ посажоному поѣхала благодарность принести. Какая это свадьба! Блезирь одинъ.

Лиза. Чувствъ не имѣла къ нему! (*Ефимычу*) Вотъ поди Праксovia Михайловна носъ-то задеретъ, какъ барыней станеть. Раоуоуырится такъ, что на — поди! Сворачивай!

Ефимычъ. Нечего ей фуфырится! Какъ есть простота.

Лиза. Ужь чего не такъ! Еще бы крестному хулить свою дочку. Знаемъ мы, Ефимычъ, откуда Богъ снѣжокъ послалъ!

Ефимычъ (*вспыхнула*). Извѣстно дѣло — Ефимычъ во всемъ виновать! Кому другому и виновату быть! Полюбилась барину дѣвка — Ефимычъ виновать! Всякій ребенокъ малый, что примѣрно у него в молоко на губахъ не обсохло, а наровитъ тебя въ рыло тыкнуть. Да вотъ таверича, Краушкина барыня, Марья Осиповна, напустилась на меня. Какъ котъ угорѣлый замѣталась; бурмады-то такъ и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ, чѣбъ у волка голоднago. Дѣло это, говоритъ, отъ твоихъ рукъ Ефимычъ! Разсудите на милость, какое оно мое дѣло. Барская воля. Супротивъ барской воли не пойдешь. А оно извѣстно, тѣмъ ихъ больше зло беретъ, что въ обидность дѣло такое. На дворянскую душу грѣхъ кладетъ!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ПРЕЖНИЕ и ИВАНЪ

Петръ. А! Иванъ, здорово! Ну что?

Иванъ (*нахально*). Свою привезъ! Въ большомъ огорченіи пребываемъ! (*замытивъ Ефимыча*) Наше почтеніе! Наше проздравленіе на новой барынѣ! Часто-ли она вамъ ласки оказываетъ! По щечкамъ треплетъ, волосенки приглаживаетъ, усики расправляетъ!

Ефимычъ (*обидясь*). Можетъ это у васъ такъ водится!

Иванъ (*нахально*). Пошутилъ-съ! Виданное-ли это дѣло, чтобъ госпожа такая, стала свои бѣлыя ручки о ваши мужицкія хари мартать; одно слово: дворянка московская!

Ефимычъ. Будетъ тебѣ балясничать! Эко дѣло, что наша крестьянскаго роду, а ваша дворянка. Эку бѣду нашомъ! Да вѣдь чай, душа у ней такая-же христіанская! Не скотина она. Эхъ ты, — шебала!

Иванъ. Ужь это вы позволите, Семень Ефимычъ! Ужь все крестьянская душа супротивъ дворянской не будетъ. Дворянинъ, такъ и есть дворянинъ. Въ утробѣ матери начало имѣеть! Это и въ книжкахъ значится. А дворяне, Семень Ефимычъ, разныхъ калибровъ бывають. Есть такіе, что генералы тамъ... совѣтники такіе. А все-таки, оно одно выходитъ, что онъ дворянинъ... Будь онъ тамъ, какой ни на есть генералитетъ, а все онъ въ книжкѣ дворяниномъ значится. Манифестъ! одно слово.

Ефимычъ. Эхъ ты! Да коли она такая крестьянка, что почище всякой другой. Примѣрно сказать: сердобольнѣе. Эхъ! Ужь не тебѣ бы Иванъ зубы скалить. Нѣшто не знаю, что у вашей барыни, ко-тамъ жить привольнѣе, чѣмъ нашему брату. То-то!

Иванъ. На то ихняя воля!

Ефимычъ. Балясникъ, балясникъ! Ты братъ и дворянку-то свою больно уважаешь. Чай окромя грубостей она другого слова отъ тебя не слышитъ.

Голосъ Краюшкиной. Иванъ! Иванъ! Гдѣ ты запропастился?

Ефимычъ. Ну, поднялись! (*подавая Лизѣ записку*) Вручите барынѣ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПРЕЖНІЕ и КРАЮШКИНА

Краюшкина (*входя*). Ванька! Ванька! (*увидѣвъ Ивана*) Что ты тутъ дѣлаешь? Души у васъ христіанской нѣтъ! Канальи вы этакія, разбойники, а не люди. За грошъ вы свою барыню продать готовы. Что? Вѣдь таки опять кота не покормилъ. Сколько разъ тебѣ говоришь, а?

Иванъ. Отчего не накормить. Кормилъ-съ. Два раза кормилъ. Не велика трудность кота накормить. Не лошадь!

Краюшкина (*запальчиво*). Врешь, врешь! Знаю я васъ всѣхъ дармоѣдовъ! Тебѣ бы только самому налопаться, а о ближнемъ вамъ и горя мало; хоть околѣвай онъ! Души у васъ нѣтъ. Ну, когда ты кормилъ! а? (*наступая на Ивана*) Ну, когда, а? Говори!

Иванъ. Сегодня утромъ кормилъ-съ. Право-съ! У барыни Мирошчихи извольте спросить, онѣ скажутъ. Еще гнѣваться изволили на меня. Что ты, говорятъ, кота откармливаешь словно на убой, али барыня ваша кушаетъ ихъ. Зачѣмъ, говорю имъ, они кушать ихъ станутъ. У насъ слава тѣ Господи и безъ котовъ есть что кушать. Вотъ, намѣдни три пары гусей купили, по рублю семидесяти за пару дали; да поросенка, рубль тридцать заплатили.

Краюшкина (*вспыхнувъ*). Ахъ она скверная этакая! Да какое ей дѣло до моего кота!

Иванъ. Духъ, говорятъ, по комнатѣ непріятный ходитъ, а все, говорятъ, оттого, что часто кормишь.

Краюшкина (*запальчиво*). Вреть, вреть! Это отъ нея духъ по комнатѣ ходитъ! (*Перемѣняя тонъ на болѣе ласковый*) А ты Ванька, все таки покорми Ваську. Онъ что-то невеселый такой. (*коту*) Вася! Болитъ у тебя что? а? болитъ Вася? (*нѣжно*) У Васи головка болить... болить головка! (*Ивану*) Нѣтъ, право Ванька, онъ что-то невеселъ! Глаза-то у него, посмотри какіе!... мутные...

Иванъ. Извѣстно: котъ!

Краюшкина (*вспыхнувъ*). Ты Ванька все грубости говоришь! Заладилъ одно: котъ, да котъ. И у кота я думаю душа есть... (*Иванъ прыскаетъ со смѣху*) Чему разсмѣялся, дуракъ?

Иванъ (*прыскаетъ со смѣху*). Помилуйте-съ! Какая душа у кота. У кота — паръ!

Краюшкина (*разсердясь*). Ахъ, ты! хамъ проклятый! Еще смѣется! Да я этого кота на тебя не промѣняю, дуракъ! Возьми его! (*отдаетъ кота Ивану*) Накорми хорошенькѣд, да послѣ на солнышко вынеси. Можетъ онъ и повеселѣеть. Да не пускай одного, а то разбойникъ Андрюшка и этого на шапку зарѣжетъ. Души у васъ нѣтъ. (*Иванъ собирается уйти*) Постой, постой! На васъ только положись, вы за грошъ свою барыню продадите. Отдай мнѣ Ваську! (*беретъ кота на руки*) Я лучше сама погрѣю его на солнышкѣ. Ступай за мной (*Краюшкина и Иванъ уходятъ*).

Петръ (*кивая головой вслѣдъ Краюшкиной*). Ишь, какая! (*смѣется*).

Лиза. Тсъ! Барыня никакъ!

ДВѢДЕНІЕ ПЯТОЕ

ЛИЗА, ПЕТРЪ, ПИВОВАРОВА и потомъ БЕЗПРОЗВАННАЯ

Пивоварова. Что это! Неужели Наталья Ивановна еще не выходила?

Лиза. Не выходили-съ! Вотъ-съ записка (*подаетъ записку*). Фамильчъ отъ ихъ барина привезъ!

Пивоварова (*торопливо садится за чайный столъ, надвигаетъ очки и читаетъ*). Какъ! (*бросаетъ записку на столъ; взволнованнымъ голосомъ*) Господи! Твоя воля святая! Такъ скоро! Послѣ завтра свадьба! Наталья Ивановна! а, Наталья Ивановна!.. Да, позвоните ее.

Лиза (*у дверей*). Они идутъ-съ!

Безпрозванная (*вбѣгаетъ въ комнату, въ сильномъ гнѣвѣ, съ раскраснѣвшимся лицомъ; говоритъ задыхаясь*). Марья Андревна!.. Извините меня, а пога моя не останется здѣсь... Я... женщина благородная!

Пивоварова (*встревожившись*). Чтѣ съ тобой?

Безпрозванная. Позвольте васъ поблагодарить за всѣ ваши добродѣтели (*ловитъ у Пивоваровой руку и цѣлуетъ ее*), а остаться у васъ я не могу, извините (*плачетъ*). Горько мнѣ это Марья Андревна. Охъ, какъ горько!.. а не могу...

Пивоварова. Да что съ тобой, скажи ты мнѣ!

Безпрозванная. Я и не въ такихъ домахъ жила, да грубостей мнѣ никто не дѣлалъ. Покойная генеральша Тарарыкина, царство

ей небесное! меня за мѣсто сестры родной почитала! Дочерямъ своимъ въ примѣръ ставила... Я женщина благородная!.. А здѣсь всякая шлюха, прости Господи, чуть въ глаза не наплюетъ.

Пивоварова. Да ты скажи, Наталья Ивановна, въ чемъ дѣло-то. Кто разобидѣтъ тебя посмѣлъ... Да я того...

Безпрозванная. Кто? Кто! Известно кто! Отъ кого я всѣ ночи на пролетъ плачу... Жизнь не мила становится. Охъ, не по силамъ Богъ крестъ посылаетъ... Охъ, не по силамъ... Ежели всякая Машка... *(Петръ толкаетъ локтемъ Лизу)*.

Пивоварова. Такъ это она тебя разобидѣла? Ахъ, она мерзавка! Чтожъ она такое сотворила?

Безпрозванная. Известно, чего отъ нихъ добраго ждать! *(Прерывающимся отъ злости голосомъ)* Отдала я вчера воротнички погладить, а она до сихъ поръ и не думала. Некогда, говорить, было, все на гостей гладила... И врать! образъ со стѣны сниму, что врать!

Пивоварова. Ахъ... она!

Безпрозванная. Врать! Все для того, чтобъ мнѣ наперекоръ сдѣлать. За добродѣтели мои — они меня не любятъ. За то, что я вамъ по искренности души, всѣ шашни ихъ пересказываю. Я женщина благородная!.. Не приводится мнѣ холопамъ потакать.

Пивоварова. Да я... ее негодайку!

Безпрозванная. Некогда ей было, а вчера цѣлый вечеръ съ Ванькой на кухнѣ проаурилась! Воротничка погладить некогда, а свою госпожу костылять на чемъ мѣръ стоитъ, есть время. *(Съ увлеченіемъ)* Ахъ, Марья Андревна, ужъ какъ они, анаемы, васъ вчера честили, у меня вчужь сердце заболѣло. И живыхъ и мертвыхъ въ покоѣ не оставили. Я у дверей все стояла, да слушала. И злодѣйствуетъ—то она, и не кормить, и собакамъ житье лучше. О себѣ я и не говорю. Я у нихъ и змѣя подколодная, и вѣдьма кievская... Для меня у нихъ и прозвища другого нѣтъ! *(Петру)* Ну что смотришь на меня. И!.. взглядъ какой грубый... Вы разбойники, и ты такой же! *(Пивоваровой)* Да мнѣ что! Чортъ съ ними! Насильно милой не будешь! Еслибъ только меня они ругали, да я молодежь бы отслужила! А то вашу—то добродѣтель за что они презираютъ!

Пивоварова. Ахъ, они!

Безпрозванная. Простите меня великодушно, Марья Андревна, а я не могу у васъ оставаться. Я женщина благородная! Да я

лучше кускомъ черстваго хлѣба буду питаться, да за то, онъ будетъ мой собственный, а не чужой! Горекъ чужой хлѣбъ! Охъ горекъ! (*плачетъ*). А сносить отъ всякаго хама я не могу; не такое воспитаніе получила. Богъ сироту, не оставитъ! Мертвый не безъ могилы, живой не безъ квартиры. Найдутся добрые люди — пріютятъ.

Пивоварова (*почти плача*). Богъ съ тобой! Да за что же ты меня хочешь покинуть одинокою... Въ гробъ ты меня уложить хочешь... Съ кѣмъ я душеньку свою отведу... Привыкла я къ тебѣ...

Безпрозванная (*плача*). А мнѣ-то развѣ легко разстаться съ вами? Охъ, не легко! Одинъ Богъ видитъ, какъ душенька моя страдаетъ! Да я мать родную такъ не любила какъ васъ, благодѣтельница мою! (*хватаетъ руку и цѣлуетъ*). Награди васъ, Господь милосердый! Да я за васъ денно и ночью Богу стану молиться. По господскимъ праздникамъ части изъ просѣоры вынимать! Лопни глаза мои, коли вру.

Пивоварова (*плача, съ упрекомъ*). Любишь ты меня, а изъ за сквернавки покинуть хочешь... Да я эту Машку... Лизка, позови Карпыча!

Безпрозванная (*быстро пережмывая плачевный тонъ на энергическій*). Охъ, не вѣрьте Карпычу! Не вѣрьте! Бога у него нѣтъ! Намѣдни онъ такъ таки и не постѣкъ, а докладывалъ вамъ что наказалъ. Охъ, Марья Андревна, простите меня, въ грошъ они вашу добродѣтель не ставятъ.

Пивоварова (*тоскливо*). Наказалъ меня Господь людьми! Охъ, ужъ какъ самой-то не хочется ихъ наказывать!

Безпрозванная. Что вы, что вы, Марья Андревна? Зачѣмъ вамъ тревожить свою душеньку! А я-то на что? Ужъ будьте покойны, не продамъ васъ. Сама посмотрю какъ Машку накажутъ. На нихъ только положись. Имъ, барыню обмануть, что кринку молока въ мясоѣдъ расхлебать. (*Петру*) Прикажи Карпычу Машку въ баню отправить... Я черезъ полчаса буду! (*Сама устыдясь своего восторга*) Горько! Охъ какъ горько смотрѣть на все это, а нельзя. Не накажи виноватаго, законъ Господень простишишь. Всякому своя воздай!

Пивоварова. Правда твоя! правда! Чистая душа у тебя! (*молчаніе*) А тутъ Господь еще горе наслалъ. Сейчасъ записку получила; послѣ завтра и свадьба назначена.

Безпрозванная (*всплеснувъ руками*). Что вы, что вы, Марья

Андревна! Будто и вправду? Ахъ, онъ злодѣй этакой! Ахъ, онъ рожа его безстыжая. Простите меня великодушно! Хоть и не слѣдъ мнѣ такъ говорить про вашихъ родныхъ, да вѣдь и камень жалость возьметъ, глядя на то, въ какую онъ васъ печаль повергаетъ.. Добродѣтелей значить у него нѣтъ!

Пивоварова. Правда твоя! Охъ, правда! Да что станешь съ нимъ дѣлать! Хоть бы собрались всѣ поскорѣй. Можетъ семейнымъ совѣтомъ что и придумаемъ! Заспались!

Безпрозванная. Еще бы не спать! Почитай до бѣлой зари, никто глазъ не сомкнулъ!

Пивоварова. Какъ это, мать моя?

Безпрозванная. Да такъ, Марья Андревна. Я сама ужъ на упрѣ прикурнула, все дозоромъ домъ обходила. Думаю: что чужихъ-то людей понаѣхало, что дворни-то понавезено. А вѣдь на нашихъ хамовъ лучше и не надѣйся. Такъ вотъ-съ, иду я знаете по коридорчику; слышу у Мирошкиныхъ шумъ большой. Что за оказія, думаю. Не несчастье ли какое? не ровень часъ! и прилегла глазочкомъ къ щелкѣ. Что же? Представьте себѣ Марья Андревна. Стоитъ... это... Иванъ Ивановичъ... этакой (*шепчетъ на ухо*), Ей Богу, правда. А она башмаками его по лицу бьетъ, да нравоученія представляетъ. Зачѣмъ, говорить, ты женился старый дуракъ, когда обращенію съ женскимъ поломъ не научился. А сама красная, прикрасная, какъ ракъ! Злость ее распалила. Я за дверьми, чуть со стыда не сгорѣла. Елену Петровну тоже видѣла; раздѣвалась она въ ту пору. Стоитъ удивленія! Истинно стоитъ удивленія! Отцу родному не повѣрила бы, кабы своими глазами не видѣла. Посмотрите на нее, когда принарядится, — роскошь! Просто роскошь — яблочко наливное! А на дѣлѣ, выходитъ обманъ одинъ! Вата! Какъ есть вата! Вездѣ вата, Марья Андревна, своими глазами видѣла! Образъ со стѣны сниму. Гусара тоже видѣла. Хмурымъ изъ лица былъ, и все въ погребецъ за графинчикомъ лазилъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

ПРЕЖНИЕ и КРАЮШКИНА (безъ кота)

Пивоварова (*входящей Краюшкиной*). Съ добрымъ утромъ, Марья Осиповна!

Краюшкина. Здравствуйте драгоценная моя Марья Андрев-

на! (*цѣлуются*). Охъ-хо-хо! (*вздыхаетъ и садится за столъ*).
Здравствуйте Наталья Ивановна! (*Пивоваровой*). Какая это записочка у васъ въ рукахъ?

Пивоварова (*съ улыбкой*). Да вотъ, отъ родственника милого получила.

Краюшкина. Охъ, и я получила! Охъ-хо-хо!

Пивоварова (*слезливо*). Сведетъ онъ меня въ гробъ, старуху.

Краюшкина (*также*). И меня сведетъ злодѣй! Охъ, сведетъ!
(*вздыхаетъ*). Лиза! узнай голубка, накормили ли моего Ваську...
(*Пивоварова дѣлаетъ гримасу*).

Безпрозванная (*вставая*). А я пойду Марья Андревна... по тому дѣлу.

Пивоварова. Ступай мать моя! Ступай съ Богомъ! (*Безпрозванная уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

ПРЕЖНИЕ и ФОРДАБАЕВА

Фордабаева. Марья Андревна! Марья Осиповна! Ваше здорье (*здоровактсл*).

Краюшкина. Какого ты, голубка, здоровья отъ старухи хочешь. Благодарю Господа, что на ногахъ еще носить. Охъ-хо-хо! Вотъ на радостяхъ сюда прикатила!

Фордабаева (*закатывая глаза подь лобъ*). Ахъ, я понимаю! Я очень понимаю ваши чувства! Повѣрьте, добрѣйшая Марья Осиповна, я вамъ сочувствую! Я вамъ душевно сочувствую! Вы войдите въ мое положеніе; онъ мнѣ братъ! Это ужасно. Могла ли я подозревать подобный скандалъ!.. Я... образованная женщина. Жениться на крѣпостной дѣвкѣ... Безнравственно! Ужасно! Во всемъ этомъ кроется интрига! Черная интрига.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ

ПРЕЖНИЕ, МИРОШКИНА и потомъ ЛИЗА

Мирошкина. Марья Андревна, добрый день! Марья Осиповна! Елена Петровна! Да вы ужъ чаекъ попиваете! Кто же разливаетъ? (*сидител*).

Пивоварова. Лиза. Она сейчасъ придетъ.

Лиза (*входя, Краюшкиной*). Накормили-съ!

Мирошкина. Это вѣрно опять кота кормятъ? Что это у васъ за манера Марья Осиповна! Вы коту словно родного воспитываете.

(*Лиза*) Налей-ка мнѣ чайку!

Краюшкина (*съ досадою*). Что вамъ мой котъ, дорогу что ли перебѣжалъ, али съ постели лѣвой ногой встали?

Пивоварова (*желая замить ссору*). Что это мужчины такъ долго не выходятъ... Можетъ семейнымъ совѣтомъ и сдѣлала бы что.

Фордабаева. Это ужасно! Здѣсь непременно кроется интрига.

Краюшкина. Какая матушка интрига! Околдовала дѣвка, да и все тутъ! Охъ, боюсь я ее, боюсь! Чего дурной человекъ во злобѣ не сдѣлаетъ. Какъ поѣду ужъ — не возьму Васьки. Охъ, не возьму! Испортить она его, голубчика!

Мирошкина (*Краюшкиной, съ досадою*). Удивляюсь я вамъ! Старый вы человекъ, а какія глупости рассказываете. Никакого тутъ колдовства нѣтъ! Все отъ того произошло, что у него амбиціи дворянской ни на грошъ.

Фордабаева. Это ужасно! Вы только представьте себѣ наше положеніе. Какъ мы станемъ ее называть? Я ее всегда называла Нашей... и то... знаете... для брата... Покойная матушка ее любила... Не хотѣлось обидѣть... И вдругъ я... благородная женщина... должна называть ее Прасковѣй Михаловной. Я чувствую, что я не перенесу... это ужасно! А? Что вы скажете? (*съ увлеченіемъ*) Вѣдь это такъ! Что тамъ ни говорите, а она станетъ нашей родственницей. Слѣдовательно мы обязаны... Не правда ли? а? Это ужасно!

Мирошкина. Ну, отъ меня-то она не дождется нѣжностей! Не подь стать мнѣ ее по батюшкѣ величать!.. жирно будетъ — лопнетъ! Покойничекъ мой отецъ, царство ему небесное, полковникомъ штатскимъ служилъ.. По рангу это генералъ военный выходить. А, она мнѣ что? Не дѣтей мнѣ съ ней крестить! Я женщина бѣдная, немущая, а прихвостничать не стану. Кому любо, пусть увивается, да ножки цѣлуетъ. Есть такія подлыя души, что имъ хоть въ рожу наплюй, онѣ только оближуются. Да я-то не такъовская. Не изъ прихвостницъ. Кто рассчитывалъ на его добро, да потерялъ, пусть хнычетъ.

Пивоварова (*обидчиво*). Никто, мать моя, не рассчитывалъ,

Мирошкина. Кто знаетъ! Можетъ кто и разсчитывалъ! Я ни нѣ комъ не ищу. Меня по благородству души вся губернія знаетъ. Заладили одно: родственница, да родственница! Да мнѣ-то что? Не губернаторша она какая, чтобъ я стала у ней ручки цѣловать.

Пивоварова (*вздыхая*). Охъ-хо-хо! Какъ припомню-то я все теперь... Кто всему причиной былъ, какъ не покойница Анна Васильевна! (*Фордабаевой*) Матушка ваша родная, Елена Петровна: согрѣла она змѣю на груди своей. Не чуяло ее материнское сердце, какую участь она дѣтищу своему родному готовить. Охъ-хо! Извините меня, Елена Петровна. Хотя покойница и родною матерью вамъ приходилась, а по душѣ скажу: большія странности имѣла старушка!

Фордабаева. Это правда! И заступаться смѣшно... Никакого такту... Совершенно не свѣтская женщина!

Пивоварова. На моихъ глазахъ все это и происходило. Вы, Елена Петровна съ мужемъ въ Москву тогда уѣзжали. Взяла покойница Анна Васильевна, эту Пашку въ горницы, разодѣла, какъ барышню. Въ одной комнатѣ и спать бывало съ Ольгой Петровной. Ваша сестрица, въ живыхъ еще была. Чуяло мое сердце, что не добромъ кончится: такъ и сбылось. Въ скоромъ времени Ольгу Петровну Богъ прибралъ, тутъ и пошло въ домѣ все вверхъ дномъ. Только одно утѣшеніе и есть у Анны Васильевны, что Пашка! И на фортопьянахъ-то она ее развлекаетъ, и книжки разныя вслухъ по французскому читаетъ.

Фордабаева. Очень вѣрю! Матап хоть и многому была учена, какъ говорятъ, а въ порядочной гостинной не умѣла держать себя... У нее на все былъ свой взглядъ... какой-то мѣщанскій.

Пивоварова. Охъ-хо-хо! Ъзжала я часто къ покойницѣ. Только бывало и рѣчей у ней, что о Пашкѣ. «Какъя Паша у меня умница! Какъ любить меня старуху!» И скажи я ей разъ: «Боюсь, говорю, Анна Васильевна, какъ бы вы змѣю на своей груди не отогрѣли, вѣдь хамово отродѣ!» Какъ вскинется она на меня. «Стыдно, говорятъ, мнѣ слышать такія рѣчи отъ васъ!» А сама даже вся позеленѣла. Странная была женщина! За что, говорю, вы сердитесь изволите, Анна Васильевна, вѣдь я къ тому сказала, что у васъ дочь родная есть! (*Фордабаевой*) Про васъ значить, говорю ей! (*ко встѣмъ*) А вы, говорю, свою крѣпостную больше холите. Такъ она даже заплакала. «Была, говоритъ, у меня дочь (про Ольгу Петровну значить). Былъ ангелъ, да улетѣлъ на небо! А Елена, го-

ворить, не дочь мнѣ!» А сама такъ и заливается слезами, даже смотрѣтъ жалко. Странная была старушка! Значить опутала ее эта Пашка, что даже къ дочери родной отвращеніе получила (*Всѣ съ прискорбіемъ машутъ головами*).

Фордабалева. Да! Матан смѣшно себя держала, Богъ ей простить! Сколько разъ она меня краснѣтъ заставляла черезъ эту Пашку. Вѣдь у насъ часто почти вся губернія собиралась. Губернаторша, Магдалина Игнатъевна бывала. Она урожденная княжна Шиншинштейнъ! Предводительша дворянства, образованная дама, ея мать въ Москвѣ какое-то учебное заведеніе содержала. Всѣ тогда говорили, что мужа ея сдѣлають камеръ-юнкеромъ. У него было чрезвычайно-умное лицо. А какъ онъ полькировалъ, — прелесть!

Пивоварова. Какъ не краснѣтъ было, за эту Пашку. Часто я говаривала вашей маменькѣ: Анна Васильевна, говорю, ужь если вы хотите изъ вашей Паши графиню какую сдѣлать, такъ по крайней мѣрѣ прикажите ей держать себя какъ слѣдуетъ, а то она чуть не до зари всѣ избы обѣжить. «За это, говорить, я и люблю ее, что не гнушается мужичковъ. Значить у нее благородная душа, другая бы зазналась.» Нѣтъ, говорю, Анна Васильевна, это не такъ. Хамка, такъ и тянетъ къ хамамъ, дѣло извѣстное. Экое благородство нашла съ мужиками сиволапыми дружбу водить.

(Нѣсколько минутъ молчанія и общіе вздохи).

Краюшкина. И у родныхъ-то своихъ, у кровныхъ, совѣту не спросилъ. Много значить стыда у него.

Фордабалева. Это ужасно! Я не перенесу! У меня нервы слабые... мнѣ вредно! Мой докторъ мнѣ говорилъ, что у меня ужасно слабые нервы.

Краюшкина (*вздыхая*). Охъ-хо-хо, какъ подумаю, всегда этотъ Петръ Петровичъ такимъ былъ. Никакого уваженія къ роднымъ не имѣлъ. Вотъ и наказалъ Господь. Чумичка околдовала! По грѣхамъ Господь крестъ послалъ! Охъ, по грѣхамъ!

Мирошкина. Какого вы хотѣли отъ козла молока дожидаться! Вѣдь онъ изъ нынѣшнихъ! Образованность все губить, родственныя чувства уничтожаетъ.

Краюшкина. Вотъ и наказалъ Господь! Нѣтъ, кто пойдетъ противъ его святой заповѣди — наказанъ будетъ... будетъ наказанъ! Охъ-хо-хо! И блаженныхъ онъ не признаетъ. Надъ добродѣтелью насмѣхается. Юродивый жилъ у меня. Кирюша святая танца

душа! Какой бы ни былъ морозъ, а онъ все босикомъ. Ножики-то значить у него угодныя Богу. А борода-то длинная, предлинная, да бѣлая така! Праведный человекъ. Петръ Петровичъ и его-то бывало не щадить, потаскушкой называетъ. Такъ это огорчило меня, такъ огорчило, что я даже заплакала. Къ такой добродѣтели почтенія не имѣть!

Мирошкина. Ну! Кирюшкину добродѣтель не сажками мѣрить.

Краюшкина. Охъ, не говорите этого, моя голубка, добродѣтельный человекъ. Если и водился за нимъ грѣхъ, такъ развѣ то, что пьяненькій иногда придетъ. Да и то, по душѣ мнѣ признался, что оттого больше и пьетъ, что омерзеніе къ жизни нашей грѣховной чувствуешь.

Мирошкина. Что и говорить! Всему міру извѣстно, что у насъ котамъ, да юродивымъ и въ великій постъ масляница. Знаю я вашего Кирюшку. Угодная душа, нечего сказать, по заборамъ лазить. Вѣрно мало мои люди ему бока помяли.

Краюшкина. Есть это за нимъ. Есть точно. Да вѣдь онъ человекъ, мои милыя, охъ, человекъ! Лукавый хочетъ душу добродѣтельную загубить.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ

ПРЕЖНІЕ, ФОРДАБАЕВЪ, МИРОШКИНЪ и РАЗГУЛЯЕВЪ (входятъ вмѣстѣ).

Фордабаевъ. А вотъ и мы! (*Мирошкинъ сквозь зубы пропускаетъ какую-то фразу, Разгуляевъ молодецки расшаркивается*).

Пивоварова. Милости просимъ Хрисанфъ Игнатьичъ! Прошу садиться. Побесѣдуемъ семейнымъ порядкомъ.

Разгуляевъ (*съ сильными жестами*). Какой тутъ чортъ бесѣдовать! Не бесѣдовать — дѣйствовать нужно! Нечего ему въ зубы смотрѣть! (*Фордабаевой*) Вашу ручку кузина! (*цѣлуетъ у ней ручку*) Когда же мы поѣдемъ принцессу смотрѣть. Завтра, что ли?

Фордабаева (*кокетничая*). Какой вы злой!

Разгуляевъ. Что же, обождать что ли вы прикажете. Натъ-съ, аттанде! Не фрейлина какая! Воспитаніе-то не въ Англии получала! ха-ха-ха.

Мирошкинъ (*боязливо поглядывая на жену*). Справедливо закѣтали... и пословица: молода еще, въ Сак...

Мирошкина (*перебивая его*). Ты молчи! Обидѣлъ Богъ разумъ, такъ не срамись!

Мирошкинъ. Я къ слов...

Мирошкина (*строга*). Ну! ну!

Пивоварова (*Фордабаеву*). Какъ же, Хрисанфъ Игнатьичъ, что скажете о нашемъ дѣлѣ?

Фордабаевъ. Да, признаюсь! Неприятное дѣло! очень неприятное. Я не желалъ бы и вмѣшиваться... Тѣмъ болѣе, что мой чинъ... моя связи... положеніе въ обществѣ... Ну и для Эльзы тоже... она принята у княгини Кургашкиной.. И вообще, я вамъ скажу (*оглянувшись, значительно*), реформой пахнетъ!

(*Пивоварова и Краюшкина пугливо смотрятъ другъ на друга*).

Разгуляевъ. Эка, брякнули что! Какая тутъ чортъ реформа! просто роскопытился человекъ! Она-жъ такая славенькая, круженькая! Вотъ вамъ и вся реформа!

Фордабаевъ (*съ достоинствомъ и въспль некоторой укоризной*). Не говорите этого, молодой человекъ! Вы только представьте себѣ, такъ сказать, обнимите предметъ! Человекъ самостоятельный, помѣщикъ 400 душъ... образованный... И вдругъ... женится на своей крѣпостной! Вѣдь это что? а? Неуваженіе законовъ, неуваженіе общественныхъ... этихъ... какъ ихъ?... условій! Да условій общественныхъ... Понираіе правъ своего сословія... Ну и все такое! (*Удалекаясь*) Говорить страшно! Говорить страшно, чѣмъ все это пахнетъ! Боюсь, говорить страшно!! (*Тихо и рѣшительно*) Реформа!

Мирошкинъ. Ахъ ты Господи! Да не зашибается ли онъ вивомъ, Хрисанфъ Игнатьичъ! Можетъ оттого у него и происходитъ все... это... какъ вы изволили назвать.

Мирошкина (*мужу*). Будетъ! Молчи! Экая у тебя охота ротъ развѣвать. Не удивишь, батюшка, никого своей глупостью.

Фордабаевъ. Ну и притомъ, вѣдь это пятно на все дворянство. Позоръ на всю губернію. Вѣдь послѣ этого всякій имѣетъ право вамъ въ глаза наплевать. Да вы, скажете, не той ли губерніи дворянинъ, гдѣ дворяне на своихъ крѣпостныхъ дѣвкахъ женятся? Да съ! Вѣдь онъ не хочетъ понять, что такое столбовой дворянинъ! Вѣдь это не мечта, не мнѣ какой-нибудь языческой, не дворяшка, съ позволенія сказать! Нѣтъ-съ, это подпора, столбъ отечества!

Не бось, учился въ разныхъ лицахъ и университетахъ, а забылъ, что дворяне войны вели, благородной крови не щадили... Ну и въ... Италиі тамъ... и въ... Египтѣ... вездѣ! Вѣрно хорошо ихъ учать въ университетахъ... а вѣдь это все прекрасно у профессора Кайданова изложено.

Мирошкинъ. Слушать сладко!

Пивоварова. Какъ же горю-то пособить?

Разгуляевъ. Въ этомъ-то и вся аллегорія, какъ горю пособить! Эхъ, жаль что не у насъ онъ въ полку служить! Вышколили бы голубчика! Была у насъ похожая исторія! Фанфаронника одинъ завелся; тоже на крестьянкѣ жениться затѣялъ, да еще въ разсужденія пустился. Благородство, говоритъ, заключается не въ происхожденіи, а въ личномъ достоинствѣ. Жаль, не на дураковъ напалъ! Думалъ, что такъ всѣ уши и развѣсятъ, заслушаются Соловья Вудеміровича! Шалишь братъ, не надуешь! По свойски съ нимъ раздѣлялись. Пришли къ полковому командиру, да и просимъ отставки. Такъ и такъ, говоримъ, полковникъ, у насъ завелся подлець, честь мундира мараетъ, на крѣпостной женится. Спасибо, полковой лихой былъ, вытурилъ фанфароннику изъ полка. А съ нею мы своимъ судомъ раздѣлялись. Она еще въ дѣвкахъ была. Выкрали ее, привязали къ кордѣ, да и ну гонять. Такъ всю ночь и прогоняли! ха-ха-ха. И вѣдь что вы скажете? Женился таки подлець на ней! Какое значить гусь былъ!

Фордабаевъ. Это дѣлаетъ вамъ честь! Вы поступили благородно. Вредный членъ общества не можетъ быть терпимъ въ благоустроенномъ государствѣ.

Пивоварова. Охъ-хо-хо! Оставьте вы ваши разговоры, да придумайте какъ бы свадьбу остановить!

Фордабаевъ. Хмъ... остановить! Я завтра постараюсь ему внушить.

Мирошкина (*махнувъ рукой*). Нашли кого увѣщать! Да къ нему хоть самого архіерея со всѣмъ причтомъ пустите, такъ толку ни на порошинку не будетъ. Въ стѣну горохомъ стучать!

Мирошкинъ. Младенцу вразум...

Мирошкина (*перебивая его, строго*). Опять! Смотри у меня!

Пивоварова (*въ раздумьи*). Еслибъ по законности все это устроить! Мартемьянъ Сидорычъ пишетъ что-то тамъ у себя въ комнатѣ.

Фордабаевъ. Хмъ... по законамъ!.. Оно конечно хорошо

было бы по законамъ. Да нѣтъ, — трудно! Если Мартемьянъ ничего не придумаетъ, — значить дѣло насъ! Такого дѣльца, какъ онъ и въ столицѣ не найдете! Божусь, не найдете!

Краюшкина. Наградилъ-таки васъ Господь письмоводителемъ!

Фордабаевъ. Не наградила бы, еслибъ у меня не было... того... пониманія людей... Это не маленькая способность!

Пивоварова. Да вотъ и онъ съ бумагой.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ

ПРЕЖНІЕ и ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ (входитъ, съ бумагою и сводомъ законовъ въ рукахъ; всѣмъ низко раскланывается. Лицо его выражаетъ нѣчто торжественное и вмѣстѣ лукавое. Лѣвый глазъ слегка подергиваетъ. Всѣ смотрятъ на него съ нетерпѣніемъ)

Фордабаевъ. Ну, что Мартемьянъ?

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ (*перышкомъ*). Можно-съ будетъ при всѣхъ?

Фордабаевъ (*поощрительно*). Отчего же, отчего же. Тутъ все свои!

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ (*сестрицею намеко-лукавою гримасу*). Когда-съ вамъ будетъ угодно, надъ помѣщикомъ Пепельниковымъ свидѣтельство произвести?

Фордабаевъ (*выпуча глаза*). Свидѣтельство!! Какое, братецъ, свидѣтельство?

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ. По извѣщенію помѣщицы Марьи Андреевой Пивоварой о томъ, яко-бы у помѣщика Пепельникова обнаружались признаки помѣшательства.

Краюшкина. Какъ? Петръ Петровичъ помѣшался? Голубчикъ ты мой! (*стонетъ*).

Пивоварова (*письмоводителю*). Что ты, отецъ мой, поклепъ на меня вводишь? Когда я доносила?

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ. Будьте благонадежны Марья Андреевна; не извольте беспокоиться. Дѣло — фантазія-съ! Безъ опаски!

Разгуляевъ (*захохотавъ во все горло*). Ну, штука-же! (*письмоводителю*) Позвольте васъ обнять! Удивительное у васъ соображеніе. Гений! просто гений! Гдѣ изволили воспитаніе получить? любопытствую знать!

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ. Въ домашнемъ-съ быту.

Фордабаевъ (только что придя въ себя отъ удивленія).
 Какъ? Такъ это тебе дѣло, Мартемьянъ? Ха-ха-ха! Ну, братъ,
 чортъ знаетъ, что у тебя за способности — изумительно! Ожида-
 да и только! (несколько смутясь) Хмъ!.. однако дѣло твоё... жуть...
 щекотливо... замысловато!.. Какъ же ты, братецъ, его въ ума-
 шедшіе произведешь, когда онъ въ здоровомъ умѣ находится? Ведь
 это... того... (тихо) Знаешь чѣмъ нахнетъ?

Письмоводитель. Изъ доноса помѣщицы Пивоваровой зна-
 чится...

Пивоварова. Что ты, отецъ мой, меня-то сюда впутываешь?

Фордабаевъ. Позвольте, Марья Андревна! Это такъ, для соо-
 браженій... (письмоводителю) Такъ что же изъ доноса значится?

Письмоводитель (развертывая бумагу и читая). Яко-бы
 помѣщикъ Децельниковъ вступаетъ въ законный бракъ со своей
 крѣпостной дѣвкой, подозрительнаго поведенія...

Фордабаева. Это ужасно! Я не перенесу! Я слабонервная!

Письмоводитель (продолжая читать). Сей же достойный
 сожалѣнія дворянинъ отзывается съ укоризною и лютостью о на-
 чальственныхъ лицахъ, о дворянской чести и другихъ предметахъ,
 священныхъ для каждаго здравомыслящаго человѣка.

Фордабаевъ (съ удивленіемъ). Вотъ это прекрасно! прекрасно!
 Безподобно!! Въ самую жилку хватить! Ну, братъ, извини меня!
 Я тебѣ скажу откровенно, ты преестественный пауть! Не оби-
 жайся! Я потому тебѣ правду въ глаза говорю, что уважаю
 тебя! да!

Письмоводитель (читая). Сей же помѣщикъ Децельниковъ,
 многіе вредные и нечистойнныя дворянину поступки чинитъ, какъ-
 то: въ темныя ночи ѣздитъ по сосѣднимъ деревнямъ и маетъ подъ
 окнами, по собачьи, нарушая тѣмъ покой мирныхъ жителей. Оный-
 же помѣщикъ говорилъ мнѣ, помѣщицѣ Пивоваровой, что оный дво-
 рянинъ Децельниковъ, не помѣщикъ, а зеленый воробей, арабской
 породы.

Кривошкница (хныкая). Испортили голубчика!

Фордабаевъ. Ну, воробья-то напрасно ты помѣстилъ. Какъ
 еще дворянству покажется. Что не говорите, а воробей птица, да и
 все тутъ! Притомъ... (припоминая что-то) Да, такъ! Дѣйстви-
 тельно такъ! Предсѣдателя уголовной палаты въ гимназіи тоже
 воробьемъ дразнили. Еще пожалуй на свой счетъ приметь! Исто-
 рія выйдетъ. Вычеркни воробья! Богъ съ нимъ!

Письмоводитель. Можно похерить-съ! Я больше... для изложенія дѣла...

Мирошкинъ. Разумной твари уподоб...

Мирошкина (мужу). Опять! (но вслѣду) А вѣдь Мартынякъ Сидорычъ резонъ говорить. Видимо человекъ помѣшанъ, — на крѣпостную польстился!

Письмоводитель (скромно). Сомнѣнію не подвержено-съ! Да хоть-бы прихѣрно про себя скажу. Я личнымъ считаюсь! Не по своей винѣ, а отъ родителей обиженъ! По ихъ безпечности документы утрачены. Дѣнадцатый годъ въ герольдіи хлопочу-съ; — нѣтъ, да нѣтъ! Такъ вотъ-съ я къ тому говорю, что если бы я и въ дѣйствительности личнымъ находился, такъ и въ ту пору, ни изъ-за какихъ бы выгодъ земныхъ, честь свою не замаралъ. А съ ихъ стороны, это ума помѣшательство. Это въ точности такъ-съ.

Фордабаевъ. Ну, да! Дѣйствительно помѣшанъ! Жаль его, жаль!

Кратюшкина (продолжалъ хмыкать). Испортили голубчика! охъ, не повезу я Ваську! охъ, не повезу!

Фордабаевъ (письмоводителю). Все это прекрасно! Ну, а какъ же братецъ на счетъ свидѣтельства? Законно ли будетъ, а?

Письмоводитель. Помилуйте-съ! Томъ X, глава II, статья 342, гласитъ: «Если доставленіе въ губернской городъ лица, подверженнаго безумію или сумасшествію, признано будетъ невозможнымъ безъ опасности для его жизни, то освидѣтельствованіе его производится на мѣстѣ жительства или пребыванія, черезъ инспектора или члена врачебной управы и двухъ медиковъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства.»

Фордабаевъ. Это такъ! Справедливо! Непогрѣшимая истина! Помѣшался человекъ! Женится на крѣпостной дѣвкѣ... ну... и притомъ... дѣйствуетъ противно видамъ начальства... затѣваетъ реформу! Это все такъ... прекрасно!.. (конфузась) Только вотъ что?.. Какъ бы... новый-то губернаторъ... онъ долженъ быть на дѣлахъ...

Письмоводитель (пріятно улыбаясь). Изъ молоденькихъ, говорить...

Фордабаевъ. Слышалъ! (разводя руками) Впрочемъ, чтожъ! Мы не виноваты... Помѣшался, такъ чтожъ дѣлать? Конечно жаль! очень прискорбно! Кто противъ этого скажетъ. Душа выболитъ отъ

одного воспоминанія! Но чтожь дѣлать? Все Богъ! Все Богъ! Мы атомы его творенья. Намъ только слѣдуетъ по доносу добросовѣстиво произвести слѣдствіе; исполнить долгъ гражданина; спасти общество отъ вреда, который могъ бы ему нанести помѣщаннѣй, а тамъ, что Богъ дастъ! На все его святая воля! А жаль! Истинно жаль! По христіански жаль!

Мирошкинъ (*бояливо поглядывая на жену*). Медоточ...

Мирошкина (*вспыхнувъ*). Опять! Ты у меня дождешься!

Пивоварова (*тоскливо*). Помѣшался!.. а какой молодой!

Фордабаева (*утирая слезу*). Бѣдный братъ!

Краюшкина (*рыдая*). Испортили голубчика!

Разгуляевъ (*хохоча*). Испортили! ха-ха-ха-ха! (*Вдругъ нахмурясь, про себя*) Однако чортъ возьми, я опять ни причемъ — чему болванъ обрадовался. (*задумывается, потомъ махнувъ рукой, говоритъ съ отчаяніемъ*) А! куда кривая не вынесетъ! (*къ слѣмъ*) Господа! дѣло дрянъ затѣяли! Сибирью пахнетъ! Хотите выручу?

Всѣ. Какъ... это?

Разгуляевъ (*беретъ подъ руку Фордабаева*). А вотъ, я ему все объясню! (*Уходятъ. Всѣ въ недоумѣніи смотрятъ вслѣдъ имъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Л И Ц А

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ПЕПЕЛЬНИКОВЪ, 28 лѣтъ, помѣщикъ.

ПАША, бывшая крѣпостная Пепельниковыхъ, невѣста Петра Петровича.
ФОРДАБАЕВЪ.

РАЗГУЛЯЕВЪ.

СЕВЕРЬЯНОВЪ, бывший деньщикъ Разгуляева. Отставной солдатъ.

ДАША, горничная.

(Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Пепельникова).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ПАША и ДАША (проходятъ по сценѣ изъ боковыхъ дверей)

ПАША. Не слышала, лучше ли Дуняшѣ?

ДАША. Осигъ сказывалъ, ночью ужаси какъ не хорошо было.

Подъ образа собирались положить.

ПАША (съ грустью качаетъ головой, на глазахъ слезы).

ДАША. Баринова родственники вечеръ понаѣхали. Лизавета сказывала, Краюшчиха хвасталась безпремѣнно свадьбу разстроить.

ПАША. Оставь ихъ! Пойдемъ скорѣй! (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

ФОРДАБАЕВЪ и ПЕПЕЛЬНИКОВЪ (входятъ вѣсть)

ФОРДАБАЕВЪ. И такъ это ваше послѣднее слово!

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ. И неизмѣнное!

Фордабаевъ. Простите Петръ Петровичъ, но я... не могу вѣрить! Зная вашъ высокій умъ не вѣрю! Божусь не вѣрю! Вы въ омраченіи чувствъ.

Пепельниковъ. Увидите, такъ повѣрите.

Фордабаевъ (*всплеснувъ руками*). Уму непостижимо! Чѣмъ оправдаете вы свой поступокъ? Какіе данные?

Пепельниковъ. Поступокъ очень естественъ, и не нуждается въ оправданіяхъ. Я люблю дѣвушку, она меня тоже. Она умна, образована, хороша собой. Чтожъ можетъ быть проще, жениться при такихъ условіяхъ, на дѣвушкѣ, когда она согласна! Надо быть пошлымъ дуракомъ, чтобъ добровольно отказаться отъ такого счастья и ради чего? Ради какихъ-то глупыхъ предрасудковъ!

Фордабаевъ (*съ увлеченіемъ*). Но вѣдь она кре-стьян-ка!

Пепельниковъ. Знаю! Это не помѣха.

Фордабаевъ (*ломая руки*). Это ужасно! Вы вообразите только, что скажутъ про насъ, про вашихъ родственниковъ. Какими глазами станетъ смотрѣть княгиня Шиншипштейнъ на Элень! — Элень сестра ваша. Одна плоть, одна кровь! Это ужасно! А дворянство? А судъ общественнаго мнѣнія? А что скажетъ наконецъ новый губернаторъ?

Пепельниковъ. Можетъ все, что ему заблагоразсудится.

Фордабаевъ. Хмъ... Ужасно! Петръ Петровичъ! Не брезгайте совѣтами мужа умудреннаго опытомъ! Не презирайте мнѣніемъ общества, общество Богъ создалъ! Увлеченіе мгновенно; но раскаяніе горько и безконечно! Я понимаю омраченіе вашей страсти. Я самъ былъ молодъ! Лукавый силенъ, но будьте благоразумны! Не дѣлайте этого... страшнаго шага. Бракъ — таинство! великое таинство! Окружите ее довольствомъ... вдемомъ счастія... сладострастной нѣгой, такъ сказать... Она будетъ вамъ признательна! Но связать себя узами гименея, и грѣшно и позорно... Это такое звѣно...

Пепельниковъ (*звѣнувъ*). Хотите посмотреть мой конскій заводъ?

Фордабаевъ (*съ грустью, качая головой*). Конскій заводъ! Когда смущена душа, Петръ Петровичъ, конскій заводъ теряетъ свою прелесть. И кровный сынъ Аравія смотритъ клячей! да-съ! (*помолчавъ, тихо*). Убѣждены ли вы, что эта дѣвушка исполнена христіанскихъ добродѣтелей и цѣломудрія?

Пепельниковъ (*вспыхнувъ, но вскорѣ оправдываясь*). Послушай-

те, я терпѣливъ; но вѣдь всякому терпѣнью бываетъ конецъ! Извините, меня ждетъ работа!

Фондаваевъ (*разводя руками*). Скорблю! Душевно скорблю! (*уходитъ*).

Пепельниковъ (*съ досадой*). Уродъ! (*начинаетъ ходить по комнатѣ*). Впрочемъ, не его вина. Я вѣрю, что всѣ они искренно огорчены. Въ ихъ глазахъ я болѣе чѣмъ сумасшедшій. Человѣкъ женится не на барышнѣ! На неблагородной! да это криминаль! Ай, ай, сколько еще у насъ тутъ ржавчины! (*стучитъ пальцемъ по лбу*).

ДВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ и ЕФИМЫЧЪ (*съ письмомъ въ рукахъ*)!

Ефимычъ (*подавая письмо*). Васька Кривоухый съ почты привезъ.

Пепельниковъ (*беретъ письмо*). Похлопочи, голубчикъ, чтобы гостямъ нашимъ хорошо было. Спать еще?

Ефимычъ. Окромя генерала, да офицера, всѣ дрыхнуть изволятъ.

Пепельниковъ. Хорошо! Ступай себѣ! (*распечатываетъ письмо и читаетъ*). Какъ! Манаевъ къ намъ губернаторомъ! (*въ восторгѣ*). Вивать! Такого намъ и надобно, встряхнетъ старую пыль! (*читаетъ*) «Провозомъ твой гость». Вдругъ два праздника!

ДВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ и СЕВЕРЬЯНОВЪ (*входятъ, и замѣтивъ Пепельникова собираетъ уйдти*)

Пепельниковъ (*увидя его*). Что тебѣ нужно?

Северьяновъ (*мнетъ*). Я... такъ... ничего-съ ваше высокоблагородіе.

Пепельниковъ. Какъ ничего? А это что за письмо?

Северьяновъ (*замысливъ*). Это-съ... это... (*трусъ*). Къ барынькѣ барышня ваше высокоблагородіе!

Пепельниковъ. Что за вздоръ? Къ какой барышнѣ? Оуь кого?

СЕВЕРЬЯНОВЪ (дрожа). Это-съ... по дво...ему... дѣлу... отъ ихъ благородія.

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ (начинаетъ сердиться). Что такое? Не понимаю. Ты перепутала, мой милый, письмо ко мнѣ!

СЕВЕРЬЯНОВЪ. Нѣтъ-съ, ей Богу-съ (дрожа). Къ нимъ ваше высоко... бл... а... діе. Ихъ благородіе строжайше наказывали. Ты, говорятъ, смотри скотина несуразная, въ собственныя ручки отдай. Отъ ихъ благородія, ваше высокоблагородіе, окромѣ скотины, другого ласковаго слова не услышишь. Да еще строжайше наказывали на глаза вамъ не попасться, — а то уши отрубить посулили. И отрубать! Ей Богу-съ... отр... у... бять. Они-съ у насъ такіе... мужественные... Въ цѣломъ полкѣ такою не имѣлось...

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ. Чтожъ это такое? Не понимаю! Хорошо, давай записку, я ее передамъ барышнѣ (Северьяновъ жметя). Не бойся, давай!

СЕВЕРЬЯНОВЪ (нехотя подаетъ записку). Будьте милостивы, ваше высокоблагородіе, не извольте говорить ихъ благородію, что вы записочку получили... Не приведи Богъ какъ узнаютъ. Такіе горячіе. Это имъ-съ челоуѣка изуродовать, все одно-съ, какъ примѣрно сказать, взводъ церемоніаломъ провести. Такъ отшпандорять, что на свѣтъ Божій тошнехонько смотрѣть. Тахтика у нихъ такая!

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ. Хорошо, не скажу, ступай!

СЕВЕРЬЯНОВЪ. Много довольны, ваше высокоблагородіе! (уходя). Выпьемъ, братъ Северьяновъ! Знай нашихъ! Какъ на кіатрѣ ролю приставили!

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ (одинъ читая адресъ). «Моей нимфѣ Праксовы Михайловнѣ» (стоитъ нѣсколько минутъ въ недоумѣніи). Что за чушь! Это не къ ней! Но къ кому же? (улыбался). А! секретъ не важенъ (распечатываетъ и читаетъ). «Коварный другъ Пашенька! Ты забыла коварная нимфа своего друга, и замужъ выходишь!» (въ изумленіи). Что такое! «Я заглушаю страданіе сердца, и великодушно прощаю тебѣ, и прошу одного: приходи сегодня ночью въ садъ, въ послѣдній разъ упасть на грудь мою. Записку предай истребленію, чтобъ ему не попалась. Твой по гробъ Петръ Разгуляевъ.» Это ошибка! Письмо, конечно не къ ней! Но къ кому же... (разсматривая записку). Пашенька... выходишь замужъ... Странно! У меня ни одной Пашеньки нѣтъ въ деревнѣ... Къ кому

же онъ могъ писать (*задумывается, съ дсерлязъ показывается Разгуляевъ*). Э! да вотъ и авторъ, отъ него больше узнаю!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ и РАЗГУЛЯЕВЪ (съ арапникомъ въ рукѣ)

Разгуляевъ. Ну съ! Честь вамъ и слава! Псарня у васъ такая, что хоть пальчики оближи! (*цѣлуетъ концы пальцевъ*) Бадерка ваша — феномень! Просто феномень! Вотъ это сучка, такъ сучка! Наслажденіе! Чортъ, знаетъ, что за статьи! Уши, хвостъ, задъ — прелесть! Другой барышнѣ не уступить! Ей Богу! Не изъ лести говорю! Я, въ собакахъ, самъ собаку съѣлъ! Ха-ха-ха! Хотъ въ водевильчикъ! (*хохочетъ*)

Пепельниковъ. Да, я немножко охотникъ.

Разгуляевъ. Послушайте дядюшка! А что это у васъ тамъ за дѣвушка въ саду конается... въ розовомъ платѣ. Славная такая!

Пепельниковъ. А, вы ужъ успѣли ее и разсмотрѣть. Это горничная. Э! да вы волокита!

Разгуляевъ. Грѣшенъ, люблю на счетъ клубнички... попользоваться! люблю! ха-ха-ха! А удивительный талантъ, этотъ Гоголь! Ей Богу! Что тамъ не говори Сѣверная Пчела, а я все-таки скажу, большой талантъ! Вѣдь этакое словечко выдумалъ человекъ — клубничка! ха-ха-ха! Да я вамъ скажу про себя, по совѣсти скажу. Да я, хотъ цѣлый годъ сиди да потѣй, а такого словечка не выдумаю! А таланту это что? Ни какой трудности не составляетъ! Такъ вздоръ, пустяки! Таланту это все равно, какъ мнѣ, съ позволенія сказать — выбряться. Да-съ! А славная эта дѣвочка у васъ! Такая, чортъ побери...

Пепельниковъ. Э! Да она вѣрно васъ сильно задѣла заживое! Послушайте, ужъ не къ ней-ли вы эту записку писали? (*показываетъ*)

Разгуляевъ (*конфузаясь*). Какую записку?

Пепельниковъ. Вотъ эту!

Разгуляевъ. Эту?.. Нѣтъ... Да какъ она къ вамъ попала?

Пепельниковъ (*замѣтя его смущеніе*). Что съ вами? Но послушайте, къ кому-же вы ее писали?

Разгуляевъ (*больше и больше конфузаясь*). Да это... такъ.. пустяки... не стоитъ вниманія!..

Пепельниковъ (жестко и оскорбленный). Однако, я бы хотѣлъ знать...

Разгуляевъ (совершенно растерянный). Да такъ право... Это я такъ написалъ... ни къ кому...

Пепельниковъ (повидимому нежно). Шутки въ сторону — говорите!

Разгуляевъ. Э... эт... о... (вдругъ перемѣнивъ тонъ, съ отчаяннымъ жестомъ) А, чертъ побери, семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ! Не хочу быть подлацомъ передъ вами! Все равно пропадать...

Пепельниковъ (нетерпѣливо, дрожа). Ну-съ!

Разгуляевъ (ожесточенно). Къ Прасковѣ Михайловнѣ! Да-съ! Вотъ что! Къ Прасковѣ Михайловнѣ!

Пепельниковъ (задыхаясь отъ бѣшенства, и наступая на него). Къ Пашѣ — вы?

Разгуляевъ. Да-съ, я! Чтожъ вы на меня наступаете? На дуэль, такъ на дуэль! (про себя) Струсишь братъ, по штатской всю службу проходилъ. (Пепельникову) Я готовъ! Я не боюсь дуэли! Я пятнадцать разъ былъ на дуэли. Я не хочу быть подлацомъ! На сабляхъ, такъ на сабляхъ; на пистолетахъ, такъ на пистолетахъ; на чемъ угодно! (Пепельниковъ сильно взволнованный, не говоря ни слова) А вы лучше не наступайте, а поблагодарите меня, что я такое чистосердечіе выказалъ, да-съ! Я, такъ сказать, гиду съ вѣсь снимаю! Ну чтожъ дѣлать, каюсь! Была интрижка, была! Оно понятно! Увлеченіе молодости, жаръ юношеской крови. Ну, и... какъ это говорится... Ну-съ и попользовался на счетъ...

Пепельниковъ. Ка-акъ!

Разгуляевъ (струсивъ). Ну, да!.. Но вѣдь не я, а сама. Сама мнѣ говорить: «я чувства къ вамъ питаю»! Не могъ я устоять, не могъ! Есть же у человѣка этакіе инстинкты... волненія въ крови разныя... Ну и...

Пепельниковъ. Вы ждете!

Разгуляевъ (стараясь обидѣться). Лгутъ подлецы, а я подлацомъ никогда не былъ, да-съ! Если на то пошло, что вы вѣры мнѣ не даете, я вамъ и обстоятельства изложу. Это, я думаю, мѣсяцевъ этакъ за пять было, до вашего пріѣзда, какъ мы съ ней покумимисъ! (Пепельниковъ вздрагиваетъ) Ремонтеромъ я пріѣзжалъ! Ну-съ, понятно: ментикъ — мундиръ — прическа а ла Фрадиаволо; усы — ума очарованье; хотъ картинку съ меня рисуй! Вотъ вѣдь, какой я былъ красавецъ! Почместерша, да вѣдь вы ее знаете, еще мужа ее на-

чашно исправникъ зыбуть. Такъ вотъ-съ эта помещериша мнѣ ча-
сто говорила: «вы такой мущина, что на васъ ляднокровне смотреть
нельзя; замираніе чувствъ въ груди происходитъ». И это точно! это
бываетъ! многія дамы мнѣ сказывали. Да-съ; былъ я когда-то чело-
вѣкъ! Былъ! да уходилъ *сими*; *кручи* горки. Что я теперь такое?
Мечта! да и мечта-то це поэтическая! (*хдохреть*) Вы, посмотрите
пристальнѣе на меня; вѣдь я въ профиль, больше на борзую собаку,
чѣмъ на человекъ похожъ. Ей Богу! а все почмейстерша! Извела
она мою молодость! На одни киндерь-балзамы ихніе, что потрагился.
А еще благородной дамой называеця! А счастливъ я былъ на этотъ
счетъ! У! счастливъ! Меня въ полку всѣ счастливчикомъ называли.
(*Ворухъ спохватился*) Ахъ! чортъ возьми! Я съ вами тутъ разго-
ворился, а и забылъ, что меня Елена Петровна въ саду дожидаетя!
(*Пепельниковъ на аван-сценѣ стоитъ неподвижно, опустя голову.*
Разгуляевъ идетъ къ дверямъ и останавливается) Что! осорѣлъ!
(*бьетъ себя по лбу*) Дипломатики-то сколько тутъ сидятъ! Тебѣ
братъ Разгуляевъ не въ гусарахъ бы служить, а этакъ, въ мици-
стерствѣ какомъ нибудь, въ креслахъ, чортомъ бы этакимъ разда-
ваться, да разныя соображенія представлять. Да-съ! Шутка-ли, вы-
вернулся изъ бѣды. Да изъ какой бѣды! Вѣдь всѣ казенныя денжки
къ картишки спустилъ! Молодость-то до чего довела! Сердце не
камень; отыграться захотѣлось, да и отыгрался, такъ отыгрался,
что въ перспективѣ разныя шинельки солдатскія, да дорожки Вла-
димиірскія сѣли. Вотъ она, декорация-то какаяд была! Просто хотъ
вѣшайся. И что же — вывернулся! Былъ нагъ, и имущъ сѣлаасъ;
былъ унылъ и просвѣтился духомъ! А все отчего? Отъ того, что
есть въ головѣ этакя коморочка, а въ ней сидитъ канашка, мадець-
кя, чертенокъ! да-съ! (*хочетъ уйдти*)

Пепельниковъ (*выходя изъ забытія, и замѣтивъ уходжащаю*
Разгуляева). Одно слово! Вы говорили... правду?

Разгуляевъ. Какъ благородный офицеръ! (*уходитъ*)

Пепельниковъ (*одинъ*). Неужели это не клевета? Нѣтъ, такъ
меветать нельзя, а вѣрить боюсь... страшно! И что она нашла въ
немъ? Ментикъ... усы... А! къ чему сомнѣнія! Все это правда! И
она, какъ всѣ! Инстинкты, какъ говорить этотъ болванъ!.. И такъ
долго, такъ искусно притворяются!.. Что ее понудило?.. (*съ горькой*
улышкой) Чувство благодарности, братская любовь! (*Быстро хо-*
дитъ по комнатѣ) Не судьба! Нужно покориться, хорошо, что

еще не поздно! А тяжело! Больно! (*опускается въ кресла, и закрываетъ лицо руками*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ и ПАША (при входѣ ея Пепельниковъ поднимаетъ голову и встаетъ)

ПАША (*сквозь слезы*). Скончалась!.. (*подходитъ къ Пепельникову*) Петръ! Что съ тобой? Ты такъ встревоженъ!

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ. Да... немножко... (*стараясь придать твердости своему голосу*) Послушайте! Я все знаю! Намъ нужно поговорить... два слова не больше.

ПАША (*встревожившись*). Что такое?.. ты страшенъ!

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ (*прерывающимся голосомъ*). Я не виню васъ! Виноватъ я самъ. Я самъ себя обманывалъ... Чувство благодарности я принималъ за любовь... за то и наказанъ жестоко... За вами одна вина: вы не были искренны... Впрочемъ и тутъ болѣе виноваты обстоятельства... фальшивыя отношенія...

ПАША (*поблѣднѣвъ*). Господи! Что это... значить...

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ. Не тревожьтесь! Я не упрекну васъ... Я не имѣю этого права... Женщина невольна въ своихъ чувствахъ... Въ моихъ глазахъ незаконныхъ чувствъ нѣтъ... къ кому онѣ ни будь... хоть къ самому недостойному. Вы знаете, я всегда такъ думалъ... Я не стану вамъ на дорогѣ... Я возвращаю вамъ ваше слово! (*Съ Пашей дѣлается дурно, Пепельниковъ звонитъ; въ комнату вбѣгаетъ горничная и лакей*) Воды! Прасковья Михайловнѣ дурно!.. (*всѣ суетятся — Пепельниковъ, покуривъ голову выходитъ изъ комнаты*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Л И Ц А

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ МАНАЕВЪ, гражданскій губернаторъ.
ПЕПЕЛЬНИКОВЪ.

ФОРДАБАЕВЪ.

МИРОШКИНЪ.

РАЗГУЛЯЕВЪ.

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ.

ФОРДАБАЕВА.

КРАЮШКИНА.

МИРОШКИНА.

ПИВОВАРОВА.

БЕЗПРОСВАННАЯ.

ИВАНЪ.

(Дѣйствіе въ деревнѣ Пепельникова)

ВСТУПЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ФОРДАБАЕВЪ и РАЗГУЛЯЕВЪ (входятъ вмѣстѣ)

ФОРДАБАЕВЪ (*значительно*). Людская молва!

РАЗГУЛЯЕВЪ (*горячась*). Какая тутъ чортъ, людская молва. Мой деньщикъ своими ушами слышалъ! И выраженія—то самыя неприличныя. Удовлетворите, говоритъ, сего волка кровожаднаго просроченными векселями! Да! на такого напали! Такъ вотъ я и возьму ихъ! аттанде! (*болѣе и болѣе горячась*). Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое? Вѣдь послѣ этого жить нельзя на свѣтѣ! Вѣдь это наконецъ подлость!

ФОРДАБАЕВЪ (*старался его успокоить*). Уймите порывы гнѣва. Ей теперь не до того. Женщина удручена горемъ и болѣзнями.

Разгуляевъ (*запальчиво*). Какимъ она чортъ горемъ удручена! Просто приживалка ее съ панталыку сбиваетъ. Ну, нарвется же она на меня! То есть такую я ей меланхолю на всю жизнь напущу!

Фордабаевъ. Укротите себя! Все дѣло устроится; вы будете удовлетворены.

Разгуляевъ. Вамъ ~~переня~~ ~~раскозырять~~ — я это знаю! Этакъ я самъ вамъ горы золота насулю, когда буду испанскимъ королемъ, или какимъ-нибудь, чортъ побери, брауншвейгскимъ императоромъ. То-то? Вы мнѣ журавля въ небѣ не суйте, а дайте мнѣ синицу въ руки, чтобъ я чувствовалъ, что она здѣсь у меня, что и вознагражденіе за труды свои получилъ. Вѣдь я, можно сказать, жизнью жертвовалъ. Честь моя могла пострадать, да-съ! Ну, что бы вы сказали, еслибъ онъ развернулся, да этакъ... знаете, по мармелосу съзидилъ. А? что? Приятное ли бы вы чувство испытали! То-то! Вѣдь у меня, я думаю, дворянская кровь въ жилахъ течетъ! Вѣдь это на всю губернію огласка!

Фордабаевъ. ... Хмъ... конечно.

Разгуляевъ. Нѣтъ! Вы тутъ тары-бары не разводите, скажите мнѣ: приятное ли бы вы чувство испытали, еслибъ васъ кто-нибудь по мордасу этакъ .. знаете... цапъ! цапъ! Что? Да потомъ бы еще... въ зубецъ ковырнулъ. Что? приятно? очень приятно?

Фордабаевъ. Да вы не горячитесь! Она васъ удовлетворитъ!

Разгуляевъ. А вотъ посмотримъ! Я еще разъ попытаюсь! Да если только она шельма, хвостъ прижметъ, — тогда!

О страсти шарман!

Литва алкоголь ~~ДЕЙСТВІЯ~~ (*быстро уходитъ*).

ДВѢДЕНІЕ ВТОРОЕ

ФОРДАБАЕВЪ (одна) потомъ ЦЕНДЬНИКОВЪ
 Фордабаевъ: Ушомъ! Экая горячка! Что значитъ юношеская кровь въ жилахъ играетъ! Однако, правду сказать, а его ~~важно~~ боюсь. Чего человекъ не сдѣлаетъ въ увлеченіи страстей? Надо будетъ его удовлетворить хоть радужною... Вѣдь это деньги! Для ~~бѣднаго~~ ~~человѣка~~ это деньги... Только алчность-то у него волчья, вотъ

что. Подай ему непременно семьсотъ; казенныя деньги, говорить, проигралъ. Въдь онъ, чудакъ этакой, не хочетъ понять, что семьсотъ рублей — кушъ! Кто ему ихъ дастъ? (*въ раздумьи*) Сто!.. полтораста... даже... можно, можно дать! Человекъ трудился; разстроилъ свадьбу... Наконецъ могъ запятнать свою честь. Въдь могъ? Очень могъ! Ну что, если бы онъ того... развернулся... да... Неприятно! Очень неприятно!.. Дуэль могла выйдти! Конечно, ежели на это смотреть съ нравственной точки зрѣнія, такъ дуэль глупа, дуэль несправедлива, дуэль наконецъ законами воспрещена! Экое благородство души убить человека, который тебя оскорбилъ! Нѣтъ, ты прости ему! Ты ему прости! Вотъ это подвигъ! Да, вотъ я хоть про себя скажу (*оглядывается*). Мнѣ... мнѣ... три раза случалось... недоразумѣнія выходили... Конечно неприятно, очень неприятно! особенно разъ въ банѣ... Голяфице наналъ... Даже вспомнить тогда, три дня опишы не могъ раворнуть. И что же? Снесъ, снесъ, съ христіанскимъ смиреніемъ снесъ! Сначала, правду сказать, разгорячился... Бываютъ же въ человекѣ порывы... Думаю, на дуэль вызову; но какъ сообразилъ — не стоять! Хорошо, когда я его убью и никто не узнаетъ; тогда я отомщусь, положимъ... Ну, а какъ онъ меня? Въдь я жизнь опасности подвергаю. А развѣ намъ жизнь на то дана? Развѣ мы себя принадлежимъ? Нѣтъ; мы принадлежимъ... обществу... Мы должны вести... это... какъ его? Человѣчество! да, человѣчество вести... Однимъ словомъ, безнравственно, гадко, философіи никакой нѣтъ! Наконецъ, думаю себя, хорошо, можетъ быть и я убью соперника... Какъ-нибудь потороплюсь... курокъ нечаянно раньше спущу... Но къ чему это поведеть? Къ чему? Подъ судъ отдадутъ, а я тогда только что въ на- дворные былъ представленъ! (*Взглянувъ въ окно*) Э! да вотъ кажется и Петръ Петровичъ! Надобно будетъ деликатнѣе приступить, а главное подстрекнуть самолюбіе. Нынѣшняя молодежь вообще любить, чтобъ видѣли въ нихъ людей, которые... этакія... разные жертвы приносятъ... подвиги совершаютъ... (*возвращаясь къ столу*) А! многоуважаемый Петръ Петровичъ! Позвольте васъ об- называть... (*въ раздумьи*)...
 .. Шнитальниковъ (*холодно*). Здравствуйте!
 .. Фордавальеръ! Нѣтъ, позвольте васъ юбить! не какъ родствен- ника, а какъ человека, который... (*опластываетъ морщю на лбу*) Мы цѣнимъ! Поцѣрьте, мы цѣнимъ... вашу доблестьный под- вигъ...

Пепельниковъ (*надовольнымъ голосомъ*). О какомъ подвигъ вы говорите?

Фордабаевъ. Гмъ... это скромность съ вашей стороны. Скромность всегда была свойствомъ великодушныхъ характеровъ. Но неужели вы думаете, что благородное дворянство не въ состояннн оцѣнить (*движеніе со стороны Пепельникова*). Не скрывайте... вы любили дѣвушку. Вы хотѣли, если позволительно будетъ такъ выразиться, соединить судьбу свою узами гименея. И чтоже, вы жертвуете своими нѣжными чувствами, своею, такъ сказать, страстью жертвуете отечеству, дворянству... Развѣ это не подвигъ? А, скажите.

Пепельниковъ (*смущенный*). Она отказала мнѣ... Она меня не любить.

Фордабаевъ. Позвольте вамъ не повѣрять, многоуважаемый Петръ Петровичъ! отказать она вамъ не могла. Вы дворянинъ, помѣщикъ! Въ вашихъ жилахъ льется, такъ сказать, славянская кровь!

Пепельниковъ (*улыбнувшись*). А въ ея не славянская?

Фордабаевъ. Ну да, конечно (*сконфузясь*). Это я такъ! (*взглянувъ въ окно*). Э! да вотъ кажется и наши дамы идутъ, и Элень съ ними. Вы не повѣрите въ какой восторгъ вы повергли Элень! Всю ночь не дала мнѣ заснуть. Только что начнутъ лѣтать сонныя видѣнія, а она меня толкъ подъ бокъ! Я, говорить, не могу спать, я все еще боюсь за счастье брата, какъ бы онъ не перемѣнилъ своего намѣренія. А у самой слезы такъ и капаютъ, такъ и капаютъ ко мнѣ на грудь. (*Со вздохомъ*). Да, думаю я себѣ, счастливъ тотъ братъ, у котораго такая сестра!

ДВЕНІЕ ТРЕТЬЕ

ПРЕЖНИЕ и ФОРДАБАЕВА, КРАЮШКИНА, МИРОШКИНА,
ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ и МИРОШКИНЪ (входятъ вмѣстѣ)

Вся (*обступая Пепельникова*). Поздравляемъ васъ! Поздравляемъ!

Мирошкина. Ужь какъ мы рады, батюшка Петръ Петровичъ!

Фордабаева. Ахъ, душа Пьеръ! Какъ я счастлива! Обними меня! Какъ я благодарила Бога! Не правда ли Пьеръ, и не увижу больше этой твари. Ты ее выгналъ?

Пепельниковъ (*запальчиво*). Что она вамъ одѣлала? Оставьте ее въ покоѣ.

ФОРДАБАЕВА (*обидясь*). Я не знала, что она тебѣ дороже родной сестры! Это ужасно! убійственно!

КРАЮШКИНА (*приступая къ Пепельникову*). Охъ, ты голубчикъ мой, какъ же похудѣлъ! Извела бы она тебя, сокола яснаго, кабы не Господь милосердый. — Благодари Всевышняго, голубчикъ! Христіанскими размышленіями душу свою немощную подкрѣплай. Я къ тебѣ Кирюшу-то пришлю. Богоспасаемой бесѣдой съ нимъ займись!

МИРОШКИНА. Ну! разносило васъ съ вашимъ Кирюшкой. Въч-во глупость какую-нибудь выдумаете. Тутъ бы родственныя утѣшенія подавать, а вы еще болѣе разстраиваете...

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ (*хватаясь за голову*). Голова идетъ кругомъ! (*про себя*) хороши!

ФОРДАБАЕВЪ. Господа! Мнѣ кажется, нашъ многоуважаемый родственникъ, нуждается въ успокоеніи.

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ. Да! я усталъ...

ФОРДАБАЕВЪ. Нашъ святой долгъ...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПРЕЖНИЕ и **РАЗГУЛЯЕВЪ** (*вбѣгаетъ и останавливается по среднѣй комнатѣ; онъ въ припадкѣ сильнаго гнѣва, до бѣшенства*)

РАЗГУЛЯЕВЪ (*неистово*). А! Вотъ гдѣ вы собрались, милашки мои! Веселье-то, веселье-то какое у аспидовъ въ лицахъ играетъ! У! Іуды Макаевы!

Всѣ. Что такое? — Что?

РАЗГУЛЯЕВЪ. А! Меланхолію вѣрно на васъ нагналъ собаки! Ч-о? Прижали хвосты! Пойдите, еще не такъ прижмете! Будете каются, да поздно! (*выходя изъ себя*). Ухъ! Такъ бы вотъ взялъ всѣ ваши мордашки подлыя, да въ ступу бы ихъ, да и толокъ бы. Такъ бы тысячу тысячъ, триста восемьдесятъ сто девяносто лѣтъ, толокъ!! — Что? Осовѣли? Что, взяли, а? Посмотрите-ка на меня! Ну, да смотрите же!

(*Всѣ переглядываются*).

КРАЮШКИНА. Охъ, прибѣть!

РАЗГУЛЯЕВЪ. Молчать!

МИРОШКИНА (*Пепельникову*). Уймите его! Что это онъ охальникъ, какъ собака бѣшенная, на всѣхъ бросается.

КРАЮШКИНА (*слезливо*). Испортили голубчика!

ФОРДАБАЕВЪ. Вѣдь это наконецъ оскорбленіе дворянства, — пощрапаніе...

РАЗГУЛЯЕВЪ. Ты у меня молчи! — Молчи лучше! А то, я тебя въ бараній рогъ согну.

ФОРДАБАЕВА. Это... ужасно! Мнѣ... дурно!

РАЗГУЛЯЕВЪ (*приходя еще въ большее бѣшенство*). А! дурно! Первы, видите, у ней слабые... А небось, какъ на шею мнѣ вѣшалась въ саду, такъ ничего! Наслажденіе душевное испытывала! — Такъ вся и замѣла! Я все, все расскажу. Я васъ всѣхъ на свѣжую воду выведу! А вы думали, что я дуракъ, что меня вотъ такъ и провести можно! Аттанде! Всѣхъ въ мочалку совью! Всѣхъ! всѣхъ! всѣхъ! Ухъ! Такъ бы вотъ и задушилъ васъ, милашечки мои!

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ (*приходя въ себя отъ удивленія*). Что съ вами?

РАЗГУЛЯЕВЪ. А! Вы хотите знать, что со мной? Вы хотите это знать. Такъ знайте же! Все что я вамъ говорилъ про Прасковью Михайловну — ложь! Клевета!! Да-съ!

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ (*пораженный*). Какъ?

РАЗГУЛЯЕВЪ. Да! да! ложь! Я... я... былъ подлець передъ вами! (*указывая на всѣхъ*). Ишь, какъ на меня смотрятъ аспиды! Такъ бы вотъ и съѣли! да нѣтъ, подавитесь! Вотъ кто подстрекнулъ меня, вотъ кто! Я не виноватъ, я былъ въ такомъ положеніи... Казенныя денежки ухнулъ! Я дворянинъ!.. Меня ожидала солдатская шинель... У меня есть благородныя чувства... да!.. Меня всѣмъ подлецомъ бы назвали... Я... я рѣшился! Вотъ эти... фурии эти... онѣ мнѣ денегъ обѣщали, если я разстрою свадьбу... честное слово давали... Я... и разстроилъ!.. Обманули! Обманули аспиды, меня!.. Просроченными векселями угощаютъ...

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ (*сильно взволнованъ*). Вы... говорите правду?

РАЗГУЛЯЕВЪ. Лгутъ подлецы, а я подлецомъ никогда не былъ-съ! (*ко всѣмъ*). Что милашки мои... Ухъ! Такъ бы, вотъ! (*дѣлаетъ жестъ*).

МИРОШКИНА (*указывая на Разгулева*). Злость-то, какъ беретъ его...

РАЗГУЛЯЕВЪ. Молчать! Задую всѣхъ (*бросается на нихъ*). Всѣ. Ой! Помогите! разбой! (*всеобщая суматоха*).

ПЕПЕЛЬНИКОВЪ (*взявъ за руку Разгулева*). Оставьте ихъ!

Разгуляевъ. Оставить! Хорошо! Я ихъ оставлю, но... (*созлостью, грозя кулакомъ*). Соками изъ васъ выйдутъ мои денежки! (*быстро уходитъ*).

Пепельниковъ (*съ отчаяніемъ*). И я оскорбилъ эту женщину! (*ко вслѣдъ, съ сдержаннымъ негодованіемъ*). Хороши вы, господа!

Фордабаевъ (*нѣсколько сконфуженный*). Повѣрьте, что только родственныя чувства...

Мирошкина. Вотъ какъ передъ Богомъ, по родственному хотѣли. Ужъ какъ намъ горько-то было, что вы неблагородную за себя берете... Охъ, ужъ какъ горько-то!

Пепельниковъ (*съ жолчью*). Неблагородную! Вы благородны! оклеветать честную дѣвушку... Низкія души! (*уходитъ, сильно взволнованный*)

Фордабаевъ. Однако... хмъ... это непріятно...

Мирошкина. Теперь все лопнуло! Поди, чай прощенья будетъ просить у хамки.

Пивоварова. Женится!.. Видитъ Богъ, женится!

Фордабаевъ (*съ горечью*). А кто виновать? Все эта жила проклятая. Сунули бы въ глотку этому усачу цѣяковыхъ 200, пускай давится. Такъ нѣтъ! на даровщинку хотѣлось! Вотъ теперь и опозорить всю родню! Чего родню — все дворянство опозорить! Ну, что мы теперь станемъ дѣлать? а? скажите мнѣ.

Письмоводитель. Дѣло мизеръ! Одно-съ, къ освидѣтельствуванію приступить.

Фордабаевъ. Хмъ... конечно... признаки есть... оскорбляетъ дворянство, бранится... Человѣкъ въ здоровомъ умѣ не сдѣлаетъ... (*тоскливо*) Только... страшно какъ-то!.. Въ первый разъ такое дѣло... Богъ знаетъ, чѣмъ кончится... результата не предвидишь... Точно въ потьмахъ... предчувствія въ душѣ этакія... не хорошія...

Письмоводитель (*отвѣдя Фордабаева къ сторонѣ*). Не извольте беспокоиться... Бумажку перебѣлнлѣ... Марья Осиповна собственноручно подписала. Въ случаѣ... хе-хе...

Фордабаевъ (*стараясь успокоиться*). Все такъ... благоразумно... Я знаю, ты молодецъ... но все какъ-то... тово... подъ ложечкой давить...

Письмоводитель. Будьте благонадежны, и свидѣтели припасены-съ.

Фордабаевъ. Какіе это!

Письмоводитель. Надежные-съ... Только очень уж не въ своемъ видѣ-съ, такъ я ихъ покамѣсть на кухню отослалъ...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

ПРЕЖНИЕ и ПЕПЕЛЬНИКОВЪ (замѣтно разстроенный)

Пепельниковъ (*про себя*). Она жестоко оскорблена! (*замытывая гостей*) А! Вы еще здѣсь?

Письмоводитель (*Фордабаеву на ухо*). Приступайте, съ Богомъ!

Фордабаевъ (*смуцонъ*). Петръ Петровичъ!.. мы... я... обязанности службы...

Письмоводитель (*Фордабаеву, тихо*). Эхъ, не то! совѣтъ не то! Вы ужъ лучше мнѣ предоставьте вопросные пункты (*подходя къ Пепельникову*). Позвольте васъ спросить: дважды два и того сколько?

Пепельниковъ (*удивленный*). Это что значить? Вы съума сошли!

Письмоводитель (*пишетъ*). Помѣтимъ съ! Свихнулъ! родныхъ не признаетъ. А позвольте васъ спросить, отчего происходитъ солнечное затмѣние?

Пепельниковъ (*выходя изъ себя*). Господа! Что значить эта комедія?

Письмоводитель. Помилуйте-съ, какая комедія! Въ силу закона производимъ освидѣтельствованіе вамъ, въ умопомѣшательствѣ.

Пепельниковъ. А!.. Такъ вы вотъ на какія штуки пустились!

Голосъ Безпрозванной (*за сценой*). Рѣжутъ! рѣжутъ!

Голоса. Ату-ее! ату-ее!

Всѣ. Что такое? Что такое?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

ПРЕЖНИЕ и БЕЗПРОЗВАННАЯ (вся въ слезахъ, вбѣгаетъ)

Безпрозванная (*съ отчаяніемъ*). Охъ, убьетъ злодѣй! (*хватитъ за руку Фордабаева*) Заступитесь добрые люди! (*рыдаетъ*).

Всѣ. Что случилось? а? что?

Безпрозванная (*рыдая*). Охъ, родненькіе мои, золотые мои! Высѣкли меня, сироту беззащитную... Честь мою дворянскую зама-
рали!

Мирошкина. Да, кто?

Безпрозванная (*плача*). Усатый-то этотъ, — офицеръ!

Фордабаевъ. Да кого высѣкли? Высѣкли-то кого?

Безпрозванная. Меня — вдову убогую высѣкли... меня!..
Охъ, на свѣтъ Божій тошнехонько смотрѣть.

Фордабаевъ. Да какъ онъ смѣлъ?

Безпрозванная (*хныча*). Да такъ мать моя, взялъ да и высѣкъ!
Машка мнѣ сегодня опять нагрубила. Я и отослала ее къ вамъ въ
баньку, Петръ Петровичъ, да и сама туда пошла. И наказывать-то
не хотѣла, а такъ, только бы постращать. Прихожу, а тамъ дворни
вашей человѣкъ пять, да все съ розгами. А этотъ, съ усищами-то
своими, стоитъ, да посмѣивается. Я такъ и обомѣла! А онъ какъ
гикнетъ: возьмите, говорить, сей предметъ! я ему отеческое на-
ставленіе пропишу. Тутъ меня сироту цапнули, да на скамейку и
повалили. Охъ, горе мое сиротское! Взмолилась было я, чтобъ хоть
стыдъ вдовій пощадилъ. Ничего, говорить, все равно! Лишь бы ты
раскаяніе душевное почувствовала, да дворовыхъ людей не ѣла ни
за что, ни про что! (*плачетъ*)

Письмоводитель. Понапрасну сокрушаться изволите! Вамъ
бы не плакать, а радоваться слѣдуетъ. Вы женщина неумуцая; мы
заставимъ-съ удовлетворить васъ.

Мирошкина. Съ чего бы онъ еще удовлетворилъ! развѣ усищи
свои отрежетъ!

Безпрозванная (*нѣсколько утѣшенная, письмоводителю*).
Охъ, если бы вашими устами, да медъ пить. Нѣтъ, ужь не такая
моя доля! Мнила и я, что за позоръ мой, хоть малось на бѣдность
мою сиротскую дать. Взмолилась ему; законъ подвести обѣщала.
Такъ онъ какъ гикнетъ мнѣ въ отвѣтъ, а усищи-то такъ и захо-
дили. Я говорить, чѣмъ могу тебя удовлетворить, такъ развѣ велю
еще сто горяченькихъ отпустить. Такъ меня въ холодъ и бросило.
На утекъ я отъ него, золотые мои, а онъ-то собаками почалъ усь-
кать! Охъ, сирота я горемычная.

(Слышенъ почтовый колокольчикъ.)

Пепельниковъ (*встрепенувшись*). Неужели Манаевъ! (*быстро
уходитъ*).

Фордабаевъ (*трусливо*). Что это такое дѣлается? хмъ... Я признаюсь... мнѣ это все... что-то тово!.. Чортъ знаетъ, что мы затѣяли?... какой-то туманъ. Предчувствія нехорошія... однимъ словомъ, скверно!

Письмоводитель (*про себя*). Кто-бы это могъ быть? понавѣдаюсь! (*уходитъ*)

Фордабаевъ (*въ тяжоломъ раздуми*). Гмъ!.. Тошнота какая-то... Подъ ложечкой давить!..

Письмоводитель (*входя*). Хрисанфъ Игнатьичъ! Ямщикъ сказываетъ, губернатора новаго привезъ; только сказывать не приказываетъ...

Фордабаевъ (*пораженный*). Какъ?.. Уфъ!.. въ глазахъ темно!..

Письмоводитель. Вѣрно еще маленькими были съ Петромъ Петровичемъ знакомы.

Фордабаевъ (*выходя изъ забытья*). Да... знакомы... охъ! скверно, скверно!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

ПРЕЖНИЕ, ПЕПЕЛЬНИКОВЪ, МАНАЕВЪ и потомъ ИВАНЪ

Манаевъ (*входя*). Такъ вотъ какіе гуси! (*ко всѣмъ*). Честь имѣю рекомендоваться, губернаторъ здѣшной губерніи (*всѣ тоскливо поглядываютъ другъ на друга*). Вѣроятно имѣю честь говорить съ родственниками моего друга. (*Слышенъ выстрѣлъ*). Что это?

Иванъ (*вбѣгая, Краюшкиной*). Барыня! Ваську-то ихъ благородіе изъ ружья пристрѣлили!

Краюшкина (*съ горящими глазами, удушливымъ голосомъ*). Ваську! Ваську! (*Вдругъ громко зарыдавъ*). Васинька ты мой! Голубчикъ ты мой! На кого ты меня покинулъ, сироту одинокую!

Манаевъ (*встревоженный, Пепельникову*). Что такое?

Письмоводитель (*подбѣгая къ Манаеву*). Не извольте беспокоиться ваше превосходительство. Это котъ у нихъ былъ такой; Васькой прозывался. И котъ-то самый плюгавый. Только они ужь очень его любили; словно сына родного!

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ

ПРЕЖНІЕ И РАЗГУЛЯЕВЪ (все еще въ сильномъ гнѣвѣ)

Краюшкина (*бросаясь къ нему*). Вотъ онъ злодѣй! душегубецъ!

Разгуляевъ. Что? плачешь? Плачь, плачь! Я васъ всѣхъ плакать заставлю! Я изъ васъ соками выжму мои денежки! Гдѣ здѣсь губернаторъ! Говорятъ губернаторъ пріѣхалъ. (*увидя Манашку*) А! Честь имѣю рекомендоваться, ваше превосходительство, ротмистръ Разгуляевъ! Вы... извините... я немного разстроены!.. (*ко всѣмъ*) Что голубчики? сибиркой пахнетъ! (*Манашку*) Позвольте вамъ отрекомендовать сихъ... субъектовъ!

Пепельниковъ (*съ неудовольствіемъ*). Оставьте!

Разгуляевъ (*вспыхнувъ*). Нѣтъ, ужъ извините! Я самъ въ солдаты пойду, а ихъ не оставлю! Въ геенну ввергну; на муки адскія предамъ, милашекъ моихъ! (*Манашку*) Это изволите видѣть дворяне... сумасшедшаго пріѣхали свидѣтельствовать, родственника своего. Вотъ вѣдь какія каналы!

Фордабаевъ (*совершенно растерянный, Манашку*). Ваш... Ваше прево... превосходительство. Священная обязанность... во избѣжаніе огласки... небывалый примѣръ... Дворянская честь, ваше превосходительство!

Письмоводитель (*про себя*). Совѣмъ не то! самъ себя топить! (*Манашку*). По доносу помѣщицы Пивоваровой, ваше превосходительство!

Манашка (*строго взглянувъ на письменоводителя, Фордабаеву*). Извините, я плохо понимаю, о какой дворянской чести вы говорите. Мнѣ кажется есть одна честь, — честь честнаго человѣка. Впрочемъ позвольте мнѣ отложить съ вами бесѣду до болѣе свободнаго времени... (*шепчетъ что-то Пепельникову; оба уходятъ*).

(*Всѣ смотрятъ съ недоумѣніемъ другъ на друга*).

Разгуляевъ. Что? Чтó милашки мои, скорпіоны индѣйскіе! Весело? пріятно? очень пріятно? Тьфу! Плюю я на васъ всѣхъ! (*плюетъ и уходитъ*).

Краюшкина (*заливаясь слезами*). Сирота я горемычная! Васинька! дорогой ты мой, гдѣ твоя душенька теперь? Охъ-хо-хо!

ФОРДАБАЕВЪ *(совершенно растерянный, разводя руками)*.
Чтожъ это такое?.. И онъ... за него!.. Срамъ! Позоръ на всю гу-
бернію!.. Вѣдь это наконецъ реформой пахнетъ!.. Да! рефор-
мой!

С. ФЕДОРОВЪ

Оренбургъ

ГРЕЦІЯ

(Н. О. ЩЕРБИНЪ)

Поэтъ, ты видѣлъ ихъ, развалины святыхъ,
Селеня бѣдныя и храмы вѣковые —
Ты видѣлъ Грецію... и на твои глаза
Являлась горькая художника слеза.
Скажи, когда склонялся подъ тѣнью сиккоморы,
Ты тихо вдаль вперялъ задумчивые взоры,
И море синее плескалось предъ тобой, —
Послушная мечта тебѣ шептала ль страстно
О временахъ иныхъ, странѣ совсѣмъ иной,
Странѣ, гдѣ было все такъ юно и прекрасно?
Гдѣ мысль еще жила о вѣкѣ золотомъ
Безъ крови и безъ слезъ... гдѣ въ блескѣ молодомъ
Обожествленная преданьями народа
Цвѣла и нѣжилась могучая природа;
Гдѣ внемля набожно оракула словамъ,
Довѣрчивый народъ бѣжалъ къ своимъ богамъ
Съ веселой шуткою и рѣчью откровенной;
Гдѣ боги не были угрозой для вселенной,
Но идеалами великими полны...
Гдѣ за преданіемъ не пряталось чувство,
Гдѣ были красотѣ лампы возжены,
Гдѣ Эросъ самъ былъ богъ, а цѣль была искусство,
Гдѣ выше всѣхъ вѣнковъ стоялъ вѣнокъ пѣвца,
Гдѣ предъ напѣвами хіосскаго слѣнца
Склонялись мудрецы, и судьи, и гетэры,
Гдѣ въ мысли знали жизнь, въ любви не знали мѣры, —
Гдѣ все любило, все : со страстью, съ полнотою,
Гдѣ наслажденія безсмертный не боялся,
Гдѣ молодой Нарциссъ своею красотой
Въ томительной тоскѣ до смерти любовался ;

Гдѣ царь предъ статуей любовью пламенѣлъ,
Гдѣ даже лебедя плѣнить умѣла Леда,
И, вѣрно, съ трепетомъ зеленый миртъ глядѣлъ
На грудь Аспазіи, на кудри Ганимеда...

А. АНУХТИНЪ

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕУДАВШАГОСЯ ЛИТЕРАТОРА

РОМАНЪ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ М. М. ДОСТОЕВСКОМУ)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА I

Я всталъ очень рано. Всю ночь я просыпался почти каждые полчаса, подходилъ къ моей бѣдной гостьѣ и внимательно къ ней присматривался. У нея былъ жаръ и легкій бредъ. Но къ утру она заснула крѣпко. Добрый знакъ, подумалъ я, но, проснувшись утромъ, рѣшился поскорѣй, покажѣсть бѣдняжка еще свала, сбѣгать къ доктору. Я зналъ одного доктора, холостого и добродушнаго старичка, съ незапамятныхъ времянь жившаго у Владимірской, вдвоемъ съ своей экономкой и ѣвкой. Къ нему-то я и отправился. Онъ обѣщаль быть у меня въ десять часовъ. Было восемь когда я приходилъ къ нему. Миѣ ужасно хотѣлось зайдти по дорогѣ къ Маслобоеву, но я раздумалъ: онъ вѣрно еще спалъ со вчерашняго, да къ тому же Елена могла проснуться и пожалуй испугалась бы, увидя себя въ моей квартирѣ. Въ болѣзненпомъ своемъ состояніи она могла забыть: какъ, когда и какимъ образомъ попала ко миѣ?

Она проснулась въ ту самую минуту, какъ я входилъ въ комнату. Я подошолъ къ ней и осторожно спросилъ: какъ она себя чувствуетъ? Она не отвѣчала, но долго-долго и пристально на меня смотрѣла своими выразительными черными глазами. Миѣ

показалось изъ ея взгляда , что она все понимаетъ и въ полной памяти. Не отвѣчала же она мнѣ , можетъ быть , по своей всегдшной привычкѣ. И вчера и третьяго дня , какъ приходила ко мнѣ , она на иные мои вопросы , не проговаривала ни слова , а только начинала вдругъ смотрѣть мнѣ въ глаза своимъ длиннымъ , упорнымъ взглядомъ , въ которомъ вмѣстѣ съ недоумѣніемъ и дикимъ любопытствомъ , была еще какая-то странная гордость. Теперь же я замѣтилъ въ ея взглядѣ суровость и даже какъ-будто недоувѣрчивость. Я было приложилъ руку къ ея лбу , чтобъ пощупать , есть ли жаръ , но она молча и тихо , своей маленькой ручкой отвела мою и отвернулась отъ меня лицомъ къ стѣнѣ. Я отошолъ отъ нея , чтобъ ужъ и не беспокоить ее.

У меня былъ большой мѣдный чайникъ. Я уже давно употреблялъ его вмѣсто самовара и кипятилъ въ немъ воду. Дрова у меня были ; дворникъ разомъ наносилъ мнѣ ихъ дней на пять. Я затопилъ печь , сходилъ за водой и наставилъ чайникъ. На столѣ же приготовилъ мой чайный приборъ. Елена повернулась ко мнѣ и смотрѣла на все съ любопытствомъ. Я спросилъ ее , не хочетъ ли и она чего ? Но она опять отъ меня отвернулась и ничего не отвѣтила.

— На меня-то за чтожъ она сердится , подумалъ я. Странная дѣвочка !

Мой старичокъ-докторъ пришолъ , какъ сказалъ , въ десять часовъ. Онъ осмотрѣлъ больную со всей нѣмецкой внимательностью и сильно обнадежилъ меня , сказавъ , что хоть и есть лихорадочное состояніе , но особенной опасности нѣтъ никакой. Онъ прибавилъ , что у ней должна быть другая , постоянная болѣзнь , что-нибудь въ родѣ неправильнаго сердцебіенія , «но что этотъ пунктъ будетъ требовать особенныхъ наблюденій , теперь же она внѣ опасности.» Онъ прописалъ ей микстуру и какихъ-то порошковъ , болѣе для обычая , чѣмъ для надобности и тотчасъ же началъ меня спрашивать : какимъ образомъ она у меня очутилась ? Въ то же время онъ съ удивленіемъ разсматривалъ мою квартиру. Этотъ старичокъ былъ ужасный болтунъ.

Елена же его поразила ; она вырвала у него свою руку , когда онъ щупалъ ея пульсъ и не хотѣла показать ему языкъ. На всѣ вопросы его не отвѣчала ни слова , но все время только пристально смотрѣла на его огромный Станиславъ , качавшійся у него на шеѣ. У нея вѣрно голова очень болитъ , замѣтилъ старичокъ , но

только какъ она глядитъ, какъ глядитъ! Я не почелъ за нужное ему рассказывать о Еленѣ и отговорился тѣмъ, что это длинная исторія.

— Дайте мнѣ знать, если надо будетъ, — сказалъ онъ уходя. А теперь нѣтъ опасности.

Я рѣшился на весь день остаться съ Еленой, и по возможности, до самаго выздоровленія, оставлять ее какъ можно рѣже одну. Но зная, что Наташа и Анна Андревна могутъ измучиться ожидая меня понапрасну, рѣшился хоть Наташу увѣдомить по городской почтѣ письмомъ, что сегодня у ней не буду. Аня же Андревна нелзя было писать. Она сама просила меня, чтобъ я, разъ на всегда, не присылалъ ей писемъ, послѣ того какъ я однажды послалъ было ей извѣстіе во время болѣзни Наташи. И старикъ хмурится, какъ письмо твое увидитъ, говорила она: узнать—то ему очень хочется, сердечному, что въ письмѣ, да и спросить—то нельзя, не рѣшается. Вотъ и разстроится на весь день. Да къ тому же, батюшка, письмомъ—то ты меня только раздражишь. Ну что десять строкъ! Захочется подробнѣе рассказать, а тебя—то и нѣтъ. И потому я написалъ одной Наташѣ, и когда относилъ въ аптеку рецептъ, отправилъ заразъ и письмо.

Тѣмъ временемъ Елена опять заснула. Во снѣ она слегка стояла и вздрагивала. Докторъ угадалъ: у нея сильно болѣла голова. Порой она слегка вскрикивала и просыпалась. На меня она взглядывала даже съ досадою, какъ—будто ей особенно тяжело было мое вниманіе. Признаюсь мнѣ было это очень больно.

Въ одиннадцать часовъ пришолъ Маслобоевъ. Онъ былъ озабоченъ и какъ—будто рассѣянъ; зашолъ онъ только на минутку и очень куда-то торопился.

— Ну, братъ, я ожидалъ, что ты живешь не казисто, замѣтилъ онъ осматриваясь; но право не думалъ, что найду тебя въ такомъ сундукѣ. Вѣдь это сундукъ, а не квартира. Ну да это положимъ ничего, а главная бѣда въ томъ, что тебя всѣ эти постороннія хлопоты только отвлекаютъ отъ работы. Я объ этомъ думалъ еще вчера, когда мы ѣхали къ Бубновой. Я вѣдь, братъ, по натурѣ моей и по социальному моему положенію, принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые сами путнаго ничего не дѣлаютъ, а другимъ паставленія читаютъ, чтобъ дѣлали. Теперь слушай: я можетъ быть завтра или послѣ завтра зайду къ тебѣ, а ты непременно побывай у меня въ воскресенье утромъ. Къ тому вре-

мѣни дѣлю этой дѣвочки, надѣюсь, совсѣмъ окончится; въ тотъ же разъ я съ тобой серьёзно переговорю, потому что за тебя надо серьёзно приняться. Этакъ жить нельзя. Я тебѣ вчера только намекнулъ, а теперь логически представлять буду. Да и наконецъ скажи: чтожь ты, за безчестье что ли, считаешьъ взять у меня денегъ на время?

— Да не ссорься! перерывъ я его. Лучше скажи чѣмъ у васъ тамъ вчера-то кончилось?

— Да что, кончилось благополучнѣйшимъ образомъ и цѣль достигнута, понимаешь? Теперь же мнѣ некогда. На минутку зашолъ только уведомить, что мнѣ некогда и не до тебя; да кстатѣ узнать: что ты ее помѣстишь куда-нибудь, или у себя держать хочешь? Потому это надо обдумать и рѣшить.

— Этого я еще навѣрно не знаю и признаюсь ждалъ тебя, чтобъ съ тобой посоветоваться. Ну на какомъ напримѣръ основаніи я буду ее у себя держать?

— Э, чего тутъ, да хоть въ видѣ служанки...

— Прошу тебя только говори тише. Она хоть и больна, но совершенно въ памяти, и какъ тебя увидала, я замѣтилъ, какъ будто вздрогнула. Значитъ вчерашнее вспомнила...

Тутъ я ему рассказалъ объ ея характерѣ и все, что я въ ней замѣтилъ. Слова мои заинтересовали Маслобоева. Я прибавилъ, что можетъ быть помѣщу ее въ одинъ домъ и слегка рассказавъ ему про моихъ стариковъ. Къ удивленію моему онъ уже отчасти зналъ исторію Наташи и на вопросъ мой: откуда онъ знаетъ?

— Такъ, давно, какъ-то мелькомъ слышалъ, къ одному дѣлу приходилось. Вѣдь я уже говорилъ тебѣ, что знаю князя Валковскаго. Это ты хорошо дѣлаешь, что хочешь отпавить ее къ тѣмъ старикамъ. А то стѣснить она тебя только. Да вотъ еще что: ей нуженъ какой-нибудь видъ. Объ этомъ не безпокойся: на себя беру. Прощай, заходи чаще. Что она теперь спитъ?

— Кажется, отвѣчалъ я.

Но только что онъ ушелъ, Елена тотчасъ же меня окликнула.

— Кто это? спросила она. Голосъ ея дрожалъ, но смотрѣла она на меня все тѣмъ же пристальнымъ и какъ-будто надменнымъ взглядомъ. Иначе я не умѣю выразиться.

Я назвалъ ей фамилию Маслобоева и прибавилъ, что чрезъ него-то я и вырвалъ ее отъ Бубновой, и что Бубнова его очень

бьется. Щеки ея вдругъ загорѣлись, какъ-будто заревою, вѣроятно отъ воспоминаній.

— И она теверь никогда не придетъ сюда? спросила Елена, пытливо смотря на меня.

Я попышился ея обнадежить. Она замолчала, взяла было своими горячими пальчиками мою руку, но тотчасъ же отбросила ея, какъ-будто опомнившись. Не можетъ быть, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ чувствовала ко мнѣ такое отвращеніе, подумалъ я. Это ея манера, или... или просто бѣдняжка видѣла столько горя, что ужь не довѣряетъ никому на свѣтѣ.

Въ назначенное время я сходилъ за лекарствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ знакомый трактиръ, въ которомъ я иногда обѣдалъ и гдѣ мнѣ вѣрили въ долгъ. Въ этотъ разъ, выходя изъ дому, я захваталъ съ собой судки и взялъ въ трактирѣ порцію супу изъ курицы для Елены. Но она не хотѣла ѣсть, и супъ до времени остался въ печкѣ.

Давъ ей лекарство, я сѣлъ за свою работу. Я думалъ, что она спитъ, но нечаянно взглянувъ на нее, вдругъ увидѣлъ, что она приподняла голову и пристально слѣдила какъ я пишу. Я притворился, что не замѣтилъ ея.

Накопецъ она и въ самомъ дѣлѣ заснула и къ величайшему моему удовольствію спокойно, безъ бреда и безъ стонувъ. На меня напало раздумье; Наташа не только могла, не зная въ чемъ дѣло, разсердиться на меня за то, что я не приходилъ къ ней сегодня, но даже, думалъ я, навѣрно будетъ огорчена моимъ невниманіемъ именно въ такое время, когда можетъ быть я ей наиболѣе нуженъ. У нея даже навѣрно могли случиться теперь какія-нибудь хлопоты, какое-нибудь дѣло препоручить мнѣ, а меня, какъ нарочно, и нѣтъ.

Что же касается до Анны Андревны, то я совершенно не зналъ, какъ завтра отговорюсь передъ нею. Я думалъ — думалъ, и вдругъ рѣшился сбѣгать и туда и сюда. Все мое отсутствіе могло продолжаться всего только два часа. Елена же спитъ и не услышитъ какъ я схожу. Я вскочилъ, накинулъ пальто, взялъ фуражку, но только было хотѣлъ выйдти изъ комнаты, какъ вдругъ Елена позвала меня. Я удивился; неужелижъ она притворялась что спитъ?

Замѣчу кстати; хоть Елена и показывала видъ, что какъ-будто не хочетъ говорить со мною, но эти оклики довольно ча-

стые, эта потребность обращаться ко мнѣ со всѣми недоумѣніями, доказывали противное и, признаюсь, были мнѣ даже пріятны.

— Куда вы хотите отдать меня? спросила она вдругъ, когда я къ ней подошелъ. Вообще она задавала свои вопросы, какъ—то вдругъ, совсѣмъ для меня неожиданно. Въ этотъ разъ я даже не сейчасъ ее понялъ.

— Давеча вы говорили съ вашимъ знакомымъ, что хотите отдать меня въ какой—то домъ. Я никуда не хочу.

Я нагнулся къ ней: она была вся въ жару; съ ней былъ опять лихорадочный кризисъ. Я началъ утѣшать ее и обнадеживать; увѣрялъ ее, что если она хочетъ остаться у меня, то я никуда ее не отдамъ. Говоря это, я снялъ пальто и фуражку. Оставить ее одну въ такомъ состояніи, я не рѣшился.

— Нѣтъ, ступайте, ступайте! сказала она, тотчасъ догадавшись, что я хочу остаться. Я спать хочу; я сейчасъ засну.

— Да какъ же ты одна будешь?.. говорилъ я въ недоумѣніи. Я впрочемъ навѣрно черезъ два часа назадъ буду...

— Ну и ступайте. А то я цѣлый годъ больна буду, такъ вамъ цѣлый годъ изъ дому не уходить — и она попробовала улыбнуться и какъ—то странно взглянула на меня, какъ—будто борясь съ какимъ—то добрымъ чувствомъ, отозвавшимся въ ея сердцѣ. Бѣдняжка! Добренькое, пѣжное ея сердце выглядывало наружу, не смотря на всю ея нелюдимость и видимое ожесточение.

Сначала я сбѣгалъ къ Аннѣ Андревнѣ. Она ждала меня съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и встрѣтила упреками; сама же была въ страшномъ безпокойствѣ: Николай Сергѣичъ сейчасъ послѣ обѣда ушелъ со двора, а куда — неизвѣстно. Я предчувствовалъ, что старушка не утерпѣла и рассказала ему все, по своему обыкновенію *намекami*. Она впрочемъ мнѣ почти что призналась въ этомъ сама, говоря, что не могла утерпѣть, чтобъ не подѣлиться съ нимъ такой радостью, но что Николай Сергѣичъ сталъ, по ея собственному выраженію, чернѣе тучи, ничего не сказавъ, «все молчалъ, даже на вопросы мои не отвѣчалъ» и вдругъ послѣ обѣда собрался и былъ таковъ. Рассказывая это, Анна Андревна чуть не дрожала отъ страха и умоляла меня подождать съ ней вмѣстѣ Николая Сергѣича. Я отговорился и сказалъ ей почти наотрѣзъ, что можетъ быть и завтра не приду и что я даже собственно потому и забѣжалъ теперь, чтобы объ

этомъ предупредить. Въ этотъ разъ мы чуть было не поссорились. Она заплакала; рѣзко и горько упрекала меня и только когда я уже выходилъ изъ двери, она вдругъ бросилась ко мнѣ на шею, крѣпко обняла меня обѣими руками и сказала, чтобъ я не сердился на нее «сироту» и не принималъ въ обиду словъ ея.

Скоро я уже былъ у Наташи. Противъ ожиданія я засталъ ее опять одну и, — странное дѣло, мнѣ показалось, что она все не такъ была мнѣ въ этотъ разъ рада, какъ вчера и вообще въ другіе разы. Какъ будто я ей въ чемъ-нибудь досадилъ или помѣшалъ. На мой вопросъ: былъ ли сегодня Алеша? Она отвѣчала: Разумѣется былъ, но недолго. Обѣщался сегодня вечеромъ быть, прибавила она, какъ бы въ раздумьи.

— А вчера вечеромъ былъ?

— Н-нѣтъ. Его задержали, прибавила она скороговоркой. Ну что, Ваня, какъ твои дѣла?

Я видѣлъ, что она хочетъ зачѣмъ-то замать нашъ разговоръ и свернуть на другое. Я оглядѣлъ ее пристальнѣе: она была блѣдна и расстроена. Впрочемъ, замѣтивъ что я пристально слѣжу за ней и въ нее вглядываюсь, она вдругъ быстро и какъ-то гнѣвно взглянула на меня и съ такою силою, что какъ будто обожгла меня взглядомъ. У нея опять горе, подумалъ я, только она говорить мнѣ не хочетъ.

Въ отвѣтъ на ея вопросъ о моихъ дѣлахъ, я рассказалъ ей всю исторію Елены, со всѣми подробностями. Ее чрезвычайно заинтересовалъ и даже поразилъ мой рассказъ.

— Боже мой! И ты могъ ее оставить одну, больную! вскричала она.

Я объяснилъ, что хотѣлъ было совсѣмъ не приходить къ ней сегодня, но думалъ, что она на меня разсердится и что во мнѣ могла быть какая-нибудь нужда.

— Нужда, проговорила она про себя, что-то обдумывая; нужда-то, пожалуй, есть въ тебѣ, Ваня, но лучше ужъ въ другой разъ. Былъ у нашихъ?

Я рассказалъ ей.

— Да; Богъ знаетъ, какъ отецъ приметъ теперь всѣ эти извѣстія. А впрочемъ что и принимать-то...

— Какъ что принимать? спросилъ я — такой переворотъ!

— Да ужъ такъ... Куда жъ это онъ опять пошолъ? Въ тотъ разъ вы думали, что онъ ко мнѣ ходилъ. Видишь Ваня, если мо-

жешь, зайди ко мнѣ завтра. Можетъ быть я кой-что и скажу тебѣ... Совѣстно мнѣ только тебя беспокоить, голубчикъ; а теперь пошелъ бы ты домой къ своей гостьѣ. Не бось, часа два прошло, какъ ты вышелъ изъ дома?

— Прошло. Прощай, Наташа. Ну, а какѣвъ былъ сегодня съ тобой Алеша?

— Да что Алеша, — ничего... Удивляюсь даже твоему любопытству.

— До свиданія, другъ мой.

— Прощай. Она подала мнѣ руку какъ-то небрежно и отвернулась отъ моего послѣдняго прощальнаго взгляда. Я вышелъ отъ нея нѣсколько удивленный. А впрочемъ, подумалъ я, есть же ей объ чемъ и задуматься. Дѣла не шуточные. А завтра все первая же мнѣ и расскажетъ.

Возвратился я домой грустный и былъ страшно пораженъ, только что вошелъ въ дверь. Было уже темно. Я разглядѣвъ, что Елена сидѣла на диванѣ, опустивъ на грудь голову, какъ будто въ глубокой задумчивости. На меня она и не взглянула, точно была въ забытїи. Я подошелъ къ ней; она что-то шептала про себя. Ужъ не въ бреду ли? подумалъ я.

— Елена, другъ мой, что съ тобой? спросилъ я, садясь подлѣ нея и охвативъ ее рукою.

— Я хочу отсюда... Я лучше хочу къ ней, проговорила она, не подымая ко мнѣ головы.

— Куда? къ кому? спросилъ я въ удивленїи.

— Къ ней, къ Бубновой. Она все говоритъ, что я ей должна много денегъ, что она маменьку на свои деньги похоронила... Я не хочу, чтобъ она бранила маменьку... Я хочу у ней работать и все ей заработаю... Тогда отъ нея сама и уйду. А теперь я опять къ ней пойду.

— Успокойся, Елена, къ ней нельзя, говорилъ я. Она тебя замучаетъ; она тебя погубить...

— Пусть погубить, пусть мучаетъ, съ жаромъ подхватила Елена; не я первая; другїи и лучше меня, да мучаются. Это мнѣ нищая на улицѣ говорила. Я бѣдная и хочу быть бѣдная. Всю жизнь буду бѣдная; такъ мнѣ мать велѣла, когда умирала. Я работать буду... Я не хочу это платье носить.

— Я завтра же тебѣ куплю другое. Я и книжки твои тебѣ

привесу. Ты будешь у меня жить. Я тебя никому не отдамъ, если сама не захочешь ; успокойся...

— Я въ работницы наймусь.

— Хорошо, хорошо ! только успокойся, лягь, засни !

Но бѣдная дѣвочка залилась слезами. Мало по малу слезы ея обратились въ рыданія. Я не зналъ, что съ ней дѣлать ; подносить ей воды, мочилъ ей виски, голову. Наконецъ она упала на диванъ въ совершенномъ изнеможеніи, вся отдавшись слезамъ своимъ ; кончилось обморокомъ. Когда она пришла въ чувство, ей было легче, только опять начинался лихорадочный ознобъ. Я укуталъ ее, чѣмъ нашлось, и она заснула, но беспокойно, поминутно вздрагивая и просыпаясь. Хоть я и не много ходилъ въ этотъ день, но усталъ ужасно и разсудилъ самъ лечь какъ можно раньше. Мучительныя заботы роились въ моей головѣ. Я предчувствовалъ, что съ этой дѣвочкой мнѣ будетъ много хлопотъ. Но болѣе всего заботила меня Наташа и ея дѣла. Вообще, вспоминаю теперь, я рѣдко былъ въ такомъ тяжоломъ расположеніи духа, какъ засыпая въ эту несчастную ночь.

ГЛАВА II

Проснулся я больной, поздно, часовъ въ десять утра. У меня кружилась и болѣла голова. Я взглянулъ на постель Елены : постель была пуста. Въ тоже время, изъ правой моеи комнатки, долетали до меня какіе-то звуки, какъ будто кто-то шуркалъ по полу вѣвникомъ. Я вышелъ посмотрѣть : Елена, держа въ рукѣ вѣвникъ и придерживая другой рукою свое нарядное платье, которое она еще и не снимала съ того самаго вечера, мела полъ. Дрова, приготовленныя въ печку, были сложены въ уголку ; со стола стерто, чайникъ вычищенъ ; однимъ словомъ Елена хозяйничала.

— Послушай, Елена, закричалъ я, — кто же тебя заставляетъ полъ мести ? Я этого не хочу, ты больна ; развѣ ты въ работницы пришла ко мнѣ ?

— Кто жъ будетъ здѣсь полъ мести ? отвѣчала она, выпрямляясь и прямо смотря на меня. Теперь я не больна.

— Но я не для работы взялъ тебя, Елена. Ты какъ будто боишься, что я буду попрекать тебя, какъ Бубнова, что ты у

меня даромъ живешь? И откуда ты взяла этотъ гадкій вѣникъ? У меня не было вѣника, прибавилъ я, смотря на нее съ удивленіемъ.

— Это мой вѣникъ. Я его сама сюда принесла. Я и дѣдушкѣ здѣсь полъ мела. А вѣникъ вотъ тутъ, подѣ печкой съ того времени и лежалъ.

Я воротился въ комнату въ раздумьи. Могло быть, что я грѣшилъ; но мнѣ именно казалось, что ей какъ будто тяжело было мое гостепріимство и что она всячески хотѣла доказать мнѣ, что живетъ у меня не даромъ. Въ такомъ случаѣ, какой же это озлобленный характеръ? подумалъ я. Минуты двѣ спустя вошла и она и молча сѣла на свое вчерашнее мѣсто на диванѣ, пылко на меня поглядывая. Между тѣмъ я вскипятить чайникъ, заварилъ чай, налилъ ей чашку и подалъ съ кускомъ бѣлаго хлѣба. Она взяла молча и безпрекословно. Цѣлыя сутки она почти ничего не ѣла.

— Вотъ и платьице хорошенькое запачкала вѣникомъ, сказалъ я, замѣтивъ большую грязную полосу на подолѣ ея юбки.

Она осмотрѣлась и вдругъ, къ величайшему моему удивленію, отставила чашку, ущипнула обѣими руками, повидимому хладнокровно и тихо кисейное полотнище юбки и однимъ взмахомъ разорвала его сверху до низу. Сдѣлавъ это она молча подняла на меня свой упорный, сверкающій взглядъ. Лицо ея было блѣдно.

— Что ты дѣлаешь, Елена, закричалъ я, увѣренный, что вижу передъ собою сумасшедшую.

— Это не хорошее платье, проговорила она, почти задыхаясь отъ волненія. Зачѣмъ вы сказали, что это хорошее платье? Я не хочу его носить, вскричала она вдругъ, вскочивъ съ мѣста и дрожа всѣмъ тѣломъ. Я его изорву. Я не просила ее рядить меня. Она меня нарядила сама, насильно. Я ужъ разорвала одно платье, разорву и это; разорву! разорву! разорву!..

И она съ яростью накинулась на свое несчастное платьице. Въ одинъ мигъ она изорвала его чуть не въ клочки. Когда она кончила, она была такъ блѣдна, что едва стояла на мѣстѣ. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на такое ожесточеніе. Она же смотрѣла на меня какимъ-то вызывающимъ взглядомъ, какъ будто и я былъ тоже въ чемъ-нибудь виноватъ передъ нею. Но я уже зналъ что мнѣ дѣлать.

Я положилъ, не откладывая, сегодня же утромъ купить ей новое платье. На это дикое, ожесточенное существо, нужно было дѣйствовать добротой. Она смотрѣла такъ какъ будто никогда и не видала добрыхъ людей. Если она ужь разъ, не смотря на ожесточенное наказаніе, изорвала въ клочки свое первое, такое же платье, то съ какимъ же ожесточеніемъ она должна была смотрѣть на него теперь, когда оно напоминало ей такую ужасную недавнюю минуту.

На толкучемъ можно было очень дешево купить хорошенькое и простенькое платьице. Бѣда была въ томъ, что у меня въ ту минуту, почти совсѣмъ не было денегъ. Но я еще наканунѣ, ложась вчера спать, рѣшилъ отправиться сегодня въ одно мѣсто, гдѣ была надежда достать ихъ и, какъ разъ, приходилось идти въ ту самую сторону, гдѣ толкучій. Я взялъ шляпу. Елена пристально слѣдила за мной, какъ будто чего-то ждала.

— Вы опять запретете меня? спросила она, когда я взялся за ключъ, чтобъ запереть за собой квартиру, какъ вчера и третьяго дня.

— Другъ мой, сказалъ я, подходя къ ней, — не сердись за это. Я вотому запираю, что можетъ кто-нибудь прійти. Ты же больная, пожалуй испугаешься. Да и Богъ знаетъ кто еще прійдетъ: можетъ быть Бубнова вздумаетъ прійти...

Я нарочно сказалъ ей это. Я запираю ее, потомучто не доверяю ей. Мнѣ казалось, что она вдругъ вздумаетъ уйти отъ меня. До времени я рѣшился быть осторожнѣе. Елена промолчала и я-таки заперъ ее и въ этотъ разъ.

Я зналъ одного антрепренера, издававшего уже третій годъ одну многотомную книгу. У него я часто доставалъ работу, когда нужно было поскорѣй заработать сколько-нибудь денегъ. Платилъ онъ исправно. Я отправился къ нему, и мнѣ удалось получить двадцать пять рублей впередъ, съ обязательствомъ доставить черезъ недѣлю компилятивную статью. Но я надѣялся выгадать время на моемъ романѣ. Это я часто дѣлалъ, когда приходила крайняя нужда.

Добывъ денегъ, я отправился на толкучій. Тамъ скоро я отыскалъ знакомую мнѣ старушку-торговку, продававшую всякое тряпье. Я ей разсказалъ примѣрно ростъ Елены, и она мигомъ выбрала мнѣ свѣтленькое ситцевое, совершенно крѣпкое и не болѣе одного раза мытое платьице, за чрезвычайно-дешовую

цѣну. Кстати ужь я захватилъ и шейный платочекъ. Расплачиваясь, я подумалъ, что надо же Еленѣ хоть какую-нибудь шубейку, мантильку или что-нибудь въ этомъ родѣ. Погода стояла холодная, а у ней ровно ничего не было. Но я отложилъ эту покупку до другого раза. Елена была такая обидчивая, гордая. Господь знаетъ какъ приметъ она еще и это платье, не смотря на то, что я нарочито выбиралъ какъ можно проще и веказистѣе, самое буднишнее, какъ только можно было выбрать. Впрочемъ я все-таки купилъ двѣ пары чулокъ нитяныхъ и одни шерстяные. Это я могъ отдать ей подѣ предлогомъ того, что она больна, а въ комнатѣ холодно. Ей надо было тоже бѣлья. Но все это я оставилъ до тѣхъ поръ, пока поближе съ ней познакомлюсь. За то я купилъ старыя занавѣски къ кровати, — вещь необходимую и которая могла принести Еленѣ большое удовольствіе.

Со всѣмъ этимъ я воротился домой уже въ часъ пополудни. Замокъ мой отпирался почти неслышно, такъ что Елена не сейчасъ услышала, что я воротился. Я замѣтилъ, что она стояла у стола и перебирала мои книги и бумаги. Услышавъ же меня, она быстро захлопнула книгу, которую читала и отошла отъ стола, вся покраснѣвъ. Я взглянулъ на эту книгу: это былъ мой первый романъ, издаанный отдѣльной книжкой и на заглавномъ листѣ котораго выставлено было мое имя.

— А сюда кто-то безъ васъ стучался, сказала она тинимъ тономъ, какъ будто поддразнивая меня: зачѣмъ дескать запералъ?

— Ужъ не докторъ ли, сказалъ я; ты не окликнула его, Елена?

— Нѣтъ.

Я не отвѣчалъ, взявъ узелокъ, развязалъ его и вынулъ купленное платье.

— Вотъ, другъ мой Елена, сказалъ я подходя къ ней; въ такихъ ключьяхъ, какъ ты теперь, ходить нельзя. Я и купилъ тебѣ платье, буднишнее, самое дешовое, такъ что тебѣ нечего безпокоиться; оно всего рубль двадцать копѣекъ стоитъ. Носи на здоровье.

Я положилъ платье подлѣ нея. Она вспыхнула, и смотрѣла на меня нѣкоторое время во всѣ глаза.

Она была чрезвычайно удивлена и вѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ по-

казалось, ей было чего-то ужасно стыдно. Но что-то мягкое, вѣжливое засвѣтилось въ глазахъ ея. Видя, что она молчитъ, я отвернулся къ столу. Поступокъ мой видимо поразилъ ее. Но она съ усиленіемъ перевозмогала себя и сидѣла опустивъ глаза въ землю.

Голова моя болѣла и кружилась все болѣе и болѣе. Свѣжій воздухъ не принесъ мнѣ ни малѣйшей пользы. Между тѣмъ надо было идти къ Наташѣ. Безпокойство мое объ ней не уменьшалось со вчерашняго дня, напротивъ возрастало все болѣе и болѣе. Вдругъ мнѣ показалось, что Елена меня окликнула. Я оборотился къ ней.

— Вы когда уходите, не запирайте меня, проговорила она, смотря въ сторону и пальчикомъ теребя на диванѣ покрывку, какъ-будто бы вся была погружена въ это занятіе.—Я отъ васъ нигде не уйду.

— Хорошо, Елена, я согласенъ. Но если кто-нибудь придетъ чужой? Пожалуй еще Богъ знаетъ кто!

— Такъ оставьте ключъ мнѣ, я и запрусь изнутри; а будутъ стучать, я вѣсмажу: пѣту дома.—И она съ лукавствомъ поглядѣла на меня, какъ бы проговаривая: «вотъ вѣдь какъ это просто дѣлается!»

— Вамъ кто бѣлье моетъ? спросила она вдругъ, прежде чѣмъ я успѣлъ ей отвѣчать что-нибудь.

— Здѣсь, въ этомъ домѣ, есть женщина.

— Я умѣю мыть бѣлье. А гдѣ вы кушанье вчера взяли?

— Въ трактирѣ.

— Я и стряпать умѣю. Я вамъ буду кушанье готовить.

— Полно, Елена; ну что ты можешь умѣть стряпать? Все это ты не къ дѣлу говоришь...

Елена замолчала и потупилась. Ее видимо огорчило мое замѣчаніе. Прошло по крайней мѣрѣ минутъ десять; мы оба молчали.

— Супъ, сказала она вдругъ, не поднимая головы.

— Какъ супъ? Какой супъ? спросилъ я, удивляясь.

— Супъ умѣю готовить. Я для маменьки готовила, когда она была больна. Я и на рынокъ ходила.

— Вотъ видишь, Елена, вотъ видишь какая ты гордая, сказалъ я, подходя къ ней и садясь съ ней на диванъ рядомъ.—Я съ тобой поступаю какъ мнѣ велитъ мое сердце. Ты теперь одна,

безъ родныхъ, несчастная. Я тебѣ помочь хочу. Также бы и ты мнѣ помогла, когда бы мнѣ было худо. Но ты не хочешь такъ разсудить и вотъ тебѣ тяжело отъ меня самый простой подарокъ принять. Ты тотчасъ же хочешь за него заплатить, заработать, какъ-будто я Бубнова и тебя попрекаю. Если такъ, то это стыдно, Елена.

Она не отвѣчала, губы ея вздрагивали. Кажется, ей хотѣлось что-то сказать мнѣ; но она скрѣпилась и смолчала. Я всталъ, чтобъ идти къ Наташѣ. Въ этотъ разъ я оставилъ Еленѣ ключъ, прося ее, если кто придетъ и будетъ стучаться, окликнуть и спросить: кто такой? Я совершенно былъ увѣренъ, что съ Наташей случилось что-нибудь очень нехорошее, а что она до времени таитъ отъ меня, какъ это и не разъ бывало между нами. Во всякомъ случаѣ я рѣшился зайти къ ней только на одну минутку, иначе я могъ раздражить ее моею назойливостью.

Такъ и случилось. Она опять встрѣтила меня недовольнымъ, жесткимъ взглядомъ. Надо было тотчасъ же уйдти; а у меня ноги подкашивались.

— Я къ тебѣ на минутку, Наташа, началъ я,—посоветоваться: что мнѣ дѣлать съ моей гостьей? И я началъ поскорѣй рассказывать все про Елену. Наташа выслушала меня молча.

— Не знаю, что тебѣ посоветовать, Ваня, отвѣчала она. По всему видно, что это престранное существо. Можетъ быть она была очень обижена, очень напугана. Дай ей по крайней мѣрѣ выздоровѣть. Ты ее хочешь къ нашимъ?

— Она все говоритъ, что никуда отъ меня не поидеть. Да и Богъ знаетъ какъ тамъ ее примутъ, такъ что я и не знаю. Ну что, другъ мой, какъ ты? Ты вчера была какъ будто нездорова! спросилъ я ее робѣя.

— Да... у меня и сегодня что-то голова болитъ, отвѣчала она разсѣянно. Не видалъ-ли кого изъ нашихъ?

— Нѣтъ. Завтра схожу. Вѣдь вотъ завтра суббота...

— Такъ что-же?

— Вечеромъ будетъ князь...

— Такъ чтоже? Я не забыла.

— Нѣтъ, я вѣдь только такъ...

Она остановилась прямо предо мной и долго и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза. Въ ея взглядѣ была какая-то рѣшимость, какое-то упорство; что-то лихорадочное, горячешное.

— Знаешь что, Ваня, сказала она: будь добръ, уйди отъ меня, ты мнѣ очень мѣшаешь...

Я всталъ съ креселъ и съ невыразимымъ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Другъ мой, Наташа! Что съ тобой? Что случилось? вскричалъ я въ испугѣ.

— Ничего не случилось! Все, все завтра узнаешь, а теперь я хочу быть одна. Слышишь, Валя: уходи сейчасъ. Мнѣ такъ тяжело, такъ тяжело смотрѣть на тебя!

— Но скажи мнѣ по крайней мѣрѣ...

— Все, все завтра узнаешь! о Боже мой! да уйдешь-ли ты? Я вышелъ. Я былъ такъ пораженъ, что едва помнилъ себя. Мавра выскочила за мной въ сѣни.

— Что, сердится? спросила она меня. — Я ужъ и подступить-ся къ ней боюсь.

— Да что съ ней такое?

— А то, что сегодня съ ней даже обморокъ былъ. Третій день *нашъ-то* носу къ намъ не показывалъ!

— Какъ третій день? спросилъ я въ изумленіи; да она сама вчера говорила, что онъ вчера утромъ былъ, да еще вчера вечеромъ хотѣлъ прѣхать...

— Какое вечеромъ! Онъ и утромъ совсѣмъ не былъ! Говорю тебѣ съ третьяго дня глазъ не кажетъ. Неужто сама вчера сказывала, что утромъ былъ?

— Сама говорила.

— Ну, — сказала Мавра въ раздумьи, — значитъ больно ее это задѣло, когда ужъ передъ тобой признаться не хочетъ, что не былъ. Ну, молодецъ!

— Да чтожъ это такое! вскричалъ я.

— А то такое, что и не знаю, что съ ней дѣлать, продолжала Мавра, разводя руками. — Вчера еще было меня къ нему посылала, да два раза съ дороги воротила. А сегодня, такъ ужъ и со мной говорить не хочетъ. Давеча слышу, какъ будто что-то прошумѣло у ней въ комнатѣ. Заглянула, — она и лежитъ; обморокъ. Такъ тутъ у меня ноги и подкосились. Хоть бы ты его повидалъ. Я ужъ и отойти отъ нея не смѣю.

Я бросился внѣ себя внизъ по лѣстницѣ.

— Къ вечеру-то будешь у насъ? закричала мнѣ вслѣдъ Мавра.

— Тамъ увидимъ, отвѣчалъ я съ дороги. Я можетъ только

къ тебѣ забѣгу и спрошу: что и какъ? Если только самъ живъ буду.

И дѣйствительно почувствовалъ, что меня какъ-будто что ударило въ самое сердце.

ГЛАВА III

Я отправился прямо къ Алешѣ. Онъ жилъ у отца въ Малой Морской. У князя была довольно большая квартира, не смотря на то, что онъ жилъ одинъ. Алеша занималъ въ этой квартирѣ двѣ прекрасныя комнаты. Я очень рѣдко бывалъ у него, до этого раза всего, кажется, однажды. Онъ же заходилъ ко мнѣ чаще, особенно сначала, въ первое время его связи съ Наташей.

Его не было дома. Я прошолъ прямо въ его половину и написалъ ему такую записку:

«Алеша, вы, кажется, сошли съ ума. Такъ какъ вечеромъ во вторникъ, вашъ отецъ самъ просилъ Наташу сдѣлать вамъ честь, быть вашей женою, вы же этой просьбѣ были рады, чему я свидѣтелемъ, то согласитесь сами, ваше поведеніе въ настоящемъ случаѣ, нѣсколько странно. Знаете-ли что вы дѣлаете съ Наташей? Во всякомъ случаѣ моя записка вамъ напомнитъ, что поведеніе ваше предъ вашей будущей женою, въ высшей степени недостойно и легкомысленно. Я очень хорошо знаю, что не имѣю никакого права вамъ читать наставленія; но не обращаю на это никакого вниманія.

P. S. О письмѣ этомъ она ничего не знаетъ и даже не она мнѣ и говорила про васъ».

Я запечаталъ записку и оставилъ у него на столѣ. На вопросъ мой слуга отвѣчалъ, что Алексѣй Петровичъ почти совѣмъ не бываетъ дома, и что и теперь воротится не раньше какъ ночью, передъ разсвѣтомъ.

Я едва дошелъ домой. Голова моя кружилась, ноги ослабѣли и дрожали. Дверь ко мнѣ была отворена. У меня сидѣлъ Николай Сергѣичъ Ихменевъ и дожидался меня. Онъ сидѣлъ у стола и молча, съ удивленіемъ, смотрѣлъ на Елену, которая тоже съ нѣменьшимъ удивленіемъ его разсматривала, хотя упорно молчала. То-то, подумалъ я, она должна ему показаться странною.

— Вотъ, братъ, цѣлый часъ жду тебя и, признаюсь, никакъ

не ожидалъ... тебя такъ найдти, — продолжалъ онъ, осматриваясь въ комнатѣ и непримѣтно мигая миѣ на Елену. Въ глазахъ его изображалось изумленіе. По взглядѣвшись въ него ближе, я замѣтилъ въ немъ тревогу и грусть. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго.

— Садись-ка, садись, — продолжалъ онъ съ озабоченнымъ и хлопотливымъ видомъ; — вотъ, спѣшилъ къ тебѣ, дѣло есть; да что съ тобой? на тебѣ лица нѣтъ.

— Нездоровится. Съ самаго утра кружится голова.

— Ну, смотри, этимъ нечего пренебрегать. Простудился, что-ли?

— Нѣтъ; просто нервный припадокъ. У меня это иногда бываетъ. Да вы-то здоровы-ли?

— Ничего, ничего! Это такъ, сгорлча. Есть дѣло. Садись.

Я придвинулъ стулъ и усѣлся лицомъ къ нему у стола. Старикъ слегка нагнулся ко мнѣ и началъ полупшопотомъ:

— Смотри, не гляди на нее и показывай видъ, какъ будто мы говоримъ о постороннемъ. Это что у тебя за гостя такая сидитъ?

— Послѣ вамъ все объясню, Николай Сергѣичъ. Это бѣдная дѣвочка, совершенная сирота, внучка того самаго Смита, который здѣсь жилъ и умеръ въ кондитерской.

— А, такъ у него была и внучка! Ну, братъ, чудачка же она! какъ глядитъ, какъ глядитъ! просто говорю: еще бы ты явнута пять не пришолъ, я бы здѣсь не высидѣлъ. Насилу отперла и до сихъ поръ ни слова; просто жутко съ ней, на человѣческое существо не похожа. Да какъ она здѣсь очутилась? А, понимаю, вѣрно къ дѣду пришла, не зная что онъ умеръ.

— Да. Она очень была несчастна. Старикъ еще умирая объ ней вспоминалъ.

— Гмъ, каковъ дѣлъ такова и внучка. Послѣ все это мнѣ расскажешь. Можетъ быть можно будетъ и помочь чѣмъ нибудь, такъ чѣмъ нибудь, коль ужъ она такая несчастная... Ну, а теперь, нельзя-ли братъ ей сказать, чтобъ она ушла, потому что поговорить съ тобой надо серьезно.

— Да уйти-то ей некуда. Она здѣсь и живетъ.

Я объяснилъ старикну, что могъ въ двухъ словахъ, прибавивъ что можно говорить и при ней, потому что она дитя.

— Ну, да... конечно дитя. Только ты, братъ, меня ошеломилъ. Съ тобой живетъ, Господи Боже мой!

И старикъ въ изумленіи посмотрѣлъ на нее еще разъ. Елена, чувствуя, что про нее говорятъ, сидѣла молча, потупивъ голову и щипала пальчиками покрывку дивана. Она уже успѣла надѣть на себя новое платьице, которое вышло ей совершенно въ пору. Волосы ея были приглажены тщательнѣе обыкновеннаго, можетъ быть по поводу новаго платья. Вообще, еслибъ не странная дикость ея взгляда, то она была бы премиловидная дѣвочка.

— Коротко и ясно, вотъ въ чемъ, братъ, дѣло, — началъ опять старикъ... длинное дѣло, важное дѣло...

Онъ сидѣлъ потупившись, съ важнымъ и соображающимъ видомъ и, несмотря на свою торопливость и на «коротко и ясно» не находилъ словъ для начала рѣчи. Что-то будетъ? подумалъ я.

— Видишь, Ваня, пришолъ я къ тебѣ съ величайшей просьбой. Но прежде... такъ какъ я самъ теперь соображаю, надо бы тебѣ объяснить нѣкоторыя обстоятельства... чрезвычайно щекотливыя обстоятельства.

Онъ откашлялся и мелькомъ взглянулъ на меня; взглянулъ и покраснѣлъ; покраснѣлъ и разсердился на себя за свою ненаходчивость; разсердился и рѣшился:

— Ну да что тутъ еще объяснять! Самъ понимаешь. Просто за просто я вызываю князя на дуэль, а тебя прошу устроить это дѣло и быть моимъ секундантомъ.

Я отшатнулся на спинку стула и смотрѣлъ на него внѣ себя отъ изумленія.

— Ну что смотришь! я вѣдь не сошолъ съ ума.

— Но позвольте, Николай Сергѣичъ! какой же предлогъ, какая цѣль? и наконецъ, какъ это можно...

— Предлогъ! цѣль! вскричалъ старикъ; вотъ прекрасно!..

— Хорошо, хорошо, знаю что вы скажете; но чему же вы поможете вашей выходкой? какой выходъ представляетъ дуэль? Признаюсь, ничего не понимаю.

— Я такъ и думалъ, что ты ничего не поймешь. Слушай: тяжба наша кончилась (то есть кончится на дняхъ; остаются только однѣ пустыя формальности); я осужденъ. Я долженъ заплатить до десяти тысячъ; такъ присудили. За нихъ отвѣчаетъ Ихменевка. Слѣдственно теперь ужъ этотъ подлый человѣкъ обезпеченъ въ своихъ деньгахъ, а я, предоставивъ Ихменевку, заплатилъ и дѣлаюсь человѣкомъ постороннимъ. Тутъ-то я и поднимаю голову. Такъ и такъ, почтеннѣйшій князь, вы меня

оскорбляли два года; вы позорили мое имя, честь моего семейства и я долженъ былъ все это переносить! я не могъ тогда васъ вызвать на поединокъ. Вы бы мнѣ прямо сказали тогда: «А, хитрый человекъ, ты хочешь убить меня, чтобъ не платить мнѣ денегъ, которыя, ты предчувствуешь, присудятъ тебя мнѣ заплатить, рано-ли, поздно-ли! Нѣтъ, сначала посмотримъ какъ рѣшится тяжба, а потомъ вызывай». Теперь, почтеннѣйшій князь, пропесей рѣшонъ, вы обезпечены, слѣдовательно нѣтъ никакихъ затрудненій, и потому не угодно-ли сюда, къ барьеру. Вотъ въ чемъ дѣло. Чтожъ, по твоему, я не правъ, наконецъ отомстить за себя, за все, за все!

Глаза его сверкали. Я долго смотрѣлъ на него молча. Мнѣ хотѣлось проникнуть въ его тайную мысль.

— Послушайте, Николай Сергѣичъ, — отвѣчалъ я, наконецъ рѣшившись сказать главное слово, безъ котораго мы бы не понимали другъ друга. — Можете-ли вы быть со мною совершенно откровенны?

— Могу, отвѣчалъ онъ съ твердостью.

— Скажите же прямо: одно-ли чувство мщенія побуждаетъ васъ къ вызову, или у васъ въ виду и другія цѣли?

— Ваня, отвѣчалъ онъ, — ты знаешь, что я не позволяю никому въ разговорахъ со мною касаться нѣкоторыхъ пунктовъ; но для теперешняго раза дѣлаю исключеніе, потому что ты своимъ яснымъ умомъ, тотчасъ же догадался, что обойти этотъ пунктъ невозможно. Да, у меня есть и другая цѣль. Эта цѣль: спасти мою погибшую дочь и избавить ее отъ пагубнаго пути, на который ставятъ ее теперь послѣднія обстоятельства.

— Но какъ же вы спасете ее этой дуэлью, вотъ вопросъ?

— Помѣшавъ всему тому, что тамъ теперь затѣвается. Слушай: Не думай, что во мнѣ говоритъ какая нибудь тамъ отцовская нѣжность и тому подобныя слабости. Все это вздоръ! Внутренность сердца моего я никому не показываю. Не знаешь сго и ты. Дочь оставила меня, ушла изъ моего дома съ любовникомъ, и я вырвалъ ее изъ моего сердца, вырвалъ разъ навсегда, въ тотъ самый вечеръ, — помнишь? Если ты видѣлъ меня рыдающимъ надъ ея портретомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что я желаю простить ее. Я не простилъ и тогда. Я плакалъ о потеряномъ счастьи, о тщетной мечтѣ, но не о ней, какъ она теперь. Я можетъ быть и часто плачу; я не стыжусь въ этомъ признаться,

также какъ не стыжусь признаться, что любилъ прежде дитя мое больше всего на свѣтѣ. Все это по видимому противорѣчитъ моему теперешней выходкѣ. Ты можешь сказать мнѣ: Если такъ, если вы равнодушны къ судьбѣ той, которую уже не считаете вашей дочерью, то для чего же вы вмѣшиваетесь въ то, что тамъ теперь затѣвается? Отвѣчаю: во первыхъ, для того, что не хочу дать восторжествовать низкому и коварному человѣку, а во вторыхъ: изъ чувства самаго обыкновеннаго человѣколюбія. Если она мнѣ уже не дочь, то она все таки слабое, незащищенное и обманутое существо, которое обманываютъ еще больше, чтобъ погубить окончательно. Ввязаться въ дѣло прямо, я не могу, а косвенно, дуэлью, могу. Если меня убьютъ, или прольютъ мою кровь, неужели она перешагнетъ черезъ нашъ барьеръ, а можетъ быть черезъ мой трупъ и пойдетъ съ сыномъ моего убійцы къ вѣнцу, какъ дочь того царя (помнишь еще у насъ была книжка, по которой ты учился читать), которая переѣхала черезъ трупъ своего отца въ колесницѣ? Да и наконецъ если пойдетъ на дуэль, такъ князья—то наши и сами свадьбы не захотятъ. Однимъ словомъ, я не хочу этого брака и употреблю всѣ усилія, чтобъ его не было. Понялъ меня теперь?

— Итъ. Если вы желаете Наташѣ добра, то какимъ образомъ вы рѣшаетесь помѣшать ея браку, то есть именно тому, что можетъ возстановить ея доброе имя? Вѣдь ей еще долго жить на свѣтѣ; ей нужно доброе имя.

— А плевать на всѣ свѣтскія мнѣнія, вотъ какъ она должна думать! Она должна сознать, что главнѣйшій позоръ заключается для нея въ этомъ бракѣ, именно въ связи съ этими подлыми людьми, съ этимъ жалкимъ свѣтомъ. Благородная гордость, — вотъ отвѣтъ ей свѣту. Тогда, — тогда можетъ быть и я соглашусь протянуть ей руку и увидимъ кто тогда осмѣлится опозорить дитя мое!

Такой отчаянный идеализмъ изумилъ меня. Но я тотчасъ догадался, что онъ былъ самъ не въ себѣ и говорилъ сгоряча.

— Это слишкомъ идеально, — отвѣчалъ я ему, — слѣдственно жестоко. Вы требуете отъ нея силы, которой, можетъ быть, вы не дали ей при рожденіи. И развѣ она соглашается на бракъ, потому что хочетъ быть княгиней? Вѣдь она любитъ; вѣдь это страсть; это фатумъ. И наконецъ: вы требуете отъ нея презрѣнія къ свѣтскому мнѣнію, а сами передъ нимъ преклоняетесь:

Князь васъ обидѣлъ, публично заподозрилъ васъ въ низкомъ побужденіи обманомъ породниться съ его княжескимъ домомъ, и вотъ вы теперь разсуждаете: если она сама откажетъ имъ теперь, послѣ формальнаго предложенія съ ихъ стороны, то разумѣется это будетъ самымъ полнымъ и явнымъ опроверженіемъ прежней клеветы. Вотъ вы чего добиваетесь, вы поникаете передъ мнѣніемъ самаго князя, вы добиваетесь, чтобъ онъ самъ сознался въ своей ошибкѣ. Васъ тянетъ осмѣять его, отомстить ему и для этого вы жертвуете счастьемъ дочери. Развѣ это не эгоизмъ?

Старикъ сидѣлъ мрачный и нахмуренный и долго не отвѣчалъ мнѣ ни слова.

— Ты несправедливъ ко мнѣ, Ваня,—проговорилъ онъ наконецъ и слеза заблестала на его рѣсницахъ,—клянусь тебѣ несправедливъ, но оставимъ это! Я не могу выворотить передъ тобой мое сердце,—продолжалъ онъ приподнимаясь и берясь за шляпу;—одно скажу: ты заговорилъ сейчасъ о счастья дочери. Я рѣшительно и буквально не вѣрю этому счастью, кромѣ того, что этотъ бракъ и безъ моего вмѣшательства никогда не состоится.

— Какъ такъ! Почему вы думаете? Вы можете быть знаете чтонибудь? — вскричалъ я съ любопытствомъ.

— Нѣтъ; особеннаго ничего не знаю. Но эта проклятая лилица не могла рѣшиться на такое дѣло. Все это вздоръ, одни козни. Я увѣренъ въ этомъ и, помани мое слово, что такъ сбудется. Во вторыхъ: еслибъ этотъ бракъ и сбылся, то есть, въ такомъ только случаѣ, если у того полнца есть свой особый, таинственный, никому неизвѣстный расчетъ, по которому этотъ бракъ ему выгоденъ,—расчетъ, котораго я рѣшительно не понимаю), то рѣши самъ, спроси свое собственное сердце: будетъ-ли она счастлива въ этомъ бракѣ? Попреки, униженія, подруга мальчишки, который ужъ и теперь тяготится ея любовью, а какъ жевится, — тотчасъ же начнетъ ее не уважать, обижать, унижать; въ то же время сила страсти съ ея стороны, по мѣрѣ охлажденія съ другой; ревность, муки, адъ, разводъ, можетъ быть, само преступленіе... нѣтъ, Ваня! если вы тамъ это стряпаете, а ты еще помогаешь, то, предрекаю тебѣ, дашь отвѣтъ Богу, но ужъ будетъ поздно! Прощай!

Я остановилъ его.

— Послушайте, Николай Сергѣичъ, рѣшимъ такъ: подождемъ. Будьте увѣрены, что не одни глаза смотрятъ за этимъ дѣломъ и,

можетъ быть оно разрѣшится самымъ лучшимъ образомъ, само собою, безъ насильственныхъ и искусственныхъ разрѣшеній, какъ на примѣръ эта дуэль. Время—самый лучший разрѣшитель! А, наконецъ, позвольте вамъ сказать, что весь вашъ проектъ совершенно невозможенъ. Неужели-жъ вы могли хоть одну минуту думать, что князь приметъ вашъ вызовъ.

— Какъ не приметъ? Что ты, опомнись!

— Клянусь вамъ, не приметъ и повѣрьте, что найдетъ отговорку совершенно достаточную; сдѣлаетъ все это съ педагогическою важностью, а между тѣмъ вы будете совершенно осмѣяны...

— Помилуй, братецъ, помилуй! Ты меня просто сразилъ послѣ этого! Да какъ же это онъ не приметъ? Нѣтъ, Ваня, ты просто какой-то поэтъ; именно настоящий поэтъ! Да чтожъ, по твоему, неприлично, что-ль со мной драться? Я не хуже его. Я старикъ, оскорбленный отецъ; ты — русскій литераторъ и потому лицо тоже почетное, можешь быть секундантомъ и. . . и... Я ужъ и не понимаю, чего-жъ тебѣ еще надобно?..

— Вотъ увидите. Онъ такіе предлоги подведетъ, что вы сами, вы, первый, найдете, что вамъ съ нимъ драться, — въ высшей степени невозможно.

— Гмъ... хорошо, другъ мой, пусть будетъ по твоему! Я пережду, до известнаго времени разумѣтся. Посмотримъ, что сдѣлаетъ время. Но вотъ что, другъ мой: дай мнѣ честное слово, что ни тамъ, ни Аннѣ Андревнѣ ты не объяснишь нашего разговора?

— Даю:

— Второе, голубчикъ Ваня, сдѣлай милость, не начинай больше никогда со мной говорить объ этомъ.

— Хорошо, даю слово.

— И, наконецъ, еще просьба: Я знаю, мой милый, тебѣ у насъ можетъ быть и скучно, но ходи къ намъ почаще, если только можешь. Моя бѣдная Анна Андревна такъ тебя любитъ и... и... такъ безъ тебя скучаетъ... понимаешь, Ваня?

И онъ крѣпко сжалъ мою руку. Я отъ всего сердца далъ ему обѣщаніе.

— А теперь, Ваня, послѣднее щекотливое дѣло: Есть у тебя деньги?

— Деньги! повторилъ я съ удивленіемъ.

— Да; — в старикъ покраснѣлъ и опустилъ глаза; смотрю я, братъ, на твою квартиру... на твои обстоятельства... и какъ подумаю, что у тебя могутъ быть другія, экстренныя траты (и именно теперь могутъ быть), то... вотъ, братъ, сто пятьдесятъ рублей, на первый случай...

— Сто пятьдесятъ, да еще на первый случай, тогда какъ вы сами проиграли тяжбу!

— Ваня, ты какъ я вижу, меня совсѣмъ не понимаешь! Могутъ быть экстренныя надобности, пойми это. Въ иныхъ случаяхъ деньги способствуютъ независимости положенія, независимости рѣшенія. Можетъ быть тебѣ теперь и не нужно, но не надо-ль на что-нибудь въ будущемъ? Во всякомъ случаѣ, я ихъ у тебя оставляю. Это все, что я могъ собрать. Не истратишь, такъ воротись. А теперь прощай! Боже мой, какой ты бѣдный! да ты весь больной...

Я не возражалъ и взялъ деньги. Слишкомъ ясно было на чтѣ онъ ихъ оставлялъ у меня.

— Я едва стою на ногахъ, отвѣчалъ я ему.

— Не пренебрегай этимъ, Ваня, голубчикъ, не пренебрегай! сегодня никуда не ходи. Аннѣ Андревнѣ такъ и скажу въ какомъ ты положеніи. Не надо-ли доктора? Завтра навѣщу тебя; по крайней мѣрѣ всѣми силами постараюсь, если только самъ буду ноги таскать. А теперь легъ бы ты... Ну прощай. Прощай дѣвочка; отворотилась! Слушай другъ мой! вотъ еще пять рублей; это дѣвочки. Ты впрочемъ ей не говори, что я далъ, а такъ, просто истрать на нее, ну тамъ башмачонки какіенибудь, бѣлье... мало-ль что понадобится! Прощай, другъ мой...

Я проводилъ его до воротъ. Миѣ нужно было попросить дворника сходить за кушаньемъ. Елена до сихъ поръ не обѣдала...

ГЛАВА IV

Но только что я воротился къ себѣ, голова моя закружилась, и я упалъ посреди комнаты. Помню только крикъ Елены: она вслеснула руками и бросилась ко мнѣ поддержать меня. Это было послѣднее мгновеніе, уцѣлѣвшее въ моей памяти...

Помню потомъ себя уже на постели. Елена рассказывала мнѣ впоследствии, что она вмѣстѣ съ дворникомъ, принесшимъ въ это время намъ кушанье, перенесла меня на диванъ. Нѣсколько разъ я просыпался, и каждый разъ видѣлъ склонившееся надо мной сострадательное, заботливое личико Елены. Но все это я помню какъ сквозь сонъ, какъ въ туманѣ, а личный образъ бѣдной дѣвочки мелькалъ передо мной, среди забытья, какъ видѣнье, какъ картинка; она подносила мнѣ вѣдь, оправляла меня на постели, или сидѣла передо мной, грустная, испуганная и приглаживала своими пальчиками мои волосы. Одинъ разъ вспоминаю ея тихій поцѣлуй на моемъ лицѣ. Въ другой разъ, вдругъ очувшись ночью, при свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи, стоявшей передо мной на придвинутомъ къ дивану столикѣ, я увидѣлъ, что Елена прилегла лицомъ на мою подушку и пугливо спала, полураскрывъ свои блѣдныя губки и приложивъ мою ладонь къ своей теплой щочкѣ. Но очнулся я хорошо уже только рано утромъ. Свѣча догорѣла вся; яркій, розовый лучъ начинавшейся зари уже игралъ на стѣнѣ. Елена сидѣла на стулѣ передъ столомъ и, склонивъ свою усталую головку на лѣвую руку, улегшуюся на столѣ, крѣпко спала, и помню, я заглядѣлся на ея дѣтское личико, полное и во снѣ какъ-то недѣтско-грустнаго выраженія, и какой-то странной, болѣзненной красоты; блѣдное съ стрѣльчатými длинными рѣсницами на худенькихъ щекахъ, обрамленное черными какъ смола волосами, густо и тяжело ниспадавшими небрежно завязаннымъ узломъ на сторону. Другая рука ея лежала на моей подушкѣ. Я тихо-тихо поцѣловалъ эту худенькую ручку, но бѣдное дитя не проснулось, только какъ-будто улыбка проскользнула на ея блѣдныхъ губкахъ. Я смотрѣлъ — смотрѣлъ на нее и тихо заснулъ покойнымъ, цѣлительнымъ сномъ. Въ этотъ разъ я проспалъ чуть не до полудня. Проснувшись, я почувствовалъ себя почти выздоровѣвшимъ. Только слабость и тягость во всѣхъ членахъ свидѣтельствовали о недавней болѣзни. Подобные нервныя и быстрые припадки бывали со мною и прежде; я зналъ ихъ хорошо. Болѣзнь обыкновенно почти совсѣмъ проходила въ сутки; что впрочемъ не мѣшало ей дѣйствовать въ эти сутки сурово и круто.

Былъ уже почти полдень. Первое что я увидѣлъ, это протиснутымъ въ углу, на шуркѣ занавѣсы, купленнымъ мною вчера. Распорядилась Елена и отмежевала себѣ въ комнатѣ особый уго-

локъ. Она сидѣла передъ печкой и кипятила чайникъ. Замѣтивъ, что я проснулся, она весело улыбнулась и тотчасъ же подошла ко мнѣ.

— Голубчикъ ты мой, сказалъ я, взявъ ее за руку, — ты цѣлую ночь за мной смотрѣла. Я и не зналъ, что ты такая добрая.

— А вы почему знаете, что я за вами смотрѣла; можетъ быть я всю ночь проспала? спросила она, смотря на меня съ добродушнымъ и стыдливимъ лукавствомъ и въ то же время застѣнчиво краснѣя отъ своихъ словъ.

— Я просыпался и видѣлъ все. Ты заснула только передъ разсвѣтомъ.

— Хотите чаю? перебила она, какъ бы затрудняясь продолжать этотъ разговоръ, что бываетъ со всѣми цѣломудренными и сурово-честными сердцами, когда объ нихъ имъ же заговорять съ похвалою.

— Хочу, отвѣчалъ я. Но обѣдала ли ты вчера?

— Не обѣдала, а ужинала. Дворникъ принесъ. Вы впрочемъ не разговаривайте, а лежите покойно; вы еще не совсѣмъ здоровы, прибавила она, поднося мнѣ чаю и садясь на мою постель.

— Какое лежите! Да сумерекъ впрочемъ буду лежать, а тамъ пойду со двора. Непремѣнно надо, Леночка.

— Ну ужъ и надо! къ кому вы пойдете? Ужъ не къ вчерашнему ли гостю?

— Нѣтъ не къ нему.

— Вотъ и хорошо, что не къ нему. Это онъ васъ разстроилъ вчера. Такъ къ его дочери?

— А ты почему знаешь про его дочь?

— Я вѣдъ все вчера слышала, отвѣчала она потупившись. Лицо ея нахмурилось. Брови сдвинулись надъ глазами.

— Онъ дурной старикъ, прибавила она потомъ.

— Развѣ ты знаешь его? Напротивъ, онъ очень добрый человекъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; онъ злой; я слышала, отвѣчала она съ увлеченіемъ.

— Да что же ты слышала?

— Онъ свою дочь не хочетъ простить...

— Но онъ любитъ ее. Она передъ нимъ виновата, а онъ объ ней заботится, мучается.

— А зачѣмъ не прощаетъ? Теперь какъ простить, дочь и не шла бы къ нему.

— Какъ-такъ? Почему же?

— Потому что онъ не стоитъ, чтобъ его дочь любила, отвѣчала она съ жаромъ. — Пусть она уйдетъ отъ него навсегда и лучше пусть милостыню просить, а онъ пусть выдастъ, что дочь просить милостыню, да мучается.

Глаза ея сверкали, щочки загорѣлись. Вѣрно она не съ престу такъ говорить, подумалъ я про себя.

— Это вы меня къ нему—то въ домъ хотѣли отдать? прибавила она помолчавъ.

— Да, Елена.

— Нѣтъ, я лучше въ служанки наймусь.

— Ахъ, какъ не хорошо это все, что ты говоришь, Леночка. И какой вздоръ: ну къ кому ты можешь наняться?

— Ко всякому мужику, нетерпѣливо отвѣчала она, все болѣе и болѣе потупляясь. Она была примѣтно вспылчива.

— Да мужику и не надо такой работницы, сказалъ я, усмѣхаясь.

— Ну къ господамъ.

— Съ твоимъ ли характеромъ жить у господъ?

— Съ моимъ. Чѣмъ болѣе раздражалась она, тѣмъ отрывистѣе отвѣчала.

— Да ты не выдержишь.

— Выдержу. Меня будутъ бранить, а я буду нарочно молчать. Меня будутъ бить, а я буду все молчать, все молчать, пусть бьютъ, ни за что не заплачу. Имъ же хуже будетъ отъ злости, что я не плачу.

— Что ты Елена! Сколько въ тѣбѣ озлобленія; и гордая ты какая! Много, знать, ты видѣла горя...

Я всталъ и подошелъ къ моему большому столу. Елена осталась на диванѣ, задумчиво смотря въ землю и пальчиками щипала покрывку. Она молчала. Разсердилась, что ли она на мои слова? думалъ я.

Стоя у стола, я машинально развернулъ вчерашнія книги, взятые мною для компиляціи и мало по малу завлекся чтеніемъ. Со мной это часто случается: подойду, разверну книгу на минутку справиться, и читаюсь такъ, что забуду все.

— Что вы тутъ все пишете? съ робкой улыбкой спросила Елена, тихонько подойдя къ столу.

— А такъ, Леночка, всякую всячину. За это мнѣ деньги даютъ.

— Просьбы?

— Нѣтъ не просьбы. И я объяснилъ ей сколько могъ, что описываю разныя исторіи, про разныхъ людей: изъ этого выходятъ книги, которыя называются повѣстями и романами. Она слушала съ большимъ любопытствомъ.

— Что же, вы тутъ все правду описываете?

— Нѣтъ, выдумываю.

— Зачѣмъ же вы неправду пишете?

— А вотъ прочти, вотъ видишь, вотъ эту книжку; ты ужь разъ ее смотрѣла. Ты вѣдь умѣешь читать?

— Умѣю.

— Ну вотъ и увидишь. Эту книжку я написалъ.

— Вы? прочту...

Ей что-то очень хотѣлось мнѣ сказать, но она очевидно затруднялась и была въ большомъ волненіи. Подъ ея вопросами что-то крылось.

— А вамъ много за это платять? спросила она наконецъ.

— Да какъ случится. Иногда много, а иногда и ничего нѣтъ, потомучто работа не работается. Эта работа трудная, Леночка.

— Такъ вы не богатый?

— Нѣтъ не богатый.

— Такъ я буду работать и вамъ помогать...

Она быстро взглянула на меня, вспыхнула, опустила глаза и ступивъ ко мнѣ два шага, вдругъ обхватила меня обѣими руками, а лицомъ крѣпко-крѣпко прижалась къ моей груди. Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Я васъ люблю... я не гордая, проговорила она. — Вы сказали вчера, что я гордая. Нѣтъ, нѣтъ... я не такая... я васъ люблю. Вы только одинъ меня любите...

Но уже слезы задушали ее. Минуту спустя, они вырвались изъ ея груди съ такою силою, какъ вчера во время припадка. Она упала передо мной на колѣни, цѣловала мои руки, ноги...

— Вы спасли меня!.. говорила она, — вы только одинъ, одинъ!..

Она судорожно сжимала мои колѣни своими руками. Все чувство ея, сдерживаемое столько времени, вдругъ разомъ вырвалось наружу въ неудержимомъ порывѣ, и мнѣ стало понятно это странное упорство сердца, цѣломудренно таящаго себя до времени и тѣмъ упорнѣе, тѣмъ суровѣе, чѣмъ сильнѣе потребность излить себя, высказаться, и все это до того неизбежнаго порыва, когда все существо вдругъ до самозабвенія отдается этой потребности любви, благодарности, ласкамъ, слезамъ...

Она рыдала до того, что съ ней сдѣлалась истерика. Наконецъ я развелъ ея руки, обхватившія меня. Я поднялъ ее и отнесъ на диванъ. Долго еще она рыдала, укрывъ лицо въ подушку, какъ будто стыдясь смотрѣть на меня, но крѣдко стиснувъ мою руку въ своей маленькой ручкѣ и не отнимая ея отъ своего сердца.

Мало по малу она утихла; но все еще не подымала ко мнѣ своего лица. Раза два, мелькомъ ея глаза скользнули по моему лицу, и въ нихъ было столько мягкости и какаго-то пугливаго и снова прятавшагося чувства. Наконецъ она покраснѣла и улыбулась.

— Легче ли тебѣ? спросилъ я, — чувствительная ты моя Деночка, большое ты мое дитя?

— Не Деночка, нѣтъ. . прошептала она, все еще пряча отъ меня свое личико.

— Не Деночка? Какъ же?

— Нелли.

— Нелли? Почему же непременно Нелли? Пожалуй, это очень хорошенькое имя. Такъ я тебя и буду звать, коли ты сама хочешь.

— Такъ меня мамаца звала... И никто такъ меня не звалъ, никогда, кромѣ нея... И я не хотѣла сама, чтобъ меня кто звалъ такъ, кромѣ мамаша... А вы зовите; я хочу... Я васъ буду всегда любить, всегда любить...

Любящее и гордое сердечко, подумалъ я; а какъ долго надо мнѣ было заслужить, чтобъ ты для меня стала Нелли. Но теперь я уже зналъ, что ея сердце предано мнѣ на вѣки.

— Нелли, послушай, спросилъ я, какъ только она усюкокоидась... Ты, вѣтъ, говоришь, что тебя любила только одна мамаша и никто больше. А развѣ твой дѣдушка не любилъ тебя?

— Не любилъ...

— А вѣдь ты плакала здѣсь о немъ, помнишь, на лѣстницѣ?

Она на минуту задумалась.

— Нѣтъ, не любилъ... Онъ былъ злой. — И какое-то больное чувство выдавилось на ея лицѣ.

— Да вѣдь съ него нельзя было и спрашивать Нелли. Онъ кажется совсѣмъ уже выжилъ изъ ума. Онъ и умеръ, какъ безумный. Вѣдь я тебѣ рассказывала какъ онъ умеръ.

— Да; но онъ только въ послѣдній мѣсяцъ сталъ совсѣмъ забываться. Сидитъ, бывало, здѣсь цѣлый день, и еслибъ я не приходила къ нему, онъ бы и другой и третій день такъ сидѣлъ, не пивши, не ѣвши. А прежде онъ былъ гораздо лучше.

— Когда же прежде?

— Когда еще мамаша не умерла.

— Стало быть это ты ему приносила пить и ѣсть Нелли?

— Да, и я приносила.

— Гдѣ жъ ты брала, у Бубновой?

— Нѣтъ; я никогда ничего не брала у Бубновой, настойчиво проговорила она, какимъ-то вздрогнувшимъ голосомъ.

— Гдѣ же ты брала, вѣдь у тебя ничего не было?

Недав помолчала и страшно поблѣднѣла; потомъ долгимъ-долгимъ взглядомъ посмотрѣла на меня.

— Я на улицу милостыню ходила просить.. Напрошу пять копѣекъ и куплю ему хлѣба и табаку нюхальнаго...

— И онъ позволялъ! Нелли! Нелли!

— Я сначала сама пошла и ему не сказала. А онъ какъ узналъ, потомъ ужъ самъ сталъ меня прогонять просить. Я стою на мосту, прошу у прохожихъ, а онъ ходитъ около моста дожидается; и какъ увидитъ, что мнѣ дали, такъ и бросится на меня и отниметъ деньги, тощю я утаить отъ него хочу, не для него собираю.

Говоря это, она улыбнулась какою-то ѣдкою, горькою улыбкою.

— Это все было, когда мамаша умерла, прибавила она. Тутъ онъ ужъ совсѣмъ сталъ какъ безумный.

— Стало быть, онъ очень любилъ твою мамашу? Какъ же онъ не жилъ съ нею?

— Нѣтъ не любилъ... Онъ былъ злой и ея не прощалъ... какъ вчерашній злой старикъ, проговорила она тихо, совсѣмъ почти шепотомъ и блѣднѣя все больше и больше...

Я вздрогнула. Завязка цѣлаго романа такъ и блеснула въ

моемъ воображеніи. Эта бѣдная женщина, умирающая въ подвалѣ у гробовщика, сиротка дочь ея, навѣщающая изрѣдка дѣдушку, проклявшаго ея мать; обезумѣвшій чудакъ старикъ, умирающій въ кондитерской, послѣ смерти своей собаки!..

— А вѣдь Азорка-то былъ прежде маменькинъ, сказала вдругъ Нелли, улыбаясь какому-то воспоминанію. — Дѣдушка очень любилъ прежде маменьку, и когда мамаша ушла отъ него, у него и остался мамашинъ Азорка. Оттого-то онъ и любилъ такъ Азорку... Мамашу не простилъ, а когда собака умерла, такъ самъ умеръ, сурово прибавила Нелли, и улыбка исчезла съ лица ея.

— Нелли, кто жъ онъ былъ такой прежде? спросилъ я, пождавъ немного.

— Онъ былъ прежде богатый... Я не знаю кто онъ былъ, отвѣчала она. У него былъ какой-то заводъ... Такъ мамаша мнѣ говорила. Она думала, что я маленькая и всего мнѣ не говорила. Она ужасно боялась мнѣ про себя и про дѣдушку рассказывать. Все бывало цѣлуешь меня, а сама говорить: все узнаешь; прійдетъ время, узнаешь, бѣдная, несчастная! и все меня бѣдной и несчастной звала. И когда ночью бывало думаетъ, что я сплю (а я нарочно, не сплю, притворюсь что сплю), она все плачетъ надо мной, цѣлуешь меня и говорить: бѣдная, несчастная!

— Отчего же умерла твоя мамаша?

— Отъ чахотки; теперь шесть недѣль будетъ.

— А ты помнишь, когда дѣдушка былъ богатъ?

— Да вѣдь я еще тогда не родилась. Мамаша еще прежде, чѣмъ я родилась, ушла отъ дѣдушки.

— Съ кѣмъ же ушла?

— Не знаю, отвѣчала Нелли, тихо и какъ бы задумываясь. Она за границу ушла, а я тамъ и родилась.

— За границей? Гдѣ же?

— Въ Швейцаріи. Я вездѣ была, и въ Италіи была, и въ Парижѣ была.

Я удивился. И ты помнишь, Нелли?

— Много помню.

— Какже ты такъ хорошо по русски знаешь, Нелли?

— Мамаша меня еще и тамъ учила по русски. Она была русская, потому что ея мать была русская, а дѣдушка былъ англи-

чанинъ, но тоже какъ русскій. А какъ мы сюда съ мамашей воротились полтора года назадъ, я и научилась совѣтъ. Мамаша была уже тогда больная. Тутъ мы стали все бѣднѣе и бѣднѣе. Мамаша все плакала. Она сначала долго отыскивала здѣсь въ Петербургѣ дѣдушку, и все говорила, что передъ нимъ виновата, и все плакала... Такъ плакала, такъ плакала! А какъ узнала, что дѣдушка бѣдный, то еще больше плакала. Она ходила къ дѣдушкѣ, а дѣдушка ее прогналъ. Она къ нему и письма часто писала, онъ все не отвѣчалъ.

— За чѣмъ же мамаша воротилась сюда? Только къ отцу?

— Не знаю. А тамъ намъ такъ хорошо было жить, и глаза Нелли засверкали. — Мамаша жила одна, со мной. У ней былъ одинъ другъ, добрый, какъ вы... Онъ ее еще здѣсь зналъ. Но онъ тамъ умеръ, мамаша и воротилась...

— Такъ съ нимъ-то мамаша твоя и ушла отъ дѣдушки?

— Нѣтъ, не съ нимъ, онъ уже потомъ, долго спустя, встрѣтилъ мамашу... Ужъ и я это помню. Мамаша ушла съ другимъ отъ дѣдушки, а тотъ ее и оставилъ...

— Съ кѣмъ же Нелли?

Нелли взглянула на меня и ничего не отвѣчала. Она очевидно знала съ кѣмъ ушла ее мамаша и кто вѣроятно былъ и ея отецъ. Ей было тяжело даже и мнѣ назвать его имя..

Нелли потупилась и замолчала. Я не хотѣлъ ее мучить вопросами. Это былъ характеръ странный, нервный и пылкій, но подавлявшій въ себѣ свои порывы; симпатичный, но замыкавшійся въ гордость и недоступность. Все время, какъ я ее зналъ, она, не смотря на то, что любила меня всѣмъ сердцемъ своимъ, самую свѣтлую и ясною любовью, почти наравнѣ съ своею умершею матерью, о которой даже не могла вспоминать безъ боли, — не смотря на то, она рѣдко была со мной наружу и, кромѣ этого дня, рѣдко чувствовала потребность говорить со мной о своемъ прошедшемъ; даже напротивъ, какъ-то сурово таялась отъ меня. Но въ этотъ день, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, среди мукъ и судорожныхъ рыданій, прерывавшихъ разговоръ ея, она передала мнѣ все, что наиболѣе волновало и мучило ее въ ея воспоминаніяхъ, и никогда не забуду я этого страшнаго разказа. Но главная исторія ея еще впереди...

Это была страшная исторія; это исторія покинутой женщины, пережившей свое счастье; больной, измученной и оставлен-

ной всѣми; отвергнутой послѣднимъ существомъ, на которое она могла надѣяться, — отцомъ своимъ, оскорбленнымъ когда-то ею и въ свою очередь, выжившимъ изъ ума отъ нестерпимыхъ страданій и униженій. Это исторія женщины, доведенной до отчаянiя; ходившей съ своей дѣвочкой, которую она считала еще ребенкомъ, по холоднымъ, грязнымъ петербургскимъ улицамъ и просившей милостыню; женщины, умиравшей потомъ цѣлые мѣсяцы въ сырѣмъ подвалѣ и которой отецъ отказывалъ въ прощениі до послѣдней минуты ея жизни и только въ послѣднюю минуту опомнившійся и бѣжавшій простить ее, но уже заставшій одинъ холодный трупъ вмѣсто той, которую любилъ больше всего на свѣтѣ. Это былъ страшный рассказъ о таинственныхъ, даже едва понятныхъ отношеніяхъ выжившаго изъ ума старика съ его маленькой внучкой, уже понимавшей его, уже понимавшей, но смотря на свое дѣтство, многое изъ того, до чего не развивается ниою въ цѣлые годы своей обезнеченной и гладкой жизни. Мрачная это была исторія, одна изъ тѣхъ мрачныхъ и мучительныхъ исторій, которыя такъ часто и непримѣтно, почти таинственно, сбываются подъ тяжелымъ петербургскимъ небомъ, въ темныхъ потаенныхъ закоулкахъ огромнаго города, среди вѣбалошняго кипѣнiя жизни, тупого эгоизма, сталкивающихся интересовъ, угрюмаго разврата, скрѣвенныхъ преступленій, среди всего этого кромѣшного ада безземельной и ненормальной жизни...

Но эта исторія еще впереди...

Давно уже наступили сумерки, насталъ вечеръ и только тогда я очнулся какъ бы отъ мрачнаго кошмара и вспомнилъ о настоящемъ.

— Нелли! сказалъ я, — вотъ ты теперь больна, разстроена, а я долженъ тебя оставить одну, взволнованную и въ слезахъ. Другъ мой! прости меня и узнай, что тутъ есть тоже одно любимое и непрощенное существо, несчастное, оскорбленное и покинутое. Она ждетъ меня. Да и меня самого влечетъ теперь послѣ твоего рассказа такъ, что я кажется не перенесу, если не увижу ее сейчасъ, сію минуту...

Но знаю, поняла ли Нелли все что я ей говорилъ. Я былъ

изволиванъ и отъ разсказа и отъ недавней болѣзни; но я бросился къ Наташѣ. Было уже поздно, часъ девятый, когда я вошелъ къ ней.

ГЛАВА V

Еще на улицѣ, у воротъ дома, въ которомъ жила Наташа, я замѣтилъ коляску, и мнѣ показалось, что это коляска князя. Входя къ Наташѣ была съ двора. Только что я сталъ входить на лѣстницу, я везышалъ передъ собой, однимъ всходомъ выше, человѣка, избирашагося оцувью, осторожно, очевидно незнакомаго съ мѣстностью. Мнѣ вообразилось, что это долженъ быть князь; но вскорѣ я сталъ разувѣряться. Незнакомецъ, избравшес на верхъ, ворчалъ и проклиналъ дорогу и все сильнѣе энергичнѣе, чѣмъ выше онъ подымался. Конечно, лѣстница была узкая, грязная, крутая, никогда не освѣщенная; но такихъ ругательствъ, какія начались въ третьемъ этажѣ, я бы ни какъ не могъ приписать князю: избравшійся господинъ ругался какъ излодичъ. Но съ третьяго этажа начался свѣтъ; у Наташинныхъ дверей горѣлъ маленькій фонарь. У самой двери я нагналъ моего знакомяца, и каково же было мое изумленіе, когда я узналъ въ немъ князя. Кажется, ему чрезвычайнѣе было неспрѣтно такъ внезапно столкнуться со мною. Первое мгновение онъ не узнавалъ меня; но вдругъ все лице его преобразилось. Первый, злобный и ненавистный взглядъ его на меня сдѣлался вдругъ прѣвѣтливымъ и веселымъ, и онъ, съ какою-то необыкновенною радостью протянулъ мнѣ обѣ руки.

— Ахъ, это вы! А я только что хотѣлъ было стать на колѣна и молить Бога о спасеніи моей жизни. Слышали какъ я ругался?

И онъ захохоталъ простодушнѣйшимъ образомъ. Но вдругъ лицо его пришло сарѣзаное и заботливое выраженіе.

— И Алеша могъ помѣстить Наталью Николавну въ такой квартирѣ! сказалъ онъ, покачивая головою. — Вотъ эти-то, такъ называемыя мелочи и обозначаютъ человѣка. Я боюсь за него. Онъ добръ, у него благородное сердце, но вотъ вамъ примѣръ: любить безъ памяти, а помѣщаетъ ту, которую любитъ, въ такой камурѣ. Я даже слышалъ, что иногда хлѣба не было, — приба-

вилъ онъ шопотомъ, отыскивая ручку колокольчика. — У меня голова трещить, когда я подумаю о его будущности, а главное о будущности Анны Николавны, когда она будетъ его женой...

Онъ ошибся именемъ и не замѣтилъ того, съ явною досадою не находя колокольчика. Но колокольчика и не было. Я подергалъ ручку замка, и Мавра тотчасъ-же намъ отворила, суетливо встрѣчая насъ. Въ кухнѣ, отдѣлившейся отъ крошечной передней деревянной перегородкой, сквозь отворенную дверь замѣтны были нѣкоторыя приготовленія: все было какъ-то не по всегдашнему, вытерто и вычищено; въ печи горѣлъ огонь; на столѣ стояла какал-то новая посуда. Видно было, что насъ ждали. Мавра бросилась снимать съ насъ наши пальто.

— Алеша здѣсь? спросилъ я ее.

— Не бывалъ, шепнула она мнѣ какъ-то таинственно.

Мы вошли къ Наташѣ. Въ ея комнатѣ не было никакихъ особенныхъ приготовленій; все было постарому. Впрочемъ у нея всегда было все такъ чисто и мило, что нечего было и улучшать. Наташа встрѣтила насъ, стоя передъ дверью. Я пораженъ былъ болѣзненной худобой и чрезвычайной блѣдностью ея лица, хотя румянецъ и блеснулъ на одно мгновение на ея помертвѣвшихъ щекахъ. Глаза были лихорадочные. Она молча и торопливо протянула князю руку, примѣтно суетясь и теряясь. На меня же она и не взглянула. Я стоялъ и ждалъ молча.

— Вотъ и я! дружески и весело заговорилъ князь; — только нѣсколько часовъ какъ воротился. Все это время вы не выходили изъ моего ума (онъ нѣжно поцѣловалъ ея руку); — и сколько, сколько я передумалъ о васъ! Сколько выдумалъ вамъ сказать, передать... Ну, да мы наговоримся! Во первыхъ мой вѣтрогонъ, котораго, я вижу, еще здѣсь гдѣтъ...

— Позвольте, князь, перебила его Наташа, покраснѣвъ и смѣшавшись, — мнѣ надо сказать два слова Ивану Петровичу. Ваня, пойдемъ... два слова...

Она схатила меня за руку и повела за ширмы.

— Ваня, сказала она шопотомъ, заведя меня въ самый темный уголъ: простишь ты меня или нѣтъ?

— Наташа, полно, что ты!..

— Нѣтъ, нѣтъ Ваня, ты слишкомъ часто и слишкомъ много прощаль мнѣ, но вѣдь есть же конецъ всякому терпѣнью. Ты меня никогда не разлюбишь, я знаю, но ты меня назовешь не-

благодарною, а я вчера и третьягодия была предъ тобой неблагодарная, эгоистка, жестокая...

Она вдругъ залилась слезами и прижалась лицомъ къ моему плечу.

— Полно, Наташа, спѣшилъ я разувѣрить ее. — Вѣдь я былъ очень боленъ всю ночь; даже и теперь едва стою на ногахъ, оттого и не заходилъ ни вечеромъ вчера, ни сегодня, а ты и думаешь, что я разсердился... Другъ ты мой дорогой, да развѣ я не знаю, что теперь въ твоей душѣ дѣлается?

— Ну и хорошо... значить простилъ, какъ всегда, — сказала она, смѣясь сквозь слезы и сжимая до боли мою руку. Остальное послѣ. Много надо сказать тебѣ, Ваня. А теперь къ нему...

— Поскорѣй, Наташа; мы такъ его вдругъ оставили...

— Вотъ ты увидишь, увидишь что будетъ, — наскоро шепнула она мнѣ. Я теперь знаю все; все угадала. Винавать всему охъ. Этотъ вечеръ много рѣшить. Пойдемъ!

Я не понялъ, но спросить было некогда. Наташа вышла къ князю съ свѣтлымъ лицомъ. Онъ все еще стоялъ со шляпой въ рукахъ. Она весело передъ нимъ навинилась, взяла у него шляпу, сама придвинула ему стулъ, и мы втроемъ усѣлись кругомъ ея столика.

— Я началъ о моемъ вѣтренникѣ, продолжалъ князь; — я видѣлъ его только одну минуту и то на улицѣ, когда онъ садился ѣхать къ графинѣ Зинаидѣ Федоровнѣ. Онъ ужасно сиѣшилъ и, представьте, даже не хотѣлъ встать, чтобъ войти со мной въ комнаты, послѣ четырехъ дней разлуки. И, кажется, я въ томъ виноватъ, Наталья Николаевна, что онъ теперь не у васъ и что мы пришли прежде него: я воспользовался случаемъ, и такъ какъ самъ не могъ быть сегодня у графини, то далъ ему одно порученіе. Но онъ явится сію минуту.

— Онъ вамъ навѣрно обѣщалъ пріѣхать сегодня? спросила Наташа съ самымъ простодушнымъ видомъ, смотря на князя.

— Ахъ, Боже мой, еще бы онъ не пріѣхалъ; какъ это вы спрашиваете! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, всматриваясь въ нее. — Впрочемъ понимаю: вы на него сердитесь. Дѣйствительно какъ будто дурно съ его стороны, пріѣйти всѣхъ позже. Но, повторяю, виноватъ въ этомъ я, въ чемъ и спѣшу у васъ просить прощенія. Мое порученіе было такого рода, что онъ дѣйствительно могъ съ нимъ замѣшкаться... Вообще же говоря, онъ те-

перь даже въ какомъ-то страшномъ положеніи; я думала объ этомъ въ эти дни и даже рѣшила особенно просить васъ, Наталья Николаевна, не сердиться на него въ нѣкихъ случаяхъ. Онъ легкомысленный, вѣтренникъ; я его не защищаю, но нѣкоторыя особенныя обстоятельства требуютъ, чтобъ онъ не только не оставалъ теперь дома графини и нѣкоторыхъ другихъ связей, но напротивъ, какъ можно чаще являлся бы туда. Именно теперь это даже очень нужно, по нѣкоторымъ моимъ соображеніямъ. Ну а такъ какъ онъ, вѣроятно не выходитъ отъ васъ и забылъ все ма свѣтъ, то пожалуйста не сердитесь, если я буду иногда брать его, часа на два не больше по моимъ порученіямъ. Я увѣрена, что онъ еще ни разу не былъ у книгини К. и такъ досадую, что не успѣлъ давеча распросить его!..

Я взглянула на Наташу. Она слушала князя съ легкой полунасмѣшливой улыбкой. Но онъ говорилъ такъ прямо, такъ натурально. Казалось, не было возможности въ чемъ-нибудь подорвать его.

— И вы вправду не знали, что онъ у меня во все эти дни ни разу не былъ? спросила Наташа, тихимъ и спокойнымъ голосомъ, какъ-будто говоря о самомъ обыкновенномъ для нея происшествіи.

— Какъ! ни разу не былъ? но позвольте, что вы говорите! сказалъ князь, повидимому вѣвъ себя отъ изумленія.

— Вы были у меня во вторникъ, поздно вечеромъ; на другое утро онъ заѣзжалъ ко мнѣ на полчаса, и съ тѣхъ поръ я его не видала ни разу.

— Но это невѣроятно! (онъ изумлялся все болѣе и болѣе) Я именно думала, что онъ не выходитъ отъ васъ. Извините, это такъ странно... просто невѣроятно.

— Но однакожь вѣрно, и какъ жаль: я нарочно ждала васъ, думала отъ васъ-то и узнать гдѣ онъ находится?

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь онъ сейчасъ же будетъ здѣсь! Но то что вы мнѣ сказали, меня до того поразило, что я... признаюсь, я всего ожидала отъ него, но этого... этого!

— Какъ вы изумляетесь! А я такъ думала, что вы не только не станете изумляться, но даже заранее знали, что такъ и будетъ.

— Знала! Вы говорите знала? Но увѣрю же васъ, Наталья Николаевна, что я видѣла его только одну минуту и больше ни-

кого объ немъ не распрашивалъ; и мнѣ странно, что вы мнѣ какъ-будто не вѣрите, продолжалъ онъ оглядывая насъ обо-
ихъ.

— Сохрани Богъ, подхватила Наташа, — я совершенно увѣ-
рена, что вы сказали намъ правду, то есть, что вы его не рас-
прашивали. Но право не знаю отчего мнѣ кажется, даже теперь,
что вы-то и должны были знать, что Алеша, въ его положеніи,
еще не точь въ точь такъ поступить, какъ теперь поступилъ, то
сдѣлаетъ что нибудь совершенно въ этомъ же родѣ; и что знала
вы это еще съ прошлаго вторника, а можетъ быть даже и до
вторника.

И Наташа засмѣялась снова, прямо въ глаза князю, такъ,
что его какъ-будто передернуло.

— Объяснитесь, сказалъ онъ въ замѣшательствѣ.

— Да тутъ нечего и объяснять. Я говорю очень просто. Вы
вѣдь знаете какой онъ вѣтренный, забывчивый. Ну вотъ какъ
ему дана теперь полная свобода, онъ и увлекся.

— Но такъ увлекаться невозможно, тутъ что нибудь да есть,
и только что онъ прійдетъ, я заставлю его объяснить это дѣло.
Но болѣе всего меня удивляетъ, что вы какъ-будто и меня въ
чемъ-то обвиняете, тогда какъ меня даже здѣсь и не было. А
впрочемъ, Наталья Николаевна, я вижу, вы на него очень сердитесь,
— и это понятно; вы вибете на то всѣ права, и... и... ра-
зумѣется я первый и виноватъ, ну хоть потому только, что я пер-
вый подвернулся; не правда-ли? продолжалъ онъ, обращаясь ко
мнѣ съ раздражительною усмѣшкою; не было-бъ меня, виноваты
были бы вы, Иванъ Петровичъ: вѣдь такъ всегда бываетъ на
свѣтѣ.

Наташа вспыхнула.

— Позвольте, Наталья Николаевна, продолжалъ онъ съ до-
стойнствомъ; соглашаюсь, что я виноватъ, но только въ томъ,
что уѣхалъ на другой день послѣ нашего знакомства, такъ что
вы, при нѣкоторой минтельности, которую я замѣчаю въ вашемъ
характерѣ, уже успѣли измѣнить обо мнѣ ваше мнѣніе, тѣмъ бо-
лѣе, что тому способствовали обстоятельства. Не уѣзжалъ бы
я, — вы бы меня узнали лучше, да и Алеша не вѣтренничалъ бы
подъ вашимъ надзоромъ. Сегодня же вы услышите сами, что я на-
говорю ему.

— То есть сдѣлаете, что онъ мною начнетъ тяготиться. Не-

возможно, чтобъ при вашемъ умѣ, вы вправду думали, что такое средство мнѣ поможетъ.

— Такъ ужъ не хотите-ли вы намекнуть, что я нарочно хочу такъ устроить, чтобъ онъ вами тяготился? Вы... вы обижаете меня, Наталья Николавна.

— Я стараюсь какъ можно меньше употреблять намековъ, съ кѣмъ бы я ни говорила, отвѣчала Наташа; — напротивъ, всегда стараюсь говорить какъ можно прямѣе, и вы, можетъ быть, сегодня же убѣдитесь, что я умѣю говорить прямо. Обижать я васъ не хочу, да и не зачѣмъ, хоть ужъ потому только, что вы мовми словами не обидитесь, что бы я вамъ ни сказала. Въ этомъ я совершенно увѣрена, потому что совершенно понимаю наши взаимныя отношенія; вѣдь вы на нихъ не можете смотрѣть серьезно, не правда-ли? Но если я въ самомъ дѣлѣ васъ обидѣла, то готова просить прощенія, чтобъ исполнить передъ вами всѣ обязанности... гостепріимства.

Не смотря на легкій и даже шуточный тонъ, съ которымъ Наташа произнесла эту фразу, со смѣхомъ на губахъ, никогда еще я не видала ее до такой степени раздраженной. Теперь только я понялъ, до чего наболѣю у нея въ сердцѣ въ эти три дня. Загадочныя слова ея: что она уже все знаетъ и обо всемъ догадалась, испугали меня; они прямо относились къ князю. Она измѣнила о немъ свое мнѣніе и смотрѣла на него, какъ на своего врага, — это было очевидно. Она видимо приписывала его вліянію всѣ свои неудачи съ Алешей, и можетъ быть имѣла на это какія нибудь данныя. Я боялся между ними внезапной сцены. Шуточный тонъ ея былъ слишкомъ обнаруженъ, слишкомъ не закрытъ. Последнія же слова ея князю о томъ, что онъ не можетъ смотрѣть на ихъ отношенія серьезно, фраза объ извиненіи по обязанности гостепріимства; ея обѣщаніе, въ видѣ угрозы, доказать ему въ этотъ же вечеръ, что она умѣетъ говорить прямо, — все это было до такой степени дерзко, азвительно и немаскировано, что не было возможности, чтобъ князь не понялъ всего этого. Я видѣлъ, что онъ измѣнился въ лицѣ, но онъ умѣлъ владѣть собою. Онъ тотчасъ же показалъ видъ, что не замѣтилъ этихъ словъ, не понялъ ихъ настоящаго смысла, и разумѣется отдѣлался шуткой.

— Боже меня сохрани требовать извиненій! — подхватилъ онъ смѣясь. Я вовсе не того хотѣлъ, да и не въ моихъ правилахъ

требовать извиненія отъ женщинъ. Еще въ первое наше свиданіе я отчасти предупредилъ васъ о моемъ характерѣ, а потому вы вѣроятно не разсердитесь на меня за одно замѣчаніе, тѣмъ болѣе что оно будетъ вообще о всѣхъ женщинахъ; вы тоже вѣроятно согласитесь съ этимъ замѣчаніемъ, продолжалъ онъ, съ любезностью обращаясь ко мнѣ. Именно я замѣтилъ, что въ женскомъ характерѣ есть такая черта, что если, напримѣръ, женщина въ чемъ виновата, то скорѣй она согласится потомъ, впослѣдствіи, загладить свою вину тысячью ласкъ, чѣмъ въ настоящую минуту, во время самой очевидной улики въ ея проступкѣ, сознаться въ немъ и попросить прощенія. И такъ, если только предположить, что я вами обиженъ, то теперь, въ настоящую минуту, я нарочно не хочу извиненія; мнѣ выгоднѣе будетъ впослѣдствіи, когда вы признаете вашу ошибку и захотите ее загладить передъ мной... тысячью ласкъ. А вы такъ добры, такъ чисты, свѣжи, такъ наружу, что минута, когда вы будете раскаяваться, почувствую это, будетъ очаровательна. А лучше, вмѣсто извиненія, скажите мнѣ теперь, не могу-ли я сегодня же чѣмъ нибудь доказать вамъ, что я гораздо искреннѣе и прямѣе поступаю съ вами, чѣмъ вы обо мнѣ думаете?

Наташа покраснѣла. Мнѣ тоже показалось, что въ отвѣтъ князя слышался какой-то ужь слишкомъ легкій, даже небрежный тонъ, какал-то нескромная шутливость.

— Вы хотите мнѣ доказать, что вы со мной прямы и простодушны? спросила Наташа, съ вызывающимъ видомъ смотря на него.

— Да.

— Если такъ, исполните мою просьбу.

— Заранѣе даю слово.

— Вотъ она: ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ обо мнѣ не беспокоить Алешу ни сегодня ни завтра. Ни одного упрека за то, что онъ забылъ меня; ни одного наставленія. Я именно хочу встрѣтить его такъ, какъ будто ничего между нами не было, чтобъ онъ и замѣтить ничего не могъ. Мнѣ это надо. Дадите вы мнѣ такое слово?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ князь, — и позвольте мнѣ прибавить отъ всей души, что я рѣдко въ комъ встрѣчалъ болѣе благоразумнаго и яснаго взгляда на такія дѣла... Но вотъ кажется и Алеша.

Дѣйствительно въ передней послышался шумъ. Наташа вдругъ поблѣднѣла; рука ея, лежавшая на столѣ, задрожала. Князь сидѣлъ съ серьезною миною и ожидалъ что-то будетъ; онъ пристально слѣдилъ за Наташей. Но дверь открылась, и къ намъ влетѣлъ Алеша.

ГЛАВА VI

Онъ именно влетѣлъ съ какимъ-то сіяющимъ лицомъ, радостный, веселый. Видно было, что онъ весело и счастливо провелъ эти четыре дня. На немъ какъ-будто написано было, что онъ хотѣлъ намъ что-то сообщить.

— Вотъ и я! провозгласилъ онъ на всю комнату. — Тотъ, которому бы надо быть раньше всѣхъ, пришелъ позже всѣхъ. Но сейчасъ узнаете все, все, все! Давеча, напаша, мы съ тобой двухъ словъ не успѣли сказать, а мнѣ много надо было сказать тебѣ. Это онъ мнѣ только въ добрыя свои минуты позволяетъ говорить себѣ: *ты*, прервалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — ей Богу въ иное время запрещаетъ, и какая у него вдругъ является тактика: начинаетъ самъ говорить мнѣ *вы*. Но съ этого дня я хочу, чтобъ у него всегда были добрыя минуты и сдѣлаю такъ! Вообще я весь перемѣнился въ эти четыре дня, совершенно, совершенно перемѣнился и все вамъ расскажу. Но это впереди. А главное теперь: вотъ она! вотъ она! опять! Наташа, голубчикъ, здравствуй, ангелъ ты мой! говорилъ онъ, усаживаясь подлѣ нея и жадно цѣлуя ея руки, — тосковалъ-то какъ я по тебѣ въ эти дни! Но, что хочешь! — не могъ! Урваться не могъ. Голубчикъ ты мой! какъ-будто ты похудѣла немножко, блѣденькая какая, о милая!

Онъ въ восторгѣ покрывалъ ея руки поцѣлуями, жадно смотрѣлъ на нее своими прекрасными глазами, какъ-будто не могъ наглядѣться. И столько было любви въ его глазахъ! Я взглянулъ на Наташу и по лицу ея угадалъ, что у насъ были однѣ мысли: онъ былъ вполнѣ невиненъ. Да и когда, какъ этотъ *невинный* могъ-бы сдѣлаться виноватымъ? Яркій румянецъ прилилъ вдругъ къ блѣднымъ щекамъ Наташи, точно вся кровь, собравшаяся въ ея сердцѣ, отхлынула вдругъ въ голову. Глаза ея засверкали, и она гордо взглянула на князя.

— Но гдѣ же... ты былъ... столько дней? проговорила она здержаннымъ и прерывающимся голосомъ. Она тяжело и неровно дышала. Боже мой, какъ она любила его!

— То-то я есть, что я въ самомъ дѣлѣ какъ-будто виноватъ передъ тобой; да что: *какъ-будто!* разумѣется виноватъ, и самъ это знаю, и пріѣхалъ съ тѣмъ, что знаю. Катя вчера и сегодня говорила мнѣ, что не можетъ женщина простить такую небрежность (вѣдь она все знаетъ, что было у насъ здѣсь во вторникъ; я на другой же день рассказалъ). Я съ ней спорилъ, доказывалъ ей, говорилъ что эта женщина называется *Наташа*, и что во всемъ свѣтѣ можетъ быть только одна есть равная ей: это Катя; и я пріѣхалъ сюда разумѣется зная, что я выигралъ въ спорѣ. Развѣ такой ангелъ какъ ты, можетъ не простить? Развѣ ты, узнавъ мое сердце, могла бы въ немъ хоть на минутку усомниться. «Не былъ, стало-быть непременно что-нибудь помѣшало, а не то что разлюбилъ» — вотъ какъ будетъ думать моя Наташа! Да и какъ тебя разлюбить? Развѣ возможно? Все сердце изболѣло у меня по тебѣ. Но я все-таки виноватъ! А когда узнаешь все, меня же первая оправдаешь! Сейчасъ все расскажу, мнѣ надобно излить душу предъ всѣми вами; съ тѣмъ я пріѣхалъ. Хотѣлъ было сегодня (было полминутки свободной) залетѣть къ тебѣ, голубчикъ, чтобъ поцѣловать тебя на лету, но и тутъ неудача: Катя немедленно потребовала къ себѣ, по важнѣйшимъ дѣламъ. Это еще до того времени, когда я на дрожкахъ сидѣлъ, папа, и ты меня видѣлъ; это я другой разъ, по другой запискѣ къ Катѣ тогда ѣхалъ. У насъ вѣдь теперь цѣлые дни скороходы съ записками изъ дома въ домъ бѣгаютъ. Иванъ Петровичъ, вашу записку я только вчера ночью успѣлъ прочесть, а вы совершенно правы во всемъ, что вы тамъ написали. Но что же дѣлать: физическая невозможность! Такъ и подумалъ: завтра вечеромъ во всемъ оправдаюсь; потому что ужь сегодня вечеромъ невозможно мнѣ было не пріѣхать къ тебѣ, Наташа.

— Какая это записка? спросила Наташа.

— О запискѣ послѣ. Впрочемъ вотъ что: онъ у меня былъ, не засталъ разумѣется и сильно разругалъ въ письмѣ, которое мнѣ оставилъ, за то, что къ тебѣ не хожу. И онъ совершенно правъ. Это было вчера.

Наташа взглянула на меня.

— Но если у тебя доставало времени бывать съ утра до вечера у Катерины Федоровны... началъ было князь.

— Знаю, знаю, что ты скажешь, перебилъ Алеша: — «Если могъ быть у Кати, то у тебя должно было быть вдвое причинъ быть здѣсь.» Совершенно съ тобой согласенъ и даже прибавлю отъ себя: не вдвое причинъ, а въ миллионъ больше причинъ! Но во первыхъ, бываютъ же странныя, неожиданныя событія въ жизни, которыя все переищиваютъ и ставятъ вверхъ дномъ. Ну, вотъ и со мной случились такія событія. Говорю же я, что въ эти дни я совершенно измѣнился, весь до конца ногтей; стало-быть были же важныя обстоятельства!

— Ахъ Боже мой, да что же съ тобой было! Не томи пожалуйста! вскричала Наташа, улыбаясь на горячку Алеша.

Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ немного смѣшонъ: онъ торопился; слова вылетали у него быстро, часто, безъ порядка; какой-то стукотней. Ему все хотѣлось говорить, говорить, рассказать. Но, рассказывая, онъ все-таки не покидалъ руки Наташи и непрерывно подносилъ ее къ губамъ, какъ-будто не могъ нацѣловаться.

— Въ томъ-то и дѣло, что со мной было, продолжалъ Алеша: — Ахъ, друзья мои! что я видѣлъ! что дѣлалъ! какихъ людей узналъ! Во первыхъ Катя: это такое совершенство! Я ее совсѣмъ, совсѣмъ не зналъ до сихъ поръ! И тогда, во вторникъ, когда я говорилъ тебѣ объ ней, Наташа, — помнишь, я еще съ такимъ восторгомъ говорилъ, ну такъ и тогда даже я ее совсѣмъ почти не зналъ. Она сама таилась отъ меня, до самаго теперешняго времени. Но теперь мы совершенно узнали другъ друга. Мы съ ней ужъ теперь на ты. Но начну сначала: Во первыхъ, Наташа, еслибъ ты могла только слышать, что она говорила мнѣ про тебя, когда я на другой день, въ среду, рассказалъ ей, что здѣсь между нами было... А кстати: припоминаю какимъ я былъ глупцомъ передъ тобой, Наташа, когда я пріѣхалъ къ тебѣ тогда утромъ въ среду! Ты встрѣчаешь меня съ восторгомъ, ты вся проникнута новымъ положеніемъ нашимъ; ты хочешь говорить со мной обо всемъ этомъ; ты грустна и въ тоже время шалишь и играешь со мной, а я — такого солиднаго человѣка изъ себя корчу! о глупецъ! глупецъ! вѣдь ей Богу же мнѣ хотѣлось порисоваться, похвастаться, что я скоро буду мужемъ, солиднымъ человѣкомъ, и нашолъ же передъ кѣмъ хва-

статься, — передъ тобой! Ахъ какъ должно-быть ты тогда надо мной смѣлась, и какъ я стоялъ твоей насмѣшки!

И онъ съ грустнымъ, пристыженнымъ видомъ посмотрѣлъ на Наташу. Она тоже какъ-то грустно улыбнулась ему въ отвѣтъ. Князь сидѣлъ молча и съ какой-то торжествующе-пронзительной улыбкой смотрѣлъ на Алешу. Точно онъ радъ былъ, что сынъ высказываетъ себя съ такой легкомысленной и даже смѣшной точки зрѣнья. Весь этотъ вечеръ я прилежно наблюдалъ князя и совершенно убѣдился, что онъ вовсе не любитъ сына, хотя въ свѣтъ и говорили про слишкомъ горячую отцовскую любовь его.

— Послѣ тебя я поѣхалъ къ Катѣ, сыпалъ свой рассказъ Алеша. Я уже сказалъ, что мы только въ это утро совершенно узнали другъ друга, и странно какъ-то это произошло... не помню даже... Нѣсколько горячихъ словъ, нѣсколько ощущений, мыслей прямо высказанныхъ и мы, — сблизились на вѣки. Ты должна, должна узнать ее, Наташа! Какъ она рассказала, какъ она растолковала мнѣ тебя! какъ объяснила мнѣ какое ты сокровище для меня! Мало-по-малу она объяснила мнѣ всѣ свои идеи и свой взглядъ на жизнь; это такая серьезная, такая восторженная дѣвушка! Она говорила о долгѣ, о назначеніи нашемъ, о томъ, что мы всѣ должны служить человечеству, и такъ какъ мы совершенно сошлись, въ какіе-нибудь пять-шесть часовъ разговора, то кончили тѣмъ, что поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ и въ томъ, что во всю жизнь нашу будемъ дѣйствовать вмѣстѣ.

— Въ чемъ же дѣйствовать? съ удивленіемъ спросилъ князь.

— Я такъ измѣнился, отецъ, что все это конечно должно удивлять тебя; даже заранѣе предчувствую всѣ твои возраженія, отвѣчалъ торжественно Алеша. — Всѣ вы люди практическіе, у васъ столько выжитыхъ правилъ, серьезныхъ, строгихъ; на все новое, на все молодое, свѣжее, вы смотрите недоувѣрчиво, враждебно, насмѣшливо. Но теперь ужъ я не тотъ, какимъ ты зналъ меня нѣсколько дней тому назадъ. Я другой! я смѣло смотрю въ глаза всему и всѣмъ на свѣтѣ. Я знаю теперь вотъ что: что всякій человѣкъ знаетъ о себѣ то, чего никто кромѣ него о немъ не знаетъ, и всякій человѣкъ не знаетъ о себѣ чего-нибудь такого, что всякій кромѣ него о немъ знаетъ. Это мнѣ сказала Катя. Поэтому, если человѣкъ узнаетъ наконецъ эту

свою особенность, это самое, чего никто' кромѣ него о немъ не знаетъ, — вотъ ужъ онъ и укрѣпился въ своей индивидуальности. И тогда вѣтъ ему дѣла до того, осудятъ ли его другіе, если онъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Если я знаю, что моя мысль справедлива, я преслѣдую ее до послѣдней крайности; и если я не собою съ дороти, то я честный человѣкъ. Съ меня довольно. Говорите послѣ того что хотите, я въ себя увѣренъ.

— Ого! сказалъ князь насмѣшливо.

Наташа съ безпокойствомъ оглядѣла васъ. Она боялась за Алешу. Ему часто случалось очень невыгодно для себя увлекаться въ разговорѣ, и она знала это. Ей не хотѣлось, чтобъ Алеша выказалъ себя съ смѣшной стороны передъ нами и особенно передъ отцомъ.

— Что ты Алеша! вѣдь это ужъ философія какая-то, сказала она: — тебя вѣрно кто нибудь научилъ... ты бы лучше рассказывалъ.

— Да я и рассказываю! вскричалъ Алеша. — Вотъ видишь: у Кати есть два дальніе родственника, какіе-то кузены, Левинька и Боринька, одинъ студентъ, а другой просто молодой человѣкъ. Она съ ними имѣетъ сношенія, а тѣ — просто необыкновенные люди! Къ графинѣ они почти не ходятъ, по принципу. Когда мы говорили съ Катей о назначеніи человѣка, о призваніи и обо всемъ этомъ, она указала мнѣ на нихъ и немедленно дала мнѣ къ нимъ записку; я тотчасъ же полетѣлъ съ ними знакомиться. Въ тотъ же вечеръ мы сошлись совершенно. Тамъ было человѣкъ двѣнадцать разнаго народа, — студентовъ, офицеровъ, художниковъ; былъ одинъ писатель... они всѣ васъ знаютъ, Иванъ Петровичъ, то есть читали ваши сочиненія и много ждутъ отъ васъ въ будущемъ. Такъ они мнѣ сами сказали. Я говорилъ имъ, что съ вами знакомъ и обѣщалъ имъ васъ познакомить съ ними. Всѣ они приняли меня по-братски, съ распростертыми объятіями. Я съ перваго же разу сказалъ имъ, что буду скоро женатый человѣкъ; такъ они и принимали меня за женатаго человѣка. Живутъ они въ пятомъ этажѣ, подъ крышами; собираются какъ можно чаще, по преимущественно по середамъ къ Левинькѣ и Боринькѣ. Это все молодежь свѣтлая, чистая, свѣжая; все это сгараетъ пламенной любовью ко всему человѣчеству, уваженіемъ къ человѣческому достоинству; всѣ мы говорили о нашемъ настоящемъ, будущемъ, о наукахъ,

о литературѣ, и говорили такъ хорошо, такъ прямо и просто, такъ уповательно хорошо! Туда тоже ходить одинъ гимназистъ. Какъ они обращаются между собой, какъ они благородны! Я не видалъ ничего до сихъ поръ подобнаго! Гдѣ я бывалъ до сихъ поръ? что я видалъ? на чемъ я выросъ? Одна ты только, Наташа, и говорила мнѣ что-нибудь въ этомъ родѣ. Ахъ, Наташа, ты непременно должна познакомиться со всѣми ими; Катя уже знакома. Они говорятъ объ ней съ благоговѣніемъ, и Катя уже говорила Левинькѣ и Боринькѣ, что когда она войдетъ въ права надъ своимъ состояніемъ, то непременно тотчасъ же пожертвуетъ милліонъ на общественную пользу.

— И распорядителями этого милліона вѣрно будутъ Левинька и Боринька и ихъ вся компанія? спросилъ князь.

— Неправда, неправда; стыдно, отецъ, такъ говорить! съ жаромъ вскричалъ Алеша: — я подозреваю твою мысль! А объ этомъ милліонѣ дѣйствительно былъ у насъ разговоръ, и долго рѣшали: какъ его употребить? Рѣшили наконецъ, что прежде всего на общественное просвѣщеніе...

— Да, я дѣйствительно не совсѣмъ зналъ до сихъ поръ Катерину Федоровну, замѣтилъ князь, какъ бы про себя, все съ той же насмѣшливой улыбкой. — И впрочемъ многого отъ нея ожидалъ, во этого...

— Чего этого! прервалъ Алеша: — что тебѣ такъ странно, отецъ! Что это выходитъ нѣсколько изъ порядка дѣйствительности? что никто до сихъ поръ не жертвовалъ милліона, а она жертвуетъ? Это что ли? Но чтожъ если она не хочетъ жить на чужой счетъ; потомучто жить этими милліонами значитъ жить на чужой счетъ (я только теперь это узналъ). Она хочетъ быть полезна отечеству и всѣмъ, и принести на общую пользу свою лепту. Прѣ лепту—то еще мы въ прописяхъ читали, а какъ эта лепта запахла милліономъ, такъ ужъ тутъ и не то? И на чемъ держится все это хваленое благоразуміе, въ которое я такъ вѣрилъ! Что ты такъ смотришь на меня отецъ? Точно ты видишь передъ собой шута, дурачка! Ну чтожъ что дурачокъ! Послушала бы ты, Наташа, что говорила объ этомъ Катя: «Не умъ главное, а то что направляетъ его, — натура, сердце, благородныя свойства, развитіе. Но главное, на этотъ счетъ есть гениальное выраженіе Безмыгина. Безмыгинъ — это знакомый Левиньки и Бориньки и между нами голова и дѣйствительно гениальная

голова! Не далѣе какъ вчера онъ сказалъ къ разговору: дуракъ, сознавшійся что онъ дуракъ, есть уже не дуракъ! какова правда! Такія изрѣченія у него поминутно. Онъ сыплетъ истинами.

— Дѣйствительно гениально! замѣтилъ князь.

— Ты все смѣешься, отецъ. Но вѣдь я отъ тебя ничего никогда не слыхалъ такого, чтобы воспламенило меня, заставило проявить мой умъ, а сердце биться благородными ощущеніями, и отъ всего вашего общества тоже никогда не слыхалъ. У васъ напротивъ все это какъ-то прячуть, все бы пониже къ землѣ, чтобъ всѣ росты, всѣ носы выходили непремѣнно по такимъ-то мѣркамъ, по такимъ-то правиламъ, — точно это возможно! точно это не въ тысячу разъ невозможно, чѣмъ то, объ чемъ мы говоримъ и что думаемъ. А еще называютъ насъ утопистами!

— Но что же, объ чемъ вы говорите и думаете? расскажи, Алеша, я до сихъ поръ какъ-то не понимаю, сказала Наташа.

— Вообще обо всемъ, что ведетъ къ прогрессу, къ гуманности, къ любви; все это говорится по поводу современныхъ вопросовъ. Мы говоримъ о гласности, о начинающихся реформахъ, о любви къ человѣчеству, о современныхъ дѣятеляхъ; мы ихъ разбираемъ, читаемъ. Но главное, мы дали другъ другу слово быть совершенно между собой откровенными и прямо говорить другъ другу все о самихъ себѣ, не стѣсняясь. Только откровенность, только прямота могутъ достигнуть цѣли. Эту идею особенно развиваетъ Безмыгинъ. Я рассказалъ объ этомъ Катѣ и она совершенно сочувствуетъ Безмыгину. И потому мы всѣ подъ руководствомъ Безмыгина дали себѣ слово, дѣйствовать честно и прямо всю жизнь и чтобы ни говорили о насъ, какъ бы ни судили о насъ, — не смущаться ничѣмъ, не стыдиться нашей восторженности, нашихъ увлеченій, нашихъ ошибокъ и идти на прямки. Коли ты хочешь, чтобъ тебя уважали, во первыхъ и главное, уважай самъ себя; только этимъ, только самоуваженіемъ ты заставишь и другихъ уважать себя. Это говоритъ Безмыгинъ и Катя совершенно съ нимъ согласна. Вообще мы теперь уговариваемся въ нашихъ убѣжденіяхъ и положили заниматься изученіемъ самихъ себя порознь, а всѣ вмѣстѣ толковать другъ другу, другъ друга...

— Что за галиматья! вскричалъ князь съ безпокойствомъ: — и кто этотъ Безмыгинъ! Нѣтъ, это такъ оставить нельзя...

— Чего нельзя оставить? подхватилъ Алеша: — слушай, отецъ, почему я говорю все это теперь, при тебѣ? потому что хочу и надѣюсь ввести и тебя въ нашъ кругъ. Я далъ ужъ тамъ за тебя слово. Ты смѣешься, ну, я такъ и зналъ что ты будешь смѣяться! Но выслушай! ты добръ, ты благороденъ и потому долженъ отозваться на мой призывъ. Вѣдь ты не знаешь, ты не видалъ никогда этихъ людей, не слыхалъ ихъ самихъ. Положимъ что ты обо всемъ этомъ слышалъ, все изучилъ; ты ужасно ученъ; но самихъ-то ихъ ты не видалъ, у нихъ не былъ, а потому какъ же ты можешь судить о нихъ вѣрно и окончательно? Ты только воображаешь, что знаешь. Нѣтъ, ты побудь у нихъ, послушай ихъ и тогда, — и тогда я даю слово за тебя, что ты будешь нашъ! А главное, я хочу употребить всѣ средства, чтобъ спасти тебя отъ гибели въ твоемъ обществѣ, къ которому ты такъ прильпился и отъ твоихъ убѣжденій!

Князь молча и съ ядовитѣйшей насмѣшкой выслушалъ эту выходку; злость была въ лицѣ его. Наташа слѣдила за нимъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ. Онъ видѣлъ это, но показывалъ, что не замѣчаетъ. Но какъ только Алеша кончилъ, князь вдругъ разразился смѣхомъ. Онъ даже упалъ на спинку стула, какъ-будто былъ не въ силахъ сдержать себя. Но смѣхъ этотъ былъ рѣшительно выдѣланный. Слишкомъ замѣтно было, что онъ смѣялся единственно для того, чтобъ какъ можно сильнѣе обидѣть и унижить своего сына. Алеша дѣйствительно огорчился; все лицо его изобразило чрезвычайную грусть. Но онъ терпѣливо переждалъ, когда кончится веселость отца.

— Отецъ, началъ онъ грустно: — для чего же ты смѣешься надо мной? Я шолъ къ тебѣ прямо и откровенно. Если по твоему мнѣнію я говорю глупости, вразуми меня, а не смѣйся надо мною. Да и надъ чѣмъ смѣяться? Надъ тѣмъ что свято, чисто, благородно? Ну, пусть я заблуждаюсь, пусть это все невѣрно, ошибочно, пусть я дурачокъ, какъ ты нѣсколько разъ называлъ меня; но если я и заблуждаюсь, то искренно, честно, я не потеряю своего благородства. Я восторгаюсь высокими идеями. Пусть они ошибочны, но основаніе ихъ свято. Я вѣдь сказалъ тебѣ, что ты и всѣ ваши ничего еще не сказали мнѣ такого же, отчего бы могъ воспламениться мой умъ, что направило бы меня, увлекло бы за собой. Опровергни ихъ, скажи мнѣ что-ни-

будь лучше ихняго, и я пойду за тобой, но не смѣйся надо мной, потомучто это очень огорчаетъ меня.

Алеша произнесъ это чрезвычайно благородно и съ какими-то строгимъ достоинствомъ. Наташа съ сочувствіемъ слѣдила за нимъ. Князь даже съ удивленіемъ выслушалъ сына и тотчасъ же перемѣнилъ свой тонъ.

— Я вовсе не хотѣлъ оскорбить тебя, другъ мой, отвѣчалъ онъ: — напротивъ я о тебѣ сожалею. Ты приготовляешься къ такому шагу въ жизни, при которомъ пора бы уже перестать быть такимъ легкомысленнымъ мальчикомъ въ своихъ поступкахъ. Вотъ моя мысль. Я смѣялся невольно и совсѣмъ не хотѣлъ оскорблять тебя.

— Почему же такъ показалось мнѣ? продолжалъ Алеша съ горькимъ чувствомъ. — Почему уже давно мнѣ кажется, что ты смотришь на меня враждебно, съ холодной насмѣшкой, а не какъ отецъ на сына? Почему мнѣ кажется, что еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, я бъ не осмѣялъ такъ оскорбительно своего сына, какъ теперь ты меня. Послушай, отецъ: объяснимся откровенно, сейчасъ, навсегда, такъ чтобъ ужъ не оставалось больше никакихъ недоумѣній. И... я хочу говорить всю правду: когда я вошелъ сюда, мнѣ показалось, что и здѣсь произошло какое-то недоумѣніе; не такъ какъ-то ожидалъ я васъ встрѣтить здѣсь вмѣстѣ. Такъ или нѣтъ? Если такъ, то не лучше ли каждому высказать свои чувства? Сколько зла можно устранить откровенностью!

— Говори, говори Алеша! сказалъ князь. — То что ты предлагаешь намъ очень умно, и я этому вполне сочувствую. Можетъ быть съ этого и надо было начать, прибавилъ онъ, взглянувъ на Наташу.

— Не разсердись же за полную мою откровенность, началъ Алеша, — ты самъ ее хочешь, самъ вызываешь. Слушай. Ты согласился на мой бракъ съ Наташей; ты далъ намъ это счастье и для этого побѣдилъ себя самаго. Ты былъ великодушень, и мы всѣ оцѣнили твой благородный поступокъ. Но почему же теперь ты съ какою-то радостью, непрерывно намекаешь мнѣ, что я еще смѣшной мальчикъ и вовсе не гожусь быть мужемъ; мало того, ты какъ-будто хочешь осмѣять, унижить, даже какъ-будто очернить меня въ глазахъ Наташи. Ты очень радъ всегда, когда можешь хоть чѣмъ-нибудь меня выказать съ смѣшной стороны;

это я замѣтилъ еще не здѣсь, а уже давно. Какъ-будто ты именно стараешься для чего-то доказать намъ теперь, что бракъ вашъ смѣшонъ, нелѣпъ и что мы не пара. Право какъ-будто ты самъ не вѣришь въ то, что для насъ предназначаешь; какъ-будто смотришь на все это, какъ на шутку, на забавную выдумку, на какой-то смѣшной водевиль... Я вѣдь не изъ сегодняшнихъ только словъ твоихъ эго выводжу. Я въ тотъ же вечеръ, во вторникъ же, какъ воротился къ тебѣ отсюда, слышалъ отъ тебя нѣсколько странныхъ выраженій, изумившихъ, даже огорчившихъ меня. И въ среду, уѣзжая, ты тоже сдѣлалъ нѣсколько какихъ-то намековъ на наше теперешнее положеніе, сказалъ и объ ней не оскорбительно, напротивъ, но какъ-то не такъ, какъ бы я хотѣлъ слышать отъ тебя, какъ-то слишкомъ легко, какъ-то безъ любви, безъ такого уваженія къ ней... Это трудно рассказать, но тонъ ясенъ; сердце слышитъ. Скажи же мнѣ что я ошибаюсь. Разуверь меня, ободри меня и... и ее, потому что ты и ее огорчилъ. Я это угадалъ съ перваго же взгляда, какъ вошелъ сюда...

Алеша высказалъ это съ жаромъ и съ твердостью. Наташа съ какою-то торжественностью его слушала и вся въ волненіи, съ пылающимъ лицомъ, раза два проговорила про себя въ продолженіи его рѣчи: да, да, это такъ! Князь смутился.

— Другъ мой, отвѣчалъ онъ: — я, конечно, не могу припомнить всего, что говорилъ тебѣ; но очень странно, если ты принялъ мои слова въ такую сторону. Готовъ разуверитъ тебя всѣмъ, чѣмъ только могу. Если я теперь смѣялся, то и это понятно. Скажу тебѣ, что моимъ смѣхомъ я даже хотѣлъ прикрыть мое горькое чувство. Когда соображу теперь, что ты скоро собираешься быть мужемъ, то это мнѣ кажется совершенно необычнымъ, нелѣпымъ, извини меня, даже смѣшнымъ. Ты меня укоряешь за этотъ смѣхъ, а я говорю, что все это черезъ тебя. Винюсь и я: можетъ быть я самъ мало слѣдилъ за тобой въ послѣднее время и потому только теперь, въ этотъ вечеръ, узналъ на что ты можешь быть способенъ. Я трепещу теперь, когда подумаю о твоей будущности съ Натальей Николавной: вы такъ не сходны между собою. Всякая любовь проходитъ, а несходство навсегда остается. Я ужъ и не говорю о твоей судьбѣ, но подумай, если только въ тебѣ честныя намѣренія, вмѣстѣ съ собою ты губишь и Наталью Николавну, рѣшительно губишь! Вотъ

ты говорилъ теперь цѣлый часъ о любви къ человѣчеству, о благородствѣ убѣжденій, о благородныхъ людяхъ, съ которыми познакомился; а спроси Ивана Петровича, что говорилъ я ему давеча, когда мы поднялись въ четвертый этажъ, по здѣшней отвратительной лѣстницѣ и оставались здѣсь у дверей, благодаря Бога за спасеніе нашихъ жизней и ногъ? Знаешь ли, какая мысль мнѣ невольно, тотчасъ же пришла въ голову? Я удивился, какъ могъ ты, при такой любви къ Натальѣ Николавиѣ терпѣть, чтобъ она жила въ такой квартирѣ? Какъ ты не догадался, что если не имѣешь средствъ, если не имѣешь способностей исполнять свои обязанности, то не имѣешь права и быть мужемъ, не имѣешь права брать на себя никакихъ обязательствъ. Одной любви мало; любовь оказывается дѣлами; а ты какъ разсуждаешь: «хоть и страдай со мной, но живи со мной,» — вѣдь это негуманно, это неблагородно! Говорить о всеобщей любви, восторгаться общечеловѣческими вопросами и въ тоже время дѣлать преступленія противъ любви и не замѣчать ихъ, — непонятно! Не перебивайте меня, Наталья Николавна, дайте мнѣ кончить; мнѣ слишкомъ горько, и я долженъ высказаться. Ты говорилъ, Алеша, что въ эти дни увлекался всѣмъ, что благородно, прекрасно, честно и укорялъ меня, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ такихъ увлеченій, а только одно сухое благоразуміе. Посмотри же: увлекаться высокимъ и прекраснымъ и, послѣ того что было здѣсь во вторникъ, четыре дня пренебрегать той, которая кажется бы, должна была теперь для тебя быть дороже всего на свѣтѣ! Ты даже признался о твоёмъ спорѣ съ Катериной Федоровной, что Наталья Николавна такъ любитъ тебя, такъ великодушна, что простить тебѣ твой проступокъ. Но какое право ты имѣешь разсчитывать на такое прощаніе? И неужели ты ни разу не подумалъ сколько муки, сколько горькихъ мыслей, сколько сомнѣній, подозрѣній послалъ ты въ эти дни Наталья Николавиѣ? Неужели, потому что ты тамъ увлекся какими-то новыми идеями, ты имѣлъ право пренебречь самую первѣйшую свою обязанностью? Простите меня, Наталья Николавна, что я взмѣнилъ моему слову. Но теперешнее дѣло серьезнѣе этого слова; вы сами поймете это... Знаешь ли ты, Алеша, что я засталъ Наталью Николавну среди такихъ страданій, полную такихъ подозрѣній, что понятно въ какой адъ ты обратился для нея эти четыре дня, которые, напротивъ, должны

бы быть лучшими днями ее жизни. Такие поступки съ одной стороны и — слова, слова и слова съ другой, и неужели я не правъ? И ты можешь послѣ этого обвинять меня, когда самъ кругомъ виновать?

Князь кончилъ. Онъ даже увлекся своимъ краснорѣчіемъ и не могъ скрыть отъ насъ своего торжества; онъ съ гордостью обвелъ насъ всѣхъ взглядомъ, какъ будто спрашивая: каково? Алеша давно уже началъ плакать отъ словъ его, но когда услышалъ о страданіяхъ Наташи, то съ болѣзненной тоской взглянулъ на нее, всплеснувъ руками и бросился передъ ней на колѣни. Но Наташа уже рѣшилась:

— Полно, Алеша, полно голубчикъ, сказала она: — встань; другіе виноватѣ тебя. Садись и выслушай, что я выскажу сейчасъ твоему отцу. Пора кончить!

— Князь, сказала она, когда Алеша смиренно усѣлся подлѣ нея, робко на нее посматривая: — зачѣмъ обвинять другихъ, когда вы сами все это приготовили, все это предузнали заранѣе и, можетъ быть, этого же и добивались всѣми силами?

— Но объяснитесь, Наталья Николаевна, убѣдительно прошу васъ, объяснитесь! Я уже два часа слышу отъ васъ загадки. Это становится невыносимо и, признаюсь, не такой ожидалъ я здѣсь встрѣчи.

— Можетъ быть; потомучто вы думали очаровать насъ словами, такъ что мы и не замѣтимъ вашихъ тайныхъ намѣреній. Что вамъ объяснять! вы сами все знаете и все понимаете. Алеша правъ. Самое первое желаніе ваше, — разлучить насъ. Вы заранѣ, почти наизусть знали все, что здѣсь случится, послѣ того вечера, во вторникъ, и рассчитали все какъ по пальцамъ. Я уже сказала вамъ, что вы смотрите и на меня и на сватовство, вами затѣянное, не серьезно. Вы шутите съ нами; вы играете, и имѣете вамъ извѣстную цѣль. Игра ваша вѣрная. Алеша былъ правъ, когда укорялъ васъ, что вы смотрите на все это, какъ на водевиль. Вы бы, напротивъ, должны были радоваться, а не упрекать Алешу, потомучто онъ, не зная ничего, исполнилъ все что вы отъ него ожидали; можетъ быть даже и больше.

Я остолбенѣлъ отъ изумленія. Я и ожидалъ, что въ этотъ вечеръ случится какая-нибудь катастрофа. Но слишкомъ рѣзкая откровенность Наташи и нескрываемый презрительный тонъ ее словъ, изумили меня до послѣдней крайности. Стало быть

она дѣйствительно что-то знала, думалъ я, и безотлагательно рѣшилась на разрывъ. Можетъ быть даже съ нетерпѣніемъ ждала князя, чтобъ разомъ все, прямо въ глаза ему высказать. Князь слегка поблѣднѣлъ. Лицо Алеши изображало наивный страхъ и томительное ожиданіе.

— Вспомните въ чемъ вы меня сейчасъ обвинили! вскричалъ князь, — и хоть немножко обдумывайте слова ваши... я ничего не понимаю.

— А! такъ вы не хотите понять съ двухъ словъ, сказала Наташа: — Даже онъ, даже вотъ Алеша васъ понялъ также какъ и я, а мы съ нимъ не сговаривались, даже не видались! И ему тоже показалось, что вы играете съ нами недостойную, оскорбительную игру, а онъ любить васъ и вѣрить въ васъ какъ въ божество. Вы не считали за нужное быть съ нимъ поосторожнѣе, похитрѣе, равсчитывали, что онъ не догадается, не пойметъ. Но у него чуткое, нѣжное, впечатлительное сердце, и ваши слова, вашъ тонъ, какъ онъ говорить, у него остались на сердцѣ и отозвались въ немъ и недоверіемъ и болью...

— Ничего, ничего не понимаю! повторилъ князь, съ видомъ величайшаго изумленія обращаясь ко мнѣ, точно бралъ меня въ свидѣтели. Онъ былъ раздраженъ и разгорячился:

— Вы мнительны, вы въ тревогѣ, продолжалъ онъ, обращаясь къ ней; просто за просто вы ревнуете къ Катеринѣ Федоровнѣ, и потому готовы обвинить весь свѣтъ и меня первого и... и позвольте ужъ все сказать: странное мнѣніе можно получить о нашемъ характерѣ... Я не привыкъ къ такимъ сценамъ; я бы ни минуты не остался здѣсь послѣ этого, еслибъ не интересы моего сына... Я все еще жду, не благоводите ли вы объясниться?

— Такъ вы все-таки упрямитесь и не хотите понять съ двухъ словъ, не смотря на то, что все это наизусть знаете? вы непремѣнно хотите, чтобъ я вамъ все, прямо высказала?

— Я только этого и добиваюсь.

— Хорошо же, слушайте же, вскричала Наташа, сверкая глазами отъ гнѣва, — я выскажу все, все!

ГЛАВА VII

Она встала и начала говорить стоя, не замѣчая того отъ волненія. Князь слушалъ, слушалъ и тоже всталъ съ мѣста. Вся сцена становилась слишкомъ торжественною.

— Припомните сами свои слова во вторникъ, начала Наташа. — Вы сказали: мнѣ нужны деньги, торныя дороги, значеніе въ свѣтѣ, — помните?

— Помню.

— Ну такъ для того-то, чтобы добыть эти деньги, чтобы добиться всѣхъ этихъ успѣховъ, которые у васъ ускользнули изъ рукъ, вы и пріѣзжали сюда, во вторникъ, и выдумали это сватовство, считая, что эта шутка вамъ поможетъ поймать то, что отъ васъ ускользало.

— Наташа, вскричалъ я: — подумай что ты говоришь!

— Шутка! расчетъ! повторялъ князь съ видомъ крайне-оскорбленнаго достоинства.

Алеша сидѣлъ убитый горемъ и смотрѣлъ, почти ничего не понимая.

— Да, да, не останавливайте меня, я поклялась все высказать, продолжала раздраженная Наташа. — Вы помните сами: Алеша не слушался васъ. Цѣлые полгода вы трудились надъ нимъ, чтобы отвлечь его отъ меня. Онъ не поддавался вамъ. Вы сознали, наконецъ, что есть же такія чистыя сердца, для которыхъ долгъ, — святое дѣло. Вы могли измучить его, убить, но не оторвать отъ меня. И вдругъ у васъ настала минута, когда время уже не терпѣло. Упустить его, и невѣста, деньги, главное — деньги, цѣлыхъ три милліона приданаго, ускользнуть у васъ изъ подъ пальцевъ. Оставалось одно: чтобы Алеша любилъ ту, которую вы назначали ему въ невѣсты; вы думали: если полюбитъ, то можетъ быть и отстанетъ отъ меня, потому что только новою любовью изгоняется прежняя любовь, а ничѣмъ другимъ.

— Наташа, Наташа! съ тоскою вскричалъ Алеша, — что ты говоришь!

— Вы такъ и сдѣлали продолжала она, не останавливаясь на крикъ Алеши: — но, — и тутъ опять тоже, прежняя бѣда!

Вы увидѣли ясно, что все бы могло уладиться, что ужь и Алеша увлекается и что дѣвушка такъ прекрасна, что онъ бы тотчасъ полюбилъ ее, да я то опять мѣшаю! полюбить—то мѣшаю! Одно только могло вамъ подать надежду: вы, какъ опытный и хитрый человѣкъ, можете быть ужь и тогда замѣтили, что Алеша иногда какъ-будто тяготится своей прежней привязанностью. Вы не могли не замѣтить, что онъ начинаетъ мною пренебрегать, скучать, по пяти дней ко миѣ не ѣздитъ. Авось наскучить со всѣмъ и бросить, какъ вдругъ, во вторникъ, рѣшительный поступокъ Алеши поразилъ васъ совершенно. Что вамъ дѣлать!..

— Позвольте, вскричалъ князь — напротивъ этотъ фактъ...

— Я говорю, настойчиво перебила Наташа: — вы спросили себя въ тотъ вечеръ: «что теперь дѣлать? Алеша во всемъ подчинится, но въ этомъ ужь ни за что не подчинится; вполне испытано. Мало того, чѣмъ больше его гнать, мучить, — тѣмъ больше въ немъ будетъ сопротивленія; потому что онъ именно таковъ, какъ всѣ слабые, но честные люди: не гоните ихъ, не преслѣдуйте, они и не подумаютъ сопротивляться, а преслѣдуйте, то вы сами же разожжете въ нихъ сопротивленіе, которое безъ вашего преслѣдованія, имъ бы и въ голову можетъ быть не пришло. Соблазномъ тоже, оказалось теперь, нельзя взять: прежнее вліяніе еще слишкомъ сильно, и вы только въ этотъ вечеръ вполне догадались какъ оно сильно. Что жъ дѣлать?»

Вы и придумали:

«Что если прекратить надъ нимъ всякое преслѣдованіе! Что если снять съ него то, чѣмъ тяготится теперь его сердце: снять то, что онъ считаетъ своимъ долгомъ, обязанностию? вѣдь можетъ быть тогда въ немъ пройдетъ и жаръ и все влеченіе къ этимъ обязанностямъ.

«Вотъ, напримѣръ, онъ любитъ теперь эту Наташу; чего жъ лучше: сказать ему прямо, что не только онъ можетъ теперь ее любить, но даже позволяется ему исполнить въ отношеніи къ ней всѣ свои обязанности, все чѣмъ онъ страдаетъ за эту Наташу, и не только позволить, но даже какъ нибудь обратить это позволеніе чуть не въ приказъ, сказать ему, что онъ *долженъ* на ней жениться, чаще твердить ему, что это его *обязанность*, — однимъ словомъ все, что онъ говорилъ самъ себѣ каждый день свободно, отъ сердца, все это обратитъ теперь даже въ принужденіе. Ну что тогда будетъ?»

— Наталья Николаевна! вскричалъ князь: — все это одно разстройство вашего воображенія, ваша мнительность; вы вѣдъ себя, вы преувеличиваете! И князь съ видомъ сожалѣнія пожалъ плечами.

— Вотъ что тогда будетъ, продолжала Наташа, какъ-будто не обращая ни малѣйшаго вниманія на слова князя. — Во-первыхъ, думали вы, я окончательно привлеку къ себѣ его сердце, и онъ устыдится всякой недовѣрчивости ко мнѣ; а это мнѣ очень пригодится теперь! Первое впечатлѣнїе будетъ, положимъ, невыгодно; онъ обрадуется. Онъ хоть и увлекается новой любовью, но вѣдь онъ самъ еще не знаетъ про эту новую любовь; онъ до сихъ поръ еще думаетъ и увѣренъ, что по прежнему, какъ полгода назадъ, съ тѣмъ же жаромъ, съ тою же страстью любить свою Наташу. Онъ хоть и привязался къ Катеринѣ Федоровнѣ, но думаетъ что это только такъ; ему хорошо, весело съ нею, — неизвестно почему; да онъ и не спрашиваетъ объ этомъ! И хоть сердце каждый день влечетъ его все сильнѣе и сильнѣе къ новой любви, но онъ совершенно увѣренъ, что тамъ, въ прежней любви, у Наташи, все по старому и никакихъ нѣтъ переменъ. Онъ потому еще обрадуется, что дѣйствительно, до сихъ поръ еще любить эту Наташу; вѣдь она другъ его, онъ такъ привыкъ къ ней; онъ даже объ своей Катѣ (съ которой онъ теперь на ты), ѣдетъ къ ней, къ первой, рассказывать; онъ столько разъ видѣлъ ея страданія и столько самъ страдалъ отъ ея страданій!.. И потому онъ обрадуется, положимъ такъ, да и пусть его; оно даже и хорошо; радость обновляетъ, черезъ радость старое забывается; одно горе памятно; все это только на минуту; за то будущее выиграно...

За то онъ, первый разъ, во всѣ эти полгода, ляжетъ спать своейю, съ облегченнымъ сердцемъ: оно уже не будетъ болѣть за Наташу. Онъ не будетъ просыпаться во снѣ и съ тоскою думать: «какъ-то она? что-то она? чѣмъ это кончится? чѣмъ устроится»? Теперь все хорошо, и на другой же день онъ почувствуетъ совсѣмъ неволью, безъ всякаго расчета, что, слава Богу, онъ уже не должникъ; теперь все устроилось, и она уже все получила, что онъ даже больше ей отдалъ, чѣмъ сама она думала; онъ отдаетъ ей всю свою будущность и должна же она оцѣнить это, тогда какъ, до сихъ поръ, онъ долженъ былъ цѣнить все, чѣмъ жертвовала ему Наташа. Вотъ и легче на душѣ и дышется

свободнѣе, и такъ невольно это все подумается, такъ безъ расчета, съ такимъ добрымъ, теплымъ чувствомъ! А вы смѣтрите, да про себя думаете: «это все хорошо: вѣскольно дней пройдетъ, и съ нимъ случится тоже самое, что бываетъ со всѣми влюбленными скоро послѣ свадьбы: прелесть вѣтъ, все достигнуто, и любовь сама собой охладѣваетъ; тамъ наступаетъ скука; тамъ захочется новаго; жизнь не любить покоя; сердцу хочется жить...

А тутъ какъ нарочно новая любовь еще прежде началась; она ужь есть и избобрѣтать ее не надобно»...

— Романы, романы, — произнесъ въ полголоса, какъ будто про себя: — уединеніе, мечтательность и чтеніе романовъ!

— Да, на этой-то новой любви вы все и основали, продолжала Наташа, не слыхавъ и не обративъ вниманія на слова князя, вся въ лихорадочномъ жару и все болѣе и болѣе улекаясь: — и какіе шамсы для этой новой любви! Вѣдь она началась еще тогда, когда онъ еще не узналъ всѣхъ совершенствъ этой дѣвушки! Въ ту самую минуту, когда онъ, въ тотъ вечеръ, открывался этой дѣвушкѣ, что не можетъ ее любить, потому что долтъ и другая любовь запрещаютъ ему это, — эта дѣвушка, вдругъ, выказываетъ передъ нимъ столько благородства, столько сочувствія къ нему и къ своей соперницѣ, столько сердечнаго прощенія, что онъ, хотъ и вѣрилъ въ ея красоту, но и не думалъ до этого мгновенія, чтобъ она была такъ прекрасна! Онъ и какъ тогда прѣхалъ, — только и говорилъ что о ней; она слишкомъ сильно поразила его. Да, онъ на завтра же непремѣнно долженъ былъ почувствовать неотразимую потребность увидѣть опять это прекрасное существо, хотъ изъ одной только благодарности. Да и почему-жъ къ ней не ѣхать? Вѣдь та, прежняя, уже не страдаетъ, судьба ея рѣшена, вѣдь той цѣльнй вѣкъ отдается, а тутъ одна какая нибудь минутка... И что за неблагодарная была бы эта Наташа, еслибъ она ревновала даже къ этой минуткѣ? И вотъ незамѣтно, отнимается у этой Наташи, вѣсто, минуты, день, другой, третій... А между тѣмъ въ это время дѣвушка высказываетъ передъ нимъ, въ совершенно неожиданномъ, новомъ и своеобразномъ видѣ; она такая благородная энтузіастка и въ тоже время, она такой наивный ребенокъ, и въ этомъ такъ сходна съ нимъ характеромъ. Они клянутся другъ другу въ дружбѣ, въ братствѣ, въ разлучности на всю жизнь. Правда, они съ любовью говорятъ между собой и о Варашѣ, но

онъ хотѣть жить строимъ, всегда. «*Въ какіе либудь пять-шесть часовъ разговора*» вся душа его открывается для новыхъ ощущеній и сердце его отдается все... Тутъ еще новыя идеи и причина ихъ оаятъ Катя. Онъ еще, можетъ быть, не сейчасъ начнетъ сравнивать, думаете вы, но это неминуемо. Придетъ это время: онъ сравнитъ свою прежнюю любовь съ своими новыми, свѣжими ощущеніями: тамъ все знакомое, всегдашнее; тамъ такъ серьезны, требовательны; тамъ его ревнуютъ, бранятъ; тамъ слезы... А если и начинаютъ съ нимъ шалить, играть, то какъ-будто не съ ровней, а съ ребенкомъ... а главное: все такое прѣжнее, извѣстное...

Слезъ и горькая спазма душили ее, но Наташа скрѣпилась еще на минуту:

— Что-жъ дальше? а дальше время; вѣдь не сейчасъ же назначена свадьба съ Наташей; времени много и все измѣнится... А тутъ ваши слова, намеки, толкованія, краснорѣчіе... Можно даже и поклеветать на эту досадную Наташу; можно выставить ее въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ и... какъ это все разрешится— неизвѣстно, но побѣда ваша! Алеша! Не вини меня, другъ мой! Не говори, что я не понимаю твоей любви и мало цѣню ее. И гдѣ знаю, что ты и теперь любишь меня и что въ эту минуту можетъ быть и не понимаешь моихъ жалобъ. Но что же мнѣ дѣлать, если я это все понимаю, и все больше и больше люблю тебя... совѣмъ... безъ памяти!

Она закрыла лицо руками, упала въ кресла и зарыдала какъ ребенокъ. Алеша съ крикомъ бросился къ ней. Онъ никогда не могъ видѣть безъ слезъ ея слезы.

Ея рыданія, кажется, очень помогли князю: всѣ увлеченія Наташи, въ продолженіи этого длиннаго объясненія, всѣ рѣзкости ея выходокъ противъ князя, отъ которыхъ ужъ пзъ одного приличія надо было обидѣться, все это теперь очевидно можно было свести на безумный порывъ ревности, на оскорбленную любовь, даже на болѣзнь. Даже слѣдовало высказать сочувствіе...

— Успокойтесь, утѣштесь, Наталья Николаевна, утѣшалъ князь: — все это изступленіе, мечты, уединеніе... Вы такъ были раздражены его легионьскими поведеніемъ... Но вѣдь это только одно легионьскіе съ его стороны. Самый главный фактъ, про который вы особенно упоминали, происшествіе во вторникъ,

скорѣй бы должно доказать вамъ всю безграничность его привязанности къ вамъ, а вы напротивъ подумали...

— О, не говорите мнѣ, не мучайте меня хоть теперь! прервала Наташа, задыхающимся отъ рыданій голосомъ: — мнѣ все уже сказало сердце и давно сказало! Неужели вы думаете, что я не почувствовала, что прежняя любовь его вся прошла... Здѣсь, въ этой комнатѣ, одна... когда онъ оставялъ, забывалъ меня... я все это пережила... все передумала... Чтожъ мнѣ и дѣлать было! Я тебя не виню Алеша... что вы меня обманываете! Неужели-жъ вы думаете, что я не пробовала сама себя обманывать!... О сколько разъ, сколько разъ! Развѣ я не вслушивалась въ каждый звукъ его голоса? Развѣ я не научилась читать по его лицу, по его глазамъ?... Все, все погибло, все схоронено, О я несчастная!..

Алеша плакалъ передъ ней на колѣнахъ. Онъ тоже не могъ ничего выговорить отъ слезъ.

— Да, да, это я виновата! все отъ меня!.. повторялъ онъ среди рыданій.

— Нѣтъ, не вини себя Алеша... тутъ есть другіе... враги наши. Это они... они!

— Но позвольте же наконецъ, началъ князь съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: — на какомъ основаніи приписываете вы мнѣ всѣ эти... преступленія? Вѣдь это однѣ только ваши догадки, ничѣмъ не доказанныя...

— Доказательствъ! вскричала Наташа, быстро приподымаясь съ кресла и сверкая глазами: — вамъ доказательствъ, коварный вы человекъ! Вы не могли, не могли дѣйствовать иначе, когда приходили сюда съ вашимъ предложеніемъ! Я все сообразила; развѣ этотъ расчетъ, который я вамъ теперь объяснила невѣренъ? Вамъ надо было успокоить его, усыпить его угрызенія, утишить тоску его сердца, чтобъ онъ свободнѣе и спокойнѣе отдался весь Катѣ; безъ этого онъ все бы вспоминалъ обо мнѣ, не подавался бы вамъ, а вамъ наскучило дожидаться. Что, развѣ невѣренъ этотъ расчетъ?

— Признаюсь, отвѣчалъ князь съ саркастической улыбкой: — еслибъ я хотѣлъ васъ обмануть, а бы дѣйствительно такъ рассчиталъ; вы очень... остроумны, но вѣдь это надобно доказать и тогда уже оскорблять людей такими упреками...

— Доказать! А ваше все прежнее поведеніе, когда вы отбивали его отъ меня? Тотъ, который научаеъ сына пренебрегать и играть такими обязанностями изъ-за свѣтскихъ выгодъ, изъ-за денегъ, развращаеъ его! Чтò вы говорили давеча о лѣстницѣ и о дурной квартирѣ? Не вы ли отняли у него жалованье, которое прежде давали ему, чтобъ принудить насъ разойтись черезъ нужду и голодъ? Черезъ васъ и эта квартира и эта лѣстница, а вы же его теперь попрекаете, двуличный вы человекъ! И откуда у васъ вдругъ явился такой жаръ, такія новыя, вамъ несвойственныя убѣжденія, какъ во вторникъ? И для чего я вамъ такъ понадобилась? Я ходила здѣсь эти четыре дня; я все обдумала, все взвѣсила, каждое слово ваше въ тотъ вечеръ, выраженіе вашего лица и убѣдилась, что все это было напускное, шутка, комедія, оскорбительная, низкая и недостойная... Я вѣдь знаю васъ, давно знаю! Каждый разъ когда Алеша пріѣзжалъ отъ насъ, я по лицу его угадывала все, что вы ему говорили, внушали; всѣ вліянія ваши на него изучила! Нѣтъ, вамъ не обмануть меня!

— Только-то? это всѣ доказательства? Но подумайте; этой выходкой (какъ вы называете мое предложеніе во вторникъ), я слишкомъ себя связывала. Это было бы слишкомъ легкомысленно для меня.

— Да, но вы увлеклись, сказала Наташа съ горькой улыбкой. — Къ тому же вамъ можетъ быть показалось, что съ такими ничтожными, никуда негодными мечтателями, фантазерами какъ мы, непременно и надо поступить какъ-нибудь не по всеобщему, какъ-нибудь по чудище, чтобъ подладиться къ намъ и тѣмъ лучше насъ обмануть. Вѣдь вы всѣ, практическіе люди, считаете насъ за такихъ глупцовъ! а чтò такое обида дѣвушкѣ! обида ужасная, въ послѣдней степени обида, но что вамъ до этого! вѣдь это дѣвушка, несчастная, отверженная отцомъ, беззащитная, замаравшая себя, безправственная! Стоитъ ли съ ней перемоняться, коли эта шутка можетъ принести хоть какую-нибудь, хоть самую маленькую выгоду!

— Въ какое же положеніе вы сами ставите себя, Наталья Николаевна, подумайте! Вы непременно настаиваете, что съ моей стороны было вамъ оскорбленіе. Но вѣдь это оскорбленіе такъ важно, такъ унижительно, что я не понимаю какъ можно даже предположить его, тѣмъ болѣе настаивать на немъ. Нужно

быть ужь слишкомъ ко всему привученной, чтобъ такъ лѣгко допускать это, извините меня. Я въ правѣ упрекать васъ, потому-что вы вооружаете противъ меня сына: если онъ не возстанетъ теперь на меня за васъ, то сердце его противъ меня...

— Нѣтъ, отецъ! нѣтъ, вскричалъ Алеша; если я не возстану на тебя, то вѣрю, что ты не могъ оскорбить, да и не могу я по-вѣрить, чтобъ можно было такъ оскорблять!

— Слышите? вскричалъ князь.

— Нѣтъ, Наташа. Во всемъ виноватъ я; не обвиняй его. Это грѣшно, это ужасно!

— Слышишь, Ваня? Онъ ужь противъ меня! — закричала мнѣ Наташа.

— Довольно! сказалъ князь, надо кончить эту тяжолую сцену. Этотъ слѣпой и яростный порывъ ревности внѣ всякихъ границъ и рисуетъ вашъ характеръ совершенно въ новомъ для меня видѣ. Я предупрежденъ. Мы поторопились, дѣйствительно поторопились. Вы даже и не замѣчаете какъ оскорбили меня; для васъ это ничего, совсѣмъ какъ-будто ничего такъ оскорбить, хотя можетъ быть завтра же вы сами будете смотрѣть на все это другими глазами... Поторопились... поторопились... конечно слово князя Валковскаго должно быть свято, но... я отецъ и желаю счастья моему сыну...

— Вы отказываетесь отъ своего слова, вскричала Наташа внѣ себя: — вы обрадовались случаю! Но знайте, что я сама еще два дня тому, здѣсь одна, рѣшила освободить его отъ его слова, а теперь подтверждаю при всѣхъ. Я отказываюсь!

— То есть можетъ быть вы хотите воскресить изъ мертвъ всѣ прежнія безпокойства, чувство долга всю «тоску по своимъ обязанностямъ» (какъ вы сами давеча выразились) для того, чтобъ этимъ снова привязать его къ себѣ по старому. Вѣдь это выходитъ по вашей же теоріи; я потому такъ и говорю, но довольно; рѣшить время. Я буду ждать минуты болѣе спокойной, чтобъ объясниться съ вами. Надѣюсь, мы не прерываемъ отношеній нашихъ окончательно. Надѣюсь тоже, вы научитесь лучше-цѣнить меня. Я еще сегодня хотѣлъ было вамъ сообщить мой прозрѣтъ на счетъ вашихъ родныхъ, изъ котораго бы вы увидали... но довольно. Иванъ Петровичъ! прибавилъ онъ подходя ко мнѣ, теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь, мнѣ будетъ драгоцѣннѣе позна-

кониться съ вами ближе, не говорю уже о давнишнемъ желаніи нести. Надѣюсь, вы шѣдете меня. На дняхъ я буду у васъ; вы позволите?

Я поклонился. Миѣ самому казалось, что теперь я уже не могъ избѣжать его знакомства. Онъ пожалъ миѣ руку, молча поклонился Наташѣ и вышелъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства.

ГЛАВА VIII

Нѣсколько минутъ мы всѣ не говорили ни слова. Наташа сидѣла задумавшись, грустная и убитая. Вся ея энергія вдругъ ее оставила. Она смотрѣла прямо передъ собой, ничего не видя, какъ бы забывшись и держа руку Алеши въ своей рукѣ. Тотъ тихо доплакивалъ свое горе, изрѣдка взглядывая на нее съ боязливымъ любопытствомъ. Но наконецъ она взглянула на него и улыбнулась. Тогда онъ заговорилъ.

Онъ робко началъ утѣшать ее, умолялъ не сердиться, винилъ себя; видно, было что ему очень хотѣлось оправдать отца в то что особенно у него лежало на сердцѣ; онъ нѣсколько разъ заговаривалъ объ этомъ, но не смѣлъ ясно высказаться, боясь снова возбудить гнѣвъ Наташи. Онъ клялся ей во всегдашней, взаимной любви и съ жаромъ оправдывался въ своей привязанности къ Катѣ; непрерывно повторялъ, что онъ любитъ Катю только какъ сестру, какъ милую, добрую сестру, которую не можетъ оставить совсѣмъ; что это было бы даже грубо и жестоко съ его стороны и все увѣрялъ, что если Наташа узнаетъ Катю, то онѣ обѣ тотчасъ же подружатся, такъ что никогда не разойдутся и тогда уже никакихъ не будетъ недоразумѣній. Эта мысль ему особенно нравилась. Вѣдняяжка не лгалъ нисколько. Онъ любилъ Катю какъ сестру, но такъ что ужъ не могъ съ ней разстаться. Онъ не понималъ опасеній Наташи, да и вообще не понималъ хорошо, что она давеча говорила его отцу. Понималъ только, что они поссорились, и это—то особенно лежало камнемъ на его сердцѣ. Наташа видѣла, что онъ очень огорченъ ея поступкомъ съ княземъ.

— Ты меня винишь за отца? спросила она.

— Могу ль я винить, отвѣчалъ онъ съ горькимъ чувствомъ: — когда самъ всему причиной и во всемъ виноватъ. Это я довелъ тебя до такого гнѣва, а ты въ гнѣвѣ и его обвинила, потому что хотѣла меня оправдать; ты меня всегда оправдываешь, а я не стою того. Надо было сыскать виноватаго, вотъ ты и подумала, что онъ. А онъ право, право не виноватъ! — воскликнулъ онъ, одушевляясь. — И съ тѣмъ ли онъ прїѣзжалъ сюда! Того ли ожидалъ!

Но видя, что Наташа смотритъ на него съ тоской и упрямомъ, тотчасъ оробѣлъ.

— Ну не буду, не буду, прости меня, сказалъ онъ. Я, я всему причину!

— Да, Алеша, продолжала она съ тяжкимъ чувствомъ. — Теперь онъ прошолъ между нами и нарушилъ весь нашъ миръ, на всю жизнь. Ты всегда въ меня вѣрилъ больше чѣмъ во всѣхъ; теперь же онъ влилъ въ твое сердце подозрѣніе противъ меня, недовѣріе, ты винишь меня; онъ взялъ у меня половину твоего сердца. *Черная кошка* пробѣжала между нами.

— Не говори такъ Наташа. Зачѣмъ ты говоришь: черная кошка? Онъ огорчился выраженіемъ.

— Онъ фальшивою добротою, ложнымъ великодушіемъ привлекъ тебя къ себѣ, продолжала Наташа, — и теперь все больше и больше будетъ возстановлять тебя противъ меня.

— Клянусь тебѣ, что нѣтъ! вскричалъ Алеша, еще съ большимъ жаромъ. — Онъ былъ раздраженъ, когда сказалъ, что «портопоялись» — ты увидишь сама, завтра же, на дняхъ онъ спохватится, и если онъ до того разсердился, что въ самомъ дѣлѣ не захочетъ нашего брака, то я, клянусь тебѣ, его не послушаюсь. У меня можетъ быть достанетъ на это силы... И знаешь кто намъ поможетъ, вскричалъ онъ вдругъ съ восторгомъ отъ своей идеи: Катя намъ поможетъ! И ты увидишь, ты увидишь что за прекрасное это сознанье! Ты увидишь, хочеть ли она быть твоей соперницей и разлучить насъ! И какъ ты несправедлива была давеча, когда говорила, что я изъ такихъ, которые могутъ разлюбить на другой день послѣ свадьбы! Какъ это мнѣ горько было слышать! Нѣтъ, я не такой, и если я часто ѣздилъ къ Катѣ...

— Полно Алеша, будь у ней когда хочешь. Я не про то давеча говорила. Ты не понялъ всего. Будь счастливъ съ кѣмъ хо-

чешь. Не могу же я требовать у твоего сердца больше, чѣмъ оно можетъ мнѣ дать...

Видя, что Наташа въ душѣ не вѣритъ ему, Алеша снова заплакалъ. Вошла Мавра.

— Чтожъ, подавать чай, что ли? Шутка ли, два часа самоваръ кипитъ; одиннадцать часовъ.

Она спросила грубо и сердито; видно было, что она очень не въ духѣ и сердилась на Наташу. Дѣло въ томъ, что она всѣ эти дни, со вторника, была въ такомъ восторгѣ, что ея барышня (которую она любила безъ памяти) выходить замужъ, что уже успѣла разгласить это по всему дому, въ околоткѣ, въ лавочкѣ, дворнику. Она хвалилась и съ торжествомъ рассказала, что князь, важный человекъ, генералъ и ужасно богатый, самъ прѣзжалъ просить согласія ея барышни, и она, Мавра, собственными ушами это слышала и вдругъ, теперь, все пошло прахомъ. Князь уѣхалъ разсерженный, и чаю не подавали, и ужъ, разумеется, всему виновата барышня. Мавра слышала какъ она говорила съ нимъ.

— Чтожъ... подай, — отвѣчала Наташа.

— Ну, а закуску—то, подавать что ли?

— Ну и закуску. Наташа смѣшалась.

— Готовили, готовили! продолжала Мавра, — со вчерашняго дня всѣ безъ ногъ. За виномъ на Невскій бѣгала, а тутъ... И она вышла, сердито хлопнувъ дверью.

Наташа покраснѣла и какъ-то странно взглянула на меня. Между тѣмъ подали чай, тутъ же и закуску; была дичь, какая-то рыба, двѣ бутылки превосходнаго вина отъ Елисеява. К чему жъ это все приготовили? подумалъ я.

— Это я, видишь ли Ваня, вотъ какая, сказала Наташа, подходя къ столу и конфузясь даже передо мной. — Вѣдь предчувствовала, что все это сегодня такъ выйдетъ, какъ вышло, а все-таки думала, что авось, можетъ быть и не такъ кончится. Алеша прѣдетъ, начнетъ мириться, мы помиримся; всѣ мои подозрѣнія окажутся несправедливыми, меня разувѣрятъ и... на всякій случай я и приготовила закуску. Чтожъ, думала, мы заговоримся, засидимся...

Бѣдная Наташа. Она такъ покраснѣла, говоря это. Алеша пришелъ въ восторгъ.

— Вот видишь, Наташа! вскричалъ онъ. — Сама ты себя же вѣрила; два часа тому назадъ еще не вѣрила своимъ подозрѣнiямъ! Нѣтъ, это надо все поправить; я виноватъ, я всему причиной, я все и поправлю. Наташа, позволь мнѣ сейчасъ же къ отцу! Мнѣ надо его видѣть; онъ обиженъ, онъ оскорбленъ; его надо утѣшить, успокоить; я ему выскажу все, все отъ себя, только отъ одного себя; ты тутъ не будешь замѣшана. И я все улажу... Не сердись на меня, что я такъ хочу къ нему и что тебя хочу оставить. Нѣтъ, не то: мнѣ жаль его; онъ оправдывается передъ тобой; увидишь... Завтра, чѣмъ свѣтъ, я у тебя и весь день у тебя, къ Катѣ не поѣду...

Наташа его не останавливала, даже сама посоветовала ѣхать. Она ужасно боялась, что Алеша будетъ теперь нарочно, *черезъ силу*, пресиживать у нея цѣлые дни и наскучить ею. Она просила только, чтобъ онъ отъ нея имени ничего не говорилъ и старалась повеселѣе улыбнуться Алешѣ. Онъ уже хотѣлъ было выйти, но вдругъ подошелъ къ ней, взялъ ее за обѣ руки и сѣлъ подлѣ нея. Онъ смотрѣлъ на нее съ невыразимою нѣжностью.

— Наташа, другъ мой, ангелъ мой, не сердись на меня, и не будемъ никогда ссориться. И дай мнѣ слово, что будешь всегда во всемъ вѣрить мнѣ, а я тебѣ. Вотъ что, мой ангелъ, я тебѣ разскажу теперь: Были мы разъ съ тобой въ ссорѣ, не помню за что; я былъ виноватъ. Мы не говорили другъ съ другомъ. Мнѣ не хотѣлось просить прощенiя первому, а было мнѣ ужасно грустно. Я ходилъ по городу, слонялся вездѣ, заходилъ къ прiятелямъ, а въ сердцѣ было такъ тяжело, такъ тяжело... И пришло мнѣ тогда на умъ: что еслибъ ты наприѣхъ, отчего-нибудь заболѣла и умерла. И когда я вообразилъ себѣ это, на меня вдругъ нашло такое отчаянiе, точно я въ самомъ дѣлѣ навѣки потерялъ тебя. Мысли все шли тяжелѣе, ужаснѣе. И вотъ мало по малу я сталъ воображать себѣ, что пришелъ будто я къ тебѣ на могилу, упалъ на нее безъ памяти, обнялъ ее и замеръ въ тоскѣ. Вообразилъ я себѣ какъ бы я цѣловалъ эту могилу, звалъ бы тебя изъ непа, хоть на одну минуту, и молилъ бы у Бога чуда, чтобъ ты хоть на одно мгновение воскресла бы передо мною; представилось мнѣ, какъ бы я бросился обнимать тебя, прижалъ бы къ себѣ, цѣловалъ и кажется умеръ бы тутъ отъ блаженства, что хоть одно мгновение могъ еще разъ, какъ

прижалъ, обнять тебя. И когда я воображалъ себѣ это, мнѣ вдругъ подумалось: вотъ я на одно мгновеніе буду просить тебя у Бога, а между тѣмъ была же ты со мною шесть мѣсяцевъ и въ эти шесть мѣсяцевъ сколько разъ мы поссорились, сколько дней мы не говорили другъ съ другомъ! Цѣлые дни мы были въ ссорѣ и пренебрегали нашимъ счастьемъ, а тутъ только на одну минуту вызываю тебя изъ могилы и за эту минуту готовъ заплатить всю жизнью!.. Какъ вообразилъ я это все, я не могъ выдержать и бросился къ тебѣ скорѣи, приближалъ сюда, а ты ужъ ждала меня и, когда мы обнялись послѣ ссоры, помню, я такъ крѣпко прижалъ тебя къ груди, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ дышаюсъ тебя, Наташа! не будемъ никогда ссориться! Это такъ мнѣ всегда тяжело! И можно ли, Господи! подумать, чтобъ я могъ оставить тебя!

Наташа плакала. Они крѣпко обнялись другъ съ другомъ, и Алеша еще разъ поклялся ей, что никогда не оставитъ ее. За тѣмъ онъ полегъ къ отцу. Онъ былъ въ твердой увѣренности, что все уладитъ, все устроитъ.

— Все кончено! все пропало! сказала Наташа, судорожно сжавъ мою руку. — Онъ меня любитъ, и никогда не разлюбитъ; но онъ и Катю любитъ и черезъ нѣсколько времени будетъ любить ее больше меня. А эта ехидна князь не будетъ дремать, и тогда...

— Наташа! я самъ вѣрю, что князь поступаетъ не чисто, но...

— Ты не вѣришь всему, что я ему высказала! Я замѣтила это по твоему лицу, Валя. Но погоди, самъ увидишь, права была я, или нѣтъ? Я вѣдь еще только вообще говорила, а Богъ знаетъ что у него еще въ мысляхъ! Это ужасный человекъ! Я ходила эти четыре дня здѣсь по комнатамъ и догадалась обо всемъ. Ему именно надо было освободить, облегчить сердце Алешы отъ его грусти, мѣшавшей ему жить, отъ обязанностей любви ко мнѣ. Онъ выдумалъ это сватовство и для того еще, чтобъ втереться между нами своимъ вліяніемъ и очаровать Алешу благородствомъ и великодушіемъ. Это правда, правда, Валя! Алеша именно такого характера, какъ и многіе слабые люди. Онъ бы успокоился на мой счетъ; тревога бы у него прошла за меня. Онъ бы думалъ: что вѣдь теперь ужъ она жена моя, навѣки со мной и милое бы обратилъ больше вниманію

на Катю; ничто бы его не отрывало от нея. Князь видно изучилъ эту Катю и угадалъ что она пара ему, что она можетъ его сильнѣй увлечь, чѣмъ я. Охъ Ваня! На тебя вся моя надежда теперь: онъ для чего-то хочетъ съ тобой сойтись, знакомиться. Не отвергай этого и постарайся, голубчикъ, ради Бога, поскорѣе попасть къ графинѣ. Познакомься съ этой Катей, разгляди ее лучше и скажи мнѣ: что она такое? Мнѣ надо, чтобъ тамъ былъ твой взглядъ. Никто такъ меня не понимаетъ, какъ ты, и ты поймешь что мнѣ надо. Разгляди еще въ какой степени они дружны, что между ними, объ чемъ они говорятъ; Катю, Катю главное разсмотри.. Докажи мнѣ еще этотъ разъ, милый, возлюбленный мой Ваня, докажи мнѣ еще разъ свою дружбу! На тебя, только на тебя теперь и надежда моя!..

.....

Когда я воротился домой, былъ уже первый часъ ночи. Нелли отворила мнѣ съ заспаннымъ лицомъ. Она улыбнулась и свѣтло посмотрѣла на меня. Бѣдняжка очень досадовала на себя, что заснула. Ей все хотѣлось меня дожидаться. Она сказала, что меня кто-то приходилъ спрашивать, сидѣлъ съ ней и оставилъ мнѣ на столѣ записку. Записка была отъ Маслобоева. Онъ звалъ меня къ себѣ завтра въ первомъ часу. Мнѣ хотѣлось разспросить Нелли, но я отложилъ до завтра, наставляя, чтобъ она непременно шла спать; бѣдняжка и безъ того устала, ожидая меня, и заснула только за полчаса до моего прихода.

ГЛАВА IX

На утро Нелли рассказала мнѣ про вчерашнее посѣщеніе Маслобоева довольно странныя вещи. Впрочемъ ужъ и то было странно, что онъ вздумалъ въ этотъ вечеръ прійти: онъ навѣрно зналъ, что я не буду дома; я самъ предувѣдомилъ его объ этомъ при послѣднемъ нашемъ свиданіи, и очень хорошо это помнилъ. Нелли рассказывала, что сначала она было не хотѣла отпирать, потомучто боялась: было ужъ восемь часовъ вечера. Но онъ упросилъ ее черезъ запертую дверь, увѣряя, что если онъ не оставитъ мнѣ теперь записку, то завтра мнѣ, почему-то, будетъ очень худо. Когда она его впустила, онъ тотчасъ же написалъ записку, подошелъ къ ней и усѣлся подлѣ нея на диванѣ. «Я

встала и не хотѣла съ нимъ говорить, — рассказывала Нелли, — ея его очень боялась; онъ началъ говорить про Бубнову, какъ она теперь сердится, что она ужь не смѣетъ меня теперь взять и началъ васъ хвалить; сказалъ, что онъ съ вами большой другъ и васъ маленькимъ мальчикомъ зналъ. Тутъ я стала съ нимъ говорить. Онъ вынулъ конфеты и просилъ, чтобъ и я взяла; я не хотѣла; онъ сталъ меня увѣрять тогда, что онъ добрый человекъ, умѣетъ пѣть пѣсни и плясать; вскочилъ и началъ плясать. Миѣ стало смѣшно. Потомъ сказалъ, что посидитъ еще немножко, — дождусь Ваню; авось воротится и очень просилъ меня, чтобъ я не боялась и сѣла подлѣ него. Я сѣла; но говорить съ нимъ ничего не хотѣла. Тогда онъ сказалъ миѣ, что зналъ мамашу и дѣдушку и... тутъ я стала говорить. И онъ долго сидѣлъ.

— А объ чемъ же вы говорили.

— О мамашѣ... о Бубновой... о дѣдушкѣ. Онъ сидѣлъ часа два.

Нелли какъ-будто не хотѣлось рассказывать объ чемъ они говорили. Я не спрашивалъ, надѣясь узнать все отъ Маслобоева. Миѣ воказалось только, что Маслобоевъ нарочно заходилъ безъ меня, чтобъ застать Нелли одну. Для чего ему это, подумалъ я?

Она показала миѣ три конфетки, которыя онъ ей далъ. Это были леденцы, въ зеленыхъ и красныхъ бумажкахъ, прескверные и вѣроятно купленные въ овощенной лавочкѣ. Нелли засмѣялась, показывая миѣ ихъ.

— Что-жъ ты ихъ не ѣла? — спросилъ я.

— Не хочу, отвѣчала она серьезно, нахмуривъ брови. — Я и не брала у него; онъ самъ на диванѣ оставилъ...

Въ этотъ день миѣ предстояло много ходьбы. Я сталъ прощаться съ Нелли.

— Скучно тебѣ одной? — спросилъ я ее уходя.

— И скучно и не скучно. Скучно потому, что васъ долго нѣтъ.

И она съ такою любовью взглянула на меня, сказавъ это. Все это утро она смотрѣла на меня такимъ же нѣжнымъ взглядомъ и казалась такою веселенькою, такою ласковою и въ тоже время, что-то стыдливое, даже робкое было въ ней, какъ-будто она боялась чѣмъ нибудь досадить миѣ, потерять мою привязанность и... и слишкомъ высказаться, точно стыдась этого.

— А чѣмъ же не скучно-то? Вѣдь ты сказала, что тебѣ «и скучно и не скучно»? — спросилъ я, невольни улыбаясь ей, — такъ становилась она мнѣ мила и дорога.

— Ужь я сама знаю чѣмъ, — отвѣчала она усмѣхнувшись и чего-то опять застыдилась. Мы говорили на порогѣ, у развороченной двери. Нелли стояла передо мной, потупивъ глазки, одной рукой схватившись за мое плечо, а другою пощипывая мнѣ рукавъ сертука.

— Что-жь это, секретъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ... ничего... я, — я вашу книжку безъ вѣсь читать начала, — проговорила она вполголоса и, поднявъ на меня пѣжрый, проникающій взглядъ, вся закраивалась.

— А, вотъ какъ! что-жь нравится тебѣ? я былъ въ заѣшательствѣ автора, котораго похваляли въ глаза, но я бы, Богъ знаетъ, что дать, если-бъ могъ въ эту минуту поцѣловатьъ ее. Но какъ-то нельзя было поцѣловатьъ. Не цѣловать я. Нелли помечтала.

— Зачѣмъ, зачѣмъ онъ умеръ? — спросила она съ видомъ глубочайшей грусти, мелькомъ взглянувъ на меня и вдругъ опять опустивъ глаза.

— Кто это?

— Да вотъ этотъ, молодой, въ чехолкѣ... въ книжкѣ-то?

— Что-жь дѣлать, такъ надо было Нелли.

— Совѣсь не надо, — отвѣчала она, почти шепотомъ, но какъ-то вдругъ отрывисто, чуть не сердито, надувъ губки и еще упорнѣе уставившись глазами въ полъ.

Прошла еще минута.

— А она... ну вотъ и они-то... дѣвушка и старичокъ, — шептала она, продолжая какъ-то усиленнѣе пощипывать меня за рукавъ, — что-жь они будутъ жить вѣстѣ? И не будутъ бѣдные?

— Нѣтъ Нелли, она уѣдетъ далеко; выйдетъ замужъ за помѣщика, а снѣ одинъ останется, — отвѣчалъ я съ крайнимъ сожалѣниемъ, дѣйствительно сожалѣя, что не могу ей сказать чего нибудь утѣшительнаго.

— Ну вотъ... вотъ! вотъ-какъ это! у, какіе!.. Я и читать теперь не хочу!

И она сердито оттолкнула мою руку, быстро отвернула отъ меня, ушла къ столу и стала лицомъ къ углу, глазами въ

земно. Она вся покраснѣла и тяжело дышала, точно отъ какого-то ужаснаго огорченія.

— Полно Нелли, ты разсердилась! — началъ я подходя къ ней, — вѣдь это все неправда, что написано, — выдумка; ну чегожь тутъ сердиться! Чувствительная ты дѣвочка!

— Я не сержусь, — проговорила она робко, подмавъ на меня такой свѣтлый, такой любящей взглядъ; потомъ вдругъ схватила мою руку, прижала къ моей груди лицо и отчего-то заплакала.

Но въ ту же минуту и засмѣялась, — и плавала и смѣялась все вмѣстѣ. Мнѣ тоже было и смѣшно и какъ-то... сладко. Но она ни за что не хотѣла подмать ко мнѣ голову, и когда я сталъ было отрывать ея личико отъ моего плеча, она все крѣпче и крѣпче прижимала къ нему в все сильнѣе и сильнѣе смѣялась.

Наконецъ кончилась эта чувствительная сцена. Мы простились; я спѣшилъ. Нелли все раздумывавшаяся и все еще какъ-будто пристыжонная и съ сіяющими какъ звѣздочки глазками, выбѣжала за мной на самую лѣстницу и просила воротиться скорѣе. Я обѣщалъ, что непременно ворочусь къ обѣду и какъ можно пораньше.

Сначала я пошелъ къ старикамъ. Оба они хворали. Анна Андревна была совсѣмъ больная; Николай Сергѣевичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ. Онъ слышалъ, что я пришелъ, но я зналъ, что по обыкновенію своему онъ выйдетъ не раньше какъ черезъ четверть часа, чтобъ дать намъ наговориться. Я не хотѣлъ очень разстраивать Анну Андревну, и потому смягчалъ по возможности мой рассказъ о вчерашнемъ вечерѣ, но высказалъ правду; къ удивленію моему старушка, хоть и огорчилась, но какъ-то безъ удвленія приняла извѣстіе о возможности разрыва.

— Ну, батюшка, такъ я и думала, сказала она. — Вы ушли тогда, а я долго продумала и надумалась, что не бывать этому. Не заслужили мы у Господа Бога, да и человекъ-то такой подлый; можно ль отъ него добра ожидать. Шутка ль, десять тысячъ съ насъ задаромъ беретъ, знаетъ вѣдь, что задаромъ и все-таки беретъ. Последній кусокъ хлѣба отнимаетъ; продадутъ Ихменевку. А Наташечка справедлива и умна, что имъ не повѣрила. Да знаете ль вы еще, батюшка, продолжала она, понизивъ голосъ: — Мой-то, мой-то! Совсѣмъ напротивъ этой свадьбы идти. Проговариваться сталъ: не хочу говорить! Я сначала думала, что онъ блажитъ; нѣтъ ваправду. Что-жь тогда са

ней-то будетъ, съ голубушкой? Вѣдь онъ ее тогда совсѣмъ проклянетъ. Ну, а тотъ-то, Алеша-то, онъ-то что?

И долго еще она меня спрашивала и по обыкновенію своему охала и сѣтовала за каждымъ моимъ отвѣтомъ. Вообще я замѣтилъ, что она въ последнее время какъ-то совсѣмъ потерялась. Всякое извѣстіе потрясало ее. Скорбь объ Наташѣ убивала ее сердце и здоровье.

Вошелъ старикъ, въ халатѣ, въ туфляхъ; онъ жаловался на лихорадку, но съ нѣжностью посмотрѣлъ на жену и все время, какъ я у нихъ былъ, ухаживалъ за ней какъ нянька, смотрѣлъ ей въ глаза, даже робѣлъ передъ нею. Во взглядахъ его было столько нѣжности. Онъ былъ страшно испуганъ ея болѣзью; онъ чувствовалъ, что лишается всего въ жизни, если и ее потеряетъ.

Я просидѣлъ у нихъ съ часъ. Прощаясь, онъ вышелъ за мною до передней проводить меня и заговорилъ о Нелли. У него была серьезная мысль, принять ее къ себѣ въ домъ вмѣсто дочери. Онъ сталъ совѣтоваться со мной какъ склонить на то Авиу Андревну. Съ особеннымъ любопытствомъ спрашивалъ меня о Нелли и не узналъ ли я объ ней еще чего новаго? Я наскоро рассказалъ ему. Разсказъ мой произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, сказалъ онъ рѣшительно, — а покажѣсть... а впрочемъ, я самъ къ тебѣ приду, вотъ только немножко поправлюсь здоровьемъ. Тогда и рѣшимъ.

Ровно въ двѣнадцать часовъ я былъ у Маслобоева. Къ величайшему моему изумленію, первое лицо, которое я встрѣтилъ, войдя къ нему, былъ князь. Онъ въ передней надѣвалъ свое пальто, а Маслобоевъ суетливо помогалъ ему и подавалъ ему его трость. Онъ ужъ говорилъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ княземъ, но все-таки эта встрѣча чрезвычайно изумила меня.

Князь какъ-будто смѣшался, увидѣвъ меня.

— Ахъ это вы! вскрикнулъ онъ какъ-то ужъ слишкомъ съ жаромъ, — представьте, какая встрѣча! Впрочемъ я сейчасъ узналъ отъ г. Маслобоева, что вы съ нимъ знакомы. Радъ, радъ, чрезвычайно радъ, что васъ встрѣтилъ; я именно желалъ васъ видѣть и надѣюсь какъ можно скорѣе заѣхать къ вамъ, вы позволите? У меня просьба до васъ. Я просто прошу васъ, помогите мнѣ, разъясните мнѣ теперешнее положеніе наше. Вы

вѣрно поняли, что я говорю про вчерашнее... Вы тамъ знакомы дружески, вы слѣдили за всѣмъ ходомъ этого дѣла; вы имѣете вліяніе... Ужасно жалѣю, что не могу съ вами теперь же... Дѣла! Но на дняхъ и даже можетъ быть скорѣе я буду имѣть удовольствіе быть у васъ. А теперь. Извините меня.

Онъ какъ-то ужъ слишкомъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, перемигнулся съ Маслобоевымъ и вышелъ.

— Скажите мнѣ, ради Бога... началъ было я, входя въ комнату.

— Ровно-таки ничего тебѣ не скажу, перебилъ Маслобоевъ, поспѣшно хватая фуражку и направляясь въ переднюю, — дѣла! Я, братъ, самъ бѣгу, опоздалъ!..

— Да вѣдь ты самъ написалъ, что въ двѣнадцать часовъ.

— Чтожъ такое что нависалъ? Вчера тебѣ написалъ, а сегодня мнѣ написали, да такъ, что лобъ затрещалъ, — такія дѣла. Ждутъ меня. Прости, Ваня. Все что могу предоставить тебѣ въ удовлетвореніе, это исколотить меня за то, что напрасно тебя потревожилъ. Если хочешь удовлетвориться, то колоти, но только ради Христа поскорѣе! не удержи, дѣла! ждутъ!..

— Да зачѣмъ мнѣ тебя колотить? Дѣла, такъ спѣши, у всякого бываетъ свое непредвидѣнное. А только...

— Нѣтъ, про *только*-то я скажу, перебилъ онъ, выскакивая въ переднюю и надѣвая шинель (за нимъ и я сталъ одѣваться). — У меня и до тебя дѣло; очень важное дѣло; за нимъ-то я и звалъ тебя; прямо до тебя касается и до твоихъ интересовъ. А такъ какъ въ одну минуту, какъ теперь, рассказать нельзя, то дай ты, ради Бога, слово, что придешь ко мнѣ сегодня ровно въ семь часовъ, ни раньше, ни позже. Буду дома.

— (Сегодня, сказалъ я въ перѣшительности, — ну, братъ, я сегодня вечеромъ хотѣлъ было зайти...

— Зайди, голубчикъ, сейчасъ туда, куда ты хотѣлъ вечеромъ зайти, а вечеромъ-то ко мнѣ. Потому, Ваня, и вообразить ты не можешь какія я вещи тебѣ сообщу.

— Да изволь, изволь; что бы такое? Признаюсь ты завлекъ мое любопытство.

Между тѣмъ мы вышли изъ воротъ дома и стояли на тротуарѣ.

— Такъ будешь? спросилъ онъ настойчиво.

— Сказалъ, что буду.

- Нѣтъ, дай честное слово.
- Фу какой! Ну, честное слово.
- Отлично и благородно. Тебѣ куда?
- Сюда, отвѣчалъ я показывая на право.
- Ну, а мнѣ сюда, сказалъ онъ показывая на лѣво. Прощай Ваня! помни, семь часовъ.

Странно, подумалъ я, смотря ему вслѣдъ.

Вечеромъ я хотѣлъ быть у Наташи. Но такъ какъ теперь далъ слово Маслобоеву, то и разсудилъ отправиться къ ней сей-часъ. Я былъ увѣренъ, что застаю у ней Алешу. Дѣйствительно онъ былъ тамъ и ужасно обрадовался, когда я вошелъ.

Онъ былъ очень милъ, чрезвычайно нѣжешь съ Наташей и даже развеселился съ моимъ приходомъ. Наташа хоть и старалась казаться веселою, но видно было, что черезъ силу. Лицо ея было больное и блѣдное. Видно было, что она плохо спала ночью. Къ Алешѣ она была какъ-то усиленно ласкова.

Алеша, хоть и много говорилъ, много разсказывалъ, повидному желая развеселить ее и сорвать улыбку съ ея, невольной складывавшихся не въ улыбку губъ, но замѣтно обходилъ въ разговорѣ Катю и отца. Вѣроятно вчерашняя его попытка примиренія не удалась.

— Знаешь что? ему ужасно хочется уйдти отъ меня, шепнула мнѣ на скоро Наташа, когда онъ вышелъ на минутку что-то сказать Маврѣ: — да и боится. А я сама боюсь ему сказать, чтобъ онъ уходилъ, потомучто онъ тогда, пожалуй нарочно не уйдетъ, а пуще всего боюсь, что онъ соскучится и за это совсѣмъ охладѣетъ ко мнѣ! Какъ слѣдуетъ?

— Боже, въ какое положеніе вы сами себя ставите! И какіе вы мнительные, какъ вы слѣдите другъ за другомъ! Да просто объяснитесь, ну и кончено. Вотъ черезъ это-то положеніе онъ можетъ быть и дѣйствительно соскучится.

— Какже быть? вскричала она испуганная.

— Постой я вамъ все улажу... и я вышелъ въ кухню, подъ предлогомъ попросить Мавру обтереть одну очень загрязнившуюся мою калошу.

— Осторожиѣ, Ваня! закричала она мнѣ вслѣдъ.

Только что я вошелъ къ Маврѣ, Алеша такъ и бросился ко мнѣ, точно меня ждалъ:

— Иванъ Петровичъ, голубчикъ, что мнѣ дѣлать? посоветуйте мнѣ: я еще вчера далъ слово быть сегодня, именно теперь, у Кати. Не могу же я манкировать! Я люблю Наташу какъ не знаю что, готовъ просто въ огонь, но согласитесь сами, тамъ со всѣмъ бросить, вѣдь это нельзя...

— Ну чтожъ, поѣзжайте...

— Да какъ же Наташа то? Вѣдь я огорчу ее. Голубчикъ, Иванъ Петровичъ, выручите какъ-нибудь...

— По моему лучше поѣзжайте. Вы знаете какъ она васъ любить; ей все будетъ казаться, что вамъ съ ней скучно и что вы съ ней сидите насильно. Невпринужденнѣе лучше. Впрочемъ пойдемте, я вамъ помогу.

— Голубчикъ, Иванъ Петровичъ! какой вы добрый!

Мы вошли; черезъ минуту я сказалъ ему.

— А я видѣлъ сейчасъ вашего отца.

— Гдѣ? вскричалъ онъ испуганный.

— На улицѣ, случайно. Онъ остановился со мной на минуту, опять просилъ быть знакомымъ. Спрашивалъ объ васъ! не знаю же я гдѣ теперь вы? Ему очень надо было васъ видѣть, что-то сказать вамъ.

— Ахъ Алеша, съѣзди, покажись ему, подхватила Наташа, появшая къ чему я клоню.

— Но.. гдѣжъ я его теперь встрѣчу? Опъ дома?

— Нѣтъ, помнится, онъ сказалъ, что онъ у графини.

— Ну, такъ какъ же... наивно произнесъ Алеша, печально смотря на Наташу.

— Ахъ Алеша, такъ что же! сказала Наташа. — Неужелижъ ты вправду хочешь оставить это знакомство, чтобъ меня успокоить. Вѣдь это по дѣтски. Во первыхъ это невозможно, а во вторыхъ ты просто будешь неблагодаренъ передъ Катей. Вы друзья; развѣ можно такъ грубо разрывать связи. Наконецъ ты меня просто обижаетъ; коли думаешь, что я такъ тебя ревную. Поѣзжай, немедленно поѣзжай, я прошу тебя! Да и отецъ твой успокоится.

— Наташа, ты ангелъ, а я твоего пальчика не стою! вскричалъ Алеша съ восторгомъ и съ раскаяніемъ. — Ты такъ добра, а... а... ну узнай же! Я сейчасъ же просилъ тамъ въ кухнѣ Ивана Петровича, чтобъ онъ выдумалъ что-нибудь, чтобъ мнѣ уѣхать отъ тебя. Онъ это и выдумалъ. Но не суди меня, ангелъ

Наташа! Я не совсѣмъ виновата, потому что люблю тебя въ тысячу разъ больше всего на свѣтѣ и потому выдумала новую мысль: открыться во всемъ Катѣ и немедленно разсказать ей все наше теперешнее положеніе и все что вчера было. Она что-нибудь выдумаетъ для нашего спасенія, она намъ всею душою предана...

— Ну и ступай, отвѣчала Наташа, улыбаясь: — и вотъ что, голубчикъ, я сама хотѣла бы очень познакомиться съ Катей. Какъ бы это устроить?

Восторгу Алеша не было предѣловъ. Онъ тотчасъ же пустился въ предположенія какъ познакомиться. По его выходило это очень легко; Катя выдумаетъ. Онъ развивалъ свою идею съ жаромъ, горячо. Сегодня же обѣщался и отвѣтъ привести, черезъ два же часа, и вечеръ просидѣть у Наташи.

— Вправду пріѣдешь? спросила Наташа, отпуская его.

— Неужели ты сомнѣваешься? Прощай Наташа, прощай голубчикъ, ангелъ, возлюбленная моя, — вѣчная моя возлюбленная! Прощайте Ваня! Ахъ Боже мой, я васъ нечаянно цалаала Ваней; послушайте Иванъ Петровичъ, я васъ такъ люблю — зачѣмъ мы не на *ты*. Будемъ на *ты*.

— Будемъ на *ты*.

— Слава Богу! Вѣдь мнѣ это сто разъ въ голову приходило. Да я все какъ то не смѣлъ вамъ сказать. Вотъ и теперь мы говорю. А вѣдь это очень трудно *ты* говорить. Это кажется гдѣ то у Толстого хорошо выведено: двое дали другъ другу слово говорить ты, да и никакъ не могутъ и все избѣгаютъ такіа фразы, въ которыхъ мѣстоимѣнія. Ахъ, Наташа! перечтемъ когда-нибудь «Дѣтство и Отрочество»; вѣдь какъ хорошо!

— Да ужь ступай, ступай! проговорила Наташа, смѣясь; — заболтался отъ радости...

— Прощай! черезъ два часа у тебя!

Онъ поцѣловалъ у ней руку и поспѣшно вышелъ.

— Видишь, видишь Ваня! проговорила Наташа и зажала слезами.

Я просидѣлъ съ ней часа два, утѣшалъ ее и успѣлъ убѣдить во всемъ. Разумѣется она была во всемъ права, во всѣхъ своихъ опасеніяхъ. У меня сердце ныло въ тоскѣ, когда я думалъ о теперешнемъ ея положеніи; боялся я за нее. Но что жъ было дѣлать?

Страненъ былъ для меня и Алеша : онъ любилъ ее не меньше чѣмъ прежде, даже можетъ-быть и сильнѣе, мучительнѣе, отъ раскаянія и благодарности. Но въ тоже время новая любовь крѣпко вселялась въ его сердца. Чѣмъ это кончится, — невозможно было предвидѣть. Миѣ самому ужасно любопытно было посмотреть на Катю. Я снова общалъ Наташѣ познакомиться съ нею. Въ этотъ разъ я не могъ не заплакать, смотря на слезы Наташи. Самое лучшее, самое сладкое утѣшеніе для женщины — это поплакать вмѣстѣ съ нею.

Подъ конецъ она даже какъ-будто развеселилась. Между прочимъ я рассказалъ ей все о Нелли, о Маслобоевѣ, о Бубноной, о сегодняшней встрѣчѣ моей у Маслобоева съ княземъ и о назначенномъ свиданіи моемъ въ семь часовъ. Все это ужасно ее заинтересовало. О старикахъ я говорилъ съ ней немного, а о посѣщеніи Ихменева умолчалъ; до времени предполагаемая дуэль Николая Сергѣича съ княземъ могла испугать ее. Ей тоже показались очень странными сношенія князя съ Маслобоевымъ и чрезвычайное его желаніе познакомиться со мною, хотя все это и довольно объяснялось теперешнимъ положеніемъ...

Часа въ три я воротился домой. Нелли встрѣтила меня съ своимъ свѣтлымъ личикомъ

ГЛАВА X

Ровно въ семь часовъ вечера я уже былъ у Маслобоева. Онъ встрѣтилъ меня съ громкими криками и съ распростертыми объятіями. Само собою разумѣется, онъ былъ вполъпьяна. Но болѣе всего меня удивили чрезвычайныя приготовленія къ моей встрѣчѣ. Видно было, что меня ожидали. Хорошенькій томпаковый самоваръ кипѣлъ на кругломъ столѣ, накрытомъ прекрасною и дорогою скатертью. Чайный приборъ блисталъ хрусталемъ, серебромъ и фарфоромъ. На другомъ столѣ, покрытомъ другого рода, но не менѣе богатой скатертью, стояли на тарелкахъ конфеты очень хорошія, варенья кievскія, жидкія и сухія, мармеладъ, пастила, желе, французскія варенья, апельсины, яблоки и трехъ или четырехъ сортовъ орѣхи, — однимъ словомъ цѣлая фруктовая лавка. На третьемъ столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжною скатертью стояли разнообразнѣйшія закуски : икра, сыръ, па-

стегъ, колбасы, копченый окорокъ, рыба и строй превосходныхъ хрустальныхъ графиновъ съ водками многочисленныхъ сортовъ и прелестнѣйшихъ цвѣтовъ, — зеленыхъ, рубиновыхъ, коричневыхъ, золотыхъ. Наконецъ, на маленькомъ столикѣ, въ сторонѣ, тоже накрытомъ бѣлою скатертью, стояли двѣ вазы съ шампанскимъ. На столѣ передъ диваномъ, красовались три бутылки: тернъ, лафитъ и коньякъ — бутылки Елисеевскія и предорогія. За чайнымъ столикомъ сидѣла Александра Семеновна, хоть и въ простомъ платьѣ и уборѣ, но видимо изысканномъ и обдуманномъ, правда очень удачно. Она понимала, что къ ней идетъ и видимо этимъ гордилась; встрѣчая меня, она привстала съ нѣкоторою торжественностью. Удовольствіе и веселость сверкали на ея свѣженькомъ личикѣ. Маслобоевъ сидѣлъ въ прекрасныхъ китайскихъ туфляхъ, въ дорогомъ халатѣ и въ свѣжемъ щегольскомъ бѣльѣ. На рубашкѣ его были вездѣ, гдѣ только можно было прицѣпить, модныя запонки и пуговики. Волосы были расчесаны, напомажены и съ косымъ проборомъ, по модному.

Я такъ былъ озадаченъ, что остановился среди комнаты и смотрѣлъ, раскрывъ ротъ, то на Маслобоева, то на Александру Семеновну, самодовольство которой доходило до блаженства.

— Что это, Маслобоевъ? Развѣ у тебя сегодня званый вечеръ? вскричалъ я, наконецъ, съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, ты одинъ, отвѣчалъ онъ торжественно.

— Да что же это (я указалъ на закуски)? вѣдь тутъ можно накормить цѣлый полкъ!

— И навонть, — главное забыть: напоить! прибавилъ Маслобоевъ.

— И это все для одного меня?

— И для Александры Семеновны. Все это ей угодно было такъ сочинить.

— Ну вотъ ужъ! я такъ и знала! воскликнула заирасвѣвшихъ Александра Семеновна, но нисколько не потерявъ своего довольнаго вида. Гости прилично принять нельзя; тотчасъ я виновата!

— Съ самаго утра, можешь себѣ представить, съ самаго утра, только что узнала, что ты придешь на вечеръ захопотала; въ мукахъ была...

— И тутъ солгалъ! вовсе не съ самаго утра, а со вчерашняго вечера. Ты вчера вечеромъ, какъ пришолъ, такъ и сказалъ мнѣ, что они въ гости на цѣлый вечеръ придуть...

— Это вы ослышались-съ.

— Вовсе не ослышалась, а такъ было. Я никогда не лгу. А почемужъ гостя не встрѣтить? Живемъ-живемъ, никто-то къ намъ не ходитъ, а все-то у насъ есть. Пусть же хорошіе люди видятъ, что и мы умѣемъ какъ люди жить.

— И главное узнаютъ какаѧ вы великолѣпная хозяйка и распорядительница, прибавилъ Маслобоевъ.—Представь, дружище, я-то, я-то за что тутъ попался. Рубашку голландскую на шею напялили, запонки натыкали, туфли, халатъ китайскій, волосы расчесала мнѣ сама и распомадила: бергамотъ-съ; духами катиняй-то напрыскать хотѣла: креймъ-брюле, да ужъ тутъ я не вытерпѣлъ, возсталъ, супружескую власть показалъ...

— Вовсе не бергамотъ, а самая лучшая французская помада, изъ фарфоровой росписанной блпочки! подхватила, вся вспыхнувъ, Александра Семеновна.—Посудите сами, Иванъ Петровичъ, ни въ театръ, ни потанцовать никуда не пускаетъ, только платъЯ дарить, а что мнѣ въ платъ-то? Наряжусь да и хожу одна по комнатамъ. Намедни упростила, совсѣмъ ужъ было собрались въ театръ; только что отвернулась брошку прицѣпить, а онъ къ шкапикку: одну, другую да и накатился. Такъ и остались. Никто-то, никто-то, никто-то не ходитъ къ намъ въ гости; а только по утрамъ, по дѣламъ; меня и прогонятъ. А между тѣмъ и самовары и сервизъ есть и чашки хорошія—все это есть, все дареное. И съѣстное-то намъ носить, почти одно вино покупаемъ, да какую-нибудь помаду, да вонъ тамъ закуски пастетъ, окорока, да конфеты для васъ купиди. Хоть бы посмотрѣлъ кто, какъ мы живемъ! Цѣлый годъ думала: вотъ придетъ гость, настоящій гость, мы все это и покажемъ и угостимъ: и люди похвалятъ и самимъ любо будетъ; а что его дурака напомадила, такъ онъ и не стоитъ того; ему бы все въ грязномъ ходить. Вонъ какой халатъ на немъ: подарили; да стоитъ ли онъ такого халата? Ему бы только нализиться прежде всего. Вотъ увидите, что онъ васъ будетъ прежде чаю водкой просить.

— А что! вѣдь и вправду дѣло: выпьемъ-ка, Ваня, золотую и серебряную, а потомъ, съ освѣженной душой и къ другимъ вѣщамъ приступимъ.

— Ну такъ я и знала!

— Не безпокойтесь, Сашенька, в чайку выпьемъ, съ коньячкомъ, за ваше здоровье-съ.

— Ну такъ и есть! вскричала она, всплеснувъ руками: — Чай ханскій, по шести цѣлковыхъ, третьяго дня купецъ подарилъ, а онъ его съ коньякомъ хочетъ пить. Не слушайте, Иванъ Петровичъ, вотъ я вамъ сейчасъ налью... увидите, сами увидите, какой чай!

И она захлопотала у самовара.

Было понятно, что рассчитывали меня продержатъ весь вечеръ. Александра Семеновна цѣлый годъ ожидала гостя и теперь готовилась отвести на мнѣ душу. Все это было не въ моихъ расчетахъ.

— Послушай Маслобоевъ, сказалъ я усаживаясь, — вѣдь я къ тебѣ вовсе не въ гости; я подѣламъ; ты самъ меня звалъ что то сообщить...

— Ну такъ вѣдь дѣло дѣломъ, а пріятельская бесѣда своимъ чередомъ.

— Нѣтъ, душа моя, не рассчитывай. Въ половину девятого и прощай. Дѣло есть; я далъ слово...

— Не думаю. Помилуй, чтожъ ты со мной дѣлаешь? Чтожъ ты съ Александрой-то Семеновной дѣлаешь? Ты взгляни на нее: обомлѣла. За чтожъ меня напомадила-то? Вѣдь на мнѣ бергамотъ; подумай!

— Ты все шутишь Маслобоевъ. Я Александръ Семеновнѣ поклянусь, что на будущей недѣлѣ, ну хоть въ пятницу, приѣду къ вамъ обѣдать; а теперь, братъ, я далъ слово, или, лучше сказать, мнѣ просто надобно быть въ одномъ мѣстѣ. Лучше объясни мнѣ: что ты хотѣлъ сообщить.

— Такъ неужели жъ вы только до половины девятого! вскричала Александра Семеновна, робкимъ и жалобнымъ голосомъ, чуть не плача и подавая мнѣ чашку превосходнаго чаю.

— Не безпокойтесь, Сашенька; все это вздоръ, подхватилъ Маслобоевъ. — Онъ останется; это вздоръ. А вотъ что ты лучше скажи мнѣ, Ваня; куда это ты все уходишь? Какія у тебя дѣла? Можно узнать? Вѣдь ты каждый день куда то бѣгаешь, не работаешь...

— А зачѣмъ тебѣ? Впрочемъ можетъ быть скажу послѣ. А вотъ объясни-ка ты лучше, зачѣмъ ты приходишь ко мнѣ вчера, когда я самъ сказалъ тебѣ, помнишь, что меня нѣту дома?

— Потомъ вспомнилъ, а вчера забылъ. Объ дѣлѣ дѣйстви-тельно хотѣлъ съ тобою поговорить, но пуще всего надо утѣ-

шить Александру Семеновну. «Вотъ, говорить, есть человекъ, оказался пріятель, зачѣмъ же не позовешь? Зачѣмъ не живешь?» И ужь меня, братъ, четверо сутокъ за тебя продергиваютъ. За бергамотъ мнѣ, конечно, на томъ свѣтѣ сорокъ грѣховъ простятъ, но, думаю, отчего же не посидѣть вечерокъ по пріятельски? Я и употребилъ стратагему; написалъ, что дескать такое дѣло, что если не прійдешь, то всѣ наши корабли потонуть.

Я попросилъ его впередъ такъ не дѣлать, а лучше прямо предупредить. Впрочемъ, это объясненіе меня не совсѣмъ удовлетворило.

— Ну а давеча-то зачѣмъ бѣжалъ отъ меня? спросилъ я.

— А давеча дѣйствительно было дѣло, на столечко не солгу.

— Не съ княземъ-ли?

— А вамъ нравится нашъ чай? спросила медовымъ голоскомъ Александра Семеновна.

Вотъ ужь пять минутъ она ждала, что я похвалю ихъ чай, а я не догадался.

— Превосходный, Александра Семеновна, великолѣпный! а ужь булочки такая прелесть, что я и не ѣдалъ такихъ!

Александра Семеновна такъ и зардѣлась отъ удовольствія и бросилась наливать мнѣ еще.

— Князь! вскричалъ Маслобоевъ, — этотъ князь, братъ, такая шельма, такой плутъ... ну! — я братъ вотъ что тебѣ скажу: я хоть и самъ плутъ, но изъ одного цѣломудрія не захотѣлъ бы быть въ его кожѣ! Но довольно; молчокъ! только это одно объ немъ и могу сказать.

— А я, какъ нарочно, пришолъ къ тебѣ, чтобъ и объ немъ распросить, между прочимъ. Но это послѣ. А зачѣмъ ты вчера безъ меня моею Еленѣ леденцовъ давалъ, да плясалъ передъ ней и объ чемъ ты могъ полтора часа съ ней говорить!

— Елена, это маленькая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати или одиннадцати, сиротка, живетъ до времени у Ивана Петровича, объяснилъ Маслобоевъ, вдругъ обращаясь къ Александрѣ Семеновнѣ. — Смотри Ваня, смотри, продолжалъ онъ, показывая на нее пальцемъ, — видишь: такъ вся и вспыхнула, когда услышала, что я незнакомой дѣвушкѣ леденцовъ носилъ, такъ и зардѣлась, такъ и зардѣлась, такъ и вздрогнула, точно мы вдругъ изъ пистолета выстрѣлили... ишь глазенки-то, глазенки-то, такъ и

оверкаютъ, какъ угольки. Да ужъ нечего, Александра Семеновна, — нечего скрывать! ревнивы-сь. Не растолкуй я, что это одиннадцатилѣтняя дѣвочка, такъ бы меня тотчасъ же за шхры отгаскала бы; и бергамотъ бы не спасъ!

— Онъ и теперь не спасетъ!

И съ этими словами, Александра Семеновна, однимъ прыжкомъ прыгнула къ намъ изъ за чайнаго столика и прежде чѣмъ Маслобоевъ успѣлъ заслонить свою голову, она схватила его за ключекъ волосъ и порядочно продернула.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! Не смѣй говорить передъ гостемъ, что я ревнива, не смѣй, не смѣй, не смѣй!

Она даже раскраснѣлась и хоть смѣялась, но Маслобоеву досталось порядочно.

— Про всякій стыдъ рассказываетъ! серьезно прибавила она, обратясь ко мнѣ.

— Ну, Ваня, таково-то житье мое! По этой причинѣ непременно водочки! — рѣшилъ Маслобоевъ, оправляя волосы и чуть не бѣгомъ направляясь къ графину. Но Александра Семеновна предупредила его; подсказала къ столу, налила сама, подала и даже ласково потрепала его по щекѣ. Маслобоевъ съ гордостью подмигнувъ мнѣ глазомъ, щелкнулъ и торжественно вынулъ свою рюмку.

— На счетъ леденцовъ трудно сообразить, началъ онъ, усаживаясь подлѣ меня на диванѣ. — Ихъ купилъ третьяго дня, въ пьяномъ видѣ, въ овоцешной лавочкѣ, — не знаю для чего. Впрочемъ можетъ быть для того, чтобъ поддержать отечественную торговлю и промышленность, — не знаю навѣрно; помню только, что я шёлъ тогда по улицѣ пьяный, увалъ въ грязь, рвалъ на себѣ волосы и плакалъ о томъ, что ни къ чему не способенъ. Я разумеется объ леденцахъ забылъ, такъ они и остались у меня въ карманѣ до вчерашняго дня, когда я съѣлъ на нихъ, садясь на твой диванъ. На счетъ танцевъ же опять тотъ же нетрезвый видъ; вчера я былъ достаточно пьянъ, а въ пьяномъ видѣ я, когда бываю доволенъ судьбою, иногда танцую. Вотъ и все; промѣ развѣ того, что эта сиротка возбудила во мнѣ жалость; да кромѣ того, она и говорить со мной не хотѣла, какъ будто сердилась. Я и ну танцовать, чтобъ развеселить ее и леденчиками попотчевать.

— А не подкупалъ ее, чтобъ у ней кое-что выведать и;

признайся откровенно, нарочно ты зашел ко мнѣ зная, что жена дома не будетъ, за тѣмъ чтобы поговорить съ ней между четырьмя глазь и что-нибудь выведать, или вѣтъ? Вѣдь я знаю, что ты съ ней часа полтора просидѣлъ, увѣрилъ ее, что ее мать покойницю знаешь и что-то выспрашивалъ.

Маслобоевъ прищурился и плутовски усмѣхнулся.

— А вѣдь идея-то была бы не дурна; сказалъ онъ. Но нѣтъ, Ваня, это не то. То есть, почему не разспросить при случаѣ; но это не то. Слушай, старинный пріятель, я хоть теперь и довольно пьянъ, по обыкновенію, но знай что съ *злымъ умысломъ* Филиппъ тебя никогда не обманетъ, съ *злымъ то есть умысломъ*.

— Ну, а безъ злого умысла?

— Ну... и безъ злого умысла. Но къ чорту это, выпьемъ и въ объ дѣлѣ! Дѣло-то пустое, продолжалъ онъ выпивъ. — Эта Бубнова не имѣла никакого права держать эту дѣвочку; я все разузналъ. Никакого тутъ усыновленія или прочаго не было. Мать должна была ей денегъ, та и забрала къ себѣ дѣвочку. Бубнова хоть и плутовка, хоть и злодѣйка, но баба-дура, какъ и всѣ бабы. У покойницы былъ хорошій паспортъ; слѣдственно все это чисто. Елена можетъ жить у тебя, хотя бы очень хорошо было, еслибъ какіе-нибудь люди семейные и благодѣтельные являлись ей серьезно на воспитаніе. Но покаместъ пусть она у тебя. Это ничего; я тебѣ все обдѣлаю; а Бубнова и пальцемъ пошевелить не смѣетъ. О покойницѣ же матери я почти ничего не зналъ точнаго. Она чья-то вдова, по фамилии Зальцманъ.

— Такъ; мнѣ такъ и Нелли говорила.

— Ну такъ и конечно. Теперь же, Ваня, началъ онъ съ нѣкоторою торжественностью, — я ивѣю къ тебѣ одну просьбу. Ты же исполни. Расскажи мнѣ, по возможности подробице, что у тебя за дѣла, куда ты ходишь, гдѣ бываешь по цѣлымъ днямъ? Я хоть отчасти и слышалъ и знаю, но мнѣ надобно знать гораздо подробице.

Такая торжественность удивила меня и даже обезпокоила.

— Да что такое? для чего тебѣ это знать? и ты такъ торжественно спрашиваешь.

— Вотъ что Ваня, безъ лишнихъ словъ: я тебѣ хочу оказать услугу. Видишь, голубчинъ, еслибъ я съ тобой хитрилъ, я бы у тебя и безъ торжественности умѣлъ выпытать. А ты подозрѣ-

вѣдешь, что я съ тобой хитрю: давеча, ледемцы-то; я вѣдь не вѣдѣлъ. Но такъ какъ я съ торжественностью говорю, значить не для себя интересуюсь, а для тебя. Такъ ты не сомнѣвайся и говори напрямикъ, правду — истинную...

— Да какую услугу? Слушай Маслобоевъ: для чего ты не хочешь мнѣ рассказать что-нибудь о влзѣ? мнѣ это нужно. Вотъ это будетъ услуга.

— О князь! гм... Ну такъ и быть, прямо скажу: я и выспрашиваю теперь тебя по поводу князя.

— Какъ?

— А вотъ какъ: я, братъ, замѣтилъ, что онъ какъ-то въ твои дѣла замѣшался; между прочимъ онъ разспрашивалъ меня объ тебѣ. Ужь какъ онъ узналъ, что мы знакомы, — это не твое дѣло. А только главное въ томъ: берегись ты этого князя. Это Юда-предатель и даже хуже того. И потому, когда я увидѣлъ, что онъ отразился въ твоихъ дѣлахъ, то вострепегалъ за тебя. Впрочемъ я вѣдь ничего не знаю; для того-то и прошу тебя рассказать, чтобъ я могъ судить... И даже для того тебя сегодня къ себѣ призвалъ. Вотъ это-то и есть то важное дѣло; прямо объясняю.

— По крайней мѣрѣ ты мнѣ скажешь хоть что-нибудь, хоть то, почему именно я долженъ опасаться князя.

— Хорошо; такъ и быть; я, братъ, вообще употребляюсь иногда по инымъ дѣламъ. Но расуди: мнѣ вѣдь нинѣ и довѣряются-то потому, что я не болтунъ. Какже я тебѣ буду рассказывать? И потому не взыщи, если расказу вообще, слишкомъ вообще, для того только, чтобъ показать: какой Дескратъ онъ выходитъ подлець. Ну, начинай же сначала ты, про свое.

Я разсудилъ, что въ моихъ дѣлахъ мнѣ рѣшительно нечего было скрывать отъ Маслобоева. Дѣло Наташи было не секретное; кому же я могъ ожидать для нея же нѣкоторой пользы отъ Маслобоева. Разумѣется въ моемъ разказѣ я, по возможности, обошолъ нѣкоторые щекотливые пункты. Маслобоевъ въ особенности внимательно слушалъ все, что касалось князя; во многихъ мѣстахъ меня останавливалъ, многое вновь переспрашивалъ, такъ что я рассказалъ ему довольно подробно. Разказъ мой продолжался съ полчаса.

— Гм! умная голова у этой дѣвицы, рѣшилъ Маслобоевъ. — Если можетъ быть и не совсѣмъ вѣрно догадалась она про кня-

зд, то ужь то одно хорошо, что съ перваго шагу узнала съ кѣмъ выветь дѣло и прервала всѣ сношенія. Молодецъ Наталья Николаевна! Нью за ея здоровье. (Онъ выпилъ.) Тутъ не только умъ, тутъ сердца надо было, чтобъ не дать себя обмануть. И сердце не выдаю. Разумѣется ея дѣло проиграно; князь настоятъ на своемъ, и Алеша ее броситъ. Жаль одного, Ихменева, — десять тысячъ платить этому подлецу! Да кто у него по дѣлу-то ходилъ, кто хлопоталъ? не бось самъ! э-эхъ! то-то всѣ эти горячіе и благородные! Никуда не годится народъ, лѣзутъ на прямки. Съ княземъ не такъ надо было дѣйствовать. Я бы такого адвокатика досталъ Ихменеву, — э-эхъ! И онъ съ досадою стукнулъ по столу.

— Ну теперь что же князь-то?

— А ты все о князѣ. Да что объ немъ говорить; и не радъ, что вызвался. Я вѣдь, голубчикъ Ваня, только хотѣлъ тебя на счетъ этого мошенника предупредить, чтобы такъ сказать оградить тебя отъ его вліянія. Кто съ нимъ связывается, тотъ не безопасенъ. Такъ ты держи ухо востро; вотъ и все. А ты ужь и подумай, что я тебѣ Богъ знаетъ какія парижскія тайны хочу сообщить. И видно, что романистъ! Ну, что говорить о подлецѣ? Подлецъ такъ и есть подлецъ... Ну, вотъ напримѣръ, расскажу тебѣ одно его дѣльце, разумѣется безъ мѣстъ, безъ городовъ; безъ лицъ, то есть безъ календарской точности. Ты знаешь, что онъ еще въ первой молодости, когда принужденъ былъ жить канцелярскимъ жалованіемъ, женился на богатой купчихѣ. Ну, съ этой кунчихой онъ не совсѣмъ вѣжливо обошелся и хоть не въ ней теперь дѣло, но замѣчу, другъ Ваня, что онъ всю жизнь навболѣе по такимъ дѣламъ любилъ промышлять. Вотъ еще случай: поѣхалъ онъ за границу. Тамъ...

— Постой, Маслобоевъ, про которую ты поѣздку говоришь? въ которомъ году?

— Ровно девяносто девять лѣтъ тому назадъ и три мѣсяца. Ну-съ, тамъ онъ и сманилъ одну дочь, у одного отца, да и увезъ съ собою въ Парижъ. Да вѣдь какъ сдѣлалъ-то! Отецъ былъ въ родѣ какого-то заводчика или участвовалъ въ какомъ-то этакомъ предпріятіи. Навѣрно не знаю. Я вѣдь, если и рассказываю тебѣ, то по собственнымъ умозаключеніямъ и соображеніямъ изъ другихъ данныхъ. Вотъ и князь его надулъ, тоже въ предпріятіе съ нимъ вмѣстѣ залѣзъ. Надулъ вполнѣ и деньги

съ него взялъ. На счетъ взятыхъ денегъ у старика были разумѣется кой-какіе документы. А князю хотѣлось такъ вѣсть, чтобъ и не отдать, по нашему просто украсть. У старика была дочь и дочь-то была красавица, а у этой красавицы былъ влюбленный въ нее идеальнѣйшій человѣкъ, братецъ Шидлеру, поэтъ, въ тоже время купецъ, молодой мечтатель, однимъ словомъ вполне иѣмецъ, Феферкухенъ какой-то.

— То есть это фамилья его Феферкухенъ?

— Ну, можетъ и не Феферкухенъ, чортъ его дери, не въ немъ дѣло. Только князь-то и подлѣзъ къ дочери, да такъ подлѣзъ, что она влюбилась въ него до безпамятства. Князю и захотѣлось тогда двухъ вещей: во первыхъ, овладѣть донцой, а во вторыхъ документами во взятой у старика суммѣ. Ключи отъ всѣхъ ящичковъ стариковыхъ были у его дочери. Старикъ же любилъ дочь безъ памяти, до того, что замужъ ее отдавать не хотѣлъ. Серьезно. Ко всякому жениху ревновалъ, не принималъ какъ можно, разстаться съ нею, и Феферкухена прогналъ, чудакъ какой-то англичанинъ...

— Англичанинъ? Да гдѣ же все это происходило?

— Я только такъ сказалъ: англичанинъ, для сравненія, а ты ужь и подхватишь. Было жь это въ городѣ Санкт-е-де-Бопота, а можетъ и въ Краковѣ, но вѣрнѣй всего, что въ Фюрстенбургъ Цассау, вотъ что на Зельцерской водѣ написано, именно въ Цассау; довольно съ тебя? Ну-съ, вотъ-съ князь дѣвицу-то сманилъ, да и увезъ отъ отца, да по настоянію князя, дѣвица захватила съ собой и кой-какіе документики. Вѣдь бываетъ же такая любовь, Ваня! Фу ты, Боже мой, а вѣдь дѣвушка была честная, благородная, возвышенная! Правда, можетъ толку-то большого въ бумагахъ не знала. Ее заботило одно! что отецъ проклянетъ. Князь и тутъ нашолся; далъ ей форменное, законное обязательство, что на ней женится. Такимъ образомъ и увѣрилъ ее, что они такъ только побѣдутъ, на время прогуляются, а когда гнѣвъ старика поутихнетъ, они и воротятся къ нему обыкновенные и будутъ втроемъ вѣкъ жить, добра наживать и такъ далѣе до безконечности. Бѣжала она, старикъ-то ее проклялъ да и обанкрутился. За мею въ Парижъ потащился и Фрауенмилхъ, все бросилъ и торговлю бросилъ; влюбленъ былъ ужь очень.

— Стой! какой Фрауенмилхъ?

— Ну тотъ, какъ его! Фейербахъ-то... тьфу проклятый: Феферкухенъ? Ну-съ князю разумѣется жениться нельзя было; кто дескать графиня Хлестова скажетъ, какъ бароцъ Помойкинъ объ этомъ отзовется? Слѣдственно надо было надуть. Ну, надуть-то онъ слишкомъ нагло. Во первыхъ чуть ли не билъ ее, во вторыхъ нарочно пригласилъ къ себѣ Феферкухена, тотъ и ходилъ, другомъ ея сдѣлался, ну хныкали вмѣстѣ, по цѣлымъ вечерамъ одни сидѣли, несчастья свои оплакивали, тотъ утѣшалъ: да вѣстно Божьи души. Князь-то нарочно такъ подвелъ: разъ застаешь ихъ поздно, да и выдумалъ, что они въ связи, придрался къ чему-то; своими глазами, говорить, видѣлъ. Ну и вытолкалъ ихъ обоихъ за ворота, а самъ на время въ Лондонъ уѣхалъ. А та была ужъ на сносяхъ; какъ выгнали ее, она и родила дочь... то есть не дочь, а сына, именно сынишку, Володькой и окрестили. Феферкухенъ воспреемникомъ былъ. Ну вотъ и поѣхала она съ Феферкухеномъ. У того маленькія деньжонки были. Обѣхала она Швейцарію, Италію... во всѣхъ то есть поэтическихъ земляхъ была, какъ и слѣдуетъ. Та все плакала, а Феферкухенъ хныкалъ и много лѣтъ такимъ образомъ прошло и дѣвочка выросла. И для князя-то все бы хорошо было, да одно не хорошо: обязательство-то жениться онъ у ней назадъ не выхлопотаеъ. «Низкій ты человекъ», сказала она ему при прощаніи, ты меня обокрадь, ты меня обезчестилъ и теперь оста-вляешь. Прощай! но обязательства тебѣ не отдамъ. Не потому, чтобъ я когда хотѣла за тебя выйти, а потому что ты этого документа боишься. Такъ пусть онъ и будетъ у меня вѣчно въ рукахъ». Погорячилась однимъ словомъ, но князь впрочемъ остался покоенъ. Вообще такимъ подлецамъ превосходно имѣть дѣло съ такъ называемыми возвышенными существами. Они такъ благородны, что ихъ всегда легко обмануть, а во вторыхъ они всегда отдѣляются возвышеннымъ и благороднымъ презрѣніемъ, вмѣсто практическаго примѣненія къ дѣлу закона, если только можно его примѣнить. Ну вотъ хоть бы эта мать: отдѣлалась гордымъ презрѣніемъ и хоть и оставила у себя доку-ментъ, но вѣдь князь зналъ, что она скорѣе повѣсится, чѣмъ употребитъ его въ дѣло: ну, и былъ покоенъ до времени. А она хоть и плюнула ему въ его полное лицо, да вѣдь у ней Володька на рукахъ оставался: умри она, что съ нимъ будетъ? Но объ этомъ не разсуждалось. Брудершафтъ тоже ободрялъ ее и не

разсуждала ; Шиллера читали. Наконецъ Брудершафтъ отчего-то скинулъ и умеръ...

— То есть Феферкухенъ ?

— Ну да, чортъ его дери ! а она...

— Постой ! Сколько жъ лѣтъ они странствовали ?

— Ровнешенько двѣсти. Ну—съ она и воротилась въ Краковъ. Отецъ то не принялъ, проклялъ, она умерла, а князь перекрестился отъ радости. Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало, дали мнѣ шлыкъ, а я въ подворотню шмыгъ... выпьемъ, братъ, Ваня.

— Я подозреваю, что ты у него поэтому дѣлу хлопочешь, Маслобоевъ.

— Тебѣ непременно этого хочется ?

— Но не понимаю только, что ты-то тутъ можешь сдѣлать.

— А видишь, она какъ воротилась въ Мадритъ-то, послѣ десятилѣтнаго отсутствія, подъ чужимъ именемъ, то надо было все это разузнать и о Брудершафтѣ и о старикѣ и дѣйствительно ли онъ воротился и о птенцѣ и умерла ль она и нѣтъ ли бумагъ и такъ далѣе, до безконечности. Да еще кой о чемъ. Сквернѣйшій человекъ ; берегись его Ваня, а объ Маслобоевѣ вотъ что думай : никогда, ни за что не называй его полцеомъ ! Онъ хоть и полдецъ (по моему такъ нѣтъ человека не полцеа), но не протявь тебя. Я крѣпко пьянъ, но слушай : Если когда-нибудь, близко ли, далеко ли, теперь ли или на будущій годъ, тебѣ покажется, что Маслобоевъ противъ тебя въ чемъ—нибудь схитрилъ, (и пожалуйста не забудь этого слова, *схитрилъ*) — то знай, что безъ злого умысла. Маслобоевъ надъ тобой наблюдаетъ. И потому, не вѣрь подозрѣнямъ, а лучше приди и объяснись откровенно и по братски съ самимъ Маслобоевымъ. Ну теперь хочешь пить ?

— Нѣтъ.

— Закусить ?

— Нѣтъ, братъ, извини...

— Ну ты и убирайся, безъ четверти девять, а ты спѣсивъ. Теперь тебѣ уже пора.

— Какъ ? что ? Напился пьянъ, да и гостя гонить ! всегда-то онъ такой ! ахъ безстыдникъ, вскричала чуть не плача Александра Семеновна.

— Пѣшій конному не товарищъ ! Александра Семеновна, мы

остаемся вмѣстѣ и будемъ обожать другъ друга. А это генералъ! Нѣтъ, Ваня, я совралъ: ты не генералъ, а я — подлець! Посмотри, на что я похожъ теперь? Что я вередъ тобой? Прости, Ваня, не осуди, и дай влить...

Онъ обнялъ меня и залился слезами. Я сталъ уходить.

— Ахъ Боже мой! А у насъ и ужинать приготовлено, говорила Александра Семеновна, въ ужаснѣйшемъ горѣ. — А въ пятницу-то прійдете къ намъ?

— Прійду. Александра Семеновна, честное слово прійду.

— Да вы можетъ-быть побрезгаете, что онъ вотъ такой... пьявый. Не брезгайте, Иванъ Петровичъ, онъ добрый, очень добрый, а ужъ васъ какъ любить! Онъ про васъ мнѣ и день и ночь теперь говорить, все про васъ. Нарочно ваши книжки купилъ для меня; я еще не прочла; завтра начну. А ужъ мнѣ-то какъ хорошо будетъ, какъ вы прійдете! Никого-то не вижу, никто-то не ходитъ къ намъ посидѣть. Все у насъ есть, а сидимъ одни. Теперь вотъ я сидѣла, все слушала, все слушала какъ вы говорили и такъ это хорошо... Такъ до пятницы...

ГЛАВА XI

Я шолъ и торопился домой: слова Маслобоева слишкомъ меня поразили. Мнѣ Богъ знаетъ что приходило въ голову... Какъ варочно дома меня ожидало одно происшествіе, которое меня потрясло, какъ ударъ электрической машины.

Противъ самыхъ воротъ дома, въ которомъ я квартировалъ, стоялъ фонарь. Только что я сталъ подъ ворота, вдругъ отъ самаго фонаря, бросилась на меня какая-то странная фигура, такъ что я даже вскрикнулъ, какое-то живое существо, испуганное, дрожащее, полусумасшедшее и съ крикомъ уцѣпилось за мои руки. Ужасъ охватилъ меня. Это была Нелли!

— Нелли! что съ тобой, закричалъ я, что ты!

— Тамъ, тамъ наверху... онъ сидитъ... у насъ...

— Кто такой? пойдѣмъ; пойдѣмъ вмѣстѣ со мной.

— Не хочу, не хочу! Я подожду пока онъ уйдетъ... въ сѣняхъ... не хочу.

Я поднялся къ себѣ съ какимъ-то страннымъ предчув-

ствѣемъ, отворилъ дверь и — увидѣлъ князя. Онъ садѣлъ у стола и читалъ романъ. Но крайней мѣрѣ, книга была раскрыта.

— Иванъ Петровичъ! вскричалъ онъ съ радостью. — Я такъ радъ, что вы, наконецъ, воротились. Только что хотѣлъ было уѣзжать. Болѣе часу васъ ждалъ. Я далъ сегодня слово, по настоятельнѣйшей и убѣдительнѣйшей просьбѣ графини, прѣхать къ ней сегодня вечеромъ съ вами. Она такъ просила, такъ хочетъ съ вами познакомиться. Такъ какъ ужъ вы дали мнѣ обѣщаніе познакомиться, то я разсудилъ заѣхать къ вамъ самому, пораньше, покамѣстъ вы еще не успѣли никуда отправиться и пригласить васъ съ собою. Представьте же мою печаль: прѣзжаю: ваша служанка объявляетъ, что васъ нѣтъ дома. Что дѣлать? Я далъ честное слово явиться съ вами; а потому съѣлъ васъ подождать, рѣшивъ что прожду четверть часа. Но вотъ они четверть часа, развернулъ вашъ романъ и зачитался. Иванъ Петровичъ! вѣдь это совершенство! вѣдь васъ не понимаютъ послѣ этого; вѣдь вы у меня слезы исторгли. Вѣдь я плакалъ, плакалъ, а я не очень часто плачу...

— Такъ вы хотите, чтобъ я ѣхалъ? признаюсь вамъ, теперь... хоть я и вовсе не прочь, но...

— Ради Бога поѣдемте! Что же со мной—то вы сдѣлаете? Вѣдь я васъ ждалъ полтора часа!.. Притомъ же мнѣ съ вами такъ надо, такъ надо поговорить, — вы понимаете о чемъ? Вы все это дѣло знаете лучше меня... Мы можетъ быть рѣшимъ что-нибудь, остановимся на чемъ нибудь, подумайте! Ради Бога не отказывайте.

Я разсудилъ, что рано ли, поздно ли надо будетъ ѣхать. Положимъ, Наташа теперь одна, я ей нуженъ, но вѣдь она же сама поручила мнѣ какъ можно скорѣй узнать Катю. Ктому же можетъ быть и Алеша тамъ... Я зналъ, что Наташа не будетъ покойна, прежде чѣмъ я не принесу ей извѣстій о Катѣ и рѣшился ѣхать. Но меня смущала Нелли.

— Погодите, сказалъ я князю и вышелъ на лѣстницу. Нелли стояла тутъ, въ темномъ углѣ.

— Почему ты не хочешь идти Нелли? Что онъ тебѣ сдѣлалъ? что съ тобой говорилъ?

— Ничего, ничего! Но я не хочу, не хочу... повторяла она: — я боюсь...

Какъ я ее ни утраивалъ — ничто не помогало. Я угово-

рылся съ ней, чтобы какъ только я выйду съ княземъ, она бы вошла въ комнату и заперлась.

— И не пущай отъ себя никого, Нелли, чтобы она тебѣ ни говорила.

— А вы съ нимъ идете.

— Съ нимъ.

Она вздрогнула и схватила меня за руку, точно хотѣла упротить, чтобы я не ѣхалъ, но не сказала ни слова. Я рѣшился спросить ее подробно завтра.

Попросивъ извиненія у князя, я сталъ одѣваться. Онъ началъ утѣрять меня; что туда не надо никакихъ гардеробовъ, никакихъ туалетовъ. Такъ развѣ по свѣжбе что-нибудь! прибавилъ онъ, инквизиторски оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, — знаете, все-таки эти свѣтскіе предразсудки... вѣдь нельзя же совершенно отъ нихъ избавиться. Этого совершенства вы въ нашемъ свѣтѣ долго не найдете, заключилъ онъ, съ удовольствіемъ увидавъ, что у меня есть порядочный фракъ.

Мы вышли. Но я оставилъ его на лѣстницѣ, вошелъ въ комнату, куда уже проскользнула Нелли, и еще разъ простился съ нею. Она была ужасно взволнована, вся дрожала. Лицо ея поспѣло. Я боялся за нее; мнѣ тяжело было ее оставить!

— Странная эта у васъ служанка, говорилъ мнѣ князь, сходя съ лѣстницы. — Вѣдь эта маленькая дѣвочка ваша служанка.

— Нѣтъ... она такъ... живетъ у меня покамѣстъ.

— Странная дѣвочка. Я увѣренъ, что она сумасшедшая. Представьте себѣ, сначала отвѣчала мнѣ хорошо, но потомъ, какъ разглядѣла меня, бросилась ко мнѣ, вскрикнула, задрожала, вибрировала въ меня... что-то хочетъ сказать, — не можетъ. Признаюсь, я струсилъ, хотѣлъ ужь бѣжать отъ нея, но она слава Богу, сама отъ меня убѣжала. Я былъ въ изумленіи. Какъ это выживаетесь?

— У нея падучая болѣзнь, отвѣчалъ я: — и дѣйствительно она съ нѣкоторыми припадками.

— А, вотъ что! Ну, это не такъ удивительно... если съ нѣкоторыми припадками.

Мнѣ тутъ же показалось одно: что вчерашній визитъ ко мнѣ Маслобоева, тогда какъ онъ зналъ, что я не дома; что сегодняшний мой визитъ къ Маслобоеву, что сегодняшний разговоръ

Маслобоева, который опять рассказывает въ пьяномъ видѣ и нехотя; что приглашеніе его быть у него сегодня въ семь часовъ; что его убѣжденія не вѣрить въ его хитрость и наконецъ, что князь, ожидающій меня полтора часа и можетъ быть знавшій; что я у Маслобоева, тогда какъ Нелли выскочила отъ него на улицу, — что все это имѣло между собой нѣкоторую связь. Было в чемъ задуматься.

У воротъ дожидалась его коляска. Мы съѣли и поѣхали.

ФЕДОРЪ ДОСТОВЕВСКІЙ

СТАРИЧОКЪ

Лишь солнца красный дискъ начнетъ спускаться внизъ,
Часть моря обративъ въ расплавленное золото,
На дальній островокъ; гдѣ нынѣ разрослись,
Куда и я плыву въ румяный часъ заката,
Знакомый старичокъ, на ветхомъ челнокѣ,
Спускается съ лицомъ спокойнымъ по рѣкѣ.

И тамъ, подъ ивою оставовясь густой,
Онъ въ челнокѣ своемъ сидитъ и рыбу удитъ;
И много разныхъ чувствъ въ моемъ онъ сердцѣ будитъ.
Мы съ нимъ пріятели; онъ говорилъ со мной;
И грудь сжималась, и вновь дышала шире...
Я думалъ обо всемъ, что происходитъ въ мирѣ.

Онъ живо помнить все: и гдѣ когда поймалъ
Большого караса, и какъ словилъ онъ щуку,
И какъ потешъ, смѣясь, рассказалъ
На что есть щука въ морѣ — внуку;
И дочка отъ него какъ съ матерью ушла;
Нашла любовника и мать къ себѣ взяла.

Но ужъ ничто его, какъ видно, не тревожитъ:
Съ лѣтами, съ сѣдиной прошла пора тревогъ!
И какъ онъ говоритъ, что онъ неправъ, быть можетъ,
Что былъ не въ мѣру онъ и прихотливъ, и строгъ...
Но время онъ назадъ вернуться не принудитъ...
И вотъ полъ вечеръ онъ со скуки рыбу удитъ.

И. И. КУСКОВЪ

ТРУСОВНИКЪ

Медлительная смерть послышномъ стеной
Идетъ, идетъ къ нему... Шумитъ ночная вьюга
Весь вздрожавшійся свидитъ въ тоскѣ тучей :
Тоска — его ночей безсмѣнная подруга!
Съ промерзнувшихъ угловъ сырого чердака,
Со стеклою ледяныхъ морозный холодъ вѣять,
Огонь на фитилѣ застынушемъ слабѣть,
Трещить... Дыханіемъ согрѣтая руна
Едва расправится и снова поченѣть,
Ведеть, ведетъ конецъ дремлющаго пера —
А утро принесетъ опять и трудъ, и голодъ,
А тамъ тоска и ночь до новаго утра...
Въ такой борьбѣ — душой останься свѣтъъ и волею,
Люби и вѣрь!

Со знаменемъ въ рукахъ
Среди великихъ бурь герои умирали
На плахѣ, на кострѣ — и ихъ флаги воевали.
Здѣсь бурь великихъ вѣть. Безвѣстна погибать,
Въ страданьи медленномъ безмолвно наживать,
Трудомъ прожить свой день и ночь до дня другого
И ждать иной поры съ надеждой молодой —
Ужели не заиреть упрека злого слово
Передъ такою борьбой?

О. ВЕРГЪ

ИДЕТЬ ВЕСНА

Идешь! И красота свѣжій и веселій,
И шелковистѣ кудрей роскошныхъ волосъ;
Въ росистомъ сумракѣ серебряныхъ ночей
Слышнвй и трепетвй горячей страсти голосъ.

Идешь! И рады всѣ: и рабъ и богъ земной,
И словно легче несть оковы зла и муки,
И къ солнцу новому и скорбный и больной
Простерли радостно трепещущя руки.

На зеленѣющихъ, пестрѣющихъ лугахъ
И въ рощахъ миръ весны блестяще-чудесенъ...
И въ сколькихъ вянущихъ, изравенныхъ сердцахъ
Вдругъ всталъ немолчный звукъ полузабытыхъ пѣсенъ!

О. БЕРГЪ

Я читаю книгу пѣсенъ —
Рай любви... змѣя любовь...
Ничего не поднимаю,
Перечитываю вновь,
Что со мной?... съ невольнымъ страхомъ
Въ душу крадется тоска :
Словно книгу заслонилъ
Чья-то мертвая рука ;
Словно чья-то тѣнь поникла
За плечомъ... и въ тишинѣ
Тихо плачетъ... тихо дышетъ,
И дышать мѣшаетъ мѣбъ ;
Словно эту книгу пѣсенъ
Прочитать хотять со мной
Потухающія очи
Съ накипѣвшею слезой.

Д. ПОЛОНСКІЙ

1 марта 1861 г.

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Февральское солнце ярко свѣтило въ то утро, когда нашъ возокъ, скрипя и подпрыгивая на ухабахъ, ѣхалъ по дорогѣ въ Невѣдово — усадьбу Крипельскихъ. Не смотря на то, что стекла въ экипажѣ были подняты и разрисованы затѣйливыми узорами мороза, Олимпиада Сергѣевна жаловалась на холодъ, тогда какъ всѣ мы, не исключая и Прасковьи Александровны, находили, что въ возкѣ было даже душно. Но покраснѣвшій носъ величавой дѣвы свидѣтельствовалъ, что она закупила насъ не въ каприза, и потому всѣ безропотно покорились.

Версты за двѣ отъ усадьбы, Прасковья Александровна опустила однако окно — чувство помѣщицы невольно сказалось въ ней... Передъ нашими взорами открылось нѣсколько деревень, тонувшихъ въ блестящихъ волнахъ снѣжнаго пространства. Все кругомъ сверкало и искрилось, такъ что самый воздухъ казался брильянтовымъ. Клубы дыма изъ трубъ поднимались и расплывались на голубомъ фонѣ яснаго неба. Проѣзжая широкую улицу большой деревни, отличавшейся впрочемъ довольно ветхими и бѣдными строеніями, Прасковья Александровна сказала:

— Имѣнье недурно и славно округлено...

— Вѣдь оно, шатап, все заложено... замѣтила Лидія.

— Много ли же незаложенныхъ имѣній? Вотъ пріѣдетъ Анатоль, займется хорошенько хозяйствомъ, сдѣлаетъ нововведенія, улучшения. Я ужь стара для всего этого...

— У Федора Матвѣева корова пала и лошадь свели. Какъ бы ему помочь, сѣге шапан!

— Ну, ужь это дѣло управителя, не мое. Да и какъ ты это все знаешь? какая скотина доносить тебѣ?.. Твое ли это дѣло?

— Онъ самъ прїѣзжалъ въ городъ и заходилъ въ дѣвичью; Авдотья ему племянница.

— А тебѣ куда какъ необходимо слушать мужицкїей разговоръ! Что ты изъ себя кузину Ольгу корчишь? Пожалуйста не безпокойся; женишокъ твой выразилъ мнѣ желаніе получить твою часть деньгами — ты не будешь помѣщицей.

— Ужь онъ, шапан, знаетъ какъ лучше...

— Оба вы ничего не смыслите! заключила Прасковья Александровна.

Возокъ остановился у крыльца. Прекрасный, деревенскій домъ глядѣлъ свѣтло и весело. У крыльца толпилась подобострастная дворня. Три человекъ вдругъ бросились отворять дверцы; двое другихъ повели подъ руки на лѣстницу важную барыню...

Вскорѣ Прасковья Александровна получила письмо отъ сына, гдѣ онъ увѣдомлялъ ее, что пробудеть и вынѣшнее лѣто за границей. Это ее очень огорчило. Судя по рассказамъ Лидїи, молодой Крипельскїей похожъ на мать и старшую сестру и лицомъ, и характеромъ. Лидїя была даже рада, что онъ не прїѣдетъ: она боялась, чтобъ онъ не разстроилъ ея свадьбы.

Ясные дни, частыя свиданїя съ Ольгой, служившія намъ вмѣстѣ и прогулками въ санихъ, отсутствїе лишнихъ праздныхъ лицъ городского общества, — все это дѣлало для меня деревенскую жизнь прїятной. Олимпиада Сергѣевна только видимо скучала. Съ отъѣздомъ Софїи и прекращенїемъ визитовъ и выѣздовъ, она не знала, что съ собой дѣлать; ей оставалось одно занятїе: пересуживать всѣхъ, въ особенности Ольгу, и читать намъ нотацин.

Я много читала и работала; иногда, когда бывало поморезнѣе, мы съ Лидїей отправлялись бродить по насту. Любили мы также посѣщать оранжерею и въ особенности теплицу, наполненную благоуханїемъ розъ, фіолей и другихъ цвѣтовъ. Этотъ цвѣтущїй мїръ, въ то время, когда кругомъ лежалъ еще снѣгъ, производилъ особенно прїятное впечатлѣніе. Старый садовникъ съ сѣдой бородой, походилъ на чародѣя, по волѣ котораго все

туть цвѣло и зеленѣло. Онъ страстно любилъ цвѣты и скупился срывать ихъ. Насилу выпросишь у него вѣточку левкоя или резеды, а ужъ розы ни за что не дасть. Онъ всегда разговаривалъ съ цвѣтами:

— Ну, ты что? ворчалъ онъ бывало, переставляя горшокъ лилій или фиолей: — что нахохлилась? солвышка тебѣ мало?.. Вашъ красавицы распускаются, обращался онъ къ розамъ, — принцесы этакія, духъ—тѣ какой! Цвѣтите, цвѣтите голубушки! Разъ вамъ только въ годъ—то покрасоваться...

Мы часто разговаривали съ нимъ, и онъ много рассказывалъ намъ о прежней жизни при старикахъ Кривельскихъ. Лидія съ особеннымъ интересомъ слушала рассказы о дѣдушкѣ и бабушкѣ, обо всѣхъ неслѣпостяхъ чваннаго барства, о самолюбивыхъ выходкахъ старика, о важной барынѣ, дрожавшей передъ мужемъ и заставлявшей въ свою очередь дрожать передъ собою подвластный ей штатъ горничныхъ.

Но какъ хорошо было въ старой сосновой рошѣ, куда добирались мы по худо протоптанной тропинкѣ, не разъ проваливаясь чуть не по колѣно въ снѣгъ! Усѣвшись на поваленное дерево, съ какимъ наслажденіемъ слушали мы крики воробьевъ и розогрудыхъ снигирей! Какъ зеленѣли высокія сосны, важно покачивая своими пушистыми вѣтвями!

Однажды послѣ обѣда, я отпросилась у Прасковьи Александровны къ Ольгѣ. Лидія осталась дома, по случаю нездоровья.

Зимній путь еще держался крѣпко, дни стояли ясные. Ольга встрѣтила меня весело. Уютныя комнатки ея, всѣ убранныя свѣжей зеленью оживающихъ на солнцѣ цвѣтовъ, будто улыбались. Съ круглаго стола въ гостиной спрятаны были всѣ серьезныя, ученныя книги, оставались только любимыя поэты. Маленькій, бѣлый какъ снѣгъ котенокъ, кувыркался между ними, затрагивая лапкой углы книгъ.

— Посмотри сколько граціи въ его движеніяхъ, сказала мнѣ Ольга. — Это мнѣ Катя принесла вчера; увѣряетъ, что его вамъ подкинули; плутовка выдумываетъ — она страстно любить котятъ. Ты не любишь кошекъ, Лиза?

— Нѣтъ, отвѣчала я: — онѣ такія хитрыя, на ихъ привязанность нельзя положиться.

— Увѣряю тебя, что и кошки могутъ любить, только онѣ очень самолюбивы и скрытны, нужно понимать ихъ ватуру...

И она вдругъ засмѣялась такимъ милымъ смѣхомъ, что отъ него казалось, прибавилось въ комнатѣ тепла и свѣта...

— Лиза! заговорила она опять, лаская меня взглядомъ и голосомъ: — ты видишь меня совсѣмъ здоровой и такъ счастливой, какъ рѣдкому приходится въ жизни. И что всего отрадиѣ такъ это то, что я вѣрю въ свое счастье, не боюсь за него... Да, милая Лиза, пришла для моего сердца другая весна; мучительные сны прошедшаго исчезли и разнеслись какъ дымъ. Душа моя! когда ты полюбишь и любовь принесетъ тебѣ свои волшебныя радости — вспомни меня и сегодняшній день.

— Какъ я рада, милая Ольга! Слава Богу!

— Я выхожу замужъ, потомучто люблю и уважаю этого человѣка. Мнѣ не нужно богатство, не нужно положеніе — я свободна и независима и навсегда останусь такой; никакая цѣль, кромѣ честной, добросовѣстной любви, не опутаеъ меня. Я не навязую лишней заботой на шею моего мужа, не отвлеку его ни отъ его обязанности, ни отъ его занятій; не наполню его дома ненужной суетой и побрякушками тщеславія. Я не позволю также сдѣлать изъ себя рабу или игрушку празднаго своеволія. Онъ знаетъ это. Если мы перестанемъ любить, то не перестанемъ уважать другъ друга. Не скованные вмѣстѣ по рукамъ и ногамъ чужой волей, какъ преступники по большой дорогѣ, пойдемъ мы по жизненному пути и будемъ идти до тѣхъ поръ, пока намъ будетъ хорошо и отрадно вмѣстѣ; но ни который изъ насъ не навязется другому непрошенымъ товарищемъ. Я не подолью также отравы малодушной ревности въ мою семейную жизнь, не унижусь до укора... ни до притворства. Я хочу также, чтобъ меня встрѣтили подъ его кровомъ съ должнымъ уваженіемъ... Я не пойду съ поклономъ къ его отцу, если тотъ хоть чѣмъ-нибудь оскорбитъ меня, — не ему рѣшать, гожусь ли я въ жоны его сыну. Угодничество, искательство, съ заранѣе задуманной цѣлью, мнѣ противно... Не стану также стѣнной между тѣмъ, кого люблю и человѣкомъ, къ которому привязываютъ его самыя законныя обязанности.

— Какъ же все это устроится при такихъ сложныхъ условіяхъ?

— Къ чему торопиться? отвѣчала она, улыбнувшись: — намъ теперь такъ хорошо. Мы съ полной вѣрой другъ въ друга передались теченію обстоятельствъ. Скоро пріѣдетъ сюда его тетка;

вотъ тогда все можетъ уладиться очень просто, безъ опасности испортить лучшія отношенія грубой тѣвью формальности.

Возвратясь домой, я пересказала Лидіи разговоръ Ольги, и когда выразила ей мои опасенія насчетъ того, какъ это устроится, она отвѣчала мнѣ, что ужъ Ольга вѣрно знаетъ, какъ ей поступать и что мы никакъ не можемъ вмѣшиваться въ это дѣло.

На другой день пріѣхалъ Латухинъ разстроенный, не въ духѣ.

— Ольга уѣзжаетъ, сказалъ онъ мнѣ, улучивъ свободную минуту: — она поручила мнѣ передать вамъ ея желаніе проститься съ вами.

— Куда? надолго ли? спрашивала я.

— Не знаю, на долго ли. Она ѣдетъ въ К*, это не близко... Она получила письмо, по которому, какъ она говоритъ, ей необходимо ѣхать.

Видно было, что онъ, говоря это, дѣлалъ усиліе казаться спокойнымъ.

— Какая досада! сказала я. — Вы не спросили ее о причинѣ?

— Нѣтъ, ужъ если она сама не говоритъ, то вопросъ не поведетъ ни къ чему. Мнѣ все равно, куда бы ни уѣзжала она, какая бы ни была причина: я знаю она всегда и вездѣ останется вѣрна самой себѣ; но меня пугаетъ рядъ дней безъ ея милой улыбки, безъ звуковъ ея голоса...

Олимпиада Сергѣевна приняла вѣсть объ отъѣздѣ Ольги съ какой-то двусмысленной улыбкой и переглянулась съ Прасковьей Александровной, которая сжала губы и выразительно опустила глаза.

Когда мы пріѣхали проститься съ Ольгой, она встрѣтила насъ въ дорожномъ платьѣ. Уложенный чемоданъ неприятно бросался въ глаза.

Въ домѣ какъ-то все притихло... Котенокъ присмирѣлъ, свернувшись на окнѣ между цвѣтами. Коханка жалобно взывалъ по временамъ на дворѣ.

— Ты вѣрно пріѣдешь къ моей свадьбѣ, Ольга?.. сказала Лидія. — О, какъ грустно, что ты уѣзжаешь!

— Мнѣ нужно ѣхать, отвѣчала Ольга. — Не думаете ли вы, друзья мои, что это мнѣ легко? Мнѣ самой грустно разставаться

съ вами, но мнѣ необходимо ѣхать: меня призываютъ, во мнѣ нуждаются.

— А гдѣ же Латухинъ? спросила Лидія.

— Я увижусь съ нимъ въ городѣ, отвѣчала она, слегка вспыхнувъ.

— Возвращайся скорѣе!

— Постараюсь прибыть къ вамъ съ первой весенней травкой, если ничто не задержитъ. Поклонитесь отъ меня дядѣ Мишелю. Ахъ, мнѣ хотѣлось бы обо многомъ поговорить съ нимъ! Какъ скучно уѣзжать! Вонъ, няня плачетъ! прибавила она, посмотрѣвъ на вошедшую въ слезахъ старушку. — Не грѣхъ ли тебѣ, няня, огорчаться. Я ѣду ненадолго...

— Придется ужъ мнѣ умереть безъ тебя когда-нибудь, отвѣчала она: — закроютъ мнѣ глаза чужія руки... При тебѣ и смерть-то кажется будетъ красна...

— Нѣтъ, ты не смѣй умирать, моя милая старушка! Вотъ Лиза, Лидія будутъ навѣщать тебя.

— Дай Богъ имъ здоровья! Пиши, голубчикъ, почаще. Отъ такой красоты ты уѣзжаешь — ужо весна-то придетъ, птички запоютъ, травка зазеленѣетъ... Вѣкъ-то ты живешь не для себя! Точно мученица какая!

— Ну, и вы въ слезахъ! обратилась Ольга къ всхлипывавшимъ Катѣ и Сашѣ, пришедшимъ сказать, что завтракъ готовъ. — Полноте, друзья мои!.. Утѣшайте старушку, если меня любите. Я скоро ворочусь.

— Да, скоро! недовѣрчиво сквозь слезы отвѣчала Катя. — Обманете, какъ прошлаго года! обѣщали скоро, да больше полугода пробыли. Вы думаете, очень весело безъ васъ...

— Коханка-звѣрь, и тотъ всю ночь сегодня провылъ! прибавила Саша. — Деревенскіе-то не знаютъ, что вы ѣдете, а то бы всѣ сбѣжались васъ провожать. Не такой бы еще плачъ подняли!

— Будете ли вы иногда вспоминать меня, мои милыя сестры? сказала Ольга, взявъ насъ съ Лидіей за руки и ласково глядя на насъ.

— Господи! Господи! да она и въ самомъ дѣлѣ уѣзжаетъ! внезапно раздався за нами голосъ Марьи Дмитревны. — Куда это Богъ тебя несетъ? Это тебѣ и не грѣхъ не дать мнѣ знать? Хорошо, что я узнала, продолжала она, стаскивая съ головы

чудовищный капоръ: — церковный сторожъ съ дровами мимо меня ѣхалъ, такъ и сказалъ, что у васъ на дворѣ дорожная повозка стоитъ.

— Я такъ неожиданно собралась, что не успѣла послать сказать вамъ.

— Да какже со мной ты не хотѣла проститься? Богъ съ тобой! Это за то, что я тебя, какъ дочь родную люблю!

— Ну, такъ не сердитесь, сказала Ольга, цѣлуя ее: — я бы непременно заѣхала къ вамъ по дорогѣ.

— Вотъ, барышни, обратилась къ намъ Марья Дмитревна: — учитесь у нее добротѣ...

— Ну, ужъ пошла! прервала ее Ольга, смѣясь. — Пойдемте лучше пить кофей.

— Да ужъ не заминай, нечего, правда всегда всплыветъ наверхъ. Знаю, все знаю про добро, которое ты дѣлаешь; какъ вы съ Викторомъ Павлычемъ бѣднымъ помогаете. Вотъ, тоже душа! Ты да онъ, точно два солнца красныя, куда ни идете, все на пути пригрѣваете...

— Другъ мой! да на тебя просто сегодня вдохновеніе!

— Ну, да ужъ тамъ вдохновеніе ли, нѣтъ ли, а я правду говорю...

Простившись съ Ольгой, мы посидѣли еще нѣсколько времени съ Марьей Дмитревной и съ няней, и возвращаясь домой, не разъ оглянулись на маленькій домикъ, гдѣ намъ бывало такъ хорошо.

Дни шли своимъ чередомъ. Нѣжная дружба Лидіи сглаживала для меня многія шероховатости, неизбѣжныя въ чужомъ домѣ и бросала свѣтъ на темныя мѣста. Положеніе мое въ этомъ домѣ было какое-то странное, исключительное: со мной не обходился, какъ обыкновенно обходится съ воспитанницами, то есть съ покровительственной безцеремонностью и небрежностью; не пользовалась я также привилегіями комнатной собачки и не получала отъ хозяйки, вмѣстѣ съ ласковымъ словомъ и грубыхъ окриковъ. Прасковья Александровна какъ-будто дичилась меня и избѣгала всевозможныхъ столкновений. Она на каждомъ шагу давала мнѣ чувствовать, не выходя изъ предѣловъ приличія, что я у ней чужая, что только вслѣдствіе обстоятельствъ выносить она мое присутствіе. Ей было досадно и она не могла простить, что брать ея, принявъ на себя попеченіе обо мнѣ, вырвалъ у

нее изъ рукъ права на мою личность, а Ольга поставила меня своей дружбой на нѣкоторую степень нравственнаго равенства, и что привязанность Лидіи была также не малой для меня охрanoi. Можетъ быть, видѣла она также, что и въ моемъ собственномъ характерѣ не было ни трусости, ни той сантиментальной покорности, съ которой многія дѣвушки, въ положеніи подобномъ моему, выносятъ всевозможныя притѣсненія, не имѣя силъ сдѣлать рѣшительнаго шага и съ какимъ-то сладкимъ упоеніемъ созерцаютъ себя въ роли жертвы. Не смотря на все это, я все-таки была незваной гостьей въ этомъ домѣ, гдѣ хозяйка не была мнѣ рада. Олимпиада Сергѣевна менѣе церемонилась и часто задѣвала меня своими пиками, но я бѣсила ее полнымъ равнодушіемъ, съ которымъ выслушивала ихъ и отвѣчала на нихъ прямо и холодно.

Весна видимо приближалась. Снѣгъ почти стоялъ. Въ саду была уже прочищена главная дорожка, а за садомъ, когда мы отворяли калитку, съ окрестныхъ холмовъ, журча, бѣжали ручьи и, надувшись, бурлила рѣчка съ дикой удалю, затопля мостикъ и мутными, весело-шумными волнами, выходя изъ береговъ, заливала низменную часть луга. Все въ воздухѣ, въ саду и въ поляхъ дышало какимъ-то сладкимъ предчувствіемъ свободы и новой жизни, кануномъ свѣтлаго, великаго праздника возрожденія... Настала наконецъ и весна; пропалъ снѣгъ, зазеленѣла травка и озеро снова отразило въ себѣ небо, солнце и вереницу весеннихъ, теплыхъ облачковъ.

Не смотря на то, что до свадьбы Лидіи оставалось только нѣсколько недѣль, въ домѣ не было суматохи; только въ дѣвичьей работали усердно и весело на милую невѣсту, которая всякій вечеръ устраивала для дѣвушекъ чай подѣ большой лѣпой на дворѣ, послѣ котораго онѣ вплоть до ужина бѣгали въ горѣлки и играли.

Мы жили уединенно. Прасковья Александровна никого не приглашала да и разпутница мѣшала. Одинъ только Дорельскій не измѣнялъ своихъ посѣщеній и по ужасной дорогѣ, Богъ вѣсть какъ пробирался каждую субботу и каждый праздникъ повидаться съ Лидіей. И какіе это были сіяющіе дни для нее! Пробѣгали конечно и облачка: Прасковья Александровна не пропускала случая кольнуть жениха незначительностью его состоянія и сомнѣніемъ на счетъ будущности своей «бѣдной Лидіи». Мелоч-

дой человекъ невольно омрачался и тогда только любовь милой дѣвушки высказывалась во всей силѣ и прелести. Тогда она являлась передъ своимъ возлюбленнымъ такой, что онъ готовъ былъ за нее перенести все на свѣтѣ.

Какое-то лихорадочное ожиданіе прокрадывалось порой въ мою душу. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ подъѣдетъ дорожный экипажъ, что вотъ явится Михаилъ Александрычъ, что я увижу его и передамъ все, что накопилось у меня на душѣ... что теперь я уже не буду такъ дика и недобрѣчива, что на его участіе отвѣчу я ласковой, свободной дружбой.

Латухинъ не былъ съ самаго отъѣзда Ольги. Мы съ Лидіей даже посерживались на него за это.

Отъ Ольги я получила письмо; оно мнѣ было передано за обѣдной старушкой-няней; Олимпиада Сергѣевна видѣла это и я воображаю, какъ мучило ее любопытство.

«Я принуждена завесновать здѣсь, писала Ольга между прочимъ. — Какъ, я думаю, хорошо теперь становится въ деревнѣ! Какъ часто съ тихой отрадой переносишь я мыслью въ ваши края, гдѣ судьба соединила столько милого и дорогого для меня... Поймете ли вы, мои милыя подруги, вы, переживающія бурную лихорадку первой молодости; поймете ли вы тотъ ясный, широкій просторъ любви и свѣта, охватившій всю меня, спокойный и чистый, потому что душа, выбившись изъ тѣсныхъ береговъ старыхъ предрассудковъ и тяготѣвшей тьмы невѣжества, широко разливается въ безконечной любви по Божьему міру и чувствуетъ, что нѣтъ ей ни цѣпей, ни преградъ, ни пустыхъ страховъ...»

Однажды мы пили чай на терасѣ; день былъ чудный, одинъ изъ первыхъ майскихъ дней. Съ терасы видъ открывался на множество селъ и деревень, на цѣлое море изумрудной озими. Вблизи пролегла проѣзжая дорога, оживляемая по временамъ протяжной пѣсней крестьянина, да стукомъ тележки, зря на авось летящей подъ гору и съ грохотомъ переѣзжавшей утлый мостикъ черезъ оврагъ, мостикъ, который прошлаго года не разъ грозилъ разсыпаться подъ нашей коляской. Влѣво видѣлась усадьба Латухина, а тамъ далѣе, открытое, широкое пространство, убѣгающее за туманомъ и темная кайма лѣса.

— Братъ долженъ быть на дняхъ, сказала Прасковья Алек-

сандровна, обращаясь къ Олимпіадѣ Сергѣевнѣ. — Не прѣдетъ ли онъ сегодня?

— Вы ждете такъ скоро Михаила Александрыча? спросила я и вѣроятно спросила съ особенной живостью, потомучто Прасковья Александровна устремила на меня пытующій взглядъ.

— Какъ-будто вы этого не знали? сказала она съ какой-то презрительной, неприятной холодностью.

— Почему же знать мнѣ? Я слышу отъ васъ въ первый разъ.

— Мнѣ кажется, вы знаете это лучше моего изъ писемъ, которые получаете отъ брата..

— Я не получаю отъ вашего брата писемъ, не переписываюсь съ нимъ.

— Къ чему скрывать! замѣтила Олимпіада Сергѣевна.

— Рѣшительно было бы не къ чему, если бы это была правда.

Олимпіада Сергѣевна вдругъ разразилась принужденнымъ, взглядымымъ смѣхомъ, смыслъ и звукъ котораго были мнѣ ужасно противны.

— Что вамъ такъ смѣшно? спросила я ее, глядя ей въ лицо вызывающимъ взглядомъ.

— Pauline! закричала она неожиданно истерично: — она оскорбляетъ меня въ твоемъ присутствіи.

— Полно, Олупре, ты слишкомъ нервна, отвѣчала Прасковья Александровна.

— Я нервна! вскричала она. — А вы не видали прекраснаго взгляда будущей гувернантки... Намъ не нужно гувернантокъ, обратилась она ко мнѣ, — здѣсь некого учить.

— Вы не хозяйка, отвѣчала я, — и не имѣете права отказывать мнѣ отъ дома.

— Я васъ прошу не продолжать сцены, сказала Прасковья Александровна: — сдѣлайте это изъ уваженія ко мнѣ.

— Изъ уваженія къ вамъ, я готова это сдѣлать.

Олимпіада Сергѣевна расхныкалась и ушла въ домъ. Людѣи не было съ нами впродолженія всей этой сцены.

— Вы огорчили ее, сказала мнѣ Прасковья Александровна: — это дурно съ вашей стороны. Я не за тѣмъ пріютила васъ, чтобъ видѣть, какъ отъ этого страдаютъ мои близкіе...

— Вы слишком умны и разсудительны, чтобъ говорить это отъ души, отвѣчала я.

Она помолчала съ минуту и по лицу ея пробѣгали какія-то неясныя для меня мысли.

— Миѣ жаль васъ, заговорила она : — вы поддались дурному вліянію... Братъ много виноватъ въ этомъ; не смотря на его умъ онъ иногда заблуждается...

Въ это время по дорогѣ приближалась дорожная карета.

— Это вѣрно дядя Мишель! вскричала Лидія, вбѣгая на террасу.

Всѣ взоры устремились на дорогу съ любопытствомъ и ожиданіемъ.

— Экипажъ слишкомъ великъ и грузенъ для одного человѣка, сказала я, взглянувъ въ карету.

— Развѣ онъ не можетъ ѣхать въ дормезѣ? замѣтила гордо Прасковья Александровна.

Но я была права. Когда карета поравнялась съ домомъ, изъ окна ея выглянули два женскія лица. Одно пожилое привѣтливо кивнуло; другое было смѣющееся, молодое и прелестное.

— Это Мильгорова, сказала Прасковья Александровна; — но я не могу понять кто съ ней. Компаньонка? Она никогда не имѣла компаньонка.

— Съ ней кто-то прехорошенькая, — отвѣчала Лидія. Можетъ быть, горничная.

— Какъ ты умѣешь различать людей! Развѣ горничныя порядочной женщины такъ смотрятъ, такъ выглядываютъ изъ экипажа? *Ma pauvre enfant!* Ты неисправима... Поди, провѣдай, пожалуйста Олуэре, прибавила Прасковья Александровна: — скажи, что я послала тебя узнать какъ она себя чувствуетъ.

Последнее время Прасковья Александровна стала какъ-то нѣжнѣе въ обращеніи съ Лидіей.

На другой день утромъ, Мильгорова прислала человѣка узнать дома ли будетъ Прасковья Александровна и изъявила желаніе ее видѣть. Прасковья Александровна пригласила ее обѣдать, также и Виктора Павлыча.

Олимпиада Сергѣевна не глядѣла на меня и не говорила со мной, но я знала, что ей это наскучитъ и что ей доставляетъ, если не удовольствіе, то развлеченіе вызывать меня на сцены, что случалось большею частью въ отсутствіи Прасковьи Алексан-

дровны, потому и не имѣло такихъ плачевныхъ послѣдствій, какъ послѣдній рѣзъ.

Пріѣздъ Мильгоровой очень интересовалъ насъ. Мы съ Лидіей много разговаривали объ Ольгѣ, о Латухинѣ, о вліяніи, какое можетъ имѣть вмѣшательство этой женщины на его счастье.

Мы были въ гостиницѣ, когда вошла Мильгорова, сопровождаемая хорошенькой дѣвушкой, лѣтъ семнадцати, одѣтой очень изящно. Темные локоны à l'enfant обрамляли свѣжее, розовое личико съ лукавыми глазками; верхняя губка ея презрительно вздергивалась и во всѣхъ движеніяхъ проглядывалъ изнѣженный, капризный и вмѣстѣ съ тѣмъ тщеславный ребенокъ. Мильгорова представила ее хозяйкѣ и Лидіи подъ именемъ М-ле Вѣры Саблонской. Послѣдующіе разговоры объяснили, что эта дѣвушка единственная дочь очень богатаго человѣка, что отецъ ея по болѣзни долженъ былъ отправиться куда-то на воды и поручилъ Вѣру на время своего отсутствія дружескому надзору Мильгоровой.

Анна Давиловна Мильгорова была женщина лѣтъ подъ сорокъ, худошавая, бѣлокурая. Маленькіе сѣрые глаза ея ласково щурились, когда она обращалась къ кому-нибудь и будто все хотѣли разглядѣть что-то. Обращеніе ея было мягко, ласково; въ ней не было и тѣни той спѣси, которой дышала вся фигура Прасковьи Александровны.

— А, вотъ наконецъ и Викторъ, — сказала Мильгорова, когда Латухинъ, спустя нѣсколько времени послѣ ея пріѣзда вошелъ въ гостиную.

— Ты должна побранить его, та bonne amie, — обратилась къ ней Прасковья Александровна: — онъ насъ совсѣмъ забылъ послѣднее время.

— Нѣтъ, ужъ побраните его сами, — я не способна бранить тѣхъ, кого люблю.

— О, какъ она васъ балуетъ! сказала Прасковья Александровна. — Хорошо имѣть такую добрую тетюшку.

— Его нельзя не баловать, — у него превосходное сердце, притомъ онъ такъ похожъ на моего бѣднаго Апполона...

Мильгорова вздохнула и прижала платокъ къ глазамъ.

— Оттого, вѣрно, я и люблю его, какъ сына, — прибавила она.

Латухинъ съ улыбкой взялъ руку тетки.

— А знаешь что? — продолжала она, слегка касаясь рукой его волосъ: — Вѣра всю дорогу спорила, что у тебя свѣтлые волосы и черные глаза.

— Мнѣ остается только поблагодарить Вѣру Петровну за вниманіе къ моей особѣ.

Вѣра наивно и капризно улыбнулась.

— Право, мнѣ показалось, я не виновата, я видѣла васъ мелькомъ вчера вечеромъ. Теперь вижу, что ошиблась...

И она бросила на него быстрый, кокетливый взоръ.

— *Mlle Lydie!* Покажите мнѣ садъ, я такъ люблю гулять.

— Ради Бога, надѣнь калоши, *chère enfant*, — теперь сыро, сказала Мильгорова.

— О, не беспокойтесь, мои ботинки не промокнуть.

— *Ma chère!* что сказалъ бы папа?

— Вотъ, посмотрите сами, — сказала Вѣра и граціозно выставила маленькую ножку въ тонкой, прунелевой ботинкѣ. — Я забыла калоши, прибавила она, лукаво опуская глазки.

Прогулка устроилась съ помощью калошъ Лидіи. Мильгорова вѣжно поручила Латухину смотрѣть за этимъ «милымъ ребенкомъ.» Изъ этого порученія Вѣра завязала длинный, шустрый разговоръ съ Латухинымъ и нашла предлогъ для множества граціозныхъ шалостей, то корча изъ себя разсерженнаго амура, то покоряясь съ кротостью обиженной овечки. Не будь насъ, Латухинъ можетъ быть и нашолъ бы удовольствіе въ продолжкахъ Вѣры, красота которой не могла не увлечь взоры мушны, но его стѣснялъ мой наблюдательный взглядъ, и насмѣшливая улыбка, неволью появлявшаяся на моемъ лицѣ при этой новой для меня формѣ кокетства.

Лидія шла подъ руку съ гостьей и была молчалива и застѣнчива съ новой знакомой. Со мной Вѣра только тогда сказала нѣсколько незначительныхъ словъ, когда Лидія представила ей меня, какъ своего друга.

Когда стали прощаться, Латухинъ съ улыбкой и укоромъ во взорѣ, сказалъ мнѣ:

— Ай, какъ же вы ошибаетесь, Лизавета Алексѣвна!

Передъ отъѣздомъ, Анна Даниловна не забыла навѣстить Олимпиаду Сергѣевну, которая страдала флюсомъ и не выходила изъ своей комнаты, и уѣзжая, ласково пригласила меня бывать у нихъ.

— Знаешь ли, Лиза, о чемъ я теперь думаю? сказала мнѣ Лидія на другой или третій день послѣ визита Мильгоровой, сидя на балконѣ и устремля взоръ на яркіе лучи весенняго заката.

— О чемъ, моя милая?

— Я думаю, что эта Вѣра никогда не смотритъ на заходящее солнце съ восторгомъ и умиленіемъ.

— Кто знаетъ? Она еще очень молода.

— Она намъ не товарищъ, моя дорогая...

— Это оттого, что наша дружба не обошла ее, отвѣчала я.

— Онъ не можетъ полюбить ее, это было бы большое несчастіе... И хотя она очень хороша, но онъ не полюбитъ ее.

— О комъ ты говоришь?

— О Латухинѣ. А ты думала, что о дядѣ Мишелѣ?.. Пстой! я слышу колокольчики... Не онъ ли, легокъ на поминѣ? Побѣжимъ на терасу.

Мы выбѣжали на терасу. Дорожный экипажъ въѣзжалъ на дворъ. Это былъ Михайлъ Александрычъ.

Въ гостиной мы встрѣтили Олимпиаду Сергѣевну, величественно углубленную въ кресло и подвязанную бѣлымъ платкомъ.

— Что вы бѣжите, какъ помѣшанныя! — воскликнула она. Право, силъ нѣтъ! нервы у меня такъ разстроены, что всякій шумъ пугаетъ меня...

— Вы не знаете?.. Дядя Мишель пріѣхалъ!

— Господи! я думала по крайней мѣрѣ пожаръ... гдѣ же онъ?

— Прошелъ во флигель. Какъ я рада! — прибавила Лидія.

— Я думаю, есть еще нѣкоторыя особы, которыя побольше вашего рады...

— Радость очень хорошее чувство, сказала я.

— Пожалуйста! я не съ вами говорю, оставьте меня въ покоѣ, — я больна.

— Вы мало гуляете, оттого и больны.

— Ну, вотъ, поучите еще! Я оттого больна, что у меня деликатное сложеніе, а не какая-нибудь мѣщанская натура, которая можетъ все переносить...

Появленіе Прасковьи Александровны прекратило дальнѣйшія любезности старой дѣвы. Прасковья Александровна знала, что Михайлъ Александрычъ пріѣхалъ и пришла дожидаться его.

Она въ этотъ день получила письмо отъ Софьи и до сихъ поръ не выходила изъ своей комнаты, не въ духѣ, сердито отвѣчая Олимпіадѣ Сергѣевнѣ и Лидіи на ихъ распросы о старшей дочери.

Мы съ Лидіей вышли на балконъ и сѣли на ступеньки. Я была взволнована ожиданіемъ: лицо мое горѣло, руки холодѣли. Мнѣ вдругъ пришло что-то похожее на желаніе удалить минуту свиданія еще на нѣсколько времени. Мнѣ стало страшно, какъ будто я ждала непріятности... Я такъ привыкла къ тому странному міру, создавшемуся для меня изъ воспоминаній и разлуки, гдѣ образъ его присутствовалъ такъ живо, что дѣйствительность пугала меня переменной.

Наконецъ изъ гостиной послышался его голосъ и обычныя привѣтствія. За тѣмъ раздались слова:

— Mesdames! гдѣ вы? рѣзко произнесенныя Прасковьей Александровной.

Мы вошли.

Остановясь въ сторонѣ, у дверей балкона, я дождалась пока Лидія поздоровается съ дядей.

— Такъ вотъ какъ! говорилъ онъ, подходя ко мнѣ вмѣстѣ съ ней и будто не замѣчая моего присутствія: — вы выходите замукъ, madame Dorellsky... Вы не хотите подойти къ намъ, m-lle Lise, и помѣститься вдали, такъ что васъ надо отыскивать между зеленою этихъ олеандровъ, обратился онъ ко мнѣ. — Дайте посмотрѣть на васъ, такъ ли хорошо разцвѣли вы, какъ онъ... Цѣлую зиму не выдаться — не шутка, не правда ли? Многое можетъ измѣниться.

Я отвѣчала ему общими, незначащими фразами.

Остатокъ дня прошолъ въ семейныхъ разговорахъ, между которыми Михаилъ Александрычъ не преминулъ подразнить нѣсколько разъ Олимпіадѣ Сергѣевнѣ. Онъ не былъ ни особенно веселъ, ни особенно грустенъ, но я замѣтила, что какая-то забота проглядываетъ въ его зорѣ; какое-то тайное равнодушіе къ словамъ и рассказамъ сестры. На Лидію онъ не разъ посмотрѣлъ съ участіемъ чловѣка, слѣдящаго за порхающей птичкой.

Я держала себя вдали, считая излишнимъ мѣшаться въ кружокъ людей, родныхъ между собою. Вскорѣ я сочла излишнимъ и самое мое присутствіе и удалилась въ свою комнату.

Какое-то грустное недовольство овладѣло мной; мнѣ снова,

какъ въ прежнее время, въ то время, когда я одиноко оплакивала потерю матери, показалось, что меня никто не любитъ и никому я не нужна въ этомъ мірѣ... Тяжолое, печальное чувство!.. Но вотъ благоуханная, тихая, майская ночь оживилась соловьиной пѣсней; меня потянуло къ окну, за которымъ цвѣли густыя, развѣсистыя сирени. Казалось все кругомъ молчало и слушало... Заслушалась, затихла и я... и наконецъ покоренная тайными чарами природы, уснула и видѣла золотые сны...

На другой день Мильгорова и старикъ Латухинъ прислали просить все семейство «откушать.»

Мнѣ давно хотѣлось видѣть старика Латухина, и я собиралась туда съ нѣкотораго рода любопытствомъ. Одѣлась я прежде всѣхъ и вышла въ залъ, въ которомъ никого не было.

Розы на окнахъ разцвѣли такъ роскошны и душисты; я соблазнилась ими и, сорвавъ одну изъ нихъ, приколола къ лифу; но мнѣ вдругъ стало совѣстно, когда вошла Прасковья Александровна, сопровождаемая Олимпиадой Сергѣвной и Лидіей.

— Это что за пастушка! Роза и бѣлое платье! воскликнула старая дѣва, злобно захохотавъ. — Ученая дѣвица пускается въ кокетство! съ которыхъ поръ?

Прасковья Александровна молча улыбнулась. Въ этой улыбкѣ выразилась гордая, язвительная насмѣшка; взглядъ, брошенный ею на меня, былъ не лучше улыбки.

Я, вся вспыхнувъ, съ выступившими слезами на глазахъ, по невольному движенію, смяла цвѣтокъ и съ горькимъ чувствомъ смотрѣла, какъ розовые лепестки рассыпались по моему платью.

— Къ чему же эти фарсы? сказала, съ непривычной для меня строгостью Прасковья Александровна. — Вашъ характеръ становится невыносимъ. Изъ простой шутки вы дѣлаете какую-то драматическую сцену и корчите угнетенную. Я знаю, къ чему все это клонится... Напрасны всѣ ваши уловки, я ихъ хорошо понимаю... Но онѣ мнѣ надоѣли. Пора вамъ понять это хоть изъ деликатности.

Лидія стояла блѣдная и взволнованная, устремивъ гнѣвный взглядъ на тетку.

Слезы отняли у меня способность сказать что-нибудь; я чувствовала, какъ онѣ горячей струей лились по моему лицу. Громкія, сдержанныя рыданія Лидіи заставили меня вздрогнуть и быстро отереть слезы.

— Какъ это мило! полюбуйте! всѣмъ этимъ я обязана вамъ! воскликнула Прасковья Александровна.

Въ эту минуту вошелъ Михаилъ Александрычъ. Онъ остановился въ недоумѣннн. Лидія, не смотря на всѣ свои усилія, не могла удержать рыданій и прятала на моей груди свое милое личико, омоченное слезами.

— Что все это значить? спросилъ Михаилъ Александрычъ сестру.

— Это значить... начала было Олимпіада Сергѣвна.

— Кузина! перебилъ ее Михаилъ Александрычъ: — извините, я хотѣлъ бы, чтобъ на вопросъ мой отвѣчала сестра.

Олимпіада Сергѣвна взбѣсилась и наговорила ему колкостей, на которыя онъ отвѣтилъ рѣзко и твердо, послѣ чего она покатила въ кресло и начала истерически взвизгивать.

— Мы послѣ поговоримъ объ этомъ, сказала Прасковья Александровна какъ-то таинственно. — Я послѣ все расскажу тебѣ, Мишель. Ты уменъ, добръ и разсудителенъ; я увѣрена, что ты взглянешь на вещи безпристрастно... Ну, полно Оlympe, довольно, успокойся! пора ѣхать.

Лидія между тѣмъ успѣла принести склянку съ одеколономъ и усердно полила его на голову вздрагивающей и стенающей Олимпіады Сергѣвны. Дѣйствіе было удивительное: она вспрыгнула съ кресель, осыпавъ Лидію выговорами за свою измятую прическу и облитое платье и отправилась приводить въ порядокъ свою помятую особу.

— Лидія! пройдишь немного по саду, это освѣжить тебя. Попроси съ собой и m-lle Lise.

— Ужь все прошло, тапан, отвѣчала Лидія, устремляя на мать тотъ милый, догадливый взглядъ, который выражалъ у ней всегда какую-нибудь рѣшимость.

— Я говорю тебѣ, что это освѣжить тебя.

— Я думаю ужь некогда, тапан, я васъ задержу.

— Пройдемся со мной, дитя мое, сказалъ ей Михаилъ Александрычъ, взявъ ее за руку. — Вамъ угодно? прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я васъ прошу остаться, сказала мнѣ Прасковья Александровна: — мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ.

Я повиновалась.

— Лидія! закричала она, уже вышедшей на балконъ Ли-

ди: — поди сюда, chère amie; я совсѣмъ забыла приказать Степанидѣ, чтобъ она сегодня въ пятомъ часу послала своего сына въ городъ, ужь она знаетъ зачѣмъ.

Лидія видя, что опасность миновалась, что при мнѣ мать ея не начнетъ объясненія съ Михайломъ Александрычемъ, охотно побѣжала исполнить порученіе матери, которая тутъ же сильно позвонила и приказала вошедшему слугѣ велѣть подавать экипажъ.

— Вотъ и Олуэре готова, прибавила она, поднимаясь съ мѣста: — Ыдемъ. Merci, ma chère! Послѣднія слова были обращены къ входящей Лидіи. — Ыдемъ, пора! Вамъ лучше остаться дома, обратилась она ко мнѣ, — съ такимъ разстроеннымъ, трагическимъ видомъ неловко ѣхать въ гости.

— Я и то хотѣла просить васъ оставить меня.

— Ну, и прекрасно!..

Оставшись одна, я съ неудовольствіемъ подумала, что Михайла Александрыча посвящать во всѣ мелочи домашнихъ дразговъ, касательно моей особы, что ему съ разными прибавленіями передадутъ маленькія стычки мои съ Ольгиной Сергѣевной и выставятъ меня виновницей многихъ безпокойствъ...

Наши возвратились отъ Латухиныхъ ранѣе чѣмъ я ожидала, потому что Прасковья Александровна почувствовала себя немного дурно.

Вечеръ былъ великолѣпный; мы съ Лидіей отправились гулять. Она была печальна и разстроена и на вопросъ мой: что съ ней? отвѣчала, что ее многое, очень многое тревожитъ.

— Я все думаю, все думаю, другъ мой, какъ мнѣ жить, какъ устроиться, чтобъ не быть въ тягость моему милому, будущему мужу, чтобъ быть хорошей женой. Я ужь и теперь во все вглядываюсь, даже по хозяйству, но чувствую, что это все не то, что мнѣ нужно. Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать хоть что-нибудь доброе въ жизни... Я все объ этомъ думаю. Потому меня огорчаетъ разлука съ тобой; когда ты останешься здѣсь одна, тебѣ будетъ еще тяжеле.... Ахъ, какая гадкая сцена случилась сегодня утромъ! И что это съ ними стало: онѣ точно съума сошли объ — и тетка и ташап, все къ тебѣ придираются... Скоро ли Ольга пріѣдетъ! я была бы покойнѣе; при ней какъ-то ничего не боишься. Какая эта Вѣра беззаботная! прибавила она, помолчавъ: — неужели она и вправду такая? Это оттого, что она

никого не любить. Ахъ, какъ старѣетъ намъ душу любовь, моя милая! Не полюби я его, что бы я до сихъ поръ за глупая, безпечная была дѣвочка!.. Сядемъ подъ эту березу, здѣсь такъ хорошо. Эта дорога ведетъ къ Ольгѣ. Вонъ и домикъ ея виденъ. Мы бы скоро дошли туда, да будетъ поздно возвращаться.

Она положила голову на мнѣ на колѣна и задумчиво глядѣла на голубое вечернее небо. Я перебирала ея шелковистые волосы и мысленно просила Бога о ея счастьи...

— Что-то теперь Sophie? заговорила Лидія. — Мнѣ всегда становится грустно, когда я о ней вспоминаю. Последній разъ получаю отъ нее письмо, шатаю была очень разстроена. Я ничего не знаю. Вѣрно Sophie писала, чтобы мнѣ ничего не говорили о ней. Какая она странная! Что же она думаетъ, что я не люблю ее, что я порауюсь ея горю!

— Нѣтъ, она такъ горда, что боится сожалѣній.

— Ахъ, бѣдная! за что она такъ мучитъ себя, отталкивая участие? Какъ бы я хотѣла, чтобы она полюбила меня! О, какъ бы я стала утѣшать и ласкать ее!.. Мнѣ все это очень горько... Я все надѣюсь, что она полюбитъ меня. Бѣдная!

— Можетъ быть она и счастлива по своему? Можетъ быть ея понятія о счастьи вполне удовлетворены теперешней ея жизнью.

— Можетъ быть, отвѣчала она, вздыхая. — Ахъ, я никогда не прошу себя!..

— Чего, моя милая?

— Мнѣ бы не такъ надо было поступать: мнѣ бы надо было быть кротче, нѣжнѣе, смѣлѣе, а не раздражаться такъ на ея холодное и рѣзкое обращеніе, помнить, что ужь у ней такой характеръ. Мнѣ бы попробовать хоть разъ броситься къ ней на шею, сказать ей, что я ее люблю, что она найдетъ во мнѣ друга, что я не вѣрю, чтобы сердце ея было такъ холодно, какъ кажется изъ ея поступковъ, что вѣрно и она любитъ, да не хочетъ показывать... Можетъ быть мы бы тогда и стали настоящими острами. Какъ ты думаешь?

— Конечно это было бы очень хорошо, душа моя...

— Все оттого, что я робка ужасно... притомъ же у меня вѣдкій, обидчивый характеръ. Не могла переломить себя. Теперь я стала дура. Точно туманъ спадаетъ съ меня. И храбрости у меня больше... Посмотри, вѣдь это дядя Мишель идетъ по до-

рогѣ? прибавила она. — Видно, онъ за нами. Солнце ужъ закатилось; вѣрно татап безпокоится. А мы съ нимъ почти еще не видались, что за свиданіе при всѣхъ...

Она будто невзначай взглянула на меня, но въ этомъ взглядѣ выразился какой-то тревожный вопросъ.

— Я васъ давно ищу, сказалъ Михаилъ Александрычъ, подходя къ намъ. — Думалъ, что вы въ роцѣ, ходилъ туда.

— А что? развѣ насъ спрашивали? спросила Лидія.

— Никто не спрашивалъ, кромѣ меня.

Онъ сѣлъ съ нами рядомъ на траву.

— Ольга однажды писала мнѣ, что вы вспоминали обо мнѣ. Правда? спросилъ онъ меня.

— Правда.

— Знаете ли, я хотѣлъ писать вамъ, да ужъ оставилъ до свиданія поблагодарить васъ.

— За чтожъ благодарить? сказала я, невольно улыбаясь.

— Пожалуй и такъ, если вамъ это нравится. Ну, скажите, какъ вы провели эту зиму? сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Не шутка не видѣться столько времени.

Мы съ Лидіей, помогая другъ другу, стали передавать ему происшествія зимы.

— Все это прекрасно, сказалъ онъ, выслушавъ рассказъ: — но вы, Лизавета Алексѣвна (онъ въ первый разъ еще назвалъ меня такъ церемонно), вы, также какъ и прежде, все это время жили интересами другихъ? Вашъ собственный внутренний міръ оставался все тѣмъ же?

— Все тѣмъ же. Прибавилось только знанія жизни.

— Это хорошо, — жизнь не худо узнать, но только не на столько, чтобъ разлюбить ее.

— Всякій долженъ любить свою жизнь, а не ту, какой представляетъ ее общество.

— Да, сказалъ онъ, — надо выбрать и устроить себѣ такой тепленькій, домашній уголокъ, куда бы не могли достигъ ни разочарованіе, ни скука, гдѣ бы можно было обойтись безъ людей, независимо отъ ихъ вліянія, и укрыться отъ всѣхъ невгодъ свѣта.

— Да, счастливы тотъ, кто приобрѣлъ себѣ своей собственной нравственной силой ту золотую независимость, которая дѣлаетъ свободными отъ всякихъ оковъ...

— Отъ какихъ же, напримѣръ?

— Отъ всякихъ, кромѣ тѣхъ, которыя мы добровольно наложимъ на себя.

— И вы думаете, онѣ будутъ легки?

— Конечно легки, потомучто наложатся вслѣдствіе полнаго сознанія и убѣжденія; потомучто видима и понятна будетъ цѣль труда, и эта цѣль усладитъ трудъ и страданіе.

— Трудъ и страданіе, освѣщенные прекрасными стремленіями, — вотъ, кажется, ваши главныя понятія о жизни. А гдѣ же счастье? какъ не говорить о немъ въ ваши годы? Вліяніе Ольги сильно отразилось на васъ.

— Очень можетъ быть, — я такъ часто бывала съ ней послѣднее время. Мы сегодня хотѣли было съ Лидіей отправиться въ ея усадьбу, да боялись запоздать.

— Съѣздимъ когда нибудь туда втроемъ, — ея няня обрадуется вамъ.

— Ахъ, какъ я буду рада! вскричала Лидія. — Мы всего два раза навѣщали бѣдную няню. И Марья Дмитревны сколько времени не видали. Мы пошлемъ за ней, когда будемъ у Ольги въ домѣ.

— Ну, ужъ избавь, пожалуйста, — намъ будетъ лучше безъ нее. Такъ гдѣ же счастье? спросилъ онъ меня.

— Кто знаетъ, можетъ быть и близко, отвѣчала я.

— Вы его не предчувствуете? спросилъ онъ съ улыбкой. — Въдь такой гость не приходитъ незваный.

— Чѣмъ онъ неожиданнѣе, тѣмъ дороже.

— Но если мы затворимъ отъ него всѣ двери, а долгъ и трудъ скажутъ ему, что нѣтъ дома, — тугъ какъ?

— Оно должно влетѣть въ окно...*

Онъ взглянулъ на меня съ улыбкой.

— Оно вѣроятно такъ и сдѣлаетъ, сказалъ онъ съ притворной серьезностью.

Мнѣ вдругъ стало весело.

— А вотъ, сказала я, когда уже мы были недалеко отъ сада, — вы пророчили мнѣ, что я влюблюсь безъ васъ, — я, на зло вамъ, ни въ кого не влюбилась.

— Какъ вы меня огорчили этимъ! Одно только недовѣріе къ вашимъ словамъ угѣшаетъ меня немного. Лидія! правду она говорить?

— Правду, отвѣчала Лидія, — она лгать не станетъ. Вотъ и Золотовскій тоже говорилъ, что она лгать не станетъ...

— Золотовскій? Онъ часто бывалъ у васъ?

— Очень часто.

Я слегка пожала руку Лидіи, желая ей этимъ дать знать, чтобъ она ничего не говорила больше о Золотовскомъ.

— Вѣдь онъ чудакъ, продолжалъ Михаилъ Александрычъ:— я воображаю, какое странное впечатлѣніе произвелъ онъ на васъ при первомъ знакомствѣ.

— Очень странное, но онъ умнѣе и есть въ немъ много такого, что заставляетъ уважать его.

— Это такъ. Я знаю, что меня примиряетъ съ его рѣзкостью. Желалъ бы я знать, что вы разглядѣли въ немъ хорошаго? Женщины не любятъ его. Одна только Ольга легко примиряется съ нимъ и находится въ дружескихъ отношеніяхъ.

— Ольга говорила мнѣ, что Золотовскій честенъ и, не смотря на свою рѣзкость и жолчный характеръ, никогда не сдѣлаетъ умышленнаго зла.

— Это все-таки мнѣніе Ольги, а не ваше.

— Я уважаю въ немъ смѣлость чувствъ и поступковъ и то, что онъ не способенъ быть рабомъ чужихъ мнѣній...

— Вы однако хорошо его узнали...

— Мнѣ довольно часто приходилось говорить съ нимъ. — Какъ хорошо въ саду, въ эту пору! прибавила я, послѣ нѣсколькихъ минутъ общаго молчанія, вступивъ подъ своды развѣсистыхъ липъ.

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо! сказалъ Михаилъ Александрычъ. — Я люблю эту глухую половину сада.

— Мой бѣдный Саша не пользуется этимъ вечеромъ, сказала Лидія. — Онъ вѣрно сидитъ еще за бумагами...

— И мечтаетъ о тебѣ, моя милая. Это стоить лѣтняго вечера.

— Ахъ, дядя, какъ мы счастливы!

— Всякому своя очередь быть счастливымъ... Вы вздохнули и такъ глубоко? обратился онъ ко мнѣ.

— Это отъ усталости.

— Въ такомъ случаѣ, дайте вашу руку; я доведу васъ до скамьи, чтобъ вы отдохнули.

Я пошла, опираясь на его руку. Онъ заговорилъ о чудныхъ

почахъ юга, о далекомъ морѣ, которе онъ видѣлъ и котораго я не видала... Его голосъ звучно и вмѣстѣ какъ-то мягко разливался въ вечернемъ воздухѣ. Странная мысль мелькнула у меня въ головѣ: мнѣ захотѣлось умереть въ эту минуту, подъ звуки этого голоса, — мнѣ казалось сладко такъ умереть...

— Но сегодня, завтра, подумала я: — я пойду изъ дома въ домъ, по чужимъ людямъ и, Богъ вѣсть, придется ли снова слышать его, встрѣчать его взглядъ, полный участія...

Мы шли тихо; поворотя въ узенькую алею изъ орѣшника, взошедшая вѣтка крѣпко зацѣпилась за рукавъ моего платья. Помогая мнѣ отъ нее освободиться, онъ касался моего плеча и долго не могъ сладить съ вѣткой.

— Я ужасно неловокъ! скавалъ онъ тихо, будто не своимъ голосомъ.

— Это оттого, что ничего не видно, совсѣмъ смерклося. Благодарю васъ.

— За это благодарить позволяется, а за то, что насъ помнить — нельзя?

— Мы помнимъ и любимъ для себя, отвѣчала я.

Лидія шла впереди и напѣвала пѣсенку.

— Гдѣ бы я ни была, продолжала я: — я не забуду сегодняшняго вечера.

— Надѣюсь, мы не одинъ вечеръ проведемъ такъ; мы будемъ часто гулять.

— Вы мнѣ обѣщали, уѣзжая, что...

— Вотъ удивительная способность отравлять хорошія минуты! прервалъ онъ меня съ досадою. — Развѣ мало времени впереди?

— И здѣсь лишняя, и ваша сестра не скрываетъ своего желанія видѣть меня внѣ своего дома.

— Кажется сестра моя помѣшалась. За что она на васъ напала? Это все любезнѣйшая кузина съ своими капризами! Погодите, я уйму ее! Вамъ надо еще воспользоваться лѣтомъ и свободой. Вамъ хочется убить здоровье за уроками капризнымъ баловнямъ, которые измучатъ васъ, разстроятъ вамъ нервы!

— Я пользуюсь очень хорошимъ здоровьемъ и такъ часто думаю о будущихъ моихъ занятіяхъ, что кажется теперь уже привыкла къ нимъ.

— Какая вы упрямая, настойчивая дѣвушка!

— Не сердитесь на меня. Чѣмъ дольше я останусь здѣсь, тѣмъ грустнѣе мнѣ будетъ разставаться съ этими мѣстами. Нѣтъ, ужь лучше скорѣе! Вѣдь это мученье, вѣдь это пытка каждый день встрѣчать мыслью, что можетъ быть онъ уже послѣдній...

— Вотъ, Лидія скоро выйдетъ замужъ, — тогда вамъ будетъ легче оставить насъ...

— Это будетъ скоро. Пока представится мѣсто, можетъ пройти довольно времени; вотъ почему я и просила бы васъ заранѣе указать мнѣ путь, какимъ легче приступить къ отысканію мнѣ занятій.

— Ахъ, она только объ этомъ и думаетъ! сказала Лидія. — Но вѣдь этого быть не можетъ, чтобъ послѣ, когда я совсѣмъ устроюсь, она не жила со мной!

— И такъ, сказалъ Михаилъ Александрычъ: — о чемъ же вы хлопочете? Послѣ свадьбы Лидіи, прекратится то непріятное чувство сожалѣнія, которое мучитъ васъ теперь.

— А вы? сказала я, обиженная этимъ сомнѣніемъ въ расположеніи моемъ къ нему и какъ будто обвиняемая въ неблагодарности: — вы постоянно хотите думать, что вы для меня ничего не значите... Это мнѣ горько, Михаилъ Александрычъ!

Онъ быстро схватилъ и крѣпко пожалъ мою руку.

— Нѣтъ, это не такъ, я не думаю этого; я говорю изъ малодушнаго желанія слышать отъ васъ пріятное для меня слово увѣренія въ вашей дружбѣ. Я старъ, прибавилъ онъ съ грустью, — и дорожу привязанностью. Жизнь уходитъ быстро, и каждый день безпощадно гаситъ какой нибудь свѣтлый лучъ въ нашемъ существованіи... Провожаешь его съ тоской... Еще томится сердце, еще не заснули желанія, еще жажда души не удовлетворена, а чаша жизни отнимается неумолимой рукой... Другіе хватаютъ ее, полные силъ и юности, а ты уже стоишь въ сторонѣ и слышишь роковое: довольно!...

— Голосъ ли это судьбы? сказала я: — не обманчивый ли это голосъ нашего сомнѣнія и досады на жизнь?

— Досады? Во мнѣ нѣтъ досады: — это мелкое чувство. — Можно ли досадовать на то, что погребено глубоко и никогда не воскреснетъ? Нѣтъ, тутъ есть нѣчто по выше досады, — тутъ глубокое сожалѣніе, тутъ неотступное горе, особливо, если

знаешь, что могила счастья необдуманно и бессознательно вырыта нашими собственными руками...

— И оно не воскреснет!.. повторила я съ тоской.

О, какъ въ эту минуту я желала бы имѣть силы вызвать изъ могилы его умершее счастье!.. Я такъ желала этого, что не пожалѣла бы отдать за это мою бѣдную жизнь.

Мы, грустно и молча, возвратились домой.

Я отказалась отъ ужина, меня душилъ приливъ какого-то новаго, тревожнаго чувства, мнѣ нужно было совладѣть съ нимъ наединѣ съ самой собой и научиться скрывать его.

Спустя нѣсколько дней, Михаилъ Александрычъ уѣхалъ въ городъ и по дорогѣ хотѣлъ заѣхать къ Латухинымъ и другимъ сосѣдямъ.

Къ обѣду пріѣхалъ Дорельскій. Прасковья Александровна встрѣтила его не такъ холодно и величественно, какъ всегда; даже когда онъ спрашивалъ о здоровьи Софьи, она почти ласково посмотрѣла на него и, отвѣтивъ вскользь, заговорила объ обязанностяхъ мужа. Дорельскій отвѣчалъ ей со всей горячностью человѣка любящаго и честнаго. Когда разговоръ прекратился, Прасковья Александровна задумалась и долго, какъ-то тревожно постукивала по столу своей золотой табакеркой.

Къ вечеру пріѣхала Мильгорова одна, безъ Вѣры, которая, по ея словамъ, захворала.

Я работала въ своемъ любимомъ уголку, между зеленью плюща и цвѣтущихъ померанцевъ.

— Какъ я сожалѣла, сказала Мильгорова, подходя ко мнѣ, — что вы не были у насъ прошлый разъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ знакомство наше устроилось покороче; я такъ много слышала о васъ отъ Виктора. Вы такъ молоды и уже испытали важныя потери. Я сама страдала въ жизни, сама испытала потери, я лишилась мужа, сына, котораго обожала, и все это такъ быстро, неожиданно...

— Это ужасно! сказала я съ участіемъ.

— О, да, это ужасно! Но мы должны съ терпѣніемъ нести крестъ. Жизнь такъ полна испытаній. Мы живемъ не для себя.

— Конечно, отрадно думать, что наше существованіе не бесполезно, отвѣчала я, чтобъ не оставаться безъ словъ.

— Я приняла на себя большую заботу: присмотрѣть за молодой дѣвушкой; конечно я сдѣлала это изъ дружбы къ ея отцу.

Она балованное дитя, но очень мягкое, доброе создание, и ужь такого живого характера! И боюсь, не соскучилась бы она. Я, право готова бы была сама съ ней бѣгать, гулять, еслибъ мое здоровье позволяло. Къ несчастію, передъ отъѣздомъ мы должны были отпустить ея компаньонку Француженку. Да впрочемъ, ей нужно бы было подругу посерьёзнѣе, это ей полезнѣе. Француженки большей частью вѣтрены.

— Но она вѣроятно предпочла бы подругу веселаго, живого характера.

— Да, если мы возьмемъ крайности; но если эта подруга, кромѣ смѣха и болтовни, можетъ по временамъ, направлять ее къ предметамъ болѣе серьезнымъ, то это было бы превосходно. Я замѣчала, что люди съ различными характерами сходятся скорѣе и основательнѣе. Но мы еще возобновимъ этотъ разговоръ, заключила она, отходя на призывъ Прасковьи Александровны.

Мильгорова почти со слезами на глазахъ любовалась Лидіей и Дорельскимъ и не разъ принималась съ жаромъ доказывать, что только бракъ по любви есть истинное счастье въ жизни, что свѣтъ и люди часто заставляютъ женщину дѣлать страшныя жертвы.

— Какая вы чудная мать! — воскликнула она съ восторгомъ, обращаясь къ Прасковьѣ Александровнѣ.

— Какъ же иначе, та вопне amie? — отвѣчала Прасковья Александровна: — какая же мать не желаетъ счастья своимъ дѣтямъ?

— Ахъ, нѣтъ, многія руководствуются однимъ холоднымъ благоразуміемъ или расчетомъ и не хотятъ понять чувствъ молодой дѣвушки.

— Она видно добрая женщина, подумала я: — и вѣрно въ самомъ дѣлѣ испытала сердечное горе.

— Нельзя и судить ихъ строго, возразила Прасковья Александровна: — бываютъ чувства молодой дѣвушки иногда очень глупы. Ты мечтательница, что впрочемъ не мѣшаетъ тебѣ быть очень милой и умной женщиной, потому и смотришь такъ на это. А живя въ свѣтѣ, нельзя же предаваться постоянно влеченію одного сердца, — нужно благоразуміе, даже нѣкоторыя жертвы, иначе придется удалиться въ пустыню... Съ милымъ рай въ шалашѣ! Этотъ рай прискутить, моя милая.

— Но это ужасно постоянно приносить чувства въ жертву.

— Случается, что и не приносят, да что изъ этого вых-
одить? — глупость, раскаяніе. Ты думаешь, легко мнѣ было со-
гласиться на бракъ Лидіи? Я не говорю — онъ прекрасный че-
ловѣкъ, да молодъ и бѣденъ. А поди-ка, уломаи ее! — это ужъ
такая натура, даромъ что смиреннькой глядитъ, съ ней ничего
не сдѣлаешь. Я ей все представила, на все указала. Не могу же
я тиранить ее, — я не такая мать. Въ семьѣ не безъ урода, та
воппе аміе. Нынѣче кто не разсчитываетъ? какая жизнь безъ
средствъ? Вотъ, племянница моя Ольга Васильевна, то ли не ля-
са проповѣдница, и приличія то свѣтскія она презираетъ, и бо-
гатство ставить ни во что, а и та выбрала себѣ пастушка съ со-
стояніемъ, отворотилась отъ рая въ шалафъ.

— Какъ! сказала Мвльгорова: — неужели съ ея стороны
былъ расчетъ?

— А ты думала одна страстная любовь? Милая ты, умная
женщина, а куда какъ невѣрно смотришь на людей! Да ты ее не
знаешь?

— Нѣтъ, но я такъ много слышала...

— Не отъ Виктора ли Павлыча? Нашла правду у влюблен-
ныхъ! Ты говоришь, неужели тутъ расчетъ? Да разсуди сама,
молодъ, не глупъ, богатъ, ей чуть не за тридцать, не красавица,
не богата. Какъ тутъ не быть страсти! Нѣтъ ужъ она, я думаю,
сорокъ разъ была влюблена въ своей жизни... Она ученая пти-
ца. Хитра, умна, кокетка продувная! Сказать правду, Виктору
Павлычу очень нравилась моя Sophie... Но, ты знаешь посло-
вицу *ce n'est pas celle qui plait, qui est la plus jolie*... Конечно, жаль
его, попался на удочку...

— Ахъ, бѣдный Викторъ! Это ужасно! Онъ ослѣпленъ, онъ
на краю пропасти! Неужели нѣтъ средствъ спасти его? Холод-
ная кокетка! Ужъ видно такая моя участь, что ни одно мое же-
ланіе не исполняется. Я надѣялась доставить ему другую партію
и обстоятельства казались благопріятствовали... О, я готова
рѣшиться поговорить съ нимъ объ этомъ!

— Ты бы лучше съ отцомъ его поговорила. Можетъ еще и
успѣешь спасти его... Вѣдь это несчастіе... Теперь же она въ
отсутствіи.

— Куда она уѣхала?

— А Богъ ее знаетъ. Она любитъ окружаться таинствен-
ностью; никому не даетъ отчета въ своихъ поступкахъ, оттого и

хоть про нее худые слухи. Ужь сказать тебѣ правду, я только ради брата, она его тоже обуяла, принимаю ее и своихъ къ ней отпускаю. Ну, да при нихъ то у неѣ все прилично; да и вообще здѣсь она ведетъ себя сносно, остерегается. А говорятъ, что она себѣ позволяетъ въ другихъ мѣстахъ — ужасъ! Окружить себя цѣлой шайкой друзей — мушницъ, и что это за друзья, отъявленные либералы, безбожники или уроды какіе-то... Все, видишь, люди умные; да положимъ что умные, да куда умъ то ихъ направлень? Можешь судить, какой милый тонъ царствуетъ въ ихъ бесѣдахъ...

На Мильгорову слова Прасковьи Александровны произвели, повидимому, сильное впечатлѣніе, она нѣсколько разъ вставала и ходила въ волненіи по комнатѣ, прерывая добрыя рѣчи своего опытнаго друга вздохами и восклицаніями.

Потрясенная, разстроенная усиліями, которыя я дѣлала надъ собой, чтобъ не высказать всего негодованія, которое возбудилъ во мнѣ этотъ разговоръ, я вышла на балконъ, гдѣ прислонясь къ колоннѣ, стояли Дорельскіи и Лидія. Розовый лучъ заката скользилъ по ихъ молодымъ, прекраснымъ лицамъ, оживленнымъ любовью и счастіемъ. Они что-то тихо говорили другъ другу и также тихо и нѣжно улыбались... Улыбался и чудный вечеръ своими цвѣтами в голубымъ небомъ... Душистыя липы и тополи, колеблемые теплымъ вѣтеркомъ будто передавали другъ другу подслушанный шопотъ влюбленныхъ; они передавали и повторяли его на своемъ особенномъ, таинственномъ языкѣ... Благоуханный паръ подымался изъ темныхъ алей; блестящія жуки, съ жужжаньемъ, подобнымъ отзвуку порванной струны, тяжело пролетали, падая на росистую траву; міриады мошекъ и ночныхъ бабочекъ кружились въ воздухѣ, напоцняя его жизнью. Всюду были разлиты тишина, аромат и нѣга... Только въ головѣ моей ходила темная туча горькой досады...

— Ольга! думала я, что ты думаешь, что дѣлаешь въ эту минуту? Чувствуешь ли ты, какъ въ чистый потокъ твоей жизни вливается грязная, ядовитая струя!?

Я ничего не сказала Лидіи о разговорѣ Прасковьи Александровны съ Мильгоровой. Я не желала навести ни малѣйшей тѣни на ясные дни ея счастья... Раньше обыкновеннаго ушла я въ свою комнату, гдѣ могла свободно предаться печальнымъ думамъ. Мнѣ хотѣлось поговорить объ этомъ съ Михайломъ Алек-

сандрычемъ, но предметъ былъ слишкомъ щекотливъ для меня и близокъ его сердцу... Я чувствовала, что поступила бы неоловко и не деликатно, не только въ отношеніи къ нему, но и въ отношеніи къ Ольгѣ. Не была ли послѣдняя выпе всякихъ злыхъ толковъ, и не носила ли въ собственной душѣ своей полное опроверженіе противъ нихъ?

До свадьбы Лидіи оставалось нѣсколько дней. Какая-то глубокая дума свѣтилась въ голубыхъ глазахъ ея; что-то болѣе смѣлое и самостоятельное проглядывало во всѣхъ ея движеніяхъ. Оважды она долго и настойчиво смотрѣла на мать и неожиданно осыпала поцѣлуями ея полныя руки, украшенныя блестящими кольцами. Прасковья Александровна воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы говорить ей наставленія и давать чувствовать жертвы своей материнской привязанности. Въ заключеніе, она назвала ее въ ласку, глупенькой, но доброй дѣвочкой и высказала, по обыкновенію, опасеніе на счетъ ея будущности.

— О, будьте покойны, сѣге тапан, я чувствую, знаю, что буду счастлива.

— Ну, что ты знаешь? говорила Прасковья Александровна, снисходительно потрепавъ ее по щекѣ: — та раувге enfant! ты ровно ничего не знаешь!

— Лидія всѣхъ насъ умиѣе и будетъ всѣхъ счастливѣе, сказалъ Михаилъ Александрычъ, глядѣвшій молча и задумчиво на эту сцену.

— Никто не можетъ знать будущаго, отозвалась изъ глубины вокоинныхъ кресель Олимпиада Сергѣвна.

— Каждое ваше слово есть неотразимая истина! отвѣчалъ онъ. — У васъ ихъ неистощимый запасъ.

— Не худо бы и вамъ заpastись ими!

— Къ чему трудиться, я могу ихъ брать готовыми отъ васъ. А знаете ли о чемъ я думалъ сейчасъ? Вы никакъ не угадаете.

— Я не пророкъ.

— О васъ, неблагодарная!

— Что еще?

— Я думалъ, что еслибъ вы влюбились или вышли замужъ, вы были бы добрѣе... Помните ли вы то блаженное время,

когда одинъ бѣдный смертный сидѣлъ съ вами на скамеечкѣ, при лунномъ свѣтѣ, подъ дубомъ или подъ осиною, не помню хорошенько... Вы были такая добрая, такая мечтательная... Куда же вы? развѣ вамъ непріятны такія воспоминанія?

— Я не люблю слушать глупостей!

И она ушла изъ комнаты въ сильномъ гнѣвѣ, шума пестрыми оборками своей неизмѣримо пышной юбки.

— Что за удовольствіе находишь ты дѣлать ей непріятности? сказала Прасковья Александровна. — Она, бѣдная, право и то ужъ много терпитъ....

— Отъ когожь она терпитъ?

— Отъ тѣхъ, отъ кого бы ей не слѣдовало терпѣть... Вотъ, ваша мужская справедливость! Не хороша и стара, и насмѣшки безъ жалости, а будь смазливая рожица, такъ всѣ недостатки хороши... и дьяволъ кажется ангеломъ...

— Неужели ты говоришь серьезно? Неужели ты думаешь, что я въ состояніи увлечься только хорошенькимъ личикомъ? Ты не можешь, ты не должна этого думать!

— Я не знаю, что думать, только вижу странныя, странныя вещи... Я слишкомъ уважаю тебя, слишкомъ считаю умнымъ, порядочнымъ человѣкомъ, чтобъ позволить себѣ дѣлать какія-нибудь заключенія...

— О, можешь дѣлать ихъ сколько угодно, кромѣ тѣхъ, которыя сейчасъ высказала.

— Твой лѣта...

— Въ мои лѣта мало ли что дѣлается! Люди въ мои лѣта, стрѣляются, съ ума сходятъ, влюбляются, женятся и творятъ тысячу глупостей...

— Мои cher!.. сказала Прасковья Александровна съ величавымъ негодованіемъ.

— Ты можешь сто разъ повторить это восклицаніе, а порядокъ вещей въ этомъ мірѣ останется тотъ же.

— Скорѣе безпорядокъ...

— Пожалуй, если это выраженіе ты находишь лучшимъ. Изъ чего люди хмурятся? продолжалъ онъ, ласково садясь вблизи нея. — Стоить только посмотрѣть на все добрыми глазами, и все улыбнется и сами мы улыбнемся хорошей, свѣтлой улыбкой...

При этомъ онъ быстро посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ я си-

дѣла. Прасковья Александровна поймала этотъ взглядъ и сердито сжала губы.

— Ну, улыбнись же и ты, моя строгая старушка, заговоришь онъ опять: — ты всегда была для меня доброй сестрой, заботилась обо мнѣ, я всегда это помню. Улыбнись же! вообрази, что передъ тобой снова, какъ много, много лѣтъ тому назадъ, пылкій, откровенный повѣса, котораго ты и журила и баловала; что, какъ и тогда, ты воображаешь, что онъ слѣдуетъ карьеру, но онъ не едѣлать карьеры... а все-таки ты не перестала уважать его, потому что онъ выбралъ хорошую, честную дорогу...

— Ну, полно говорить вздоръ! Мнѣ пужно еще потолковать съ тобою объ одномъ предметѣ.

Веселая улыбка исчезла съ его лица; онъ грустно облокотился на столъ и ничего не отвѣчалъ.

— Ты, Лидія съ Лизой можете идти, обратилась къ вамъ Прасковья Александровна: — чтобъ не мѣшать намъ говорить о вещахъ до васъ не касающихся.

— И прекрасно, сказала мнѣ Лидія, выходя со мной въ сибѣжную комнату: — я пойду написать нѣсколько словъ Сашѣ, есть казія въ городъ.

Я осталась одна, Сердце мое билось сильно; я догадывалась, что рѣчь пойдетъ обо мнѣ. Нѣсколько минутъ происходила во мнѣ борьба съ желаніемъ узнать, чего мнѣ должно ожидать отъ расположенія Прасковьи Александровны. Я пыталась удалиться отъ двери, возлѣ которой могла слышать весь разговоръ, но чувство самосохраненія превозмогло, и я опустилась въ кресло, стоявшее у самой двери, съ намѣреніемъ тотчасъ же уйти, если разговоръ пойдетъ о дѣлахъ, не касающихся меня.

— О чемъ же ты хотѣла говорить со мной? спросилъ Михайлъ Александрычъ. — Что за секретъ? Зачѣмъ высылать бѣдныхъ дѣтей? Неужели Лидія, которая черезъ нѣсколько дней выйдетъ замужъ, слѣдовательно по твоимъ понятіямъ, получить право имѣть голосъ и мнѣше въ семействѣ, не можетъ знать того, что ты хочешь сказать мнѣ?

— Лидія могла бы, но тутъ есть лишніе, чужіе глаза и уши...

— Это?..

— Да, это ваша любезная пролѣтка.

— Довольно мнѣ пол... пожелать сдѣлать кому-нибудь добро, чтобъ все пошло наперекоръ! Да, ты постаралась сдѣлать ее чужой!

— Не тебѣ мнѣ жаловаться! Ты навязалъ мнѣ обузу въ этой гордой, холодной, неблагодарной дѣвченкѣ! Я долго терпѣла для тебя, но наконецъ послѣднее время, именно съ самаго перѣзда нашего изъ города, она стала невыносима. Право, мнѣ кажется, да я вполне увѣрена въ этомъ, она считаетъ себя равной, не только моимъ дочерямъ, но и мнѣ и тебѣ... и едва ли не думаетъ, что она намъ дѣлаетъ одолженіе, живя на нашъ счетъ и пользуясь всѣми удобствами.

— А почемужъ ей и не считать себя равной? Что же до одолженія...

— Ну, ужь пожалуйста! оставьте ваши современныя, цѣлѣныя идеи, я не расположена къ пустымъ спорамъ.

— Изволь, я молчу и слушаю.

— Вотъ, это лучше. Я выскажу всю правду, все, что давно копилось у меня на душѣ. Не говоря уже о тѣхъ смѣшныхъ, неприличныхъ, ни твоимъ лѣтамъ, ни положенію въ свѣтѣ, отношеніяхъ какого-то водевильнаго покровителя молоденькой дѣвушки, я не могу болѣе выносить ея характера, ея выходокъ, если не со мной, — она слишкомъ хитра, чтобъ дѣлать ихъ со мной, — а съ бѣдной Олупре, которая ей не нравится, потому что говорить правду. Нанося ей оскорбленія, не уважая въ ея лицѣ ни родственницы моей, ни особы старше, умнѣе и опытнѣе себя, она нѣкоторымъ образомъ и меня оскорбляетъ и мнѣ оказываетъ неуваженіе. Это верхъ неделикатности и неблагодарности! Первое время послѣ твоего отгѣзда, она вела себя еще сносно...

— Что же такъ вдругъ перемѣнилась? не безъ причины же.

— Не безъ причины, мой милый, не безъ причины! Въ городѣ во первыхъ ей было весело, ее тѣшили, рядили, позволяли ей быть на нашихъ вечерахъ, гдѣ она вела себя, какъ богатая барышня... Я все молчала...

— Это во первыхъ, а во вторыхъ?

Въ голосѣ его слышалась сдержанная досада.

— Во вторыхъ и это самое интересное, она безсовѣстно начала кокетничать и вертѣться передъ Золотовскимъ... Нѣтъ, надо было видѣть, чтобъ понять, какъ это было смѣшно! Я предупредила домашнихъ, чтобъ не подавали ей вида, что замѣ-

чаютъ, мнѣ хотѣлось знать, что изъ этого будетъ... Золотовскій, вѣдь ты знаешь, хоть и глядитъ медвѣдемъ, а до женщинъ па-докъ, онъ же не избалованъ ихъ вниманіемъ, разумѣется, былъ очень радъ и платилъ ей отчаяннымъ ухаживаніемъ... но тѣмъ только и кончилъ... И вотъ Лизавета Алексѣвна осталась съ разрушенными мечтами и обманутыми надеждами. Разумѣется, это ее бѣситъ, раздражаетъ; она тщеславна, надѣялась быть статской совѣтницей, виднымъ, значительнымъ лицомъ... А мо-жетъ быть и просто замужь хочется...

— Ну, все? спросилъ онъ глухо и мрачно.

— Нѣтъ, еще не все...

Я хотѣла уйдти, но осталась, чтобъ выпить до конца горь-кую чашу несправедливости.

— Съ намѣреніемъ она говоритъ все это, или сама заблуж-дается? думала я.

— До сихъ поръ, продолжала Прасковья Александровна: — я могла исполнять твой капризь, потомучто это было ни что иное, какъ капризь, держать ее при себѣ, тогда какъ она давно бы могла получить мѣсто гувернантки; до сихъ поръ она могла счита-ться *demoiselle de compagnie* при моихъ дочеряхъ, но теперъ это будетъ не кстати и вовсе не нужно. Мильгорова беретъ ее къ Вѣрѣ въ компаньонки: мѣсто прекрасное, получить приличное содержаніе. Миѣ ли поговорить съ ней объ этомъ, или ты самъ скажешь?

— Ты можешь передать ей это сама...

— Ну, вотъ я очень рада, милый другъ, что сбросила съ души это бремя. Я не знаю степени твоей привязанности къ этой дѣвчкѣ, но вообще сожалѣю, если огорчила тебя неволью, вы-сказавъ всю правду. Миѣ бы пріятнѣе было передать тебѣ хоро-шее... Но въ свѣтѣ такъ часто встрѣчается неблагодарность, что она стала почти въ порядкѣ вещей. Ты хотѣлъ сдѣлать добро и сдѣлалъ; чтобы съ ней было безъ нашего покровительства?.. Я пойду теперъ провѣдать Олушре, съ которой ты, правду ска-зать, жестокъ и несправедливъ.

Вдохъ, вырвавшійся изъ груди Михайла Александрыча, по-ходилъ на вдохъ человѣка, только что окончившаго тяжелый трудъ...

Миѣ становилось душно, тошно, невыносимо! Когда я встала,

чтобъ добраться до своей комнаты, я зашаталась, какъ ошнѣлая.

— Все погибло! — подумала я, — я на всегда упала въ его мнѣшн!.. Мнѣ казалось, я умираю для всего свѣтлаго, отраднаго въ этой жизни... Душная рыданіями, я бросилась на свою постель и съ какимъ-то ужасомъ прятала голову въ подушки, какъ будто хотѣла спрятаться отъ нахлынувшего горя и отъ того, что казалось мнѣ еще страшнѣе: отъ любви моей къ нему...

— Но къ чему скрывать, къ чему обманывать себя! — думала я, когда утихли первые, бурные порывы моей печали, — теперь я могу любить его; теперь это не страшно, теперь я не измѣню себя, потому что не найду больше искушенія ни въ его нѣжномъ взглядѣ, ни въ выраженіи его голоса... Хододень, чуждъ, далеку будетъ онъ отъ меня теперь... Онъ подалъ мнѣ милостыню и отвернулся... Чего я могу еще требовать? чего вправѣ ожидать?..

А между-тѣмъ, я чувствовала, что была вправѣ ожидать его уваженія, его довѣрія, отнятыхъ у меня такъ безбожно, такъ несправедливо... Вся кровь бросалась мнѣ въ лицо при одной мысли объ оправданіи... Нѣтъ, пусть идетъ все такъ, какъ устроили неотразимыя обстоятельства... Мнѣ казалось, я потерпѣла кораблекрушеніе и безъ опоры, безъ надежды носилась по мрачнымъ и грознымъ волнамъ невѣдомаго, безбрежнаго океана... Мнѣ хотѣлось бѣжать на кладбище и припасть пылающимъ лицомъ къ догройи могилѣ — мнѣ казалось, что въ моихъ слезахъ, въ моей тоскѣ была сила, могущая заставить мертвыхъ заговорить для моего утѣшенія...

Легкій стукъ въ дверь заставилъ меня, по возможности, овладѣть собой. Вошла Лидія. Въ комнатѣ было темно и она не могла замѣтить слѣда слезъ на моемъ лицѣ.

— Я не помѣшаю тебѣ, душа моя? — спросила она меня, — я соскучилась безъ тебя. Прихожу въ гостиную, тамъ тебя нѣтъ: дядя ушелъ, папанъ съ теткой говорятъ что-то вполголоса. Ты можешь быть уснула, я разбудила тебя? Мы сегодня встали съ тобой очень рано.

— Нѣтъ, я не спала.

— Какой у тебя голосъ, душа моя! точно послѣ слезъ. Не чувствуешь ли ты себя дурно? Можешь быть, ты желала бы остаться одна?

— Нѣтъ, побудь со мной, моя милая. Я рада, что ты пришла...

— Я увѣрена, что ты плакала... Но это всегда такъ бываетъ, когда еще не знаешь вѣрить или нѣтъ...

— Что ты хочешь сказать?

— О, какая же ты скрытная! Вотъ, и онъ тоже не разъ говорилъ, что ты скрытная... Развѣ ты въ самомъ дѣлѣ ничего не замѣчаешь? развѣ ты, вправду, не догадываешься, что онъ любить тебя?..

— Кто? спросила я разбитымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Дядя Мишель. Да, онъ любить тебя — и въ этомъ я никогда не обманусь.

Я вздрогнула и взяла ее за руку.

— Я не знаю, продолжала она: — почему ты принимаешь это съ такимъ испугомъ и будто горемъ. Любить и быть любимой — вѣдь это большое счастье, голубчикъ мой. А что онъ любить тебя, то, вѣрь мнѣ, это правда. Я вижу по всему: взгляды его становятся другимъ, когда обращается на тебя; лицо оживаетъ, когда тыходишь и голосъ принимаетъ особенный оттенокъ нѣжности, когда онъ говоритъ съ тобой...

— О, это еще ничего не значить! возразила я. Онъ добръ и всегда принималъ во мнѣ участіе.

— О, нѣтъ, это не простое участіе, — не съ простымъ участіемъ сказалъ онъ вчера, смотря тебѣ вслѣдъ и крѣпко сжимая мою руку: «какая она чудная дѣвушка!» при этомъ онъ глубоко вздохнулъ и въ голосъ его слышалась страсть... Потомъ онъ закрылъ глаза рукой и такъ, нѣсколько минутъ, оставался въ задумчивости... Что ты на это скажешь?

Что могла я сказать ей? Я слушала ее, едва переводя дыханіе, приложивъ руку къ сердцу, напрасно стараясь удержать его усиленное бѣненіе. Я готова была слушать ее всю жизнь. Пока она говорила, невѣдомое счастье проникало все существо мое. Всѣ предыдущія непріятности какъ-будто тонули въ безднѣ новаго, теплаго, живительнаго чувства.

— На дняхъ, заговорила опять Лидія! — онъ сидѣлъ въ саду, на той скамейкѣ, гдѣ мы разговаривали послѣдній разъ вечеромъ, и чертилъ на песокъ твое имя. Онъ весь вспыхнулъ, когда увидалъ меня подлѣ себя и старался сгладить песокъ. Я сдѣлала видъ, что не замѣтила, хотя очень хорошо замѣтила. Неужели

ты и теперь не повѣришь? И вообще, прибавила она съ торжествующей увѣренностью, — хотя это повидимому мелочи, но онѣ выражаютъ многое. Ты... ты также любишь его, милая Лиза; но ты борешься съ своимъ чувствомъ, потому что ты горда и думаешь, что оно ни къ чему не поведетъ. Ошибаешься. Уж если дядя полюбилъ тебя, то онъ ни на что не посмотришь, какъ шапан ни хитритъ, а онъ поставитъ на своемъ... Вотъ, тебѣ странно, что шапан не любитъ тебя, а мнѣ это никогда не казалось страннымъ, потому что она очень проницательна, и если она не разлучила меня съ Сашей, то это потому, что считала меня ребенкомъ и боялась усилить мою любовь препятствіями.

Послѣднія слова живо напомнили мнѣ недавній разговоръ Прасковьи Александровны съ братомъ и всѣ тяжелыя ощущенія.

— Лучше не думать объ этомъ, моя дорогая, сказала я послѣ довольно продолжительнаго молчанія. Тотчасъ послѣ твоей свадьбы, я переѣду къ Мильгоровой и тогда все пройдетъ...

— Какъ? и любовь твоя? о, стало быть ты не любишь!

— Я говорю не о себѣ...

— Вѣдь это не за тридевять земель, — вы будете видаться. Только бы пріѣхала Ольга, такъ это еще лучше, что ты будешь у Мильгоровой.

Я не высказала ей печальныхъ мыслей, пробѣжавшихъ у меня въ головѣ при воспоминавіи объ Ольгѣ и не противорѣчила доброму созданію, такъ желавшему, чтобъ всѣ были счастливы.

— Удивительно мило! раздался въ дверяхъ голосъ Олимпіады Сергѣевны, — сидятъ въ потьмахъ и шепчутся!.. Какъ будто итъ другихъ, болѣе приличныхъ занятій...

— Что жъ за преступленіе, что мы сидимъ въ потьмахъ? — сказала Лидія.

— Вотъ, ужъ скоро ты получишь свободу дѣлать всякія глупости!

— И очень рада!

— Но это ни на что не похоже! До чего это дойдетъ? Прасковья Александровна послала меня отыскивать васъ.

— Точно мы пропали! сказала Лидія, смѣясь.

— Да хоть бы комнату освѣтила! воскликнула Олимпіада Сергѣевна, здѣсь лобъ разобьешь... Аи!.. Она запнулась за стулъ.

— Я нездорова и останусь въ моей комнатѣ, сказала я.

— Что же, Лидія Николаевна, сойдете вы, или останетесь здѣсь сидѣлкой? спросила она, выходя изъ комнаты.

— Иду за вами, отвѣчала Лидія, слѣдуя за ней.

Оставшись одна, я не была уже такой страдающей и несчастной, какъ часъ тому назадъ. Надъ моею печалью носилась, наперекоръ всѣмъ грустнымъ мыслямъ, новая сіяющая звѣзда и разливала волшебный, радужный свѣтъ на всѣ окружающіе предметы... Всѣ интриги, всѣ сплетни Прасковьи Александровны и ея наперсницы противъ меня, показались мнѣ такими мелкими, ничтожными камешками на пути моеи жизни.

На другой день, когда я утромъ входила въ диванную, мной овладѣла непостыжимая робость. Мнѣ вдругъ представилось, что онъ пойметъ и узнаетъ все, что я передумала и перечувствовала въ предыдущую ночь; что ему покажется смѣшной увѣренность моя въ его чувствахъ; что все, что сказала мнѣ Лидія можетъ быть ошибкой... И какъ улыбнулся бы онъ этой ошибкѣ!

Въ первый разъ еще рука моя дрожала, когда я подавала ему стаканъ съ чаемъ. Мнѣ стало досадно на себя, на потерю моего спокойствія. Онъ не разъ взглянулъ на меня пытливо, но серьезно и почти холодно. Когда я напрасно прождала все время утренняго чая, что онъ заговорить со мной; когда онъ, взявъ свою сѣрую фуражку, сказалъ, что отправляется до обѣда на охоту и вышелъ, мной овладѣло уныніе — и напраслина Прасковьи Александровны легла мнѣ на душу тяжелымъ камнемъ.

Лидія проводила его удивленнымъ, безпокойнымъ взглядомъ.

— Однако я сама видѣла, сказала она мнѣ тихо, съ сверкающими глазками, какъ онъ писалъ на пескѣ: «Лиза...»

Спокойное торжество выражалось на лицѣ Прасковьи Александровны; Олимпіада Сергѣевна казалось мнѣ выше обыкновеннаго поднимала къ верху свой римскій носъ... а голова моя клонилась все ниже и ниже...

Вскорѣ послѣ ухода Михайла Александрыча, мнѣ было передано его сестрой предложеніе Мильгоровой, которое я приняла безпрекословно. Переселеніе мое назначено было послѣ свадьбы Лидіи.

Михаилъ Александрычъ возвратился съ охоты послѣ объѣда. Вѣроятно онъ раздумалъ, что рѣзкая перемена обращенія съ такой бѣдной дѣвушкой какъ я, была бы недостойна его великодушія и заговорилъ со мной о чемъ-то очень любезно, — такъ любезно, что только мнѣ одной было ясно, что онъ уже не тотъ, какимъ былъ ко мнѣ за день. Да, это было одно великодушіе!..

— Вы переѣзжаете къ Мильгоровой? спросилъ онъ меня между прочимъ.

— Да, отвѣчала я: — тотчасъ послѣ свадьбы Лидіи.

— Вы найдете въ ней очень добрую, очень деликатную женщину.

— Я поступаю въ компаньонки къ M-me Саблонской.

— А! ну, да это все равно. Говорятъ, она премилая дѣвушка. Я думаю, въ самомъ дѣлѣ, вамъ здѣсь страшно надоѣло.

— Да, безъ Лидіи мнѣ было бы тяжело здѣсь остаться...

И голосъ мой невольно задрожалъ.

— Вы очень ее любите? Вы полюбите и Вѣру Саблонскую... Тогда вамъ меньше будетъ горя.

— Можетъ быть, я и полюблю Вѣру, но мѣста моей дорогой подруги никто не замѣнитъ въ моемъ сердцѣ. Мы не измѣнимъ другъ другу. Никакая клевета не въ состояніи поссорить насъ...

— Это завидная дружба! сказалъ онъ съ чуть замѣтной насмѣшливостью.

— Это оттого, сказала я съ горечью, — что мы знаемъ другъ друга, что мы вѣримъ другъ другу...

Онъ посмотрѣлъ на меня не то съ грустью, не то съ упрекомъ. Олимпиада Сергѣевна подошла и усѣлась между нами.

— Вотъ, сказалъ онъ, обращаясь къ ней: — скоро вся молодежь разѣдется изъ этого дома, останемся только мы старики.

Олимпиада Сергѣевна, вмѣсто отвѣта, какъ-то неприязненно фыркнула въ сторону.

Прасковья Александровна изъявила желаніе, чтобъ мы большей частью оставались дома и ограничили наши прогулки садомъ; такъ какъ Лидіи, говорила она: — уже недолго остается быть въ родительскомъ домѣ, то я хочу, чтобъ послѣднее время передъ свадьбой было посвящено матери... Олимпиада Сергѣевна упорно слѣдила за нами и сопровождала насъ всюду.

За два дня до свадьбы пріѣхалъ женихъ; наканунѣ прибыли

Казановы. Меньшая была уже замужем и весело и гордо носила свой кружевной чепчикъ. Старшая была тонка, нарядна и граціозна по прежнему.

Въ день свадьбы, съ утра стали прїѣзжать гости, между прочимъ Мильгорова съ Вѣрой, сіюющей и порхающей, какъ престная бабочка.

Около туалетнаго столика, въ комнатѣ невѣсты, толпились дѣвицы и дамы, каждая наперерывъ желая принять участіе въ ея одѣваньи.

Мильгорова, съ нѣжнымъ, томнымъ желаніемъ счастья и съ глубокимъ вздохомъ о себѣ и о принесенныхъ ею жертвахъ, вдѣла серьги въ мраморныя; прозрачныя ушки невѣсты. Вѣра приколола бунетъ на ея трепещущую, дѣвственную грудь. Олимпиада Сергѣевна подала ей золотыя шишечки. Казановы накинули кружева на пышный корсажъ ея платья... Я стояла всторонѣ съ тайной молитвой о ея счастья и, замирая, видѣла, какъ свѣтлый ангелъ, озарившій до сихъ поръ своимъ присутствіемъ мое существованіе, расправлялъ свои радужныя крылья, чтобъ улѣтѣть отъ меня...

Она попросила всѣхъ оставить ее на минуту одну и удержала меня. Брачный вѣнокъ не былъ еще надѣтъ; она съ улыбкой подала его мнѣ и тихо склонилась, чтобы я надѣла его на ея милую головку... Слезы невольно брызнули у меня изъ глазъ и прощальный поцѣлуй нашъ былъ дологъ и нѣженъ.

Совсѣмъ одѣтая, она обошла весь домъ и простилась со всей дворней съ милой лаской, прося всѣхъ помолиться о ней въ наступающую, важную минуту ея жизни.

Послѣ вѣнчанья, непритворная веселость овладѣла всѣми, точно гора спала съ общества, точно каждому пришлось сдѣлать доброе дѣло...

Но когда экипажи были поданы, когда повобрачные вмѣстѣ съ гостями, отираившись въ городъ, въ свой домъ, — большія комнаты деревенскаго дома стали особенно пусты и тоскливы. Тѣшина, смѣнившая шумный говоръ гостей, будто говорила: вѣтъ ея, уѣхала! скучно, скучно!..

Я встала рано, въ первый день моего одиночества.

Утренняя гроза гуляла по небу, не заслоняя восходящаго

солнца ; лѣтній, веселый дождь шумѣлъ по цвѣтущимъ кустамъ сирени и жимолости и раскаты грома изъ бѣгущей тучи освѣжительно потрясали благовонный утренній воздухъ.

Прасковья Александровна еще спала ; Олимпіада Сергѣевна, если и проснулась , то не рѣшилась бы показаться такъ рано на воздухъ. Я сошла въ садъ, когда пересталъ дождь и на поворотѣ въ липовую алею встрѣтила Михайла Александрыча. Онъ видно также задумался, какъ и я, потому что мы, только сойдясь довольно близко, замѣтили другъ друга.

Увидя его , я не смутилась , какъ нѣсколько дней тому назадъ , я собралась съ силами , гордость помогла мнѣ считать похороненнымъ мое внезапное , быстро пронесшееся счастье.

— Какъ я радъ, что встрѣтилъ васъ ! сказалъ онъ. — Какое чудесное утро !

— И какая веселая , тихая гроза , отвѣчала я. — Я не думала встрѣтить васъ такъ рано.

— Мы такъ неожиданно явились другъ передъ другомъ... Вы не испугались ?

Я посмотрѣла на него вопросительно.

— Помните , продолжалъ онъ : — однажды , я также неожиданно нашолъ васъ въ саду и вы испугались.

— Это ужъ было такое глупое расположеніе...

— Да , въ самомъ дѣлѣ , вы теперь стали очень безстрашны , такъ что , не боясь осужденія кузины , рѣшились , чуть не съ восходомъ солнца , выйти гулять одинъ.

— Я прощаюсь съ садомъ , завтра я оставлю здѣшній домъ.

— Такъ скоро ! и безъ сожалѣнія ?

— Позвольте мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ... Онъ поведетъ ко многимъ поясненіямъ.

— Вы избѣгаете поясненій ?

— Здѣсь я считаю ихъ излишними... Но не лишнимъ считаю я принести вамъ мою глубочайшую благодарность за сдѣланное вами для меня добро.

— И такъ все должно было кончиться этой чинной благодарностью...

— Не чинной , увѣрю васъ. Если эти слова не могутъ высказать вамъ всей полноты моего уваженія , желанія вамъ счастья , — то не я виновата.

— Вы не считаете меня вашимъ другомъ ?

— Кого же послѣ этого могу считать я другомъ?

— О, нѣтъ! Вы не хотѣли быть откровенной, — вы не дали мнѣ возможности способствовать вашему счастью...

— Все, что вы могли сдѣлать для меня — уже сдѣлано.

— Можетъ быть, я могъ бы болѣе...

— Едва ли...

— Позвольте мнѣ... сказалъ онъ какъ-то нерѣшительно, — сдѣлать вамъ одно дружеское предложеніе или скорѣе просьбу... О, конечно это просьба, и самая покорная просьба.

— Все, что вамъ угодно.

— Можетъ быть, кто можетъ ручаться? — вамъ не понравится ваша новая жизнь; могутъ случиться обстоятельства, гдѣ почувствуется недостатокъ матеріальныхъ средствъ... Какъ ни говорить, что деньги презрѣнный металлъ, а право этотъ презрѣнный металлъ иногда бываетъ очень необходимъ. Позвольте мнѣ просить васъ принять, во имя дружбы, нѣкоторую сумму на непредвидѣнные расходы...

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, вся кровь прилиwała къ моей головѣ... Стыдъ, оскорбленіе захватывали мнѣ дыханіе.

— Боже мой! вскричала я съ горечью. — Милостыня!.. этого только не доставало!..

Я дрожала и готова была упасть.

— Богъ съ вами! сказалъ онъ, поддерживая меня. — Грѣшно такъ принимать помощь отъ друзей... Неужели я оскорбилъ васъ до такой степени? Повѣрьте по крайнѣй мѣрѣ тому, что я не желалъ этого.

Слезы не дали мнѣ нѣсколько минутъ говорить.

— О, я должна этому повѣрить, сказала я наконецъ. — Мнѣ кажется, я не пережила бы безъ этой увѣренности.

— Вы слишкомъ нервны и раздражительны. Еслибъ вы могли подумать обо всемъ хладнокровно, то поняли бы, что я также оскорбленъ вашей вспыльчивой выходкой; что вы сами дали мнѣ право сказать вамъ горячее и колкое слово упрека... Но вы молоды и вамъ простительнѣе, чѣмъ мнѣ, увлекаться бурными порывами...

Онъ говорилъ это съ грустнымъ спокойствіемъ; въ его взглядѣ, въ выраженіи лица было столько открытаго благородства, что моя вспыльчивость показалась мнѣ излишней и неумѣстной.

— Онъ не хотѣлъ оскорбить меня, подумала я: — виновато

положеніе, изъ котораго я сдѣлала бичъ для человѣка, желающаго сдѣлать мнѣ добро...

Я стояла передъ нимъ смищенная и покорная. У меня разрывалось сердце.

— Имѣйте ко мнѣ жалость! сказали я, снова заливаясь слезами: — я глубоко страдаю..

— Очень понятно, отвѣчалъ онъ съ участіемъ... У васъ скрытный, гордый нравъ...

— Не сулите обо мнѣ, умоляю васъ, во имя вашей доброты и того дорогого, незабвеннаго для меня участія, которое вы мнѣ оказывали, по теперешнему увлеченію... О, еслибъ вы знали, еслибъ вы знали только!.. прибавила я внѣ себя, лопая руки.

— Что такое, дитя мое? сказалъ онъ, тронутый моею печалью: — ради Бога, скажите мнѣ все, какъ отцу, какъ старому, предавшему другу... Вы видите, я могъ бы быть вашимъ отцомъ... Будьте откровенны; можетъ быть, моя опытность поможетъ придумать какъ поправить дѣло...

Онъ тихо взялъ меня за талью и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ...

— Ну, скажите; не бойтесь... продолжалъ онъ нѣжнымъ, взволнованнымъ голосомъ, склоняясь къ моему лицу, такъ что его прерывистое дыханіе колыхало мои волосы, — вы любите? да? любите?..

Силы оставили меня... Я рѣшительно не могла выговорить ни слова, точно языкъ окаменѣлъ у меня. Онъ подвелъ меня къ первой скамейкѣ, усадилъ и, все еще поддерживая меня, наклонялъ росистыя вѣтви, чтобъ брызнуть мнѣ въ лицо нѣсколько капель воды.

— Барышня! пожалуйста къ Прасковѣ Александровнѣ, раздался неожиданно голосъ горничной. Пожалуйста, приказали просить сію минуту.

Михаилъ Александрычъ сдѣлалъ невольное движеніе отъ меня и нахмурился. Я пришла въ себя и медленно направилась къ дому, сопровождаемая горничной, имѣвшей какъ видно особенное приказаніе слѣдовать за мной.

Прасковья Александровна привѣтливѣе обыкновеннаго поздоровалась со мной. Я нашла ее еще въ спальнѣ, не одѣтую.

— Я нарочно послала за вами, моя милая, сказала она, — чтобъ вручить вамъ нѣкоторыя вещи, принадлежавшія вашему

отцу и хранившіяся у меня. Quelques argenteries. Все это неважно, но можетъ пригодиться вамъ впоследствии.

Она указала на небольшой ящичекъ и велѣла своей горничной отнести его за мной въ мою комнату.

— Будьте готовы къ отъѣзду завтрашній день. Анна Даниловна хотѣла прислать за вами свой экипажъ послѣ обѣда, прибавила она вслѣдъ мнѣ.

— Не помочь ли вамъ, барышня, укладываться? сказала, входя ко мнѣ, на другой день утромъ, одна изъ горничныхъ Прасковья Александровны, молодая, красивая, румяная дѣвушка, очень бойкая и очень добрая, сестра Агаши, уѣхавшей съ Лидіей.

— Нѣтъ, благодарю, моя милая. Дѣла, какъ видишь, немного, отвѣчала я съ улыбкой.

— Немного и вправду! А намъ жаль васъ, право. Скука такая! всѣ разѣдутся. Пока вы здѣсь, такъ мы на васъ, точно на Лидію Николаовну посмотримъ... Голубушка наша! прибавила она съ чувствомъ, — слава Богу, что она пристроилась за хорошаго человѣка. Ужъ душа баринъ! милый, не гордый! Не то, что Софья Николаовны муженекъ. Вотъ, и-богатъ, да что въ немъ? Живутъ то не больно хорошо, пишутъ наши люди оттуда; онъ глядитъ всторону, карты да вечера; все съ холостежью, говорятъ, по актрисамъ ѣздятъ... Вы не слыхали? — барыня собирается туда къ нимъ, въ деревню, что подъ Петербургомъ, дача что ли называется какая. Письма все видно неприятныя получаетъ; какъ получить письмо, такъ и сдѣлается на себя не похожа. А отъ домашнихъ-то скрываетъ... Вѣдь ужъ наша барыня, какъ захочетъ, ни за что не покажетъ тамъ хоть кошки скребись на душѣ... Да когда вы уѣзжаете?

— Сегодня хотѣли прислать за мной.

— И проводить то васъ некому... Михаилъ Александрычъ, чуть свѣтъ, уѣхалъ въ городъ. Онъ до васъ такой ласковый, онъ бы васъ проводилъ.

— Уѣхалъ? Ты не знаешь зачѣмъ?

— Не знаю-съ.

— И не хотѣлъ проститься! подумала я съ грустью. Какъ все переѣнилось! Не онъ ли говорилъ когда-то: я самъ введу васъ на новую, избранную вами дорогу...

Вещи падали у меня изъ рукъ и дѣло не клеилось.

— Плохо быть сиротой, барышня! продолжала болтливая дѣвушка. Не совѣешь себѣ тѣлаго гвѣдышка; сегодня здѣсь, а завтра, Богъ знаетъ, гдѣ... Барышня то, къ которой вы поступаете, говорятъ, добрая, только избалована, одна дочь у отца; отецъ души въ ней не слышитъ. Да что, вы учить что ли ее будете? Вѣдь ужъ она большая. Или такъ, для компаніи?

— Для компаніи, отвѣчала я.

— Ну, это полегче. Ужъ учить то больно тяжело. Какъ у насъ, бывало, гувернантки жили, я еще дѣвченкой была, такъ что это, Боже упаси! я бы никакихъ денегъ не взяла. Молодой баринъ былъ еще маленькимъ; такъ ужъ съ нимъ-то мученье: рѣзвый, непослушный, а ужъ дерзкій какой! Француженка плакивала отъ него, а вѣжкѣ такъ житья не было, всѣ косточки ей перемоетъ, насмѣшникъ такой... Теперь, говорятъ, сталъ умный, все за границей живетъ. Ждали нынче мы его, да вотъ не пріѣхалъ. Каковъ-то вышелъ? Хорошо, какъ бы въ дяденьку. Что за баринъ Михаилъ Александрычъ! Великатность какая, доброта! А ужъ справедливость какая! на рѣдкость. Это, чтобы ему насказать да наговорить можно бы на кого, по злобѣ — извините! самъ все обсудить... Посмотрить на тебя ласково да улыбнется, точно рублемъ подарить, а ужъ какъ нахмурится да скажетъ: не совѣстно ли тебѣ? такъ радъ сквозь землю провалиться... А вы, Лизавета Алексѣвна, видно нездоровы сегодня? или это отъ огорченья?

— А что?

— Да такъ, блѣдны очень, изъ себя перемѣнились...

— Да, мнѣ нездоровится.

— Отдохните пока, еще до чаю-то добрый часъ пройдетъ. Я вамъ прійду сказать. Когда-то еще наши старухи поднимутся.

— Услыхала бы это Олимпиада Сергѣвна! сказала я, шутиво.

— А, ну ее, съ Богомъ! отвѣчала Маша, засмѣявшись. Нѣтъ, вы отдохните однако, прибавила она заботливо.

Она уложила меня и вышла. Я въ самомъ дѣлѣ чувствовала себя не совсѣмъ хорошо.

Мильгорова прислала за мной послѣ обѣда, какъ сказала. Она написала мнѣ очень любезную записку, въ которой выражала радушіе и нетерпѣливое ожиданіе видѣть меня. Не болѣе, какъ черезъ часъ, послѣ полученія этой записки, ожиданіе ея

было удовлетворено, и я сидѣла уже въ старинной гостиной Латухиныхъ, со стѣнъ которой важно и внимательно глядѣли на меня темные, фамильные портреты...

Въ углу, у окна, въ большомъ креслѣ, передъ круглымъ столомъ, заваленнымъ книгами и всякой всячиной — тутъ была и кружка съ водой, и большая черепаховая табакерка, и чернильница, сидѣлъ высокій, еще бодрый старикъ. Его голова напоминала собой головы бюстовъ; его сѣрые глаза смотрѣли изъ подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей проицательно и бойко. Голосъ его слегка дрожалъ, но былъ звученъ и рѣчь отличалась медленностью и ясностью. Лицо его не было сурово и непріятно. Въ умныхъ глазахъ видѣлись доброта и добродушное лукавство, какое-то стариковское *señor na umъ*. Молодого Латухина не было дома.

Узкія, старинныя окна скупо пропускали свѣтъ и гобеленовскіе обои, представлявшіе мифологическія группы, придавали комнатамъ что-то фантастическое. Всѣ, кромѣ старика Латухина, казались только недолговременными, посторонними посѣтителями этой гостиной, пришедшими осмотрѣть ее, какъ замѣчательную древность. Одинъ только этотъ старый человѣкъ въ креслахъ смотрѣлъ здѣсь полнымъ хозяиномъ; одна только его фигура гармонировала со всей обстановкой, и лицо, окруженное сѣдыми волосами, казалось сродни темнымъ лицамъ на стѣнахъ.

Со мной старикъ Латухинъ обошелся привѣтливо.

— Будьте какъ дома, сударыня, сказалъ онъ, — мы люди не гордые, не модные... Пока сестра у меня, я буду считать васъ своей гостей. Сынъ говорилъ мнѣ о васъ, и я всегда сожалѣлъ о вашемъ внезапномъ несчастьи.

— Какое счастье, что это случилось во время пребыванія здѣсь Крипельскихъ, сказала Мильгорова: — въ противномъ случаѣ, чтобы было съ вами, *raucge enfant!*

— Ну, вотъ, возразилъ Павелъ Давылычъ, — вѣдь вы, барыня, сейчасъ и сочините ужасную драму... Чтобы было съ нами? Мнръ не безъ добрыхъ людей — ужъ по твоему только и свѣту въ окнѣ, что Крипельскіе.

Вскорѣ Вѣра предложила мнѣ идти съ ней гулять.

— Кто это у васъ умеръ вдругъ, въ одну минуту? спросила она меня.

— Отецъ, отвѣчала я.

— Ахъ, какъ это страшно! произнесла она съ ужасомъ, передергивая своими плечиками. Мой папа слава Богу живъ, ему теперь лучше...

И она стала срывать, на ходу, головки полевыхъ цвѣтовъ, бросая ихъ на дорожку.

— За что вы къ нимъ такъ жестоки? сказала я, поднимая лильовыя чашечки полевыхъ колокольчиковъ.

— Я жестока? развѣ они чувствуютъ?

— Они цвѣтутъ, живутъ и умираютъ — слѣдовательно чувствуютъ по своему, разумѣтся.

— Я никогда объ этомъ не думала, — отвѣчала она, вздернувъ губки.

— Викторъ Павлычъ надолго уѣхалъ? спросила я.

— Madame, — такъ называла она Мильгорову, сказывала мнѣ, что онъ сегодня долженъ воротиться... Вамъ нравится Мг Латухинъ? прибавила она.

— Онъ прекрасный человѣкъ, отвѣчала я.

— Правда это, что онъ влюбленъ въ какую-то Ольгу Васильевну, которая, говорятъ, ужасъ какая чудачка и врядъ ли не старѣе его годами?

— Правда, но она нисколько не чудачка, а очень умная, добрая, развитая дѣвушка.

— Онъ прескучный.

— Кто?

— Латухинъ. Вѣчно занятъ, то книгами, то хозяйствомъ. Дѣдушка гораздо его любезнѣе.

Дѣдушкой называла она старика Латухина.

— Скучно здѣсь... прибавила она, вытягивая впередъ свои хорошенькія ручки.

— Попробуемъ заняться чѣмъ-нибудь пріятнымъ... чтеніемъ, рукодѣльемъ.

— Да, вдвоемъ можетъ быть будетъ лучше. Музыка надоѣла. Фортепяно, которое привезли изъ города, такого дурного тона; Мг Латухинъ купилъ все такихъ серьезныхъ, трудныхъ музыкальныхъ пьесъ. Я раскаяваюсь, что поручила ему сдѣлать выборъ по его вкусу. Онъ самъ порядочно играетъ на скрипкѣ; думала, что съумѣетъ...

— Я не знала, что онъ играетъ.

— Играетъ... Вотъ, Лидія Николаевна вышла замужъ. Такая

молодая и мужъ у ней хорошенькій... Ей теперь весело. Я непременно скоро выйду замужъ. Только воротится паца.

— У васъ уже есть женихъ ?

Она засмѣялась.

— Нѣтъ, но развѣ я не найду жениха ?

— Замужство не шутка.

— Разумѣется. Надо только выбрать милаго, любезнаго, *comme il faut* молодого человѣка. У насъ много знакомыхъ... А какъ вы думаете, Датухвинъ женится на той M-lle Martoff ?

— Не знаю...

— Madame въ отчаяніи. На дняхъ у нихъ была сцена. Викторъ Павлычъ разгорячился; Madame плакала. Прасковья Александровна насказала ей ужасныхъ вещей... А, вотъ, выходитъ все это неправда... Ну, чтожъ ? пусть его женится, — ему надо жениться на старухѣ. Молоденькую жену онъ замучитъ поученіями...

— Она не старуха, о, нѣтъ ! — она молода и прекрасна на глаза всѣхъ, кто ее знаетъ... А какъ смотритъ Павелъ Давылычъ на любовь своего сына ?

— А я, право, не знаю, — онъ мало говоритъ объ этомъ.

— Разговоръ этотъ былъ при немъ ?

— При немъ. Онъ только сказалъ, что по слухамъ нельзя судить... На дняхъ у насъ была пресмишная дама, какая-то Марья Дмитревна, крикунья ужасная. Дѣдушка желалъ у нее купить землю, что ли, не знаю право. Она не хотѣла продать, горячилась. Дѣдушка, говоря съ ней, только посмѣивался и точно поддразнивалъ ее. Намъ съ Madame стало ужасно скучно, мы ушли отъ нихъ. Она осталась почти до ночи и очень дружно и весело разсталась съ дѣдушкой... Вотъ, какія удовольствія, какіе интересы здѣсь ! Madame, Богъ знаетъ, куда завезла меня. Одно утѣшеніе оранжерей да журналы модъ. Пора ѣхать. Я упрошу Madame скорѣе уѣхать... Она имѣла другую цѣль, но эта цѣль кажется не уадется. Я очень люблю Madame и сдѣлала все, что могла. Но нѣтъ никакой возможности, никакой ! Изъ медвѣдя не сдѣлаешь голубя.

Поглядянюю истину она сказала важно, будто гордясь фразой собственнаго своего изобрѣтенія.

— Вотъ любимые цвѣты Лидіи, сказала я съ невольной грустью, подходя къ кусту бѣлыхъ розъ.

— Вы очень ее любили? спросила Вѣра.

Я съ жаромъ стала разсказывать ей о Лидіи, о нашей дружбѣ.

— А меня вы полюбите? Можетъ быть и полюбите со временемъ. Меня многіе любятъ, но не такъ какъ вы Лидію; обо мнѣ вѣрно такъ не вспоминаютъ мои подруги. Какая она милая! Мнѣ хочется быть такой же.

— И вы будете такой, сказала я съ чувствомъ, взявъ его за руку: — если только не закроете вашего сердца для добрыхъ чувствъ...

— Какая вы странная дѣвушка! сказала она, поглядѣвъ на меня любопытнымъ, почти дѣтскимъ взглядомъ... Я не встрѣчала до сихъ поръ ни одной такой странной дѣвушки... Вы меня пожалуйста полюбите. И я васъ люблю, а ужь если люблю, то не измѣню... Что вы такая блѣдная? Я васъ прошлые разы такой не видала. Вы устали? пойдите домой.

— Да, я чувствую себя дурно и попрошу позволенія отдохнуть.

— Вотъ еще, позволенія! Я сейчасъ васъ провожу. Ваша комната рядомъ съ моей.

Она проводила меня до очень просторной и чисто прибранной комнаты и сказала, подавая мнѣ руку.

— Вы какъ прощались съ Лидіей?

— О, я цѣловала ее нѣжно и она меня также!

— Ну, такъ поцѣлуйте и меня. Такъ? спросила она, подставивъ свои хорошенькія губки. — Но только вы ее очень любите, а меня еще нѣтъ...

И не дожидаясь отвѣта, она выбѣжала изъ комнаты.

— Что это? не занемочь бы мнѣ... подумала я, съ трудомъ переходя небольшое пространство, отдѣлявшее меня отъ постели и шатаясь, какъ пьяная, отъ головокруженія и слабости, охватившихъ внезапно и болѣзненно все существо мое.

Когда я легла, то сперва мнѣ показалось, что кровать вмѣстѣ со мной проваливается будто въ пропасть; нѣсколько минутъ спустя, я уже летала по воздуху и удивлялась мысленно той силѣ и легкости, которыя носили меня безъ крыльевъ... еще нѣсколько минутъ спустя, я потеряла сознание и будто исчезла для самой себя... По временамъ сознание смутно приходило ко мнѣ, и тогда я видѣла вокругъ себя знакомыя и незнакомыя лица.

Всѣхъ живѣе и чаще представлялись мнѣ Ольга и Лидія, въ особеннѣйшей степени первая. Въ минуты сознанія, я считала это видѣніе бредомъ и смѣшивала его съ другими странными образами болѣзненной фантазіи. Но любопытнѣе всѣхъ была для меня, время отъ времени появлявшаяся передо мной, фигура незнакомаго мужчины въ огромныхъ очкахъ, который всякій разъ бралъ мою руку и въ тоже время смотрѣлъ на часы, лежавшіе у него на ладони другой руки, и что-то шепталъ себѣ подъ носъ.

Время также исчезло для меня; я потеряла счетъ днямъ и узнавала приближеніе ночи только по усиливавшемуся безпокойству и невѣрнымъ снамъ на яву. Не помню, сколько времени продолжалось это состояніе; но когда, послѣ спасительнаго кризиса, я открыла глаза и почувствовала, что сознаніе и память возвратились ко мнѣ, когда я въ первый разъ подумала, что я должно быть больна и лежу въ комнатѣ съ опущенными, темными стѣнами и мысленно стала угадывать, какое теперь время дня; когда приподнявшись на постелѣ, стала осматривать окружающіе меня предметы, взоръ съ радостнымъ удивленіемъ остановился на миломъ, знакомомъ образѣ...

— Да это она, это Ольга! думала я, напрягая зрѣніе, чтобы увѣриться, точно ли это она спитъ въ большихъ креслахъ, въ углубленіи комнаты, и съ каждой минутой убѣждалась болѣе и болѣе въ этой приятной дѣйствительности.

— Ольга, милая Ольга! ты ли это? рѣшилась я наконецъ произнести шолголоса.

Она тихо приподнялась съ креселъ и подошла ко мнѣ своей легкой, граціозной походкой.

— Не хочешь ли ты пить, моя милая, или не поправить ли тебѣ подушекъ? спросила она, глядя на меня съ веселой улыбкой. между тѣмъ, какъ ея нѣжный, глубокій взглядъ измѣнялъ равнодушному тону ея словъ.

— Какъ ты очутилась здѣсь, милая, дорогая Ольга?

— Очень просто, отвѣчала она, отставляя склянку съ лекарствомъ и приводя все въ порядокъ на столѣ. — Я пріѣхала, узнала, что ты больна и поселилась здѣсь въ этой комнатѣ. Чтожъ тутъ удивительнаго? Ты сдѣлала бы тоже самое на моемъ мѣстѣ... Не пропустить ли немного свѣта въ комнату? Это не обезопаситъ тебя?

— О, нисколько! который часъ?

Т. II. — Отд. I.

— Теперь утро и еще очень рано, впрочем солнце скоро взойдет. Нѣтъ, я не подниму стору: это может помѣшать тебѣ спать. Вѣдь я отвѣчаю за тебя передъ докторомъ. Если ты будешь умна и не будешь говорить, я буду дремать здѣсь передъ тобой, а не то уйду въ другую комнату.

Она поправила мои растрепавшіеся волосы, крѣпко поцѣловала меня и снова расположилась въ креслахъ, дѣлая видъ, что хочет заснуть.

Необыкновенное спокойствіе и отраду вливало въ мою душу ея присутствіе. Какая чудная сила заключалась въ немъ? Она происходила прямо изъ ея чистой, смѣлой души, полной стремленія къ добру и правдѣ, полной самой безкорыстной любви къ людямъ. Если она возмущалась противъ нихъ, то какой-то материнской, минутной вспышкой, послѣ которой съ доброгой и терпѣніемъ искала проблеска лучшихъ побужденій и оправдательныхъ пунктовъ. Она никого и ничего не боялась и эта неустранимость не отнимала у нее ни капли той женственной прелесть, которою щедро одарила ее природа.

Организація моя была одна изъ тѣхъ, которыя, переломивъ болѣзнь, быстро поправляются, особливо, когда выздоровленіе встрѣчаетъ еще какое-нибудь пріятное обстоятельство.

Продолжительный, спокойный, освѣжительный сонъ сдѣлалъ надо мной чудеса. Проснувшись, я искала глазами Ольгу, но ее не было. Дѣвушка, сидѣвшая на ея мѣстѣ, сказала мнѣ, что она уѣхала домой и вечеромъ хотѣла быть здѣсь. Послѣ обѣда посѣтила меня Мильгорова съ Вѣрой. Послѣдняя жаловалась, что ее не пускали ко мнѣ, во время моей болѣзни. Мильгорова съ участіемъ спрашивала меня о состояніи моего здоровья.

— Ольга Васильевна все время не отходила отъ васъ ни днемъ, ни ночью, сказала она. — Она смѣнила Лидію Николаевну, которая измучилась и чуть сама не захворала. Насилу могли уговорить ее ѣхать домой отдохнуть и успокоиться.

— Ольга Васильевна обѣщала пріѣхать и сегодня, заговорила Вѣра, не вздергивая презрительно губокъ. — Еслибъ вы не были больны, какъ бы всѣмъ было весело! прибавила она.

— Но вашей болѣзни мы обязаны знакомствомъ съ Ольгой Васильевной и многими пріятными минутами, проведенными въ ея обществѣ, сказала Мильгорова.

— А вы правду сказали, что она чудесная дѣвушка! воскликнула Вѣра.

— Мнѣ кажется, ее не понимаютъ и ложно перетолковываютъ ее поступки, прибавила Мильгорова.

— Увѣряю васъ, возразила я: — о ней говорятъ дурно только тѣ, которые не знаютъ ее хорошо, или не хотятъ узнать. Иногда вдутъ противъ нее мелкая зависть или оскорбленное самолюбіе, а часто и грубый эгоизмъ, затронутый за живое...

— Вы не волнуйтесь, сѣге аміе, сказала Мильгорова. — Мы ухаживаемъ, чтобъ не утомить васъ.

Уходя, Вѣра послала мнѣ поцѣлуй рукой и привѣтливо кивала своей хорошенькой головкой. Я замѣтила въ ней небольшую перемену, которая мнѣ нравилась: ея походка была натуральнѣе, движенія мягче и медленнѣе, и капризная, скучающая мина рѣже появлялась на лицѣ; правда, она показывалась порой, но исчезала быстро, какъ молнія.

Вскорѣ послѣ ихъ ухода пріѣхалъ докторъ. Онъ былъ пріятно удивленъ состояніемъ моего здоровья, сдѣлалъ нѣсколько наставленій, назвалъ натуру мою счастливой и, уѣзжая, спросилъ объ Ольгѣ Васильевнѣ, шутя прибавивъ, что она докторъ не хуже его, и что онъ боится, что она отобьетъ у него практику.

Это былъ пріятный человѣкъ, уже не молодой, но живой, бодрый, съ умнымъ, быстрымъ взглядомъ, съ торопливыми движеніями.

Ольга пріѣхала вечеромъ; она поступала со мной съ нѣкоторымъ тиранизмомъ: говорила мало и была со мной недолго, упрямо уклоняясь отъ моихъ разспросовъ, изъ боязни утомить меня.

Однажды, когда я въ первый разъ могла сѣсть въ кресло, у открытаго окна, кто-то подкравшись сзади, обвилъ руками мою шею; я въ мигъ узнала эти маленькія ручки, на одномъ изъ пальчиковъ которыхъ блестяло гладкое золотое кольцо.

— Лидія! вскричала я: — наконецъ-то!

— Наконецъ-то ты здорова! наконецъ-то кончились дни моего горя и страха! сказала она. — Ахъ, какъ я боялась за тебя! но Богъ услышалъ мою молитву. Когда пріѣхала Ольга, я была уже покойнѣе: я знала, что она лучше меня умѣетъ ходить на большия.

— Счастлива ли ты, мой ангелъ?

— Ахъ, очень, очень счастлива! отвѣчала она со слезами на глазахъ. — Ты приѣдешь къ намъ, какъ только будешь въ силахъ. О себѣ я ужь теперь не забочусь; теперь всѣ мои волненія о тѣхъ, кого люблю... А ты слышала, что тата уѣхала къ сестрѣ вмѣстѣ съ теткой? Теперь въ домѣ одинъ дядя Мишель. Онъ всякій день присылалъ узнавать о твоёмъ здоровьѣ, и я замѣтила, когда видѣлась съ нимъ въ послѣдній разъ, что онъ похудѣлъ и сталъ задумчивѣе... Я не могу понять, но я увѣрена... я не буду говорить объ этомъ, моя дорогая, извини меня, я знаю, что тебѣ это непріятно... Но вѣрь, ужь если Богу угодно, такъ все устроится къ лучшему... и то, что я сама своими глазами видѣла, было не во снѣ...

Намъ казалось, что мы не видались цѣлый вѣкъ и долго проговорили. Впродолженіи этого времени, я замѣтила, что дверь моей комнаты нѣсколько разъ тихонько пріотворялась и въ ту же минуту снова затворялась... Когда уѣхала Лидія, ко мнѣ вошла Вѣра. Она молча сѣла вдалькѣ, надутая, съ нахмуренными бровями, и на вопросы мои отвѣчала отрывисто, чуть не къ каждому слову прибавляя «mademoiselle.»

— Вы на меня сердитесь? спросила я ее наконецъ.

— Нисколько... право я не такая злая...

— Кто жъ думаетъ, что вы злая? Я по крайней мѣрѣ не думаю этого.

— А конечно, продолжала она, раздувая свои тонкія, розовыя ноздри: — когда видишь, что кругомъ всѣ между собой друзья, а ты какая-то отверженная, то поневолѣ будешь не въ духѣ... когда слышишь обидныя вещи... да ужь не безпокойтесь, я слышала, какъ ваша Лидія назвала меня хорошенькой куколкой?.. Я не хочу быть куклой, хотя бы самой хорошенькой, не хочу и не буду!.. Я не люблю васъ, прибавила она: — я люблю только одну Ольгу Васильевну! она не считаетъ меня куклой, она говоритъ со мной, не шепчется всторонѣ; я никогда не помѣшаю ей, съ кѣмъ бы она ни разговаривала.

— Что жъ вы не пришли къ намъ? спросила я, совершенно озадаченная ея выходкой.

— Для чего мнѣ приходитъ? я видѣла какъ вы тутъ, склонившись вмѣстѣ головами, не могли наглядѣться другъ на друга... Я здѣсь чужая, прибавила она со слезами въ голосъ:

напѣ далеко... Я здѣсь лишняя! Я думала, что вы будете мнѣ другомъ, а у васъ только Андiя въ головѣ...

Этотъ порывъ тронулъ меня, я успокоивала и ласкала ее. Она стихла, но долго еще мучила меня своей ребяческой ревностью.

На другой день я одѣлась, чтобъ оставить свою комнату и выйти въ гостиную. Когда я посмотрѣла на себя въ зеркало, лицо мое напомнило мнѣ знакомый, задумчивый, строгій образъ моей матери... Мысли мои невольно понеслись къ давно прошедшему времени и электрическая нить ихъ быстро пробѣжала по всей моей жизни... Невольная грусть охватила меня... Въ такія минуты съ особенной отрадой смотрится въ даль, въ широкое пространство Божьяго міра, какъ-будто оно одно можетъ разогнать печальныя думы.

Я открыла окно и смотрѣла съ тѣмъ неопредѣленнымъ чувствомъ, которое не выражается словами, но въ которомъ всѣ мечты, всѣ желанія, стремленія и сожалѣнія, ибъжная вѣра въ будущее и голось настойчивой молодости — сливаются въ какую-то странную, волшебную гармонию. Эта гармонія, эта чудная музыка внутренней жизни охватила меня до забвенія всего меня окружающаго... Вдругъ на меня упала роза, другая, третья, наконецъ посыпались двѣты цѣлыми горстями... Передо мной стояла Ольга съ корзиной цвѣтовъ, точно богиня весны. Шѣжрый румянецъ игралъ на ея оживленномъ лицѣ и вся она сіяла тѣмъ-то воздушнымъ, праздничнымъ. На ней было простое, суровое платье изъ пансука; бѣлая пышная роза точно печально запуталась въ ея блестящихъ волосахъ.

— Сегодня Ивана-купалы, сказала она, — праздникъ цвѣтовъ. Сегодня, ровно въ полночь, разцвѣлъ волшебный цвѣтъ паперотника... Ты вѣрно знаешь всѣ повѣрья этого дня? Этотъ день ни разу еще не прошолъ для меня безъ того, чтобъ я не перенеслась воспоминаніями къ моему дѣтству, въ тотъ свѣтлый, сказочный міръ, который лелѣялъ мой незрѣлый умъ и проливалъ поэзію на все, что ни представлялось моему дѣтскому взору...

Я слушала ее и любовалась ею.

— Я не могла бы кажется пробыть безъ цвѣтовъ сегодняшній день, продолжала она: — на меня бы нашла тоска... А вѣдь какъ смѣшно, какъ подумаю, съ какимъ наслажденіемъ мечтала

я, маленькой дѣвочкой, подстеречь волшебный цвѣтокъ, чтобъ обладать чудной силой: достигать всѣхъ желаній, отыскивать клады, отпирать темничные запоры... Сколько бѣдныхъ людей хотѣла сдѣлать я богачами, и мысленно выбирала изъ нихъ самыхъ добрыхъ и честныхъ...

— Ольга! сказала я: — мнѣ кажется, ты владѣешь этимъ волшебнымъ цвѣткомъ, и если ты не отыскиваешь клады, не отпиралъ желѣзныхъ запоровъ, то вмѣсто этого имѣешь ключъ къ людскимъ сердцамъ... Ты надѣлала здѣсь чудеса, ты кажется всѣхъ покорила, твое имя произносится съ любовью и уваженіемъ.

— Я и сама не знаю какъ это сдѣлалось; это вѣроятно оттого что я сама обратилась къ нимъ безъ всякаго предубѣжденія, безъ всякаго гордаго, раздражительнаго чувства... Последнее много портитъ людскія отношенія. Въ насъ мало смиренія, мы прежде всего хотимъ унижить другихъ и требуемъ, чтобъ люди любили насъ, когда мы подходимъ къ нимъ съ камнемъ за пазухой... Человѣкъ умнѣетъ съ каждымъ днемъ; если только внимательно слѣдить за своими недостатками. Здѣсь любовь дала мнѣ умнѣе и власть. Я сдѣлала все что отъ меня зависитъ, я не хотѣла огорчить его... Остальное пусть рѣшитъ случай.

— И такъ все уже кончено? спросила я.

— Нѣтъ, отецъ не обращался ко мнѣ, а безъ этого я не кочу. Видишь, у меня есть капризы, есть слабости... Я не хочу также, чтобъ онъ просилъ его. я желаю, чтобъ это сдѣлалось само по себѣ, безъ всякой натяжки. Вчера я долго говорила съ старикомъ; разговоръ былъ живой и душевный. Я пріятно была удивлена, найдя много ума и сердца въ этомъ старомъ человѣкѣ. Онъ не нахмурился ни разу, не сдѣлалъ ни разу недовольной мины, когда я высказывала ему мои мысли и мнѣнія о многихъ предметахъ, къ которымъ такъ боится прикоснуться узкое малодушіе и запуганный умъ.

— Знаетъ онъ про любовь сына?

— Знаетъ... Хитрый старикъ хочетъ, чтобъ мы пришли къ нему съ покорными головами, смиренно испрашивать его согласія, которое онъ далъ бы, какъ милость. Такой цѣни я не намѣрена надѣваться... Лиза! продолжала она, послѣ непродолжительной, глубокой задумчивости: — сегодня я, какъ смѣлый игрокъ, ставлю важный, рѣшительный кушъ... Если карта будетъ убита,

не жалій обо мнѣ, я и тогда не совсѣмъ еще обнищаю... Пойдемъ туда, я приглашена сегодня къ обѣду.

Весело раздавался звонкій смѣхъ Вѣры въ старинной гостиной; Латухинъ смѣшалъ ее и поддразнивалъ, вырывая у ней цвѣты, принесенные Ольгой. Когда мы пришли, онъ рассказывалъ ей исторію аютиныхъ глазокъ; вѣроятно собственнаго своего изобрѣтенія, на которую даже Мильгорова улыбалась и находила: «что тутъ, право, есть поэзія, что русскія легенды очень милы...» Взоръ, которымъ Латухинъ встрѣтилъ Ольгу, былъ полонъ выраженія счастья и глубокой вѣжности.

— Вы насъ порядочно перепугали, сказалъ онъ мнѣ: — и я радъ всей душой, что вижу васъ наконецъ здоровой.

— Мнѣ очень досадно, отвѣчала я: — что болѣзнь моя надѣлала столько безпокойства.

— Оставьте церемоніи — вы здѣсь не у Прасковьи Александровны — вы у друзей.

— Благодарю васъ, сказала я, протягивая ему руку. — Но и тамъ у меня были друзья...

— Сегодня вы увидите одного изъ тамошнихъ вашихъ друзей: Михайлъ Александрычъ обѣщался быть у насъ.

Старикъ Латухинъ сказалъ мнѣ также нѣсколько пріятливыхъ словъ.

— Справедлива поговорка, сказалъ онъ между прочимъ, — что вѣтъ худа безъ добра: ваша болѣзнь доставила мнѣ удовольствіе познакомиться съ Ольгой Васильевной. Я давно желалъ этого, потому что много былъ слышанъ...

— Хорошаго или дурного? спросила я его съ улыбкой.

— Въ мѣрѣ, что въ морѣ, сударыня, всего бываетъ, отвѣчалъ онъ уклончиво. — Еще мы въ азбукѣ читали: не всякому слуху вѣрь... Ну, какъ вы себя чувствуете теперь? Не хорошо хворать въ ваши годы; это пристало намъ старикамъ, да и тѣмъ не весело. Вотъ, я ужь въ землю гляжу, а когда вижу молодежь, то какъ будто еще и самому хочется жить...

— Не желать жить — вѣдь это ужь вполонину смерть.

— Отрѣшаться бы надо отъ земнаго по немногу, — пора.

— Нѣтъ, сказала Ольга, подходя: — живите и желайте жить, это пріятнѣе Богу. Вѣдь Онъ далъ намъ жизнь не на то, чтобъ мы сами, насильственно, отрывались отъ нее...

Онъ ласково улыбнулся въ отвѣтъ.

— Я долго думалъ о нашемъ вчерашнемъ съ вами разговорѣ, сказалъ онъ ей. — Много мнѣ пришло въ голову такого, чего, даромъ что я дожилъ до старости, до сихъ поръ не приходило...

— Мнѣ ужъ недолго пользоваться вашей бесѣдой, отвѣчала она: — я скоро, можетъ быть, уѣду далеко отсюда.

Я остолбѣла. Мильгорова, за минутой передъ этимъ, вышла изъ комнаты.

— Какъ? сказалъ Павелъ Данилычъ, — зачѣмъ же? для чего?

Старикъ видимо встревожился.

— Мнѣ выходить случай ѣхать за границу...

— И васъ ничто не удерживаетъ?..

— Не надо быть малодушной...

— Но какже это? это что-то не ладно... говорилъ онъ. — Викторъ Павлычъ! закричалъ онъ сыну, который помогалъ Вѣрѣ составлять букетъ. Поди сюда! Ольга Васильевна ѣдетъ отъ насъ за границу и надолго...

Латухинъ поблѣднѣлъ и устремилъ на Ольгу вопросительный взоръ, полный укора и удивленія.

— Меня не пугаетъ ни время, ни пространство, сказала она.

— Это я вижу, отвѣчалъ онъ, вамъ нипочемъ мученія друзей...

Она поблѣднѣла въ свою очередь.

— Дрянъ вы — нынѣшняя молодежь! вскричалъ старикъ, оживясь до того, что почти приподнялся съ кресла: — какъ бы я былъ молодъ да на твоёмъ мѣстѣ, я бы бросился на колѣни и умолялъ бы ее со слезами оказать мнѣ честь и счастье — быть моей женой...

— А если бъ я былъ такой добрый старикъ отецъ, какъ вы... ну, какъ вы думаете, что бы я сдѣлалъ?...

— А, вотъ, что! отвѣчалъ онъ съ ясной, старческой улыбкой, протягивая къ ней руки, въ которыя Ольга съ волненіемъ и гордой вѣжностью положила свои: — ты бы вотъ такъ, притянулъ ее къ себѣ на грудь и сказалъ бы: милая, прекрасная дѣвушка! будь моей дочерью!..

И старикъ зарыдалъ, какъ ребенокъ...

Вскорѣ къ намъ присоединилась Мильгорова съ изъясненіями радости и желанія счастья. Она тоже плакала.

Обѣдъ былъ веселый, семейный. Старые слуги оживились и

самодовольно улыбались. Полное, добродушное лицо пожилой ключницы не раз выставлялось изъ буфетной, устремляя умильный взоръ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Ольга. Мрачная зелень кактусовъ и столѣтнихъ алоэ будто повеселѣла въ сосѣдствѣ розы, розъ и каприфолій.

Не мало удивилась я, когда къ вечеру вошелъ Михаилъ Александрычъ, сопровождаемый Золотовскимъ.

— Я не хотѣлъ лишить васъ гостя, обратился этотъ послѣдній къ молодому Латухину: — и потому прѣвхалъ сюда вмѣстѣ съ нимъ; притомъ же я давно намѣревался быть у васъ въ деревнѣ: вы меня какъ-то приглашали, да все не удавалось.

Латухинъ представилъ его теткѣ.

— Хоть я и не дамскій кавалеръ, но очень радъ, что вмѣю честь съ вами познакомиться, сказалъ Золотовскій Мильгоровой.

— Вы ненавистникъ женщинъ? спросила она съ присутствіемъ духа свѣтской женщины.

— Совсе нѣтъ, но я не умѣю нравиться имъ. Нѣтъ у меня меду на устахъ.

— Будто ужъ лезть такъ необходима для насъ?

— И очень. Вотъ, я увѣренъ, что вы ужъ успѣли подумать, что это за медвѣдь! Ольга Васильевна! да вы здѣсь, какъ я вижу, хозяйничаете?

Ольга разливала чай, по просьбѣ старика Латухина.

— Садитесь къ столу, отвѣчала Ольга, — и я васъ напою чаемъ, по вашему вкусу.

Павель Данилычъ самодовольно поспѣшилъ объявить о своей семейной радости.

— Гм! у васъ однако, батюшка, губа не дура, какъ я вижу, сказалъ Золотовскій Виктору Павлычу, послѣ обычнаго поздравленія. — Подъ какой счастливой звѣздой родились вы? Вотъ видите, продолжалъ онъ, обращаясь къ Мильгоровой: — не правду ли я сказалъ, что во мнѣ мало меду, чтобъ нравиться женщинамъ? Года три тому назадъ, я дѣлалъ предложеніе Ольгѣ Васильевнѣ, что же? вѣдь не пошла за меня, да вѣдь еще какъ сладко отдѣлала меня: я, говорить, мой добрый Владимиръ Андрѣичъ, — и онъ подражалъ голосу Ольги, — цѣню ваши достоинства, но любить васъ не могу, притомъ же не расположена выходить замужъ. Я очень огорчена, что это обстоятельство можетъ рассорить насъ, а я хотѣла бы, чтобъ мы оста-

лись добрыми друзьями... Ну, и остались мы добрыми друзьями. За что же, думаю, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, я лишу себя удовольствія быть въ ея обществѣ.

Всѣ невольно смѣялись; Ольга назвала его болтуномъ и усадила его за чайный столъ возлѣ меня.

— Ну-съ, обратился онъ ко мнѣ: — а вы какъ поживаете, что подѣлываете? Вы кажется теперь на новой дорогѣ?

Я отвѣчала утвердительно, прибавивъ, что была больна.

— Слышала. Чтожъ эта болѣзнь, какъ видно не къ смерти, а къ славѣ Божіей... Давно мы не видались съ вами! Вы, я думаю, обо мнѣ ни разу не вспомнили?

— Нѣтъ, ошибаетесь, вспоминала, отвѣчала я, безъ всякой мысли.

— Будто? въ самомъ дѣлѣ? И онъ устремилъ на меня свой острый, настойчивый взоръ. — А я о васъ такъ думалъ, не шутя, постоянно, прибавилъ онъ вполголоса.

Я вспыхнула и по какому-то невольному, безотчетному движенію посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ Михаилъ Александрычъ, сидя около старика Латухина, разговаривалъ съ Вѣрой и улыбался, любясь ея прекрасной головкой. Онъ поймалъ мой взглядъ; какъ ни легко было движеніе его бровей, но оно не ускользнуло отъ моего вниманія. До сихъ поръ разговоръ его со мной ограничился только простымъ вопросомъ о здоровьи.

— Да, продолжалъ Золотовскій, довольный тѣмъ, что Ольга не слушала насъ, говоря съ Латухинымъ: — я постоянно думалъ... Что вы на это скажете?

— Это ни къ чему не поведетъ.

— Вотъ какъ! то есть занято подворье и безъ вашего здоровья.

— Вы этого не можете знать.

— Узнаемъ.

— Чтожъ изъ этого?

— Разумѣется, утѣшенія мало... Да вы бровки-то не хмурьте, я вамъ не пожелаю зла.

— Благодарю васъ, сказала я смягчаясь.

— Благодарить не за что... Да вамъ, какъ видно, еще не по себѣ, прибавилъ онъ съ участіемъ: — вы еще не совсѣмъ оправились.

— Я сегодня въ первый разъ вышла изъ своей комнаты.

— Это зашито.

— Я васъ увѣряю, что оно ужасно дурного тона, говорила Вѣра, проходя мимо насъ въ залъ.

— Я постараюсь вообразить его хорошимъ, отвѣчалъ Михайлъ Александрычъ, слѣдуя за ней.

— Вы къ этой-то хорошенькой козявкѣ и поступили въ компаньонки? спросилъ Золотовскій. — Ольга Васильевна! неужели вы ее отпустите отсюда?

— Нѣтъ, отвѣчала ему Ольга. — Ей грѣхъ будетъ разстаться съ нами.

— Ты хотѣла же ѣхать за границу, оставить насъ, сказала я.

— Я поѣхала бы не одна, съ тобой... Играетъ безъ души, прибавила она, вслушиваясь въ игру Вѣры. — Бѣдный дядя Мишель! Онъ вѣрно перевертываетъ ноты. Поиду къ нему на выручку.

Я съ Золотовскимъ послѣдовала за ней.

— Я не могу быть хорошей музыкантшей, сказала Вѣра, обращаясь къ Михайлу Александрычу, послѣ окончанія игры: — у меня руки малы, посмотрите, какія!

И она протянула къ нему свои миниатюрныя ручки, которыми, казалось, просили поцѣлуевъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ онъ, сдерживая улыбку удовольствія: — такія маленькія и такія хорошенькія!..

Онъ слегка коснулся концевъ ея пальцевъ; она покраснѣла и лукаво потупила глазки. Видно было, что похвала не была для нее новостью, что она ждала ее и очень была довольна.

Золотовскій саркастически улыбнулся.

— Вотъ гдѣ медъ-то!.. сказалъ онъ мнѣ тихо, сквозь зубы.

Къ концу вечера онъ пришолъ однако въ лучшее расположеніе духа, отбросилъ свою угрюмость, говорилъ умно, дѣльно, занимательно. Видно было, что въ немъ пробудилось желаніе показать себя новымъ знакомымъ съ лучшей стороны. Онъ выказалъ начитанность и образованность, какихъ трудно было ожидать отъ него, судя по первому впечатлѣнію.

— А я живу теперь пустынною, сказалъ Михайлъ Александрычъ, вставъ къ столу, гдѣ я сидѣла съ Вѣрой, машинально перелистывая книжки. — Вы вѣроятно слышали, что сестра уѣхала?

— Да, я слышала. Надѣюсь, что причина ея отъѣзда не имѣетъ ничего неприятнаго!

— Sophie писала, что она хвораетъ, да и другія дѣла при-
шлись кстати.

— Вы долго здѣсь пробудете? спросила я.

— Почему вы заключаете, что я долженъ ѣхать отсюда? от-
вѣчалъ онъ.

— Я думала, что вамъ скучно одному.

— Человѣкъ, пожившій какъ я, на бѣломъ свѣтѣ, испытать
и перечувствовать многое, не бываетъ совершенно одинъ: у него
есть товарищи — это его думы и воспоминанія...

— Это правда, но мнѣ кажется, годы не есть главное усло-
віе, чтобы пережить и перечувствовать многое.

— Вы хотите выразить не новую, но вѣчно справедливую
мысль, что въ минуту можно пережить годы, но когда набе-
рется нѣсколько подобныхъ минутъ, то вотъ ужъ и преимуще-
ство старости.

— Мнѣ бы хотѣлось едѣлаться старушкой, сказала Вѣра.

— Въ самомъ дѣлѣ? странное желаніе! отвѣчалъ онъ. —
Почему же оно пришло вамъ въ голову.

— Очень любопытно знать, что думаютъ и чувствуютъ ста-
рики... Нѣтъ, вотъ что лучше: я хотѣла бы дѣлаться старуш-
кой на все время, когда мнѣ бываетъ скучно.

— Вы думаете, имъ не бываетъ скучно?

— Нѣтъ. У насъ была англичанка, старая, престарая: —
она никогда не скучала, ей даже не хотѣлось веселиться.

— А вамъ хочется?

— И очень...

Она взглянула на него какъ-то дѣтски-грустно.

— Ольга Васильевна, продолжала она: — хотѣла что-то
устроить для моего удовольствія. Она такая добрая!

— Я готовъ помогать ей въ этомъ добромъ дѣлѣ, сказалъ
онъ съ обычной своей любезностью.

— Ну, вотъ и вы добрый! воскликнула Вѣра съ своей пре-
лестной улыбкой.

Да, она была прелестна! И кто бы не поддался обаянію
этой свѣжей, блестящей, юной красоты? Для этого надо или
любить другую, какъ Латухинъ или быть совсѣмъ холоднымъ,
отжившимъ человѣкомъ. Михаилъ Александрычъ не былъ ни

тѣмъ, ни другимъ и потому—то взглядъ его останавливался на Вѣрѣ съ тѣмъ особеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ, которое рѣдко проходитъ даромъ для такихъ людей, какъ онъ. Это не была свѣтская, картинная, неподвижная кокетливость Казаковой, это была лукавая, живая, хотя подъ часъ и обдуманная грація пробуждающагося женскаго инстинкта, неуловимая, какъ молнія и жгучая, какъ пламя. Эти прекрасные черные глаза, въ присутствіи мушкетера, который ей нравился, бессознательно высказывали то, о чемъ еще не догадывалась ихъ обладательница...

Вскорѣ Ольга исполнила свое обѣщаніе: она устроила нѣчто въ родѣ деревенскаго бала, въ чемъ Михаилъ Александрычъ принялъ живое участіе. Онъ предложилъ, чтобъ это было въ домѣ Прасковьи Александровны, гдѣ онъ остался покуда полнымъ хозяиномъ.

Вѣра прыгала отъ радости при одной мысли о предстоящемъ удовольствіи; Мильгорова оживилась и засуетилась, придумывая наряды для себя и для Вѣры. Въ нихъ обѣихъ возбуждилось малодушное желаніе затмить губернскихъ щеголихъ новостью и оригинальностью своего туалета.

Одна я оставалась покойна. Я мысленно рѣшилась не быть на этомъ балѣ, хотя и не отказалась положительно, когда Михаилъ Александрычъ просилъ меня, увѣряя, что разсѣяніе было бы для меня полезно и пріятно. Къ досадѣ Ольги, я сказалась нездоровой и осталась дома.

До десяти часовъ вечера провела я съ старикомъ Латухинымъ, который угощалъ меня плодами, чтобъ подсластить, какъ онъ выразился, бесѣду старика. Миѣ было грустно, но не скучно. Павелъ Данилычъ разговорился о своей молодости и разсказывалъ живо и просто многія любопытныя встрѣчи съ людьми извѣстными и важными въ свое время. Онъ иногда въ немногихъ словахъ ясно обрисовывалъ характеръ лицъ, о которыхъ шла рѣчь и знакомилъ съ образомъ ихъ жизни и семейнаго быта.

Пожелавъ наконецъ ему покойной ночи, я пошла бродить во дому. Ночь была ясная, теплая, тихая, июньская ночь, когда зоря съ зарей сходится. Изъ оконъ зала виднѣлась усадьба Кривельскихъ; окна дома были ярко освѣщены и трепетно сверкали въ полусвѣтѣ. Я остановилась и задумалась. Воображеніе рисовало миѣ картины, въ которыхъ я невольное принимала живое,

хотя горькое участіе: оно нарисовало мнѣ другой пиръ, другую обстановку человѣка, который вѣроятно не думалъ и не понималъ обо мнѣ въ настоящую минуту... Я видѣла его въ полвотѣ гордаго блаженства, я видѣла какъ онъ проходилъ по освѣщенной залѣ, ведя подъ руку очаровательное созданіе; на черныхъ докомахъ ея дрожала брачный вѣнокъ и вышнее, бѣлое платье волновалось вокругъ прелестнаго стана. Она улыбалась, какъ только улыбается счастливая молодость, и жизнь тоже улыбалась ей одной изъ своихъ рѣдкихъ благосклонныхъ улыбокъ...

— Вотъ, Вѣра — жена моя!.. говоритъ онъ, подводя красавицу къ старой женщинѣ съ холоднымъ, спѣсивымъ лицомъ, — неправда ли, она прелестна?..

— И богата, думаетъ старая женщина, снисходительно кивая головой.

— Однако это странно, шепчетъ мнѣ въ тоже время милый, пѣвничій голосокъ, я сама видала, какъ онъ писалъ на песокъ: «Лиза...»

— Жизнь тоже улыбается мнѣ, по своему, подумала я, отрываясь отъ фантазій, созданной мовой воображеніемъ. Она улыбается мнѣ счастіемъ друзей...

Думая объ этомъ, я уснула поздно, но все не такъ поздно, какъ воротилась домой Мильгорова съ Вѣрой.

На другой день, я выслушивала рассказы Вѣры, которая была въ восхищеніи отъ праздника и отъ богатаго дома, и отъ внимательнаго хозяина. Они катались въ лодкѣ, танцевали на открытомъ воздухѣ и въ комнатахъ. «Садъ былъ такъ мило освѣщенъ и нѣкоторые кавалеры оказались ловкими и любезными,» рассказывала Вѣра.

— Да! прибавила она:— меня просилъ передать вамъ поклонъ этотъ... я не знаю, какъ его зовутъ, угрюмый господинъ, что былъ у насъ съ Михайломъ Александрычемъ... Ужь онъ не обожатель ли вашъ? А Михаилъ Александрычъ кажется на васъ сердится: когда я сказала ему, что жалѣю, что вы не раздѣляете нашего удовольствія, онъ отвѣчалъ: «у всякаго своя фантазія,» и нахмурился. А какой чудный буфетъ приготовилъ онъ для меня: вонъ, посмотрите, я поставила его въ воду... Ужь онъ заметъ! какъ скоро... Знаете ли, что я захожу: что Михаилъ Александрычъ хотя и не молодъ, а очень интересенъ и можетъ еще правиться... А вашъ обожатель — противный!.. Лидія Никола-

ни была не въ духѣ и часто о васъ вспоминала... Ольга Васильевна была просто прелесть!.. Чудо, какъ интересна! на ней было чудеснаго цвѣта зеленое платье, очень простое и громѣ бѣлыхъ дѣлій не было никакихъ украшеній; она казалась Фей — ей не доставало только *baguette* — волшебной палочки... Казановы — *en grande toilette* — разряжены ужасно... Хорошо, что я не послушалась васъ и одѣлась нарядно...

Она болтала безконечно. Мильгорова чуть не къ каждому слову прилетала имя Михайла Александрыча и томно восхищалась его достоинствами.

— Жаль мнѣ васъ, сказалъ Латухинъ, улуча минуту, когда я была одна: — я думаю, вы задыхаетесь отъ всей этой болтовни. Надо имѣть очень крѣпкіе нервы, чтобъ съ улыбкой, полной вниманія, слушать цѣлые часы то, что можно передать въ двухъ словахъ... И вы, когда-то заподозрили меня!.. Вѣдь это тетускѣ моей пришла романическая мысль составить мое счастье... Я ей очень благодаренъ за доброе намѣреніе... Но скажите ради Бога, отчего вы сами такъ грустны? Вы будто перемѣнились? Хорошо ли вамъ здѣсь? Покойно ли, удобно ли вамъ? Тетка добрая женщина, увѣрю васъ... Ольгу тревожить ваша печаль, даже отецъ говоритъ о васъ съ участіемъ... Вы видите, мы всѣ васъ любимъ... Вы неестественно тихи и серьезны, это насъ пугаетъ.

Я благодарила его за участіе и просила прислать мою хандру недавней болѣзни.

Послѣ этого разговора съ нимъ, Ольга стала пристальнѣе слѣдить за мной; ея симпатичный взоръ часто останавливался на мнѣ съ тайной заботой. Но, я сама не знаю отчего, не смотря на мою горячую привязанность къ ней, я не такъ оживала и одушевлялась въ ея присутствіи, какъ въ присутствіи Лидіи, хотя послѣдняя съ упрямой и нѣжной настойчивостью всякій разъ бередила мою сердечную рану. Конечно, это происходило оттого, что она вливала въ мою душу сладкую отраву своей дѣтской увѣренностью и сочиняла изъ своихъ надеждъ волшебныя сказки, которыми я упивалась, отвергая въ тоже время съ горечью всякую возможность ихъ осуществленія. Упрямое дитя дошло таки до того, что я, такая скрытная какъ думали всѣ, такая горячая, что даже друзья перестали добиваться моей откровенности, однажды выплакала на ея груди мое горе и открыла ей дѣвери

ко всѣмъ тайнамъ души моей... О, сколько нѣжныхъ утѣшеній находила она; какъ гордилась ея любящая душа моей откровенностью! Какіе выразительные и значительные взгляды бросала она на меня исподтишка, какъ будто говоря мнѣ: будь покойна, я не измѣню!

Однажды Ольга пріѣхала съ тѣмъ, чтобъ увести меня къ себѣ на цѣлый день. Мильгорова съ Вѣрой отправились въ городъ.

— Знаешь ли, мой другъ, сказала мнѣ Ольга дорогой, — какая странная фантазія, со времени нашего знакомства, долго не выходила у меня изъ головы? Теперь, я могу сказать ее тебѣ: я вообразила, что ты и дядя Мишель полюбите другъ друга... Я такъ желала, чтобъ душа его ожила вновь для высокаго счастья!.. Неужели онъ состарѣлся такъ рано?.. Встрѣтивъ тебя, я возложила на тебя одну изъ лучшихъ надеждъ моихъ... Но что дѣлать! ничего такого не случилось, прибавила она со вздохомъ. Онъ или малодушенъ, или утомленъ для серьезнаго чувства. Это меня огорчаетъ; его выходы съ Вѣрой мнѣ не нравятся... Я знала его лучшимъ. Неужели онъ, подобно всѣмъ слабымъ натурамъ, думаетъ найти удовлетвореніе въ упоеніи чувственной красоты и лукавой страстности?.. Досадно! чтожъ! прибѣгаютъ же и хорошіе люди къ вину, за неимѣніемъ силъ погрузиться въ высшій, благороднѣйшій источникъ спасенія отъ скуки и пустоты жизни... Это почти тоже, по моему...

Михаилъ Александрычъ былъ уже въ домѣ Ольги, когда мы пріѣхали. Мы застали его за чтеніемъ. Я замѣтила въ немъ перемѣну, — онъ похудѣлъ, глаза его блистали по временамъ какъ-то лихорадочно, странно, какъ будто какая-то безпокойная мысль привязывалась къ нему непрощеная; его улыбка утратила свою мягкость и пріятность. Сердце мое сжималось при этихъ наблюденіяхъ и слезы просились на глаза. Неужели Лидія права? смутно пробѣжало въ моей головѣ... О, нѣтъ, не можетъ быть!.. Еслибъ не было Вѣры — другое дѣло.

Вскорѣ пріѣхалъ Латухинъ.

— А ваша тетка съ м-ше Вѣрой развѣ не будетъ сюда? спросилъ Михаилъ Александрычъ, и на отвѣтъ Латухина, что онѣ уѣхали, продолжалъ: — жаль! я вѣховать передъ ними, я еще не былъ у нихъ, чтобъ поблагодарить за честь и удовольствіе, ко-

торое оказали онѣ мнѣ своимъ присутствіемъ на нашемъ маленькомъ праздникѣ.

— Ты, дядя, рѣшительно волочишься за хорошенькой Вѣрой; ты не задумалъ ли, въ добрый часъ, влюбиться? сказала Ольга.

— Отчего же нѣтъ? отвѣчалъ онъ. — Я непрочъ отъ этого. Любовь хорошая вещь. Жизнь уходитъ... Очень весело смотрѣть, какъ земныя радости проходятъ мимо носу и не сдѣлать ни шагу, ни движенія, чтобъ поймать хоть одну изъ нихъ..

— Чего жъ ты смотрѣлъ до сихъ поръ? пропустилъ столько времени...

— Ты занималась ли когда-нибудь ловлей мухъ?

— Не помню что-то, отвѣчала Ольга, смѣясь.

— Ну вотъ попробуй, тогда увидишь, что иногда проходить очень много времени на промахи, съ непривычки разучивается.

— О, дядя Мишель, дядя Мишель!.. сказала она съ увлекательнымъ выраженіемъ грусти и пѣжности.

— Что дядя Мишель? отвѣчалъ онъ, передразнивая ее. — Ты кажется слишкомъ идеализировала твоего дядю Мишеля... А твой дядя Мишель такой же мушина, какъ и всѣ, со слабостями, съ страстями и недостатками... Да еще это и не слабость восхищаться тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ прелестно... Вотъ, вѣрно и Лизвета Алексѣвна приметъ мою сторону.

Я выразила свое согласіе на счетъ послѣдняго заключенія.

— Вотъ видишь, и она соглашается, она, которая питаетъ такое презрѣніе къ суетнымъ удовольствіямъ міра сего, что даже сказала больно, чтобъ только избѣжать искушенія участвовать въ нихъ. А напрасно: тутъ была одна особа, съ которой вы вѣроятно побесѣдовали бы не безъ пріятности...

— Лизвета Алексѣвна хорошо сдѣлала, что осталась дома, сказалъ Латухинъ. — Мнѣ кажется, она не совсѣмъ еще оправилась послѣ болѣзни, — все задумывается...

— Богъ дастъ, поправится, повеселѣтъ... Вы хотите доказать на дѣлѣ его замѣчаніе, что такъ задумались? спросилъ онъ, видя, что я не отвѣчаю на его слова...

— Нѣтъ, сказала я: — я мысленно стараюсь угадать, кто бы могла быть та особа, съ которой мнѣ такъ пріятно разговаривать?

— Да, въ самомъ дѣлѣ, сказала Ольга: — кто бы это! ужь не Золотовскій ли?

Я вся вспыхнула при этомъ зловѣщемъ для меня имени.

— Какъ ты неосторожна, моя мылая! воскликнулъ Михаилъ Александрычъ, — ты заставила покраснѣть Лизавету Адександровну.

— Лиза покраснѣть при имени Золотовскаго?..

Она смотрѣла на него удивленными глазами.

— Чтожъ? она равнодушна къ цему что-ли? — И она затлилась смѣхомъ.

— Какъ ты можешь быть увѣрена въ противномъ? сказала онъ, почти строго.

— Она влюблена въ Золотовскаго! продолжала Ольга съ неудержимымъ смѣхомъ. — Бѣдная моя Лиза! кто это на тебя взвелъ такую напраслину? Какой злой человекъ?

Съ каждымъ ея словомъ мнѣ становилось легче, свободнѣе; съ каждымъ порывомъ ея смѣха входило и въ мою душу веселое чувство.

— Нѣтъ, сказала Ольга, — ты лучше расскажи дядѣ его оригинальное сватовство за тебя.

Быстрая тѣнь удивленія пробѣжала по лицу Михаила Александрыча.

— Развѣ онъ сватался за васъ? спросилъ онъ меня.

— Конечно, быстро отвѣчала за меня Ольга, ужь если я говорю, то значить навѣрно знаю. Она, пожалуй, увернется отъ прямого отвѣта, потому что онъ, по обыкновенію, взявъ съ нее честное слово не говорить объ этомъ никому. Но отъ меня онъ ничего не можетъ скрыть, по старой привычкѣ, и потому рассказалъ мнѣ свою неудачу со всѣми подробностями. А такъ какъ я не давала ему честнаго слова молчать объ этомъ передъ моими друзьями, да и не думаю чтобы это могло нанести ему вредъ: рано или поздно, онъ самъ разболтаетъ какъ разболталъ послѣдній разъ о сватовствѣ своемъ за меня, то и могу говорить объ этомъ.

Мнѣ было какъ то неловко выслушивать исторію моего отъца Золотовскому. Меня смущали подробности, въ которыхъ, какъ я видѣла, Ольга имѣла намѣреніе вдаваться, и потому я вышла въ садъ побродить между цвѣтущими лужайками и кудрявыми кустами березъ. Обойдя садикъ, хотя не затѣйливый, но дѣлающій

особенной граціей въ своей простотѣ, я помѣстилась на скамьѣ, въ самомъ тѣнистомъ его уголку и засмотрѣлась и на пестрый коверъ цвѣтовъ и зелени, покрывавшій небольшой снать отъ домика до пруда. и на блестящую поверхность воды, которая стояла недвижная и гладкая, какъ стекло, будто боясь дрогнуть, принимая отраженіе неба и деревьевъ.

Давно уже я не испытывала такого тихого, пріятнаго расположенія духа, какъ въ эту минуту, при мысли, что Михаилъ Александрычъ не будетъ уже болѣе считать меня такой, какой старалась ему представить меня сестра его; и я уже не буду смотрѣть на него, какъ на человѣка, хотя невольно, но оскорблявшаго меня несправедливымъ обвиненіемъ... Это все, чего желала я. Жизнь показалась мнѣ легка и отрадна.

Голосъ Ольги, громко произносившей мое имя, вывелъ меня изъ задумчивости. Я пошла къ ней навстрѣчу. Увидя меня, она замѣтила перемѣну и ласково сказала:

— Вотъ, теперь ты смотришь такой, какой бы я чаще желала тебя видѣть... Да, прибавила она: — природа дѣйствуетъ на душу удивительно. Во всемъ этомъ благоуханьи, трепетѣ, блескѣ, жужжаньи есть цѣлительныя чары... Но я пришла за тобой не даромъ: дядя проситъ насъ къ себѣ, чтобъ послѣ сдѣлать прогулку въ лодкѣ, по озеру. Ты вѣрно не прочь отъ этого? Онъ пошлетъ за экипажемъ. Мы было подумали отправиться пѣшкомъ, но для тебя это было бы утомительно, — ты еще слаба.

Во все время переѣзда, намъ всѣмъ какъ-то не говорилось: чудесный ли вечеръ наложилъ на насъ свое очарованіе, или дѣлось оно прямо изъ нашей души, — только намъ всѣмъ не говорилось... Махавъ Александрычъ сидѣлъ противъ меня и смотрѣлъ на меня такимъ упорнымъ, проникательнымъ взглядомъ, что я не разъ, смущенная, опускала глаза.

— Какъ вы думаете, любовь прилипчива? спросилъ онъ меня уже на волоний нуті, взглянувъ на Латухина, который съ какинъ-то безумнымъ упоеніемъ смотрѣлъ на Ольгу, озаренную блескомъ вечерняго солнца и тихо склонившую голову на подушку колески. Трудно было рѣшить дремала ли она, или задумалась съ закрытыми глазами. Длинная тѣнь рѣсницъ играла на ея щекѣ, придавая ей улыбку что то прелестное, неувловимое.

— Однажды меня, маленькую, отвѣчала я: — повезли на-

рочно въ одинъ домъ, гдѣ нѣскольکو дѣтей было въ жорѣ. Мать моя желала, чтобъ я поскорѣй отдѣлалась отъ дѣтскихъ болѣзней; — меня заставили сидѣть у постели дѣтей, брать ихъ за руки, но корь ко мнѣ не пристала, а пришла послѣ, — ужь я не знаю отчего это?

— Оттого, что у васъ упрямая натура, сказалъ онъ.

— Да вѣдь когда пришла она, упрямство не помогло.

— Это оттого, что болѣзнь нашла на васъ въ располхъ.

— Вотъ, и любовь вѣрно прійдетъ ко мнѣ въ располхъ, сказала я съ улыбкой.

Онъ тоже улыбнулся и сталъ ловить вѣтки цвняка, между которыми мы проѣзжали, спускаясь къ рѣчкѣ.

При самомъ вѣздѣ въ усадьбу Кривельскихъ, намъ встрѣтился щегольской тарантасъ Казановыхъ. Тутъ была вся семья и кромѣ того два постороннихъ молодыхъ челоѣка, короткихъ знакомыхъ Казановыхъ, одинъ военный, другой статскій, которыхъ я видала въ городѣ, постоянно около нихъ увивающимися. Это были отъявленные обожатели двухъ сестеръ, несчастные влюбители, изъ которыхъ свѣтскія дѣвицы имѣютъ даръ дѣлать самыхъ усердныхъ прислужниковъ, платя имъ за это милымъ фамильярнымъ тономъ пренебреженія, даря изрѣдка ласковой улыбкой, чтобъ поощрить ихъ къ терпѣнью и покорности. Безъ такихъ обожателей трудно обойтись свѣтской дѣвушкѣ: она необходимая принадлежность ея обстановки, и потому въ выборѣ такихъ угодинокъ бывають не слишкомъ строги, держась правила, что дурной вздыхатель пролагаетъ дорогу хорошему. И точно! Безкорыстно восхищаясь прелестями своихъ богинь, они невольно обращаютъ на нихъ вниманіе другихъ.

Повстрѣчавшись съ нами, тарантасъ остановился и изъ него послышались женскіе голоса. Остановились и мы и вышли. Оказалось, что Казановы возвращались изъ гостей отъ какой-то старой родственницы и сдѣлали утомительный переѣздъ верстъ въ двадцать, по дурной, проселочной дорогѣ. Когда рѣчь зашла о дурной дорогѣ, мать Казановыхъ, маленькая, блѣдная старушка, — о которой мнѣ до сихъ поръ не привелось сказать ни слова, — оживилась, заахала и разлилась въ жалобы и описанія различныхъ опасностей, пока дочери не напомнили ей, что ужь скучно объ этомъ толковать. Это была до того смиренная, безличная старушка, что ее казалось только тогда бы могла

замѣтить, еслибъ она не явилась съ дѣвицами Казановыми, которыхъ она всюду сопровождала. Едва ли она и сама не сознавала эту обязанность единственной цѣлью своего существованія. Не многіе называли ее заочно по имени — она известна была подъ именемъ «матери Казановыхъ».

Михайль Александрычъ предложилъ семейству отдыхъ и перепутье и любезно подаль руку старшей Казановой, сидѣвшей съ краю, на первомъ мѣстѣ. Она граціозно оперлась на него и вышорхнула изъ экипажа. Одинъ изъ угодниковъ — статскій, бросился поднять ея зонтикъ; другой хлопоталъ около второй сестры, тошно и кисло отвѣчавшей ему. — Третьей сестры замужней, не было съ ними. Ольга и Латухинъ стояли поодаль отъ этой сцены и мѣнялись легкими, насмѣшливыми улыбками. Безъ Софьи и Прасковьи Александровны, дѣвицы обошлись со мной очень любезно, дичась по прежнему Ольги, съ которой были мѣше зныкомы, чѣмъ со мной. Старшая атаковала Михайла Александрыча; вторая повѣсилась мнѣ на руку, когда всѣ, кромѣ матери, отправлялись въ садъ. Оба дыхателя присоединились къ намъ. Это были самые пустые, самые безвредные и самые безхарактерные молодые люди, полагавшіе все знаніе и всю важность въ жизни въ умѣнны быть пріятными и любезными въ модныхъ гостиныхъ губернскаго свѣта. Они были конечно не богаты — иначе роль ихъ была бы значительнѣе.

Ольга приняла на себя занять и успокоить послѣ усталости старушку Казанову, въ чемъ разумѣется успѣла вполне. Латухинъ выручилъ наконецъ Михайла Александрыча и овладѣлъ вниманіемъ Катерины Казановой, которая вѣроятно сообразила, что не будетъ въ потерѣ, замѣнивъ одного другимъ. Притомъ же она въ душѣ досадовала на Михайла Александрыча, за то, что до сихъ поръ онъ оставался только любезнымъ и не подвигался къ желанной цѣли. Потерявъ въ Софьѣ главную соперницу, Катерина Казанова не могла скрыть своего удовольствія при обращеніи къ ней Латухина. О любви его къ Ольгѣ ходили темные слухи, но что такое Ольга для такой пышной сальфиды, какъ она, и притомъ же еще дѣвушка, слывающая оригиналкой и возбуждающая противъ себя такую разнорѣчивую и, большей частью, осуждающую ее молву?.. И вотъ пошли улыбки, побѣждающіе взгляды, легкіе удары вѣткой тополя, надуваніе губокъ и тыщи милыхъ увертокъ, причемъ однако красавица

не теряла своей важной свѣтскости и все-таки глядѣла королевою.

Однако мнѣ вовсе не было весело: вмѣсто пріятной прогулки съ друзьями — обязанность занимать неожиданныхъ гостей. Я было обрадовалась, когда моя спутница отцѣпилась отъ меня и пошла съ М-г Гришвинымъ, такъ звали военнаго вѣдыхателя, — въ боковую алею, подѣ предлогомъ, что дорожка, по которой мы гуляли слишкомъ узка, но, увы, М-г Сѣрковъ, статскій, — счелъ долгомъ осчастливить меня своей бесѣдой и началъ безконечные разговоры, кажется о томъ, что ничего нѣтъ пріятнѣе прогулки при лунномъ свѣтѣ, — котораго впрочемъ не было въ этотъ вечеръ, — причемъ объявлялъ мнѣ съ улыбкой умиленія, что онъ «немножко поэтъ и такъ, для себя и знакомыхъ», пописываетъ стихи, что многія дѣвицы шлютъ его посланія въ своихъ альбомахъ». Я изъявила сожалѣніе, что не имѣю на такой случай альбома и Сѣрковъ тотчасъ же попросилъ позволенія доставить мнѣ альбомъ. Я разумѣется положительно отказалась, что повидному привело его въ недоумѣніе, потому что между дѣвицами водился обычай считать ни за что такіе подарки.

Между тѣмъ, прозрачный сумракъ лѣтняго вечера одѣвалъ садъ и вечерняя звѣздочка трепетно загорѣлась на ясномъ небѣ. На бѣду, господинъ «немножко поэтъ» замѣтилъ ее и на распѣвъ, съ самымъ сладостнымъ выраженіемъ, поднявъ къ верку свои темные, голубые глазки, продекламировалъ:

Звѣзда горить,
Звѣзда блеститъ

На темныхъ небесахъ!

— Bravo! произнесъ Михаилъ Александрычъ, незамѣтно приближаясь, — здѣсь какъ видно занимаются поэзіей.

— Стихами, отвѣчала я.

— Развѣ эти не нравятся вамъ? спросилъ Сѣрковъ.

— Не нравятся.

— Это любимый романсъ Катерины Ивановны...

— Стихи безподобны! прервалъ его Михаилъ Александрычъ, съ отгвѣнкомъ нетерпѣнія въ голосъ, — но вотъ въ чемъ дѣло: Мильгорова возвратилась изъ города и прислала за вами. О васъ же соскучились дамы, обратился онъ къ Сѣркову, — и ужь не разъ спрашивали, куда вы пропали.

Онъ подавъ мнѣ руку и безъ церемоніи повернулъ со мной въ сторону.

— Приятный вечеръ, нечего сказать! заговорилъ онъ раздражительно. — Пришла же ихъ нелѣзкая!.. Мнѣ нужно поговорить съ вами; мнѣ хотѣлось бы выяснитъ многое, что осталось для меня темнымъ, со времени послѣдней нашей встрѣчи утромъ, помните, здѣсь, да, именно на этомъ самомъ мѣстѣ... Вотъ, и скамья, на которой сидѣли вы, когда вамъ сдѣлалось дурно. Вы не забыли?

— О, нѣтъ... едва могла проговорить я, вся взволнованная внезапно захлынувшимъ воспоминаціемъ и порывомъ чувства, потрясимаго, какъ роковая сила..

— Я виноватъ передъ вами, очень виноватъ, не правда ли? Я воображаю, какіе неумолимые приговоры читали вы мнѣ мысленно, все это время...

— Вы не угадали. Мнѣ было только очень тяжело видѣть въ васъ пережѣну...

— Неужели эта пережѣна была такъ замѣтна?

— Для меня, конечно.

— Вы знали причину? Вы знали напраслину, которую я повелъ на васъ?

— Я слышала, что говорила вамъ обо мнѣ ваша сестра...

— Тѣмъ лучше. Ну, чтожъ вы подумали, когда убѣдились, что я повѣрилъ?

— Я подумала, что я бы не повѣрила, еслибъ услышала о васъ что нибудь подобное... А ужъ почему это, я право не знаю.

Онъ взялъ мою руку и крѣпко прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— Для чего онѣ такъ поступали? что за цѣль была у моей сестры и кузины клеветать на васъ?.. Какъ вы объ этомъ думаете?..

— Онѣ не клеветали, — имъ такъ показалось.

— Имъ что-то еще казалось, чего онѣ очень боялись, — не угадаете ли вы, что это?..

Я не отвѣчала.

— Ну, такъ я знаю, сказалъ онъ рѣшительно...

— Вы сказали, что за мной прѣхали, заговорила я, поднимаясь со скамьи, на которой мы сидѣли.

— Не сѣшите, — случивъ быть намъ наединѣ выдаются очень

рѣдко. Впрочемъ, вы можете быть божтесъ, чтобъ чего не сказали, не получили?

— Я ничего не боюсь, — мнѣ все равно. Я дорожу только мнѣніемъ очень немногихъ людей.

— Отчего же вы хотѣли уйти отсюда? Можете быть я васъ надоѣдаю?

— Не грѣхъ ли вамъ!

— Но какъ же? я васъ ищу, а вы отъ меня бѣжите. Что я долженъ думать?

— Все что ходите, кромѣ того, что сейчасъ сказали.

Наступила минута самаго неловкаго, самаго страннаго молчанія, — того молчанія, которое говоритъ сильнѣе словъ. Безмолвную, неподвижную, меня будто неспостижимая сила приковала къ мѣсту.

— Вечеръ чудный... простительно человѣку желать счастья, когда все кругомъ цвѣтетъ и благоухаетъ, заговорилъ онъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ, касаясь рукой моей талии.

— Но было бы непростительно мнѣ увлекаться и довѣрять такимъ лукавымъ минутамъ, отвѣчала я, собравъ всѣ силы, чтобъ встать и уйти.

— Я не спросилъ еще васъ о самомъ главномъ, продолжалъ онъ, удерживая меня за руку. — Что значило то волненіе, то горе, съ которыми произвели вы тогда, здѣсь, памятные для меня слова: еслибъ вы знали, еслибъ вы знали только!.. Что это такое, чего я не зналъ, и что бы было, еслибъ я зналъ?..

— Дѣло шло тогда о Золотовскомъ, кажется, отвѣчала я, — я хотѣла вѣроятно сказать, что еслибъ вы знали, что все это неправда, — вы не такъ бы думали обо мнѣ...

— И только?.. Будьте откровенны хоть разъ въ жизни!.. Пожалѣйте меня, не вводите въ обманъ! Я старъ для того, чтобъ строить мое счастье на однихъ невѣрныхъ догадкахъ... Вотъ, ваша рука дрожитъ въ моей рукѣ... Будь мнѣ двадцать лѣтъ, я съумѣлъ бы растолковать это въ свою пользу... А теперь я думаю, — о, какъ я состарѣлся и сталъ недоувѣрчивъ! — что она дрожитъ отъ жалости разочаровать добраго друга... Такъ это только и значило?.. прибавилъ онъ съ грустной нѣжностью, тихо притягивая къ себѣ мою руку.

— Это значило... отвѣчала я, поддавшись неодолимому увлеченію, и голосъ мой обрывался на каждомъ словѣ, — это значи-

до... еслибъ вы знали, что я люблю васъ... что лучше, дороже нѣтъ и никого не будетъ для меня въ цѣломъ мірѣ... то я не знаю, что бы вы обо мнѣ подумали, но вѣроятно не то, что думали тогда...

О, какія слова любви, нѣжности и страсти полились мнѣ въ отвѣтъ!.. Голоса въ саду напомнили намъ, что мы были не одни въ цѣломъ мірѣ...

— О, Лидія, милая Лидія! думала я, когда экипажъ Мильгоровой уносилъ меня отъ очарованнаго мѣста, — угадываетъ ли твое чуткое сердце мое счастье?..

Кто не испыталъ тотъ первый угаръ любви, когда послѣ долгихъ сомнѣній, борьбы и разочарованій, вдругъ неожиданно узнаешь и увидишь, что любима, что смутная надежда обратилась въ дѣйствительность... Это чувство похоже на чувство бѣдника, вынужденнаго лотерейный билетъ; обратившій его въ богача. Первое время онъ не знаетъ что дѣлать съ собой и съ богатствомъ; мысли путаются, онъ плаваетъ въ розовомъ туманѣ неслыханныхъ плановъ и фантазій. Ему пока и въ голову не приходитъ, что имѣеть съ богатствомъ; онъ приобрѣлъ обязанность и трудъ сохранить его и распорядиться имъ дѣльно и добросовѣстно. Но такой человекъ все-таки имѣеть право говорить всею о своемъ счастьи; я же должна была танць все на душѣ и хотя сердце мое билось, кровь волновалась, но я вошла въ гостиную Латухиныхъ съ возможно спокойнымъ видомъ, и довольно еще смысленно отвѣчала Мильгоровой на ея распросы и выслушивала рассказъ о ея путешествіи въ городъ. Анна Даниловна показывала мнѣ купленные матерьялы для работъ и спрашивала моего мнѣнія на счетъ цвѣта шолка и гаруса. Старикъ Латухинъ ложился рано и я не застала уже его. Мильгорова извинялась, что прислала за мной и оторвала меня отъ пріятнаго общества, но объяснила, что она сдѣлала это для того, чтобъ не заставить Ольгу провожать меня, что можетъ быть было бы для нее утомительно, а ѣхать съ Викторомъ Павлычемъ одной было бы для меня, можетъ быть, не совсѣмъ ловко...

Вѣра все почему-то дулась на меня и по временамъ бросала наблюдательные взоры.

Прійдя въ свою комнату, я надѣялась уже свободно предаться думамъ о всемъ случившемся со мной, но Вѣра не успокоилась, пришла ко мнѣ и съ ребяческой настойчивостью требовала

подробнаго разсказа о проведенномъ днѣ. Во всѣхъ словахъ ея проявлялась какая-то безокойная пытливость. Узнавъ, что Динь съ нами не было, она стала что-то раздумывать.

— Вы уже теперь совсѣмъ выздоровѣли? спросила она меня наконецъ.

— Да, я теперь совершенно здорова.

— Это замѣтно, у васъ глаза блестятъ и щоки горятъ... Теперь вы можете посидѣть со мной подольше? я спать не хочу.

— Не можете быть я хочу, отвѣчала я съ улыбкой.

— То есть, вы это нарочно говорите... Прекрасно!.. какая же вы послѣ этого *demoiselle de compagnie*?!

— Ольга не похвалила бы васъ за такое милое выраженіе, сказала я.

— Вы еще пожалуйте ей...

— Что съ вами, моя милая? Вы нездоровы или опечалены чѣмъ-нибудь?

— Что вамъ до меня за дѣло? Вамъ все равно, что бы я ни чувствовала, отвѣчала она со слезами въ голосъ. — Я не обязана вамъ говорить все, вы сами не хотите мнѣ ничего сказать... вы не можете догадаться, что меня болѣе всего интересуетъ. Еслибъ я видѣла этого, вашего... противнаго, какъ его?... все бываю!

— Золотовскій?

— Ну да, я бы вамъ сейчасъ все объ немъ разсказала.

Я посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Нечего смотрѣть такъ! я хочу знать, спрашивалъ ли обо мнѣ Михаилъ Александрычъ... потому что онъ мнѣ очень нравится...

— Вѣра! сказала я: — вѣдь это одинъ капризъ, такъ отъ скуки...

— А! вскричала она со злостью русалки. — Теперь я вижу, я все понимаю! Такъ вотъ какъ!

— Что вы хотите сказать, душа моя?

— Ничего... Вамъ не угодно, чтобъ Михаилъ Александрычъ нравился мнѣ... Хорошо же! Ужь онъ будетъ ко мнѣ неравнодушень, вы увидите какъ я стану съ нимъ кокетничать!

— Можете, сколько вамъ угодно.

— Это значить, что вы въ немъ увѣрены! Вы думали првести меня, я все за вами присматривала... Я видѣла какъ вы

блѣднѣли, когда онъ былъ ко мнѣ внимателенъ; я видѣла, какъ исподтишка смотрѣли на него... Къ чему же это? Вѣдь это вѣроятно тоже капризъ, такъ отъ скуки?..

— Подобныя капризы бываютъ только у богатыхъ, избалованныхъ барышень, какъ вы, а не у блѣдныхъ компаньенокъ, какъ я.

Она стояла передо мной, выдыхаясь отъ гнѣва, съ сверкающими глазами, блѣдая, не будучи въ состояннн ничего сказать. Я видѣла приближенн нервическаго припадка и тихо подвела ее къ раскрытому окну.

— Посмотрите на небо, моя милая, сказала я: — какъ тамъ все покойно, торжественно и прекрасно! Богъ глядитъ на васъ тылчью звездъ. Пусть же не видитъ Онъ темнаго чувства, запавшаго въ ваше сердечко. Пусть эта величественная, спокойная предель прнрды отразится на васъ. Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову, что не всѣ живутъ такъ покойно и весело какъ вы, что есть много въ мнрѣ, очень много блѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ нѣтъ, не только такихъ предметовъ роскоши, какъ у васъ, но едва есть насущный кусокъ черстваго хлѣба и кой-какое рубище вмѣсто наряда,.. Что нѣкоторыя изъ нихъ также молоды, хороши какъ и вы, также желаютъ жить и наслаждаться жизнью, что онѣ ваши сестры передъ Богомъ и гибнутъ въ нуждѣ безвыходно и безнадежно. Пожалѣли ли вы о нихъ когда-нибудь, помолились ли за нихъ, порадовались ли, если котерая-нибудь избѣгла страшной доли и стала счастлива?.. Васъ этому не учили, не правда ли?

— Нѣтъ... отвѣчала она тихо.

— И еслибъ одна изъ нихъ тонула и была спасена, продолжала я: — еслибъ она была перенесена на цвѣтущей, счастливый берегъ какимъ-нибудь добрымъ, благодѣтельнымъ другомъ, котораго она давно любила и уважала выше всего на свѣтѣ, а вы бы видѣли его только разъ или два, и вздумали пококетничать съ нимъ отъ скуки, неужели бы вы возненавидѣли ихъ обонхъ? Нѣтъ, я увѣрена, что нѣтъ! Вы бы порадовались и протянули ей руку... и это было бы такое благородное, такое великодушное чувство!

— Такъ вы любите его? сказала она, быстро повернувъ ко мнѣ свое улыбающееся личико. — И онъ васъ любить? да? Лидн знаетъ это?

— Лидія знаетъ только вполонину, но вамъ первой я выскажываю мою тайну вполнѣ, потомучто вѣрю въ ваше сердце доброе по натурѣ, потомучто думаю, что вы не дитя по чувствамъ, что вы гораздо лучше, нежели иногда кажется... Безъ страха и сомнѣнія довѣряюсь я вамъ и считала бы недостойнымъ подозрѣвать въ томъ, что вы употребите во зло мое довѣріе.

Она обвила руками мою шею; щека ея была влажна отъ слезъ, когда прижалась къ моему лицу.

— Расскажите мнѣ про все, что знаете сами; расскажите мнѣ хорошенько все, что сейчасъ говорили... Я чувствую что-то такое, чего никогда не чувствовала... Пойдите, я еще погляжу на небо... Да лучше едемъ здѣсь. Поговорите со мной. Мнѣ кажется, я только теперь полюбила васъ настоящимъ образомъ. Мнѣ все хотѣлось полюбить васъ, но все не удавалось, оттого и влилась.

Мы проговорили съ ней долго, до самаго разсвѣта, пока ея прелестная головка, утомленная новыми, неиспытанными впечатлѣніями, не склонилась блѣдная и усталая на спинку кресла.

Ее учили многому — и музыкѣ, и рисованью, и нѣсколькимъ иностраннымъ языкамъ, но не указали на бездѣлицу, на истинную обязанность женщины и на любовь къ себѣ подобнымъ. Можетъ быть и говорили ей объ этомъ, но до того вскользь, такими казенными фразами, что ей казалось это чѣмъ-то недоступнымъ и неприложимымъ къ жизни, безъ чего легко можно и обойтись при извѣстныхъ, благопріятныхъ условіяхъ положенія въ обществѣ.

Разговоръ съ Вѣрой подѣйствовалъ на меня успокоительно. Разставившись съ ней, я чувствовала, что ощущенія мои не походили уже болѣе на горячешный бредъ. У меня достало даже храбрости раздумать безпристрастно о моемъ положеніи. Я не чувствовала раскаянія въ той откровенности, съ которой открыла мои чувства Михаилу Александрычу, напротивъ у меня будто тяжесть спала съ души. Притворство было противно моей натурѣ и казаться холодной и равнодушной послѣднее время было для меня пыткой, которую выносить помогала мнѣ только женская гордость и страхъ обмануться. Я не составляла ни надеждъ, ни плановъ, не спрашивала у судьбы къ чему это поведетъ? Всѣ мои мысли, всѣ ощущенія, все счастье заключалось въ этихъ немногихъ словахъ: онъ меня любитъ!.. Ни одно сомнѣніе не

тревожило моей увѣренности, которая вдругъ, Богъ вѣсть откуда, сошла на меня, какъ вдохновеніе. Онъ меня любитъ! въ этихъ словахъ я находила новыя силы, несокрушимый оплотъ противъ всѣхъ житейскихъ бурь... Но еслибъ онъ даже не отвѣчалъ на любовь мою, образъ его всегда бы остался неизгладимъ въ душѣ моей. Прощла бы досада, прошло бы разочарованіе и глубокая привязанность снова бы вступила въ свои права, но теперь она получила всю необъятную силу взаимной любви. Теперь, думала я: — я легко выйду на путь труда; теперь я не вѣнемогу ни отъ неудачъ, ни отъ клеветы: меня поддержитъ воспоминаніе о свѣтлыхъ минутахъ и не дастъ очерствѣть и ожесточиться душѣ моей при мысли, что существованіе мое не полно, что меня обошла наша счастья на пиру жизни, какъ незваную и докучную гостью.

На другой день, послѣ обѣда, пріѣхала Ольга. Я не была ни смущена, ни сгорчена, когда узнала отъ нее, что Михайлъ Александрычъ уѣхалъ въ городъ, откуда долженъ былъ проѣхать на нѣсколько дней въ одно изъ оброчныхъ имѣній Прасковьи Александровны, гдѣ произошли какіе то безпорядки.

Ольга ничѣмъ не намекнула мнѣ, что знала о сценѣ въ саду между мной и Михайломъ Александрычемъ. Стало быть, онъ не хотѣлъ ей довѣриться; какія бы ни были тому причины, но я уважала ихъ, и это остановило и мою откровенность. Мнѣ казалось не деликатнымъ опутать его свидѣтельствомъ друга, который слѣдилъ бы за его поступками съ строгостью безпристрастнаго судьи и, можетъ быть, наложилъ бы нѣкорыя обязанности на его чувства, которыя, были ли они глубоки и искренны, или пробудились вслѣдствіе минуты увлеченія, должны были быть свободны отъ всякаго посторонняго вліянія. Мнѣ было очень тяжело, отстранить Ольгу отъ участія въ первомъ, сладкомъ и полномъ пробужденіи моего сердца, но я была убѣждена, что поступаю какъ должно. За то, сколько отрадныхъ минутъ откровенности проводила я съ Лидіей, съ которой мнѣ удалось наконецъ сблизить Вѣру. Ольга много помогла мнѣ въ этомъ. Она уже успѣла пріобрѣсть надъ этимъ причудливымъ ребенкомъ ту пѣжнующую, неотразимую власть, которой невольно подчинялись всѣ, на кого она обращала ее съ любовью и настоятельностью, незамѣтной для другихъ.

— Какъ я рада, сказала мнѣ однажды Лидія, — что все это случилось безъ шаша! Конечно, она не въ силахъ бы была помѣшать, но все же ты неизбѣгла бы въ некоторыхъ непріятностей. А теперь она, разумѣется, посердится сперва, а потомъ обдумаетъ и примирится. Надо же ей разсудить наконецъ, что дядя Мишель не обязанъ приносить себя въ жертву...

Мнѣ до сихъ поръ не приходило въ голову подумать о Праксовѣ Александровѣ и о ея негодovanіи, да и самая причина ея негодovanія была далека отъ меня; мысль едѣматься женой Михайла Александрыча, поставить его въ непріятныя отношенія съ родными, подвергнуться неизбѣжнымъ, оскорбительнымъ укорамъ, эта мысль всегда пугала меня. Я желала только любви его, не выгодъ положенія; противъ послѣдняго возмущалось даже мое собственное достоинство. Наше общественное съ нимъ неравенство стало камнемъ преткновенія для моего самолюбія. Рано или поздно, онъ могъ подумать, а кто знаетъ? даже и сказать: она обязана мнѣ всѣмъ, — я взялъ ее бѣдную, безпомощную, ея долгъ заслуживать это одолженіе.. Онъ могъ подумать еще хуже, онъ могъ заподозрѣть меня въ расчетѣ... На всѣ эти размышленія натолкнули меня слова Лидіи, не подозрѣвавшей какая борьба завязалась въ душѣ моей. Борьба эта съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе и съ каждымъ днемъ мнѣ стѣновилась противнѣе мысль выйти замужъ за человека богаче и выше меня по положенію. Я невольно вспыхивала, когда Миллгорова въ своихъ свѣтскихъ разсказахъ, упоминала слово *mal-alliance* и когда рѣчь вообще заходила о неравныхъ бракахъ. Сужденія о подобныхъ случаяхъ почти всегда кололи и оскорбляли меня. Я не могла равняться съ Ольгой, которая была конечно бѣднѣе Латухина, но она была такъ сильна духомъ, такъ самостоятельна и свободна, что всѣ дороги широкаго міра были ей открыты и по любой изъ нихъ она пошла бы къ выбранной цѣли своей смѣлой, легкой поступью, безъ страха и смущенія... Я еще не знала вполнѣ своихъ силъ и не вполнѣ еще добряла себя. Обо всемъ этомъ я никому не говорила. Я ждала и молчала... А между тѣмъ веселая улыбка снова обвѣвала съ моего лица и тучи застидали ясное небо моего счастья...

Сердце мое замерло и работа чуть не выпала изъ рукъ, когда я слышала шаги Михайла Александрыча, только что окончившаго свою поѣздку. Онъ вошелъ съ той лихорадочной весе-

люстью, которая всегда является, когда ядовѣтъ хочетъ скрыть и заглушить волнующія его чувства. Но я чувствовала трепетъ его руки, когда онъ пожалъ мою, походившую отъ волненія, руку; я видѣла его взглядъ глубокой и страстный; я съ жадностью ловила въ его голосѣ тѣ звуки, которые всегда трогали и увлекали меня, и слова ни о чемъ не думала, кромѣ любви его. Мнѣ было такъ отрадно, такъ дорого его присутствіе, что даже невозможность поговорить съ нимъ дружески и свободно, не слишкомъ томилла меня. Странно, въ этихъ свиданіяхъ, при другъхъ, въ этой необходимости казаться посторонними и равнодушными, была для меня особенная, сладко захватывавшая душу предѣсть. Мнѣ казалось, я могла бы прожить такъ цѣлые годы, въ ожиданіи болѣе счастливыхъ минутъ, въ увѣренности, что любима... Но не такъ думалъ онъ, нѣтъ; Петербургъ, порой досада и томленіе высказывались въ его голосѣ, въ его движеніяхъ.

— Дядя Мишель проситъ тебя пріѣхать сегодня ко мнѣ, сказала мнѣ Ольга, спустя нѣсколько дней послѣ его пріѣзда. — Ему нужно съ чѣмъ-то переговорить съ тобой.

— Ольга! ты знаешь? спросила я ее съ невольной радостью. — Онъ говорилъ тебѣ?..

Она улыбнулась въ отвѣтъ.

— Ты не сердись на меня за неосторожность?

— Я знала, что она происходила не отъ недостатка довѣрія. Я уважала причины, какія бы онѣ ни были.

— О, вѣрь мнѣ, что я тебя люблю глубоко и уважаю безпредѣльно! сказала я, обнимая ее съ невольнымъ увлеченіемъ.

— Выдумала же увѣрять! отвѣчала она тихо, положивъ ко мнѣ на плечо руку и склонившись лицомъ къ моему лицу.

Я говорила ей о моихъ чувствахъ, о моей борьбѣ, о моей любви. Она выслушала меня съ полнымъ, глубокимъ участіемъ. Не разъ, голова ея склонялась на руку съ грустной задумчивостью и слезы выступали на глаза.

— Ты мнѣ ничего не скажешь, ничего не посоветуешь? спросила я ее.

— Ничего, отвѣчала она. Еще не пришло время для совѣтовъ... Пусть все рѣшатъ обстоятельства. Скажу тебѣ только одно, что я видала, какъ многія въ подобныхъ случаяхъ бросали на костеръ своихъ предубѣжденій лучшія радости жизни,

воображая, что изъ нихъ выгорить драгоценный слитокъ, а собирали одинъ пепель...

Михаиль Александрычъ встрѣтилъ меня въ дверяхъ уютной, деревянной гостиной Ольги. Онъ взялъ меня за обѣ руки и посадилъ на диванъ рядомъ съ собой.

— Ольга передала мнѣ ваше желаніе видѣть меня здѣсь, сказала я, смущаясь его долгимъ, нѣжнымъ взглядомъ.

— Мое желаніе! отвѣчалъ онъ. Это очень любезно сказано! Я съ улыбкой протянула ему руку.

— Недѣля двѣ тому назадъ, заговорилъ онъ, — мнѣ приснился прекрасный сонъ... Я видѣлъ садъ въ лѣтнюю ночь; со мной была дѣвушка, которую я полюбилъ съ перваго взгляда... Это была очень упрямая и гордая дѣвушка... очень скрытнаго характера... И, вотъ, изъ устъ ея я слышалъ слова любви... любви ко мнѣ... Чудный сонъ! неправда ли, вѣдь это былъ сонъ?..

— Нѣтъ, мой другъ! это не былъ сонъ... отвѣчала я тихо.

Онъ вздрогнулъ и быстро сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ. Потомъ всталъ и въ сильномъ волненіи прошолся по комнатѣ.

— Вотъ что, моя милая, сказалъ онъ, садясь снова возле меня и снова овладѣвъ рукой моей. — У меня, тамъ, въ одной изъ южныхъ губерній, есть уголокъ земли, заросшій густымъ садомъ; есть домъ покойный и чистый, съ старинной, дубовой мебелью, съ широкой терасой... Какъ вы думаете, жена моя не соскучится тамъ со мной?.. Намъ будетъ тамъ хорошо? Что касается до меня, то мнѣ кажется, не смотря на всю великость моего счастья, мнѣ будетъ тамъ еще лучше.

— Другъ мой! отвѣчала я, вся дрожа, — мнѣ было бы хорошо съ вами на краю свѣта, въ безплодной пустынѣ... но я не могу быть вашей женой...

Онъ сдѣлалъ быстрое движеніе и посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Чтожъ это значить? сказалъ онъ почти строго. — А, понимаю! ваша пылкая головка придумала небывалыя препятствія... тебя напугала моя сестрица. Ужъ не думаешь ли ты, что я окованъ цѣпями родственнаго вліянія? дотронись до нихъ, моя милая, и ты увидишь, что подъ тввоей рукой онѣ обратятся въ гнѣвныя веревки.

— Я буду любить васъ всегда, всю мою жизнь; но для меня

счастіе быть вашей женой — недоступная роскошь... Ваша любовь — для меня все. Больше я ничего не прошу у Бога.

— А! воскликнулъ онъ, — это очень серьёзная и злая шутка для меня. — Впрочемъ, прибавилъ онъ съ горечью: — я это долженъ былъ предвидѣть: ваша добросовѣстность должна была взять верхъ надъ минутнымъ увлеченіемъ... Вы одумались и поняли, что любить человѣка моихъ лѣтъ невозможно, а обманывать его совѣстно...

— О, не обижайте меня, не отнимайте у меня лучшаго сокровища — вашей вѣры въ мою любовь!

— Чтожъ вы намѣрены дѣлать послѣ такой странной любви?

— Я пойду своей дорогой, избранной еще прежде.

— То есть?..

— Буду гувернанткой, пока не составлю независимости.

— Но это безуміе! Нѣтъ, хуже — это жестокость, это глубокой эгоизмъ!..

Я почувствовала страшное страданіе при этихъ словахъ и слезы неудержимо полились у меня изъ глазъ.

— О чемъ же вы плачете? спросилъ онъ, весь блѣдный, съ какимъ-то зловѣщимъ спокойствіемъ, — вы достигли своей цѣли, вы разбили мои надежды въ то самое время, когда я менѣе всего ожидалъ этого...

Съ тоской, волненіемъ и страстью, я передала ему все, что тяготѣло у меня на душѣ... По мѣрѣ того, какъ я говорила, взоръ его, мало по малу, озарялся снова выраженіемъ любви и улыбка мелькнула на губахъ.

— Поймите же наконецъ, милый, хотя жестокий другъ мой, сказалъ онъ, — что не я, а вы даете мнѣ то, что дороже богатства и всего на свѣтѣ — счастіе. Оцѣните себя, какъ должно, или лучше, позвольте мнѣ оцѣнить васъ. — Дитя мое! прибавилъ онъ, снова обвиняя меня, — безъ тебя я пойду одинокимъ, нищимъ сердцемъ, жалкимъ странникомъ по жизненному пути... Неужели на это твоя воля?..

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала я, склоняясь на грудь его, побѣжденная и счастливая.

Спустя нѣсколько времени пришла Ольга. Она взглянула на насъ мелькомъ и, молча, сѣла къ столу, раскрывъ какую-то книгу. Я замѣтила на ея лицѣ боязнь и тоскливую заботу.

— Злая же ты! сказалъ Михаилъ Александрычъ, подходя

къ ней и тихо, дружески приподнимая отъ книжки ея головку, — ты мнѣ одному оставила трудъ убѣдить эту упрямцу.

— За то я отдала тебѣ и всю награду за это, отвѣчала она, вдругъ просіявъ и обвивая его шею.

Легкій шумъ въ дверяхъ заставилъ насъ всѣхъ обернуться, — вошла Лидія, вся разгорѣвшаяся, улыбающаяся... Она остановилась на минуту по срединѣ комнаты и вдругъ, рыдая, бросилась ко мнѣ на грудь.

— Я знала, сказала она голосомъ, дрожащимъ отъ радостныхъ слезъ, — я сама видѣла, какъ онъ писалъ на дорожкѣ въ саду: Лиза... О, какъ я счастлива, милый мой дядя Мишель! прибавила она. — Одно только грустно, это то, что ты увезешь ее...

— Не сердитесь на меня, мои милые друзья, сказалъ онъ. — Вѣдь это не на всегда, мы будемъ видаться. Ты же съѣдешь на меня? обратился онъ ласково къ Ольгѣ.

— О, нѣтъ, мой другъ, отвѣчала она, — къ чему? Развѣ мы не обвѣлены магическимъ кругомъ? Развѣ не связаны крѣпкой, таинственной нитью, которая всегда будетъ протянута между нами, куда бы ни разбросали насъ обстоятельства жизни?

И мы невольно придвигались ближе и ближе другъ къ другу и составили тѣсный кружокъ... Вошли Латухинъ и Дорельскій и весело заняли мѣста свои между нами.

Ю. ЖАДОВСКАЯ

1860 г.

ЛЕЗЮРКЪ

ИЗЪ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ ФРАНЦІИ (1796—1851)

(СЛУЧАЙ СУДЕЙСКОЙ ОШИБКИ)

Въ дни самаго цвѣтущаго состоянія Венеціи, одинъ изъ ея богатыхъ и могучихъ сенаторовъ палъ однажды ночью отъ руки *неизвестнаго* убійцы. Трупъ погнбшаго вмѣстѣ съ кинжаломъ, покинутымъ въ груди, поднятъ былъ на улицѣ возлѣ дома одного хлѣбника. На этого-то несчастнаго, слышшаго въ народѣ за человѣка горячаго и истительнаго, и направились первыя подозрѣнія въ совершеніи убійства, подозрѣнія, подкрѣпленныя вскорѣ еще *уликою*, послѣ того какъ въ домѣ его, при обыскѣ, найдены были ножны, совершенно приходившіяся къ тому самому кинжалу, который вынутъ былъ изъ груди убитаго сенатора.

Улика показалаея судьямъ достаточнымъ судебнымъ доказательствомъ, свидѣтельствовавшимъ противъ хлѣбника, и тотъ, обвиненный въ убійствѣ, въ силу судебного приговора, погибъ въ страшныхъ мукахъ.

Но случилось такъ, что прошло очень немного времени, и преступникъ, дѣйствительно совершившій убійство, былъ открытъ, схваченъ и повинился предъ судомъ въ своемъ преступленіи.

Послѣ такого сознанія, учиненнаго настоящимъ убійцей, сознанія, вслѣдствіе котораго доказывалась невинность погнбшаго хлѣбника, — правосудію, произнесшему торопливо надъ послѣднимъ смертный приговоръ, осталось одно — публично признаться въ совершенномъ имъ *легальномъ убійствѣ*. Необходимость официальнаго сознанія признавали и дожъ, и совѣтъ десяти, и инквизиторы, и судъ сорока; всѣ они соглашались вмѣстѣ съ тѣмъ, что официаль-

ное сознание, вызванное *ошибкою* судей, должно быть торжественное. И вотъ республика беретъ подъ свою опеку осиротѣлое семейство мнимаго преступника: въ церквахъ читаютъ и поютъ умилостивительныя молитвы и о душѣ невинно-погибшаго установлена постоянная заупокойная панихида. Независимо отъ того, торопливые судьи, произнесшіе надъ хлѣбникомъ смертный приговоръ, должны были надѣть на себя трауръ, а въ замѣ засѣданій, въ предосторереженіе для будущихъ поколѣній, начертаны были такія слова: «RICORDATEVI DEL POVERO FORNARO» — «*припомните несчастнаго хлѣбника*».

Передаанный нами рассказъ, сохраненный далекимъ преданіемъ, одинъ изъ тѣхъ грустныхъ случаевъ судебно-уголовной практики, когда *увлеченіе* слѣдователя или судьи, *торопливость* въ произнесеніи надъ обвиненнымъ смертнаго приговора, влекутъ за собою для обвиненнаго невозвратимую, непосредственно для него, потерю лучшаго достоянія, которымъ владѣеть человекъ — жизни. (*)

(*) Иностранныя судебно-уголовныя сказанія, благодаря обязательной откровенности судебно-уголовной практики, указываютъ даже за послѣднее, ближайшее къ намъ время, на нѣкоторые случаи произнесенія смертныхъ приговоровъ надъ мнимо-преступниками, невинность которыхъ, доказанная впоследствии, могла быть вполне и непосредственно возстановлена для нихъ, только благодаря смилостию выслушанныхъ ими смертныхъ приговоровъ. Валашскій министръ юстиціи Boèresco, горячій защитникъ уничтоженія смертной казни, въ статьѣ своей: «Exposé des motifs du projet de loi pour l'abolition de la peine de mort dans les Principautés-Unies» указываетъ на три подобные случаи, два во Франціи и одинъ въ Англии: *Смилль* и *Ленге-сынъ*, обвиненные первый въ 1843 г., а второй въ 1848 году, въ убійствѣ, оказались совершенно невинными, первый черезъ два года, а послѣдній черезъ пять лѣтъ и наконецъ нѣкто Малло, приговоренный въ 1855 году въ Лондонѣ къ смертной казни, скоро послѣ произнесенія надъ нимъ смертнаго приговора, оказался также невиннымъ. Малло и другіе два названные выше мнимо-преступника, могли вполне воспользоваться своимъ оправданіемъ только потому, что смертная казнь была замѣнена для нихъ другимъ, смягчающимъ наказаніемъ. И вообще къ чести человечества должно замѣтить, что уголовные кодексы, принимающіе еще до сихъ поръ смертную казнь, смотря на допущеніе этого наказанія, какъ на мѣру *временную*. Такъ во Франціи еще въ 1791 году, въ то время какъ составлялся уголовный кодексъ, многіе юристы, трудившіеся надъ нимъ, предлагали совершенное уничтоженіе смертной казни, и если усилія ихъ не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, то оставили во всякомъ случаѣ послѣ себя замѣтный слѣдъ. Нѣсколько позже мы встрѣчаемъ дѣйствительно въ законѣ, изданномъ 4-го бримера въ IV годъ французской республики такое постановленіе: «à partir de la publication de la paix générale, la peine de mort sera abolie dans la république française». Правда, насталъ желанный день мира, а смертная казнь продолжала и продолжаетъ существовать во Франціи до сихъ поръ; но не должно забывать, что по смыслу закона, изданнаго въ X годъ республики, она только *допускается* до замѣны ея другимъ наказаніемъ и послѣдующія затѣмъ замѣненія,

Изъ ряда такихъ случаевъ особенно рельефно выдается въ судебно-уголовной хроникѣ процессъ Лезюрка, къ изложенію котораго мы непосредственно и переходимъ.

9-го флореала въ IV годъ французской республики (28 апрѣля 1796 г.), случилось нѣсколькимъ челоуѣкамъ поселянъ проходить утромъ, часовъ въ пять, по дорогѣ ведущей къ мосту «Пульи», что въ общинѣ «Веръ», въ кантонѣ «Буассизъ-ла-Вертранъ», Мёлёнскаго округа. Подойдя къ урочищу «Клозѳ», поселяне замѣтили у самой опушки лѣса дорожный экипажъ, покинутый, стоявшій совершенно одиноко. По большому баулу, который былъ прикрѣпленъ у этого экипажа сзади, поселяне тотчасъ же признали его за почтовый брикъ, тотъ самый, въ которомъ перевозилась обыкновенно вся корреспонденція, отправляющаяся по почтѣ на пространства между Парижемъ и Ліономъ.

Изъ пары лошадей, которыя должны бы были быть въ запряжкѣ, оставалась только одна подручная лошадь; той же, на которую садится верхомъ почтальонъ, не было. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ экипажа лежалъ распростертый на землѣ трупъ почтальона, а кругомъ по травѣ было разбросано много бумагъ, обрызганныхъ кровью. Нѣсколько дальше, подавшись уже впередъ у моста «Пульи», лежалъ другой трупъ, курьера, который ѣхалъ въ почтовой коляскѣ и везъ почту.

Поселяне бросились въ ближайшее мѣстечко Льерсѣнъ и рассказали тутъ обо всемъ, что видѣли по дорогѣ. Гражданинъ Дюкло, хозяинъ стаицѣи, еще до прихода поселянъ сильно безпокоившійся о парѣ своихъ лошадей и о почтальонѣ, который повезъ почту до Мёлёна еще наканунѣ съ вечера, тотчасъ же вскочилъ на осѣдланную для него лошадь и помчался къ мѣсту, указанному поселянами.

происходившія во французскомъ уголовномъ законодательствѣ, непосредственно убѣждаютъ насъ въ этомъ: довольно вспомнить, что при Людовикѣ XIV смертною казнью наказывались 132 преступления, а законодательствомъ 1810 года число случаевъ, навлекающихъ это наказаніе ограничено 34-мя. Въ 1830, 1832, 1848 годахъ, постоянно поднимался во Франціи вопросъ объ уничтоженіи смертной казни, и если она не была совершенно уничтожена, то все-таки каждый разъ былъ новый шагъ впередъ. Такъ законами 1848 и 1850 годовъ, смертная казнь оставлена только за преступления обыкновенныя (les crimes ordinaires), но ей уже болѣе не подвергаются лица, замѣшанные въ преступленияхъ, такъ называемыхъ политическихъ (en matière politique).

Вхоть ему было недалеко; мѣсто это отстояло отъ Льерсѣна всего въ трехъ четвертихъ лье, было въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ большой почтовой дороги, ведущей изъ Ліона и по положенію своему находилось между двухъ гостинницъ: «Fontaine-Ronde» и «Commissaire Général», такъ что менѣ чѣмъ въ десять минутъ, гражданинъ Дюклó успѣлъ уже доскакать туда.

Заставъ все въ томъ самомъ положеніи, какъ рассказывали поселяне и въ двухъ трупахъ признавъ: въ томъ, который лежалъ ближе къ экипажу, почтальона со своей станціи Этьенна Одебера, а въ другомъ трупѣ, лежавшемъ нѣсколько подалеже, курьера Экскоффона, гражданинъ Дюклó немедленно же послалъ извѣстіе съ нарочными къ мѣлѣнскому прокурору. Послѣдній, пригласивъ съ собою мирнаго судью, поспѣшилъ на мѣсто.

Осмотръ, произведенный прибывшими полицейскими чиновниками, доставилъ слѣдующія данныя: лежавшій ближе къ почтовому экипажу трупъ почтальона Этьенна Одебера былъ весь изуродованъ: черепъ раздвоенъ по поламъ ударомъ сабли, на груди три глубокія раны; кисть одной руки отсѣчена. Кругомъ несчастной жертвы трава была сильно помята и на ней оставались знаки множества слѣдовъ, свидѣтельствовавшіе объ упорномъ сопротивленіи.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трупа найденъ былъ *слырый дорожный плащъ*, который не принадлежалъ ни курьеру, ни почтальону; подлѣ плаща лежала *сломанная сабля и пустыя ножны*. На окровавленномъ клинкѣ сабли съ одной стороны былъ вырѣзанъ левизъ: «L'honneur me conduit» (*), а съ другой: «Pour le salut de ma patrie» (**). Кромѣ того, въ травѣ найдены еще были другія ножны, футляръ отъ ножа и *посеребренная шпора, которая, какъ видно было, прикрѣплена была къ сапогу толстою ниткою*.

Подвигаясь впередъ къ мосту, полицейскіе чиновники увидѣли трупъ Экскоффона. На шеѣ у него виднѣлись двѣ глубокія раны, нанесенныя острымъ и гибкимъ оружіемъ; вены перерѣзаны, и при этомъ тѣло проткнута въ трехъ мѣстахъ тѣмъ же самымъ оружіемъ.

Оба трупа были уже совершенно холодныя, и потому преступленіе, какъ слѣдовало догадываться, совершено было вѣроятно за нѣсколько часовъ ранѣе, — вечеромъ наканунѣ, можетъ быть часовъ около девяти, спустя полчаса, или около того, послѣ перемѣны лошадей въ Льерсѣнѣ.

(*) -Честь руководить мною.

(**) -За благо моей родины.

Подъ мостомъ «Пульв» отысканы высокіе сапоги почтальона; одинъ изъ сапоговъ былъ полонъ крови.

Всё говорило въ пользу того, что убійства совершены были въ видахъ грабежа; въ этомъ убѣждало между прочимъ и то, что найденная въ числѣ разбросанныхъ по травѣ разныхъ писемъ и бумагъ, накладная, въ которой поименована была вся почтовая корреспонденція, порученная Экскофону, — носила признаки окровавленнаго слѣда, какъ будто отъ пальца, которымъ водили по ней. Нельзя было сомнѣваться, что одинъ изъ убійць, слѣдя по этой накладной, выкликалъ номера денегъ, а соучастники преступленія въ тоже самое время вѣроятно отыскивали ихъ и распечатывали пакеты.

По накладной значилось до 1200 депешъ, изъ числа которыхъ 30 отправлены были изъ Ліона въ Марсель; большая часть пакетовъ была вскрыта. По накладной же значилась порученная Экскофону для доставки сумма въ 10,000 франк. въ звонкой монетѣ и на вѣсколько милліоновъ въ ассигнаціяхъ. При обыскѣ изъ всей этой суммы на лицо не оказалось ничего.

Къ слѣдствію приступлено было немедленно. При первыхъ розыскахъ, произведенныхъ двумя жандармскими офицерами — Гюгэ и Помаромъ, искрестившими по всѣмъ направленіямъ участокъ дороги, по которому слѣдовала почта отъ самаго Парижа, добыты были слѣдующія свидѣтельскія показанія:

Жанъ Шартрепъ, почтальонъ Льёрсѣнской станціи, везшій 8 Флореала какую-то коляску на парѣ почтовыхъ лошадей, видѣлъ по почтовой дорогѣ *четырехъ всадниковъ*, бѣжавшихъ по направленію Мѣлена.

Гражданка Шампъ, содержательница харчевни въ Льёрсѣнѣ, видѣла также четырехъ верховыхъ; они остановились у ея заведенія, слезли съ лошадей, заходили и пили вино. По отъѣздѣ ихъ олявъ изъ спутниковъ, позабывъ свою саблю въ конюшнѣ, возвращался еще съ дороги за нею.

Суро, хозяинъ гостинницы въ Льёрсѣнѣ, видѣлъ также четырехъ верховыхъ, часовъ около семи вечера.

У гражданки Эварръ, содержательницы трактира въ Монжеронѣ (мѣстечкѣ которое лежитъ ближе къ Парижу), четыре верховыхъ человекъ останавливались и обѣдали. Эварръ описывала этихъ людей такъ: *верхнее платье* на одномъ было *стального цвѣта* (gris-bleu), на головѣ треугольная шляпа, черные волосы были зачесаны «à la jacobine»; другой одѣтъ былъ въ *свѣтло-синее* (bleu-clair) *платье* и *красный жилетъ*, на головѣ также треугольная шляпа; третій носилъ *верхнее платье «сармелитѣ»*, темные волосы у него были заче-

саны «à la jacobine»; *верхнее платье* четвертаго было *свѣтло-сѣраго цвѣта* (gris blanc), при немъ была сабля, съ мѣдной оправой.

Гражданка Шатленъ, содержательница кофейной въ Монжеронѣ, видѣла также четырехъ человекъ верхомъ.

Ихъ также видѣли: «Большоголовая», служанка у Эвраръ, Санта, служанка у Шатленъ и мальчикъ, находившійся при конюшнѣ у Эвраръ — «Lafolie.»

Подаваясь впередъ отъ Монжерона все по направленію къ Парижу, четырехъ всадниковъ встрѣтили на дорогѣ два купца: одинъ изъ г. Мѳ, торгующій заячьими шкурками, а другой изъ Ла-фер-Шампенуаза.

Одинъ слесарь, офицеръ національной гвардіи, изъ Вильнев-Сен-Жоржа показалъ, что онъ видѣлъ человека, сидѣвшаго въ почтовомъ брикѣ, который одѣтъ былъ въ *свѣтло-сѣрое верхнее платье*, исподнее платье того же цвѣта, на головѣ у него была *треугольная шляпа*, волосы и борода черныя, съ лица *худощавъ*.

Гражданинъ Жилле, инспекторъ почты, также видѣлъ человека, который сидѣлъ въ почтовомъ брикѣ, *съ полнымъ лицомъ, въ серомъ платьѣ темноватаго цвѣта, въ круглой шляпѣ*, лѣтъ ему могло быть около сорока-восьми.

Родственница погибшаго Эскоффона, гражданка д'Ольгофъ, показала парижскому слѣдственному судѣ, что присутствуя при самомъ отправленіи Эскоффона со станціи, она видѣла какого-то человека, который занялъ мѣсто возлѣ него въ почтовомъ брикѣ, и что *на этомъ человекѣ накинутъ былъ дорожный плащъ, обложенный по краямъ черною шерстью*.

Такимъ образомъ всѣ приведенныя свидѣтельскія показанія указывали на то, что 8 флорсаля, въ послѣ-обѣденное время, по дорогѣ отъ Парижа до Льерсѣна *разъѣзжали верхомъ четыре человека*; всадники эти не были похожи на людей, ѣдущихъ съ цѣлью достигнуть извѣстнаго мѣста. То подаваясь впередъ, то снова возвращаясь и показываясь въ различныхъ мѣстахъ на почтовой дорогѣ, они скорѣе могли быть приняты за людей праздныхъ, желающихъ убить какъ-нибудь время, за гулякъ какихъ-нибудь: ночью уже къ этому обществу присоединился еще новый, *пятый* товарищъ. Съ другой стороны эти же самыя показанія раскрывали другое весьма важное обстоятельство — они указывали на исчезновеніе того неизвѣстнаго человека, который на станціи занялъ мѣсто въ почтовомъ брикѣ, но котораго однако не видѣли ни въ Льерсѣнѣ, ни за Льерсѣномъ. Становилось возможнымъ предполагать, что этотъ загадочный путешественникъ и былъ *пятый* убійца, а лошадь, которая выпряжена была изъ почтоваго брика, — вѣроятно

взята была *имъ же*, чтобы добраться до Парижа. Въ такомъ случаѣ и тотъ дорожный плащъ, который покинуть былъ на мѣстѣ преступленія, былъ тотъ самый дорожный плащъ, на который указывала гражданка д'Ольгофъ.

При дальнѣйшемъ теченіи слѣдствія, часовой, стоявшій 9-го флореала у заставы «Рамбулье», показалъ, что въ этотъ день, часовъ около четырехъ или пяти, въ Парижъ въѣхали *пять* человекъ верховыхъ; ихъ лошади были замучены и дымились отъ усталости.

Другой поводъ думать, что убійцы скрылись въ Парижѣ: часовъ около четырехъ утра, между «Вильевъ-Сен-Жоржемъ» и «Мезономъ» драгунъ, стоявшій на часахъ въ Мёленѣ, нашолъ саблю безъ ножженъ и пояса; клинокъ и ефесъ у этой сабли были обагрены кровью.

Какой-то ребенокъ, скоро вслѣдъ за этимъ, нашолъ поясъ отъ сабли и отдалъ ее жандарму. Попробовали примѣрить найденную саблю къ тѣмъ ножнамъ, которыя покинуты были въ «Клозѣ» и увидѣли, что они совершенно подходятъ къ ней.

Тѣмъ временемъ какъ слѣдователи собирали всѣ эти улики, полиція разузнала, что въ Парижѣ была поймана какая-то прибулдная лошадь, у которой не оказывалось хозяина: по предъявленіи этой лошади гражданину Дюклѣ, оказалось, что это та самая почтовая лошадь, принадлежащая ему, которая была выпряжена изъ почтового лѳонскаго брика.

Еще дальше, и дѣло начало разъясняться еще болѣе. Одинъ изъ полицейскихъ сыщиковъ провѣдалъ, что 9-го флореала нѣкто *Этьеннъ*, часовъ около пяти утра, приводилъ къ хозяину одной гостиницы, г. Обри, четырехъ лошадей, покрытыхъ пѣною; за этими же лошадьми, часовъ уже около семи приходилъ снова тотъ же самый Этьеннъ, и не одинъ, а съ товарищемъ, котораго звали *Бернаромъ*; отъ Обри лошади переведены были къ гражданину Мюлрону.

Полиція начала усиленно слѣдить, и скоро узналась, что этотъ самый Этьеннъ называется также *Куррьелемъ*; что до 8-го флореала онъ занималъ квартиру въ улицѣ «Шети-Репозуаръ», въ ночь же съ 8-го на 9-е флореала онъ не ночевалъ дома и съ этого самаго времени совершенно скрылся съ своей квартиры. Полиція развѣдала также, что Куррьель живетъ въ связи съ одной дѣвицей, *Магдалмой ла Бребанъ*, которую выдаетъ за свою жену.

Пока старались нанять снова на потерянный слѣдъ Куррьеля и Бернара, парижская полиція начала розыскивать того человека, который сидѣлъ въ почтовомъ экипажѣ, и вотъ что успѣла разузнать: занимая мѣсто, за которое заплатилъ 2737 ливровъ и 10 су

(ассигнаціями), человекъ этотъ называлъ себя *Лаборддомъ*; у него при себѣ не было ни чемодана и никакой вообще поклажи; была только при немъ сабля. Передъ отъездомъ онъ отобѣдалъ вмѣстѣ съ Экскоффономъ и, сядя уже на свое мѣсто, подаловалъ гражданку д'Ольгофъ. По описаніямъ этой послѣдней, уѣзжавшій былъ большой весельчакъ; по показанію же гражданина Жплле (см. выше) — онъ имѣлъ видъ человекъ задумчиваго, котораго осаждаютъ тревожныя мысли.

Контролеръ почтоваго управленія показалъ, что 8-го Флореса Экскоффонъ везъ съ собою до 10000 Франк. въ звонкой монетѣ и до семи милліоновъ въ ассигнаціяхъ, — сумма, которая давно уже, при пересылкахъ, не доходила до такой значительной цифры. Становилось понятнымъ, что до совершенія своего преступления, убійцы вѣроятно успѣли развѣдать о томъ, какъ велика можетъ быть ихъ пожива.

Внослѣдствіи, когда стали поступать частныя требованія отъ разныхъ лицъ, сдѣлалось еще извѣстнымъ, что, независимо отъ указанной выше суммы, Экскоффонъ везъ съ собою, по частнымъ порученіямъ, отъ пяти до шести тысячъ въ звонкой монетѣ, значительную сумму въ ассигнаціяхъ, много драгоценныхъ вещей, векселя, банковые билеты и разные товары.

Въ это же самое время, совершенно неожиданно, посчастливилось напасть снова на слѣдъ Куррьеля; разузнали, что изъ послѣдняго своего жилища въ улицѣ «Пети-Репозуаръ» онъ перебрался вмѣстѣ съ своей любовницей въ улицу «Бюшери» въ квартиру нѣкоего Ришара и оставался тутъ вмѣстѣ съ ла Бребанъ до 17 февраля, а въ этотъ день, добывъ себѣ паспортъ въ Труа, онъ выѣхалъ изъ Парижа въ наемной почтовой коляскѣ, о которой хлопоталъ для него еврей Давидъ Бернаръ. Послѣдній, хотя и выдавалъ себя за разнощика, торговавшаго разною мелочью, но пользовался вообще, самую сомнительною репутаціей. До Бонн Куррьеля и его любовницу, которая уѣзжала вмѣстѣ съ нимъ, провожали Ришаръ съ женой и нѣкто Брюеръ. Доѣхавъ до Бонн, путешественники своротили въ сторону съ дороги ведущей въ Труа, и поѣхали въ «Шато-Тьерри» къ г. Галье.

Полицейскій сыщикъ явившійся сюда, заарестовалъ Куррьеля и ла Бребанъ. При обыскѣ у нихъ найдены были значительныя суммы въ звонкой золотой и серебряной монетѣ и въ ассигнаціяхъ; кромѣ того у нихъ же оказалось очень много золотыхъ и серебряныхъ вещицъ, совершенно новыхъ.

Несомнѣнно было, что правосудіе держало теперь въ своихъ рукахъ одного изъ числа пяти убійцъ, такъ какъ стоимость обыскав-

ныхъ у Куррьеля и его любовницы вещей составляла приблизительно-но пятую часть всей добычи.

Но гдѣ же были владѣльцы *четыресть* остальныхъ частей?

Подозрѣвали сначала Голье; большее еще подозрѣвіе мало потомъ на Гено.

Генó жилъ также у Голье, къ которому онъ пріѣхалъ изъ Парижа только на-канунѣ; Генó зналъ Куррьеля и также жилъ въ Парижѣ на квартирѣ у Ришара.

Однако послѣ ареста и отправки Куррьеля и ла-Бребантъ въ Парижъ, Голье и Гено, не смотря на обстоятельства, навлекавшія на нихъ сильное подозрѣвіе, во вниманія къ ихъ служебному положенію и совершенно приличной внѣшности, получили только предложеніе, не откладывая поспѣшить туда же, въ Парижъ.

Они наняли ту самую почтовую коляску, которая привезла въ Шато-Тьеры Куррьеля и его любовницу, и доѣхали такъ до Парижа.

Здѣсь, между тѣмъ начали розыскивать о Ришарѣ, который все болѣе и болѣе становился человѣкомъ подозрительнымъ; занимая самую скромную квартиру, Ришаръ, дававшій у себя пріютъ Куррьелю, пріютилъ также у себя и Генó.

На всѣ вещи, принадлежавшія послѣднему и находившіяся въ особой комнатѣ, которую онъ занималъ у Ришара — были положены печати.

По порученію центральнаго полицейскаго управленія, слѣдствіе по настоящему дѣлу производилъ въ Парижѣ одинъ изъ мирныхъ судей — гражданинъ *Добантонъ*, человѣкъ дѣятельный, строгій и проникательный. Онъ немедленно же распорядился розыскать и вызвать къ себѣ всѣхъ свидѣтелей по этому дѣлу и допросить заподозрѣнныхъ лица.

Послѣ перваго же допроса, который былъ слѣланъ Голье и Генó, Добантонъ, убѣвшись совершенно въ невинности ихъ, остановилъ всѣ преслѣдованія противъ нихъ, и отпуская отъ себя Генó, просилъ зайти къ нему *на другой день* за обратнымъ полученіемъ бумагъ.

На другой день Генó, отправившись утромъ въ полицейское управленіе, въ одной изъ улицъ совершенно печально столкнулся съ однимъ своимъ землякомъ, другомъ, котораго онъ не видѣлъ уже нѣсколько дней — съ гражданиномъ Лезюрокъмъ.

Генó, у котораго изъ головы не выходило все это непріятное дѣло, дорогою началъ рассказывать послѣднія свои приключенія, и рассказъ былъ только наполовинѣ, когда пріятели наши поравнялись съ дономъ полицейскаго управленія.

«Зайдите вмѣстѣ со мною, сказалъ Генó, я тотчасъ же отъѣлаюся и дорогой доскажу вамъ конецъ».

Лезюркъ торопился, у него не было свободнаго времени, чтобы ожидать Генó въ полицейскомъ управленіи, но Генó такъ настаивалъ на своемъ, такъ упрашивалъ, что Лезюркъ согласился и — послѣдовалъ за Генó.

Пріятели вошли въ центральное полицейское управленіе вмѣстѣ.

Въ пріемной комнатѣ они застали уже человѣкъ до двадцати посетителей, которые, какъ можно было заключать по ихъ костюму, должны были принадлежать къ поселянамъ изъ окрестностей Парижа. Дѣйствительно это были поселяне изъ двухъ сосѣднихъ мѣстечекъ — Льерсена и Монжерона, которыхъ въ этотъ самый день Добантонъ долженъ былъ допрашивать по дѣлу ліонскаго курьера.

Генó и Лезюркъ, войдя въ эту комнату, заняли рядомъ на скамьѣ два свободныя мѣста, и Генó, въ ожиданіи очереди, когда его пригласить къ себѣ Добантонъ, продолжалъ прерванный рассказъ...

Слова, которыя часто ему пришлось повторять: «ліонскій курьеръ», «убійство», «грабежъ» — долетѣли до ушей двухъ свидѣтелей; тѣ невольно оборотились, посмотрѣли на вновь пришедшихъ, и ужасъ изобразился на лицахъ ихъ. Не своя своихъ пристальныхъ взглядовъ съ Лезюрка и Генó, они начали перешептываться между собою.

Эти свидѣтели были — «Санта» и «Большеголовая» — двѣ служанки изъ Монжерона.

Ихъ обѣихъ очень скоро позвали къ судьѣ, а по уходѣ ихъ, не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ изъ кабинета Добантона вышелъ полицейскій офицеръ Гедонъ, и, пристально взглянувшись въ обонхъ пріятелей, подошелъ къ Генó и передалъ ему и Лезюрку приглашеніе мирнаго судьи пожаловать къ нему въ кабинетъ.

Лезюрку вначалѣ показалось это страннымъ; онъ нѣсколько изумился, но тотчасъ же поспѣшилъ съ Генó исполнить желаніе гражданина-судьи.

Когда они вошли, Добантонъ усадилъ ихъ къ окну такимъ образомъ, что они приходились лицомъ къ лицу къ двумъ женщинамъ свидѣтельницамъ, которыя были тутъ же, и послѣ того, какъ тѣ имѣли достаточно времени, чтобы разглядѣть ихъ, Добантонъ пригласилъ двухъ пріятелей перейти въ пріемную.

Какъ скоро Генó и Лезюркъ вышли изъ кабинета, гражданинъ-судья, обращаясь къ двумъ свидѣтельницамъ, спросилъ ихъ: «Что

же? Вы по прежнему утверждаете, что эти два человѣка принадлежать къ числу убійцъ?»

«О, да!.. Мы утверждаемъ гражданинъ—судья, заговорили въ одинъ голосъ «Санта» и «Большеголовая»... они, дѣйствительно, двое изъ той компаніи четырехъ всадниковъ, которые обѣдали у гражданки Овраръ и пили потомъ кофе у гражданки Шатленъ».

«Подумайте сперва хорошенько о томъ, что вы говорите, возразилъ имъ снова судья. — Изъ этихъ двухъ человѣкъ, одинъ уже былъ, правда, заподозренъ, и еслибы чувствовалъ себя дѣйствительно виновнымъ, старался бы естественно избѣгать посѣщеній сюда; къ тому же его ничто особенное и не заставляло сюда возвращаться. Другой блондинъ, никогда не бывалъ даже и замѣшанъ по какому-нибудь уголовному дѣлу, и его присутствіе здѣсь должно казаться еще загадочнѣе, тѣмъ болѣе, что преступники вообще, совершивъ преступленіе, стараются обыкновенно обходить полицейскія управленія».

Но... «Санта» и «Большеголовая» утверждали свое: «онѣ узнаютъ ихъ, узнаютъ ихъ обоихъ, особенно же того блондина, высокаго роста» — а это былъ Лезюркъ.

Послѣ этого Добантону уже не оставалось ничего болѣе какъ пригласивъ къ себѣ въ кабинетъ снова Генó и Лезюрка, дать имъ очныя ставки съ обѣими женщинами. Въ первыя минуты пріатели были изумлены до того, что не понимали въ чемъ и дѣло.

По выходѣ Генó и Лезюрка, мирный судья еще разъ обратился къ «Сантѣ» и «Большеголовой» и совѣтовалъ имъ снова поразмыслить о томъ, что онѣ утверждаютъ; подумать о тѣхъ страшныхъ послѣдствіяхъ, которыя ожидаютъ оговоренныхъ ими — но и на этотъ разъ свидѣтельница остались при своемъ.

Тогда судья потребовалъ къ себѣ описаніе примѣтъ, которыя были собраны жандармами. Два изъ этихъ описаній могли приходить къ Генó и Лезюрку; въ особенности послѣдній, по описанію приходился къ примѣтамъ того высокаго блондина, на котораго указывали всѣ свидѣтели.

Вслѣдъ за этимъ Добантонъ потребовалъ отъ Лезюрка, чтобы онъ предъявилъ ему свои бумаги. Но Лезюркъ — самъ родомъ изъ Луэ — хотя и жилъ въ Парижѣ уже около года, однако не позаботился достать себѣ ни паспорта, ни охраннаго листа (*carte de sureté*). Правда, при обыскѣ у него оказался въ портфель охранный листъ, но онъ тутъ же заявилъ, что этотъ листъ принадлежит не ему, а его двоюродному брату. Какъ на бѣду, у Лезюрка въ карманѣ отыскался еще другой экземпляръ охраннаго листа — этотъ былъ даже

безъ всякой прописки, — новое и сильно заподозрѣвавшее его обстоятельство.

Такимъ образомъ теперь все казалось ясно... и Лезюркъ вмѣстѣ съ Генё были арестованы.

Между тѣмъ грабежъ и убійство, совершенные у Льерсена, надѣлали въ Парижѣ много шума; всѣхъ изумляла самая дерзость участниковъ этого преступленія, потому что хотя Францію и наводняли въ то время многочисленныя шайки разбойниковъ, но никогда они не рѣшались дѣлать свои покушенія такъ близко отъ столицы, а потому Добантону приходилось выказывать теперь въ разборѣ этого дѣла всю свою энергію и искусство.

Но что же за человекъ былъ Лезюркъ?

Родившись въ Дуэ и происходя изъ семейства, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, Жозефъ Лезюркъ очень молодымъ записался въ Оверньскій полкъ, служилъ съ честью, и дослужившись до чина сержанта, въ 1789 году вышелъ въ отставку. Человекъ дѣятельный, ловкій, честолюбивый, — онъ съумѣлъ воспользоваться замѣшательствомъ тогдашнихъ обстоятельствъ и разбогатѣлъ. Поступивъ сначала мелкимъ чиновникомъ въ окружное управленіе своего роднаго города, онъ скоро достигъ тутъ до мѣста главнаго начальника.

Женился, явился за спекуляціи, сталъ покупать распродававшіяся тогда имѣнія эмигрантовъ и духовныхъ лицъ и, ведя искусство и счастливо свои коммерческія операціи, Лезюркъ, въ то время какъ былъ арестованъ, владѣлъ состояніемъ, приносившимъ ему до десяти тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода — что для того времени составляло почти богатство. Человекъ богатый, отецъ семейства, состоявшаго изъ трехъ дѣтей, съ наклонностями человека образованнаго и любителя искусствъ, Лезюркъ, чтобы удовлетворить требованіямъ своего вкуса и дать хорошее воспитаніе дѣтямъ, въ началѣ 1795 года переселился изъ Дуэ въ Парижъ.

Онъ нанялъ себѣ тутъ богатое помѣщеніе въ улицѣ Монмартръ и пока устраивалась новая квартира, временно жилъ у своего двоюроднаго брата, который носилъ одну съ нимъ фамилію. Съ наклонностями къ удовольствіямъ, и, какъ человекъ свѣтскій и образованный, Лезюркъ въ самое короткое время завелъ большое знакомство. Принималъ у себя художниковъ, въ числѣ которыхъ были два извѣстные живописца — Илеръ Ледрю и Бодаръ; былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ *Леграномъ*, ювелиромъ въ Пале-Ройялѣ, но, въ особенности любилъ принимать у себя своихъ эскилковъ.

На первыхъ допросахъ, которые предложены были Лезюрку До-

бавтаномъ, онъ показалъ, что перебъжавъ съ семействомъ около года въ Парижъ, онъ жилъ тутъ безвыбъдно. Ришаръ знакомъ ему только потому, что также родомъ изъ Дюэ, гдѣ онъ и звалъ его въ то еще время, когда тотъ учился у тамошняго ювелира; потомъ же совершенно потерялъ его изъ виду. Гораздо ближе знакомъ онъ съ Гено, съ которымъ вмѣстѣ воспитывался. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, попавъ вмѣстѣ съ Гено на обѣдъ къ Ришару, онъ въ свою очередь пригласилъ также къ себѣ обѣдать Гено и Ришара съ женой. Потомъ еще случилось ему однажды завтракать вмѣстѣ съ Гено у того же Ришара и тутъ встрѣтилъ онъ, первый разъ въ своей жизни, какого-то Этьенна и съ нимъ даму, слышную женой послѣдняго. Сколько онъ можетъ припомнить, завтракъ этотъ былъ 11 или 12 Флореала. О полученіи охраннаго листа онъ не хлопоталъ потому, думалъ онъ, что его хорошее поведеніе должно служить лучшимъ и самымъ вѣрнымъ для него оплотомъ; ночи онъ проводилъ постоянно у себя дома, и что, вообще, если бы и могла встрѣтиться для него надобность въ охранномъ листѣ, то при томъ огромномъ кругѣ знакомства, который у него былъ, ему во всякое время легко было выхлопотать себѣ подобный листъ. Охранный листъ на имя двоюроднаго брата былъ захваченъ имъ совершенно печально съ камина, на которомъ онъ лежалъ, — во время перебъзда его на собственную квартиру. Что-же касается до бланка, — то этотъ послѣдній попалъ къ нему въ карманъ въ числѣ разныхъ незначащихъ бумагъ, и ему въ голову не приходило когда-нибудь употребить его въ дѣло.

Лезюркъ звалъ въ свидѣтельство всѣхъ своихъ знакомыхъ, — людей почтенныхъ, — и тѣ сказали о немъ все, что можно только сказать хорошаго о человѣкѣ.

«8-го Флореала, показывалъ Лезюркъ, съ утра и до двухъ часовъ по-полудни я провелъ у гражданина *Леграна*: отъ него отправился обѣдать въ улицу Монторгёйль; вечеромъ, часовъ около шести, гулялъ по бульвару вмѣстѣ съ гражданиномъ *Ледрю*. Встрѣтившись тутъ съ моимъ другомъ *Гено*, мы втроемъ зашли въ кондитерскую и выпили здѣсь по рюмкѣ ликера».

Слова Лезюрка были подтверждены указанными имъ гражданами *Илеромъ*, *Ледрю* и *Леграномъ*; изъ этихъ лицъ, впрочемъ, *Легранъ* при первомъ своемъ показаніи положительно утверждалъ, «что 8-го Флореала онъ видѣлъ Лезюрка; что въ этомъ онъ совершенно увѣренъ», а при дачѣ втораго — закиданный вопросами, испугавшись, *Легранъ* отвѣчалъ, «я утверждаю это, основываясь на моей книгѣ». Работники же, занимавшіеся поправками въ квартирѣ *Ле-*

зюрка, положительно утверждали, что видѣли его въ теченіе дня 8-го флореала.

Быль допрошенъ и Генó. Въ доказательствахъ своихъ, которыя онъ представлялъ относительно того — гдѣ и какъ провелъ онъ время въ теченіе дня 8-го флореала, — все говорило въ пользу его «alibi» (*).

Дѣло принимало смутный характеръ. Трудно было согласить вмѣстѣ: подтверждаемую свидѣтельскими показаніями совершенную невинность и неприкосновенность Лезюрка и Генó къ учиненному преступленію, — съ тою настойчивостью, упорствомъ, съ которыми «Санта» и «Большоголовая» продолжали постоянно утверждать разъ произнесенное ими противъ тѣхъ же самыхъ лицъ свидѣтельство, совершенно заподозрѣвавшее ихъ. Въ особенности дурной характеръ дѣло принимало по отношенію къ Лезюрку, потому что къ показаніямъ двухъ служанокъ, прибавились еще новыя свидѣтельства противъ него: гражданинъ Шампо и его жена настойчиво стали утверждать, что онъ тотъ самый высокій блондинъ, который сломавъ у своей шпоры кольцо, прикрѣпилъ его у нихъ толстою ниткою. «Санта» прибавляла еще, что высокій блондинъ, расплатившись за кофе, хотѣлъ отдать ассигнаціями, но что Куррьель заплатилъ монетою.

Въ виду такихъ сильныхъ обвиненій, естественно Добантонъ не могъ освободить изъ подъ ареста ни Лезюрка, ни Генó, но въ то же время, принимая во вниманіе и свидѣтельскія показанія, говорившія въ пользу ихъ, и ихъ общественное положеніе, и постоянно согласные отвѣты, которые они давали, наконецъ и то обстоятельство, что они сами пришли въ полицейское управленіе, — гражданинъ-судья не хотѣлъ смѣшивать этихъ заподозрѣнныхъ лицъ съ другими. Онъ даже не дѣлалъ обыска въ квартирѣ Лезюрка, не опечатывалъ бумагъ его, такъ что семейство Лезюрка, безпокоившееся его отсутствіемъ, въ продолженіи трехъ дней, не знало все о томъ несчастіи, которое обрушилось на него.

Что касается до Куррьеля, то его виновность и участіе въ преступленіи, — были очевидны. Самъ онъ правда, запираясь во всемъ, не сознавался, но его любовница, Магдалина ла-Бребанъ, выдала его.

Послушавшись гражданина Добантона, который усиль убѣдить

(*) «Alibi» — выраженіе юридическое и означаетъ *бытіе* заподозрѣваемаго лица въ *иномъ мѣстѣ*. Въ настоящемъ случаѣ, по отношенію къ Генó, alibi выражаетъ не *бытіе* его 8-го флореала въ обществѣ четырехъ всадниковъ, какъ утверждали то: «Санта» и «Большоголовая».

ее, что одно только искреннее сознание может спасти лично ее, она показала, что 8-го флореала, на разсвѣтѣ, Куррьель вышелъ изъ дому и передъ уходомъ захватилъ въ дорожномъ мѣшкѣ кой-какія вещи, взялъ также пистолеты и, прощаясь съ нею, сказалъ, что ѣдетъ за городъ. Продавъ напрасно два дня и безпокоясь, что онъ такъ долго не возвращается назадъ домой, она 10-го числа хотѣла уже идти къ Бернару, чтобы поразвѣдать у него о своемъ любовникѣ, какъ самъ Бернаръ предупредилъ ее и зайдя къ ней, сказалъ, что Куррьель ожидаетъ ее въ гостинницѣ «Мира», въ улицѣ «Stoix-des-Petits-Champs»; Бернаръ добавилъ еще, что Куррьель желаетъ переодѣться съ ногъ до головы. Захвативъ съ собою все нужное, Ла-Бребанъ поѣхала въ гостинницу. Когда она успѣла добѣжать сюда и пройти въ помещеніе, которое занималъ тутъ нѣкто Дюбоскъ, то Куррьеля она увидѣла не тотчасъ, а нѣсколько времени спустя и, когда любовникъ ея вышелъ къ ней, то на немъ, кромѣ рубашки и кожаныхъ штановъ, не было ничего. На другой день послѣ этого, Куррьель перемѣнилъ квартиру, въ которой прежде они жили, а черезъ десять дней уѣхалъ съ нею по дорогѣ въ Труа. Ла-Бребанъ добавила, что ей часто случалось встрѣчать у Куррьеля Брюера и Ришара, но что Генв она видѣла только случайно; Лезюрка же не видала никогда и вообще изъ лицъ, которыя чаще всего посѣщали Куррьеля, она назвала имена слѣдующихъ его хорошихъ знакомыхъ: *Дюбоска, Дюроша, Русси и Видала*.

Ришаръ въ своемъ показаніи говорилъ, что Лезюрка знаетъ не коротко.

А Бернаръ и Брюеръ показали, что вовсе даже его не знаютъ.

Въ то самое время, какъ судья-слѣдователь раскрывалъ все это, Генв и Лезюркъ, съ своей стороны хлопотали о томъ, какъ бы собрать побольше данныхъ для своего оправданія. Въ дѣлѣ сохранилось письмо, которое Лезюркъ изъ тюрьмы писалъ къ одному своему другу въ Дуэ. Въ письмѣ этомъ онъ говорилъ:

Съ самаго приѣзда моего въ Парижъ я не зналъ ничего кромѣ неучащъ, но признаюсь тебѣ къ тому страшному несчастію, которое неожиданно, негаданно обрушилось теперь на мою голову, я не могъ даже и готовиться. Ты меня знаешь, знаешь по крайней мѣрѣ на столько, чтобы сказать, могу ли я покуситься на какое-нибудь уголовное преступленіе; представъ же себѣ, меня обвиняютъ въ самомъ гнусномъ, страшномъ преступленіи, въ такомъ преступленіи, что одна мысль о немъ заставляеть уже дрожать меня.

Меня хотять сдѣлать соучастникомъ въ убійствѣ ліонскаго курьера.

Три женщины и двое мужчинъ, которыхъ я вовсе не знаю, не знаю

даже того мѣста, гдѣ они живутъ (тебѣ же должно быть хорошо извѣстно, что я жилъ въ Парижѣ безвыѣздно), были такъ наглы и безстыдны, что стали увѣрять будто бы узнаютъ меня, что я прѣбжалъ къ нимъ верхомъ.

А тебѣ вѣдъ также хорошо извѣстно, что со времени прѣзда моего въ Парижъ, я не садился ни разу на сѣдло. Пойми, же всю важность, все значеніе этого показанія; пойми то, что черезъ него я могу быть легально зарѣзанъ. Прошу тебя, помоги мнѣ, припомни гдѣ я былъ и что за общество было тѣхъ людей, которыхъ я посѣщалъ въ то самое время, когда увѣряютъ, что я былъ за городомъ (кажется дѣло идетъ тутъ о 7-мъ или 8-мъ числѣ прошедшаго мѣсяца); аюбъ удастся мнѣ хоть этимъ уличить моихъ жесвиателей и за ложный извѣтъ ихъ самихъ заставить отвѣчать по закону.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда 3-го преріала (22 мая), слѣдствіе, производившееся Добантономъ, было отобрано отъ него и передано въ мѣленскій уголовный судъ.

Съ этой передачей измѣнился и весь ходъ, и все направленіе дѣла. Стали передѣлывать все снова; мѣленскій президентъ жюри, гражданинъ Мешенсье, взялся помогать. То различіе, которое подавалъ Добантонъ для Гено и Лезюрка, принимая во вниманіе ихъ общественное положеніе, безукоризненное поведеніе, ихъ нравственную сторону, словомъ все то, чѣмъ такъ рѣзко должны были Гено и Лезюркъ отличаться отъ другихъ лицъ, замѣшанныхъ вмѣстѣ съ ними, все это было теперь смѣшано и не имѣло никакого значенія въ глазахъ *Мѣленскаго чиновника*. По службѣ и по жительству, находясь ближе къ тому мѣсту, гдѣ было совершено преступленіе, стремясь всѣми силами произвести глубокое впечатлѣніе, мѣленскій чиновникъ поставилъ во главѣ одни свидѣтельскія показанія мѣстныхъ жителей и не давалъ полного значенія показаніямъ другихъ, *постороннихъ* лицъ.

Этотъ чиновникъ вѣроятно разсуждалъ такъ: «въ Клозо вѣдъ было пять убійцъ, а мнѣ передаютъ дѣло, по которому заподозрены пять лицъ, слѣдовательно эти пять заподозренныхъ и должны быть настоящими убійцами, или по крайней мѣрѣ ихъ соучастниками».

9-го мессидора, въ IV годъ французской республики (27 юня), Мененсье представилъ суду жюри составленный, на приведенныхъ основаніяхъ, обвинительный актъ.

Чтобы не утомлять читателей, мы не станемъ выписывать его цѣликомъ, а приведемъ то мѣсто изъ него, гдѣ именно говорится о Лезюркѣ; достаточно будетъ и этого обрѣзка, чтобы судить о немъ о характерѣ дѣйствій почтеннаго мѣленскаго чиновника.

«Шесть свидѣтелей», такъ говорилось въ обвинительномъ актѣ,

«показываютъ самымъ положительнымъ образомъ противъ Лезюрка. Одни изъ нихъ видѣли его въ этотъ день, 8-го флореаля, сначала, когда онъ обѣдалъ въ Монжеронѣ вмѣстѣ съ Куррьелемъ и Гено (sic), а потомъ, когда онъ отправился вмѣстѣ съ названными лицами пить кофе. Кто же утверждаетъ это? Прислуга, которая подавала имъ обѣдъ, а потомъ кофе. Это же самое утверждаетъ одинъ гражданинъ обѣдавшій вмѣстѣ съ ними въ одной комнатѣ. Движимый лишь чувствомъ справедливости, гражданинъ тотъ утверждаетъ, что видѣлъ Лезюрка (sic), когда тотъ показывалъ Гено серебряную или посеребренную шпору на пружинахъ и выхвалялъ ея достоинства; эта самая шпора найдена была потомъ на мѣстѣ совершенія проступленія».

«Лезюркъ былъ также въ Льёрсѣнѣ (sic): это показываютъ три свидѣтеля, видѣвшіе его тамъ 8-го флореаля и въ настоящее время возмозительно узнающіе его».

«Хозяинъ гостинницы въ Льёрсѣнѣ, гдѣ они (четверо верховыхъ) останавливались, показываетъ, что одинъ изъ нихъ прикрѣпилъ себѣ къ сапогу шпору простою ниткою — шпора же Лезюрка (sic), найденная на мѣстѣ совершенія убійства, какъ видно прикрѣплена была также простою ниткою».

Наконецъ есть еще одинъ свидѣтель, который утверждаетъ, что видѣлъ въ Льёрсѣнѣ Куррьеля и Лезюрка; свидѣтель этотъ говоритъ, что они проходили мимо его оконъ раза три вечеромъ; изъ дѣла же видно, что Куррьель и его товарищъ въ Льёрсѣнѣ оставались очень долго и что Куррьель въ ту ночь не ночевалъ у себя въ домѣ. А Жозефъ Лезюркъ, котъ и утверждаетъ, что въ теченіе всего дня 8-го флореаля и въ ночь на 9-ое число былъ въ Парижѣ, *но показаніе это ничѣмъ не подкрѣпляется*».

«Когда у Лезюрка потребовали, чтобы онъ представилъ свой паспортъ или же охранный листъ, онъ принужденъ былъ отвѣчать, что у него нѣтъ ни того, ни другого, тогда какъ въ Парижѣ онъ живетъ уже цѣлый годъ. Въ карманахъ Лезюрка, однако обысканы были два охранныхъ листа, изъ которыхъ одинъ прописанъ на имя «Лезюрка», а другой ни больше, ни меньше, какъ бланкъ, за подписью впрочемъ президента и секретаря, а потому слѣдовательно такой охранный листъ, который очень удобно прописать во всякое время на имя того или другого лица».

«Когда Лезюрка спрашиваютъ по поводу этихъ охранныхъ листовъ, то онъ въ отношеніе перваго объясняетъ, что это охранный листъ его двоюроднаго брата, нечаянно попавшій къ нему въ карманъ, а другой, замѣтимъ въ скобкахъ, прекрасно сохранившійся бланкъ охранныго листа, будто бы какая-то ничтожная

бумажонка, доставшаяся его же двоюродному брату въ числѣ старыхъ бумагъ, которыя тотъ купилъ.

«Если ко всему сказанному прибавимъ еще, что со времени совершенія убійствъ, онъ (Лезюркъ), постоянно встрѣчался съ Гено, Ришаромъ, Куррьелемъ и Брюеромъ, что онъ продолжалъ встречаться съ ними до самаго отъѣзда названныхъ лицъ въ «Шато-Тьерри», со времени же обратнаго возвращеніе ихъ въ Парижъ, не покидалъ Гено; наконецъ, если обратимъ наше вниманіе и на то, что, живя въ Парижѣ, Лезюркъ постоянно тратитъ много денегъ, ведетъ вообще жизнь гораздо выше своего состоянія, которое очень хорошо извѣстно всѣмъ жителямъ въ Дуэ, гдѣ и самъ онъ родился; то, взявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, становится несомнительнымъ, что онъ (Лезюркъ) одинъ изъ числа пяти убійцъ, или же по крайней мѣрѣ, одинъ изъ соучастниковъ совершеннаго преступленія и въ числѣ другихъ лицъ долженъ былъ воспользоваться плодами этого преступленія».

Въ самомъ концѣ обвинительнаго акта, гдѣ были приведены нравственныя характеристики всѣхъ заподозрѣнныхъ лицъ (*), о Лезюркѣ Менессье выразился такъ: «хотя онъ (Лезюркъ) и усиливается доказать будто бы ему удалось скопить себѣ состояніе, приносящее ему до 10.000 ливровъ ежегоднаго дохода, но въ ложности этого показанія онъ изобличается мѣстными официальными лицами, которыя говорятъ, что онъ, Лезюркъ, скопилъ себѣ такое состояніе, при которомъ, чтобы жить прилично, онъ не долженъ покидать труда».

Обвинительный актъ, составленный въ такомъ характерѣ почтеннымъ мѣлѣнскимъ чиновникомъ, при соблюденіи всѣхъ установленныхъ формальностей, былъ прочитанъ жюри, которые на предложенный имъ вопросъ: есть ли достаточныя основанія къ тому, чтобы обвинить 7 заподозренныхъ лицъ, на другой день отвѣчали: «да, есть».

При внимательномъ изученіи этого обвинительнаго акта, многія его стороны — говоритъ хроника, изъ которой мы заимствуемъ настоящій процессъ — не могли бы выдержать и поверхностной критики, но самое опасное, самое изумительное изъ всѣхъ положеній помянутаго акта, то мѣсто его, въ которомъ говорится о матеріальныхъ средствахъ, находившихся въ распоряженіи Лезюрка и о его

(*) Кромѣ Лезюрка, въ участіи совершенія преступленія заподозрѣвались слѣдующія лица: Куррьель, Гено, Ришаръ, Брюеръ, Бернаръ и Лабордъ. Изъ этихъ лицъ самыя тяжкія обвиненія падали въ основаніи обвинительнаго акта, составленнаго г. Менессье, на Лезюрка, Куррьеля и Гено.

нравственности. Что относится до перваго пункта, то чтобы судить вѣрно, надлежало имѣть только глаза. Что же касается до свидѣтельствъ о нравственности Лезюрка, для этого почтенному мѣлѣнскому чиновнику слѣдовало обратиться только къ форменному акту, находившемуся въ его рукахъ, къ акту въ которомъ болѣе двадцати гражданъ города Дуэ, пользующихся полнымъ довѣріемъ, свидѣтельствовали о хорошемъ поведеніи Лезюрка; въ числѣ этихъ лицъ, были даже два мѣстныхъ полицейскіе чиновника. Мало этого: подъ подушкою у Лезюрка, гражд. Меннессье отыскалъ еще письмо къ Лезюрку, писанное изъ Дуэ мѣстнымъ полицейскимъ комиссаромъ.

Въ этомъ документѣ говорилось, что Лезюрокъ *честенъ, общителенъ, чрезвычайной добръ*, упоминалось также и о томъ, что *онъ оставилъ себѣ большое состояніе*. Слѣдуетъ добавить только, что въ этомъ письмѣ комиссаръ упрекалъ Лезюрка за его тѣсныя связи съ актрисами; за траты на лошадей и вообще за склонность бросать на вѣтеръ деньги — такія условія жизни, при которыхъ онъ легко могъ растратить все то, что было имъ скоплено.

Но строго разсуждая; все это не давало еще г. Меннессье никакого права представить Лезюрка человѣкомъ распутнымъ, ведущимъ жизнь самаго подозрительнаго содержанія.

Между тѣмъ почтенный мѣлѣнскій чиновникъ поступилъ именно такъ, и прибавить должно, поступилъ совершенно неосновательно. Возбужденное же имъ противъ Лезюрка предубѣжденіе, поддержанное тономъ полной увѣренности, и дало направленіе дѣлу дальнейшему ходу дѣла.

Процессъ готовился уже поступить на разсмотрѣніе мѣлѣнскаго уголовнаго суда, какъ обвиненные, пользуясь правомъ, предоставленнымъ законами, просили о переносѣ дѣла въ парижскій уголовный судъ.

Президентомъ въ то время здѣсь былъ Жеромъ Гойе.

Гойе, старый адвокатъ, былъ челоѣкъ не безъ энергій, но къ несчастію былъ также нѣсколько туповатъ.

Гойе, какъ и Меннессье на первыхъ же порахъ сталъ смотрѣть на обвиняемыхъ какъ на виновныхъ. По отношеніи къ Лезюрку онъ принялъ во вниманіе только обстоятельства, указанныя въ мѣлѣнскомъ обвинительномъ актѣ, и въ его глазахъ полнымъ значеніемъ пользовались исключительно показанія свидѣтелей изъ Льерсена и Монжерона, а они говорили противъ Лезюрка; свидѣтельскія же показанія жителей Дуэ и Парижа — удостовѣрившія *alibi* Лезюрка — для Гойе не существовали. А такихъ свидѣтелей можно было насчитать до пятнадцати; свидѣтели эти давали пока-

завія свои утвердительно и при дачѣ очныхъ ставокъ ни разу не противорѣчили себѣ.

Почему же давалось также предпочтеніе свидѣтельскимъ показаніямъ различныхъ лицъ изъ Льёрсѣна и Менжерона? Были ли эти показанія такъ положительны или можетъ быть обладали обязательной силою убѣжденія?

Укажемъ ихъ. 25 преріала, въ присутствіи Менессье, были даны очныя ставки Лезюрку и другимъ заподозрѣннымъ вмѣстѣ съ нимъ лицамъ съ свидѣтелями, говорившими противъ него и остальныхъ обвиняемыхъ. Свидѣтелей этихъ было десять человекъ и они показывали:

Адрианъ Роже — поселянинъ жившій въ Льёрсѣнѣ у Деларна, — что 8-го флорвала онъ видѣлъ четырехъ всадниковъ, изъ которыхъ одинъ въ особенности памятенъ ему, — человекъ тотъ страшно ругался.

Когда Адриана Роже свели вмѣстѣ съ заподозрѣнными лицами, онъ указалъ на одного только Куррьеля, котораго узналъ.

Бернаръ — школьный учитель — показалъ, что въ тотъ же самый день видѣлъ тѣхъ же самыхъ верховыхъ. Сабля у одного изъ этихъ людей была обдѣлана шльямъ и тотъ всадникъ, которому она принадлежала, срѣзалъ еще ею себѣ хлыстикъ. На головѣ у этого человека была надѣта круглая шляпа.

Вотъ все, что показалъ Бернаръ, — въ лицо же никого изъ заподозрѣнныхъ не узналъ.

Пьерръ Жиллэ — купецъ торгующій рогатыми скотомъ въ Льёрсѣнѣ — показалъ, что видѣлъ трехъ человекъ верховыхъ. Ему кажется, что онъ узнаетъ Куррьеля и Лезюрка, но не утверждаетъ этого совершенно положительно. (Пьерра Жиллэ особенно поразило сходство Лезюрка съ однимъ сосѣднимъ поищникомъ — г. Пертье).

Пьерръ Жиллэ добавилъ еще, что на томъ всадникѣ о которомъ онъ говоритъ, *верхнее платье было тѣлеснаго цвѣта (couleur de chair)*.

Жена-Буриуанъ видѣла четырехъ верховыхъ и особенно примѣтила одного изъ нихъ. Она свидѣтельствовала своей душой и совѣстью, что узнаетъ въ немъ Брюера.

Мишель Гэ — кузнецъ въ Льёрсѣнѣ — какъ-будто бы также узнавалъ Брюера, но изъ остальныхъ никого болѣе.

Шарль Тома Альфрой показалъ, что вечеромъ между 8-ми и 9-ми часомъ онъ видѣлъ двухъ человекъ, которые шли объ руку; когда онъ подошелъ къ нимъ, то замѣтилъ, что на одномъ изъ названныхъ лицъ, было надѣто синее верхнее платье и на головѣ была круглая шляпа. Ему кажется, что въ Лезюркѣ онъ узнаетъ этого

самаго человѣка, но не утверждаетъ этого совершенно потому, что тогда было уже темновато.

Жена Шарля Тома Альфрой видѣла также двухъ человѣкъ, одного брюнета, а другого блондина, которые проходили мимо дверей ея дома три раза въ различное время; у нихъ были высокіе сапоги съ серебряными шпорами. На одномъ изъ названныхъ лицъ было надѣто темное верхнее платье, на другомъ же синее и на головѣ была круглая шляпа, также галстукъ у одного изъ нихъ былъ черный, и ей кажется, что этого человѣка она узнаетъ въ *Брюера*. Она утверждала, что изъ числа шести предъявленныхъ ей лицъ, она совершенно узнаетъ Куррьеля и Лезюрка.

Лоранъ Шарбо — хлѣбопашецъ изъ ла-Ферь-Шампенуаза — показалъ, что онъ видѣлъ четырехъ человѣкъ, которые ѣхали верхомъ шагомъ и разговаривали между собою; въ посаждствѣи ему пришлось въ Монжеронѣ обѣдать вмѣстѣ съ ними въ одной комнатѣ. Онъ узнаетъ исключительно двухъ. *Призывая въ свидѣтельство правосудія, онъ утверждаетъ положительно, что въ Лезюркѣ онъ узнаетъ одного изъ числа четырехъ лицъ, обѣдавшихъ вмѣстѣ съ нимъ.* Ему кажется также, что онъ узнаетъ и Гено, но, понимая всю шекотливость дѣла, онъ не смѣетъ утверждать это положительно. Что же относится до того всадника, черты лица котораго онъ узнаетъ тверзь въ Лезюркѣ, то у него надѣты еще были гусарскіе сапоги съ серебряными шпорами.

Антуанъ Перро — владѣлецъ изъ Сенъ-Жерменъ-Таксисъ — видѣлъ трехъ человѣкъ, когда тѣ обѣдали въ Монжеронѣ въ гостиницѣ Эврара. Одинъ изъ этихъ людей говорилъ до-провансальски, и этого человѣка онъ положительно узнаетъ въ Куррьелѣ. Ему кажется также, что онъ узнаетъ и Гено, а также и Лезюриа, по его свѣтлымъ волосамъ, но въ этомъ только онъ не увѣренъ совершенно.

Перро добавлялъ, что на томъ человѣкѣ о которомъ идетъ рѣчь, надѣто было верхнее платье свѣтло-сѣраго цвѣта.

Такимъ образомъ Куррьель опознанъ былъ двумя свидѣтелями положительно, а третій свидѣтель нѣсколько колебался.

Брюера опознанъ положительно одинъ только свидѣтель, двое другихъ узнавали его съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

Гено узнавали колебаясь два свидѣтеля.

Лезюркъ же опознанъ былъ положительно двумя свидѣтелями, трое другихъ нѣсколько колебалось. Если къ этимъ пяти свидѣтельскимъ показаніямъ противъ Лезюрка, мы прибавимъ еще упорныя свидѣтельства противъ него же: супруговъ Шамо, а также показанія Сауты, Большоголовой и мальчика Лафолл, то въ общемъ итогъ

получится семь положительных свидѣтельскихъ показаній и три не вполне утвердительныхъ.

Изъ числа приведенныхъ выше показаній, свидѣтельствовавшихъ противъ Лезюрка, самымъ важнымъ, по силѣ убѣжденія, и самымъ тяжкимъ по своимъ послѣдствіямъ, могло считаться показаніе Лорана Шарбо. Шарбо положительно указывалъ на Лезюрка, какъ на одного изъ тѣхъ двухъ лицъ, съ которыми обѣдалъ въ одной комнатѣ; онъ узнавалъ *теперь* челоуѣка, котораго встрѣтилъ назадъ тому почти семь недѣль; показанію же этому слѣдовало давать вѣру потому, что все это утверждалъ челоуѣкъ честный, и, видимо понимавшій значеніе того обличенія, которое онъ произносилъ.

Другой совершенно характеръ имѣли показанія Жилле и Альфрой; — *первый* утверждалъ, что видѣлъ Лезюрка, одѣтаго въ верхнее платье *тѣлеснаго цвѣта*, а *последній* говорилъ, что Лезюркъ одѣтъ былъ въ платье *синяго цвѣта*; наконецъ было еще показаніе, свидѣтельствовавшее также противъ Лезюрка, показаніе *Феррана*, который говорилъ, что въ тоже самое время видѣлъ челоуѣка съ свѣтлыми волосами, одѣтаго въ *сѣрую* одежду. Сомнительнымъ должно было казаться и свидѣтельство жены Альфроя, которая *въ одно время*, говоря, что видѣла только *двухъ* челоуѣкъ, которые проходили мимо ея дома, указывала однако на *трехъ*. Къ этой же категоріи должно отнести и показаніе Перро, который сидя за *обѣдомъ* въ одной комнатѣ съ Шарбо, видѣлъ только *трехъ* челоуѣкъ, тогда какъ Шарбо утверждалъ, что ихъ было *четыре*.

Но что же утверждалъ Лезюркъ въ то время, когда вокругъ него стаяпливались такіа разнохарактерныя обличенія? что говорилъ онъ въ свою защиту? Показанія Лезюрка не сохранились для насъ во всей ихъ цѣлости, но извѣстно, что онъ ни разу не противорѣчилъ себѣ и вотъ какъ образчикъ, одно изъ его показаній, данное имъ 7-го мая (25 іюня), въ присутствіи Менессье :

Вопросъ. Гдѣ онъ провелъ ночь съ 8-го на 9-е флореала? *Отвѣтъ.* Онъ ночевалъ дома, въ улицѣ Монторгёйль, № 38, въ домѣ своего родственника Лезюрка. *Ему замѣчаютъ,* — что есть нѣкоторыя основанія предполагать, что въ эту ночь онъ не былъ у себя? *Отвѣтъ.* Напротивъ, онъ увѣренъ, совершенно увѣренъ, что ночевалъ въ этотъ разъ у себя дома; онъ и въ предыдущемъ еще мѣсяцѣ постоянно проводилъ ночи у себя, и что ему ни разу не случилось возвращаться къ себѣ домой позже десяти часовъ вечера; и то только тогда, когда приходилось бывать въ театрѣ.

Вопросъ. Зачѣмъ онъ приходилъ въ центральное полицейское управленіе, и въ первый ли разъ ему случилось *тогда* быть здѣсь?

Отвѣтъ. Онъ былъ тутъ, желая угодить только Гено, и что въ первый разъ въ жизни случилось ему ступить *тогда* въ это мѣсто.

Вопросъ. Не приходилъ ли онъ въ полицейское управленіе вмѣстѣ съ Гено для того, чтобы свидѣтельствовать въ пользу Куррьеля и Ришара? *Отвѣтъ.* Нѣтъ, онъ и не разговаривалъ здѣсь ни съ гѣмъ, да и Куррьеля вовсе не знаетъ.

Вопросъ. Какимъ же образомъ случилось, что его задержали?

Отвѣтъ. Онъ и самъ не знаетъ о причинахъ, по которымъ былъ задержанъ въ полицейскомъ управленіи.

Ему на это замѣчаютъ; — что не могло же не быть ему неизвѣстнымъ, что онъ былъ задержанъ вмѣстѣ съ Гено, съ одной стороны, оттого что показанія его и Гено оказались совершенно согласными съ показаніями убійцы лонскаго курьера, а съ другой стороны, поводомъ къ задержанію ихъ было то обстоятельство, что оба они (Лезюркъ и Гено) опознаны были тутъ же свидѣтелями.

Отвѣтъ. Онъ рѣшительно не зналъ этого, и если бы ему въ тотъ же день объявили все это, онъ легко могъ бы оправдаться, представивъ подробнѣйшій отчетъ о томъ, какъ онъ провелъ дни 8-го и 9-го флореала.

Ему на это замѣчено было, — что страннымъ можетъ показаться: какимъ образомъ могло случиться, что два свидѣтеля, которые не были вовсе предупреждены о томъ кто такой онъ и Гено; свидѣтели, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя подозрѣвать въ пристрастіи ихъ показаній, если бы они, Лезюркъ и Гено, дѣйствительно не были лицами, причастными совершенному преступленію — почему эти свидѣтели прямо указали на него и Гено? Вмѣстѣ съ этимъ показаніе этихъ свидѣтелей была только поддержка, подтвержденіе въ тождественности ихъ съ заподозрѣнными лицами, примѣты которыхъ совершенно приходились къ нимъ. *Отвѣтъ.* Онъ самъ удивляется такому сцѣвленію обстоятельствъ, тѣмъ болѣе, что, оставаясь постоянно въ Парижѣ, ему никогда даже не случалось и бывать на дорогѣ, ведущей въ Мѣлэнъ, и что независимо отъ всего этого, его наличныя матерьяльныя средства, превышаютъ обыкновенные расходы его на воспитаніе дѣтей и для поддержки того образа жизни, которую онъ ведетъ.

Его спросили: въ случаѣ, если все то, что онъ утверждаетъ правда, — какимъ образомъ могло случиться, что онъ былъ опознанъ многими свидѣтелями, которые показали, что онъ обѣдалъ въ тотъ день въ Монжеронѣ вмѣстѣ съ Куррьелемъ, Гено и другими, а также и то, что онъ былъ въ Лѣрсенѣ, тамъ, гдѣ были убиты курьеръ Экскоффонъ и почтальонъ Одеберъ? *Отвѣтъ.* Свидѣтели находятся въ заблужденіи, они ошиблись; скорѣе всего онъ допускаетъ

сходство, которое могло существовать у него съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя дѣйствительно въ этотъ день были на дорожъ, ведущей изъ Парижа въ Мѣленъ; иначе онъ не можетъ ничѣмъ другимъ объяснить себя какимъ образомъ свидѣтели тѣ могли по душѣ и по совѣсти давать свои показанія.

На это ему замѣчаютъ, что возникшія такимъ образомъ подозрѣнія противъ него, подкрѣпляются вскорѣ еще самымъ образомъ существованія его въ Парижѣ, такъ какъ, живя тутъ цѣлый годъ, у него не оказывается никакого вида, между тѣмъ какъ обысканныя въ его карманахъ два охранныхъ листа наводятъ на мысль, что онъ подъзудетъ охраннымъ листомъ своего двоюроднаго брата, а экземпляръ бланка охраннаго листа подписаннаго президентомъ и секретаремъ, оставляетъ у себя про-запасъ, разсчитывая, въ случаѣ надобности, воспользоваться имъ. Въ отвѣтъ на это Лезюркъ повторилъ все, что было показано имъ прежде, добавилъ также, что охранный листъ его двоюроднаго брата попалъ къ нему только 18-го или 19-го Флореяля; какое же значеніе онъ придавалъ бланку, — ближе всего можетъ свидѣтельствовать уже то, что бланкъ этотъ отысканъ былъ у него въ карманѣ, въ числѣ разныхъ черновыхъ бумагъ. А вообще въ пользу его достаточно говорить могутъ его безупречное поведеніе и свидѣтельство людей, близко его знавшихъ.

Когда его спросили: нѣтъ ли у него шпору? Лезюркъ отвѣчалъ, что уже болѣе года онъ не употреблялъ ихъ, да и тѣ шпору, которыя есть у него, — стараго устройства, безъ пружинъ. Онъ далъ отчетъ также во всемъ согласный съ прежнимъ его показаніемъ, и въ томъ: какимъ образомъ онъ провелъ весь день 8-го числа Флореяля.

Находясь въ Парижѣ въ тюрьмѣ (la Conciergerie), также какъ и прежде въ Мѣленѣ, Лезюркъ постоянно сидѣлъ вмѣстѣ съ Гено, и не имѣлъ никакихъ сношеній съ другими заподозрѣннымъ вмѣстѣ съ нимъ лицами. Одинъ изъ товарищей его по заключенію, нѣкто Лерой, оставилъ намъ нѣсколько печатныхъ строкъ объ этомъ. Вотъ что говоритъ старинный пѣхотный капитанъ, заключенный вмѣстѣ съ графомъ Ноякомъ за патріотизмъ свой къ Бурбонамъ. Если я и зналъ его (Лезюрка), то зналъ только потому, что его безпрестанно навѣщала жена вмѣстѣ съ дѣтьми, крошками, похожими на зуровъ. Въ тотъ день, когда заподозрѣнныхъ потребовали въ засѣданіе уголовного суда и имъ приходилось проходить черезъ капеллу, въ которой мы были, къ намъ прибѣжалъ сынъ тюремщика и просилъ уйти на время въ тюрьму. Я бросился на мою постель и закрылся съ головой одеяломъ. Скоро пришли сюда въ сопровожде-

ни тюремщиковъ обвиненные; со всѣхъ сторонъ слышались только глубокіе вздохи и плачь. Я замѣтилъ въ этой ужасной картинѣ Лезюрка: онъ сохранялъ совершенное молчаніе, опустился на колѣна, сложилъ руки и поднявъ кверху свои глаза, произнесъ: «Господи! Ты знаешь мою невинность: сотвори же такъ, чтобъ въ ней убѣдились всѣ.»

Судебныя пренія въ Парижѣ открылись 15-го термидора (2-го августа). Мы уже видѣли, что мѣлѣнскій обвинительный актъ смотрѣлъ безразлично на всѣхъ шестерыхъ обвиняемыхъ какъ на со-вершителей или же какъ на соучастниковъ совершеннаго злодѣянія. Парижскій уголовный судъ подраздѣлялъ обвиненныхъ на двѣ партіи. Къ первой отнесены были: Куррьель, Лезюркъ и въ противность всякой очевидности Гено, — Гено, котораго *alibi* торжественно было доказано; за нимъ слѣдовалъ Бернаръ, который *можетъ* быть получилъ свою долю изъ ограбленнаго, но ни въ какомъ случаѣ не могъ принимать непосредственное участіе въ убійствѣ, что засвидѣтельствовано было восемью показаніями. Во второй категоріи помѣщены были: Брюеръ и Ришаръ; первого узнавали или предполагали, что онъ узналъ, какъ одинъ изъ числа льверѣнскихъ всадниковъ; на Ришара же, обстоятельствами, добытыми произведенными слѣдствіемъ, навлекались подозрѣнія, въ равной степени какъ и на Бернара.

Сверхъ того въ теченіи судебныхъ преній убѣдились, что хотя 8-го флореала Бернаръ и былъ въ Парижѣ; но тѣмъ не менѣе лавалъ своихъ лошадей, ходилъ звать ла-Бребанъ къ Куррьелю, когда тотъ возвратился: это было все, что могли разузнать на счетъ его.

Гено имѣлъ частыя сношенія съ Куррьелемъ; онъ былъ и въ Шато-Тьерри вмѣстѣ съ послѣднимъ; но въ то же время его *alibi* было неопровержимо.

Лезюркъ былъ тяжело заподозрѣнъ десятию свидѣтельскими показаніями на очныхъ ставкахъ въ центральномъ полицейскомъ управленіи и въ Мѣлѣнѣ; но за то въ пользу его говорили *пятнадцать* свидѣтелей, утверждавшихъ его *alibi* съ такою увѣренностью, съ какою *семь* льверѣнскихъ и монжеронскихъ свидѣтелей, усиливались доказать бытность его вблизи отъ мѣста, гдѣ совершено было преступленіе. Кромѣ того его ограждало еще множество свидѣтельствъ разныхъ почтенныхъ жителей въ Парижѣ и Дуэ. Съ 8-го флореала его постоянно видѣли въ Парижѣ, онъ не думалъ вовсе спастись бѣгствомъ, тогда какъ Лабордъ вовсе исчезъ, Куррьель также покидалъ Парижъ, даже самый Гено ѣздилъ въ Шато-Тьерри.

Остановимъ же наше вниманіе на томъ: какими глазами глядѣлъ парижскій уголовный судья на Лезюрка.

Сначала выслушаемъ тѣ показанія, которыя свидѣтельствовали противъ него.

Мужъ и жена Шампо, по прежнему настаиваютъ на своемъ, что узнаютъ въ Лезюркѣ одного изъ тѣхъ четырехъ человекъ, которыхъ они видѣли между 8-мъ и 9-мъ часами; что онъ тотъ самый, который поправлялъ себѣ у нихъ шпору. Мужъ узнаетъ также Бернара. Жена не узнаетъ вовсе Куррьеля.

Санта постоянно говоритъ, что Лезюркъ тотъ самый гость, который хотѣлъ заплатить за кофе ассигнаціями.

Большоголовая къ прежнимъ своимъ показаніямъ добавила теперь, что въ Лезюркѣ она узнаетъ того изъ гостей, который первый явился въ гостиницу; заказалъ обѣдъ сначала себѣ одному, а потомъ и для трехъ своихъ товарищей (*это былъ Куррьель*). Она сказала, что узнаетъ также Брюера. *Ла-Фолл* узнаетъ также Лезюрка и Бернара.

Жена Альфроя въ отиѣну къ прежнему своему показанію сказала теперь, что узнаетъ только Лезюрка и Куррьеля. О Брюерѣ промолчала.

Это утвердительныя свидѣтельскія показанія; ихъ шесть, только шесть.

Одинъ изъ свидѣтелей, показывавшій противъ Лезюрка, все время производства слѣдствія — *Ширбо* (Лоранъ), когда вызывали его по имени не откликался, и его показаніе не можетъ съ этой минуты считаться дѣйствительнымъ.

Альфрой (Шарль-Тома) показалъ, что онъ видѣлъ въ Льерсѣ въ промежутокъ времени между восемью и девятью часами вечера двухъ человекъ, стоявшихъ подъ руку; онъ къ нимъ подошелъ и замѣтилъ, что на одномъ надѣто было синее верхнее платье и круглая шляпа; ему кажется что это Лезюркъ, но онъ въ этомъ не увѣренъ совершенно, потому что тогда было уже темно.

Жилле (Шьерръ) узнаетъ Куррьеля. Ему кажется также, что онъ узнаетъ и Лезюрка, но его, Лезюрка, онъ видѣлъ издали и не совершенно увѣренъ, что это онъ. Что особенно поражаетъ Жилле, такъ это сходство Лезюрка съ г. Пертюи. Жилле добавилъ еще, что человекъ, котораго онъ какъ будто бы узнаетъ въ Лезюркѣ, одѣтъ былъ въ верхнее платье тѣлеснаго цвѣта.

Перро (Антуанъ) узнаетъ совершенно Куррьеля. Ему кажется, что онъ узнаетъ также и Лезюрка по его свѣтлымъ волосамъ, но положительно этого не утверждаетъ. Перро какъ будто бы узнаетъ также и Гено. Онъ обѣдалъ съ всадниками въ одной комнатѣ, во,

сколько можетъ припомнить, ему кажется, что ихъ было только трое. Тотъ изъ числа всадниковъ, въ которомъ онъ узнаеть теперь Лезюрка, одѣтъ былъ въ платье *сальто-спраго цальта*.

Допустимъ, что въ общемъ итогѣ свидѣтельствующихъ показаній Лезюрка, семь утвердительныхъ, и три сомнительныхъ показаній.

Но не смотря на это, парижскій чиновникъ, къ несчастію, не взвѣшиваетъ и не вникаетъ вовсе во внутреннее значеніе этихъ свидѣтельскихъ показаній, — что несомнѣнно лежало на его обязанности. Онъ не замѣчаетъ того, что Альфрой не могъ видѣть, въ промежутокъ времени между восьмымъ и девятымъ часами вечера, тѣхъ самыхъ людей, которые уѣхали изъ того мѣста между семью и семью съ половиною часами — эта несообразность въ обозначеніи времени должна бы была заподозрить вѣрность показанія Альфроя.

Президентъ Гоие не замѣчаетъ также и того, что Перро показывается, что видѣлъ только трехъ человекъ, гдѣ ихъ по другимъ показаніямъ обѣдало четверо — это уже второе сомнительное показаніе. Онъ не замѣчаетъ, что если ла-Фолли узнаеть Лезюрка, то мѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что узнаеть также Бернара, котораго алиби не подвержено никакому сомнѣнію. Равнымъ образомъ Гоие не замѣчаетъ, что Шампо узнаеть въ такой же мѣрѣ Лезюрка, какъ и Бернара; что Санта одинаково узнаеть и Лезюрка и Гено; что Большоголовая узнаеть Брюера — присутствіе котораго въ Парижѣ не подвержено никакому сомнѣнію; что таже самая Санта не узнаеть теперь Гено, на котораго указывала въ предыдущихъ своихъ показаніяхъ, данныхъ въ центральномъ полицейскомъ управленіи. Гоие не сообразилъ, что одно и тоже лицо, одновременно, не могло быть одѣтымъ и въ сѣрое и синее и тѣлеснаго цвѣта платье.

Перейдемъ теперь къ показаніямъ, которыя даны были въ Парижѣ различными лицами въ пользу Лезюрка, и посмотримъ какъ имъ вѣсомъ пользовались они въ глазахъ почтеннаго парижскаго чиновника.

На алиби Лезюрка указывали пятнадцать свидѣтелей. Допросъ этихъ свидѣтелей начали съ *Леграна*. Соотечественникъ Лезюрка, его задушевный другъ, богатый и честный ювелиръ — Легрантъ, какъ было уже упомянуто выше, на допросѣ, снятомъ съ него еще въ центральномъ полицейскомъ управленіи, показалъ, что видѣлся съ Лезюркомъ и 8-го флореала, и въ послѣдующіе за тѣмъ дни; что 8-го флореала они вмѣстѣ провели часть утра; что, наконецъ, воспоминаніе его объ этомъ связывается съ одновременнымъ посѣ-

щеніемъ одного его собрата, гражданина Альменгоса, который, зайдя къ нему, передалъ въ то самое время, какъ былъ у него Лезюркъ, — для работы нару серегъ и что онъ, Легранъ, продалъ еще тогда Альменгофу большую суповую ложку. *Продажа эта была записана имъ, Леграномъ, въ книгу, подъ числомъ.*

Адвокатъ Лезюрка, Гипье, узнавъ объ этомъ счастливомъ открытіи, радовался и считалъ Лезюрка спасеннымъ, въ виду такого неопровержимаго, какъ ему казалось, доказательства.

Въ присутствіи суда Легранъ повторилъ свое показаніе, указавшее на бытность Лезюрка, 8-го Флореса, въ его магазинъ, добавивъ, что одновременно съ нимъ, находился тутъ же и гражданинъ Альменгосъ. Легранъ указалъ также и на вышеприведенную записку, сдѣланную въ книгѣ. Президентъ приказалъ представить эту книгу. Книга положена на столъ; президентъ раскрываетъ ее, отыскиваетъ страницу, но при первомъ взглядѣ на то мѣсто, гдѣ значилась указанная записка, на лицѣ его изображается изумленіе, гнѣвъ; онъ пристально вглядывается въ Леграна, и, обращаясь къ присутствующимъ, громко произноситъ: «здесь самый грубый подлогъ: изъ 9-ти передѣлано 8-е число.»

Адвокатъ Лезюрка бросается къ книгѣ, смотритъ, и убѣждается собственными глазами, что дѣйствительно цѣфра восемь, существовавшая служить доказательствомъ, передѣлана изъ цѣфры девять; онъ ясно различаетъ хвостикъ послѣдней цѣфры. Гипье, Лезюркъ, Легранъ, не произнося ни слова, въ изумленіи смотрятъ другъ на друга. По знаку Гойе, генералъ-прокуроръ составляетъ актъ о заарестованіи свидѣтеля.

Легранъ, — человѣкъ характера слабаго, трусливый по природѣ, поблѣднѣлъ, увидя себя окруженнымъ двумя жандармами. Президентъ, обращаясь къ нему, грозно спрашиваетъ его: отказывается ли онъ отъ своей жи или нѣтъ? Легранъ безсвязно бормочетъ что-то, глаза его блуждаютъ.

Обстоятельство это принимало однако характеръ важный. Адвокатъ Лезюрка, самъ Легранъ разсматривали прежде книгу и не обратили никакого вниманія на подчистку. Легранъ, у котораго въ книгѣ встрѣчались частыя передѣлки одной цѣфры въ другую, о настоящей передѣлкѣ, даже и не вспоминали, чтобы она была сдѣлана имъ. Гипье сначала только упалъ духомъ, но впоследствии, поразмысливъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что истинность показанія Леграна черезъ чуръ очевидна, и что президентъ, какъ только минуетъ первая вспышка гнѣва и онъ поуспокоится, самъ согласится съ этимъ. Если одна цѣфра была передѣлана въ другую въ намѣреніемъ, въ такомъ случаѣ, вѣрнѣе было оставить признанное

времнюю цифру? При обменѣ такъ не поступаютъ; можно было бы очень искусно подчистить хвостикъ отъ девяти, а къ нолю, который оставался, сверху пригнать еще другой нолю и такимъ образомъ вышла бы цифра восемь. При этомъ, не должно забывать, что в особыхъ то оснований къ этому обману не могло существовать. Можно было даже вовсе не представлять книги; если желали свести Лезюрна посредствомъ лжи, оставалось только положительно утверждать, что въ такой-то часъ 8-го флореала онъ былъ у такого-то и такого-то лица.

На другой день, послѣ описанныхъ событій, Легранъ снова былъ призванъ въ засѣданіе суда; президентъ снова обратился къ нему съ вопросомъ: отказывается ли онъ отъ своей лжи? и на сколько должно вѣрить подлинному судебному дѣлу, несчастный отвѣчалъ; что онъ отказывается отъ прежнихъ своихъ показаній, показаній, основанныхъ единственно на ложно-выставленной цифрѣ въ его книгѣ, ложность же выставки этой цифры онъ замѣтилъ только послѣ дачи первыхъ своихъ показаній.

Тогда президентъ, обращаясь къ Лезюрку, спросилъ его: что онъ можетъ, съ своей стороны, представить противъ этой новой лжи въ виновности его? Обвиненный совершенно спокойно отвѣчалъ, что показаніе Леграна не есть единственное свидѣтельское показаніе, указывающее на бытность его въ Парижѣ, 8-го флореала; что онъ отвергаетъ послѣднее показаніе Леграна и проситъ жюри считать таковое недействительнымъ.

Президентъ Гоше постановилъ препроводить Леграна къ мирному суду для сужденія по подозрѣнію въ обманѣ. Затѣмъ приступлено было къ выслушанію другихъ свидѣтельскихъ показаній, говорившихъ въ пользу Лезюрка. Но, съ этой минуты, предубѣжденіе успѣло уже сильно укорениться въ головѣ почтеннаго чиновника, на обязанности котораго лежало руководить судебными преніями. «Если одинъ свидѣтель», раскладывалъ онъ такъ въ своемъ умѣ, «могъ покуситься на ложь для спасенія Лезюрка, следовательно и остальные свидѣтели — тоже свидѣтели.»

Пришла очередь говорить Альденгофу; онъ положительно утверждалъ, что видѣлъ Лезюрка 8-го флореала у Леграна и обѣдалъ потомъ въ этотъ самый день у Лезюрка, въ обществѣ гражданъ Илеря Ледрю и Андреа Лезюрка. Такое утвердительное показаніе Альденгофа было вочтено за отголосокъ той лжи, на которую будто бы покусился Легранъ. Альденгофа не слушали.

Илеръ Ледрю, съ своей стороны подтверждалъ, что 8-го флореала онъ обѣдалъ у Лезюрка; «онъ это хорошо помнитъ потому», говоритъ онъ, «что именно въ этотъ день онъ былъ въ первый разъ

въ домѣ у Лезюрка.» Прийдя къ Лезюрку, и не заставъ его дома, онъ до прихода его разговаривалъ съ женою, ласкалъ дѣтей. Лезюркъ пришолъ вмѣстѣ съ ихъ общимъ соотечественникомъ Алленгофомъ, у котораго въ рукахъ была серебряная большая суповая ложка. Пообѣдавши, вечеромъ они гуляли вмѣстѣ съ Гено, который еще въ кандитерской, за рюмкой ликера, отдалъ Лезюрку 2000 ливровъ, которые былъ долженъ ему. Около семи съ половиною часовъ венера, возвратясь обратно въ домъ къ Лезюрку, они ужинали здѣсь всѣ вмѣстѣ съ Бодаромъ, ихъ общимъ другомъ. Что ни показывалъ честный Ледру — показанію его не вѣрили.

Бодаръ подтверждалъ о присутствіи своемъ 8-го флореала у Лезюрка; Лезюркъ приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ на завтра, 9-го флореала, но въ этотъ день онъ, Бодаръ, долженъ былъ заниматься по службѣ и потому отказался отъ обѣда; Бодаръ представилъ и официальную бумагу, удостовѣрявшую, что онъ дѣйствительно 9-го флореала былъ на службѣ. Не увѣрвали и показанію Бодара.

Андрей Лезюркъ, двоюродный братъ обвиненнаго, подтверждалъ о присутствіи своемъ 8-го флореала въ домѣ послѣдняго, впрочемъ, цѣлаго дня. Не слушали и Андрей Лезюрка.

Жена двоюроднаго брата Лезюрка показала во всемъ согласно съ своимъ мужемъ; — одинаковый вѣсъ дали и ея показанію.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ Диксъе, ювелиръ Шауфферъ также положительно утверждали *alibi* Лезюрка; — но ихъ не слушали.

Пять человекъ рабочихъ, занимавшіеся 8-го флореала оклейкою обоевъ въ новой квартирѣ Лезюрка, которые въ этотъ самый день ставили въ залѣ бюсты Лезюрка, окончивъ совершенно всѣ работы, получили еще отъ Лезюрка на чай, *хотѣли* также подтвердить его *alibi*; но почтенный Гоисе *грубо* заставилъ ихъ замолчать.

На одну молоденькую дѣвушку, Тьернетту, почтенный президентъ своими угрозами и грубостями навелъ такой ужасъ, что та, не окончивъ своего показанія тутъ же, въ залѣ присутствія, лишилась чувствъ.

Клотильда-Евгенія д'Аржансъ хотѣла также подтвердить, что въ продолженіи цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ она акуратно каждый день по одному разу видѣла Лезюрка или у себя, или у гражданки Терьо, жены одного доктора; что въ этотъ промежутокъ времени не было рѣшительно ни одного дня, когда бы ей случилось не встрѣтиться съ нимъ; но тѣже угрозы посыпались и на молоденькую д'Аржансъ.

Человѣкъ, слову котораго мы должны вѣрить, адвокатъ Лезюрка, осмѣлился въ послѣдствіи обличить такіе пристрастные поступки Гоисе, его *предубыжденіе*, его *ожесточеніе*. «Не подмешить сомнѣ-

нью, говоритъ хроника, изъ которой мы заимствуемъ изложеніе истощающаго процесса, «что Гоше былъ честный человѣкъ, но какъ страшно, какъ опасно отряженіе такихъ должностей, гдѣ и самый честный человѣкъ легко можетъ ошибаться и ошибка влечетъ за собою смерть невиннаго».

Въ одномъ мѣстѣ д'Агессо говоритъ; «часто случается, что первое впечатлѣніе рѣшаетъ вопросъ жизни или смерти. Иногда сдѣленіе самыхъ злополучныхъ обстоятельствъ, такихъ обстоятельствъ, которая судьба, какъ будто бы впрочемъ скоплетъ все мѣстѣ на пагубу несчастлива; толпа молчаливыхъ свидѣтелей, — все это уназначиваетъ на невиннаго человѣка. У судьи яляется предубѣжденіе, загорается неподобаніе и тогда самая энергія ложно направляется его. Онъ перестаетъ быть судьей — дѣлается обвинителемъ, во всемъ онъ ищетъ и видитъ только одни обвинительные факты, и въ жертву личныхъ, субъективныхъ убѣжденій приносить того человѣка, котораго онъ долженъ бы былъ оправдать, если бы руководствовался одними законными уликами».

д'Агессо, какъ будто бы заранѣе набросалъ намъ портретъ президента Гоше, слѣшая энергія котораго сгубила Лезюрка.

Въ другомъ мѣстѣ д'Агессо прибавляетъ:

«Високѣлствіа совершенно непредвидѣнный случай раскрываетъ невинность, затемненную близорукими разсужденіями, доказываетъ всю ложность улики, отуманившихъ голову чиновника. Изъ мрака выступаетъ на свѣтъ истина, но выступаетъ уже поздно. Кровь невиннаго вопіетъ объ отмщеніи у ослѣпленнаго судьи и, воть чиновникъ всю жизнь свою оплакиваетъ несчастіе, но раскаяніе его уже безсильно помочь».

д'Агессо, какъ бы напередъ, нарисовалъ этой картиной всю послѣдующую судьбу, исходъ процесса Лезюрка.

Угрозы, съ которыми восточный президентъ Гоше обрадовался къ свидѣтелямъ, говорившимъ въ пользу Лезюрка, были такъ неприличны, что одинъ изъ числа этихъ свидѣтелей, инженеръ Эйвера, предупрежденный президентомъ, какъ требовала того официально установленная форма, — показывая безъ злобы и вражды, отвѣчалъ ему:

«Да, гражданинъ президентъ, — и прибавило еще безъ страха, который стараются тутъ навести на свидѣтелей...»

Не смотря на все на это, ни Лезюркъ, ни его адвокатъ не падали совершенно духомъ и они все-таки надѣялись. Если пятнадцать свидѣтелей; утверждавшихъ alibi обвиняемаго, — одни были выслушаны; неблагожеленно, а другимъ приказано было на чисто замолчать; — то оставались еще показанія дванадцати трети свидѣте-

лей, людей почтенных, которые одобрили поведение Лезюрка и подробно объяснили наличность его материальных средств, присутствие которых, сившимъ образомъ, «отвергаюсь въ обвинительнымъ актъ!»

Президентъ Гойе отвергъ и эти показанія и спросилъ еще для формы Лезюрка: «Какъ велики ваши ежегодные доходы? спросилъ еще для формы Лезюрка.

«Они могутъ простираться до двѣнадцати тысячъ франковъ, бывшая послѣдняя. «Ну, что же изъ этого? И, наоборотно, состоите вы еще въ ассигнаціяхъ?» «Нѣтъ, гражданинъ президентъ, я получаю доходы съ земли, и получаю ихъ звонкою монетою! Тогда Гойе, обращаясь къ жюри, произнесъ: «*Дайте мое слово этому, что на преступленія рѣшаются только бедными людьми, что большія преступленія принадлежатъ богачамъ!*»

Каковъ софизмъ предубѣжденного чиновника! Сначала отвергаютъ присутствіе состоянія у Лезюрка, пожалуй готовы отвергать его и впередъ для того только чтобы заподозрить его въ большихъ тратахъ безъ видимо-существующихъ материальныхъ средствъ; но при случаѣ, не прочь извлечь изъ признанія дѣйствительности наличныхъ материальныхъ средствъ такой аргументъ, который долженъ убить человека!

Не смотри на видимое пристраііе почтеннаго парижскаго адвоката, адвокатъ Лезюрка надѣлся — надѣлся потому что былъ совершенно убѣжденъ въ невинности своего кліента! Доостранія судебныхъ претій, адвокатъ Курьеля обращаясь къ Гийе и къ адвокату Гено, сказалъ имъ: «Я могу защитити Курьеля; но мы защищаемъ вашихъ кліентовъ съ полвою увѣренностью; оба они невинны!»

На цѣль предложенные Лезюрку вопросы, по отношенію къ дѣлительнымъ пунктамъ обвинительнаго акта, онъ отвѣчалъ просто и съ достоинствомъ. У него оказался и собственный его паспортъ прописанный на его имя и напечатанный 18-мъ сруктидеромъ III года Французской республики; онъ утверждалъ, что будучи гражданиномъ мирнымъ, имѣя кучу пріятелей и друзей, которые предостерегаютъ теперь всевозможныя ручательства объ его материальномъ состояніи, и равно о нравственности, онъ не видѣлъ необходимости противъ этого паспорта, заноситься еще охраннымъ мартомъ! Къ тому же, и неужели дѣйствительный преступникъ упуститъ бы вниманія такую объективную вещь? Ничего въ дѣлѣ отстранаго не помѣя, что въ епо портфель оказался жеманаръ охраннаго листа, прописаннаго на имя Андрея Лезюрка, который онъ печально см

хранилъ въ кабинетѣ, въ которой жилъ вмѣстѣ съ означеннымъ своимъ двоюроднымъ братомъ. Тотъ же экземпляръ бланка охраннаго листа, подлинникъ въ удержаніи котораго стараются навѣсь на него, въ который отысканъ былъ въ заднемъ карманѣ его кафтана, гдѣ онъ лежалъ въ ящикѣ разныхъ совершенно незначущихъ черновыхъ бумагъ, не былъ, какъ старается доказать до обвинительный актъ, не былъ совершенно удобенъ къ тому, чтобы имъ можно было во всякое время воспользоваться; на этомъ бланкѣ не было ни надлежащей печати, ни штемпеля секціи (округа).

Лезюркъ отрядилъ этотъ бланкъ въ числѣ другихъ не имѣющихъ никакого значенія бумагъ, купленныхъ послѣ упраздненія секцій, въ томъ видѣ, какъ онъ есть, бланкъ охраннаго листа не могъ служить съ пользою ни для кого, не могъ также способствовать и его сбыту. Да онъ и не думалъ даже скрывать! Поведеніе его съ того времени, какъ совершены были льерсенскія убійства, было поведеніе чловѣка, которому нечего бояться. Къ тому же онъ объявилъ еще такъ одно обстоятельство, изъ котораго обвинительный актъ хотѣлъ валути цѣлую гору: изъ предыдущаго намъ уже извѣстно, что Лезюркъ показалъ, что 11 или 12 флореала, онъ вмѣстѣ съ Гено былъ на завтракѣ у Ришара; этому завтраку желала придать характеръ умысленной сходки, на которой Ришаръ, Генс, Лезюркъ и Куррьель должны были дѣлить свою добычу. Лезюркъ теперь, какъ и прежде, утверждалъ, что онъ видѣлъ здѣсь Куррьеля въ первый разъ, и узналъ только, что его зовутъ Этьенномъ, а его любовницу — да Бребанъ.

Но все, что ни показывалъ Лезюркъ, оставалось втунѣ: у президента Гоге составился уже съ ядовитъ убѣжденіе; это убѣжденіе руководило имъ теперь при составленіи судебнаго приговора точно также, какъ руководило оно имъ при судебныхъ преніяхъ.

Генераль-прокуроръ усилебно настаивалъ на всѣхъ фактахъ, выразившихъ въ обвинительномъ актѣ; за тѣмъ президентъ Гоге слѣдовалъ изъ всего этого извлеченіе. Такая записка, заключающая въ себѣ общій выводъ изъ судебныхъ преній, если только выводъ этотъ слѣланъ правильно, понятно, безпристрастно, можетъ служить вѣрнымъ вспомогательнымъ средствомъ для юри; въ противномъ же случаѣ она обращается въ самое опасное, самое беззаконное средство. А извлеченіе, составленное президентомъ Гоге, принадлежало къ послѣднему разряду, будучи составлено самымъ пристрастнымъ образомъ. Послѣ этого извлеченія, жюри преложили были слѣдующіе вопросы:

1) Доказано ли, что въ ночь съ 8-го на 9-е флореала, по дорогѣ, ведущей изъ Парижа въ Маденъ, было совершено смертоубійство

надъ гражданиномъ Эксбффономъ, Лионскимъ курьеромъ, везшимъ почту?

Слѣдуетъ ли признать: Этьенна Куррьеля, Жозефа Лезюрга, Шарля Гено, Давида Бернара за совершителей означеннаго преступленія, а также, совершили ли они то произвольно, безъ настоятельной надобности, или защищая законно себя или другое какое постороннее лицо; совершили ли, наконецъ они это безъ предварительнаго употребленія противъ нихъ насилія, предумышленно?

2) Доказано ли, что въ ночь съ 8-го на 9-е Фабреля, по дороге, ведущей изъ Парижа въ Меланъ было совершено смертоубиство надъ гражданиномъ Одеберомъ, почтальономъ?

Слѣдуетъ ли признать: Этьенна Куррьель и т. д.; какъ въ первомъ пунктѣ.

3) Доказано ли, что при этомъ была похищена званная мовста; ассигнаціи и другіе предметы; находившіеся въ числѣ корреспонденціи, которую везъ Лионскій курьеръ?

Слѣдуетъ ли признать Этьенна Куррьеля, Жозефа Лезюрга, Шарля Гено, Давида Бернара за участниковъ въ совершеніи сего, а также, поступали ли они при этомъ съ намѣреніемъ совершить воровство; совершили ли они это съ оружіемъ въ рукахъ; употребивъ насиліе; было ли это ночью, на большой дороге; было ли у нихъ омертвонное оружіе?

4) Доказано ли, что Жозефъ Тома Ришаръ, Антуанъ Фальберъ Брюеръ беззаконно получили на свою долю часть изъ отграбленныхъ вещей; знали ли они, что эти вещи принадлежатъ отграбленнымъ вещамъ?

Все это происходило 18-го термидора (5-го августа): четвертый день длились судебныя препія. Присяжные были въ обособленіи, гдѣ должны были происходить ихъ совѣщанія.

Когда ожидали вердикта (приговоръ присяжныхъ), съ которымъ присяжные должны были возвратиться обратно въ залу заседаній суда, — совершенно неожиданно представляется случай, который могъ бы раскрыть глаза правосудію, если бы только правосудіе хотѣло воспользоваться этою нечаянностью.

Жювипина, присутствие которой во время судебныхъ препій, слѣдовало бы въ самомъ еще началѣ считать обязательнымъ; Магдалина Вребанъ, — мы говоримъ о ней — является теперь, по собственному своему побужденію и заявляетъ, что имѣетъ открыть президенту уголовного суда нечто весьма важное. Когда онъ выслушалъ Гойе, она обратилась къ нему съ слѣдующими словами: «я читала шести палачныхъ обвиненныхъ, — они все только обиды, — ты любовникъ Куррьеля; остальные же пять человекъ обвиняются

совершенно безвино; въ особенности же *Гено* и *Лезюркъ*; они жертвы злодѣя, съ двумя действительными убійцами; *Гено* похожъ на какого-то *Видала*; *Лезюркъ* — на *Дюбоске*; сходство *Лезюрка* съ *Дюбоскомъ* стало еще тѣмъ поразительнѣе, что послѣдній въ день содержанія преступленія, надѣлъ на себя свѣтлый царикъ.

«*Засѣданіе закрыто*», выслушавъ *ла-Бребанъ*, отвѣчалъ *Гоше*; *Тиньль* не вѣрилъ уже!»

Въ 8-мъ часовъ вечера въ залу засѣданій суда вошли жюри; на основаніи ихъ вердикта состоялось такое постановленіе уголовного суда:

«*Этьеннъ Куррьель*, *Жозефъ Лезюркъ* и *Давидъ Бернаръ* присуждаются къ смертной казни.

«*Ришаръ-Тома-Жозефъ Ришаръ* къ двадцати-четыремъ лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ и къ позорной выставкѣ въ продолженіи шести часовъ.

«*Куррьель*, *Лезюркъ*, *Бернаръ* и *Ришаръ* присуждаются къ уплатѣ за имущество принадлежащихъ имъ, въ видѣ убытковъ чѣнства, семей, принадлежащихъ республикѣ и различнымъ частнымъ лицамъ, вѣнцей, находившихся въ числѣ тѣхъ, которыя всѣхъ пудеръ, *Эдиссонъ* и которыя неизвестно куда скрылись.

Миромъ управляетъ, въ числѣ другихъ, одинъ непреложный законъ; но закону этому каждый чедовѣкъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ людьми и передъ Богомъ. Назовемъ же собственными именами тѣхъ лицъ, которыя участвовали въ составленіи этого судебного приговора: 1, гражданинъ *Меммесье*, президентъ жюри въ *Мѣавиъ*; составленіе обвинительнаго акта 9-го мессидора было лѣвою рукою его; 2, гражданинъ *Демезонъ*, исправившій должность комиссара исполнительной власти при *парижскомъ судѣ*; онъ слѣпо согласился съ обвинительнымъ актомъ и 3, въ особенности гражданинъ *Гоше*, слѣпой и глухой, грубый и пристрастный президентъ.

Что относится до присяжныхъ, они были обмануты, увлечены; вокалемъ ихъ, равно какъ и тѣхъ членовъ суда, которые согласились съ опредѣленіемъ, но не участвовали въ его составленіи.

Но прочтеніи этого опредѣленія, достойнаго вѣчнаго укора, невольный ужасъ распространился между посторонними лицами, присутствовавшими въ залѣ открытыхъ засѣданій суда, и между официальными защитниками (адвокатами). *Лезюркъ* приговоренъ къ смертной казни! *Гено* и *Брюеръ* оправданы! Свидѣтельскія показанія, указывающія на *Гено* и *Брюера* признаны недействительными; показанія свидѣтельствовавшихъ противъ *Лезюрка* — дана *вѣра*! *Alibi* *Брюера* и *Гено* — признаны; *alibi* *Лезюрка* — отвергнуто! *Бернаръ*, тотъ самый *Бернаръ*, который физически не могъ присут-

ствовать при совершении убийствъ — приговоренъ къ тяжкому наказанію какъ убійца! Должно согласиться, что въ судебномъ приговорѣ была цѣлая бездна противорѣчій, которыя могли окончательно сойти съ толку всякаго свѣжаго человѣка.

Лезюркъ, выслушавъ свой смертный приговоръ, страшно поблѣвнлъ, поднялъ къ небу свой взоръ и воздымъ руки; потомъ, придя въ себя отъ перваго ужаса и изумленія, онъ внятно, хотя и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

«Несомнѣнно что преступленіе въ которомъ я обвиненъ ужасно и заслуживаетъ смертной казни; но если страшно рѣшить человѣка на большой дорожѣ, то, не менѣе возорно также злоупотреблять закономъ для того, чтобы убивати невиннаго человѣка. *Придетъ тотъ часъ, когда узникъ, и тогда промолитъ падеть на твоихъ судей, которые осудили меня такъ неосторожно, и на голову того судьи, который былъ главнымъ виновникомъ этого».*

Слушавъ эти слова, присяжные, судья, генералъ-прокуроръ должны были дрожать, если только они были люди честные! Но что же должны были они почувствовать, когда вдругъ со своими обвиненныхъ поднимается изобличенный дѣйствительно убійца Куррьель и говорить такъ!

«Лезюркъ и Бернаръ — невинны. Бернаръ далъ только своимъ товарищамъ; Лезюркъ же не принималъ никакого участія въ совершении преступленія».

Приговоренныхъ отвели въ «Консьержри».

Ле-Рой, котораго мы имѣли уже случай цитировать нѣсколько выше, расскажетъ намъ еще какиихъ образомъ Куррьель продолжалъ утверждать невинность Лезюрка:

«По выходѣ изъ засѣданія суда, обвиненныхъ привели въ канцелярію тюрьмы, куда побѣдшилъ прийти и я, и слышалъ собственными ушами, какъ виновные, признаваясь въ участіи совершеннаго преступленія, *утверждали, что Лезюркъ совершенно не участникъ тутъ, но что его принимаютъ за другого.* Образъ этого несчастнаго никогда, кажется, не изгладится изъ моей памяти, и теперь еще вспоминая его, я дрожу».

Но чѣмъ же прикажете помочь, когда президентъ Гоше произнесъ свое торжественное изрѣченіе: «теперь уже не время».

Возвратясь къ себѣ въ тюрьму, Лезюркъ не предался безцѣльному отчаянію; онъ рѣшился аппеллировать на приговоръ суда.

Куррьель, въ тоже время какъ бы терзаемый жаждою правосудія, — которая въ торжественную минуту окончательнаго разсчета съ жизнью; пробуждается въ груди самыхъ закоренѣлыхъ преступни-

лего. Куррьель также баапопозло о собственной своей участи, сколько о судьбѣ живино-осужденныхъ.

19 герминаля (6 августа), на другой день, по выслушаніи своего смертнаго приговора, онъ настоятельно сталъ просить, требовать, чтобы его выслушали, говоря, что слѣдуетъ весьма важныя открытія. Явившись въ присутствіе, онъ показалъ:

«Лезюръ и Бернаръ невинны въ преступленіи, по обвиненію въ которомъ оба они приговорены къ смертной казни, равно какъ и Ринаръ, приговоренный къ тюремному заключенію. Дѣйствительные преступники Дюбоскъ и Видалъ, о которыхъ подробнѣйшія свѣдѣнія можетъ доставить Магдалина де-Бребанъ.»

21 числа того же мѣсяца онъ снова просилъ, чтобы его выслушали; говорилъ, что слѣдуетъ еще новыя открытія; жаждетъ раскрыть всю истину, какъ было дѣло. Его слушаютъ. Къ прежнему своему показанію онъ добавляетъ: «Истинные преступники, участвовавшіе въ убійствѣ лонскаго курьера — Дюбоскъ, Видалъ, Дюрошъ и Русси. Дюрошъ, называвшійся Лабордомъ, взялъ себя мѣсто въ почтовомъ брикѣ, рядомъ съ курьерами. Остальные соучастники 8 февраля, отправились изъ Парижа верхомъ на лошадяхъ. Онъ, Куррьель, присоединился къ нимъ, часть какой-нибудь слуга, у Шарантонской заставы. Они обѣдали и пили кофе въ Монжеронѣ. На другой день часовъ въ пять утра, всѣ они въ пятеромъ возвратились въ Парижъ. Лошадей къ Обри водилъ онъ, Куррьель, вмѣстѣ съ Видалемъ. Трое остальныхъ участника: Дюрошъ, Русси и Дюбоскъ находились въ квартирѣ послѣдняго, Дюбоска, въ улицѣ «Круа-де-Пети-Шанъ», гдѣ по прибытіи его, Куррьеля и Видала, произведенъ былъ и самый раздѣлъ ограбленныхъ вещей. Русси и Дюрошъ были главными вождями. Сабли и шпора принадлежать Дюбоску, который, позабывъ въ Лърсенѣ свою саблю, съ дорѣги переридала ее вею; другая сабля, найденная на дорогѣ, принадлежитъ Русси. Прогуливавшіеся пешкомъ по Лърсену — были Дюбоскъ и Видалъ.»

Невозможно было отвергать этихъ показаній, такихъ обстоятельныхъ, такихъ искреннихъ. Одна изъ полицейскихъ офицеровъ отрицаетъ былъ, чтобы подтвердить нѣкоторыя обстоятельства на указанныхъ мѣстахъ и выслушать свидѣтелей, на которыхъ Куррьель ссылался.

17 вандемюра (8-го октября), по указанію Куррьеля, полицейскихъ офицеровъ были сняты монаванія съ слѣдующихъ лицъ, которыхъ онъ обвинялъ:

Жюма, слесарь; Ж. Гулонъ, башмачникъ, «что во время суда, промолвившагося надъ Куррьелемъ, приходившая къ нимъ дѣвда

Бребанъ, говорила, «должны поминуть кесимию; Куррьель виновать одинъ. Другіе дѣйствительные участники преступленія скрылись уже давно. Дюросъ и Видалъ — дѣйствительные преступники. Лезюрка принялъ за другою; поведомъ къ этой омивать: можно послужить то обстоятельство, что у Лезюрка светлые волосы, и у того, другою, былъ надѣтъ также светлый парикъ.»

Кошуа добавилъ къ этому еще, «что тотчасъ же какъ узналъ онъ объ этомъ, то отправлялся къ членамъ уголовного суда и къ гражданину Добантону, ирриному судѣ, но ничего не могъ успѣть у нихъ.»

Гражданинъ Перренъ, привратникъ одного дома, находящагося въ улицѣ «де-Фонтевъ», показалъ, «что въ преріалѣ вѣснѣ у него жилъ въ домѣ, на квартирѣ, нѣкто называвшій себя Видалемъ; дней пятнадцать спустя, жилецъ этотъ объявилъ ему, что отправляется въ Лионъ; въ продолженіи пятнадцати дней, которые провелъ на квартирѣ въ его домѣ помянутый человекъ, къ нему, къ этому Видалю, приходили нѣсколько разъ: какой-то человекъ большою роста, съ светлыми волосами; другой посетитель былъ небольшого роста и еще третій; приходила также нѣсколько разъ женщина, принадлежавшая вѣроятно къ ихъ обществу.»

Мадалина Бребанъ рассказала: «До совершения убійства люнскаго курьера, къ Куррьелю часто приходили Видалъ и Русси; Дюбоскъ заходилъ также иногда. Но я не видѣла никогда, чтобы приходилъ къ нему Лезюркъ; я видѣла этого послѣдняго, который очень похожъ на Дюбоска, только однажды — у Ришара, послѣ событий, уже 8-го февраля.»

Ла-Бребанъ указала даже на мѣсто жительства Дюбоска, рассказала его примѣты, равно какъ и примѣты Видала и Русси.

Потомъ она еще добавила: «9-ю февраля за мною въ квартиру, гдѣ я жила, приходили Брюеръ и Бернаръ, и отвели меня къ Дюбоску, который жилъ въ улицѣ «Круа-де-Пети-Шавъ»; тамъ я застала Куррьеля. Тула же принесла я для него и платье для перемѣны. Въ день суда я объявляла уже подробно все это президенту, а на другой день, по произнесеніи приговора, заявила тоже самое въ центральное управленіе.»

Эти указанія на сходство Лезюрка съ Дюбоскомъ; этотъ светлый парикъ, который совершенно сблъ съ толку свидѣтелей; эти визиты какого-то неизвѣстнаго человека большого роста, который приходилъ однако въ преріалѣ, слѣдовательно въ то время, когда Лезюркъ находился уже въ заключеніи — всѣ эти обстоятельства, говоримъ мы, для судей менѣе предупредительныхъ, должны бы

были служить новымъ противорѣчіемъ съ фактами, на которые опирался обвинительный актъ уголовного суда.

Между тѣмъ аппеляція, поданная въ кассаціонный судъ объ описанной постановкѣ того приговора, была отвергнута; адвокатъ Лезюрка, Гипье, обратился съ жалобой въ директорію.

Процессъ, возбужденный убійствомъ ломеката курьера, обращалъ на себя общественное вниманіе. Большинство публики было убѣждено въ совершенной невинности Лезюрка. Знали о томъ, что Куррьель постоянно утверждалъ одно и тоже, известно было также, что въ Бисетръ, куда перевели обвиняемыхъ, однажды онъ опоздалъ Вернару, который сталъ упрекать его за то, что хлопочеть о Лезюркѣ гораздо больше, нежели о немъ, человекѣ ему близкомъ: «совершенно справедливо, что ты не участвовалъ, непосредственно въ убійствѣ курьера, но все-таки ты воспользовался плодами совершеннаго преступленія; Лезюркъ же не участвовалъ ни въ убійствѣ и ничѣмъ матеріально не воспользовался. Онъ намъ человекъ совершенно посторонній; ты знаешь впрочемъ объ этомъ столько же, сколько и я».

Директорія, просмотрѣвъ подлинныя акты производства дѣла, а также обстоятельства, указанныя противъ состоявшихся опредѣленій уголовного суда, предоставила все для окончательнаго постановленія совѣту Пяти-сотъ.

Граждане-законодатели, писали совѣту директоры, «никто Лезюркъ, приговоренный къ смертной казни вмѣстѣ съ нѣкимъ Куррьелемъ, по обвиненію въ убійствѣ діонскаго курьера, по повелѣнію означеннаго Куррьеля, объявляется невиннымъ, послѣ произнесенія надъ нимъ смертнаго приговора. Куррьель утверждаетъ, что сходство Лезюрка съ однимъ изъ участниковъ совершеннаго преступленія (имя котораго онъ называетъ, но который еще не исключенъ); — могло послужить поводомъ къ ошибкѣ свидѣтелей. Показанія Куррьеля подкрѣпляются также показаніями другихъ постороннихъ лицъ, допрошенныхъ послѣ него, а следовательно и послѣ произнесенія судебного приговора».

«Лезюркъ уже обращался съ аппеляціей; онъ желалъ воспользоваться обетованьями, представляемыми въ пользу его послѣдними показаніями въ присутствіи того новаго уголовного суда, въ потерю онъ просилъ чтобы его судили; но кассаціонный судъ, найдя, что всѣ предписанныя закономъ формы, яры производствѣ процесса, выполнены, принужденъ былъ въ аппеляціи отказать».

«Какихъ же образомъ надлежитъ поступать въ настоящемъ случаѣ? Лезюркъ, въ такомъ случаѣ, если онъ дѣйствительно невиненъ, долженъ ли погнѣбнуть на эшафетѣ за рѣдкое сходство свое только съ

както лицами преступниками? Гражданин-представитель, директор желает обратить ваше внимание на настоящее обстоятельство, при этомъ считаетъ себя обязаннымъ напомнить вамъ, что времени терять нельзя; потому уваженію, что завтра утромъ судебный приговоръ долженъ быть приведенъ въ исполненіе.

Немедленно же, на полученіи настоящаго отношенія, и на прочтеніи его въ совѣтъ; два депутата, граждане Баллаидъ и Терентъ предложили приостановить на время приведеніе въ исполненіе постановленнаго судебного приговора, и для разсмотрѣнія указаннаго факта предложили оставить особую комиссію изъ трехъ членовъ. Комиссіа занималась разсмотрѣніемъ, въ директоріи продолжали поступать дополнителныя къ дѣлу разныя объясненія, которыя они немедленно же и препровождали въ совѣтъ. Куррьель отъ себя написалъ къ гражданамъ-директорамъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Неужели возможно, чтобы къ солдату моему преступленію присоединилось еще другое, — новое преступленіе, — въ вотъ одного, я долженъ совершить два убійства! Итакъ, показанія, данныя мною во частной сѣдѣшн, показанія, которыя я жестокно утверждалъ, не имѣли снати отъ смерти двухъ невинныхъ, пощаденныхъ жертвами грубой ошибки! Могу ли надѣяться я наконецъ, что въ исполненіе невинно-погибающихъ, вы положительно распорядитесь убавить еще четырехъ человекъ, на которыхъ я указалъ въ которыхъ действительно действительны мои сообщники? Прежде чѣмъ эти несчастные, которыхъ готовится теперь зарѣзать, преданъ были буху, да-Бребанъ, съ которою я спллъ, давала въ уже показаніе комиссару исполнительнѣйшей власти при вѣдѣнности муниципалитетъ, что въ числа шести лицъ, задержанныхъ по настоящему дѣлу, — действительно виновный *одинъ только я*. Если она не сдѣлала этого же предъ уголовнымъ судомъ, — это произошло единственно только изъ одной *непростительной болѣзности*. Истина откроется; *скорѣ вы сами убьдитесь въ ней, но будетъ уже поздно*; погибнуть невинные! Я повторяю, — невинные! Не же перестану повторять эти слова до послѣдняго моего издыханія!»

Къ этому письму Куррьель приложилъ еще особую записку, въ которой, во всѣхъ подробностяхъ, до мелочей разсказывала: какимъ образомъ совершено было преступленіе, указывая на своихъ сообщниковъ. Гипье, съ своей стороны добился того, что разузналъ о мѣстѣ, гдѣ скрывался Лабодъ, занимавшій апартаменты почтоваго брискъ, котораго имя-Бребанъ и Куррьель называли Дюрошъ, но котораго действительное имя было Верошъ. Гипье написалъ также и на слѣдъ Видала и Дюбосна, того самаго вѣскаго Баллаидъ

и, сходясь съ которыми было такъ пагубно для Лезюрка. Говно своевременно довели объ открытіяхъ своихъ до свѣденія полиціи: но, судьба ихъ, или небрежность, — только полиція упустила изъ виду этихъ трехъ человекъ.

Между-тѣмъ комиссія, которой поручено было разсмотрѣніе дѣла Лезюрка, окончила работу и представила обществу составленный ею докладчикомъ, Жозефомъ-Жербомъ-Симсономъ, известнымъ юрисконсультномъ, рапортъ. Этотъ замѣчательный документъ судебной диалектики, — который впрочемъ изъ боязни утомить вниманіе читателей, мы не намѣрены цитировать въполнѣ; — начинался такъ:

«Отрадно видѣть, что на ряду съ совершаемыми преступленіями, этимъ бычами общества, стоитъ стражемъ непреклонно-строгий законъ и т. д.»

Изъ общаго характера дѣйствій комиссія видно, что хотя она и обращала свое вниманіе на признаніе невинности Лезюрка, но къ несчастію, слѣдуетъ также прибавить, — комиссія въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, говорившихъ въ пользу Лезюрка, не хотѣла видѣть ничего, какъ только «ловкій расчетъ,» да еще «стачку.»

Такъ, наиримѣръ, по отношенію къ показаніямъ Куррьера, комиссія заключила, что показанія эти могли быть куплены Лезюркомъ, который богатъ; къ тому же, показанія эти, будучи даны удивленнымъ преступникомъ, послѣ выслушанія произнесеннаго уже надъ нимъ смертнаго приговора, не могли пользоваться законною силою судебного доказательства.

Показаніямъ, ла-Бревианъ и другихъ свидѣтелей, говорившихъ въ пользу Лезюрка, сопоставлялись показанія жителей Льерсена и Можерона.

Случай съ поправкою цыферъ въ книгѣ Леграна, послужилъ для даладьяна достаточнымъ предлогомъ обойти молчаніемъ показанія различныхъ лицъ, утверждавшихъ alibi Лезюрка, за исключеніемъ только показанія Клотильды д'Аржансъ.

Однимъ словомъ, рапортъ комиссія, хотя не прямо, но указывалъ на необходимость приведенія въ исполненіе разъ постановленнаго судебного рѣшенія.

Какъ скоро о содержаніи этого рапорта узнали, «объяснительныя записки», написанныя разными лицами, посыпались въ опроверженіе цѣлымъ кучамъ. Нельзя пройти молчаніемъ, что одно изъ самыхъ должностное лицо, вирный судья Добантонъ, тотъ самый Добантонъ, который первый приступилъ къ свѣдѣнію, глубоко убѣжденный теперь въ невинности Лезюрка, не утратилъ громко

крячать объ ошибкахъ, допущенной не настоящимъ дѣлу, судьями, Добантонъ не щадяъ при этомъ даже и самаго себя.

Въ числѣ «объявительныхъ записокъ», податѣнныхъ въ де-вять Пяти-сотъ въ защиту Лезюрка, особенно видную обращая на себя записка, представленная Гидье, адвокатомъ Лезюрка. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ нея:

«Я постоянно присутствовалъ,» говоритъ Гидье, «при судебныхъ преніяхъ, и былъ пораженъ ими... Непослѣдовательность замѣчаній, которыя дѣлалъ президентъ присяжнымъ невольно бросалась въ глаза. Онъ говорилъ послѣдній, онъ разсуждалъ вмѣсто того, какъ долженъ былъ обратить все свое вниманіе, углубиться въ извлеченіе изъ фактовъ, представляемыхъ дѣломъ; вслѣдствіе же такого устройства преній и случилось, что ни обвиненные, ни ихъ защитники, не могли разубѣдить судью въ ошибочности его взгляда.

«Я сознаю учрежденіе жюри благодѣтельнымъ для обвиненныхъ, но въ тоже время твердо убѣжденъ, что это же самое учрежденіе можетъ лишить жизни человѣка совершенно невиннаго въ такомъ случаѣ, когда допускаются разныя произвольныя уклоненія отъ оберегающихъ отъ этого установленныхъ законовъ, когда вмѣсто безпристрастія въ чиновникъ, мы встрѣчаемъ предубѣжденіе и какое-то озлобленіе, когда съ обвиненнымъ поступаютъ и обращаются противозаконно, когда, не выслушавъ его, называютъ уже виновнымъ. Меня возмущаетъ порядокъ судебного производства, допущенный въ этомъ кровавомъ дѣлѣ; у меня сжимается сердце; я стараюсь сдерживать мое негодованіе.»

Ранортъ комисіи, проникнутый бланой идеей, оправдать постановленіе уголовного суда, не былъ даже впечатанъ, не былъ даже распространенъ между членами совѣта пяти-сотъ, поглосенные въ то время обширныя заводительныя трудомы, они разсѣянно прослушали его, и постановили, согласно съ нимъ, свое рѣшеніе.

Постановленіе совѣта однако было окончательное-подписанный смертный приговоръ для Лезюрка.

Теперь, когда и послѣдняя надежда исчезла, Лезюркъ муштвенно сталъ готовиться къ смерти. Онъ простился съ женою, поцѣловалъ въ послѣдній разъ и своихъ трехъ малютокъ. Одни изъ преданныхъ къ нему друзей, тотъ самый Иаеръ, Дедрю, который при всѣхъ усиліяхъ, не могъ ничего сдѣлать къ оправданію его, дрожащимъ карандашомъ набросалъ трогательную картинку по-слѣдшаго прощанья. Наканунѣ дня своей смерти, Лезюркъ самъ обрѣзалъ у себя волосы и раздѣлилъ ихъ на части, оставяъ цѣп-

ить женѣ-вдовѣ и своимъ малюткамъ-сиротамъ. Женѣ онъ напи- салъ такое письмо:

«Когда ты будешь пробѣгать эти строки, я уже не буду суще- ствовать; безжалостный возкъ перерѣжетъ нить моей жизни, кото- рую съ тангмъ насильствіемъ, я посвятилъ было тебѣ. Но такова была моя судьба, и избѣжать ее невозможно. Мнѣ суждено было впрямую, быть легальне зарѣзаннымъ. Я переносилъ мое несчастіе съ достоинствомъ и мужествомъ, такъ какъ долженъ былъ посту- пать человекъ съ моимъ характеромъ. Не правда ли, вѣдь и ты восхваляешь мою прамѣру? Помни, что твоя жизнь не принадле- житъ исключительно тебѣ одной; ты вся принадлежишь своему семейству, если ты только любишь меня сколько-нибудь. Это по- слѣдній мой завѣтъ тебѣ.»

«Ты подучишь мои волосы, сохрани ихъ; когда подрастутъ на- ши малютки, раздѣли ихъ между ними, поровну; это единственное наследство, которое я имъ оставляю.»

«Прощай же на вѣкъ! Мой послѣдній вздохъ будетъ за тебя и за твоихъ несчастныхъ дѣтей.»

Это письмо было надписано такъ: *гражданинъ одооъ Лезюркъ.*

Къ своимъ друзьямъ Лезюркъ писалъ:

«Истина осталась не раскрытою; я пошью жертвою ошибки; могу ли надѣяться, что вы сохраните къ моей жонѣ и къ моимъ дѣтямъ ту дружбу, которою были связаны со мною, и не оставите ихъ своею помощью. Искренне благодарю гражданка Гинье, моего мнитанка, за все, что онъ сдѣлалъ для меня. Примите же, вы всѣ, мое послѣднее прощанье.»

Покладая уже Консервжри, онъ написалъ на имя Дюбоска письмо, и умолялъ своихъ судей напечатать его въ газетахъ:

«Вы, вѣсто котораго я умираю, утѣшитесь этой жертвою. Если когда-нибудь попадетесь вы въ руки правосудія, вспомните о трехъ сироткахъ, которыхъ я оставляю послѣ себя, на которыхъ ложится вѣдно возора; вспомните также и о неутѣшной ихъ матери, и не дите всѣхъ этихъ несчастій, поводомъ къ которымъ послужило засочастное сподство.»

Одинъ изъ друзей его, Бодаръ, пришолъ къ нему съ послѣднимъ утѣшеніемъ: «Другъ мой», сказалъ Лезюркъ ему, «ты знаешь, спо- собевъ ли я не природѣ своей къ преступленію; ты знаешь также, насколько неповиненъ я въ томъ преступленіи, которое аводитъ на меня, а все-таки нужно примириться съ мыслью, что черезъ нѣ- сколько часовъ, я переселюсь уже въ вѣчность!..»

Оставшись совершенно одинъ, съ полнымъ хладнокровіемъ, онъ составилъ записку, которая носила такое заглавіе: «состояніе додъ

говя: несчастного Лезюрка). Тут, между прочим, значилось: «остаюсь долженъ восемь лундоровъ гражданину Лаграну, который не мало способствовалъ къ тому, чтобы меня зарезали; но я прощаю какъ ему, такъ и другимъ моимъ палачамъ». Когда наступилъ и самый день казни (9-й брюмера въ 5-й годъ Французской республики, 30 октября 1796 года), онъ прозвалъ, чтобы ему позволили палачъ бѣдую оделу, какъ вникъ своей невинности. На тюремномъ дворѣ онъ сошелся съ двумя несчастными, съ которыми долженъ былъ поидти за одно съ Куррьемъ и Барваромъ. Послѣдній, еле живой, едва разговаривалъ, что онъ жалелъ, что его арешало на ружья; отнести на тѣлу, гдѣ онъ и омустился на полъ, какъ грутъ. Куррьемъ сохранялъ всю свою энергію; бодрость духа его поддерживалась, казалось, выполнениемъ того долга съести, на который онъ вызвался добровольно. Только что усѣлъ Лезюркъ стать подлѣ него, на тѣлѣ, какъ указывая на него толкн, онъ сказалъ: «Я виноватъ, Лезюркъ невиненъ». Этя слова постоянно онъ до самаго подножія эшафота.

Еще нѣсколько минутъ, и Лезюркъ уже бодритъ анагомъ, входить на эшафотъ, въ послѣдній разъ посылая прощенія своимъ судьямъ, и, какъ говорить Сазымъ — «идеть къ сулу того судьи, который олень непогрѣшимый». Такъ погибъ Лезюркъ: погибъ жертвою увлеченія, завистилаго, туного самодурства судьявшихъ его судей!

Въ началѣ предлагаемаго процесса, мы указали на далекій слухъ судейской ошибки, имѣвшій мѣсто въ Венеціанской республикѣ, по дѣлу невинно-осужденнаго хлѣбника; позволяемъ прибавить, что подобныя случаи не единственные въ своемъ родѣ; они возможны также и при постановленіи судебныхъ приговоровъ въ разныхъ уголовныхъ палатахъ. (*)

Приведемъ же себѣ на память, еще разъ, честное изрѣченіе осужденнаго въ своей ошибкѣ венеціанскихъ судей: «Ricordatevi del роуего брнато!» — честное потому, что субъективное сознание виновности уже ее; честное также потому, что громкое, гласное сознание въ винѣ, предохраняетъ другихъ отъ подобныхъ же ошибокъ. Смысловъ Лезюрка процессъ его не кончился, послѣднее официальное слово по слову его, выговорено было въ присутствіи номъ мѣстѣ слыхкомъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ.

(*) Для повѣрки нашихъ словъ, обращаемъ вниманіе читателей на процессъ изъ нашей родной судебной-уголовной практики: помѣщенный въ декабрьской книгѣ Журнала Мин. Юстиціи за прошедшій годъ «Дѣло Дудниковой» (стр.

Началось съ того, что на пополненіе ограбленныхъ вещей, общая стоимость которыхъ простиралась до суммы 75,000 франковъ, была совершенно все имущество, принадлежавшее не только Лезюрку, но даже и его жонѣ; не описи оказалось, что цыфра ежегоднаго получашина Лезюркомъ дохода, простиралась почти до 12,000 лавровъ.

Бѣднота въ которую такъ неожиданно впало теперь семейство, не было еще единственнымъ тяжкимъ испытаніемъ Неблагая мать Лезюрка, увидя него, црѣе дѣтей, спреть не произнесла ни одного слова жалобы; протавъ громко вопившей несправедливостѣ. И прочая скоро и радость, и здоровье изъ среды несчастнаго семейства; скоро и мать Лезюрка и его вдова динились разсудка. Но впродолженіе на нѣхъ первый, постигло это несчастіе. Началось съ Дегранна: добродушный, но трусливый другъ покойнаго Лезюрка; — Дегранъ, — зловѣщая причина или скорѣе поводъ къ предубѣжденію, не хотѣ туртовать при воспоминаніи о тѣхъ несчастныхъ послѣдствіяхъ, виновникомъ которыхъ онъ былъ; прощеніе, которое разставалъ съ жизнью, завидвалъ ему Лезюркъ, добило его окончательнаго. Дегранъ сошелъ съ ума и семейство помѣстило его въ домъ умалишенныхъ въ Шарантонѣ. Здѣсь посѣщали его иногда мать и дѣти прежняго друга. При видѣ ихъ, онъ постоянно повторялъ: «гдѣ же онъ, мой добрый другъ? Отчего и онъ не пришелъ сюда выжить съ нами? Потому, какъ былъ припоминаю все: «О, гдѣ, онъ не придетъ уже болѣе», твердилъ Дегранъ, «онъ не можетъ прійти... И всему виною я... Одинъ я... О, несчастный!».

Мать Лезюрка помѣшалась также, и ей до самой смерти не возвращался разсудокъ. Вдова Лезюрка сошла съ ума, скоро вслѣдъ за нею, и только черезъ семь лѣтъ снова ей воротился разсудокъ.

Въ то самое время, какъ на несчастное семейство невинно-протѣшного обрушивались всѣ эти бѣды, нашлись честные люди, которые будучи движимы исключительно идеей торжества правды и справедливости, успѣшно принялись трудиться надъ обнаруженіемъ судейской ошибки. Самыми горячими изъ числа этихъ честныхъ людей были Добантонъ и Эймеръ.

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ со дня смерти Лезюрка, Добантону удалось напасть на слѣдъ одного изъ числа дѣйствительныхъ преступниковъ. Это былъ Дюрошъ, подъ именемъ Либора, занимавшій мѣсто рядомъ съ курьеромъ въ ночномъ брикѣ. Нравственнаго вліяніемъ на него, Добантонъ добился у него до полнаго признанія. Вотъ какъ изъ тѣхъ многихъ пензавій, которыя давалъ Дюрошъ, показаніе самое полное, раскрывающее во всѣхъ подробностяхъ обстоятельства: какимъ образомъ совершены были лѣтсѣнскія убійства.

«Во время Лионской осады», показывая Дюрось одному из судей версальскаго суда, «я близко познакомился съ Видалемъ, который необходимо мнѣ потерпѣть все свое состояніе. Видалемъ мнѣ пришлось встретиться съ этимъ же самымъ Видалемъ въ Парижѣ. Не прошло двухъ, трехъ дней, какъ мы сошлись здѣсь съ нимъ. Видалемъ говорилъ мнѣ, что онъ я еще нѣсколько товарищей его, согласились на часть на большой Мѣленской дорогѣ разграбить почтовый брикъ, который долженъ былъ тутъ проходить. Первую мысль объ этомъ предпріятіи, какъ я узналъ впоследствии, имѣла година (брокский курьеръ Яго видѣлъ и шёлъ съ нами два раза моей въ кондитерской Перрона, что вездѣ Маласойяла). Курьеры этого были высокаго роста, съ свѣтлыми волосами и лѣтъ ему, приблизительно, могло быть около двадцати шести.

«Я рѣшился привести въ исполненіе составленный такимъ образомъ планъ, мы съ Видалемъ отправились обидать въ трактиръ въ Лебесу, на Емсейскихъ поляхъ, гдѣ должны были встрѣгаться съ Дюбоскомъ, Русси и Этьенномъ Куррьелемъ. Наобщемъ совѣщаніи мы положили, что я займу мѣсто въ почтовомъ брикѣ, а другіе товарищи будутъ ожидать въ лѣсу на большой почтовой дорогѣ въ урочищѣ между Мѣленомъ и Мѣрленомъ; между нами условлено было также, что мы только разграбимъ почтовый брикъ и, связавъ курьера, покинемъ его на дорогѣ, не причинивъ ему никакого вреда. Дюбоскъ составилъ мнѣ паспортъ, въ которомъ я названъ былъ Лабордомъ. Для записки этого паспорта я отправился въѣхавъ Видалемъ въ Тюмьрейскую секцію, а отсюда для прописки мы зашли еще къ центральному позиційскому управленію.

«8-ое января мы назначили двести, въ который должны были привести въ исполненіе нашъ заговоръ. Около восьми часовъ утра четыре человека: Видалемъ, Дюбоскъ, Русси и Куррьель вѣхали верхами изъ Парижа на лошадей, нанятыхъ у Бернара. Последний хотя и зналъ о предпріятіи, но не принималъ на мѣстѣ непосредственнаго участія. Что касается до меня, то я взявъ 3000 франковъ ассигнаціями у Дюбоска, и отправившись въ почтовую контору, я занялъ себѣ за эти деньги (*) мѣсто въ почтовомъ брикѣ около четырёхъ часовъ выѣхавъ изъ Парижа. Было уже около девяти или десяти доловидно часовъ, когда почтовый брикъ поравнялся съ тѣмъ урочищемъ, гдѣ поджидала насъ товарищи: она немедленно напала. Ударъ саблею курьеру былъ нанесенъ Русси, а хотѣлъ отпарировать этотъ ударъ; но самъ получилъ на рукѣ рану, шрамъ отъ которой остался и до сихъ поръ. Волѣлъ за этими, а выскочивъ

(*) Такъ дешёвы были тогда во Франціи ассигнаціи

изъ брика и бросился бѣжать; шагахъ въ двадцати меня настигъ Куррьель. Онъ остановилъ меня, и я сталъ жаловаться ему, зачѣмъ поступлено было противъ условія — сговаривались только ограбить, а окончили убійствомъ. Я прибавилъ еще ему, что такъ мы можемъ попасть на гильотину. На это Куррьель мнѣ отвѣчалъ: «Да, вѣдь, это Русси; ты знаешь какъ онъ горячъ. Впрочемъ, дѣло уже сдѣлано, и мертвые уже не полнимутся».

«Брикъ, потомъ, былъ заведенъ въ лѣсъ и мы, распечатавъ всѣ пакеты, и захвативъ все, что только было цѣннаго, отправились въ Парижъ. Русси поѣхалъ на лошади почтальона, а свою уступилъ мнѣ. Всѣ мы пріѣхали на квартиру Дюбоска; было уже около четырехъ часовъ утра. Лошадь убитаго почтальона мы покинули на улицѣ, у бульваровъ.

«Добычу свою мы дѣлили у Дюбоска. На мою долю досталось пятьдесятъ луидоровъ въ звонкой монетѣ и пятьсотъ тысячъ франковъ въ ассигнаціяхъ. За десять тысячъ франковъ въ ассигнаціяхъ давали тогда, по курсу, одинъ луидоръ. Въ продолженіи восьми дней мы жили вмѣстѣ съ Видалемъ, сначала въ улицѣ де-Роганъ, а потомъ переселились въ улицу де-Фонтенъ. Впослѣдствіи, провѣдавши, что Куррьель схваченъ, мы скрылись съ Видалемъ въ Неверъ».

Вслѣдъ за Дюрошемъ, были схвачены и Видалъ, и Дюбоскъ и Русси; послѣдній четыре года спустя послѣ смерти невиннаго Лезюрка. Всѣ названные выше четыре лица были суждены, и признанные дѣйствительными участниками въ льёрсѣнскихъ убійствахъ, казнены.

Когда послѣдній изъ убійцъ, Русси, всходя на эшафотъ, письменно протестовалъ о невинности Жозефа Лезюрка, вдова послѣдняго, и отъ имени сиротъ, опекунъ надъ ними, братъ погибшаго рѣшились начать искъ объ официальномъ признаніи невинности Жозефа Лезюрка и о возвратѣ имъ неправильно отобраннаго имущества, на пополненіе похищеннаго льёрсѣнскими убійцами.

Борьба, въ которую должны были вступить послѣдники Лезюрка съ корпораціей официальныхъ должностныхъ лицъ, была самая тяжкая для несчастнаго семейства; описаніе ея оставляетъ самое тяжелое впечатлѣніе даже на читателя, а потому не желая утомлять въ вниманія, мы, въ заключеніе всего, скажемъ только, что въ 1851 году, по просьбѣ внесенной Виргиніей Лезюркъ и внуками погибшаго, Кларою и Шарлемъ-Огюстомъ Данжу въ законодательное собраніе, невинность Жозефа Лезюрка была признана вполнѣ.

Много сновъ мнѣ чудныхъ снится въ жизни этой,
Снятся люди правды, снятся люди свѣта,
И во снѣ я всѣхъ ихъ нѣжно обнимаю,
И въ приливѣ счастья плачу и рыдаю,
И въ восторгѣ всѣмъ имъ говорю смущонный :
«О, блаженны ваши матери и жены!»

На яву же въ избахъ, и въ большихъ хоромахъ
Я ищу повсюду лицъ, душъ знакомыхъ ;
И въ толпѣ, шумящей всѣми голосами,
Вслушиваюсь чутко и ищу глазами...
Но съ людьми сближаясь, и любя сердечно,
Ошибаюсь вѣчно, недоволенъ вѣчно.

И. ИУСКОВЪ

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1722

ОЦЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

VII

МЩЕНІЕ СТАРУШКИ.

«Благовѣрная государыня, взмилуйся и
-помилуй! Статно ли то, что ты дѣлаешь
-и что есть хорошаго?»

(*Стрѣмянной Иселевъ 2-го Окт. 1722 г.*)

На другой день, 2 октября, Прасковья отложила поѣзку въ Москву до вечера, можетъ быть потому, что утромъ либо она сама, либо ея приближенные были развлечены любопытной, хотя и обыкновенной въ то время сценой: близъ города колесовали трехъ чело-вѣкъ убійцъ и фальшивыхъ монетчиковъ; они получили только по одному удару колесомъ, по каждой рукѣ и ногѣ; колесо изломало руки, перебило ноги, но преступники остались живы, и ихъ крѣпко привязали лицами къ колесамъ ⁽¹⁾. Зрѣлище было отвратительное; одинъ изъ нихъ, старикъ, изнеможенный предварительными пытками, нѣсколько часовъ послѣ казни испустилъ духъ; но остальные, молодые парни, долго еще боролись со смертью; можно было думать, что они проживутъ на колесѣ, какъ это и случилось, двое, трое, даже четверо сутокъ. Молодцы были румяны; равнодушно, чуть не весело поглядывали по сторонамъ, и ни стономъ, ни жалобой не обваруживали страданій. Одинъ изъ нихъ, къ величайшему изумленію толпящихся зрителей, съ большимъ трудомъ поднялъ раз-можную руку, повисшую межъ зубцовъ, отеръ себѣ рукавомъ носъ и опять сунулъ ее на прежнее мѣсто.

⁽¹⁾ Колеса обыкновенно утверждались горизонтально на толстыхъ столбахъ.

Но эффектъ былъ еще поразительнѣе, когда тотъ же страдалецъ, замѣтивъ, что онъ замаралъ колесо нѣсколькими каплями крови, съ страшнымъ усиленіемъ вновь вытащилъ изувѣченную руку и бережно обтеръ колесо.

Толпа съ любопытствомъ глядѣла на страшную сцену. Многіе вспоминали при этомъ о недавнихъ казняхъ, рассказывали другъ-другу подобныя интересныя сцены: какъ-де одинъ повѣшенный за ребра въ первую же ночь приподнялся, вытащилъ изъ себя крюкъ и упалъ на землю; несчастный проползъ на четверенькахъ нѣсколько сотъ шаговъ, спрятался, его нашли и повѣсили на тотъ же крюкъ. Другіе вспоминали о сожженіи на кострѣ живого раскольника: какъ неустрашимо глядѣлъ онъ на пылающую руку и только тогда отвернулся, когда дымъ сталъ ѣсть глаза и вспыхнули его волосы... (1).

Хорошо было зрѣлище колесованныхъ, хороши были и воспоминанія, вызванныя ихъ предсмертными муками; именитыя лица да любознательные иноземцы разѣхались по гостямъ, стало темнѣть, разбрелся и народъ, толкуя о видѣнномъ и слышанномъ.

Между-тѣмъ Прасковья Феодоровна пообѣдала и собравшись съ сплани, «за часъ до отдачи дневныхъ часовъ» приказала позвать главнаго своего стремяннаго, Никиту Ивановича Іевлева.

— Заложн карету, — приказывала царица, — созови людей, пусть полячка Михайловна возьметъ водку, да конюхъ Аксентъ захватитъ съ собой кулекъ съ кнутьями (2).

Въ шесть часовъ экипажъ былъ готовъ; закутанная царица взяла трость, и не въ состояніи будучи ходить (Прасковья сильно страдала, если не ошибаюсь, водяной), приказала служителямъ отнестъ ее въ карету. Царицу провожали человѣкъ двадцать: здѣсь были Сергѣй Тихменевъ, одинъ изъ враговъ Деревянина, Фрейлина или ея служанка, полька Михайловна, стремянной Никита Іевлевъ, братъ его, задворный конюхъ и подкдюшникъ Феоктистъ Іевлевъ, пажы Тимофей Павловичъ Восейковъ и братъ его Фелоръ Восейковъ, Кондратъ Ивановичъ Маскинъ, братъ его Михаилъ Маскинъ, Василій Маломатовъ, дворцовый сторожъ и источникъ Степанъ Пя-

(1) Берггольцъ, ч. II, с. 282—284.

(2) Всѣ подробности настоящаго разсказа заимствуемъ изъ подлинныхъ показаній восьми служителей царицы и двухъ солдатъ тайной канцеляріи. Каждое показаніе болѣе или менѣе дополняется одно другимъ и объясняетъ сказанное. Мы свели въ одинъ связанный разсказъ всѣ мелочи любопытнаго происшествія, что не совсѣмъ было легко, ибо онъ разсѣянъ среди безпрестанныхъ повтореній однихъ и тѣхъ же отвѣтовъ и оправданій, верѣдко довольно спутанныхъ. Дѣла Р. Д. Т. К. карт. 27. дѣло о стряпчемъ Василѣ Деревнинѣ, листы 51—81.

тѣлѣтъ, пѣвннй шведъ — служитель Карлусь-Орихтъ, стряпчій Андрей Седриковъ, конюхъ Аксень Синьковъ, приказный избы села Измайлова, подъячій Михайло Крупениковъ, конюхъ Анкудинъ, Степанъ Трофимовъ и нѣкоторые другіе.

Кортежъ тронулся въ путь; погода была ясная: ночью выпало много снѣгу и на дворѣ трещала морозъ. Ъдучи по Мясницкой улицѣ, царица подозвала пажа Тимофея Воейкова: «Поѣзжай къ царевнѣ Катеринѣ Ивановнѣ и доложи ей, чтобъ она немедля ѣхала къ генералу Ивану Ивановичу Бутурлину и попросила выдать миѣ Деревнина и письмо, по которому его взяли.»

Тяжелая карета потащилась далѣе по Мясницкой въ тайную канцелярію; она находилась на концѣ Мясницкой, противъ церкви Пресвятыя Богородицы Гребневскія ⁽¹⁾. Кстати замѣтимъ, что такъ называемая карета была ничто иное, какъ колымага, сдѣланная сваружи на подобіе фургона; въ колымагѣ, вмѣсто сидѣній, наложены были подушки, а окна и двери завѣшаны кожей, мѣстами золоченой и тисненой ⁽²⁾.

Пробило семь часовъ ⁽³⁾, когда царица, подѣхавъ къ «тайной» велѣла нести себя въ арестантскія палаты или полвалы, грязные и мрачные, никогда не опорожнявшіеся отъ заключенныхъ. Одни служителя несли царицу на особой скамѣ, другіе шли впереди и сзади шумною толпою, съ зажжонными восковыми свѣчами.

Внесенная въ переднюю палату, Прасковья по старинному обычаю, тщательно выполняемому нѣкогда ею самой, стала раздавать колодникамъ милостыню. На этотъ разъ царица имѣла другую

⁽¹⁾ Этотъ домъ въ настоящее время по наружности своей не имѣетъ ничего замѣчательнаго, огромень, хорошъ, новѣйшей архитектуры. Достоинъ замѣчанія, что въ царствованіе Александра I-го, которому и принадлежитъ честь уничтоженія всероссійскихъ пытокъ, въ домѣ бывшей тайной канцеляріи помѣщено было библейское общество. Старожилы московскіе еще помнили въ 1830-хъ годахъ желѣзныя ворота тайной *московской* канцеляріи; онѣ выходили на Лубянскую площадь, караулъ стоялъ во внутренности двора; со страхомъ проходили мимо *тайной*, съ ужасомъ поглядывали на желѣзные затворы и рѣшотки. . *Путевод. по Москвѣ.* 1831 г. ч. III с. 172.

⁽²⁾ Такъ описываетъ кареты или колымаги царицъ — *Щербатовъ* (О поврежд. нравовъ, с. 9). Кареты были до такой степени рѣдки, что бояринъ Лыковъ, челоуѣкъ пребогатый, выписавшій въ это время орѣховую карету, украшенную рѣзбой съ точеными стеклами, нестойвшей и 1000 руб., возбудилъ столь сильную зависть князя Меншикова, что тотъ дѣлалъ нападки на Лыкова, чтобъ только получить этотъ экипажъ. Дѣдъ Щербатова, наслѣдовавшій по смерти Лыкова карету, не хотѣлъ ее уступить свѣтлѣйшему князю — и за то лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній.

⁽³⁾ Село Измайлово лежитъ въ семи или восьми верстахъ отъ Москвы по большой дорогѣ.

цѣль и раздача милостыни была только однимъ изъ средствъ къ ея достиженію.

— А гдѣ сидитъ Деревнинъ? — спросила она у провожавшихъ.

— Изволь, государыня, идтить въ другую палату, — молвилъ въ отвѣтъ стремянной.

По указанію Іевлева, царицу пронесли далѣе въ палату, наполненную раскольниками. Здѣсь вновь раздавая милостыню, старушка съ участіемъ спросила :

— Гдѣ сидитъ мой служитель, Василій Деревнинъ, — я хочу я ему дать милостыньку ?

Колодники спѣшили указать милостивой монархинѣ отдѣльную казенку, гдѣ сидѣлъ Деревнинъ.

— Онъ сидитъ здѣсь, благовѣрная государыня, — говорилъ часовой Красновъ, — въ крѣпкомъ мѣстѣ, пускать къ нему никого не вѣлено.

— Какіе вы дураки! кротко замѣтила Прасковья: — вы не пускаете меня, а я хочу ему только милостыньку дать! Несите меня къ казенкѣ!

— Да здѣсь никакого колодника нѣтъ, — говорили часовые, надѣясь хоть обманомъ остановить нежданную гостью. Гостыя не слушала; ее несли Пятилѣтъ, Карлусъ, Кондратъ Маскинъ, Ѳ. Воейковъ, Ѳ. Іевлевъ и В. Маломаховъ; а другіе служителя, какъ-то: М. Маскинъ, Тихменевъ — шли впереди и освѣщали путь.

Подъячій государыни постучалъ въ дверь; дверь не отворяли: капралъ Иванъ Красной, надзиравшій за этой тюрьмой, сопротивлялся; его ударили подъ бокъ, двухъ часовыхъ отбросили въ стору, и кто-то изъ служителей силою отворилъ дверь.

Ярко освѣтилась казенка лишь только внесли въ нее государыню; струсившій Деревнинъ повалился въ землю.

— А, такъ ты вотъ гдѣ гость! заговорила старушка, внезапно измѣняя видъ и голосъ: — тутъ-то ты гость! хотѣла я тебѣ милостыню дать, да не за что: пакости ты много мнѣ надѣлалъ! Какое ты письмо на меня подалъ, гдѣ взялъ, куда дѣвалъ?

— Нашолъ я его, благовѣрная государыня, на дворѣ у Василья Ѳедоровича Салтыкова.

— Куда дѣлъ... подай письмо сюда... говорила старушка; лицо ея загорѣлось гнѣвомъ и удары посыпались на арестанта. — Подай письмо, письмо давай сюда, — твердила она, и снова тяжелая трость опускалась на голову и лицо Деревнина.

Царицу отвлекъ отъ бесѣды съ Деревнинимъ Воейковъ.

— Былъ я у государыни царевны, — доносилъ пажъ, — и ца-

ревна Екатерина Ивановна ѣздила по твоему, государыня, приказу къ Бутурлину. Иванъ Ивановичъ обѣщаль отдать Деревнина.

— Ступай опять къ царевнѣ, слышишь, скажи, чтобъ она сейчасъ же съѣздила въ другой разъ къ Бутурлину: пусть попросить отдать мнѣ Деревнина немедля; я буду ждать здѣсь... Деревнина мнѣ подайте!

Воейковъ спѣшилъ выполнить приказъ, а милостивая государыня вновь сонзволгла взяться за трость, и новые удары покрыли «плоть, лицо и спину» бывшаго ея стряпчаго.

— Письмо на меня подажь, казну покражь, совѣмъ обокражь меня — приговаривала царица, задыхаясь отъ гнѣва.

Въ казенкѣ было тѣсно, смрадно; въ ней набралось много народу; пылающія свѣчи увеличивали жаръ. Усиленные движенія видимо разстроили старушку: она такъ старательно работала тростью, что забывъ болѣзнь, поднялась на ноги и тѣмъ скорѣе устала; ей нуженъ былъ просторъ — и она велѣла вестъ заключеннаго въ переднія палаты.

Толпа двинулась. Пятилѣтъ, Кондрать Маскищъ, Н. Іевлевъ, С. Тихменевъ, Михайло Крупениковъ поволокли за собой Деревнина.

Встревоженный каптенармусъ Бобровскій, дежурный по караулу, думая, что Деревнина хотять вовсе увести изъ-подъ ареста, просилъ его не трогать; наконецъ видя, что просьбы не дѣйствуютъ, сталъ въ дверяхъ и силою хотѣлъ удержать исполнительныхъ челядинцевъ.

— Помилуй, благовѣрная государыня, — взмолился каптенармусъ, низко кланяясь царицѣ и закрывая дверь: — мнѣ по артикулу — великій страхъ! Воля твоя, государыня, какъ изволишь, а я изъ-подъ караула его не отдамъ: онъ сидитъ въ государевѣ дѣлѣ.

Нетерпѣливая царица не слушала; она прикрикнула на служителей, тѣ двинулись впередъ, помяли бока Бобровскаго и Деревнина впереди носилокъ Прасковьи провели далѣе.

— Запирай, замыкай дверь на выходъ, не выпускать колодника! закричалъ каптенармусъ солдатамъ. Онъ очень хорошо памятовалъ артикулъ: «Когда-де кого стеречь приказано, а тотъ злодѣй чрезъ небреженіе караульнаго уйдетъ, или отъ караульнаго безъ указа опустится, тогда виновный въ семъ вмѣсто преступителя надлежащее наказаніе претерпитъ.» (1)

Старушка впрочемъ не была обязана знать воинскіе артикулы;

(1) Книга уставъ воинскій купно при семъ артикулъ воинскій, изд. 1719 г. Свб. Арт. 207.

«уставъ о процессахъ и экзекуціяхъ» не для нея былъ писанъ, и она никакъ не могла себя объяснить дерзость Бобровскаго.

— Какъ ты смѣешь не пускать меня? что-жъ ты за карауломъ што-ль держишь царицу?

— Я тебя, благовѣрная государыня, за карауломъ не держу, — отвѣчалъ дежурный, — а колодника изъ канцеляріи, какъ изволишь, не отдамъ, потому по артикулу мнѣ страхъ немалый.

Процессія должна была остановиться въ передней или прихожей палатѣ. Въ негодованіи Прасковья опустила на скамью; къ ней подвели трепещущаго Деревнина.

— Общайте его хорошенько, — приказывала государыня, собираясь съ силами: общайте, нѣтъ ли при немъ ножа?

Быстро обшарили арестанта, ножа не нашли; отыскался мѣшочекъ съ деньгами: служителя немедля вытрясли ихъ въ свои карманы.

— Всемиловѣйшая государыня, взмолился Деревнинъ: — грабить меня, деньги у меня выняли, я дѣтище небогатый.

— Это я приказала взять у тебя деньги, — успокоительно отвѣчала старушка: — для чего ты у меня разворовалъ, гдѣ ты письмо взялъ?

Допрашиваемый винулся въ томъ, въ чемъ и прежде.

— Держите его хорошенько, крѣпче, — говорила государыня и вновь стала гнѣваться словами, а потомъ, по свидѣтельству служителей, «мало помѣшкавъ, соизволила собственною ручкою и тростью бить стряпчаго по плоти и по лицу многократно.»

Между-тѣмъ Бутурлинъ не пріѣзжалъ.

— Шведъ Карлусъ! побѣждай ты къ Ивану Ивановичу, — повѣляла Прасковья: — скажи, что я здѣсь — жду, пока выдадутъ мнѣ Деревнина.

Чтобы скорѣй вызвать свою жертву изъ царскихъ подваловъ и привести въ свои измайловскія казенки, Прасковья съ тѣмъ же порученьемъ отправила Никиту Левлева къ Скорнякову-Писареву (къ нему еще прежде ѣздилъ Карлусъ, но безуспѣшно), члену тайной канцеляріи.

Иванъ Ивановичъ и Григорій Григорьевичъ имѣли полное право отказать Прасковью Федоровну; но, какъ люди, состарѣвшіеся въ дѣлахъ придворныхъ, они вѣдали съ кѣмъ имѣютъ дѣло, вѣдали, что царица пользуется большимъ уваженіемъ монарха — и не дерзнули на прямой отказъ. Съ другой стороны исполнить просьбу было дѣло опасное; они сами еще не знали, въ чемъ состоитъ цѣлѣнное письмо, какъ взглянетъ на все происшествіе суровый господинъ, не потребуетъ ли онъ отъ нихъ отчета, — а что значитъ давать от-

четь Петру и на сколько сподручно оправдываться предъ нимъ — вѣтъ было извѣстно.

Между двухъ огней, Бутурлинъ и Писаревъ прибѣгли къ одной и той же уловкѣ: зная обо всемъ, происходившемъ въ тайной канцеляріи изъ донесеній дежурнаго каптенармуса, они приказали часовымъ объявить вѣстовымъ царицы, что господь вѣтъ дома; Бобровскому же послали тайный приказъ — отнюдь не отпускать Деревнина.

Всѣ эти неудачи еще болѣе раздражили Прасковью; въ жилахъ ея разгоралась кровь деспотки-помѣщицы и властительной особы, не привыкшей къ отказамъ.

А предъ ней плакалъ и молилъ о пощаль недостойный служитель, ее огорчившій. Лицо его было покрыто сивяками, ссадинами, ранами, по щекамъ струилась кровь, глаза заволакивались опухолью...

Картина эта не смягчила гнѣвную царицу.

— Держите его крѣпче, Пятилѣтъ, да ты, Карлусъ, жгите свѣчами лицо его, носъ, уши, шею, глаза поджигай, да бороду, бороду-то ему выжги!

Стряпчій, пораженный ужасомъ, залулъ одну свѣчку; ее вновь зажгли; онъ старался выбиться изъ рукъ служителей, но К. Маскинъ, Т. Воейковъ, Крупениковъ, Трофимовъ, Ф. Іевлевъ и другіе попеременно крѣпко держали его за руки и за волосы; голову Деревнину загнули назадъ для болѣе удобнаго обжогу. Истопникъ Пятилѣтъ жогъ лицо, а шведъ Карлусъ, замѣтивъ, что носъ уже обожженъ Васильемъ Моломаховымъ, старательно занялся выжиганіемъ бороды.

— Какое ты письмо на меня подадеъ, гдѣ взял, куда его дѣлъ? повторила царица, какъ кажется не столько для вопроса, сколько изъ желанья что-нибудь причитывать въ одобренье доморощеннымъ палачамъ.

Деревнинъ мычалъ, стоналъ, тщетно бился: онъ былъ въ крѣпкихъ рукахъ.

— Государыня, смилуйся и помилуй! — взмолился подъявчій тайной канцеляріи, Григорій Павловъ, падая въ ноги Прасковьи, — повели не чинить жженіе Деревнина, потому де за нимъ, за Деревнинымъ, дѣло есть государево, мы будемъ за него въ отвѣтъ.

— Гони его прочь, да снимите съ злодѣя моего рубашку!

Павлова оттолкнули (1). — Деревнину оголили спину. Конюхъ Ак-

(1) На Павловъ, какъ на подъячѣмъ тайной канцеляріи, лежала большая отвѣтственность: въ силу указа 12 апрѣля 1722 года за несохраненіе арестантовъ,

сенъ, по приказу монархини, явился съ кулькомъ, а въ шемъ былъ кнутъ; вынулъ Аксенъ кнутъ понадежнѣе и приготовился работать.

Посреди палаты, для острастки и обыденныхъ пытокъ арестантовъ, стоялъ между прочимъ деревянный козелъ; на него обратила вниманіе царица и приказала взволочить на козелъ обожженного Деревнина.

Прасковья Феодоровна поразила твердостью приказаній всѣхъ окружающихъ, чуть не съ малолѣтства уже привыкшихъ ко всякаго рода сильнымъ ощущеніямъ, начиная отъ домашняго батога до застѣвочнаго кнута.

Бобровскій хлопоталъ не о томъ, чтобы не увезли Деревнина: онъ страшился уже, что отъ арестанта ничего не останется, молилъ о пощадѣ и ежеминутно напоминалъ: «за арестантомъ де есть дѣло государево.» Никита Іевлевъ также не вытерпѣлъ, и пользуясь значеніемъ своимъ при царицѣ, дерзнулъ доложить:

— Умилосердися, благовѣрная государыня, какъ изволишь, а необычно все это: статное ли это дѣло и что есть хорошаго?

Старушка же напротивъ была убѣждена, что въ ея поступкахъ ничего не было дурного. «Я де имѣю полное право, мало того, я должна наказать, какъ хочу, вѣроломнаго служителя»; такъ могла думать царица, и рѣшительно недоумѣвала, съ какой стати являются у Деревнина заступники.

И вотъ приказъ подтверждается, жертву волокутъ на козелъ.

Но распахнулась дверь — и въ палату, въ сопровожденіи пажы Воейкова, вошла герцогиня мекленбургская, царица Катерина Ивановна. Она не поѣхала вторично къ Бутурлину, вѣроятно убѣдившись изъ перваго свиданія въ безуспѣшности просьбы отпустить Деревнина, а отправилась къ матери прямо въ тайную канцелярію.

При входѣ въ нее, герцогиня была поражена оригинальнымъ зрѣлищемъ. Среди грязнаго подвала на козлѣ растянуть за руки и за ноги обнаженный Деревнинъ; онъ стоишь и вопиеть о пощадѣ; казенки полны народу: здѣсь солдаты, караульные, подъячій, группы молчаливыхъ арестантовъ, раскольниковъ и другихъ колодниковъ, слѣдящихъ не безъ ужаса, какъ изволить гнѣваться государыня, царица Параскевія Феодоровна; сама она на скамьѣ, съ тростью въ рукахъ, дрожащая отъ гнѣва, съ побагровѣвшимъ лицомъ и свер-

какъ-то: выпускъ ихъ изъ тюрьмы и проч. • подъячихъ приказано было розыскивать и пытать вмѣстѣ съ караульщиками, дабы поманки не было. А буде судья въ томъ подъячимъ поманку учиняеть, то сами подлежатъ, яко разбойники, казни смертной. • Желаніе спасти собственную свою спину отъ неприяностей розыска, должно было вызвать заступничество со стороны Павлова.

кающими глазами; картина освѣщена мрачнымъ, какимъ-то похороннымъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей; воздухъ спертъ, пахнетъ жюныиъ человѣческимъ мясомъ, волосомъ, и среди чада ярко вырисовывается атлетическая фигура Аксена съ кнутомъ въ рукахъ, готоваго по первому слову начать *штрафованье*.

Катерина Ивановна пошептала на ухо царицѣ, вѣроятно просила спустить стряпчаго съ козла. Старушка на этотъ разъ послушалась. Деревнина сняла и надѣла на него кафтанъ.

— Письмо куда дѣлъ, откуда и гдѣ ты его взялъ? — въ сотый разъ спрашивала Прасковья.

— Я его поднялъ на дворѣ кравчаго Василья Федоровича Салтыкова.

И государыня снова взялась за прежнее, снова за трость, была Деревнина по лицу и по головѣ; а уставши, «паки» поручила Пятилѣту да Карлусу пообжечь его лицо и шею; Моломаховъ да Ѳ. Левель держали допрашиваемаго.

Слабые нервы герцогини не могли вынести сего зрѣлища: она поспѣшила проститься съ матерью и оставила ее одну упражняться въ изобрѣтеніяхъ новыхъ нытокъ.

За ними дѣло не стало. Живая фантазія Прасковьи скоро навела ее на мысль о пыткѣ, если не новой, то по крайней мѣрѣ рѣдко употреблявшейся.

— Полячка Михайлова! — закричала она фрейлинѣ, сходи въ карету, да принеси оттуда бутылку съ водкой.

Водку принесли. Моломаховъ, Крупениковъ и Воейковъ крѣпче взились за арестанта. Шведа Карлусу повелѣно лить на голову Деревнина. Водка, или лучше сказать спиртъ (вино въ то время не разжижалось еще такъ щедро водой), потекъ по лицу, т. е. по отвратительной лзвѣ и раздѣдалъ ее страшно. Какъ ни исполнительенъ былъ шведъ, но онъ лилъ немного, вылилъ не болѣе полубутылки. Жалко ли ему было Деревнина, или желалось сберечь водку для обратнаго пути въ Измайлово, неизвѣстно.

— Зажигай! крикнула царица, обращаясь къ Пятилѣту.

Исполнивъ Степанъ Пятилѣтъ, привыкшій жечь дрова, но не людей, страшился исполнить приказъ старушки; но монархиня собственноручно сошволила толкнуть его руку со свѣчею къ головѣ Деревнина — и голова вспыхнула какъ порохъ!

Страшный, не человѣческой вопль огласилъ подвалы и казенки тайной канцеляріи и замеръ подъ ея мрачными сводами. Несчастный судорожно рванулся изъ рукъ рабовъ, метнулся въ одну сторону, бросился въ другую, ударился о печку и въ страшныхъ конвульсіяхъ упалъ на полъ... Голова его пылала... Колодники, сторо-

жа, слуги, палачи — всё, кромѣ государыни, были въ одѣщеніи!

А голова все пылала, все пылала и курилась невыносимымъ чадомъ.

Первый очнулся Бобровскій. Мысль, что за этимъ арестантомъ есть государево тайное дѣло, что его непременно нужно сберечь для допросу, а можетъ быть и для пытокъ, какимъ благоволитъ его предать царское величество, мысль эта гвоздемъ засѣла въ голову дежурнаго каптенармуса, и онъ суетливо бросился распорядиться тушеніемъ курьезнаго пожара... Кто-то изъ колодниковъ, по его приказу, утушилъ огонь поюю своего кафтана.

Прасковья пожелала посмотрѣть на копченаго стряпчаго и казначея. Узнать его не было возможности. Волосы сгорѣли; лицо вздулось, посинѣло, почернѣло, мѣстами вовсе выгорѣло; глаза заплыли опухолью; подбородокъ тщательно обожженъ, и только сквозь раздутыя, черныя губы слышались стоны.

Видъ несчастнаго еще болѣе раздувалъ гнѣвъ царицы. Старушка, не чувствуя усталости, крайне занятая и оживленная своимъ дѣломъ, все еще находила, что мщеніе ея неполно, чего-то еще недостасть; она жаждала чего-то новаго, и въ ожиданіи его, принялась за старое: ручка монархини и крѣпкая трость вновь загуляла по ли... но нѣтъ, то не было уже лицо, въ громадной извѣ не было даже и подобія образа человѣческаго.

Если не безъ ужаса и негодованія цѣпенѣемъ мы предъ страшною картиною, существованіе которой не можетъ быть оправдано ничѣмъ (истина всегда истина, въ какой бы вѣкъ она не существовала), то за то и не безъ удовольствія находимъ въ подлинныхъ документахъ указанія на то, что нѣкоторые служителя царицы, какъ напр. Кондратъ Маскинъ, Никита Іевлевъ, Тимофей Воейковъ, Федоръ Воейковъ, Фоктистъ Іевлевъ, были поражены ужасомъ (если не состраданіемъ), и, не вынося страшнаго зрѣлища, «многokrato» выходили на чистый воздухъ подышать и освѣжиться...

Бобровскій четыре раза уже посылалъ съ донесеніями о «всѣхъ дѣйствахъ» царицы къ генераль-маіору Скорнякову Писареву, и всякій разъ получалъ въ отвѣтъ приказаніе — отнюдь не отпускать съ царицей Деревина. Тоже говорилъ Бутурлинъ. Пожаръ головы арестанта заставилъ дежурнаго просить болѣе подробныхъ инструкцій о томъ, допускать ли дальнѣйшія истязанія? За этими инструкціями онъ послалъ къ генераль-лейтенанту Ягужинскому.

Ударило десять часовъ вечера. Въ «тайную» пріѣхалъ генераль-прокуроръ. Всѣ засуетились. У Деревина, если онъ еще не потерялъ сознаніе, должна была мелькнуть мысль о спасеніи, у царицы

же надежда получить наконецъ арестанта. Прасковья ошиблась... Ягужинскій... но позвольте познакомиться съ нимъ поближе.

Павелъ Ивановичъ, по отзывамъ современниковъ лично его знавшихъ, былъ видный мужчина, съ лицомъ неправильнымъ, но живымъ и выразительнымъ. Въ обхожденіи онъ былъ очень свободенъ, даже небреженъ; но эта свобода весьма въ немъ естественна и всѣ были ею довольны. Ягужинскій былъ капризенъ, самолюбивъ, но при этомъ уменъ, разсудителенъ, живъ. Онъ въ одинъ день дѣлалъ столько, сколько другой не успѣвалъ въ недѣлю. Прямодушный, онъ твердо выполнялъ данное слово до такой степени, что готовъ былъ скорѣе умереть, нежели нарушить обѣщаніе. Мысли свои Павелъ Ивановичъ выражалъ безъ лести предъ самыми высшими сановниками. Буде первый сановникъ имперіи поступалъ несправедливо, Ягужинскій порицалъ его также смѣло и свободно, какъ послѣдняго чиновника. Сначала деньщикъ Петра, а потомъ генералъ-прокуроръ правительствующаго сената, онъ былъ однимъ изъ первѣйшихъ любимцевъ преобразователя. Государь обыкновенно называлъ его своимъ глазомъ и зачастую говаривалъ: «если что Павелъ осмотритъ, то это такъ вѣрно, какъ будто я самъ видѣлъ» (1).

Если похвальные отзывы люка Лирійскаго и лэди Рондо хоть на половину справедливы, то понятно, почему и въ настоящемъ случаѣ Ягужинскій не уклонился, подобно Скорнякову-Писареву и Бутурлину, отъ внимательства въ дѣло Прасковьи, и хоть поздно, но явился на арену не совѣмъ невинныхъ ея разклевчій.

— Что ты дѣлаешь, государыня? заговорилъ генералъ-прокуроръ, когда приглядѣлся наконецъ къ окружающимъ предметамъ, — что хорошаго, государыня, что изволишь по приказамъ ѣздить ночью (2)?

— Отдайте мнѣ Деревнина, отвѣчала царица: — онъ воръ, воръ, онъ покралъ у меня казну!

— Безъ именованнаго императорскаго величества указу отдать невозможно, твердо отвѣчалъ Ягужинскій, отдалъ приказъ увести Деревнина къ себѣ на домъ подъ караулъ, и тутъ же предложилъ Прасковьѣ Федоровнѣ оставить тайную канцелярію.

— Завтра, можетъ быть, я пришлю его къ тебѣ, государыня, — обманчиво увѣрилъ Ягужинскій, когда царица не прекращала упра-

(1) Mémoires du duc de Lihria et de Berwik, écrits par lui-même. 1788, Paris. Также Lettres d'une dame anglaise. Rotterdam, 1776, в *Берггольцъ* ч. II, стр. 261.

(2) Мы никакъ не думаемъ, чтобы генералъ-прокуроръ, приглядѣвшійся къ пыткамъ и казнямъ, вдругъ восчувствовалъ состраданіе къ Деревнину. Нѣтъ, не ради его спасенія, а во имя порядка, презрѣннаго Прасковьей, онъ явился остановить ея злѣйства.

шивать и умолять объ исполненіи ея просьбы. Наконецъ, огорчен-ная старушка, съ слабой надеждой и немалой грустью, оставила Деревнина и отправилась обратно въ свою резиденцію, въ село Измайлово. Впереди, сзади и по бокамъ ѣхали исполнители ея назначеній.

Была глубокая полночь, когда вернулась Прасковья въ свои хоромы; вѣжно обняла она ненаглядную свою внучку Аннушку и мирно опочила отъ трудовъ.

Вознаградилъ ли себя за труды водкообливатель и свѣчеобжигатель Карлусъ оставшейся полбутылкой пѣнника, изъ подлиннаго дѣла не видно ⁽¹⁾.

VIII

ВЪ ОЖИДАНИИ ЦАРСКАГО ПРИѢЗДА.

3-го октября 1722 г. исполнительный каптенармусъ Бобровскій, по долгу службы, вошелъ съ обстоятельнымъ рапортомъ о всемъ случившемся къ начальству тайной канцеляріи ⁽²⁾

Бобровскій ничего не утаилъ, передалъ всѣ мелочи трагическаго событія, но героиню его, всемилостивѣйшую старушку называлъ въ рапортѣ не иначе, какъ «благовѣрнѣйшей государыней»... Въ тотъ же день, въ полдень, генераль-прокуроръ прислалъ Деревнина назадъ въ казенки тайной канцеляріи. Попечительное начальство ея, накануне столь любезно предоставившее старушкѣ потѣшиться, нынѣ вступило въ свои обязанности: на Деревнинѣ приказано: «бой и жженіе описать и лечить его изъ аптеки». Опись коротко, но довольно краснорѣчиво повѣствуетъ о томъ, какъ соизволила гнѣваться царственная старушка: «голова Деревнина, такъ оказалось по осмотру: избита во многихъ мѣстахъ и обожжена вѣстами; также и по носу и по лицу, и подъ глазами избито и обожжено, и почервѣло и опухло, за которою опухолью не знать и глазъ. А руки по запястья обожжены же; на груди противъ сердца избито и вѣстами красно».

Результатомъ осмотра было то, что здоровье арестанта найдено

(1) Вершюнья дѣла Р. Д. Т. К. кар. л. 15, дѣл. о Вас. Дер. ч. II, дон Бобровскаго л. 14—15, допросы: Деревнину, Бобровъ кому, Краснову, очныя ставки Маскину и Пятилѣту, допросы имъ, также Моломахову, Воейковымъ, экстрактъ изъ допросовъ Деревнина и другихъ л. 56—81.

(2) В. Д. Ф. Д. Т. К., кар. XV, л. 14, 18, 20.

много не удовлетворительно; Деревнинъ расхворается, пожалуй перестъ, а вернется царь-государь милостивый, захочетъ имъ «розыскивать въ дѣлѣ государевомъ», не найдетъ его въ живыхъ и спроситъ на мнѣ, на начальникахъ!.. «Господинъ докторъ! поспѣшилъ отписать Скорняковъ-Писаревъ, — въкоторый колодникъ, по тайнымъ дѣламъ содержащійся въ тайной канцеляріи, весьма боленъ; того ради, объявляю его императорскаго величества указомъ, извольте приказать онаго колодника осмотрѣть и приказать лечь, понеже онъ весьма нуженъ».

Въ тоже время канцелярія освободила заарестованныхъ по дѣлу о цыурномъ письмѣ, вняла мольбамъ ревельскаго школьника Юрева, сняла печать и запрещеніе съ его дома и пожитковъ, наконецъ приложила къ дѣлу доношеніе Григорія Терскаго. Лишь только послѣдній замѣтилъ, что дѣло обратилось къ исходу болѣе или менѣе благопріятному; что онъ можетъ быть покоенъ: до него не допустятъ ни допрощиковъ царицы, ни обязательнаго оберъ-полдѣймейстера, — сообразивъ все это, Терскій постарался заявить все, что только могло служить ему оружіемъ противъ его недруговъ. Такимъ образомъ на другой же день послѣ жженія своего зятя Деревнина, онъ смѣло предъявилъ слѣдующее обстоятельство, для дѣла довольно важное: «Увѣдомился я отъ помянутаго Деревнина», писалъ Терскій, «что государыня царица Прасковья Федоровна, просила въ сенатѣ, чтобъ на комнату ея величества съ царевнами учинить окладъ противъ окладу, каковъ учиненъ былъ къ комнатѣ царевны Наталіи Алексѣевны. Въ сенатѣ безъ именнаго его величества указу, того не учинили. А чрезъ прошеніе ея величества такую, вышеобъявленную дачу учинилъ ей Василій Ершовъ обще съ дякомъ Тихменевымъ, и за то взялъ себѣ деньгами и протчимъ не меньше 7000 руб. Все это явно, продолжалъ Терскій, по записнымъ книгамъ, которыя оный Тихменевъ взялъ къ себѣ будто для счету, а тѣ книги скрылъ, о чемъ я и доношеніе на него Тихменева въ надворный судъ подаю и въ ономъ будутъ его, Тихменева, обличать я, Терскій, Деревнинъ, да купчина Антипъ Моисѣевъ»... (1)

Доношеніе Терскаго немножко освѣщаетъ ту безурядицу, которая царила въ хозяйскихъ дѣлахъ Прасковьи. Чтобъ познакомиться съ ними поближе и тѣмъ получить еще разъ возможность прослѣдить то значеніе, какое старушка имѣла при дворѣ, ея силу, любовь и вниманіе къ ней государя и государыни, позволяемъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе.

Прасковья, какъ мы уже знаемъ, вела себя относительно Петра

(1) В. Д. Р. Д. Т. К. кар. XV. л. 12—14.

и всѣхъ придворныхъ , по своему времени съ большимъ тактомъ и умѣньемъ. Самые противорѣчащіе другъ другу поступки совершенно спокойно улаживались въ ея повеленіи. Жѣнщина по своему религіозная , преланная стариннымъ обычаямъ и обрядности , она въ тоже время , по первому царскому зову , облакалась въ шутовскій костюмъ и выступала съ своими Фрейлинами «въ смѣхотворной процессіи свадьбы князь-папы» (1). И нельзя сказать, чтобъ это дѣлала она изъ страха, по принужденію; нѣтъ! по крайней мѣрѣ этого не видно ни въ ея «шутливомъ обхожденіи» съ Петромъ , ни въ ея обращеніи съ толпой его деньщиковъ и временщиковъ, за которыми она ухаживала , зная ихъ силу и вліяніе на дѣла... Составилась ли какая-нибудь ассамблея , пиръ на чистомъ воздухѣ въ лѣтнемъ саду , попойка , ради какого-нибудь торжества въ правительствующемъ сенатѣ , публичный маскарадъ , свадьба , именины ли чьи праздновались дворомъ — въ кругу гостей неотмѣнно присутствовала старушка Прасковья. Зная , что присутствіе ея будетъ пріятно Петру , она не обращала вниманія на недуги , плелась въ своей колымагѣ на пирушку и злѣсь съ участіемъ слѣдила за прыганьемъ молодежи и съ большимъ усердіемъ осушала бокалы. Въ черномъ платьи , въ шапкѣ стариннаго русскаго покроя , она рѣзко выдѣлялась въ облакахъ табачнаго дыма , среди пудреной и расфранченной на нѣмецко-голландскій манеръ , толпѣ придворныхъ (2). Ея родная сестра Настасья , княгиня-кесарша Ромодановская , одарена была не меньшею угодливостью : по желанію царскому , она постоянно разыгрывала роль древней русской царицы , облакалась въ костюмъ стариннаго покроя , принимала съ достолюбною важностью всѣ смѣшныя почести ей воздаваемые и проч. Однимъ словомъ , въ ней олицетворилась довольно злая пародія Петра надъ стариною.

И та и другая сестра — частыя посѣтительницы монастырей , вкладчицы многихъ изъ нихъ , жаркія поклонницы разныхъ митрополитовъ , архіереевъ и другихъ духовныхъ сановниковъ , не только безъ негодованія смотрѣли на пьяный соборъ , учрежденный великимъ Петромъ : «соборъ всешутѣйшій и всепьянѣйшій князь-папы» (3) , — но присутствовали и мало того , зачастую принимали участие съ государемъ и дворомъ въ ихъ оргіяхъ.

(1) Голыковъ VI. 285—286.

(2) Берггольцъ I. 55. 166—176, 195—200, 232—233. II. 69—77. Хаманко его діаріушъ. Чтенія. Общ. Истор. 1858 г. кн. I. Смѣсь. стр. 20—23.

(3) Члены его кардиналы , равно и глава собора , какъ извѣстно (по Голыкову и друг.), носили костюмы русско-стариннаго духовенства , патріарха , архіереевъ и проч. чиновъ.

Всѣ капризные требованія Петра на пирахъ, слѣпо выполняемыя даромъ, выполнялись безусловно и Прасковьей: опомтъ царь государь дорогихъ собутыльниковъ и собутыльницъ, уйдетъ соснуть часа два и велитъ часонымъ никого не выпускать изъ комнаты. Душно, сыро, пахнетъ водкой, виномъ, отзывается послѣдствіями изыскаго угощенія, по угламъ храпятъ пьяные, а Прасковья сидитъ подлѣ императрицы, ждетъ выхода царскаго и, скучая сама, старается одно занять бесѣдой «дорогую невѣстуху». Пришолъ государь, начались танцы; пожелалъ Петръ, чтобъ танцевала царевна Прасковья и старушка посылаетъ хворую, худую и вѣчно страдающую ногой дочку Парашу протанцевать, потѣшитъ «дяденьку съ тетенькой».

Было бы странно, еслибъ мы стали идеализировать и увѣрять, что всѣ эти пиры и попойки съ ихъ отвратительною обстановкою (съ вышней точки зрѣнія), производили тяжелое впечатлѣніе на Прасковью и будто бы только нужда заставляла ее угождать требованіямъ и капризамъ Петра... Такъ думать, значило бы находить Прасковью выше своего времени, выше своего общества... Напротивъ! Если кто есть полизѣйшее воспроизведеніе своего времени, типъ петровскаго общества со всѣми его особенностями, такъ это именно Прасковья. Если мы и говоримъ о пирахъ, маскарадахъ и ассамблеяхъ ею посѣждаемыхъ, такъ только для того, чтобъ показать, какъ умѣла она примирить въ себѣ вѣрованіе и предрасудки, завѣщанныя стариной, съ воззрѣніями новой, переходной эпохи...

Теперь вспомнимъ, какъ нелицеприятно вѣровала Прасковья въ авторитетъ свояка государя; его слово — законъ, его мнѣніе — свято. Съ какою довѣренностью предоставила она ему распоряжаться судьбой ея дочерей, и онъ распорядился ими такъ, какъ это требовали его планы и расчеты; какъ слѣпо вѣровала она въ спасительность его медицинскихъ совѣтовъ и какъ часто посѣщала его любимыя минеральныя воды, въ наивной увѣренности, что вода можетъ спасти ее отъ водки и вина, повергшихъ ее въ преждевременныя и тяжкіе недуги!

Такой преданности, такого уваженія къ своей особѣ, такого послушанія, Петръ находилъ въ весьма немногихъ изъ своихъ тетокъ, сестеръ и другихъ женскихъ лицъ царственной семьи. И такъ мудро ли, что въ признательность онъ былъ внимателенъ, любилъ и уважалъ Прасковью. Петръ зачастую посѣщалъ невѣстку, отдыхалъ у ней съ своею свитою, пировалъ въ ея теремахъ, шутилъ и балагурилъ⁽¹⁾...

(1) Походный журналъ 1715 г. Спб. 1855 г. Голицыновъ VII. 633, 635, 360, 444—446, 436 и проч.

Вниманіе, даже уваженіе его къ невѣсткѣ было такъ велико, что сама императрица, иногда прибѣгала къ посредству Православа, чтобъ устроить какое нѣбудь щекотливое дѣло. Такъ напр. въ извѣстномъ, кровавомъ эпизодѣ фрейлины Гамильтоновъ — императрица и министры не успѣвъ въ своихъ просьбахъ о помилованіи несчастной дѣвушки, «разсудили, такъ пишетъ Татищевъ, склонить къ просьбѣ царицу Прасковью Федоровну, вѣдая, что государь ее совѣты почиталъ и ее просьбы не презиралъ». Извѣстно какой отвѣтъ вызвали у Петра «пространное разсужденіе Прасковьи и милости къ виновнымъ выхваленіе». Онъ предоставилъ судьбу фрейлины всей строгости законовъ, иначе сказать, обрекъ ее на смерть. Увидавъ не успѣхъ своего ходатайства, старушка не потерялась и, «шуточнымъ прикладомъ рѣчь Петра пресѣклан» (1)...

Такимъ образомъ и тутъ, при ходатайствѣ въ дѣлахъ щекотливыхъ, — царица дѣйствовала осторожно; чтобъ не разсердить державнаго свояка. И своякъ умѣлъ это цѣнить: два-три факта — достаточно знакомятъ съ его отношеніями къ Прасковьѣ. Такъ напр. при отводѣ (въ 1716 г.) въ новой столицѣ мѣстъ подъ дома своимъ приближеннымъ, государь предоставилъ невѣсткѣ самой выбрать мѣсто; за тѣмъ подарилъ ей мызу въ Петергофѣ, оказалъ ей содѣйствіе (въ 1720 г.) при постройкѣ дворца на Васильевскомъ острову, подарилъ Петровскій островъ и проч. (2)

По вѣдомости, напечатанной у Голикова, окладъ содержанія на дворѣ ц. Прасковьи и ее дочерей былъ весьма незначительный, но однако не меньше другихъ членовъ царской фамиліи. По Голикову на дворцовые расходы Прасковья въ 1699 году, отпускалось 4,378 р. 24¼ коп., между тѣмъ какъ на содержаніе наследника престола шло

(1) *Татищевъ*: Судебникъ Ивана III изд. 1786 съ примѣчаніями. Стр. 87—88.

(2) *Рубанъ* стр. 61. Домъ Прасковьи на Васильевскомъ острову — отомолъ въ 1725 г. подъ Академію Наукъ. *Голиковъ*. XIII стр. 397. VI стр. 371. 635 и проч. Дома нѣкоторыхъ изъ придворныхъ царицы — были на большой Морской улицѣ, такъ напр. конюшаго Ив. Кормакова и друг. Каб. дѣл. II пол. т. XLVII л. 23—89. Петровскій же островъ не съ разу поступилъ во владѣніе Прасковьи, это видно изъ слѣдующаго письма: «Государыня моя невѣстухка царица Прасковья Федоровна и проч., пишетъ Екатерина, прежде сего писала я къ в-ву, чтобъ вы изволили взять себѣ Крестовскій островъ; но цѣнже я тогда не вѣдала, что оный островъ, еще когда здравствовала ея в-ство блаженныя Петри герцогиня (не принцесса ли Шарлотта?), изволили уступить вмѣсто Петровскаго острова свѣтлѣйшему князю А. Д. Меншикову, на которомъ у него уже многое строеніе заведено. Того для, прошу ваше в-ство, чтобъ вмѣсто оного Крестовскаго острова, изволили взять себѣ Петровскій островъ», и проч. *Каб. дѣл.* I пол. LXIV т. 719 л.

только 3,932 руб. Всѣмъ тремъ дочерямъ царицы на дворцовые ихъ расходы шло 2,978 руб. (1)

Въ послѣдующіе годы окладъ и матери и дочкамъ значительно увеличенъ; изъ вѣдѣній у насъ «Вѣдѣнія» видно, что всѣмъ имъ денегъ отпускалось 18,000 руб., на починку каретъ 40 р., дровъ 410 саж. Лошадей чрезъ два года вѣсто упалыхъ стоялыхъ по 12, подъемныхъ — по 28, итого 40 лош. Затѣмъ сѣно, овесъ, солома — въ соразмѣрномъ количествѣ. Винъ краснаго и бѣлаго въ годъ по 14 бочекъ. Все это иногда замѣнялось, по требованію царицы, выдачею денегъ, — по соответствующимъ цѣнамъ (2). На служителей шла особенная денежная и хлѣбная дача: денегъ 1760 р. да въ соразмѣрномъ количествѣ овесъ и рожь.

Кромѣ окладовъ царскихъ Прасковья получала изрядные доходы съ своихъ вотчинъ. А ихъ было не мало: такъ напр. въ 1721 году въ разныхъ волостяхъ въ Новгородскомъ, Псковскомъ и Копорскомъ уѣздахъ, также въ Старопольской сотнѣ состояло въ ея владѣніи 2,477 посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ (3). Нѣтъ сомнѣнія, что эта цифра еще не выражаетъ полнаго числа владѣній царицы, владѣла она дворами и душами и въ другихъ уѣздахъ, но только намъ не попадались о нихъ «вѣдѣнія» въ массѣ просмотрѣнныхъ бумагъ. Нельзя между-тѣмъ не замѣтить, что достатокъ старушки иногда увеличивался довольно оригинальными способами; Василий Федоровичъ Салтыковъ, ея нѣжный братецъ (4), и нашъ добрый знакомый, въ 1705 году помѣнялся пустыми помѣстными землями съ жвалцомъ Климонтовымъ и вымѣнялъ у него въ Кромскомъ уѣздѣ пустошь Курбакину (5). При отказѣ однако пустоши за Салтыковымъ оказалось, что земля была не пустая, на ней явилось нѣсколько жилыхъ крестьянскихъ дворовъ. Это обстоятельство не согласовалось съ мѣновыми книгами, въ которыхъ было писано, что мѣна происходила пусто на пусто; однако же откащикъ записалъ за Салтыковымъ пустошь Курбакину деревней, а чьи крестьяне и кто ихъ

(1) Т. XIII стр. 707—708.

(2) Для любопытныхъ приводимъ тогдашнюю таксу: сажень дровъ обходилась, во «Вѣдѣніи», 2 р. 20 алт.; мѣрная коша сѣна 4 р. 16 алт. 4 д.; возъ соломы 2 р. 2 алт. Стоялая лошадь цѣнилась въ 15 р., подъемная 7 р. 16 алт. 4 д. Каб. дѣла. II пол. т. ХСII л. 430.

(3) Каб. II пол. ХСII стр. 431—432.

(4) По свидѣтельству Берхгольца, графъ Салтыковъ не служилъ въ государственной службѣ, но состоялъ въ числѣ кавалеровъ сестры и имѣлъ польскій орденъ. I стр. 195.

(5) Подробности этого интереснаго процесса изложены *Поблдоносцевымъ* въ Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній относ. до Россіи, 1859, кн. IV, смѣсь, стр. 70—75.

на той землѣ поселилъ, того въ отказныхъ книгахъ не означалъ. Съ тѣхъ поръ крестьянами сталъ владѣть Салтыковъ.

Между тѣмъ сыскался законный владѣлецъ. Салтыковскіе крестьяне — оказались бѣглыми холопами стольника Засѣцкаго. Лѣтъ десять тому назадъ ихъ «завѣдомо бѣглыхъ», принялъ Салтыковъ и поселилъ на новой землѣ своей; а Засѣцкій въ то же время долженъ былъ за нихъ вносить въ казну подати, по перенесеннымъ книгамъ.

Въ то время помѣстья и вотчины богатыхъ и знатныхъ людей, зачастую наполнялись бѣглыми крестьянами на счетъ бѣднѣйшихъ владѣльцевъ. Только въ 1712 году собравъ все надлежащія свидѣнія объ укрываніи бѣглыхъ Салтыковымъ, Засѣцкій началъ съ нимъ искъ въ московскомъ приказѣ земскихъ дѣлъ. Избѣгая отвѣтственности Василій Федоровичъ Салтыковъ поспѣшилъ возвратитъ незаконно захваченныхъ холопей? — вѣтъ, ударить челомъ, ихъ дворами и животами, словомъ всемъ помѣстьемъ, тещирицъ своей, царицѣ Прасковьѣ. Водворивъ такимъ образомъ новую владѣлицу «персону знатную и сильную», бояринъ успокоился за ней, какъ за каменной стѣной. Въ самомъ дѣлѣ, Прасковью не осилили двѣнадцатилѣтнія хожденія по судамъ Засѣцкаго. Все его челобитныя жалобы, протесты, волокиты по приказамъ разныхъ вѣдомствъ не привели ни къ чему. Салтыковъ положительно уклонился отъ отвѣтовъ судьямъ; тѣже съ своей стороны вели себя крайне осторожно, страшась озлобить именитаго человѣка. Благодаря ихъ уголивости, просьбы злополучнаго истца повторились и въ 1725 году, т. е. два года спустя послѣ смерти помѣщицы-царицы, и только смолкли совершенно въ 1730 годахъ, когда на престолъ взошла родная племянница Салтыкова — Анна Ивановна; тогда уже о правомъ рѣшеніи дѣла нечего было и думать.

Старушка Прасковья пеклась, на сколько позволяли ей досугъ и здоровье, о своихъ животахъ и дворахъ, и эти заботы для нея были тѣмъ легче, что она могла постоянно обращаться за покровительствомъ, либо къ дорогой невѣстущкѣ-государынѣ, либо къ разнымъ милостивцамъ второй руки.

Вотъ напр. съ какими грамотками относилась она къ кабинетъ-секретарю Макарову, человѣку мочному при дворѣ Петра:

«11 февраля 1714 г. С. Измайлово. Алексѣю Васильевичу здравія твоего желаю! Прошу у тебя, пожалуй, покажи всякую милость надъ Нефедомъ Кармилицынымъ. А миѣ есть причина объ немъ просить, что мать его была въ кармилицахъ у государя моего, царя Ивана Алексѣевича. И чтобы ему не быть задержану о вышедшихъ

вошь съ прощеніемъ прошу. За симъ остаюся, царица Прасковья, кланюсь».

«Алексѣй Васильевичъ, здравствуй на множество лѣтъ! Пожалуй, иди къ намъ о своемъ здоровьѣ, я я жива до воли Божіей и съ дѣтии. Пожалуй, по твоей ко мнѣ любви, покажи милость о моихъ дѣлахъ, въ которыхъ станеть доносить человекъ мой. И поговори Якову Никитичу, (Шаховскому?) чтобъ изъ моихъ деревень, изъ Осѣчинскихъ волостей⁽¹⁾, также изъ другихъ вывелъ (бы) драгунъ и солдатъ, и лошадей. А ежели онъ въ семъ дѣлѣ милости не покажетъ, и ты, пожалуй, донеси и побей челомъ государынѣ, моей невѣстухкѣ, царицѣ Екатерины Алексѣевны за меня съ прилежаніемъ: чтобъ она въ моихъ дѣлахъ милость показала, также въ мызахъ и мѣстахъ, которыя раздавалъ Шаховской. А я во всемъ на тебя надежна. И ни тѣ мѣста противъ иныхъ не всѣ даны. Пожалуй, Алексѣй Васильевичъ, особо донеси о мызахъ и о мѣстахъ невѣстухкѣ, и побей челомъ; а я на твое жалованье надежна и буду твоей милости платить. При семъ писавши, кланяюся царица Прасковья, о вышеписанномъ съ прошеніемъ прошу»⁽²⁾.

Для Макарова едва ли и нужны были обѣщанія подарковъ; для него уже было достаточно знать благосклонность и приязнь къ Прасковьѣ государя и государыни и онъ спѣшилъ сдѣлать «все отъ него зависящее». Государыня была особенно любезна къ старухкѣ. Секретарь Екатерины въ отвѣтныхъ рескриптахъ къ Прасковьѣ старательно выводилъ отъ имени государыни самыя родственныя фразы: «Государыня моя невѣстухка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ! Письма ваши, моей государыни, я получила, и за оныя вѣло благодарствую... Прошу только, дабы впредь почаще изволили ко мнѣ писать о своемъ здравіи, ибо я того усердно желаю и проч.»⁽³⁾.

Въ благодарность за ласки и вниманье, Прасковья изливалась предъ государыней въ самыхъ нѣжныхъ эпитетахъ, между прочимъ именовала ее: «добродѣтельною миротворительницею фамиліи царской и т. п.»⁽⁴⁾.

(1) Въ Новгородскомъ уѣздѣ.

(2) Каб. II. пол. т. XXI л. 1038—1039. Мы не сохранили орфографію подлинниковъ, такъ какъ изъ писемъ, помѣщаемыхъ въ приложеніяхъ, читатель достаточно познакомиться съ правописаніемъ магушки императрицы Анны Ивановны.

(3) Каб. I. пол. т. LXIV л. 727.

(4) На этомъ эпитетѣ Голиковъ строитъ цѣлое разсужденіе о томъ, что сердце ея величества Екатерины Алексѣевны было не токмо не злобное, но самое добродѣтельное. т. VII с. 16.

Какъ бы то ни было однако, но ни услужливость Макарова, ни покровительство государыни не могло водворить въ административномъ и домашнемъ быту Прасковьи какой либо порядка... Удаленіе отъ дѣлъ ея казначея Деревинна, затѣмъ октябрьское донесеніе Терскаго, уже указали намъ на безурядицу, царящую въ дѣлахъ старушки.

Быль ли виновенъ Деревиннъ въ похищеніи ея казны — рѣшить трудно, тѣмъ болѣе, что при дѣлахъ сохранилось «извѣстіе», составленное Терскимъ въ защиту Деревинна.

Въ этомъ извѣстіи, ловко составленномъ, выведена слѣдующая свѣта: «въ приходѣ, взято изъ большой казны окладныхъ на 1715 г. 18,320 руб., на 1716 г. 24, 066 руб. 9 алт. 4 ден. На 1717 г. 12,600 руб. На 1718 г. 32,915 руб. Итого въ приходѣ 95,055 руб. 2 алт. 4 ден. И изъ того числа на разныя дачи въ расходѣ 95,055 руб. 2 алт. 2 ден.» (1).

Такимъ образомъ оказывалось, что Деревиннъ былъ чистъ — едва ли не какъ ангелъ: на немъ оставалось долгу всего 2 деньги! На сколько вѣренъ расчетъ его тестя, повторимъ, рѣшить трудно, такъ какъ дѣло, по самой сущности, выходило изъ вѣдомствъ тайной канцеляріи, и въ картонкахъ дѣлъ, ею вѣрочныхъ, мы не находимъ данныхъ ни за, ни противъ Деревинна.

За то несомнѣнно, что воровали другіе ея управляющіе; эти вѣнцы мы уже называли Аргамакова. На немъ и его сынѣ лежала обязанность собирать доходы съ нижегородскихъ имѣній дарницы и вести приходо-расходныя книги. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неуправленія, въ книгахъ замѣчено было до 300 подчистокъ: убавлены въ чистовыхъ книгахъ приходы денегъ и хлѣба, также и въ черновыхъ книгахъ многія статьи вычеркнуты, денегъ и хлѣба убавлено; въ среднемъ числѣ, какъ казались сами Аргамаковы, они клали въ свой карманъ изъ сотни — по рублю и болѣе (2).

Не смотря на крупныхъ и мелкихъ ворышекъ, въ приходѣ все-таки были большія суммы, и если бы старушка умѣла заправлять хозяйствомъ, оно бы шло прекрасно; а между тѣмъ за ея беспечностью, да за недосмотрами возлюбленнаго Юшкова, на дѣмѣ дарницы были постоянные недочеты, такъ что зачастую обращалась Прасковья въ кабинетъ его и ея величества, еще чаще занимала у частныхъ лицъ... Кредиторы, не получая уплаты, входили съ просьбами объ удовлетвореніи въ тотъ же государевъ кабинетъ (3).

(1) Дѣло л. 12—14, 39—40. Вѣдѣніе о приходѣ и расходѣ подано Терскимъ 22 октября 1722 г.

(2) Каб. дѣла II полов. т. LXV л. 478.

(3) Смотр. въ дѣл. Кабин. II пол. т. LVI л. 454, о выплатахъ Спб. купцамъ

1722 годъ нашолъ Прасковью и ея дочерей въ родимомъ селѣ Измайловѣ. Жизнь ихъ текла обычной колеей; русскіе сановники и иноземцы пріѣзжали сюда съ визитами, развлекали хворую старушку, слушали болтовню царевны Катерины, радовали всѣхъ ихъ вѣстами «съ персидскаго похода», о царѣ-государѣ, государынь и ихъ войскѣ, о взятіи ими городовъ да крѣпостей, о покореніи цѣлыхъ племенъ. Царскіе курьеры сообщали интересныя подробности о всѣхъ трудностяхъ похода, о большой смертности, о невыносимой жарѣ, о томъ, что императрица, чтобы хоть нѣсколько облегчить себя, должна была остричь свои волосы, и проч. и проч.

Не малое развлеченіе измайловскимъ обитательницамъ должны были доставлять вѣсти изъ Москвы: о торжественныхъ пирахъ, по случаю радостныхъ извѣстій съ театра войны; не менѣе любопытны были подробности о другихъ московскихъ диковинкахъ, какъ напр. о публичныхъ казняхъ — политическимъ и другихъ «зловѣвъ государственныхъ». Нѣкоторыя изъ этихъ казней дѣйствительно были довольно курьезны. Такъ напр. въ августѣ 1722 г. въ Москвѣ, на болотѣ навнесъ старецъ безумный Левинъ за то, что находилъ въ Петрѣ олицеобразіе Антихриста. Послѣ длиннаго ряда арестовъ лицъ разныхъ сословій по этому дѣлу, послѣ лютыхъ пытокъ, старецъ Левинъ казненъ по приговору правительствующаго сената: отрубленная голова отправлена въ Пензу, мѣсто его родины, на выставку на столбъ, а тѣло сожжено (1).

10,000 занятыхъ на пять дней ц. Прасковьей, письмо Ю. Нелединскаго 1721 г. Августа 3. т. LXI л. 876—877: письмо Ягужинскаго о удовлетвореніи изъ кабинета кн. Настасьи Голицыной, по указу государя, 2000 руб., занятая у нея ц. Прасковьей, 12 июля 1722 г. и проч.

(1) Государь писалъ, чтобы старца казнить въ Пензѣ; А. И. Ушаковъ нашолъ это неудобнымъ, распорядился казнью въ Москвѣ, послѣ чего оправдывался слѣдующимъ наипочтительнѣйшимъ письмомъ. Москва 2 августа 1722 г. — казнь Левина не учинена въ Пензѣ для того, что помянутый плутъ въ видѣ своей прежде привнесъ покаяніе, но потому какъ на прежнюю свою злобу обратился. И при сенаторахъ будучи на сплечахъ съ великою жесточью тѣ свои злыя слова говорилъ и объявилъ, что онъ прежде покаянье приносилъ для того, чтобы ему освободиться отъ смерти и отпустили бы его въ монастырь. И ежели бы де оное учинили, то имѣлъ онъ намѣреніе, чтобы въ градѣхъ и на путѣхъ прежніи злыя слова (Петръ де-антихристъ) народу разглашать. А потомъ, хотя онъ и вривалъ чистое покаянье, написалъ своеручно, однакожъ опаснись вышепозачааннаго его къ злобѣ обращенія, чтобъ онъ въ пути какимъ-нибудь образомъ тѣхъ злыхъ словъ народу не разсѣвалъ... Ушкаковъ распорядился его казнью въ Москвѣ, да и тутъ еще, изъ того же опасенія, велѣлъ предварительно, какъ самъ пишетъ, вырѣзать Левину на генеральномъ дворѣ языкъ. Выѣстъ съ Левинымъ, по его дѣлу, казнено 6 человекъ духовныхъ лицъ. Головы ихъ выставлены были на колахъ. Каб. II пол. т. LXI л. 544—545.

Изъ всѣхъ вѣстниковъ — какъ мѣстныхъ такъ и «изъ походу», для измайловской старушки, безъ сомнѣнiя, наиболѣе цѣнными были тѣ, которые привозили грамотки отъ царя-батюшки, либо отъ государыни-невѣстшукки. Последняя нѣсколько разъ втеченіе похода 1722 г. приказывала писать отъ своего имени къ царицѣ, и чтобъ ногѣшить последнюю секретарь писалъ о событіяхъ въ шутиной формѣ.

«Государыня моя невѣстшукка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ! Объявляю вамъ, пишетъ секретарь въ одномъ изъ посланiй отъ лица Екатерины, что мы отъ Астрахани шли моремъ до Терека и отъ Терека до Астрахани. А тамъ, выбравши на землю дожидались долго кавалерiи. И потомъ дошли во владѣнiе салтана Мамута темъшскаго; оный ни чѣмъ къ намъ не отозвался; того ради, августа 19 числа, поутру, послали къ нему съ письмомъ трехъ человекъ донскихъ казаковъ. И того жъ дня, въ три часа пополуночи, сей господинъ нечаянно нашихъ атаковалъ, которому гости зѣло были рады и, принявъ, проводили его наши до его жилища, отдавая контра-визитъ, и, побывъ тамъ, сдѣлали изъ всего его владѣнiя фейерверкъ для утѣхи имъ. — Какъ взятые ихъ, такъ и другіе владѣльцы сказываютъ, что ихъ было съ 10.000 человекъ, и едва же половина пѣхоты, изъ которой около 600 человекъ отъ нашихъ побито, да взято въ полонъ 30 чел. Съ нашей стороны убито 5 драгунъ, да 7 казаковъ. Сего города ваянъ (наиѣстакъ) встрѣтилъ насъ и ключъ серебряный его величеству поднести у воротъ; правда, что люди съ пелищемървою любовью (насъ) приняли и такъ ради, какъ бы своихъ изъ осады выручили. Сей городъ, Дербень, по всему видно, что старинный и великое каменное званіе имѣеть, о которомъ заповѣдно повѣствуютъ, что строилъ его Александръ Великій. Маршъ сей, хотя недалеко, только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и великихъ жаровъ.» (1)

Подобныя грамотки дороги были Прасковѣ, онѣ напоминали ей о милости и расположенiи къ ней ея «благодѣтеля и благодѣтельницы.» Онѣ веселили, успокаивали ее... Спокойствіе и веселье было возмущено неудачной прогулкой старушки въ подвалы тайной канцелярiи...

Возвратясь къ этому кровавому эпизоду, мы, — послѣ столь длиннаго отступленiя, перейдемъ къ послѣдующимъ событіямъ. Въ ожиданiи царскаго прiѣзда, намъ остается узнать: что сдѣлано было «инквизиторами» — по дѣлу Деревниина, что говорили и какъ вели себя аристократы послѣ сожженiя strapчaго, на сколько интересо-

(1) Письма Екатерины I, 1722 г. авг. 30, Дербень.

вѣдись дни этимъ эпизодомъ, чѣмъ и какъ развлекались, о чемъ вели бесѣду, наконецъ, что подбывала измайловскія обитательницы послѣ ночи 2 октября; измѣнили ли онѣ въ чемъ-нибудь свою жизнь, насколько беспокоилась старушка по поводу своей вспышки? и проч.

На другой же день послѣ освобожденія Деревянина изъ рунъ доворощенныхъ палачей царицы Прасковьи, П. И. Ягужинскій весело проводилъ время у тайнаго совѣтника Бассевича. Здѣсь собралась большая компанія русскихъ и голштинцевъ съ своимъ герцогомъ, послушать музыку; но не она была на первомъ планѣ у веселыхъ собесѣдниковъ: бокалы не выходили изъ рукъ собесѣдниковъ, пили за обѣдомъ, пили во время концерта, пили во весь вечеръ, пили — стоя, сидя, наконецъ на колѣнкахъ. Генераль-прокуроръ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ *питуховъ* въ водкопитіи: онъ провозглашалъ тостъ за тостомъ и когда поднятъ былъ бокалъ за здоровье сильно подгулявшаго герцога, нѣкоторые изъ его совѣтниковъ — въ избыткѣ преданности, попомали къ нему на колѣнкахъ и съ умиленіемъ лобызали ручку его герцогскаго высочества.

Вельножи вообще продолжали неустанно съѣзжаться на шары и попойки: каждая вѣсть съ театра войны, мало-мальски пріятная, служила поводомъ къ немедленному сбору на водкопитіе, т. е. оффиціальнѣй, торжественнѣй обѣдъ. За отсутствіемъ государя — обѣдаемъ этими большею частью шеголями А. Д. Меншиковъ, П. И. Ягужинскій, герцогъ голштинскій; его тайный совѣтникъ Бассевичъ и другіе. Съ этихъ пирушекъ, благодаря его высочеству и другимъ питухамъ, которые пили съ замѣчательною энергіею и всячески старались напоить другъ-друга *до нелзя*, многіе савонники, по свидѣтельству одного изъ участниковъ пировъ, рѣдко что довозили до дому изъ того, что съѣдали... Вино занимало савонниковъ, танцы — развлекали дамъ, которыя прыгали тутъ же въ душныхъ и сирадныхъ палатахъ, на мѣстѣ вынесенныхъ столовъ... Особенно нескончаемы были танцы, когда являлся среди танцующихъ подгулявшій генераль-прокуроръ. Онъ требовалъ, чтобъ танцовали больше и больше, подгонялъ танцовать кавалеровъ, кружился самъ, требовалъ, чтобъ не отпускали дамъ — и балъ тянулся до тѣхъ поръ, пока всѣ не отбивались отъ ногъ. Ягужинскому никто не смѣлъ отказать; и ужъ чего онъ хочетъ, замѣчаетъ Берхгольдъ, «то непременно надо исполнить.» Петра не было, меньше въ ходу были штрафные кубки, — было свободнѣе — и веселились на распахку: не только Ягужинскій, свѣтлѣйшій Меншиковъ, канцлеръ Головкинъ и другіе министры, но даже самъ Скорняковъ-Писаревъ, жолчный, злой — членъ страшнаго судилища и тотъ, отуманенный и увлеченный «пьянственнымъ весельемъ» — пускался иногда въ плясъ, вечеромъ, старательно вы-

дѣлывалъ па въ минуты — выхаживалъ въ польскомъ, а утромъ, нощь въ застѣнокъ и ставилъ депрашиваемыхъ въ хомутъ, тащилъ на виску, либо укладывалъ «персты» въ тиски, голову въ станокъ...

Герцогиня Катерина Ивановна не силѣлось въ Измайловѣ съ большой маменькой-порчуней; ей скучно было слушать ея воркотню, скучно глядѣть на изможденную старуху, перевозимую изъ комнаты въ комнату въ креслѣ на колесахъ, и вотъ она не удускала случая посѣщать пиры и ассамблеи боярскія. Катерину Ивановну не останавливала даже непроѣздная московская мостовая.

Въ концѣ октября 1722 года сдѣлалась оттепель, пошла дождь и чуть не съ первой ея капли на улицахъ столицы сдѣлалась такая грязь, что балки деревянныхъ мостовыхъ почти плавали... По этому океану грязи, тѣмъ свободнѣе скоплавшейся на улицахъ, что ее не пускала въ канаву вынутая изъ нихъ земля, — насыща изъ нее были выше уровня середины улицъ, — не этому океану смѣло цѣдела въ колымага-коласкѣ царица Катерина.

Еслибъ мы могли перенестись на то время въ Москву, мы бы увидѣли любимицу царицы Прасковью и у Меншикова, у Ягужинскаго, у Головкина, у Бассевича, и другихъ вельможъ на свадьбахъ, имениныхъ пирогахъ, «викторіальныхъ» пирахъ, танцевальныхъ собраніяхъ и проч. Герцогиня особенно много любезничала съ герцогомъ голштинскимъ и кавалерами его свиты, какъ не было, временно ея пребыванье въ Германіи, но этого времени было достаточно, не на столько, чтобы выучиться говорить, но чтобы полюбить и ѣмцевъ... Катерина Ивановна вела себя на ассамблеяхъ совершенно непринужденно, отказывала однимъ, немедленно затѣмъ шла танцевать съ другимъ (1), болтала со всѣми и убѣдительно просила голштинцевъ навѣщать ее въ Измайловѣ. Въ 9, много въ 10 часовъ вечера, она всегда уже спѣшила туда, къ маменькѣ.

24 ноября 1724 года, день ангела императрицы, также и герцогиня Катерина Ивановна, вся знать пировада въ зданіи сената. Между именитыми дамами присутствовала за обѣдомъ сама герцогиня. Временной генераль-прокуроръ Писаревъ (Ягужинскій уѣздъ) въ это время, по царскому указу, въ Петербургъ), былъ хозяиномъ пира, и лѣтательно угощалъ рядомъ кушаньевъ, притотованныхъ въ русскомъ вкусѣ съ лукомъ и чеснокомъ, — для русскихъ прерасно, для пріѣзжихъ ввоземцевъ (шведскаго посланника, его секретаря и другихъ) отвратительно. Пили много, обѣдъ сопровождался обычными явленіями, характеризующими тогдашнее общество:

(1) Катерина Ивановна больше всего любила польскій; въ минуты и прочихъ танцахъ она была вообще неискусна.

такъ напр. одинъ весьма сивовитый гость, преспокойно перелѣзъ, въ сапогахъ черезъ столъ, причеиъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на то, что при этомъ выступилъ прямо въ средину какого-то блюда...

Съ сенатскаго обѣда отправитесь въ Измайлово. Здѣсь мы найдемъ обычныхъ ея посѣтителей—Головкинскихъ и Ромодановскихъ (обѣ родственныя между собой фамилии, были какъ известно въ родствѣ съ домоиъ Салтыковскихъ); Катерина Ивановна также уже здѣсь; она съ нетерпѣніемъ ждетъ герцога голштинскаго, которому обѣщала даже, если онъ ея посѣтитъ, сдѣлать подарокъ.

Герцогъ исполнилъ свое обѣщаніе и радостная Катерина немедленно приказала фрейлинѣ принести изъ спальни прекраснѣ сдѣланныя четки, подарить дорогому гостю.

Мы уже были въ измайловскихъ комнатахъ (1); всѣ онѣ убраны плохо, расположены неудобно, почти всѣ слышимъ проходивша. Прасковья-старушка больная, лежала въ кровати, тѣмъ не менѣе она приняла гостей. Гости пили и говорили въ ея маленькой спальнѣ, нѣмѣ и въ спальнѣ герцогини, наконецъ по ея приглашенію, устѣлись ужинать за длинный узкій столъ. Ужинъ былъ приготовленъ наскоро; наамеранъ герцога ничего не досталось; за то послѣ стола, по желанію Катерины Ивановны, всѣ они должны были танцовать и волею неволею прыгать съ нею; инероизированная вечерница затуманилась было торжачимъ споромъ герцогини съ Бассевичемъ за герцога мекленбургскаго и его дѣло; вѣроятно Бассевичъ обвинялъ его за сумасбродство, а преданная сузурга горячо за него заступалась, но послѣ ужина миръ возобновился и гости частью съ,пустыми шелудами прыгали до 11 часовъ вечера. Пили впрочемъ весело, что видно ужъ изъ того, что на другой день у дорогого гостя (герцога голштинскаго) сильно болѣла голова.

Для три спустя Катерина Ивановна имѣла вновь удовольствіе видѣться съ герцогомъ на званномъ обѣдѣ у своего дялюшки Василія Федоровича Салтыкова. Обѣдъ былъ въ одномъ изъ его домовъ, подлѣ вѣмецкой слободы. Въ деревянномъ, ветхомъ, весьма плохомъ палаццо Василія Федоровича, собралось большое общество, болышею частью либо родственничковъ, либо близкихъ почему бы то ни было къ царицѣ: Ромодановскіе, Головкины, Татищевы, Матѣевы, молодой Салтыковъ и другіе. Сама старушка по нездоровью быть не могла, да и младшая царевна Прасковья не могла высидѣть за столомъ; у нея разболѣлась нога. Несмотря на мостъ, подававшая для мужчинъ скромныя блюда; обстоятельство интересное,

(1) См. главу VI.

если вспомнить, что обѣдъ былъ у родного брата набѣжной до ханжества Прасковьи.

Въ день рожденія четырехлѣтней малютки Анны, дочера герцогини мекленбургской (7 декабря), тоже общество соединилось въ Измайловѣ. Вѣтхій, громаднѣйшій домъ царицы представлялъ какъ бы лазаретъ хворыхъ женщинъ; въ одной спальнѣ сидѣла на постели больная ногой царица Прасковья, въ другой лежала царица. Впрочемъ, герцогиня была весела и въ 12 часовъ усадила всѣхъ шимонитыхъ гостей обѣдать. Она хлопотливо всѣхъ угощала, но все приготовлено было плохо, крайне неумѣтливо, вина северныхъ... Всѣ эти мелочныя замѣтки одного изъ гостей (Берхгольца) интересны въ томъ отношеніи, что они показываютъ какъ плохо шло съ болѣзнями Прасковьи ея хозяйство, какъ сальтѣ и гризѣ дѣлалась съ надымъ голомъ ея обстановка...

За обѣдомъ неминуемо послѣдовали танцы, герцогиня у себя дома прыгала и вертѣлась гораздо охотнѣе; нежели на ассамблеяхъ; ради дня рожденія ея дочера, танцевали до того, что въ комнатахъ стало такъ жарко, какъ въ банѣ; перешли въ спальню царицы Прасковьи. И здѣсь вертѣлись большую часть вечера, чтобы повеселить себя, да притомъ развѣять больную. Катерина была въ восторгѣ отъ герцога, который неустанно танцевалъ съ ней и придворными дамами ея матушки. Четырехлѣтняя Анна Карловна (Леопольдовна) также принимала участіе въ танцахъ; малютка тоже разставдалась, что герцогиня на другой день посылала просить къ себѣ герцогскаго камеръ-юнкера пріѣхать къ ней еще потанцевать...

Старушка Прасковья прелятовала забавляться неважливой Катюшкѣ, и Катюшка являлась то развязной, бойкой дамой за вечерахъ, то наѣзницей на затѣваемыхъ ею катаньяхъ съ своими дамами; она смѣло и съ большимъ искусствомъ правила лошадьми...

Затѣмъ ни изъ чего не видно, чтобъ страшная сцена пытки Деревниина, видѣнная ею въ подвалѣ тайной канцеляріи, оставила бы тяжелое впечатлѣніе на Катерину. Легкомысленная, вѣтренная женщина, она, какъ кажется, смотрѣла на это событіе, какъ на нѣчто обыденное, на простую расправу барыни, ея маменьки, съ провинившимся слугою; можетъ быть подобныя сцены видимы были ея и черазъ... Наше предположеніе утверждается еще болѣе тѣмъ, что два четыре спустя, эта добрая и милостивая женщина, такъ называетъ Берхголецъ Катерину, посѣтила съ сестрой бывшего своего наставника Остермана старшаго, и здѣсь, будучи особенно весела, добра и милостива, соизволила изъ своихъ ручекъ такъ напоить (умышленно) стараго своего знакомаго графа Бонде, что тотъ не помнилъ, какъ воротился домой.

Изъ всѣхъ невнятныхъ забавъ безцѣнной «Катюшки», самая оригинальная, самая характеристическая была страсть, ея къ театру. Нѣтъ сомнѣнiя, что эту страсть царевна вывезла изъ Германiи и по словесу, какъ умѣла старалась пересадить видѣнное и слышанное въ измайловскiя свѣтелки. Актрисы набирались изъ придворныхъ дамъ и фрейлявъ, актеры изъ крѣпостныхъ, доморожденныхъ артистовъ, шаржи брали у голштинцевъ, костюмы строились домашними средствами. Къ сожалѣнiю, мы не знаемъ, что за пьесы разыгрывались наизмайловской импровизированной сценѣ; за то, благодаря дневнику наблюдательнаго нѣмца-современника, мы живо можемъ представить всю обстановку, среди которой давались эти своеобразные спектакли.

Отправившись на одинъ изъ нихъ. Втеченіи нѣсколькихъ дней до спектакля, герцогиня въ страшныхъ хлопотахъ... Она присутствуетъ на ренетикiяхъ, устраиваетъ сцену, прилаживаетъ занавѣсь, пригоняетъ костюмы антрисамъ, распекаетъ и наказываетъ актеровъ, набранныхъ изъ многочислѣннѣйшей ватаги праздныхъ, развратныхъ, вороватыхъ челядинцевъ царицы. Въ самый день спектакля хлопотъ еще больше: Катюшка суетится въ комнатѣ отведенной подъ театръ, а въ сальонѣ, сидитъ въ креслѣ отбившаяся отъ ногъ больная маменька и коротаетъ время въ душеспасительной бесѣдѣ съ архіепископомъ новгородскимъ, епископомъ троицкимъ и другими членами святѣйшаго синода. Петронскимъ царствованiемъ эти духовные іерархи уже вриучены смотрѣть на театральное нозорище самымъ снисходительнымъ образомъ; сама Прасковья не раздѣляетъ уже взгляда своихъ предковъ на эту забаву и не мѣшаетъ тѣшиться милой Катюшкѣ.

Все готово, зрители собрались, прiѣхали между прочимъ два кавалера изъ свиты герцога голштинскаго. Младшая царевна извѣстила маменьку, что представленіе начинается. Толпа горничныхъ и слугъ покатила старушку на креслѣ съ колесами. Въ 5 часовъ поднялся занавѣсь; устройство сцены понравилось нѣмцамъ, по костюмы актеровъ, по ихъ замѣчанiю, не отличались изяществомъ. Не зная русскаго языка, нѣмцы не поняли содержанiя разыгрывавшихся фарсовъ, и тѣмъ лишили насъ возможности познакомиться съ измайловскимъ театромъ. Впрочемъ, Берхгольцъ заключилъ по догадкѣ, что играли совершенные пустяки, причѣмъ и заплатился за спектакль табакеркой: кто-то изъ артистовъ, а изъ зрителей, въ своемъ родѣ артистъ, весьма искусно вытащилъ ее изъ кармана зазѣвавашагося нѣмца. Нсмудрено послѣ этого, что Берхгольцъ вынесъ о театрѣ самое невыгодное впечатлѣнiе (1).

(1) Вообще говоря, театръ на Руси въ царствованiе Петра, находился въ са-

Артисты измайловской труппы вообще кажутся оказывали бо-
льше способностей къ разнымъ «художествамъ», къ которымъ при-
бѣгали для добыванія денегъ на свою нищенствующую братію, не-
жели къ театру. Наканунѣ второго спектакля главный актеръ, съ
другимъ артистомъ, талантъ второстепенный, стали разносить по
городу афишки и тѣмъ собирать для себя милостыню. Опрочешиа
герцогиня велѣла дать каждому изъ нихъ около 200 батоговъ; за-
тѣмъ второстепенный актеръ былъ прогнанъ со сцены, а другой на
другой же день явился на сценѣ предъ именитой публикой, въ роли
короля; роль супруги батигированнаго короля играла дочь маршала
царицы Прасковьи.

«Превеселая эта женщина, герцогиня мекленбургская, воскли-
цаетъ по этому поводу Берхгольцъ, у нея никакъ не обойдется дѣло
безъ множества презабавныхъ приключеній!» Катерина Ивановна
сама рассказала о штрафованіи своего перваго артиста герцогу
голландскому, посѣтившему спектакль. На этотъ разъ некоторые
изъ его свиты неплатились шолковыми носовыми платками; ихъ
вытащили; съ *искусствомъ*, дѣлавшимъ честь измайловскимъ «ху-
дожникамъ.»

Въ то время, когда шумно и весело проводили самовники досу-
жное время въ пиракъ и столахъ, когда коротала время въ разнооб-
разныхъ развлеченіяхъ царица Катерина, а охала и стонала отъ
недуга ея мамзелька, — въ какомъ же положеніи находилось забытое
нами дѣло Василя Дерягина?

Въ ожиданіи царскаго прѣзда, оно нисколько не подвину-
лось впередъ. Арестанта держали въ тюрьмѣ, и худо или хорошо,
но какъ важнаго секретнаго преступника, лечили казенными сред-
ствами. Между тѣмъ, 8 октября, Скорняковъ-Шибаревъ и Бутур-
линъ, составили обо всемъ случившемся обстоятельный докладъ и

момъ младенческомъ состояніи. Непонятно, какъ великій монархъ упустилъ изъ
виду столь важное средство къ народному просвѣщенію. Къ числу немногихъ
извѣстныхъ документовъ, относящихся до исторіи русскаго театра при Петрѣ,
укажемъ на челобитную: «всеподданнѣйшаго раба Юганна Карла Эренберга»,
изъ Гамбурга, 11 іюля 1721 года. Въ этомъ документѣ челобитчикъ говоритъ
что государь въ прошломъ (1720 году) повелѣлъ привести въ Россію компанію
комедіантовъ и мастеровъ, которые по «веревкѣ танцуютъ». Эренбергъ повелѣ-
ніе исполнилъ, но не нашолъ средствъ для отправленія этихъ людей и ихъ багажа
въ Россію, почему и проситъ государя, буде онъ прежнее намѣреніе не измѣ-
нилъ, указать бы выдать чрезъ гамбургскаго своего резидента Беттера ему,
Эренбергу, 2,000 талеровъ. «Съ этими деньгами, заключаетъ челобитчикъ, я
съ поманутою при мнѣ компаніей и съ тѣми, которыхъ я уже во Гданскѣ от-
правилъ, съ Божіею помощію къ Покрову дню, могъ бы пригнать въ Россію.»
Каб. II. под. т. LIV, л. 1272.

отправили его въ Астрахань, на имя П. А. Толстаго, главы тайной канцеляріи; при докладѣ приложена была копія съ цыфирнаго письма царицы къ Юшкову. Инквизиторы испрашивали разрѣшенія: «слѣдовать ли о прїѣздѣ царицы, о боѣ и о женіи Деревинна ея служителями? Также брать ли полъ караулъ Юшкова? повертеть ли его и служителей царицы пытки? а безъ указу того чинить не смѣемъ.» (1)

Въ тотъ же день тайная канцелярія, по доношенію Терскаго на Ершова и Тихменева, въ дѣлѣ о учиненіи царицѣ великаго оклада изъ-за немалой вятки, отнеслась въ правительствующій сенатъ доношеніемъ съ запросомъ, гдѣ о томъ дѣлѣ слѣдовать? А между тѣмъ отъ оберъ-полиціймейстера вытребованы были въ тайную всѣ документы, отпосланные къ первымъ слѣдствіямъ по дѣлу Деревинна (2) и на повторительную просьбу Терскаго о распечатаніи его пожитковъ послѣдовало разрѣшеніе.

Но провинціаль-енискалъ уже не довольствовался этой уступкой; онъ жаждал мщенія, и 22-го октября выступилъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ самоуправства главы московской полиціи и ея подвизниковъ. Въ длинномъ доношеніи онъ передалъ членамъ тайной всѣ подробности нашествія полицейскаго партизана Пазухина на дома его и Юрьева; подробности эти изложены нами въ своемъ мѣстѣ. Изъ дѣла не видно, чтобы протестъ Терскаго навлекъ грозу начальства на оберъ-полиціймейстера; его дѣланы какъ явленія, не выходяшія изъ обыденной колѣи, не вызвали даже ни одного замѣчанія; зато Терскій выигралъ хоть тѣмъ, что въ тотъ же день, по подачѣ доношенія, остальные его люди были освобождены; самъ онъ былъ освобожденъ еще 8 октября, разумѣется на поруки, съ строжайшимъ наказомъ явиться въ судилище по первому востребованію; дворы и ножитки его и Юрьева распечатаны и отданы имъ до указу съ роспискою, впрочемъ не раньше, какъ 5 ноября; при сдачѣ домовъ и пожитковъ слѣдана была опись всего разбитаго и разломаннаго во время набѣга партизана Пазухина. Последнимъ дѣйствіемъ членовъ тайной канцеляріи, по дѣлу Деревинна и Терскаго, въ ожиданіи царскаго

(1) В. Д. Р. Д. Т. К. карт. XV, л. 23—32. 12 октября отправлены были два курьера съ этими нужнѣйшими о тайныхъ государевыхъ дѣлахъ бумагами. Тутъ же приложено было письмо Писарева къ А. П. Волынскому, чтобы онъ отнюдь не задержалъ посланныхъ въ Астрахань, а препроводилъ бы ихъ туда, гдѣ обрѣтается государь. Прогоновъ выдаю по 1 деньгъ на версту, на 2050 верстѣ — 37 р. 16 ал. 4 д., да на прокормъ — 15 руб. на человека — всего 67 руб. двумъ.

(2) 16 октября 1722 г. л. 1—5, 33—38.

пріѣзда, была отписка о вѣршеніи дѣла провинціалъ-фискала съ Тихменевымъ, въ надворномъ судѣ.

Отвѣта царскаго на доношеніе о женѣ Деревнина, не послѣдовало, и арестантъ былъ пока забытъ съ своими увѣчьями; Писареву, Бутурлину и другимъ сановникамъ въ самомъ дѣлѣ не до того было въ это время, чтобъ интересоваться челоѣкомъ, навлекшимъ на себя гнѣвъ Прасковьи: въ средѣ ихъ самихъ совершился скандалъ первостепенной важности, скандалъ, не перестававшій вызывать ежедневныя толки вельможъ и большія опасенія о его послѣдствіяхъ: то была крупная ссора въ сенатѣ, Меншикова съ Шафировымъ. Сторону первого принялъ великій канцлеръ Головкинъ, а оба врага послали курьеровъ съ жалобами къ царю (!). Всѣ были увѣрены, что по возвращеніи государя, грянетъ надъ обоими гроза немнучая и страшная. Сановники раздѣлились на два лагерь; громадное большинство пристало разумѣется къ сторонѣ Меншикова, въ силу и значеніе котораго было больше вѣры; отъ Шафировыхъ почти все общество отшатнулось. Шафировыхъ не приглашали въ собранія, даже на официальныхъ обѣдахъ ихъ не было видно... Среди встревоженнаго общества ходили равныя толки, между прочимъ говорили о объявленіи, прибитомъ на фонарномъ столбѣ, на Красной площади. Въ фонарѣ положено было 10 мѣшиновъ, каждый будто бы со 100 рублями, а объявленіе гласило, что въ Кремль найдено весьма важное письмо, и тому, кто назоветъ его составителя, обѣщана выложенная награда... Къ Шафировымъ ѣздили только иностранные послы, изъ русскихъ же весьма немногіе. Такъ напр. на одномъ изъ званныхъ обѣдовъ у вице-канцлера Шафирова, изъ 18 гостей былъ только одинъ русскій — старикъ, князь Долгоруковъ, сынъ котораго женатъ былъ на Шафировой. Старикъ-хозяинъ спрашивалъ гостей: «правда ли что Меншиковъ меня всячески бранить и твердить, что по пріѣздѣ императора, меня закуютъ въ желѣза? Не знаю, продолжалъ Шафировъ, кто изъ насъ больше заслужилъ оковы? Хотя Меншиковъ и имперскій князь, а коли вздумаетъ государь, такъ и ему срубить голову, не ожидая на то позволенія отъ германской имперіи...»

(1) Каб. II пол. т. LX л. 592, и проч. Мы не приводимъ этихъ жалобъ, такъ какъ онѣ не имѣютъ отношенія къ настоящей статьѣ. Особенно интересна жалоба Меншикова: читая ее, можно подумать, что онъ чистъ, яко агнець, во всемъ же виноватъ Шафировъ. Если вѣрить свѣтлѣйшему, вице-канцлеръ безъ всякаго повода бранилъ оберъ-прокурора Скорнякова-Писарева воромъ, объявлялъ съ великимъ крикомъ, что гр. Головкинъ ему главный непріятель, затѣмъ съ такимъ же крикомъ называлъ его самаго, князя Меншикова, великимъ злодѣемъ: «не хочу-де за твои дѣла головы своей потерять, такъ какъ князь Матвій Гагаринъ и князь Григорій Волконскій, ты можешь воухъ побить» и проч.

Вообще птенцы Петра Перваго смиренные, ручные при немъ, съ яростью клевали другъ друга, лишь только орелъ слеталъ съ своего гвѣзда и оставлялъ ихъ, съ общаго согласія, вѣлать и вершить дѣла имперіи. Общаго согласія не было, да и быть не могло. Въ обществѣ грубомъ, чуждомъ всякаго образованія, все пошлая страсти, сдерживаемыя единымъ страхомъ, быстро развиваются лишь только падаетъ съ нихъ узла; птенцы Петра Великаго какъ бы щеголяли другъ передъ другомъ завистью, тщеславіемъ, властолюбіемъ и искусствомъ вести безкопечныя, самыя каверзные интриги. Это искусство, какъ извѣстно, завѣщано было петровскими птенцами пенатамъ новыхъ поколѣній, новымъ временщикамъ, новымъ придворнымъ и долго, долго еще страдала Русь отъ этихъ страшныхъ враговъ ея силы и могущества.

Петръ, зная слабости «птенцовъ», предъ отъѣздомъ въ персидскій походъ, приставилъ къ немъ сторожа: то было его «око» Павелъ Ивановичъ Ягужинскій. Государь пожаловалъ его генераль-прокуроромъ и представляя его сенаторамъ (въ маѣ 1722 г.), сказалъ: «Вотъ мое око, имъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія, что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте; а хотя бы вамъ *показалось*, что онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы однакожь то исполняйте, и увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повелѣнія».

Подчинивъ высшее правительственное мѣсто воли одного чело-вѣка, бывшаго своего деньщика, Петръ, возложилъ на этого деньщика должность крайнѣ трудную. Павлу Ивановичу рѣшительно было не по силамъ смирать птенцовъ великаго монарха. Какъ трудна была для него постоянная борьба съ «страстями вельможъ российскихъ», видно изъ его исповѣди, посланной къ Петру предъ отъѣздомъ въ Петербургъ 16 октября 1722 года. Въ этомъ интересномъ посланіи Ягужинскій сознается: «что сенатское *заобычное* несогласіе не токмо мною мало могло удержано быть, но наипаче нынѣ ссоры и брани стали быть и во истину не мало остановки тѣмъ бываетъ; и нынѣ нѣкоторыя партикулярныя ссоры и брани не токмо словесно, но и письменно произошли между оберъ-прокуроромъ (Писаревымъ) и барономъ Шафировымъ»... Генераль-прокуроръ въ особенности опасался, что во время его отлучки: «не безопасно, чтобы тѣ партіи, какъ писалъ онъ, страсти своей не продолжали». Вслѣдствіе чего, онъ нашолъ нужнымъ предъявить письменное предложеніе: «дабы такія партикулярныя ссоры и брани весьма удержаны были, и тѣмъ въ нужныхъ дѣлахъ помѣшательства никакого не чинилось, а которыя ссоры и несогласія нынѣ между ними, чтобъ до возвращенія вашего величества оставлены были, и притомъ въ тѣхъ своихъ

предложеніяхъ изобразилъ, что ежели въ мѣмъ отсутствіи такіа ссоры и явныя брани, отъ кого вновь будутъ происходить, чтобы съ начинателемъ такъ поступали, какъ указы и регламенты повелѣваютъ. Всемиловѣйшій государь, заключалъ Ягужинскій, а совѣстью своею и всѣми сенаторами засвидѣтельствую, сколько въ томъ моей вѣрности и старанія ни было, однакоже съ превеликою трудностью *при такихъ страстяхъ*, дѣла въ порядкѣ содержать было можно... (1)

Въ такомъ состояніи находилась высшая московская аристократія, когда стали ходить слухи о скоромъ пріѣздѣ грознаго царя-батюшки. Еще въ октябрѣ прибыли изъ Астрахани пѣвчіе императрицы; увѣрили по этому случаю, что императрица сама скоро будетъ, но что императоръ сперва поѣдетъ въ Казань; этимъ извѣстіямъ еще мало вѣрили. Вслѣдъ за тѣмъ пошла молва, что такъ какъ въ Персіи почти все уже приведено въ исполненіе, то государь не замедлитъ пріѣздомъ, канцелярія молъ его ѣдетъ уже назадъ, а въ Преображенскомъ дѣлаются большіе запасы дровъ и сѣстныхъ припасовъ. Письма придворныхъ изъ Астрахани подтверждали эти слухи, но только въ началѣ декабря стали являться въ Москву нѣкоторые изъ спутниковъ и спутницъ государя. Вслѣдъ за ними (11 декабря) прискакали курьеры съ извѣстіемъ, что императоръ, если только не остановится въ Воронежѣ, завтра же будетъ въ Москвѣ, потому что ѣдетъ весьма скоро...

Многіе, чувствованшіе какіе либо за собой грѣшки, съ безпокойствомъ ждали Петра. Оберъ-полицеймейстеръ Грековъ съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ старался заявить свою дѣятельность, между прочимъ для вящаго порядка онъ запретилъ разнощикамъ кричать и ходить по улицамъ.

Надсмотрщики за дворцовыми постройками просто потеряли голову отъ страха, потому что пропустили лучшее время дѣла и не сдѣлали рѣшительно ничего, воображая, что императоръ еще не такъ скоро воротится.

Поздно вечеромъ 11-го декабря пришло извѣстіе, что государь всего въ 15 верстахъ отъ Москвы. У Меншикова отъ страха открылось сильное кровотеченіе горломъ; можно себя представить какъ трепетали остальные государственные люди всероссійской имперіи.

Какъ приняли извѣстіе о царскомъ пріѣздѣ измайловскія обитательницы?

Поздно вечеромъ, 11 декабря, прискакалъ въ Измайлово камеръ-юнкеръ Берхгольцъ. Онъ былъ первый вѣстникъ о пріѣздѣ импе-

(1) Каб. I пол., Т. LVIII. л. 131—132.

ратора; эта вѣсть была неожиданна; герцогиня увѣрена была, что государь пріѣдетъ не раньше, какъ дня черезъ три. Какъ приняла эту новость старушка Прасковья, неизвѣстно; надо думать, что безъ болзни, такъ какъ она увѣрена была въ любви и уваженіи къ ней Петра и дорогой невѣстушки; что же касается до Катерины Ивановны, то она такъ обрадовалась, что запросто повела вѣстника къ матери, къ сестрѣ, наконецъ къ Фрейлинамъ, не смотря на то, что всѣ онѣ были раздѣты и лежали уже въ постеляхъ. Шутливая и разбитная хозяйка, вѣроятно имѣя въ виду доставить камеръ-юнкеру вѣсколько пріятныхъ минутъ, подводила его по очереди къ каждой Фрейлинѣ, никакъ не подозрѣвая, что это зрѣлище ни мало не доставляло удовольствія чопорному чѣмцу. Фрейлины лежали какъ бѣдныя дѣвки, одна подлѣ другой, почти полунагія... Грязная и бѣдная обстановка вызвала съ его стороны въ дневникѣ слѣдующую замѣтку: «вообще все это ночное посѣщеніе не сдѣлало на меня выгоднаго впечатлѣнія, хоть мнѣ и пришлось видѣть много голыхъ шей и грудей».

На другой день государь принималъ уже въ Новопретображенскомъ поздравленія съ пріѣздомъ, а съ 13-го декабря начались крутыя «вершенія по дѣламъ»: въ этотъ день казнены два фальшивыхъ монетчика; имъ влили въ горло растопленное олово и потомъ навязали ихъ на колеса. Одинъ изъ нихъ, которому олово прожгло насквозь шею, былъ на слѣдующій день еще живъ; а другой, будучи на колесѣ, поставленномъ надъ землею немного выше человѣческаго роста, хваталъ еще рукою монету, привѣшенную съ низу къ этому колесу...

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ

Спб. 20 марта 1861 г.

(Окончаніе слѣдуетъ)

ВАКХАНКА

Близъ грота темнаго вакханка молодая
Покоилась на мху, одна, полунагая,
Съ улыбкой страстною на радѣющихъ устахъ,
Съ вѣнкомъ изъ алыхъ розъ на черныхъ волосахъ
И съ чашей золотой, дрожавшей въ ручкѣ смуглой...
Пурпурный солнца лучъ игралъ на шеѣ круглой,
И влажный взоръ ея кого-то все искалъ, —
То ярко пламенѣлъ, то тихо угасалъ...
А молодой сатиръ, сокрытый въ мглѣ древесной,
Очами жадными глядѣлъ на ликъ чудесный...
Дыханье затаивъ, подъ дубомъ онъ сидѣлъ
И ждалъ, чтобъ мирный сонъ къ красавицѣ слетѣлъ!...

К. БАВНКОВЪ

ЧОРНЫЕ ЛЮДИ

ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ

I

Событія, которыя совершаются и уже отчасти совершились въ Америкѣ и которыя откроютъ новый и можетъ быть послѣдній періодъ спора о невольничествѣ, — весьма важны. Самые замѣчательные факты современной исторіи стараго свѣта отолзвигаются на второй планъ, въ сравненіи съ борьбою, которая должна, на американской землѣ, предшествовать окончательному примиренію бѣлыхъ съ черными. Тамъ двѣ расы, можно даже сказать два человѣчества заключены въ одной аренѣ для того, чтобы рѣшить, мирно, или съ оружіемъ въ рукахъ, величайшій мировой вопросъ. Одна сторона состоитъ изъ плантаторовъ, владѣльцевъ земли, потомковъ завоевателей, гордящихся своимъ умомъ, силою воли и богатствами; людей, происходящихъ отъ той благородной бѣлой расы, которая силою оружія, торговли и промышленности, постепенно овладѣваетъ цѣлымъ свѣтомъ; другую сторону составляютъ бѣлые невольники, беззащитно отданные во власть ихъ владѣльцевъ, неимѣющие никакой собственности; ни поля, которое они обрабатываютъ, ни одежды, которую носятъ; люди, признанные низкими по цвѣту ихъ кожи; люди подвергающіеся плети, веревкѣ и даже костру, по произволу, ничѣмъ не ограниченному своего господина!

Что такое американскій негръ? постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ на основаніи положительныхъ свѣденій объ этомъ предметѣ и съ наибольшимъ безпристрастіемъ. Настоящее положеніе американскаго невольника ясно показано въ самомъ текстѣ законовъ о неграхъ; законы эти были изданы, съ разными незначительными измѣненіями, въ Луизианѣ, обѣихъ Каролинахъ и другихъ южныхъ штатахъ. «Невольникъ, говорить всѣ эти законы,

есть полная собственность своего владѣльца». Онъ есть вещь, которую владѣлецъ можетъ промѣнять, продать, отдать въ наемъ, заложить, проиграть въ карты, подарить или передать по наслѣдству... «Такъ, какъ невольникъ есть существо только пассивное, то онъ обязанъ своему владѣльцу и всѣмъ членамъ его семейства безграничнымъ почтеніемъ и безконечнымъ послушаніемъ.» Онъ не можетъ имѣть ничего, лично ему принадлежащаго; не можетъ продать или купить что-нибудь безъ вѣдома своего владѣльца; не можетъ работать собственно для себя; онъ не имѣетъ законнаго существованія; не можетъ въ судѣ быть свидѣтелемъ, разве только противъ своихъ же братьевъ, обвиняемыхъ въ заговоръ и, въ некоторыхъ штатахъ, противъ экономовъ и сторожей изъ бѣлыхъ, на которыхъ владѣльцы ихъ всегда смотрятъ подозрительно, съ презрѣніемъ и почти причисляютъ ихъ къ разряду невольниковъ. Право личной защиты, принадлежащее всякому человеческому существу, не принадлежитъ негру-невольнику. Онъ не можетъ ѣздить верхомъ или носить при себѣ оружіе безъ особеннаго разрѣшенія: онъ не имѣетъ права уходить и приходять, и не можетъ выйти изъ плантаціи или квартала, гдѣ живетъ, безъ форменнаго письменнаго позволенія; но даже и это позволеніе дѣлается бесполезнымъ, если болѣе семи негровъ сойдутся на публичной дорогѣ: тогда они уже обвиняются въ нарушеніи закона и первый бѣлый, встрѣтившій ихъ, можетъ приказать схватить ихъ и дать каждому по двадцати ударовъ плетью. Невольникъ есть вещь, а не человѣкъ, и тѣ, которые переводятъ его изъ одного мѣста въ другое, отвѣчаютъ за его потерю или за все, что съ нимъ можетъ случиться, точно также, какъ отвѣчали бы за потерю или порчу какого-нибудь товара. Законъ опредѣляетъ, что невольники не имѣютъ души; онъ осудилъ на смерть ихъ разумъ и волю и дозволяетъ жить только ихъ рукамъ.

Права невольниковъ, если это священное слово можно профанировать, относя его къ людямъ, не имѣющимъ свободы, относятся исключительно къ ихъ животной жизни. Каждый плантаторъ обязанъ давать ежемѣсячно своему невольнику пинту соли и боченокъ манса или соответствующее этому количество бобовъ, риса или другихъ зеренъ; сверхъ того, въ началѣ лѣта, онъ долженъ подарить каждому негру плантаціи холстинную рубаху и пару навталонъ; въ началѣ зимы онъ даетъ еще запасную одежду и шерстяное одѣяло. Ему запрещено заставлять невольниковъ работать болѣе пятнадцати часовъ въ сутки лѣтомъ и четырнадцати весной. По воскресеньямъ нельзя заставлять негровъ работать; если же плантаторъ найдетъ это нужнымъ, то обязанъ заплатить каждому негру 50 центовъ за этотъ день. Само собою разумѣется, что владѣльцы

никому не отдають отчета въ ударахъ плетью, которыми они надѣляютъ своихъ невольниковъ; однакожь одна статья законовъ о неграхъ говоритъ слѣдующее: «Всякій, кто по своему произволу, отрѣжетъ языкъ невольнику, или вырветъ у него глазъ, или охлоститъ его, или сильно обваритъ его кипяткомъ, или сожжотъ ему руку или ногу, лишитъ его употребленія какого-нибудь члена, или подвергнетъ его какому-нибудь жестокому наказанію, кромѣ плетей, воловьихъ жилъ, палокъ, оковъ и тюремнаго заключенія, — будетъ подвергнутъ денежному штрафу за каждое изъ этихъ дѣйствій.» «Штрафъ этотъ, въ южной Каролинѣ, опредѣленъ въ 61 долларъ 25 центовъ; въ Луизианѣ онъ можетъ достигнуть до 200, и даже до 500 долларовъ. Эта статья гарантировала бы по крайней мѣрѣ невольника, если бы бѣлый могъ быть обвиняемъ своими жертвами; но негры не существуютъ передъ закономъ и, если бы, что невозможно, другой владѣлецъ негровъ обвинилъ преступнаго плантатора, то этому очень легко оправдаться, — подтвердивъ клятвою свою невинность. Кромѣ пинты соли, боченка маиса, зимней и лѣтней одежды и 50 центовъ за работу въ воскресный день, законъ ничемъ не гарантируетъ личность невольника. По понятіямъ законодателей этихъ правъ достаточно для упроченія его матеріальнаго благосостоянія. Все же остальное, разумъ, сердце, воля негра принадлежатъ его владѣльцу, который можетъ дѣлать изъ нихъ что ему угодно, потому что законъ не допускаетъ этихъ вещей въ Африканцѣ.

Негръ вовсе не имѣетъ свободы, но по чудовищному отсутствію логики, отвѣтственность его велика: относительно правъ онъ есть вещь, а относительно обязанностей онъ опять дѣлается человѣкомъ; онъ признается морально свободнымъ, когда свобода можетъ его довести до плетей или смерти. Законъ и воля владѣльца возлагаютъ на него множество обязанностей и строго наказываютъ его въ случаѣ неповиновенія. То, что имѣняется въ преступленіе бѣлому, имѣняется въ преступленіе и негру; но негръ можетъ еще, сверхъ того по смыслу закона, надѣлать цѣлый рядъ преступленій и проступковъ, выше которыхъ бѣлый поставленъ по привилегіи цвѣта кожи; изъ этого слѣдуетъ, что и наказанія за преступленія совершенно различны, смотря по тому, къ какой расѣ принадлежитъ преступникъ. Наказанія, которымъ подвергаются бѣлые, состоятъ вообще изъ денежныхъ штрафовъ или тюремнаго заключенія; негры же не могутъ платить штрафъ, потому что не имѣютъ никакой собственности, а владѣльцы не подвергаютъ ихъ заключенію, потому что считаютъ ихъ живымъ капиталомъ, который имъ невыгодно оставлять въ бездѣйствіи и, такимъ образомъ, не получать на него про-

центовъ. Итакъ, для невольниковъ, людей считаемихъ низкими, остаются только два унизительныя наказанія: плеть и висѣлица. Висѣлица употребляется рѣдко, кромѣ случаевъ возстанія негровъ, когда опасность грозитъ бѣлымъ и требуетъ строгихъ мѣръ для сохраненія общественаго спокойствія; обыкновенно владѣльцы негровъ употребляютъ все усилія, чтобы воспрепятствовать осужденію на смерть ихъ невольниковъ, потому что правительство платитъ имъ только 300 долларовъ за голову каждаго осужденнаго, т. е. не болѣе пятой доли того, что этотъ невольникъ имъ стоилъ. Петь, этотъ столь удобный инструментъ, избавляетъ ихъ въ большинствѣ случаевъ отъ грустной необходимости потерпѣть убытокъ, если бы негра повѣсили. Невольника бьютъ, сбьютъ, вырываютъ у него куски мяса; но это не подвергаетъ опасности жизнь его и, послѣ нѣсколькихъ дней страданій и стонъ, вынесшій пытку снова начинаетъ работать на плантаціяхъ. Правда, что во дни сильнаго народнаго волненія негры, взбунтовавшіеся или виновные въ убійствѣ, не могутъ рассчитывать на жалость своихъ владѣльцевъ; ихъ съ крикомъ требуетъ народъ или испуганные плантаторы; толпа хватаетъ ихъ и сейчасъ же вѣшаетъ на деревѣ, раздираетъ на куски, или даже сжигаетъ живыхъ.

Обычный законъ осуждаетъ на смерть того негра, который ранитъ своего владѣльца, его жену, дѣтскіе или бѣлаго эконома, который имъ управляетъ; осуждаетъ на смерть того, который по своей волѣ изуродуетъ бѣлаго, или въ третій разъ ударитъ бѣлаго, или ударитъ кинжаломъ или выстрѣлитъ изъ ружья, съ намѣреніемъ убить; осуждаетъ на смерть — отравителя, поджигателя, вора, бунтовщика, и присуждаетъ къ наказанію плетью того негра, который прогуливается безъ позволенія, или осмѣлится ѣхать верхомъ безъ особаго разрѣшенія, или худо работаетъ по мнѣнію эконома, или виноватъ тѣмъ, что по какой-нибудь причинѣ, не нравится своему владѣльцу. Невольникъ долженъ всегда, безъ исключенія, исполнять приказанія бѣлаго; однакожь, если онъ, исполняя приказанія своего владѣльца, сожжотъ амбаръ или домъ какого-нибудь плантатора, то будетъ высѣченъ плетью или подвергнется другому тѣлесному наказанію; а владѣлецъ заплатитъ только убытки. Такимъ образомъ невольникъ виноватъ въ обоихъ случаяхъ, исполняетъ ли онъ приказаніе или позволить себѣ ослушаться. Когда невольникъ приговоренъ къ какому-нибудь наказанію, то его освободятъ только тогда, когда его владѣлецъ заплатитъ судебныя издержки; если же владѣлецъ отказывается платить, то негръ остается въ заключеніи на неопредѣленное время, какъ бы виновный въ несостоятельности своего владѣльца. Чтобы заключить этотъ обзоръ

свода уголовныхъ законовъ, слѣдуетъ прибавить, что по смыслу одной изъ его статей, бѣлый, убившій негра, подлежитъ смертной казни; но законъ этотъ никогда не исполняется, во первыхъ потому, что преступника судятъ такіе же какъ и онъ владѣльцы невольниковъ, а во вторыхъ потому, что самый законъ спѣшитъ прибавить, что бѣлый, убившій негра, *въ пылу гнѣва*, подлежитъ штрафу не болѣе 500 долларовъ или тюремному заключенію не болѣе шести мѣсяцевъ. Законъ этотъ возбудилъ много споровъ между гражданами южныхъ штатовъ, и многіе тамошніе юристы задаютъ себѣ вопросъ, должно ли считать настоящимъ убійствомъ убійство негра.

Въ южныхъ штатахъ, такъ называемые свободные негры или отпущенники испытываютъ всю жестокость тяготѣющихъ надъ ними законовъ еще болѣе нежели, негры невольники, которые все-таки имѣютъ защиту въ своихъ владѣльцахъ. Эти отпущенники признаются свободными; но не пользуются преимуществами людей свободныхъ. Они подлежатъ всѣмъ законамъ о неграхъ, изложеннымъ выше и, кромѣ того, могутъ носить одежду только изъ грубыхъ тканей, чтобы, подобно каторжнымъ, издали еще заявлять свое приближеніе. Свободнымъ неграмъ и цвѣтнымъ людямъ запрещается, также какъ и невольникамъ, собираться въ большомъ числѣ для молитвы. Послѣ девяти часовъ вечера, они не имѣютъ права собираться даже въ маломъ числѣ, для поклоненія своему Богу, и патрульные солдаты могутъ ворваться въ ихъ моленную и дать каждому изъ нихъ 20 ударовъ плетью, за то, что они осмѣливаются молиться въ тотъ часъ, когда звѣзды блестятъ на небѣ.

Это еще не все; свобода перемѣны мѣста, эта свобода столь драгоценная, въ особенности въ Америкѣ, рѣшительно отнята у отпущенниковъ. Они не имѣютъ права требовать паспортовъ, потому что они не граждане Соединенныхъ Штатовъ и, недавно еще одна дама смѣшанной крови, которой выдали по ошибкѣ американскій паспортъ, не могла предъявить его въ Лондонѣ, черезъ посланника своего отечества. Въ Тенессѣ имъ позволяютъ ѣздить по желѣзной дорогѣ только въ такомъ случаѣ, когда какой-нибудь плантаторъ представитъ за нихъ поручительство въ 1000 долларовъ. Если они не соглашаются оставить совсѣмъ территорію американской республики, то они дѣлаются какъ бы прикованными къ мѣсту ихъ жительства, и если вздумаютъ переселиться въ другой невольничій штатъ, то за первый разъ ихъ сбьютъ плетями, а за второй продаютъ съ молотка. Въ округа, гдѣ они живутъ, первый, кому вздумается, можетъ взять ихъ и продать, по силѣ недавно изданнаго положенія, въ которомъ говорится: «свободные негры не имѣютъ никакихъ правъ, которыя бы бѣлые должны были ува-

жать.» Всякій свободный цвѣтной челоуѣкъ или негръ, который прѣѣзжаетъ въ одинъ изъ южныхъ портовъ на какомъ-нибудь суднѣ, въ качествѣ повара, буфетчика или матроса, сейчасъ же переводится въ городскую тюрьму на все время пребыванія судна въ портѣ и капитанъ судна долженъ обѣщать, что при выходѣ изъ порта, онъ возьметъ опять отпущенника и представитъ 1000 долларовъ въ обезпеченіе уплаты расходовъ по арестованію. Если онъ не исполнитъ всѣхъ этихъ условій, то можетъ быть присужденъ къ штрафу въ 1000 долларовъ и шестимѣсячному тюремному заключенію. Таковы строгіе законы, установленные въ южныхъ штатахъ еще сорокъ лѣтъ назадъ, для отвращенія опасностей, которыми свобода отпущенниковъ грозитъ спокойствію бѣлыхъ.

Въ 1859 году, во многихъ штатахъ былъ изданъ законъ, по которому всѣ негры отпущенники изгонялись изъ территоріи штатовъ. Для этого назначены были разные сроки, по истеченіи которыхъ, отпущенники должны были быть проданы съ молотка, какъ невольники. Жители Мариланда пошли еще далѣе: они подали прошеніе, въ которомъ добивались того, чтобы 75 тысячъ негровъ отпущенниковъ, находящіеся въ штатѣ, были немедленно обращены въ невольничество и раздѣлены между бѣлыми гражданами. Правительство Мариланда не согласилось на желаніе просителей, но разрѣшило бѣлымъ заставлять работать дѣтей негровъ, не спрашивая согласія ихъ родителей. Кромѣ того оно издало законъ, позволяющій цвѣтнымъ людямъ отказываться отъ свободы. Это ужасное позволеніе походитъ на приказаніе.

По непримиримой ненависти приверженцевъ невольничества къ отпущенникамъ, освобожденіе негра, въ настоящее время почти невозможно. Въ прежнія времена для этого достаточно было воли владѣльца; и весьма часто плантаторъ, передъ смертію, давалъ свободу одному или нѣсколькимъ любимымъ неграмъ; но съ тѣхъ поръ, какъ аболіціонистское движеніе слѣдало такіе успѣхи, во всѣхъ невольничьихъ штатахъ приняты мѣры для воспрепятствованія освобожденію негровъ. Въ Луизианѣ давно уже запрещено владѣльцамъ отпускать на волю негровъ, которымъ менѣе 30 лѣтъ отъ роду; притомъ владѣлецъ, желающій отпустить своего негра, долженъ испросить на это согласіе всѣхъ сосѣднихъ съ нимъ плантаторовъ и обязаться кормить своего отпущенника. Такія и подобныя имъ мѣры приняты во всѣхъ южныхъ штатахъ, и теперь почти вездѣ владѣлецъ не можетъ освободить своего негра иначе, какъ изгнавъ его въ тоже время изъ территорій республики. Только тотъ негръ получаетъ свободу, по приказанію правительства, который откроетъ заговоръ своихъ братьевъ.

Не менѣ строги законы противъ бѣлыхъ, имѣющихъ спомение съ неграми. Тотъ, кто играетъ въ какую-нибудь азартную игру съ цѣтнымимъ человѣкомъ невольникомъ, или свободнымъ, или только присутствуетъ, не говоря ни слова, при такой игрѣ между цѣтнымими людьми, терлетъ передъ закономъ свое преимущество бѣлаго и подобно низкому негру, присуждается къ тридцати левяти ударамъ плетью; сверхъ того его сажаютъ въ тюрьму, и онъ платитъ дежежный штрафъ, половина котораго назначается доносчику. Къ аболіціонистамъ законы въ особенности строги. Присуждается къ смерти всякій, кто словами, поступками, письменно или какимъ-нибудь другимъ образомъ посовѣтуетъ возмутиться одному или многимъ невольникамъ; къ смерти или каторгѣ присуждается на всю жизнь тотъ, кто письмами, брошюрами или вообще печатно публикуетъ, что нибудь могущее произвести нѣкоторое неудовольствіе между свободными неграми, или подвигнуть къ неповиновенію невольниковъ; къ смерти или каторгѣ отъ пяти до двадцати лѣтъ, тотъ кто словами или знаками произведетъ волненіе между свободными неграми или невольниками. Всякій, кто помогаетъ негру скрыться, подвергается каторжной работѣ отъ трехъ до семи лѣтъ; кто будетъ учить невольника чтенію или письму, подвергается заключенію отъ одного до двѣнадцати мѣсяцевъ; кто скроетъ у себя бѣлыхъ невольниковъ, присуждается къ заключенію отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и къ штрафу отъ 200 до 1000 долларовъ.

Таковы въ настоящее время законы о неграхъ. Они ясно показываютъ какую ненависть къ поработенной расѣ проникнуты законодатели, которые должны бы были представлять собою совѣсть цѣлой націи. Съ каждымъ годомъ законы дѣлаются строже, и принимаются самыя жестокія мѣры противъ свободныхъ негровъ, аболіціонистовъ и подозрительныхъ людей всѣхъ цвѣтовъ и всякой породы.

II

Невольники боятся не только своего владѣльца, но и его агентовъ. *Экономъ*, бѣлый, униженный своимъ полвластнымъ положеніемъ, становится оттого еще болѣе жестокимъ и безжалостнымъ; онъ чувствуетъ, что самъ возвышается въ своихъ глазахъ страданіями, которымъ подвергаетъ подвѣдомственныхъ ему невольниковъ. *Коммандоръ*, такой же негръ какъ и прочіе, но вооруженный повелительвою плетью, любитъ разсыпать ея удары по спинамъ своихъ соперниковъ или личныхъ враговъ и часто прибѣгаетъ къ

ложнымъ доносамъ, чтобы утолить свою жажу мести; кромѣ того, онъ безжалостно увеличиваетъ работу потчиненныхъ ему негровъ, чтобы выиграть этимъ въ глазахъ эконома и своего владѣльца. Члены семейства владѣльца также страшны бѣднымъ неграмъ. Маленькій креоль бьетъ негритенка, который ему прислуживаетъ, не думая, что этимъ онъ вредитъ своему капиталу; великолѣпная и нѣжная дама велитъ сѣчь свою горничную, не видя въ этомъ большого ущерба состоянію своего отца или мужа. При безстыдствѣ, съ которымъ злыя женщины совершаютъ преступленія, не должно удивляться, что самыя ужасныя жестокости этого рода были дѣлаемы женщинами истерическими или ревнивыми, прострпавшими свою ненависть до послѣднихъ границъ звѣрства. Разсказываютъ, что одна дама постоянно носила въ рукѣ плеть и даже, садясь за столъ, привѣшивала ее къ кисти руки, чтобы можно было въ одно время ѣсть и бить. Другая, мучимая безнадежною любовью, приказывала всякую ночь приковывать къ своей кровати мулатку, и какъ только просыпалась, хватала плеть и покрывала рубцами тѣло невольницы. Третья дама, прелестная и восхитительная по своей любезности, приказала разъ зарыть нѣсколько негрятенокъ до половины въ землю, въ глубинѣ погреба и мало-по-малу прожигала ихъ тѣло каленымъ желѣзомъ. Правда, что возставшее населеніе Нового Орлеана бросилось на домъ этой фуріи и, не смотря на сопротивленіе нѣсколькихъ креоловъ, вытащило изъ погреба тѣла несчастныхъ, которыя еще двигались въ своихъ оковахъ и сожгло этотъ проклятый домъ.

Физическія страданія и болѣзни еще ничего не значатъ въ сравненіи съ униженіемъ нравственнымъ, потому что онѣ поражаютъ отдѣльныя личности, тогда какъ униженіе души портитъ цѣлое населеніе невольниковъ. Высѣченный негръ чувствуетъ душевныя страданія болѣе нежели тѣлесныя: ему стыдно самого себя, онъ не смѣетъ поднять глазъ на того, кто его билъ, на тѣхъ, которые слышали его вопли, на своихъ дѣтей, которые неподвижно присутствовали при его истязаніи. Если онъ потомъ и подымется, то не по чувству достоинства и благородной гордости, а по безстыдству. Презирая самого себя и другихъ, онъ будетъ уважать только плеть; если онъ осмѣлится ненавидѣть своего владѣльца, то ненависть его будетъ груба, завистлива и низка; у него не будетъ другаго оружія кромѣ хитрости и лжи, другихъ радостей кромѣ грубыхъ физическихъ наслажденій. Почти тотъ же результатъ получится если обращаться съ неграми кротко; пусть владѣлецъ даетъ имъ въ изобиліи ежедневную пищу, заставляетъ ихъ по воскресеньямъ плясать подъ звуки кастаньетъ и тамбурина, щедро раз-

дасть имъ водку. — тутъ останавливается его геллоупіе, и невольникъ все-таки остается невольникомъ, т. е. существомъ низшимъ. Если негры до сихъ поръ не дошли еще до высшей степени подлости и униженія, если они почти всѣ, не смотря на свои пороки, простодушны, любящи и чувствительны, — то это потому, что вспомогательныя средства природы неистощимы и элементы возрожденія существуютъ всегда до тѣхъ поръ, пока не прекращается самая жизнь.

Полнѣйшее униженіе, подавленіе всякаго самолюбія, уничтоженіе разумнаго и нравственнаго сознанія заставляютъ негровъ находить въ позорѣ невольничества, родъ какого-то скотскаго наслаженія.

Между огрубѣвшими неграми встрѣчается часто типъ, воспроизведенный американскими рассказами, типъ негра грязнаго, лѣниваго и довольнаго, который жирѣетъ отъ плети; котораго забавляетъ ошейникъ; который растягивается на солнцѣ какъ ящерица, валяется въ пыли какъ животное, презираетъ свою расу и восхваляетъ своего владѣльца какъ бога. Единственное самолюбіе его состоитъ въ томъ, чтобы холить свое тѣло, которое имѣетъ большой вѣсъ при его оцѣнкѣ и продажѣ. Когда настаетъ день продажи, глаза его горять, грудь сжата; ожиданіе и радость мѣшаютъ ему говорить. Оцѣнщики, отнимающіе его у семейства и отечества, опредѣляютъ наконецъ его настоящую цѣнность, и онъ можетъ, пропорціонально ей, хвастать собою. Однажды, на невольничьемъ рынкѣ въ Виргиніи, какой-то негръ, стоя на возвышеніи, предлагалъ самаго себя покупателямъ такимъ образомъ: «я хорошій негръ; я плотникъ, каретникъ, механикъ, садовникъ, сапожникъ; я умѣю все дѣлать! я люблю своихъ господъ и всегда повинуюсь имъ! меня никогда не нужно бить плетью». Плантаторы, на которыхъ подѣйствовали хвастливыя восклицанія негра, начали надавать цѣну, и наконецъ негръ былъ проданъ за весьма значительную сумму. Вслѣдъ за этимъ, возошелъ на эстраду другой негръ, сильный и хорошо сложенный, но вялый и можетъ быть грустный и обвелъ тусклымъ взглядомъ толпу покупателей. Этотъ человѣкъ съ заспанною наружностью не очень понравился покупателямъ, и оцѣнщикъ тщетно старался поднять на него цѣну; а проданный перелъ нимъ товарищъ его торжествовалъ и кричалъ ему: «А! дрянной *митеръ!* я хорошій негръ, а ты викауда не годишься!» Такого рода самолюбіе плантаторы любятъ видѣть въ своихъ, какъ они называютъ добрыхъ подданныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ образцовыхъ невольниковъ усваиваютъ себѣ вполне чредубѣжденія бѣлыхъ противъ расы негровъ. Одинъ старый невольникъ, прослужившій своему владѣльцу около шестидесяти лѣтъ,

часто говорилъ весьма серьёзно: «Должно перевѣшать всѣхъ негровъ, начиная съ меня». Онъ думалъ, что пожертвованіемъ цѣлой жизни заслужилъ только веревку.

Приверженцы системы невольничества стараются увѣрить, что судьба невольниковъ самая счастливая, такъ что имъ не остается желать ничего болѣе. Правда, что многія тысячи невольниковъ счастливы своимъ рабствомъ и, какъ собаки, готовы съ радостью лизать ноги своихъ владѣльцевъ. Причина этому та, что негры съ дѣтства привыкають считать чуть не богомъ гордаго и богатаго бѣлаго, который даетъ имъ пищу и одежду и презирать самихъ себя за цвѣтъ своей кожи, грубыя черты лица, бѣдность и грязную одежду. Они, съ энтузіазмомъ смѣшаннымъ съ ужасомъ, обожаютъ этого человѣка, который владѣеть всѣми, раздаетъ, по своему произволу награду и наказанія, живетъ въ пышномъ дворцѣ и даетъ своимъ друзьямъ блистательные праздники. Если же, по рѣдкой снисходительности, владѣлецъ сдѣлаетъ какое нибудь добро бѣдному негру, броситъ на него взглядъ, будетъ говорить съ нимъ ласково, тогда уваженіе превращается въ фанатизмъ, и невольникъ предается ему душою и тѣломъ.

Между женщинами, составляющими домашнюю прислугу, встрѣчается наиболѣе невольницъ, совершенно преданныхъ особѣ владѣльца и членамъ его семейства. Извѣстно, что во время возстанія въ Санъ-Доминго, почти всѣ креолы, избѣгнушіе убійства, были обязаны своимъ спасеніемъ привязанности какой-нибудь старой негрятки. Тоже самое было бы и въ Соединенныхъ Штатахъ, если бы когда нибудь вспыхнула тамъ невольничья война. Тогда красавицы креолки и гордые плантаторы, угрожаемые огнемъ и мечемъ, прибѣгнули бы къ своимъ прежнимъ невольницамъ, которыя сто разъ подвергнули бы опасности собственную жизнь для спасенія жизни своихъ владѣльцевъ. Воспитанныя въ домѣ съ дѣтьми владѣльцевъ, онѣ росли вмѣстѣ съ ними, потомъ были на ихъ свадьбахъ, принимали второстепенное участіе во всѣхъ домашнихъ радостяхъ и печаляхъ и сдѣлались какъ бы частью семейства, котораго и имя онѣ принимаютъ. Онѣ были бы счастливы своимъ невольничествомъ даже изъ одного тщеславія, которое такъ сильно развито у негровъ; но эти бѣдныя женщины повинуются также благороднымъ побужденіямъ: онѣ, не смотря на свое рабство, сохраняютъ въ глубинѣ сердца женскую вѣжность и доброту, и преданность ихъ безкорыстна. Онѣ питають любовь къ владѣльцамъ, которые ихъ кормили и материнскую нѣжность къ дѣтямъ, которыхъ они кормили грудью или нянчили. Если даже у нихъ бывають собственныя дѣти отъ ихъ мужей-невольниковъ, то онѣ почти всегда болѣе любятъ

бѣлыхъ дѣтей плантатора. Въ минуты опасности, главнѣйшая ихъ заботливость обращается на дѣтей ихъ владѣльца. Преданность этихъ негрятенокъ часто бываетъ оцѣняема; по самому ходу дѣла, онѣ постепенно дѣлаются необходимыми для семейства; иногда ихъ считаютъ даже какъ бы друзьями и, въ семейномъ кругу, онѣ могутъ сидѣть за однимъ столомъ съ своими господами. А какое глубокое презрѣніе питаютъ эти дворовыя негрятянки къ проклятой расѣ, обреченной на невольничество! Отвращеніе къ барщиннымъ или работникамъ возмущаетъ ихъ сердце; онѣ сами черны, но утѣшаютъ себя тѣмъ, что въ сущности душа ихъ бѣла. Аболиціонистовъ, о которыхъ имъ наговорили много страшныхъ вещей, онѣ боятся также, какъ наши прабабушки боялись оборотней. Про многихъ изъ нихъ рассказываютъ, что во время путешествій съ своими господами по сѣвернымъ Штатамъ, онѣ боятся выйти изъ комнаты въ гостиницѣ, чтобы не попасться въ руки этихъ свирѣпыхъ разбойниковъ, которые непременно хотятъ навязать невольникамъ свободу. Какъ глубока была бы скорбь бѣдной негрятянки, если бы ей дали независимость, оторвали бы ее отъ дома, гдѣ она родилась, удалили бы отъ семейства, которое владѣло ею и которому она отдала свою душу! Она, подобно домашнему животному, привязана къ самымъ стѣнамъ, къ деревьямъ сада, къ забору, окружающему домъ и отдѣляющему его отъ полей негровъ. Если бы ее освободили насильно, она можетъ быть умерла бы отъ отчаянія; но прежде долго бродила бы около милыхъ стѣнъ, которыя заключали ее. Она умерла бы, проклиная своихъ братьевъ-негровъ и ея послѣдній вздохъ любви полетѣлъ бы къ ея возлюбленному владѣльцамъ; самое жаркое желаніе ея было бы отжить невольницу, какою она жила.

Такая сильная преданность часто встрѣчается у креольскихъ негрятенокъ, посѣдѣвшихъ на службѣ у нѣсколькихъ поколѣній одного семейства бѣлыхъ; но она очень рѣдка у негрятенокъ и въ особенности у негровъ, на барщинѣ; однакоже и у этихъ негровъ, рабская любовь смѣшана страннымъ образомъ съ ненавистью. Они ненавидятъ своего владѣльца потому, что безъ его приказанія, они не были бы обязаны работать и вмѣстѣ съ тѣмъ, они любятъ его потому, что онъ богатъ и силенъ, потому, что ихъ ребяческому тщеславію пріятно видѣть его красивыхъ лошадей и его экипажи, потому наконецъ, что они невольно чувствуютъ какую-то симпатію къ тому, кто раздастъ имъ мансъ, мясо и brandy. Одинъ плантаторъ, говоря объ этой смѣси ненависти и любви, которую питаютъ къ нему негры, выразился такъ: «вы видите этихъ негровъ; всѣ они ненавидятъ меня; но, если я упаду въ воду, двѣ трети изъ нихъ бросятся спасать меня».

Эту рабскую любовь приволятъ какъ аргументъ въ пользу системы невольничества, но въ сущности, любовь эта есть самое сильное доказательство вреда, производимаго невольничествомъ. Правда, что американскіе негры часто предпочитаютъ рабство свободѣ; но это доказываетъ только то, что такъ называемая свобода отпущениковъ въ Америкѣ есть вещь ужасная, если негры ищутъ спасенія отъ нея въ вѣчномъ рабствѣ. Одинъ американскій сенаторъ объявилъ своимъ неграмъ, что намѣренъ дать имъ свободу. Несчастные страшно этого испугались; начались слезы, моленія, отчаяніе. «Что мы тогда будемъ дѣлать! Мы покинемъ этотъ домъ, гдѣ мы имѣли маисъ, мясо и плоды и будемъ брошены въ міръ безъ всякихъ средствъ къ существованію; насъ будутъ постоянно преслѣдовать завистливые взгляды бѣлыхъ; мы будемъ стѣсняемы, если вздумаемъ заняться какимъ нибудь ремесломъ; насъ посадятъ въ тюрьму за малѣйшій проступокъ; мы будемъ постоянно подвержены презрѣнію бѣлыхъ. О, масса, избавь насъ отъ свободы. Мы хотимъ быть невольниками». Слишкомъ доброму плантатору стоило большого труда отпустить на волю своихъ десять негровъ, которые вѣроятно никогда не простили ему своей свободы, будучи преслѣдуемы своими новыми согражданами бѣлыми. Въ самомъ дѣлѣ, свобода состоитъ не въ томъ, чтобы работать или умереть съ голоду по своему произволу, не опасаясь напавки командора; надо смѣть глядѣть прямо въ глаза всякому проходящему; быть въ состояніи безъ страха воздавать бѣлому любовью за любовь, презрѣніемъ за презрѣніе и ненавистью за ненависть. Понятно, почему несчастные, испорченные продолжительнымъ рабствомъ, находятъ невольничество такимъ привлекательнымъ. Судьба ихъ устроена и имъ не нужно выдерживать жизненную борьбу. Тотъ, кто имѣетъ счастье принадлежать другому, не имѣетъ надобности заботиться о дневномъ пропитаніи: ему даютъ маисъ и рыбу. Страданія любви мало его беспокоятъ, потому что ему дарятъ жену. Онъ избавленъ отъ заботъ родительскихъ, потому что владѣлецъ покупаетъ его дѣтей и кормитъ ихъ. Мысли не тѣснятъ его мозга: ему приказываютъ и онъ только появивуется безъ размысленія. Онъ тученъ и доволенъ и презираетъ свободнаго человѣка, который худѣетъ отъ бѣдности. И такъ, печали, заботы, мысль и воля, все можетъ спать въ немъ. Только бы работали его руки, а все его нравственное и разумное существо можетъ покоиться въ совершенномъ бездѣйствіи: какой-то богъ блюдетъ за нимъ. Освобожденные невольники вернулись изъ африканскихъ колоній и вымаливали у прежнихъ своихъ владѣльцевъ какъ милость, чтобы они взяли ихъ опять въ неволю. Болѣзни, насѣкомыя и трудности перваго устройства на новомъ мѣстѣ испугали ихъ, и они, какъ вѣрныя собаки, возврати-

лись въ мягкому ошейнику, который носили въ дѣтствѣ; они любили свои цѣпи, обожали свои колодки. Это-то низкое благополучіе, подобное наслажденію животнаго, валяющагося въ навозѣ, осмѣиваются приводить доказательствомъ въ пользу системы невольничества.

Цвѣтное населеніе Соединенныхъ Штатовъ увеличивается сильнѣе населенія бѣлаго, которое, само по себѣ, плодится тоже весьма быстро. Если бы американскіе негры были свободны, то этотъ огромный избытокъ рождающихся въ сравненіи съ умирающими доказывалъ бы, безъ сомнѣнія, что они пользуются нѣкоторымъ благосостояніемъ; но на нихъ должно смотрѣть только какъ на лошадей или рогатый скотъ, и число рукъ, находящихся на всѣхъ плантаціяхъ южныхъ штатовъ, доказываетъ только богатство владельцевъ. Негры размножаются быстро, потому что плантаторы заботятся о приращеніи этой части своего богатства. Удачно составляемые браки, хорошо приспособленная нища и огрубляющее невольничество помогаютъ плодить дѣтей болѣе нежели свобода и тяжкія житейскія заботы. Хорошій негръ стоитъ отъ 7 до 15 тысячъ франковъ, а потому всякій плантаторъ, пекущійся о своихъ выгодахъ, сильно заботится о воспитаніи негровъ. Въ Виргиніи, этомъ американскомъ заводѣ негровъ, откуда всякій годъ вывозятъ отъ десяти до двадцати тысячъ работниковъ на рынки южныхъ штатовъ, плантаторы освобождаютъ почти отъ всѣхъ работъ негрятюнокъ, беременныхъ и кормящихъ грудью, чтобы предохранить дѣтей ихъ отъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ. Прежде дѣлали не такъ. Во всѣхъ колоніяхъ Америки, плантаторы находили, что покупать грузъ у торговцевъ неграми дешевле нежели воспитывать негрятенковъ до тѣхъ лѣтъ, когда они могутъ работать; отъ этого, въ первые тридцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія, смертность между неграми была ужасна, и населеніе ихъ въ Вестъ-Индіи значительно уменьшилось. До присоединенія Луизианы къ Соединеннымъ Штатамъ, штатъ этотъ получалъ изъ Африки множество негровъ. Цѣна хорошаго негра-работника была почти на сто долларовъ менѣе суммы, потребной на воспитаніе негрятенка. Тогда думали, что климатъ этой страны положительно вреденъ здоровью маленькихъ негровъ, потому что только немногіе изъ нихъ достигали зрѣлаго возраста. Когда правительство Соединенныхъ Штатовъ уничтожило торговлю неграми, и цѣна на взрослыхъ негровъ значительно повысилась, начали болѣе стараться о воспитаніи маленькихъ негровъ и теперь негрятки нигдѣ не имѣютъ столько дѣтей какъ въ Луизианѣ.

Вотъ почему быстрое размноженіе чорнаго населенія не можетъ служить доказательствомъ счастливой жизни невольничковъ; точно

также как не может служить доказательством въ то, что между неграми многіе достигаютъ столѣтней старости и что между нами весьма рѣдки помѣшательство и самоубійство. Человѣкъ порабощенный уже не человѣкъ; если онъ спокойно принимаетъ свое униженіе, у него нѣтъ страстей, а только грубыя потребности, грубоудовлетворяемыя. Душа въ немъ не дѣйствуетъ, а работаетъ одно тѣло, которое можетъ продержаться долго. Въ Соединенныхъ Штатахъ столѣтнихъ стариковъ у негровъ въ пять или шесть разъ больше, нежели у бѣлыхъ. За исключеніемъ многихъ случаевъ *зефалии*, происходящихъ болѣе отъ испорченности вкуса, чѣмъ отъ желанія покончить съ жизнью, рассказываютъ только одинъ примѣръ самоубійства, очень извѣстный у негровъ южныхъ штатовъ. Одинъ невольникъ скрылся отъ своего владѣльца и два года бродилъ по саваннамъ и кипариснымъ рощамъ. Наконецъ его окружили въ кампѣ—то лѣсу, взяли и привели къ его владѣльцу. Онъ не испустилъ ни одного крика, когда его били плетью, перенесъ безъ жалобъ всѣ жестокости, самъ надѣлъ на себя ошейникъ, но рѣшительно отказался работать. Придя на плантацію вмѣстѣ съ товарищами своего рабства, онъ долго, съ полнымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на толпу негровъ, потомъ бросился въ ровъ внизъ головою и переломилъ себѣ позвоночный хребетъ. Исторія Луизианы передаетъ также одинъ примѣръ произвольнаго увѣчья, который, по героизму, превращенъ въ поступка Муція Сцеволы. Въ 1753 году, въ одномъ прибрежномъ приходѣ Миссиссипи, заставили негра исполнять должность палача; чтобы не убивать себѣ подобнаго, онъ ударомъ топора отсѣкъ себѣ правую руку.

У негра нѣтъ семейства, потому что отецъ, мать и дѣти могутъ быть проданы по произволу владѣльца и разведены на всѣ четыре стороны по разнымъ плантаціямъ. Какъ понятливость, смѣлость и вѣрность негра, представляютъ для владѣльца только денежную цѣнность, такъ и вѣрность негра къ своимъ дѣтямъ или негритянки къ своему мужу имѣютъ значеніе въ глазахъ плантатора тогда только, когда онъ видитъ въ нихъ какую нибудь выгоду. Часто негры и негритянки соединяются бракомъ по назначенію самаго владѣльца и изъ бразни плети. Если молодому невольнику позволяютъ выбрать жену по своему вкусу, онъ, по неясному чувству желанія вѣрности и свободы, почти всегда выбираетъ ее въ сосѣдней плантаціи. Онъ можетъ видѣться съ нею только по праздникамъ, или въ рѣдкія минуты отдыха въ продолженіи дневной работы; да и тутъ онъ долженъ имѣть неизбѣжный паспортъ, потому что, безъ этого листа бумаги, ему запрещена всякая любовь, внѣ границъ его плантаціи. Если одинъ изъ двухъ сосѣднихъ владѣльцевъ переимѣнитъ мѣсто

своего пребыванія, или продать часть своихъ негровъ для уплаты долговъ, или наконецъ передать свое имѣніе по завѣщанію какому нибудь дальнему родственнику, тайный бракъ, заключенный на границѣ двухъ владѣній, разорванъ: любовники продаютъ торговцу неграми, или онъ, если остается, съ горестью видитъ какъ его подруга и дѣти садятся въ роковую повозку, уводящую ихъ на какой нибудь отдаленный рынокъ. Участь семействъ, живущихъ въ каждой плантаціи, подъ одною кровлей, не всегда бываетъ счастливою. Владѣлецъ можетъ распредѣлять жонъ и мужей по своему произволу; онъ можетъ продать негрятенку безплодную, или вышедшую изъ лѣтъ; прогнать негрятенковъ, которые ему въ тягость и стариковъ, потерявшихъ силу. Ни одинъ законъ не воспрещаетъ владѣльцу разрывать такимъ образомъ семейныя связи и разбрасывать членовъ семейства во всѣ стороны. Правда, что одинъ старинный законъ воспрещаетъ ему разлучать дѣтя съ матерью ранѣе десятилѣтняго возраста, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія отъ шести мѣсяцевъ до одного года и штрафа отъ 1000 до 2000 долларовъ; но законъ этотъ никогда не исполняется, и одинъ путешественникъ рассказываетъ, что при немъ били ребенка семи лѣтъ за то, что онъ плакалъ о разлукѣ съ матерью. Плантаторъ установляетъ даже по своему усмотрѣнію, отношенія между супругами-неграми. Нѣкоторые изъ нихъ, чтобы исправить дурное поведеніе негрятенокъ изъ плантаціи, держатъ ихъ каждую ночь въ оковахъ. Личныя возможности ходить, негрятенки дѣлаются сиротами и приносятъ своему владѣльцу большее число негрятенковъ. Вслѣдствіе этого, негры-родители, оставшіеся добрыми, не смотря на смертоносное вліяніе среды, въ которой они живутъ, пламенно желаютъ смерти своихъ дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ ужасовъ, которые ихъ ожидаютъ въ жизни. — «Женатъ ли ты? спросили одного негра, который былъ выпущенъ на волю; но по жадности наслѣдниковъ своего владѣльца, снова былъ обращенъ въ невольничество. — Нѣтъ, отвѣчалъ негръ съ грустною улыбкою, жена моя освобождена смертию. — Есть у тебя дѣти? — Нѣтъ, благодаря Бога: они тоже имѣли счастіе умереть!»

Принтеры, которыхъ подаютъ бѣлые князья штатовъ, конечно, не могутъ внушить ихъ неграмъ уваженіе къ семейству и обязанности родителей. Мулаты, составляющіе седьмую часть цвѣтнаго населенія, почти всѣ обязаны жизнію любовнымъ связямъ плантаторовъ съ нѣтъ красивыми невольницами; однакожъ ихъ отцы и владѣльцы не дали имъ свободы. Обыкновенно говорятъ, что въ размноженіи цвѣтнаго населенія виноваты частью иностранные эмигранты; но эмигранты избираютъ для своего пребыванія боль-

шіе коммерческіе города или земледѣльческіе округа запада; тогда какъ негры живутъ въ селеніяхъ южныхъ штатовъ. И такъ отвѣтственность въ произведеніи смѣшанной расы прямо ложится на самихъ плантаторовъ, а изъ дѣтей ихъ мулатовъ, выпущено на свободу менѣе двухъ пятыхъ частей. Эти цифры показываютъ, въ какой мѣрѣ родительское чувство имѣло вліяніе на освобожденіе рабовъ, когда это освобожденіе было еще возможно. Почти всѣ освобожденія имѣли основаніемъ любовь владѣльца къ своей Агари и своему Измаилу; однакожъ изъ пяти мулатовъ три остаются еще невольниками; изъ пяти отцовъ—три варвара, которые оставляютъ дѣтей своихъ коснѣть въ рабствѣ и продаютъ ихъ съ молотка, продавая такимъ образомъ собственную свою плоть.

Понятно, какъ трудно плантаторамъ освободиться отъ давно усвоенныхъ ими себѣ идей и хладнокровно смотрѣть на вопросъ о невольничествѣ. Она по необходимости находятся подъ вліяніемъ той ужасной среды, въ которой они родились и которая постоянно окружаетъ ихъ. Въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ, креолу даютъ вмѣсто куклы живое существо; онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи маленькаго негрятенка, котораго онъ имѣетъ право бить и который со страхомъ подставляетъ ему щеку. Креолъ растетъ, а съ нимъ вмѣстѣ, какъ вѣрная тѣнь, растетъ и невольникъ его; присутствіе этого страдательнаго существа, всякую минуту напоминаетъ ему его владѣльческое достоинство, и онъ можетъ безопасно давать волю своему гнѣву; онъ изучаетъ, *in anima vili*, презрѣмію и ненависть. Вокругъ него движется толпа черныхъ слугъ, также оглуѣлыхъ какъ и тотъ, котораго онъ бьетъ, и онъ инстинктивно понимаетъ, что не должно довѣряться этимъ поработченнымъ людямъ, которые потупляютъ глаза и постоянно лгутъ. Вдали, около хижины, онъ видитъ другихъ негровъ, которые идутъ на работу, сгибааясь подъ тяжестью полевыхъ орудій; за ними идетъ командоръ, вооруженный плетью; по вечерамъ, вѣтерокъ часто доноситъ до его слуха вопли негровъ и негрятенокъ, которыхъ спина обливаема кровью подъ ударами воловьихъ жилъ. Въ его умѣ не укладывается даже сравненіе собственной своей особы съ этими трепещущими существами, которымъ черный цвѣтъ кожи и грязная одежда ирадаютъ что-то дьявольское. Потомъ онъ узнаетъ, что все его состояніе лежитъ на плечахъ этихъ черныхъ и что, безъ ихъ трудовъ, онъ былъ бы доведенъ до нищенства. Тогда честолюбіе и корыстолюбіе воздвигаютъ еще новую преграду между нимъ и негромъ; на наждаго изъ невольниковъ онъ смотритъ только какъ на свертокъ монетъ. Такимъ образомъ плантаторъ постепенно пріучается не считать людьми африканцевъ, которыми онъ владѣтъ.

Однажды, рассказываятъ одинъ путешественникъ, я ласкалъ бѣлокурую головку прелестнаго маленькаго кресла и спросилъ его, какъ обыкновенно спрашиваютъ у дѣтей, хочеть ли онъ быть большимъ.

— О, да, отвѣчалъ онъ.

— А, зачѣмъ?

— Чтобъ бить негрятюнокъ.

Ребенокъ, выразившій это жестокое желаніе, былъ необыкновенно кротокъ; но все, что онъ видѣлъ вокругъ себя, доказывало ему, что преимущество взрослыхъ людей состоитъ въ томъ, что они могутъ бить и съѣчь. Сердце дѣтей, оставалось добрымъ къ тѣмъ, которыхъ имъ позволяли любить, дѣлается страшно жестокимъ къ тѣмъ, которыхъ они считаютъ себя обязанными презирать, по примѣру и приказанію своихъ родителей. Наконецъ, они совсѣмъ теряютъ чувствительность: всякая возможность симпатіи къ этимъ низшимъ существамъ, низведеннымъ рабствомъ на степень животныхъ, совершенно исчезаетъ; они даже не понимаютъ словъ человѣка съ сердцемъ, который говоритъ о состояніи невольниковъ. Почти всѣ книги для первоначальнаго обученія, которыя даютъ маленькимъ кресламъ, напечатаны въ штатахъ Новой Англіи и слѣдовательно пропитаны духомъ аболіціонизма; но доктрины свободы не имѣютъ никакого вліянія на эти юныя души. Дѣти плантаторовъ выучиваютъ наизусть прекрасную поэму поэта Whittier, въ которой описывается прощаніе одной виргинской негрятянки съ своею дочерью, проданною въ южные штаты; они восхищаются красотой стиховъ, читаютъ ихъ съ чувствомъ; но не понимаютъ, что эта трогательная поэзія описываетъ страданія ихъ собственныхъ негровъ. При выходѣ въ свѣтъ книги г-жи Бичеръ Стоу, во многихъ семействахъ плантаторовъ оплакивали страданія дяди Тома; но эти потоки слезъ были пролиты о воображаемыхъ несчастіяхъ воображаемаго существа, и никому не пришла идея примѣнить прочитанное къ униженнымъ существамъ, которыхъ всѣ привыкли презирать и настоящія страданія настоящихъ негровъ продолжаютъ по прежнему, никѣмъ не замѣчаемыя. Такъ то добро и зло смѣшиваются страннымъ образомъ въ душѣ человѣческой. Между владѣльцами негровъ, тѣ, которые сами того не зная, наиболѣе вредятъ общей нравственности, — всѣ люди съ умомъ и сердцемъ. Слушая ихъ, трудно отличить преступленіе отъ добродѣтели.

Плантаторы, для поддержанія своей власти и удаленія возможности возстанія негровъ, поддерживаютъ ссоры между своими невольниками. Въ особенности употребляютъ они въ свою пользу ненависть, которая раздѣляетъ негровъ американскихъ и негровъ

креольскихъ. Креольскіе негры, уроженцы штата, гдѣ они слѣдуютъ какъ невольники, вообще спокойны, привязаны къ мѣстности, гордятся славой своихъ владѣльцевъ и суевѣрны; душа ихъ совершенно приспособлена къ рабству, и потому изъ нихъ въ особенности набираютъ домашнюю прислугу. Американскими неграми называются тѣ, которые куплены южными плантаторами на рынкахъ Кентукки, Виргиніи и Мариланда. Они вообще выше ростомъ, сильнѣе, смѣшленнѣе и, относительно, образованнѣе креольскихъ негровъ. Пребываніе въ промышленныхъ и торговыхъ городахъ центральныхъ штатовъ, необходимыя сношенія съ большимъ числомъ дальновидныхъ людей, проезжающихъ по Виргиніи и смежнымъ штатамъ, проповѣди странствующихъ миссіонеровъ, путешествіе съ своимъ покупщикомъ черезъ большую часть Америки а можетъ быть также и благодатный, живительный климатъ сѣвера, развили въ нихъ природную смѣшленность и, когда они являютя на рынкахъ юга, они, своимъ пренебреженіемъ ясно показываютъ, что сознаютъ свое превосходство надъ неграми, уроженцами юга. Къ великой радости плантаторовъ, случаи ссоръ весьма часты между этими двумя классами негровъ, отличающимися одинъ отъ другого даже наружнымъ видомъ и цвѣтомъ кожи. Плантаторы поддерживаютъ также ссоры между неграми работниками и составляющими домашнюю прислугу; между самбосами и чорными; мулатами и самбосами. Что же касается до негровъ инимѣ свободныхъ, то ихъ презираютъ бѣлые и ненавидятъ невольники; а они платятъ ненавистью за презрѣніе и презрѣніемъ за ненависть. Плантаторъ видитъ свою безонасность во взаимной враждѣ всѣхъ его окружающихъ.

Мѣры строгости, принятыя въ послѣднее время противъ свободныхъ негровъ, совершенно противорѣчатъ этому послѣднему убѣжденію угнетателей. До нашего времени, освобожденные негры гордились своею свободою, своимъ умственнымъ преимуществомъ передъ невольниками, своимъ правомъ имѣть собственность и доходили даже до ненависти и презрѣнія къ своимъ братьямъ, нечтѣ счастливымъ; многіе изъ нихъ рѣшались даже на преступленіе покупать негровъ, и вступать побочнымъ образомъ въ касту плантаторовъ. Плантаторы своимъ дикимъ насиліемъ примирили эти враждебныя отдѣлы угнетенной расы: невольники и бывшіе отпущенники почувуютъ вмѣстѣ въ однихъ хижинахъ, работаютъ на одной полосѣ и, безъ всякаго сомнѣнія, питаютъ равную ненависть къ плантатору, угнѣтающему ихъ.

Если между неграми явится такой, который своимъ умомъ, силой и нравственною силою приобрѣтетъ нѣкоторое вліяніе на товарищей своего рабства, — онъ дѣлается безспорнымъ начальни-

комъ плантацин и можетъ готовиться ко всему худшему, потому что бѣлые смотрятъ на него какъ на общаго врага. Одинъ ловкій плантаторъ старается привязать къ себѣ такого негра и дѣлаетъ его *коммандоромъ*, чтобы заставить его предавать своихъ братьевъ; другой старается укротить его и безпрестанно унижаетъ его передъ всѣми неграми плантацин, чтобы уничтожить его вліяніе; третій приспосабливаетъ ему соперника, котораго и поддерживаетъ; наконецъ плантаторы не дипломаты отдѣлываются какъ можно скорѣе отъ таковаго негра тѣмъ, что продаютъ его какому-нибудь отдаленному владѣльцу.

Религія, искусно эксплуатируемая, также употребляется владѣльцами въ свою пользу. Въ одномъ циркулярѣ общества распространенія Евангелія, сказано: «Религіозное образованіе дѣлаетъ негровъ тихими и спокойными и благопріятствуетъ *денежнымъ выгодамъ владѣльцевъ*». Невольники набожные и добрые христіане внушаютъ покупателямъ болѣе довѣрія, нежели другіе, и потому въ инвентаряхъ продажныхъ имѣній всегда показывается это достоинство нѣкоторыхъ негровъ. Тѣ, которыхъ религіозное образованіе заставило любить рабство, никогда не думаютъ о свободѣ: они довольствуются тѣмъ, что молятся за своихъ владѣльцевъ, и благочестіе ихъ оцѣняется иногда многими сотнями долларовъ; торговцы человѣческими душами берутъ ихъ на расхватъ за то, что они имѣютъ репутацію вѣрныхъ христіанъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти благочестивые негры, наставленные проповѣдниками Евангелія, поддерживающими систему невольничества, безпрестанно толкуютъ своимъ братьямъ по рабству, что судьба ихъ сладка и завидна, что ихъ ежедневная пища есть божественное благодѣяніе, за которое они не въ состояніи быть достаточно благодарными великодушному плантатору и что вѣчное блаженство есть удѣлъ невольниковъ, не питающихъ злобы къ своимъ владѣльцамъ. Бѣлые миссіонеры излагаютъ ту же доктрину, но еще сильнѣе. Они учатъ негровъ повиноваться безъ ропота, принимать удары плети безъ малѣйшаго чувства мщенія, благословлять тѣхъ, которые ихъ бьютъ и чтить своихъ владѣльцевъ какъ представителей Отца небеснаго.

До послѣдняго избранія президента, все духовенство сѣверной Америки даже и вольныхъ штатовъ, поддерживало словомъ и вліяніемъ своимъ систему невольничества и дружно порицало утопистовъ, утверждающихъ равенство правъ чорныхъ и бѣлыхъ.

Въ 1850 году, во всѣхъ церквахъ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ считалось отъ двадцати трехъ до двадцати четырехъ тысячъ проповѣдниковъ Евангелія, для которыхъ невольничество составляло краеугольный камень общества. Въ старину, въ правилахъ пресби-

теріанской церкви въ Америкѣ была статья, формально осуждавшая продажу и покупку черныхъ; но соблазнительность примѣра и частные интересы уничтожили эту статью и теперь каждый пресвитеріанинъ можетъ торговать мушкетерами и женщинами съ тѣмъ же спокойствіемъ совѣсти, какъ бы онъ торговалъ скотомъ. За исключеніемъ квакеровъ, всѣ религіозныя секты виновны въ такой же несправедливости къ расѣ негровъ. Одинъ католическій патеръ, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, собиралъ копѣйки, которыя приносилъ ему на сбереженіе старая негрятанка, хотѣвшая скопить деньги для своего выкупа на волю, потомъ на эти же деньги купилъ эту негрятанку для себя. Между проповѣдниками Евангелія есть такіе, которые хвастаются своею высокою нравственностью и не боятся отдавать своихъ негрятанокъ въ наемъ содержателямъ развратныхъ домовъ; другіе, по окончаніи проповѣди, надѣваютъ сапоги со шпорами, кричатъ своихъ бульдоговъ и, вмѣстѣ съ друзьями преслѣдуютъ бѣлаго негра по лѣсамъ и болотамъ.

Въ центральныхъ штатахъ, уже относительно цивилизованныхъ, негры плантацій, принадлежащія бѣльшій частью къ сектамъ методистовъ и баптистовъ, постоянно присутствуютъ по воскресеньямъ при церковной службѣ. Кромѣ того они собираются иногда, съ позволенія своихъ владѣльцевъ и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ поютъ псалмы, читаютъ молитвы и слушаютъ бѣлыхъ проповѣдниковъ, которые не перестаютъ повторять имъ на всѣ тоны: «Повинуйтесь во всемъ владѣльцамъ вашимъ.» Округи, сравнительно пустынные, посѣщаются странствующими миссіонерами, которые по принятому выраженію приходятъ *разбудить* негровъ разсѣянныхъ колоній. Прибытіе ихъ, задолго впередъ возвѣщаемое, распространяетъ радость въ поляхъ плантацій. Тотчасъ же невольники, счастливые обѣщаннымъ имъ отдыхомъ и шумнымъ веселіемъ, которому они будутъ предаваться, отправляются къ какой-нибудь площадкѣ среди лѣса и наскоро устрояютъ шалаши изъ досокъ и вѣтвей. Весь первый день посвящается приготовленіямъ къ празднику; ночь проводятъ иные въ пѣніи и молитвахъ, другіе въ веселостяхъ, пьянствѣ и развратѣ. Когда восходитъ заря, всѣ негры, эти существа такъ чудно чувствительныя ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, уже упоены своею однодневною свободою: въ нихъ вселился какой-то демонъ и, полные восторженной радости, они поютъ, кричатъ и прыгаютъ какъ дикія козы. Вскорѣ проповѣдникъ взлезаетъ на пень дерева, замѣняющій ему кафедру, и говоритъ нѣсколько словъ толпѣ, разсѣянной въ беспорядкѣ, и вдругъ всѣ негры какъ бы подъ вліяніемъ чаръ, прекращаютъ свои пляски и крики и плотно массою собираются вокругъ проповѣд-

ника. Въ одно мгновение величайшая тишина воцаряется въ этомъ морѣ людей, и священная служба начинается. Долго глаза всѣхъ бывають неподвижно устремлены на бѣлаго, который съ высоты своей кафедры читаетъ молитвы однообразнымъ и пѣвучимъ голосомъ: кажется, что у цѣлой толпы одно дыханіе и одна душа; она удерживаетъ оной энтузіазмъ, и каждый старается заглушить крикъ, готовый вырваться изъ его груди. Наконецъ при какой-нибудь сильной выходкѣ проповѣдника, слушатели не могутъ болѣе удерживать себя: изъ толпы раздается крикъ, за которымъ сейчасъ же слѣдуютъ другіе крики; одна женщина падаетъ на землю въ судорогахъ экстаза, потомъ другая, потомъ еще нѣсколько: онѣ валятся въ разныхъ мѣстахъ какъ деревья, сломанныя вѣтромъ. Тогда всѣ даютъ истокъ своему волненію: одни бросаются къ женщинамъ, лежащимъ въ конвульсіяхъ, чтобы отнести ихъ прочь, другіе громко исповѣдаютъ свои грѣхи, съ плачемъ бросаются на колѣни, поютъ религіозныя гимны и дѣлають странныя прыжки. Накраяя голосъ до визга, проповѣдникъ старается покрыть имъ этотъ невыразимый шумъ: это удается ему на минуту; но каждая фраза его снова воздымаетъ море людей, волнуящихся у его ногъ; другіе слушатели бросаются на траву въ конвульсіяхъ; снова поднимаются крики, и голосъ проповѣдника исчезаетъ въ этомъ шумѣ. Такимъ образомъ толпа, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, находится въ какомъ-то неописанномъ бреду. На другой день, когда невольники возвращаются къ своимъ работамъ, на мѣстѣ бывшаго праздника видна только помятая трава, развалины шалаши и разбросанные обрывки лохмотьевъ. Таковы сатурналіи, которымъ даютъ названіе *пробужденія*. Сомнительно, чтобы они могли внушить невольникамъ болѣе нравственное благородство и болѣшую любовь къ свободѣ.

Въ южныхъ штатахъ странствующіе миссіонеры встрѣчаются рѣже, да и присутствіе ихъ тамъ не допустили бы креолы, которые давно уже не довѣряють всѣмъ путешественникамъ безъ различія. Негры могутъ присутствовать при церковной службѣ той секты, къ которой они принадлежать только тогда, когда они живутъ близъ какой-нибудь часовни или церкви; однакожъ, они не могутъ обойтись безъ какихъ-нибудь религіозныхъ обрядовъ: сами плантаторы знаютъ, что неграмъ ихъ нужна по временамъ эта экзальтація, чтобы забыть бѣдствія рабства. Для замѣна миссіонера, плантаторы выбираютъ всегда изъ американскихъ негровъ полевого проповѣдника. Никакой праздникъ не считается полнымъ, если послѣ попойки и пляски не слѣдуютъ молитвы и рѣчь титулованнаго проповѣдника. Нѣтъ ничего жалче этихъ религіозныхъ пародій, на ко-

торья владѣлецъ приглашаетъ иногда своихъ друзей. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ одинъ путешественникъ. Въ одинъ вечеръ я былъ на одномъ изъ этихъ праздниковъ и въ душѣ моей до сихъ поръ осталось тяжелое впечатлѣнiе. Богатые плантаторы прогуливались подъ перистилемъ *сранды* и съ наслажденiемъ вдыхали бальзамическiй вечернiй воздухъ; прекрасныя креолки небрежно покачивались въ своихъ люлькахъ. Не далеко отсюда, подъ тѣню густыхъ вѣтвей толпились негры плантацин, удостоенные высокого изгляда своего владѣльца, его жены и его благородныхъ друзей. Въ нѣсколькихъ метрахъ отъ *сранды*, помѣщался на опрокинутой бочкѣ, негръ проповѣдникъ, освѣщенный факеломъ, прикрытымъ нымъ къ одной изъ колонъ дома. У него не было библии, потому что онъ не умѣлъ читать, да библию и запрещено имѣть неграшъ. Онъ стоялъ въ какой-то экстатической позѣ: колѣна были согнуты, руки сложены и подняты въ уровень съ грудью, глаза закрыты, голова откинута назадъ, и онъ читалъ, или скорѣе вѣлъ протяжнымъ и плаксивымъ голосомъ, отрывки молитвъ, обезобразованные стихи и клочки гимновъ, перенятые у какого-нибудь другого негра на сѣверныхъ плантаціяхъ. Каждую минуту раздавался жестокій смѣхъ его владѣльцевъ; насмѣшки сыпались на него; но онъ невозмутимо продолжалъ свое дѣло: слѣдовало угодить владѣльцу и устаться нечувствительнымъ къ обидѣ. Замѣчательно то, что бѣдный невольникъ выучилъ и двадцать лѣтъ повторялъ одну и ту же проповѣдь, темою которой была притча о зломъ богачѣ. «Джарчалъ невольникъ, съ самою странною наивностью, вы богаты, вы могущественны, у васъ есть золото и серебро, и вы катаетесь по драгоценнымъ камнямъ, у васъ есть экипажи и лошади и всѣ радости міра сего. Всѣ вамъ завидуютъ; но помните, что въ нѣкотоую же ночь жизнь будетъ отнята у васъ. Вы будете прокляты навсегда, свергнуты въ озеро огня и сѣры, васъ будетъ жечь огонь, который никогда не угасаетъ и помирать червь, который не умираетъ, тогда какъ бѣдный негръ пойдетъ на лово Авраамово и милосердый Богъ утѣшитъ его въ его бѣдствiяхъ и страданiяхъ!» Эти слова невольника заставили меня содрогнуться: мнѣ казалось, что они звучатъ какъ первый призывъ къ возмущенiю и рѣзнѣ; но они были такъ перемѣшаны съ нкотою и пропѣты такъ странно, что смыслъ ихъ былъ почти совершенно потерянъ для слушателей. Впрочемъ плантаторы никогда не удостоили бы понята намека на какого невольника. Смѣхъ не прекращался ни на минуту, и когда проповѣдникъ сошелъ съ своей бочки, хозяйка дома приказала дать ему пару панталонъ и стаканъ *brandy*. Онъ разсывался съ бл-

гедарностахъ передъ той, которую только что осудилъ на огонь убійца.

И такъ, изъ глубины этого ужаснаго уничтоженія, изъ этихъ религіозныхъ церемоній, въ которыхъ приверженцы невольничества видятъ одно изъ лучшихъ средствъ своей защиты, звучитъ пророческій гомось шпенія и возмездія. Эти четыре милліона людей, въ настоящее время столь кроткіе и спокойные, могутъ въ скоромъ времени возстать и превратиться въ алчныхъ и свирѣлыхъ. Какія средства защиты имѣютъ плантаторы? Какіе будутъ ихъ шансы въ ужасной борьбѣ, которую въ настоящее время можно предвидѣть?

Въ прежнія времена жители южныхъ штатовъ допускали, что невольничество есть зло и изъявляли желаніе, чтобы это варварское постановленіе, узаконенное ихъ предками было уничтожено. Тогда въ соединенныхъ штатахъ было тридцать шесть обществъ аболіціонистовъ, и изъ нихъ двадцать восемь состояли изъ владѣльцевъ невольниковъ.

Въ настоящее время плантаторы, испуганные аболіціонистскимъ движеніемъ въ сѣверныхъ штатахъ, отказываются отъ своихъ прежнихъ убѣжденій; невольничество кажется имъ уже не необходимымъ зломъ, а великимъ благомъ, неопредѣленною выгодою и истиннымъ счастьемъ для самаго невольника и всего рода негровъ; они утверждаютъ, что невольничество есть установленіе нравственное и гуманное, приносящее великія выгоды политическія и социальныя.

Все это не можетъ еще доказать законности невольничества, и потому плантаторы стараются найти ему основанія болѣе прочныя. Они въ доказательство своихъ правъ, приводятъ теорію, изобрѣтенную для оправданія вообще собственности. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ они, какъ земля принадлежитъ первому, кто займетъ ее и его потомству, такъ и человекъ со всѣмъ своимъ потомствомъ, принадлежитъ тому, кто первый побѣдилъ его. Длинный рядъ наслѣдствъ, покупокъ и продажъ упрочилъ плантаторамъ ихъ права надъ неграми, и оспаривать эти права могутъ въ настоящее время только люди, не уважающіе законовъ. Одна статья законовъ въ Георгіи говоритъ, что плантаторъ владѣетъ своимъ негромъ какъ недвижимостью; онъ пріобрѣлъ его непосредственно или отъ своихъ предковъ, или отъ торговца неграми, который также пріобрѣлъ его отъ ловца негровъ.

Доказавъ законность владѣнія неграми правомъ наслѣдства,

приверженцы невольничества стараются еще доказать, что негры созданы для рабства. По мнѣнію этихъ теоретиковъ, неоспоримые историческіе факты говорятъ въ ихъ пользу. Всздѣ, гдѣ африканцы сходились съ другими расами, они были поработщасмы; ихъ исторія смѣшивается съ исторіей невольничества, которому они видимо обречены. Они не возстаютъ противъ тираніи какъ надеждъ, пресмыкаются передъ владѣльцемъ, который бьетъ ихъ, умаляются, чтобы избѣжать оскорбленій и льстятъ тому, кого боятся. Униженіе слугъ какъ будто подтверждаетъ права ихъ владѣльцевъ и самое преступленіе угнетателей приписывается угнетеннымъ. При томъ африканецъ, безпечный и легкомысленный, не можетъ управляться самъ собою; это дитя, которому необходимъ присмотръ. Ему нуженъ отецъ, или же, за немнѣніемъ отца, *коммандоръ* вооруженный плетью. Чтобы образовать его, нужно его сдѣлать невольникомъ.

Въ глазахъ невѣждъ, судящихъ только по наружности, одного цвѣта кожи достаточно для того, чтобы присудить расу негровъ къ вѣчному рабству. По мнѣнію приверженцевъ невольничества, толстыя губы негровъ, сбитые въ войлокъ волосы и сматый уголъ лица, суть знаки низкаго физическаго развитія сравнительно съ бѣлыми и эти знаки достаточны для установленія полнаго различія между двумя расами.

Главную опору своихъ правъ защитники невольничества находятъ въ религіи. Они указываютъ на библію, гдѣ говорится, что законодатели и пророки, вдохновенные Богомъ, обрекали на невольничество и смерть едомитянъ, филистимлянъ и другихъ воевавшихъ противъ евреевъ. Они утверждаютъ, что само Евангеліе признаетъ рабство и приводятъ въ примѣръ Апостола Павла, который послалъ бѣглаго раба обратно къ его владѣльцу.

Трудно опредѣлить, можетъ ли вопросъ о невольничествѣ быть рѣшонъ мирными средствами. Первое, приходящее на мысль средство, есть выкупъ всѣхъ американскихъ невольниковъ; но оно невозможно; потомучто для этого потребовалась бы такая огромная сумма, какую не въ состояніи выплатить ни одно государство. Если и допустить, что такая сумма была бы выплачена, и негры сдѣлались бы свободными, то и это не рѣшило бы ужаснаго вопроса; бѣлые и негры попрежнему остались бы непримиримыми врагами, потомучто цѣлая бездна ненависти раздѣляетъ ихъ, и порода негровъ была бы осуждена на нищету или смерть. Если хотять освободить нашихъ негровъ, говорятъ плантаторы, то пусть намъ заплатить то, что они намъ стоятъ, а потомъ удалить ихъ всѣхъ изъ штатовъ; а иначе вся африканская раса будетъ или перебита или

снова обращена въ невольничество. Такимъ образомъ, освобожденіе негровъ; марнымъ нутемъ кажется невозможнымъ, и должно опасаться, что споръ кончится, какъ въ Сан-Доминго, изгнаніемъ или истребленіемъ одного изъ враждующихъ племенъ.

Многіе аболіціонисты, предвидя войну и безпорядки, какъ слѣдствія освобожденія негровъ, предлагаютъ отправить всѣхъ свободныхъ негровъ въ Африку и поселить ихъ на тѣхъ берегахъ Гвинея, откуда предки ихъ были похищены продавцами невольниковъ. Это рѣшеніе вопроса просто невозможно. Негры, родившіеся и выросшіе въ Америкѣ, не будутъ въ состояніи вынести сырой и въ тоже время жгучій климатъ тропической Африки. Скорѣе можно предположить, что негры сѣверной Америки сгруппируются мало по малу, на чудесныхъ островахъ Караибскаго моря и на берегахъ Мексиканскаго залива, въ тропической Америкѣ, гдѣ братья ихъ уже основали нѣсколько республикъ, имѣющихъ всѣ задатки будущаго благосостоянія.

Нѣкоторые изъ аболіціонистовъ надѣются, что побѣги негровъ уменьшатъ наконецъ значительно число невольниковъ и плантаторы принуждены будутъ сами отказаться отъ своего званія владѣльцевъ. Противъ этого можно сказать только то, что предполагающіе такой исходъ дѣла вовсе не имѣютъ понятія о тѣхъ почти непреодолимыхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчаютъ бѣглые негры и вообще всѣ цвѣтные люди. Бѣглый долженъ опасаться встрѣчи съ каждымъ бѣлымъ или даже съ своимъ братомъ негромъ, потому что они могутъ выдать его; если же онъ и избѣгнетъ такой встрѣчи, то большею частью, или тонетъ гдѣ нибудь въ болотѣ, или умираетъ съ голоду, или наконецъ его отыскиваютъ съ помощью собакъ, приученныхъ къ охотѣ за людьми; тогда его жестоко сѣкутъ, надѣваютъ ему на шею желѣзное кольцо и возвращаютъ его къ прежнему владѣльцу. Эта перспектива страшныхъ опасностей и неудачъ пугаетъ большую часть негровъ, которые захотѣли бы уйти на свободу.

При настоящемъ положеніи дѣлъ, серьезное возстаніе американскихъ невольниковъ кажется невѣроятнымъ. Американскіе негры, предоставленные сами себѣ, конечно никогда не возмутятся, потому что они никогда не знали свободы. Невольники въ Сан-Доминго вспоминали по крайней мѣрѣ берега Африки, ея рѣки, огромныя озера и лѣса; у нихъ были преданія о свободѣ. Американскій невольникъ родился въ рабствѣ, его отецъ и дѣдъ были также невольниками, всѣ его преданія ограничиваются преданіями о рабствѣ; для него мечтать о свободѣ тоже что мечтать о невозможномъ.

Южные плантаторы не опасаются иметь большое число невольников, потому что čímъ болѣе у нихъ рабочихъ негровъ, čímъ сильнѣе они убиваютъ свободный трудъ и принуждаютъ эмигрировать бѣлыхъ, у которыхъ вѣтъ невольниковъ. Ихъ главнѣйшее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы остаться въ страхѣ однихъ съ своими каторгами негровъ и чтобы никто никогда не эмъшлялся въ ихъ дѣла; потому-то они и требуютъ повелительнаго, отмычны законовъ, уничтожающихъ торговлю неграми.

Торговля неграми, офиціально уничтоженная въ 1808 году, несмотря на оппозицію Массачусета и нѣкоторыхъ другихъ штатовъ, на самомъ дѣлѣ восстановлена и сопровождается тѣми же ужасами какъ и прежде. Армадоры Бостона, Нью-Йорка, Чарльстона и Нового Орлеана составляютъ компаніи на акціяхъ въ 1000 долларовъ каждая, и приглашаютъ капиталистовъ какъ бы дѣло шло объ обыкновенномъ торговомъ предпріятіи. Перспектива значительнаго барыша привлекаетъ много охотниковъ, и вскорѣ великолѣпныя суда выходятъ изъ порта и отправляются въ Гаванну. Назначеніе этихъ судовъ ни для кого не тайна, но они снабжены всѣми форменными бумагами. Въ Гаваннѣ они берутъ запасъ пресной воды для себя, рома и ружей для торговли съ продавцами негровъ, в цѣпи и колодки для увязки своего будущаго груза. Компанія посылаетъ заранѣе, на берега Гвинеи и Мозамбика, агентовъ, которымъ поручаетъ закупать негровъ и давать знать сигналами невольничьимъ судамъ о присутствіи крейсеровъ.

Такая торговля приноситъ громадныя выгоды. Разсчитано, что если только одно изъ шести судовъ благополучно доставитъ свой живой грузъ на островъ Кубу, то хозяину, за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, придется еще очень хорошій барышъ. Въ руки англійскихъ и американскихъ крейсеровъ попадается не болѣе одного невольничьяго судна изъ трехъ; а за невольника, который на Гвинейскомъ берегу стоитъ отъ 20 до 100 франковъ, продавцы получаютъ на Кубѣ, круглымъ числомъ, болѣе 1000 франковъ.

Всѣ приведенныя здѣсь факты показываютъ какъ трудно преодолѣть всѣ препятствія къ освобожденію американскихъ негровъ. Многие полагаютъ, что жители сѣверныхъ штатовъ стараются объ освобожденіи невольниковъ только для того, чтобы дать имъ права гражданства въ великой республиканской общинѣ, установить братство между расами и всеобщее примиреніе, но на дѣлѣ это не такъ. Почти всѣ абалиціонисты желаютъ освобожденія негровъ для того, чтобы избавить бѣлыхъ отъ конкуренціи въ работѣ. Въ сѣверныхъ штатахъ негры не пользуются никакими правами, и въ нѣкоторыхъ

существуетъ даже законъ, формально запрещающій всякому негру, невольнику или свободному являться на территоріи штата.

Это изгнаніе негровъ объясняютъ несоединимостью двухъ расъ, но настоящая причина его есть та, что еслибы миліоны свободныхъ негровъ были допущены въ сѣверные штаты, то плата за работы, получаемая теперь бѣлыми работниками, значительно понизилась бы отъ конкуренціи негровъ.

Еслибы сѣверные штаты были точно страной свободы, какъ жители ихъ утверждаютъ, то бѣглецы негры являлись бы туда сотнями тысячъ. Лѣтомъ, когда Огію превращается въ мелкій ручей, невольники владѣній Виргиніи и Кентукки, лежащихъ на ея берегахъ, могли бы безъ труда уйти и достигнуть земли обѣтованной, но негры боятся перейти рѣку, потому что на другомъ ея берегу встрѣтятъ только враговъ и не избѣгутъ нищеты и голода.

И такъ сѣверные и южные штаты находятся въ постоянной враждѣ; но время освобожденія невольниковъ кажется уже близко. Въ испанско-американскихъ республикахъ произошло уже соединеніе трехъ расъ; бѣлые, краснокожіе, или черные и безчисленные метисы, происшедшіе отъ смѣшенія этихъ трехъ расъ, теперь всѣ ду собою братья и сограждане. Можно ли надѣяться, что южные штаты послѣдуютъ наконецъ этому благородному примѣру?

ЛУННАЯ НОЧЬ

ИЗЪ ЭЙХЕНДОРФА

Казалось небо землю тихо
Поцѣловало передъ сномъ,
Чтобъ лишъ оно одно ей снилось
Въ прозрачномъ сумракѣ ночномъ.

Скользилъ по нивамъ вѣтеръ теплый,
Колосевъ двигалась волна...
И перешоптывались листья,
И ночь въ звѣздахъ была ясна...

И широко разправивъ крылья,
Душа моя, въ тиши ночной,
Неслась надъ спящею долиной,
Неслась, какъ будто бы домой...

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

ЗИМНИЙ СОНЪ

ИЗЪ ЭЙХЕНДОРФА

И снилось мнѣ, что будто снова
Передо мною отчій домъ;
Что я лежу въ долинѣ старой —
Съ веселымъ, радостнымъ лицомъ.
Что вѣтерокъ играетъ легкій
Съ листвою въ полдневной тишинѣ;
Что цвѣтъ летитъ съ родныхъ деревьевъ
На грудь и на голову мнѣ...

Когда жъ проснулся я — за лѣсомъ
Всходила тусклая луна;
Вокругъ меня — въ сѣннхъ блѣдномъ
Лежала чуждая страна...
И озираясь, на деревьяхъ
Я ледъ увидѣлъ, а не цвѣтъ;
Поля покрыты были снѣгомъ
И самъ я былъ ужъ старъ и сѣлъ.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

МЕРИ БАРТОНЪ

ПОВѢСТЬ О МАНЧЕСТЕРСКИХЪ ТРУЖЕНИКАХЪ

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ АВТОРА

Года три тому назадъ (по причинамъ, о которыхъ не считаю нужнымъ распространяться), мнѣ непременно захотѣлось написать романъ. Я жила въ Манчестерѣ, но постоянно чувствовала величайшую склонность къ деревенской жизни и потому рѣшила представить въ своемъ разказѣ какъ можно болѣе сельскихъ картинъ; я уже написала даже часть романа, дѣйствіе котораго перенесла за сто лѣтъ назадъ, въ предѣлы Йоркшира; какъ вдругъ мнѣ запала въ голову мысль, что вникая въ частную жизнь людей, съ которыми ежедневно сталкивалась я въ улицахъ трудового города, я могу написать на настоящій и несравненно болѣе интересный романъ. Я всегда чувствовала влеченіе къ этимъ усталымъ, измученнымъ фигурамъ, которыхъ судьба осудила какъ-будто на вѣчную борьбу между тяжкимъ трудомъ и подавляющею бѣдностью: обстоятельства очевидно наложили на этихъ людей руку болѣе тяжелой, нежели на остальныхъ смертныхъ. Давъ нѣкоторую волю своему сердечному влеченію и съ участіемъ выслушавъ горькіе разказы нѣсколькихъ тружениковъ, съ которыми столкнулъ меня случай, я тотчасъ нашла доступъ къ сокровеннымъ изгибамъ сердецъ ихъ и коротко познакомилась съ нѣкоторыми изъ самыхъ горемычныхъ и задумчивыхъ.

Чѣмъ болѣе размышляла я о печальномъ ихъ положеніи, тѣмъ болѣе укоренялось во мнѣ желаніе поднять голосъ во имя этой глубокой нищеты, заявить живымъ словомъ о той мукѣ, которая клочечетъ иногда въ груди какого-нибудь молчаливаго бѣдняка, стра-

дающаго безъ поддержки и участія, или по крайней мѣрѣ думающаго что ни участія, ни поддержки ему ждатель неоткуда. Если неправъ онъ, думая что волны житейскихъ бѣдствій, подобно морскому приливу неизбѣжно и вѣчно должны заливать его, и ни одному изъ нами идущихъ, кромѣ собрата его по бѣдствіямъ, нѣтъ до него никакого дѣла; если неправъ онъ въ этомъ, то во всякомъ случаѣ нѣвнѣе это можетъ имѣть для обоихъ сторонъ такіа горькія послѣдствія, что общество должно что-нибудь сдѣлать, — и сдѣлать поскорѣе, для того чтобы разубѣдить бѣднаго ремесленника въ его печальной увѣренности. Въ настоящую минуту положеніе ихъ кажется мнѣ таково, что хотя жалобы и слезы почитаютъ они бесполезными и неумѣстными, но сжатые уста ихъ готовы изречь страшныя проклятія.

Я ничего не смыслю въ политической экономіи и вовсе не знаю на какихъ началахъ основывается народное богатство. Но я старалась писать какъ можно ближе къ истинѣ, и если выводы мои не согласуются съ какой-нибудь общепринятой системой, то не моя вина.

Что касается до моихъ собственныхъ воззрѣній на этотъ предметъ, то событія, недавно случившіяся на континентѣ по поводу подобнаго положенія рабочихъ классовъ, кажется достаточно подтверждаютъ мои опасенія на счетъ манчестерскихъ ремесленниковъ (*).

Октября 1848 г.

(*) Печатаемъ этотъ интересный романъ потому, что въ немъ живо очерчены бытъ и страданія рабочаго класса въ Англіи. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, одна только Россія можетъ смотрѣть съ братскимъ участіемъ на всѣ эти бѣдствія, на всю эту сословную ненависть, благодаря Бога ей самой вовсе неизвѣстныя. Надѣлъ крестьянъ нашихъ землею спасаетъ насъ навсегда отъ этой страшной, по всюду зяющей теперь язвы, — которая называется пауперизмомъ или пролетаріатомъ.

Прим. Ред.

ГЛАВА I

-О, какъ горько, какъ тяжко трудиться,
Цѣлый день лишь работу и знать, —
Когда видишь что всѣ-то сосѣди
На лужайку ушли погулять.

Вонъ Ричардъ взялъ ребенка на плечи,
Вонъ и Мери ребенка взяла.
И пошли они въ чистое поле,
Гдѣ растеть — зеленѣеть трава -

Манчестерская пѣсня.

Въ окрестностяхъ Манчестера есть луговины, извѣстныя подъ именемъ «зеленыхъ выгоновъ»; чрезъ нихъ вьется общинная тропинка, ведущая къ деревнѣ, миля за двѣ отъ города. Не смотря на то, что это поле совершенно гладкое, низменное, безъ всякихъ признаковъ лѣсной растительности, оно имѣеть нѣкоторую особенную привлекательность даже и для такого человѣка, который привыкъ къ грандіознымъ видамъ гористыхъ странъ, потому что чистосельскій характеръ этой зеленой равнины, не можетъ не поразить васъ по выходѣ изъ тѣснаго, шумнаго, дѣловаго и рабочаго города. Тамъ и сямъ глазъ отдыхаетъ на какомъ-нибудь старомъ сельскомъ домикѣ, который бѣлѣеть въ сторонѣ и съ кучею своихъ пристроекъ и загородекъ, невольно напоминаетъ вамъ иныя времена и иныя картины, нежели тѣ, которыя вы привыкли соединять съ мыслью о закопченомъ, многолюдномъ Манчестерѣ. Тутъ въ свое время можете вы полюбоваться вспахиваніемъ почвы, сѣнокосомъ и иными полевыми работами, которыя поражаютъ любопытнаго горожанина и кажутся ему какими-то пріятными священнодѣйствіями. Тутъ ремесленникъ, выходящій изъ города, въ нѣсколько одуренномъ состояніи, отъ непрестаннаго крика людей и свиста паровыхъ машинъ, можетъ съ наслажденіемъ прислушиваться къ отраднѣмъ

звукамъ сельской жизни: къ мычанію коровъ, призывному крику скотницы, кудахтанью куръ и пѣнію пѣтуха на дворѣ ближней фермы. По этому неудивительно, что зеленые выгоны служатъ любимымъ мѣстомъ отдохновенія для рабочаго народа по праздничнымъ днямъ; неудивительно и то, что въ подобныхъ случаяхъ означенная луговина представляетъ видъ многолюднаго и очень живописнаго гульбища. Съ одной стороны къ ней примыкаетъ глубокій и чистый прудъ, въ темнозеленыхъ водахъ котораго отражаются тѣнистыя деревья, защищающія его отъ солнечныхъ лучей. Покатый берегъ пруда съ своей стороны примыкаетъ къ обширному двору одной изъ тѣхъ старинныхъ англійскихъ фермъ, съ бѣлыми домиками и черными угловатыми крышами, о которыхъ мы говорили выше. Ферма эта стояла на небольшомъ возвышеніи и изъ нея открывался видъ на все поле и на общественную тропинку. У входа въ домъ разросся большой розовый кустъ, а садикъ, окружающій жилище, наполненъ густою заростью старинныхъ, многолѣтнихъ растений, застѣянныхъ тутъ еще въ тѣ отдаленныя времена, когда садъ или огородъ служилъ также и единственную аптекою, и въ него насаживали сплошь всякихъ растительныхъ снадобій: шиповникъ и розы, лавендовые кусты, шалфей и мята (для настоя), розмаринъ, гвоздика, желтофіоль, луковичныя растенія и дикій жасминъ, расположились въ живописномъ безпорядкѣ и цвѣтутъ себѣ въ волю. Эта ферма съ садомъ стоитъ шаговъ за сто отъ тропинки, которая ведетъ съ большого выгона въ маленькое поле; она перегорожена живою изгородью изъ боярышника и терновника, и слухи носятя, что около этой самой тропинки, по ту сторону изгороди, можно встрѣтить цвѣтушіе баранчики, а иногда, какъ слышно, попадаются въ мягкой травѣ даже и сишенькія фіалки.

Не знаю, хозяева-ли распустили рабочихъ въ этотъ день, или сами рабочіе задали себѣ праздникъ во имя весны и возраждающихся красотъ природы; но только въ одинъ прекрасный день, послѣ полудня (дѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ), на зеленыхъ выгонахъ было много народу. То былъ майскій день (поэты обыкновенно называютъ его апрѣлемъ); утромъ шолъ сильный дождь, и западный вѣтеръ слегка погонялъ круглыя, мягкія, бѣлыя облака, которыя иногда сгущались на темно-голубомъ небѣ и мѣстами принимали свинцовый, грозовой оттѣнокъ. Теплые солнечные лучи расшевелили жизнь въ молодыхъ древесныхъ почкахъ, и онѣ замѣтно начали разбухать, такъ что вербы надъ прудомъ, съ утра еще отражавшія

въ водѣ красновато-бурыя вѣтки, теперь подернулись тою нѣжною, сѣрватою зеленью, которая раннею весной такъ изящно гармонируетъ съ остальными красками природы.

По полю шумно прошли группы дѣвушекъ, весело и громко разговаривавшихъ между собою. То были по большой части фабричныя работницы, отъ двѣнадцати до двадцати лѣтъ включительно. Онѣ были одѣты точно такъ, какъ одѣваются всѣ фабричныя дѣвушки, выходя изъ дому, т. е. на плечахъ у каждой былъ надѣтъ большой платокъ, — въ полдень и въ хорошую погоду исправлявшій должность шали, а подъ вечеръ или въ ненастное время надѣвавшійся на голову, въ видѣ испанской мантильи или шотландскаго пледа, причемъ его обыкновенно закалывали булавкою у подбородка, а концы распускали по плечамъ, наподобіе покрывала.

Лица дѣвушекъ не были красивы: за исключеніемъ одного или двухъ, ихъ даже положительно можно было назвать некрасивыми. У всѣхъ темные волосы, гладко и акуратно причесанные, темные глаза, блѣдныя лица и неправильныя черты. Одно только могло-бы поразить взоры внимательнаго наблюдателя: необыкновенно разумное и сметливое выраженіе этихъ лицъ, довольно общее всѣмъ жителямъ промышленныхъ городовъ.

Въ полѣ не мало было также и мальчиковъ, или лучше сказать парней, готовыхъ во всякую минуту выкидывать какія-нибудь шутки, и въ особенности побалагурить съ дѣвочками, которыя однако же держались отъ нихъ въ сторонѣ, не то чтобы отъ застычивости, а скорѣе отъ желанія выказать свою независимость и равнодушіе къ шумнымъ прибауткамъ и громогласнымъ остроумамъ этихъ юношей. Тамъ и сямъ видѣлись въ сторонѣ отдѣльныя, скромныя пары, влюбленные женихи или просто степенные супруги; въ послѣднемъ случаѣ рѣдкая чета обходилась безъ младенца, котораго обыкновенно тащилъ на рукахъ отецъ, между тѣмъ какъ занимъ слѣдомъ подпрыгивало еще трое или четверо ребятъ; не оставляя-же ихъ по домамъ, надо и имъ вмѣстѣ съ родителями наслаждаться прелестью майскаго вечера въ полѣ.

Случилось, что на упомянутой тропинкѣ нечаянно встрѣтились двое работниковъ, горячо поздоровавшихся другъ съ другомъ. Одинъ изъ нихъ представлялъ собою чистѣйшій образецъ кровнаго манчестерца, рожденнаго отъ фабричныхъ родителей, взрослошаго и возмужалаго между заводскихъ машинъ. Онъ былъ небольшого роста, жидкаго тѣлосложенія и даже какъ-будто недоростокъ; а изнуренное,

безцвѣтное лицо его показывало, что въ дѣтствѣ онъ видѣлъ много нужды, неразлучной съ нищетою и беспорядочнымъ хозяйствомъ. Черты лица его были рѣзки, хотя довольно правильны, а вся физиономія выражала много серьезной рѣшимости, все равно на добро или на зло, и какой-то сосредоточенной, привычной восторженности. Въ настоящую минуту добро рѣшительно преобладало въ немъ, и всякій встрѣчный не задумался-бы попросить его о какой-нибудь услугѣ, потому что оказать ее повидимому было-бы ему пріятно. Онъ шолъ въ сопровожденіи жены своей, которая безъ преувеличанія могла-бы назваться хорошенькою женщиной, не смотря на то, что теперь лицо ея распухло отъ слезъ и поминутно закрывалось передникомъ. То была еще довольно свѣжая бабенка, по всей вѣроятности уроженка какой-нибудь земледѣльской мѣстности, тѣмъ болѣе что лицо ея вовсе не выражало той серьезной и пытливой смысленности, которою отличаются уроженцы ремесленныхъ городовъ. Она была беременна, что можетъ быть и было причиною неудержимости ея истерическихъ слезъ. — Пріятель встрѣтившійся имъ на дорогѣ, былъ гораздо красивѣе описаннаго мною муцины, но физиономія его была далеко не такъ выразительна и серьезна: онъ казался веселымъ и довольнымъ и хотя старѣе годами, но молодѣе перваго. Онъ заботливо несъ на рукахъ младенца, между тѣмъ какъ жена его, тоненькая и худощавая женщина, гнувшаяся на ходу какъ тростинка, тащила другого ребенка, одинаковаго возраста съ первымъ; маленькіе близнецы были также мелки и худощавы какъ и слабенькая мать ихъ.

Послѣдній изъ описанныхъ муцинъ заговорилъ первый, причемъ все лицо его прояснилось живѣйшимъ участіемъ.

— Здорово, Джонъ, какъ поживаете? сказалъ онъ, и потомъ понизивъ голосъ, прибавилъ: — А объ Эсепри все еще ничего не слышать?

Между тѣмъ жоны привѣтствовали другъ друга какъ давнишнія пріятельницы, причемъ тихій голосъ матери близнецовъ вызвалъ новый потокъ всхлипываній у мистрисъ Бартонъ.

— Ну, сударушки, сказалъ Джонъ Бартонъ, — вы сегодня прошли уже довольно. Моей Мери недѣли черезъ три прійдется родить, а вы, мистрисъ Вильсонъ, и такъ небольшою крѣпкаго десятка. — Послѣднее замѣчаніе высказано было такъ добродушно, что обидѣться было невозможно. — Такъ вы и сядте здѣсь, продолжалъ Бартонъ. Трава почти совсѣмъ уже высохла; да впрочемъ вы ка-

жется объ не боитесь простуды. Постоите-ка, дайте только разостлать подъ васъ платокъ мой, а то я знаю, что всѣ вы не охотницы пачкать платья. А малютку-то мнѣ отдайте, мистрисъ Вильсонъ; я его поношу, пока вы тутъ потолкуете съ женою: утѣшите ее хоть вы, вонъ она, бѣдняжка, какъ разливается объ Эсеири.

Всѣ эти распоряженія мигомъ приведены въ исполненіе: женщины усѣлись на траву, разостлавъ напередъ синіе бумажные платки своихъ мужей, а мужа, взявъ на руки по ребенку, отправились еще погулять. Но какъ только Бартонъ повернулся спиною къ женѣ своей, фізіономія его тотчасъ подернулась глубокимъ уныніемъ.

— Такъ ничего не слышно объ Эсеири? Бѣдная дѣвочка! сказалъ Вильсонъ.

— Нѣтъ, ничего и не будетъ я думаю. Я такъ полагаю, что она съ кѣмъ нибудь бѣжала. Жена сокрушается и все думаетъ, что она утопилась. Только я ей говорю, кто-же молъ надѣваетъ свои лучшіе наряды, чтобы идти топиться? А мистрисъ Брадшо (у которой помните, она квартировала), говоритъ, что видѣла ее въ послѣдній разъ во вторникъ, а платье на ней было воскресное, и на шляпкѣ новая лента, и на рукахъ перчатки, точь въ точь какъ на какой-нибудь леди, на которую ей такъ хотѣлось походить.

— Прехорошенькая была дѣвушка! замѣтилъ Вильсонъ.

— О, прехорошенькая, что и говорить; очень жалко! прибавилъ Бартонъ со вздохомъ.— Видите-ли, этотъ букингемскій народъ, что приходитъ сюда на заработки, вовсе непохожъ на насъ, манчестерскихъ. Гдѣ-же у манчестерскихъ дѣвушекъ увидите вы такія румяныя щочки, или такія длинныя черныя рѣсницы надъ сѣрыми глазами (подъ ними и глаза-то словно черные), какъ напримѣръ у моей жены или у Эсеири. Я никогда не видывалъ такихъ хорошенькихъ сестеръ, право никогда не встрѣчалъ. Оно конечно, и въ красотѣ большого проку нѣтъ. Вотъ хоть-бы Эсеири, такая ужъ была недотрога, что на-поди. Чуть только, бывало, я попробую что-нибудь посовѣтовать, она тотчасъ на дыбы. Правда, что ее жена избаловала, потомучто видите-ли, она вѣдь гораздо старше Эсеири и заступала ей мѣсто матери, все на свѣтѣ для нее дѣлала.

— Удивительное дѣло, какъ это она рѣшилась васъ оставить! замѣтилъ его пріятель.

— Вотъ въ томъ-то и вредъ этой фабричной работы для дѣвушекъ! Когда есть тамъ работа, онѣ могутъ столько зашибить денегъ, что сами себя содержатъ и вовсе отбиваются отъ рукъ. Моя Мери

никогда не попадетъ на фабрику, это уже я рѣшилъ. Видите-ли, Эс-еиръ всѣ свои деньги тратила на наряды, чтобы щегольнуть хорошенькимъ личикомъ, и иногда такъ поздно возвращалась домой, что я наконецъ попенялъ ей. Жена говоритъ, будто я слишкомъ круто съ ней обошлся; но я, видя Богъ, хотѣлъ ей добра; я вѣдь любилъ же Эс-еиръ: все таки она сестра моей Мери. Вотъ я и сказалъ ей: «Эс-еиръ, говорю, доведу тебя до бѣды всѣ твои затѣи, да прикрасы, да вуали на отлетъ; изъ дому ты уходишь въ такой часъ, когда порядочной женщинѣ слѣдуетъ спать ложиться, и будешь ты, Эс-еиръ, уличной потаскушкой; только не воображай, чтобы я тогда потерпѣлъ тебя въ своемъ домѣ, даромъ что ты мнѣ свояченица.» — А она мнѣ на это: пожалуйста говоритъ, не безпокойтесь, я сейчасъ соберу свои пожитки и уйду изъ вашего дома, потому что не потерплю чтобы мнѣ говорили такія вещи. — Покраснѣла какъ макъ пунцовый, а глаза такъ и горятъ; да какъ увидѣла, что Мери плачетъ (Мери моя не можетъ слышать крупнаго разговора, сейчасъ въ слезы), Эс-еиръ подошла къ ней, обняла ее, стала цѣловать и увѣрять, что вѣдь она еще цѣтакая дрянь, какою я ее считаю. Ну, послѣ того мы и помирились, потому что вѣдь я очень любилъ эту дѣвочку, и хорошенькое ея личико, и веселый голосокъ. Но только, говоритъ она (и вѣдь совершенно справедливо замѣтила), что мы съ нею дружище будемъ жить, если она сойдетъ на особую квартиру, а къ намъ станеть приходиться только повидаться.

— Такъ вы разстались то все-таки друзьями! А люди говорятъ, что ты ее выгналъ изъ дому и заклался никогда больше не говорить съ нею.

— Люди всегда нагородяютъ хуже того что есть! сказалъ Джонъ Бартонъ съ нетерпѣниемъ. — Она къ намъ не-разъ приходила въ гости, съ тѣхъ поръ какъ сошла на квартиру. Вотъ въ зашлое воскресенье — да нѣтъ же! въ это воскресенье она приходила къ Мери на чашку чаю; съ тѣхъ поръ мы ее уже больше и не видѣли.

— Что-же она, въ послѣднее время перемѣнилась что-ли какъ нибудь? спросилъ Вильсонъ.

— Право не знаю, какъ сказать. Мнѣ славалось, будто она стала прощечку потише, помирнѣе, больше на женщину похожа: краснѣла больше, и не такъ была шумлива. Придетъ, бывало, часамъ къ четыремъ, къ концу вечерни, повѣситъ свою шляпку на гвоздикъ, который мы называли ея гвоздикомъ, когда она еще жила съ нами; и я еще помню, что все любовался на нее, какъ она сядетъ на ска-

меечку около Мери, а Мери все больна была и качалась на своемъ стулѣ. Эсвирь съ нею и поплачетъ, и посмѣется, и все такъ тихо, да кротко, что у меня духу не доставало побраниться съ нею, особливо при больной женѣ. Впрочемъ одинъ разъ я таки прорвался и довольно рѣзко ей выговорилъ. Она взяла этакъ за талію мою малютку Мери.

— Пора тебѣ отвыкнуть звать ее малюткою — Мери, прервалъ его Вильсонъ. — Мери твоя уже дѣвушка хоть куда, высокая и красивая — по матери пойдетъ.

— Такъ, такъ, но я все-таки зову ее маленькою Мери, потому что у меня есть другая, большая. Ну, такъ я говорю, что Эсвирь ласкаетъ Мери, да и говоритъ: «А что скажешь, Мери, если я когда нибудь пришлою за тобою и съѣлаю изъ тебя настоящую леди?» — Такихъ рѣчей я уже не могъ слушать равнодушно, и потому сказалъ ей просто: «Я тебѣ говорю, Эсвирь, чтобы ты такого вздору не болтала моей дѣвочкѣ, слышишь-ли? По мнѣ лучше, пусть она вѣкъ свой добываетъ себѣ хлѣбъ насущный въ потѣ лица, какъ сказано въ писаніи, хоть-бы даже никогда не привелось ей и масла намазать на этотъ хлѣбъ, чѣмъ съѣлаться барыней — бѣлоручкой, которая цѣлый божій день сбиваетъ съ ногъ магазинчиковъ да лавочниковъ, вечеромъ пищитъ за клавирами, а ложась спать и думать забудетъ о томъ, былъ-ли отъ нея какой-нибудь прокъ въ цѣлыя сутки!»

— Ну ужь, ты знатныхъ баръ всегда терпѣть не могъ! замѣтилъ Вильсонъ, отчасти забавляясь горячностью своего друга.

— А какое-же добро я отъ нихъ видѣлъ, чтобы любить-то ихъ? воскликнулъ Бартошъ, и глаза его загорѣлись внезапно вспыхивающей. — Когда я болѣю, развѣ они помогаютъ мнѣ? когда ребенокъ мой лежитъ при смерти (какъ лежалъ бѣдный Томъ, съ своими блѣдными, сморщенными губенками, умирая отъ недостатка пищи сколько нибудь получше той, которую я могъ ему доставить), придетъ что ли богатый баринъ, съ крѣпительнымъ виномъ или питательнымъ супомъ, чтобы спасти мое дитя отъ смерти? Если болѣзнь на цѣлыя недѣли дѣлаетъ меня неспособнымъ къ работѣ, и зима приходитъ, съ морозами, и рѣзкимъ восточнымъ вѣтромъ, а въ печи у меня нѣтъ ни одного уголька, на кровати нѣтъ одѣяла, а дырявое платье не прикрываетъ даже изсохшихъ костей моихъ, то станетъ ли тотъ, у кого много всего, дѣлиться со мною отъ избытка своего, какъ бы слѣдовало ему поступать, если бы онъ помнилъ Бога

и если бы вся его набожность не была чистѣйшимъ вздоромъ! Когда я буду умирать на своей жесткой постелѣ, а Мери — моя бѣдная Мери — будетъ стоять около меня, въ безсильномъ отчаяніи ломая руки... тутъ голосъ Бартона слегка задрожалъ, — прійдетъ ли къ ней въ эту тяжкую минуту богатая леди, возьметъ ли, пріютитъ ли ее у себя, пока бѣдняжка опомнится отъ своего горя и надумается, что ей дѣлать на свѣтѣ? — Нѣтъ, братъ, такія услуги только бѣднякъ оказываетъ бѣдняку. — Не рассказывай мнѣ пожалуйста старрой пѣсни, будто они не имѣютъ понятія о нашихъ нуждахъ и бѣдствіяхъ. Коли не имѣютъ понятія, такъ должны имѣть, вотъ что! — Мы рабы ихъ до тѣхъ поръ, пока у насъ есть силы работать; въ потѣ лица своего создаемъ мы ихъ чертоги, а между тѣмъ живемъ съ ними какъ будто въ двухъ различныхъ мірахъ, словно между нами та самая бездна, что раздѣляла бѣднаго Лазаря съ богатымъ Дивомъ... Только будетъ же и на нашей улицѣ праздникъ! — прибавилъ онъ прищолкнувъ языкомъ, но далеко не отъ веселья.

— Такъ, сосѣдъ, сказалъ Вильсонъ, — все это хорошо, но только я теперь не о томъ хотѣлъ рѣчь вести. Что же Эсѳирь? когда вы ее въ послѣдній разъ видѣли?

— Да что, въ воскресенье вечеромъ она прощалась съ нами очень ласково, цѣловала и жену Мери и дочь Мери (коли ужъ и въ правду не надо ее называть малюткой), и мнѣ пожала руку, но все это такъ весело и живо, что намъ и въ голову не пришло задумываться о ея поцѣлуяхъ. Только въ среду вечеромъ приходитъ къ намъ сынъ мистрисъ Брадшо, съ сундукомъ Эсѳири, а занимъ и сама мистрисъ Брадшо, съ ключемъ отъ сундука; слово за слово, выходитъ, что Эсѳирь увѣрила свою хозяйку, будто возвращается опять жить съ нами, а чтобы не подать подозрѣнія тотчасъ же заплатила ей деньги за истекшую недѣлю. А во вторникъ вечеромъ взяла съ собою небольшой узелокъ (лучшее-то платье она на себя надѣла, какъ я уже говорилъ тебѣ), попросила мистрисъ Брадшо о большомъ сундукѣ не слишкомъ заботиться и не торопиться его отправкою, а доставить къ намъ когда ей будетъ свободнѣе. — Хозяйка конечно такъ и думала, что застанетъ Эсѳирь у насъ; но когда жена моя все это выслушала, то съ воплемъ упала въ обморокъ. Мери кинулась къ матери съ водой, я тоже хлопоталъ и такъ былъ занятъ ею, что и позабылъ кажется объ Эсѳири. На другой день пошолъ я однако же спрашивать сосѣдей, и своихъ, и мистрисъ Брадшо; но никто изъ нихъ ничего не зналъ о ней. Я сходилъ даже къ полицме-

ну, который оказался довольно порядочнымъ человѣкомъ, хотя я прежде ни за что не согласился бы заговорить съ нимъ, потому что онъ все-таки полисменъ. Вотъ и просилъ я его, можетъ ли его расторопность помочь намъ въ такомъ дѣлѣ. Онъ распросилъ другихъ полисменовъ, и вышло, что одинъ изъ нихъ видѣлъ вечеромъ, во вторникъ, дѣвушку, очень похожую на нашу Эсвиръ, съ узелкомъ подъ мышкою: шла она очень быстро, около Гельмъ-Чорча взяла извозчика — а такъ какъ нумера мы его не знаемъ, то тутъ и слѣдъ пропалъ. — Жаль мнѣ дѣвушку, потому что такъ или иначе, значитъ приключилось съ нею что-нибудь неладное, но по правдѣ сказать еще больше жалко жену. Вѣдь она ее любила чуть чуть не также какъ меня и Мери, а со смерти бѣднаго Тома она уже и такъ поправиться не можетъ. Пойдемъ однако же къ нимъ, твоя бабенка можетъ быть хоть немножко разговорила ее.

Они скорыми шагами пустились въ обратный путь. Дорогою Вильсонъ выразилъ сожалѣніе, что они уже болѣе не такіе близкіе сосѣди, какъ были прежде.

— Впрочемъ наша Алиса живетъ въ Барберъ-стритъ, въ подвальномъ этажѣ № 14, такъ вы ей только слово скажите; если жена твоя расхандрится, она тотчасъ прибѣжитъ посидѣть съ нею. Хоть Алиса мнѣ и сестра родная и быть можетъ не слѣдовало бы мнѣ ее хвалить, но должно признаться, что я не знаю человѣка, который бы былъ всегда такъ радъ и готовъ помочь словомъ и дѣломъ. Какъ бы ни замучила ее стирка въ цѣлый божій день, но если заболитъ ребенокъ на ея улицѣ — ужъ она непременно пойдетъ ночью ухаживать за нимъ, хоть бы пришлось опять приниматься за работу съ шести часовъ утра.

— Она женщина бѣдная, Вильсонъ, и можетъ сочувствовать бѣднымъ, — отвѣчалъ Бартонъ. Спасибо за предложеніе, можетъ быть я и въ самомъ дѣлѣ побезпокою твою сестру просьбою о женѣ, потому что покуда я на фабрикѣ, а Мери въ школѣ, я знаю что жена крѣпко тоскуетъ. Посмотрика, вонъ моя Мери! — И лицо Бартонъ вдругъ прояснилось, когда въ толпѣ приближавшихся дѣвочекъ онъ узналъ свою дочку. Миловидная дѣвочка глѣтъ тринадцати подпрыгивая подбѣжала къ отцу и искренняя теплота ихъ взаимныхъ привѣтствій показала, какая теплая душа согрѣвала этого угрюмаго Бартонъ. Пріятель миновали уже послѣднюю изгородь, а Мери замѣшкалась немного, набирая молодыхъ вѣточекъ распускающагося боярышника, какъ вдругъ къ ней подскочилъ молодой, высокій па-

рень, звонко чмокнувъ ее въ щоку, и примолвивъ: «По старому знакомству, Мери!»

— Такъ вотъ же тебѣ, по старому знакомству! — отвѣчала дѣвушка вспыхнувъ, болѣе съ досады чѣмъ отъ застѣнчивости, и ударивъ его по щекѣ. Звукъ ея голоса обратилъ вниманіе удалявшагося отца и Вильсона; они воротились; обидчикъ Мери оказался никто иной, какъ старшій сынъ Вильсона, восемнадцатю годами по старше своихъ крошечныхъ братьевъ близнецовъ.

— Ну-ка, дѣти, вмѣсто того чтобы цѣловаться да ссориться, возьмите малютокъ, по правдѣ сказать у меня руки больно устали, сказалъ Бартонъ.

Мери бросилась къ отцу и взяла съ рукъ его ребенка, съ дѣвичьею нѣжностью къ дѣтямъ вообще, а отчасти и съ предчувствіемъ того событія, которое должно было на дняхъ случиться дома. Юный Вильсонъ, получившій на свою долю другого младенца, какъ будто также скинулъ вдругъ свою медвѣжью шкуру и неловкія ухватки, и прилежно началъ гулять и подпѣвать маленькому брату.

— Порядочная обуза для бѣднаго человѣка эти близнецы, Господь съ ними! проговорилъ полу-измученный, полу-гордый отецъ, влѣпляя малютокъ сочный поцѣлуй.

ГЛАВА II

Полли, ставъ котелокъ
На веселый огонь!
Полли, сдѣлай чашекъ:
Мы напьемся чайку.

— Вотъ и мы, жена; а ты можетъ быть думала, что мы уже пропали? — раздался веселый голосъ Вильсона. Женщины встали и собираясь идти домой, отряхивали платья. Мистрисъ Бартонъ очевидно повеселѣла или по крайней мѣрѣ успокоилась, высказавъ всѣ свои опасенія и горести давнишней пріятельницѣ, и пріятливый взглядъ ея сильно подстрекнулъ мужа пригласить все общество, прямо съ зеленыхъ выгоновъ отправиться на чашку чая къ нимъ, Бартонамъ, на квартиру. Единственная оппозиція оказалась со стороны щедушной мистрисъ Вильсонъ, которая попробовала отговориться позднимъ часомъ и неудобствомъ относить близнецовъ домой въ сырую, холодную ночь.

— Ну, держи языкъ за зубами! добродушно замѣтилъ ея супругъ. — Развѣ ты не знаешь, что эти крошки никогда не засыпаютъ прежде одиннадцатаго часу? Притомъ же вѣдь на тебѣ большой платокъ, которымъ можешь укутать одного изъ ребятъ, какъ насадка цыпенка; а другого лучше я положу къ себѣ въ карманъ, лишь бы не разставаться теперь съ Бартонами. Мы и такъ уже далеко зашли отъ Энкотса.

— Да я дамъ вамъ тогда другой платокъ, сказала мистрисъ Бартонъ.

— Какъ нибудь устроимся, лишь бы побывать у васъ! рѣшилъ Вильсонъ.

Покончивъ эти переговоры, общество двинулось въ городъ; они прошли много полузастроенныхъ улицъ и переулковъ, до того похожихъ другъ на друга, что у васъ навѣрное закружилась бы голова отъ всѣхъ этихъ переходовъ и перекрестковъ и вы неминуемо заблудились бы между ними. Но друзья наши не ошиблись ни однимъ шагомъ; аккуратно повертывали за извѣстные углы, переходили извѣстныя площадки и наконецъ повернули въ маленькій дворъ одного изъ этихъ безчисленныхъ и однообразныхъ домовъ. Дворъ былъ мощный, съ канавою посрединѣ для стока различныхъ хозяйственныхъ нечистотъ, мыльной воды изъ корытъ и т. п. — Женщины, жившія на этомъ дворѣ, дѣятельно занимались спиманіемъ съ веревокъ бѣлыхъ чепцовъ, передниковъ и другого бѣлья, которое висѣло такъ низко, что воротись Бартоны только пятью минутами раньше, имъ пришлось бы вмѣстѣ съ гостями поминутно наклоняться, а иначе мокрое бѣлье шлепало бы ихъ по лицамъ. Хотя въ открытомъ полѣ еще только начинало вечерѣть, здѣсь, въ тѣни тѣсно столкнувшихся, высокихъ и почернѣвшихъ домовъ, сгущалась уже черная, сырая ночь.

Вильсоны обмѣнялись множествомъ привѣтствій съ этими женщинами, которыхъ коротко знали, потому что еще недавно сами жили на этомъ же дворѣ.

Двое довольно неотесанныхъ парней, стоявшихъ у неопрятнаго входа въ одну изъ квартиръ, закричали вслѣдъ проходившей Мери Бартонъ: «Эге! Полли (*) Бартонъ уже завела себѣ дружка!»

Последнее замѣчаніе очевидно относилось къ юному Вильсону, который не преминулъ украдкой взглянуть на Мери, чтобы посмо-

(*) Полли — уменьшительное отъ Мери.

трѣть, какъ она приметъ это извѣстіе. Мери бросила на него неистово-гнѣвный взглядъ и слѣдующую рѣчь его вовсе не удостоила отвѣтомъ.

Мистрисъ Бартонъ вынула изъ кармана ключъ отъ своей квартиры и отперла ее. Въ комнатѣ темнота была крошечная за исключеніемъ одного свѣтлаго пятнышка, которое можно было принять за кошачій глазъ; въ сущности же то былъ уголь, тлѣвшій въ каминѣ подъ большимъ кускомъ каменнаго угля. Джонъ Бартонъ тотчасъ разрубилъ этотъ кусокъ и развелъ яркій, веселый огонь, мигомъ освѣтившій всѣ углы комнаты. Въ добавокъ мистрисъ Бартонъ зажгла тоненькую сальную свѣчку и поставивъ ее въ плохенькомъ шандалѣ на столъ, предприняла дальнѣйшія хлопоты по хозяйству. Горница была довольно просторная и порядочно убрана. По правую руку отъ входной двери находилось продолговатое окно съ широкимъ подоконникомъ и плотною голубою съ бѣлымъ занавѣскою, которую теперь опустили для большаго комфорта. Два горшка герани, съ густыми, круглыми листьями, довершали защиту окна отъ нескромныхъ взоровъ со двора. Въ углу между окошкомъ и каминомъ, стоялъ шкапъ, очевидно наполненный блюдами, тарелками, чашками, блюдами, и иными неопредѣленными предметами, изъ которыхъ нѣкоторые кажется во все были ненужны своимъ владѣльцамъ, какъ напримѣръ хрустальные трехугольники, употребляемые обыкновенно подъ столовые ножи и вилки, чтобы не пачкать скатертей. Тѣмъ неменѣе замѣтно было, что мистрисъ Бартонъ нѣсколько гордится своею посудой, потому что она оставила дверцы шкапа растворенными настежь и съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ посмотрѣла вокругъ. Въ стѣнѣ, противоположной входу и окну, находились двѣ двери и лѣстница на верхъ. Дверь, ближайшая къ камину, вела въ маленькій буфетъ или родъ кладовой, въ которой мыли посуду, чистили овощи и вообще исправляли черную работу, тогда какъ полки ея служили погребомъ и складочнымъ мѣстомъ всякой провизіи. Другая дверь, очень низенькая, вела въ дровяной чуланъ, помѣщавшійся подъ лѣстницею. Отъ чулана до камина пополу разостланъ былъ клеенчатый половикъ, расписанный яркими красками. Комната была почти загромождена мебелью всякаго рода — вѣрный признакъ, что работа на фабрикѣ шла успѣшно. У окна стоялъ комодъ, съ тремя глубокими выдвигными ящиками. Противъ камина помѣщался столъ, который я, судя по фасону, назвала бы цемброковскимъ; но такъ какъ онъ все-таки былъ сосновый, то я

не знаю до какой степени можно допустить сближеніе столь громкаго имени съ столь скромнымъ матерьяломъ. На столъ, прислонясь къ стѣнкѣ, красовался ярко-зеленый лакированный подносъ, съ изображеніемъ двухъ пунцовыхъ, цѣлующихся любовниковъ по срединѣ. Пламя камина сообщало этому подносу особый блескъ, и право, если взять въ соображеніе ребячій вкусъ, можно бы сказать, что эта часть комнаты рѣшительно сіяетъ великолѣпнымъ подносомъ. Блестательный эффектъ еще усиливался краснотою чайнаго ларца, также крашенаго подъ лакъ. Въ углу, противоположномъ шкапу, стоялъ еще круглый столъ на одной, внизу развѣтвленной ножкѣ. Прибавьте ко всему этому блѣдныя, но чистенькія обои на стѣнахъ и получите понятіе о жилищѣ Джона Бартонъ.

Вскорѣ подносъ торжественно принялъ на столъ горизонтальное положеніе; но еще прежде чѣмъ зазвенѣли чашки и ложки, женщины сняли всю лишнюю верхнюю одежду и поручили Мери отнестъ ее на верхъ. Потомъ наступило продолжительное шептанье и позвякиванье деньгами, на которое мистеръ и мистрисъ Вильсонъ изъ вѣжливости не обратили никакого вниманія, очень хорошо понимая, что дѣло клонится къ исполненію нѣкоторыхъ обязанностей гостепріимства, а такія обязанности и они при случаѣ очень рады будутъ исполнить. Вслѣдствіе всего этого, они какъ можно прилежиѣ занялись дѣтьми и постарались не слушать наставленій, которыми мистрисъ Бартонъ снабжала Мери.

— Сбѣгай, Мери милочѣа, къ Типпингу, тутъ за угломъ, и достань у него свѣженькихъ яицъ, — по одному за штуку, это будетъ пять пенсовъ; да посмотри, нѣтъ ли у него хорошенькой ветчины, такъ возьми фунтикъ.

— Бери два фунта, чего скупиться! отозвался мужъ.

— Ну, хорошо, полтора фунта, Мери. — Да смотри, спроси комберлендской ветчины: Вильсонъ вѣдь тамошній, такъ ему пріятно будетъ вспомнить свою родную сторону... Да слушай Мери (дѣвочка порывалась было уйти), захвати на одинъ пенни молока, да краюшку хлѣба; только смотри, чтобы хлѣбъ былъ свѣжій, мягкій, — ну, и... да! теперь все, Мери.

— Нѣтъ не все, вмѣшался мужъ. Возьми на шесть пенсовъ рому, для приправы къ чаю, — для этого сбѣгай въ «Гроздья»; да зайди къ Алисъ Вильсонъ, — онъ говоритъ, что она живетъ тутъ близехонько, въ Барберъ-стритъ, подъ № 14 (последнее поясненіе обращалось къ женѣ), — и попроси ее придти къ намъ на чашку

чаю ; ручаюсь, что ей очень пріятно будетъ увидѣть брата, не говоря уже о Дженни и близнецахъ.

— Если она прійдетъ, то пусть принесетъ съ собою чашку и блюдо, у насъ только пол-дюжины, а насъ и такъ уже шестеро, замѣтила мистрисъ Бартонъ.

— Вотъ еще! Джемъ и Мери могутъ пить и изъ одной чашки, возразилъ Бартонъ.

Но Мери втайнѣ рѣшила, что Алиса непременно прійдетъ съ своей чашкой, такъ какъ въ противномъ случаѣ приходилось ей самой дѣлиться съ Джемомъ.

Алиса Вильсонъ только что пришла домой. Она весь день была загородомъ, гдѣ собирала дикія травы для настоекъ и другихъ медицинскихъ снадобій. Кромѣ официального своего искусства (прачешнаго) и извѣстнаго умѣнья ухаживать за больными, она обладала еще порядочнымъ запасомъ свѣденій фармацевтическихъ, по части луговыхъ и придорожныхъ зелій ; а потому, какъ только выдавался ясный денекъ, въ теченіи котораго не предвидѣлось никакихъ особенныхъ занятій, она отправлялась бродить по полямъ и оврагамъ, куда ноги несли. Въ этотъ вечеръ она притащила съ собою цѣлый грузъ крапивы, и первымъ дѣломъ зажгла свѣчу, чтобы всю эту провизию связать въ пучки и развѣсить гдѣ только окажется возможнымъ, по всей своей подвальной комнаткѣ. Комнатка была удивительно опрятна и чиста : въ одномъ углу стояла незатѣйливая кровать, съ одною только половинкою пѣлога ; чисто-выбѣленная стѣна замѣняла остальную часть его. Полъ, выстланный кирпичемъ и безукоризненно выметенный, былъ такъ сыръ, какъ будто никогда не просыхалъ отъ послѣдняго мытья. Такъ какъ высокое окошко выходило на уличную площадку, съ которой мальчишки могли бросать въ него камнями, то снаружи оно защищено было ставнемъ, изнутри же его окаймляли довольно причудливые фестоны изъ сухихъ пучковъ всякихъ полевыхъ, подзаборныхъ и болотныхъ растений, которыя мы привыкли считать совершенно бесполезными, но которыя дорого цѣнятся бѣднякомъ, испытавшимъ цѣлебныя ихъ свойства. Вся комната была увѣшена, унижена, заткана такими пучками, а также пропитана запахомъ сохнувшихъ травъ, которыя, если сказать правду, издавали не совсѣмъ пріятный аромат. Въ одномъ углу помѣщалась широкая висячая полка, изъ старыхъ дощечекъ : на ней покоились нѣкоторыя старинныя драгоценности Алисы. — Вся ея посуда разставлена была на каменной полкѣ, вмѣстѣ съ подсвѣчни-

комъ и коробочкою для спичекъ. Въ маленькомъ шкапу было два отдѣленія: въ нижнемъ лежалъ небольшой запасъ угля, а въ верхнемъ хлѣбъ, чашка съ овсяною кашей, маленькая жаровня, чайникъ и жестяная кострюля, служившая иногда и для приготовленія тѣхъ тонкихъ бульоновъ, на которые Алиса была такая мастерица для больныхъ сосѣдей.

Послѣ прогулки Алиса устала, прозябла и усиленно трудилась надъ разжиганіемъ сырого угля и полузеленыхъ щепокъ, когда Мери постучалась къ ней въ дверь.

— Войдите, сказала Алиса; но вспомнивъ, что сама заложила дверь на ночь скобою, поспѣшила отпереть ее.

— Ты ли это, Мери Бартонъ? воскликнула она, когда свѣтъ упалъ на лицо разгорѣвшейся дѣвушки. — Какъ ты выросла съ тѣхъ поръ, какъ я видала тебя у брата! Войди, милая, войди.

— Сдѣлайте одолженіе — проговорила запыхавшаяся Мери, — мама проситъ васъ къ себѣ откушать чаю, но только принесите съ собою чашку и блюдечко, а то у насъ Джорджъ и Дженни Вильсоны, и близнецы, и Джемъ. Пожалуйста поторопитесь!

— Это очень добро со стороны сосѣдки, я очень благодарна твоей матушкѣ. Погоди, Мери, есть ли у васъ крапива для майскаго настоя? Коли нѣтъ, такъ я сейчасъ захвачу съ собою.

— Нѣтъ, кажется у насъ нѣтъ крапивы.

И Мери бѣгомъ пустилась дальше, исполнять ту часть порученій, которыми такъ гордится тринадцатилѣтняя дѣвочка, т. е. денежныя порученія. И отлично она справилась съ ними, и воротилась домой съ маленькою бутылкой рома, и яйцами въ одной рукѣ, между тѣмъ какъ другая занята была кускомъ превосходной, алой, комберлендской ветчины, вѣнору прокопченной и завернутой въ бумажку.

Она была уже дома и занималась поджариваніемъ ветчины, прежде нежели Алиса успѣла выбрать крапиву, загушить свѣчу, запереть дверь и усталыми шагами добраться до сосѣда Джона Бартонна. Какъ поразилъ ее уютный видъ его жилища, послѣ ея собственнаго, убогаго погреба. Она и не думала сравнивать ихъ; но не могла же она не почувствовать отраднаго вліянія пылающаго камина, яркимъ свѣтомъ обливавшаго всю комнату, пріятнаго запаха яствъ, пріятнаго шипѣнія котелка, и всплеска, и трещанія жарившейся ветчины. Затворяя за собою дверь, она постаринному присѣла передъ

хозяевами и ласково отвѣчала на шумное привѣтствіе удивленнаго и обрадованнаго брата.

Наконецъ все общество усѣлось по мѣстамъ. Мистрисъ Вильсонъ помѣстилась на почетномъ мѣстѣ, въ креслѣ на катушкахъ по правую сторону камина, и кормила одного изъ дѣтей грудью, между тѣмъ какъ мужъ ея, сидя въ креслахъ насупротивъ, тщетно старался угомонить другого близнеца съ помощью блага хлѣба, обмоченнаго въ молоко.

Мистрисъ Бартонъ слишкомъ твердо знала приличія, чтобы позволить себѣ заняться чѣмъ-либо кромѣ разливанія чая; а между тѣмъ душа ея стремилась къ поджариванію ветчины, и съ замираніемъ сердца взглядывала она иногда на Мери, когда та разбивала и выпускала яйца на сковороду. Замѣтимъ мимоходомъ, что Мери оказывала при этомъ замѣчательную самоувѣренность и чувство собственнаго достоинства. Джемъ стоялъ, неловко прислонясь къ комоду, и надменно отвѣчалъ на ласковыя рѣчи своей тетки, которая, по его мнѣнію, дѣлала ему такіе вопросы, какіе прилично было дѣлать развѣ только мальчишкѣ, тогда какъ онъ, Джемъ, кажется уже вышелъ изъ ребячьихъ; потомучто черезъ два мѣсяца ему стукнетъ восемнадцать лѣтъ. Бартонъ дѣлил свою дѣятельность между огнемъ камина и чайнымъ столомъ; по временамъ отвлекаясь отъ того и другого, если ему чудилось, что лицо жены его вспыхнуло или выражало какое-нибудь непріятное, болѣзненное ощущеніе.

Наконецъ всѣ принялись за дѣло. Застучали ножи и вилки, зазвенѣли чашки и тарелки, но существа разумныя затихли и приомолкли, потомучто разумныя существа были голодны и занялись ѣлою: у нихъ, что называется, рты были на барщинѣ. Первая прервала молчаніе Алиса. Она подняла свою чашку съ чаемъ на подобіе заздравнаго кубка и сказала: За здоровье отсутствующихъ друзей. Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ всегда сойдется!

Едва она произнесла эти слова, какъ уже почувствовала, что тостъ былъ неудачный. Каждый подумалъ объ Эсфири, объ отсутствующей Эсфири; а мистрисъ Бартонъ выронила вилку и не могла скрыть своихъ слезъ. Алиса внутренно пожелала откусить себѣ языкъ.

Это было иѣчто въ родѣ горчицы послѣ ужина, и не смотря на то, что еще въ полѣ, на зеленыхъ выгонахъ, мистрисъ Бартонъ слышала все, что можно было сказать утѣшительнаго по поводу ис-

чезновенія Эсеири, всякій почувствовалъ теперь непреодолимое желаніе снова утѣшать ее и представить разные успокоительные доводы; разговоръ не вязался и бѣдная мистрисъ Бартонъ проливая горькія слезы. Вслѣдствіе всего этого Джорджъ Вильсонъ съ женою и дѣтьми рано собрался домой; но не смотря на горестный случай, испортившій впечатлѣніе этого вечера, Вильсонъ передъ разставаньемъ выразилъ желаніе, чтобы такія сходки повторялись почаще. На это Джонъ Бартонъ отвѣтилъ полнымъ согласіемъ и тотчасъ объявилъ, что какъ только жена его нѣсколько оправится, они опять устроятъ точно такое же сборище.

— А я ужъ постараюсь впередъ не угощать ихъ такими прибавками, подумала бѣдная Алиса и подошедши къ мистрисъ Бартонъ съ умоляющимъ, почти уничтоженнымъ видомъ взяла ее за руку и сказала: — Вы не повѣрите какъ мнѣ совѣстно, что я сказала это!

Но къ удивленію ея мистрисъ Мери Бартонъ обвила руками шею кающейся Алисы, у которой отъ радости слезы навернулись на глаза при этомъ движеніи, и тихо сказала ей: — Чѣмъ же вы виноваты, Алиса; я знаю, что вы не къ тому сказали, чтобы огорчить меня; я сама виновата, что заплакала. Но это потому, что вѣдъ меня ужасно тяготитъ судьба бѣдной Эсеири, ничего-то я объ ней не знаю и не слышу! Прощайте, пожалуйста больше не думайте объ этомъ. Покойной ночи, Богъ да благословитъ васъ, Алиса.

Впоследствии не разъ пришлось Алисѣ вспомнить всѣ подробности этого достопамятнаго вечера и каждый разъ она внутренно благодарила Мери Бартонъ за эти добрыя, задумчивыя слова. Но теперь она только и могла ей отвѣчать: Спокойной ночи, Мери, и да благословитъ Богъ васъ.

ГЛАВА III

-Настало и утро, но спящихъ очей
На утро она не открыла:
Такъ сыро и мрачно у насъ, а для ней
Иная заря наступила....-

Г у д ъ.

Около полуночи того же вечера одна изъ сосѣдокъ Бартона, крѣпко спавшая сладкимъ сномъ потрудившагося челоѣвка, проснулась отъ стука въ дверь, который сначала показался ей продолженіемъ како-

го-то сновидѣнія ; но убѣдившись, что стукъ происходитъ въ дѣйствительной жизни, она вскочила и отворивъ окно, спросила, кто тутъ ?

— Это я, Джонъ Бартонъ, отвѣчалъ дрожащій отъ сильнаго волненія голосъ. Жена мучится, ради Христа подите къ ней, пока я сбѣгаю за докторомъ. Ей очень дурно.

Оставивъ окошко открытымъ, женщина быстро начала одѣваться, а до нея явственно долетали черезъ маленькій дворъ крики несчастной страдальцы. Минуть черезъ пять она уже стояла у постели мистрисъ Бартонъ, смѣнивъ перепуганную и растерявшуюся Мери, которая машинально исполняла ея приказанія, ничего не понимая : глаза Мери были сухи, лицо спокойно, хотя страшная блѣдность покрывала его ; она не произносила ни слова, только зубы ея сильно стучали, какъ будто въ пароксизмѣ лихорадки.

Крики и стоны все усиливались.

Докторъ долго не благоволилъ разслышать звонка, который неистово подергивался надъ его головою, и еще дольше размышлялъ, кто бы это могъ въ такую пору его тревожить ; потомъ онъ попросилъ Бартонъ подождать его внизу, покамѣстъ онъ будетъ одѣваться, и проводить до квартиры, чтобы какъ нибудь не сбиться въ номеръ. Бартонъ отъ нетерпѣнія стучалъ ногами у порога докторской квартиры, насилу дождался эскулапа, и такъ быстро устремился показывать ему дорогу, что медикъ нѣсколько разъ просилъ его идти потише.

— Развѣ ей такъ худо ? спрашивалъ онъ.

— Хуже, во сто разъ хуже нежели было прежде ! отвѣчалъ Джонъ.

Но нѣтъ, онъ ошибался : ей уже было хорошо. Стоны ея смолкли навсегда. Джону некогда было прислушиваться : онъ рванулъ настежь дверь, не потрудился даже зажечь свѣчу, чтобы повѣзливѣе проводить своего спутника по лѣстницѣ, которая ему самому была такъ хорошо извѣстна ; и въ одну минуту очутился въ комнатѣ, гдѣ лежала умершая жена его, жена, любимая всѣми силами страстной души. Докторъ, спотыкаясь взобрался на лѣстницу, при свѣтѣ тлѣющихъ углей камина, и, встрѣтивъ благоговѣйно-серьезный взглядъ сосѣдки, тотчасъ догадался въ чемъ дѣло. Тихо было въ комнатѣ, когда медикъ съ привычной осторожностью на цыпочкахъ подошелъ къ постели, гдѣ лежало измученное, брѣнное тѣло, уже болѣе неподлежавшее никакому безпокойству. Дочь стояла на колѣняхъ у кровати, прильнувъ лицомъ къ покрывалу и почти заткнувъ имъ себѣ

ротъ, чтобы заглушить рыданія. Мужъ въ какомъ-то одуреніи держался поодаль. Медикъ пошептался съ сосѣдкою и, подойдя къ Бартону, сказалъ: «Сойдите внизъ. Это, конечно, очень тяжелое испытаніе, но перенесите его мужественно. Подите внизъ».

Онъ машинально сошелъ внизъ и сѣлъ на первый попавшійся стулъ. Надежды у него никакой не было. Смерть слишкомъ ясно написана была на лицѣ ея. Однакоже, услыхавъ на верху какой-то небывалый шумъ, ему пришло въ голову, что можетъ быть это только обморокъ, безпамятство, летаргическій сонъ — ну, чтонибудь такое, но не смерть же. О, не смерть! И онъ вскочилъ, чтобы опять бѣжать на верхъ; но вотъ послышался на лѣстницѣ осторожный скрипъ докторскихъ шаговъ, и Бартонъ наконецъ понялъ, что значить шумъ на верху.

— Спасти ее было невозможно, заговорилъ докторъ: нервная система потрясена... и такъ далѣе. Онъ долго говорилъ, но слова его поражали вовсе не вниманіе Бартона, а только слухъ его, и то не съ тѣмъ, чтобы слушатель понималъ ихъ, а только запоминалъ, чтобы обдумывать и сознать когданибудь послѣ. Видя это, заспанный докторъ пожалѣлъ о страждущемъ человѣчествѣ, но еще болѣе жалѣя о покинутой имъ теплой постелѣ, разсудилъ, что лучше въ нее возвратиться немедленно; а потому онъ пожелалъ Бартону спокойной ночи, и за неимѣніемъ посторонней помощи, самъ себя выпроводилъ изъ дома. А Бартонъ все сидѣлъ, прямо и тихо, какъ истуканъ; и снова ему слышался шумъ на верху, и теперь уже онъ зналъ, что тамъ происходитъ. Онъ слышалъ какъ скрипнулъ тугой ящикъ стараго коммоды, въ которомъ жена его держала свое бѣлье. Онъ видѣлъ какъ сосѣдка приходила порыться въ шкапу, ища воды и мыла. Онъ зналъ чего ей нужно, и зачѣмъ все это нужно ей; но не шевельнулся съ мѣста и не помогъ ей въ поискахъ. Наконецъ сосѣдка ушла, сказавъ ему напередъ нѣсколько словъ утѣшенія и состраданія, нѣсколько добрыхъ словъ о Мери... но о которой Мери, онъ даже и этого не могъ разобрать въ своемъ оцѣпенѣніи.

Онъ попытался сознать свое положеніе, увѣриться въ дѣйствительности случившагося. Но ему приходили на память инныя, давно прошедшія времена, картины и происшествія. Онъ думалъ о своемъ сватовствѣ, о томъ какъ въ первый разъ встрѣтилъ ее, неловкую и тяжеловатую сельскую красавицу, у которой съ непривычки всѣ мелкія орудія тонкой фабричной работы валялись изъ рукъ. Онъ думалъ о первомъ подаркѣ своемъ, бусовомъ ожерельѣ, которое давно

уже было отложено и спрятано въ одномъ изъ ящичковъ коммода, для Мери; ему захотѣлось знать, тамъ ли еще лежитъ это ожерелье и съ безотчетнымъ, страннымъ любопытствомъ онъ ощупью пошолъ къ коммоду. Огонь потухалъ въ каминѣ, другой свѣчки въ домѣ не было. Невѣрная рука его задѣла въ темнотѣ за груду невытой чайной посуды, которую она по его желанію оставила тутъ до утра; они такъ всѣ устали съ вечера! Это напомнило ему одну изъ тѣхъ мелкихъ, ежедневныхъ подробностей жизни, которыя получаютъ для насъ такую важность, когда въ послѣдній разъ исполнены были существомъ много любимымъ и отжившимъ. Онъ сталъ размышлять о ежедневныхъ занятіяхъ своей жены, и сообразивъ вдругъ, что ничего этого она никогда уже дѣлать не будетъ, онъ внезапно зарыдалъ.

Между тѣмъ бѣдная Мери машинально помогала сосѣдкѣ обмы- вать покойницу. Когда все было исполнено, и добрая сосѣдка начала ее цѣловать и утѣшать, по щекамъ дѣвочки потекли тихія слезы; но воплнѣ предаться своему горю она при людяхъ не хотѣла. Она дождалась, чтобы сосѣдка ушла и аккуратно затворивъ за нею дверь спальни, бросилась на колѣни передъ постелью и залилась отчаян- ными слезами. Въ порывахъ томительной, болѣзненной тоски, она съ крикомъ повторяла все одни и тѣже бесполезныя, безответныя слова: «О мама, мама! Неужели ты въ самомъ дѣлѣ умерла! О мама, мама!»

Наконецъ она остановилась: въ умѣ ея мелькнула мысль, что громкими изліяніями своей горести она быть можетъ беспокоитъ от- ца. Внизу все было тихо. Она взглянула еще разъ на странно-измѣ- нившееся, но еще страннѣе знакомое лицо покойницы, и наклони- лась поцѣловать ее. Холодное прикосновеніе мертваго тѣла заста- вило ее вздрогнуть и отпрянуть. Она быстро схватила свѣчу и отво- рила дверь. Тогда послышались ей рыданія отца и быстро, беззвучно спустившись съ лѣстницы, она встала на колѣни около него и, приль- нувъ къ его рукѣ, поцѣловала ее. Сначала онъ ничего не замѣчалъ; порывъ горькаго отчаянія былъ еще неудержимъ. Но когда до слуха его достигли ея вопли, ея безпорядочныя вскрикиванья, которымъ она дала наконецъ полную волю, онъ остановился.

— Мери, теперь мы должны быть другъ для друга *вслѣмъ*, пото- мучто ее уже нѣтъ больше, прошепталъ онъ.

— О батюшка, что могу я для тебя сдѣлать? Скажи мнѣ, я го- това дѣлать все на свѣтѣ!

— Знаю. Теперь вотъ что сдѣлай для меня: не предавайся такъ

своему горю, не убивайся, а не то заболѣешь. Оставь меня, будь умница, поди и лягъ въ постель.

— Оставить тебя, батюшка! О нѣтъ, не приказывай мнѣ этого!

— Это нужно. Поди въ постель и попробуй уснуть. Завтра еще довольно будетъ тебѣ и слезъ и всякой заботы, бѣдняжка моя!

Мери встала, поцѣловала отца и печально пошла на верхъ, въ свою крошечную спальню. Она думала, что раздѣваться не стоить, потому что она ни за что, никогда не уснетъ, и бросилась на постель, совсѣмъ одѣтая. Но не прошю и десяти минутъ, какъ уже страстное, молодое горе ея перешло въ глубокой сонъ.

Присутствіе дочери привело Бартона въ себя. Оно разомъ стряхнуло съ него и оцѣпенѣніе и отчаянное безучастіе ко всему. Теперь онъ могъ разсудить, что ему дѣлать; могъ обдумать похороны, расчитать необходимость поскорѣе вновь приниматься за фабричную работу, такъ какъ въ противномъ случаѣ приходилось вовсе сидѣть безъ денегъ; а въ прошлый вечеръ маленькое угощеніе обошлось имъ дорого, потому что истощило ихъ запасы. Онъ былъ членомъ одного клуба, и потому издержки на погребеніе его не забыли. Обдумавъ все это, онъ припомнилъ слова доктора, и съ горечью подумавъ о семейномъ несчастіи, такъ недавно обрушившимся на бѣдную жену его, по случаю непонятнаго исчезновенія ея сестры. Въ эту минуту онъ готовъ былъ излить на голову Эсвири ужаснѣйшія проклятія. Вѣдь она была причиною всѣхъ этихъ бѣдъ. Ея легкомысліе и вѣтренность повлекли за собою столько горя. До сихъ поръ къ воспоминанію о ней примѣшивалъ онъ хотя нѣсколько сожалѣнія и участія, а теперь сердце его на вѣки для нее закрылось.

Въ эту ночь Джонъ Бартонъ потерялъ существо, имѣвшее на него рѣшительно хорошее вліяніе. Порвалась одна изъ нитей, связывавшихъ его съ добрыми людьми, и съ этихъ поръ всѣ стали замѣчать, что онъ сдѣлался инымъ человѣкомъ. Уныніе и мрачность, находившія на него только по временамъ, теперь стали обычными его спутниками; между прочимъ онъ сдѣлался и упрямымъ; но только не въ отношеніи къ Мери. Между отцомъ и дочерью въ полной силѣ сохранилась та таинственная связь, которая неразрывно соединяетъ людей, долго бывшихъ предметомъ любви существа любимаго и уже отжившаго. Бартонъ, подчасъ сухой и суровый къ другимъ, былъ податливъ и нѣженъ съ Мери. Ее держали несравненно свободнѣе, нежели обыкновенно держать дѣвушку ея лѣтъ и особливо ея состоянія. Это случилось частью по необходимости; потому что

всѣ деньги естественно должны были проходить черезъ ея руки и всѣ хозяйственныя обязанности вполнѣ на ней лежали. Отчасти впрочемъ такая свобода предоставлена ей была отцомъ, по искреннему убѣжденію въ непогрѣшимости ея здраваго смысла и вкуса, и Мери располагала своимъ временемъ по собственному усмотрѣнію, знакомилась съ кѣмъ хотѣла и дѣлала что хотѣла.

За всѣмъ тѣмъ Мери далеко не раздѣляла мнѣній своего отца, на счетъ вопросовъ, занимавшихъ его теперь нераздѣльно. Она знала, что онъ присталъ къ нѣкоторымъ клубамъ и сдѣлался дѣйствительнымъ членомъ торговаго общества; но въ ея лѣта (даже и три года спустя послѣ смерти матери), трудно предположить, чтобы дѣвушка слишкомъ глубоко вдумывалась въ печальныя отношенія и различія между хозяевами фабрикъ и рабочими руками; а между-тѣмъ мысли эти вѣчно шевелятся въ фабричныхъ городахъ и хотя рѣдко выражаются съ достаточною ясностью, но непремѣнно должны рано или поздно вырваться наружу, по поводу малѣйшаго измѣненія тарифа или коммерческаго кризиса. Все это доказываетъ, что не смотря на спокойный сѣрый пепелъ, подернувшій огни горячихъ и страждущихъ душъ, у иныхъ подъ этимъ непломъ постоянно таятся живое, готовое пламя.

Въ числѣ этихъ тлѣющихъ душъ былъ и Джонъ Бартонъ. Во всякое время бѣдному ткачу не сладко смотрѣть, какъ хозяинъ его переѣзжаетъ съ одной великолѣпной квартиры на другую и кончаетъ тѣмъ, что, выстроивъ себѣ собственный домъ, превосходящій великолѣпіемъ всѣ остальные, ликвидируетъ свои дѣла, отказывается отъ участія въ фирмѣ, продаетъ фабрику, или же наконецъ покупаетъ себѣ помѣстье; а между-тѣмъ ткачъ или прядильщикъ, который считаетъ себя и товарищей своихъ настоящими творцами этого богатства, продолжаетъ биться какъ рыба объ ледъ, зарабатывая своимъ дѣтямъ насущное пропитаніе и проходя черезъ всѣ случайности пониженія задѣльной платы, умноженія рабочихъ часовъ, уменьшенія рабочихъ рукъ, и т. д. Онъ знаетъ, на примѣръ, что торговля почему-либо идетъ плохо, что у хозяина его товаръ не идетъ съ рукъ, и слѣдовательно въ производствѣ еще большаго количества товаровъ не имѣется никакой надобности. Все это онъ (хотя отчасти) знаетъ, и многое бы снесъ и вытерпѣлъ, если бы въ тоже время, видѣлъ, что хозяинъ раздѣляетъ съ нимъ горькую долю, что и онъ пострадалъ отъ этихъ переменъ. Но работникъ съ изумленіемъ и затаенною злобой видитъ, что все оборвалось только на

немъ самомъ, а хозяинъ продолжаетъ благоденствовать. Великолѣпныя квартиры по прежнему заняты своими жильцами, между-тѣмъ какъ котеджи прядильщиковъ и ткачей стоятъ пустые, потомучто семейства, занимавшія ихъ, принуждены были перебраться на чердаки или въ подвальные этажи.

Правда и то, что въ болѣе благопріятныя времена ремесленникъ съ истинно-ребяческою беззаботностью перестаетъ ворчать и тратить свои заработки безъ всякой осторожности и предусмотрительности.

Но есть между ними и серьезныя люди, люди, выстрадавшіе все безъ жалобы, но за то въ вѣкъ не забывающіе своихъ страданій.

И къ числу этихъ людей принадлежалъ Джонъ Бартонъ. Родители его натерпѣлись нужды, мать его умерла рѣшительно отъ нищеты. Самъ онъ былъ добрый, стойкій работникъ, и потому конечно былъ увѣренъ, что всегда найдетъ себѣ дѣло. Но все заработанное тратилъ онъ съ спокойною увѣренностью (или пожалуй безпечностью) челоуѣка, знавшаго, что личный трудъ его достаточенъ для удовлетворенія всѣхъ мелкихъ нуждъ. Въ одинъ прекрасный день, когда всѣ рабочіе распущены были съ фабрики, съ краткимъ объявленіемъ о банкротствѣ мистера Гентера и о прекращеніи работъ по его заводу, Бартонъ очутился среди улицы съ нѣсколькими шиллингами въ карманѣ. Но онъ разсудилъ, что тотчасъ можетъ наняться на другой фабрику и немедленно отправился искать работы. Переходя съ одной фабрики на другую, онъ убѣдился, что вездѣ ощущаются признаки финансоваго кризиса! Тамъ сокращали рабочіе часы, тутъ отпускали часть рабочихъ рукъ, и вотъ Бартонъ нѣсколько недѣль сряду принужденъ былъ жить въ кредитъ. Именно въ это время маленький сынъ его, сосредоточившій на себѣ всѣ надежды и всю страстную нѣжность отца, занемогъ скарлатиною. Кое какъ сберегли они его до перелома болѣзни, пережилъ онъ и самый кризисъ; но жизнь все-таки висѣла на волоскѣ, и докторъ объявилъ, что все зависитъ отъ крѣпительной пищи и хорошаго ухода, для возстановленія силъ бѣднаго малютки, измученнаго продолжительнымъ лихорадочнымъ состояніемъ. Горькая насмѣшка! Въ домѣ Бартона и всего семейный обѣдъ не былъ бы достаточенъ для одного крошечнаго ребенка. Бартонъ попробовалъ попросить провизіи въ долгъ, но мелочныя лавочки, и такъ уже слишкомъ долго отпускавшія въ кредитъ, сами испытывали финансовый кризисъ. Грѣшная мысль о воровствѣ впервые запаала тогда въ его голову, и онъ непремѣнно бы

украсть; но не представилось случая въ продолженіи нѣсколькихъ дней. А малютка угасала. Голодный отецъ, дошедшій до какой-то животной алчности къ пищѣ, но постоянно испытывавшій родъ забытья, въ непрерывной думѣ объ умирающемъ сынѣ, стоялъ передъ окномъ одного изъ гастрономическихъ магазиновъ, въ которомъ выставлены были всякія роскошныя яства: отборная дичь, стильтонскіе сыры, груды прозрачнаго бульоннаго желе, — какъ аппетитно все это смотреть на бѣдныхъ прохожихъ! Вдругъ изъ магазина вышла мистрисъ Гентеръ: она пошла къ своей каретѣ, а за нею прикащикъ вынесъ груды покупокъ, приготовленныхъ къ какому-нибудь званому обѣду. Дверца быстро захлопнулась и она уѣхала; а Бартонъ съ жолчнымъ чувствомъ пошелъ домой и засталъ единственнаго сына уже мертвымъ.

Теперь вы понимаете, какія недоброя чувства кипѣли въ его груди. А на свѣтѣ нѣтъ недостатка въ добрыхъ людяхъ, которые словесно или печатно, находятъ для себя выгоднымъ лелѣять въ рабочемъ классѣ подобное чувства; которые знаютъ когда и какимъ способомъ расшевеливать эти опасныя чувства, и усердно пользуются такимъ знаніемъ; для удовлетворенія своимъ личнымъ потребностямъ или для угожденія своей партіи.

Итакъ, пока Мери росла, развивалась и съ каждымъ днемъ хорошѣла, отецъ ея дѣлался членомъ клубовъ и предѣлательствовалъ на многихъ митингахъ торговаго общества; онъ сблизался съ депутатами нижней палаты и самъ мѣтилъ въ депутаты; а между-тѣмъ былъ отъявленный чартистъ, преданный своей партіи душою и тѣломъ.

Но покамѣстъ дѣла на фабрикахъ шли успѣшно и всѣ эти убѣжденія оставались только теоріями. Единственною практическою мечтой его, было помѣстить Мери въ ученицы къ какой-нибудь швеѣ, потомучто фабричную работу для дѣвушки онъ продолжалъ считать негодною, по многимъ причинамъ.

Мери надо же что нибудь дѣлать, а такъ какъ о фабрикѣ, какъ мы уже замѣтили, не могло быть и рѣчи, то оставалось два ремесла: ремесло горничной и швеи. Противъ перваго изъ нихъ возстала сама Мери со всею силою своей твердой воли. Не знаю, на долго ли стало бы этой воли, если бы ей противостоялъ отецъ; но дѣло въ томъ что и ему вовсе не хотѣлось разставаться съ нею, свѣтомъ очей его, единственною отрадой его печальнаго и безмольнаго жилища. Къ тому же съ его понятіями и чувствами относи-

тельно высшихъ сословій, должность служанки равнялась добровольному рабству: съ одной стороны удовлетвореніе различными искусственнымъ потребностямъ, съ другой полное отреченіе отъ своей личной свободы, вѣчная зависимость отъ чужого каприза. До какой степени все это было справедливо или преувеличено, вопросъ посторонній. Но должно сознаться, что Мери, въ своемъ рѣшеніи ни за что нейдти въ служанки, руководствовалась далеко не такими глубокими соображеніями какъ отецъ ея. Три года полной независимости и свободы (со смерти матери прошло уже три года), вовсе не располагали ее подчиняться чужимъ распоряженіямъ, одѣваться какъ прикажутъ, вставать когда велеть и отказаться отъ драгоценной женской привилегіи во всякое время поболтать съ веселою сосѣдкой или поныньчиться съ больною и печальною. Помимо всего этого, неосторожное слово загадочной тетюшки Эсэири запало ей въ душу, и Мери безсознательно предавалась втайнѣ обаянію этого случайно сказаннаго слова. Мери знала, что она хороша собою; рабочій людъ, расхившійся по вечерамъ съ фабрикъ и на пути своемъ дѣлавшій всякія откровенныя замѣчанія проходящимъ, скоро просвѣтилъ Мери на этотъ счетъ. Но еслибы она и эти замѣчанія пропустила мимо ушей, мало ли было молодыхъ людей разнаго состоянія, даже и гораздо выше ея по положенію въ свѣтъ, которые, встрѣчая на улицѣ хорошенькую дочку ткача, не пропускали случая сказать ей нѣсколько комплиментовъ. Да впрочемъ что тутъ толковать! Повѣрьте, что шестнадцатилѣтняя дѣвушка всегда сама узнаетъ, хороша ли она; вотъ если не хороша, такъ въ этомъ не всегда можно убѣдить ее. А порѣшивъ однажды, что она очень хорошенькая, Мери заключила, что съ такой красотой ей легко сдѣлаться знатною леди; титулъ особенно привлекалъ ее, какъ возмездіе за все что претерпѣлъ отецъ, — тотъ самый титулъ, котораго по ея мнѣнію, вѣроятно уже достигла пропавшая тетка Эсэири. Служанка принуждена часто исправлять черную работу, пачкаться, казаться неопрятною, и къ тому же всякій приходщій навѣрное знаетъ, что она не болѣе какъ служанка; а швейка или модистка (такъ по крайней мѣрѣ думала Мери) всегда одѣта къ лицу, должна даже обращать особое вниманіе на свою наружность, никогда не пачкать рукъ и не надрывать надъ тяжелою работой до красноты въ лицѣ и порчи кожи. Но не судите ее слишкомъ строго за всѣ глупости, приходившія ей въ голову, и которыя я такъ откровенно сообщаю вамъ; не произносите надъ нею суроваго приговора, а

вспомните прежде, какіе пустяки, какія вздорныя мечты наполняютъ каждую шестнадцатилѣтнюю головку, къ какому бы классу общества ни принадлежала она, въ какихъ бы трудныхъ обстоятельствахъ ни приходилось ей жить. Плодомъ всѣхъ соображеній отца и дочери, какъ уже сказано, было рѣшеніе помѣстить ее къ модисткѣ; по настоящему требованію честолюбивой Мери, Бартонъ исходилъ сначала всѣ лучшіе магазины, чтобы узнать на какихъ условіяхъ можно ей будетъ принять скромную роль ученицы. Но во всѣхъ этихъ важныхъ заведеніяхъ, за ученье требовали большой платы. Бѣднякъ! онъ это зналъ напередъ, и незачѣмъ было терять понапрасну цѣлый рабочий день. А между тѣмъ, еслибы во время поисковъ Мери ему сопутствовала, дѣло кончилось бы вѣроятно гораздо благопріятнѣе, потомучто ея хорошенькое личико вездѣ могло годиться для сидѣнія за прилавкомъ, т. е. для привлеченія покупателей; но такое предположеніе конечно привело бы въ негодованіе ея отца. Потомъ онъ попробовалъ обратиться въ болѣе скромныя магазины, но вездѣ требовали какую-нибудь сумму денегъ въ закладъ, а денегъ не было. Разсерженный и грустный воротился онъ вечеромъ домой, объявить ей что только потерялъ время попусту, что швейное мастерство ужасно скучное ремесло и учиться ему не стоитъ. Мери поняла, что хорошъ виноградъ, да зелень; и на другой день сама пошла искать себѣ мѣста, потомучто не хотѣла отымать у отца другого рабочего дня, и еще засвѣтло (вчерашнія неудачи какъ видно изрядно умѣрили ея мечты), нанялась въ ученицы къ нѣкоей миссъ Симмондсъ, модисткѣ и портнихѣ, жившей въ очень приличномъ переулкѣ Эргвихъ-Грина и возвѣщавшей публикѣ о своемъ искусствѣ, посредствомъ вывѣски золотыми буквами по черному полю; вывѣска была вставлена въ рамку изъ кленоваго дерева и ежедневно выставляема за одно изъ парадныхъ оконъ; мастерицы и ученицы этого заведенія всѣ назывались «барышнями», а Мери обязалась два года работать тамъ бесплатно, въ качествѣ ученицы; по прошествіи этого срока ей обязались давать обѣдъ, чай, и небольшое жалованье, которое условились платить по третямъ, потомучто это все-таки вальяжнѣе чѣмъ понедѣльно; тѣмъ болѣе, что если бы раздѣлить его на недѣли, то сумма вышла бы самая ничтожная.

Лѣтомъ Мери должна была приходиться въ магазинъ къ шести часамъ и въ первые два года пищу свою приносить съ собою; а зимой ей предоставлялось право приходиться только послѣ завтрака.

Что касается до срока возвращенія домой по вечерамъ , это совершенно зависѣло отъ количества накопившейся работы у мисъ Симмондсъ.

Мери была очень довольна , а глядя на нее и отецъ остался доволенъ , хотя принялъ извѣстіе съ ворчливымъ , сердитымъ видомъ. Но Мери очень хорошо знала его привычки и манеры и такъ приласкалась къ нему , такъ весело строила планы на будущее , что оба они въ этотъ вечеръ легли спать , если и не совсѣмъ счастливые , то по крайней мѣрѣ съ облегченными сердцами.

ГЛАВА IV

Былинкой скромноу ей суждено пройти
 Не слышною стопой по узкому пути ;
 Не зная ни тревогъ , ни свѣтскихъ тревоженій,
 Ни жолчной зависти , ни муки угрызений,
 Нестъ долю тихую фіалки полевой,
 Которой искони назначено судьбой
 Подъ ливнемъ грозовымъ безропотно склоняться
 И въ сладкій ароматъ смиренно превращаться.

Эллиотъ.

Прошолъ еще годъ. Казалось , что волны времени давно уже унесли всякій слѣдъ бѣдной Мери Бартонъ ; но мужъ ея все еще думалъ о ней , и проводилъ въ этой , уже спокойной и привычной думѣ , попрежнему цѣлыя долгія , бессонныя ночи. А Мери по временамъ внезапно пробуждалась отъ своего крѣпкаго , трудно-заработаннаго сна , и чудилось ей , что у постели ея стоитъ покойная мать , точно такъ какъ бывало ставала она въ давнопрошедшія времена , съ полузагороженною свѣчею въ рукѣ , и съ выраженіемъ неизъяснимой нѣжности на своемъ внимательномъ , материнскомъ лицѣ. Мери протирала глаза и снова прилегалла лицомъ къ подушкѣ ; теперь уже она навѣрное знала , что это былъ только сонъ , но невольно во всѣ трудныя минуты жизни призывала она на помощь мать , съ неизмѣнною мыслью , что «если бы матушка была жива , она бы все для меня уладила». Она не понимала , что теперешнія ея горести и затрудненія уже не тѣ что были въ дѣтствѣ и что даже всеобъемлющее усердіе материнской любви было бы теперь не въ силахъ сгладить ей всѣ неровности жизненнаго пути ; кромѣ того она не знала , до какой степени покойная мать по уму и смышлен-

ности была ниже ея самой. Тетка Эсвирь продолжала свое таинственное отсутствіе, и добрые люди столько уже объ этомъ толковали и перетолковывали, что наконецъ устали заниматься Эсвирью и начали позабывать о ней. Бартонъ все еще принадлежалъ къ своему клубу и былъ дѣйствительнымъ членомъ торговаго общества. Онъ даже въ послѣднее время еще чаще посѣщалъ его, потому что Мери возвращалась по вечерамъ въ очень неопредѣленное время, а иногда и ночевала въ магазинѣ. Главнѣйшимъ пріятелемъ Бартона попрежнему былъ Джоржъ Вильсонъ, который впрочемъ мало сочувствовалъ его задушевнымъ убѣжденіямъ и планамъ. Но души ихъ уже давно были связаны старыми, дорогими воспоминаніями, и память о быломъ придавала особую прелесть ихъ сношеніямъ, хотя они о прошломъ очень рѣдко говорили. Старый знакомецъ нашъ, неуклюжій Джемъ Вильсонъ преобразился въ высокаго, стройнаго юношу, съ лицомъ довольно привлекательнымъ и даже красивымъ, если бы оно не было нѣсколько испорчено оспою. Онъ работалъ въ одномъ изъ обширнѣйшихъ механическихъ заведеній, которое высылало свои знаменитыя машины и въ Россію, и въ Турцію. Родители его не могли нахвалиться своимъ Джемомъ, а хорошенькая Мери Бартонъ при такихъ рѣчахъ всегда съ нѣкоторою надменностью покачивала головкой, зная къ чему все это клонится: старики Вильсонъ желали дать ей понять, что Джемъ могъ бы быть отличнѣйшимъ мужемъ и желали, чтобы Мери хотя нѣсколько поощрила его любовь, о которой самъ онъ никогда не осмѣливалъ говорить, хотя взгляды и вздохи его довольно ясно выражали состояніе его души.

Поздней осенью, когда добрые люди запаслись уже прочною, теплою одеждой, и вслѣдствіе того швейное заведеніе миссъ Симмондсъ далеко не было завалено работою, Мери встрѣтила однажды Алису Вильсонъ, которая также возвращалась съ поденной работы. Мери и Алиса всегда нравились другъ другу; Алиса даже съ особою нѣжностью и участіемъ смотрѣла на сиротку, добрая мать которой передъ смертью наградила ее такимъ успокоительнымъ, прощальнымъ поцѣлуемъ, смягчившимъ для нея горечь многихъ безсонныхъ часовъ. И такъ, досужая старушка и цвѣтущая молоденькая швея горячо поздоровались другъ съ другомъ, и Алиса тутъ же пригласила ее къ себѣ на чашку чая.

— Конечно тебѣ скучно покажется теперь просидѣть цѣлый вечеръ съ такою старухой какъ я; но надо мною живетъ одна премилая дѣвушка, которая обыкновенно занимается въ черную ра-

боту, а иногда занята и твоимъ ремесломъ Мери. Она родная внучка Джоба Лега, прядильщика, и право славная дѣвушка. Приходи, Мери; если бы ты знала какъ мнѣ хочется васъ познакомить! она вѣдь такая миленькая!

Вначалѣ этой пригласительной рѣчи, Мери сильно побаивалась, чтобы обѣщанная гостя не оказалась просто-на-просто племянникомъ Алисы. Но въ сущности Алиса была слишкомъ деликатна, чтобы устроить такое свиданіе, даже и для любимца своего Джема, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ тутъ замѣшивалось лицо, повсе нерасположенное къ подобному свиданію. Мери успокоилась и съ охотою приняла предложеніе.

Какъ захлопотала теперь Алиса! Ей такъ рѣдко случалось кого-либо угощать въ своемъ жилищѣ, что съ непривычки обязанности гостепріимства совсѣмъ сбили ее съ ногъ. Она послѣдила идти домой и тотчасъ принялась разводить огонь въ каминѣ; но такъ какъ сырые угли и дрова по обыкновенію сильно противились такому намѣренію, то она выпросила у сосѣдей на поддержаніе раздувательный мѣхъ, чтобы съ помощью его ускорить горѣніе. Когда она разводила огонь собственно для себя, то терпѣнію ея не было предѣловъ, и она всегда покорно выжидала, скоро ли уголь заблагодарсудить разгорѣтся. Потомъ Алиса надѣла калоши и побѣжала на чужой дворъ къ колодцу за водою; по дорогѣ она заняла у жильцовъ чайную чашку; разрозненныхъ блюдецекъ у ней водилось множество, такъ что они служили ей при случаѣ вмѣсто тарелокъ. Большая часть утренняго заработка пошла на покупку нѣсколькихъ золотниковъ чая и четверти фунта масла; но ужъ дѣлать нечего, случай-то вышелъ экстренный. Сама она вмѣсто чая пила разные травы, если какая-нибудь догадливая хозяйка не дарила ей изрѣдка четвертки настоящихъ чайныхъ листьевъ.

Привдвинувъ для гостей пару имѣвшихся у ней креселъ, Алиса обтерла и обмела ихъ со всѣхъ сторонъ, а за тѣмъ устроила сидѣнье для себя: оно состояло изъ старой полки, положенной поперегъ двухъ старыхъ ящиковъ отъ сальныхъ свѣчъ; правда, что вся эта машина сильно покачивалась изъ стороны въ сторону и вообще невѣрно стояла. Но Алиса знала уже наизусть всѣ ея недостатки и слабыя стороны; къ тому же это сидѣнье устраивалось болѣе для приличія нежели для настоящаго удобства. Маленькій, очень маленький круглый столикъ придвинулся къ огню, который на эту

пору уже очень мило разгорѣлся. На столикѣ помѣстился старинный, полинявшій подносъ, съ чернымъ чайникомъ, двумя бѣлыми чашками съ краснымъ узорчикомъ и одною чашкой съ извѣстнымъ рисункомъ «березками»; всѣ блюдечки были разныя, и на одномъ изъ нихъ красовалось сливочное масло. Покончивъ всѣ эти приготовления, Алиса съ большимъ удовольствіемъ оглянулась кругомъ, чтобы посмотрѣть, нельзя ли еще что-нибудь учинить для большаго удобства посѣтительницъ. Подумавъ съ минуту, она подставила одно изъ креселъ въ высокой висячей полкѣ, о которой мы упоминали въ началѣ разсказа, и которая служила Алисѣ кладовою; вставъ на кресло, она придвинула къ себѣ старый сосновый ящикъ и вытщила изъ него нѣсколько черствыхъ лепешекъ изъ овсяной муки, какія пекутся на сѣверѣ, настоящія комберлендскія и вестморлендскія лепешки. Осторожно выбравъ изъ ящика эти хрупкія драгоценности, угрожавшія поминутно разсыпаться въ ея рукахъ, она бережно положила ихъ на столъ, въ твердой увѣренности, что угоститъ на славу дорогихъ гостей, доставивъ имъ рѣдкій случай попробовать родного своего хлѣбца, который такъ любила въ дѣтствѣ. Къ этому присоединила она обыкновенный большой хлѣбъ; фунта въ четыре вѣсомъ и сѣла отдыхать — въ самомъ дѣлѣ отдыхать, на одномъ изъ жесткихъ креселъ, отъ котораго другой можетъ быть усталъ бы не меньше. Свѣчка была вставлена въ подсвѣчникъ и во всякую минуту могла быть зажжена приготовленною спичкой; вода въ котелкѣ кипѣла, чай смиренно дожидался своей участи, лежа въ бумагѣ; все готово.

А вотъ и стукъ въ двери! Это Маргарита, молоденькая работница, жившая надъ Алисою; она слышала возню въ подвальной комнаткѣ, потомъ слышала какъ все пришло въ порядокъ и успокоилось и разсудила, что вѣроятно пора уже идти на званый вечеръ. То была худенькая, блѣдная дѣвушка, съ усталымъ и кроткимъ взглядомъ, болѣзненная и изнуренная. На ней было очень простое и даже бѣдное платье изъ темной и грубой матеріи, а на плечахъ небольшой платокъ, приколотый сзади и по бокамъ булавками. Старушка ласково поздоровалась съ нею и посадила ее на то самое кресло, съ котораго только что встала; а сама усѣлась на свою утлую доску, чтобы Маргарита видѣла, что она выбрала это мѣсто по собственному желанію и усмотрѣнію, а не изъ одной только любезности.

— Не могу понять, что это не идетъ Мери Бартонъ. Она скон-

фузить меня своимъ позднимъ визитомъ, говорила Алиса. А Мери все не являлась.

Признаться вамъ по секрету, Мери отъвалась. Да, собирается въ гости къ бѣдной старухѣ, она все-таки потрудилась обдумать, какое-бы надѣть платье. Разумѣется это дѣлалось не для Алисы, о нѣтъ! съ нею что ужъ за счеты. Но Мери любила производить впечатлѣніе, и по правдѣ сказать, такое удовольствіе доставалось ей совсѣмъ нѣрѣдко. Въ настоящемъ случаѣ она принимала въ соображеніе постороннюю дѣвицу, новую знакомку, и потому надѣла свое новенькое платье изъ голубого мериноса, съ высокимъ воротомъ, батистовымъ воротничкомъ и нарукавниками. Этимъ она намѣревалась произвести впечатлѣніе на смиренную Маргариту, и конечно намѣреніе удалось ей вполнѣ. Алиса, не обращавшая особаго вниманія на красоту, никогда не говорила Маргаритѣ о томъ какъ Мери хороша собою; зато когда Мери вошла, краснѣя отъ сознанія производимаго эффекта, Маргарита не могла съ нея глазъ свести, и Мери принуждена была опускать свои великолѣпныя черныя рѣсницы, какъ бы негодуя на это усиленное вниманіе, о которомъ сама-же такъ хлопотала.

Теперь вы можете вообразить, какъ закипятилась Алиса за приготовленіемъ и разливаніемъ чая, какъ заботилась о томъ, чтобы у всѣхъ было довольно сахара, чтобы всѣмъ достало лепешекъ и хлѣба съ масломъ. Можете себѣ представить, въ какомъ она была восторгѣ, когда кучка черствыхъ лепешекъ исчезла передъ усиліями голодныхъ дѣвушекъ, которыя усердно расхваливали это звѣтное лакомство.

— Покойница матушка, царство ей небесное, всегда присылала мнѣ такихъ лепешекъ, со всѣми *оказіями* съ сѣвера. Она знала, какъ вкусенъ кажется родной-то домашній хлѣбъ. Впрочемъ вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ превкусный, его всѣ любятъ. Когда я нанималась по домамъ, слуги всегда просили у меня домашнихъ лепешекъ. Эхъ, эхъ, давненько ужъ прошло это время!

— Расскажите-ка намъ что-нибудь, Алиса, сказала Маргарита.

— Да что рассказывать-то, почти что печого, душенька. У батюшки съ матушкой мало было хлѣба, а много голодныхъ ртовъ. Братъ Томъ, отецъ нашего Вилля (да вы не знаете Вилля: онъ морякъ и тѣдитъ по чужимъ землямъ), братъ Томъ заѣхалъ какъ-то въ Манчестеръ и написалъ домой, что здѣсь бездна работы, и мужской и женской. Вотъ батюшка и послалъ сюда сначала Джоржа —

Джоржа-то, Мери, ты хорошо знаешь; а въ Бертонѣ, гдѣ мы тогда жили, куда какъ трудно было найти работу. Отецъ сталъ говорить, что послать бы и меня поискать мѣста. Джоржъ писалъ, что въ Манчестерѣ платятъ несравненно дороже чѣмъ въ Миллиторнѣ и Ланкастрѣ. А я, дѣтушки, была молода, неразумна и думала, что очень пріятно уйдти подальше отъ дому. Вотъ однажды мясникъ приноситъ отъ Джоржа письмо, что такъ и такъ, дескать есть мѣсто. У меня съ радости ушки на макушкѣ, и отецъ какъ-будто радъ былъ; а матушка почти ничего не сказала, и такъ себѣ спокойна была. Только я часто думала съ тѣхъ поръ, что она крѣпко была недовольна моею готовностью покинуть ее, прости мнѣ Господи! Она уложила всѣ мои вещи и своихъ туда же сунула, вонъ въ ту картонку, что на полкѣ стоитъ. Конечно картонка не Богъ знаетъ какая, и теперь уже ровно ни на что не годится, но я скорѣе вовсе обойдусь безъ топлива, чѣмъ сломать и сожечь ее. Ей я думаю лѣтъ уже восемьдесятъ будетъ, матушка еще въ дѣвкахъ держала въ ней свое бѣлье и принесла съ собою въ приданое. Ну, такъ при разставаньи со мною она не плакала, хотъ и были слезы на глазахъ; а какъ пошла я изъ дому, она все стояла на порогѣ и глядѣла мнѣ вслѣдъ, заслонивъ рукою глаза отъ солнца. Съ тѣхъ поръ я ее и не видѣла больше.

Алиса знала, что скоро ей суждено увидѣться съ матерью въ иномъ мѣрѣ; а горести и печали юности конечно давно уже улеглись въ ея душѣ; но въ эту минуту она сидѣла такъ печально, такъ уныло, что расположеніе ея духа неволью подѣйствовало на дѣвчешекъ, и онѣ отъ души пожалѣли о бѣдной покойницѣ, умершей уже столько лѣтъ назадъ.

— Такъ вы уже никогда больше не встрѣчались съ матерью, Алиса; никогда не ѣздили домой, пока она была жива? спросила Мери.

— Нѣтъ, ни прежде, ни послѣ не ѣздила. Много разъ собиралась на родину, и еще надѣюсь побывать тамъ, прежде чѣмъ Господь приберетъ меня. Бывало, какъ служила я по домамъ, и деньги копила на поѣздку, и уже набрала довольно, а тамъ смотришь, то, другое помѣшаетъ, и останусь опять. Сначала хозяйскія дѣти заботили корью, какъ разъ въ то время какъ я отпускъ взяла на недѣлю; нельзя же было уѣхать, они то и дѣло звали меня, любили, чтобы я сама за ними ухаживала. Потомъ и барыня слегла, а тутъ же и по-давно нельзя было отойти, потомучто хозяйева мои держали мелоч-

ную лавочку, а самъ то былъ пьяница, и мы съ хозяйкою должны были и за дѣтьми смотрѣть, и за лавочкой, и стряпать, и бѣлье стирать, все сами.

Мери подумала, что хорошо сдѣлала, не согласившись наниматься въ служанки, и даже выразила эту мысль вслухъ.

— Э, душа моя! еслибъ ты знала, какъ пріятно помогать добрымъ людямъ. Я была у нихъ такъ счастлива, что чудо; почти также счастлива какъ у себя дома. Вотъ, на другой годъ я собралась ужъ непременно съѣздить домой, хозяйка отпускала меня на двѣ недѣли; всю зиму собирала я лоскутки, сшивала большое пестрое одѣяло, чтобы отвезти матушкѣ гостинецъ своей работы. Но тутъ хозяйинъ померъ, барыня изъ Манчестера уѣхала и мнѣ опять пришлось остаться, хлопотать о пріисканіи мѣста.

— Вотъ тутъ-то бы кажется и ѣхать, на досугъ! замѣтила Мери.

— Нѣтъ, я не такъ думала. Видишь ли, совсѣмъ иное дѣло поѣхать къ отцу въ гости на недѣлку, свезти ему пожалуй и деньжонокъ про запасъ, или отправляться домой такъ только, чтобы всѣмъ быть въ тягость. И какъ же мнѣ было знать оттуда, если въ Манчестерѣ опять откроется какое-нибудь мѣсто? Да ужъ, такъ или иначе, я разсудила, что лучше остаться, хотя можетъ быть и лучше бы сдѣлала, еслибы поѣхала, потому что по крайней мѣрѣ повидалась бы съ матушкою. При этомъ бѣдной старухѣ сильно взгрустнулось.

— О, вы вѣрно хотѣли все сдѣлать къ лучшему! успокоительно вмѣшалась кроткая Маргарита.

— Ахъ, душечка, именно такъ! отвѣчала Алиса, поднимая голову и взглянувъ нѣсколько веселѣе. — Въ этомъ и дѣло, я хотѣла поступить такъ, какъ мнѣ казалось должнымъ, а тамъ что Богъ дастъ. Но какъ я горевала, о! какъ тяжело горевала, когда на слѣдующую весну одѣяло было совсѣмъ готово и выстегано, а Джоржъ пришолъ ко мнѣ однажды вечеромъ, да и говоритъ, что матушка скончалась. Сколько ночей я потомъ проплакала! Днемъ-то некогда было плакать, барыня была очень строга на этотъ счетъ; она и слышать не хотѣла, чтобы я поѣхала на похороны. Правда и то, что пожалуй я бы не поспѣла къ похоронамъ; Джоржъ уѣхалъ въ тотъ же самый вечеръ, и письмо послалъ, чтобы подождали его; но почты тогда не такія были какъ нынѣшнія, и когда онъ пріѣхалъ, погребеніе было уже кончено, и отецъ поговаривалъ о переборкѣ на дру-

гую квартиру, потомучто не хотѣлъ больше оставаться на котеджѣ послѣ смерти матушки.

— Красивое тамъ мѣсто? спросила Мери.

— Прекрасное мѣсто, душечка! Такихъ мѣсть я нигдѣ послѣ не видывала. Тамъ, видишь ли, все холмы да горы, которыя точно уходятъ въ самое небо. Горы эти не близки, только на горизонтѣ видны, но отъ этого онѣ, кажется, еще лучше. Я всегда думала, на нихъ глядя, о позлащенныхъ холмахъ райскихъ, о которыхъ матушка часто пѣвала въ моемъ дѣтствѣ:

На небѣ въ раю золотые холмы,
На томъ уже свѣтѣ увидимъ ихъ мы!

Это была длинная баллада, о какихъ-то влюбленныхъ, да о ко-рабляхъ, и о томъ, что влюбленные никогда не сошлись. Ну, а около нашего котеджа были утесы... Эхъ, дѣтушки, вы здѣсь въ Манчестерѣ и не знаете, какіе бываютъ утесы. Это огромные, сѣрые камни, величиною съ цѣлый домъ, покрытые всякими хорошенькими мхами, тутъ и желтые, и сѣрые, и бурные мхи; а за камнями курчавый верескъ, въ аршинъ вышиною, и весь унизанъ пунцовыми цвѣточками, такими хорошенькими, душистыми, да свѣжими, а надъ ними вѣчно летаютъ и жужжать разумныя пчелы, такъ пріятно жужжать! Матушка, бывало, пошлетъ меня съ сестрою Салли за верескомъ, на вѣники, такъ мы какъ веселимся! Прійдемъ вечеромъ домой, и невидать насъ изъ-за пучковъ то, а вѣдь нести ничего не стоитъ, легко. И было у насъ въ саду большое плодовое дерево, между выдавшимися корнями его мы все устраивали себѣ жилье; а матушка посадить насъ на траву подъ это дерево, и велитъ разбирать верескъ и вязать его въ пучки и вѣники. Давно уже это было, а кажется будто только вчера. Бѣдненькая сестра Салли уже лѣтъ сорокъ слишкомъ лежитъ въ сырой землѣ. А я все раздумываю, цѣло ли то самое старое дерево, и ходятъ ли нынче тамошнія дѣтушки за верескомъ, какъ мы ходили въ старые годы. Подчасъ просто сердце болитъ: такъ хочется посмотрѣть на эти родныя мѣста. Вотъ, если Богъ дастъ доживу до будущаго лѣта, можетъ быть удастся съѣздить на родину.

— Какъ же это вы прежде то не собрались, вѣдь уже много лѣтъ прошло? спросила Мери.

— Некогда было, душенька. То одному, то другому меня было надо; да и безъ денегъ тоже нельзя пускаться въ путь, а заработки

мои бывали очень плохія. Братъ Томъ былъ таки довольно безпутный малый, бѣдняжка! И постоянно нужно было вытаскивать его изъ бѣды; а жена его (это уже кажется такъ заведено, что безпутные люди женятся гораздо раньше степенныхъ людей), жена его была уже вовсе безпомощная женщина; она то и дѣло хворала, а онъ жалалъ; вотъ по этой-то причинѣ мнѣ приходилось изрядно хлопотать и работать. Оба они померли на одномъ году и оставили одного сына (всѣхъ дѣтей у нихъ было семеро, да шестерыхъ Господь прибралъ); это-то и есть Вилль, о которомъ я вамъ говорила. Я взяла его къ себѣ, отошла отъ мѣста и завела свое хозяйство, чтобы дать ему пристанище и свой уголъ. Славный онъ былъ мальчикъ и лицомъ очень похожъ на отца, только посолоднѣе. Да и вообще онъ малый степенный, хотя ничѣмъ нельзя было удержать его отъ морской службы. Я ужъ все на свѣтѣ перепробовала; послушай, говорю ему, вѣдь на морѣ дѣлается такая болѣзнь, что съ души воротитъ. Мать твоя сама говорила мнѣ, что во время переезда по водѣ (она была нездѣшная и пріѣхала издалека), дорого бы дала, чтобы только кто-нибудь сжалился надъ нею, кинулъ бы ее въ воду; по крайней мѣрѣ одинъ конецъ. Я даже посылала его по Герцогскому каналу въ Ренкорнъ, чтобы только показать ему, каково бываетъ на морѣ, и все ждала что вотъ-вотъ, онъ воротится блѣдный какъ полотно отъ тошноты и рвоты. Но вмѣсто того мальчишка мой побывалъ въ Ливерпулѣ, посмотрѣлся тамъ на настоящіе корабли, и пріѣхавъ оттуда, спитъ и видитъ быть морякомъ; увѣрялъ меня, что его вовсе на водѣ не тошнило, и что вѣрно море будетъ ему очень здорово. Я говорю: какъ хочешь дружокъ; а онъ кинулся благодарить меня и цѣловать. Ужъ надо признаться, что я къ нему вообще была очень баловлива. А теперь онъ уѣхалъ въ южную Америку. Говорятъ, это уже по ту сторону солнца.

Мери украдкой взглянула на Маргариту, чтобы узнать какого она мнѣнія о географическихъ свѣдѣніяхъ Алисы; но Маргарита была такъ спокойна и тиха, что Мери усомнилась, не раздѣляетъ ли и она такихъ невѣжественныхъ теорій? Впрочемъ Мери и сама не слишкомъ блистала познаніями; но глобусъ видѣла и навѣрное умѣла отыскать на картѣ Францію и материка.

Послѣ долгихъ разсказовъ своихъ Алиса на время впала въ раздумье; дѣвушки догадывались, что мысли ея блуждали вокругъ повинутаго въ дѣтствѣ домашняго очага и также молчали благословѣно. Но Алиса вдругъ вспомнила о своихъ хозяйственныхъ обязан-

ностяхъ и, съ усиленіемъ оторвавшись отъ милыхъ картинъ, представлявшихся ея воображенію, принудила себя заняться дѣйствительностью.

— Маргарита, Мери непременно должна послушать твоего пѣнія. Сама—то я не много смыслю въ музыкѣ, но всѣ говорятъ, что Маргарита поетъ отменно, а меня всегда прошибетъ слеза, когда она поетъ «Ольдгемскаго ткача.» Спой теперь эту пѣсню, Маргарита, будь умница.

Маргарита слегка улыбнулась, какъ будто удивившись такому выбору, и начала.

Знаете ли вы, читатель, «Ольдгемскаго ткача»? Если вы не родились и не выросли въ Ланкаширъ, то навѣрное не знаете, потому что это чисто-ланкаширская пѣсня. Я пишу ее для васъ.

ОЛЬДГЕМСКІЙ ТКАЧЪ

I

Я бѣдный работникъ, я ольдгемскій ткачъ,
 Какихъ въ бѣломъ свѣтѣ довольно:
 Не мало видалъ на вѣку неудачъ,
 Ни дня не жилось мнѣ привольно.
 За всю-то одежду мою, ни гроша
 Тряпичникъ не дастъ, пожалѣть.
 А тѣло, отъ голоду еле-дыша
 Того и глади омертвѣть.
 Зачѣмъ бы, кажись, и родиться на свѣтъ,
 Коль нечего ѣсть и пристанища нѣтъ!

II

Недавно сосѣдъ говорилъ мнѣ, старикъ:
 — Молчи, братъ, терпи понемногу;
 Ты знай, прикуси лишь на время языкъ,
 Опять попадемъ на дорогу.
 Языкъ-то довольно кусалъ я и такъ,
 Да что въ этомъ будетъ мнѣ толку?
 Ты сытъ и доволенъ, а мнѣ на тощакъ
 Прійдется класть зубы на полку.
 Ты, зная не садися за ткацкій станокъ,
 И тощей рукой не брался за челонокъ!

III

Мы долго терпѣли ; надежда была
 Что будетъ же вѣрно пожива :
 Крапивой питались, покуда росла, —
 А тамъ подошла и крапива.
 Ахъ, много насъ было такихъ горемыкъ,
 Что вмѣсто сѣстнаго кусали языкъ.

IV

Однажды пришолъ полицейскій съ утра
 Описывать скорбь мой послѣдній
 (Меня за долги потянулъ со двора
 Прикащикъ изъ лавки сосѣдней).
 Но трудъ полицейскаго даромъ пропалъ!
 Причина описана ниже:
 Меня наканунѣ еще обобралъ .
 Другой полисменъ, за долги же.
 Все наше имѣнье увезъ онъ сполна,
 Оставивъ лишь стулъ, гдѣ сидѣла жена.

V

Пошаривъ довольно по разнымъ угламъ,
 Купчинѣ шепнулъ полицейскій:
 Ну, кажется тутъ дѣлать нечего намъ,
 Разгромъ у нихъ самый злодѣйскій.
 Купчина еще разъ кругомъ оглянулъ
 И вынесъ вздохнувши послѣдній мой стулъ.

VI

Тогда на полу мы ушлись съ женой
 И я порѣшилъ на свободѣ :
 Когда перемиѣнъ мы дождемся съ тобой,
 То будетъ конецъ и невзгодѣ
 Теперь ужъ намъ нечего больше терять:
 По волѣ всеильнаго неба
 Вчера у насъ взяли станки и кровать,
 Сегодня нѣтъ крова и хлѣба.
 Такъ если измѣнится жизненный путь,
 Получимъ и мы наконецъ что нибудь.

Эта пѣсня поется томнымъ речитативомъ, и выразительность ея много зависитъ отъ искусства исполнителя. Въ чтеніи она можетъ показаться нѣсколько юмористическою, но этотъ юморъ доходитъ до высокаго пафоса и затрогиваетъ за живое всякаго, кто видалъ близи описанную въ пѣснѣ нищету. Маргарита и насмотрѣлась на нее довольно, и сердцемъ поняла глубокой драматизмъ пѣсни: къ тому же голосъ ея принадлежалъ къ числу тѣхъ мягкихъ, полныхъ голосовъ, которые и самой незначущей мелодіи придаютъ совсѣмъ особый смыслъ и характеръ. Алиса тихо предавалась наслажденію поплакать. А Маргарита, пристально устремивъ въ даль свой унылый, задумчивый взглядъ, все больше и больше углублялась въ смыслъ передаваемыхъ ею звуковъ, очевидно думая, что вотъ и теперь, въ эту самую минуту, гдѣ нибудь по сосѣдству происходитъ нѣчто подобное: бѣднякъ въ родѣ Ольдгемскаго ткача терпитъ, страдаетъ, и нѣтъ ему надежды достигнуть даже и того скромнаго комфорта, какимъ наслаждались онѣ у Алисы.

Окончивъ пѣсню, Маргарита внезапно перешла къ молитвѣ и всею силою своего могучаго, потрясающаго голоса, отъ полноты души, страждущей за неимѣющаго ближняго, заплѣла величавое воззваніе: «Господи, помяни Давида...» Мери затаила дыханіе, боясь проронить хоть одинъ звукъ этого умоляющаго, страстнаго голоса. Но будь тутъ вмѣсто Мери какой-нибудь настоящій музыкантъ, посвященный во всѣ тонкости искусства, онъ могъ бы подивиться умѣнью, съ какимъ эта бѣдная и смиренная швея пользовалась своимъ великолѣпнымъ талантомъ. Сама Дебора Тревисъ (*) признала бы въ ней опасную соперницу.

Она смолкла. Со слезами умиленія и святого восторга, Алиса благодарила пѣвицу; между тѣмъ Маргарита приняла свой обычный видъ, спокойный и скромный, къ величайшему изумленію Мери, которая не спускала съ нее глазъ и не могла надивиться, какъ такой блистательный талантъ не имѣлъ никакого вліянія на наружность своей обладательницы.

Наступила минута молчанія и наверху послышался пріятный мужской голосъ, нѣсколько дрожащій; но, выразительный, повторявшій одну изъ строкъ Маргаритиной пѣсни.

(*) Дебора Тревисъ работала на ольдгемской фабрикѣ и была извѣстна своимъ необыкновеннымъ музыкальнымъ талантомъ; впоследствии она сдѣлалась любимицею лондонской «ешенебельной публики, подъ именемъ мистрисъ Ниветтъ».

— Это дѣдушка! сказала она. — Мнѣ пора домой, а онъ говоритъ что не воротится прежде десятого часу.

— Ну, и я тебя задерживать не буду, отвѣчала Алиса. Мнѣ надо завтра вставать въ четыре часа, и тащиться на стирку къ мистрису Симпсонъ. Работа будетъ претяжолая нынче. Но все-таки мнѣ ужасно хочется видать васъ почаще, мои душеньки. Я надѣюсь, что вы сойдетесь и подружитесь.

Дѣвушки вмѣстѣ выбѣжали изъ подвальной комнаты и Маргарита сказала:

— Войдите пожалуйста къ намъ, мнѣ бы очень хотѣлось познакомиться васъ съ дѣдушкой.

Мери согласилась.

ГЛАВА V

— Онъ былъ ученъ: межъ птицъ и насекомыхъ
Онъ множество имѣлъ друзей или знакомыхъ.

Растенья по лугамъ, по рощамъ и межъ скалъ
Всегда отыскивалъ, и всѣ ихъ свойства зналъ.

Эллиотъ.

Въ Манчестерѣ есть цѣлый особый классъ людей, неизвѣстныхъ даже и многимъ изъ туземцевъ, не говоря о томъ, что въ существованіи ихъ могутъ усомниться весьма многіе; а между тѣмъ имена ихъ достойны стать на ряду съ именами добросовѣстнѣйшихъ служителей чистой науки. Впрочемъ не въ одномъ только Манчестерѣ встрѣчаются такіе люди: они разсѣяны по всему пространству Ланкашира. Въ сосѣдствѣ Ольдгема живутъ напримѣръ ткачи, простые ткачи, сидящіе за прозаическими станками и перебрасывающіе собственноручно челнокъ съ пряжею; а на станкахъ иногда лежитъ открытый томъ Ньютона, въ который они съ жаднымъ любопытствомъ заглядываютъ, непрерывно читая подъ шумокъ однообразно жужжащаго самолета. Процессъ чтенія совершается въ рабочіе часы, а размышленію надъ прочитаннымъ предаются лишь во время трапезы или по вечерамъ, въ свободное время. Не одинъ съ виду грубоватый, неразговорчивый работникъ, съ увлеченіемъ трудится надъ разрѣшеніемъ математическихъ задачъ, пристально изучая формулы, и наслаждаясь ими. Быть можетъ менѣе удивительнымъ покажется

тотъ фактъ, что между ними такъ много охотниковъ до болѣе популярныхъ отраслей натуральной исторіи: не мало между этими работниками ботаниковъ, одинаково знакомыхъ съ линнеевою и съ естественною системою, и наизусть знающихъ названія и признаки каждаго растенія, могущаго встрѣтиться на нѣсколько миль въ окружности ихъ жилища; зная время цвѣтенія иныхъ особенно любимыхъ растеній, они выгадываютъ себѣ къ этому времени одинъ или два свободныхъ дня, и завязавъ въ узелокъ суточный запасъ своей незатѣливой пищи, уходятъ далеко за городъ, съ единственною цѣлью отыскать и принести домой какую нибудь невзрачную травку. Есть страстные энтомологи, которые вооружаются грубою сѣткой и странствуютъ по рощамъ и болотамъ, захватывая въ плѣтъ всякихъ летающихъ и ползающихъ насекомыхъ или лазятъ за ними въ зеленая стоячія воды. Все это народъ положительный, смысленный, трудолюбивый и съ восторгомъ записного натуралиста, радующійся приобрѣтенію какого нибудь новаго вида. Но энтомологію и ботаникой далеко не ограничиваются изысканія этихъ страстныхъ поклонниковъ естественныхъ наукъ. Быть можетъ то обстоятельство, что Троицынъ день — этотъ всеобщій, веселый праздникъ — такъ часто приходится въ маѣ или іюнѣ, причиною, что обширныя семейства красивыхъ эфемеридъ и фригандъ такъ подробно и основательно были изучены манчестерскими работниками, тогда какъ они ускользали отъ разсѣяннаго вниманія другихъ ученыхъ. Прочтите предисловіе къ «Биографіи сэра Д. Е. Смита» (по несчастію у меня нѣтъ подъ рукою этой книги); тамъ вы можете найти указанія, вполне совпадающія съ моими личными наблюденіями. Смитъ въ Ливерпулѣ посѣтилъ ученаго Роско, чтобы освѣдомиться у него, гдѣ онъ можетъ найти одно очень рѣдкое растеніе, которое по слухамъ водится въ Ланкаширѣ. Роско вовсе не зналъ о существованіи такого растенія, но сказалъ Смиту, что всего вѣрнѣе справиться о немъ у одного манчестерскаго ткача, такого-то. Смитъ отправился въ Манчестеръ водою; прибывъ въ городъ, онъ спросилъ у носильщика, тащившаго его багажъ изъ лодки, не можетъ ли онъ доставить ему адресъ такого-то ткача.

— О, съ удовольствіемъ! отвѣчалъ носильщикъ, мы съ нимъ пріятели и занимаемся иногда вмѣстѣ. Оказалось, что и ткачъ и носильщикъ удивительные ботаники, которые именно доставили Смиту всѣ нужныя ему свѣденія.

Таковы вкусы и стремленія нѣкоторыхъ манчестерскихъ поден-

щиковъ, такихъ серьёзныхъ и раздумчивыхъ, такъ мало понятыхъ!

Дѣдъ Маргариты принадлежалъ къ числу такихъ людей. То былъ крѣпкій маленькій старичекъ, похожій на проволочную куклу съ пружинками, такъ быстры и рѣзки были все его движенія; огромный лобъ его, казавшійся больше всего остального лица, окаймленъ былъ мягкими, жидкими волосами каштановаго цвѣта, а нижняя часть лица дѣйствительно сократилась отъ совершеннаго отсутствія зубовъ. Глаза положительно сверкали умомъ; они выражали столько пронидательности и наблюдательности, что его можно было почестъ за колдуна; да и вся его обстановка сильно отзывалась чародѣйскимъ жилищемъ. По стѣнамъ, вмѣсто картинъ, развѣшаны были грубыя рамки, въ которыхъ за стекломъ красовались натыканныя на булавахъ насѣкомыя. Столикъ былъ заваленъ какими-то книгами, полными таинственныхъ знаковъ; а въ сторонѣ стоялъ ящичекъ съ загадочными инструментами, изъ которыхъ одинъ находился въ рукахъ Джоба Лега въ ту минуту, какъ вошла его внучка.

При ея появленіи онъ сдвинулъ очки на лобъ и привѣтствовалъ Мери быстрымъ, но добродушнымъ поклономъ; но Маргариту онъ ласкалъ такъ, какъ мать голубить своего первенца, гладилъ ее по щекѣ, и самый голосъ его, казалось, смягчался, когда онъ говорилъ съ нею.

Мери съ любопытствомъ оглядывалась на право и на лѣво, всматриваясь въ предметы, никогда не виданные дома и казавшіеся ей очень подозрительными.

— Вашъ дѣдушка гадальщикъ, что-ли? шепнула она новой своей пріятельницѣ.

— Нѣтъ, отвѣчала Маргарита также тихо; — но вы не первые принимаете его за гадальщика. А онъ только такъ, любитъ заниматься вещами, которыя для другихъ вовсе неинтересны, а многимъ даже и вовсе неизвѣстны.

— А вы что нибудь понимаете въ этихъ вещахъ?

— Немножко понимаю; я собственно оттого стала немножко учиться всему этому, что дѣдушка такой охотникъ и ему это нравится.

— Что же это такое? спросила Мери, съ недоумѣніемъ поглядывая на чародѣйскія фигуры и существа, такъ аккуратно размѣщенные по стекляннымъ ящичкамъ на стѣнахъ.

Джобъ Легъ засыпалъ ее техническими терминами, которые были для ея слуха очень дики и совершенно безсмысленны. Она смѣшалась еще болѣе. Маргарита поняла въ чемъ дѣло и подоспѣла на помощь растерявшейся подругѣ.

— Посмотрите, Мери, какой страшный скорпионъ! я такъ его испугалась, какъ въ первый разъ увидѣла, что и до сихъ поръ вспомнить не могу. Одинъ разъ, на Троицынъ день, дѣдушка поѣхалъ въ Ливерпуль, побродить по докамъ и посмотрѣть, нельзя ли чѣмънибудь поживиться отъ моряковъ, которые прѣѣзжаютъ иногда изъ далекихъ, жаркихъ странъ съ разными диковинками. Вотъ и встрѣтился ему молодой человѣкъ съ пузырьчкомъ въ рукѣ: точъ въ точъ такой пузырекъ какъ изъ антеки приносятъ. Дѣдушка говоритъ: — что это у васъ такое? Морякъ ему показываетъ; дѣдушка видитъ, что это скорпионъ, такой рѣдкой породы, что и въ Остѣ-Индіи рѣдко попадается. Дѣдушка говоритъ ему: — гдѣ вы подцѣпили такого молодца, вѣдь я думаю даромъ его на полу не поднимешь! А морякъ рассказалъ ему, что разгружая корабль нашли этого скорпиона за рисовымъ тюкомъ, и думали что онъ вѣроятно околѣлъ отъ холода, потому что не раздавленъ и не испорченъ, а не двигается. Матросу не хотѣлось сажать его въ спиртъ, т. е. попросту не хотѣлось удѣлать ему своей чарки грога; такъ онъ только затолкалъ скорпиона въ пузырекъ, зная что есть такіе люди, которые его купятъ хоть за бездѣлицу. Дѣдушка и далъ ему шиллингъ...

— Два шиллинга далъ я ему, и то еще дешево! вмѣшался Джобъ Легъ.

— Ну вотъ, и воротился дѣдушка домой, веселъ и гордъ какъ царь какой и вынимаетъ изъ кармана пузырекъ. Но такъ какъ скорпионъ былъ въ пузырькѣ сложенъ вдвое, а дѣдушкѣ хотѣлось показать мнѣ какой онъ огромный, онъ его и вытряхнулъ изъ стекла на полъ, передъ самымъ каминомъ; а каминъ прежарко топился, я еще тогда грѣла утюги и гладила. Я поставила утюгъ и наклонилась надъ скорпиономъ, чтобы лучше рассмотреть его, а дѣдушка взялъ книгу и сталъ читать вслухъ о томъ, что эта порода скорпионовъ самая ядовитая и злая, и что укушеніе ихъ часто бываетъ смертельно; потому онъ читалъ какъ люди, укушенные такою гадиной, пухнуть и кричатъ отъ боли. Я слушала внимательно и какъ-то такъ случилось, что я во все время не спускала глазъ со скорпиона, хотя сама объ этомъ не думала; вдругъ показалось мнѣ, что животное подергивается,

потомъ опять, опять, расправляетъ члены, да вдругъ какъ ~~жмется~~ въ мою сторону, словно бѣшеная собака, такъ и лезетъ!

— Что же вы сдѣлали? спросила Мера.

— Я? да что, сперва вскочила на стулъ; потомъ сняла все свое глаженье, влѣзла на коммодъ, и стала кричать дѣдушкѣ, чтобы онъ помогъ мнѣ; но дѣдушка ничего не слышитъ!

— Вотъ такъ! сказалъ старикъ: — еслибы я бѣжалъ къ тебѣ, вмѣсто того чтобы слѣдить за скорпіономъ, кто же поймалъ бы его, скажи на милость?

— Я все просила дѣдушку раздавить его и одинъ разъ совсѣмъ было замахнулась разможить его утюгомъ; но дѣдушка просилъ меня не уничтожать скорпіона. Я никакъ не могла догадаться, что онъ хочетъ дѣлать? Онъ бѣгалъ по всей комнатѣ и казался совсѣмъ перепуганнымъ, а самъ все упрасиваетъ меня не трогать скорпіона. Наконецъ онъ схватилъ котелокъ съ водою, открылъ крышку и взглянулъ въ него. Что ему надо? думаю я, неужели онъ будетъ пить чай, пока скорпіонъ бѣгаетъ себѣ по комнатѣ. А дѣдушка надѣлъ очки, схватилъ щипцы, въ одну минуту поймалъ скорпіона за ногу, и бросилъ его въ котелъ съ кипяткомъ.

— Что же скорпіонъ, умеръ отъ этого? спросила Мери.

— О, разумѣется! но только онъ поварился гораздо дольше чѣмъ дѣдушкѣ хотѣлось, потому что я все боялась, чтобы онъ опять не ожилъ, и бѣгала въ лавку за водкою; дѣдушка налилъ водки въ пузырекъ, слилъ изъ котла воду, вытащилъ оттуда скорпіона и положилъ его въ пузырекъ съ водкою. Тамъ онъ и лежалъ цѣлый годъ.

— Отчего же онъ прежде-то ожилъ у васъ? добивалась Мери.

— Да вѣдь онъ тогда еще не былъ мертвымъ, а только околѣлъ отъ холода и какъ-будто замеръ, а отъ жара каминнаго тотчасъ отошелъ.

— Какъ я рада, что мой отецъ такими вещами не занимается! замѣтила Мери.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я такъ очень часто радуюсь, что у дѣдушки такая страсть къ своимъ книгамъ, и къ этимъ животнымъ, и къ растеніямъ. У меня сердце радуется, когда я вижу какъ онъ счастливъ во всемъ этимъ, какъ разбираетъ эти вещи дома, и какъ бѣжитъ за ними за городъ, какъ только можетъ улучшить свободный день. Посмотрите на него теперь: онъ уже вовсе погрузился въ свои книги, счастливъ какъ самъ король и до тѣхъ поръ будетъ сидѣть и работать, покуда я не уведу его спать. Конечно, онъ все

молчать и съ нимъ не очень разговоришься теперь ; но за то какъ онъ приятно занятъ, какъ онъ весь предается этому любимому дѣлу ! А когда нападаютъ на него разговорчивые часы, еслибы вы знали какъ хорошо онъ говоритъ, и есть ему что пересказать ! Милый дѣдушка ! Да, вы еще не знаете, какіе мы съ нимъ счастливые.

Мери хотѣлось знать, слышитъ ли милый дѣдушка всѣ эти рѣчи, потому что Маргарита вовсе не трудилась понижать голоса. Но нѣтъ ! Онъ уже ничего не слушалъ и весь углубился въ какую-то задачу. Онъ даже не замѣтилъ какъ Мери прощалась съ нимъ. А Мери пошла домой, размышляя, что сегодня познакомилась она съ двумя самыми странными существами, какихъ ей случилось встрѣтить. Маргарита такая спокойная, простая и не замѣчательная, до тѣхъ поръ пока не запоетъ ; такая молчаливая въ гостяхъ, и такая ласковая, веселая дома. А дѣдушка ея еще удивительнѣе : хотя Маргарита и увѣряетъ, что онъ не колдунъ и не гадальщикъ, но полно правда ли это ?

Чтобы разрѣшить свои сомнѣнія, Мери рассказала обо всемъ въ тотъ же вечеръ отцу, и возбудила въ немъ порядочное любопытство и желаніе самому посмотрѣть на этихъ чудаковъ. Случай рѣдко отзывается служить тому, кто вызываетъ его съ твердою волей, и не прошла еще зима, какъ уже Мери считала Маргариту своей старинною подругой. Когда Мери была дома по вечерамъ, Маргарита приходила къ ней съ работою и просиживала цѣлые вечера. Джобъ легъ также укладывалъ въ карманъ свою книгу и трубку и шолъ провожать внучку черезъ улицу ; если онъ заставалъ Бартона дома, то охотно проводилъ время въ разговорахъ съ нимъ : а въ противномъ случаѣ, если дѣвушки просили его обождать, или Бартонъ еще не приходилъ изъ клуба, старикъ спокойно закуривалъ трубочку и вынималъ изъ кармана свою книгу. Словомъ, онъ готовъ былъ дѣлать рѣшительно все, что угодно было его безцѣнной Маргаритѣ.

Не знаю въ чемъ именно заключалось сходство или несходство, привязавшія этихъ дѣвушекъ другъ къ другу. Маргарита обладала значительнымъ запасомъ здраваго смысла, а это драгоценное качество бевсознательно заставляетъ всякаго преклоняться передъ собою, подчиняться себѣ. Какъ хорошо, какъ удобно имѣть друга, который умѣетъ объяснить какой бы то ни было трудный жизненный вопросъ, умѣетъ посовѣтовать въ данную минуту, какъ лучше поступить, и до того убѣжденъ въ правотѣ своей цѣли, что не оставивается для достиженія ея никакими затрудненіями. Таланты и

блестящія качества всѣ мы цѣнимъ и говоримъ объ этомъ во всеуслышаніе; но здравый смыслъ цѣнимъ мы про себя, часто даже и себѣ не признаваясь въ этомъ.

Такимъ образомъ Мери и Маргарита все больше и больше привязывались другъ къ другу; Мери начала высказывать свои мысли и чувства такъ, какъ еще никогда и никому не высказывала, кромѣ Маргариты; она признавалась ей даже во всѣхъ своихъ недостаткахъ и слабостяхъ, кромѣ одной: была у Мери одна завѣтная слабость или мечта, которой она не повѣряла никому. Дѣло шло объ одномъ обожателѣ, котораго она впрочемъ не любила настоящею любовью, но весьма поощряла; то былъ юноша очень красивый и пріятный, но все-таки она не любила его, а только каждый день надѣялась встрѣтить его на улицѣ, краснѣла при его имени, мечтала о томъ, какъ онъ сдѣлается ея мужемъ, а пуще всего о томъ она мечтала, какъ она сдѣлается его женою. Ахъ, Мери, бѣднѣя Мери! сколько горя готовишь ты себѣ въ будущемъ.

Были у ней и другіе обожатели и нѣкоторые изъ нихъ охотно женились бы на ней; но сами говорили, что она держится слишкомъ гордо и надменно. Джемъ Вильсонъ ничего не говорилъ, но влюблялся все болѣе и болѣе; онъ надѣялся, хотя ему не подавали рѣшительно никакой надежды, и не могъ разстаться съ своей завѣтной мечтою, потому что для него это было все равно, что разстаться съ жизнью. Онъ не смѣлъ предаваться какимъ-нибудь положительнымъ надеждамъ, не смѣлъ даже вовсе смотрѣть впередъ; въ настоящемъ ему довольно было видѣть ее, прикасаться къ краю ея одежды. Такая глубокая, искренняя любовь, со временемъ могла дождаться и отвѣта.

Джемъ крѣпко держался за свои слабыя надежды, но холодность къ нему Мери способна была отвадить всякаго другого обожателя, и онъ страдалъ отъ этой холодности такъ сильно, какъ не дерзалъ сознаться даже и самому себѣ.

Однажды вечеромъ онъ пришолъ къ Бартону, охотно исполняя какое-то порученіе своего отца. Растворивъ дверь, онъ увидѣлъ спящую Маргариту, которая пришла поговорить съ Мери, но не заставъ ее дома, сѣла ее дожидаться у камина, и вѣроятно утомившись отъ трудового дня, заснула подъ вліяніемъ пріятной теплоты. Джемъ тихо подошолъ и дружески поцѣловалъ Маргариту.

Она проснулась, вскочила и сказала ему:

— Какъ вамъ не стыдно, Джемъ? Что-бы сказала Мери!

На это шутовое и легкое замѣчаніе онъ отвѣчалъ также шутовливо: «Она бы вѣрно сказала: продолжай, потому что отъ упражненія зависитъ совершенство.» Оба засмѣялись. Но слова Маргариты вѣзались въ сердце Джема. Чтобы сказала Мери? Да развѣ ей есть до него дѣло? Развѣ она интересуется имъ хоть скольконибудь? Вопросы эти занимали его день и ночь, но внутренній голосъ шепталъ ему, что ничто, до него касающееся, не могло ее интересовать. И онъ продолжалъ влюбляться все больше и больше.

Отецъ Мери очень хорошо понималъ чувства Джема Вильсона къ своей дочери, но не обращалъ на нихъ никакого вниманія, считая Мери еще слишкомъ молодою для вступленія въ супружество, и вообще не желая допускать мысли о разставаньи съ нею. Впрочемъ онъ очень ласково принималъ у себя Джема, какъ принималъ бы всякаго сына Джоржа Вильсона, зачѣмъ бы ни ходилъ къ нему такой юноша; а иногда онъ даже раздумывалъ, что современемъ Мери можетъ сдѣлать выборъ и похуже Джема, а Джемъ все-таки хорошій работникъ, занимается выгоднымъ ремесломъ, къ родителямъ почтителенъ и вообще малый разумный, — такимъ казался онъ по крайней мѣрѣ въ отсутствіи Мери; но при ней, увы! онъ такъ догружался въ созерцаніе, такъ исключительно на нее засматривался и бывалъ такъ разсѣянъ, что по выраженію Бартона, «шустрости» въ немъ никакой не было.

Пришелъ конецъ февраля; въ тотъ годъ нѣсколько недѣль сряду продолжались сильныя, сухіе морозы. Рѣзкій восточный вѣтеръ давно уже вымелъ начисто всѣ улицы, но въ ненастные дни все-таки подымалась съ земли холодная пыль, мелкая и колючая какъ толченый ледъ, которая была прохожихъ въ лицо и рѣзала имъ глаза. Дома, небо, народъ на улицахъ — все было покрыто однимъ мрачнымъ колоритомъ, какъ-будто гигантская кисть мазнула по всему Манчестеру разведенною въ водѣ тушью. Каковы бы ни были причины такого угрюмаго пейзажа, но человѣческія фигуры имѣли свои особыя права на этотъ сѣрый оттѣнокъ; дѣло въ томъ, что воды, простой, чистой воды, мудрено было достать даже и за деньги; бѣдныя прачки тщетно трудились взламывать ледъ въ мутныхъ прудахъ и колодцахъ, чтобы добыть изъ подъ него хотя немножко воды. Старые люди предсказывали, что морозы еще долго будутъ продолжаться, хотя и безъ того они уже давно длились; предвѣщали позднюю, холодную весну, предвѣщали, что весеннихъ туалетовъ не потребуется, что лѣтняго платья немногіе будутъ дѣлать себѣ,

по причинѣ краткаго и переменчиваго лѣта. Словомъ, не было конца мрачнымъ предвѣщаніямъ, во все время пока дулъ холодный восточный вѣтеръ.

Были сумерки. Мери быстрою походкой возвращалась домой отъ миссъ Симмондсъ, закутываясь въ свою шаль до самаго носа и опустивъ голову, чтобы защитить лицо отъ рѣзкаго вѣтра. Идя такимъ образомъ, она не замѣтила Маргариты и столкнулась съ нею уже при самомъ входѣ на свой дворъ.

— Господи помилуй, Маргарита! ты ли это? куда ты ѣдешь?

— Никуда, только къ тебѣ, если вступишь. У меня сегодня куча работы: траурныя платья, которыя надо кончить къ завтрашнему утру, то есть къ похоронамъ. Дѣдушка пошелъ отыскивать какой-то мохъ, и воротится поздно ночью.

— О, какъ это хорошо! Если ты не согласишься кончить, я тебѣ помогу. Тебѣ еще много осталось?

— Много; мнѣ заказали только вчера къ полдню, а платьевъ цѣлькихъ четыре, для матери и трехъ дѣвицъ. Съ примѣряньемъ, да прикупаніемъ матеріи (потому что одной штуки не достало и надо было прибирать къ образчику), я-таки порядочно запоздала. У меня всѣ юбки еще не шиты, я берегла эту работу для шитья при свѣчѣхъ; да рукава, да еще кое-что переменить у лифовъ. Эта барыня ужасно капризная и я насилу удержалась отъ улыбки, глядя на ихъ слезы, — можетъ быть и искреннія, но только каждая поплачетъ, поплачетъ и начнетъ рассказывать гдѣ морщить въ платьѣ и что надо перешивать, и какъ передѣлывать. Да, признаюсь: ужь этихъ не надуешь, даромъ что такъ огорчены.

— Ну, Маргарита, ты знаешь, что я тебѣ всегда рада, и сейчасъ сяду помогать, хотя порядочно устала сегодня отъ шитья у миссъ Симмондсъ.

Между тѣмъ Мери наколола угля и зажгла свѣчу, а Маргарита усѣлась шить на одномъ концѣ стола, пока на другомъ подруга ея поспѣшно пила чай. Потомъ Мери чайный приборъ убрала на комодъ, составивъ все въ одну кучу, и отеревъ столъ передникомъ, который она всегда носила дома, взяла полотница и принялась сшивать ихъ.

— Для кого этотъ трауръ? ты кажется говорила, да я забыла, начала Мери.

— Для мистрисъ Огденъ, вотъ что держитъ овицную лавку въ Оксфордъ-родѣ. Мужъ ея спился съ кругу и хотя при жизни ея

она только и дѣлала, что плакала отъ него, а вотъ теперь цо немъ также горько плачетъ; онъ умеръ отъ пьянства.

— Оставилъ ли онъ ей хоть какое-нибудь состояніе? спросила Мери, внимательно осматривая матерію и потомъ прибавила: — а какая славная фланель — мягкая, тоненькая!

— Нѣтъ, кажется немного оставилъ добра, а дѣтей много маленькихъ, кромѣ трехъ дѣвицъ.

— Вотъ такимъ дѣвицамъ слѣдовало бы самимъ шить себѣ платья, замѣтила Мери.

— Да онѣ, я думаю, такъ всегда и дѣлаютъ; но теперь у нихъ очень много хлопотъ съ похоронами. Какъ видно, церемонія будетъ на славу: къ завтраку приглашены человекъ двадцать, говорилъ мнѣ одинъ изъ дѣтей. Дѣти-то кажется рады всей этой вознѣ, да и для мистрисъ Огденъ все-таки развлеченіе. Пока я дожидалась на кухнѣ, такъ пахло отличной ветчиной и жареною живностью, что больше похоже на свадьбу чѣмъ на погребеніе. Говорятъ, она потратила до шестидесяти фунтовъ стерлинговъ на эту церемонію.

— А мнѣ показалось, будто ты сказывала, что ея дѣла плохи и состоянія нѣтъ?

— О да, я знаю, что она въ нѣсколькихъ мѣстахъ забирала въ долгъ, говоря что мужъ ея все до копѣйки пропилъ. Ее гробовщики сбиваютъ съ толку и увѣряютъ, что то и другое необходимо сдѣлать, что всѣ такъ дѣлаютъ, что это только самая обыкновенная манера отдать послѣдній долгъ покойнику, — ну словомъ завертели ее со-всѣмъ, такъ что она сама не знаетъ, что дѣлаетъ. Легко можетъ статься и то, что ее совѣсть упрекаетъ (вѣдь такъ всегда случается, когда кто умретъ); глядя на него, безжизненнаго и холоднаго, вспоминаются ей жесткія слова и дѣла, которыми она его обидѣла когда-нибудь; вотъ она и думаетъ загладить все это пышными похоронами, хотя и ей, и дѣтямъ ея, не одинъ годъ придется потомъ во всемъ себѣ отказывать, чтобы уплатить долгъ; да и это еще уплатитъ ли, Богъ вѣсть!

— И траурное платье чего-нибудь да стоитъ! сказала Мери. — Удивляюсь я, къ чему это всѣ носятъ трауръ? Онъ некрасивъ, ни къ кому не идетъ, а стоитъ ужасно дорого, именно въ ту минуту, когда деньги всего нужнѣе. Если правда то, что сказано въ писаніи, то не слѣдуетъ горевать о хорошемъ человекѣ, который отошолъ къ Богу; а о дурномъ и такъ жалѣть нечего, слава Богу, что избавились отъ него. Не понимаю, зачѣмъ это носятъ трауръ!

— Я думаю вот зачѣмъ послана была эта мода (старая Алиса говорить, что все *послано свыше*, и можетъ быть она права): она таки приносить пользу, хотя конечно обходится слишкомъ дорого. Вотъ видишь ли, обыкновенно люди такъ огорчаются смертью близкаго человѣка, что ничего не могутъ дѣлать и ни о чемъ не хотятъ думать, кромѣ однѣхъ слезъ. А необходимость устроить погребеніе и трауръ все-таки заставляетъ ихъ отвлечься, заняться. Я тебѣ рассказывала какъ они убиваются: можетъ быть, покойникъ былъ и добрый мужъ, и хорошій отецъ, пока не напивался пьянъ. Но пока я тамъ была, онѣ все повеселѣли; я старалась какъ можно больше разспрашивать ихъ о фасонахъ, да о перешивкахъ, чтобы имъ было о чемъ говорить и думать; я даже оставила имъ для этого свою книжку съ модными картинками, хотя ей уже два мѣсяца прошло.

— Ну ужъ, признаюсь, хорошо горе. Небось, Алиса не такъ бы стала горевать.

— Алиса вѣдь не дюжинная женщина. Но впрочемъ я не думаю, чтобы Алиса стала много плакать или убиваться, если бы у ней случилось горе: она скажетъ, что оно послано свыше и тотчасъ приберетъ, какое можетъ изъ него выйти добро. По ея мнѣнію всякая бѣда къ лучшему. Говорила ли я тебѣ, Мери, что она мнѣ сказала однажды, когда я сильно горевала?

— Нѣтъ, не говорила; но ты прежде скажи, о чемъ ты горевала?

— Теперь не скажу. Можетъ быть когда-нибудь послѣ.

— Когда же, напримѣръ?

— Да хоть сегодня, если по душѣ прійдется; а можетъ быть никогда не скажу. Видишь ли, это страхъ, отъ котораго я иногда никакъ не могу отдѣлаться. Такъ я боялась и тосковала, а Алиса ко мнѣ пришла зачѣмъ-то, да и застала меня въ слезахъ. Я ей въ своемъ горѣ не призналась, также какъ теперь тебѣ, Мери; она и говорить: — Ну, душечка, когда тебѣ взгруснется или ты начнешь падать духомъ, ты вспомни, что *въ тоскливомъ, да заботливомъ сердцѣ, Богъ не живетъ*. О Мери, какъ часто съ тѣхъ поръ подавляла я въ себѣ ропотъ, вспоминая эти слова!

На нѣсколько минутъ воцарилось такое глубокое молчаніе, что только и слышно было поспѣшное выдергиванье нитокъ. Наконецъ Мери спросила:

— Какъ ты думаешь, заплатятъ тебѣ за эту работу?

— Ну, не думаю чтобы заплатили. Я уже размышляла объ этомъ раза два, и порѣшила, что нечего ждать платы; но все же хорошо,

что я могу хоть этимъ утѣшить ихъ. Заплатить они вѣрно не въ состояннн, а между-тѣмъ они именно такіе люди, которые успокоятся ношеніемъ траура. Одно только мнѣ непріятно въ этомъ шитьѣ : отъ чорнаго сильно глаза портятся.

Мargarита со вздохомъ положила работу на колѣни и заслонила рукою глаза. Потомъ, снова принявъ шуточный тонъ, она сказала :
— Не долго тебѣ придется ждать, Мери; я чувствую, что моя тайна такъ и просится наружу. Послушай Мери, знаешь ли мнѣ иногда кажется будто я слѣпну; что же будетъ тогда съ дѣдушкою? О, Господи помилуй, Боже мой, помилуй меня!

Она зарыдала. Мери встала на колѣни и всячески старалась ее приласкать и утѣшить; но по неопытности въ такихъ дѣлахъ, она главнымъ образомъ пыталась разогнать опасенія Margarиты, вмѣсто того, чтобы помочь ей приготовиться къ такому страшному горю.

— Нѣтъ, говорила Margarита, кротко устремивъ на Мери свои заплаканные глаза : — нѣтъ, я знаю, что не ошибаюсь. Я ужь давно замѣчаю, что одинъ глазъ плохо видитъ, но не знала чѣмъ это можетъ кончиться. Прошедшею осенью ходила я къ доктору, и онъ не скрылъ отъ меня опасности; говорить, что если я не поберегу зрѣнія, т. е. не сяду на нѣсколько времени въ полутемную комнату и не буду заслонять глаза отъ свѣта, то не надолго станеть моихъ глазъ. Но какъ же это сдѣлать, Мери? Во первыхъ, дѣдушка догадается что я нездорова, а это такъ его огорчитъ, что чѣмъ позже онъ узнаеть, тѣмъ лучше. Кромѣ того, Мери, вѣдь намъ часто приходится терпѣть всякаго рода нужды, и заработки мои очень, очень бываютъ кстати. Дѣдушка отъ времени до времени употребляетъ цѣлые рабочіе дни на собираніе растений и насѣкомыхъ, а иногда ему кажется пустяки отдать четыре или пять шиллинговъ за какой-нибудь интересный видъ... Милый дѣдушка! Какъ мнѣ больно думать, что ему придется лишать себя своихъ лучшихъ радостей. Ходила я и къ другому доктору, авось, думаю, скажетъ что-нибудь другое. И точно, онъ говоритъ, что у меня только слабость глазъ и дакъ примочку. Но вотъ я уже потратила три сткланки — и каждая стѣдитъ по два шиллинга — а глазамъ все хуже, да хуже, и немного, да вижу-то плохо. Вотъ, Мери, продолжала она, закрывъ одинъ глазъ : — вмѣсто тебя я вижу теперь большую чорную тѣнь, и всѣ очертанія дрожать, а вокругъ точно искры сыплются.

— А другимъ глазомъ хорошо видишь?

— Да, почти также хорошо какъ прежде. Разница только въ

томъ, что если я долго пошью сряду, то передъ глазами становится большое, яркое пятно, точно солнце, и куда я ни посмотрю, вездѣ прямо передо мной это пятно, а вокругъ какъ-будто все какъ слѣдуетъ. Я опять ходила къ обоимъ докторамъ, и теперь уже оба говорятъ одно и тоже: выходитъ, что я ослѣвну очень скоро. Черную работу брать не выгодно, а траурныхъ платьевъ столько заказываю нынѣшней зимой, что я соблазнилась наконецъ: но вотъ теперь и страдаю отъ нихъ!

— Страдаешь, Маргарита, и все-таки принимаешь заказы! Это ни на что не похоже и ты сама сказала бы что это очень глупо, если бы кто другой слѣлалъ.

— И знаю, что глупо, но что же дѣлать, Мери! Надо же чѣм-нибудь жить; да притомъ, вѣдь я бы и такъ ослѣпла; а дѣлающъ боюсь сказать зачѣмъ отказываюсь отъ работы; онъ тамъ загорюетъ!

И Маргарита, чтобы нѣсколько успокоиться, тихо раскатывалась на своемъ стулѣ.

— О Мери! заговорила она опять: — я все стараюсь изучить его лицо и пристально смотрю на него, когда онъ меня не видитъ, а потомъ закрою глаза и пытаюсь запомнить наизусть каждую черту его милаго, добраго лица. Одно меня утѣшаетъ, Мери: слышала ты о старомъ ткачѣ Джакобѣ Беттервортѣ, который такой извѣстный музыкантъ? Я съ нимъ немножко знакома и ходила къ нему, прося поучить меня пѣть по настоящему. Онъ говоритъ, что у меня голосъ на рѣдкость, и я хожу къ нему разъ въ недѣлю, беру уроки пѣнія. Онъ въ свое время былъ знаменитый пѣвецъ, на большихъ собраніяхъ и празднествахъ управлялъ хорами, и лондонскіе господа очень его любили и чествовали, а одна иностранная пѣвица, Каталин, благодарила его и жала ему руку при всѣхъ, въ старомъ соборѣ. Онъ говоритъ, что я и пѣніемъ могу зарабатывать много денегъ, только я не знаю, какъ это слѣлать. Во всякомъ случаѣ ужъ очень будетъ мнѣ трудно, съ моей слѣпотой.

Она снова взяла работу, говоря, что глаза отдохнули, и нѣсколько времени обѣ шили молча.

Вдругъ по мощеному двору раздались поспѣшные шаги, какъ-будто мимо завѣшаннаго окна бѣжало другъ за другомъ много людей.

— Что нибудь случилось, сказала Мери. Она вышла за дверь и остановивъ первую попавшуюся сосѣдку, спросила, что значить всеобщая бѣготня.

— Что ты, голубка, развѣ не видишь зарева? Карсонова фабрика горитъ, таятъ что любо! и сосѣдка убѣжала.

— Маргарита, надѣвай поскорѣ шляпку, пойдѣмъ на Карсонову фабрику: говорятъ тамъ пожаръ, а горящая фабрика такъ красива! Я никогда не видывала, пойдѣмъ посмотрѣть.

— Ну, я думаю, что это скорѣе ужасно, чѣмъ красиво. Притомъ же мнѣ некогда, работы еще пропастъ.

Но Мери стала уговаривать подругу и по обыкновенію ласкаться къ ней, говоря, что если нужно будетъ, она сама всю ночь просидитъ за шитьемъ, и даже увѣряла, что ей это будетъ очень пріятно.

Дѣло въ томъ, что горестная тайна Маргариты, тяжолымъ камнемъ лежала у ней на сердцѣ, тѣмъ болѣе, что она чувствовала свою неспособность утѣшать свою подругу; ей хотѣлось развлечь ее, измѣнить теченіе ея мыслей; къ этимъ добрымъ чувствамъ примѣшивалось также и то простое любопытство, которое она такъ откровенно выразила, говоря, что хочется посмотрѣть пожаръ на фабрикѣ.

Въ двѣ минуты обѣ дѣвушки были готовы. На порогъ дома встрѣтились имъ Джонъ Бартонъ, которому онѣ и сообщили свои намѣренія.

— Карсонова фабрика? Да, точно гдѣ-то фабрика горитъ, вишь какое зарево. Ну, знатный же будетъ пожаръ, воды-то теперь ни за какія блага не достанешь; только небось, Карсонсъ не очень стаетъ разшибаться: во первыхъ заводъ застрахованъ, а во вторыхъ всѣ машины тамъ стариннаго устройства. Вотъ посмотрите, что еще ему же будетъ выгодно послѣ пожара, и не скажетъ онъ спасибо тому, кто потрудится тушить.

И онѣ пропустили впередъ нетерпѣливыхъ дѣвушекъ. Онѣ не знали настоящей дороги къ фабрикѣ и шли просто на зарево, плутая по извилистымъ улицамъ и наклоняя головы отъ страшнѣйшаго восточнаго вѣтра.

Фабрика мистера Карсона выстроена была длинною стѣной съ запада на востокъ; она находилась въ одномъ изъ самыхъ старинныхъ кварталовъ Манчестера; да и вообще вся эта часть города была старинная: тутъ строились самыя первыя хлопчато-бумажныя фабрики и всѣ зданія были такъ тѣсно и безпорядочно скучены, что пожаръ въ этихъ улицахъ и переулкахъ грозилъ безконечными послѣдствіями для всего сосѣдства. Крыльцо и входъ въ зданіе фабрики находились на западной стѣнѣ, которая выходила на большую,

закопченную улицу, застроенную большею частью публичными зданиями, мѣняльными лавками, грязными кладовыми и еще болѣе грязными мелочными лавченками. Другой конецъ фабрики, восточный, упирался въ узенькій переулочекъ, не больше трехъ сажней шириною, очень скверно вымощенный и едва освѣщенный. Прямо противъ восточнаго фасада карсоновой фабрики, стоялъ крайній домъ главной улицы, домъ, который судя по его великолѣпнымъ размѣрамъ, по красивымъ каменнымъ выступамъ и по лѣпнымъ украшеніямъ фасада, долженъ былъ когда-то принадлежать знатному барину; но теперь яркій свѣтъ въ окнахъ изъ главнаго фасада, освѣщалъ внутренность богато убранной залы, съ расписанными стѣнами, колоннами, позолоченными изваяніями, и зала эта служила пристанищемъ грязнымъ, оборваннымъ фигурамъ: домъ былъ ничто иное какъ водочный магазинъ — распивочная первой руки.

Мери почти раскаялась, что пришла: такъ страшенъ былъ, по предсказанію Маргариты, видъ этого пожара, когда дѣвушки присоединились къ толпѣ зрителей. Слышенъ былъ глухой ропотъ и говоръ, прерываемый завываніемъ вѣтра въ борьбѣ съ порывистымъ пламенемъ. Замѣтно было, что толпа слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Что они говорятъ? спросила Маргарита у сосѣда, стараясь поймать на лету нѣсколько несвязныхъ словъ, пересилившихъ общій смѣшанный говоръ.

— Я надѣюсь, что никого нѣтъ на самой фабрикѣ! воскликнула Мери, видя что волнующееся море человѣческихъ головъ разомъ обратилось къ восточному боку завода, въ тотъ самый узенькій денгемскій переулокъ, о которомъ мы говорили выше.

Западный конецъ фабричнаго зданія, гдѣ занялось пламя, весь былъ охваченъ адскимъ огнемъ, который длинными языками вырывался изъ всѣхъ оконъ, и неистово вился по почернѣвшимъ стѣнамъ. Изрѣдка порывъ бушующаго вѣтра отвѣдалъ его въ сторону или вовсе заглушалъ на нѣсколько мгновений, но вслѣдъ за тѣмъ красное пламя вставало еще ярче, еще выше, и забирало все дальше по сторонамъ. Часть крыши съ оглушительнымъ трескомъ рухнула, а народъ все больше тѣснился въ денгемскій переулокъ, — что значитъ великолѣпное зрѣлище торжествующаго пламени, что значитъ ужасный видъ обваливающейся черепицы и колеблющихся стѣнъ, въ сравненіи со всеобъемлющимъ вопросомъ о человѣческой жизни?

Тамъ гдѣ яростный огонь, непрерывно отвѣаемый вѣтромъ, еще не захватывалъ зданія, но черный дымъ уже струился изъ всѣхъ отверстій, — у одного изъ оконъ четвертаго этажа, или лучше сказать у пролома, въ который вставленъ былъ рычагъ для подъема тяжестей, по временамъ видѣлись двѣ умоляющія человѣческія фигуры, то и дѣло заволакиваемые новыми клубами дыма. Очевидно, они затѣмъ нибудь оставались на заводѣ послѣ другихъ рабочихъ, и такъ какъ огонь занялся въ противоположной части зданія и долго былъ отвѣаемъ вѣтромъ, то они долго не знали объ угрожающей имъ опасности, если можно впрочемъ назвать *далимъ* скопленіе тѣхъ ужасныхъ мгновений, которыя въ непрерывной послѣдовательности ознаменовали послѣдніе полчаса. Въ это время старое деревянное крыльцо на западной сторонѣ окончательно выгорѣло; но несчастные работники кажется и этого не знали до тѣхъ поръ, пока крики собравшейся толпы не подозвали ихъ къ окну: тогда-то они вдругъ поняли весь ужасъ своего положенія.

— Гдѣ же пожарныя трубы? спросила Маргарита у своего сосѣда.

— Вѣроятно сейчасъ пріѣдутъ; да батюшки мои, вѣдь и всего-то минутъ десять какъ мы увидали огонь; но только вѣтеръ больно силенъ, и сухо таково!

— Неужели никто не пошолъ за лѣстницею? съ ужасомъ прошептала Мери, замѣтивъ что несчастные усиленно, хотя и неслышно, умоляютъ собравшуюся толпу о помощи.

— Какъ же, молодой Вильсонъ съ какимъ-то другимъ человѣкомъ уже минутъ пять тому назадъ убѣжали какъ изъ лука стрѣла, да время-то такое, что и каменьчики, и кровельщики и весь такой народъ теперь по домамъ, и весь инструментъ запертъ во дворахъ. Скоро ли отыщешь!

Вильсонъ! такъ этотъ несчастный человѣкъ, фигура котораго то и дѣло мечется на зловѣщемъ фонѣ разливающегося по зданію огня, можетъ быть Джоржъ Вильсонъ? — Мери помертвѣла отъ ужаса. Она знала, что онъ работаетъ у Карсонса, но сначала ей и въ голову не приходило, чтобы чья-нибудь жизнь была въ опасности внутри зданія; теперь же, когда она сообразила все это, удушливый воздухъ, бушующее пламя, ослѣпительный свѣтъ и зарево, волненіе и ропотъ смятеннаго народа — все это перепутало и помутило ея мысли.

— О, Маргарита, пойдѣмъ домой! я не могу стоять...

— Куда же идти? посмотри какъ народъ тѣснить насъ, — бѣдная Мери! въ другой разъ не побѣжишь на пожаръ. Чу — слышишь?

Толпа, напоинаяшая денгемикий переулочъ и огибавшая уголь фабрики, на мгновене замолкла: послышалася стукъ подъѣзжающей машины и быстрый, тяжелый топотъ запряженных лошадей.

— Слава Богу! проговорила Маргарита, — трубу привезли.

Опять задержка: рукавъ у трубы промерзъ и вода не шла.

Потомъ толпа заколебалась и еще болѣе стѣснилась къ одной сторонѣ, такъ что дѣвушки едва не задохнулись отъ давки; затѣмъ снова разступилась толпа, и онѣ вздохнули свободнѣе.

— Это молодой Вильсонъ съ однимъ изъ пожарныхъ лѣстницу пронесли, сказалъ сосѣдъ Маргариты, высокій мужчина, цѣлой головою превышавшій остальныхъ.

— О, скажите намъ, что вы видите? молила Мери.

— Они приставили лѣстницу къ стѣнѣ питейнаго дома. Одинъ изъ рабочихъ въ окнѣ упалъ внутрь фабрики: видно отъ дыма обезпамятѣлъ, потому что полъ-то тамъ еще крѣпокъ. Боже мой! продолжалъ онъ, устремивъ глаза нѣсколько ниже: — лѣстница слишкомъ коротка, не хватаетъ! пропали, бѣдняжки. Огонь все ближе подходитъ къ этому концу, и не успѣютъ ни воды подвести, ни другую лѣстницу найти, какъ они задохнутся тамъ. Боже ихъ спаси и помилуй!

Толпа затихла; слышно было рыданіе женщинъ. Опять задніе ряды славлены передними: народъ обился въ кучу и снова разступился. Мери повисла на рукѣ Маргариты, крѣпко сжавъ ее и желая въ эту минуту обморока, безпамятства, чего нибудь, чтобы избавило ее отъ подавляющаго смятенія и душевной муки. Прошло еще двѣ минуты.

— Они втащили лѣстницу въ водочный магазинъ. Видно не могутъ пробраться на тотъ дворъ, изъ котораго взяли ее.

Раздался мощный крикъ, крикъ, способный по народному выраженію разбудить мертваго. Тамъ наверху, высоко, высоко, въ окнѣ чердака, какъ разъ противъ пролома, у котораго стояли погибавшіе люди, показался конецъ лѣстницы. Дрожа и колеблясь, лѣстница все болѣе и болѣе высывалась изъ окна, направляясь къ противоположному отверстію фабрики. Нѣкоторые изъ толпы, стоявшіе ближе къ фабрикѣ и могшіе по этому яснѣ видѣть, что дѣлалось въ окнѣ чердака, говорили, что лѣстницу толкаютъ и держутъ нѣсколько че-

ловѣкъ, изнутри водочнаго магазина. Никто не замѣтилъ сначала, какъ окно чердака было мигомъ вышибено.

Наконецъ — время тянулось нескончаемо долго, измѣряясь ускореннымъ бѣніемъ сердець, хотя прошло всего только двѣ минуты — лѣстница воунута въ проломъ, образуя воздушный мостъ черезъ переулокъ, надъ страшною высотой.

Всѣ глаза устремились туда съ замираніемъ сердець, и толпа, казалось, затаила самое дыханіе. Людей у пролома больше не было видно, а вѣтеръ еще усилился и свирѣпо отвѣвалъ пламя къ противоположному концу завода.

Мери и Маргарита ясно различали теперь прямо надъ собою живенькую лѣстницу, колеблемую вѣтромъ. Толпа внизу невольно разступилась; у окна появились блестящія каски пожарныхъ, крѣпко державшихъ конецъ лѣстницы. На лѣстницѣ показался человѣкъ: онъ твердымъ шагомъ и довольно быстро, не шевельнувъ головою, прошолъ изъ конца въ конецъ и вошелъ въ проломъ. Пока онъ шолъ по этой опасной перекладинѣ, дрожавшей подъ нимъ, народъ замеръ: но какъ только онъ достигъ пролома и очутился сравнительно въ безопасности въ зданіи горящей фабрики, изъ груди тысячи человѣкъ вырвался одобрителный возгласъ. Впрочемъ возгласы тотчасъ снова замолкли, какъ потому, что послѣдствія еще были неизвѣстны, такъ и потому, что зрители боялись чѣмъ либо потрясти нервы этого молодца, рисковавшаго жизнью въ такомъ смѣломъ предпріятіи.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! невольно вырвалось у многихъ, когда онъ снова показался у пролома и пріостановился, какъ-бы для того, чтобы вздохнуть болѣе чистымъ воздухомъ, прежде чѣмъ пуститься по воздушному мосту. Онъ несъ на плечахъ человѣка, который по видимому былъ безъ чувствъ.

— Это Джемъ Вильсонъ съ отцомъ своимъ, прошептала Маргарита; но Мери уже знала это.

Толпа слѣдила съ мучительнымъ напряженіемъ и ужасомъ. Ему нельзя было теперь для равновѣсія дѣйствовать руками, все зависѣло отъ крѣпости его нервовъ и отъ вѣрности глаза. — Видно было, что зрѣніе его ничѣмъ не развлекалось, потому что голова не шевелилась. Лѣстница задрожала подъ двойною тяжестью; но онъ все-таки не повернулъ головы—не взглянулъ внизъ. Онъ шолъ—шолъ, казалось цѣлое столѣтіе прошло въ это время. Наконецъ онъ достигъ окна, спустилъ овою ношу, и оба скрылись на чердакѣ.

Теперь толпа можетъ отвезть душу. И сквозь трескъ разруши-

тельного огня, сквозь яростный гулъ и завываніе вѣтра, раздался могучій крикъ одобренія и восторга. Потомъ звонкій голосъ изъ толпы крикнулъ:

— Живъ ли старикъ-то, отходить ли?

— Ладно, отвѣчалъ одинъ изъ пожарныхъ, наклоняясь къ затихшему народу: —отлично поправляется, какъ только плеснули ему водою въ лицо.

Пожарный спрятался, и снова послышались вопросы, возгласы, говоръ волнующейся толпы, но вотъ все смолкло. Прошло менѣе времени, нежели сколько употреблено здѣсь на краткое описаніе событій, какъ уже смѣльчакъ появился на лѣстницѣ съ очевиднымъ намѣреніемъ выручать другого человѣка, погибавшаго въ горящемъ зданіи.

Онъ прошолъ тѣмъ же быстрымъ, твердымъ шагомъ какъ и въ первый разъ, а народъ, ободренный прошедшимъ его успѣхомъ и не томимый болѣе такимъ ужаснымъ ожиданіемъ, кричалъ ему одобрительно о направленіи, которое принимаетъ огонь на противоположномъ концѣ фабрики и разговаривалъ между собою о попыткахъ пожарной команды достать воды. Во все это время масса людей колыхалась изъ стороны въ сторону: она уже вышла изъ оцѣпенѣнія первыхъ минутъ и какъ будто дышала. Отъ того ли что внизу происходило такое движеніе и шумъ, отъ того ли что при вторичномъ переходѣ яснѣе представилась ему опасность этого путешествія, или же просто отъ того, что онъ заглянулъ внизъ, прежде чѣмъ взвалилъ себѣ на плечи другого человѣка (маленькаго и тщедушнаго); но только теперь походка Джема Вильсона была далеко не такъ тверда, шаги его совсѣмъ не такъ ровны. Казалось, онъ ощупываетъ ногою каждую перекладину лѣстницы, колеблется и наконецъ просто остановился среди дороги. Въ это мгновеніе толпа снова притаила дыханіе; минута была такая ужасная, что никто не дерзалъ произнести ни слова, даже и одобрительнаго. Многіе отъ страха замерли на мѣстѣ и закрыли глаза, чтобы не видѣть ожидаемой катастрофы. Настала томительная минута; смѣльчакъ началъ покачиваться изъ стороны въ сторону, какъ будто силясь удержать равновѣсіе; по очевидно его оставляли силы, и даже сознаніе. Удивительно, какъ простое чувство самосохраненія не пересилило въ немъ великодушнѣйшей стойкости и не заставило его выпустить изъ рукъ безчувственное тѣло, которое онъ несъ на себѣ. Но можетъ быть тотъ же естественный инстинктъ говорилъ ему, что внезапно

освободившись отъ этой тяжелой ноши, онъ самъ подвергалъ еще большей опасности свое равновѣсіе.

— Помогите мнѣ, она въ обморокъ! вскричала Маргарита. Но никто не обратилъ вниманіе на ея возгласъ. Всѣ глаза устремлены были кверху. Въ это мгновеніе одинъ изъ пожарныхъ искусно закинулъ веревку съ петлею на концѣ, петля взвилась надъ головою Джема и захватила его вмѣстѣ съ ношею поперегъ тѣла. Правда, опора была не очень надежная, но все же опора; она обнадежила ослабѣвшаго челоуѣка, поддержала его мужество. Джемъ оправился отъ головокруженія и снова двинулся впередъ. Ни однимъ неосторожнымъ или быстрымъ движеніемъ не понудили его ускорить шаги, тихо и осмотрительно втягивали веревку обратно, а онъ тихо и осмотрительно сдѣлалъ еще пять остальныхъ шаговъ и достигъ своей цѣли. Онъ вошелъ въ окно: всѣ были спасены.

Народъ на улицѣ отъ восторга плясалъ и прыгалъ; не было конца оглушительнымъ возгласамъ, похваламъ и крикамъ ура! Потомъ, съ тою легкостью впечатлѣнія, съ тѣмъ жаднымъ любопытствомъ, которыя составляютъ отличительныя черты всякаго огромнаго накопленія черни, толпа толкаясь и крича, ругаясь и наступая другъ на друга, съ шумомъ повалила изъ Денгеискаго переулка къ мѣсту настоящаго пожара, и весь гулъ, трескъ бушующаго пламени, стукъ валящихся частей зданія, слились теперь съ криками, проклятіями и топотней расходящагося люда.

Они прошли. Маргарита одна стояла посреди улицы, блѣдная и изнемогающая подъ тяжестью безчувственной Мери, которую она все время держала за талію въ вертикальномъ положеніи, изъ страха, чтобы не затоптали ее бѣгущіе.

Теперь она осторожно опустила ее на холодную, сухую мостовую; перемѣна положенія, внезапно-освѣжившаяся атмосфера, удаление давившаго ее со всѣхъ сторонъ народа, тотчасъ благотворно подѣйствовали на Мери; она открыла глаза.

Первый взглядъ ея былъ мутенъ и безсознательнъ, она забыла, гдѣ она. Холодное прикосновеніе каменной мостовой испугало ее, зловѣщее зарево багроваго неба заставило содрогнуться. Она закрыла глаза и стала обдумывать, припоминать.

Потомъ быстро взглянула вверхъ: страшный мостъ былъ уже убранъ, у окна ни кого не было.

— Они спасены, сказала Маргарита.

— Всѣ? Всѣ ли спасены, Маргарита? спросила Мери.

— Спроси вонъ того пожарнаго, онъ тебѣ расскажетъ лучше моего. Но я навѣрное знаю, что всѣ спасены.

Пожарный служитель на скоро подтвердилъ слова Маргариты.

— Зачѣмъ вы пустили Джема Вильсона идти въ другой разъ? спросила Маргарита.

— Пустили? Да его ничѣмъ не удержишь. Какъ только услышалъ, что отецъ пришолъ въ себя и началъ говорить (а ждалъ-то онъ этого недолго), такъ вскочилъ опять на лѣстницу и пустился какъ изъ лука стрѣла — говоря, что лучше насъ знаетъ, гдѣ найдти другого челоуѣка. Кабы онъ не такъ торопился, такъ мы бы всѣ пошли пожалуй; кажется никто не скажетъ про манчестерскихъ пожарныхъ, чтобы они бѣгали отъ опасности!

Съ этими словами пожарный убѣждалъ, а дѣвушки, ничего не говоря, повернули домой. По дорогѣ ихъ обогналъ старикъ Вильсонъ, блѣдный, почернѣвшій отъ дыма, съ опухшими глазами, но повидимому совершенно оправившійся и крѣпкій какъ всегда. Онъ шолъ съ ними рядомъ минуты двѣ, рассказывая о причинахъ, задержавшихъ его на фабрикѣ; потомъ поспѣшно простился съ ними и пошелъ дальше, говоря, что надо поскорѣе добраться до дому и успокоить на свой счетъ жену. Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ снова вернулся, перешолъ на сторону Мери и сказалъ ей убѣдительнымъ шопотомъ, но такъ, что она разслышала очень ясно:

— Мери, если мой молодецъ встрѣтитя тебѣ сегодня, скажи ему ради меня два-три ласковыхъ словечка. Пожалуйста! Умница моя будешь.

Мери опустила головку и ничего не отвѣчала, а онъ быстро скрылся.

Возвратившись домой, онъ нашли Джона Бартона съ трубкою въ зубахъ, вовсе не расположеннаго дѣлать имъ какіе бы то ни было вопросы, но сильно расположеннаго выслушать всѣ подробности, какія только онъ могли сообщить ему. Маргарита передала ему все происшествіе и любопытно было видѣть, какъ онъ отъ равнодушія переходилъ постепенно къ живѣйшему участію и восхищенію.

Сначала, правильное выпусканіе табачнаго дыма начало прерываться, рѣдѣть, и наконецъ вовсе прекратилось. Потомъ онъ всталъ съ мѣста и съ каждымъ новымъ фактомъ, передаваемымъ рассказщицею, подступалъ къ ней ближе и ближе.

Когда она кончила, онъ чуть ли не въ первый разъ въ жизни подялся, что если бы Джемъ Вильсонъ закотѣлъ взять за себя Мери,

то завтра же можетъ получить ее, хоть бы у него не было ни копѣйки на ея содержаніе.

Маргарита засмѣялась, а Мери, которая между тѣмъ успѣла совершенно оправиться отъ своего волненія, падула губки и казалась разсерженной.

Онѣ снова принялись за прерванную работу: но недавнее смятеніе какъ-то такъ на нихъ подѣйствовало, что всѣ лоскутки валялись изъ рукъ; и я съ прискорбіемъ извѣщаю читателя, что на слѣдующее утро, по случаю описаннаго пожара, двѣ младшія миссъ Огденъ до того были огорчены потерей обожаемаго родителя, что даже не въ состояніи были показаться кружку избранныхъ друзей, собравшихся утѣшать вдову и поглазѣть на похороны.

19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА

ГЛАВНѢЙШІЯ ЧЕРТЫ ВСѢХЪ ПОЛОЖЕНІЙ О КРЕСТЬЯНАХЪ И ДВОРОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ

Съ тѣхъ поръ какъ Россія существуетъ, въ ней не бывало еще такого громаднаго, колоссальнаго переворота, какъ тотъ, который теперь совершился и совершается передъ нашими глазами. Бывали эпохи болѣе блестящія, болѣе громкія, но ни одна не имѣла такого кореннаго вліянія на нашу внутреннюю жизнь, ни одна не проникала такъ глубоко въ нѣдра, въ сущность нашего государственнаго организма, ни одна не была такъ плодотворна по своимъ послѣдствіямъ, потому что ни одна не вносила въ нашъ бытъ той гармоніи, той цѣлости, которая необходима для истиннаго прогресса, для стройнаго развитія всѣхъ силъ націи. Реформа Владиміра Святого, приказавшаго своему народу креститься, имѣетъ, конечно, весьма важное значеніе; но привитое намъ тогда христіанство имѣло чисто форменный характеръ, а всякій знаетъ, какъ еще далеко отъ христіанскихъ формъ до сущности этого ученія. Избавленіе Россіи отъ татарскаго владычества составило, такъ сказать, второе основаніе Руси; но это совершилось постепенно, начиная отъ Дмитрія Донскаго до Ивана III, и потому не такъ замѣтно, хотя и можетъ стоять почти на ряду съ нынѣшнимъ переворотомъ. Петровская реформа, хотя прорубила окно въ Европу, хотя въ это окно повѣяло на насъ цивилизаціей, но слишкомъ поверхностно, и реформа оставила народъ разьединеннымъ, разрозненнымъ, большая часть его осталась отчужденною отъ другой, и бурный геній Петра слегка освѣжилъ поверхность, пронесся, не расшевеливъ глубины, даже не коснувшись ея. Двѣнадцатый годъ былъ тоже одною изъ тѣхъ эпохъ, которыя сильнымъ толчкомъ освѣжаютъ народъ; но разьединеніе осталось, хотя въ то время легко могло исчезнуть, такъ какъ обстоя-

тельства къ тому были довольно благоприятны. Теперь, съ величайшаго для Россіи дня, съ 19 февраля 1861 года, разрозненность прекращается, наступаетъ пора постепеннаго соединенія народа въ гармоническое, стройное цѣлое: на мѣсть искусственнаго сожительства людей на одной почвѣ, создано органическое цѣлое—нація. Простымъ фактомъ, что крестьяне вышли изъ крѣпостной зависимости, создалось то единство, котораго отсутствіе было неодолимою преградой успѣховъ Россіи. Крѣпостное право кончилось, не существуетъ; бывшіе подданные своихъ помѣщиковъ сдѣлались теперь согражданами великой русской семьи со всѣми славянскими ея сродниками.

Мы постараемся здѣсь вкратцѣ изложить главнѣйшія черты всѣхъ положеній 19 февраля 1861 года о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей отмѣняется навсегда, при чемъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ предоставляются права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу. Это содержаніе двухъ первыхъ пунктовъ общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Если на готовящемся памятникѣ тысячелѣтія Россіи эти слова не будутъ отчеканены золотыми литерами на верху, на самой вершинѣ, то памятникъ будетъ неполонъ: въ немъ будетъ недоставать лучшаго, драгоцѣннѣйшаго за всю тысячу лѣтъ украшенія.

Всѣ остальные пункты положеній и правилъ 19 февраля 1861 г. указываютъ порядокъ и сроки приведенія въ исполненіе первыхъ основныхъ пунктовъ.

Со дня обнаруженія Высочайше утвержденныхъ положеній, крестьяне получили право, безъ согласія помѣщика, вступать въ бракъ, приобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества и распоряжаться ими, входить въ договоры съ казною и частными лицами, производить торговлю, записываться въ цѣхи, производить ремесла, вчинать иски и тяжбы, быть свидѣтелями и поручителями, отдавать дѣтей своихъ въ общія учебныя заведенія. Сверхъ того отмѣнены тѣлесныя наказанія иначе, какъ черезъ полицію, отмѣнены всякіе добавочные поборы птицею, баранами, масломъ, лицами, грибами, ягодами, разными съѣстными припасами, холстомъ, сукномъ, пряжею, шерстью и т. п.; отмѣнены всѣ добавочныя и стовныя работы и наряды, которыя отбывались сверхъ трехдневной барщины; женская барщина не допускается свыше двухъ дней, а мужская не свыше трехъ дней въ недѣлю; отмѣнено перекрѣпленіе и переуступка личныхъ правъ на работу крестьянъ, переселеніе

крестьянъ иначе, какъ на основаніи установленныхъ на это правилъ, отдача крестьянъ владѣльцами постороннимъ лицамъ въ услуженіе или въ обученіе, или въ исправительныя заведенія; отмѣненъ переводъ крестьянъ, безъ ихъ согласія, съ оброка на барщину, отмѣнено произвольное увеличиваніе оброковъ; отмѣняется посылка подводъ далѣе 150 верстъ отъ села, и притомъ посылка подводъ не должна превосходить 500 верстъ во весь годъ; въ день, кромѣ распутицы и полевыхъ работъ, положено съ кладью или порожнемъ проѣхать 30 верстъ, и каждый подводный день зачитывается въ счетъ барщины за полтора рабочіе дня. Всѣ остальные, не отмѣненные повинности, работою или деньгами, должны быть сполна отбываемы крестьянами въ пользу помѣщиковъ безъ малѣйшаго упущенія, впредь до утвержденія и введенія въ дѣйствіе по каждому имѣнію уставной грамоты.

Не позже, какъ въ теченіе перваго года со дня полученія положеній о крестьянахъ, каждый изъ помѣщиковъ представляетъ по каждому имѣнію уставную грамоту, которою опредѣляются постоянныя хозяйственныя отношенія землевладѣльца къ водвореннымъ на его землѣ крестьянамъ. Въ уставной грамотѣ будетъ показано сколько десятинъ удобной земли отдается землевладѣльцомъ въ постоянное пользованіе крестьянъ, и сколько денежнаго оброка или сколько рабочихъ дней причитается за это пользованіе землевладѣльцу со всего имѣнія. Выгоды землевладѣльца требуютъ, чтобы онъ составилъ свою грамоту вмѣстѣ съ своими крестьянами, какъ добровольную съ ними слѣлку; но онъ можетъ ее составить и безъ ихъ участія, съ тѣмъ только, чтобы надѣлъ землею не былъ уменьшаемъ ниже размѣровъ, допускаемыхъ положеніями, и чтобы въ уставную грамоту не было включено такихъ условій, которыя могли бы въ чемъ либо ограничить предоставленныя крестьянамъ права личныя, по имуществу и по состоянію, а также право перехода крестьянъ съ барщины на оброкъ.

До введенія въ дѣйствіе уставной грамоты, т. е. еще два года, крестьяне имѣютъ въ постоянномъ пользованіи свою усадебную осѣлость и свой выѣшній неопредѣленный надѣлъ пахатой земли и другихъ угодій, и отбываютъ за это работы и оброкъ въ выѣшнихъ размѣрахъ. Уставныя грамоты опредѣляютъ эти отношенія точнѣе, подробнѣе, и уже на новыхъ основаніяхъ.

Для этой цѣли вся Россія раздѣлена на три большія полосы, нечерноземную, черноземную и степную. Сверхъ того всѣ три полосы, вмѣстѣ взятая, раздѣлены на двадцать девять мѣстностей, которыхъ распределеніе подробно указано въ положеніи.

Въ первой, нечерноземной полосѣ низшій надѣлъ на каждую

ревицкую душу — одна десятина, именно: въ малоземельныхъ уѣздахъ, Московской, Пензенской, Рязанской и Тамбовской губерній. Въ тѣхъ же мѣстахъ высшій надѣлъ — три десятины. За тѣмъ надѣлъ увеличивается по мѣстностямъ нечерноземной полосы и доходитъ идущій до 2 десятины 800 саж., а высшій до 7 десятины, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской, Вятской, Новгородской, Олонецкой и Пермской губ.

Во второй, черноземной полосѣ, низшій надѣлъ — 2200 квадрат. саж., въ Курской губерніи, въ одномъ уѣздѣ Пензенской и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ: Тульской и Рязанской губерній. Въ тѣхъ же мѣстахъ высшій надѣлъ 2 десят. 1800 саж. За тѣмъ надѣлъ постепенно увеличивается и доходитъ низшій до 2 десят., а высшій до 6 десятины, въ Оренбургскомъ, Красноуфимскомъ, Бузулукскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ.

Въ третьей, степной полосѣ, въ первой мѣстности надѣлъ указанный 3 десятины, въ Ростовскомъ (Екатериносл. губ.), Симферопольскомъ и Феодосійскомъ (Таврич. губ.) уѣздахъ и въ тѣхъ имѣніяхъ которыя лежатъ не далѣе пяти верстъ отъ Херсона, Николаева, Одессы и Елисаветграда. Высшій изъ указныхъ надѣловъ приходится на Новоузенскій уѣздъ Самарской губерніи, 12 десятины на душу.

Такимъ образомъ въ положеніяхъ опредѣлена относительная въ разныхъ мѣстахъ Россіи цѣнность земель. Во всѣхъ безъ исключенія мѣстностяхъ, за высшій душевой надѣлъ, крестьяне должны будутъ, по введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, отбывать сорокъ мужскихъ рабочихъ дней въ годъ съ души; за нѣсколько меньшей надѣлъ меньшее число дней, а за низшій душевой надѣлъ — 20 дней въ годъ. Такимъ образомъ напр. въ Курскомъ уѣздѣ сто душъ получаютъ въ постоянное пользованіе ни въ какомъ случаѣ не менѣе 220 тысячъ квад. саж. (считая десятину постоянно въ 2400 саж.) или 91 десят. 1600 квад. саж., и за это отработываютъ землевладельцу 2000 мужскихъ рабочихъ дней и 1500 женскихъ дней въ теченіе года. Съ другой стороны, въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи сто душъ могутъ получить въ постоянное пользованіе по 12 дес. или 1200 десятины, и за это будутъ отработывать землевладельцу 4000 дней мужскихъ и 3000 женскихъ. Изъ всего числа приходящихся рабочихъ дней три пятыхъ отбываются крестьянами въ теченіе лѣтняго полугодія и двѣ пятыхъ въ теченіе зимняго полугодія. Всѣ рабочіе дни распредѣляются въ каждомъ полугодіи поровну на каждую недѣлю, при чемъ землевладелецъ не имѣетъ права переносить рабочіе дни съ одной недѣли на другую. Если землевладелецъ и крестьяне вмѣстѣ желаютъ замѣнить рабочіе дни извѣст-

нымъ количествомъ земли, которую крестьяне должны обрабаты- вать въ пользу помѣщика, то это можно только по временному усло- вію, срокомъ не болѣе какъ на три года, но по истеченіи этого сро- ка условія могутъ быть возобновляемы. Въ селеніяхъ, въ которыхъ барщина отбывается за круговую порукою всѣхъ крестьянъ, земле- владѣлецъ или его повѣренный объявляетъ сельскому старостѣ впе- редь за цѣлую недѣлю, передъ началомъ ея, и не позже какъ въ воскресенье, въ какіе дни наступающей недѣли сколько работниковъ и работницъ, въ каждый день, онъ требуетъ со всего общества; самое же назначеніе работниковъ и работницъ, по установленной между ними очереди, предоставляется сельскому начальству. Если заданная работа прервана по причинѣ ненастья и землевладѣлецъ, или его повѣренный, отпуститъ вовсе людей съ работы, то рабочий день считается отработаннымъ. При круговой порукѣ само общест- во завѣдываетъ внутреннимъ между домохозяевами учетомъ отра- ботанныхъ дней. Число рабочихъ часовъ въ рабочемъ днѣ не должно превышать въ лѣтнее полугодіе двѣнадцати, а въ зимнее девяти часовъ. Въ число это не включается время, назначенное для отды- ха рабочихъ. Дни праздничные, закономъ опредѣленные, не могутъ быть назначаемы для работъ; причитающуюся съ нихъ повинность крестьяне должны отработать сполна въ будни.

Начиная съ 19 февраля 1861 года крестьяне будутъ имѣть право переходить съ вздѣльной повинности на оброкъ, безъ согласія помѣщика, но не иначе, какъ предупредивъ его объ этомъ за годъ впередъ, и при наступленіи срока, внести оброкъ за полгода впе- редь. Оброкъ уплачивается въ слѣдующихъ размѣрахъ:

За установленные высшій и указной душевые *надѣлы* опредѣ- ляется высшій душевой *оброкъ*, слѣдовательно оброкъ соразмѣрлет- ся съ надѣломъ. Для имѣній, отстоящихъ не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга — *двѣнадцать* рублей. Для всѣхъ прочихъ имѣній Пе- тербургской губерніи, для губерній Московской и Ярославской, для Владимірскаго, Вязниковскаго, Покровскаго и Ковровскаго уѣздовъ Владимірскаго губерніи, по лѣвую сторону рѣки Клязьмы, и Ниже- городской губерніи для имѣній, отстоящихъ не далѣе 15 верстъ отъ Волги по правому ея берегу, а равно лежащихъ непосредственно на берегу по лѣвую ея сторону — *десять* рублей. Для остальныхъ мѣст- ностей первой, второй и третьей полосъ (за нѣсколькими исключе- ніями) *девять* рублей. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ — *со- семь* рублей за высшій душевой надѣлъ. Тамъ, гдѣ надѣлъ менѣе установленнаго высшаго или указнаго количества десятинъ на ду- шу, тамъ крестьяне облагаются въ меньшемъ противу высшаго ду- шевого оброка размѣрѣ, что и указано подробно въ положеніи. Сро-

на уплаты оброка устанавливаются по взаимному соглашению землевладельца съ крестьянами и вписываются въ уставную грамоту. Определенный въ грамотѣ оброкъ остается неизмѣннымъ въ продолженіи двадцати лѣтъ, до 19 февраля 1881 года, а тогда произойдетъ новая переобработка, на тѣхъ основаніяхъ, какія правительствомъ будутъ указаны.

Таковы главныя основанія отношеній между землевладельцемъ и крестьянами.

Сверхъ того крестьянскія общества и каждый крестьянинъ-домохозяинъ порознь, пока находится въ составѣ общества, сохраняютъ право выкупать предоставленную имъ въ постоянное пользованіе усадебную осажденность. Если на крестьянахъ состоятъ помѣщичья или казенная недоимки, то они могутъ приступить къ выкупу усадебной осажденности не прежде какъ по уплатѣ недоимки. Но приобрѣтеніе въ собственность крестьянами, вмѣстѣ съ усадебною осажденностью, полевыхъ земель и угодій, отведенныхъ имъ въ постоянное пользованіе, допускается не иначе, какъ съ согласія землевладельца. На случай отдѣльнаго выкупа усадьбы, изъ общей суммы повинности, причитающейся съ крестьянъ за весь отведенный имъ въ пользованіе надѣлъ, отчисляется определенная доля повинности за усадебную осажденность.

Всѣ крестьянскія усадьбы раздѣляются на четыре разряда. Къ первому причисляются усадьбы въ имѣніяхъ землевладельческихъ и не представляющія никакихъ особенныхъ выгодъ, ко второму — въ имѣніяхъ, гдѣ хозяйство крестьянъ не ограничивается однимъ земледѣліемъ, а поддерживается преимущественно торговлею и работками отъ отходныхъ и мѣстныхъ промысловъ. Къ этому же разряду причисляются и усадьбы въ такихъ земледѣльческихъ имѣніяхъ, гдѣ въ составъ усадебной осажденности входятъ обширныя и цѣнные конопляники, свекольники и огороды, на которыхъ разводятся овощи и всякаго рода растенія, преимущественно для продажи; къ третьему разряду относятся усадьбы, представляющія какія-либо особенно важныя мѣстныя выгоды, а равно отстоящія не далѣе двадцативерстнаго разстоянія отъ Петербурга и Москвы; къ четвертому разряду могутъ быть, по усмотрѣніи губернскаго присутствія, отнесены усадьбы въ тѣхъ богатыхъ, промышленныхъ и уже состоящихъ нынѣ на оброкѣ селеніяхъ, гдѣ сами крестьяне производятъ обширную торговлю или фабричную промышленность, или пользуются, кромѣ поземельныхъ угодій, значительными оброчными статьями, напр. торговыми и базарными площадями, или рыбными ловлями, приносящими значительный доходъ. Изъ оброка, причитающагося за весь крестьянскій надѣлъ въ селеніи, относится

собственно на усадебныя земли перваго разряда не болѣе 1 р. 50 к., втораго — не болѣе 2 р. 50 коп., третьяго — не болѣе 3 р. 50 к., а на усадебную землю четвертаго разряда можетъ быть отнесено болѣе 3 р. 50 коп. — Для исчисленія выкупной суммы за усадебную осѣлость, причитающаяся съ нея, по уставной грамотѣ, часть оброка помножается на $16\frac{2}{3}$; такимъ образомъ за каждый рубль ежегоднаго оброка, падающаго на усадьбы, полагается выкупная сумма въ 16 руб. 67 коп. Выходитъ, что усадебная осѣлость перваго разряда выкупается взносомъ въ пользу землевладѣльца не болѣе 25 рублей, втораго разряда не болѣе 42 рублей, третьяго разряда не болѣе 58 р. 33 коп. Исчисленная за всю усадебную осѣлость сельскаго общества выкупная сумма разверстывается между домохозяевами по мирскому приговору съ утвержденія помѣщика. Когда одинъ домохозяинъ выкупаетъ свою усадебную осѣлость отдѣльно отъ другихъ, то онъ вноситъ единовременно сумму, причитающуюся на его усадьбу по разверсткѣ; а въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуетъ общинное пользованіе угодьями, крестьянинъ, отдѣльно выкупающій свою усадебную осѣлость, уплачиваетъ помѣщику означенную сумму, съ присовокупленіемъ къ оной двадцати копѣекъ на каждый рубль.

Крестьяне вносятъ выкупную за усадьбы сумму въ уѣздное казначейство; за тѣмъ, по совершеніи опредѣленныхъ формальностей, уѣздный судъ выдаетъ крестьянамъ *данную* на выкупленныя усадьбы на гербовой бумагѣ пятнадцатикопѣчнаго достоинства, безъ взятія крѣпостныхъ пошлинъ. По полученіи данной, крестьяне освобождаются отъ платежа землевладѣльцу той доли оброка, которая падаетъ на выкупленныя усадьбы, и получаютъ ихъ въ полную свою собственность, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что въ продолженіи первыхъ десяти лѣтъ съ 19 февр. 1861 года означенныя усадьбы не могутъ быть передаваемы или закладываемы постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу. По минованіи же этого срока, крестьяне могутъ располагать выкупленными усадьбами, какъ своєю собственностью, на основаніи общихъ законовъ.

Полевые угодья, предоставленныя крестьянамъ отъ землевладѣльцевъ въ постоянное пользованіе, за опредѣленныя повинности, приобрѣтаются крестьянами при содѣйствіи правительства и не иначе, какъ съ согласія помѣщика. Объ этомъ будетъ сказано ниже.

Между-тѣмъ, на выкупленной или не выкупленной землѣ, въ выкупленныхъ или невыкупленныхъ усадьбахъ, организуется общественное сельское и волостное управленія.

Сельское общество составляется изъ крестьянъ, водворенныхъ на землѣ одного помѣщика, если только ихъ не менѣе двадцати душъ; въ противномъ же случаѣ они присоединяются къ сосѣд-

нимъ обществамъ, съ согласія сихъ послѣднихъ. Управляется сельское общество своимъ сходомъ и своимъ старостой. Сельскій сходъ состоитъ изъ мѣстныхъ домохозяевъ и первое мѣсто между ними занимаетъ выбранный или староста. Онъ долженъ быть преимущественно изъ домохозяевъ, (но можетъ и не быть); онъ не можетъ быть моложе 25 лѣтъ и не долженъ быть опороченъ тѣлеснымъ наказаніемъ по суду. Онъ выбирается на три года, но можетъ быть избранъ и на второе трехлѣтіе, если на это согласится, а если избранъ въ первый разъ, то не имѣетъ права отказаться, если онъ здоровъ, и если ему нѣтъ шестидесяти лѣтъ. Староста обязанъ созывать и распускать сельскій сходъ, предлагать на его разсмотрѣніе дѣла, приводить въ исполненіе его приговоры, наблюдать за цѣлостію межевыхъ знаковъ на крестьянскихъ земляхъ, наблюдать за исправностію мостовъ и дорогъ, за исправнымъ отбываніемъ повинностей, завѣдывать, *въ порядкѣ, установленномъ обществомъ*, мѣрскимъ хозяйствомъ и мѣрскими суммами. Пока крестьяне состоятъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, сельскій староста долженъ крестьянъ наряжать на работу, а съ оброчныхъ взыскивать оброкъ и вообще немедленно исполнять законныя требованія помѣщика. Сверхъ того, не ожидая приказаній, староста обязанъ принимать мѣры для охраненія благочинія и порядка, задерживать бродягъ и бѣглыхъ, распорядиться при пожарахъ, наводненіяхъ и проч.

Сельскій сходъ созывается старостою преимущественно въ дни воскресные и праздничные. Сельскій сходъ выбираетъ старосту и другихъ должностныхъ лицъ, удаляетъ изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ, увольняетъ членовъ и принимаетъ новыхъ, назначаетъ опекуновъ и повѣряетъ ихъ, разрѣшаетъ семейные раздѣлы, завѣдываетъ передѣлами, накладкой и складкой тяголъ и окончательно дѣлитъ общинныя земли на постоянныя участки, распоряжается праздными участками земли, совѣщается и ходатайствуетъ объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ, приноситъ чрезъ особыхъ выборныхъ жалобы и просьбы, назначаетъ сборы на мѣрскіе расходы, раскладываетъ всѣ лежащія на крестьянахъ подати и повинности, учитываетъ своихъ выбранныхъ должностныхъ лицъ, вѣдаетъ отбываніемъ рекрутской повинности, предупреждаетъ и взыскиваетъ недолжники, назначаетъ ссуды изъ магазиновъ и другія вспомошествованія, даетъ довѣренности на ходженіе по дѣламъ общества, и проч. — Рѣшеніе схода призывается законнымъ, когда на сходѣ былъ сельскій староста или заступающій его мѣсто, и не менѣе половины всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать въ сходахъ. Дѣла рѣшаются по большин-

ству голосовъ всѣхъ явившихся на сходѣ; но когда дѣло идетъ о замѣнѣ общиннаго пользованія землею участковымъ наследственнымъ, о раздѣлѣ мѣрскихъ земель на постоянные наследственные участки, о передѣлахъ мѣрской земли, объ установленіи добровольныхъ мѣрскихъ складокъ и употребленіи мѣрскихъ кащталовъ и объ удаленіи порочныхъ крестьянъ изъ общества, тогда требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ. Эти послѣдніе приговоры записываются въ особенную книгу, а приговоры по другимъ дѣламъ записываются только тогда, когда того требуетъ сходъ.

Сельскій сходъ назначаетъ по одному выборному съ каждыхъ десяти дворовъ на волостной сходъ. Для волости полагается не менѣе 300 ревизскихъ мужскаго пола душъ, и не болѣе 2000, съ тѣмъ, чтобы отъ средоточія управленія дальнія селенія были не болѣе, какъ верстъ на двѣнадцать. При образованіи волостей, принимается въ соображеніе нынѣшнее раздѣленіе на приходы, т. е. изъ каждаго прихода образуется одна волость, если только приходъ соответствуетъ условіямъ волости. Значительное селеніе, болѣе 2000 душъ, состоящее даже изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, во всякомъ случаѣ составляетъ одну волость.

Вѣдѣнію волостного схода подлежатъ: выборы волостныхъ должностныхъ лицъ и *судей* волостного суда, хозяйственныя и общественныя дѣла цѣлой волости, общественное призрѣніе, училища, магазины; принесеніе жалобъ и просьбъ по дѣламъ волости, повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, волостью избранныхъ. Обязанности волостного старшины по дѣламъ общественнымъ и полицейскимъ почти тѣже, что и сельскаго старосты, но въ большихъ размѣрахъ.

Волостной сходъ избираетъ ежегодно отъ 4 до 12 очередныхъ судей на слѣдующихъ основаніяхъ: присутствіе суда должно состоять не менѣе, какъ изъ трехъ судей; они могутъ быть избираемы или для безсмѣннаго втеченіе цѣлаго года отправленія своей должности, или для ея отправленія по очереди, заранее определенной сходомъ. Волостной судъ собирается черезъ каждыя двѣ недѣли, по возможности и удобству, по воскресеньямъ; въ случаѣ же нужды созывается волостнымъ старшиною въ другіе дни и чаще.

Волостной судъ вѣдаетъ споры и тяжбы между крестьянами, цѣною до сто рублей включительно, по движимымъ и недвижимымъ имуществамъ, по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ, крестьянскому обществу причиненные. Сверхъ того окончательному рѣшенію волостного суда подлежатъ всѣ, безъ ограни-

ченія цѣною иска, между крестьянами споры и тяжбы, которые тяжущіяся стороны предоставляютъ рѣшенію волостного суда. Волостной судъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказанію крестьянъ, принадлежащихъ къ волости, за маловажные проступки, когда они совершены въ предѣлахъ самой волости противъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же состоянію, и безъ участія лицъ другихъ состояній, а также когда означенные проступки не находятся въ связи съ уголовными преступленіями, которыя подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Если въ совершеніи проступка участвуютъ крестьяне, принадлежащіе къ другой волости, то виновныхъ приговариваетъ къ наказанію судъ той волости, въ предѣлахъ которой проступокъ совершонъ. Волостной судъ властенъ приговаривать виновныхъ къ общественнымъ работамъ до шести дней, или къ денежному взысканію до трехъ рублей, или аресту до семи дней, или, наконецъ, лицъ, отъ тѣлеснаго наказанія неізыятыхъ, — къ наказанію розгами до двадцати ударовъ. Назначеніе мѣры наказанія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію самаго суда. Волостной судъ не имѣетъ права приговаривать къ тѣлесному наказанію крестьянъ старѣе 60 лѣтъ, волостного старшину, его помощниковъ, сельскихъ старостъ, засѣдателей волостного правленія, судей волостного суда, сборщиковъ податей и смотрителей хлѣбныхъ магазиновъ во все время ихъ службы или если они разъ исполняли подобныя должности безпорочно; не приговариваетъ къ тѣлесному наказанію крестьянъ, кончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, земледѣльческихъ или равныхъ съ ними, или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Волостной старшина и староста не выѣзжаютъ въ производство волостного суда и не присутствуютъ при обсужденіи дѣлъ. Всѣ дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно. Приговоры волостного суда считаются окончательными и приводятся въ исполненіе сельскими старостами.

Волостной старшина, по всѣмъ дѣламъ своего вѣдомства распоряжается подъ личною своею отвѣтственностію; но для облегченія его и для совѣта, учреждается волостное правленіе, безъ разрѣшенія котораго онъ не можетъ производить изъ волостныхъ суммъ денежныхъ расходовъ, утвержденныхъ уже волостнымъ сходомъ; не можетъ пролавать частнаго крестьянскаго имущества по какимъ бы то ни было взысканіямъ, не можетъ опредѣлять и увольнять волостныхъ должностныхъ лицъ, служащихъ по найму, какъ напр. писаря и т. п.

Для разбора недоразумѣній, споровъ и жалобъ, могущихъ возникнуть изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами и для завѣдыванія

особыми дѣлами крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, учреждаются мировые посредники, уѣздные мировые съѣзды и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ должность мировыхъ посредниковъ избираются мѣстные потовствешные дворяне помѣщики. Каждый изъ нихъ долженъ владѣть не менѣе, какъ пятью стами десятинъ удобной земли, или владѣть меньшимъ количествомъ земли, но не менѣе 150 десятинъ, и при томъ кончить курсъ наукъ съ правомъ на XII классъ, или, по существующимъ законамъ, имѣть право избирательнаго голоса въ губернскомъ дворянскомъ собраніи. Должность мирового посредника не числится ни въ какомъ особенномъ классѣ, но по правамъ служебнымъ состоитъ въ равной степени съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Мировой посредникъ разбираетъ и разрѣшаетъ иски, споры, жалобы и недоразумѣнія, возникающіе изъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, жалобы помѣщика на дѣйствія мѣсть и лицъ общественнаго крестьянскаго управленія, на безпорядки въ отправленіи полицейскихъ обязанностей старостою или старшиною; жалобы временно-обязанныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, какъ отдельныхъ лицъ, такъ и въ составѣ крестьянскихъ обществъ на дѣйствія помѣщика; жалобы постороннихъ лицъ на крестьянскія общества.

Объяснившись съ обѣими сторонами, мировой посредникъ предлагаетъ имъ прекратить дѣло миромъ, или окончить споръ третейскимъ разборомъ. Если же онъ не успѣетъ примирить спорящихъ или жалующагося и обвиняемаго, то приступаетъ къ разбирательству, которое должно быть словесное. При разборѣ дѣла, кромѣ истца, отвѣтчика и свидѣтелей, могутъ присутствовать и посторонніе, съ обязанностью сохранять тишину и порядокъ, за нарушение которыхъ они удаляются изъ присутствія, а если это случилось не въ первый разъ, то сверхъ того подвергаются денежному взысканію отъ 25 и до 3 руб., смотря по ихъ средствамъ. Приступивъ къ разбору дѣла, мировой посредникъ предлагаетъ истцу рассказать обстоятельства дѣла и объяснить свои требованія, а потомъ выслушиваетъ объясненія отвѣтчика или обвиняемаго, дозволяя той и другой сторонѣ и послѣ сего дополнять поочередно свои показанія, и предлагая отъ себя нужные для объясненія дѣла вопросы. При этомъ необходимо оказывать снисхожденіе тѣмъ изъ поселянъ, кои, по малой образованности, не въ состояніи выражать вдругъ и въ настоящей связи и послѣдовательности обстоятельства дѣла.

Рѣшенія по дѣламъ, не подлежащимъ окончательному рѣшенію мирового посредника пересматриваются, по жалобѣ недовольной стороны, уѣзднымъ мировымъ съѣздомъ, который составляется,

подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго уѣзнаго предводителя дворянства изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ въ уѣздѣ и одного члена отъ правительства. Мировой сѣздъ открывается въ назначенное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ: или въ уѣздномъ городѣ, или въ селеніи, смотря по роду, количеству и свойству дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію. Уѣздный мировой сѣздъ разбираетъ и рѣшаетъ жалобы на рѣшенія мировыхъ посредниковъ и жалобы мировыхъ посредниковъ на волостные сходы и на волостныхъ должностныхъ лицъ. Сверхъ того мировой сѣздъ занимаетъ, въ случаѣ нужды, вольнопрактикующихъ землемѣровъ; устанавливаетъ сроки платежей оброка; разрѣшаетъ затрудненія, возникающія при разсмотрѣніи уставныхъ грамотъ; распоряжается по просьбамъ о точномъ измѣреніи крестьянскаго надѣла; исправляетъ, когда нужно, уставныя грамоты, и пр. Дѣла, поступившія ко времени и во время засѣданій сѣзда, разбираются и рѣшаются имъ втеченіе сихъ засѣданій. Рѣшеніе дѣла отлагается до слѣдующаго сѣзда только въ крайнихъ случаяхъ. Спорящимъ и ихъ повѣреннымъ предоставляется присутствовать при разборѣ дѣла въ уѣздномъ сѣздѣ, и потомъ, въ случаѣ нужды, жаловаться на рѣшеніе губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію.

Губернское присутствіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ вѣдальника губерніи, изъ губернскаго предводителя дворянства, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, губернскаго прокурора, двухъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, приглашаемыхъ, по сношенію съ начальникомъ губерніи, министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ Высочайшаго соизволенія, и двухъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, избранныхъ собраніемъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. — Губернское присутствіе разсматриваетъ и разрѣшаетъ жалобы на мировыхъ посредниковъ и уѣздные мировые сѣзды; разсматриваетъ и утверждаетъ представленныя мировымъ посредникомъ добровольныя между помѣщиками и крестьянами соглашенія объ уменьшеніи крестьянскаго надѣла. Кромѣ того, губернское присутствіе устанавливаетъ всѣ подробности, относящіяся до привиденія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, составляетъ смѣты своихъ расходовъ; утверждаетъ составленныя по уѣздамъ проекты распределенія селеній на водости, составляетъ урочное положеніе и устанавливаетъ сроки, съ которыхъ начинается лѣтнее и зимнее время работъ; опредѣляетъ размѣры денежнаго пособія, которое владѣльцы обязаны выдавать дворовымъ людямъ, не способнымъ къ работѣ, если они увольняются ими втеченіе общаго срока обязательныхъ отношеній; опредѣляетъ, въ

степенныхъ мѣстностяхъ, въ какомъ размѣрѣ солончаки могутъ быть допускаемы въ составъ крестьянскаго надѣла; опредѣляетъ условія, на которыхъ оставляются въ пользованіе крестьянъ рыбныя ловли; разрѣшаетъ представленія мировыхъ посредниковъ о причисленіи къ господскимъ землямъ лѣсныхъ покосовъ при разверстаніи угодій; рассматриваетъ и утверждаетъ приговоры мировыхъ посредниковъ о немедленномъ увольненіи дворовыхъ людей, буде они того пожелаютъ, отъ обязательныхъ отношеній, по случаю обнаруженныхъ злоупотребленій въ обращеніи владѣльца съ дворовыми людьми; утверждаетъ мірскіе приговоры объ удаленіи крестьянъ изъ общества; разрѣшаетъ дѣла объ обязательномъ перенесеніи крестьянскихъ усадебъ и обмѣнѣ угодій, если въ уѣздномъ съѣздѣ не состоится по этимъ дѣламъ единогласнаго рѣшенія, и пр.

Внимательно рассматривая всѣ подробности положеній, рассказанныхъ здѣсь только вкратцѣ и въ общихъ чертахъ, начиная съ личныхъ правъ крестьянина и сельскихъ сходовъ до губернскаго присутствія, оказывается, что теперь открылось необыкновенно широкое, блестящее, прекрасное поприще для дѣятельности образованнѣйшихъ и лучшихъ изъ нашихъ дворянъ. Дѣло слѣтія сословій въ одно органическое цѣлое, въ одну націю, началось 19 февраля 1861 г., и теперь отъ дѣятельности и правдолюбія избраннѣйшей части нашего дворянства будетъ зависѣть успѣшность этого организованья. Произойдетъ оно и само собою, безъ всякаго посторонняго пособія, но медленно и неравномѣрно; по этому-то ускорять и облегчать ходъ этого благодѣтельнаго дѣла есть доля завидная, призваніе достойное самой пламенной любви къ отечеству и къ человѣчеству.

Правительство, съ своей стороны, готово предпринять обширную операцію выкупа мірскихъ земель и полевыхъ угодій отведенныхъ или слѣдующихъ къ олову въ постоянное пользованіе крестьянъ. — По взаимному добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, крестьяне могутъ пріобрѣтать свой надѣлъ въ собственность по какой имъ угодно цѣнѣ, но если они обратятся къ содѣйствию правительства, то оно выдаетъ ссуду только слѣдующимъ образомъ:

Размѣръ выкупной ссуды опредѣляется на основаніи денежнаго оброка, назначеннаго съ крестьянъ, въ пользу помѣщика, по уставной грамотѣ, за предоставленный крестьянамъ въ постоянное пользованіе усадебный и полевой надѣлъ. Оброкъ, платимый ежегодно за пріобрѣтенную землю, капитализируется изъ шести процентовъ, т. е. помножается на $16\frac{2}{3}$. Изъ суммы, исчисленной такимъ образомъ, правительство назначаетъ въ ссуду крестьянамъ четыре пятыхъ, т. е. 80 копѣекъ на рубль, если они пріобрѣтаютъ полный по

установленной грамоты надѣлъ, и только три четверти, т. е. 75 копѣекъ на рубль, если приобретаютъ надѣлъ уменьшонный. Эта доля выдается помѣщику частью государственными пятипроцентными банковыми билетами, частью выкупнымъ свидѣтельствомъ, по которымъ тоже вылаются проценты. Впослѣдствіи эти свидѣтельства зачисляются пятипроцентными банковыми билетами. Остальная сумма, одна нятая или одна четверть вносится крестьянами въ самомъ началѣ, при заключеніи выкупной сдѣлки. — При выдачѣ помѣщику выкупной ссуды, прежде всего вычитается изъ нея долгъ кредитнымъ установленіемъ: если долгъ менѣе выкупной ссуды, то излишняя, за вычетомъ долга сумма выдается помѣщику выкупными процентными бумагами; если банковый долгъ превышаетъ выкупную сумму, но составляетъ однакоже не болѣе установленнаго нормальнаго размѣра банковыхъ ссудъ, то весь излишекъ долга переводится на землю, остающуюся, за отдѣленіемъ приобретенной крестьянами земли, въ полномъ распоряженіи помѣщика; если же банковый долгъ выше, то излишекъ долга пополняется изъ дополнительнаго плетеха крестьянъ; если же и этого будетъ не довольно, то остатокъ переводится на землю, остающуюся у помѣщика.

Но по всѣмъ вѣроятностямъ этого никогда не будетъ, и земледѣлецъ, имѣніе котораго заложено даже весьма недавно, и перезаложено, получить еще, за покрытіемъ своего долга, еще значительную сумму, потому что выкупныя суммы весьма высоки. Такъ напр. имѣніе во сто душъ въ Козельскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, заключаетъ въ себѣ земли 920 десятинъ. Положимъ, что уставная грамота назначитъ крестьянамъ неполный высшій надѣлъ въ постоянное пользованіе, не по 3 дес. 600 сажень, а только по 2 дес. 2000 саж. Тогда душевой оброкъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: за первую десятину полагается половина оброка, 5 руб., за вторую — четверть оброка, 2 р. 50 к.; за тѣмъ остальные 2 р. 50 к. раскладываются равномерно на остальную часть высшаго душевого надѣла, на 1 дес. 600 кв. саж., такъ что за 2000 саж. придется 1 р. $66\frac{2}{3}$ к., весь же душевой оброкъ въ этомъ имѣніи будетъ 5 р. + 2 р. 50 к. + 1 р. $66\frac{2}{3}$ к., = 9 р. $16\frac{2}{3}$ к., а со ста душъ 916 р. 67 к. При выкупѣ крестьянами всего своего надѣла въ собственность, рассчитывается, что весь надѣлъ, по 2 дес., 2000 кв. саж. на душу, или 283 дес. 800 саж. на всѣ сто душъ стоитъ, при выкупѣ 916 р. 67 к. \times $16\frac{2}{3}$, т. е. капитализируется изъ шести процентовъ. Это составитъ 15,271 р. 72 к. Такого огромнаго банковаго долга на имѣніи быть не можетъ; конечно оный, среднимъ счетомъ, не можетъ превышать 6000 р. Изъ 15,271 р. 72 к. пятую долю 3090 р. 57 к. внесутъ крестьяне при заключеніи выкупной сдѣлки; остается

12,181 р. 15 к.; изъ этой суммы удерживается правительствомъ банковый дождь 6000 р., а остальные 6181 р. 15 к. выдаются пяти-процентными бумагами землевладѣльцу. У него такимъ образомъ остается очищенная отъ долга земля $636\frac{2}{3}$ десятинъ, и казначай въ 6000 р., на заведеніе земледѣльческихъ орудій и на первые расходы, необходимыя для рациональнаго сельскаго хозяйства, если онъ хочетъ самъ заняться земледѣліемъ; а если онъ считаетъ удобнѣйшимъ отдать свою землю въ наемъ тѣмъ же крестьянамъ, бывшимъ крѣпостнымъ, то онъ получитъ слѣдующія выгоды: 1) съ процентныхъ бумагъ 300 рублей; 2) не платитъ трехсотъ рублей въ банкъ; 3) за наемъ земли 636 десятинъ, 2058 р., считая наемную за землю плату въ томъ же самомъ отношеніи, какъ оброкъ находится къ землѣ, отведенной крестьянамъ въ пользованіе, и того 2658 р. Безъ всякаго сомнѣнія, рационально веленное сельское хозяйство самимъ землевладѣльцемъ принесетъ несравненно большія выгоды, потому что, при крестьянскомъ надѣлѣ въ 2 дес. 2000 кв. саж. на душу окажется много свободныхъ рукъ и наемъ ихъ по добровольному соглашенію съ землевладѣльцемъ будетъ весьма выгоденъ.

Полученныя помѣщикамъ 12,181 р. правительство потомъ взыскиваетъ съ крестьянъ, именно по шести процентовъ, считая въ томъ числѣ и погашеніе долга, вирожденіе сорокадеяти лѣтъ со дня выдачи есуды; приходится по 730 р. 86 к. въ годъ, или по 7 р. 30 к. съ души, и такимъ образомъ сельское общество незамѣтно пріобрѣтеть себѣ въ полную собственность полевые угодья.

Въ положеніяхъ постановлены еще особенныя правила о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Ставропольской губерніи, въ Сибири, въ Бессарабіи, въ Малороссіи, въ Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерніяхъ, въ Кіевской, Подольской и Волынской губерціяхъ; объ устройствѣ крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, о людяхъ, приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ, о крестьянахъ и дворовыхъ въ землѣ войска Донскаго, объ устройствѣ дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній, объ отчужденіи и арендѣ помѣщичьихъ имѣній.

Мы упомянемъ здѣсь только объ устройствѣ дворовыхъ людей, какъ о предметѣ болѣе общинтересномъ. Дворовые люди получили всѣ права личныя, семейственныя и по имуществу, предоставленныя крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости. Поэтому дворовые люди обоюго пола могутъ вступать въ бракъ, не испрашивая разрѣшенія бывшаго своего владѣльца, но владѣлецъ не обязанъ давать содержаніе и помѣщеніе женѣ и дѣтямъ дво-

ваго, вступающаго въ бракъ безъ его согласія. До 19 февраля 1863 года дворовые люди обязаны платить своимъ владѣльцамъ оброкъ или служить имъ, оставаясь въ полномъ, на основаніи законовъ, повиновеніи владѣльцевъ. Дворовые люди, при обнаруженіи положеній состоящихъ на оброкъ или проживающихъ на сторонѣ, по паспортамъ, не могутъ быть требуемы владѣльцемъ на обязательную работу и службу, и платимый ими владѣльцамъ оброкъ не можетъ быть увеличенъ свыше того, который платился ими до утвержденія положенія. Вообще оброкъ, взимаемый владѣльцемъ, ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать *тридцати* рублей въ годъ съ взрослого мужчины и *десяти* рублей съ дворовой женщины. Дворовые люди, во все время обязательной ихъ службы, т. е. до 19 февраля 1863 года, проживающіе въ имѣніи или въ домѣ владѣльца, въ случаѣ буйства, нерадѣнія, неповиновенія или развратнаго поведенія отсылаются владѣльцемъ, для наказанія, въ городскую или земскую полицію, при письменномъ требованіи, въ коемъ должна быть объяснена вина двороваго человѣка. Полиція подвергаетъ сего послѣдняго взысканію, по мѣрѣ вины и въ предѣлахъ предоставленной ей власти. Въ случаѣ притѣсненія со стороны владѣльцевъ, дворовые люди могутъ обращаться съ жалобами къ мировому посреднику. Для разбора такихъ жалобъ въ обѣихъ столицахъ, назначаются до 19 февраля 1863 г. особые мировые посредники. Въ случаѣ важныхъ злоупотребленій въ обращеніи владѣльца съ дворовыми людьми, приговоромъ мирового посредника или уѣзднаго предводителя, утвержденнымъ губернскимъ присутствіемъ, они освобождаются отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцу и до 19 февраля 1863 г. Исправный платежъ податей и денежныхъ повинностей за дворовыхъ людей, до прекращенія ихъ обязательныхъ отношеній, лежитъ на владѣльцахъ. Послѣ 19 февраля 1863 года дворовые люди увольняются на всегда отъ всякихъ обязанностей ихъ къ владѣльцамъ; съ этого дня всѣ отношенія между ними могутъ быть опредѣляемы не иначе, какъ добровольными условіями. Тогда дворовые люди принимаютъ на свое попеченіе малолѣтнихъ дѣтей, мужа своихъ жонъ, а совершеннолѣтніе дѣти берутъ на свое попеченіе своихъ родителей, если послѣдніе неспособны добывать себѣ пропитаніе. Затѣмъ дворовые могутъ приписываться къ городскимъ и сельскимъ обществамъ всѣхъ вѣдомствъ, на основаніи существующихъ правилъ.

Крестьяне, чувствуя глубочайшую благодарность къ Тому, Кто далъ имъ гражданскую жизнь, говорятъ, что сразу не обнять этого благодѣянія, точно изъ потемокъ выйдешь въ свѣтлую горницу, на солнышко, не вдругъ привыкнешь къ свѣту, не вдругъ опознаешь

ся. Вмѣстѣ съ ними тоже самое можетъ сказать и вся Россія : въ
возможности теперь исчислить всѣхъ благотѣльныхъ послѣдствій
совершившейся реформы; никто не въ силахъ сказать, какъ глубоко
и плодотворно отзовется въ нашей жизни, въ нашемъ бытѣ, во
всемъ нашемъ организмѣ гражданскомъ великое слово, сказанное
19 февраля 1861 года : да будетъ свѣтъ! — И бысть свѣтъ.

СТАРЫЙ ДОМЪ

I

Въ глуши степей стоитъ старинный домъ, —
Боярскій домъ, какъ призракъ величавый!
Заглохнулъ дворъ; все пусто; лишь кругомъ
Шумятъ таинственно столѣтнія дубравы,
Да рыщетъ волкъ въ безмолвіи ночномъ.
Гуляетъ вѣтръ въ покояхъ обвѣтшавыхъ;
Сѣдая пыль въ когда-то пышныхъ залахъ
Теперь лежитъ... Раздолье паукамъ
Ткать сѣть для мухъ по мраморнымъ стѣнамъ!
И ужъ давно портреты и картины
Завѣшаны туманомъ паутины.

II

И нѣкогда расписанный фронтономъ
Теперь покрытъ лишъ плесенью зеленой;
Развалины остались отъ колоннъ
И кажется, какъ призракъ полусонный,
Готовъ упасть узорчатый балкономъ.
Въ глубокомъ снѣ почіетъ домъ старинный
И одичалъ огромный садъ картинно:
Верхушки липъ свободно разрослись
И какъ друзья вѣтвями обнялись,
И лишъ воронъ испуганная стая
Тревожитъ тишь, надъ домомъ пролетая.

III

А были дни, когда бокаловъ звонъ
Мѣшался съ звуками развратныхъ оргій
Т. — II. Отд. I.

Въ палатахъ тѣхъ... порой былъ слышенъ стонъ,
 Порой гостей неистовыхъ восторги.
 Сіялъ огнемъ, былъ полонъ жизни онъ —
 Приютъ бояръ, насилія, разврата,
 Ужасныхъ дѣлъ! Владѣтель жилъ богато;
 Былъ страшенъ всѣмъ, — невинности не чтить, —
 Но въ Божій храмъ молиться онъ ходилъ
 И, отслуживъ молебенъ за обѣдней,
 Онъ величаво уходилъ послѣдній.

IV

Но никогда невинности мольбы
 Его души суровой не смущали!...
 Не зналъ ни слезъ, ни съ совѣстью борьбы;
 Не довѣрялъ ни горю, ни печали
 Онъ никогда!... Скорѣе у судьбы,
 Чѣмъ у него участія было можно
 Вымалывать. Онъ говорилъ, что ложно
 Странаніе и вопль невинныхъ дѣвъ —
 Неистовъ былъ его мгновенный гнѣвъ!...
 Во гнѣвѣ томъ не вѣдалъ онъ пощады
 И не было страстямъ его преграды!...

V

Тотъ буйный вѣкъ промчался. И давно
 Стоять въ тиши роскошныя палаты.
 И только вѣтръ врываяся въ окно
 Тревожить миръ блиставшаго когда-то
 Приюта игръ... Теперь же все полно
 Вокругъ него безмолвія и тѣни...
 И я всходилъ на шаткія ступени —
 И умъ тревожилъ рой пугливыхъ сновъ:
 Мнѣ снился пиръ, — толпа вѣселыхъ рабовъ —
 И шумъ и смѣхъ... Тотъ праздникъ жизни прошлой,
 Который мы передразнили пошло!...

VI

Вставалъ тотъ вѣкъ! Какъ грозный призракъ росъ!
 Вокругъ пестрѣли шитые кафтаны

И женщины, прекраснѣй пышныхъ розъ...
 Роброны, мушки, пудра и румяны —
 Все пестрымъ своимъ передо мной неслось!...
 И стало жаль мнѣ буйные тѣ годы —
 Года пировъ, подкрашенной природы...
 Да, стало жаль мнѣ тѣхъ безпутныхъ дней,
 Столь полныхъ силъ и пламенныхъ страстей!...
 Мнѣ было жаль, — а вокругъ вставали тѣни
 Былыхъ сыновъ развратныхъ поколѣній.

VII

И я вступилъ въ забытый старый домъ
 Съ невольнымъ страхомъ ; раздавался звонок
 Въ пустынныхъ залахъ шагъ мой ; а кругомъ
 Валялись статуи пыльные обломки ;
 Да полъ скрипѣлъ... и солнечнымъ лучомъ
 Освѣщены, еще страшнѣе были
 Нѣмыя стѣны... Въ нихъ казалось жили
 Преданія о вопляхъ и слезахъ,
 Насильѣ жертвъ, о буйствѣ и ширяхъ...
 Какъ туча тамъ нависъ плафонъ туманный,
 Весь въ плесени причудливой и странной.

VIII

Я видѣлъ тамъ висѣли по стѣнамъ :
 Рога, мечи, заржавленные латы,
 Въ которыхъ предокъ мчался по полямъ,
 Грозой войны и злобою объятый.
 Я много лицъ знакомыхъ видѣлъ тамъ...
 Висѣли въ рядъ угрюмые портреты :
 И гордый князь, весь въ золото одѣтый,
 И дѣлъ его съ сѣдою бородой
 Въ высокой шапкѣ, мрачный и сѣдой,
 И дамы въ мушкахъ, фижмахъ и румянахъ,
 И бабки ихъ въ богатыхъ сарафанахъ.

IX

Не знаю гдѣ-то мнѣ пришлось читать,
 Что есть дома, на конхъ преступленья

Оставили кровавую печать!...
 То вѣрно бредъ больной воображенья —
 Я прежде думалъ. Глупо такъ мечтать!...
 Но чтожь? когда по комнатамъ пустыннымъ,
 По пыльнымъ заламъ, корридорамъ длиннымъ, —
 Бродилъ я долго, грустный — чей-то стонъ
 Меня слѣдилъ, какъ неотвязный сонъ!...
 И мнилось мнѣ: — вдругъ жертвы призракъ встанеть
 И на меня очами дико взглянетъ.

X

Съ тѣхъ поръ, когда я посѣтилъ тотъ домъ
 Минуло много, много лѣтъ!... Но живо
 Я помню комнату съ однимъ окномъ,
 Гдѣ выводилъ работникъ терпѣливый —
 Паукъ — узоры хитрые на немъ...
 Въ углу кровать съ безвкусною рѣзбою,
 Покрытая безцвѣтною парчею
 Стояла; дальше столъ... надъ нимъ портретъ
 Висѣлъ... какъ дни безоблачнаго свѣтъ
 Она была прекрасна... Станъ небрежно
 Былъ обвить кисеєю бѣлосвѣжной...

XI

Вкругъ виляя плющъ. На черныхъ волосахъ
 Сіяли розы вмѣстѣ съ жемчугами
 И нѣжная улыбка на устахъ...
 Горѣли очи яркими звѣздами.
 Нѣтъ, никогда въ причудливыхъ мечтахъ
 Подобный ликъ поэту не являлся!
 И я глядѣлъ и грустно наслаждался!...
 И думалъ я: кто въ тишинѣ ночей,
 Кто ликовалъ и наслаждался съ ней?...
 Предъ кѣмъ ея одежды ниспадали?
 Кого уста пурпурныя лобзали?...

XII

Мы тихо шли съ старушкою сѣдой
 Все дальше, дальше по безмолвнымъ заламъ...

Старушка та дрожала надъ клюкой
И бормотала повѣсть о бываломъ...
И полонъ былъ ея рассказъ простой
И слезъ и грусти... Оживали лица
Минувшихъ дней. И страшная страница
Распутныхъ дѣлъ раскрылась предо мной...
Пахнуло вновь завѣтной стариной...
И я внимала рассказъ тотъ безъискусный
И стало мнѣ невыносимо грустно !...

К. БАВИКОВЪ

О РУКОПИСЯХЪ ГОГОЛЯ

ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ ЛИЦЕЮ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

Послѣ смерти Н. Я Прокоповича, остались нѣкоторыя рукописи Гоголя, подаренныя ему самимъ авторомъ. Прокоповичъ, какъ извѣстно, былъ школьнымъ товарищемъ и лучшимъ другомъ Гоголя, а также издателемъ перваго собранія его сочиненій (въ 4-хъ томахъ). Въ 1858 году эти рукописи были приобрѣтены у семейства покойнаго Прокоповича графомъ Г. А. Куселевымъ-Безбородко за 1200 руб. сереб., и принесены имъ въ даръ лицу князя Безбородко, какъ заведенію, воспитавшему знаменитаго автора «Мертвыхъ Душъ». Съ этими-то рукописями хочу я познакомить русскую читающую публику.

Всѣхъ рукописей семь, именно: 1) перваго тома «Мертвыхъ Душъ», 2) «Тараса Бульбы», 3) «Портрета», 4) «Игроковъ», 5) «Тяжбы», 6) «Лакейской» и 7) «Театральнаго развѣзда». Къ нимъ же можно причислить и письма Гоголя къ Прокоповичу, приобрѣтенныя вмѣстѣ съ рукописями и также хранящіяся въ лицейской библиотекѣ. Всѣ эти рукописи, одинаково дорогія, какъ автографы великаго писателя, далеко не одинаково интересны въ библиографическомъ отношеніи. По внимательномъ сличеніи рукописей съ печатнымъ оказалось, что рукописи «Тараса Бульбы», «Портрета» (обѣ второй редакціи), «Игроковъ», «Тяжбы» и «Театральнаго развѣзда» — суть оригиналы пізѣзъ того же имени, напечатанныхъ въ первый разъ въ 1842 году, въ «Сочиненіяхъ Гоголя», безъ *малѣйшаго измѣненія*, тогда какъ рукописи «Мертвыхъ Душъ» и «Лакейской» представляютъ много такого, чего нѣтъ въ печатномъ. Слѣдовательно всѣ первыя пять рукописей не представляютъ ничего новаго и интереснаго и распространяться о нихъ нечего. Скажу только, что всѣ они переписаны на-бѣло рукою самаго Гоголя въ теченіи 1842 года, частью въ Москвѣ, частью за границей

(первая двѣ на обыкновенной бумагѣ, сложенной въ четверку, довольно разгонистымъ почеркомъ, а остальные три — на почтовой бумагѣ въ осмыушку, и почеркомъ болѣе убористымъ), и доставлены авторомъ Прокоповичу въ томъ же году, для напечатанія въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя.

Перехожу къ рукописи «Мертвыхъ Душъ». Это не черневая тетрадь, какою она можетъ показаться съ перваго взгляда. Напротивъ, поэма весьма тщательно переписана самимъ авторомъ на почтовой бумагѣ въ большую четверку мелкимъ, убористымъ почеркомъ, и уже послѣ испещрена множествомъ разновременныхъ поправокъ, что можно заключить изъ того, что онѣ сдѣланы чернилами разныхъ цвѣтовъ, а иногда и карандашомъ. Видно, что Гоголь готовилъ эту рукопись для печати, и былъ до времени доволенъ своею работою; но окончивъ переписыванье, по обыкновенью сталъ находить новые недостатки въ слогѣ и изложеніи, требовавшіе исправленія: кое-что вычеркнулъ, кое-что замѣнилъ другимъ, и такимъ образомъ мало-по-малу тетрадь изъ перебѣленной стала черневой, и потребовала новой переписки.

Въ первыхъ трехъ главахъ исправленія и поправки незначительны; но начиная съ четвертой главы, онѣ попадаются довольно часто. Самые значительныя отступленія отъ печатнаго заключаются въ главахъ четвертой, шестой и десятой, и касаются 1) личности Ноздрева, 2) дома, двора и сада Плюшкина и 3) «Повѣсти о капитанѣ Кошеикинѣ».

ГЛАВА IV

Главнѣйшіе варианты этой главы, какъ я уже сказалъ выше, касаются личности Ноздрева. Такъ напримѣръ при описаніи особенностей его характера, въ рукописи есть нѣсколько подробностей, пропущенныхъ въ печатномъ изданіи «Мертвыхъ Душъ»; именно, мѣсто словъ: «разстроивалъ свадьбу, торговую сдѣлку» (см. «Сочиненія и Письма Гоголя», изд. Кулиша, т. IV, стр. 70) въ рукописи стоить:

«Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ, надѣлывши обыкновенно его какою-нибудь такою небылицею, что просто уши вянуть. Но такъ какъ изстари замѣчено, что чѣмъ глуше и целѣпѣе дичь, тѣмъ болѣе на нее бываетъ стрѣлковъ, то подобная небылица всегда имѣла успѣхъ. Если онъ узнавалъ, что пріятель его женится, то за день до свадьбы успѣвалъ родственникамъ невѣсты наболтать про жениха столько про его

несообразности и разныя небывалыя связи, что тѣ захопывали лверь подъ носомъ изумленнаго искателя, никакъ не могшаго попятъ причины такой внезапной перемены. Если же узнавалъ, что пріятель его готовъ совершить выгодную покупку, то являлся какъ снѣгъ на голову, набавлялъ цѣну, самъ не покупалъ и разстроивалъ дѣло. И это вовсе не происходило отъ того, чтобы онъ былъ какой-нибудь демонъ и смотрѣлъ на все черными глазами. Ни чуть не бывало! Онъ смотрѣлъ на міръ довольно веселыми глазами, и слѣланная имъ пакость никакъ не доставляла ему радости, но просто было что-то необходимое, какъ хлѣбъ, безъ котораго нельзя жить.»

Затѣмъ черезъ нѣсколько строкъ, послѣ словъ: «Вѣдь ты такой поллецъ, никогда ко мнѣ не заѣдешь!» въ рукописи находится слѣдующая вставка:

«Въ поступкахъ его (Ноздрева) много было завоевательнаго. Начнетъ склонять такъ настойчиво, что наконецъ самъ не зная какимъ образомъ согласишься на его просьбу. И не только люди въ существѣ слабые, похожіе характеромъ на бѣлокураго его зятя, но даже коротко знавшіе его, называвшіе его армейскимъ, но удовлетворительнымъ словомъ: чернякъ, упорно отвергавшіе всѣ его просьбы, эти же самые черезъ нѣсколько минутъ сядились вновь играть съ нимъ и потомъ черезъ нѣсколько минутъ, само собою разумѣется, опять угощали его сапогами.»

Это два болѣе значительные и интересные варианты четвертой главы. Остальныя мѣста этой главы, пропущенныя или измѣненныя въ печатномъ изданіи поэмы, или весьма незначительны, или просто касаются слога и потому я не счелъ нужнымъ печатать ихъ здѣсь.

ГЛАВА VI

Въ этой главѣ вариантовъ гораздо болѣе, чѣмъ въ четвертой. Всѣ они касаются сада, двора и дома Плюшкина. Попадаютъ цѣлыя листы и страницы, зачеркнутые и передѣланные заново, цѣлыя картины, пропущенныя въ печатномъ изданіи. Помѣщаю здѣсь три болѣе важныя варианта шестой главы. Они особенно интересны тѣмъ, что знакомятъ насъ, такъ сказать наглядно съ самымъ процессомъ творчества Гоголя; показываютъ, какъ много разъ принимался онъ исправлять и передѣлывать свою знаменитую поэму, пока рѣшился выпустить ее въ свѣтъ и наконецъ, чѣмъ именно онъ оставался нѣкоторое время доволенъ, а потомъ исправлялъ или вовсе исключалъ.

Вотъ эти три варианта изъ шестой главы:

1) Въ известномъ описаніи сада Плюшкина, мѣсто начинающееся словами: «Мѣстами расходились зеленыя чаши...» и кончающееся: «...подымали огромныя воронья гвѣзда на трепетныя свои вершины» (см. «Сочиненія и Письма Гоголя», т. IV, стр. 113), въ рукописи читается такъ:

«Тамъ, гдѣ расходились зелено-облачныя массы, двухъ-сотъ-лѣтнія липы выказывали свои сѣдые, искривленные, въ обхватъ тремъ человѣкамъ, дуплистыя стволы, и не освѣщенная солнцемъ, видѣлась промежъ нихъ дорожка, заросшая зеленою, и по ней краснѣли изрѣдка красноватыя, почти красныя пятна, свидѣтельствовавшія, что она когда-то была убита вся мелкимъ кирпичомъ или усыпана пескомъ. Съ обѣихъ сторонъ ея вытыкались густой щетиною сѣдые, изсохшіе вѣроятно отъ страшной глушины, сучья кустарниковъ; вѣтвь клена протягивала откуда-нибудь съ боку, изъ-за пней свои тонкіе, распластанныя листы, подобныя лапамъ, в солнце, проскользнувши Богъ вѣсть откуда и забравшись подъ какой-нибудь листь, превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ другихъ концахъ сада выглядывали изъ зелени деревъ гдѣ деревянная крышка какой-нибудь старенькой бѣсѣдки, гдѣ полуобрушенныя перила почернѣвшаго мостика; нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ, подымали огромныя воронья гвѣзда.»

2) Въ описаніи двора Плюшкина (см. тамъ же, стр. 114) въ рукописи есть нѣсколько подробностей, пропущенныхъ въ печати. Вотъ они:

«Сдѣлавъ еще одинъ поворотъ въ переулочъ, гдѣ видны какія-то длинныя хозяйственныя строения, фабрики или запасныя магазины, герой нашъ очутился въ широкой улицѣ, въ концѣ которой предсталъ прямо въ лицо ему уже описанный господскій домъ. Казалось, по мѣрѣ приближенія къ нему онъ становился еще печальнѣе. Деревянная, рѣшотчатая ограда, окружавшая дворъ, потемнѣла совершенно. Время, какъ-будто видя, что никто не старался выкрасить и поновить ее, покрыло ее во многихъ мѣстахъ зеленою, плесенью, которою любятъ покрывать старое дерево. Дворъ былъ наполненъ множествомъ амбаровъ и кладовыхъ, флигелями для кухни, для людскихъ, для бани, для погребовъ. Подъ бокомъ находился другой дворъ, куда вели особыя ворота, и который, казалось, назначенъ служить рабочимъ дворомъ. Все показывало, что здѣсь когда-то тепло хозяйство въ обширномъ размѣрѣ, но все отзывалось теперь чѣмъ-то заглохлымъ. Трава и дикій бурьянъ росли по широкому двору и вмѣсто когда-то бывшихъ прочищенныхъ и обдѣланныхъ

дорогъ, приводившихъ въ сообщеніе всѣхъ строеній, видны были другія узенькія, протоптанныя ногами пѣшеходовъ. Въ срединѣ двора вѣрно былъ когда-то цвѣтникъ, или круглый палисадникъ, потому что мѣстами еще торчали низенькіе столбики маленькой деревянной рѣшотки, обносившей его овальную окружность, да два-три изувѣченные кустарника, еще не вовсе съѣденные скотомъ. Всѣ строенія глядѣли какъ-то необыкновенно пасмурно. Нигдѣ не видно было отворявшихся дверей, что оживляетъ картину, ни выходявшихъ людей, ни живыхъ хлопотъ и заботъ дома. Ворота одни были только растворены, и то потому, что въѣзжала телега съ грузомъ, покрытымъ рогожею; въ другое время они запирались наглухо, ибо висѣлъ огромный желѣзный замокъ. Возлѣ одного изъ хозяйственныхъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ...» и т. д., какъ въ печатномъ.

3) Въ описаніи кабинета и другихъ комнатъ Плюшкина, въ рукописи также есть нѣсколько подробностей, или замѣненныхъ другими, или вовсе опущенныхъ въ печати; именно мѣсто, начинающееся въ печатномъ изданіи такъ:

«Изъ сѣней онъ (Чичиковъ) попалъ въ комнату...» и оканчивающееся словами: ... «... кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки» (см. тамъ же, стр. 115), въ рукописи замѣнено нижеслѣдующимъ:

«Свѣтъ проходилъ узенькой, тонкой струею сквозь ставни, закрывавшія окна, и едва давалъ замѣтить наваленныя кучи какого-то хлама. Изъ сѣней прошолъ онъ въ узенькую переднюю, въ которой ставни были тоже закрыты, и она освѣщалась нѣсколько свѣтомъ, выходящимъ изъ подъ дверей другой комнаты, внизу которыхъ оставалось большое отверстіе. Отворивъ эту дверь, онъ очутился наконецъ въ овѣтлой комнатѣ, которая однакоже его нѣсколько поразила. Ему на нѣсколько минутъ показалось, что онъ пришелъ на аукціонъ или въ магазинъ какихъ нибудь старинныхъ вещей и мебели, всегда странно поражающихъ взоры своею темною наружностью и темнымъ безпорядкомъ, среди свѣтлыхъ, сіяющихъ чистотою и убранствомъ магазиновъ. Все было въ ней скорѣе нагромождено чѣмъ разставлено. Казалось будто въ домѣ происходила или мытье половъ, или уборка комнатъ, и сюда снесли на время, какъ ни попало, всѣ мебели. У стѣны стоялъ столъ, передъ нимъ другой; на томъ и на другомъ часы, съ остановившимся маятникомъ, къ которому пауки приладили уже свои паутины. Противъ дверей было бюро темнаго дерева, выложенное перламутровою мозаикой, которая мѣстами выпала, и въ замѣну ея желтѣли узенькіе желобки, наполненные клеємъ. На бюро лежало нѣсколько узенькихъ записочекъ и всякихъ бумажныхъ лоскутковъ, покрытыхъ пожелтѣлымъ

мешинный прессомъ съ такимъ же ящикомъ, колокольчикъ съ отломленной ручкой и щетки; къ самому бюро придвинутъ былъ шкафъ, въ которомъ за стѣнами были видны потемнѣвшіе серебряные стаканы, старинные бокалы и подвосы, хрустальные графинчики, связки книгъ-то бумагъ, облитыхъ кофеемъ, китайскія фарфоровыя чашки, отломленная ручка кресель, молитвенникъ и лимонъ, высохшій до такой степени, что казался похожимъ болѣе на лѣсной орѣхъ, чѣмъ на лимонъ. На окнѣ, котораго половина была заставлена этимъ шкафомъ, валялось вѣскольکو книгъ въ старомъ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, и календарь въ бумажной оберткѣ, похожій вѣтъ обои, которыми обклеивается на станціяхъ перегорожка, назначенная для скрытія жены станціоннаго смотрителя отъ вооруженныхъ проѣзжающихъ, Тутъ же на окнѣ стояла рюмка...» и т. д., какъ въ печатномъ.

ГЛАВА X

Главный вариантъ этой главы — «Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ». Независимо отъ значительныхъ измѣненій противъ рукописи, въ слогъ и изложеніи, печатный рассказъ о Копейкинѣ въ особенности отличается отъ рукописнаго своимъ тономъ; именно, тонъ рукописнаго рассказа гораздо серьезнѣе, приключеніе представлено болѣе въ драматическомъ видѣ и потому производитъ на читателя впечатлѣніе болѣе полное. Причина, заставившая Гоголя смягчить свой рассказъ для печати — понятна. О ней подробно говорится въ письмахъ Гоголя къ Прокоповичу отъ 9-го и 15-го апрѣля и 11-го мая 1842 года изъ Москвы, гдѣ онъ жилъ въ это время, озабоченный изданіемъ «Мертвыхъ Душъ» (*). Кромѣ того, рукопись заключаетъ въ себѣ окончаніе рассказа, прерваннаго въ печати на словахъ: «... появилась шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой...»

Не помѣщаю здѣсь ни вариантовъ, ни окончанія рассказа, потому что вся «Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ», *въ первоначальномъ видѣ*, уже напечатана въ приложеніи къ четвертому тому «Сочиненій и писемъ Гоголя» (стр. 548—554), по доставленному мною списку, о чемъ г. Кулишъ вѣроятно забылъ упомянуть.

Вотъ главнѣйшіе варианты перваго тома «Мертвыхъ Душъ».

(*) См. статью мою: «Николай Яковлевичъ Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю» («Современникъ», 1858, Т. 67, № 2, Отд. I, стр. 284.).

Рукопись «Лакейской» состоитъ изъ отдѣльныхъ полулистовъ, сложенныхъ въ четверту, частью написанныхъ вновь, частью взятыхъ изъ старой рукописи. Первые семь выходовъ написаны или переписаны Гоголемъ вновь, остальные же за тѣми сцены вырваны изъ какой-то другой, намъ вовсе неизвѣстной рукописной комедіи, вѣроятно истребленной авторомъ. Судя по зачеркнутымъ мѣстамъ второй половины рукописи, иногда составляющимъ цѣлыя сцены, съ новыми дѣйствующими лицами, можно безошибочно заключить, что первообразъ «Лакейской» былъ гораздо значительнѣе по объему, чѣмъ тотъ, который мы знаемъ; тѣмъ болѣе, что здѣсь являются новыя лица: *Петрушевичъ*, *Шрейдеръ*, *Каплуновъ* и *Закатинъ*, о которыхъ даже не упоминается въ печатномъ отрывкѣ.

Вотъ, на примѣръ, сцена между Каплуновымъ и Шрейдеромъ, предшествующая VIII выходу, то есть появленію на сценѣ Аннушки, горничной дѣвушки изъ другого дома:

КАПЛУНОВЪ

«Еще и вина! а водки не хочешь! Одинъ дьяволъ вино и водка: вѣдь все также пьяно. Пойдемъ.

ШРЕЙДЕРЪ

«Нѣтъ, я въ нѣмецка театръ пойду.

КАПЛУНОВЪ

«Охота въ театръ! (*Въ сторону.*) Вотъ ужъ нѣмецкая цигарка! И вретъ расподлецъ! — и не думаетъ быть въ театрѣ, скряжничаетъ проклятая нѣмчура, боится проиграть алтына. И еще въ театръ! На свой щетъ не выпьетъ пива, нѣмецкая скотина! Когда нибудь, ей Богу, поколочу его на всѣ бока. (*Въ слухъ.*) Это что за зеркало? (*Схватываетъ со стола зеркало.*)

ЛАВРЕНТІЙ (*)

«Перестаньте! Чего вы пришли? — Вѣдь барина нѣтъ. Что вамъ здѣсь дѣлать? (*Слышенъ стукъ въ боковыя двери.*) А вотъ и баринъ теперь увидать.

(Шрейдеръ и Каплуновъ убѣгаютъ)

(*) Дальше въ рукописи имя — Лаврентій вездѣ зачеркнуто, а вмѣсто его написано — Дворецкій.

Остаются **Петрушевичъ**, погруженный въ задумчивость, **Лаврентій** и **Аннушка**.

ДВОРЕЦКІЙ

«А, Анна Гавриловна...» и т. д., какъ въ печатномъ. Далѣе, послѣ словъ Дворецкаго: «Ужъ Агафья Ивановна только и говоритъ, что объ васъ», въ старой рукописи находится слѣдующая вставка:

ЗАКАТИЩЕВЪ (вбѣгаетъ)

«Что, Иванъ Петровичъ дома?»

ЛАВРЕНТІЙ

«Никакъ нѣтъ.

ЗАКАТИЩЕВЪ (про себя)

«Жаль! Еслибъ не заговорился такъ долго съ этимъ степнякомъ, а бы его засталъ. Однакожъ я даромъ ему не скажу объ этомъ сюрпризѣ, который готовитъ ему родной братецъ. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, извольте пожаловать мнѣ непременно награду. Я ужъ черезъ чуръ усердно вамъ служу, доставляю запрещенный товаръ. Нѣтъ, тысячки четыре вы должны мнѣ пожаловать. Эхъ, куплю славныхъ рысаковъ! Только и рѣчей будетъ по городу, что про лошаденку Закатищева. Хотѣлось бы и колясценку, только ужъ зеленого цвѣта никакъ не хочу. Куда же уѣхалъ Иванъ Петровичъ?»

ЛАВРЕНТІЙ

«Они уѣхали къ Марьѣ Петровнѣ.

ЗАКАТИЩЕВЪ (увидавъ Аннушку, кланяется)

«Здравствуйте, сударыня. Охъ, какіе воровскіе глаза!»

АННУШКА

«Есть на кого заглядѣться.

ЗАКАТИЩЕВЪ (уходя)

«Лжешь, плутовка! — влюблена въ меня! Признайся — по уши влюблена? А, покраснѣла! (Уходитъ.)

АННУШКА

«Право, чѣмъ кто больше уродъ, тѣмъ болѣе воображаетъ, что въ него всѣ влюбляются. Если у насъ на балѣ будетъ такая сволочь, то я...

ЛАВРЕНТІЙ

«Нѣтъ, Анна Гавриловна...» и т. д., какъ въ печатномъ.

Пьеса по старой рукописи заключается такъ :

(«*Аннушка идетъ. Лаврентій за нею, но увидя Петрушевича въ задумчивости, останавливается.*»)

ЛАВРЕНТІЙ

«Ахъ, Григорій Савичъ! — я васъ чуть было не заперъ. Извините! — у насъ уже давно обѣдать пора.

ПЕТРУШЕВИЧЪ (выходя изъ задумчивости)

«Боже мой, Боже мой! И такъ — вотъ что!.. Служилъ, служилъ — и чтожъ выслужилъ? Хи! (*Съ юрькою улыбкою.*) Тутъ что-то говорили объ балъ. Какой для меня балъ! Сегодня еще сговорились было мы идти къ Андрею Ивановичу на бостончикъ. Нѣтъ. Не пойду. Что мнѣ теперь бостонъ! Я самъ не знаю, что я буду, куда пойду. Что скажетъ моя Марья Григорьевна?»

(«*Выходитъ медленно и машинально. Занавѣсъ опускается.*»)

Для заключенія своей статьи, скажу нѣсколько словъ о письмахъ Гоголя къ Прокоповичу. Тѣхъ писемъ 33. Они обнимаютъ періодъ времени безъ малаго въ *девятнадцать лѣтъ* (съ 8-го іюля 1832 по 29-е марта 1851 года), писаны мелкимъ почеркомъ на бумагѣ разнаго достоинства и всевозможныхъ цвѣтовъ и форматомъ, начиная съ обыкновеннаго почтоваго листа и кончая клочкомъ сѣрой бумаги. Многія изъ нихъ сильно пострадали.

Письма эти напечатаны мною въ № 1-мъ «Русскаго Слова» на 1859 годъ (отд. 1, стр. 83—136); но нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны тамъ не вполне, или съ опечатками.

Вотъ все, что я нашолъ новаго и интереснаго въ рукописяхъ Гоголя принадлежащихъ нынѣ Лиццо князя Безбородко.

Н. ГЕРБЕЛЬ

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕУДАВШАГОСЯ ЛИТЕРАТОРА

РОМАНЪ

(посвящается М. М. Достоевскому)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА I

Вхвать было недалеко : къ Торговому мосту. Первую минуту мы молчали. Я все думалъ : какъ-то онъ со мной заговорить ? Мнѣ казалось , что онъ будетъ меня пробовать , ощупывать , выпытывать. Но онъ заговорилъ безъ всякихъ изворотовъ и прямо приступилъ къ дѣлу :

— Меня чрезвычайно заботить теперь одно обстоятельство, Иванъ Петровичъ, началъ онъ, — о которомъ я хочу прежде всего переговорить съ вами и попросить у васъ совѣта : я уже давно рѣшилъ отказаться отъ выиграннаго мною процесса и уступить спорныхъ десять тысячъ Ихменеву. Какъ поступить ?

Не можетъ быть, чтобъ ты не зналъ какъ поступить, — промелькнуло у меня въ мысляхъ. Ужь не на-смѣхъ ли ты меня подымаешь ?

— Не знаю, князь, отвѣчалъ я какъ можно простодушнѣе ; — въ чемъ другомъ , то есть что касается Натальи Николаевны , я готовъ сообщить вамъ необходимыя для васъ и для всѣхъ насъ свѣденія , но въ этомъ дѣлѣ вы конечно знаете больше моего.

— Нѣтъ, вѣтъ, конечно меньше. Вы съ ними знакомы, и можетъ быть даже сама Наталья Николаевна вамъ не разъ переда-

вала свои мысли на этот счет; а это для меня главное руководство. Вы можете мнѣ много помочь; дѣло же крайне-затруднительное. Я готовъ уступить и даже непремѣнно положили уступить, какъ бы ни кончились всѣ прочія дѣла; — вы понимаете? но какъ, въ какомъ видѣ сдѣлать эту уступку, вотъ въ чемъ вопросъ? Старикъ гордъ, упрямъ; пожалуй меня же обидитъ за мое же добродушіе и швырнетъ мнѣ эти деньги назадъ...

— Но позвольте, вы какъ считаете эти деньги: своими или его?

— Процессъ выигранъ мною, слѣдственно моими.

— Но по совѣсти?

— Разумѣтся считаю моими, отвѣчалъ онъ, нѣсколько пикированный моею безцеремонностью; — впрочемъ вы, кажется, не знаете всей сущности этого дѣла. Я не виню старика въ умысленномъ обманѣ, и, признаюсь вамъ, никогда не винилъ. Вольно ему было самому напустить на себя обиду. Онъ виноватъ въ недосмотрѣ, въ нерачительности о вѣрныхъ ему дѣлахъ, а по бывшему уговору нашему за нѣкоторыя изъ подобныхъ дѣлъ, онъ долженъ былъ отвѣчать. Но знаете ли вы, что даже и не въ этомъ дѣло: дѣло въ нашей ссорѣ, во взаимныхъ тогдашнихъ оскорбленіяхъ, однимъ словомъ въ обоюдномъ уязвленномъ самолюбіи. Я, можетъ быть, и вниманія не обратилъ бы тогда на эти дрянныя десять тысячъ; но вамъ, разумѣтся, извѣстно изъ-за чего и какъ началось тогда все это дѣло. Соглашаюсь, я былъ мнителенъ, я былъ, пожалуй, не правъ (то есть тогда не правъ), но я не замѣчалъ этого и въ досадѣ, оскорбленный его грубостями, не хотѣлъ упустить случая и началъ дѣло. Вамъ все это пожалуй покажется съ моей стороны не совѣмъ благороднымъ. Я не оправдываюсь; замѣчу вамъ только, что гнѣвъ и, главное, раздраженное самолюбіе — еще не есть отсутствіе благородства, а есть дѣло естественное, человѣческое и, признаюсь, повторяю вамъ, я вѣдь почти вовсе не зналъ Ихменева и совершенно вѣрилъ всѣмъ этимъ слухамъ на счетъ Алеши и его дочери, а слѣдственно могъ повѣрить и умысленной кражѣ денегъ... Но это въ сторону. Главное въ томъ: что мнѣ теперь дѣлать? Отказаться отъ денегъ, но если я тутъ же скажу что считаю и теперь свой искъ правымъ, то вѣдь это значитъ: я ихъ дарю ему. А тутъ прибавьте еще щекотливое положеніе на счетъ Натальи Николаевны... Онъ непремѣнно швырнетъ мнѣ эти деньги назадъ...

— Вот видите, сами же вы говорите: *швырнуть*; следовательно считаете его человекомъ честнымъ, а поэтому и можете быть совершенно увѣрены, что онъ не красть вашихъ денегъ. А если такъ, почему бы вамъ не пойдти къ нему и не объявить прямо, что считаете свой искъ незаконнымъ? Это было бы благородно, и Ихменевъ, можетъ быть, не затруднился бы тогда взять свои деньги.

— Гм... свои деньги; вотъ въ томъ-то и дѣло: что же вы со мной-то дѣлаете? Идти и объявить ему, что считаю свой искъ незаконнымъ. Да зачѣмъ же ты искалъ, коли зналъ что ищешь незаконно, — такъ мнѣ всѣ въ глаза скажутъ. А я этого не заслужилъ, потому что искалъ законно; я нигдѣ не говорилъ и не писалъ, что онъ у меня красть; но въ его неосмотрительности, въ легкомыслии, въ неумѣннн вести дѣла и теперь увѣренъ. Эти деньги положительно моя, и потому больно взводить самому на себя поклепъ, и, наконецъ, повторяю вамъ, старикъ самъ взвелъ на себя обиду; а вы меня заставляете въ этой обидѣ у него прощенья просить, — это тяжело.

— Мнѣ кажется, если два человекъ хотятъ помириться, то...

— То это легко вы думаете?

— Да.

— Нѣтъ, иногда очень нелегко, тѣмъ болѣе...

— Тѣмъ болѣе, если съ этимъ связаны другія обстоятельства.

Вотъ въ этомъ я съ вами согласенъ, князь. Дѣло Натальи Николаевны и вашего сына должно быть разрѣшено вами во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые отъ васъ зависятъ и разрѣшено вполне удовлетворительно для Ихменевыхъ. Только тогда вы можете объясниться съ Ихменевымъ и о процессѣ, совершенно искренно. Теперь же, когда еще ничего не рѣшено, у васъ одинъ только путь: признаться въ несправедливости вашего иска и признаться открыто, а если надо такъ и публично, — вотъ мое мнѣнн; говорю вамъ прямо, потому что вы же сами спрашивали моего мнѣнн и вѣроятно не желали, чтобъ я съ вами хитрилъ. Это же даетъ мнѣ смѣлость спросить васъ: для чего вы беспокоитесь объ отдачѣ этихъ денегъ Ихменеву? Если вы считаете себя въ этомъ искѣ правымъ, то для чего отдавать? Простите мое любопытство, но это такъ связано съ другими обстоятельствами...

— А какъ вы думаете, спросилъ онъ вдругъ, какъ будто совершенно не слыжавъ моего вопроса; — увѣрены ли вы, что

старикъ Икменевъ откажется отъ десяти тысячъ, еслибъ даже вручить ему деньги безо всякихъ оговорокъ и... и... и всякихъ этихъ смягченій?

— Разумѣется откажется!

— И весь такъ и вспыхнулъ и даже вздрогнулъ отъ негодованія. Этотъ нагло-снѣпчатскій вопросъ произвелъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ будто князь мнѣ плюнулъ прямо въ глаза. Къ моему оскорбленію присоединилось и другое: грубая, великосвѣтская манера, съ которою онъ, не отвѣчая на мой вопросъ, и какъ будто не замѣтивъ его, перебилъ его другимъ, вѣроятно давая мнѣ замѣтить, что я слишкомъ улекся и зафамиллярничалъ, осмѣлившись предлагать ему такіе вопросы. Я до недавности не любилъ этого великосвѣтскаго маневра и всѣми силами еще прежде отучалъ отъ него Алешу.

— Гм... вы слишкомъ пылки, и на свѣтѣ нѣкоторыя дѣла не такъ дѣлаются какъ вы воображаете, спокойно замѣтилъ князь на мое восклицаніе. И, впрочемъ, думаю, что объ этомъ могла бы отчасти рѣшить Наталья Николаевна; вы ей передайте это. Она могла бы посовѣтовать.

— Ничуть, отвѣчалъ я грубо. — Вы не позволяли выслушать чтб я началъ вамъ говорить давеча и перебили меня. Наталья Николаевна пойметъ, что если вы возвращаете деньги не искренно и безо всякихъ этихъ, какъ вы говорите, *смягченій*, то значитъ вы платите отцу за дочь, а ей за Алешу, однимъ словомъ напряждаете деньгами...

— Гм... вотъ вы какъ меня понимаете, добрѣйшій мой Иванъ Петровичъ; князь засмѣялся. Для чего онъ засмѣялся? — А между тѣмъ, продолжалъ онъ, — вамъ еще столько, столько надо вмѣстѣ переговорить. Но теперь некогда. Прошу васъ только, поймите *одно*: дѣло касается прямо Натальи Николаевны и всей ея будущности, и все это зависитъ отчасти оттого, какъ мы съ вами это рѣшимъ и на чемъ остановимся. Вы тутъ необходимы, — вами увидите. И потому, если вы продолжаете быть привязаннымъ къ Натальѣ Николаевнѣ, то и не можете отказать отъ объясненій со мною, какъ бы мало вы ни чувствовали по мнѣ симпатіи. Но, мы пріѣхали... à bientôt.

ГЛАВА II

Графиня жила прекрасно. Комнаты были убраны комфортно и со вкусомъ, хотя вовсе не пышно. Все однакоже носило на себѣ характеръ временнаго пребыванія; это была только приличная квартира на время, а не постоянное, утвердившееся жилье богатой фамилии со всѣмъ размахомъ барства и со всѣми его прихотями, принимаемыми за необходимость. Посылся слухъ, что графиня на дѣто ѣдетъ въ свое имѣнiе (разоренное и пережажденное), въ Симбирскую губернію и что князь сопровождаетъ ее. Я уже слышалъ про это и съ тоскою подумалъ: какъ поступитъ Адеша, когда Катя уѣдетъ съ графиней? Съ Паташей я еще не заговаривалъ объ этомъ; боялся; но по нѣкоторымъ признакамъ успѣлъ замѣтить, что кажется и ей этотъ слухъ извѣстенъ. Но она молчала и страдала про себя.

Графиня приняла меня прекрасно, привѣтливо протянула мнѣ руку и подтвердила мнѣ, что давно желала меня у себя видѣть. Она сама радичала чай изъ прекраснаго серебрянаго самовара, около котораго мы и успѣли, я, князь и еще какой-то отецъ великосвѣтскій господинъ пожилыхъ лѣтъ и со звѣздой, нѣсколько цакрахмалецннй съ дипломатическими приемами. Этого гостя кажется очень уважали. Графиня, воротясь изъ-за границы, не успѣла еще въ эту зиму завести въ Петербургѣ большихъ связей и осдовать свое положеніе, какъ хотѣла и рассчитывала. Кромѣ этого гостя никого не было, и никто не являлся во весь вечеръ. Я искалъ глазами Катерину Федоровну; она была въ другой комнатѣ съ Адешей, но, услышавъ о нашемъ приѣздѣ, тотчасъ же вышла къ намъ. Князь съ любезностью поцѣловалъ у ней руку, а графиня указала ей на меня. Князь тотчасъ же насъ познакомилъ. Я съ нетерпѣливымъ вниманіемъ въ нее вглядывался: это была нѣжная блондиночка, одѣтая въ бѣлое платье, невысокаго роста, съ тихимъ и спокойнымъ выраженіемъ лица, съ совершенно голубыми глазами, какъ говоритъ Адеша, съ красотой юности и только. Я ожидалъ встрѣтить совершенство красоты, но красоты не было. Правильный, нѣжно-очерченнй овалъ лица, довольно правильныя черты, густые и дѣйствительно-прекрасныя волосы, обыденная домашняя ихъ прическа, ти-

хій пристальный взглядъ; — при встрѣчѣ съ ней гдѣ-нибудь я бы прошолъ мимо нея, не обративъ на нее никакого особеннаго вниманія; но это было только съ перваго взгляда и я успѣлъ нѣсколько лучше разглядѣть ее потомъ, въ этотъ вечеръ. Ужь одно то какъ она подала мнѣ руку, съ какимъ-то навявно-усиленнымъ вниманіемъ продолжая смотрѣть мнѣ въ глаза и не говоря мнѣ ни слова, поразило меня своею странностью, и я отчего-то невольно улыбнулся ей. Видно, я тотчасъ же почувствовалъ передъ собой существо чистое сердцемъ. Графиня пристально слѣдила за нею. Пожавъ мнѣ руку, Катя съ какою-то поспѣшностью отошла отъ меня и сѣла въ другомъ концѣ комнаты, вмѣстѣ съ Алешей. Здороваясь со мной, Алеша шепнула мнѣ: я здѣсь только на минутку, но сейчасъ *туда*.

«Дипломатъ» — не знаю его фамилии и называю его дипломатомъ, чтобъ какъ-нибудь назвать, говорилъ спокойно и величаво, развивалъ какую-то идею. Графиня внимательно его слушала. Князь одобрительно и льстиво улыбался; ораторъ часто обращался къ нему, вѣроятно цѣня въ немъ достойнаго слушателя. Мнѣ дали чаю и оставили меня въ покоѣ, чему я былъ очень радъ. Между тѣмъ я всматривался въ графиню. По первому впечатлѣнію, она мнѣ какъ-то нехотя понравилась. Можетъ быть, она была уже не молода, но мнѣ казалось, что ей не болѣе двадцати восьми лѣтъ. Лицо ея было еще свѣжо и когда-то, въ первой молодости, должно быть было очень красиво. Темнорусые волосы были еще довольно густы; взглядъ былъ чрезвычайно добрый, но какой-то вѣтренный и шаловливо-насмѣшливый. Но теперь она для чего-то видимо себя сдерживала. Въ этомъ взглядѣ выражалось тоже много ума, но болѣе всего доброты и веселости. Мнѣ показалось, что преобладающее ея качество было нѣкоторое легкомысліе, жажда наслажденій и какой-то добродушный эгоизмъ, можетъ быть даже и большой. Она была подъ началомъ у князя, который имѣлъ на нее чрезвычайное вліяніе. Я зналъ, что они были въ связи, слышалъ также, что онъ былъ ужь слишкомъ не ревнивый любовникъ во время ихъ пребыванія за границей; но мнѣ все казалось, — кажется и теперь, что ихъ связывало, кромѣ бывшихъ отношений, еще что-то другое, отчасти таинственное, что-нибудь въ родѣ взаимнаго обязательства, основаннаго на какомъ-нибудь расчетѣ... однимъ словомъ что-то такое должно было быть.

Зналъ я тоже, что князь въ настоящее время тяготился ею, а между тѣмъ отношенія ихъ не прерывались. Можетъ быть ихъ тогда особенно связывали виды на Катю, которые разумѣется въ инициативѣ своей должны были принадлежать князю. На этомъ основаніи князь и отдѣлался отъ брака съ графиней, которая этого дѣйствительно требовала, убѣдивъ ее содѣйствовать браку Алеши съ ея падчерицей, такъ по крайней мѣрѣ я заключилъ по прежнимъ простодушнымъ разговорамъ Алеши, который хоть что-нибудь да могъ же замѣтить. Мнѣ все казалось тоже, отчасти изъ тѣхъ же разговоровъ, что князь, не смотря на то, что графиня была въ его полномъ повиновеніи, имѣлъ какую-то причину бояться ее. Даже Алеша это замѣтилъ. Я узналъ потомъ, что князю очень хотѣлось выдать графиню за кого-нибудь замужъ и что отчасти съ этою цѣлью онъ и отсылалъ ее въ Симбирскую губернію, надѣясь прискаты ей приличнаго мужа въ провинціи.

Я сидѣлъ и слушалъ, не зная какъ бы мнѣ поскорѣ поговорить глазъ на глазъ съ Катериной Федоровной. Дипломатъ отвѣчалъ на какой-то вопросъ графини о современномъ положеніи дѣлъ, о начинающихся крупныхъ реформахъ и о томъ, слѣдуетъ ли ихъ бояться или нѣтъ? Онъ говорилъ много и долго, спокойно и какъ власть имѣющій. Онъ развивалъ свою идею тонко и умно, но идея была отвратительная. Онъ именно настаивалъ на томъ, что весь этотъ духъ реформъ и исправленій слишкомъ скоро принесетъ извѣстные плоды; что увидя эти плоды, возмущатся за умъ, и что не только въ обществѣ (разумѣется въ извѣстной его части) пройдетъ этотъ новый духъ, но увидятъ по опыту ошибку и тогда съ удвоенной энергіей начнутъ поддерживать старое. Что опытъ, хоть бы и печальный, будетъ очень выгоденъ, потому что научить какъ поддерживать это спасительное старое, принесетъ для этого новыя данныя: а слѣдственно даже надо желать, чтобъ теперь поскорѣ дошло до послѣдней степени неосторожности. «Безъ насъ нельзя, заключилъ онъ, безъ насъ ни одно общество еще никогда не стояло. Мы не потеряемъ, а напротивъ еще выиграемъ; мы всплывемъ, всплывемъ, и девизъ нашъ въ настоящую минуту долженъ быть: *«rige ça va, mieux ça est»*. Князь улыбнулся ему съ отвратительнымъ сочувствіемъ. Ораторъ былъ совершенно доволенъ собой. Я былъ такъ глупъ, что хотѣлъ было возражать; сердце кипѣло во мнѣ.

Но меня остановил ядовитый взгляд князя; онъ мелькомъ скользнулъ въ мою сторону, и мнѣ показалось, что князь именно ожидаетъ какой-нибудь странной и юпошеской выходки съ моей стороны; ему можетъ быть даже хотѣлось этого, чтобы насладиться тѣмъ какъ я себя скомпрометирую. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ твердо увѣренъ, что дипломатъ непременно не замѣтитъ моего возраженія, а можетъ быть даже и самаго меча. Мнѣ скверно стало сидѣть съ ними; но выручилъ Алеша.

Онъ тихонько подошелъ ко мнѣ, тронулъ меня за плечо и попросилъ на два слова. Я догадался, что онъ постомъ отъ Кати. Такъ и было. Черезъ минуту я уже сидѣлъ рядомъ съ нею. Сначала она всего меня пристально оглядѣла, какъ-будто говоря про себя: «вотъ ты какой» и въ первую минуту мы оба не находили словъ для начала разговора. Я однакожь былъ увѣренъ, что ей стоитъ только заговорить, чтобы ужъ и не останавливаться, хоть до утра. «Какіе-нибудь пять-шесть часовъ разговора» о которыхъ рассказывалъ Алеша, мелькнули у меня въ умѣ. Алеша сидѣлъ тугъ же и съ нетерпѣніемъ ждалъ какъ-то мы начнемъ.

— Чтожь вы ничего не говорите? началъ онъ съ улыбкою смотря на насъ. — Сошлись и молчать.

— Ахъ Алеша, какой ты... мы сейчасъ, отвѣчала Катя. — Намъ вѣдь такъ много надо переговорить вмѣстѣ, Иванъ Петровичъ, что не знаю съ чего и начать. Мы очень поздно знакомимся; надо бы раньше, хоть я васъ и давнымъ давно знаю. И такъ мнѣ хотѣлось васъ видѣть. Я даже думала вамъ письмо написать...

— О чемъ? спросилъ я, невольно улыбаясь.

— Мало ли о чемъ, отвѣчала она серьезно. Вотъ хоть бы о томъ, правду ли онъ рассказываетъ про Наталью Николаевну, что она не оскорбляется, когда онъ ее въ такое время оставляетъ одну? Ну можно ли такъ поступать какъ онъ? Ну, зачѣмъ ты теперь здѣсь, скажи пожалуйста?

— Ахъ, Боже мой, да я сейчасъ и поѣду. Я вѣдь сказалъ, что здѣсь только одну минутку пробуду, на васъ обонхъ посмотрю, какъ вы вмѣстѣ будете говорить, а тамъ и туда.

— Да что мы вмѣстѣ, ну вотъ и сидимъ, — видѣлъ? И все-гда-то онъ такой, прибавила она слегка краснѣя и указывая мнѣ на него пальчикомъ. — «Одну минутку, говорить, только

одну минутку», а смотришь и до полночи просидѣлъ, а тамъ ужь и поздно. «Она, говоритъ, не сердится, она добрая», вотъ онъ какъ разсуждаетъ! Ну хорошо ли это, ну благодарно ли?

— Да я пожалуй поѣду, жалобно отвѣчалъ Алеша; — толь-
ко мнѣ бы очень хотѣлось побыть съ вами..

— А что тебѣ съ нами? Намъ напротивъ надо о многомъ на-
единѣ переговорить. Да послушай, ты не сердись; это необходи-
мость, — пойми хорошенько.

— Если необходимость, то я и сейчасъ же... чего жъ тутъ
сердиться. Я только на минутку къ Левинкѣ, а тамъ тотчасъ и
къ ней. Вотъ что, Иванъ Петровичъ, продолжалъ онъ, взявъ свою
шляпу, — вы знаете, что отецъ хочетъ отказаться отъ денегъ,
которыя выигралъ по процессу съ Ихменева.

— Знаю; онъ мнѣ говорилъ.

— Какъ благородно онъ это дѣлаетъ. Вотъ Катя не вѣритъ,
что онъ дѣлаетъ благородно. Поговорите съ ней объ этомъ. Про-
щай, Катя, и пожалуйста не сомнѣвайся, что я люблю Наташу. И
зачѣмъ вы всѣ навязываете мнѣ эти условія, упрекаете меня,
слѣдите за мной, — точно я у васъ подъ надзоромъ! Она знаетъ
какъ я ее люблю, и увѣрена во мнѣ, и я увѣренъ, что она во мнѣ
увѣрена. Я люблю ее безо всего, безо всякихъ обязательствъ. Я
не знаю, какъ я ее люблю. Просто люблю. И потому нечего
меня допрашивать, какъ виноватаго. Вотъ спроси Ивана Петро-
вича, теперь ужь онъ здѣсь и подтвердитъ тебѣ, что Наташа ра-
внина и хоть очень любитъ меня, но въ любви ея много эгоизма,
потому что она ничемъ не хочетъ для меня пожертвовать.

— Какъ это? спросилъ я въ удивленіи, не вѣри ушамъ сво-
имъ.

— Что ты это, Алеша? чуть не вскрикнула Катя, всплеснувъ
своими руками.

— Ну да; чтожъ тутъ удивительнаго? Иванъ Петровичъ
знаетъ. Она все требуетъ, чтобъ я съ ней былъ. Она хоть и не
требуетъ этого, но видно, что ей этого хочется.

— И не стыдно, не стыдно это тебѣ! сказала Катя, вся за-
горѣвшись отъ гнѣва.

— Да что же стыдно-то? Какаа ты право, Катя! Я вѣдь лю-
блю ее больше, чѣмъ она думаетъ, а еслибъ она любила меня
настоящимъ образомъ, такъ какъ я ее люблю, то навѣрно по-
жертвовала бы мнѣ своимъ удовольствіемъ. Она, правда, и сама

отпускает меня, да вѣдь я вижу по лицу, что это ей тяжело, стало быть для меня все равно, что и не отпускаетъ.

— Нѣтъ, это не спроста! вскричала Катя, снова обращаясь ко мнѣ съ сверкающимъ гнѣвнымъ взглядомъ. Признавайся, Алеша, признавайся сейчасъ, это все наговорилъ тебѣ отецъ? Сегодня наговорилъ? И пожалуйста не хитри со мной: я тотчасъ узнаю! такъ или нѣтъ?

— Да, говорилъ, отвѣчалъ смущенный Алеша: — чтожь тутъ такого? Онъ говорилъ со мною сегодня такъ ласково, такъ подружески, а ее все мнѣ хвалилъ, такъ что я даже удивился: она его такъ оскорбила, а онъ ее же такъ хвалить.

— А вы, вы и повѣрили, сказалъ я: — вы, которому она отдала все, что могла отдать, и даже теперь, сегодня же все ее безпокойство было объ васъ, чтобъ вамъ не было какъ-нибудь скучно, чтобъ какъ-нибудь не лишить васъ возможности видѣться съ Катериной Федоровной! Она сама мнѣ это говорила сегодня. И вдругъ вы повѣрили этимъ фальшивымъ наговорамъ! Не стыдно ли вамъ?

— Неблагодарный! Да что, ему никогда ничего не стыдно! проговорила Катя, махнувъ на него рукой, какъ-будто на совершенно потерянного человѣка.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ! продолжалъ Алеша жалобнымъ голосомъ. — И всегда-то ты такая, Катя! Всегда ты во мнѣ одно худое подозрѣваешь... Ужь не говорю про Ивана Петровича! Вы думаете, я не люблю Наташу. Я не къ тому сказалъ, что она эгоистка. Я хотѣлъ только сказать, что она меня ужь слишкомъ любитъ, такъ что ужь изъ мѣры выходитъ, а отъ этого и мнѣ и ей тяжело. А отецъ меня никогда не проведетъ, хоть бы и хотѣлъ. Не дамъ. Онъ вовсе не говорилъ, что она эгоистка, въ дурномъ смыслѣ слова; я вѣдь понялъ. Онъ именно сказалъ точь въ точь также, какъ я теперь передалъ: что она до того ужь слишкомъ меня любитъ, до того сильно, что въ результатѣ доходитъ какъ-будто бы до величайшаго эгоизма, такъ что и мнѣ и ей тяжело, а впоследствии и еще тяжелѣе мнѣ будетъ. Чтожь, вѣдь это онъ правду говорилъ, меня любя, и это вовсе не значитъ, что онъ обижалъ Наташу; напротивъ, онъ признавалъ въ ней самую сильную любовь, любовь безъ мѣры, до невозможности...

Но Катя прервала его и не дала ему кончить. Она съ жаромъ начала укорять его, доказывать, что отецъ для того только и началъ хвалить Паташу, чтобъ обмануть его видимою добро-тою и все это съ намѣреніемъ разторгнуть ихъ связь, чтобъ невидимо и непримѣтно вооружить противъ нея самаго Алешу. Она горячо и умно вывела какъ Паташа любила его, какъ никакая любовь не проститъ того, что онъ съ нею дѣлаетъ, — и что настоящій-то эгоистъ и есть онъ самъ, Алеша. Мало по малу Катя довела его до ужасной печали и до полного раскаянія; онъ сидѣлъ подлѣ насъ, смотря въ землю, уже ничего не отвѣчая, совершенно уничтоженный и съ страдальческимъ выраженіемъ въ лицѣ. Но Катя была неумолима. Я съ крайнимъ любопытствомъ всматривался въ нее. Мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать эту странную дѣвушку. Она была совершенный ребенокъ, но какой-то странный, *убѣжденный* ребенокъ съ твердыми правилами и съ страстной, врожденной любовью къ добру и къ справедливости. Если ее дѣйствительно можно было назвать еще дитей, то она принадлежала къ разряду *задумывающихся* дѣтей, довольно многочисленному въ нашихъ семействахъ. Видно было, что она уже много разсуждала. Любопытно было бы заглянуть въ эту разсуждающую головку и подсмотреть, какъ смѣшивались тамъ совершенно дѣтскія идеи и представленія съ серьезно-выжитыми впечатлѣніями и наблюденіями жизни (потому что Катя уже жила), а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ идеями, еще ей незнакомыми, невыжитыми ею, но поразившими ее отвлеченно, книжно, которыхъ уже должно было быть очень много и которыя она вѣроятно принимала за выжитыя ею самую. Во весь этотъ вечеръ и впоследствии мнѣ кажется я довольно хорошо изучилъ ее. Сердце въ ней было пылкое и воспримчивое. Она въ иныхъ случаяхъ какъ-будто пренебрегала умѣньемъ владѣть собою, ставя прежде всего истину, а всякую жизненную выдержку считала за условный предразсудокъ и кажется тщеславилась такимъ убѣжденіемъ, что случается со многими пылкими людьми, даже и не въ очень молодыхъ годахъ. Но это-то и придавало ей какую-то особенную прелесть. Она очень любила мыслить и добиваться истины, но была до того не педантъ, до того съ ребяческими, дѣтскими выходками, что вы съ перваго взгляду начинали любить въ ней всѣ ея оригинальности и мириться съ ними. Я вспомнилъ Левиньку и Боривьку, и мнѣ показалось, что все это совершенно въ порядкѣ ве-

щей. И странно! лицо ея, въ которомъ я не замѣтилъ ничего особеннаго прекраснаго съ перваго взгляда, въ этотъ же вечеръ, помынуто становилось для меня все прекраснѣе и привлекательнѣе. Это павное раздвѣненіе ребенка и размышляющей женщины; эта дѣтская и въ высшей степени правдивая жажда истины и справедливости и непоколебимая вѣра въ свои стремленія, все это освѣщало ея лицо какимъ-то прекраснѣмъ свѣтомъ искренности, придавало ему какую-то высшую, духовную красоту, и вы начинали понимать, что не такъ скоро можно истощить все значеніе этой красоты, которая не поддается вся сразу каждому обыкновенному безучастному взгляду. И я понималъ, что Алеша долженъ былъ страстно привязаться къ ней. Если онъ не могъ самъ мыслить и разсуждать, то любилъ именно тѣхъ, которые за него мыслили и даже желали, — а Катя уже взяла его подъ опеку. Сердце его было благородно и неотразимо, разомъ покорялось всему, что было честно и прекрасно, а Катя уже много и со всею искренностью дѣтства и симпатіи передъ нимъ высказалась. У него не было ни капли собственной воли; у ней было очень много настойчивой, сильной и пламенно настроенной воли, а Алеша могъ привязаться только къ тому, кто могъ имъ властвовать и даже посылѣвать. Этимъ отчасти привязала его къ себѣ и Наташа, въ началѣ ихъ связи, но въ Катѣ было большое преимущество, передъ Наташей, — то что она сама была еще дитя и кажется еще долго должна была остаться ребенкомъ. Эта дѣтскость ея, ея яркій умъ, и въ тоже время нѣкоторый недостатокъ разсудка, все это было какъ-то болѣе сродни для Алеши. Онъ чувствовалъ это, и потому Катя влекла его къ себѣ все сильнѣй и сильнѣй. И удивренъ, что когда они говорили между собой наединѣ, то рядомъ съ серьезными «пропагандными» разговорами Кати, дѣло можетъ быть доходило у нихъ и до игрушекъ. И хоть Катя вѣроятно очень часто журила Алешу и уже держала его въ рукахъ, но ему очевидно было съ ней легче, чѣмъ съ Наташей. Они были болѣе пара другъ другу, а это было главное.

— Полно Катя, полно, довольно; ты всегда права выходишь, а я нѣтъ. Это потому, что въ тебѣ душа чище моей, сказала Алеша, вставая и подавая ей на прощанье руку. — Сейчасъ же и къ ней, и къ Левинкѣ не забуду...

— И нечего тебѣ у Левинки дѣлать; а что теперь слушаешь и вѣдешь, то въ этомъ ты очень милъ.

— А ты въ тысячу разъ всѣхъ милѣе, отвѣчаитъ грустный Алеша. Иванъ Петровичъ, мнѣ нужно вамъ два слова сказать. Мы отошли на два шага.

— Я сегодня безстыдно поступилъ, прошепталъ онъ мнѣ, я низко поступилъ, я виноватъ передъ всеми на свѣтѣ, а передъ ними обвини больше всего. Сегодня отецъ послѣ обѣда возмакомилъ меня съ Александриной (одна французужка) — очаровательная женщина. Я.. увлекся и.. ну ужь что тутъ говорить, я недостойнъ быть вмѣстѣ съ ними.. Продайте, Иванъ Петровичъ!

— Онъ добрый, онъ ужасно благородный, поспѣшио начала Катя, когда я усѣлся опять подлѣ нее, — но мы объ немъ потомъ будемъ много говорить; а теперь намъ прежде всего нужно условиться: вы какъ считаете князя?

— Очень нехорошимъ человѣкомъ.

— И я тоже. Слѣдственно мы въ этомъ согласны, а потому намъ легче будетъ судить. Теперь о Натальѣ Николаевнѣ. Знаете Иванъ Петровичъ, я теперь какъ въ потьмахъ, а васъ ждана какъ свѣта. Вы мнѣ все это разъясните, потому что въ самомъ-то главномъ пунктѣ я сужу по догадкамъ, изъ того, что мнѣ рассказывалъ Алеша. А больше не отъ кого было узнать. Скажите же во-первыхъ (это главное) какъ по вашему мнѣнью: будутъ Алеша и Наташа вмѣстѣ счастливы или нѣтъ? Это мнѣ прежде всего нужно знать для окончательнаго моего рѣшенія, чтобъ ужь самой знать какъ поступать.

— Какже можно объ этомъ сказать навѣрно..

— Да разумѣется не навѣрно, перебила она, — а какъ вамъ кажется? — потому что вы очень умный человѣкъ.

— По моему, они не могутъ быть счастливы.

— Почему же?

— Они не пара.

— Я такъ и думала! и она сложила ручки, какъ бы въ глубокой тоскѣ.

— Расскажите подробности. Слушайте: я ужасно желаю видѣть Наташу, потому что мнѣ много надо съ ней переговорить, и мнѣ кажется, что мы съ ней все рѣшимъ. А теперь я все ее представляю себѣ въ умѣ: она должно быть ужасно умна, серьезная, правдивая и прекрасная собой. Вѣдь такъ?

— Такъ.

— Такъ и я была увѣрена. Ну такъ если она такая, какъ же она могла полюбить Алешу, такого мальчика? Объясните мнѣ это; я часто объ этомъ думаю.

— Этого нельзя объяснить, Катерина Федоровна; трудно представить за что и какъ можно полюбить. Да, онъ ребенокъ. Но знаете ли какъ можно полюбить ребенка? (Сердце мое смягчалось, глядя на нее и на ея глазки, пристально, съ глубокимъ, серьезнымъ и нетерпѣливымъ вниманіемъ, устремленные на меня). И чѣмъ больше Наташа сама не похожа на ребенка, продолжалъ я, — чѣмъ серьезнѣе она, тѣмъ скорѣе она могла полюбить его. Онъ правдивъ, искрененъ, наивенъ ужасно, а иногда граціозно-наивенъ. Она можетъ быть полюбила его — какъ бы это сказать?.. Какъ будто изъ какой-то жалости. Великодушное сердце можетъ полюбить изъ жалости... Впрочемъ, я чувствую, что я вамъ ничего не могу объяснить, но за то спрошу васъ самихъ: вѣдь вы его любите?

Я смѣло задалъ ей этотъ вопросъ и чувствовалъ, что дослѣдностью такого вопроса я не могу смутить безиредѣльной младенческой чистоты этой ясной души.

— Ей Богу еще не знаю, тихо отвѣчала она мнѣ, свѣтло смотря мнѣ въ глаза, — но кажется очень люблю...

— Ну вотъ видите. А можете ли изъяснить за что его любите?

— Въ немъ лжи нѣтъ, — отвѣчала она подумавъ, и когда онъ посмотритъ прямо въ глаза и чтонибудь говорить мнѣ при этомъ, то мнѣ это очень нравится... Послушайте, Иванъ Петровичъ, вотъ я съ вами говорю объ этомъ, я дѣвушка, а вы мужчина; хорошо ли я это дѣлаю или нѣтъ?

— Да что же тутъ такого?

— То-то. Разумѣется что же тутъ такого? А вотъ они (она указала глазомъ на группу, сидѣвшую за самоваромъ), они на вѣрно сказали бы, что это не хорошо. Правы они или нѣтъ?

— Нѣтъ! Вѣдь вы не чувствуете въ сердцѣ, что поступаете дурно, стало-быть...

— Такъ я и всегда дѣлаю, перебила она, очевидно спѣша какъ можно больше наговориться со мною: — какъ только я въ чемъ смущаюсь, сейчасъ спрошу свое сердце и коль оно спокойно, то и я спокойна. Такъ и всегда надо поступать. И я потому съ вами говорю такъ совершенно откровенно, какъ-будто сама съ

собою, что во-первыхъ вы прекрасный человѣкъ и я знаю вашу прежнюю исторію съ Наташей, до Алеши, и я плакала когда слушала.

— А вамъ кто рассказывалъ?

— Разумѣется Алеша, и самъ со слезами рассказывалъ; это было очень хорошо съ его стороны и мнѣ очень понравилось. Мнѣ кажется онъ васъ больше любитъ, чѣмъ вы его Иванъ Петровичъ. Вотъ такими-то вещами онъ мнѣ и нравится. Ну а вторыхъ, я потому съ вами такъ прямо говорю, какъ сама съ собою, что вы очень умный человѣкъ и много можете мнѣ дать совѣтовъ и научить меня.

— Почему же вы знаете что я до того уменъ, что могу васъ учить?

— Ну вотъ; что это вы! Она задумалась.

— Я вѣдь только такъ объ этомъ заговорила; будемте говорить о самомъ главномъ. Научите меня, Иванъ Петровичъ: вотъ я чувствую теперь, что я Наташина соперница, я вѣдь это знаю, какъ же мнѣ поступать? Я потому и спросила васъ: будутъ ли они счастливы. Я объ этомъ день и ночь думаю. Положеніе Наташи ужасно, ужасно! Вѣдь онъ совсѣмъ ее пересталъ любить, а меня все больше и больше любить. Вѣдь такъ?

— Кажется такъ.

— И вѣдь онъ ее не обманываетъ. Онъ самъ не знаетъ, что перестаетъ любить, а она навѣрно это знаетъ. Каково-же она мучается!

— Чтоже вы хотите дѣлать, Катерина Федоровна?

— Много у меня проэктовъ, отвѣчала она серьезно, а между тѣмъ я все путаюсь. Потому-то и ждала васъ съ такимъ нетерпѣніемъ, чтобъ вы мнѣ все это разрѣшили. Вы все это гораздо лучше меня знаете. Вѣдь вы для меня теперь какъ-будто какой-то богъ. Слушайте, я сначала такъ разсуждала: если они любить другъ друга, то надобно, чтобъ они были счастливы, и потому я должна собой пожертвовать и имъ помогать. Вѣдь такъ?

— Я знаю, что вы и пожертвовали собой.

— Да, пожертвовала, а потомъ какъ онъ началъ пріѣзжать ко мнѣ и все больше и больше меня любить, такъ я стала задумываться про себя и все думаю: пожертвовать или нѣтъ? Вѣдь это очень худо, неправда-ли?

— Это естественно, отвѣчалъ я, — такъ должно было быть, и вы не виноваты.

— Не думаю; это вы потому говорите, что очень добры. А я такъ думаю, что у меня сердце не совсѣмъ чистое. Еслибъ было чистое сердце, я бы знала какъ рѣшить. Но оставимъ это! Потомъ я узнала побольше объ ихъ отношеніяхъ отъ князя, отъ маман, отъ самаго Алеши и догадалась, что они не равны; вы вотъ теперь подтвердили. Я и задумалась еще больше: какъ же теперь? Вѣдь или они будутъ несчастливы, такъ вѣдь имъ лучше разойтись; а потомъ и положила: распросить васъ подробно обо всемъ и поѣхать самой къ Наташѣ, а ужъ съ ней и рѣшить все дѣло.

— Но какъ же рѣшить—то, вотъ вопросъ?

— Я такъ и скажу ей: «вѣдь вы его любите больше всего, а потому и счастье его должны любить больше своего; следовательно должны съ нимъ разстаться».

— Да, но каково-жъ ей будетъ это слышать? а если она согласится съ вами, то въ силахъ ли она будетъ это сдѣлать?

— Вотъ объ этомъ-то я и думаю день и ночь и... и...

И она вдругъ заплакала.

— Вы не повѣрите какъ мнѣ жалко Наташу, прошептала она, дрожащими отъ слезъ губками.

Нечего было тутъ прибавлять. Я молчалъ, и мнѣ самому хотѣлось заплакать, смотря на нее, такъ, отъ любви какой-то. Что за милый былъ это ребенокъ! Я ужъ не спрашивалъ ее, почему она считаетъ себя способною сдѣлать счастье Алеши.

— Вы вѣдь любите музыку? спросила она нѣсколько успокоившись, еще задумчивая отъ недавнихъ слезъ.

— Люблю, отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Еслибъ было время, я бы вамъ сыграла третій концертъ Бетховена. Я его теперь играю. Тамъ всѣ эти чувства. . . точно также какъ я теперь чувствую. Такъ мнѣ кажется. Но это въ другой разъ; а теперь надо говорить.

Начались у насъ переговоры о томъ какъ ей видѣться съ Наташей и какъ это все устроить. Она рѣшила мнѣ, что за ней присматриваютъ, хотя маманъ ее и добрая и любить ее, но ни за что не позволитъ ей познакомиться съ Натальей Николаевной; а потому она и рѣшилась на хитрость. Поутру она иногда ѣздитъ гулять, но почти всегда съ графиней. Иногда же графиня не ѣздитъ

съ немъ, а отпускаетъ ее одну съ французенкой, которая теперь балуетъ. Бываетъ же это, когда у графини болятъ голова, а потому я ждать надо когда у ней заболитъ голова. А до этого она уговорить свою французенку (что-то въ родѣ компаньонки, старушка), потому что французенка очень добра. Въ результатѣ вышло, что никакъ нельзя было опредѣлить заранее дня, назначеннаго для визита къ Наташѣ.

— Съ Наташей вы познакомьтесь и не будете раскаяваться, сказала я. Она васъ сама очень хочетъ узнать и это нужно, хоть для того бы только, чтобъ ей знать кому она передаетъ Алешу. О дѣлѣ же этомъ не тоскуйте очень. Время и безъ вашихъ заботъ рѣшится. Вѣдь вы ѣдете въ деревню?

— Да, скоро, можетъ быть черезъ мѣсяць, отвѣчала она, — и я знаю, что на этомъ настаиваетъ князь.

— Какъ вы думаете, поѣдетъ съ вами Алеша?

— Вотъ и я объ этомъ думала! проговорила она, пристально смотря на меня. — Вѣдь онъ поѣдетъ!

— Поѣдетъ.

— Боже мой, что изъ этого всего выйдетъ, — не знаю. Послушайте, Иванъ Петровичъ. Я вамъ обо всемъ буду писать, буду часто писать и много. Ужь я теперь пошла васъ мучить. Вы часто будете къ намъ приходить?

— Не знаю, Катерина Федоровна; это зависитъ отъ обстоятельство. Можетъ быть и совсѣмъ не буду ходить.

— Почему-же?

— Это будетъ зависеть отъ разныхъ причинъ, а главное отъ отношеній моихъ съ княземъ.

— Это не честный человекъ, сказала рѣшительно Катя. — А знаете, Иванъ Петровичъ, что, еслибъ я къ вамъ прѣехала! Это королю бы было или не хорошо?

— Какъ вы сами думаете?

— Я думаю, что хорошо. Такъ, навѣстима бы васъ... прибавила она улыбувшись. Я вѣдь къ тому говорю, что я кромѣ того, что васъ уважаю, — я васъ очень люблю... И у васъ научиться многому можно. А я васъ люблю... И вѣдь это не стыдно, что я вамъ про все это говорю?

— Чего же стыдно? Вы сами мнѣ уже дороги какъ родная.

— Вѣдь вы хотите быть моимъ другомъ?

— О да, да! отвѣчалъ я.

— Ну а они непременно бы сказали, что стыдно и не слѣдуетъ такъ поступать молодой дѣвушкѣ, замѣтила она, снова указавъ мнѣ на собесѣдниковъ у чайнаго стола. Замѣчу здѣсь, что князь кажется нарочно оставилъ насъ однихъ вдоволь наговориться.

— Я вѣдь знаю очень хорошо, прибавила она: князю хочется моихъ денегъ. Про меня они думаютъ, что я совершенный ребенокъ и даже мнѣ прямо это говорятъ. Я-же не думаю этого. Я ужь не ребенокъ. Странные они люди: сами вѣдь они точно дѣти; ну изъ чего хлопочуть?

— Катерина Ѳедоровна, я забылъ спросить: кто эти Левинька и Боринька, къ которымъ такъ часто ѣздитъ Алеша?

— Это мнѣ дальняя родня. Они очень умные и очень честные, но ужь ужасно много говорятъ... Я ихъ знаю...

И она улыбнулась...

— Правда ли, что вы хотите имъ подарить современемъ миллионъ?

— Ну вотъ видите, ну хоть бы этотъ миллионъ, ужь они такъ болтаютъ о немъ, что ужь и несносно становится. Я конечно съ радостью пожертвую на все полезное, къ чему вѣдь такія огромныя деньги, не правдали? Точно вѣдь я это все ukrала у всѣхъ бѣдныхъ, сама живу праздно, а тѣ работаютъ. Но вѣдь когда еще я его пожертвую; а они ужь тамъ теперь дѣлаютъ, разсуждаютъ, кричатъ, спорятъ: куда лучше употребить его, даже ссорятся изъ за этого, — такъ что ужь это и странно. Слишкомъ торопятся. Но все-таки они такіе искренніе и... умные. Учатся. Это все же лучше, чѣмъ какъ другіе живутъ. Вѣдь такъ?

И много еще мы говорили съ ней. Она мнѣ рассказала чуть не всю свою жизнь и съ жадностью слушала мои рассказы. Все требовала, чтобъ я всего болѣе рассказывалъ ей про Наташу и про Алешу. Было уже двѣнадцать часовъ, когда князь подошелъ ко мнѣ и далъ знать, что пора намъ откланиваться. Я простился. Катя горячо пожала мнѣ руку и выразительно на меня взглянула. Графиня просила меня бывать; мы вышли вмѣстѣ съ княземъ.

Не могу удержаться отъ страннаго и можетъ быть совершенно неидущаго къ дѣлу замѣчанія. Изъ трехъ-часоваго моего разговора съ Катей, я вынесъ, между-прочимъ, какое-то странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое убѣжденіе, что она до того еще волюбъ

ребенокъ , что совершенно не знаетъ всей тайны отношеній мужины и женщины. Это придавало необыкновенную комичность нѣкоторымъ ея разсужденіямъ и вообще серьезному тону, съ которымъ она говорила о многихъ очень важныхъ вещахъ... (*)

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

(*) Болѣзнь автора заставила насъ остановиться на этихъ двухъ главахъ. Такъ какъ онѣ составляютъ почти отдѣльный эпизодъ въ романѣ, то мы рѣшились напечатать ихъ теперь же, не дожидаясь окончанія четвертой части котораго мы надѣемся помѣстить въ слѣдующемъ номерѣ.

Ред.

Т. II. — Отд. I.

1/41

ТАРАСЪ ШЕВЧЕНКО

Parce, Liber, metuendo thyrsos!

НОВАТ.

Боже ты мій! яка сыла
Лягла въ домовину...

*(Изъ стихотворенія, читаннаго
на могиль Шевченка).*

Увы! намъ такъ часто приходится справлять печальныя тризны по великимъ славянскимъ дѣтелямъ, что ипшущій эти строки чуть-чуть было не озаглавилъ статейки своей общимъ именемъ: «Помишки» и не поставилъ римской единицы надъ именемъ послѣдняго изъ дорогихъ покойниковъ... Въ самомъ дѣлѣ, втеченіе полу-года, Хомяковъ, К. Аксаковъ, Вячеславъ Ганка, Тарасъ Шевченко... и всѣ, кромѣ развѣ Вячеслава Вячеславича, преждевременно!..

О, будетъ ли конецъ этой древней Мойрѣ тяготящей надъ всѣми нами, отъ Волги до Лабы, отъ Двины до Дуная? Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Мицкевичъ, Кольцовъ, Шевченко, Глинка, Брюловъ — всѣ, безъ исключенія даже старшаго изъ нихъ, Мицкевича, похищенные безжалостною смертію въ цвѣту творчества, въ полномъ могучемъ развитіи силъ, — всѣ незамѣнимые, Бѣлинскій, Грановскій, Кудрявцевъ, Челяковскій, Хомяковъ, К. Аксаковъ, даже С. Т. Аксаковъ — старый дубъ, который только что распустилъ свою широкую сѣнь — И. и П. Кирѣевскіе, Ивановъ, Мартыновъ (А. Е.); ослабшій, стало быть погибшій для сцены С. В. Васильевъ — всѣ явно оторванные въ ту самую минуту, когда совершенно опредѣлились ихъ отношенія къ обществу и литературѣ и отношенія къ нимъ всѣхъ ей сочувствующихъ; Языковъ, успѣвшій показать только могучія силы безъ приложенія ихъ къ общественной жизни, а сколько силъ, скошенныхъ нещадною косою въ минуту ихъ разцвѣта — Веневитиновъ, Станкевичъ, Валуевъ... а

высокіе таланты, которыхъ дѣятельность замерла при самомъ началѣ — таланты, какъ Баратынскій, съ отчаяніемъ взывавшій

Къ чему же ты стремилась и кнѣла
 Развитіемъ спѣша,
 Ты подвигъ свой свершила прежде тѣла
 Безумная душа...

А громадныя силы, не выразившіяся какъ имъ слѣдовало бы вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ — Мочаловъ, Варламовъ, Полежаевъ, Марлинскій... Не говоримъ уже о менѣ яркихъ талантахъ, которыхъ вслѣдствіе многоразличныхъ безобразій нашей дѣятельности, отражавшихся часто въ ихъ собственныхъ, личныхъ безобразіяхъ — погибло несчетное количество (Соколовскій, Меркли, Бутковъ и т. д.) Не говоримъ о специальныхъ талантахъ — о какомъ-нибудь пѣвцѣ Евсеевѣ — по голосу и методѣ первостепенной вашей знаменитости, недавно умершемъ въ Долговомъ Отдѣленіи, о даровитомъ Гурилевѣ, скончавшемся въ сумасшествіи, о множествѣ многихъ «ихъ же имена Господи, Ты вѣси...» А. М. Стаховичъ — въ гибели котораго, кромѣ общей ироніи Мойры надъ нашими талантливыми людьми, отозвалась еще кромѣ того — ядовито и ни мало неостроумно какая-то общественная иронія...

Все это грустные, даже горькіе факты, способные въ иную минуту внушить печальную мысль объ особомъ отдѣлѣ «Поминокъ» въ журналѣ!..

Да, поневолѣ повторишь то, что сказалъ Погодинъ въ своей статьѣ о Хомяковѣ: (*) «Странная, удивительная судьба написана кажется сверху нашему времени. Какъ будто тамъ, въ воздухѣ, высоко, борются между собою два наши начала, доброе и злое, враждебныя между собою, и мы, подобно троянамъ, поражаемымъ невидимыми стрѣлами Аполлона, чувствуемъ только на себѣ, на нашихъ тѣлахъ, въ нашихъ душахъ, въ нашихъ обстоятельствахъ, когда побѣда склоняется на противную намъ сторону, вопреки всѣмъ соображеніямъ, положеніямъ и расчетамъ. Иначе объяснить нельзя, что съ вами ежедневно случается...»

Можетъ быть — объяснить-то и можно, можно уловить законы этой мистической Мойры, да во первыхъ такое объясненіе завлекло бы насъ слишкомъ далеко и при томъ покажется многимъ мистическимъ, а во вторыхъ потребуесть сводки фактовъ трагическихъ, какъ указанные нами, съ фактами именно горькими и страшными, но по формѣ своей комическими; можетъ быть, оно поды-

(*) «Русская Бесѣда». 1860 г. Томъ II.

метъ вопросъ о томъ, почему напримѣръ хоть тотъ же самый констатирующий трагическій фактъ, мыслитель, представляетъ собою хаотическую смѣсь передовыхъ силъ съ гнилью отсталыхъ предрассудковъ, — почему гласность обратилась у насъ въ развитіе убѣжденія на счетъ близости платка гоголевскаго Кочкарева, почему наши протесты противъ условной нравственности кончаются полу-мѣщанскою, полу-ямскою выходкою Камня-Виногорова?.. Повторяемъ, что трагическое и комическое выражаютъ собою въ сущности одинъ законъ, законъ неустановившагося броженія силъ. То пѣна брызжетъ черезъ край, то пузыри комически лопаются, то отсадокъ явно говорятъ намъ, что мы можетъ быть черезъ чуръ далеко хватили!.. И отъ этого, дѣйствительно какъ говорить далѣе Погодинъ: «Вездѣ замѣшательство, неизвѣстность, неопредѣленность, сомнѣніе», и заключаешь тѣмъ, что не вѣришь никому и ничему, а между тѣмъ вдали громъ гремитъ; перекаты его порою слышатся ближе и ближе, вонъ ужъ сверкаютъ и молніи.»

«И падаютъ» — повторимъ его же слова, «наши лучшіе, благороднѣйшіе люди, мыслящіе, чувствующие, тѣ на которыхъ отдыхалъ взоръ, о которыхъ сладко было думать, которые однимъ именемъ своимъ доставляли утѣшеніе, падаютъ безъ всякихъ достаточныхъ причинъ. Не успѣешь схоронить одного, рои могилу другому, невпуская изъ рукъ заступа, и готовься оплакивать третьяго...»

Увы! это такъ — равно какъ вѣрно отмѣчено въ той же статьѣ и то, отчасти уже комическое по формѣ своей обстоятельство, хотя и далеко не комическое по своимъ послѣдствіямъ, что: «У насъ нѣтъ враговъ, нѣтъ и злодѣевъ между нами, подобныхъ какимъ-нибудь древнимъ страшилищамъ, а все-таки мы должны безпрестанно оглядываться, чтобъ какою нибудь дружескою рукою не хватили насъ въ високъ, чтобъ какимъ нибудь доброжелательнымъ ударомъ не раскrojило лба!» Все это глубоко вѣрно и, какъ бы въ подтвержденіе вѣрности взгляда мыслитель, высказавшій столь вѣрный и горькій взглядъ, по старымъ предрассудкамъ — *забываетъ* между именъ дорогихъ покойниковъ — дорогое имя Бѣлинскаго!..

4

2

Значеніе утраты, которую славянскія литературы понесли въ Тарасѣ Григорьевичѣ Шевченкѣ — если не равносильно съ утратами, понесенными ими въ Пушкинѣ и Мицкевичѣ — представителей славянства передъ цѣлымъ человѣчествомъ, — то во вся-

комъ случаѣ нисколько не меньше значенія утраты Гоголя и Кольцова (*).

Что Тарасъ Шевченко былъ великій поэтъ, въ этомъ сомнѣваться можетъ только газета «Вѣкъ» — на столь же разумныхъ основаніяхъ, на какихъ не сочувствуетъ она Шиллеру. Но что съ другой стороны Тарасъ Шевченко былъ только заря, великій поэтъ только что начинающейся литературы, поэтъ исключительно народный, поэтъ, о которомъ трудно сказать — послѣдній ли это изъ слѣпыхъ кобзарей или первый изъ мастеровъ и художниковъ, такъ важна его красота и вмѣстѣ такъ уже артистична, — это тоже не подлежитъ кажется спору. По красотѣ и силѣ, многіе поставляли его наравнѣ съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ: мы готовы идти даже дальше въ этомъ — у Тараса Шевченки есть та нагая красота выраженія народной поэзіи, которая только развѣ искрами блистаетъ въ великихъ поэтахъ художникахъ, какъ вы Пушкинъ и Мицкевичъ, и которая на каждой страницѣ «Кобзаря» поразитъ васъ у Шевченки... Шевченко еще ничего условнаго не боится; нужны ему младенческой лепетъ, народный юморъ, страстное воркованье, онъ ни передъ чѣмъ не остановится, и все это у него выйдетъ свѣжо, наивно, могуче, страстно или жартливо какъ самое дѣло. У него дѣйствительно есть и уносящая, часто небузданная страстность Мицкевича, есть и прелесть пушкинской ясности — такъ что дѣйствительно, по даннымъ, по силамъ своего великаго таланта, онъ стоитъ какъ бы въ серединѣ между двумя великими представителями славянскаго духа. Натура его поэтическая шире своею многосторонностью натуры нашего могучаго, но односторонняго какъ сама его родина — представителя русской Украины, Кольцова; свѣтлѣе, проще и искреннѣе натуры Гоголя, великаго поэта Малороссіи, поставившаго себя въ ложное положеніе быть поэтомъ совершенно чуждаго ему великорусскаго быта... Да! Шевченко — послѣдній кобзарь и первый великій поэтъ новой великой литературы славянскаго міра. Да! устами этого своего перваго великаго поэта, Украина безъ самохвальства могла сказать:

Наша дѣла, наша пісня,
Не вмере, не загинѣ..
Отъ де, люде, наше слава
Слава України!

(*) Такъ-какъ у насъ во всемъ и всегда нужно оговариваться, то и слѣшимъ сказать, что равносильность этой утраты мы признаемъ только относительно малороссійской литературы, въ которой Тарасъ Шевченко занималъ огромное мѣсто.

Безъ золота, безъ камней
 Безъ хитрой мови,
 А голосна та правдива,
 Якъ Господа слово... (*)

А было же время и было недавно, когда не Сеньковскіе только, а люди какъ Бѣлинскій отрицательно-враждебно и насмѣшливо относились, во имя централизаціонныхъ началъ, — къ существованію малороссійской литературы, забывая и богатство самобытно-развившагося языка и сокровища народной поэзіи... Было это время господства теоріи — и пусть бы оно, это время, отразилось только въ заблужденіяхъ теоретическаго мышленія... Жертвою его былъ высочій художникъ, былъ Гоголь. Значеніе его въ русской литературѣ хотя и огромное, есть однако значеніе прехолящее и ставитъ современемъ совершенно историческимъ. Значеніе его въ родной его литературѣ было бы вѣчное, народное — и какъ исполнѣ народное вѣроятно столь же міровое какъ значеніе Данта. Теперь же, то малороссы (какъ г. Кулишъ) уже упрекають его — и повидимому справедливо, въ неточности или излишней яркости красокъ, то мы, русскіе, видимъ уже гиперболическій и односторонній, хотя могущественный и гениальный юморъ въ его отрицательной манерѣ изображенія и совершенно отрицаемся отъ его положительныхъ идеаловъ.

Заявляя — пока еще безъ пространныхъ разсужденій и доказательствъ такой взглядъ на Гоголя и такое сочувствіе къ искреннему и великому таланту Шевченки — мы поспѣшимъ однако оговориться на счетъ общаго сочувствія нашего къ литературѣ Малороссіи.

Литературу Малороссіи мы видимъ пока только въ ея растительныхъ народныхъ сокровищахъ, въ великихъ художественныхъ элементахъ Гоголя, пожалуй въ грубыхъ зародышахъ натурализма Нарѣжнаго и жарта Котляревскаго, въ зачаткахъ добродушнаго юмора Основьяненки, юмора, который надобно однако отыскивать въ морѣ непроходимой пошлости, равносильной съ Загоскинскою пошlostью... но ничего не можетъ быть намъ противнѣе того узкохотлацкаго, того односторонняго, жадостнаго и хныкающаго, что

(*) Паша дума, паша пѣсня
 Не умереть, не сгинеть
 Вотъ люди паша слава,
 Слава Украйны
 Безъ золота, безъ камней
 Безъ искусной рѣчи,
 А громка и правдива
 Какъ Божіе слово.

вторглось было въ нашу литературу съ повѣстями Марка Вовчка, но что конечно къ нашей, уже опредѣлившейся литературѣ, не могло привѣяться несмотря на то, что повѣсти Марка Вовчка и переданы были намъ переводчикомъ, стоящимъ неизмѣримо выше ихъ автора, не смотря на любовь нашу къ Тургеневу, не смотря на умную статью о Маркѣ Вовчкѣ г. — бова, которая тоже, хоть мы и не всегда согласны съ ея даровитымъ авторомъ, гораздо выше всѣхъ повѣстей Марка Вовчка взятыхъ вмѣстѣ... Удивятся можетъ быть, что въ числѣ элементовъ будущаго малороссійской литературы, мы не упомянули блистательныхъ элементовъ таланта г-жи Кохановской. Но у г-жи Кохановской кромѣ имени, да и то кажется псевдонимъ — ни въ манерѣ, ни въ краскахъ, ни въ симпатіяхъ нѣтъ ничего малороссійскаго. Это такой же талантъ, порожденный почвою великорусской Украины, какъ Кольцовъ съ одной стороны, Тургеневъ съ другой. Въ ней все — совершенно русское: и взглядъ на жизнь и тонъ живописи. Самыя пѣсни и преданія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось развитіе этого яркаго таланта, ея самой переданныя въ двухъ статьяхъ «Русской Бесѣды», суть русскія пѣсни и преданія. Они-то и оставили ту яркую золотую пыль на ея краскахъ — которая невольно поражаетъ всѣхъ въ ея произведеніяхъ, которой она иногда, какъ въ «Портретной галлерей», готова злоупотреблять съ страстной наивностью артистки...

Сочувствуя зарѣ литературы Малороссіи, мы вѣримъ и имѣемъ всѣ логическіе поводы вѣрить, что заря эта не погасла съ «батькой орломъ сизымъ.» Многострадальный орелъ «утнулъ» въ далекую безконечность, но поэтический геній его родины съ нимъ только что началъ, а не кончилъ своего полета... Почему мы знаемъ, что наслѣдника по себѣ, если не равносиднаго, то все-таки достойнаго, не оставилъ покойный Тарасъ Шевченко въ поэтѣ, котораго надгробная пѣсня Шевченкѣ запечатлѣна такимъ очевиднымъ и такимъ наивнымъ талантомъ? Мы могли запомнить изъ нее только вѣскольکو стиховъ, кромѣ двухъ поставленныхъ нами эпиграфомъ, и вив окончимъ поминки наши по великомъ, отшедшемъ на покой литературномъ собратѣ...

И та пѣсня прошла въ душу
 Старому и дытыни,
 И дывчинѣ ще кохала
 И зрады дознала...
 Удовици съ діточками
 Що хлиба крычала...

Твоя жъ пѣсня — плачь явголя
 За важнаго долю,

Кажну душу прыгортае
Якъ матуся доню. (*)

О дай же Богъ, скажемъ мы въ заключеніе, чтобы не умолкла эта святая пѣсня, дай Богъ чтобъ въ поэтѣ, характеризовавшемъ ее съ такою силою и правдою, не умиралъ хоть ея отголосокъ!.. Да звучитъ она въ немъ живою «вѣчною памятью» великому кобзарю Украйны — Тарасу Шевченкѣ!

А. ГРИГОРЬЕВЪ

(*) И эта пѣсня проникла въ душу
Старцу и юношѣ
И дѣвицѣ которая любила
И узнала горе
Вдовѣ съ дѣтьми
Которая просила хлѣба.

Твоя пѣсня — плачь Ангела
По долѣ cadaго
Приголубиваетъ каждую душу
Какъ мать свое дитя.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА (*)

Въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, среди степей, горъ, или непроходимыхъ лѣсовъ, попадаются изрѣдка маленькіе города, съ одной, много съ двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, съ двумя церквями — одной въ городѣ, другой на кладбищѣ, — города, похожіе болѣе на хорошее подмосковное село, чѣмъ на городъ. Они обыкновенно весьма достаточно снабжены исправниками, засѣдателями и всѣмъ остальнымъ субалтернымъ чиновомъ. Вообще въ Сибири, не смотря на холодъ, служить чрезвычайно тепло. Люди живутъ простые, нелиберальные; порядки старые, крѣпкіе, вѣками освященные. Чиновники, по справедливости играющіе роль сибирскаго дворянства — или туземцы, закоренѣлые сибиряки, или наѣзжіе изъ Россіи, большею частью изъ столицъ, прельщенные выдаваемымъ не въ зачетъ окладомъ жалованья, двойными прогонами и соблазнительными надеждами въ будущемъ. Изъ нихъ умѣющіе разрѣшать загадку жизни, почти всегда остаются въ Сибири и съ наслажденіемъ въ ней укореняются. Впослѣдствіи они приносятъ богатые и сладкіе плоды. Но другіе, народъ легкомысленный и неумѣющій разрѣшать загадку жизни, скоро наскучаютъ Сибирью и съ тоской себя спрашиваютъ: «за чѣмъ они въ нее заѣхали?» Съ нетерпѣ-

(*) Перепечатаваемъ изъ «Русскаго Міра» эти четыре главы, служащія какъ бы введеніемъ въ «Записки изъ Мертваго Дома» для тѣхъ нашихъ читателей, которые еще незнакомы съ этимъ произведеніемъ. Къ продолженію этихъ записокъ мы приступимъ немедленно по окончаніи романа — «Униженные и Оскорбленные».

ніемъ отбываютъ они свой законный терминъ службы, три года, и по истеченіи его тотчасъ же хлопчутъ о своемъ переводѣ и возвращаются во свояси, браня Сибирь и подсмѣиваясь надъ нею. Они не правы: не только съ служебной, но даже со многихъ точекъ зрѣнія, въ Сибири можно блаженствовать. Климатъ превосходный; есть много замѣчательно богатыхъ и хлѣбосольныхъ купцовъ; много чрезвычайно достаточныхъ инородцевъ. Барышни цвѣтутъ розами и нравственны до послѣдней крайности. Дичь летаетъ по улицамъ и сама натывается на охотника. Шампанскаго выпивается неестественно много. Икра удивительная. Урожай бываетъ въ ивыхъ мѣстахъ самъ-пятнадцать... Вообще, земля благословенная. Надобно только умѣть ею пользоваться. Въ Сибири умѣютъ ею пользоваться.

Въ одномъ изъ такихъ веселыхъ и довольныхъ собою городковъ, съ самымъ милѣйшимъ населеніемъ, воспоминаніе о которомъ останется неизгладимымъ въ моемъ сердцѣ, встрѣтилъ я Александра Петровича Горячкова, поселенца, родившагося въ Россіи дворяниномъ и помѣщикомъ, потомъ сдѣлавшагося ссыльно-каторжнымъ второго разряда, за убійство жены своей и, по истеченіи опредѣленнаго ему закономъ десятилѣтняго термина каторги, смиренно и неслышно доживавшаго свой вѣкъ въ городкѣ К. поселенцемъ. Онъ, собственно, приписанъ былъ къ одной полгородной волости; но жилъ въ городѣ, имѣя возможность добывать въ немъ хоть какое-нибудь пропитаніе обученіемъ дѣтей. Въ сибирскихъ городахъ часто встрѣчаются учителя изъ ссыльныхъ поселенцевъ; ими не брезгаютъ. Учатъ же они преимущественно французскому языку, столь необходимому на поприщѣ жизни и о которомъ, безъ нихъ, въ отдаленныхъ краяхъ Сибири не имѣли бы и понятія. Въ первый разъ я встрѣтилъ Александра Петровича въ домѣ одного стариннаго, заслужившаго и хлѣбосольнаго чиновника, Ивана Ивановича Гвоздика, у котораго было пять дочерей, разныхъ лѣтъ, подававшихъ прекрасныя надежды. Александръ Петровичъ давалъ имъ уроки, четыре раза въ недѣлю, по 30 копѣекъ серебромъ за урокъ. Наружность его меня заинтересовала. Это былъ чрезвычайно блѣдный и худой человекъ, еще не старый, лѣтъ тридцати пяти, маленькій и тщедушный. Одѣтъ былъ всегда весьма чисто, по европейски. Если вы съ нимъ заговаривали, то онъ смотрѣлъ на васъ чрезвычайно пристально и внимательно, съ

строгой вѣжливостью выслушивалъ каждое слово ваше, какъ-будто въ него вдумываясь, какъ-будто вы вопросомъ вашимъ задали ему задачу, или хотите выпытать у него какую-нибудь тайну, и наконецъ отвѣчалъ ясно и коротко, но до того взвѣсивая каждое слово своего отвѣта, что вамъ вдругъ становилось отчего-то неловко и вы, наконецъ, сами радовались окончанію разговора. Я тогда же спросилъ о немъ Ивана Ивановича и узналъ, что Горянчиковъ живетъ безукоризненно и нравственно и что иначе Иванъ Ивановичъ не пригласилъ бы его для дочерей своихъ, но что онъ страшный нелюдимъ; ото всѣхъ прячется, чрезвычайно ученъ, много читаетъ, но говоритъ весьма мало и что вообще съ нимъ довольно трудно разговариваться. Иные утверждали, что онъ положительно сумасшедшій, хотя и находили, что въ сущности это еще не такой важный недостатокъ, что многіе изъ почетныхъ членовъ города готовы всячески обласкать Александра Петровича, что онъ могъ бы даже быть полезнымъ, писать просьбы и проч. Полагали, что у него должна быть порядочная родня въ Россіи, можетъ быть даже и не послѣдніе люди, но знали, что онъ съ самой ссылки упорно пресѣкъ съ ними всякія отношенія, — однимъ словомъ, вредить себѣ. Къ тому же у насъ всѣ знали его исторію, знали, что онъ убилъ жену свою, еще въ первый годъ своего супружества, убилъ изъ ревности и самъ донесъ на себя (что весьма облегчило его наказаніе). На такія же преступленія всегда смотрятъ, какъ на несчастія, о которыхъ сожальютъ. Но, не смотря на все это, чудакъ упорно сторонился отъ всѣхъ и являлся въ людяхъ только давать уроки.

Я сначала не обращалъ на него особеннаго вниманія; но, самъ не знаю почему, онъ мало по малу началъ интересоваться мною. Въ немъ было что-то загадочное. Разговариваться не было съ нимъ ни малѣйшей возможности. Конечно, на вопросы мои онъ всегда отвѣчалъ и даже съ такимъ видомъ, какъ-будто считалъ это своею первѣйшею обязанностью; но, послѣ его отвѣтовъ, я какъ-то тяготился его долѣе спрашивать: да и на лицѣ его, послѣ такихъ разговоровъ, всегда видѣлось какое-то страданіе и утомленіе. Помню, я шолъ съ нимъ однажды, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, отъ Ивана Ивановича. Вдругъ мнѣ вздумалось пригласить его на минутку къ себѣ выкурить папироску. Не могу описать, какой ужасъ выразился на лицѣ его;

онъ поблѣдпѣлъ, потерялся, началъ бормотать какія-то безсвязныя слова и вдругъ, злобно взглянувъ на меня, бросился бѣжать въ противоположную сторону. Я даже удивился. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь со мной, онъ смотрѣлъ на меня какъ будто съ какимъ-то испугомъ. Но я не унялся; меня что-то тянуло къ нему и, мѣсяць спустя, я, ни съ того, ни съ сего, самъ зашелъ къ Горничикову. Разумѣется, я поступилъ глупо и неделикатно. Онъ квартировалъ на самомъ краю города, у старухи мѣщанки, у которой была больная въ чахоткѣ дочь, а у той незаконнорожденная дочь, ребенокъ лѣтъ десяти, хорошенькая и веселенькая дѣвочка. Александръ Петровичъ сидѣлъ съ ней и училъ ее читать въ ту минуту, какъ я вошелъ къ нему. Увидя меня, онъ до того смѣшался, какъ-будто я поймалъ его на какомъ-нибудь преступленіи. Онъ растерялся совершенно, вскочилъ со стула и глядѣлъ на меня во всѣ глаза. Мы наконецъ усѣлись, онъ пристально слѣдилъ за каждымъ моимъ взглядомъ, какъ-будто въ каждомъ изъ нихъ подозрѣвалъ какой-нибудь особенный таинственный смыслъ. Я догадался, что онъ былъ мнителенъ до сумасшествія, подозрителенъ до крайности. Онъ съ ненавистью глядѣлъ на меня, чуть не спрашивая: «да скоро ли ты уйдешь отсюда?» Я заговорилъ съ нимъ о нашемъ городкѣ, о текущихъ новостяхъ; онъ отмалчивался и злобно улыбался; я догадался, что онъ не только не зналъ самыхъ обыкновенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ городскихъ новостей, но даже не интересовался знать ихъ. Заговорилъ я потомъ о нашемъ краѣ, о его потребностяхъ; онъ слушалъ меня молча и до того странно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что мнѣ стало наконецъ совѣстно за нашъ разговоръ. Впрочемъ, я чуть не раздражилъ его новыми книгами и журналами; они были у меня въ рукахъ, только что съ почты, и я предлагалъ ихъ ему еще неразрѣзанные. Онъ бросилъ на нихъ жадный взглядъ, но тотчасъ же перемѣнилъ намѣреніе и отклонилъ предложеніе, отзываясь недосугомъ. Наконецъ, я простился съ нимъ и выйдя отъ него, почувствовалъ, что съ сердца моего спала какая-то несносная тяжесть. Мнѣ было стыдно и показалось чрезвычайно глупымъ приставать къ чело-вѣку, который именно поставляетъ своею главнѣйшею задачею какъ можно подалѣе спрятаться отъ всего свѣта. Но дѣло было сдѣлано. Помню, что книгъ я у него почти совѣтъ не замѣтилъ и стало быть несправедливо говорили о немъ, что онъ много

читаетъ. Однако же, проѣзжая раза два, очень поздно ночью, мимо его оконъ, я замѣтилъ въ нихъ свѣтъ. Что же дѣлалъ онъ, просяживая до зари? Не писалъ ли? а если такъ, что же именно?

Обстоятельства удалили меня изъ нашего городка мѣсяца на три. Возвратясь домой уже зимою, я узналъ, что Александръ Петровичъ умеръ осенью, умеръ въ уединеніи и даже ни разу не позвалъ къ себѣ лекаря. Въ городкѣ о немъ уже почти позабыли. Квартира его стояла пустая. Я немедленно познакомился съ хозяйкой покойника, намѣреваясь вывѣдать у нея: чѣмъ особенно занимался ея жилецъ и не писалъ ли онъ чего-нибудь? За двугривенный, она принесла мнѣ цѣлое лукошко бумагъ, оставшихся послѣ покойника. Старуха призналась, что двѣ тетрадки она ужъ истратила. Это была угрюмая и молчаливая баба, отъ которой трудно было допытаться чего-нибудь путнаго. О жильцѣ своемъ она не могла сказать мнѣ ничего особенно новаго. По ея словамъ, онъ почти никогда ничего не дѣлалъ и по мѣсяцамъ не раскрывалъ книги и не бралъ пера въ руки; за то цѣлыя ночи прохаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все что-то думалъ, а иногда и говорилъ самъ съ собою; что онъ очень полюбилъ и очень ласкалъ ея внучку, Катю, какъ только узналъ, что ее зовутъ Катей, и что въ Катерининъ день каждый разъ ходилъ по комъ-то служить панихиду. Гостей не могъ терпѣть; со двора выходилъ только учить дѣтей; косился даже на нее, старуху, когда она, разъ въ недѣлю, приходила хоть немножко прибрать въ его комнатѣ, и почти никогда не сказалъ съ нею ни единого слова, въ цѣлыхъ три года. Я спросилъ Катю: помнитъ ли она своего учителя? Она посмотрѣла на меня молча, отвернулась къ стѣнкѣ и заплакала. Стало быть, могъ же этотъ человекъ хоть кого-нибудь заставить любить себя.

Я унесъ его бумаги къ себѣ и цѣлый день перебиралъ ихъ. Три четверти этихъ бумагъ были пустые, незначащія лоскутки или ученическія упражненія съ прописей. Но тутъ же была одна тетрадка, довольно объемистая, мелко исписанная и недокопченая, можетъ быть, заброшенная и забытая самимъ авторомъ. Это было описаніе, хотя и безсвязное, десятилѣтней каторжной жизни, вынесенной Александромъ Петровичемъ. Мѣстами это описаніе прерывалось какою-то другою повѣстью, какими-то странными, ужасными воспоминапіями, набросанными неровно,

Кажу душу прыгортае
Якъ матуса доню. (*)

О дай же Богъ, скажемъ мы въ заключеніе, чтобы не умолкла эта святая пѣсня, дай Богъ чтобъ въ поэтѣ, характеризовавшемъ ее съ такою силою и правдою, не умиралъ хоть ея отголосокъ!.. Да звучить она въ немъ живою «вѣчною памятью» великому кобзарю Украйны — Тарасу Шевченкѣ!

А. ГРИГОРЬЕВЪ

(*) И эта пѣсня проникла въ душу
Старцу и юношѣ
И дѣвицѣ которая любила
И узнала горе
Вдовѣ съ дѣтьми
Которая просила хлѣба.

Твоя пѣсня — плачь Ангела
По долѣ каждого
Приголубливаетъ каждую душу
Какъ мать свое дитя.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА (*)

Въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, среди степей, горъ, или непроходимыхъ лѣсовъ, попадаются изрѣдка маленькіе города, съ одной, много съ двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, съ двумя церквами — одной въ городѣ, другой на кладбищѣ, — города, похожіе болѣе на хорошее подмосковное село, чѣмъ на городъ. Они обыкновенно весьма достаточно снабжены исправниками, засѣдателями и всѣмъ остальнымъ субалтернымъ чиновомъ. Вообще въ Сибири, не смотря на холодъ, служить чрезвычайно тепло. Люди живутъ простые, нелиберальные; порядки старые, крѣпкіе, вѣками освященные. Чиновники, по справедливости играющіе роль сибирскаго дворянства — или туземцы, закоренѣлые сибиряки, или наѣзжіе изъ Россіи, большею частью изъ столицъ, прельщенные выдаваемымъ не въ зачетъ окладомъ жалованья, двойными прогонами и соблазнительными надеждами въ будущемъ. Изъ нихъ умѣющіе разрѣшать загадку жизни, почти всегда остаются въ Сибири и съ наслажденіемъ въ ней укореняются. Впослѣдствіи они приносятъ богатые и сладкіе плоды. Но другіе, народъ легкомысленный и неумѣющій разрѣшать загадку жизни, скоро наскучаютъ Сибирью и съ тоской себя спрашиваютъ: «за чѣмъ они въ нее заѣхали?» Съ нетерпѣ-

(*) Перепечатаваемъ изъ «Русскаго Мира» эти четыре главы, служащія какъ бы введеніемъ въ «Записки изъ Мертваго Дома» для тѣхъ нашихъ читателей, которые еще незнакомы съ этимъ произведеніемъ. Къ продолженію этихъ записокъ мы приступимъ немедленно по окончаніи романа — «Униженные и Оскорбленные».

ніемъ отбываютъ они свой законный терминъ службы, три года, и по истеченіи его тотчасъ же хлопчуть о своемъ переводѣ и возвращаются во свояси, браня Сибирь и подсмѣиваясь надъ нею. Они не правы: не только съ служебною, но даже со многихъ точекъ зрѣнія, въ Сибири можно блаженствовать. Климатъ превосходный; есть много замѣчательно богатыхъ и хлѣбосольныхъ купцовъ; много чрезвычайно достаточныхъ инородцевъ. Барышни цвѣтутъ розами и нравственны до послѣдней крайности. Дичь летаетъ по улицамъ и сама натывается на охотника. Шампанскаго выпивается неестественно много. Икра удивительная. Урожай бываетъ въ иныхъ мѣстахъ самъ-пятнадцать... Вообще, земля благословенная. Надобно только умѣть ею пользоваться. Въ Сибири умѣютъ ею пользоваться.

Въ одномъ изъ такихъ веселыхъ и довольныхъ собою городковъ, съ самымъ милѣйшимъ населеніемъ, воспоминаніе о которомъ останется неизгладимымъ въ моемъ сердцѣ, встрѣтилъ я Александра Петровича Горяничкова, поселенца, родившагося въ Россіи дворяниномъ и помѣщикомъ, потомъ сдѣлавшагося ссыльно-каторжнымъ второго разряда, за убійство жены своей и, по истеченіи опредѣленнаго ему закономъ десятилѣтняго термина каторги, смиренно и неслышно доживавшаго свой вѣкъ въ городкѣ К. поселенцемъ. Онъ, собственно, приписанъ былъ къ одной полгородной волости; но жилъ въ городѣ, имѣя возможность добывать въ немъ хоть какое-нибудь пропитаніе обученіемъ дѣтей. Въ сибирскихъ городахъ часто встрѣчаются учителя изъ ссыльныхъ поселенцевъ; ими не брезгаютъ. Учатъ же они преимущественно французскому языку, столь необходимому на поприщѣ жизни и о которомъ, безъ нихъ, въ отдаленныхъ краяхъ Сибири не имѣли бы и понятія. Въ первый разъ я встрѣтилъ Александра Петровича въ домѣ одного стариннаго, заслужоннаго и хлѣбосольнаго чиновника, Ивана Иваныча Гвоздика, у котораго было пять дочерей, разныхъ лѣтъ, подававшихъ прекрасныя надежды. Александръ Петровичъ давалъ имъ уроки, четыре раза въ недѣлю, по 30 копѣекъ серебромъ за урокъ. Наружность его меня заинтересовала. Это былъ чрезвычайно блѣдный и худой человекъ, еще не старый, лѣтъ тридцати пяти, маленькій и тщедушный. Одѣтъ былъ всегда весьма чисто, по европейски. Если вы съ нимъ заговаривали, то онъ смотрѣлъ на васъ чрезвычайно пристально и внимательно, съ

строгой вѣжливостью выслушивалъ каждое слово ваше, какъ-будто въ него вдумываясь, какъ-будто вы вопросомъ вашимъ задали ему задачу, или хотите выпытать у него какую-нибудь тайну, и наконецъ отвѣчалъ ясно и коротко, но до того взвѣсивъ каждое слово своего отвѣта, что вамъ вдругъ становилось отчего-то неловко и вы, наконецъ, сами радовались окончанію разговора. Я тогда же распросилъ о немъ Ивана Ивановича и узналъ, что Горянчиковъ живетъ безукоризненно и нравственно и что иначе Иванъ Ивановичъ не пригласилъ бы его для дочерей своихъ, но что онъ страшный нелюдимъ; ото всѣхъ прячется, чрезвычайно ученъ, много читаетъ, но говорить весьма мало и что вообще съ нимъ довольно трудно разговариваться. Иные утверждали, что онъ положительно сумасшедшій, хотя и находили, что въ сущности это еще не такой важный недостатокъ, что многіе изъ почетныхъ членовъ города готовы всячески обласкать Александра Петровича, что онъ могъ бы даже быть полезнымъ, писать просьбы и проч. Полагали, что у него должна быть порядочная родня въ Россіи, можетъ быть даже и не послѣдніе люди, но знали, что онъ съ самой ссылки упорно пресѣкъ съ ними всякія отношенія, — однимъ словомъ, вредить себѣ. Къ тому же у насъ всѣ знали его исторію, знали, что онъ убилъ жену свою, еще въ первый годъ своего супружества, убилъ изъ ревности и самъ донесъ на себя (что весьма облегчило его наказаніе). На такія же преступленія всегда смотрятъ, какъ на несчастія, о которыхъ сожальютъ. Но, не смотря на все это, чудакомъ упорно сторонился отъ всѣхъ и являлся въ людяхъ только давать уроки.

Я сначала не обращалъ на него особеннаго вниманія; но, самъ не знаю почему, онъ мало по малу началъ интересоваться мною. Въ немъ было что-то загадочное. Разговориться не было съ нимъ ни малѣйшей возможности. Конечно, на вопросы мои онъ всегда отвѣчалъ и даже съ такимъ видомъ, какъ-будто считалъ это своею первѣйшею обязанностью; но, послѣ его отвѣтовъ, я какъ-то тяготился его долѣе спрашивать: да и на лицѣ его, послѣ такихъ разговоровъ, всегда виднѣлось какое-то страданіе и утомленіе. Помню, я шолъ съ нимъ однажды, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, отъ Ивана Ивановича. Вдругъ мнѣ вздумалось пригласить его на минутку къ себѣ выкурить папирску. Не могу описать, какой ужасъ выразился на лицѣ его;

онъ поблѣднѣлъ, потерялся, началъ бормотать какія-то безсвязныя слова и вдругъ, злобно взглянувъ на меня, бросился бѣжать въ противоположную сторону. Я даже удивился. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь со мной, онъ смотрѣлъ на меня какъ будто съ какимъ-то испугомъ. Но я не унялся; меня что-то тянуло къ нему и, мѣсяць спустя, я, ни съ того, ни съ сего, самъ зашелъ къ Горничикову. Разумѣется, я поступилъ глупо и неделикатно. Онъ квартировалъ на самомъ краю города, у старухи мѣщанки, у которой была больная въ чахоткѣ дочь, а у той незаконнорожденная дочь, ребенокъ лѣтъ десяти, хорошенькая и веселенькая дѣвочка. Александръ Петровичъ сидѣлъ съ ней и училъ ее читать въ ту минуту, какъ я вошелъ къ нему. Увидя меня, онъ до того смѣшался, какъ-будто я поймалъ его на какомъ-нибудь преступленіи. Онъ растерялся совершенно, вскочилъ со стула и глядѣлъ на меня во всѣ глаза. Мы наконецъ усѣлись, онъ пристально слѣдилъ за каждымъ моимъ взглядомъ, какъ-будто въ каждомъ изъ нихъ подозрѣвалъ какой-нибудь особенный таинственный смыслъ. Я догадался, что онъ былъ мнителенъ до сумасшествія, подозрителенъ до крайности. Онъ съ ненавистью глядѣлъ на меня, чуть не спрашивая: «да скоро ли ты уйдешь отсюда?» Я заговорилъ съ нимъ о нашемъ городкѣ, о текущихъ новостяхъ; онъ отмалчивался и злобно улыбался; я догадался, что онъ не только не зналъ самыхъ обыкновенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ городскихъ новостей, но даже не интересовался знать ихъ. Заговорилъ я потомъ о нашемъ краѣ, о его потребностяхъ; онъ слушалъ меня молча и до того странно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что мнѣ стало наконецъ совѣстно за нашъ разговоръ. Впрочемъ, я чуть не раздражилъ его новыми книгами и журналами; они были у меня въ рукахъ, только что съ почты, и я предлагалъ ихъ ему еще неразрѣзанные. Онъ бросилъ на нихъ жадный взглядъ, но тотчасъ же перемѣнилъ намѣреніе и отклонилъ предложеніе, отзываясь недосугомъ. Наконецъ, я простился съ нимъ и выйдя отъ него, почувствовалъ, что съ сердца моего спала какая-то несносная тяжесть. Мнѣ было стыдно и показалось чрезвычайно глупымъ приставать къ человѣку, который именно поставляетъ своею главнѣйшею задачею какъ можно подальше спрятаться отъ всего свѣта. Но дѣло было сдѣлано. Помню, что книгъ я у него почти совсѣмъ не замѣтилъ и стало быть несправедливо говорили о немъ, что онъ много

читаетъ. Однако же, проѣзжая раза два, очень поздно ночью, мимо его оконъ, я замѣтилъ въ нихъ свѣтъ. Что же дѣлалъ онъ, просиживая до зари? Не писалъ ли? а если такъ, что же внешне?

Обстоятельства удалили меня изъ нашего городка мѣсяца на три. Возвратясь домой уже зимою, я узналъ, что Александръ Петровичъ умеръ осенью, умеръ въ уединеніи и даже ни разу не позвалъ къ себѣ лекаря. Въ городкѣ о немъ уже почти позабыли. Квартира его стояла пустая. Я немедленно познакомился съ хозяйкой покойника, намѣреваясь вывѣдать у нея: чѣмъ особенно занимался ея жилецъ и не писалъ ли онъ чего-нибудь? За двугривенный, она принесла мнѣ цѣлое лукошко бумагъ, оставшихся послѣ покойника. Старуха призналась, что двѣ тетрадки она ужъ истратила. Это была угрюмая и молчаливая баба, отъ которой трудно было допытаться чего-нибудь путнаго. О жильцѣ своемъ она не могла сказать мнѣ ничего особенно новаго. По ея словамъ, онъ почти никогда ничего не дѣлалъ и по мѣсяцамъ не раскрывалъ книги и не бралъ пера въ руки; за то цѣлыя ночи прохаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все что-то думалъ, а иногда и говорилъ самъ съ собою; что онъ очень полюбилъ и очень ласкалъ ея внучку, Катю, какъ только узналъ, что ее зовутъ Катей, и что въ Катерининъ день каждый разъ ходилъ по комъ-то служить панихиду. Гостей не могъ терпѣть; со двора выходилъ только учить дѣтей; косился даже на нее, старуху, когда она, разъ въ недѣлю, приходила хоть немножко прибрать въ его комнатѣ, и почти никогда не сказалъ съ нею ни единого слова, въ цѣлыхъ три года. Я спросилъ Катю: помнитъ ли она своего учителя? Она посмотрѣла на меня молча, отвернулась къ стѣнкѣ и заплакала. Стало быть, могъ же этотъ человекъ хоть кого-нибудь заставить любить себя.

Я унесъ его бумаги къ себѣ и цѣлый день перебиралъ ихъ. Три четверти этихъ бумагъ были пустые, незначащія лоскутки или ученическія упражненія съ прописей. Но тутъ же была одна тетрадка, довольно объемистая, мелко исписанная и недокопченая, можетъ быть, заброшенная и забытая самимъ авторомъ. Это было описаніе, хотя и безсвязное, десятилѣтней каторжной жизни, вышесенной Александромъ Петровичемъ. Мѣстами это описаніе прерывалось какою-то другою повѣстью, какими-то странными, ужасными воспоминаніями, набросанными неровно,

судорожно, какъ-будто по какому-то принужденію. Я въ сколько разъ перечитывалъ эти отрывки и почти убѣдился, что они писаны въ сумасшествіи. Но каторжныя записки, — «Сцены изъ Мертваго Дома» — какъ называетъ онъ ихъ самъ гдѣ-то въ своей рукописи, показались мнѣ не совсѣмъ безынтересными. Совершенно новый міръ, до сихъ поръ невѣдомый, странность иныхъ фактовъ, — нѣкоторыя особенныя замѣтки о погибшемъ народѣ, — увлекли меня и я прочелъ кое-что съ любопытствомъ. Разумѣется, я могу ошибаться. На пробу выбираю сначала двѣ-три главы; пусть судить публика...

I

МЕРТВЫЙ ДОМЪ

Острогъ нашъ стоялъ на краю крѣпости, у самаго крѣпостнаго вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свѣтъ Божій: не увидишь ли хоть чего-нибудь? — и только и увидишь, что краешекъ неба, да высокій земляной валъ, поросшій бурьяномъ, а взадъ и впередъ по валу, день и ночь, расхаживаютъ часовые, и тутъ же подумаешь, что пройдутъ цѣлые годы, а ты точно также подойдешь смотрѣть сквозь щели забора и увидишь тотъ же валъ, такихъ же часовыхъ и тотъ же маленькій краешекъ неба, не того неба, которое надъ острогомъ, а другого, далекаго, вольнаго неба. Представьте себѣ большой дворъ, шаговъ въ двѣсти длины и шаговъ въ полторасти ширины, весь обнесенный кругомъ, въ видѣ неправильнаго шестиугольника, высокимъ тыномъ, то есть заборомъ изъ высокихъ столбовъ (палъ), врытыхъ стойкомъ глубоко въ землю, крѣпко прислоненныхъ другъ къ другу ребрами, скрѣпленныхъ поперечными планками и сверху заостренныхъ: вотъ наружная ограда острога. Въ одной изъ сторонъ ограды вдѣланы крѣпкія ворота, всегда запертыя, всегда день и ночь охраняемая часовыми: ихъ отпирали по требованію, для выпуска на работу. За этими воротами былъ свѣтлый, вольный міръ, жили люди какъ и всѣ. Но по сю сторону ограды о томъ мірѣ представляли себѣ, какъ о какой-то несбыточной сказкѣ. Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что

болѣ непохожій; тутъ были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи и заживо — мертвый домъ, жизнь — какъ нигдѣ и люди особенные. Вотъ этотъ-то особенный уголокъ я и принимаюсь описывать.

Какъ входите въ ограду, — видите внутри ея нѣсколько зданій. — По обѣимъ сторонамъ широкаго, внутренняго двора, тянутся два длинныхъ, одно-этажныхъ, деревянныхъ сруба. Это казармы. Здѣсь живутъ арестанты, размѣшонные по разрядамъ. Потомъ, въ глубинѣ ограды, еще такой же срубъ: это кухня, раздѣленная на двѣ артели; далѣе еще строеніе, гдѣ подъ одной крышей помѣщаются погреба, амбары, сарай. Середина двора пустая и составляетъ ровную, довольно большую площадку. Здѣсь строятся арестанты, происходитъ повѣрка и переключка утромъ, въ полдень и вечеромъ, иногда же и еще по нѣскольку разъ въ день, — судя по мнительности караульныхъ и ихъ умѣнью скоро считать. Кругомъ, между строеніями и заборомъ остается еще довольно большое пространство. Здѣсь, по заданъ строеній, иные изъ заключенныхъ, понелюдимѣе и помрачнѣе характеромъ, любятъ ходить въ нерабочее время, закрытые отъ всѣхъ глазъ, и думать свою думушку. Встрѣчаясь съ ними во время этихъ прогулокъ, я любилъ всматриваться въ ихъ угрюмыя, клеймешья лица и угадывать, о чемъ они думаютъ. Былъ одинъ ссыльный, у котораго любимымъ занятіемъ, въ свободное время, было считать паль. Ихъ было тысячи полторы и у него они были всѣ на счету и на примѣтѣ. Каждая пале означала у него день; каждый день онъ отсчитывалъ по одной палѣ в такомъ образомъ, по оставшемуся числу несосчитанныхъ пале, могъ наглядно видѣть, сколько дней еще остается ему пребыть въ острогѣ до срока работы. Онъ былъ искренно радъ, когда доканчивалъ какую-нибудь сторону шестиугольника. Много лѣтъ приходилось еще ему дожидаться; но въ острогѣ было время научиться терпѣнію. Я видѣлъ разъ, какъ прощался съ товарищами одинъ арестантъ, пробывшій въ каторгѣ двадцать лѣтъ и наконецъ выходявшій на волю. Были люди, помнившіе какъ онъ вошелъ въ острогъ въ первый разъ, молодой, беззаботный, не думавшій ни о своемъ преступленіи, ни о своемъ наказаніи. Онъ выходилъ сѣдымъ старикомъ, съ лицомъ угрюмымъ и грустнымъ. Молча обополь онъ всѣ наши шесть казармъ. Входя въ каждую казарму, онъ молился на образа и потомъ низко, въ

поясъ, откланивался товарищамъ, прося не поминать его лихою. — Помню я тоже, какъ однажды одного арестанта, прежде зажиточнаго сибирскаго мужика, разъ полъ вечеръ, позвали къ воротамъ. Полгода передъ этимъ получилъ онъ извѣстіе, что бывшая жена его вышла замужъ и крѣпко запечалился. Теперь она сама подѣхала къ острогу, вызвала его и подала ему подаваніе. Они поговорили минуты двѣ, оба всплакнули и простились на вѣки. Я-видѣлъ его лицо, когда онъ возвращался въ казарму... Да, въ этомъ мѣстѣ можно было научиться терпѣнію.

Когда смерклось, насъ всѣхъ вводили въ казармы, гдѣ и запирали на всю ночь. Мнѣ всегда было тяжело возвращаться со двора въ нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освѣщенная сальными свѣчами, съ тяжелымъ, удушающимъ запахомъ. Не понимаю теперь, какъ я выжилъ въ ней десять лѣтъ. На нарахъ у меня было три доски: это было все мое мѣсто. На этихъ же нарахъ размѣщалось въ одной нашей комнатѣ человекъ тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока всѣ засыпали. А до того — шумъ, гамъ, хохотъ, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и копотъ, бритыя головы, клейменныя лица, локутныя платья, все — обруганное, ошельмованное... да, живутъ человекъ! Человекъ есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его опредѣленіе.

Помѣщалось насъ въ острогѣ всего человекъ двѣсти пятьдесятъ, — цифра почти постоянная. Одни приходили, другіе кончали сроки и уходили, третьи умирали. И какого народу тутъ не было! Я думаю, каждая губернія, каждая полоса Россіи вмѣла тутъ своихъ представителей. Были и инородцы, было вѣскольکو ссыльныхъ даже изъ кавказскихъ горцевъ. Все это раздѣлялось по степеней преступленій, а слѣдовательно по числу лѣтъ, опредѣленныхъ за преступленіе. Надо полагать, что не было такого преступленія, которое бы не имѣло здѣсь своего представителя. Главное основаніе всего острожнаго населенія составляли ссыльно-каторжныя разряда гражданскаго (*сильно* каторжные, какъ наивно произносили сами арестанты). Это были преступники, совершенно лишонные всякихъ правъ состоянія, отрѣзанные ломти отъ общества, съ проклейменнымъ лицомъ для вѣчнаго свидѣтельства объ ихъ отверженіи. Они присылались въ

работу на сроки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ и потомъ разсылались куда-нибудь по сибирскимъ волостямъ въ поселенцы. — Были преступники и военнаго разряда, не лишонные правъ состоянія, какъ вообще въ русскихъ военныхъ арестантскихъ ротахъ. Присылались они на короткіе сроки; по окончаніи же ихъ поворачивались туда же, откуда пришли, въ солдаты, въ сибирскіе линейные батальоны. Многие изъ нихъ почти тотчасъ же возвращались обратно въ острогъ за вторичныя важныя преступленія, но уже не на короткіе сроки, а на двадцать лѣтъ. Этотъ разрядъ назывался «всегдашнимъ». Но «всегдашніе» все еще не совершенно лишались всѣхъ правъ состоянія. Наконецъ, былъ еще одинъ особый разрядъ самыхъ страшныхъ преступниковъ, преимущественно военныхъ, довольно многочисленный. Назывался онъ «особымъ отдѣленіемъ». Со всей Руси присылались сюда преступники. Они сами считали себя вѣчными и срока работъ своихъ не знали. По закону имъ должно было удвоить и утроить рабочіе уроки. Содержались они при острогѣ впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжкихъ каторжныхъ работъ. «Вамъ на срокъ, а намъ влодь по каторгѣ» — говорили они другимъ заключеннымъ. Я слышалъ потомъ, что разрядъ этотъ уничтоженъ. Кромѣ того уничтоженъ при нашей крѣпости и гражданскій порядокъ, а заведена одна общая военно-арестантская рота. Разумѣется, съ этимъ вмѣстѣ перемѣнилось и начальство. Я описываю стало быть старину, дѣла давно минувшія и прошедшія...

Давно ужъ это было; все это снится мнѣ теперь, какъ во снѣ. Помню, какъ я вошелъ въ острогъ. Это было вечеромъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Уже смеркалось; народъ возвращался съ работы; готовились къ повѣркѣ. Усатый унтеръ-офицеръ отворилъ мнѣ наконецъ двери въ этотъ странный домъ, въ которомъ я долженъ былъ пробыть столько лѣтъ, вынести столько такихъ ощущеній, о которыхъ, не испытавъ ихъ на самомъ дѣлѣ, я бы не могъ имѣть даже приблизительнаго понятія. Напримѣръ, я бы никакъ не могъ представить себѣ: что страшнаго и мучительнаго въ томъ, что я во всѣ десять лѣтъ моеи каторги, ни разу, ни одной минуты не буду одинъ? на работѣ всегда полъ конвоемъ, дома съ двумя-стами товарищей и ни разу, ни разу — одинъ! Впрочемъ, къ этому ли еще мнѣ надо было привыкать!

Были здѣсь убійцы—незвычай и убійцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ. Были просто мазурики и бродяги — промышленники по находимымъ деньгамъ или по столовской части. Были и такіе, про которыхъ трудно было рѣшить: за чтобы, кажется, они могли прійти сюда? — А между тѣмъ у всякаго была своя повѣсть, смутная и тяжолая, какъ угаръ отъ вчерашняго хмѣля. Вообще, о быломъ своемъ они говорили мало, не любили рассказывать и видимо старались не думать о прошедшемъ. Я зналъ изъ нихъ даже убійць до того веселыхъ, до того никогда не задумывающихся, что можно было биться объ закладъ, что никогда совѣсть не сказала имъ никакого упрека. Но были и мрачныя лица, почти всегда молчаливыя. Вообще жизнь свою рѣдко кто рассказывалъ, да и любопытство было не въ модѣ, какъ-то не въ обычаѣ, не принято. Такъ развѣ, изрѣдка, разговорится кто-нибудь отъ бездѣлья, а другой хладнокровно и мрачно слушаетъ. Никто здѣсь никого не могъ удивить. Мы — народъ грамотный, говорили они часто, съ какимъ-то страннымъ самодовольствіемъ. Помню, какъ однажды одинъ разбойникъ, хмѣльной (въ каторгѣ иногда можно напиться), началъ рассказывать, какъ онъ зарѣзалъ пятилѣтняго мальчика, какъ онъ обманулъ его сначала игрушкой, завелъ куда-то въ пустой сарай, да тамъ и зарѣзалъ. Вся казарма, доселѣ смѣявшаяся его шуткамъ, закричала какъ одинъ человекъ, и разбойникъ принужденъ былъ замолчать; не отъ негодованія закричала казарма, а такъ, потому что *не надо* было *про это* говорить: потому что говорить *про это* не принято. Замѣчу кстати, что этотъ народъ былъ дѣйствительно грамотный и даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Навѣрно болѣе половины изъ нихъ умѣло читать и писать. Въ какомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ русскій народъ собирается въ большихъ массахъ, отдѣлите вы отъ него кучу въ 250 человекъ, изъ которыхъ половина была бы грамотныхъ? Слышалъ я потомъ, что кто-то сталъ выводить изъ подобныхъ же данныхъ, что грамотность губить народъ. Это ошибка; тутъ совсѣмъ другія причины; хотя и нельзя не согласиться, что грамотность развиваетъ въ народѣ самонадѣянность. Но вѣдь это вовсе не недостатокъ. — Различались всѣ разряды по платью: у однихъ половина куртки была темно-бурая, а другая сѣрая, равно и на панталонахъ одна нога сѣрая, а другая темно-бурая. Одинъ разъ, на работѣ, дѣвчонокъ

каланица, подошедшая къ арестантамъ. долго всматривалась въ меня и потомъ вдругъ захохотала. — «Фу, какъ не славно, закричала она, — и сѣраго сукна не достало и чорнаго сукна не достало!» Были и такіе, у которыхъ вся куртка была одного сѣраго сукна, но только рукава были темнобурые. Равно и голова брилась по разному: у однихъ половина головы была выбрита вдоль черепа, у другихъ поперегъ.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога. Вообще же скажу, что весь этотъ народъ, за нѣкоторыми, немногими исключениями неистощимо-веселыхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ, — былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалистъ. Способность ничему не удивляться была величайшею добродѣтелью. Всѣ были помѣшаны на томъ: какъ наружно держать себя. Но нерѣдко самый заносчивый видъ съ быстротою молніи сбѣнялся на самый малодушный. Было нѣсколько истинно-сильныхъ людей, тѣ были просты и не кривлялись. Но странное дѣло! изъ этихъ настоящихъ сильныхъ людей, было нѣсколько тщеславныхъ до послѣдней крайности, почти до болѣзни. Вообще тщеславіе, наружность, были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были непрерывные: это былъ адъ, тьма кромѣшная. Но противъ внутреннихъ уставовъ и принятыхъ обычаевъ острога, никто не смѣлъ возставать; всѣ подчинялись. Бывали характеры рѣзко-выдающиеся, трудно, съ усиленіемъ подчинявшіеся, но все-таки подчинявшіеся. Приходили въ острогъ такіе, которые ужь слишкомъ зарвались, слишкомъ выскочили изъ мѣрки на волю, такъ что ужь и преступленія свои дѣлали, подъ конецъ, какъ будто не сами собой, какъ будто сами не зная за чѣмъ, какъ будто въ бреду, въ чаду; часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ высочайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, не смотря на то, что иные, до прибытія въ острогъ, бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичекъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить уже некого, и непримѣтно смирялся и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ

общій топъ составлялся спаружи изъ какого-то особеннаго, собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшонаго, составляло какой-нибудь чинъ, да еще и почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ было и какое-то наружное смиреніе, такъ сказать, офіціальное, какое-то спокойное резонерство: — «Мы погибшіи народъ» говорили они: «не умѣлъ на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣрай ряды» — «Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры». — «Не хотѣлъ шить золотомъ, теперь бей камни молотомъ». — Все это говорилось часто, и въ видѣ нравоученія, и въ видѣ обыкновенныхъ поговорокъ и присловій, но никогда серьезно. Все это были только слова. Врядъ ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности. Попробуй кто не изъ каторжныхъ упрекнуть арестанта его преступленіемъ, — выбрать его (хотя впрочемъ не въ русскомъ духѣ попрекать преступника) — ругательствамъ не будетъ конца. А какіе были они всѣ мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство возведено было у нихъ въ науку; старались взять не столько обиднымъ словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей, — а это утонченіе, ядовитѣе. Безпрерывныя ссоры еще болѣе развивали между ними эту науку. Весь этотъ народъ работалъ изъ подъ палки, слѣдственно онъ былъ праздный, слѣдственно развращался; если и не былъ прежде развращенъ, то въ каторгѣ развращался. Всѣ они собрались сюда не своей волей; всѣ они были другъ другу чужіе.

«Чортъ трое лаптей сносилъ прежде чѣмъ насъ собралъ въ одну кучу» — говорили они про себя сами; а потому сплетни, интриги, бабы наговоры, зависть, свара, злость, были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жизни. Никакая баба не въ состояніи была быть такой бабой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ. Повторяю, были и между ними люди сильные, характеры, привыкшіе всю жизнь свою ломить и повелѣвать, закаленные, безстрашные. Эгихъ какъ-то неволью уважали; они же съ своей стороны, хотя часто и очень ревнивы были къ своей славѣ, но вообще старались не быть другимъ въ тягость, въ пустыя ругательства не вступали, вели себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ, были разсудительны и почти всегда по-

слушны начальству, — не изъ принципа послушанія, не изъ сознанія обязанностей, а такъ, какъ будто по какому-то контракту, сознавъ взаимныя выгоды. Впрочемъ, съ ними и поступали осторожно. Я помню, какъ одного изъ такихъ арестантовъ, человека безстрашнаго и рѣшительнаго, извѣстнаго начальству своими звѣрскими наклонностями, за какое-то преступленіе позвали разъ къ наказанію. День былъ лѣтній, пора не рабочая. Штабъ-офицеръ, ближайшій и непосредственный начальникъ острога, пріѣхалъ самъ въ кордегардію, которая была у самыхъ нашихъ воротъ, присутствовать при наказаніи. Этотъ маіоръ былъ какое-то фатальное существо для арестантовъ; онъ довелъ ихъ до того, что они его трепетали. Былъ онъ до безумія строгъ, «бросался на людей», какъ говорили каторжные. Всего болѣе страшились они въ немъ его пронизательнаго, рыскаго взгляда, отъ котораго нельзя было ничего утаить. Онъ видѣлъ какъ-то не глядя. Входя въ острогъ, онъ уже зналъ, что дѣлается на другомъ концѣ его. Арестанты звали его осьмиглазымъ. Его система была ложная. Онъ только озлоблялъ уже озлобленныхъ людей своими бѣшеными, злыми поступками, и еслибъ не было надъ нимъ коменданта, человека благороднаго и разсудительнаго, умѣрявшаго иногда его дикія выходки, то онъ бы надѣлалъ большихъ бѣдъ своимъ управленіемъ. Не понимаю, какъ могъ онъ кончить благополучно; онъ вышелъ въ отставку живъ и здоровъ, хотя впрочемъ и былъ отданъ подъ судъ.

Арестантъ поблѣднѣлъ, когда его кликнули. Обыкновенно онъ молча и рѣшительно ложился подъ розги, молча терпѣлъ наказаніе и вставалъ послѣ наказанія, какъ встрепанный, хладнокровно и философски смотря на приключившуюся неудачу. Съ нимъ впрочемъ поступали всегда осторожно. Но на этотъ разъ онъ считалъ себя почему-то правымъ. Онъ поблѣднѣлъ и, тихонько отъ конвоя, успѣлъ сунуть въ рукавъ, острый, англійскій сапожный ножъ. Ножи и всякіе острые инструменты страшно запрещались въ острогъ. Обыски были частые, неожиданные и нешуточные, — наказанія жестокія; но такъ какъ трудно отыскать у вора, когда тотъ рѣшится что-нибудь особенно спрятать, и такъ какъ ножи и инструменты были всегдашнюю необходимостью въ острогъ, то, не смотря на обыски, они не переводились. А если и отбирались, то немедленно заводились новые.

Вся каторга бросилась къ забору и съ замираніемъ сердца смотрѣла сквозь щели палъ. Всѣ знали, что Петровъ въ этотъ разъ не захочетъ лечь подъ розги и что маіору пришолъ конецъ. Но въ самую рѣшительную минуту нашъ маіоръ сѣлъ на дрожки и уѣхалъ, поручивъ исполненіе экзекуціи другому офицеру. «Самъ Богъ спасъ» говорили потомъ арестанты. Что же касается до Петрова, онъ преспокойно вытерпѣлъ наказаніе. Его гнѣвъ прошолъ съ отъѣздомъ маіора. Арестантъ послушенъ и покоренъ до извѣстной степени; но есть крайность, которую не надо переходить. Кстати: ничего не можетъ быть любопытнѣе этихъ странныхъ вспышекъ нетерпѣнія и строптивости. Часто человѣкъ терпитъ нѣсколько лѣтъ, смиряется, выноситъ жесточайшія наказанія и вдругъ прорывается на какой-нибудь малости, на какомъ-нибудь пустякѣ, почти за ничто. На этой взглядъ можно даже назвать его сумасшедшимъ; да такъ и дѣлають.

Я сказалъ уже, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я не видалъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи, и что большая часть изъ нихъ, внутренно, считаетъ себя совершенно правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры, молодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причину. Съ другой стороны: кто можетъ сказать, что выслѣдилъ глубину этихъ погибшихъ сердець и прочелъ въ нихъ сокровенное отъ всего свѣта? Но вѣдь можно же было, во столько лѣтъ, хоть что-нибудь замѣтить, поймать, уловить въ этихъ сердцахъ, хоть какую-нибудь черту, которая бы свидѣтельствовала о внутренней тоскѣ, о страданіи. Но этого не было, положительно не было. Да, преступленіе, кажется, не можетъ быть осмысленно съ данныхъ, готовыхъ точекъ зрѣнія, и философія его нѣсколько потруднѣе чѣмъ полагають. Конечно, остроги и система насильныхъ работъ не исправляють преступника; они только его наказывають и обезпечивають общество отъ дальнѣйшихъ покушеній злодѣя на его спокойствіе. Въ преступникѣ же острогъ и самая усиленная каторжная работа, развивають только ненависть, жажду запрещенныхъ наслажденій и страшное легкомысліе. Но я твердо увѣренъ, что и знаменитая келейная система достигаетъ только ложной, обманчивой, наружной цѣли. Она высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ

ее, пугаетъ ее, и потомъ нравственно изсохшую мумію, полусу-
шасшедшаго представляетъ какъ образецъ исправленія в раская-
ніи. Конечно, преступникъ, возставшій на общество, ненави-
дитъ его и почти всегда считаетъ себя правымъ, а его виноваты-
ми. Къ тому же онъ уже потерпѣлъ отъ него наказаніе, а
черезъ это почти считаетъ себя очищеннымъ, сквитавшимся. Мож-
но судить, накопецъ, съ такихъ точекъ зрѣнія, что чуть ли не
прійдется оправдать самаго преступника. Но, не смотря на все-
возможныя точки зрѣнія, всякій согласится, что есть такія пре-
ступленія, которыя всегда и вездѣ, по всевозможнымъ зако-
намъ, съ начала міра считаются безспорными преступленіями и
будутъ считаться такими до тѣхъ поръ, покамѣстъ человѣкъ
останется человѣкомъ. Только въ острогѣ я слышалъ рассказы
о самыхъ страшныхъ, о самыхъ неестественныхъ поступкахъ, о
самыхъ чудовищныхъ убійствахъ, рассказанные съ самымъ не-
удержимымъ, съ самымъ дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Особенно
не выходитъ у меня изъ памяти одинъ отцеубійца. Онъ былъ
изъ дворянъ, служилъ и былъ у своего шестидесяти-лѣтняго
отца чѣмъ—то въ родѣ блуднаго сына. Поведенія онъ былъ со-
вершенно безпутнаго, ввязался въ долги. Отецъ ограничивалъ
его, уговаривалъ; но у отца былъ домъ, былъ хуторъ, подозрѣ-
вались деньги, и — сынъ убилъ его, жаждая наслѣдства. Пре-
ступленіе было розыскано только черезъ мѣсяць. Самъ убійца
подалъ объявленіе въ полицію, что отецъ его исчезъ неизвѣстно
куда. Весь этотъ мѣсяць онъ провелъ самымъ развратнымъ об-
разомъ. Наконецъ, въ его отсутствіе, полиція нашла тѣло. На
дворѣ, во всю длину его, шла канавка для стока нечистотъ,
прикрытая досками. Тѣло лежало въ этой канавкѣ. Оно было
одѣто и убрано, сѣдая голова была отрѣзана прочь, приставлена
къ туловищу, а подъ голову убійца подложилъ подушку. Онъ
не сознался; былъ лишонъ дворянства, чина в сосланъ въ ра-
боту на двадцать лѣтъ. Все время, какъ я жилъ съ нимъ, онъ
былъ въ превосходнѣйшемъ, въ веселѣйшемъ расположеніи ду-
ха. Это былъ забалмошный, легкомысленный, неразумитель-
ный въ высшей степени человѣкъ, хотя совсѣмъ не глупецъ. Я
никогда не замѣчалъ въ немъ какой-нибудь особенной жестоко-
сти. Арестанты презирали его, не за преступленіе, о которомъ
не было и помину, а за дурь, за то, что не умѣлъ вести себя. Въ
разговорахъ онъ иногда вспоминалъ о своемъ отцѣ. Разъ, гово-

ря со мной о здоровомъ сложеніи, послѣдственпомъ въ нихъ семействѣ, онъ прибавилъ: «вотъ, *родитель мой*, такъ тотъ до самой кончины своей не жаловался ни на какую болѣзнь». Такая звѣрская безчувственность разумѣется невозможна. Это феноменъ; тутъ какой-нибудь недостатокъ сложенія, какое-нибудь тѣлесное и нравственное уродство, еще неизвѣстное наукѣ, а не просто преступленіе. Разумѣется, я не вѣрилъ этому преступленію. Но люди изъ его города, которые должны были знать всѣ подробности его исторіи, рассказывали мнѣ все его дѣло. Факты были до того ясны, что невозможно было не вѣрить.

Арестанты слышали, какъ онъ кричалъ однажды ночью во снѣ: «Держи его, держи; голову-то ему руби, голову, голову»!..

Арестанты почти всѣ говорили ночью и бредили. Ругательства, воровскія слова, ножи, топоры, чаще всего приходили имъ въ бреду на языкъ. «Мы народъ битый, говорили они; у насъ нутро отбитое; отъ того и кричимъ по ночамъ».

Казенная каторжная крѣпостная работа была не занятіемъ, а обязанностью: арестантъ отработывалъ свой урокъ или отбывалъ законныя часы работы и шолъ въ острогъ. На работу смотрѣли съ ненавистью. Безъ своего особаго, собственного занятія, которому бы онъ преданъ былъ всѣмъ умомъ, всѣмъ расчетомъ своимъ, человѣкъ въ острогѣ не могъ бы жить. Да и какимъ способомъ весь этотъ народъ, развитой, сильно пожившій и желавшій жить, насильно сведенный сюда въ одну кучу, насильно оторванный отъ общества и отъ нормальной жизни, могъ бы ужиться здѣсь нормально и правильно, своей волей и охотой! Отъ одной праздности здѣсь развились бы въ немъ такія преступныя свойства, о которыхъ онъ прежде не имѣлъ и понятія. Безъ труда и безъ законной, нормальной собственности, человѣкъ не можетъ жить, развращается, обращается въ звѣря. И потому каждый въ острогѣ, вслѣдствіе естественной потребности и какого-то чувства самосохраненія, имѣлъ свое мастерство и занятіе. Длинный лѣтній день почти весь наполнялся казенной работой; въ короткую ночь едва было время выспаться. Но зимой арестантъ, по положенію, какъ только смеркалось, уже долженъ быть запертъ въ острогѣ. Чго же дѣлать въ длинные, скучныя часы зимняго вечера? И потому, почти каждая казарма, не смотря на запретъ, обращалась въ огромную мастерскую. Собственно трудъ,

мнѣніе не заворачивалось; но строго запрещалось имѣть при себѣ, въ острогѣ, инструменты, а безъ этого невозможно была работа. Но работали тихонько и, кажется, начальство въ живыхъ случаяхъ смотрѣло на это не очень пристально. Многіе изъ арестантовъ приходили въ острогъ ничего не зная, но учились у другихъ и потому выходили на волю хорошими мастерами. Тутъ были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесари, и рѣзчики, и золотышники. Былъ одинъ еврей, Исай Бумштеймъ, ювелиръ, онъ же и ростовщикъ. Всѣ они трудились и добывали копѣйку. Заказы работъ добывались изъ города. Деньги есть чужденная свобода, а потому для человѣка, лишеннаго совершенно свободы, они дороже вдесятеро. Если они только бракутъ у него въ карманѣ, онъ уже вполовину утѣшенъ, хотя бы и не могъ ихъ тратить. Но деньги всегда и вездѣ можно тратить, тѣмъ болѣе, что запрещенный плодъ вдвое слаще. А въ каторгѣ можно было даже имѣть и вино. Трубки были строжайше запрещены, но всѣ ихъ курили. Деньги и табакъ спасали отъ цынготной и другихъ болѣзней. Работа же спасала отъ преступленій; безъ работы арестанты поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ стеклянкѣ. Не смотря на то и работа, и деньги запрещались. Нерѣдко по ночамъ дѣлались внезапные обыски, отбиралось все запрещенное и — какъ ни прятались деньги, а все-таки иногда попадались сыщикамъ. Вотъ, отчасти, почему они и не береглись, а въ скорости пропивались; вотъ почему заводилось въ острогѣ и вино. Послѣ каждаго обыска, виноватый, кромѣ того что лишался всего своего состоянія, бывалъ обыкновенно больно наказанъ. Но, послѣ каждаго обыска, тотчасъ же пополнялись недостатки, немедленно заводились новыя вещи и все шло по старому. И начальство знало объ этомъ, и арестанты не роптали на наказанія, хотя такая жизнь похожа была на жмѣнь поселившихся на горѣ Везувіѣ.

Кто не имѣлъ мастерства, промышлялъ другимъ образомъ. Были способы довольно оригинальные. Иные промышляли, на примѣръ, однимъ перекупствомъ, а продавались иногда такімъ вещи, что и въ голову не могло бы прійти кому нибудь за стѣнами острога, не только покупать и продавать ихъ, но даже считать вещами. Но каторга была очень бѣдна и чрезвычайно промышлезна. Послѣдняя тряпка была въ цѣнѣ и шла въ какое-нибудь дѣло. По бѣдности же и деньги въ острогѣ имѣли совер-

шевно другую цѣну, чѣмъ на волю. За бошачей и сложной трудъ платалось грошми. Нѣкоторые съ успѣхомъ промышляли ростовщичествомъ. Арестантъ, заматавшійся или разорившійся, несъ послѣднія свои вещи ростовщику и получалъ отъ него нѣсколько мѣдныхъ денегъ; за ужасные проценты. Если онъ не вымучалъ эти вещи въ срокъ, то они беззастѣливо и безжалостно продалась; ростовщичество до того процвѣтало, что принимались поды закладъ даже казенныя смотровыя вещи, какъ-то: казенное бѣлье, сапожный товаръ и проч., — вещи, необходимыя всякому арестанту во всякій моментъ. Но при такихъ закладахъ случался и другой оборотъ дѣла; по совету впрочемъ неожиданнѣй: заложившій и получившій деньги, немедленно, безъ дальнихъ разговоровъ шелькъ старшему унтер-офицеру, ближайшему начальнику острога, дозволяя о закладѣ смотровыхъ вещей и они тотчасъ же отбирались у ростовщика обратно, даже безъ доклада вышему начальству. Любопытно, что при этомъ иногда даже не было и ссоры: ростовщикъ молча и угрюмо возмущался что слѣдовало и даже какъ будто самъ ожидалъ что такъ будетъ. Можетъ быть, онъ не могъ не сознаваться въ себѣ, что на мѣстѣ закладчика и онъ бы такъ едлакъ. И потому, если ругался иногда потомъ, то безъ всякой злобы, а такъ только, для очистки совѣсти.

Вообще, все воровали другъ у друга ужасно. Почти у каждаго былъ свой сундукъ, съ замкомъ, для храненія казенныхъ вещей. Это позволялось; но сундуки не спасали. Я думаю можно представить, какіе были тамъ искусные воры. У меня одинъ арестантъ, искренно преданный мнѣ человекъ (говорю это безъ всякой натяжки), укралъ библію, единственную книгу которую позволялось имѣть въ каторгѣ; онъ въ тотъ же день мнѣ самъ сознался въ этомъ, не отъ раскаянія, но жалѣя меня, потому что я ее долго искалъ. Были цѣловальники; торговашіе виномъ и быстро обогащавшіеся. Объ этой продажѣ я скажу когда нибудь особенно; она довольно замѣчательна. Въ острогѣ было много пришедшихъ за контрабанду, и потому нечего удивляться какимъ способомъ, при такихъ осмотрахъ и конволахъ, въ острогъ проносилось вино. Кстати: контрабанда, по характеру своему, какое-то особенное преступленіе. Можно ли, напримѣръ, представить себѣ, что деньги, выгода у плѣбъ контрабандиста играютъ только второстепенную роль, столтъ

на старомъ планѣ? А между тѣмъ бываетъ именно такъ. Контрабандистъ работаетъ по страсти, по призванію. Это отчасти портъ. Онъ рискуетъ всѣмъ, идетъ на страшную опасность, хитритъ, изобрѣтаетъ, выпутывается; иногда даже дѣйствуютъ по какому то вдохновенію. Это страсть столь же сильная какъ и карточная игра. Я зналъ въ острогѣ одного арестанта, верующаго размаха колоссальнаго, но до того крохоткаго, тихого, смиреннаго, что нельзя было представить себѣ, какимъ образомъ онъ очутился въ острогѣ. Онъ былъ до того недобивъ и уживчивъ, что во все время своего пребыванія въ острогѣ ни съ кѣмъ не поссорился. Но онъ былъ съ западной границы, пришелъ за контрабанду и, разумѣется, не могъ утерпѣть, и пустился проносить вино. Сколько разъ его за это наказывали, и какъ онъ болелъ розогъ! Да и самый проносъ вина доставлялъ ему самые ничтожныя доходы. Отъ вина обогащался только одинъ антрепренеръ. Чудакъ любилъ искусство для искусства. Онъ былъ плаксивъ какъ баба и сколько разъ, бывало, послѣ наказанія, клялся и зарѣкался не носить контрабанды. Съ мужествомъ онъ продолжалъ себя иногда по цѣлому мѣсяцу, но наконецъ все-таки не выдерживалъ... Благодаря этимъ то личностямъ, вино не оскудѣвало въ острогѣ.

Наконецъ, былъ еще одинъ доходъ, хотя не обогащавшій арестантовъ, но постоянный и благодѣтельный. Это подаваніе. Высшій классъ нашего общества не имѣетъ понятія, какъ заботятся о «несчастныхъ» купцы, мѣщане и весь народъ нашъ. Подаяніе бываетъ почти непрерывное и почти всегда хлѣбомъ, сайками и кадаками, гораздо рѣже деньгами. Безъ этихъ подаваній, во многихъ мѣстахъ, арестантамъ, особенно подсудимымъ, которые содержатся гораздо строже рѣшныхъ, было бы слишкомъ трудно. Подаяніе религіозно дѣлится арестантами поровну. Если не доставятъ на всѣхъ, то калачи разрѣзаются поровну, иногда даже на шесть частей, и каждый заключенный непременно получаетъ себѣ свой кусокъ. Помню, какъ я въ первый разъ получалъ денежное подаяніе. Это было скоро по прибытіи моемъ въ острогѣ. Я возвращался съ утренней работы одинъ, съ конвойнымъ. На встрѣчу мнѣ прошли мать и дочь, дѣвочка лѣтъ десяти, хорошецкая какъ ангелчикъ. Я уже видѣлъ ихъ разъ. Мать была солдатка, вдова. Ея мужъ, молодой солдатъ, былъ под-судомъ и умеръ въ госпиталѣ, въ арестантской палатѣ, въ

то время, когда и я тамъ лежалъ больной. Жена и дочь приходили къ нему прощаться; обѣ ужасно плакали. Увидя меня, дѣвочка покраснѣлась, пошептала что-то матери; та тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ четверть копѣйки и дала ее дѣвчкѣ. Та бросилась бѣжать за мной... — На, «несчастныи» возьми Христа ради, копѣчку — кричала она забѣгая впередъ меня и суя мнѣ въ руки монетку. Я взялъ ее копѣчку, и дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная. Эту копѣчку я долго берегъ у себя.

II

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Первый мѣсяцъ и вообще начало моей осторожной жизни живо представляются теперь моему воображенію. Послѣдующіе мои осторожные годы мелькаютъ въ воспоминаніи моемъ гораздо тусклѣе. Иные какъ будто совсѣмъ ступсывались, слились между собою, оставивъ по себѣ одно цѣльное впечатлѣніе: тяжелое, однообразное, удушашщее.

Но все, что я выжилъ въ первые дни моей каторги, представляется мнѣ теперь какъ будто вчера случившимся. Да такъ и должно быть.

Помню ясно, что съ перваго шагу въ этой жизни поразило меня то, что я какъ будто и не нашолъ въ ней ничего особенно поражающаго, необыкновеннаго, или лучше сказать неожиданнаго. Все это какъ будто и прежде мелькало передо мной въ воображеніи, когда я, идя въ Сибирь, старался угадать впередъ мою долю. Но скоро бездна самыхъ странныхъ неожиданностей, самыхъ чудовищныхъ фактовъ начала останавливать меня почти на каждомъ шагу. И уже только въ послѣдствіи, уже довольно долго поживъ въ острогѣ, осмыслилъ я вполнѣ всю исключительность, всю неожиданность такого существованія, и все болѣе и болѣе дивился на него. Признаюсь, что это удивленіе сопровождало меня во весь долгій срокъ моей каторги; я никогда не могъ примириться съ нею.

Первое впечатлѣніе мое, при поступленіи въ острогѣ, вообще было самое отвратительное; но не смотря на то, — странное дѣло, — мнѣ показалось, что въ острогѣ гораздо легче жить,

чѣмъ я воображалъ себѣ дорогой. Арестанты, хоть и въ кандалахъ, ходили свободно по всему острогу, ругались, пѣли пѣсни, работали на себя, курили трубки, даже пили вино (хотя очень немногіе), а по ночамъ иные заводили картежь. Самая работа, *напримѣръ*, показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою, *каторжную*, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и *каторжность* этой работы, не столько въ трудности и непрерывности ея, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная, взъ подъ палки. Мужикъ на волѣ, работаетъ пожалуй и несравненно больше, иногда даже и по ночамъ, особенно лѣтомъ; но онъ работаетъ на себя, работаетъ съ разумною цѣлью, и ему несравненно легче, чѣмъ каторжному, на вынужденной и совершенно для него бесполезной работѣ. Мнѣ пришло разъ на мысль, что еслибъ захотѣли вполне раздавить, уничтожить человѣка, наказать его самымъ ужаснымъ наказаніемъ, такъ что самый страшный убійца содрогнулся бы отъ этого наказанія и пугался его заранѣе, то стоило бы только придать работѣ характеръ совершенной, полнѣйшей бесполезности и бессмыслицы. Если теперешняя каторжная работа и безынтересна и скучна для каторжника, то сама въ себѣ, какъ работа, она разумна: арестантъ дѣлаетъ кирпичъ, копаетъ землю, штукатуритъ, строитъ; въ работѣ этой есть смыслъ и цѣль. Каторжный работникъ иногда даже увлекается ею, хочетъ сработать ее ловче, спорѣе, лучше. Но еслибъ заставить его, *напримѣръ*, переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый, толочь песокъ, перетаскивать кучу земли съ одного мѣста на другое и обратно, я думаю, арестантъ удавился бы черезъ нѣсколько дней или надѣлалъ бы тысячу преступленій, чтобъ хоть умереть, да выдти изъ такого униженія, стыда и муки. Разумѣется, такое наказаніе обратилось бы въ пытку, въ мученіе, и было бы бессмысленно, потому что не достигало бы никакой разумной цѣли. Но такъ какъ часть такой пытки, бессмыслицы, униженія и стыда, есть непременно и во всякой вынужденной работѣ, то и каторжная работа несравненно мучительнѣе всякой вольной, именно тѣмъ, что вынужденная.

Впрочемъ, я поступилъ въ острогъ зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ, и еще не имѣлъ понятія о лѣтней работѣ, въ пятеро тяжелѣйшей. Зимою же въ нашей крѣпости казенныхъ работъ вообще было мало. Арестанты ходили на Иртышъ ломать старыя

казенныя барки, работали по мастерски, разгребали у казенныхъ зданій снѣгъ, нанесенный бурунами, обжигали и толкали алебастръ и проч. и проч. Зимній день былъ коротокъ; работа кончалась скоро, и весь нашъ людъ возвращался въ острогъ рано, гдѣ ему почти бы нечего было дѣлать, еслибы не случилось кой-какой своей работы. Но собственной работой занималась, можетъ быть, только треть арестантовъ; остальные же были баклуши, слонялись безъ нужды по всемъ казармамъ острога; ругались, заводили межъ собой интриги, висторин, напились, если наворачтывались хоть какія-нибудь деньги; по ночамъ проигрывали въ карты послѣднюю рубашку, и все это отъ тоски, отъ праздности, отъ нечего дѣлать. Въ послѣдствіи я понималъ, что кромя лишенія свободы, кромя вынужденной работы, въ каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнѣйшая, чѣмъ все другія. Это: *вынужденное общее сожительство*. Общее сожительство, конечно, есть и въ другихъ мѣстахъ; но въ острогъ-то приходятъ такіе люди, что не всякому хотѣлось бы сживаться съ ними, и я увѣренъ, что всякій каторжный чувствовалъ эту муку, хотя конечно большею частью бессознательно.

Также и пища показалась мнѣ довольно достаточною. Арестанты увѣряли, что такой нѣтъ въ арестантскихъ ротахъ европейской Россіи. Объ этомъ я не берусь судить: я тамъ не былъ. Къ тому же многіе имѣли возможность имѣть собственную пищу. Говядина стояла у насъ грошъ за фунтъ, лѣтомъ три копѣйки. Но собственную пищу заводили только тѣ, у которыхъ водились постоянныя деньги; большинство же каторги ѣло казенную. Впрочемъ, арестанты хвалясь своею пищею, говорили только про одинъ хлѣбъ, и благословляли именно то, что хлѣбъ у насъ общій, а не выдается съ вѣсу. Послѣднее ихъ ужасало: при выдачѣ съ вѣсу, треть людей была бы голодная; въ артели же всемъ доставало. Хлѣбъ нашъ былъ какъ-то особенно вкусенъ и этимъ славился во всемъ городѣ. Приписывали это удачному устройству острожныхъ печей. Щи же были очень неказисты. Они варились въ общемъ котлѣ, слегка заправлялись крупой и, особенно въ будніе дни, были жидкіе, тощіе. Меня ужаснуло въ нихъ огромное количество таракановъ. Арестанты же не обращали на это никакого вниманія.

Первые три дня я не ходилъ на работу; такъ поступали и со

искивъ: понопробышшекъ; давалося отдохнуть съ дороги. Но на другой же день нѣтъ прошлося выйти изъ острога, чтобъ перекватъся. Кандалы мои были не форменныя, кольчатые, «мелководы», какъ называли ихъ арестанты. Они носилися жаружу. Форменныя же острожные кандалы, приспособленныя къ работѣ, состояли не изъ колець; а изъ четырехъ желѣзныхъ прутьевъ, двѣчи въ палець толщиной, соединенныхъ между собою тремя кольцами. Ихъ должно было надѣвать подъ шаталоны. Къ серединному кольцу привязывался ремень, который въ свою очередь, прикрѣплялся къ пояскому ремню, надѣвавшемуся прямо на рубашку.

Помню первое мое утро въ казармѣ. Въ кордегардіи у острожныхъ воротъ барабанъ пробилъ зорю и, минутъ черезъ десять, караульный унтеръ-офицеръ началъ отпирать казармы. Стали просыпаться. При тускломъ свѣтѣ отъ шестериковой сальной свѣчи, подымались арестанты, дрожа отъ холода, съ своихъ наръ. Большая часть была молчалива и угрюма со сна. Они зѣвали, потягивались и морщили свои клеймешые лбы. Иные крестились, другіе уже начинали ведорить. Духота была страшная. Свѣжій зимній воздухъ ворвался въ дверь, какъ только ее отворили, и клубами пара понесся по казармѣ. У ведоръ съ водой столпились арестанты; они по очереди брали ковшъ, набирали въ ротъ воды и умывали себѣ руки и лицо изъ рта. Вода готовилась съ вечера парашникомъ. Во всякой казармѣ по положенію былъ одинъ арестантъ, выбранный артелью, для прислуги въ казармѣ. Онъ назывался парашникомъ и не ходилъ на работу. Его занятіе состояло въ наблюденіи за чистотой казармы, въ мытьѣ и въ скобленіи наръ и половъ, въ приносѣ и выносѣ вочного ушата, и въ доставленіи свѣжей воды въ два ведра, утромъ для умыванія, а днемъ для питья. Изъ-за ковшу, который былъ одинъ, начался немедленно ссоры:

— Куда лѣзешь, лезый лобъ! ворчалъ одинъ угрюмый, высокий арестантъ, сухощавый и смуглый, съ каппи-то страшными выпуклостями на своемъ бритомъ черепѣ, толкая другого, толстаго и приземистаго, съ веселымъ и румянымъ лицомъ, — постой!

— Чего кричишь! За постой у насъ деньги платять; самъ проваливай! Ишь монументъ вытянулся. То есть никакой-то, братцы, въ земѣ фортикультанности нѣтъ.

Фортикультянность произвела нѣкоторый эффектъ: многие засмѣялись. Того только и надо было веселому толстяку, который очевидно былъ въ казармѣ чѣмъ-то въ рядѣ добровольнаго шута. Высокій арестантъ посмотрѣлъ на него съ глубочайшимъ презрѣніемъ.

— Бирюлинка корова! проворчалъ онъ какъ бы про себя, — ишь отъѣлся на острожномъ чистякѣ (*); радъ, что къ розговѣнью двѣнадцать порослятъ принесетъ.

Толстякъ наконецъ рассердился.

— Да ты, что за птица такая! вскричалъ онъ вдругъ раскраснѣвшись.

— То и есть, что птица!

— Какая?

— Такая.

— Какая такая?

— Да ужь одно слово такая.

— Да какая?

Оба впилсъ глазами другъ въ друга. Толстякъ ждалъ отвѣта и, сжалъ кулаки, какъ-будто хотѣлъ тотчасъ же кинуться въ драку. Я и вправду думалъ, что будетъ драка. Для меня все это было ново; и я смотрѣлъ съ любопытствомъ. Но въ послѣдствіи я узналъ, что всѣ подобныя сцены были чрезвычайно невинны и разыгрывались, какъ въ комедіи, для всеобщаго удовольствія, до драки же никогда почти не доходило. Все это было довольно характерно и изображало нравы острога.

Высокій арестантъ стоялъ спокойно и величаво. Онъ чувствовалъ, что на него смотрять и ждутъ, осрамится ли онъ или нѣтъ своимъ отвѣтомъ; что надо было поддержать себя, доказать, что онъ дѣйствительно птица и показать, какая именно птица. Съ невыразимымъ презрѣніемъ скосилъ онъ глаза на своего противника, стараясь, для большей обиды, посмотрѣть на него какъ-то черезъ плечо, сверху внизъ, какъ-будто онъ разглядывалъ его какъ букашку, и медленно и внятно провздаетъ!

— Каганъ...

То есть, что онъ птица каганъ. Громкій залпъ хохота арестантовъ находчивость арестанта.

— Подлецъ ты, а не каганъ! заревѣлъ толстякъ, почувство-

(*) Чистякомъ назывался хлѣбъ изъ чистой муки, безъ приѣса.

вать, что срѣзался на всѣхъ пунктахъ, и дойдя до крайняго бѣшенства.

Но только что ссора стала серьезною; молодцовъ немедленно осадили.

— Что загадѣли! закричала на нихъ вся казарма.

— Да вы лучше подеритесь, чѣмъ горло-то драть, прокричалъ кто-то изъ-за угла.

— Да, держи, подерутся! раздалось въ отвѣтъ. У насъ народъ бойкій, задорный; семеро одного не бонмса...

— Да и оба хороши! Одинъ за фунтъ хлѣба въ острогъ пришолъ, а другой — крыночная блудница, у бабы простокышу поѣлъ, за то в кнута хватилъ.

— Ну-ну-ну! полно вамъ; закричалъ инвалидъ, проживавшій для порядка въ казармѣ и поэтому спавшій въ углу на особой койкѣ.

— Вода, ребята! Невалядъ Петровичъ проснулся! Неваляду Петровичу, родимому братцу!

— Братъ... Какой я тебѣ братъ? Рубля виѣтъ не пропили, а братъ, ворчалъ инвалидъ, натягивая въ рукава шинель...

Готовились къ поѣдкѣ; начало разсвѣтать; въ кухнѣ набралась густая толпа народу, не впрорѣзъ. Арестанты толпились въ своихъ полушубкахъ и въ половинчатыхъ шапкахъ у хлѣба, который рѣзалъ имъ одинъ изъ кашеваровъ. Кашевары выбирались артелью, въ каждую кухню по двое. У нихъ же сохранялся и кухонный ножъ для рѣзанія хлѣба и мяса, на всю кухню одинъ.

По всѣмъ угламъ и около столовъ размѣстившись арестанты, въ шапкахъ, въ полушубкахъ и подпоясанные, готовые выйдти сейчасъ на работу. Передъ нѣкоторыми стояли деревянныя чашки съ квасомъ. Въ квасъ крошили хлѣбъ и приклебывали. Гамъ и шумъ былъ нестерпимый; но нѣкоторые благоразумно и тихо разговаривали по угламъ.

— Старичку Антонычу, хлѣбъ да соль, здравствуй! проговорилъ молодой арестантъ, усаживаясь подлѣ нахмуреннаго и беззубаго арестанта.

— Ну, здравствуй, коли не шутишь, проговорилъ тотъ, не поднимая глазъ и стараясь жевать хлѣбъ своими беззубыми деснами.

— А вѣдь я, Антонычъ, думалъ, что ты померъ; право-ну.

— Нѣтъ, ты сперва помри, а я поелъ...

Я съѣлъ подлѣ нихъ. Справа меня разговаривали два степенные арестанта; видимо стараясь другъ передъ другомъ сохранить свою важность.

— У меня небось не украдутъ, — говорилъ одинъ; а братъ, самъ боюсь какъ бы чего не украсть.

— Ну, да и меня голой рукой не бери, обожгу.

— Да чего обожжешь-то! Татей же варнакъ; больше и названія намъ нѣтъ. она тебя оберетъ, да и не поклонится. Тутъ, братъ, и моя копѣчка умылась. Намедни сама пришла. Куда съ ней дѣлась? Началъ проситься къ Федькѣ-палачу; у него еще въ форштадтѣ домъ стоялъ, у Соломенки-паршиваго у жиды думилъ, воть еще который попомъ удавился.

— Знаю. Онъ у насъ такъ третью подлѣ въ цѣловальничкѣ сидѣлъ, а по прозвищу Гришка — темный кабакъ. Знаю.

— А воть и не знаешь; это другой темный кабакъ.

— Какъ не другой! Знать ты то сто знаешь! Да я воть стоякко посредственнѣе приведу.

— Приведешь! Ты откуда, а я чей?

— Чей! Да я воть тебя и бивалъ, да не хвастаю, а то еще чей!

— Ты бивалъ! Да кто меня прибить, еще тотъ не роился; а кто бивалъ, тотъ въ землѣ лежить.

— Чума бешдерская!

— Чтобъ-те лязнула язва сибирская!

— Чтобъ съ тобой говорила турецкая сабля!..

И пошла ругань.

— Ну-ну-ну! Загалдѣли! — закричали кругомъ. На волѣ все ушибы жить; рады, что адѣсь до чистяка добрались...

Тотчасъ уймутъ. Ругаться, «волотить» языкомъ позволяется. Это отчасти и развлеченіе для всѣхъ. Но до драки не допустить, и только развѣ въ исключительности юлувать враги водерука. О дракѣ донесутъ майору; начнутся рывочки, придетъ самъ майоръ; — однимъ словомъ, всѣмъ не хорошо будетъ, а потому-то драка и не допускается. Да и сами враги ругаются больше для развлечения, для упражненія въ слогѣ. Нередко сами себя обвинываютъ, начинаютъ съ страшной горячкой; съ остротеніемъ... думаешь: воть бросятся другъ на друга; ничуть не бывало: дойдутъ до извѣстной точки и потчасъ расходятся. Все

это меня сначала чрезвычайно удивляло. Я нарочно привелъ здѣсь примѣръ самыхъ обыкновенныхъ каторжныхъ разгово-ровъ. Не могъ я представить себѣ сперва, какъ можно ругаться въ удовольствіи, находить въ этомъ забаву, милое упражненіе, пріятность? Впрочемъ не надо забывать и тщеславія. Діалектикъ, ругавшій былъ въ уваженіи. Ему только что не авлодировали, какъ актеру.

Еще вчера, съ вѣчера зашѣталъ я, что на меня смотрятъ косо.

Я уже понималъ нѣсколько мрачныхъ взглядовъ. Напротивъ, другіе арестанты ходили около меня, полозрѣвая, что я принесъ съ собой деньги. Они тотчасъ же стали подслуживаться: начали учить меня, какъ носить новые кандалы; достали мнѣ, конечно за деньги, сундучекъ съ замкомъ, чтобы спрятать въ него уже выданныя мнѣ казенныя вещи и нѣсколько моего бѣлья, кото-рое я пронесъ въ острогъ. На другой же день они у меня его украли и пропили. Одинъ изъ нихъ сдѣлался въ послѣдствіи пре-даннымъ мнѣ человѣкомъ, хотя и не переставалъ обира-вать меня при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ дѣлалъ это безъ всякаго смущенія, почти безсознательно, какъ будто по обяза-ности, и на него невозможно было сердиться.

Между прочимъ они научили меня, что должно имѣть свой чай; что не худо мнѣ завести и чайникъ, а покамѣсть достали мнѣ на поддержаніе чужой и рекомендовали мнѣ кашевара, гово-ря, что копѣекъ за тридцать въ мѣсяцъ онъ будетъ стряпать мнѣ что угодно, если я пожелаю ѣсть особо и покувать себѣ провіантъ... Разумѣется, они заняли у меня денегъ и каждый изъ нихъ въ одинъ первый день приходилъ занимать раза по три.

На бывшихъ дворянъ въ каторгѣ вообще смотрятъ мрачно и неблагоприятно.

Не смотря на то, что тѣ уже лишены всѣхъ своихъ правъ состоянія и волиѣ сравнены съ остальными арестантами, — арестанты никогда не признаютъ ихъ своими товарищами. Это дѣлается даже не по сознательному предубѣжденію, а такъ, со-вершено искренно, безсознательно. Они искренно признавали насъ за дворянъ, не смотря на то, что сами же любили дразнить насъ нашимъ паденіемъ.

— Нить! теперь полно! востой. Бывало Петръ черезъ Ме-

скву претъ ; а нынче Петръ веревки вьеть , и проч. и проч. любезности.

Они съ любовью смотрѣли на наши страданія , которыя мы старались имъ не показывать. Особенно доставалось намъ сначала на работѣ , за то , что въ насъ не было столько силы , какъ въ нихъ , и что мы не могли имъ исполнѣ помогать. Нѣтъ ничего труднѣе , какъ войти къ народу въ довѣренность (и особенно къ такому народу) и заслужить его любовь.

Въ каторгѣ было нѣсколько человѣкъ изъ дворянъ. Во первыхъ человѣкъ пять поляковъ. Объ нихъ я поговорю когда-нибудь особо. Каторжные страшно не любили поляковъ , даже больше чѣмъ ссыльныхъ изъ русскихъ дворянъ. Поляки (я говорю объ однихъ политическихъ преступникахъ) , были съ ними какъ-то утонченно , обидно вѣжливы , крайне несообщительны и никакъ не могли скрыть передъ арестантами своего къ нимъ отвращенія , а тѣ понимали это очень хорошо и платили той же монетою.

Мнѣ надо было почти два года прожить въ острогѣ , чтобъ приобрѣсть расположеніе нѣкоторыхъ изъ каторжныхъ. Но большая часть изъ нихъ , наконецъ , меня полюбила и признала за «хорошаго» человѣка.

Изъ русскихъ дворянъ , кромѣ меня , было четверо. Одинъ — низкое и подленькое созданіе , страшно-развращенное , шлюпъ и донощикъ по ремеслу. Я слышалъ о немъ еще до прихода въ острогъ и съ первыхъ же дней прервалъ съ нимъ всякія отношенія. Другой , — тотъ самый отцеубійца , о которомъ я уже говорилъ въ своихъ запискахъ. Третій былъ Акимъ Акимычъ ; рѣдко видалъ я такого чудака , какъ этотъ Акимъ Акимычъ. Рѣдко отпечатался онъ въ моей памяти. Былъ онъ высокъ , худощавъ , слабоуменъ , ужасно безграмотенъ , чрезвычайный резонеръ и аккуратенъ , какъ нѣмецъ. Каторжные смѣялись надъ нимъ ; но нѣкоторые даже боялись съ нимъ связываться за придирчивый , взыскательный и вздорный его характеръ. Онъ съ перваго шагу сталъ съ ними за-панибрата , ругался съ ними , даже дрался. Честенъ онъ былъ феноменально. Замѣтитъ несправедливость и тотчасъ же ввяжется , хоть бы не его было дѣло. Навненъ до крайности : онъ , напримѣръ , браняся съ арестантами , корилъ ихъ иногда за то , что они были воры и серьезно убѣждалъ ихъ не воровать. Служилъ онъ на Кавказѣ при-

пердикомъ. Мы сошлись съ нимъ съ перваго же дня и онъ тотчасъ же разсказалъ мнѣ свое дѣло. Началъ онъ на Кавказѣ же, съ юнкеровъ, въ пѣхотномъ полку, долго тамуль лямку, наконецъ былъ произведенъ въ офицеры и отпращенъ въ какое-то укрѣпленіе старшимъ начальникомъ. Одинъ сосѣдній мирной князьъ зажогъ его крѣпость и сдѣлалъ на нее ночное нападеніе; оно не удалось. Акимъ Акимычъ схитрилъ и не показавъ даже виду, что знаетъ, кто злоумышленникъ. Дѣло свалили на мирныхъ, а черезъ мѣсяцъ Акимъ Акимычъ зазвалъ князька къ себѣ по дружески въ гости. Тотъ пріѣхалъ, ничего не подозревая. Акимъ Акимычъ выстроилъ свой отрядъ; уличалъ и укорялъ князька всенародно; доказалъ ему, что крѣпости зажигать стыдно. Тутъ же прочелъ ему самое подробное наставленіе, какъ должно мирному князю вести себя впередъ и, въ заключеніе, разстрѣлялъ его, о чемъ немедленно и донесъ начальству со всѣми подробностями. За все это его судили, приговорили къ смертной казни, но смягчили приговоръ и сослали въ Сибирь, въ каторгу втораго разряда изъ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ. Онъ вполнѣ сознавалъ, что поступилъ неправильно, говорилъ мнѣ, что зналъ объ этомъ, и передъ разстрѣляніемъ князька, зналъ, что мирного должно было судить по законамъ, но не смотря на то, что зналъ это, онъ какъ будто никакъ не могъ понять своей вины настоящимъ образомъ:

— Да помилуйте! вѣдь онъ зажогъ мою крѣпость! Чтожъ мнѣ, поклониться что ли ему за это! говорилъ онъ мнѣ, отвѣчая на мои возраженія.

Но не смотря на то, что арестанты подсмѣивались надъ придурью Акіма Акимыча, они все-таки уважали его за аккуратность и умѣлость.

Не было ремесла, котораго бы не зналъ Акимъ Акимычъ. Онъ былъ столяръ, сапожникъ, башмачникъ, маляръ, золотильщикъ, слесарь и всему этому обучился уже въ каторгѣ. Онъ дѣлалъ все самоучкой: взглянетъ разъ и сдѣлаетъ. Онъ дѣлалъ тоже разные ящики, корзинки, фонарики, дѣтскія игрушки и продавалъ ихъ въ городѣ. Такимъ образомъ у него водились деньги и онъ немедленно употреблялъ ихъ на лишиее бѣлье, на подушку помягче, завелъ складной тюфячекъ. Помѣшался онъ въ одной казармѣ со мною и многими услужилъ мнѣ въ первые дни моей каторги.

Выходя из острога на работу, арестанты отроились перед кондегардіей, въ два ряда; спереди и сзади арестантовъ строивались конвойные солдаты съ заряженными ружьями. Являлись инженерный офицеръ, кондукторъ и нѣсколько инженерныхъ нижнихъ чиновъ, приставовъ надъ работами. Кондукторъ рассчитывалъ арестантовъ и посылалъ ихъ партиями куда нужно на работу.

Вмѣстѣ съ другими я отправился въ инженерную мастерскую. Это было низенькое, каменное зданіе, стоявшее на большомъ дворѣ, заваленномъ разными матеріалами. Тутъ была кузница, слесарня, столярная, малярная и проч. Акимъ Акимычъ ходилъ сюда и работалъ въ малярной, варилъ блѣфу, составлялъ краски и раздѣлывалъ столы и мебель подъ орѣхъ.

Въ ожиданіи дерекровки, я разговорился съ Акимомъ Акимычемъ о первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ въ острогѣ.

— Да-съ, дворянъ они не любятъ, замѣтилъ онъ, — особенно политическихъ, съѣсть рады; не мудрено-съ. Во первыхъ, вы и пародъ другой, на нихъ непохожіи, а во вторыхъ, они всѣ прежде были или помещичьи, или изъ военнаго званія. Сами посудите: могутъ ли они васъ полюбить-съ? Здѣсь, я вамъ скажу, жить трудно. А въ російскихъ арестантскихъ ротахъ еще труднѣе-съ. Вотъ у насъ есть оттуда, такъ не нахвалятся нашимъ острогомъ, точно изъ ада въ рай перешли. Не въ работѣ бѣда-съ. Говорятъ тамъ, въ первомъ-то разрядѣ, начальство не совершенно военное-съ, по крайней мѣрѣ другими манеромъ, чѣмъ у насъ, поступаетъ-съ. Тамъ, говорятъ, ссыльный можетъ жить своимъ домкомъ. Я тамъ не былъ, да такъ говорятъ-съ. Не брѣютъ, въ мундирахъ не ходятъ-съ; хотя впрочемъ оно и хорошо, что у насъ они въ мундирномъ видѣ и бритые; все-таки порядку больше, да и глазу приятнѣе-съ. Да только имъ-то это не правится. Да и посмотрите, сбродъ-то какой-съ! Иной изъ кантонистовъ, другой изъ черкесовъ, третій изъ раскольниковъ, четвертый православный мужичекъ, семью, дѣтей малыхъ оставилъ на родинѣ, пивыи жидъ, шестой цыганъ, седьмой полувѣстно кто, и все-то они должны умирать вмѣстѣ, во что бы ни стало; согласиться другъ съ другомъ, съѣсть изъ одной кашки, спать на однихъ нарахъ. Да и воли-то какая: лишній кусокъ можно съѣсть только украдкой, всякій грошъ въ сапоги пра-

тать, и все только и есть, что острогъ, да острогъ... По неволѣ дурь пойдетъ въ голову.

Но это я уже зналъ. Мнѣ особенно хотѣлось распробовать о нашемъ майорѣ. Акимъ Акимычъ не секретничалъ и, помню, впечатлѣніе мое было не совсѣмъ пріятное.

Но еще два года мнѣ суждено было прожить подъ его начальствомъ. Все, что рассказалъ мнѣ о немъ Акимъ Акимычъ, оказалось вполне справедливымъ, съ тою разницею, что впечатлѣніе дѣйствительности всегда сильнѣе, чѣмъ впечатлѣніе отъ простаго разказа. Страшный былъ это человекъ, именно потому, что такой человекъ былъ начальникомъ почти неограниченнымъ, надъ двумястами душъ. Самъ по себѣ онъ только былъ безпорядочный и злой человекъ, больше ничего. На арестантовъ онъ смотрѣлъ какъ на своихъ естественныхъ враговъ и это была первая и главная ошибка его. Онъ дѣйствительно имѣлъ нѣкоторыя способности; но все, даже и хорошее, представлялось въ немъ въ такомъ исковерканномъ видѣ. Невоздержный, злой, онъ врывался въ острогъ даже иногда по ночамъ, а если замѣчалъ, что арестантъ спитъ на лѣвомъ боку или валяеть, то на утро его наказывалъ: «спи, дескать, на правомъ боку, какъ я приказалъ». Въ острогѣ его ненавидѣли и боялись, какъ чумы. Лицо у него было багровое, злобное. Всѣ знали, что онъ былъ вполне въ рукахъ своего денщика, Фельки. Любилъ же онъ больше всего своего пуделя Трезорку и чуть съ ума не сошелъ съ горя, когда Трезорка заболѣлъ. Говорятъ, что онъ рыдалъ надъ нимъ, какъ надъ роднымъ сыномъ; прогналъ одного ветеринара и, по своему обыкновенію, чуть не подрался съ нимъ и, услышавъ отъ Фельки, что въ острогѣ есть арестантъ, ветеринаръ-самоучка, который лечилъ чрезвычайно удачно, немедленно призвалъ его.

— Выручи! озолочу тебя, вылечи Трезорку! закричалъ онъ арестанту.

Это былъ мужикъ, сибирякъ, хитрый, умный, дѣйствительно очень ловкій ветеринаръ, но вполне мужичекъ.

— Смотрю я на Трезорку, рассказывалъ онъ потомъ арестантамъ, впрочемъ долго спустя послѣ своего визита къ майору, когда уже все дѣло было забыто;—смотрю: лежитъ песъ на дышкѣ, на бѣлой подушкѣ, и видъ вижу, что воспаление, что надо-тъ бы кровь пустить и вымочили бы псовъ, ой-ой говорю! да

и думаю про себя: а что какъ не вылечу, какъ околѣть? Нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, поздно позвали; кабы вчера или третьяго дня, въ это же время, такъ вылетѣлъ бы пса; а теперъ не могу, не вылечу...

Такъ и умеръ Трезорка.

Мнѣ рассказывали въ подробности, какъ хотѣли убить нашего маіора. Былъ въ острогѣ одинъ арестантъ. Онъ жилъ у насъ уже нѣсколько лѣтъ и отличался своимъ кроткимъ поведеніемъ. Замѣчали тоже, что онъ почти ни съ кѣмъ никогда не говорилъ. Его такъ и считали какимъ-то юродивымъ. Онъ былъ грамотный и весь послѣдній годъ постоянно читалъ библію, читалъ и днемъ и ночью. Когда всѣ засыпали, онъ вставалъ въ полночь, зажигалъ восковую церковную свѣчу, взлѣзалъ на печку, раскрывалъ книгу и читалъ до утра. Въ одинъ день онъ вошелъ и объявилъ унтеръ-офицеру, что не хочетъ идти на работу. Доложили маіору; тотъ вскипѣлъ и прискакалъ немедленно самъ. Арестантъ бросился на него съ приготовленнымъ заранѣе кирпичемъ, но промахнулся. Его схватили, судили и наказали. Все произошло очень скоро. Черезъ три дня онъ умеръ въ больницѣ. Умирая, онъ говорилъ, что не имѣлъ ни на кого зла, а хотѣлъ только пострадать. Онъ, впрочемъ, не принадлежалъ ни къ какой раскольничей сектѣ. Въ острогѣ вспоминали о немъ съ уваженіемъ.

Наконецъ меня перековали. Между тѣмъ въ мастерскую явились одна за другою нѣсколько калашницъ. Иныя были совсѣмъ маленькія дѣвочки. До зрѣлаго возраста онѣ ходили обыкновенно съ калачами; матери пекли, а онѣ продавали. Войдя въ возрастъ, онѣ продолжали ходить, но уже безъ калачей; такъ почти всегда водилось. Были и не дѣвочки. Калачъ стоилъ грошъ и арестанты почти всѣ ихъ покупали.

Я замѣтилъ одного арестанта, столяра, уже сѣденькаго, но румянаго и съ улыбкой заигрывавшаго съ калашницами. Передъ ихъ приходомъ онъ только что завертѣлъ на шею красенкиій, кумачный платочекъ. Одна толстая и совершенно рябая бабенка поставила на его верстакъ свою сельницу. Между ними начался разговоръ.

— Что-жъ вы, вчера же приходили туда? заговорилъ арестантъ съ самодевольной улыбкой.

— Вотъ! я пришла, а васъ Митькой звали, отвѣчала бѣйка бабенка.

— Насъ потребовали, а то бы мы неизмѣнно находились при мѣстѣ... А ко мнѣ, третьяго дня, всѣ ваши приходили.

— Кто да кто?

— Марьяшка приходила, Хаврошка приходила, Чекундѣ приходила, Двугрошова приходила...

— Это что же? спросилъ я Акима Акимыча, — неужели?..

— Бываетъ—съ, отвѣчалъ онъ, скромно опустивъ глаза, потому что былъ чрезвычайно цѣломудренный человекъ.

Это конечно бывало, но очень рѣдко и съ величайшими трудностями. Вообще было больше охотниковъ, напримѣръ, хоть выпить, чѣмъ на такое дѣло, не смотря на всю естественную тягость вынужденной жизни. До женщинъ было трудно добратъся. Надобно выбирать время, мѣсто, условливаться, назначать свиданія, искать уединенія, что было особенно трудно, склонить конвойныхъ, что было еще труднѣе, и вообще тратить бездну денегъ, судя относительно. Но все-таки мнѣ удавалось, въ послѣдствіи, иногда быть свидѣтелемъ и любовныхъ сценъ. Помню, однажды лѣтомъ мы были втроемъ въ какомъ-то сараѣ на берегу Иртыша и протапливали какую-то обжигательную печку; конвойные были добрые. Наконецъ явились двѣ «суфлеры», какъ называютъ ихъ арестанты.

— Ну, что такъ засидѣлись, небось у Звѣрковыхъ? встрѣтилъ ихъ арестантъ, къ которому онѣ пришли, давно уже ихъ ожидавшій.

— Я засидѣлась? Да давеча сорѣка на колѣ дольше, чѣмъ я у нихъ, посидѣла, отвѣчала весело дѣвица.

Это была наигрязнѣйшая дѣвица въ мірѣ. Она то и была Чекундѣ. Съ ней вмѣстѣ пришла Двугрошова. Эта уже была вѣтъ всякаго описанія.

— И съ вами давно не видались, продолжалъ волокита обращаясь къ Двугрошовой; — что это вы словно какъ похудѣли?

— А можетъ быть. Прежде то я куды была толстая, а теперь — вотъ словно иглу проглотила.

— Все по солдатикамъ—съ?

— Нѣтъ ужъ это вамъ про насъ злые люди набухвостили; а впрочемъ чтожъ—съ? Хоть безъ ребрушка ходить, да солдатика любить!

— А вы ихъ бросьте, а насъ любите; у насъ деньги есть.

Въ довершеніе картины представьте себѣ этого волокиту братаго, въ кандалахъ, полосатаго и подь конвоемъ.

Я простился съ Акимомъ Акимычемъ и, узнавъ, что мнѣ можно воротиться въ острогъ, взялъ конвойнаго и пошелъ домой. Народъ уже сходилъ. Прежде всѣхъ возвращаются съ работы — работающіе на уроки. Единственное средство заставить арестанта работать усердно, это — задать ему урокъ. Иногда уроки задаются огромные, но все-таки они кончаются вдове скорѣе, чѣмъ еслибъ заставили работать вплоть до обѣденнаго барабана. Окончивъ урокъ, арестантъ безпрепятственно шолъ домой, и ужъ никто его не останавливалъ.

Обѣдаютъ не вмѣстѣ, а какъ попало, кто раньше пришелъ; да и кухня не вмѣстила бы всѣхъ разомъ. Я попробовалъ щей, но съ непривычки не могъ ихъ ѣсть и заварилъ себѣ чаю. Мы усѣлись на концѣ стола. Со мной былъ одинъ товарищъ, также какъ и я изъ дворянъ.

Арестанты приходили и уходили. Было впрочемъ просторно; еще не всѣ собрались. Кучка въ пять человекъ усѣлась особо за большимъ столомъ. Кашеваръ налилъ имъ въ двѣ чашки щей и поставилъ на столъ цѣлую латку съ жареной рыбой. Они что-то враздновали и ѣли свое. На насъ они поглядѣли искоса. Вышелъ одинъ полякъ и сѣлъ рядомъ съ нами.

— Дома не былъ, а все знаю! громко закричалъ одинъ высокій арестантъ, входя въ кухню и взглядомъ онидывая всѣхъ присутствующихъ.

Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, мускулистъ и сухонцавъ. Въ лицѣ его было что-то лукавое и вмѣстѣ веселое. Въ особенности замѣчательна была его толстая, нижняя, отвисшая губа; она придавала его лицу что-то чрезвычайно комическое.

— Ну, здорово ночевали! Что жъ не здорваетеся? Нашииъ курокимъ! прибавилъ онъ, усаживаясь подлѣ обѣдавшихъ свое кушанье, — хлѣбъ да соль! Встрѣчайте гостя.

— Да мы, братъ, не курскіе.

— Аль тамбовскіиъ?

— Да и не тамбовскіе. Съ насъ, братъ, тебѣ нечего брать. Ты ступай къ богатому, тамъ проси.

— Въ брюхѣ-то у меня, братцы, сегодня Иванъ-Таскунъ, да Марья Икотишна; а гдѣ онъ, богатый мужикъ, живетъ?

— Да вонъ, Газинъ, богатый мужикъ; къ нему и ступай.

— Кутить, братцы, сегодня Газинъ, зашилъ; весь пошелъ пропиваетъ.

— Цѣлковыхъ двадцать есть, замѣтилъ другой. Выгодно, братцы, цѣловальникомъ быть.

— Чтожь, братцы, не примете гости? Ну такъ похлебаемъ и казеннаго.

— Да ты ступай проси чаю. Вонъ баре пьютъ.

— Какіе баре, тутъ иѣтъ баръ; такіе-же какъ и мы теперь, мрачно промолвилъ одинъ, сидѣвшій въ углу арестантъ. До сихъ поръ онъ не проговорилъ слова.

— Напился бы чаю, да просить совѣстно, мы съ амбиціей, замѣтилъ арестантъ съ толстой губой, добродушно смотря на насъ.

— Если хотите, я вамъ дамъ, сказалъ я, приглашая арестанта — угодно?

— Угодно? да ужъ какъ же угодно? Онъ подошелъ къ столу.

— Ишь, дома лаятемъ щи хлебаль, а здѣсь чай уежалъ; го-сподскаго питья захотѣлось, проговорилъ мрачный арестантъ.

— А развѣ здѣсь никто не пьетъ чаю? спросилъ я его, но онъ не удостоилъ меня отвѣтомъ.

— Вотъ и калачи несутъ. Ужъ удостойте и калачина!

Внесли калачи. Молодой арестантъ несъ цѣлую связку и рас-продавалъ ее по острогу. Калашница уступала ему десятый ка-лачъ; на этотъ-то калачъ онъ и рассчитывалъ.

— Калачи, калачи! кричалъ онъ, входя въ кухню — москов-скіе, горячіе! Самъ бы ѣлъ, да денегъ надо. Ну, ребята, послѣдній калачъ остался: у кого мать была?

Это воззваніе къ материнской любви разсмѣшило всѣхъ, и у него взяли нѣсколько калачей.

— А что, братцы, проговорилъ онъ, — вѣдь Газинъ-то сего-дня догуляется до грѣха! ей Богу! когда гулять вздумалъ. Не-равно осьмиглазый пріѣдетъ.

— Спрячуть. А что: крѣпко пьянъ?

— Куды! Злой, пристаегъ.

— Ну такъ догуляется до кулаковъ....

— Про кого они говорятъ? спросилъ я поляна, сидѣвшаго рядомъ со мною.

— Это Газинъ, арестантъ. Онъ торгуеть здѣсь виномъ. Когда наторгуеть денегъ, то тотчасъ же ихъ пропиваетъ. Онъ жестокъ и золъ; впрочемъ трезвый смиренъ; когда же напьется, то весь наружу; на людей съ ножомъ кидается. Тутъ ужъ его унимають.

— Какже унимають?

— На него бросаются человѣкъ десять арестантовъ и начинаютъ ужасно бить, до тѣхъ поръ, пока онъ не лишится всѣхъ чувствъ, т. е. бьютъ до полусмерти. Тогда укладываютъ его на нары и накрываютъ полусубкомъ.

— Да вѣдь они могутъ его убить?

— Другого бы убили, но его нѣтъ. Онъ ужасно силенъ, сильнѣе здѣсь всѣхъ въ острогѣ и самаго крѣпкаго сложенія. На другое—же утро онъ встаетъ совершенно здоровый.

— Скажите пожалуйста, продолжалъ я спрашивать поляка, вѣдь вотъ эти тоже ѣдятъ свою пищу; а я пью только чай. А между тѣмъ они смотрятъ, какъ будто завидуютъ за этотъ чай. Что это значитъ?

— Это не за чай, отвѣчалъ полякъ. Они злятся на васъ за то, что вы дворянинъ и на нихъ не похожи. Многие изъ нихъ желали бы къ вамъ придраться. Какъ бы хотѣлось васъ оскорбить, унижить. Вы еще много увидите здѣсь непрятностей. Здѣсь ужасно тяжело для всѣхъ насъ. Намъ всѣхъ тяжелѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Нужно много равнодушія, чтобъ къ этому привыкнуть. Вы еще не разъ встрѣтите непрятности и брань за чай и за особую пищу, не смотря на то, что здѣсь очень многие и очень часто ѣдятъ свое, а нѣкоторые постоянно пьютъ чай. Имъ можно, а вамъ нельзя.

Проговоривъ это, онъ всталъ и ушелъ изъ—за стола. Черезъ нѣсколько минутъ сблизись и слова его...

III

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛЕНІЯ

Только что ушелъ М—цкій (тотъ полякъ, который говорилъ со мною), Газинъ, совершенно пьяный, ввалился въ кухню.

Пьяный арестантъ, среди бѣла-дня; въ будній день, когда всѣ обязаны были выходить на работу, при строгомъ началь-

никѣ, который каждую минуту могъ пріѣхать въ острогъ, при унтеръ-офицерѣ, завѣдующемъ каторжными и находящимся въ острогѣ безотлучно; при караульныхъ, при инвалидахъ, однимъ словомъ, при всѣхъ этихъ строгостяхъ, — совершенно спутывалъ всѣ зарождавшіяся во мнѣ понятія объ арестантскомъ житьѣ-бытьѣ. И довольно долго пришлось мнѣ прожить въ острогѣ прежде, чѣмъ я разъяснилъ себѣ всѣ такіе факты, столь загадочные для меня въ первые дни моей каторги.

Я говорилъ уже, что у арестантовъ всегда была собственная работа и что эта работа — естественная потребность каторжной жизни; что, кромѣ этой потребности, арестантъ страстно любить деньги и цѣнить ихъ выше всего, почти равнѣ съ свободой, и что онъ уже утѣшенъ, если онѣ звенятъ у него въ карманѣ. Напротивъ, онъ унылъ, грустенъ, безпокоенъ и падаетъ духомъ, если ихъ нѣтъ и тогда онъ готовъ и на воровство и на что попало, только бы ихъ добыть. Но, не смотря на то, что въ острогѣ деньги были такою драгоценностью, они никогда не залеживались у счастливаца, ихъ имѣющаго. Во первыхъ трудно было ихъ сохранить, чтобъ не украли, или не отобрали. Если майоръ добирался до нихъ, при внезапныхъ обыскахъ, то немедленно отбиралъ. Можетъ быть онъ употреблялъ ихъ на улучшение арестантской пищи; по крайней мѣрѣ, онѣ приносились къ нему. Но всего чаще ихъ крали; ни на кого нельзя было положиться. Впослѣдствіи у насъ открыли способъ сохранять деньги съ полною безопасностью. Онѣ отдавались на сохраненіе старикѣ, старовѣру, поступившему къ намъ изъ Стародубовскихъ слободъ бывшихъ когда-то Вѣтковцевъ... Но не могу утерпѣть, чтобъ не сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя и отвлекаюсь отъ предмета.

Это былъ старичокъ лѣтъ шестидесяти, маленькій, сѣденькій. Онъ пришолъ въ каторгу годомъ позже меня и рѣзко поразилъ меня съ перваго взгляда. Онъ такъ не похожъ былъ на другихъ арестантовъ: — что-то до того спокойное и тихое было въ его взглядѣ, что, помню, я съ какимъ-то особеннымъ довольствіемъ смотрѣлъ на его ясные, свѣтлые глаза, окруженные мелкими лучистыми морщинками. Часто говорилъ я съ нимъ, и рѣдко встрѣчалъ такое доброе, благодушное существо въ моей жизни. Прислали его за чрезвычайно важное преступленіе. Между стародубовскими старообрядцами стали появляться обра-

щопные. Правительство сильно поощряло ихъ и стало употреблять все усилія для дальнѣйшаго обращенія другихъ несогласныхъ. Старикъ, вмѣстѣ съ другими фанатиками, рѣшился «стоять за вѣру», какъ онъ выражался. Началась строиться единовѣрческая церковь, и они сожгли ее. Какъ одинъ изъ зачинщиковъ — старикъ сосланъ былъ въ каторжную работу. Былъ онъ зажиточный, торгующій мѣщанинъ; дома оставилъ жену, дѣтей; но съ твердостью пошелъ въ ссылку, потому что въ ослѣпленіи своемъ, считалъ ее «мукою за вѣру». Проживъ съ нимъ нѣкоторое время, вы бы невольно задали себѣ вопросъ: какъ могъ этотъ смиренный, кроткій какъ дитя человекъ, быть бунтовщикомъ? Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ «о вѣрѣ». — Онъ не уступалъ ничего изъ своихъ убѣжденій; но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было въ его возраженіяхъ. А между тѣмъ онъ разорилъ церковь и не заирался въ этомъ. Казалось, что по своимъ убѣжденіямъ, своей поступокъ и принятыя за него «муки», онъ долженъ бы былъ считаться славнымъ дѣломъ. Но какъ ни всматривался я, какъ ни изучалъ его, никогда никакого признака тщеславія или гордости не замѣчалъ я въ немъ. Были у насъ въ острогѣ и другіе старообрядцы большею частью сибиряки. Это былъ сильно развитой народъ, хитрые мужики, чрезвычайныя начетчики и бивовѣды и, по своему, сильные діалектики; народъ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый въ высочайшей степени. Совесть другой человекъ былъ старикъ. Начетчикъ можетъ быть больше ихъ, онъ уклонялся отъ споровъ. Характера былъ въ высшей степени сообщительнаго. Онъ былъ веселъ, часто смѣялся, — не тѣмъ грубымъ, циническимъ смѣхомъ, какими смѣялись каторжные, а яснымъ, тихимъ смѣхомъ, — въ которомъ много было дѣтскаго простодушія и который какъ-то особенно шолъ къ сѣдинамъ. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что по смѣху можно узнать человека, и если вамъ съ первой встрѣчи пріятенъ смѣхъ кого-нибудь изъ совершенно незнакомыхъ людей, то смѣло говорите, что это человекъ хороший. — Во всемъ острогѣ старикъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, которымъ нѣсколько не тщеславился. Арестанты называли его дѣдушкой и никогда не обижали его. Я отчасти понималъ, какое могъ онъ имѣть вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Но, не смотря на видимую твердость, съ которою онъ переживалъ свою ка-

торгу, въ немъ таялась глубокая, неизлѣчимая грусть, которую онъ старался скрывать отъ всѣхъ. Я жилъ съ нимъ въ одной казармѣ. Однажды, часу въ третьемъ ночи, я проснулся и услышалъ тихій, сдержанный плачь. Старикъ сидѣлъ на печи (той самой, на которой прежде него, по ночамъ молился зачитавшійся, хотѣвшій убить маюра), и молился по своей рукописной книгѣ. Онъ плакалъ, и я слышалъ какъ онъ говорилъ по временамъ: «Господи, не оставь меня! Господи, укрѣпи меня! Дѣтунки мои малыя, дѣтунки мои милыя, никогда-то намъ не свидѣться!» Не могу рассказать какъ мнѣ стало грустно. — Вотъ этому-то старику мало по малу почти всѣ арестанты начали отдавать свои деньги на храненіе. Въ каторгѣ почти всѣ были воры, но вдругъ всѣ почему-то увѣрились, что старикъ никакъ не можетъ урвать. Знали, что онъ куда-то пряталъ врученныя ему деньги, но въ тайбе потаенное мѣсто, что никому нельзя было ихъ отыскать. Впослѣдствіи мнѣ и нѣкоторымъ изъ воляковъ онъ объявлялъ свою тайну. Въ одной изъ палъ былъ сучокъ, повидимому твердо сросшійся съ деревомъ. Но онъ вынимался и въ деревѣ оказалось большое углубленіе. Туда-то дѣдушка пряталъ деньги и потомъ опять вкладывалъ сучокъ, такъ что никто, никогда не могъ ничего отыскать.

Но я отклонился отъ разсказа. — Я остановился на томъ: почему въ карманѣ арестанта не залеживались деньги. Но кромѣ труда уберечь ихъ, въ острогѣ было столько тоски; арестантъ же по природѣ своей существо до того жаждущее свободы и наконецъ, по социальному своему положенію, до того легкомысленное и беспорядочное, что его естественно влечетъ вдругъ «развернуться на всѣ», закутить на всѣ капиталъ, съ громоу и съ музыкой, такъ — чтобъ забыть, хоть на минуту, тоску свою. Даже странно было смотрѣть, какъ иной изъ нихъ работаетъ, не разгибая шеи, иногда по нѣсколькимъ мѣсяцевъ, единственно для того, чтобъ въ одинъ день спустить весь заработокъ, все до чиста, а потомъ опять, до новаго кутежа, нѣсколькимъ мѣсяцевъ корпеть за работой. — Многие изъ нихъ любили заводить себѣ обновки, и непременно царткулярнаго свойства: какіе-нибудь веформенные, черныя штаны, поддевки, сибирки. Въ большомъ употребленіи были тоже ситцевыя рубашки и пояса съ мѣдными бляхами. Рядились въ праздники и разрядившіеся непременно бывало пройдетъ по всѣмъ казармамъ показать себя всему

свѣту. Довольство хорошо-одѣтаго доходило до ребячества: да и во многомъ арстанты были совершенныя дѣти. Правда, всѣ эти хорошія вещи какъ-то вдругъ исчезали отъ хозяина, иногда въ тотъ же вечеръ закладывались и спускались за бездѣнокъ. Впрочемъ кутежъ развертывался постепенно. Пригонялся онъ обыкновенно или къ праздничнымъ днямъ или къ днямъ именинъ кутившаго. Арстантъ-именинникъ, вставая поутру, ставилъ къ образу свѣчку и молился; потомъ наряжался и заказывалъ себѣ обѣдъ. Покупалась говядина, рыба, дѣлались сибирскіе пельмени; онъ набѣдался какъ волъ, почти всегда одинъ, рѣдко приглашая товарищей раздѣлить свою трапезу. Потомъ появлялось и вино: именинникъ напивался какъ стельца и непременно ходилъ по казармамъ, покачиваясь и спотыкаясь, стараясь показать всѣмъ, что онъ пьянъ, что онъ «гуляетъ» и тѣмъ заслужить всеобщее уваженіе. Вездѣ въ русскомъ народѣ къ пьяному чувствуется нѣкоторая симпатія; въ острогѣ же къ загулявшему даже дѣлались почтительны. Въ острожной гульбѣ былъ своего рода аристократизмъ. Развеселившись, арстантъ непременно занималъ музыку. Былъ въ острогѣ одинъ полячекъ изъ бѣглыхъ солдатъ, очень гаденькій, но игравшій на скрипкѣ и имѣвшій при себѣ инструментъ — все свое достояніе. Ремесла онъ не умѣлъ никакого и тѣмъ только и промышлялъ, что навивался къ гуляющимъ играть веселые танцы. Должность его состояла въ томъ, чтобъ безотлучно слѣдовать за своимъ пьянымъ хозяиномъ изъ казармы въ казарму и пилить на скрипкѣ всю мочь. Часто на лицѣ его являлась скука, тоска. Но окрикнувъ: «играй, деньги взялъ!» заставлялъ его снова пилить и пилить. Арстантъ, начиная гулять, могъ быть твердо увѣренъ, что если онъ ужъ очень напьется, то за нимъ непременно присмотрятъ, вовремя уложатъ спать и всегда куда-нибудь спрячутъ при появленіи начальства и все это совершенно безкорыстно. Съ своей стороны унтеръ-офицеръ и инвалиды, жившіе для порядка въ острогѣ, могли быть тоже совершенно спокойны: пьяный не могъ произвести никакого безпорядка. За нимъ смотрѣла вся каторга и еслибъ онъ зашумѣлъ, забунтовалъ — его бы тотчасъ же усмирили, даже просто связали бы. А потому нисшее острожное начальство смотрѣло на пьянство сквозь пальцы, да и не хотѣло замѣчать. Оно очень хорошо знало, что не позволъ вина, такъ будетъ и хуже. — Но откуда же доставалось вино?

Вино покупалось въ острогѣ же, у такъ называемыхъ цѣловальниковъ. Ихъ было нѣсколько человекъ, и торговлю свою они вели непрерывно и успѣшно, не смотря на то, что пьющихъ и «гуляющихъ» было вообще не много, потому что гульба требовала денегъ, а арестантскія деньги добывались трудно. Торговля начиналась, шла и разрѣшалась довольно оригинальнымъ образомъ. Иной арестантъ, положимъ, не имѣетъ ремесла и не желаетъ трудиться (такіе бывали), но хочетъ имѣть деньги и потому человекъ нетерпѣливый, хочетъ быстро нажить. У него есть нѣсколько денегъ для начала, и онъ рѣшается торговать виномъ; предпріятіе смѣлое, требующее большого риска. Можно было за него поплатиться спиною и разомъ лишиться товара и капитала. Но цѣловальникъ на то идетъ. Денегъ у него сначала немного, и потому, въ первый разъ онъ самъ проноситъ въ острогъ вино и, разумѣется, сбываетъ его выгоднымъ образомъ. Онъ повторяетъ опытъ второй и третій разъ и, если не попадаетъ начальству, то быстро расторговывается, и только тогда основываетъ настоящую торговлю на широкихъ основаніяхъ: дѣлается антрепренеромъ, капиталистомъ, держитъ агентовъ и помощниковъ, рискуетъ гораздо меньше, а наживаетъ все больше и больше. Рискуютъ за него помощники.

Въ острогѣ всегда бываетъ много народу промотавшагося, проигравшагося, прогулявшаго все до копѣйки, народу безъ ремесла, жалкаго и оборваннаго, но одареннаго, до известной степени, смѣлостью и рѣшимостью. У такихъ людей остается, въ видѣ капитала, въ цѣлости одна только спина; она можетъ еще служить къ чему-нибудь, и вотъ этотъ—то послѣдній капиталъ промотавшійся гуляка и рѣшается пустить въ оборотъ. Онъ идетъ къ антрепренеру и нанимается къ нему для проноски въ острогъ вина; у богатаго цѣловальника такихъ работниковъ нѣсколько. Гдѣ нибудь внѣ острога существуетъ такой человекъ, — изъ солдатъ, изъ мѣщанъ, иногда даже дѣвка, — который, на деньги антрепренера и за известную премію, сравнительно очень немалую, покупаетъ въ кабакѣ вино и скрываетъ его гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, куда арестанты приходятъ на работу. Почти всегда поставщикъ первоначально испробовываетъ доброту водки и отпитое — безчеловѣчно добавляетъ водой; — бери не бери, да арестанту и нельзя быть слишкомъ разборчивымъ: и то хорошо, что еще не совсѣмъ пропала его

деньги и доставлена водка, хоть какая-нибудь да все-таки водка. Къ этому-то поставщику и являются, указанные ему напередъ отъ осторожнаго цѣловальника, провозители, съ бычачьими кишками. Эти кишки сперва промываются, потомъ наливается водой и, такимъ образомъ, сохраняются въ первоначальной влажности и растяжимости, чтобы современемъ быть удобными къ воспринятію водки. Наливъ кишки водкой, арестантъ обвязываетъ ихъ кругомъ себя, по возможности въ самыхъ скрытныхъ мѣстахъ своего тѣла. Разумѣется, при этомъ выказывается вся ловкость, вся воровская хитрость контрабандиста: Его честь отчасти затронута; ему надо надуть и конвойныхъ и караульныхъ. Огнъ ихъ надуваетъ: у хорошаго вора конвойный, иногда какой-нибудь рекрутокъ, всегда прозѣваетъ. Разумѣется, конвойный изучается предварительно; ктому-же принимается въ соображеніе время, мѣсто работы. Арестантъ, наиримѣръ, печникъ, полѣзетъ на печь: кто увидитъ, что онъ тамъ дѣлаетъ? Не лѣзть же за нимъ и конвойному. Подходя къ острогу, онъ беретъ въ руки монетку, —пятнадцать или двадцать копѣекъ серебромъ, на всякій случай и ждетъ у воротъ ефрейтора. Всякаго арестанта, возвращающагося съ работы, караульный ефрейторъ осматриваетъ кругомъ и ощупываетъ и потомъ уже отпираетъ ему дверь острога. Пропоситель вина обыкновенно надѣется, что посоветятся слишкомъ подробно его ощупывать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Но иногда пролазь-ефрейторъ добирается и до этихъ мѣстъ и нащупываетъ вино. Тогда остается одно послѣднее средство: контрабандистъ, молча и скрытно отъ конвойнаго, суетъ въ руки ефрейтора затаенную въ рукѣ монетку. Случается, что вслѣдствіе такого маневра, онъ проходитъ въ острогъ благополучно и проноситъ вино. Но чаще всего маневръ не удается, и тогда приходится разсчитаться своимъ послѣднимъ капиталомъ, т. е. спиной. Докладываютъ маіору, капиталъ сѣкутъ и сѣкутъ больно, вино отбирается въ назну, и контрабандистъ принимаетъ все на себя, не выдавая антрепренера, но, замѣтивъ себѣ, не потому, чтобы гнушался доноса, а единственно потому, что доносъ для него невыгоденъ; его бы все-таки высѣкли; все утѣшеніе было бы въ томъ, что ихъ бы высѣкли обоихъ. Но антрепренеръ ему еще пужень, хотя, по обычаю и по предварительному договору, за высѣченную спину контрабандистъ не получаетъ съ антрепренера ни копѣйки. Что же касается вообще доносовъ,

то они обыкновенно процвѣтають. Въ острогѣ доносчикъ не подвергается ни малѣйшему униженію; негодованіе къ нему даже не мыслимо. Его не чуждаются, съ нимъ водятъ дружбу, такъ что, еслибъ вы стали въ острогѣ доказывать всю гадость доноса, то васъ бы совершенно не поняли. Тотъ арестантъ изъ дворянъ, развратный и подлый, съ которымъ я прерывалъ всѣ сношенія, водилъ дружбу съ маіорскимъ доньщикомъ Фелькой и служилъ у него шпиономъ; а тотъ передавалъ все, услышанное имъ объ арестантахъ, маіору. У насъ всѣ это знали, и никто, никогда, даже не вздумалъ наказать или даже укорить негодая.

Но я отклонился въ сторону. Разумѣется, бываетъ, что вино проносится и благополучно; тогда антрепренеръ принимаетъ припесенныя кишки, заплативъ за нихъ деньги и начинаетъ рассчитывать. По расчету оказывається, что товаръ стоитъ уже ему очень дорого; а потому, для большихъ барышей, онъ переливаетъ его еще разъ, сызнова разбавляя еще разъ водой, чуть не на половину и, такимъ образомъ, приготовившійся совершенно, ждетъ покупателя. Въ первый же праздникъ, а иногда въ будни, покупатель является: это арестантъ, работавшій нѣсколько мѣсяцевъ какъ кордонный волъ и скопившій копѣйку, чтобы пропить все въ заранѣе опредѣленный для того день. Этотъ день еще за долго до своего появленія снится бѣдному труженику и во снѣ въ счастливыхъ мечтахъ за работой, и обаяніемъ своимъ поддерживалъ его духъ на скучномъ поприщѣ острожной жизни. Наконецъ, заря свѣтлаго дня появляется на востокѣ; деньги скоплены, не отобраны, не украдены, и онъ ихъ несетъ цѣловальнику. Тотъ подаетъ ему сначала вино, по возможности чистое, т. е. всего только два раза разбавленное; но, по мѣрѣ отпиванія изъ бутылки, все отпитое немедленно добавляется водой. За чашку вина платится въ пятеро, въ шестеро больше, чѣмъ въ кабацѣ. Можно представить себѣ, сколько нужно выпить такихъ чашекъ и сколько заплатить за нихъ денегъ, чтобъ напиться! Но по отвычкѣ отъ питья и отъ предварительнаго воздержанія, арестантъ хмѣлѣетъ довольно скоро и, обыкновенно, продолжаетъ пить до тѣхъ поръ, пока не пропьетъ всѣ свои деньги. Тогда идутъ въ ходъ всѣ обновки: цѣловальникъ въ тоже время и ростовщикъ. Сперва поступаютъ къ нему новозаведенныя партикулярныя вещи, потомъ доходитъ и до стараго хлама, а, наконецъ, и до казенныхъ вещей. Съ пропитіемъ всего, до послѣд-

ней тряпки, пьяница ложится спать и на другой день; проспавшись съ неминуемой трескотней въ головѣ, тщетно просить у цѣловальника хоть глотокъ вина на похмѣлье. Грустно цереносить онъ невагоду и, въ тотъ же день, принимается опять за работу и опять нѣсколько мѣсяцевъ работаетъ, не разгибая шеи, мечтая о счастливомъ кутежномъ днѣ, безвозвратно канувшемъ въ вѣчность и, мало по малу, начиная ободряться и поджидать другого такого же дня, который еще далеко, но который все-таки прійдетъ же когда-нибудь, въ свою очередь.

Что же касается цѣловальника, то, наторговавъ, наконецъ, огромную сумму, нѣсколько десятковъ рублей, онъ заготавливаетъ послѣдній разъ вино и уже не разбавляетъ его водой, потому что назначаетъ его для себя; довольно торговать: пора и самому по-праздновать! Начинается кутежъ, питье, ѣда, музыка. Средства большія; задобривается даже и ближайшее, нисшее острожное начальство. Кутежъ иногда продолжается по нѣсколько дней. Разумѣется, заготовленное вино скоро пропивается; тогда гуляка идетъ къ другимъ цѣловальникамъ, которые уже поджидаютъ его, и цѣть до тѣхъ поръ, пока не пропишетъ всего до копѣйки. Какъ ни оберегаютъ арестанты гуляющаго, но иногда онъ попадаетъ на глаза высшему начальству, майору или караульному офицеру. Его берутъ въ кордегардію, обираютъ его капиталы, если найдутъ ихъ на немъ и, въ заключеніе, сѣкутъ. Встряхнувшись, онъ приходитъ обратно въ острогъ и, черезъ нѣсколько дней, снова принимается за ремесло цѣловальника. Иные изъ гулякъ, разумѣется, богатенькіе, мечтаютъ и о прекрасномъ полѣ. За большія деньги они пробираются иногда, тайкомъ, вмѣсто работы, куда-нибудь изъ крѣпости на форштатъ, въ сопровожденіи подкупленнаго конвойнаго... Тамъ, въ какомъ-нибудь укромномъ домикѣ, гдѣ нибудь на самомъ краю города, задается пиръ на весь міръ, и ухлопываются дѣйствительно большія суммы. За деньги и арестантомъ не брезгаютъ; конвойный же подбирается какъ нибудь заранѣ, съ знаніемъ дѣла. Обыкновенно такіе конвойные сами — будущіе кандидаты въ острогъ. Впрочемъ за деньги все можно сдѣлать, и такія путешествія остаются почти всегда въ тайнѣ. Надо прибавить, что они весьма рѣдко случаются; на это надо много денегъ, и любители прекраснаго пола прибиваютъ къ другимъ средствамъ, совершенно безопаснымъ...

Еще съ первыхъ дней моего осторожнаго житія одинъ молодой арестантъ, чрезвычайно хорошенькій мальчикъ, возбудилъ во мнѣ особенное любопытство. Звали его Сироткинъ. Былъ онъ довольно загадочное существо, во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего меня поразило его прекрасное лицо; ему было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ отъ роду. Находился онъ въ особомъ отдѣленіи, т. е. въ безсрочномъ, слѣдственно, считался однимъ изъ самыхъ важныхъ военныхъ преступниковъ. Тихій и кроткій, онъ говорилъ мало, рѣдко смѣялся. Глаза у него были голубые, черты правильныя, личико чистенькое, нѣжное, волосы свѣтлорусые. Даже полуобритая голова мало его безобразила, — такой онъ былъ хорошенькій мальчикъ. Ремесла онъ не имѣлъ никакого, но деньги добывалъ хоть по немногу, но часто. Былъ онъ примѣтно лѣнивъ, ходилъ неряхой. Развѣ кто другой оденетъ его хорошо, иногда даже въ красную рубашку, и Сироткинъ видимо радъ обновкѣ: ходитъ по казармамъ, себя показывать. Онъ не пилъ, въ карты не игралъ, почти ни съ кѣмъ не ссорился. Ходить, бывало, за казармами, — руки въ карманахъ, смиренный, задумчивый. О чемъ онъ могъ думать, трудно было себѣ и представить. Окликнешь иногда его, изъ любопытства, спросишь о чемъ-нибудь, онъ тотчасъ же отвѣтитъ и даже какъ-то почти-тельно, не по арестантски, но всегда коротко, неразговорчиво; глядѣть же на васъ какъ десятилѣтній ребенокъ. Заведутся у него деньги, — онъ не купитъ себѣ чего-нибудь необходимаго, не отдастъ почипить куртку, не заведетъ новыхъ сапоговъ; а купить малачика, пряничка и скушаетъ, — точно ему семь лѣтъ отъ роду. Эхъ ты, Сироткинъ! говорятъ бывало ему арестанты — сирота ты казанская! Въ нерабочее время онъ, обыкновенно, скитается по чужимъ казармамъ; всѣ почти заняты своимъ дѣломъ; одному ему нечего дѣлать. Скажутъ ему что-нибудь, почти всегда въ насмѣшку, (падѣ нимъ и его товарищами такъ часто посмѣивались); — онъ, не сказавъ ни слова, поворотится и идетъ въ другую казарму; а иногда, если ужъ очень посмѣютъ его, покраснѣетъ. Часто я думалъ, за что это смиренное, простодушное существо являлось въ острогъ? Разъ я лежалъ въ больницѣ, въ арестантской палатѣ. Сироткинъ былъ также боленъ и лежалъ подлѣ меня; какъ-то подѣ вечеръ, мы съ нимъ разговорились; онъ невзначай одушевился и, къ слову, рассказалъ мнѣ, какъ его отдавали въ солдаты, какъ, провожая его, плакала

надъ нимъ его мать и какъ тяжело ему было въ рекрутахъ. Онъ прибавилъ, что никакъ не могъ вытерпѣть рекрутской жизни; потому что тамъ всѣ были такіе сердитые, строгіе, а командиры всегда почти были имъ недовольны...

— Какъ же кончилось? спросилъ я, — за что жъ ты сюда-то попалъ? да еще въ особое отдѣленіе... Ахъ ты, Сироткинъ, Сироткинъ!

— Да я-съ, Александръ Петровичъ, всего годъ пробылъ въ батальонѣ; а сюда пришолъ за то, что Григорья Петровича, моего ротнаго командира, убилъ.

— Слышалъ я это, Сироткинъ, да не вѣрю. Ну кого ты могъ убить?

— Такъ случилось, Александръ Петровичъ. Ужъ очевидно мнѣ тяжело стало.

— Да какъ-же другіе-то рекруты живутъ? Конечно тяжело сначала, а потомъ привыкають и, смотришь, выходитъ славный солдатъ. Тебя должно быть мать забавовала; пряничками да молочкомъ до восемнадцати лѣтъ кормила.

— Матушка-то меня, правда, что очень любила-съ. Какъ я въ рекруты пошолъ, она послѣ меня слезла, да, слышно, и не вставала. — Горько мнѣ ужъ очень, ноль конецъ по рекрутству стало. Командиръ не влюбилъ, за все наказываетъ, — а и за что-съ? Я всѣмъ покоряюсь, живу въ акуратъ; винишка не пью, ничѣмъ не заимствуюсь; а ужъ это, Александръ Петровичъ, плохое дѣло, коли чѣмъ заимствуется человекъ. — Все кругомъ такіе жестокосердые, — всплакнуть негдѣ. Бывало пойдешь куда за уголь, да тамъ и поплачешь. Вотъ и стою я разъ въ караулѣ; ужъ ночь; поставили меня на часы, на абвахтѣ, у сошекъ. Вѣтеръ: осень была, а темень такая, что хоть глазъ раздери. И такъ тошно, тошно мнѣ стало! Взялъ я къ ногѣ ружье, штыкъ отомкнулъ, положилъ подлѣ; скинулъ правый сапогъ, дуло поставилъ себѣ въ грудь, налегъ на него, и большимъ пальцемъ ноги спустилъ курокъ. Смотрю, — осыпка! Я ружье осмотрѣлъ, прочистилъ затравку, пороху новаго подсыпалъ, кремешкомъ обѣлѣ и опять къ груди приставилъ. Что же-съ? порохъ всыпнулъ, а выстрѣла опять нѣтъ! — Чтожъ это, думаю? Взялъ я надѣлъ сапогъ, штыкъ примкнулъ, молчу и расхаживаю. Тутъ-то я и доложилъ это дѣло сдѣлать: хоть куда хощь, только вонъ изъ рекрутства! Черезъ полчаса ѣдетъ командиръ; главный

рундомъ править. Прямо на меня: «Развѣ такъ стоятъ на караулѣ?» Я взялъ ружье на-руку, да и всадилъ въ него штыкъ по самое дуло. Четыре тысячи прошолъ, да и сюда, въ особое отдѣленіе...

Онъ не лгалъ. Да и за что же его прислали бы въ особое отдѣленіе? Обыкновенныя преступленія наказываются гораздо легче. Впрочемъ только одинъ Сироткинъ и былъ изъ всѣхъ своихъ товарищей, такой красавчикъ. Что же касается другихъ, подобныхъ ему, которыхъ было у насъ всѣхъ человекъ до пятнадцати, то даже странно было смотрѣть на нихъ; только два-три лица были еще сносны; остальные же все такіе выскочкіе, безобразныя, неряхи; иные даже сѣдые. Если позволять обстоятельства, я скажу когда-нибудь о всей этой кучкѣ подробно. Сироткинъ же часто былъ друженъ съ Газимъ, тѣмъ самымъ, по поводу котораго я началъ эту главу, упомянувъ, что онъ пьяный ввалился въ кухню и что это спутало мои первоначальныя понятія объ осторожной жизни.

Этотъ Газимъ былъ ужасное существо. Онъ производилъ на всѣхъ страшное, мучительное впечатлѣніе. Миѣ всегда казалось, что ничего не могло быть свирѣпѣе, чудовищнѣе его. Я видѣлъ въ Тобольскѣ, знаменитаго своими злодѣяніями, разбойника Камешева; видѣлъ потомъ Соколова, подсудимаго арестанта, изъ бѣглыхъ солдатъ, страшнаго убійцу. Но ни одинъ изъ нихъ не производилъ на меня такого отвратительнаго впечатлѣнія, какъ Газимъ. Миѣ иногда представлялось, что я вижу передъ собою огромнаго испанскаго паука, съ человекъ величиною. Онъ былъ татаринъ; ужасно силенъ, сильнѣе всѣхъ въ острогѣ; росту выше средняго, сложенія геркулесовскаго, съ безобразной, непропорціонально-огромной головой; ходилъ сутуловато, смотрѣлъ изъ подлобья. Въ острогѣ носились объ немъ страшныя слухи; знали, что онъ былъ изъ военныхъ; но арестанты толковали межъ собою, не знаю правда ли, что онъ бѣглый изъ Черчинска; въ Сибирь сосланъ былъ уже не разъ, бѣгалъ не разъ, не разъ переиhrлялъ имя и наконецъ-то, попалъ въ нашъ острогъ, въ особое отдѣленіе. Рассказывали то же про него, что онъ любилъ прежде рѣзать маленькихъ дѣтей, единственно изъ удовольствія: ааведетъ ребенка куда-нибудь въ удобное мѣсто; сначала напугаетъ его, намукаетъ и, уже вполнѣ насладившись ужасомъ и трепетомъ бѣдной, маленькѣй жертвы, зарѣжетъ ее тихо, мед-

ленно, съ наслажденіемъ. Все это, можетъ быть, и выдумывали, вслѣдствіе общаго, тяжелаго впечатлѣнія, которое производилъ собою на всѣхъ Газинъ, но всѣ эти выдумки какъ-то шли къ нему были къ лицу. А между тѣмъ, въ острогѣ онъ велъ себя, непьяный, въ обыкновенное время, очень благоразумно. Былъ всегда тихъ, ни съ кѣмъ никогда не ссорился и избѣгалъ ссоръ, но какъ будто отъ презрѣнія къ другимъ, какъ будто считая себя выше всѣхъ остальныхъ; говорилъ очень мало и былъ какъ-то преднамѣренно не сообщителенъ. Всѣ движенія его были медленныя, спокойныя, самоувѣренныя. По глазамъ его было видно, что онъ очень не глупъ и чрезвычайно хитеръ; но что-то высококомѣрно-насмѣшливое и жестокое было всегда въ лицѣ его и въ улыбкѣ. Онъ торговалъ виномъ и былъ въ острогѣ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ цѣловальниковъ. Но въ годъ раза два ему приходилось напиваться самому пьянымъ, и вотъ тутъ-то высказывалось все звѣрство его натуры. Хмѣля постепенно, онъ сначала начиналъ задирать людей насмѣшками, самыми злыми, расчетанными и какъ будто давно заготовленными; наконецъ, охмѣлѣвъ совершенно, онъ приходилъ въ страшную ярость, схватывалъ ножъ и бросался на людей. Арестанты, зная его ужасную силу, разбѣгались отъ него и прятались; онъ бросался на всякаго встрѣчнаго. Но скоро нашли способъ справляться съ нимъ. Человѣкъ десять изъ его казармы бросались вдругъ на него всѣ разомъ, и начинали бить. Невозможно представить себѣ ничего жесточе этого битья! его били въ грудь, подъ сердце, подъ лопатку, въ животъ; били много и долго и переставали только тогда, когда онъ терялъ всѣ свои чувства, и становился какъ мертвый. Другого бы не рѣшились такъ бить: такъ бить — значило убить; но только не Газина. Послѣ битья, — его, совершенно безчувственнаго, завертывали въ полушубокъ, и относили на нары. — «Отлежится молъ!» — И дѣйствительно на утро онъ вставалъ почти здоровый и молча и угрюмо выходилъ на работу. — И каждый разъ, когда Газинъ напивался пьянъ, въ острогѣ всѣ уже знали, что день кончится для него непременно побоями. Да и самъ онъ зналъ это и все-таки напивался. Такъ шло нѣсколько лѣтъ. Наконецъ замѣтили, что и Газинъ начинаетъ поддаваться. Онъ сталъ жаловаться на разные боли, сталъ замѣтно хирѣть; все чаще и чаще ходилъ въ госпиталь... «Подался таки!» — говорили про себя арестанты.

Онъ вошелъ въ кухню въ сопровожденіи того гаденькаго полчка со скрипкой, котораго обыкновенно нанимали гулявшіе, для полноты своего увеселенія, и остановился посреди кухни, молча и внимательно оглядывая всѣхъ присутствующихъ. Всѣ замолчали. Наконецъ, увидя тогда меня и моего товарища, онъ злобно и насмѣшливо посмотрѣлъ на насъ, самодовольно улыбнулся, что-то какъ будто сообразилъ про себя и, сильно покачиваясь, подошелъ къ нашему столу:

— А позвольте спросить — началъ онъ (онъ говорилъ по русски) вы изъ какихъ доходовъ изволите здѣсь чай распивать?

Я молча переглянулся съ моимъ товарищемъ, понимая, что всего лучше молчать и не отвѣчать ему. Съ перваго противорѣчія онъ пришелъ бы въ ярость.

— Стало быть у васъ деньги есть? — продолжалъ онъ допрашивать.

— Стало быть у васъ денегъ куча, а? А развѣ вы за тѣмъ въ каторгу пришли, чтобъ чай распивать? Вы чай распивать пришли? Да говорите-же, чтобъ васъ!..

Но видя, что мы рѣшились молчать и не замѣчать его, онъ побагровѣлъ и задрожалъ отъ бѣшенства. Подлѣ него, въ углу, стояла большая сельница (латокъ), въ которую складывался весь нарѣзанный хлѣбъ, приготовляемый для обѣда или ужина арестантовъ. Она была такъ велика, что въ ней помѣщалось хлѣба для половины острога; теперь же стояла пустая. Онъ схватилъ ее обѣими руками и взмахнулъ надъ нами. Еще немного, и онъ бы раздробилъ намъ головы. Не смотря на то, что убійство или намѣреніе убить грозило чрезвычайными неприятностями всему острогу: начались бы розыски, обыски, усиленіе строгостей, а потому арестанты всѣми силами старались не доводить себя до подобныхъ общихъ крайностей, — не смотря на это, теперь всѣ притихли и выжидали. Ни одного слова въ защиту насъ! Ни одного крика на Газива! — до такой степени была сильна въ нихъ ненависть къ намъ! Имъ видимо пріятно было наше опасное положеніе... Но дѣло кончилось благополучно: только что онъ хотѣлъ опустить сельницу, кто-то крикнулъ изъ сѣней:

— Газивъ! Вино украли!..

Онъ грохнулъ сельницу на полъ и какъ сумасшедшій бросился изъ кухни.

— Ну, Богъ спасъ! говорили межъ собой арестанты. — И долго потомъ они говорили это.

Я не могъ узнать потомъ было ли это нацѣстіе о покражѣ вина справедливое или кстати придуманное, намъ во спасеніе.

Вечаромъ, уже въ темнотѣ, передъ заперомъ кавармь, я лежалъ около палы и тяжелая грусть пала на мнѣ на душу, и мнѣ тогда послѣдъ я не испытывалъ такой грусти во всю мою острожную жизнь. Тяжело переносить первый день ваточенія, гдѣ бы то ни было: въ острогѣ ли, въ казематѣ ли, въ каторгѣ ли... Но, помню, болѣе всего занимала меня одна мысль, которая потомъ неотвязчиво преслѣдовала меня во все время моей жизни въ острогѣ. — мысль отчасти неразрѣшимая, — неразрѣшимая для меня и теперь; это о неравенствѣ наказанія за одни и тѣже преступленія. Правда, и преступленіе нельзя сравнить одно съ другимъ, даже приблизительно. Напримѣръ: и тотъ и другой убили человека; взвѣшены всѣ обстоятельства обомъ дѣлъ; и потому и по другому дѣлу выходитъ почти одно наказаніе. А между тѣмъ посмотрите, какая разница въ преступленіяхъ. Одинъ, напримѣръ, зарѣзалъ человека такъ, за ничто, за луковицу: — вышелъ на дорогу, зарѣзалъ мужика проѣзжаго, а у него-то и всего одна луковица. «Чтожь, батяка, ты меня посылаешь на добычу; вомъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковицу нашолъ — Дуракъ! луковица, — анъ копѣйка! Сто душъ, — сто луковицъ, вотъ-те и рубль!» — (Острожная легенда). — А другой убилъ, защищая отъ сладострастнаго тираса честь невѣсты, сестры, дочери. — Одинъ убилъ по бродяжеству, осаждаемый цѣлымъ полкомъ сыщиковъ, защищая свою свободу, жизнь, нерѣдко умирая отъ голодной смерти; а другой рѣжетъ маленькихъ дѣтей изъ удовольствія рѣзать, чувствовать на своихъ рукахъ ихъ теплую кровь, насладиться ихъ страхомъ, ихъ послѣднимъ голубинымъ трепетомъ подъ самымъ ножомъ. И что же? И тотъ и другой поступаютъ въ ту же каторгу. Правда, есть вариация въ ерокахъ присуждаемыхъ наказаній. Но вариаций этихъ, сравнительно, не много; а вариаций въ одномъ и томъ же родѣ преступленій — безчисленное множество. Что характеръ, то и вариация. Но положимъ, что примирить, сгладить эту разницу невозможно, что это своего рода неразрѣшимая задача — квалратура круга; положимъ такъ. Но елибъ даже это неравенство и не существовало, — посмотрите на другую разницу, на разни-

ду въ самыхъ послѣдствіяхъ наказанія... Вотъ человѣкъ, который въ каторгѣ члзнетъ, таетъ какъ свѣчка; и вотъ другой, который до поступленія въ каторгу, и не зналъ даже, что есть на свѣтѣ такая развеселая жизнь, такой пріятный клубъ разудалыхъ товарищей. Да, приходятъ въ острогъ и такіе. Вотъ, напримеръ, человѣкъ образованный, съ развитой совѣстью, съ званіемъ, сердцемъ. Одна боль собственнаго его сердца, прежде всякихъ наказаній, убьетъ его своими муками. Онъ самъ себя осудитъ за свое преступленіе безпощаднѣе, безжалостнѣе самаго грознаго закона. А вотъ рядомъ съ нимъ другой, который даже и не подумаетъ ни разу о совершенномъ имъ убійствѣ, во всю каторгу. Онъ даже считаетъ себя правымъ. А бываютъ и такіе, которые нарочно дѣлаютъ преступленіе, чтобъ только попасть въ каторгу и тѣмъ избавиться отъ несравненно болѣе каторжной жизни на волѣ. Тамъ онъ жилъ въ послѣдней степени униженія, никогда не наѣдался досыта и работалъ на своего автрепренера съ утра до ночи; а въ каторгѣ работа легче, чѣмъ дома, хлѣба вдоволь и такого, какого онъ еще и не видывалъ; по праздникамъ говядина, есть подаваніе, есть возможность заработать копѣйку. А общество? Народъ продувной, ловкій, всезнающій; и вотъ онъ смотритъ на своихъ товарищей съ почти тельнымъ изумленіемъ; онъ еще никогда не видалъ такихъ; онъ считаетъ ихъ самымъ высшимъ обществомъ, которое только можетъ быть въ свѣтѣ. Неужели наказаніе для этихъ двухъ одинаково чувствительно? Но, впрочемъ, что заниматься неразрѣшными вопросами! Бьетъ барабанъ, пора по казармамъ.

IV

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Началась послѣдняя повѣрка. Послѣ этой повѣрки запирались казармы, каждая особымъ замкомъ, и арестанты оставались запертыми вплоть до разсвѣта.

Повѣрка производилась унтеръ-офицеромъ съ двумя солдатами. Для этого арестантовъ выстраивали иногда на дворѣ и приходилъ караульный офицеръ. Но чаще вся эта церемонія происходила домашнимъ образомъ, повѣряли по казармамъ. Такъ было и теперь. Повѣряющіе часто ошибались, обсчитывались

уходили и возвращались снова. Наконецъ бѣдные караульные досчитались до желанной цыфры и заперли камору. Въ ней помѣщалось человѣкъ до тридцати арестантовъ, сбитыхъ довольно тѣсно на парахъ. Спать было еще рано. Каждый, очевидно, долженъ былъ чѣмъ-нибудь заняться.

Изъ начальства въ казармѣ оставался только одинъ инвалидъ, о которомъ я уже упоминалъ прежде. Въ каждой казармѣ тоже былъ старшій изъ арестантовъ, назначаемый самымъ плацъ-маіоромъ, разумѣется, за хорошее поведеніе. Очень часто случалось, что и старшіе въ свою очередь попадались въ серьезныхъ шалостяхъ; тогда ихъ сбѣкли, немедленно разжалывали въ младшіе и замѣщали другими. Въ нашей казармѣ старшимъ оказался Акимъ Акимычъ, который, къ удивленію моему, нѣрѣдко покрикивалъ на арестантовъ. Арестанты отвѣчали ему обыкновенно насмѣшками. Инвалидъ былъ умнѣе его и ни во что не вмѣшивался, а если и случалось ему шевелить когда языкомъ, то не болѣе какъ изъ приличія, для очистки совѣсти. Онъ молча сидѣлъ на своей койкѣ и точалъ сапогъ. Арестанты не обращали на него почти никакого вниманія.

Въ этотъ первый день моей осторожной жизни, я сдѣлалъ одно наблюденіе и впоследствии убѣдился, что оно вѣрно. Именно: что всѣ неарестанты, кто бы они ни были, начиная съ непосредственно имѣющихъ связь съ арестантами, какъ-то конвойныхъ, караульныхъ солдатъ, до всѣхъ вообще, имѣвшихъ хоть какое-нибудь дѣло съ каторжнымъ бытомъ — какъ-то преувеличенно смотрятъ на арестантовъ. Точно они каждую минуту въ безпокойствѣ ожидаютъ, что арестантъ; нѣтъ-нѣтъ, да и бросится на кого-нибудь изъ нихъ съ ножомъ. Но что всего замѣчательнѣе — сами арестанты сознавали, что ихъ боятся, и это видимо придавало имъ что-то въ родѣ куражу. А между тѣмъ самый лучшій начальникъ для арестантовъ бываетъ именно тотъ, который ихъ не боится. Да и вообще, не смотря на куражъ, самымъ арестантамъ гораздо пріятнѣе, когда къ нимъ имѣютъ довѣріе. Этимъ ихъ можно даже привлечь къ себѣ. Случалось въ мое осторожное время, хотя и чрезвычайно рѣдко, что кто-нибудь изъ начальства заходилъ въ острогъ безъ конвоя. Надо было видѣть какъ это поражало арестантовъ и поражало съ хорошей стороны. Такой безстрашный посѣтитель всегда возбуждалъ къ себѣ уваженіе, и еслибъ даже дѣйствительно могло слу-

читься что-нибудь дурное, то при немъ бы оно не случилось. Внушаемый арестантами страхъ повсемѣстенъ, гдѣ только есть арестанты и, право не знаю, отчего онъ собственно происходитъ. Нѣкоторое основаніе онъ конечно имѣеть, начиная съ самаго наружнаго вида арестанта, признаннаго разбойника; кромѣ того всякій, подходящій въ каторгѣ, чувствуетъ, что вся эта куча людей собралась здѣсь не своею охотою, и что не смотря ни на какія мѣры, живого человѣка нельзя сдѣлать трупомъ; онъ остается съ чувствами, съ жаждой мщенія и жизни, съ страстями и съ потребностями удовлетворить ихъ. Но не смотря на то, я положительно увѣренъ, что бояться арестантовъ все-таки нечего. Не такъ легко и не такъ скоро бросается человѣкъ съ ножомъ на другого человѣка. Однимъ словомъ, если и возможна опасность, если она и бываетъ когда, то по рѣдкости подобныхъ несчастныхъ случаевъ, — можно прямо заключить, что она ничтожна. Разумѣется, я говорю теперь только объ арестантахъ рѣшонныхъ, изъ которыхъ даже многіе рады, что добрались наконецъ до острога, — до того хороша бываетъ иногда жизнь новая, — а слѣдовательно расположены жить спокойно и смирно; да кромѣ того и дѣйствительно безпокойнымъ изъ своихъ сами не дадутъ много куражиться. Каждый каторжный, какъ бы онъ смѣлъ и дерзокъ ни былъ, боится всего въ каторгѣ. Подсудимый же арестантъ — другое дѣло. Этотъ дѣйствительно способенъ броситься на посторонняго человѣка, такъ ни за что, единственно потому, на примѣръ, что ему завтра должно выходить къ наказанію; а если затѣется новое дѣло, то стало быть отдалется и наказаніе. Тутъ есть причина, цѣль нападенія, это: «перемѣнить свою участь» во чтобы ни стало и какъ можно скорѣе. Я даже зналъ одинъ странный психологическій случай въ этомъ родѣ.

У насъ въ острогѣ, въ военномъ разрядѣ, былъ одинъ арестантъ, изъ солдатиковъ, не лишонный правъ состоянія, при-
славный года на два въ острогъ по суду, страшный фанфаронъ и замѣчательный трусъ. Вообще фанфаронство и трусость встрѣчаются въ русскомъ солдатѣ чрезвычайно рѣдко. Нашъ солдатъ смотритъ всегда такимъ занятымъ, что еслибъ и хотѣлъ, то ему бы некогда было фанфаронить. Но если ужъ онъ фанфаронъ, то почти всегда бездѣльникъ и трусъ: Дутовъ (фамилія арестанта) отбылъ наконецъ свой коротенькій срокъ и вышелъ

опять въ линейный батальонъ. Но такъ какъ всё ему подобно, посылаемые въ острогъ для исправленія, окончательно въ него балуются; то обыкновенно и случается такъ, что они, побывъ на воляхъ не болѣе двухъ-трехъ недѣль, поступаютъ снова подъ судъ и являются въ острогъ обратно, только ужь не на два или на три года, а во «всегдашній» разрядъ, на пятнадцать или на двадцать лѣтъ. Такъ и случилось. Недѣль черезъ три по выходѣ изъ острога, Дутовъ укралъ изъ подъ-замка; сверкъ того нагрубилъ и набуянилъ. Былъ отданъ подъ судъ и приговоренъ къ строгому наказанію. Испугавшись предстоящаго наказанія до нельзя, до послѣдней степени, какъ самый жалкій трусъ, онъ наканунѣ того дня, когда его должны были прогнать съ волестрой, бросился съ ножомъ на вошедшаго въ арестантскую комнату караульнаго офицера. Разумѣется, онъ очень хорошо понималъ, что такимъ поступкомъ онъ чрезвычайно усилитъ свой приговоръ и срокъ каторжной работы. Но расчетъ былъ именно въ томъ, чтобъ хоть на нѣсколько дней, хоть на нѣсколько часовъ, отдалить страшную минуту наказанія! Онъ до того былъ трусъ, что бросившись съ ножомъ, онъ даже не ранилъ офицера; а сдѣлалъ все для проформы, для того только, чтобъ оказалось новое преступленіе, за которое бы его опять стали судить.

Минута передъ наказаніемъ конечно ужасна для приговореннаго, а мнѣ въ нѣсколько лѣтъ, пришлось видѣть довольно подсудимыхъ, наканунѣ рокового для нихъ дня. Обыкновенно я встрѣчался съ подсудимыми арестантами въ госпиталѣ, въ арестантскихъ палатахъ, когда лежалъ больной, что случалось довольно часто. Извѣстно всемъ арестантамъ во всей Россіи, что самые сострадательные для нихъ люди — доктора. Они никогда не дѣлаютъ между арестантами различія, какъ неволью дѣлаютъ почти всё посторонніе, кромѣ равнѣ одного простаго народа. Тотъ никогда не коритъ арестанта за его преступленіе, какъ бы ужасно оно ни было, и прощаетъ ему все за понесенное имъ наказаніе и вообще за несчастье. Не даромъ же весь народъ во всей Россіи, называетъ преступленіе несчастьемъ, а преступниковъ несчастными. Это глубокознаменательное опредѣленіе. Оно тѣмъ болѣе важно, что сдѣлано бевсознательно, инстинктивно. Доктора же — истинное приближеніе арестантовъ во многихъ случаяхъ, особенно для подсудимыхъ, которые содержатся ти-

желе рѣшонныхъ... И вотъ подсудимый, рассчитавъ вѣроятный срокъ ужаснаго для него дня, уходитъ часто въ госпиталь, желая хоть сколько-нибудь отдалить тяжолоую минуту. Когда же онъ обратно выписывается, почти навѣрно зная, что роковой срокъ австрия, то всегда почти бываетъ въ сильномъ волненіи. Цыне стараются скрыть свои чувства изъ самолюбія, но невольній, невольной муражъ не обманываетъ ихъ товарищей. Всѣ понимаютъ въ чемъ дѣло и молчатъ про себя изъ человеколюбія, Ямаалъ одного арестанта, молодого человѣка, убійцу, изъ солдатъ, приговореннаго къ полному числу палокъ. Онъ до того заробѣлъ, что наканунѣ наказанія рѣшилъ выпить крышку вина, встать въ немъ нюхальнаго табаку. Кстатис: вино всегда является у подсудимаго арестанта передъ наказаніемъ. Оно пропито еще задолго до срока, добывается за большія деньги и подсудимый скорѣе будетъ волгода отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, но скопить вужную сумму на четверть штофа вина, якобъ вынуть его за четверть часа до приговора. Между арестантами вообще существуетъ убѣжденіе, что хмѣльной не такъ больно чувствуешь плеть или палки. Но я отвлекся отъ разсказа. Бѣдный малый, выпивъ свою крышку вина, дѣйствительно тотчасъ же сдѣлался боленъ; съ нимъ началась рвота съ кровью, и его отвезли въ госпиталь почти безчувственнаго. Эта рвота до того расстроила ему грудь, что черезъ нѣсколько дней въ немъ открылись признаки настоящей чахотки, отъ которой онъ умеръ черезъ полгода. Доктора, лечившіе его отъ чахотки, не знали отчего она произошла.

Но разсказывая о часто встрѣчающемся малолушнѣ преступниковъ передъ наказаніемъ, я долженъ прибавить, что напротивъ нѣкоторые изъ нихъ изумляютъ наблюдателя необыкновеннымъ безстрашіемъ. Я помню нѣсколько примѣровъ отваги, доходящей до какой-то безчувственности, и притѣргъ эти были не совсемъ рѣдки. Особенно помню я мою встрѣчу съ однимъ страшнымъ преступникомъ. Въ одинъ лѣтній день распространился въ арестантскихъ палатахъ слухъ, что вечеромъ будутъ наказывать знаменитаго разбойника, Орлова, изъ бѣглыхъ солдатъ, и послѣ наказанія приведутъ въ палаты. Бодные арестанты, въ ожиданіи Орлова, утверждали, что накажутъ его жестоко. Всѣ были въ нѣкоторомъ волненіи и, признаюсь, я тоже ожидалъ подъема знаменитаго разбойника съ крайнимъ любо-

пытетвомъ. Давно уже я слышалъ о немъ чудеса. Это былъ злодѣй какихъ мало, рѣзавшій хладнокровно стариковъ и дѣтей, — человѣкъ съ страшной силой воли и съ гордымъ сознаниемъ своей силы. Онъ повинился во многихъ убійствахъ и былъ приговоренъ къ наказанію палками, сквозь строй. Привели его уже вечеромъ. Въ палатѣ уже стало темно и зажгли свѣчи. Орловъ былъ почти безъ чувствъ, страшно блѣдный, съ густыми, всклокоченными черными какъ смоль волосами. Спина его вспухла и была кроваво-синяго цвѣта. Всю ночь ухаживали за нимъ арестанты, перемѣняли ему воду, переворачивали его съ боку на бокъ, давали лекарство, точно они ухаживали за своимъ роднымъ, за какимъ-нибудь своимъ благодѣтелемъ. На другой же день онъ очнулся вполнѣ и прошолся раза два по палатѣ! Это меня изумило: онъ врябывъ въ госпиталь слишкомъ слабый и измученный. Онъ прошолъ заразъ цѣлую половину всего, предназначеннаго ему числа палокъ. Докторъ останавливалъ экзекуцію только тогда, когда замѣтилъ, что дальнѣйшее продолженіе наказанія грозило преступнику неминуемой смертью. Кромя того Орловъ былъ малаго роста и слабago сложенія, и къ тому же истощенъ долгимъ содержаніемъ подѣ судомъ. Кому случается встрѣчать когда-нибудь подсудимыхъ арестантовъ, тотъ вѣроятно надолго запомнилъ ихъ изможденные, худыя и блѣдыя лица, лихорадочные взгляды. Не смотря на то, Орловъ быстро поправлялся. Очевидно, внутренняя душевная его энергія сильно помогала натурѣ. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный. Изъ любопытства я познакомился съ нимъ ближе и цѣлую недѣлю изучалъ его. Положительно могу сказать, что никогда въ жизни я не встрѣчалъ болѣе сильнаго, болѣе желѣзнаго характеромъ человѣка какъ онъ. Я видѣлъ уже развѣ въ Тобольскѣ, одну знаменитость въ такомъ же родѣ, одного бывшаго атамана разбойниковъ. Тотъ былъ дикій заѣръ вполнѣ, и вы, стоя воцѣль него и еще не зная его имени, уже инстинктомъ предчувствовали, что подлѣ васъ находится страшное существо. Но въ томъ ужасало меня духовное отупѣніе. Плеть до того брала верхъ надъ всѣми его душевными свойствами, что вы съ перваго взгляда по лицу его видѣли, что тутъ осталось только одна дикая жажда тѣлесныхъ наслажденій, сладострастія, плотоугодія. Я увѣренъ, что Кореневъ, — имя того разбойника — даже упалъ бы духомъ и трепеталъ отъ страха по-

редь наказаніемъ; не смотря на то, что способенъ былъ рѣзать даже не пожорщившись. Совершенно противоположенъ ему былъ Орловъ. Это была наяву полная побѣда надъ плотью. Видно было, что этотъ человѣкъ могъ повелѣвать собою безгранично, презиралъ всякія муки и наказанія, и не боялся ничего на свѣтѣ. Въ немъ мы видѣли одну безкопечную энергію, жажду дѣятельности, жажду ищенія, жажду достичь предположенной цѣли. Между прочимъ я пораженъ былъ его страннымъ высококомѣріемъ. Онъ на все смотрѣлъ какъ-то до невѣроятности свысока, но вовсе не увиливалъ подняться на ходули, а такъ какъ-то натурально. Я думаю не было существа въ мірѣ, которое бы могло подѣйствовать на него однимъ авторитетомъ. На все онъ смотрѣлъ какъ-то неожиданно спокойно, какъ-будто не было ничего на свѣтѣ, чтобы могло удивить его. И хотя онъ вполне понималъ, что другіе арестанты смотрятъ на него уважительно, но нисколько не рисовался передъ ними. А между тѣмъ тщеславие и заносчивость свойственны почти всѣмъ арестантамъ безъ исключенія. Былъ онъ очень не глупъ, в какъ-то странно откровененъ; хотя отнюдь не болтливъ. На вопросы мои онъ прямо отвѣчалъ мнѣ, что ждетъ выздоровленія, чтобы поскорѣй выйти остальное наказаніе и что онъ боится сначала, передъ наказаніемъ, что не перенесетъ его. Но теперь, прибавилъ онъ, подмигнувъ мнѣ глазами, — дѣло кончено. Выхожу остальное число ударовъ, и тотчасъ же отправятъ съ партіей въ Перчинскъ, а я-то съ дороги бѣгу! Непремѣнно бѣгу! Вотъ только-бъ скорѣе спина зажила! И всѣ эти пять дней онъ съ жадностью ждалъ, когда можно будетъ проситься на выписку. Въ ожиданіи же онъ былъ иногда очень смѣшливъ и веселъ. Я пробовалъ съ нимъ заговаривать объ его похожденияхъ. Онъ немного хмурился при этихъ распросахъ, но отвѣчалъ всегда откровенно. Когда же понималъ, что я добираюсь до его совѣсти и добиваюсь въ немъ хоть какого-нибудь раскаянія, то взглянулъ на меня до того превратно и высококомѣрно, какъ-будто я вдругъ сталъ въ его глазахъ какимъ-то маленькимъ, глупенькимъ мальчикомъ, съ которымъ нельзя и разсуждать какъ съ большими. Даже что-то въ родѣ жалости ко мнѣ изобразилось въ лицѣ его. Черезъ минуту онъ расхохотался надо мной самымъ простодушнымъ смѣхомъ, безъ всякой ироніи и, я увѣренъ, оставшійся одинъ и вспоминая мои слова, можетъ быть еще нѣсколько разъ

принимаясь про себя смѣяться. Наконецъ онъ выписался, еще съ несомнѣньемъ поджившей спяной; я тоже пошелъ въ этотъ разъ на выписку, и изъ госпиталя намъ случилось возвращаться вмѣстѣ; мы въ острогъ, а ему въ пордегардію полкъ нашего острога, гдѣ онъ содержался и прежде. Прощаясь, онъ пожалъ мнѣ руку; и съ его стороны это было знакъ высокой довѣренности. Я думаю, онъ сдѣлалъ это потому, что былъ очень доволенъ собой и настоящей минутой. Въ душности онъ не могъ не придраться ко мнѣ и неправомерно долженъ былъ гадать на меня какъ на существо покоряющееся, слабое, жалкое и во всѣхъ отношеніяхъ перелъ нимъ нищее. На-автра же его вывели къ вторичному ланазавію.

Когда заперли нашу казарму, она вдругъ приняла какой-то особенный видъ; — видъ настоящаго жилища, домашняго очага. Только теперь я могъ видѣть арестантовъ, можда товарищей, звалихъ какъ дома. Дневнъ унтеръ-офицеры, караульные и вообще начальство могутъ во всякую минуту прибыть въ острогъ, а потому всѣ обитатели острога какъ-то и держатъ себя иначе, какъ будто не вполне усноковались, какъ-будто поминутно ожидаютъ чего-то, въ какой-то тревогѣ. Но только что заперли казарму, всѣ тотчасъ же спокойно размыслились каждый на своемъ мѣстѣ, и почти каждый принялся за какое-нибудь рукодѣлье. Казарма вдругъ освѣтилась. Каждый держалъ свою свѣчу и своей ледвѣчки, большую частью деревянной. Кто засѣлъ читать сапоги; кто шить какую-нибудь одежду. — Мефитическій воздухъ казармы усиливался съ часу на часъ. Кучка гулякъ засѣла въ уголку на корточкахъ, перелъ разостланнымъ ковромъ за карты. Почти въ каждой казармѣ былъ такой арестантъ, который держалъ у себя аршинный худенькій ковракъ, свѣчку и до шестиряности вазалонныя, жирныя карты. Все это вмѣстѣ называлось майданъ. Содержатель получалъ плату съ играющихъ копѣекъ пятнадцать за ночь; тѣмъ онъ и промышлялъ. Игроки играли обыкновенно въ три двата, въ горку, и проч. Всѣ игры были азартныя. Каждый играющій вытаскивалъ перелъ собою куну мѣдныхъ денегъ — все что у него было въ карманѣ, и вѣтавалъ съ корточекъ только проигравшійся живухъ или обгравъ товарищей. Игра кончалась поздно ночью, а иногда длилась до разсвѣта, до самой той минуты какъ отворалась казарма. Въ нашей комнатѣ, также какъ и во всѣхъ другихъ казармахъ

острога, всегда бывали нищие, байгуши, проигравшіеся и пропавшіеся, или такъ просто, отъ природы нищие. Я говорю отъ природы и особенно напирая на это выраженіе. Дѣйствительно, вездѣ въ народѣ нашемъ, при какой бы то ни было обстановкѣ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, всегда есть и будутъ существовать нѣкоторыя страшныя личности, смиренныя и нерѣдко очень же дѣлныя, но которымъ ужь такъ судьбой предназначено на вѣки вѣчныя оставаться нищими. Они всегда бобыли, они всегда шеряки, они всегда смотрятъ на крими-то забытыи и тѣмъ-то удрученными и вѣчно состоятъ у кого нибудь на помѣсткѣ, у кого нибудь на посылахъ, обыкновенно у гулякъ или у шевально разбогатѣвшихъ и возвысившихся. Всякій подлѣцъ, всякая инициатива — для нихъ горе и тягость. Они какъ будто и родились съ тѣмъ условіемъ, чтобы ничего не начинать самимъ и только прислуживать, жить не своей волей, плясать по чужой дудкѣ; ихъ назначеніе — исполнять одно чужое. Въ довершеніе всего, никакія обетовательства, никакіе перевороты не могутъ ихъ обогатить. Они всегда нищие. Я замѣтилъ, что такія личности водятся и не въ одномъ народѣ, а во всѣхъ обществахъ, сословіяхъ, партияхъ, журналахъ и ассоціаціяхъ. Такъ-то случалось и въ каждой казармѣ, въ каждомъ острогѣ, и только что составлялся майданъ, одинъ изъ такихъ немедленно являлся прислуживать. Да и вообще ни одинъ майданъ не могъ обойтись безъ прислужника. Его нанимали обыкновенно игроки всѣ вообще, на всю ночь, копѣекъ за пять серебромъ, и главная его обязанность была стоять всю ночь на караулѣ. Большею частью онъ мерзъ часовъ шесть или семь въ темнотѣ, въ снѣгахъ, на тридцати-градусномъ морозѣ, и прислушивался къ каждому стуку, къ каждому звону, къ каждому шагу на дворѣ. Плацъ-майоръ или караульные являлись иногда въ острогъ довольно поздно ночью, входили тихо и накрывали и играющихъ, и работающихъ, и лишніа свѣчки, которыя можно было видѣть еще со двора. По крайней мѣрѣ, когда вдругъ начиналъ гремѣть замокъ на дверяхъ изъ снѣговъ на дворѣ, было уже поздно прятаться, тушить свѣчи и улагаться на нары. Но такъ какъ караульному прислужнику веселѣ того болше доставалось отъ майдана, то и случаи такихъ промаховъ были чрезвычайно рѣдки. Пять копѣекъ конечно смѣшно-мѣтложная плата даже и для острога; но меня всегда поражала въ острогѣ суровость и безжалостность наня-

нателей, и въ этомъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ: «Деньги взял, такъ и служи!» Это былъ аргументъ, нетерпѣвшій никакихъ возраженій. За выданный грошъ наниматель бралъ все что могъ брать, бралъ, если возможно, лишнее и еще считалъ, что онъ одолажаетъ наемщика. Гуляка, хмѣльной, бросающей деньги направо и налево безъ счету, непрестанно обчитывалъ своего прислужника, и это замѣтилъ я не въ одномъ острогѣ, не у одного майдана.

Я сказалъ уже, что въ казармѣ почти всѣ устылись за какинбудь занятія: кромѣ игроковъ, было не болѣе пяти человекъ совершенно праздныхъ; они тотчасъ же легли спать. Мое мѣсто на нарахъ приходилось у самой двери. Съ другой стороны наръ, голова съ головой со мною, помѣщался Акимъ Акимычъ. Часовъ до десяти или до одиннадцати онъ работалъ, клеилъ какой-то разноцвѣтный китайскій фонарикъ, заказанный ему въ городѣ, за довольно хорошую плату. Фонарики онъ дѣлалъ мастерски, работалъ методически, не отрываясь; когда же кончилъ работу, то аккуратно прибрался, разослалъ свой тюфячекъ, помолился Богу и благоправно улегся на свою постель. Благоправие и порядокъ онъ простиралъ по видимому до самаго мелочного педантизма; очевидно, онъ долженъ былъ считать себя чрезвычайно умнымъ человекомъ, какъ и вообще всѣ тупые и ограниченные люди. Не понравился онъ мнѣ съ перваго же дня, хотя помню, въ этотъ первый день я много о немъ раздумывалъ и всего болѣе дивился, что такая личность вмѣсто того, чтобы усѣвать въ жизни, очутилась въ острогѣ. Впоследствии мнѣ не разъ придется говорить объ Акимѣ Акимычѣ.

Но опишу вкратцѣ составъ всей нашей казармы. Въ ней приходилось мнѣ жить много лѣтъ, и это все были мои будущіе сожители и товарищи. Понятно, что я вглядывался въ нихъ съ жаднымъ любопытствомъ. Слева отъ моего мѣста на нарахъ помѣщалась кучка кавказскихъ горцевъ, присланныхъ большою частью за грабежи и на разные сроки. Ихъ было: два лезгина, одинъ чеченецъ и трое дагестанскихъ татаръ. Чеченецъ былъ мрачное и угрюмое существо; почти ни съ кѣмъ не говорилъ и постоянно смотрѣлъ вокругъ себя съ ненавистью, изъ подлобы и съ отравленной, злобно-насмѣшливой улыбкой. Одинъ изъ лезгиновъ былъ уже старикъ, съ длиннымъ тожкимъ горбатымъ носомъ, отъявленный разбойникъ съ виду. Зато другой, Пурра,

произвелъ на меня съ перваго же дня самое отрадное, самое милое впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ еще не старій, росту невысокаго, сложенный какъ геркулесъ, совершенный блондинъ съ свѣтлоголубыми глазами, курносый, съ лицомъ чухонки и съ кривыми ногами отъ постоянной прежней ѣзды верхомъ. Все тѣло его было изрублено, изранено штыками и пулями. На Кавказѣ онъ былъ мирной, но постоянно уѣзжалъ потихоньку къ немирнымъ горцамъ и оттуда вмѣстѣ съ ними дѣлалъ набѣги на русскихъ. Въ каторгѣ его всѣ любили. Онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ ко всѣмъ, работалъ безропотно, спокоенъ и ленивъ, хотя часто съ негодованіемъ смотрѣлъ на гадость и грязь арестантской жизни и возмущался до ярости всякимъ воровствомъ, мошенничествомъ, пьянствомъ и вообще всѣмъ, что было не честно: но ссоръ не затѣвалъ и только отворачивался съ негодованіемъ. Самъ онъ во все продолженіе своей каторги не укралъ ничего, ни сдѣлалъ ни одного дурного поступка. Былъ онъ чрезвычайно богомолецъ. Молитвы исполнялъ онъ свято; въ посты передъ магометанскими праздниками постился какъ фанатикъ и цѣлыя ночи выстаивалъ на молитвѣ. Его всѣ любили и въ честность его вѣрили. Нурра — левъ, говорили арестанты; такъ за нимъ и оставалось названіе льва. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что по окончаніи опредѣленнаго срока въ каторгѣ, его воротятъ домой на Кавказъ, и жилъ только этой надеждой. Мнѣ кажется онъ бы умеръ, еслибъ ея лишился. Въ первый же мой день въ острогѣ, я рѣзко замѣтилъ его. Нельзя было не замѣтить его добраго симпатизирующаго лица, среди злыхъ, угрюмыхъ и пасмѣшливыхъ лицъ остальныхъ каторжниковъ. Въ первые полчаса какъ я пришолъ въ каторгу, онъ, проходя мимо меня, потрепалъ меня по плечу, добродушно смѣлся мнѣ въ глаза. Я не могъ сначала понять, что это означало. Говорилъ же онъ по-русски очень плохо. Вскорѣ послѣ того онъ опять подошелъ ко мнѣ и опять, улыбаясь, дружески ударилъ меня по плечу. Потомъ опять и опять и такъ продолжалось три дня. Это означало съ его стороны, какъ догадался я и узналъ потомъ, что ему жаль меня, что онъ чувствуетъ какъ мнѣ тяжело знакомиться съ острогомъ, хочетъ показать мнѣ свою дружбу, ободрить меня и увѣрить въ своемъ покровительствѣ. Добрый и наивный Нурра!

Дагестантскихъ татаръ было трое и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ

не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ еще положе. Его вѣсто на варахъ было рядомъ со мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ тоже время добродушно наивное лицо, съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого-нибудь въ сообще. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ доверчива, такъ дѣтски простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него. Я говорю не преувеличивая. На родинѣ старшій братъ его (сваршилъ братьевъ было у него пять; два другихъ попали въ какой-то заводъ), однажды велѣлъ ему взять шашку и садиться на коня, чтобъ ѣхать вмѣстѣ въ какую-то экспедицію. Уваженіе къ старшимъ въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются? Тѣ же не сочли и за нужное сообщать ему это. Между прочимъ всѣ они ѣхали на разбой, подстеречь на дорогѣ богатаго армянскаго купца и ограбить его. Такъ и случилось: они перерѣзали конной, зарѣзали армянина и разграбили его товаръ. Но дѣло открылось: ихъ взяли всѣхъ шестерыхъ, судили, уличили, наказали и сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы. Всю милость, которую сдѣлалъ судъ для Алея былъ уменьшенный срокъ наказанія; онъ сосланъ былъ на четыре года. Братья очень любили его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались, на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъ будто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего и говорить о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, и я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ нибудь шутиломъ, почти дѣтскомъ, по крайней мѣрѣ они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда бывало выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность. Трудно представить себѣ, какъ этотъ мальчикъ во все время своей каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться. Это впрочемъ была сильная и

своякая натура, не смотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его впоследствии. Онъ былъ цѣломудренъ какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь свирепый, шипуческій, грязный или несправедливый, насмѣшливый поступокъ въ острогѣ, зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались оттого еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно и умѣли за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и все ласкали. Сначала со мной онъ былъ только въ явливъ. Мало по малу я началъ съ нимъ разговаривать; въ иѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно умнымъ мальчикомъ, чрезвычайно-скромнымъ и деликатнымъ и даже, много уже рассуждавшимъ. Вообще скажу заранѣ: я считаю Алея далеко необыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ, какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры, до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что они могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?..

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ то очень-тяжеломъ. Алея, всегда работающій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ, и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руки за голову, и тоже о чемъ то думалъ. Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ: но взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспоминаній, что тотчасъ же нашелъ, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту же самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и врустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда пѣжную и сердечную. Кроме того, улыбаясь, онъ выставлялъ два ряда жемчужныхъ

зубовъ, красотѣ которыхъ могла бы позавидовать любая красавица въ мірѣ.

— Что, Алей, ты вѣрно сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздникъ. Вѣрно тамъ хорошо?

— Да, отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли.— А почему ты знаешь, что я думалъ объ этомъ?

— Еще бы не знать? что, тамъ лучше чѣмъ здѣсь?

— О! зачѣмъ ты это говоришь...

— Должно быть теперь какіе цвѣты у васъ; какой рай?..

— О-охъ, и, не говори лучше! Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была, а что тебѣ?

— Должно быть она красавица, если на тебя похожа.

— Что на меня! она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше. Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не зналъ такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ! что ты говоришь! Она вѣрно умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила... Она ко мнѣ сегодня во снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ, и въ этотъ вечеръ уже больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ каждый разъ говорить со мной, хотя самъ изъ почтенія, которое онъ неизвѣстно почему ко мнѣ чувствовалъ — никогда не заговаривалъ первый. За то очень былъ радъ, когда я обращался къ нему. Я спрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ это было даже пріятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мной гораздо ласковѣе.

Алей помогалъ мнѣ въ работѣ, услуживалъ мнѣ чѣмъ могъ въ казармахъ, и видно было, что ему очень пріятно было хоть чѣмъ-нибудь облегчить меня и угодить мнѣ, и въ этомъ стараніи угодить не было ни малѣйшаго униженія или исканія какой-нибудь выгоды, а теплое, дружеское чувство, которое онъ уже и не скрывалъ ко мнѣ. Между прочимъ у него было много способностей механическихъ; онъ выучился порядочно шить бѣлье, те-

чалъ сапоги и , въ послѣдствіи , выучился , сколько могъ , столярному дѣлу. Братья хвалили его и гордились имъ.

— Послушай , Алей , сказалъ я ему однажды , — отчего ты не выучишься читать и писать по-русски. Знаешь ли какъ это можегъ тебѣ пригодиться здѣсь въ Сибири , въ послѣдствіи?

— Очень хочу. Да у кого выучиться?

— Мало ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь , я тебя выучу?

— Ахъ , выучи , пожалуйста! и онъ даже привсталъ на ногахъ и съ мольбою сложилъ руки , смотря на меня.

Мы принялись съ слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Новаго завета , — книга , не запрещенная въ острогѣ. Безъ азбуки , по одной этой книгѣ , Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ , съ увлеченіемъ.

Однажды мы прочли съ нимъ всю нагорную проповѣдь. Я замѣтилъ , что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговаривалъ какъ будто съ особеннымъ чувствомъ.

Я спросилъ его , нравится ли ему то , что онъ прочелъ.

Онъ быстро взглянулъ , и краска выступила на его лицо.

— Ахъ , да! отвѣчалъ онъ , — да , Иса святой пророкъ , Иса Божій слова говорилъ. Какъ хорошо!

— Чтожъ тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ онъ говорить : прощай , люби , не обижай , и враговъ люби. Ахъ , какъ хорошо онъ говорить!

Онъ обернулся къ братьямъ , которые прислушивались къ нашему разговору и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серьезно говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ съ важно-благосклонною , то есть чисто-мусульманскою улыбкою (которую я такъ люблю и именно люблю важность этой улыбки) , обратились ко мнѣ и подтвердили : что Иса былъ Божій пророкъ и что онъ дѣлалъ великія чудеса ; что онъ сдѣлалъ изъ глины птицу , дунулъ на нее и она полетѣла... и что это и у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это , они вполне были увѣрены , что дѣлаютъ мнѣ великое удовольствіе , восхваляя Ису , а Алей былъ вполне счастливъ , что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно. Алей до-

сталъ бумаги (и не позволилъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали чѣмъ возблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они наперерывъ помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ быть такъ же, какъ и братьевъ. Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не дѣловалъ меня и не плакалъ. «Ты для меня столько сдѣлалъ, столько сдѣлалъ» — говорилъ онъ, — «что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ, Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду...

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь, мой добрый, милый, милый Алей!..

Кромѣ черкесовъ въ казармахъ нашихъ была еще цѣлая кучка поляковъ, составлявшая совершенно отдѣльную семью, почти не сообщавшуюся съ прочими арестантами. Я сказалъ уже, что за свою исключительность, за свою ненависть къ каторжнымъ русскимъ, они были въ свою очередь всѣми ненавидимы. Это были натуры измученныя, больныя; ихъ было человѣкъ шесть. Нѣкоторые изъ нихъ были люди образованные; объ нихъ я буду говорить особо и подробно впоследствии. Отъ нихъ же я иногда, въ послѣдніе годы моей жизни въ острогѣ, доставалъ кой-какія книги. Первая книга, прочтенная мною, произвела на меня сильное, странное, особенное впечатлѣніе. Объ этихъ впечатлѣніяхъ я когда-нибудь скажу особо. Для меня они слишкомъ любопытны, и я увѣренъ, что многимъ они будутъ совершенно непонятны. Не испытавъ, нельзя судить о нѣкоторыхъ вещахъ. Скажу одно: что нравственныя лишенія, тяжелѣе всѣхъ мукъ физическихъ. Простолудинъ, идущій въ каторгу, приходитъ въ свое общество, даже можетъ быть еще въ болѣе развитое. Онъ потерялъ конечно много — родину, семью, все, но среда его остается та же. Человѣкъ образованный, подвергающійся по законамъ одинаковому наказанію съ простолудинномъ, терлеть часто несравненно больше его. Онъ долженъ задавить въ себѣ всѣ свои потребности, всѣ привычки; перейти въ среду для него недостаточную, долженъ приучиться дышать не тѣмъ воздухомъ... Это — рыба, вытасченная изъ воды на песокъ... И

часто для всѣхъ одинаковое по закону наказаніе, обращается для него въ вдесятеро мучительнѣйшее. Это истина.. даже еслибъ дѣло касалось однихъ матеріальныхъ привычекъ, которыми надо пожертвовать.

Но поляки составляли особую цѣльную кучку. Ихъ было шестеро, и они были вмѣстѣ. Изъ всѣхъ каторжныхъ нашей казармы они любили только одного жида и можетъ быть единственно потому, что онъ ихъ забавлялъ. Нашего жидка впрочемъ любили даже и другіе арестанты, хотя рѣшительно всѣ безъ исключенія смѣялись надъ нимъ. Онъ былъ у насъ одинъ и я даже теперь не могу вспоминать о немъ безъ смѣху. Каждый разъ, когда я глядѣлъ на него, мнѣ всегда приходилъ на память Гоголевъ жидокъ Янкель, изъ Тараса-Бульбы, который раздѣвшись, чтобъ отправиться на ночь съ своей жидовкой въ какой-то шкафъ, тотчасъ же сталъ ужасно похожъ на цыпленка. Исай Ошничъ, нашъ жидокъ, былъ какъ двѣ капли воды похожъ на общипаннаго цыпленка. Это былъ человѣкъ уже немолодой, лѣтъ около пятидесяти, маленькій ростомъ и слабосильный, хитренькій и въ тоже время рѣшительно глупый. Онъ былъ дерзокъ и заносчивъ и въ то же время ужасно трусливъ. Весь онъ былъ въ какихъ-то морщинкахъ, и на лбу и на щекахъ его были клейма, положенныя ему на эшафотѣ. Я никакъ не могъ понять, какъ могъ онъ выдержать шестьдесятъ плетей. Пришолъ онъ по обвиненію въ убійствѣ. У него былъ припрятанъ рецептъ, доставленный ему отъ доктора его жидками, тотчасъ же послѣ эшафота. По этому рецепту можно было получать такую мазь, отъ которой недѣли въ двѣ могли сойдти его клейма. Употребить эту мазь въ острогѣ онъ не смѣлъ и выжидалъ своего двѣнадцати-лѣтняго срока каторги, послѣ которой, выйдя на поселеніе, непременно намѣревался воспользоваться рецептомъ. «Не то нельзя будетъ зениться, сказалъ онъ мнѣ однажды, — а я непременно хопу зениться». Мы съ нимъ были большіе друзья. Онъ всегда былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа. Въ каторгѣ жить ему было легко; онъ былъ по ремеслу ювелиръ, былъ заваленъ работой изъ города, въ которомъ не было ювелира, и такимъ образомъ избавился отъ тяжелыхъ работъ. Разумѣется, онъ въ тоже время былъ ростовщикъ и снабжалъ подъ проценты и залоги всю каторгу деньгами. Онъ пришолъ прежде меня и одинъ изъ поляковъ описывалъ мнѣ подробно его прибы-

тіе. Это пресмѣшная исторія, которую я расскажу впоследствии; объ Исаѣ Ѳомичѣ я буду говорить еще не разъ.

Остальной людъ въ нашей казармѣ состоялъ изъ четырехъ старообрядцевъ, стариковъ и начетчиковъ, между которыми былъ и старикъ изъ Стародубовскихъ слободъ; изъ двухъ-трехъ малороссовъ, мрачныхъ людей, изъ молоденькаго каторжнаго, съ тоненькимъ личикомъ и съ тоненькимъ носикомъ, лѣтъ двадцати трехъ, уже убившаго восемь душъ, изъ кучки фальшивыхъ монетчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ потѣшникъ всей нашей казармы и наконецъ изъ нѣсколькихъ мрачныхъ и угрюмыхъ личностей, обритыхъ и обезображенныхъ, молчаливыхъ и завистливыхъ, съ ненавистью смотрѣвшихъ изъ подлобья кругомъ себя и намѣревавшихся такъ смотрѣть, хмуриться, молчать и ненавистничать еще долгіе годы, — весь срокъ своей каторги. Все это только мелькнуло передо мной въ этотъ первый, безотрадный вечеръ моей новой жизни, — мелькнуло среди дыма и копоты, среди ругательства и невыразимаго цинизма, въ мепитическомъ воздухѣ, при звонѣ кандаловъ, среди проклятій и безстыднаго хохота. Я легъ на голыхъ нарахъ, положивъ въ голову свое платье (подушки у меня еще не было), накрылся тулупомъ, но долго не могъ заснуть, хотя и былъ весь измученъ и изломанъ отъ всѣхъ чудовищныхъ и неожиданныхъ впечатлѣній этого перваго дня. Но новая жизнь моя только еще начиналась. Многое еще ожидало меня впереди, о чемъ я никогда не мыслилъ, чего и не предугадывалъ...

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

ЗАПАДНИЧЕСТВО ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ПРИЧИНЫ ПРОИСХОЖДЕНІЯ ЕГО И СЛѢДЫ

1830—1851

Sine ira et studio...

Тацитъ.

Justitia est constans et perpetua voluntas
jus suum cuique tribuere.

Institutiones.

I

Пустыня, однообразна и печальна какъ киргизская степь, должна была представиться русская жизнь въ ея прошедшемъ и настоящемъ тому, кто смѣло и честно какъ П. Я. Чаадаевъ, взглянулъ на нее съ выработанной западомъ точки созерцанія, не ослѣпляясь кажущимися и въ сущности фальшивыми аналогіями, тѣмъ менѣе стараясь проводить эти фальшивыя аналогіи. Между тѣмъ, эта точка зрѣнія явилась вовсе не внезапно, вовсе не какъ Deus ex machina. Зерно такого рѣзкаго созерцанія лежало уже давно въ сознаниіи вышнихъ нашихъ представителей, вырывалось по временамъ у величайшаго изъ нихъ Пушкина, то ироническимъ примиреніемъ съ дѣйствительностью, какъ въ извѣстной строфѣ уничтоженной главы Онѣгина, то стихотвореніемъ, которое самъ онъ назвалъ «Кавризомъ.»

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей сонной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь ко ты со мной, и т. д.,

стихотвореніемъ, въ которомъ между прочимъ, не смотря на его

шутливый товъ, именно какъ въ зернѣ заключаются многія послѣдующія отношенія литературы нашей къ дѣйствительности, и дерматовское созерцаніе, выразившееся такъ энергически-горько :

Люблю я родину, но странную любовью,
Не побѣдитъ ее разсудокъ мой...

и повѣсти сороковыхъ годовъ съ ихъ постоянно и намѣренно-злымъ изобрѣтеніемъ грязной и грубой обстановки, въ которой осуждены задыхаться лучшія натуры и огаревскіе вопли

Да! въ нашей грустной сторонѣ,
Скажите, чтожъ и дѣлать болѣ,
Какъ не хозяйничать женѣ
А мужу съ псами ѣздить въ поле;

и мрачное, безотрадное созерцаніе великаго аналитика «пошлости пошлаго человѣка» и увильй, туманно-сѣренькій, ненастный колоритъ, выброшенный на жизнь сентиментальнымъ натурализмомъ и наконецъ почти всѣ стихотворенія Некрасова — даже до его послѣдняго, т. е. до «Деревенскихъ вѣстей», которое впрочемъ и стихотвореніемъ-то назвать какъ-то худо поворачивается языкъ... Все это въ сущности есть не что иное, какъ развитіе пушкинскаго «Каприза», т. е. разъясненіе и послѣдовательное раскрытіе того созерцанія, которое у Пушкина выразилось только какъ моментъ въ его «Капризѣ»...

Но Пушкинъ въ нашей литературѣ былъ единственный полный человѣкъ, единственный всесторонній представитель нашей народной фizioноміи.

Горькое и безотрадное созерцаніе окружающей дѣйствительности, было для него не болѣе какъ моментомъ сознанія — и притомъ вовсе не такимъ моментомъ, который бы выразился у него щѣлоу рѣзкою полосой дѣятельности, въ родѣ дерматовской, или во вредъ правдивому и прямому отношенію къ жизни. Какъ въ новостяхъ сороковыхъ годовъ, Пушкинъ — пусть его за отсутствіе односторонности и обвиняютъ поборники теорій въ равнодушій и даже въ отступничествѣ, — былъ прежде всего художникъ, т. е. великая, на половину сознательная, на половину бессознательная сила жизни, «герой» въ карлейлевскомъ значеніи героизма — сила, которой размахъ былъ не въ одномъ настоящемъ, но и въ будущемъ... Ему было дано непосредственное чутье народной жизни и дана была непосредственная же любовь къ народной жизни. Это—вопреки появляющемуся въ послѣднее время мнѣнію, уничтожающему его значеніе

какъ народнаго поэта, миѣнію, родившемуся только вслѣдствіе значимства нашихъ мыслителей съ народною жизнью изъ кабинета и изъ книгамъ, — неоспоримая истина, подтверждаемая и складомъ его рѣчи въ Борисѣ, Русалкѣ, Женяхъ, утопленникѣ, сказкахъ о рыбахъ и рыбакѣ и о Кузьмѣ Остолопѣ, отрывкомъ о Мелѣдицѣ и т. д. и что еще важнѣе складомъ, самаго міросозерцанія въ «Капитанской дочкѣ», повѣстяхъ Бѣлкина и проч. Въ тѣ дни даже, когда муза его, по его выраженію, скакала за нимъ Ленорой при лунѣ по горамъ Кавказа, когда, какъ говоритъ онъ,

. . . . я воспѣвалъ
И дѣву горь, мой идеалъ,
И плѣнницъ береговъ Сальгира...

когда образы плѣнника, Алеко, Гирея и другихъ мучениковъ страстей тѣснились въ его душу, эта чуткая душа удивительно вѣрно отзывалась на жизнь дѣйствительную, его окружавшую, и не смотря на то, что поэтъ встрѣчалъ еще овладѣвавшіе имъ образы дѣйствительности, полусушутливымъ, полусерьезнымъ отвращеніемъ :

Тѣфу! прозаическія бредни
Фламандской школы пестрый соръ...

умѣла въ этой самой дѣйствительности обрѣтать своеобразнѣйшую поэзію. (Зима... Что дѣлать намъ въ деревнѣ... Морозъ и солнце... день чудесный... Долголь миѣгулять на свѣтѣ... Грустно Нина... Путь мой скученъ... Бѣсы...) Не говорю объ образѣ Татьяны, чисто русскомъ и до сихъ поръ единственно-полномъ русскомъ женскомъ образѣ, — Татьяны, которая

. . . . Русская душою
Сама не зная почему,
Съ ея холодною красою
Любила русскую зиму —

хоть муза поэта въ лицѣ ея и явилась

. . . . барышней уѣздной,
Съ печальной душою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ...

не говорю о самомъ Онѣгинѣ, который хоть вовсе и не

Москвичъ въ герольдовомъ плащѣ,

но все таки русскій человекъ множествомъ чертъ своей природы...

Все это еще надобно разъяснять и доказывать — а я указываю только на то, что не требуетъ доказательствъ, на стремленіе къ семейному началу, неожиданно прорывающееся у того же поэта, который начинаеть романъ свой сатирическимъ или по крайней мѣрѣ юмористическимъ отношеніемъ къ этому началу («Родные люди вотъ какіе» и множество другихъ строфъ), стремленіе изобразить когда нибудь

. простыя рѣчи
 Отца или дяди-старика,
 Дѣтей условенныя встрѣчи
 У старыхъ лицъ, у ручейка...

Беру наконецъ Повѣсти Бѣлкина, Лѣтопись села Горохина, Капитанскую дочку, въ которой въ особенности поэтъ достигаетъ удивительнѣйшаго отождествленія съ воззрѣніями отцовъ, дѣдовъ и даже прадѣдовъ, Дубровскаго, — въ которомъ одно только непосредственное чутье народной сущности, могло создать хоть бы ту черту на примѣръ, что кузнецъ, поджигающій равнодушно-сурово приказныхъ, лѣзетъ въ огонь спасать кошку, чтобы «не погибла Божія тварь»...

Что эти созданія и эти черты, приводимыя мною случайно, безъ выбора, — зерно всѣхъ прямыхъ отношеній нашей литературы къ народу и его быту, къ дѣдамъ нашимъ и прадѣдамъ, зерно «Семейной Хроники» на примѣръ и многихъ повѣстей Писемскаго, точно такъ какъ «Гробовщикъ» въ повѣстяхъ Бѣлкина, зерно натурализма — едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Но тѣмъ не менѣе, чисто отрицательное созерцаніе жизни и дѣйствительности, является только какъ моментъ въ полной и цѣльной натурѣ Пушкина... Онъ на этомъ моментѣ не останавливается, а идетъ дальше, облекается самъ въ образъ Бѣлкина, но опять таки и на этомъ не останавливается. Отождествленіе съ взглядомъ отцовъ и дѣдовъ въ «Капитанской дочкѣ», выступаетъ въ поэтѣ вовсе не на счетъ существованія прежнихъ идеаловъ, даже не во вредъ имъ, ибо въ тоже самое время создаетъ онъ «Каменнаго гостя»...

Въ томъ-то и полнота и великое народное значеніе Пушкина, что чисто дѣйствительное, вѣсколько даже низменное воззрѣніе Бѣлкина, идетъ у него объ руку съ глубокимъ пониманіемъ и воспроизведеніемъ прежнихъ идеаловъ, тревожившихъ его душу въ молодости, не сопровождается отреченіемъ отъ нихъ...

Пушкинъ не западникъ, но и не славянофилъ, Пушкинъ русскій человекъ, какимъ сдѣлало русскаго человека сопрیکосновеніе съ сферами европейскаго развитія... Господа, отрицающіе значеніе

Пушкина какъ народнаго поэта, постоянно указываютъ на одно : на нѣкоторыя фальшивыя стороны его Бориса, т. е. въ сущности на фальшивыя карамзинскія формы, которымъ даже и великій поэтъ подчинился какъ вся его эпоха, ибо фальшиво въ Борисѣ только карамзинское, т. е. личность самаго Бориса ; все же чисто пушкинское (пиръ ли у Шуйскаго, сцены ли въ корчмѣ, сцены ли битвы, сцены ли на лобномъ мѣстѣ и т. д. у дѣвичьяго монастыря), вѣчно — какъ сама народная сущность, или поэтически и общечеловѣчески правдиво (какъ напримѣръ сцена у фонтана и т. д.) Не забудьте притомъ, что вопіющіе на фальшивость нѣкоторыхъ сторонъ Бориса, самыя эти стороны мѣрятъ еще не народнымъ созерцаеміемъ, а новыми теоріями, смѣнившими литыя и блестящія формы Карамзина. А новыя теоріи, пока онѣ только теоріи, точно также способны, какъ и карамзинскія литыя формы, вредить художественному представленію быта, что явнымъ образомъ выказалось въ блестящемъ произведеніи Мея : «Псковитянка», гдѣ такъ хорошо, такъ волюнтарно народно псковское вѣче, созданное въ поэтической простотѣ концепціи, гдѣ такъ великолѣпно и вѣстѣ правдиво ожиданіе грознаго Ивана Васильевича и первое его появленіе, и гдѣ такъ сиѣшонъ этотъ Иванъ Васильевичъ, обнимающійся съ сыномъ и Борисомъ в разсуждающей о своихъ государственныхъ теоріяхъ совершенно по г. Соловьеву, гдѣ является чуть что не нѣжный и мягкосердечный Иванъ Васильевичъ, тотъ самый Иванъ Васильевичъ, записывавшій въ свое помянанье весьма большое количество невѣдомыхъ и безыменныхъ душъ, которыя «отдѣлалъ» палачь Томялю... «Ихъ же имена Господи ты вѣси» поэтому лучше ли бы было, если бы Пушкинъ создавалъ своего Бориса и по повѣйшимъ теоріямъ... пока онѣ только теоріи. Карамзинскія формы часто фальшивы, но у Карамзина не было фальшивыхъ сочувствій и фальшивыхъ антипатій, т. е. сочувствій и антипатій такъ рѣзко расходящихся съ народной памятью, какъ рѣзко расходятся съ ней иногда теоріи нашего времени...

Вчитываясь внимательно въ пушкинскаго «Бориса» правильно вынести можно, кажется мнѣ, изъ такого чтенія и изученія, не сомнѣніе въ народномъ значеніи поэта, а скорѣе изумленіе передъ его удивительнымъ народнымъ чутьемъ и передъ величіемъ его гениальной силы... Борисъ, какъ и всѣ его драматическія попытки, писанъ очерками, а не красками, но эти очерки поразительны по своей правдѣ и красотѣ... Вѣроятно, поэтъ чувствовалъ, что красокъ настоящихъ взять ему еще не откуда или что такія краски совсѣмъ потерялись, да и не мудрено, что онѣ дѣйствительно совсѣмъ и навсегда затерялись въ той жизни, которая разрознилась со всѣми собы-

тѣми своего прошедшаго, до того разрознилась, что народъ у другого истиннаго народнаго писателя нашего говорить: «Эта Литва — она къ намъ съ неба упала» (въ «Грозѣ»). Фальшивыхъ же красокъ для расцвѣченія очерковъ, поэтъ нашъ, какъ поэтъ, употребить не хотѣлъ. Онъ хотѣлъ правды. Онъ даже и тамъ, гдѣ была полна воля его фантазій, въ «Русалкѣ», также точно создавалъ только очерки... Но знаете ли вы, господа трактующіе о томъ, что Пушкинъ не народный поэтъ, какой могучей жизнью полны эти очерки?.. Русалку пытались ставить на сцену въ той формѣ, въ какой создали ее Пушкинъ. Попытка оказалась неудачною именно потому, что очерки въ полнотѣ своей слишкомъ сжаты, слишкомъ коротки для сценическаго осуществленія. Русалка съ сохраненіемъ ее пушкинскихъ формъ, цѣлости содержанія, и даже большей части божественныхъ стиховъ поэта, явилась на сценѣ оперою. Посмотрите же какъ лабретто, т. е. поэма Пушкина, получивши краски, тѣло, сценическую продолжительность, давить своею громадною музыкою, всеми впрочемъ замѣчательною во многихъ отношеніяхъ и принадлежащую высокому музыкальному таланту. Не одному ни въ вѣролюбіе, а многими смотрящимъ и слушающимъ кажется по временамъ даже досадностью попытка музыканта дать краски и тѣло этимъ очеркамъ!.. Каждая черта въ гениальной поэміи выдается рельефно во вредъ музыкѣ! И странное чувство овладѣваетъ вами; вы порой готовы досадовать на музыку, вы хотѣли бы слышать простѣ эти неестественныя звуки, которые лучше и выше этой музыки, а между тѣмъ понимаете, что все поэтическое созданіе только очеркъ, что на сценѣ, только при пособіи какихъ либо красокъ, хотя и низшаго сравнительно съ рисункомъ достоинства, очеркъ этотъ можетъ быть какъ нибудь осуществленъ, сколько нибудь доступенъ для массы.

Но если высоко-артистическое чувство правды запрещало Пушкину употребленіе фальшивыхъ красокъ и заставляло его рисовать одними очерками, ничто не удерживало другихъ, даже и не бездарныхъ, даже иногда и очень даровитыхъ людей его эпохи отъ употребленія этихъ фальшивыхъ красокъ, лишь бы только они были эффектны...

Эпоха, которую даже чуткій и въ искусствѣ всегда почти прозорливый Бѣлинскій называлъ *романтически народною*, не только обманывала насъ, т. е. читателей, но добросовѣстнѣйшимъ образомъ сама себя обманывала. И причина такого самообманыванія заключалась не въ иномъ чемъ, какъ въ литыхъ формахъ Карамзина. Эпоха повѣрила въ эти формы, повѣрила въ правдивость карамзинской аналогіи, и ужасно обрадовалась своей вѣрѣ. Да и какъ было въ самомъ дѣлѣ не обрадоваться? Мы поймали тогда нашу былинку

— народность, мы поняли ее самымъ повидному простымъ и притомъ совершенно приличнымъ образомъ; мы поняли ее въ цѣлой нашей исторіи; мы наввно вѣрили и тому напримѣръ, что «Ярославъ призвалъ господствовать надъ трупами», и тому, что «отсель (отъ Іоанна — не Івана, а Іоанпа III), исторія наша приѣмлетъ достоинство истинно государственной» и проч. и проч., нисколько не замѣчая, какъ смѣшны эти величавыя фразы на первой очной ставкѣ съ лѣтописями и грамотами, или съ завѣщаніями самихъ князей, въ которыхъ понятія и языкъ гораздо ближе къ нынѣшнимъ понятіямъ и нынѣшнему языку, хотъ бы купеческому, чѣмъ къ государственнымъ понятіямъ и къ официально-величавому языку... Надобно только сравнить дѣтскій восторгъ нашъ при появленіи Юрія Милославскаго... Не о восторгѣ читателей говорю я, а о восторгѣ судей цѣнителей. Въ самомъ серьезномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, въ Телеграфѣ, по поводу втораго романа М. Н. Загоскина «Рославлевъ», явился большая статья объ историческомъ романѣ вообще и наговорено было по поводу нашего историческаго романа множество самыхъ наивныхъ вещей о нашей народности.

Никому, рѣшительно никому не пришло въ голову объяснить дѣлу просто, вѣликіемъ Вайтеръ-Скотта съ одной стороны и карамзинскихъ формъ съ другой.

Одинъ только Пушкинъ, не только какъ поэтъ, но какъ критикъ, понималъ настоящую «суть» дѣла, но высказывался не прямо, а косвенно и всегда необыкновенно удачно и тонко. Когда явился «Рославлевъ» М. Н. Загоскина, Пушкинъ написалъ свою критику подъ формою высоко-художественнаго, но къ сожалѣнію неполнаго разсказа, въ которой онъ возстановлялъ и настоящія краски и настоящее значеніе событія и эпохи, такъ жалко изуродованныхъ въ романѣ покойнаго Загоскина; но даже и эта тонкая, художественная критика стала извѣстна только послѣ его смерти... Онъ молчалъ о господствовавшемъ въ тридцатыхъ годахъ направленіи, а только самъ не впадалъ въ него, самъ употреблялъ краски единственно тогда, когда убѣжденъ былъ, что эти краски настоящія, какъ въ его «Арапѣ Петра Великаго» или въ «Капитанской дочкѣ» и «Дубровскомъ»... Онъ молчалъ даже тогда, когда появлялись талантливыя въ высокой степени попытки Лажечникова, молчалъ потому вѣроятно, что видѣлъ въ нихъ смѣсь талантливости и даже подчасъ истинной художественности съ невообразимою фальшью. Когда мы все восторгались «народными» разговорами въ романахъ Загоскина, онъ, въ высокой степени владѣвшій народною рѣчью (отрывокъ о Медвѣдцѣ), понимавшій глубоко и комическія пружины быта русскаго человѣка (Лѣтопись села Горохина), и траги-

ческія (кузнецъ въ Дубровскомъ, «Емеля» въ Капитанской дочкѣ, пиръ Пугачева и т. д.), онъ ни разу не позволилъ себѣ написать какую либо повѣсть съ «народными» разговорами, ибо зналъ, что не пришло еще время, итъ еще красокъ подъ рукою и не откула ихъ взять, пока не послѣдуютъ его совѣту и не будутъ учиться русскому языку у московскихъ прѣсвиренъ (примѣчанія къ Онѣгину); что рѣчь, которую выдавали за народную — не народная, а подслушанная у дворни, что чувства этою рѣчью выражаемыя, фальшивыя и т. д. Онъ, опять повторяю, только тамъ писалъ красками, гдѣ зналъ краски, за то все что оставилъ онъ намъ писаннаго красками, вѣчно какъ народная сущность, будутъ ли это рѣчи Татьяной: она и рассказъ ея о выходѣ замужъ, будутъ ли это рѣчи «Наташи» въ балладѣ «Женихъ», рѣчи дочери Мельника, въ которыхъ даже пяти-стопный ямбъ превращается въ складъ народного стиха... будутъ ли это народные сцены въ Борисѣ... Все это вѣчно, все это такъ правдиво, какъ если бы написано было въ нашу эпоху Островскимъ, такъ полно знающимъ натуру русскаго человѣка, способъ его выраженія и т. д. Нѣтъ, это даже лучше чѣмъ Островскій, но крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ у Пушкина оно выражено рѣчью боговъ, т. е. стихомъ, лучше именно потому, что выражено «рѣчью боговъ», вырвано чертами на мѣди...

Способность отрицательная, способность видѣть фальшь и тактъ обходить всякую — не только фальшь, но малѣйшую неясность въ представленіи, обходить разумѣется только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ возможности воспроизвести правду — эта способность составляетъ въ гениальныхъ міровыхъ силахъ столь же важное свойство, какъ и положительная ихъ сторона. Пушкинъ не могъ сочинять и выдумывать красокъ. Брать на прокатъ чужія, по аналогіи, какъ Карамзинъ, онъ не могъ потому, что былъ несравненно болѣе Карамзина одаренъ всѣми духовными силами и стало-быть видѣлъ дальше его: брать первыя попавшіяся краски изъ окружавшей его дѣйствительности, какъ вся его эпоха — онъ тоже не могъ по художнической добросовѣстности. Эта добросовѣстность простиралась въ немъ до того, что онъ напримѣръ, рисуя дочь Бориса, Ксевию, плачущую о своемъ женихѣ, выкинулъ повидимому превосходные стихи и замѣнилъ ихъ прозой съ русскимъ пѣсеннымъ складомъ — возможно простой, возможно-лишонной всякихъ украшеній («Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ» и т. д.) Вычеркнулъ сцену двухъ чернецовъ, по-видимому тоже превосходную, но его какъ видно не удовлетворявшую, и не далъ въ первомъ изданіи «Бориса», даже безукоризненную народную сцену у Дѣвичьяго монастыря, являющуюся только въ посмертномъ изданіи и только въ Анненковскомъ

вошедшую въ составъ поэмы... Да! этотъ «барченокъ», писавшій по-французски (и надобно прибавить превосходно) свои замѣтки объ исторической драмѣ ж о своемъ Борисѣ, свято чтить народъ, религиозно боялся солгать на народъ, на складъ его мышленія, чувства, на способъ его выраженія... Видно глубоко запали въ эту великую и воспримчивую душу сказки няни Ирины Родіоновны.

И замѣчательно, что не только Пушкинъ, но всѣ его друзья отличались или положительнымъ, непосредственнымъ тактомъ народности, какъ Языковъ, въ особенности въ его великолѣпной драматической сказкѣ о Жарь-птицѣ, которая по языку и тонкости поэтической ироніи — совершенство; какъ Хомяковъ, который хотя и написалъ «Грѣхъ юности»... Ермака, но выкупилъ этотъ грѣхъ нѣсколькими удивительными сценами «Дмитрія Самозванца» (въ особенности весь V актъ) — или безпощаднымъ отрицаніемъ всего фальшиваго, какъ Вяземскій и Одоевскій (не помню, которому изъ нихъ принадлежитъ выходка противъ изображеній предковъ съ кучеровъ ихъ потомковъ).

Наиболѣе безпощадный въ отрицаніи изъ друзей Пушкина, наиболѣе способный ясно видѣть всякую фальшь и смѣло назвать ее фальшью, былъ конечно благородный и глубокомысленный авторъ философскихъ писемъ П. Я. Чаадаевъ, строгій, послѣдовательный, безуморщительно-честный мыслитель — столь же безтрепетный передъ крайностями той мысли, которая казалась ему правдой, какъ передъ ударами и шутками судьбы, хотя бы удары ея были удары немаловажные, а шутки — печальныя шутки!

II

Чтобы понять значеніе Чаадаевского отрицанія въ ту эпоху и самое значеніе ея для послѣдующаго процесса нашего сознанія — необходимо разъяснить, что именно разбито было отрицаніемъ.

Карамзинскія литыя формы, принятія на вѣру «романтически-народною» эпохою, разившіяся на огромное количество историческихъ драмъ, въ которыхъ кобенялись Мипины и хвастали Ляпуновы, и историческихъ романовъ съ изображеніями предковъ, святыми прямо съ кучеровъ ихъ потомковъ, — формы, тяготѣвшія надъ эпохою даже и тогда, когда она думала съ ними бороться (въ лицѣ Полеваго), образовывали извѣстное мирозозерцаніе, давали извѣстное слово для объясненія нашей сущности, нашей народности...

Какъ только слово это признано было фальшивымъ словомъ правдивою отрицательною натурою, оно стало для нея неважнымъ и враждебнымъ какъ всякая ложь. Чаадаевъ, какъ теоретикъ, не понималъ только одного, что сама народность нисколько не знавала въ ея фальшивыхъ представленіяхъ.

Не поняла этого и вся его школа, т. е. западничество. Совершенно правый въ отрицаніи фальшивыхъ представленій о нашей народности, взглядъ Чаадаева не могъ остановиться на одномъ этомъ отрицательномъ пунктѣ. Въмѣсто того чтобы сказать какъ аналитикъ: «Русская жизнь какъ и русская исторія не подкоплятъ подтѣ равки общеевропейской жизни и общеевропейской исторіи, подтѣ какія позволѣли Карамзинъ: слѣдуетъ поэтому поискать въ русской жизни и въ русской исторіи особенныхъ свойствъ и законовъ, на основаніи которыхъ выведены будутъ или положительныя различія, или болѣе правильныя аналогіи съ европейской жизнью и европейской исторіей», — Чаадаевъ прямо сказалъ, что въ нашей жизни и исторіи нѣтъ никакой аналогіи съ общечеловѣческимъ, законнымъ развитіемъ, что мы какіе-то шломы, выбранные судьбою для узананія: что можетъ быть съ племенами отпадшими отъ цѣлостности единства съ человѣчествомъ.

Но обвинять Чаадаева за его выводъ можно только въ увлеченіи слѣпюго фанатизма; требовать отъ него спокойнаго разъясненія вопроса, который былъ для него не мозговымъ а сердечнымъ вопросомъ, могло развѣ одно тупоуміе «Маяка» и другихъ врачихъ изданій, въ его время впрочемъ и не существовавшихъ.

Помимо того обстоятельства, что для Чаадаева идея единства человѣчества облечена была въ красоту и величіе католицизма, которыми увлекся онъ тѣмъ сильнѣе, что человѣкъ съ жаждою вѣры, онъ воспитаніемъ своимъ былъ совершенно разобщенъ съ бытомъ своего народа, такъ сказать, прельщенъ католицизмомъ и его идеями — какъ вообще нѣкоторые изъ людей его сословія нерѣдко бывали и доселѣ еще бываютъ «прельщены» даже въ наше время; помимо, говорю я, этого чисто-личнаго и сословнаго обстоятельства, онъ, какъ натура правдивая и честная, былъ глубоко возмущенъ тѣми послѣдствіями, которыя вытекали изъ блестящихъ фальшивыхъ формъ Карамзина, міросозерцаніемъ «романтически-народной эпохи...» Удержаться въ границахъ какъ Пушкинъ, онъ не могъ: онъ обладалъ только отрицательною стороною пушкинскаго духа, а не носилъ въ себѣ, какъ нашъ великій поэтъ, непосредственнаго чутья народности.

Міросозерцаніе же «романтически-народной эпохи», какъ только литыя карамзинскія формы развѣнялись на мелочь историче-

снѣтъ романовъ и историческихъ драмъ, оказывалось или дѣтски-смѣшнымъ и жалкимъ, или даже оскорблявшимъ всякое, на извѣстной высотѣ стоявшее сознание и всякое правильно воспитавшееся человѣческое чувство.

Дѣатели этой эпохи — наиболѣе пользовавшіеся успѣхомъ въ массѣ публики, за исключеніемъ блестяще-даровитаго и энергичнаго Марлинскаго, которому только недостатокъ *мъры* и вкуса препятствовалъ быть однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей — были М. Н. Загоскинъ, Н. А. Полевой, И. И. Лажечниковъ и впоследствии Н. В. Кукольникъ.

М. Н. Загоскинъ, какъ человѣкъ — одно изъ отрадиѣннѣйшихъ явленій нашего стараго быта, натура въ высшей степени вѣжная и добродушная, хотя и ограниченная — пользовался какъ романистъ успѣхомъ — въ наше время и съ нашей точки зрѣнія совершенно невѣроятнымъ и необъяснимымъ... Что можетъ быть бездѣлѣе и сахарнѣе по содержанію, смѣшнѣе и жалостнѣе по выполнению, ходульнѣе и выѣсть слабѣе по представленію грандіозныхъ народныхъ событій, — «Юрія Милославскаго»? Вѣдь этой книги въ наше время и дѣтямъ право давать не слѣдуетъ, чтобы не испортить ихъ вкуса! Непроходимая пошлость всѣхъ чувствъ, даже и патріотическихъ, фамусовское благоговѣніе передъ всѣмъ существующимъ — даже до кулака, восторженное умиленіе передъ тѣми сторонами стараго быта, которыя были недавно и правдиво каменны великимъ народнымъ комикомъ Грибоѣдовымъ, не китайское даже, а звѣрское отношеніе ко всему не русскому, безъ малѣйшаго знаменія на стоищаго русскаго, рѣчь дворовой челяди вмѣсто народной рѣчи, съ прибавкою нѣсколькихъ выраженій, подслушанныхъ у ямщиковъ на станціяхъ — вотъ черты другого его романа «Рославлевъ», романа, который будетъ впрочемъ безсмертенъ по безсмертному отрывку Пушкина. Чѣмъ дальше шолъ покойный Загоскинъ въ своей дѣятельности, чѣмъ больше писалъ онъ, тѣмъ все ярче и ярче выступали изъ произведеній его черты невѣжественнаго барства и умиленія передъ пошлостью добраго стараго времени...

Когда это старое время являлось подъ могучею кистью художника какъ Пушкинъ, художника, сочувствовавшаго ему вполнѣ, даже до аристократической гордости, выразившейся въ «Родословной», но изображавшаго его объективно спокойно, безъ любимой доктрины, оно не возбуждало ненависти и негодованія. Не возбудило оно также ненависти, когда «Семейная хроника» Аксакова изобразила его какъ живое, съ полной свѣжестью красокъ и во всѣхъ подробностяхъ... Но всѣмъ тѣмъ, которые въ наше время не поймутъ уже благородной рѣзкости Чаадаева, ненависти Бѣлинскаго и

последовательности западниковъ, можно посоветовать прочесть или перечесть романы покойнаго Загоскина.

Да! если бы народность наша была тѣмъ, чѣмъ является она въ этихъ произведеніяхъ, она не стоила бы того, чтобы о ней серьезно и думать — ибо это была бы народность фамусовыхъ, «Маяка» и «Домашней Бесѣды»...

Странное дѣло, что хотя и каразинскія формы представленія народности послужили исходнымъ пунктомъ дѣятельности покойнаго М. Н. Загоскина, но было бы крайнею несправедливостью въ отношеніи къ великому человѣку, каковъ былъ Каразинъ, считать его виноватымъ въ этой дѣятельности. Марса Посадница Каразина, не смотря на ходульность и ложь — имѣетъ въ себѣ что-то человѣческое и благородное, и при всемъ отсутствіи пониманія народности, не клеветаетъ такъ на народъ, какъ сцены въ Нижнемъ «Юрія Милославскаго» или сцены въ Москвѣ 1812 г. «Рославева»... Даже то сентиментальное и смѣшное что есть въ «Натальѣ, боярской дочери», не такъ оскорбляетъ чувство, какъ объясненія Юрія съ Анастасіей послѣ ихъ внезапнаго бракосочетанія, отчего, какъ отъ фальши, краснѣешь невольно по народному чувству точно также, какъ краснѣешь по изящному или нравственному чувству отъ различныхъ водевилей Александринской сцены...

А вѣдь это все выдаваемо было намъ за народность! Всѣмъ этимъ хотѣли намъ сказать, что вотъ такъ-де скартъ русскій человѣкъ вѣрить, любить, дѣйствуетъ... Бѣдный русскій человѣкъ! Его показывали намъ или нравственнымъ свнухомъ или дворовымъ скоморохомъ — или Юріемъ Милославскимъ или Торопкой Голованомъ!..

Да не обвинять меня въ излишнемъ, несвоевременномъ озлобленіи на такой способъ представленія народности... Я пишу не о Загоскинѣ въ частности, который былъ человѣкъ безспорно даровитый и какъ многіе люди конца XVIII и начала XIX вѣка, гораздо болѣе замѣчательный, чѣмъ его произведенія; я пишу о томъ направленіи, которое вызвало (и не могло не вызвать) сильное и энергическое противодѣйствіе западничества, противодѣйствіе такихъ великихъ въ исторіи нашего развитія дѣятелей, каковы были Чаадаевъ, Бѣлинскій, Грановскій и нѣкоторые другіе. У Загоскина, тамъ гдѣ онъ пишетъ безъ претензій на доктрину, есть вещи нѣвыя, восхитительно-милыя, весело-добродушныя, даже — что удивительно въ особенности, — человѣчески-страстныя (разсказъ о молодости героя въ Искусствѣ). У него былъ и комическій талантъ, небольшихъ конечно размѣровъ — и добродушный юморъ, и жеръ увлеченія, и даже пожалуй своего рода поэтическая манера, но дѣ-

ле — повторю — вовсе не въ немъ, а въ его направленіи, въ его взглядъ на жизнь, въ его представленіи народности.

Взглядъ на народность Полеваго имѣлъ одно только отрицательное значеніе. Какъ только обстоятельства заставили его обратитъ ся къ положительной сторонѣ, эта положительная сторона явилась у него еще болѣе пошлою, чѣмъ у Загоскина. Въ эпоху же письма Чаадаева, отрицательная дѣятельность Полеваго только что кончилась; положительная же еще не начиналась... Его историческія повѣсти (Симеонъ Кирдяиха) и романъ (Клятва при гробѣ Госводнемъ), производя только много шуму при своемъ появленіи, во въ сущности не давали ничего опредѣленнаго и только дразнили, какъ все отрицательное.

Положительная сторона пониманія народности высказывалась только въ Загоскинѣ.

Я сказалъ уже, что положительная сторона эта была послѣдствіемъ карамзинскихъ формъ, но успѣвши оговориться, что она стояла несравненно ниже этихъ формъ, ниже и въ своихъ общественныхъ и даже въ своихъ нравственныхъ стремленіяхъ. Общественныя стремленія этой высказавшейся тогда положительной стороны, рѣшительно нельзя назвать иначе какъ фамусовскими съ одной стороны, и бурачковскими съ другой.

Представьте себѣ русскій бытъ и русскую исторію съ точки зрѣнія Павла Леонасьевича Фамусова и «Мавка» или «Домашней Бесѣды»; вы получите совершенно вѣрное, нисколько даже не карикатурное понятіе о взглядѣ загоскинскаго направленія на бытъ предковъ и бытъ народа. Любовь къ застою и умиленіе перелъ застоемъ, лишь бы онъ былъ существующимъ фактомъ, китаизмъ и исключительность въ пониманіи народнаго развитія, взглядъ на всякій протестъ какъ на злодѣяніе и преступленіе, *vae victis* (горе побѣжденнымъ) проведенное повсюду, признаніе заслуги въ одной покорности, оправданіе возмутительнѣйшихъ явленій стараго быта, какое-то тупо-добродушное спокойствіе и достолюбезность въ изображеніи этихъ явленій (Кузьма Петровичъ Мирошевъ), — вотъ существенныя черты загоскинскаго общественнаго взгляда, взгляда съ исторической точки зрѣнія весьма важнаго, интереснаго и поучительнаго, тѣмъ болѣе, что онъ высказывался въ дѣятельности одного изъ любимѣйшихъ писателей, одного изъ благороднѣйшихъ людей...

Знаю, что ужасъ и пожалуй негодованіе возбудитъ мой рѣзкій взглядъ на дѣятельность Загоскина во множествѣ людей, которыхъ благороднымъ стремленіямъ, не во всемъ соглашаясь съ ними, многіе глубоко сочувствуютъ, — въ славянофилахъ... Славяно-

фильмы почему-то причисляют Загоскина къ своимъ. Но вѣдь они причисляютъ къ своимъ же и адмирала Шишкина — а отъ адмирала Шишкина (какъ писателя, а не какъ чловѣка конечно), до г. Бурачна съ его «Маякомъ» и даже «Домашней Веселы» одинъ только шагъ!.. Загоскинъ, опять повторю, былъ лицо достойное полнаго уваженія, но что же общаго въ его общественноиъ и нравственномъ взглядѣ съ взглядомъ Хомякова, Аксаковыхъ, Карыскихъ и другихъ истинныхъ представителей славянофильства... Для славянофиловъ «народъ» былъ вѣроваишемъ, для нихъ народъ былъ, но выраженію Аксакова (К. С.), «величайшимъ художникомъ, поэтомъ» и даже мыслителемъ (что впрочемъ они не догадывали), народъ, въ драмъ-лѣтописи Аксакова «Освобожденіе Москвы» являлся единственнымъ героемъ и все другіе дѣятеля ставятся на высшій или низшій пьедесталъ по степени большоиъ или меньшей безличности, отождествленія съ народомъ... Для Загоскина же и того направленія, котораго онъ былъ даровитѣйшимъ представителемъ въ литературѣ, въ народѣ существовало одно только свойство — смиреніе. Да и притомъ самое смиреніе вовсе не въ славянофильскомъ смыслѣ, смыслѣ полнѣйшей общинности и законности — а въ смыслѣ простой барашей покорности всякому существующему факту. Стоитъ только припомнить наиримѣръ, съ какою безадеремонностью изображаетъ въ «Брянскихъ лѣсахъ» покойный романистъ Андрей Денисова и ого клеветовъ; изображеніе это нисколько не уступаетъ лубочнымъ изображеніямъ въ промышленныиъ романахъ г. Масальскаго, нисколько не выше ихъ по безпристрастію, только гораздо наивнѣе... А между-тѣмъ мы въ недавніи времена видѣли весьма странное явленіе, видѣли какъ даровитый и добросовѣстный Щедринъ повелъ было комически разсказъ о Марѣ Кузьмовнѣ и другихъ прикосновенныхъ къ ея дѣлу лицахъ, доводящихся нѣсколько съ родни по нисходящей линіи лицамъ изображеннымъ нѣкогда г. Загоскинымъ и г. Масальскимъ, — а закончилъ разсказъ, можетъ быть, помимо воли своей и желанія вовсе ужъ не комически. Такъ какъ же намъ теперь-то, во времена болѣе правильныхъ отношеній къ народности, смотрѣть на общественныиъ стремленія того направленія, котораго Загоскинъ былъ представителемъ, иначе нежели я вынужденъ былъ взглянуть съ исторической точки зрѣнія, иначе чѣмъ Чаадаевъ взглянулъ нѣкогда съ точки зрѣнія своихъ идеаловъ и своихъ вѣрованій?..

Еще разъ: если бы такова была наша народность съ ея бытомъ и исторіею, какой является она во взглядѣ этого направленія, Чаадаевъ былъ бы совершенно правъ во всѣхъ безпощадныхъ послѣдствіяхъ своей мысли. Право было бы совершенно и западничество.

Загоскинъ же, первый выдвинулъ свою дѣятельностью «семейное начало», эту альфу и омегу нравственной пропаганды славянофильства. Опять таки, прежде всего — эта альфа и омега у славянофиловъ вовсе не то, что у Загоскина, но въ настоящую минуту и эту дѣло съ пониманіемъ семейнаго начала тѣмъ направлениемъ, историко-литературнымъ представителемъ былъ Загоскинъ. Это пониманіе вызвало, шутка сказать! оппозицію литературы сороковыхъ годовъ, литературы специально отрицавшей и специально подрывавшей семейное начало, оппозицію которой не возбудили же ни юннатіе Пушкина (въ повѣстяхъ Бѣлкина, Капитанской дочкѣ, Дубровскийъ и множество отрывковъ), ни пониманіе Лисакова (въ Семейной хроникѣ), ни пониманіе Островскаго во второй, чисто-положительной полесѣ его дѣятельности (Бѣдная невѣста, Не въ свои сани, Бѣдность не порокъ, Не такъ живи какъ хочется), а если времѣно и возбуждали (какъ напримѣръ Островскій, на счетъ котораго еще до сихъ поръ не успокоились С. Петербургскіи Вѣдомости), то только по старымъ враждамъ и ненавистямъ къ пониманію загоскинскому.

Это же пониманіе, теперь только смѣшное, могло дѣйствительно возбудить оппозицію фанатически-враждебную и слава Богу, что возбуждало такую оппозицію. Девизъ этого пониманія былъ тотъ же что и девизъ пониманія общественнаго: умиленіе передъ тугою полнотностью, стало быть — во ірво — совершенно спокойное отношеніе ко всякому самодурству... Не народности, а татарщины искало въ нашемъ быту это пониманіе. Не надобно упускать изъ виду еще и тогда обстоятельства, что нашей «романтически-народной эпохѣ» данъ былъ толчокъ извиѣ Европою въ лицѣ Вальтера Скотта, какъ въ послѣдствіи нашей *пейзанской* литературѣ былъ данъ толчокъ тоже извиѣ, романами Занда. Великій шотландскій романистъ или какъ звали его въ ту эпоху шотландскій бардъ, что грѣха тантъ? своимъ личнымъ міросозерцаніемъ, весьма приходился по плечу въ тѣ времена. Всѣ мы читали его, всѣ мы зачитывались имъ, но конечно до смѣлой и правдивой статьи о немъ Карлейля не смѣли бы даже доселѣ подумать отнять у него званіе великаго «поэта», а если бы и посмѣли, то это вышло бы также дико и неловко замечливо, какъ наше отреченіе отъ Гюго и Бальзака. Теперь же можно смѣло да и вѣру сказать, что великая объективность шотландскаго историка-романиста постоянно выше его міросозерцанія, крайне мѣщанскаго и узкаго, по скольку это міросозерцаніе выражается въ его любимыхъ герояхъ и героиняхъ... Мы и прежде конечно чувствовали, что насъ увлекаетъ въ Вальтеръ Скоттъ высокая объективность изображенія, а вовсе не его герои (за исклю-

ченієм немногих) не лица, которымъ онъ явно симпатизируетъ, скорѣе даже именно тѣ лица, которыя являются у него *иррациональными* лицами. Напомню читателямъ для ясности дѣла три его романа, — будутъ и этихъ, потому что ихъ они вѣроятно читали, — именно: *Айвенго*, *Преданіе о Монтрозѣ и Морского разбойника*. Айвенго самъ на-примѣръ, отнимите только у него поэзію западнаго рыцарства, выйдетъ пошлъ какъ Юрій Милославскій, равно какъ и Леди Ровена, его возлюбленная, скучна своею добродѣтелью до какой-то *gaudeur*, до чопорности. Весь интересъ вашъ, сильно возбуждаемый обстановкой шотландскаго быта, рыцарскихъ турнировъ и проч., прикуется нравственно къ жидамъ и его дочери, да къ грѣшному и страстному храмовнику, которому предпочесть Айвенго прелестная Ребекка могла только по добродѣтели автора... Въ «Преданіи о Монтрозѣ» вы полюбите всей душою оригинальнѣйшую фигуру сэра Даллжети и прикуетесь невольно къ мрачному образу Оллеа Макъ Олея, такъ удивительно отгнѣняющему свѣтлый очеркъ Ашнетты Лайль, а о существованіи достопочтеннаго юнаго джентльмена Лорда Мейтейта совсѣмъ даже и забудете. Въ «Морскомъ разбойникѣ», этомъ митимнѣйшемъ произведеніи великаго романиста, этомъ живомъ до малѣйшихъ подробностей изображеніи особеннаго мірка шетлендскихъ острововъ, — мірка воспроизведеннаго во всѣхъ его комическихкихъ и грандіозно-фантастическихкихъ особенностяхъ, вы увлечетесь живой дѣйствительностью, чуть что неосязаемой, а интересъ вашъ прикуется опять таки не къ добродѣтельному юношѣ Мертену и безкровной Бланкѣ, а къ грѣшному капитану Клевеленду и къ поэтической Мивнѣ, да къ сѣдой полусумасшедшей старухѣ Норнѣ, закля-ательницѣ стихій и вѣтровъ...

Если бы великой объективности — объективности притомъ въ изображеніи цѣлаго міра чудесъ, міра роскошной западной жизни да этихъ грѣшныхъ и страстныхъ, или грѣшныхъ и комическихкихъ фигуръ не было у Вальтеръ Скотта, его бы давно бросили читать какъ романы Загоскина...

Представьте же мѣщанство Вальтеръ Скоттовскаго семейнаго созерцанія, перенесенное на скудную и однообразную почву не русскаго, а русско-татарскаго быта; представьте талантъ съ самою малою степенью объективности, талантъ владѣющій только однимъ качествомъ — наивностью и даже не читавши, или не перечитывавши Загоскина, вы легко выведете послѣдствія... Пошлость, пошлость и пошлость одолѣетъ васъ, и изъ всей этой апотеозы тупой семейной покорности выведете вы логически только одно — необходимость ранняго появленія комизма въ нашсмъ развитіи, необходимость бича кантемировскаго и фонъ-визинскаго на тупоуміе и ханжество,

пламенно лирической сатиры Грибоѣдова на хамство, скорбнаго и безпощаднаго смѣха Гоголя надъ всякой ложью, общественной ли (Ревизоръ, Утро дѣловаго человѣка), или семейной (отрывокъ), глубоко ли захватывающаго спокойнаго представленія самодурства во всѣхъ родахъ его и видахъ Островскимъ... поймете всѣ крайности оппозиціи литературы сороковыхъ годовъ, болѣзненные вопли натурализма изъ темныхъ и невѣдомыхъ міру угловъ, безтрепетную анатомію романа «Кто виноватъ», ожесточеніе до пѣны у рта Бѣлинскаго...

А прежде всего вы поймете значеніе чаадаевскаго письма и великое значеніе западничества, со всѣми его послѣдствіями, въ нашемъ развитіи.

III

Письмо Чаадаева не вдругъ и не прямо привнесло всѣ свои плоды. Первоначально, оно надѣлало только шуму и скандалу своими страшно-рѣзкими положеніями, и только черезъ пять лѣтъ отдалось въ нашемъ умственномъ сознаніи рядомъ явленій, связанныхъ одною мыслью, бывшихъ результатомъ одного процесса... И понятно, что школа, доктрина образовалась не вдругъ, равно какъ понятно и то, что доктрина провела мало по малу всѣ рѣзкія положенія, высказанныя заразъ смѣлымъ теоретикомъ, но провела ихъ совершенно изъ другихъ основъ. Основа Чаадаева былъ католицизмъ, основою западничества стала философія.

Дѣло шло постепенно... Въ самой эпохѣ, присвоившей себѣ тогда названіе «романтически-народной», были уже элементы разложенія. Я разсмотрѣлъ одну сторону ея — направленіе, которое искреннѣйшимъ образомъ выразилось въ Загоскинѣ и его дѣятельности...

Въ отрицательныхъ стремленіяхъ Полеваго, не смотря на то, что стремленія эти не выразились ни въ какихъ опредѣленныхъ формахъ, заключался уже однако протестъ противъ господствовавшаго тогда взгляда на народъ, на его бытіе и исторію. Протестъ этотъ шевелилъ нѣсколько умы, имѣлъ не смотря на свою безосновность съ одной стороны, и на свою наглую заносчивость съ другой, достаточное количество приверженцевъ. Отъ этого протеста ждали чего-то, ждали въ особенности умы молодые и притомъ мало знакомые съ наукой, умы, которые и учиться — то собственно начали по *Телеграфу* Полеваго... Дождались впоследствии «Купца Иголкина» и «Параши Сибирячки», но именно этихъ-то послѣд-

Т. II. — Отд. II. 2

ствій никакъ не ожидали и тѣмъ менѣе могли ихъ предвидѣть... Ожиданіе не было разочаровано даже появленіемъ исторіи русскаго народа и романа «Клятва при гробѣ Господнемъ». Полевой былъ самоучка, Полевой былъ человекъ народа, и самоучки, изъ которыхъ большею частью состояла тогда наша публика, охотно прощали ему и пробѣлы его наскоро нахватаннаго образованія и его самохвалство, за что-то таинственное въ будущемъ, чего отъ него ожидали... Надобно сказать, что неумѣренный, можно сказать неблагопрістойный тонъ антагонистовъ Полеваго, даже ученѣйшихъ и даровитѣйшихъ, каковы были Надеждинъ и Погодинъ, много содѣйствовало тому, что сочувствіе большинства читателей было на сторонѣ Полеваго. Совершенно правы въ разоблаченіи безосновности и наглости отрицанія Полеваго, противники его были неправы въ томъ, что не видали необходимости отрицанія карамзинскихъ формъ пониманія быта и исторіи народа, стояли за эти формы какъ за какую-то неприкосновенную святыню, когда явнымъ образомъ сознаніе этими формами уже не удовлетворялось, когда эпоха явно искала чего-то иного, искала тревожно и встрѣчала сочувствіемъ отрицательныя стремленія. Они сами, какъ тогда такъ и впоследствии, ревностные поборники народности, не могли и не хотѣли понять, что протестъ и протестъ законный заявлялъ себя въ самомъ названіи своей исторіи Полевымъ «исторією русскаго народа.» Они, даже нѣсколько недобросовѣстно, увлеченные враждою къ Полевому и пристрастіемъ къ старому идолу, видѣли даже и въ этомъ названіи олимпъ расчестъ, одну спекуляторскую продѣлку, такъ какъ оно несомнѣнно родилось подъ вліяніемъ духа протеста... Полевой владѣлъ бесспорно чуткостью и отзывчивостью на вопросы своего времени, чуткостью и отзывчивостью замѣчательными, и для того, чтобы быть истинно великимъ дѣятелемъ въ исторіи нашего развитія, ему недоставало одного только — глубокаго и пламеннаго убѣжденія. Онъ угадалъ, что эпохѣ нужно было отрицаніе, но не пошелъ смѣло за эпохою, какъ пошелъ смѣло Бѣлинскій и потому не овладѣлъ эпохою, какъ овладѣлъ ею Бѣлинскій...

Эпоха не была народною, но за то дѣйствительно была волюнтаристическою, т. е. эпохою чаяній, тревожныхъ порываній къ чему-то, броженія силъ и даже безцѣльной траты ихъ... Три великихъ таланта были жертвами этого броженія и этой безцѣльной траты силъ: Марлинскій, Полежайевъ, Мочаловъ... Это было можетъ быть то въ нашемъ развитіи, что у нѣмцевъ такъ называемый *Sturm und Drang Periode*, періодъ разбойниковъ Шиллера, драма Клингера и безобразной жизни юнаго Гёте съ другомъ его Веймарскимъ герцогомъ — только по нашему болѣе жидкому характеру.

несравненно сильнѣе и нелѣпѣе. У нѣмцевъ иное дѣло мысль, а иное дѣло жизнь: Кантъ и Гегель были самыми спокойными гелертерами, даже въ нѣкоторомъ отношеніи филистерами: мужество и старость Гёте не похожи были на его юность, и изъ всего кружка этихъ буйныхъ юношей только одинъ Мефистофель Меркъ кончилъ самоубійствою, да Шиллеръ рано умеръ, «съ горя, что онъ нѣмецъ», какъ выражался одинъ оригинально-умный російскій цыпакъ. Но у насъ романтизмъ и тревога отражались въ цѣлой жизни лицъ и даже поколѣній, ложившихся въ могилу такими же, какими были въ колыбели. Мы свято вѣрили въ то, что для нашихъ старшихъ на пути развитія братій было только броженіемъ умственнымъ и прямо, нисколько не колеблясь, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, переводили въ жизнь идеи, часто даже плохо ихъ переваривши...

Колоссальные замыслы, тревожные сны и — въ дѣйствительности — паденіе въ грязь цинизма какъ Полежаевъ, или въ совершенно пустыя пространства какъ Марлинскій, донъ-кихотство принимавшее не разъ восточную и притомъ татарскую физиогномію, истощеніе жизненныхъ силъ не въ борьбѣ, а въ праздномъ дилетантизмѣ, въ праздной игрѣ жизнью, вотъ что отличало въ эту эпоху природы дѣйствительно могучія. Но болѣзнь напряженности нравственной распространялась какъ зараза и не одни могучія природы ей подвергались, а всѣ природы скольконибудь впечатлительныя, хотя и слабыя. На ихъ долю выпадала ходульность и потомъ паденіе въ пошлость жизни, въ пошлость созерцанія жизни...

Странно, что Полевой, одинъ изъ блестящихъ двигателей эпохи — подвергся послѣдней участи, и самъ засвидѣтельствовалъ ее въ знаменитомъ эпилогѣ своего романа: «Аббадонна».

Въ романтизмѣ этой эпохи именно сужно различить два направленія. Одно заявляло себя могучими силами, необузданными стремленіями, колоссальными замыслами и давало подчасъ свидѣтельства очевидныя и несомнѣнныя присутствія въ себѣ такихъ свойствъ. Литературно выразилось оно въ Полежаевѣ и Марлинскомъ. Другое постоянно напрягалось и падало въ смѣшное или пошлое, какъ Полевой и Кукольникъ. Первое направленіе само себя разрушало, само себя сжигало, но сжигало какъ фениксъ, возродилось яркимъ, хотя быстро промелькнувшимъ явленіемъ, явленіемъ Лермонтова, ибо всѣ тѣ элементы, которые тревожно и часто безобразно бушевали и бродили въ геніальныхъ проблескахъ Полежаевского таланта, въ Аматахъ Бекѣ, Красномъ Покрывалѣ, даже Мулла-Нурѣ и Вадимовѣ Марлинскаго, получили цѣлость и гармонію въ немногихъ оставшихся намъ созданіяхъ великаго, рано похищеннаго

у насъ рокомъ поэта—и нѣтъ поводовъ думать, чтобы элементы эти закончили совсѣмъ свое дѣло, чтобы они вновь не возродились въ иномъ великомъ поэтѣ. Они были и въ Пушкинѣ, но онъ держалъ стихъ въ рукахъ какъ великій заклинатель: они составляютъ существенныя наши свойства и лишать насъ ихъ можетъ только развѣ то направленіе мысли, которое на всякій протестъ и на всякую страстность смотритъ какъ на зло и преступленіе.

Другое направленіе романтизма выразилось въ литературѣ нашей исключительно кажется для того, чтобы надъ нимъ, какъ надъ всѣмъ ложнымъ, посмѣялся своимъ горькимъ смѣхомъ Гоголь, да развѣ для того еще, чтобы оппозиціи западничества, враждебно борющейся съ мракобѣсіемъ самодурства и тупоумной покорностью—было надъ чѣмъ позабавиться. Какъ ложь оно исчезло безъ слѣда, и съ своими непонятыми поэтами Рейхенбахами, кончающими свои похождения мѣщанскимъ благополучіемъ во вкусѣ Августа Лафонтена и съ своими итальянскими художниками и импровизаторами, заговаривающимися до «младенческой», со всѣми своими бурями въ стаканѣ воды... Въ сущности, говоря серьезно, всѣ эти Рейхенбахи, Тассы, Доменикины, Нино-Галлури съ ихъ «разгулами жизни» и съ аркадскими сценами плетенія корзинокъ для пастушекъ—содѣйствовали къ отрезвленію нашему отъ всего «нанущенного» на насъ и возбудили въ литературѣ не только горькій смѣхъ Гоголя, но спокойную и здоровую оппозицію здраваго смысла и житейскаго такта, оппозицію, захолившую иногда и за границы въ сухо-резонерныхъ постройкахъ произведеній яркаго таланта г. Гончарова, въ слишкомъ низменномъ подчасъ уровнѣ жизненнаго взгляда, выражающагося въ крѣпко-дѣйствительныхъ произведеніяхъ г. Писемскаго; въ крайностяхъ того психическаго анализа, которымъ такъ сильны и такъ совершенно новы рассказы гр. Толстаго... Ложь на дѣйствительность, ложь ничѣмъ не оправдывавшаяся, ни искренностью странныхъ порывовъ, ни броженіемъ могучихъ силъ, ложь безсильная и потому смѣшная, вызвала требованіе правды въ изображеніи дѣйствительности, правды во что бы то ни стало, хотя бы сухо-практической и разсудочной, стало быть односторонней (Обыкновенная исторія), хотя бы низменно и даже подчасъ пошло житейской (Тюфякъ, Бракъ по страсти) — хотя бы неумолимой и погрязающей въ безвыходномъ анализѣ, приводящемъ въ концѣ концовъ къ апатіи (Толстой).

Между тѣмъ это самое направленіе безсильное и безплодное, обязанное какимъ либо значеніемъ только оппозиціи имъ возбужденной, это направленіе устремляется тоже на русскій бытъ, на русскую исторію, на русскую народность.

И вотъ въ чемъ была ошибка западничества. Мрачную доктрину добродушнаго Загоскина считало оно за народное созерцаніе: клеветы на народность драмъ Кукольника и Полеваго за выраженіе народности...

Хотя нѣсколько и смѣшно по поводу драмъ Полеваго и Кукольника говорить о судьбѣ нашей исторической драмы, но когда припомнимъ эти факты еще не слишкомъ давніе, факты не болѣе какъ лѣтъ за пятнадцать назадъ и даже еще менѣе, подававшіе поводъ къ толкамъ весьма серьезнымъ о невозможности русской исторической драмы, о недостаткѣ драматизма въ самой нашей исторіи и бытѣ; когда подумаемъ, что и въ настоящую минуту этотъ вопросъ далеко еще не рѣшенъ и по временамъ рѣшается еще по старому, — необходимость остановиться нѣсколько на драматической дѣятельности покойнаго Полеваго и г. Кукольника, равно какъ и вообще на фальшивомъ направленіи отъ нихъ происшедшемъ становится очевидною.

Вопросъ вовсе не маловажный — можемъ ли мы или нѣтъ имѣть историческую драму, въ настоящемъ смыслѣ. Что до сихъ поръ мы ее не имѣли кромѣ очерковъ Пушкина, да третьяго акта «Псковитянки» Мея — это фактъ и фактъ, который велъ западничество къ прямому заключенію объ отсутствіи драматическаго движенія въ нашемъ историческомъ быту, къ заключенію, изъ котораго непосредственно вытекало другое, о невозможности иного, кромѣ отрицательнаго, комическаго изображенія нашего быта вообще.

Заключенія же выведены были изъ неудачныхъ и смѣшныхъ попытокъ изображенія.

Смѣшная сторона нашего романтизма, выразившаяся въ разныхъ Доменикинахъ и «Джуліо Мости» г. Кукольника, въ разныхъ поэтахъ, художникахъ, мечтателяхъ г. Полеваго, не довольствовалась «изображеніемъ итальянскихъ страстей на сѣверѣ» и перенесла свои бури въ стаканѣ воды на почву русской исторіи и вообще русскаго быта.

Какъ въ большей части явленій нашихъ литературъ, толчокъ былъ данъ извнѣ — подражаніемъ французамъ и нѣмцамъ, которые въ тридцатыхъ годахъ (а нѣмцы еще прежде) усиливались создать у себя историческую драму, и создавали только или гениальныя парадоксы въ драматической формѣ какъ Викторъ Гюго, или сумасшедшіе сны какъ Захарія Вернеръ, или наконецъ пошлости какъ Раупахъ — и много много что искусныя мозаическія этюды какъ Просперъ Мериме въ своей «Жакеріи».

Историческая драма въ настоящемъ ея смыслѣ была не у многихъ народовъ, а именно до сихъ поръ во всей исторіи человѣчества только у трехъ народовъ — у грековъ, у англичанъ и у испанцевъ.

Потому что возможность настоящей исторической драмы условливается не одною гениальностью поэтовъ народныхъ, а историческими судьбами народовъ и извѣстными эпохами.

Драма вообще (трагедія или комедія это все равно), если смѣрять на нее серьезно есть не что иное, какъ публичный культъ, совершаемый народной сущности, общественное богослуженіе; позволяю себѣ выразиться такъ, употребляя слово богослуженіе въ языческомъ смыслѣ. Тѣмъ болѣе историческая драма. Драматургъ народный, тѣмъ болѣе драматургъ историческій, долженъ соединять въ себѣ два повидному несоединимыя свойства: глубочайшее прозрѣніе жизни, прозрѣніе мудреца съ совершенно непосредственнымъ, нетронутымъ, никакой рефлексіей неподорваннымъ міросозерцаніемъ, отождествленнымъ съ міросозерцаніемъ своего народа; однимъ словомъ быть жрецомъ, который вѣруетъ въ своихъ боговъ и котораго не заподозрѣваетъ поэтому масса въ искренности его служенія, а выстѣтъ учащимъ массу, представляющимъ вершину ея міросозерцанія...

Ясное дѣло что для такого жречества мало одной гениальности и богатства натуры въ жрецѣ. Ни Байронъ, ни Мицкевичъ напримѣръ, не смотря на свою гениальность, не могли быть такими жрецами, ни великій Шиллеръ даже не могъ быть вполне такимъ жрецомъ, хотя вовсе не потому, что газета «Вѣкъ» изъявляетъ къ нему какъ къ поэту мало сочувствія, ни одимпиецъ Гёте,

Жизнью вполне отдышавшій
И въ звучныхъ глубокихъ отзывахъ спозна
Все дальнее долу отдавшій.

Такими жрецами только были Мистагогъ Эсхилъ, разоблачавшій тайны мистерій въ Промеасѣ, съ «ичелой» народною Софокломъ, инквизиторъ Кальеронъ и комедіантъ Шекспиръ. Такими жрецами могли быть Дантъ и Пушкинъ, но не были: одинъ былъ озлобленъ въ своихъ вѣрованіяхъ, другой не зналъ предѣловъ своихъ вѣрованій.

Для исторической драмы есть особенные народы, именно такіе, у которыхъ мысль не разъединена съ дѣломъ, а непосредственно въ него переходитъ, у которыхъ искусство идетъ объ руку съ жизнью, а не впереди ея какъ у насъ и нѣмцевъ, и не позади ея какъ шло нѣкогда у французовъ. И кромѣ того, въ жизни этихъ народовъ для исторической драмы есть особенныя эпохи — эпохи, когда великія общенародныя событія только что отошли на такое приличное разстояніе, что могутъ быть созерцаемы и изображаемы, но не ушли уже такъ далеко, чтобы одѣться для массы туманомъ, чтобы быть

забытыми до утраты къ нимъ кроваго, непосредственнаго сочувствія, кровной, непосредственной съ ними связи. Надобно чтобы духъ возсоздаваемаго прошедшаго вѣялъ еще дыханіемъ жизни, носился еще надъ настоящимъ. Иначе массѣ нужно растолковывать совершаемый ей и передъ нею культъ, а ужъ плохая та драма или тотъ культъ, который надобно растолковывать. Мрачная Мойра драмъ объ Эдипѣ и Атридахъ была живымъ вѣрованіемъ для зрителей Эсхила и Софокла. Какъ только начали разсуждать о Мойрѣ, смягчать ее (смягчая напримѣръ актъ матерубійства Электры и Ореста), приводить роковыя титаническія ненависти и привязанности, въ болѣе мягкіе, болѣе человѣческіе размѣры, — религіозность, искренность драмы упала и послѣдній цѣльный грекъ Аристофанъ не даромъ смѣялся надъ Эврипидомъ, не даромъ также въ лицѣ его искренняя трагедія обратилась въ искреннюю комедію, культъ Мойры въ культъ Вакха и Момуса. Въ сущности онъ и смѣялся-то не надъ талантливымъ человѣкомъ Эврипидомъ, а надъ тѣмъ, что талантливый человѣкъ упорно держится за распавшуюся форму, которую онъ Аристофанъ, человѣкъ гениальный, весьма просто смѣнилъ другою цѣльной и искренней.

Отъ мистерій религіозныхъ, принимаемыхъ съ страстною вѣрою, страстнымъ, полумавританскимъ народонаселеніемъ, отъ бойковъ съ торреадорами и шикадорами, доселѣ еще неутратившаго своего значенія для народа; отъ романсовъ о Сидѣ и Маврахъ, сложившихся почти одновременно съ событіями — въ эпоху только что вышедшую изъ борьбы, полную и рыцарства и религіознаго фанатизма, — не труденъ былъ переходъ къ *Comedia Famosa* и *Autos sacramentales* Лопе де Веги и Кальдерона. Тутъ кромѣ генія драматурговъ, носились въ воздухѣ вѣянія великихъ событій, не исчезъ еще рыцарскій духъ, не простылъ фанатизмъ религіозный. Масса могла вѣрить въ свою драму и своихъ драматурговъ какъ въ дѣло настоящее, серьезное, не сочиненное, не выдуманное, столь же серьезное и невыдуманное, какъ бой быковъ и костры инквизиціи. Мудрено ли, что жадно смотрѣлись эти зрѣлища при дневномъ даже свѣтѣ и полъ палящимъ солнцемъ? Это было дѣло кровавое и простое.

Столь же кровавое и простое дѣло была историческая драма Шекспира для того народа, у котораго доселѣ прошедшее не перестаетъ жить въ настоящемъ и въ такую эпоху, когда только что кончилась героическая эпоха славныхъ войнъ и междоусобныхъ брачей — продолженія которыхъ народъ завоевалъ себѣ свои кровныя права. Шекспиръ до того былъ жрецомъ своего культа, что ни въ симпатіяхъ ни въ антипатіяхъ не расходился съ народомъ. Что ему

за дѣло что Жанна д'Аркъ была свѣтлымъ и героическимъ явленіемъ для своей страны? Въ глазахъ Англіи и ея толпы была она (какъ Маринка въ нашихъ шбсляхъ), «злой еретницей и волшебницей»; такою онь ее и изображаетъ. Что ему за дѣло, что Ричардъ III вовсе не былъ злодѣемъ (какъ открывается изъ новѣйшихъ изслѣдованій)? Въ памяти народа остался онь злодѣемъ, и Шекспиръ создаетъ его такимъ, какимъ удѣлялъ онь въ памяти народа, позволивши себѣ только одно: возвести народное представленіе въ колоссальный, общечеловѣческой типъ...

Дантъ и Пушкинъ, сказали я, могли бы по даннымъ натуры своей быть такими же жрецами, какъ греческіе трагики, Шекспиръ и испанцы... Но у народа Дантова не было единства жизни, эпоха его представляла развоеніе идеаловъ, и онь осужденъ былъ мѣдными чертами своими увѣковѣчивать свои проклятія жизни. Пушкинъ же поставленъ былъ нашимъ развитіемъ въ еще болѣе странное положеніе. вмѣсто опредѣленныхъ вѣрованій, у него были только гаданія о жизни его народа, жизни, которая сама себя забыла...

«Эта Литпа — она къ намъ съ неба упала», вотъ великое слово разгадки нашихъ странныхъ отношеній къ нашей исторіи и къ нашему быту. Это слово такъ многозначительно въ своей комической простотѣ, что только у великаго писателя каковъ Островскій, могло оно вырваться... Но до этого слова долго надобно было намъ доходить, процессомъ блестящихъ, но фальшивыхъ карамзинскихъ аналогій, добродушнаго загоскинскаго мракобѣсія, пошлостей покойнаго Полеваго, гг. Кукольника, Р. Зотова, Гедеонова и т. д. и т. д.

И все-таки это слово не такъ оправдываетъ западничество съ его отрицаніемъ какъ это кажется на первый разъ, не ведетъ къ выводамъ, что у насъ не было жизни, потому что жизнь сама себя забыла, не ведетъ даже къ тому выводу, что у насъ не можетъ быть народной исторической драмы, т. е. культа нашей народной сущности, по недостатку матеріаловъ для нея.

Надобно всегда различать, какъ остроумно и глубоко говорилъ покойный Хомяковъ — «божье поущеніе» отъ «божьяго созволенія.» Что татары оторвали насъ отъ XII вѣка и отъ нашего едеративнаго будущаго, что сѣверо-восточные князья-пріобрѣтатели, пользуясь татарскимъ игомъ, централизовали и вмѣстѣ кристаллизировали жизнь, это было конечно исторически-необходимо, т. е. проще говоря, это — произошло. Но вѣдь произошло также и то, что въ эпоху междоцарствія вдругъ раскрылись всѣ язвы общественныя, на время заглушонныя хитрыми мѣрами Казиты и Ива-

на III и грозной централизаціей Ивана IV, вдругъ отозвались всѣ подавленные стороны жизни и выступили подъ знаменами безчисленныхъ самозванствъ. Равномѣрно и въ духовномъ процессѣ нашемъ совершаются такіе факты, которые показываютъ, что связь наша съ исторіей и бытомъ народа вовсе не такъ разорвана, какъ это казалось лѣтъ за пятнадцать назадъ, что кругомъ насъ въ тишинѣ совершается жизнь, вовсе не такъ далекая отъ жизни даже XII столѣтія, какъ это кажется съ перваго раза. Какая разница напримѣръ въ хожденіяхъ паломника XII вѣка игумена Даниила и въ странствіяхъ смиреннаго инока горы Аѳонской отца Пароенія, прочтенныхъ или читаемыхъ съ жаждою массою и прочтенныхъ съ невольнымъ увлеченіемъ даже образованнымъ классомъ, шевельнувшихъ въ немъ, въ этомъ образованномъ классѣ, доселѣ молчавшія въ немъ струны, вырвавшихъ слова сочувствія (хоть и неличаваго), у такого тонко-развитаго и такъ мало способнаго къ неприличнымъ увлеченіямъ критика, какъ ex-редакторъ «Библіотеки для Чтенія»... А эти типы послѣднихъ временъ нашей литературы, бросившіе неожиданно и внезапно свѣтъ на наши историческіе типы — этотъ Куролесовъ напримѣръ «Семейной хроники», многими чертами своими лучше теорій гг. Соловьева и Кавелина разъясняющій намъ фигуру грознаго Ивана, этотъ міръ купческаго, т. е. удивленно-самостоятельно развившагося на своей почвѣ народнаго быта, раскрытый намъ Островскимъ и т. д.

Да! жизнь точно сама себя забыла до того, что для нея «Литва съ неба упала», но вѣдь что она забыла въ самой себѣ?.. Факты, а не значеніе фактовъ... Почему же, полагая что «эта Литва къ намъ съ неба упала», жизнь однако бьетъ такъ мѣтко иногда въ такіе вопросы, что вы и не ожидаете. Почему напримѣръ въ плохой, но народной пѣснѣ, сложившейся въ новыя времена—вдругъ васъ порази́тъ самый вѣрный историческій тактъ, самая странная политическая память.

Въ тридцать первыиъ году
Воевалъ полякъ Москву,
Подымался онъ войной
На Смоленску губерю...

Почему съ другой стороны, появленіе изъ подъ спуда пѣсень, сказокъ, преданій народа, свѣдѣній о народѣ, дѣйствуетъ на насъ развитыхъ и образованныхъ людей столь ошеломляющимъ образомъ, что осторожный и серьезный г. Дудышкинъ, вдругъ нежданно-негаданно выскочилъ съ вопросомъ, народный ли поэтъ Пушкинъ? и рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно потому только, что міросозерцаніе Пушкина и рѣчь Пушкина не похожи на міросозер-

чаніе и рѣчь пѣсенъ, доставленныхъ въ «Отечественныя Записки» г. Якушкинымъ или сказокъ, изданныхъ г. Аванасьевымъ...

Почему все это? И въ правѣ ли мы остановиться на отрицаніи въ нашей жизни живыхъ элементовъ, т. е. элементовъ самобытныхъ, связанныхъ съ прошедшимъ? А западничество именно отрицало ихъ, эти живые элементы, и все наше прошедшее предало проклятію, осудило на небытіе...

Я объяснялъ уже, что было виною такой рѣзкой оппозиціи.

Послѣдняя фальшь въ пониманіи и представленіи нашей народности была наша историческая драма, и едва ли что-либо могло дѣйствительно такъ скомпрометировать нашу народность какъ эта незванная, непрошенная драма покойнаго Полеваго, гг. Кукольника, Р. Зотова, Гедеонова и иныхъ... Она была не только смѣшна, но въ высочайшей степени нахальна эта историческая драма; она навязывала публично такой взглядъ на исторію и бытъ народа, который людей незнакомыхъ съ народомъ и его бытомъ велъ къ одному отрицанію. Припомните возгласы о русскомъ кулакѣ, звѣрское самохвальство Ляпунова кукольниковскаго и татарскую сцену Ляпунова гедеоновскаго съ Маринюю; припомните войну Оедосъи Сидоровны съ китайцами, припомните Минина и Пожарскаго въ «Русѣ Всевышняго» г. Кукольника... Припомните еще пѣсколько столь же безобразныхъ пародій на нашу исторію и бытъ нашъ, сходите въ театръ, когда даютъ тамъ (еще даютъ) послѣднее чашо этого направленія и притомъ самое пошлое: «Татарскую свадьбу» извѣстную подъ названіемъ «Русской свадьбы...» Нѣтъ! ни одна литература, даже французская въ драмахъ Вольтера, не клеветала такъ на исторію и бытъ своего отечества, какъ наша историческая драма... Мудрено ли, что она, вмѣстѣ съ предшествовавшими ей явленіямъ, съ историческими романами «романтически-народной» эпохи, вызвала такое сильное отрицаніе какъ отрицаніе западничества. Мудрено ли, что фальшивое пониманіе и представленіе нашей народности, долго набрасывало тѣнь, даже на благородное, хотя одностороннее, служеніе народности славянофильства?..

IV

Оппозиція, которой общее названіе есть *западничество*, выразилась какъ въ дѣятельности мыслителей, такъ и въ массѣ литературныхъ произведеній...

Но оппозиціи прямой и послѣдовательной, предшествовала оппозиція смутная, бессознательная, и на ней, прежде перехода къ раз-

смотрѣнію прямой оппозиціи, ея значенія и развитія, слѣдуетъ остановиться для полноты очерка.

Безсознательная оппозиція родилась въ самой «романтически-пародной» эпохѣ и вся выразилась въ дѣятельности единственнаго настоящаго таланта этой эпохи — въ дѣятельности Лажечникова.

Лажечниковъ — уже прошедшее для насъ, до того прошедшее, что когда лѣтъ за пять назадъ, мы встрѣтились съ произведеніемъ любимаго нѣкогда романиста въ «Русскомъ Вѣстникѣ», мы всѣ тщетно искали прежнихъ впечатлѣній, тщетно искали того, что нѣкогда такъ сильно интересовало всѣхъ насъ въ «Новикѣ», «Ледяномъ дошѣ», «Басурманѣ»... И это не потому только, что Лажечниковъ, котораго любили мы прежде какъ историческаго романиста, явился въ своемъ старческомъ произведеніи сентиментальнымъ повѣствователемъ — нѣтъ! Не болѣе какъ за годъ тому назадъ появилась въ печати — давно извѣстная многимъ и давно съ восторгомъ читавшаяся многими — драма «Опричникъ»: она не возбудила къ себѣ никакого сочувствія — и вдругъ оказалась совершенно устарѣлою.

Когда-то я называлъ Лажечникова «допотопнымъ» явленіемъ. Надъ моимъ, дѣйствительно страннымъ терминомъ смѣялись, и я самъ готовъ былъ и готовъ теперь смѣяться надъ дикимъ терминомъ какъ надъ терминомъ, но за сущность мысли, выраженной неудачнымъ терминомъ, точно также готовъ стоять теперь, какъ готовъ былъ стоять тогда.

Идеи, какъ нѣчто органическое, проходятъ извѣстныя формации, болѣе или менѣе несовершенныя, до своего полнаго, прямого и гармоническаго осуществленія. Такъ точно и идея народности въ нашей литературѣ. Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ, самыхъ могущественныхъ, но далеко не стройныхъ еще формацій, была художественная дѣятельность Лажечникова. Въ этомъ смыслѣ, насколько не думая унижить замѣчательно-даровитаго писателя съ одной стороны и насколько не впадая въ мистическій пантеизмъ съ другой, я позволялъ себѣ называть его дѣятельность *долотопною*. Какъ допотопныя, нестройныя формы бытія относятся къ болѣе умѣреннымъ, но стройнымъ и живущимъ формамъ послѣпотопнымъ, такъ точно и явленія, подобныя Лажечникову, относятся наприимѣръ въ дѣлѣ выраженія народности въ нашей литературѣ, положимъ наприимѣръ къ Островскому — или явленія, подобныя Марлинскому и Полежаеву къ кратковременной, но ясной, яркой и художественно-гармонической дѣятельности Лермонтова. У всякаго великаго писателя найдете вы въ прошедшемъ предшественниковъ въ томъ дѣлѣ, которое составляетъ его *слово*, найдете явленія, кото-

рыя смѣло можете назвать формаціями идеи. Разнѣ въ «Нарѣжномъ» напримѣръ (въ особенности въ «Бурсакѣ» его), не видать тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагаются потомъ у Гоголя «Вій», «Тарасъ Бульба» и т. д. Перечтите хоть изображеніе жизни бурсы въ «Бурсакѣ», и сравните съ нимъ изображеніе Гоголя въ упомянутыхъ повѣстяхъ, и вы конечно поймете, что сущность моей мысли, выразившейся въ дикомъ для ушей терминѣ, совершенно справедлива.

Въ особенности справедлива она въ отношеніи къ Лажечникову.

Едва ли можно найти гдѣ-либо талантъ, представляющій болѣе хаотическое смѣшеніе высокаго художественнаго такта, съ самой очевидной безтактностью, глубочайшаго прозрѣнія въ сущность народнаго характера, гениальныхъ проблесковъ пониманія народной жизни и ея типовъ въ отдаленномъ прошедшемъ, съ холодностью и рутинерствомъ, достойными покойнаго Полеваго и г. Кукольника—истинной, здоровой поэзіи дѣйствительности, съ безобразною, и, съ зрѣлой точки зрѣнія, смѣшною напряженностью; стремленій къ правдѣ изображенія съ рѣшительной фальшью взгляда на жизнь.

Всѣ эти противоположныя свойства явились въ первомъ произведеніи г. Лажечникова въ «Послѣднемъ Новикѣ», повторились съ преобладаніемъ безобразія въ «Ледяномъ домѣ», и наконецъ въ «Басурманѣ» достигли высшаго и совершенно равнаго развитія. Своими, часто въ высокой степени объективными изображеніями историческихъ эпохъ и историческихъ типовъ, Лажечниковъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ поднимается на такую высоту, которая даже и въ нашу эпоху была бы изъ числа желасмыхъ, и притомъ именно тогда, когда онъ строго держится сообщенныхъ ему исторією матеріаловъ. Съ другой стороны — собственными своими фантазіями на историческія лица и своими чисто вымышленными лицами, онъ падаетъ до той грани смѣшнаго, которую представляли собою покойный Полевой и г. Кукольникъ. Единственное что раздѣляетъ его съ ними, это — благородство воззрѣнія на жизнь, и это благородство имѣетъ оппозиціонный западный характеръ.

Лажечниковъ такое явленіе въ нашей литературѣ, такое важное звѣно въ цѣпи отношеній литературы нашей къ народности. что стоитъ анализа болѣе подробнаго нежели тотъ, который позволяютъ мнѣ предѣлы моего разсужденія, въ которомъ я принужденъ ограничиваться только намеками и общими выводами. Сколько до сихъ поръ еще искренняго и неотразимо-привлекательнаго въ его «Новикѣ», не смотря на растянутость романа, на невужныя, хо-

дульнѣи и на сантиментальнѣи до приторности лица, не смотря на явное пристрастіе къ великому преобразователю и его людямъ... Какое чутье истиннаго поэта помогло ему — вопреки даже пристрастію къ преобразователю и преобразованію — тронуть въ разсказѣ Новика съ такою подобающею таинственностью и вмѣстѣ съ такимъ сочувствіемъ сторону оппозиціи — лица Софьи, князя Голлицына, понять поэзію и значеніе оппозиціи — чего страннымъ образомъ не понялъ или не захотѣлъ понимать человекъ, болѣе его знакомый изученіями съ Петровской эпохою и болѣе его, простодушнаго романиста, обязанный къ правдѣ — Погодинъ, который въ своей драмѣ о Петрѣ Великомъ — представилъ лица оппозиціи какими-то фанатиками-идіотами, фанатиками-мошенниками или фанатиками-трусамъ. По какому наитію онъ сумѣлъ придать трагически-грандіозный характеръ Андрею Денисову, хотя и впасть въ ходульность въ его изображеніи?.. И почему наконецъ у одного Лажечникова явилось въ ту эпоху чувство патриотизма, очищенное отъ татарщины или китаизма, чувство простое и искреннее, безъ апотеозы кулака и бараньяго смиренія?..

Напряженность и ходульность, въ которой упрекали «Ледяной домъ» даже при его появленіи, дѣйствительно очевидныя, объясняются страстною впечатлительностью натуры нашего романиста. Вліяніе колоссальнаго произведенія Гюго, «Notre Dame» — очевидно на этомъ произведеніи, хотя между-тѣмъ оно нисколько не подражаніе. Оно отзывъ — и отзывъ имѣющій свое, совершенно особенное обаяніе. Въ «Ледяномъ домѣ» все фальшиво (кромѣ чисто-историческихъ фигуръ и притомъ тѣхъ, къ которымъ авторъ относился безъ страстнаго участія), все — отъ главнаго героя и героини, до цыганки Маріулы и до секретаря Зуды, и между-тѣмъ эта фальшь увлекаетъ васъ неволью, потому что эта фальшь — порожденіе истинной и неподдѣльной страстности, ходульной, но сильной. Ложный паѣосъ отношеній Волынскаго и Маріорицы, не паѣосъ Полеваго или г. Кукольника, а паѣосъ Марлинскаго, т. е. смѣсь вулканическихъ порывовъ съ дурнымъ вкусомъ. Въ самомъ Волынскомъ, невѣрномъ исторически, невѣрномъ пожалуй и психологически — сколько удивительно угаданныхъ чертъ русскаго человека, до того поэтическихъ и вмѣстѣ истинныхъ, что доселѣ еще Волынской Лажечникова — единственный типъ широкой русской натуры, поставленной въ трагическое положеніе... Вспомните сцену: «вставай народъ», «умирай народъ» сцену пирушки, сцену ночной прогулки ямщикомъ, сцену свиданія съ женою, сцену безпощадно обличающую всю безхарактерность широкой русскаго натуры, весь недостатокъ «выдержки» ей свойственный... Вспом-

ните вообще всю цѣлость вашего впечатлѣнія отъ этой могучей и безхарактерной, широкой и вмѣстѣ развратной личности, и скажите: не жаль вамъ было, когда г. Шишкинъ съ безпощадною строгостью изслѣдователя разрушалъ передъ вами историчность лажечниковскаго образа, не жаль вамъ было разставаться съ Вольнскимъ Лажечникова?.. Не готовы ли вы были въ иную минуту сказать съ великимъ поэтомъ:

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
 Когда посредственности хладной,
 Завистливой, къ соблазну жадной,
 Онъ угрождаетъ злобно. Нѣтъ!
 Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
 Насъ возвышающій обманъ...

О да! всѣмъ вѣроятно было жаль этого образа, жаль потому, что много ощущеній пережили вы въ былую эпоху съ романомъ Лажечникова. Это былъ притомъ первый въ эту эпоху тревожный и «*безнравственный*» (въ казенномъ смыслѣ) романъ; тревожная и совершенно противная условной нравственности струя по немъ бѣгущая, не выкупается ни казнью Вольнскаго, ни смертью Маріоричи. Это уже романъ протеста — протеста противъ условной и узкой нравственности загоскинскаго направленія, какъ и первый романъ Лажечникова «Послѣдній Новикъ» отзывался уже протестомъ за преобразованную жизнь Россіи, противъ стараго до Петровскаго быта.

Протестомъ же и притомъ бессознательно западнымъ былъ и третій романъ Лажечникова, его «Басурманъ», въ которомъ и достоинства и недостатки нашего даровитаго романиста подыались до своей послѣдней и высшей степени. Въ «Басурманѣ» собственно три стороны: 1) сторона созданія историческихъ типовъ и изображенія эпохи, до сихъ поръ еще стоящая на высокой степени, — сторона, въ которой только Л. А. Мей сравнялся съ Лажечниковымъ; 2) сторона чисто-художественная — смѣшная до крайней степени смѣшного, до художниковъ г. Кукольника и 3) сторона протеста. О первыхъ двухъ сторонахъ говорить много нечего. Лица Ивана III, боярина Русалки, боярина Мамона, боярина Образца, князя Холмскаго, прологъ и проч., сцены во дворцѣ Ивана, въ тюрьмахъ, свиданіе Ивана съ Марьей, завоеваніе Твери, все это до сихъ поръ вѣроятно всѣмъ памятно, ибо все это до сихъ поръ высоко-художественно и невольно возбуждаетъ вопросъ: какое громадное чутье таланта нужно было для того, чтобы, оставшись вѣрнымъ Карамзину, въ его всегда правильныхъ сочувствіяхъ (къ Новгороду,

къ Твери и проч.), совершенно высвободиться изъ подъ вліянія его, тяготѣвшихъ надъ всѣми литыхъ формъ; создать образы, совершенно вѣрные лѣтописямъ, создать для этихъ образовъ особенный, колоритный и вмѣстѣ простой, нисколько не мозаичскій языкъ, взглядѣться такъ проницательно въ простыя и часто вовсе неколоссальныя пружины событій и дѣйствій, носящихъ у Карамзина ложно-эффектный блескъ величавости. До сихъ поръ никто не превзошелъ Лажечникова въ этомъ дѣлѣ: одинъ Мей, повторю я опять, сравнился съ нимъ въ третьемъ и четвертомъ актѣ «Псковитянки». Съ другой стороны, памятенъ всѣмъ точно также и мечтанія Аристотеля Фіоравенти, достойныя Доменикина г. Кукольника, заговаривающагося до «младенческой», и сентиментальный нѣмецкій докторъ столь же смѣшной, какъ поэты Полеваго и проч. и проч.

Что касается до третьей стороны романа Лажечникова, до стороны протеста, то протестъ очевидно въ немъ двойкій. Одинъ отзывавшійся уже въ «Новикѣ», протестъ противъ грубости, невѣжества и закоснѣлости стараго быта, протестъ чисто западный, съ опредѣленнымъ сознаніемъ идеаловъ. Другой протестъ безсознательно народный, еще смутный, неопредѣленный какъ лепетъ, хотя и правый, — тотъ же протестъ, который такъ ясно высказался въ послѣднихъ произведеніяхъ Островскаго. Этимъ протестомъ созданы лица Хабаръ Симскаго, Аванасія Тверитянина, любовь дочери боярина Образца и ея трагическая участь, вдова Селинова и т. д. Пусть Хабаръ еще больше блестяще, чѣмъ полно создавъ, пусть въ рѣчахъ Анастасія и вдовы Селиновой еще непріятно поражаютъ иногда фальшивыя ноты, но основа отношеній ихъ, психологическія пружины ихъ натуръ вѣрны и народны, но протестъ который таится въ этихъ образахъ, зародышъ протеста самобытнаго, хотя еще смутнаго.

Четвертое важное произведеніе Лажечникова — недавно только явившесся на свѣтъ Божій — его драма «Опричникъ» слабѣе всѣхъ прежнихъ по исполненію, хотя также знаменательна какъ одна изъ формаций того, что полно, просто и стройно выполняется въ наше время Островскимъ. Въ «Опричникѣ» дорога вовсе не историческая сторона драмы (кромѣ сцены въ гостинномъ ряду). Странное дѣло! Лажечниковъ, который въ изображеніи Ивана III и Марфы шагнулъ черезъ карамзинскія литыя формы, въ изображеніи Ивана IV и его опричниковъ является чисто рабомъ этихъ самыхъ формъ и вмѣсто живыхъ образовъ, сочиняетъ ходульнѣйшія лица, думающія и говоряція ходульнѣйшимъ образомъ. Въ «Опричникѣ» дорога его семейная сторона, приходъ боярыни Морозовой къ врагу

ея семьи, слова «Твоя да божья», съ которыми дочь падаетъ къ ногамъ отца, выдающаго ее замужъ за немцаго — слова также вырванныя изъ русской души, какъ слова Любови Гордѣвны Островскаго (твоя воля батюшка!) намеки на семейное начало. Больше же ничего нѣтъ въ «Опричникѣ», нѣтъ прежде всего живого, человѣческаго и вполне колоритнаго языка...

Какъ же, позволяю еще разъ спросить, прикажете назвать этотъ безспорно высокій, но хаотическій талантъ, стоящій на грани западничества и славянофильства, иногда прозрѣвающій народную сущность глубже и западничества и славянофильства, и опережащій лѣтъ на пятнадцать наше пониманіе народности, иногда же фальшивый до очевидности, напряженный до ложнаго пафоса, и даже смѣшной до крайней грани смѣшнаго, до Полеваго и до Кукольника, — какъ его назвать иначе, какъ одною изъ первыхъ формацій правильнаго пониманія народности, формацій міра идеальнаго, параллельныхъ съ допотопными формаціями матеріальнаго міра.

По сочувствіямъ и идеаламъ западникъ гораздо болѣе чѣмъ славянофилъ и уже всего менѣе адептъ шишковско-загоскинскаго направленія, вѣрнѣйшій послѣдователь Карамзина въ идеяхъ, умѣвшій однако перешагнуть черезъ его литыя формы, поклонникъ преобразования, преобразователя и людей преобразования и преобразователя, Лажечниковъ однако же смутно носитъ въ своемъ творчествѣ идеалы самобытнаго, народнаго протеста, затрогиваетъ хоти и не всегда правильно такія струны русской души, которыя отзываются полно только черезъ пятнадцать лѣтъ потомъ!

V

Я старался съ возможной точностью и подробностью изложить всѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось въ вашемъ умственномъ процессѣ явленіе, называемое *западничествомъ*, вывести всѣ причины его происхожденія и его сильнаго развитія.

Результатъ изъ моего изложенія вывести, какъ мнѣ кажется, не трудно.

Не съ народностью боролось западничество, а съ фальшивыми формами, въ которыя облекалась идея народности. И вина западничества—если можетъ быть вина у явленія историческаго—не въ томъ конечно, что оно отрицало фальшивыя формы, а въ томъ, что фальшивыя формы принимало оно за самую идею.

Увлекаемое какъ всякая теорія роковымъ процессомъ къ абсур-

ду, къ отрицанію значенія нашей народности, оно разумѣется дошло до этого абсурда не вдругъ, а постепенно, хотя довольно быстро.

Смѣлая теорія высказанная Чаадаевымъ, сначала не нашла себѣ отголоска въ русской литературѣ. Она разрабатывалась такъ сказать, по частямъ.

Отрицаніе сперва увидѣло только раздѣленіе между нашей жизнью до реформы Петра и нашей жизнью послѣ реформы... Раздѣленіе представилось, да еще и теперь можетъ быть нѣкоторымъ представляется въ видѣ какой-то бездны, расторгающей два міра, ничего общаго между собою не имѣющіе, одинъ — міръ застоя, общественной, нравственной и умственной тины; другой — міръ человѣческихъ стремленій и развитія.

На первый разъ западничество выразилось въ привязанности и пристрастіи къ преобразователю и преобразованію — привязанности и пристрастіи, которое раздѣляли съ нимъ многіе, впоследствии рѣзко отъ него отдѣлившіеся дѣятели (Надеждинъ, Погодинъ и другіе). Западничество притомъ, въ лицѣ своего высшаго дѣятеля — Бѣлинскаго, увлекшись формами гегелизма и на вѣру принявши злыиное положеніе великаго учителя, что «все что есть, то разумно», наивно считало себя прямо враждебнымъ какъ Чаадаевской, такъ и всякой возстающей на дѣйствительность теоріи, доходило въ своемъ примиреніи съ дѣйствительностью до самыхъ крайнихъ результатовъ...

Такое наивное упоеніе дѣйствительностью было разумѣется не продолжительно.

Въ 1840 году мысль идетъ отъ отрицанія къ отрицанію. Въ 1839 году «Отечественными Записками» еще съ восторгомъ привѣтствуется «Басурманъ» Лажечникова за его народность; еще появляется юношески-восторженная, но до сихъ поръ имѣющая свою цѣнность статья о циклахъ русскихъ богатырскихъ пѣсенъ и сказокъ, съ глубокимъ философскимъ и поэтическимъ пониманіемъ ихъ содержанія и значенія. Черезъ два года — являются статьи Бѣлинскаго о томъ же предметѣ, яростно-отрицательныя. Въ 1839 и даже въ 1840 годахъ печатаются еще статьи Коллара о славянствѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Черезъ пять лѣтъ, въ порывѣ фанатизма и въ увлеченіи борьбы, объявляется тамъ же во всеуслышаніе, что Турція какъ «государство», внушаетъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ сбродъ славянскихъ племенъ, ея поработенныхъ — мысль, которой знаменитое мнѣніе «Атенея» 1859 г. о цивилизаторской роли австрійскаго жандарма въ славянскихъ земляхъ — является только повтореніемъ. Но то,

что принимается как истина въ 1844 году, отвергается единодушно всеми въ 1859 году.

Сила западничества заключалась въ отрицаніи ложныхъ формъ народности. Какъ только въ виду ложныхъ формъ показались настоящія, оно неминуемо должно было пасть и действительную палло.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

ЗНАМЕНИТЫЕ ЕВРОПЕЙСКІЕ ПИСАТЕЛИ

ИВРЯДЪ СЛОВОМЪ РУССКОЙ КРИТИКИ

I

Критика наша еще очень молода; но вовсе не въ томъ смыслѣ, чтобы она не созрѣла, а просто въ томъ, что ей отъ роду развѣ-развѣ что немного болѣе четверти столѣтія. Мы разумѣемъ конечно настоящую, серьезную критику, — ту критику, которой отцы въ Германіи — Лессингъ, Винкельманъ, Гердеръ, которая такъ своеобразно развилась въ Англіи, пожалуй даже прежде Германіи, и до которой доросли до сихъ поръ еще очень немногіе изъ французскихъ мыслителей.

Между тѣмъ, не смотря на свою молодость, критика наша — не въ лицѣ даже одного гениальнаго своего представителя Бѣлинскаго, а вообще, начиная отъ Полеваго и кончая г. — бовымъ, сдѣлала такъ много для нашего умственнаго развитія, такъ твердо и сознательно толкала насъ впередъ, такъ рѣшительно стояла почти всегда по дугу своему въ уровень съ критикою германскою и неизмѣримо выше критики французской, такъ положительно наконецъ заявляла иногда свою самостоятельность, — что принадлежитъ уже къ числу тѣхъ немногихъ явленій нашей духовной жизни, которыя безъ малѣйшаго опасенія за ихъ бытіе, могутъ быть подвергасмы анализу, суду и пересмотру.

Мы смѣло можемъ теперь отдѣлять въ результатахъ ея дѣятельности шелуху отъ ядра, пшеницу отъ плевелъ, не боясь того, что «восторгая» плевелы — «восторгнемъ» пожалуй и пшеницу...

Было время, что критика наша стояла во главѣ всего нашего развитія, мы разумѣемъ конечно критику литературную.

Эта роль принадлежала критикѣ въ то время, когда въ литературѣ и притомъ исключительно въ литературѣ, совмѣщались для

насть всѣ серьёзные духовные интересы, когда критикъ, не переставая ни на минуту быть литературнымъ критикомъ, въ тоже самое время былъ и публицистомъ, когда его художественные идеалы не разрознивались съ идеалами общественными. Этими — кромѣ своего огромнаго таланта — былъ такъ силенъ Бѣлинскій въ его эпоху, что всѣ другія убѣжденія, кромѣ его убѣжденій и всѣ другіе взгляды, кромѣ его взгляда, не считались и не могли считаться благородными и современными убѣжденіями и взглядами. Кто не видалъ въ Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ того, что видѣлъ въ нихъ Бѣлинскій — попадалъ неминуемо въ число ограниченныхъ, отсталыхъ людей и даже мраколюбцевъ.

И тогда — это было совершенно нормально, потому что литература была тогда все для насъ, и *двухъ* убѣжденій въ отношеніи къ высшимъ литературнымъ явленіямъ быть не могло. Уровень единства литературнаго взгляда, проводимъ былъ съ безошадною послѣдовательностью, но вѣроятно ни у кого языкъ не повернется даже и теперь назвать эту безошадную послѣдовательность, этотъ деспотизмъ фанатизма несправедливымъ.

Идея изящнаго тѣсно сливалась тогда съ идеями добра и правды, или, лучше сказать, идея правды и идея добра не имѣли возможности проявляться иначе какъ черезъ идею изящнаго.

Бѣлинскій, ибо это цѣлый да и притомъ главный періодъ нашей критики, былъ поставленъ въ такія же условія борьбы какъ Лессингъ. Пламенно толкуя Пушкина, пламенно выдвигая Лермонтова, пламенно ратоборствуя за Гоголя и т. д., онъ былъ въ тоже самое время главнымъ общественнымъ двигателемъ нашимъ и великимъ глашатаемъ истины. Весь умственно и нравственно пропитанный философскою системою, до нашихъ временъ еще не смѣненною никакою другою, онъ проводилъ ее въ жизнь черезъ органъ литературной критики. Его противорѣчія и измѣненія мнѣній могли казаться противорѣчіями и измѣненіями мнѣній только людямъ, дѣйствительно ограниченнымъ въ его эпоху. Для него самаго, для его учениковъ, т. е. для всѣхъ насъ болѣе или менѣе — это были моменты развитія, моменты стремленія къ истинѣ.

Бѣлинскій стоялъ впереди умственнаго прогресса и смѣло велъ впередъ поколѣніе.

Въ высочайшей степени одаренный художественнымъ пониманіемъ, способный трепетать какъ цвѣтъ отъ всего прекраснаго, переживавшій съ каждымъ великимъ явленіемъ нравственнаго міра всю жизнь этого явленія: чистую ли поэзію Пушкина, злую ли скорбь и иронію Лермонтова, карающій ли смѣхъ Гоголя, мучительную ли игру Мочалова и т. д., — отзывавшійся на все съ не-

обыкновенною чуткостью, онъ однако, какъ человекъ стремленія и прогресса, не задумывался замѣнять явленія явленіями, когда одни казались ему ближе къ истинѣ, т. е. по его вѣрованію, ближе къ послѣднему слову прогресса, чѣмъ другія. Своего рода террористъ литературный, онъ приносилъ жертвы за жертвами, хотя конечно едва ли бы принесъ въ жертву напримѣръ Пушкина и его значеніе въ нашей жизни.

Дѣло нравственнаго возбужденія, совершенное въ лицѣ его нашею критикою, такъ велико и благотворно по своимъ послѣдствіямъ, что отъ многихъ принесенныхъ критикою жертвъ, мы можемъ уже теперь и отказаться, безъ опасенія повредить дѣлу прогресса. Жертвы эти приносились нашею критикою вслѣдствіе увлеченій. Благотворный плодъ увлеченій остался, но отъ самыхъ увлеченій, отъ множества пристрастій — симпатическихъ или враждебныхъ, пора уже намъ постепенно отказываться.

На первый разъ намъ показалось небезполезнымъ сдѣлать опытъ провѣрки отношеній нашей критики къ знаменитымъ иностраннымъ писателямъ, поднять нѣсколько дѣлъ, которыя славны въ архивѣ, то съ 1840, то съ 1838, то даже съ 1830 года, но сданы вовсе не потому, что рѣшены окончательно, а потому только, что надобно было скорѣе рѣшать другія дѣла, нетерпѣвшія отлагательства.

Мы далеки отъ намѣренія упрекнуть нашу критику, въ особенностяхи критику періода Бѣлинскаго, въ опрометчивости ея сужденій или въ излишней самостоятельности взгляда. Въ наше время было бы неумѣство поднимать вопросы изъ за привязанности къ авторитетамъ.

Рѣчь идетъ вовсе не о поправныхъ авторитетахъ, а о правильности нашей оцѣнки знаменитыхъ европейскихъ писателей, о множествѣ укоренившагося вздора на ихъ счетъ въ нашей критикѣ. Что мы имѣемъ полное право на самостоятельную оцѣнку чужеземныхъ явленій, что эта оцѣнка тѣмъ будетъ и значительнѣе, чѣмъ самостоятельнѣе — объ этомъ и говорить нечего. Но наше отреченіе отъ различныхъ авторитетовъ иностранныхъ литературъ, наши *кавалерскія* отношенія ко многимъ изъ нихъ, т. е. отношенія, въ которыхъ мы третировали ихъ *très cavalièrement* — имѣли источникомъ своимъ вовсе не самостоятельность нашего взгляда, а или увлеченія новыми вѣяніями жизни, — увлеченія горячія и обильныя результатами, или холодное нахальство, привыкшее со всѣмъ въ мірѣ обращаться весьма нецеремонно, какъ обращалась напримѣръ во дни оны со всѣмъ въ мірѣ «Библіотека для Чтенія» тридцатыхъ годовъ, или самодовольство, убаюкиваемое дерзкими, де-

щеворіобрѣтеными теоріями, или наконецъ просто — известнымъ мавіи — французанія, германоманія, англоманія, руссомадія.

Если бы *кавалерскія* отношенія къ великимъ или просто известнымъ иностраннымъ писателямъ, принадлежали въ литературу нашей къ области прошедшаго, то вопросъ не для чего было бы и поднимать. Нужно было бы постепенно и просто устанавливать настоящіе взгляды на дѣятельность того или другого писателя, въ серьезныхъ и подробныхъ статьяхъ о томъ или другомъ изъ нихъ.

Но *кавалерскія* отношенія видимо укоренились какъ вѣчно совершенно законное. Нѣтъ, нѣтъ, да и выскочить вдругъ даже въ наше время какой-нибудь кавалеръ-наблюдикъ и объявить съ высоты величія, что мы, дескать, «не очень высоко ставимъ Шиллера»... Выскочить другой баши-бузукъ и разомъ похорошить Жоржа-Занда и т. д. Да и что мудренаго? Мы и съ своими-то церемонимся: у насъ какъ разъ Пушкинъ обратится въ поэта альбомныхъ побрякушекъ, — чтожь чужихъ-то жалѣть? Насчетъ мелкихъ (по мнѣнію нашихъ критиковъ) явленій, насчетъ напримѣръ какого-нибудь Виктора Гюго, какого-нибудь Генриха Гейне или Бальзака беспокоиться много нечего: мы и большимъ-то дадимъ себя знать! Вотъ, дескать, мы каковы... (*)

Противодѣйствовать *кавалерскимъ* отношеніямъ нашей критикѣ къ иностраннымъ писателямъ подробными и серьезными статьями, дѣло, во первыхъ, и по матеріальному труду нелегкое, да въ настоящую минуту и довольно бесполезное... Не мало примѣровъ можно привести по этому поводу. Хоть бы напримѣръ, превосходныя статьи покойнаго Кудрявцева (П. Н.) о Дантѣ, печатавшіяся некогда въ «Отечественныхъ Запискахъ», къ которымъ они были читаны? Кружкомъ его учениковъ, да кружкомъ немногихъ истинно-образованныхъ людей, еще интересующихся литературою!... Для бѣдшей части читателей эти статьи оставались неразрѣзанными (*Stans sunt — non leguntur!*)... О Шиллерѣ писано много было въ нашихъ журналахъ отъ «Телеграфа» до «Русскаго міра», но это многописаніе прошло же втунѣ, кануло же въ бездну, не воспрепятствовало же въ прошломъ году появленію плохой статейки о Шиллерѣ (не скажемъ гдѣ), переведенной очевидно съ французскаго и исполненной изумительнѣйшихъ невѣжествъ. Превосходнѣйшая біографія Гёте Льюиса (Lewis), помѣщенная не очень давно въ «Библиотеку для Чтенія», — помѣщенная по всей вѣроятности не по уваженію

(*) Мы могли бы дѣлать ссылки и указанія

да чтобъ гусей не раздражить!

къ Гёте, а по уваженію къ его англійскому біографу — тоже мало привнесла пользы и мало читалась...

Остается следовательно возбудить вопросъ въ общихъ, сжатыхъ и рѣзкихъ чертахъ, это тѣмъ болѣе нужно, что кромѣ міровыхъ свѣтилъ: Гёте, Байроновъ, Шиллеровъ и т. д. есть еще свѣтла менѣе яркія, но почему же нибудь да признаваемыя за свѣтла ихъ странами, — свѣтла, къ которымъ мы относимся съ самымъ фешенебельнымъ презрѣніемъ.

За доброе желаніе возбудить вопросъ, добросовѣстные читатели вѣроятно простятъ намъ и нѣкоторыя ошибки и нѣкоторыя недосмотры...

II

Отношеніе литературы и критики нашей къ иностраннымъ литературамъ въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка, было или совершенно самостоятельное, или китайское, т. е. изолированно-самостоятельное. До Карамзина мы смотрѣли на все глазами французовъ или взглядомъ Часослова и Домостроя: преобладающее возрѣніе, — возрѣніе, выставлявшееся на показъ, было впрочемъ французское, т. е. такъ называемый ложный классицизмъ. Карамзинъ первый осмѣлился заговорить объ англичанахъ и нѣмцахъ, первый поклонился вмѣстѣ съ юной тогдашней Германіей Шекспиду и выказалъ откровенно восторгъ отъ представленія «Фіэско». Правда, что восторгался представленіемъ «Фіэско» и приниженная по поводу представленія французскаго «Эдипа», вожди шекспировскаго Лида или «царя Леара», онъ восторгается и представленіемъ «Независти къ людямъ и раскаянія», но во всякомъ случаѣ онъ заставилъ свою эпоху сдѣлать огромный шагъ впередъ, такой шагъ, который французы сдѣлали въ литературѣ только лѣтъ черезъ двадцать послѣ своей политической революціи.

Ни Карамзину, ни намъ этого шага впрочемъ нельзя вѣнчать въ необычайную заслугу, равно какъ и въ преимущество надъ западной въ этомъ отношеніи французскою націею; у французовъ былъ дѣльный рядъ великихъ, по крайней мѣрѣ для нихъ, писателей XVII и XVIII вѣка, установившихъ извѣстные взгляды на жизнь, дѣйствиельныя понятія объ изящномъ. Намъ, до самаго Карамзина, жалѣть было ровно нечего. У насъ была «тишь и гладь», наша подражательная литература съ проблесками одного могучаго и нѣсколькихъ крайне-посредственныхъ дарованій, съ ея торжественными одами и трагедіями, цѣлкомъ и дубовыми стихами перекла-

дывасмыми изъ Корнеля, Расина и Вольтера на русскія имена, годилась только для пародій Баркова и для сатиры Дмитріева: «Чужой толкъ». Жалѣть намъ было нечего. Мы мѣняли одну моду на другую.

Лѣтъ двадцать впрочемъ и мы весьма скромно заявляли свое сочувствіе къ англичанамъ и вѣщамъ, не разрываясь съ французскимъ классицизмомъ, а только шала иногда подъ его гувернерскимъ прясмотромъ, шала то балладами Жуковского, вѣявшими упылымъ романтизмомъ, то мистически-германскими стремленіями «Мнемозины» (Одоевскаго и Кюхельбекера). Самъ Карамзинъ, какъ свидѣтельствуеъ статья Ѳ. В. Булгарина о свиданіи съ Карамзинымъ, помѣщенная, какъ образцовая, въ «Учебной книгѣ словесности» г. Греча, и какъ свидѣлствуютъ другіе болѣе достовѣрные источники (хотя не все же неправду говорилъ и Ѳаддей Венедиктовичъ), самъ Карамзинъ не повелъ далеко сочувствій своей юности и ограничивался въ зрѣлыхъ лѣтахъ пристойнымъ эклектизмомъ. На самага Пушкина французскій классицизмъ имѣлъ свою долю вліянія, да и во всю жизнь свою, Пушкинъ не былъ гонителемъ его...

Съ «Телеграфомъ» только начинается наша эмансипація полная, — эмансипація впрочемъ, какъ во времена «Телеграфа», такъ и во времена позднѣйшія, — весьма похожая на сатурналіи, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ французскому классицизму, — сатурналіи, продолжавшіяся не менѣе *двадцати пяти* лѣтъ, вплоть до прибытія къ намъ Рашели... Тотчасъ же по прибытіи къ намъ знаменитой артистки, мы такъ же легко перешли отъ *вражды* и *презрѣнія* къ классицизму, къ серьезному и уважительному тону о немъ. И никого не удивлялъ этотъ серьезный и уважительный топъ статей П. В. Анненкова, какъ никого не удивляли выходы Полеваго и заклятая вражда Бѣлинскаго къ тому же самому явленію. Только немногіе, принимавшіе все это къ сердцу, высказались отсталюю и, наобдно сказать правду, донкихотскою оппозиціею французскому классицизму.

Мы еще не вдаемся покамѣстъ въ разрѣшеніе вопроса, правы ли были мы и на сколько именно правы въ нашемъ скоропостижномъ отрицаніи отъ классицизма и въ неожиданномъ возвращеніи къ нему нашего уваженія по пріѣздѣ Рашели. Мы дѣлаемъ еще только историческій очеркъ нашихъ увлеченій и отреченій.

Когда мы отрицались отъ классицизма, на литературномъ горизонтѣ Европы горѣло какимъ-то зловѣщимъ блескомъ ослѣпительное свѣтило: Байронъ; закатывалось величаво, не теряя своего ровнаго и живительнаго свѣта, другое свѣтило: Гёте, и только что выходили на середину неба Пушкинъ и Мицкевичъ... То было вре-

ми чудесь литературныхъ, потомучто кромѣ Байрона и Гёте, Пушкина и Мицкевича, появлялись одинъ за другимъ романы Вальтеръ Скотта, фантастическія сказки Гофмана... Какъ мы жадно ловили всё эти вѣянія, какъ мы наивно-таинственно говорили о Фаустѣ и дерзали говорить даже о второй его части, какъ много развилось у насъ въ то время байрончиковъ, которые какъ Трилунный считали (по крайней мѣрѣ въ стихахъ) за муку и кару

... . быть въ толпѣ бессмысленныхъ людей,

какъ мы вѣрили и въ разочарованіе нашихъ байрончиковъ, и въ то, что «Блаженство безумія» Полеваго — повѣсть въ гофмановскомъ родѣ и т. д., и какъ мы мало способны были понимать своего великаго поэта, своего Пушкина. Мы требовали отъ него, чтобы онъ повторилъ намъ Байрона, а онъ и натурою и особенностью генія, столь же мало походилъ на демоническаго британца, какъ Рафаэль на представителей мрачной школы, которой любимый предметъ мученія и пытки, какъ Моцартъ на Бетховена, — онъ, который съ каждымъ шагомъ становился самостоятельнѣе и даже Мицкевича готовъ былъ упрекать за подчиненіе Байрону:

Когда тебя Мицкевичъ вдохновенный,
Я нахожу у Байроновыхъ ногъ и т. д.

Но дѣло въ томъ, что мы увлекались и увлекались искренне — кто по собственнымъ впечатлѣніямъ, а кто по слуху. То, чѣмъ мы пожертвовали новымъ увлеченіямъ — преданія чопорнаго классицизма — дѣйствительно должно было пасть передъ вѣяніемъ новаго могучаго духа. Новый духъ этотъ притомъ несъ съ собою отзвѣвы громадной средневѣковой жизни, возвращалъ европейскому человѣчеству все, что заслонено было отъ него на время ложными классическими идеальчиками, — возвращалъ не только Данта и Шекспира, но даже сумрачно-колоссальные образы Нибелунговъ, веселія пѣсни труверовъ, романсы о Сидѣ, испанскую драму и т. д., — возвращалъ на время даже обалніе католицизма. Это былъ духъ романической реакціи... Намъ она была чужда эта реакція, потомучто у насъ не было и отрицанія ея, не было и *renaissance*, возрожденія древности; мы были гости на чужомъ пиру, но какіе наивно-усердные, добросовѣстные гости! Право, мы сами хоть и не доходили до безобразій «Доктора любви» Захаріи Вернера, но за то ужъ по крайней мѣрѣ пьянство Гофмана возвели чистосердечно въ число добродѣтелей и непремѣнныхъ правилъ романтической жизни. Увы! за наше чистосердечіе мы платились та-

кими дорогими жертвами, какъ яркіе таланты Марлинскаго, Полежаева, Мочалова, Варламова, дарованія Соколовскаго, Меркла и т. д. . . . Сатурналии романтической реакціи праздновались у насъ право гораздо разгуднѣе, чѣмъ на западѣ. . . . Наши впечатлѣнія отразились во всей жизни, во всѣхъ отношеніяхъ жизни, въ дружбѣ, любви въ особености, — все равно были для эти впечатлѣнія изъ источниковъ или впечатлѣнія по слуху. . . . Ни одного альбома замоскворѣцкой барышни той эпохи, не найдете вы, если только найдете такое сокровище, (что подлеститъ большому сомнѣнію, ибо мы вообще не хранимъ памятниковъ, а замоскворѣцкія барышни и того шевѣ), — въ которомъ не встрѣтили бы вы не одного а двухъ, трехъ самодѣльныхъ байрончиковъ и не увидали бы на неизбѣжныхъ въ каждомъ альбомѣ цвѣтныхъ листкахъ каллиграфически-красиво написанныхъ стиховъ изъ Данта ли: *Nessun maggior dolore*, — изъ Байрона ли:

Fare the well and if fore ever и т. д., —

стиховъ, которыхъ языка, не скажемъ по всей вѣроятности, но *вообще* не понимали ни писавшіе, ни тѣ владѣтельницы альбомовъ, для которыхъ стихи писались, — стиховъ, заимствованныхъ изъ эпиграфовъ романтическихъ поэмъ и повѣстей эпохи.

Помните ли вы въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Бѣлинскаго — наивное, милое, пламенное мѣсто о томъ, какъ стихи Пушкина журчади въ воздухѣ, деслись отовсюду. . . . Это мѣсто, кромѣ своей наивной прелести и поэтичности, имѣетъ еще все значеніе историческаго свидѣтельства. . . . Это было точно такъ не только со стихами Пушкина, но со всякими стихами и поэмами эпохи отъ «Чернеца» Козлова до «Байроновой урны» Трилуннаго. Комически-наивная, но милая эпоха, которую началъ первый посвятитель нашъ въ тавиства романтизма, Жуковский, переросъ недосыгаемо Пушкинъ и беззамѣренно предалъ посмѣянію Полевой трагедіей о разгулѣ жизни Нино Галлури (Уголино) и объ аркадскомъ плетеніи имъ корзинокъ съ Вероникой. . . .

Съ 1830 года вступили мы въ новый «фазисъ развитія», говоря философскимъ языкомъ. Говоря же по просту — 1830 годъ разнуждалъ такъ называемую юную французскую словесность, уже и прежде этого времени заглававшую впрочемъ себя такими романтическими стремленіями, которыя пахли уже не одной реакціей, — и юная французская словесность взволновала наци сердца и умы.

Замѣчательно, что ею, этой буйной словесностью, увлеклись уже не люди минуты, какъ Полевой, самый блестящій изъ тогдашнихъ людей минуты. Ею увлекся Надеждинъ, ею увлекся Бѣлинскій. За-

замѣательно тоже, что и въ наше время — тридцатью годами отдаленнее отъ той эпохи — едва ли можно сказать о причинахъ происхожденія и о значеніи юной французской словесности, глубже и основательнѣе того, что сказано Надеждинымъ въ одной изъ статей его «Телескопа», — въ статьѣ: «Баронъ Брамбеусъ и юная словесность»... Такого смѣлаго отрѣшенія отъ условно-правственныхъ пунктовъ, такого удивительнаго историческаго чутья, такой вѣрной, хотя и страстной оцѣнки, можно пожелать даже и въ наше время (*), по крайней мѣрѣ пожелать больше чѣмъ *кавалерскихъ* отношеній. Съ другой стороны, Бѣдинскій въ ту юную эпоху своей дѣятельности, къ которой принадлежатъ его неувядающія, бессмертныя «литературныя мечтанія», овладѣлся жаркимъ поклонникомъ Бальзака и другихъ современныхъ французскихъ дѣятелей...

Замѣательно наконецъ и то, что именно люди серьезной мысли и серьезнаго чувства увлекались юной французской словесностью, а дракомъ ея явился баронъ Брамбеусъ — блестящій и многосторонній, но глубоко развращенный умъ, котораго единственнымъ убѣжденіемъ были смѣхъ надъ всланнымъ убѣжденіемъ, надъ всланнымъ высокимъ стремленіемъ въ наукѣ, искусствѣ и жизни...

Все это очень замѣательно, но вмѣстѣ и понятно. Не увлеченъ произведеніями Гюго, въ особенности же его гениальнѣйшихъ романомъ, не увлеченъ дикими и напряженно-гасконскими, но огненными драмами Александра Дюма рѣге'а и его первыми лихорадочными рассказами, въ родѣ «Маскерада», не повѣрять наконецъ всеякому аналитику сердца человѣческаго Бальзаку въ дѣйствительномъ бытіи той эксцентрической «Comédie Humaine», которой пеструю и мрачную картину развертывалъ онъ все шире и шире съ каждымъ своимъ произведеніемъ, не увлеченъ всѣмъ этимъ, трудно даже и въ наше время человѣку съ сердцемъ, плотью и кровью, а въ ту молодую эпоху нашего сознанія было просто даже невозможно. Одинъ Пушкинъ по особеннымъ свойствамъ своей чисто-художнической натуры, не принимавшій ничего *напряженнаго* — какія бы достоинства не имѣло это напряженное, смѣявшійся даже въ самомъ себѣ надъ своимъ Гиреемъ, который въ среднѣй боа

Заноситъ саблю и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ.

(*) Какъ жаль вообще, что друзья и почитатели покойнаго Н. И. Надеждина, не позаботятся до сихъ поръ объ изданіи полнаго собранія его сочиненій! Оно дрянесло бы литературѣ нашей несравненно большую пользу, чѣмъ изданіе сочиненій Седюковскаго.

однѣ только Пушкинъ могъ съ высоты смотрѣть на мрачную и глубокаго смысла исполненную вакханалію, и одному ему это было извинительно (*). Лихорадка заражала всѣхъ, у кого были нервы и у кого не оупѣли они въ условной нравственности или въ цинизмѣ брамбуеовскаго безвѣрія... Первое дѣло, или по крайней мѣрѣ одно изъ первыхъ дѣлъ русскаго въ Парижѣ (письма В. П. Боткина въ «Телескопѣ») было взобраться на башни Notre-Dame и поклониться самому Гюго...

А знаете ли, кто между прочимъ былъ поклонникомъ Бальзака? Навѣрно не угадаете читатели, если вы молоды, — и можетъ быть забыли, если вы въ зрѣлыхъ лѣтахъ?.. Шевыревъ, С. П. Шевыревъ, тотъ самый С. П. Шевыревъ, который, сказать — *rag genthèse*, еще ждетъ себѣ въ будущемъ справедливой и честной оцѣнки и за свою дѣятельность какъ критика, впадавшаго нерѣдко въ грубѣйшіе промахи и безтактныя увлеченія (Бенедиктовъ), но вѣстѣ съ тѣмъ, одного изъ остроумнѣйшихъ обличителей промышленнаго направленія въ журналистикѣ (борьба въ «Наблюдателѣ» съ «Библиотекою для Чтенія») и кукольниковской фальши въ литературѣ, и за свои учено-историческіе труды, съ которыхъ время сниметъ шелуху, послужившую недавно поводомъ къ остроумной, но въ сущности весьма несправедливой статьѣ г. Луки Варіантова.

Помните ли вы тоже, или знаете ли, гдѣ впервые явилось имъ Занда или лучше сказать, гдѣ впервые у насъ произнесено это имъ, безъ пошлыхъ шутокъ надъ женщиной — поэтомъ и надъ амавскаго цией, и гдѣ впервые честно переводились, а не передѣлывались, какъ въ «Библиотекѣ для Чтенія», ея романы?..

Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» его перваго періода, въ чинномъ, даже аристократическомъ Наблюдателѣ, цвѣта великосвѣтскихъ перчатокъ, въ цалевомъ Наблюдателѣ Андрossoва и Шевырева! Московскій Наблюдатель первой редакціи, основался какъ оппозиція — съ одной стороны промышленному и скептическому направленію «Библиотеки для Чтенія», а съ другой стороны — демагогическирѣзкому направленію надеждинскаго «Телескопа». Московскій Наблюдатель первой редакціи былъ журналъ приличный, составившій нѣкоторымъ образомъ *sub auspiciis* — главы нашей литературы, который отдалъ туда знаменитое стихотвореніе наследнику Лукулла, но совершенно безсильный и весьма часто безтактный — безтактный до поклоненія стихотворной шумихѣ и до непониманія гого-

(*) Между прочимъ, и Пушкинъ однако, не могъ воздержаться отъ сочувствія къ одному изъ корифеевъ юной словесности — и къ кому же? Къ самому *безнравственному*, хотя правда, наивнѣйшему изъ нихъ — Альфреду де-Вюссэ.

левскаго «Носа», отвергнутаго его редакціею, безтактный до статей г. Лиховина о Вельтманѣ и до изобрѣтенія С. П. Шевыревымъ особаго рода октавъ для перевода Тасса, въ родѣ слѣдующихъ :

. . . Но всѣхъ напоръ одинъ онъ патитъ,
То этого, то онаго онъ хватитъ!..

октавъ, которыхъ *сочиненію* для русскаго языка, предшествовало цѣлое письмо переводчика въ Телескопъ...

Между-тѣмъ, этотъ чопорный, безсильный, безтактный «Наблюдатель» первой редакціи, первый произнесъ съ уваженіемъ имя Занда и далъ публикѣ не перелѣлку, а переводъ, и притомъ изящный — одного изъ прекраснѣйшихъ романовъ ея первой эпохи «Симонъ». «Наблюдатель» выдвинулъ Занда въ то время, когда «Библиотека для Чтенія» ругалась надъ г-ою Дюдеванъ, и когда никто еще, даже чуткій Бѣлинскій — не подозрѣвалъ ея великаго значенія.

«Телескопъ» закончилъ свою благородную и энергическую, но мало вознагражденную сочувствіемъ, дѣятельность, громовымъ ударомъ, совершенно-нежданымъ, совершенно — противорѣчившимъ даже духу убѣжденій редактора — письмомъ П. Я. Чаадаева. Надежды, какъ дѣятель критическій, сошолъ навсегда съ поприща, къ великому вреду русской мысли и русской литературы.

Бѣлинскій же вступалъ въ новый фазисъ развитія (теперь уже, и въ особенности въ отношеніи къ нему, употребляемъ этотъ терминъ безъ малѣйшей ироніи), съ нимъ вступали и всѣ мы, ибо съ «литературныхъ мечтаній», Бѣлинскій съ разу сталъ народнымъ представителемъ нашего сознанія и представителемъ единственнымъ, ибо другіе передовые люди эпохи, или какъ И. В. Карѣевскій выработывали мысль тяжело и долго, или какъ Хомяковъ разбрасывались искрами, но сосредоточивая своего пламени, или какъ Погодинъ передавали передовыя идеи въ шелухѣ и въ такихъ отсталыхъ формахъ, за которыми исчезали, или вслѣдствіе которыхъ криво и превратно толковались передовыя идеи.

Фазисъ развитія, въ который вступали тогда всѣ мы вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, былъ гегелизмъ въ его первоначальной, таинственно-туманной и тѣмъ болѣе влекущей формѣ, въ формѣ признанія разума тождественнымъ съ жизнью, и жизни тождественной съ разумомъ. Этотъ таинственный гегелизмъ съ его страшно-манящимъ, всеохватывающимъ принципомъ — гегелизмъ, на первый разъ мирившій со всѣмъ историческимъ, общавшій всему существующему въ нашихъ вѣрованіяхъ, нравственныхъ убѣжденіяхъ и даже просто обычаяхъ, оправданіе и примиреніе, казался намъ всѣмъ, и

всѣхъ болѣе Вѣлинскому — *сouvereignst̄h̄m̄ idealen Reich*, въ которомъ по слову великаго поэта, живущаго несчастіе не быть признаваемымъ за великаго поэта «Вѣкомъ» (два ли «нашимъ»).

Wort gehalten wird in jenen Mädmern
Jedem schönen gläubigen Gefühl;

Этотъ гегелизмъ былъ уже не просто раздражающее вѣяніе какъ шеллингизмъ Кирѣевского и Надеждина, онъ становился для всѣхъ адептовъ его, — а кто же изъ мыслящихъ людей не вступалъ тогда въ рядъ его адептовъ, кто изъ впечатлительныхъ людей не шёлъ по слуху за адептами — становился *впроку*.

Вѣра требовала жертвъ, какъ всякая вѣра. Принципъ тождественности разума и дѣйствительности — на первый разъ становился враждебно противъ всякой вражды и протеста, былъ самъ протестомъ противъ протеста. Да и какъ же иначе? Миръ и жизнь — по крайней мѣрѣ на первый разъ, представлялись стремящемуся духу гармоническими, исполнѣ замиренными и конечный, стремящійся духъ (я употребляю релігіозные термины эпохи), отрѣшаясь отъ своей конечности, плавалъ торжественно въ безграничности, сливался съ «*Unendlicher Geist*», переходилъ въ него и съ высоты смотрѣлъ на разумно-гармоническое мірозданіе...

Вѣра, ибо именно такого рода гегелизмъ, какъ нѣчто таинственное, былъ вѣрою, — требовала жертвъ отъ сознанія и чувства, и въ этомъ случаѣ жрецомъ и жертвоприносителемъ явился конечно прежде всѣхъ Вѣлинскій.

Ясное дѣло, что принципу примиренія съ дѣйствительностью принесено было въ жертву все тревожное въ литературахъ запада, такъ незадолго еще возбуждавшее восторгъ и поклоненіе. Мѣркой всего стала одна художественность: подъ художественностью же разумѣлась только объективность. Передъ этой мѣркой уцѣлѣли весьма немногіе изъ великихъ писателей запада, а именно: изъ являчавъ — Шекспиръ, да Вальтеръ-Скоттъ, да Куперъ (Байронъ не былъ пониженъ, но о немъ умалчивалось), изъ пѣвцевъ — одинъ Гёте, да Гофманъ. О Шиллерѣ говорилось свысока, какъ о какомъ-то вѣчномъ юношѣ. Французы были разожъ всё похерены во всемірной литературѣ, за исключеніемъ Андрея Шенье: противъ Занды промелькнули даже двѣ-три враждебныя выходки: остальная юная словесность предана конечному поруганію... Собственно, главнымъ идоломъ новаго направленія сталъ Гёте, и изучать его, значило положительно жить *im unendlichen Geiste*.

Но дѣло въ томъ, что ни взглядъ съ высока на Шиллера Вѣлинскаго и другихъ адептовъ гегелизма, не имѣлъ ничего общаго

съ современныи въглядомъ свысока на Шиллера... ну хоть бы газетъ «Вѣкъ»; ни выходы противъ тревожной дѣятельности запада, хотя чуть что не презрительныя, не имѣли ничего общаго съ глумленіемъ наглого скептицизма «Библиотеки для Чтенія» тридцатыхъ годовъ, равно какъ и съ мѣщанскими, хотя и «одѣтыми въ англійскій пиджакъ» выходными «Библиотеки для Чтенія» въ 1856 году, и съ знаменитымъ объявленіемъ «Отечественныхъ Записокъ» сего 1861 года.

Такое же различіе было между этими явленіями, какъ между убѣжденіемъ и манією; какъ между глубокой вѣрою и праздныи баловствомъ мысли...

Мало ли было ошибокъ у Бѣлинскаго — ошибокъ и Литературныхъ и общественныхъ, но положи руку на сердце; можно смѣло сказать, что каждая ошибка его, отъ статьи о «Бородинской годовщинѣ» до статьи о «Парижскихъ тайнахъ», была дороже по значенію и плодотворнѣе по послѣдствіямъ, неизмѣнности многихъ мнѣній и всѣхъ многообразныхъ маній послѣднихъ десяти лѣтъ, вѣтъ ихъ вмѣстѣ. Ни одна изъ ошибокъ его не имѣла источникомъ своимъ того тупого самодовольства, которое такъ долго наприимѣръ не позволяло устарѣлой критикѣ послѣднихъ десяти лѣтъ, признать Островскаго, ни того празднованія мысли, которому въ почеть Ниллеръ и Зандъ — потому что собственно ему все ни почеть.

Бѣлинскій былъ прежде всего доступенъ — даже иногда неумѣренно доступенъ всякому новому проявленію истины. Можно безъ особенной смѣлости предположить, что въ 1856 году, онъ ставъ былъ савьянофиломъ, и несомнѣнно полагать, что еще въ 1851 году, убавлялъ бы онъ на Островскаго, какъ на провозвѣстника новаго литературнаго движенія...

Во все истинное и прекрасное онъ влюблялся страстно и глубоко. Именно «влюблялся» — это настоящее слово для правильнаго опредѣленія отношеній этой могущественной и вмѣстѣ женена-впечатлительной натуры къ истинѣ, добру и изящному... Увлеченный страстью, онъ готовъ былъ тотчасъ же «сжигать корабли за собой»; разрывать всѣ связи съ прошедшимъ, если прошедшее мѣшало настоящему. Вины его — не его вины, а вины самого гегелизма, котораго одной стороны былъ онъ самымъ сильнымъ у насъ толкователемъ — стороны исключительной вѣры въ прогрессъ, въ послѣднюю минуту, какъ изъ самую истинную, въ этого страшнаго, вснежирающаго «Gott im Werden», свергающаго оболочку за оболочкою...

Въ 1834 году, Бѣлинскій вопіетъ на Пушкина за его «Анджелю» и за спокойныя стихотворенія, въ которыхъ самое стихосложеніе

находить онъ соотвѣтствующимъ пинтикамъ архимандрита Аполоса и Остолопова. Въ 1838 году въ «Зеленомъ Наблюдателѣ» у него «духъ занимается отъ восторга» надъ послѣднею дѣятельностью Пушкина...

E sempre bene, господа!

сказалъ бы конечно на это великій поэтъ, если бы былъ живъ. И дѣйствительно: «е sempre bene» могли сказать на это и мы. Въ 1838 году, Бѣлинскій глубже ли, нѣтъ ли, но иначе уразумѣлъ и почувствовалъ Пушкина и передалъ намъ моментъ своего разумѣнія и чувства съ величайшею искренностью...

«Зеленый наблюдатель» былъ кратковременной ареною различныхъ жертвоприношеній «абсолютному духу», «художественной объективности» и проч. Названіе поэта субъективнымъ было тогда названіемъ ругательнымъ. Помнится, чуть ли даже «Уголицо» Н. А. Полеваго не ругали за субъективность и притомъ съ величайшею важностью, когда эту штуку надобно было ругать за мануфактурность — чуть ли переводъ Гамлета не называли «субъективнымъ»... А между тѣмъ, въ тоже самое время, во время самаго нежстоваго служенія объективности, Бѣлинскій прорывался всей своей старой, страстной натурою, разбирая субъективнѣйшую игру Мочалова.

На моментъ примиренія съ дѣйствительностью Бѣлинскій остановиться не могъ. Перейдя въ «Отечественныя Записки», онъ въ 1839 году, въ концѣ, дошелъ смѣло до крайнихъ абсурдовъ примиренія въ статьяхъ, возбудившихъ даже негодованіе во многихъ изъ его друзей и почитателей, и затѣмъ поворотилъ круто не по страху передъ порицавшими, а по глубокому внутреннему убѣжденію, какъ всегда...

Для него зажглись новыя свѣтила: Гоголь, Лермонтовъ, Зандъ. Гоголю сначала поклонялся онъ за объективность же, но потомъ разъяснилъ все его великое отрицательное значеніе въ нашей жизни. Для Лермонтова и Завда нашлось новое слово объясненія: *паевосъ*, и *паевосъ* замѣнилъ *объективность*.

«Паевосъ» подвѣлъ и Шиллера, но увлеченный новымъ міромъ, Бѣлинскій не подвѣлъ многого, что уничтожилъ во имя объективности.

Вся «французская юная словесность» такъ и осталась похеребною... Зандъ, которая и въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою явленіе совершенно особенное — осталась для насъ одна. Всѣ прежнія наши впечатлѣнія мы должны были то — во имя объективности, то во имя паевоса, то наконецъ во имя еще болѣе могучихъ словъ, которыхъ

значенье

Темно иль ничтожно,
 Но ить безъ волненья
 Внимать не возможно...

и въ которыя милый нашъ литературный деспотъ, властительно заставлялъ насъ вѣрить; — всѣ бывалыя впечатлѣнія отъ Гюго, Дюма, Бальзака, Сю и т. д., — мы должны были въ себѣ искоренить, задавить или по крайней мѣрѣ затаять. Иначе и нельзя было. Даже самый смѣлый изъ тогдашнихъ мыслителей, и тотъ на примѣръ, въ письмахъ о «Дилетантизмѣ» помнится, поставилъ Гюго на одну доску съ помѣшаннымъ «докторомъ любви», Захаріей Вернеромъ, словами, что Вернеръ съумасшедшій, который вообразилъ себя повтомъ, а Гюго поэтъ, который вообразилъ себя съумасшедшимъ. Это не мѣшало намъ конечно, втихомолку перечитывать иногда «Notre-Dame» и даже смотрѣть Мочалова или Каратыгина въ роли Клавдія Фролло или Клоде Фролло, какъ значилось бывало въ афишѣ негѣпости, состряпанной извѣстной кухаркой, г-жею Бирхъ Шейферъ изъ высоко-поэтического созданія.

Во всякомъ случаѣ, Зандъ утвердилась въ нашей литературѣ на все время жизни Бѣлинскаго. Къ Гёте онъ сталъ холоднее — но его не развѣчивалъ, хотя уже и появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1845 года, чья-то смѣлая статейка о старчевствѣ второй части Фауста. Шиллеру возвращены были всѣ права на уваженіе. О Байронѣ ужъ и говорить нечего.

Къ числу идоловъ прибавился еще Диккенсъ, въ котораго тоже страстно влюбился нашъ вожатый за его реализмъ и правду, хотя не разъ высказывалъ свое неудовольствіе на братцевъ Чарльсовъ и другія приторныя лица знаменитаго англійскаго романиста. Вообще же, поклоняясь реализму Диккенса и англичанъ, Бѣлинскій никогда не думалъ, что они будутъ для насъ когда-либо исключительными свѣтилами, передъ которыми совершенно поблѣднѣетъ такое свѣтило какъ Зандъ и единственными мѣрками нашихъ нравственныхъ воззрѣній.

Съ Бѣлинскимъ кончаются наши, часто неправильныя, но всегда серьезныя и искреннія отношенія къ великимъ западнымъ писателямъ.

По смерти Бѣлинскаго въ критикѣ нашей, какъ въ этомъ такъ и въ другомъ отношеніи, начинается рядъ маній и праздношатавій мыслей.

Маніи эти могли бы послужить предметомъ любопытныхъ психологическихъ изученій сами по себѣ, но по отношенію къ подятому нами вопросу имѣютъ мало существенной важности. Что на-

примѣръ важнаго, по отношенію къ этому вопросу, что есенельно-блazierованный «ивогородскій подписчикъ» сталъ было находить вкусъ, въ романахъ Анны Радлейѳъ и даже въ романахъ г. Степанова, и изъявлять другія болѣе гастрономическія, чѣмъ литературныя потребности? что «Библіотека для чтенія» въ 1856 г. провически относилась къ Занду и ея поклонникамъ, высказывала не разъ самое уничтожающее равнодушіе къ Генриху Гейне и т. д. м т. д.?

Дѣло въ томъ, что причѣмъ насъ оставилъ въ нашихъ сочувствіяхъ Бѣлинскій, притомъ мы и до сихъ поръ остаемся. Нѣкоторыя только изъ сочувствій его, какъ напримѣръ — сочувствіе къ англійскому роману, довели мы до исключительности и крайности.

Провѣрить же свои впечатлѣнія, постараться возвратить имъ если не полную законность, то по крайней мѣрѣ приличную долю законности, мы не потрудились.

Да и зачѣмъ же? Англійскихъ романовъ, и притомъ замѣчательныхъ, выходитъ немало: для нашихъ журналовъ есть стало-быть всегда хорошій матеріалъ! «что и требовалось доказать», какъ говорится. Изрѣдка можно и Занда пустить — только непременно въ неопрятномъ и невѣжественномъ переводѣ, какъ недавно сдѣлано съ Консуэло... Для разнообразія существуетъ еще мѣщански-сентиментальный соръ Крашевскаго, Корженевскаго и другихъ польскихъ повѣствователей.

Такъ порѣшается вопросъ объ иностранныхъ писателяхъ для журнально-комерческой точки зрѣнія, но едвали такъ можетъ быть онъ рѣшонъ съ точки зрѣнія правды.

III

Отношенія наши къ иностраннымъ знаменитымъ писателямъ должны быть непременно провѣрены.

Мы не говоримъ, что непременно результатомъ этой провѣрки будетъ возстановленіе тѣхъ или другихъ авторитетовъ, тѣмъ менѣе подчиненіе нашего самостоятельнаго взгляда на иностранныхъ знаменитыхъ писателей, взгляду критиковъ ихъ націй. Напротивъ — избави насъ Богъ отъ такихъ результатовъ провѣрки, которые бы лишили насъ самостоятельности, и можно надѣяться, что такихъ результатовъ мы и не примемъ, да и не можемъ принять.

Но дѣло-то въ томъ, что въ нашихъ жертвахъ, которыя мы приносимъ то искреннимъ увлеченіямъ, то капризнымъ маніямъ, и иже-

до не было самостоятельности, равно какъ не было и нѣтъ ихъ въ *квалитетныхъ* отношеніяхъ нашихъ литературныхъ наѣздниковъ.

Начнемъ дѣло *ab ovo*. Начнемъ съ почтеннаго старика, съ французскаго классицизма. Мы сначала приняли его слѣпо и переводили его или скорѣе переписали

... на родной языкъ оснѣж

по выраженію одной эпиграммы, относящейся впрочемъ къ переводамъ Шекспира. Въ нашей *классической* литературѣ, не было ничего серьезнаго, ничего перешедшаго какимъ-нибудь образомъ въ жизнь. Это былъ рядъ «выдуманныхъ сочиненій», до которыхъ жизни не было никакого дѣла, а было дѣло только вѣсколькимъ достопочтеннымъ старцамъ-писателямъ, да тѣмъ господамъ, которымъ

Печатный вслкій листъ быть кажется святымъ.

А между тѣмъ литература наша, относилась весьма долго ко всему этому очень серьезно — и когда Мерзляковъ позволилъ себѣ усумниться въ величій никѣмъ нечитаемого Хераскова, онъ возбудилъ противъ себя волю. Еще болѣе скандала между литературными старцами возбудили критическія оцѣнки старыхъ писателей Полевымъ, хотя онъ часто въ отношеніи ко многимъ авторитетамъ, какъ напримѣръ къ Державину, очень ловко отдѣлывался шумихою фразъ... Когда же Бѣляевскій начиная съ «литературныхъ мечтаний» подвѣялъ безпощадную борьбу противъ нашихъ авторитетовъ, послышалась уже не воля — а нѣчто худшее, юридическіе обвинительные акты въ прозѣ и стихахъ, въ родѣ знаменитой элегіи одного изъ самыхъ злобныхъ литературныхъ старцевъ, вопівающей между прочимъ:

Карамзинъ тобой ужалонъ,
Ломоносовъ не поэтъ...

Страннымъ образомъ, эту защиту фальшивыхъ явленій принимали не одни только литературные старцы, а люди во многихъ отношеніяхъ передовые. Въ разоблаченіи «выдуманныхъ сочиненій», въ строгой повѣркѣ *сдѣланной* нашей литературѣ, немѣвшей ничего общаго ни съ народомъ, ни съ народною жизнью, видѣли оскорбленіе нашего народнаго чувства, люди дѣйствительно и глубоко-преданные народности!

Съ другой стороны злоба наша на французскій классицизмъ во времена Полеваго, была отчасти *подражательная* злоба, злоба заднимъ числомъ, злоба по воспоминанію о Лессингѣ, который боролся и долженъ былъ бороться въ свое время съ ложнымъ классицизмомъ,

какъ съ живымъ явленіемъ, тяготѣвшимъ надъ самостоятельностью германскаго искусства. И борьба Лессинга и негодованіе Шиллера на Гёте за переводъ вольтерова Магомета, негодованіе, вылившееся въ превосходномъ стихотвореніи (хоть Шиллеръ и самъ перевелъ рассинову Федру) совершенно понятны. Понятно также, т. е. объясняется историческими причинами, враждебное отношеніе къ французскому классицизму братьевъ Шлегелей, хоть оно и доходило у нихъ до крайностей, до непониманія напримѣръ гениальнаго таланта Мольера. Но наше озлобленіе какъ чисто *сочиненное*, имѣло въ себѣ вѣчто донкихотское, потомучто мы рѣшительно воевали съ мельницами. Съ первымъ нашимъ гениальнымъ человѣкомъ и народнымъ писателемъ Пушкинымъ, мы совершенно свободны были отъ всего условнаго, разомъ стали въ уровень съ европейскою современностью и разомъ же обрѣли свою самостоятельность. Французскій классицизмъ нисколько не повредилъ Пушкину своимъ вліяніемъ, а скорѣе былъ ему полезенъ своими, такъ сказать, лощеными формами...

Какъ привязанность наша къ французскому классицизму, такъ равно и ожесточенная борьба съ нимъ, были равно *сочиненными* явленіями въ нашемъ умственномъ и нравственномъ развитіи. Классицизмъ попортилъ можетъ быть у насъ два-три второстепенныхъ таланта (напримѣръ Батюшкова), но не только гению Пушкина, а и высокому таланту Жуковскаго не помѣшалъ нисколько въ самостоятельномъ развитіи. Державину помѣшалъ не классицизмъ — а съ одной стороны его невѣжество, съ другой отсутствіе вкуса и мѣры; Фонвизину тоже не классицизмъ воспрепятствовалъ быть комикомъ поэтомъ, а воспрепятствовало отсутствіе идеала и грубость чисто разсудочной природы. Грибоѣдову же напротивъ, даже и тѣ немногія классическія формы, въ которыя записалъ онъ вѣсколько свою вовсе не классическую драму, не помѣшали быть въ ней высокимъ поэтомъ. Стало быть, въ сущности намъ отъ классицизма не было ни тепло, ни холодно. Пусть Ермилъ Костровъ обезобразилъ александрійскимъ стихомъ и напыщенною рѣчью Гомера, истинному поэту Гнѣдичу это не помѣшало почувствовать античное и передать намъ его поэтически-величаво...

Слѣдовательно, о вредномъ вліяніи классицизма на литературу нашу, говорить нельзя. Онъ не отнял у насъ никакихъ силъ, которыя были бы силами дѣйствительными. Явленіе *сочиненное*, онъ могъ имѣть вліяніе на литературу только до тѣхъ поръ, пока она была *сочиненная*. Изъ Сумарокова (какъ трагика и лирика), изъ Княжнина, даже изъ талантливаго человѣка Озерова — не вышло бы ничего большаго даже и тогда, когда бы мы вовсе не были зна-

комы съ французскимъ классицизмомъ. Наньщенность и ходульность, внесенныя его вліяніемъ въ *сочиненную* литературу, въ жизни не переходили, и постоянно осмѣивались литературою живою, сатирическою и комическою, въ сатирахъ и пародіяхъ. «Митюха Валдайскій» былъ живымъ протестомъ русскаго здраваго комизма противъ ходульности Дмитрія Донскаго, циническія пародіи Баркова на тонъ и содержаніе трагедій Сумарокова и Княжнина, читались конечно гораздо болѣе этихъ трагедій и доставляли живымъ людямъ гораздо большее хотя и не совсѣмъ приличное удовольствіе...

Вражда наша къ французскому классицизму была поэтому столь же безосновна, какъ и подчиненіе наше его вліянію, а между тѣмъ установила въ нашей литературѣ нѣсколько ложныхъ къ нему отношеній. Съ Полевымъ мы отрицались отъ Корнеля, Расина и Вольтера, — съ Бѣлинскимъ мы пошли дальше, мы отвергли значеніе Мольера какъ художника. Изъ этого опять таки не слѣдуетъ, чтобы мы не дерзали

..... смѣть
Свое сужденіе имѣть...

чтобы мы должны были ставить Мольера также высоко какъ ставить его сами французы — но что Мольеръ, какъ великій поэтъ своей націи, какъ великій комикъ вообще, стоить до сихъ поръ нашего изученія, это несомнѣнно. Равномѣрно нельзя же предполагать, чтобы поэты, признаваемые цѣлою націею до сихъ поръ великими, какъ напримѣръ Корнель и Расинъ, поэты, на которыхъ воспитывались цѣлыя поколѣнія, не имѣли въ себѣ чисто народныхъ достоинствъ, такихъ свойствъ, которыя и другимъ народамъ могутъ дать какія либо впечатлѣнія, чтобы они не внесли чего либо въ общее достояніе человѣческаго духа... Изъ этого впрочемъ тоже не слѣдуетъ нисколько, чтобы мы опять обязаны были впасть въ насильственныя восхищенія и поклоненія классицизму, какъ чуть-что не порывались впадать нѣкоторые по поводу пріѣзда къ намъ Рашели. Различныя мнѣнія, высказавшіяся у насъ по поводу этого пріѣзда — показали только, насколько мы не установили для себя никакихъ опредѣленныхъ понятій объ изящномъ. Литературные старцы, какіе еще оставались, и свѣтская чернь, которой всегда и вездѣ много, вмѣсто того чтобы говорить о великомъ талантѣ артистки, съумѣвшимъ оживить давно мертвыя формы, опозтизировать вещи явно фальшивыя, начали говорить, какъ о дѣлѣ, о классической драмѣ. Такіе толки вызвали конечно и донкихотскій протестъ нѣкоторыхъ. Не помнимъ кто-то и гдѣ-то поднялъ чуть-что не всю *Hamburgische Dramaturgie* Лессинга, для доказательствъ фаль-

шивости Расинова Британника, Роксаны и т. д. А дѣло, конечно не заслуживало

Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité!..

Съ классицизмомъ (т. е. французскимъ) серьезныя, живыя отношенія наши покончены, да не только наши, но и отношенія самой Франціи, въ особенности по смерти Раинели. Есть что-то слишкомъ видимо заказное и казенное, что-то поэтому самому неприятно дѣйствующее на чувство въ представленіяхъ классическихъ трагедій въ théâtre Français въ Парижѣ. Масса, да и то, сколько мы могли видѣть, немногочисленная, ходитъ въ эти представленія по какой-то рутинѣ. Самыя комедіи Мольера смотрятся съ удовольствіемъ только тогда, когда исполняются исторически вѣрно, съ ихъ пугловскими интермедіями (Malade Imaginaire, Пурсопьякъ и т. д.); кромѣ вышей изъ его комедій le Festin de Pierre, особенно при художественномъ воспроизведеніи Бресаномъ въ лицѣ Донъ-Жуана, типа французскаго гоуэ, который и создавалъ именно Мольеръ. Въ «Тартюфѣ», его вѣчное содержаніе не выкупаютъ уже поблѣднѣвшихъ красокъ.

Французской литературѣ XVII вѣка сестра, и притомъ сестра старшая — литература итальянская XVI вѣка, литература эпохи возрожденія. Наши отношенія къ ней, т. е. къ ея главнымъ представителямъ, Тассу, Аріосту и т. д. совершенно заглохли. О Дантѣ, отцѣ итальянской литературы, говорилось у насъ много, т. е. имя его произносилось часто въ эпоху «Телеграфа» и даже послѣ, но въ переводахъ нашихъ ему крайне не посчастливилось. Можно сказать, что въ литературу нашу перешло изъ Данта только то, чѣго никогда онъ не писалъ, но что вѣетъ его духомъ и передаетъ глубоко поэтическій смыслъ его, т. е. то, что далъ намъ Пушкинъ подъ именемъ подражаній Данту — да развѣ мѣсто о судьбѣ Франческа, хотя невѣрно, но поэтически переданное Козловымъ.

Франческа! я грустилъ твоей тоскою и т. д.

Плохой переводъ г. Фанъ-Дима въ прозѣ и добросовѣстный трудъ г. Мина въ тяжелыхъ стихахъ, равно не нашли и не могли найти себѣ читателей — одинъ по крайней бездѣвности, другой по крайней буквальности... Объ итальянскихъ поэгахъ эпохи *возрожденія* мы сначала составляли себѣ превратнѣйшее понятіе, благодаря нашимъ романтикамъ, заставившимъ насъ, какъ г. Кукольникъ, гордиться чепуху; потомъ отнеслись къ нимъ почти съ тѣмъ же презрѣніемъ, какъ къ французскому классицизму. Тассъ, часто дѣйствительно ложный, искусственный, но мѣстами сладостно-поэтический,

извѣстенъ намъ или въ нечитаемомъ переводѣ съ французскаго Москотильякова, или въ балладной пародіи весьма впрочемъ даровитаго Райча или въ дубовыхъ октавахъ С. П. Шевырева. Аріостъ точно также въ нелѣпномъ прозаическомъ переводѣ восьмисотыхъ годовъ и въ балладной пародіи Райча... Одному Козлову удалось передать поэтичность Тасса въ отрывкѣ о тоскующемъ Танкредѣ, но къ сожалѣнію слѣпной пѣвецъ вообще далъ намъ только нѣсколько отрывковъ. Пушкинъ дѣлалъ тоже опыты перевода Аріоста: отысканы въ его бумагахъ черновые, совершенно неотдѣланные опыты, въ которыхъ Аріостъ видѣе однако, чѣмъ въ самыхъ подстрочныхъ, самыхъ добросовѣстныхъ нѣмецкихъ переводахъ.

Вообще же итальянская литература вовсе какъ-то не привилась къ намъ, не смотря на восклицаніе о Дантѣ въ родѣ того

Что въ морѣ купаться, то Данта читать...

и на прекрасныя статьи Кудрявцова о Дантѣ въ позднѣйшую эпоху, не смотря даже на романтическій бредъ Тасса г. Кукольника... Есть люди, и очень умные люди, которые въ каждомъ читающемъ Данта и восхищающемся имъ, заподозрѣваютъ даже аффектацію чувства... Итальянская литература однимъ словомъ, составляетъ у насъ удовольствіе немногихъ спеціалистовъ, даже въ позднѣйшихъ своихъ представителяхъ. Чтобы полюбить ее и понять, надобно полюбить и понять итальянскую національность — всю, цѣльную, въ ея исторіи, поэзіи, живописи и музыкѣ. Гоголь тщетно зывалъ изъ Италіи на счетъ ознакомленія насъ съ итальянскимъ театромъ, съ Гольдони и т. д., тщетно перевелъ самъ «Дядьку въ хлопотахъ» (*L'ajò nel imbagazzo*).

Сѣтовать объ этомъ конечно нечего, ибо жизнь сама знаетъ что ей слѣдуетъ принять и что отвергнуть. Но не все то что не принимается жизнью, подлежитъ забвенію и тѣмъ менѣе кавалерскимъ выходкамъ...

Обращаясь къ литературѣ французской, именно къ литературѣ XVIII вѣка, нельзя не замѣтить того факта, что самые высшіе ея представители, Вольтеръ и Руссо, потеряли для насъ всякое другое значеніе, кромѣ значенія историческаго. О другихъ и гонорить нечего. Пушкинъ давно созналъ это въ своемъ удивительномъ, рельефно представляющемъ цѣлый вѣкъ, посланіи къ «Вельможѣ». Но историческими изученіями знакомить нашу публику съ этой литературой, имѣвшей такое огромное вліяніе на нашихъ прагѣдовъ, дѣдовъ и даже частью отцовъ, имѣвшей вліяніе на Карамзина и даже на Пушкина, было бы кажется дѣло весьма не бесполезное... Непосредственное вліяніе ея на наше нравственное развитіе конечно ото-

шло вмѣстѣ съ жизнью дѣловъ и прадѣловъ — но какое же нибудь наслѣдство они намъ оставили, и въ наслѣдство это входятъ не малою долею вѣянія XVIII вѣка... Доказательство на лицо въ нѣкоторыхъ типахъ, изображаемыхъ нашею литературою въ послѣднее время, какъ напримѣръ у Тургенева въ «Трехъ портретахъ» и въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»... Типы XVIII вѣка разумѣется приняли у насъ свой особый отпечатокъ, часто дико-татарскій, еще чаще комическій, но вліяніе европейскаго XVIII вѣка на нихъ очевидно — а разъяснить это вліяніе иначе нельзя, какъ историческимъ изученіемъ литературы этого вѣка... Самый Грибоѣдовъ, одинъ изъ великихъ нашихъ народныхъ писателей, безъ XVIII вѣка не будетъ совершенно понятенъ. Безъ XVIII вѣка не совершенно понятенъ будетъ и Лермонтовъ, по крайней мѣрѣ непонятны будутъ источники его скептицизма и разочарованія... Ибо надобно же было чѣмъ-нибудь дойти, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ насъ, до лермонтовской «Думы». — Дума сама указываетъ на дѣло

И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ...

XVIII вѣкъ и у насъ, по крайней мѣрѣ въ немногихъ натурахъ, дошелъ до того пресыщенія и утомленія, что по слову Пушкина

Звукъ новой чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона едва развлечъ насъ могъ!

Можно бы прибавить только, что самая лира Байрона, единственная, способная расшевелить поколѣніе, пережившее послѣднюю четверть XVIII вѣка и положить роковую печать на поколѣніе только что начинавшее жить, совершенно непонятна исторически безъ XVIII вѣка.

Лира Байрона!.. Да, насъ, дѣтей XIX вѣка, она можно сказать повѣла. Что ни говорите противъ однообразнаго тона этой лиры — дѣйствіе, ею произведенное на міръ, было гораздо сильнѣе многихъ разнообразнѣе звучавшихъ лиръ, между-прочимъ лиры великаго Веймарскаго старца. О демонизмѣ этой лиры кажется пора уже перестать толковать. Лира, какъ всякая лира, была не виновата въ тѣхъ звукахъ, которыя изъ нея извлекало вѣяніе всемірнаго духа...

Отношеніе литературы нашей къ Байрону было въ полномъ смыслѣ заразою и повѣтріемъ. Въ настоящую же минуту оно до того охладѣло, что на дняхъ еще одинъ изъ бардовъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», чуть что не глумился надъ его «Сардананаломъ», казняя по этому поводу эговзмъ (*).

(*) Уймуть ли, наконецъ, «Отечественныя Записки» свою газету?

Эгонизмъ казнить очень легко, но порѣшить дѣло съ той обаятельной поэзіей, которая заключается и вѣроятно долго будетъ заключаться въ Байронѣ для человѣчества, казнить то тревожно-лихорадочное, страстно-мрачное чувство, которымъ эта поэзія проникнута, — дѣло очень трудное и даже невозможное. Въ Байронѣ — есть вѣчное, чего онъ явился полнѣйшимъ выразителемъ. Зачѣмъ его пытаться сравнивать съ Гомеромъ, какъ дѣлаетъ упомянутый нами бардъ, и требовать отъ него спокойной объективности Гомера и повторять давно извѣстную истину, что къ Гомеру приближается одинъ Шекспиръ. Гомеръ — Гомеромъ, Шекспиръ — Шекспиромъ, но и Байронъ и Шиллеръ и Мицкевичъ и Пушкинъ не такія же ли неотъемлемыя сокровища человѣческаго духа?..

Къ Байрону мы бы впрочемъ и безъ упомянутого нами барда давно охладѣли, если бы, какъ замѣтили мы уже прежде, намъ не утвердили прежніе учителя о томъ, что онъ — представитель протеста и если бы съ нами не сроднилъ его Пушкинъ...

Рука объ руку съ мрачнымъ и лихорадочнымъ скептицизмомъ Байрона, шло въ первой четверти XIX вѣка направленіе, представлявшее, другую сторону романтизма — сторону *реакціонную*, направленіе, котораго представителями были Шатобрианъ во Франціи, Гёррессъ и братья Шлегели въ Германіи, Вальтеръ-Скоттъ въ Англии. Высокое значеніе этого направленія, помимо странностей, въ которыхъ впадало оно съ Гёрресомъ и Шлегелями — странностями, которыхъ литературнымъ результатомъ былъ Захарія Вернеръ; помимо пошлости вальтерскоттовскаго міросозерцанія, заключалось въ восстановленіи духовной связи съ прошедшимъ, любви къ прошедшему, противодѣйствіе узкой разсудочности и математическому уровню временъ имперіи. У Ламартина есть статья «Destinées de la poésie», въ которой вѣрно и поразительно схвачены непривлекательныя черты математическаго уровня.

Къ этой эпохѣ, благодаря увлеченіямъ Бѣлинскаго, принято у насъ за правило относиться или насмѣшливо или равнодушно, въ особенности же къ Шатобриану и къ Шлегелямъ; что едва ли справедливо. Смѣясь, съ легкой руки Гейне, надъ братьями Шлегелями и ихъ стремленіями, надъ сумасшедшими драмами Вернера и дѣйствительно пошлою дѣятельностью Гримальцерровъ, Раупаховъ, Мюльнеровъ, мы забываемъ, что это направленіе дало міру великаго поэта Гофманна, къ которому мы вдругъ почему-то охладѣли.

Но Гофманнъ — такое явленіе, которое можетъ и должно быть принято или отвергнуто цѣликомъ... А сколько такихъ явленій этой эпохи и этого направленія, которыхъ цѣликомъ принять нельзя, но нельзя же цѣликомъ и отвергнуть. Хоть бы напримѣръ Шато-

бріанъ — романтикъ по преимуществу, романтикъ до того, что онъ даже въ древнихъ, даже въ Одиссеѣ, не говоря ужъ въ *Виргиліи*, ищетъ романтическаго; Шатобріанъ, не смотря на классическіе свои предразсудки и влѣдствіе ихъ — промахи, одинъ изъ глубокихъ и тонкихъ критиковъ во всемъ томъ что ему доступно; Шабріанъ съ его особымъ и во всякомъ случаѣ любопытнымъ взглядомъ на исторію; Шатобріанъ наконецъ какъ поэтъ—создатель замѣчательнаго типа, типа Рене — какъ поэтъ, прорывающійся, въ напыщенныхъ даже формахъ, такими удивительными эпизодами, какъ эпизодъ Велледы въ «*les Martyrs*»... А Бенжаменъ Констанъ и г-жа Сталь?.. Все это какъ-будто кануло для насъ въ вѣчность — съ сороковыхъ годовъ... А самый Ламартинъ наконецъ, къ которому журналы наши *обыкли* относиться чуть ли не съ презрѣніемъ, со времени отреченія Бѣлинскаго отъ французской словесности вообще, и котораго его нація, не смотря на его неудачную политическую дѣятельность, продолжаетъ считать однимъ изъ великихъ поэтовъ своихъ? Мы не думаемъ конечно считать его, какъ эта нація — однимъ изъ великихъ поэтовъ, но желали бы вызвать нашу критику на зрѣлое обсужденіе его, вмѣстѣ съ другими дѣятелями эпохи реставраціи...

Настала эпоха юной французской словесности, съ ея блестящими представителями: Викторомъ Гюго, молодымъ еще тогда Александромъ Дюма, Бальзакомъ, Сю, Сулье, Жанендомъ, Мюссе, Мервие, Нодье и т. д. Что это было волканическое изверженіе дѣйствительныхъ, болѣе или менѣе яркихъ талантовъ, болѣе или менѣе могучихъ силъ, пора кажется въ этомъ убѣдиться. Каждая изъ этихъ силъ бросила міру немало впечатлѣній, а нѣкоторыя, какъ Гюго и Бальзакъ — очень много. Нѣтъ ни одного таланта изъ поименованныхъ, который бы не оставилъ по себѣ на память хоть одной замѣчательной книги... Книги эти не только производили, но до сихъ поръ способны производить сильнѣйшее впечатлѣніе. Не говоримъ о Гюго, о его колоссальномъ романѣ (до сихъ поръ еще не переведенномъ по-русски), о его чисто-гениальныхъ взглядахъ на искусство, о его драмахъ и стихахъ. Не говоримъ о Бальзакѣ, въ первоначальномъ поклоненіи которому Бѣлинскій былъ гораздо правѣе, чѣмъ въ послѣдующемъ отреченіи отъ него (*). Согласитесь, что

(*) Съ Бальзакомъ въ нашей критикѣ вышла престранная исторія. Изъ всѣхъ современныхъ ему писателей Франціи, онъ болѣе всѣхъ подходилъ подъ мѣрку нашей критики сороковыхъ годовъ. Помимо отрицанія, котораго у него почти не было, тогдашняя натуральная школа должна бы была благоговѣть передъ нимъ. Реальнѣе его, можетъ быть, и не было писателя во Франціи. А по *дѣламъ*, чѣмъ мы особенно тогда дорожили да и теперь дорожимъ, онъ стоялъ

отрекаясь отъ этихъ славъ Франціи, мы только на слово повѣрили Бѣлинскому, а Бѣлинскій, какъ разъясняли мы, принесъ ихъ въ жертву «объективности и художественности», и потомъ, увлекшись исключительно протестомъ Занда, забылъ или не успѣлъ оправдать ихъ во имя «паеоса», а мы до сихъ поръ такъ и стоимъ на той точкѣ, на которой онъ насъ оставилъ... А то что писалъ Александръ Дюма рѣче въ его молодости, его первыя горячечныя драмы, первые романы и повѣсти. Смѣясь надъ маркизомъ де ла Пальетри, презиралъ его, хотя и переводя съ азартомъ его послѣдующія сказки — Монте-Кристо и т. п., мы все-таки не составили себѣ о немъ никакого опредѣленнаго понятія... А оригинально-наивный и капризный талантъ Подье, у насъ какъ-то вовсе неизвѣстный, а «Записки дьявола» Сулье, — этотъ любопытный памятникъ страшнаго, хоть и односторонняго анализа, а «la vigie de Koat-ven», а нѣкоторые эпизоды изъ «Martin, l'enfant trouvé,» какъ напр. «Limousin et son chien,» или даже изъ «Mystères de Paris» — Евгенія Сю? — а «l'âne mort» Жанена, эта отвратительно-дѣйствующая на чувство, но замѣчательнѣйшая книга... Все это было порожденіе направленія лихорадочно-страстнаго, но серьезнаго, глубоко запускаящаго скальпель въ бездны человѣческой души, — и ко всему этому мы отнеслись съ такого рода равнодушіемъ, сначала конечно горячо увлекшись, которое можетъ быть объяснено только нашей несерьезностью вообще.

Но вѣдь были же у насъ люди, которые смотрѣли на совершавшіяся передъ ними вулканическія изверженія силъ — глубокимъ и достойнымъ мыслителей взглядомъ. Мы упоминали о статьѣ покойнаго Надеждина. Уровень ея такъ высокъ сравнительно съ теперешнимъ уровнемъ нашимъ, что иногда не вѣришь въ нашъ прогрессъ, по крайнѣй мѣрѣ въ этомъ отношеніи.

Мы не думаемъ возстановлять того, что упало. Мы только различили сомнѣніе въ томъ: упало ли дѣйствительно то, что нашей критикѣ кажется упавшимъ. Мы хотѣли только указаніемъ на нѣсколько фактовъ — возбудить вопросъ о пересмотрѣ пути, пройденнаго нами въ нашихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ литературамъ, и вмѣстѣ, не станемъ скрывать этого, хотѣли заявить протестъ нашъ противъ тѣхъ *кавалерскихъ* выходовъ, которыя и доселѣ еще у насъ возможны подъ вліяніемъ различныхъ маній...

совершенно удивленно въ своей литературѣ. Припомните Père Goriot, Eugénie Grandet, Les parents pauvres и другія его высокія произведенія.

ЯВЛЕНІЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОПУЩЕННЫЯ НАШЕЙ КРИТИКОЙ

Рѣшаясь открыть въ журналѣ нашемъ особый, хотя конечно не непремѣнный отдѣлъ оцѣнки литературныхъ явленій, или вовсе пропущенныхъ, или мало оцѣненныхъ современною критикою, мы не имѣемъ кажется нужды заявлять, что при всей нашей вѣрѣ въ искусство, при всѣхъ требованіяхъ отъ литературныхъ произведеній художественности, мы нисколько не противъ современности стремленій искусства и литературы. Мы высказались (*) на счетъ этого вопроса съ подробностью и ясностью, достаточными кажется для того, чтобы не быть заподозрѣнными въ какой-либо враждѣ противъ современности, въ желаніи противоборствовать обличительному и вообще дидактическому роду литературы, въ намѣреніяхъ возвышать какія-либо произведенія, въ которыхъ преобладаетъ форма, передъ другими, въ которыхъ преобладаетъ мысль.

Не въ укоръ также и современной критикѣ — открываемъ мы этотъ отдѣлъ. Право критики интересоваться въ особенности произведеніями, въ которыхъ при извѣстной красотѣ формы, завачены и животрепещіе вопросы времени, мы признаемъ безспорнымъ. Признаемъ также и временную законность увлеченій критики произведеніями, въ которыхъ рѣзкая постановка какой-либо общественной или нравственной мысли, хотя бы и въ весьма недостаточныхъ или ошибочныхъ формахъ, подаетъ поводъ къ возбужденію или разъясненію тѣхъ или другихъ насущныхъ вопросовъ жизни, но съ тѣмъ конечно ограниченіемъ, что критику, увлекающуюся такими явленіями, относимъ уже не къ литературѣ, а къ по-

(*) Г. — бовъ и вопросъ объ искусствѣ. Время, № 2.

литикѣ, политической экономіи или эфикѣ. Къ этимъ же областямъ собственно относятся и произведенія безъ художественной формы. Въ бывалыя времена, всякій умный, многомыслившій и многожившій человекъ, передавалъ свои душевные или жизненные опыты въ формахъ различныхъ *maximes, caractères, memoires*; излагалъ вопросы, возбужденные въ немъ окружающею жизнью, рѣшенные или нерѣшенные въ формѣ *discours, traité* и т. д. И въ бывалыя времена все это читалось. Въ наше время общественные ли вопросы, нравственные ли задачи, душевные ли опыты — стремятся воплотиться въ общедоступныя и общезанимательныя формы повѣсти, романа и т. д. Этимъ объясняется обиліе въ наше время весьма умныхъ произведеній въ этой формѣ, не имѣющихъ ничего общаго съ искусствомъ, а между-тѣмъ сильно заинтересовывающихъ литературную критику. Увлеченіе критики вопросами, которые подвигаются такими произведеніями, заставляетъ ее часто пропускать безъ вниманія другія, въ которыхъ вопросы поставлены менѣе рѣзко и менѣе очевидно...

Отъ этого происходитъ то, что нерѣдко помимо критики, ибо не одна же критика руководитъ читающую массу, вырастаютъ литературныя имена и извѣстности; читаются, да еще какъ читаются произведенія, о которыхъ критика, если не совсѣмъ молчала, то не сказала ни одного дѣльнаго и руководящаго слова.

Хотите примѣровъ?..

Развѣ не безъ малѣйшаго участія критики выросли въ теченіе пятнадцати лѣтъ имена такихъ въ высокой степени даровитыхъ поэтовъ, какъ напримѣръ имена Полонскаго и Мея... Что эти имена общезвѣстны и справедливо общезвѣстны, что читающая масса (мы ужасно не любимъ звать ее публикой) знаетъ имъ цѣну — это фактъ. Что критика объ одномъ изъ нихъ (о Полонскомъ) не говорила вовсе ничего — кромѣ вѣсколькихъ казенно-пышныхъ строкъ въ разборахъ книжекъ журналовъ, въ которыхъ печатались его стихотворенія, не опредѣлила ни отличительныхъ свойствъ его таланта, ни значенія этого таланта — это фактъ. Начиная съ первой, да и то крайне жолчной и несправедливой статейки въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1845 года, статейки неизвѣстно почему признававшей въ *Гаммахъ* нашего поэта преобладаніе таланта передъ умомъ и даже на счетъ ума, — вы ничего не найдете о Полонскомъ, кромѣ общихъ хвалебныхъ фразъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Что касается до Мея, то объ немъ и явилась пожалуй статья, разбору его въ особенности посвященная; но лучше бы она и не являлась. Незвѣстный рецензентъ «Русскаго Слова» 1859 года, вдругъ принялся разсматривать Мея какъ поэта субъективнаго и, написавши много стра-

ницъ въ доказательство того, что въ стихотвореніяхъ Мея не удивить никакой личности, одну страничку посвятилъ легкому упоминанію о языкѣ Мея и о его объективности въ поэтическомъ произведеніи нашего сказочнаго міра, народнаго быта и т. д. Мудрено ли послѣ этого, что російская академія заказала статью о *Исковитянкъ* и что статья не поспѣла къ сроку премій?.. Талантъ Мея выросъ помимо опредѣленной критики, приобрѣлъ значеніе и извѣстность — даже болѣе чѣмъ извѣстность — популярность и весьма значительную, помимо критики...

Вотъ на первый разъ два имени литературныхъ, несомнѣнно значительныхъ, въ которыхъ критика нисколько не виновата. О Майковѣ съ разу написалъ Бѣлинскій, и какъ всегда такъ крѣпко благословилъ тогда еще новое, яркое дарованіе, что съ его легкой руки оно опредѣлилось и узаконилось въ литературѣ. О Фетѣ, благословенномъ тоже Бѣлинскимъ, писали большія статьи и покойный Кудрявцевъ и А. Григорьевъ и г. Боткинъ; — Фета наконецъ непристойно бранятъ въ послѣднее время и подвижники улититарныхъ теорій и мелкіе фельетонисты и пародируютъ его разные поэты. Но ничего, рѣшительно ничего не говорила критика о Полонскомъ и Меѣ! точно ей никакого дѣла до нихъ не было, хотя ни тотъ ни другой не ниже ни Майкова, ни Фета, ни Огарева; хотя тотъ и другой имѣютъ за себя довольно долгую дѣятельность и хотя эта дѣятельность у того и у другого совершенно оригинальна, совершенно не похожа на чью-либо другую дѣятельность...

Оставимъ пока въ сторонѣ Мея, ибо намъ придется еще говорить скоро и говорить можетъ быть не мало и о немъ и о его талантѣ по поводу «Исковитянки», принадлежащей къ числу незамѣченныхъ нашей критикой произведеній. Постараемся выискнуть въ причины молчанія критики о Полонскомъ, молчанія чрезвычайно страшнаго, потомучто всѣ интересующіеся русской литературой читатели, и знаютъ и любятъ и высоко цѣнятъ звуки этой задумчиво-глубокой, симпатичной и вмѣстѣ скромной, своеобразной въ высшей степени лиры.

Причины...

Причины очень понятны и глубокомысленно отыскивать ихъ нечего. Въ 1845 году, когда развелось большое количество поэтовъ

Про гордое свое страданье
Вывающихъ къ вѣкамъ, —

поэтовъ, изъ которыхъ каждый думалъ продолжать дѣло рано угасшаго Лермонтова, нисколько не думая о томъ, что Лермонтовъ можетъ быть вовсе бы не такъ продолжалъ свое дѣло какъ

начать; въ это напряженное и отрицательное время, Полонскій явился съ своими совершенно-искренними, наивными, мечтательными Гаммами — и рассказывалъ въ нихъ вовсе не про гордыя страданья, не посылалъ никакихъ проклятій. И сколько прелестныхъ, милыхъ вещей было въ этихъ гаммахъ, вещей, которыя только сначала прошли какъ-будто незамѣтными («Статуя, Ночка въ колыбель младенца» и проч. и проч.), а потомъ тихо пріобрѣли себѣ право гражданства. Затѣмъ Полонскій появлялся изрѣдка въ журналахъ, напечаталъ на Кавказѣ тоненькую книжку «Сазандаръ», изъ которой три четверти надобно было бы выкинуть, но въ которой за то четверть была чистое золото; напечаталъ весьма дикую драму о Дареджанѣ, съ удивительными поэтическими проблесками — и отъ 1852 до 1857 года опять изрѣдка бросалъ въ журналы стихотворенія: то превосходныя, то посредственныя. Вышла наконецъ книжка его стихотвореній, небольшая, но изъ которой все таки половину надобно было бы выкинуть. Книжка распространила въ читающей массѣ прелестныя и глубокія въ своей наивности произведенія, а критика пребывала относительно ихъ въ молчаніи. Въ 1859 году появилась еще маленькая книжечка его стихотвореній, и въ мартовской книжкѣ «Русскаго Слова», его шутка-поэма «Кузнечикъ». Вспомните, что въ это время выходилъ «Обломовъ», притушившій перья нашей критики. Когда ей было заниматься «шуткой» наивнаго поэта?.. Что ей было за глѣзо, что образы этой глубокой, поэтической шутки, стояли тверже на своихъ крохотныхъ лапкахъ, чѣмъ Обломовъ и Штольцъ на своихъ ногахъ?..

Не подумайте пожалуйста, что мы говоря о Полонскомъ, думали сколько-нибудь о разборѣ его произведеній. Разобрать Полонскаго, отъ его своеобразныхъ фантазій, въ родѣ фантастическаго сна, раскидывающагося передъ воображеніемъ въ туманную ночь, которая мутно глядитъ подъ рогожку кибитки; отъ его мечтаній, уловляющихъ то, что ускользаетъ повидимому отъ опредѣленія — тѣни ночи, которыя «пришли и встали»... создали міръ видѣній и потомъ «покачнулись», — до его тихо-страстнаго упоенія комичной красотой; отъ его дерзостей въ родѣ воспоминаній о тѣхъ дняхъ «какъ онъ былъ соловьемъ»... до цѣлаго, полнаго жизни, радужнаго, сверкающаго свѣтляками, фантастически-узорчатаго міра его «Кузнечика», — также точно не легко, какъ разбирать міросовершаніе Тютчева, облеченное въ причудливыя или колоссальныя формы, также не легко, какъ вообще не легко разбирать всякаго истиннаго, своеобразнаго поэта, принадлежащаго къ разряду такъ называемыхъ *второстепенныхъ*. О геніяхъ, о людяхъ какъ

Пушкинъ, или о великихъ талантахъ создавшихъ эпохи какъ Гоголь, говорить или очень легко, если есть охота повторять то, что говорено уже многими, или очень трудно, если хочешь сказать что-нибудь свое... Но объ этихъ *второстепенныхъ* талантахъ, будь это Тютчевъ, Полонскій, Фетъ — даже *фунимо-однообразный*, на одной струнѣ играющій Огаревъ, рѣшительно ничего не скажешь, если не войдешь самъ въ ихъ особенный, прихотливо-своеобразный міръ и не введешь въ этотъ міръ читателя.

Мы хотѣли только указать точнѣе на Полонскаго, какъ на несомнѣнный фактъ нашей литературы, утвердившійся помимо критики; какъ на блестящее имя — созданное силой одного таланта и силой сочувствія читающей массы.

А мало ли именъ, кромѣ Полонскаго и Мея, приведенныхъ нами, читающая масса знаетъ, помимо критики — именъ не столь яркихъ, но весьма почтенныхъ.

Есть напримѣръ талантъ, котораго произведенія появлялись въ «Библіотекѣ для Чтенія» и въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и вездѣ конечно приняты будутъ съ почетомъ, но о которомъ не сказано тоже опредѣляющихъ словъ критикою. Мы говоримъ объ авторѣ «Одарки Квочки» (Москвитянинъ 1849 г.), «Квартета» (Библіотека для чтенія 1852 г.), «Лакея съеда» (тамъ же 1858 г.), «Записокъ мелкотравчатаго» (Библіотека для чтенія и Русское слово 1859 г.), «Прифона» (Отечественныя Записки 1859), «Амазонки» (Русскій Вѣстникъ 1860 г.) Талантливость этого писателя признана была съ появленія его Одарки Квочки; но ни одно изъ послѣдующихъ его произведеній, съ ихъ оригинальными достоинствами и оригинальными же недостатками, не вызвало со стороны нашей критики никакой оцѣнки; когда даже въ тѣхъ вѣтвяхъ, которыя представляютъ хаотическую смѣсь таланта съ замѣчательнымъ безвкусіемъ и наивнѣйшею безтактностью, какъ въ «Запискахъ мелкотравчатаго», «Амазонкѣ», талантъ увлекаетъ вась и крѣпкою постановкою типовъ, и удивительными картинами природы, и кипучею жизнью?..

И вотъ опять помимо критики, растетъ литературное имя въ читающей массѣ. И большому, но странному таланту, критика не указываетъ на его недостатки. И талантъ, по всей вѣроятности, такъ и застарѣетъ въ своихъ недостаткахъ.

А мало ли наконецъ произведеній — еще безыменныхъ или такихъ, съ которыми имена авторовъ еще не соединяются необходимо въ памяти читателей, но между-тѣмъ замѣчательныхъ гораздо болѣе, чѣмъ многія произведенія съ именами, отъ нихъ не отдѣлимыми... Богъ знаетъ что еще будетъ съ ихъ авторами. Вывали

же и могутъ быть авторы одной книги, одного произведенія. Произведеніе можетъ быть въ высокой степени художественнымъ, а имя автора можетъ ничего не выйти: Производить въ гонимъ и даже въ таланты за одно произведеніе (если оно не «Вечера на хуторѣ»; не «Горе отъ ума», не «Свои люди сочтемся»), конечно смѣшно и даже вредно, но вправдѣ ли критика молчать о талантливыхъ произведеніяхъ потому только, что они принадлежатъ неизвѣстнымъ или начинающимъ авторамъ?.. Должна ли она выжидать отъ нихъ другихъ произведеній? И начиная съ котораго — съ третьяго, четвертаго или десятаго, что ли, можетъ она говорить объ авторѣ?.. Въдѣ пока она будетъ выжидать, опять пожалуй помню ея вѣдома выростеть литературное ния... Да если и не выростеть, то все таки вправдѣ ли она пропустить произведеніе сколько-нибудь замѣчательное, чье бы оно ни было?

Вотъ почему мы рѣшились смѣло заявлять свое сочувствіе ко всему, что покажется намъ по крайнему разумнію — литературно-замѣчательнымъ въ настоящемъ и будущемъ, и очищать тоже по крайнему разумнію — всѣ недомыслия въ прошедшемъ, хоть бы даже за пять или болѣе лѣтъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

На первый разъ мы выбрали предметомъ для бесѣды нашей съ читателями небольшой рассказъ «Лѣсъ», напечатанный въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» прошлаго года и подписанный буквами: Н. Д. Рассказъ этотъ очень коротенькій, не болѣе 48 страницъ, принадлежащій явнымъ образомъ писателю начинающему, или по крайней мѣрѣ еще очень молодому, носитъ на себѣ такіе признаки самобытнаго и въ высокой степени симпатическаго таланта, что по истинѣ изумляешься тому равнодушію, съ которымъ пропустила его критика... Правда, что рассказъ не имѣетъ никакой заюзы, не носитъ на себѣ обличительнаго характера, но съ другой стороны взглядъ автора на жизнь и отношеніе его къ изобрѣтаемымъ имъ типамъ, вполне правильный, вполне современный, нисколько не расходящійся съ общимъ направлениемъ нашей эпохи... Въ рассказѣ г. Н. Д. поражаетъ преимущественно читателя то, чего именно почти не найдешь въ современныхъ рассказахъ даже даровитыхъ писателей, то что находишь у одного Тургенева, за что Тургеневу прощаешь всѣ его недостатки и что между тѣмъ у г. Н. Д. нисколько не похоже на тургеневское — поэзію... Поэзію въ томъ смѣслѣ, въ какомъ мы привыкли уже и условились почти всѣ признавать ее въ Тургеневѣ. Мы противобо-

лагаемъ и въ некоторомъ образѣ ее реализму, господствующему на примѣръ въ произведеніяхъ одного изъ блестящихъ нашихъ писателей, Писемскаго, нисколько не отвергая въ его реализмъ своего рода поэтическихъ элементовъ; противопоставляемъ ее и сухому практическому воззрѣнію другого изъ нашихъ критиковъ, автора «Обыкновенной исторіи» и «Обломова», хотя собственно въ талантѣ его и въ отношеніяхъ этого таланта къ природѣ и къ душѣ человеческой, видимъ множество блестящихъ и поэтическихъ свойствъ... Поэзію однимъ словомъ и въ манерѣ изобрѣтенія дѣйствительности и въ міросозерданіи.

Поэзія въ манерѣ изобрѣтенія дѣйствительности заключается разумѣется не во лжи на дѣйствительность — иначе, такая поэзія будетъ похожа на то, что французы до сихъ поръ называютъ *faute de la poésie*.

Поэзія міросозерзанія заключается тоже не въ ходульности и напряженности взгляда на жизнь.

Въ чемъ *не заключается* поэзія опредѣлить легко. Но въ чемъ дѣйствительно она заключается въ противоположность чистому реализму манеры или чистой практичности міросозерзанія — это опредѣлить можно или философскими абстракціями или примѣрами.

Последній путь удобнѣе, по крайней мѣрѣ для читателей.

Представьте себѣ провинствіе весьма несложное, воть какого рода. Въ захолустьѣ около темнаго лѣса, про который ходятъ разные суевѣрные слухи и преданія, живетъ въ усадьбѣ помѣщикъ стараго покроя, изъ забубенныхъ и при томъ изъ медвѣдей самыхъ отсталыхъ, хоть медвѣдей и добрыхъ. У помѣщика живетъ между прочей дворней хорошенькая дѣвочка лѣтъ семнадцать, которая одна только не боится стараго лѣса, выкликающаго по ночамъ «голосами разными» — одна ходитъ ночью въ этотъ лѣсъ даже тогда, когда лѣшій въ немъ неистовствуетъ. Въ захолустьѣ забѣгаетъ путникъ, юноша и студентъ; разумѣется волочится за хорошенькой дѣвочкой: она что говорится ни да ни нѣтъ, и дразнитъ его и бѣгаетъ отъ него. Юноша знакомится съ другимъ помѣщикомъ-сосѣдомъ, тоже молодымъ человѣкомъ, только по старше его, тоже образованнымъ, но воспитавшимся не на книгахъ, а въ лѣсахъ и въ поляхъ. Оказывается разумѣется что къ этому-то помѣщику и бѣгаетъ хорошенькая Саша, что она знаетъ тайны лѣса, раскаты его эха и не боится ихъ.

Представьте такой немногосложный предметъ въ рукахъ рисовальщика какъ г. Писемскій. Зная манеру этого писателя, не трудно угадать цвѣта и краски, свѣта и тѣни, которые бы онъ положилъ на такой рисунокъ. Чудачище-помѣщикъ вышелъ бы у

него нѣчто въ родѣ Задоръ Мановскаго, только повеселѣе, съ бу-
колическими наклонностями, или наоборотъ нѣчто въ родѣ Раж-
нова («Бракъ по страсти»), окруженнаго его синьорами. Дѣвочка
была бы нецеремонно выставлена его любовницей авторомъ и при
томъ выставлена такъ безъ особенной злобы и горечи. Помѣщикъ,
къ которому она бѣгаетъ по ночамъ, равно какъ и рассказчикъ, за-
ѣзжій юноша путникъ — можетъ быть совсѣмъ ступшевались бы въ
половомъ отношеніи къ хорошенькой дѣвочкѣ. Главный герой раз-
сказа — «лѣсъ», былъ бы настоящій, коренастый, могучій лѣсъ;
отъ него бы вѣяло лѣсною жизнью, но совершенно реальною, ни
сколько не таинственною. Что жизнью бы, и при томъ полную
жизнь вѣяло отъ этого лѣса, въ этомъ нечего сомнѣваться. Чита-
тели помнятъ вѣроятно, что ладономъ пахнетъ у Писемскаго отъ
изображенія стараго монастыря въ «Тысячѣ душахъ», что жизнь ма-
ленькаго города проведетъ онъ передъ ними отъ утра до вечера —
не то что ярко, даже осязаемо. Но дѣло въ томъ, что суевѣрное
обаяніе лѣса, вошло бы въ рассказъ какъ комическій элементъ — да
еще въ томъ, что героиня лѣса была бы не лицо, а полъ, что заѣз-
жій путникъ, волочился бы за нею также реально, какъ реально во-
лочится Калиновичъ за Амальхентъ и что на счетъ обаятельности ге-
роини, мы должны были бы на слово повѣрить г. Писемскому, ко-
торый вообще не мастеръ рисовать граціозные женскіе образы.

Представьте тотъ же самый предметъ въ рукахъ Тургенева.
Поэтическимъ, но сумрачнымъ свѣтомъ облилъ бы авторъ: «Бѣ-
жина Луга», «Лѣса и степи» «Чертоуханова и Недолюскина» фонъ
картины. Лѣсъ, съ его фантастически-зловѣщимъ обаяніемъ, да-
вилъ бы васъ тоскливо-тревожнымъ впечатлѣніемъ. Медвѣдь-по-
мѣщикъ вышелъ бы положимъ хотъ Чертоухановымъ, — героиня
врѣзалась бы въ ваше воображеніе своей граціозной, но исключи-
тельной и фантастической натурою. Грустью и болѣзненнымъ юмо-
ромъ повѣяло бы на васъ отъ рассказа, тѣмъ самымъ впечатлѣ-
ніемъ, какимъ вѣетъ отъ «Бѣжина Луга»...

Въ противоположность реально-комическому впечатлѣнію, вы-
веселенному вами изъ рассказа Писемскаго, вы бы назвали ваше впе-
чатлѣніе отъ тургеневскаго рассказа поэтическимъ, за недостат-
комъ можетъ быть другого слова для опредѣленія вашихъ отноше-
ній къ двумъ манерамъ.

Поэзія не можетъ быть противоположна правдѣ, и потому въ
реализмъ и комизмъ она тоже присутствуетъ. Но реализмъ и ко-
мизмъ — не одна только манера изобрѣтенія правды. Въ тургенев-
ской манерѣ относиться къ данному предмету было бы вѣдь не
меньше правды, чѣмъ въ манерѣ Писемскаго. Его сумеречнымъ,

фантастическимъ свѣтомъ облитый Лѣсъ былъ бы возможенъ столько же, сколько и здоровенный, коренастый, могучій Лѣсъ Писемскаго; его фантастическая, капризно-граціозная героиня — личность была бы только труднѣе для созданія, но столь же возможна какъ и героиня — поль Писемскаго. На чисто чувственную сторону отношеній, онъ набросилъ бы довольно густой полумракъ, тревожно шевелящій воображеніе и былъ бы можетъ быть правѣе Писемскаго, который бы рассказалъ дѣло просто. За прямое изображеніе этой стороны, чтобы оно было поэтично — можно братья только съ силами Островскаго («Воспитанница»). Что г. Н. Д. — авторъ разсказа «Лѣсъ», взялся за такое прямое изображеніе и выполнилъ его болѣе чѣмъ удачно, это не показываетъ конечно, чтобы у него на все другое были такія силы, какъ у Островскаго — но во всякомъ случаѣ говоритъ много въ пользу его таланта.

Пора однако обратиться къ самому разсказу. Остовъ его мы передали читателямъ — но что же такое остовъ? Человѣкъ безъ таланта ничего бы не сдѣлалъ изъ такого остова, т. е. изъ того, что у чудака-помѣщика живетъ хорошенькая дѣвочка и бѣгаетъ по ночамъ къ другому помѣщику...

Дѣло тутъ въ особомъ мірѣ — въ странномъ захолустѣ, полномъ тайнъ природы и яркихъ типовъ — въ мірѣ, котораго поэзія увлекла повѣствователя.

Міръ захолустья, заброшенный за страшнымъ и полнымъ таинствомъ лѣсомъ, одинъ изъ міровъ, которыхъ не мало еще и теперь въ нашемъ обширномъ отечествѣ, а было прежде еще больше; міръ, въ которомъ людскія силы и страсти развиваются своевольно до уродства даже въ самыхъ лучшихъ натурахъ, міръ, который полонъ своихъ особыхъ, кристаллизировавшихся, ничѣмъ не сокрушимыхъ вѣрованій... Этому міра касался и Гончаровъ въ своемъ «Снѣ Обломова», этомъ зернѣ всего романа, и изобразилъ его широкими, мастерскими чертами, съ объективностью истиннаго художника, объективностью, которой такъ непріятно рѣзко противорѣчитъ заданная себѣ напередъ тема. Этому міра нѣсколько разъ касался Тургеневъ, давая намъ чувствовать его поэзію, но внося въ него хотя и не иронию, но грустно-болѣзненный юморъ...

Г. Н. Д. ясно высказываетъ свое отношеніе къ этому міру, не въ разсужденіяхъ конечно, потому что онъ — поэтъ (большой или малый это неизвѣстно, но поэтъ) — а въ образахъ. Образы эти во-первыхъ и на первомъ планѣ «Лѣсъ». Къ этому грандіозному и поэтическому образу готовятъ читателя первыя страницы его разсказа, — разговоръ путешественника съ его ямщикомъ. Г. Н. Д. мастеръ владѣть народною рѣчью, что впрочемъ теперь уже не заслуга,

такъ какъ во всякомъ дѣлѣ есть солидарность и такъ какъ вліяніе Островскаго, Писемскаго, Мел, даже Потѣхина (А. А.), Максимова и другихъ знатоковъ народнаго быта и народной рѣчи, не могло остаться безслѣднымъ. Заслуга г. Н. Д. не въ рѣчи, а въ томъ, что его ящикъ — лицо и подно и ярко очерченное. Ему страшно ѣхать къ близкому ночлегу черезъ лѣсъ :

— Лѣсомъ ѣхать надоть — Волосяжевымъ.

— Ну, такъ чтожь? спросилъ я.

— Да вичего! отвѣчалъ парень: только... ишь ты какъ жарить! сказалъ онъ. снявъ шляпу и перекрестясь при страшномъ раскатѣ грома.

Лошадѣ стали испуганныя. Дождя еще не было, но ослѣпительная молнія такъ и содалась въ глаза. Послѣ молніи ночь казалась еще темнѣе. Василій рѣшился наконецъ поворотить къ усадьбѣ. Лошадѣ, почувявъ близость жилища, побѣжали бодро. Проѣхали поле, потомъ другое. Громъ усилился страшно и наконецъ дождь хлынулъ какъ изъ ведра. Лошадѣ остановились.

— Что такое? — спросилъ я, думая не въ яму ли какую заѣхали.

— Воротца, отвѣчалъ Василій и сидѣлъ какъ вкопанный въ те-лѣтъ.

— Ну, такъ вставай же и отвори скорѣй! говорилъ я неповоротливому крестьянину.

Василій сидѣлъ. Это меня сердило и удивляло. Что за чудакъ? При блескѣ молніи видѣлъ я возлѣ самыхъ лошадиныхъ мордъ воротца, за которыми чернѣлъ сосновый лѣсъ; а по сю сторону лежало чистое поле и только возлѣ самыхъ воротъ стояло громадное зданіе деревь, раскидывая кругомъ костявыя вѣтви.

— Да ну же, поворачивайся наконецъ! сказалъ я Василью, рѣшительно выходя изъ терпѣнія.

Василій медленно и не говоря ни слова, вылезъ и сталъ возлѣ те-лѣтъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Далеко ли?

— Да вотъ проѣхать только...

Опять молчаніе.

— Что проѣхать? допрашивалъ я Василья.

Парень не отвѣчалъ ни слова. Это ужасъ. Что за столбнякъ напалъ на него?

— Далеко ли наконецъ? вскричалъ я Василью такъ, что даже эхо звричало въ лѣсу. Что у тебя, языкъ, что ли, отнялся, дуракъ! Говори?

Натомъ кажется и парня моего горе взяло.

— Да вотъ лѣсомъ только проѣхать, отвѣчалъ онъ съ сердцемъ — *адо по-русски говорятъ?* Ну, съ версту только и будетъ, вотъ этимъ проѣхать надоть... Ну, что еще толковать-то?.. *знаю, только Волося-*

жесовъ прохвать. Господи Иисусе Христе! эка вѣдь поднялась стѣхія! свѣту Божьяго не видно! — толковалъ онъ крестясь.

А громъ, молнія, вѣтеръ и ливень, точно спорили между собою. — Такъ ну же, двигайся что ли? говорилъ я, вида, что Василій рѣшительно не отходитъ отъ телѣги и не думаетъ отворать ворота.

Опять молчаніе. Все это мнѣ наконецъ надоѣло. Промочень я уже былъ до нитки. Вѣтеръ и громъ заглушали рѣчи. Я замолчалъ.

Василій постыменилъ съ минуту; наконецъ, съ какою-то възвѣзною рѣшимостью онъ вскочилъ въ телѣгу, всталъ на ноги, взялъ въ руки возжи, круто поворотилъ отъ воротца. Потомъ, страшно наглетѣвъ лошадей, онъ пустилъ что ни есть духу по полю. Вотъ телѣга скакала по пашнѣ, кочкамъ, лугамъ и буеракамъ; дѣсь же все болѣе и болѣе оставалъ въ сторонѣ. Выбравшись на какую-то дорогу, мы скоро потомъ подѣхали къ строенію. Видно было, что мы околесили версты три лишнихъ, но за то льсомъ не ѣхали.

Мы нарочно остановили вниманіе читателей на этой страницѣ. Изъ нея ясно, что мы имѣемъ дѣло съ тонкимъ наблюдателемъ реалистомъ, съ писателемъ, хотя и начинающимъ, но не берущимъ фальшивыхъ нотъ. Слѣдственно, если нѣсколько такихъ и встрѣтились бы потомъ въ его произведеніи, они должны быть приписаны не недостатку реализма въ манерѣ, а увлеченію писателя собственными образами.

Въ захолуствѣ, въ которое въѣзжаетъ путникъ и которое отдѣлено отъ всего таинственнымъ льсомъ, авторъ сразу ставитъ передъ нами двѣ фигуры: помѣщика Трофима Петровича, окружнаго челядью съ которой онъ, добрый человекъ по натурѣ, обращается однако деспотически и дѣвочку Сашу, по всей видимости принадлежащую помѣщику наравнѣ съ другими, но къ которой приходится онъ совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ къ остальнымъ. На чемъ же основана такая неодинаковость отношеній?

Автору видимо хочется основать эту неодинаковость на виднѣ личности Саши. И онъ совершенно правъ въ своемъ намѣреніи. Въ натурахъ, подобныхъ Трофиму Петровичу, человекъ вовсе не дурному, даже нѣкоторымъ образомъ не дюжинному и вмѣстѣ сильному, безсознательное, полудобровольное, полуневольное подчиненіе себя женственной граціи и слабости, явленіе не рѣдкое — и правильное, совершенно спокойное отношеніе автора къ такой натурѣ, какъ Трофимъ Петровичъ, чрезвычайно замѣчательно. Трофимъ Петровичъ вышелъ у него лицомъ цѣльнымъ, прослѣженнымъ глубоко и тщательно, лицомъ, невольно возбуждающимъ симпатію, смѣшанную съ сожалѣніемъ о той средѣ, въ которой сгнбло, окристаллизи-

рвалось и зашло не мало благородныхъ и энергическихъ личностей въ родѣ Трофима Петровича.

Трофимъ Петровичъ Коринъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ дикихъ самородковъ помѣщичьяго быта, которые теперь и въ глуши не часто встрѣчаются. Это была чистая смѣсь скива съ патриархальнымъ добродушіемъ нашихъ сельскихъ обитателей. Съ одной стороны это былъ деспотъ, даже тиранъ, а съ другой—добрякъ, готовый на всякое благотвореніе; *хотя иногда и самое благотвореніе принимало форму непривлекательную*. Въ домашнемъ быту онъ и слышать не могъ о противорѣчій. Волю свою онъ почиталъ закономъ непреложнымъ, *чуть ли не отъ самую Бога происходящимъ*. При малѣйшемъ противорѣчій, Трофимъ Петровичъ, какъ дикій конь становился на дыбы. *А кто здѣсь господитъ? кричалъ онъ своимъ могучимъ голосомъ. Учить, что-ли, кто меня захочетъ? Кланяться что-ли я кому anybody стану?* Отличный хозяинъ, знатокъ деревенскаго дѣла, онъ распорядился какъ монархъ. Власть свою надъ крестьянами онъ считалъ рѣшительно безграничною, и эта власть дѣйствительно достигала иногда чудовищныхъ размѣровъ: Трофимъ Петровичъ находилъ, что такая-то Анися, дочка Кузлы Нефедьева, можетъ удостоиться его благоволенія, онъ немедленно приказывалъ взять ее въ комнаты и считалъ это вполне законнымъ, даже благотѣльнымъ для бѣдной семьи. А кто она такая, сударь? — *говаривалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ! Дворянка что-ли такая? Развѣ я провинилъ да проигрался, и ле смѣю распорядиться въ своемъ имѣніи? Развѣ я спрашивать кою стану?*

Такого-то дѣля воспитанъ въ Трофимъ Петровичѣ боярская воля, а въ сущности это былъ человекъ добрый, нерѣдко великодушный и поразительной честности. Чужая собственность была для него рѣшительно святыня. Всякое посягательство на чужое право, онъ считалъ выше всѣхъ преступленій и говаривалъ, что тотъ пересталъ быть дворяниномъ, кто развѣ замаралъ себя такою грязью. Тутъ онъ былъ рѣшительно страшенъ для сосѣдей помѣщиковъ. Языкъ его падалъ какъ топоръ на обидчики и вѣщиваться отъ него нельзя было ни рѣчь, ни дѣло. Трофимъ Петровичъ *имѣлъ горло дикію вервь и языкъ подкову какъ носокъ*. Онъ былъ въ высшей степени радушенъ и гостеприименъ, но и гостеприимство его бывало иногда тяжеловато. Гость, введенъ или неволей, долженъ былъ пить и ѣсть все, что было угодно Трофиму Петровичу. Что вы не кушаете? говорилъ напримѣръ Трофимъ Петровичъ. Не станеть, что ли, у меня про васъ? *Подлецовъ кормлю, а вамъ то хватить.*

Въ высшей степени замѣчательно и дорого правдивое отношеніе автора къ рисуемому имъ типу, одному изъ такихъ, къ которымъ очень не трудно стать или въ фальшиво-отрицательное или въ фальшиво-лирическое отношеніе. Въдъ Трофимъ Петровичъ принадлежитъ къ породѣ людей какъ Степанъ Багровъ. Въ сороко-

вые года литературы онъ былъ бы изображёнъ нудовищемъ. Въ пятидесятые, пожалуй чуть что не идеальнымъ лицомъ L. Но въ правильномъ отношеніи болѣе заслуга времени, чѣмъ автора. Заслуга автора въ вѣрномъ, точномъ, художественномъ анализѣ личности виродожденіе разсказа, и въ мастерскомъ синтетическомъ представленіи чертъ ея въ вышеприведенномъ очеркѣ.

И вотъ этотъ-то звѣрь почти что подчиняетъ Сашѣ, подчиняетъ до той тонкой деликатности, которая заставляетъ его въ первой же бесѣдѣ съ человѣкомъ ему незнакомымъ, устранить и устранять окончательно всякую мысль о томъ, что Сапса его любовница... Помогае онъ сестрицѣ троюродной:

Увѣхала сестрица, и пять недводъ пошли за ней съ разными снадобьями. Какъ вы думаете, какую молитву прочитала сестрица за мое здорovie? На другой же день по всему околотку рассказывала, что я живу съ Сашей и что она всѣмъ домоизъ у меня вертаетъ. Какова соколѣна! Вчера пробѣжалъ ихній попь, отецъ Фелосій, такъ я его изъ отца духовнаго, просилъ сказать сестрицѣ такой поклоунъ: если она гдѣ-нибудь и какъ-нибудь попадется мнѣ на глаза, читала бы отходную; завтра до смерти нагайками...

Онъ подчиняетъ ей невольно до того, что она можетъ безнаказанно выводить его изъ терпѣнія своимъ шаловливымъ и насмѣшливымъ отношеніемъ къ страшному для него лѣсу...

Между тѣмъ причинъ на это кромѣ того, что Саша удивительно граціозное существо — нѣтъ. Это было бы недостаткомъ въ разсказѣ г. Н. Д., если смотрѣть на него, какъ на дѣйствительный разсказъ. Но дѣло-то въ томъ, что «Лѣсъ» есть не что иное, какъ оувѣжая, отчасти лирическая передача впечатлѣній и ощущеній — скорѣе задатокъ, зерно разсказа или повѣсти, чѣмъ разсказъ или повѣсть, — какой-то прологъ къ новой быти можетъ замѣчательной поэтической дѣятельности — прологъ, въ которомъ есть задатки всего — и реализма, и идеализма, и правильности взгляда на жизнь, и вмѣстѣ рѣдкой страстности. Если бы это былъ разсказъ, мы упрекнули бы автора за нѣкоторую неопредѣленность его Саши или скорѣе за неопредѣленность его собственныхъ отношеній къ этому соблазнительному, прелестному, живому, но нисколько не разгаланному имъ образу... Что она соблазнительно-хороша, это мы видимъ изъ его разсказа, это мы чувствуемъ изъ жаркихъ страницъ. Но что она такое? Почему она, любя Корина, дразнитъ студента и сама чуть-чуть что не заигрывается въ опасную игру, и что помѣшало ей совсѣмъ въ эту игру заиграться — этого мы не видимъ...

А знаете ли что? Въѣд пожалуй и хорошо, что не видимъ. Разсказъ, выигравши въ анализѣ, потерялъ бы можетъ быть въ силѣ впечатлѣнія... Онъ весь по видимому писанъ однимъ духомъ, подъ влияніемъ страстнаго вдохновенія, подъ обаяніемъ широко-пантеистическаго взгляда на міръ; въ немъ и недостатки и достоинства такъ свѣжи и молоды, что можетъ быть уже не повторятся съ такой искренностью въ дѣятельности автора.

А дѣятельность эта обѣщаетъ кажется много. Выписками мы могли указать только на реальныя стороны. Сторонъ поэтическихъ — отвлеченій автора и выведенныхъ имъ лицъ къ дѣлу и вообще къ природѣ, страстныхъ до жгучести страницъ — не отделишь отъ самаго разсказа...

Равнодушіе же критики нашей къ такому во сѣмѣмъ обыденному явленію, блестящему даже и своимъ реализмомъ, можетъ быть объяснено и нѣкоторымъ образомъ оправдано только тѣмъ, что литературные критики или обратились въ публицистовъ, или — которые и остались критиками литературными — потеряли чутье драгоценнаго словаго...

Политическая экономія настоящаго и будущаго; соч. Бруно Гильдебранда. Переводъ М. П. Щепкина. Санктпетербургъ, 1860 г. (280 стр. in 8.)

Настоящее сочиненіе, переведенное недавно г. Щепкинѣмъ на русскій языкъ, издано въ Германіи еще въ 1848 году. Оно составляло въ свое время и составляетъ до сихъ поръ весьма крупное явленіе нѣмецкой экономической литературы. Послѣдняя, какъ извѣстно, несравненно менѣе знакома русской публикѣ, нежели литература французская и даже англійская (которую знаютъ по французскимъ переводамъ). Не менѣе извѣстно также, что въ дѣлѣ науки, нѣмецкіе экономисты порядочно и давно уже опередили своихъ французскихъ собратьевъ, а послѣ знаменитаго сочиненія Рошера можно считать, что опередили и англійскихъ. Но при хорошемъ знаніи по преимуществу языка французскаго и при крайней скудости переведенныхъ по русски экономическихъ нѣмецкихъ сочиненій, большинство нашей публики по неволѣ обращалось къ французскимъ книгамъ и изучало по нимъ смыслъ экономическихъ явленій. Между тѣмъ, пока французскіе ученые, представляя «ясныя и остроумныя изложенія экономической системы въ томъ видѣ, какъ создана она была Адамомъ Смитомъ», однообразно повторяли на разные лады весьма одностороннія и лишь въ ихъ глазахъ безусловныя истины, «нѣмцы передѣлывали уже основныя философскія начала политической экономіи, составляли важнѣйшія руководства для университетовъ и систематическіе учебники» и все болѣе и болѣе выходили изъ области отвлеченныхъ теорій «на открытое поле исторіи». Однимъ словомъ, пока французскіе политико-экономы занимались всего болѣе отвлеченными разглагольствованіями, нѣмецкіе экономисты, не высказывая еще въ сущности

многаго новаго, обогащали уже своихъ читателей массою статистическихъ и историческихъ свѣденій, наводили ихъ на совершенно новыя идеи, открывали передъ ними новыя пути изслѣдованій, писали съ практической точки зрѣнія образцовыя монографіи по разнымъ экономическимъ предметамъ и наконецъ въ такихъ сочиненіяхъ, каковы Гильдебранда, Бауштарка, Германа, Рау, Рошера представляли положительныя основанія для новой научной системы народнаго хозяйства, передъ которой односторонности французскихъ экономистовъ, не выдерживали никакой строгой, ученой критики. Поэтому то добросовѣстный переводъ замѣчательнаго нѣмецкаго сочиненія по части политической экономіи, не можетъ не возбуждать нашего особеннаго вниманія и полнаго сочувствія. Выборгъ г. Щелкина чрезвычайно удаченъ: можно только удивляться, какъ такъ долго никто не увидѣлъ переводчика. Сила и оригинальность мыслей, обиліе свѣденій, громадный критическій талантъ и наконецъ ясное, художественное изложеніе, ставятъ книгу Гильдебранда на ряду съ первоклассными экономическими сочиненіями.

Желаю познакомить съ нею читателя, скажемъ предварительно, что Гильдебрандъ принадлежитъ къ той школѣ экономистовъ, которые въ изученіи экономическихъ явленій слѣдуютъ методу историко-физиологическому. Основная ихъ точка зрѣнія заключается въ томъ, что хозяйственная жизнь народа всегда образуется подъ непосредственнымъ вліяніемъ физиологическихъ и историческихъ условий, такъ что всякая хозяйственная организація, имѣя лишь относительное значеніе, ни коимъ образомъ не можетъ быть оторвана отъ историческаго своего происхожденія и объяснена или еще меньше разъяснена, на основаніи однихъ чисто-отвлеченныхъ соображеній. Слѣдующіе такому методу, прежде чѣмъ дѣлать какой бы то ни было общій выводъ, необходимо должны изучать экономическія явленія въ ихъ историческомъ развитіи по эпохамъ и національностямъ и затѣмъ обстоятельно сравнивать эти явленія между собою. Если такимъ путемъ не сразу открывается общій законъ для объясненія цѣлаго ряда фактовъ, то имъ всегда пріобрѣтается масса необходимыхъ свѣденій и твердая историческая почва для возможно-вѣрной оцѣнки всякаго устройства и для отдѣленія въ немъ всего вышняго и случайнаго отъ существеннаго и необходимаго. Притомъ самое возникновеніе историческаго метода въ экономической наукѣ, было неопіющею, неотразимою потребностью. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Гильдебрандъ:

ХІХ столѣтіе съ тою же горячностью предавалось рѣшенію социальныхъ и экономическихъ задачъ, съ какою ХVІІІ столѣтіе предавалось

вопросамъ политическимъ... Экономическая наука переставала быть собственностью однихъ ученыхъ и становилась, какъ въ Англии, наукою народа... Былъ поднятъ всеобщій; великій вопросъ о томъ, какіе социальные реформы требуетъ пролѣтъ, все болѣе раздѣляющая богатца отъ бѣдняка, и нѣтъ обязанности налагать на челоѣка право владѣнія... При такихъ обстоятельствахъ, когда столько умовъ на одномъ франкѣ выступило въ досрѣ, неважной имъ науки и испытывало свои силы въ разрѣшеніи непривычныхъ для нихъ задачъ, не удивительно, что столкнулись вмѣстѣ самыя противоположныя воззрѣнія, и арбыи и незрѣлыя, справедливыя и ложныя представленія вызвали такое замѣшательство во взглядахъ и такое всеобщее броженіе экономическихъ понятій. Съ другой стороны этотъ процессъ общаго броженія въ народѣ, произвелъ такой же внутренней процессъ въ самой наукѣ. Многія положенія, считавшіяся несомнѣнными въ кабинетахъ ученыхъ, на вольномъ воздухѣ оказались несостоятельными. Факты дѣйствительной жизни шли въ противорѣчіе съ теорією. Статистическія данныя, которыя приводились въ подтвержденіе научныхъ выводовъ, оказались недостаточными, поверхностными или такими, которыми пользовались для ложныхъ заключеній. Однимъ словомъ, если для какой нибудь науки настало время проверить тѣ основанія и начала, на которыхъ она существовала, то конечно для науки о народномъ хозяйствѣ.

Въ столь глубоко-взволнованную эпоху, очевидно было возможно только: или по примѣру Баэтіа поддерживать всѣми натяжками двусмысленныхъ объясненій и остроумныхъ парадоксовъ господствовавшую въ официальной наукѣ устарѣвшую экономическую теорію, или обратиться къ совершенно инымъ приемамъ изученія, и догматическому изложенію системы предпослать строго-научную критику прежнихъ приемовъ и теорій. Гильдебрандъ въ свое время рѣшительно въ всѣхъ другихъ избралъ именно послѣдній путь и приступилъ, какъ самъ онъ выразился: «къ повѣркѣ методъ, по которымъ строилось до сихъ поръ зданіе науки». Съ такой точки зрѣнія онъ началъ свою книгу (которая составляетъ лишь первый томъ обширно-задуманнаго труда), съ краткой, но меткой характеристикой меркантилистовъ и физиократовъ. Взгляды первыхъ онъ призналъ за экономическую «теорію абсолютизма, составленную въ пользу привилегированныхъ фабрикантовъ и купцовъ», а ученіе вторыхъ за «теорію революціи, составленную въ пользу земледѣлія и въ то время угнетеннаго крестьянскаго сословія, съ котораго она хотѣла снять тяжолыя оковы». Въ сжатомъ и продуманномъ обзорѣ, съ рѣдкимъ умѣніемъ «сказать много въ немногихъ словахъ», изложилъ онъ затѣмъ сущность содержанія Смитовой системы, опредѣлилъ ея значеніе въ исторіи политической экономіи и слѣлалъ характеристику его учениковъ, особенно Давида Рикардо. Не отвер-

гая всемірно-историческаго значенія и заслугъ Адама Смита и всей его школы, онъ пришолъ къ заключенію, что они сходятся съ своими предшественниками меркантилистами и физиократами въ томъ, что стремятся «построить такую экономическую теорію, которой законы примѣнялись бы ко всѣмъ временамъ и народамъ», какъ-будто «всѣ законы народнаго хозяйства стоятъ ввѣ условій времени и пространства, и остаются несокрушимыми при всей перемѣнчивости явленій». Они совершенно забывали, говоритъ Гильдебрандъ, «что человекъ, какъ существо общественное, есть прежде всего продуктъ цивилизаціи и исторіи, что его потребности, его образованіе и его отношенія къ вещественнымъ цѣнностямъ, равно какъ и къ людямъ, никогда не остаются одни и тѣже, а географически и исторически непрерывно измѣняются и развиваются вмѣстѣ со всею образованностью человѣчества. Вся Смитова система, выдававшая себя за всеобщее ученіе человѣческаго хозяйства, весьма удовлетворительно объяснена Гильдебрандомъ, какъ «одно лишь выраженіе денежнаго хозяйства», которое только что успѣло упрочить свое господство послѣ грубаго, средневѣковаго. Тутъ же имъ указано любопытное различіе между англійскими и нѣмецкими послѣдователями Смита:

Возводя частную выгоду на степень высшаго начала экономической науки, Смитова школа порвала всякую связь между наукою и нравственною задачею человѣческаго рода, а потому не безъ основанія упрекали эту школу въ материализмъ; ибо если бѣольшая часть послѣдователей Смита вь особенно въ Германіи, отнюдь не считали материальнаго наслажденія главною цѣлью человекъ, а напротивъ старались въ экономической политикѣ связать частныя богатства съ высшими нравственными цѣлями и съ государственнымъ благосостояніемъ, какъ средствомъ къ нравственному совершенствованію отдѣльныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе они придавали этой части науки не малое вліяніе на самую науку о хозяйствѣ и, подобно Адаму Смигу, построили все знаніе послѣдней, на одномъ всепреобладающемъ началѣ личнаго эгоизма. (На этомъ основаніи Захаріа и другіе называли общую часть политической экономіи *методическимъ ученіемъ корыстолобія и скупости*). На томъ же и основывается различіе между англійскими и нѣмецкими послѣдователями Смита. Первые выходятъ изъ того основнаго начала, что эгоизмъ всегда идетъ къ общему благу; послѣдніе напротивъ не во всемъ признаютъ это начало, а потому хозяйство основанное на человѣческомъ корыстолобіи, хотятъ дополнить экономической политикою, имѣющею въ виду общее благо.

Низведя такимъ образомъ созданную Адамомъ Смитомъ обширную науку — политическую экономію на степень выраженія одного

лишь переходнаго момента народнаго хозяйства, Гильдебрандъ указалъ на существенную необходимость реакціи противъ этой системы и перешолъ къ разсмотрѣнію самой реакціи. Первую ея форму онъ прекрасно называетъ «политико-экономическимъ романтизмомъ». Главнымъ и почти одинокимъ представителемъ послѣдняго былъ Адамъ Мюллеръ, умъ дѣйствительно средневѣковой, смотрѣвшій на свое время съ его политическимъ разладомъ, какъ только на «переходъ отъ естественной, но безсознательной экономической мудрости отцовъ, черезъ умничаніе дѣтей, къ разумному признанію этой мудрости внуками» (*). Реставраторъ по натурѣ и склонный къ всякаго рода мистическимъ выводамъ, Мюллеръ думалъ въ противоположность Адаму Смиту возстановить науку народнаго хозяйства на средневѣковыхъ теологическихъ началахъ, «съ жаромъ и любовью идеализируя побѣжденное челоуѣчествомъ достояніе», а въ томъ числѣ аристократическія привиллегіи и крѣпостное право. Но въ то же время, обладая замѣчательнымъ критическимъ талантомъ, онъ смѣло касался всѣхъ крайнихъ односторонностей денежнаго и частнаго хозяйствъ, и приписывалъ имъ такое же вредное вліяніе, какъ введенію римскаго права въ европейскія государства. Онъ былъ того убѣжденія, что «начало частной выгоды и увеличенія чистаго дохода, лежащее въ основаніи политико-экономической теоріи, находится въ вѣчномъ разладѣ съ идею политической экономіи, а понятіе объ абсолютной собственности, которое служитъ основаніемъ римскаго права и предметомъ какого-то обоготворенія въ новѣйшее время, находится въ вѣчномъ разладѣ съ идею права». Догматическую часть ученія Мюллера Гильдебрандъ причисляетъ къ субъективной и совершенно анти-исторической идеализаціи одного отдѣла исторіи, жизненныхъ формъ котораго давно уже утратили душу», но онъ соглашается со многими критическими выводами Мюллера, въ которыхъ послѣдній указывалъ политической экономіи на необходимость политическаго и нравственнаго единственнаго единства, на значеніе духовной образованности въ хозяйствѣ народовъ и на необходимость «признать прочность и обезпеченіе общества главными условіями всякаго частнаго хозяйства».

Дальнѣйшая реакція противъ Смитовой системы выразилась въ Листѣ. Отараваясь въ своей теоріи отъ понятій о народѣ и національности, онъ по слѣдамъ Мюллера и еще болѣе американца Фамильтона, обвинялъ школу Смита «въ космополитизмъ, матерьялизмъ и партикуляризмъ, возвѣстивъ начало народности въ эконо-

(*) См. Рошера къ переводу г. Бабста, стр. 57, примѣч. 1-ое.

мической наукѣ и призналъ различныя ступени національнаго развитія въ экономическои жизни». Все это вмѣстѣ Гильдебрантъ призываетъ несомнѣнными заслугами наукъ. У него найдете читатель превосходнѣйшее изложеніе и оцѣнку всѣхъ листовскихъ началъ и, вспомогая можетъ быть недавнюю туманную полемичку объ этомъ же предметѣ въ нашей журналистикѣ, неминуемо придетъ къ умнымъ заключеніямъ. Тѣ же самыя вопросы, десяткомъ лѣтъ тому назадъ поставленные ясно и рѣшительно данными давно германскою литературою, возбуждая у насъ безконечныя и утомительныя толки, въ чемъ насъ не привалили и ни чему не научились. Неужели же такія зрѣлыя германскія идеи, составляющія давно неотъемлемое достоинство науки, оставались неизвѣстными нашимъ первокласснымъ журнальнымъ знаменитостямъ и отрицателямъ «народности»? По поводу пристрастія Листа къ покровительственной системѣ народнаго хозяйства, которую считалъ онъ необходимою для всѣхъ народовъ на извѣстной степени ихъ развитія, Гильдебрантъ представляетъ образцовое разсужденіе и свободѣ торговли и объ охранительномъ тарифѣ. При современныхъ, ходячихъ толкахъ объ этомъ предметѣ, эти страницы гильдебрандовой книги могутъ быть весьма поучительны. Отсылая читателя къ самому сочиненію, скажемъ только, что до окончательнаго вывода Гильдебранда:

... и свобода торговли и охранительный тарифъ могутъ служить естественнымъ средствомъ воспитанія народа и какъ лекарство возстановить разстроенное здоровье, — но съ другой стороны они могутъ дѣйствовать какъ ядъ, и разрушить здоровье народа: здѣсь все зависитъ отъ дѣйствіи условій и обстоятельствъ, въ которыхъ живетъ извѣстный народъ.

Изъ этого между прочимъ слѣдуетъ, что экономическіе вопросы, какъ и все въ мірѣ, оказываются гораздо сложнѣе не въ одной только дѣйствительности, но и во всякой истинной, живой ихъ теоріи.

Листъ, говорить съ величайшимъ сочувствіемъ Гильдебрантъ, былъ первымъ нѣмецкимъ экономистомъ, который слѣзая науку дѣломъ народнымъ, создалъ народныя партіи и вдохнулъ въ промышленность Германіи общенародное стремленіе къ великой національной цели. Онъ былъ первымъ промышленнымъ двигателемъ и народнымъ вратаремъ, правда одностороннимъ, несомнѣтельнымъ, мало улаживающимъ, но все-таки благодѣлемъ нѣмецкаго народа, ибо всякое обсужденіе національныхъ вопросовъ, какъ бы неразумно и превратно ни было оно въ началѣ, приноситъ неисчислимое благо; оно пробуждаетъ дремлющія духовныя силы, вызываетъ людей изъ ихъ узкой эгоисти-

ческой сферы, понуждает ихъ къ самостоятельному размышленію о вопросахъ общественныхъ и, причаи въглядываться въ общественную жизнь, мало по малу воспитываетъ общественную нравственность.

Отъ Листа Гальдебрандъ переходитъ къ критическому изложенію новѣйшихъ теорій хозяйства. Отношеніе къ нимъ автора замѣчательно. Въ то время, когда писалъ онъ свою книгу, во всей европейской литературѣ существовало, какъ извѣстно, одно только дѣльное ученое сочиненіе о новыхъ экономическихъ доктринахъ, — сочиненіе Штейна. Въ настоящее время, если исключить разбираемую нами книгу, три-четыре нѣмецкихъ монографій и десятокъ журнальныхъ статей, останется опять таки одно и тоже сочиненіе Штейна, да и то касается лишь французскихъ социальныхъ теоретиковъ и не говоритъ ни слова о нѣмецкихъ и англійскихъ. И масса публики, и ученая литература западной Европы, относились къ нимъ тогда одинаково легкомысленно и можно сказать, одинаково тупоушно. Если публику сбивали съ толку предчувствія грозившаго безпорядковъ и оправдывали ея склонность къ жолчному глумленію надъ тѣмъ, чего она не разумѣла, то ученыхъ спеціалистовъ сбивала съ толку одна рутинна и ничего не оправдывала. Обращая исключительное вниманіе на однѣ идеальныя, фантастическія стороны социальныхъ теорій хозяйства и ничего ровно не вѣдая о ихъ принципахъ и критическихъ выводахъ, большинство публики считало побѣдоноснымъ и неотразимымъ опроверженіемъ новыхъ экономическихъ взглядовъ, когда напримѣръ, спрашивало: кто при отсутствіи нацеты, злой необходимости, принужденія и при равномъ равенствѣ членовъ трудовыхъ ассоціацій, будетъ въ нихъ добровольно чистить помойныя ямы? Ученые политико-экономы, не отставая отъ публики, съ своей стороны или указывали на тѣже самыя стороны новыхъ ученій и задавали подобные вопросы, или величаво отмалчивались, считая неприличнымъ подражать неученымъ выходкамъ публики. Между тѣмъ парадоксальныя теоріи хозяйственныхъ организаций, вреда дѣйствительно многимъ установленнымъ формамъ западной жизни, приобрѣтали тѣмъ не менѣе все болѣе и болѣе серьезное значеніе для экономической науки. Въ своихъ идеалахъ они скрывали подъ безобразнымъ хаосомъ антинаучныхъ выводовъ и болѣзненныхъ фантазій, ассандъ существующіе законы экономическихъ ассоціацій; въ своихъ критическихъ воззрѣніяхъ, обнаруживали въ современномъ экономическомъ устройствѣ западныхъ обществъ — возмутительные факты, опровергающіе самыя коренныя положенія существующей политико-экономической системы. Гальдебрандъ былъ первымъ специально

ученымъ экономистомъ, который повналъ всю важность этой новой критики, подвергъ ее серьёзному, строгому анализу, указалъ и на ложные и на справедливыя ея выводы, далъ ей научный экономическій смыслъ и отвелъ опредѣленное мѣсто въ наукѣ. Онъ не пренебрегъ также и идеальными сторонами новѣйшихъ доктринъ, заявилъ прямо, что «не только не отвергаетъ великой соціальной задачи новаго времени, но даже считаетъ ее величайшею задачею, какую когда-либо предстояло рѣшить человечеству.» Вопреки хладному мнѣнію, считавшему новѣйшія теоріи оригинальнымъ продуктомъ раздражнаго воображенія новѣйшихъ мечтателей, Гильдебрандъ краткимъ ученымъ обзоромъ историческаго происхожденія и развитія этихъ теорій, утвердилъ высказанное имъ положеніе, что онѣ «также стары, какъ самая мысль человеческого рода о его назначеніи и счастіи на землѣ».

Все изложеніе Гильдебранда, при обычной краткости, чрезвычайно дѣльно, толково и добросовѣстно. Въ каждой доктринѣ берется имъ существенная ея сторона, безъ ударенія на какія-либо вездущія къ дѣлу эксцентричности, безъ налыганія и всякой тѣни неумѣстныхъ насмѣшекъ. Съ одной стороны онъ видитъ во всѣхъ коммунистическихъ и соціалистическихъ стремленіяхъ новѣйшаго времени, «по скольку они коренятся въ сердцѣ рабочаго класса, ни что иное, какъ фантастическое проявленіе того самосознанія, которое новѣйшая промышленность пробудила въ рабочихъ». Съ другой — по мнѣнію его, соціальныя теоріи успѣли доказать въ своей полемикѣ «несостоятельность началъ, на которыхъ основано смитово ученіе, а въ особенности весь вредъ отъ обоготворенія личнаго эгоизма»: «если», говоритъ онъ, «эти безнравственныя начала смитова ученія сдѣлались нынѣ ясны, какъ день и уже невозможны въ будущемъ, то этимъ мы обязаны соціальнымъ теоріямъ». Но какъ первый почти опытъ специально-экономическаго изложенія новыхъ системъ, книга не свободна отъ нѣсколькихъ весьма замѣтныхъ упущеній и недомолвокъ. Такъ напримѣръ, ученія коммунистовъ и соціалистовъ Гильдебрандъ почему-то соединяетъ вмѣстѣ, подъ именемъ соціальныхъ теорій хозяйства, а вслѣдствіе этого въ окончательныхъ своихъ выводахъ приписываетъ соціалистамъ то, что принадлежитъ коммунистамъ, и на оборотъ. Между тѣмъ доктрины тѣхъ и другихъ отличаются не только названіями (что тоже имѣетъ значеніе), но и рѣзкими, существенными свойствами. Коммунизмъ отрицалъ напримѣръ всякую частную собственность, стремился къ безусловному уничтоженію всѣхъ частныхъ хозяйствъ въ одномъ абсолютно-общемъ хозяйствѣ и проповѣдывалъ совершенную общность имущества и въ конечныхъ выводахъ своихъ

доходилъ до нелѣпости. Соціализмъ не отрицалъ частной собственности, стремился не къ уничтоженію, а только къ тѣсному соединенію частныхъ хозяйствъ въ ассоціаціи и доказывалъ пользу не общности, но «полу-общности», какъ говоритъ Рошеръ, или общности имущества, т. е. ихъ болѣе тѣсную и органическую связь между собою (какая и замѣчается въ новѣйшее время, какъ въ разнаго рода товариществахъ и ассоціаціяхъ капитала, такъ еще болѣе въ трудовыхъ и чисто-производительныхъ ассоціаціяхъ западныхъ работниковъ). Коммунисты домогались распределенія богатствъ между людьми по равнымъ долямъ или по потребностямъ каждаго; социалисты, распределенія богатствъ соразмѣрно личному труду, талантамъ и даже капиталу, поставляли основнымъ своимъ началомъ. Кромѣ того, коммунизмъ въ критическихъ своихъ воззрѣніяхъ руководствовался почти исключительно одними отрицаніями, доводя ихъ до самой безобразной крайности; социализмъ руководствовался не столько отрицаніями, сколько собственными идеалами, и при всѣхъ крайностяхъ и нелѣпыхъ заблужденіяхъ, усиливался съ точки зрѣнія этихъ идеаловъ, введеніемъ чисто-нравственныхъ и христіанскихъ началъ въ экономическую дѣятельность, привить частный эгоизмъ съ благомъ всего общества, безъ нарушенія индивидуальной свободы личности и общихъ интересовъ. Вообще — социализмъ стоитъ на пути къ своему исчезновенію въ строгой, экономической наукѣ, широко развивающейся на новыхъ основаніяхъ; коммунизмъ же грозилъ остаться вѣчнымъ отрицаніемъ и положительной науки и всякаго исторически-выработаннаго быта. Затѣмъ, Гильдебрандъ не упоминалъ объ Оуэнѣ, имѣвшемъ столь сильное вліяніе на развитіе социальныхъ понятій въ англійскомъ народѣ и наконецъ, сказавъ вообще очень мало о Фурьѣ и не сказавъ ничего о его значеніи въ современномъ социализмѣ, оставилъ вовсе безъ изложенія фурьеровское ученіе объ организаціи труда и основныхъ законахъ экономической ассоціаціи, что въ совокупности составляетъ самую сущность всего европейскаго социализма въ положительномъ его значеніи для экономической науки.

Зато критическая часть и коммунизма и социализма изложена Гильдебрандомъ съ величайшею подробностью и отчетливо разобрана съ спеціальнымъ знаніемъ предмета. Видно, что онъ знакомился съ сочиненіями новыхъ организаторовъ не по энциклопедическимъ лексиконамъ и не по журнальнымъ статьямъ или памфлетамъ, въ родѣ книжки г. Луи-Ребо; но изучилъ по самымъ подлинникамъ. Дѣлая обзоръ отдѣльныхъ частей социальныхъ теорій, Гильдебрандъ излагаетъ нападенія социалистовъ на современную собственность, на торговлю, на деньги и останавливается преимущественно на со-

чиненіи Фридриха Энгельса, «дароватѣйшаго», по мнѣнію автора, «и ученѣйшаго изъ всѣхъ нѣмецкихъ соціалистовъ», который сдѣлалъ полный разборъ цѣлой политической экономіи, основанной школою Адама Смита.

Гильдебрандъ признаетъ на столько слабыми всѣ нападенія на частную собственность, какъ съ точки зрѣнія чисто-философскихъ началъ, такъ и со стороны вреда, произведеннаго для человѣчества ея учрежденіемъ, что они никакъ не могутъ поколебать законности частной собственности. «Изъ нихъ», говоритъ онъ, «вовсе не слѣдуетъ, что надо уничтожить частную собственность; но напротивъ, вытекаетъ лишь необходимость распространить ее на всѣхъ». Нисколько не отрицая такого вывода, необходимо здѣсь повторить, что уничтоженія частной собственности требовали только коммунисты. Даже Прудонъ въ сочиненіи своемъ: «Qu'est ce que la propriété», нападая лишь на абсолютное право частнаго собственника по произволу обладать землею, говоритъ тѣмъ не менѣе, что «общность имущества», какую проповѣдывали коммунисты, «есть не что иное, какъ грабежъ сильнаго слабымъ» (*). Соціалисты вообще возставали только противъ существующихъ на западѣ *формъ* собственности и отрицали ея разумность относительно лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предметовъ. Ихъ воззрѣнія во многихъ частностяхъ не противорѣчатъ въ этомъ случаѣ основнымъ началамъ экономической науки. Теперь лучшіе ея авторитеты (Дж. С. Миль, и за нимъ Рошеръ) (**) соглашаются вполне, что «на западѣ первое устройство новѣйшихъ общественныхъ отношеній, происходило почти всюду путемъ завоеванія и насилія», и «многіе предметы, которые не должны были бы быть собственностью, ставились и продолжали становиться ею». Самъ Гильдебрандъ не отвергаетъ того, что «понятіе о частной собственности, выработанное римскимъ правомъ, значительно способствовало злоупотребленію частною собственностью», а въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ вмѣняетъ въ заслугу соціалистамъ, распространеніе въ практической жизни запада убѣжденій, что «право владѣнія, какъ и происхождение, не даютъ привилегіи на наслажденіе жизнью; но что владѣльческіе классы суть только управители довѣреннаго имъ обществомъ имѣнія, и «вмѣстѣ съ правомъ собственности, приняли на себя обязанность энергически содѣйствовать возвышенію неимущихъ классовъ на болѣе высокую степень цивилизаціи». Что же касается доказательствъ Гильдебранда, что «въ дѣйствительной жизни владѣль-

(*) См. Рошера, пер. г. Бабста, стр. 182.

(**) Id. стр. 174.

ческія отношенія (на западѣ) принимали все болѣе и болѣе благоприятную форму и что владѣльческій классъ, сравнительно съ не-владѣльческимъ, постепенно увеличивался, а не-владѣльческій, напротивъ того, уменьшался»; то доводы его, надо сознаться, всего менѣе убѣдительны. Мы наиримѣрь знаемъ, что земля, это основное богатство всякаго народа, принадлежавшая въ Англіи еще въ концѣ XVIII столѣтія 250,000 собственникамъ, сосредоточилась теперь въ рукахъ 32,000 владѣльцевъ, что сосредоточеніе собственности силою большихъ капиталовъ, замѣтнымъ образомъ отражается уже и во Франціи, гдѣ мелкая поземельная собственность, обремененная неоплатными долгами, постоянно перекупается на аукціонахъ у крестьянъ капиталистами, что въ Италіи скуплены богачами цѣлыя крестьянскія деревни, со всею ихъ землею, и т. д. и т. д. Наконецъ, если бы даже обыкновенное увѣреніе социалистовъ, что имущественное неравенство страшнымъ образомъ увеличивается въ западной Европѣ, признать за бездоказательное, то нельзя не согласиться съ Рошеромъ, что столь же мало доказательно противоположное мнѣніе Гильебранда.

Разборъ нападеній на современную торговлю и деньги, у Гильебранда вышелъ замѣтно слабѣе другихъ частей его книги. Говоря о торговлѣ и утверждая, что во всемірной исторіи нравственность ея постоянно возрастаетъ, авторъ совершенно отрицаетъ даже и то, что торговля занимаетъ множество лишнихъ посредниковъ. Въ виду новѣйшихъ современныхъ явленій, доказательства его, изъ коихъ многія приведены голословно, оказываются недостаточными. За послѣднѣе десятилѣтіе, при непрерывныхъ торговыхъ несостоятельностихъ, на десять банкротствъ въ Англіи приходится девять злостныхъ, а мелочная торговля жизненными припасами, превратилась, какъ выражаются сами Англичане, «въ ужаснѣйшую систему отравленій» и заставила англійскихъ работниковъ соединяться въ особыя общества для покупки матерьяловъ изъ первыхъ рукъ и для устранения себя отъ всякихъ сношеній съ вредоносными, мелочными посредниками торговли. Впрочемъ самъ критикъ говорить, что «всѣ безнравственныя порожденія торговли — скупъ товаровъ, биржевая игра и проч., какъ вредныя, должны быть отвергнуты» и жалѣть, что «эгоистическія начала смитова ученія, одинаково узаконили ихъ». Такимъ выводомъ однако мало разсѣваются сомнѣнія, возбуждаемыя собственнымъ же изложеніемъ Гильебранда соціальной критики торговли. Разсуждая о деньгахъ, Гильебрандъ выражаетъ мысль еще болѣе неясную. Онъ говоритъ, что «уничтоженіемъ денегъ, мы не искоренимъ преступленій, а только уменьшимъ возможность совершать преступленія»; но «этими сло-

собомъ можно уничтожить одинъ родъ проявленія эгоизма, а не улучшить нравственность». Уменьшать возможность преступленій, мѣшать злу дѣлать зло и слѣдовательно парализировать его силу и развитіе, казалось бы весьма законно и въ высшей степени нравственно. Весь вопросъ можетъ состоять только въ томъ, возможно или нѣтъ уменьшить это зло безъ нарушенія истинной свободы или не породить зла еще болѣе важнаго? Но этотъ вопросъ остается у Гильдебранда безъ отвѣта.

Наибольшее мѣсто въ его книгѣ занимаетъ разборъ сочиненія Энгельса «о положеніи рабочаго класса въ Англіи». Тутъ сосредоточивается вся блестящая сторона критическаго таланта нашего автора. Онъ прямо берется за сущность энгельсовой критики и побѣдоносно опровергаетъ ея основныя положенія о существованіи «абсолютной» экономической цѣнности. За тѣмъ указываетъ на односторонность и произвольный выборъ цифръ, приводимыхъ Энгельсомъ, представляетъ свои собственные статистическія вычисленія, дѣлаетъ изъ нихъ совершенно-противоположные выводы и доказываетъ такимъ образомъ, что всѣ статистическія изображенія Энгельса преувеличены, а его положеніе, что вся исторія свѣдѣтельствовала только о постепенномъ паденіи человѣчества, совершенно несостоятельно. Но при всей осмотрительности и обычной умѣренности въ своихъ критическихъ приѣмахъ, Гильдебрандъ въ разгарѣ полемики, увлекается самъ къ нѣкоторымъ весьма сомнительнымъ заключеніямъ. Такъ онъ доказываетъ, что положеніе рабочаго класса постоянно улучшалось, а заработная плата англійскаго работника съ XVI столѣтія увеличилась вдвое. Вопросъ улучшается ли въ западной Европѣ положеніе рабочихъ классовъ и на сколько именно оно улучшилось, — одинъ изъ экономическихъ вопросовъ самыхъ темныхъ. Даже «столь сильно распространенный предрасудокъ, что матерьяльное благосостояніе рабочихъ классовъ было гораздо выше въ прежнія времена исторіи», по сознанію Гильдебранда (стр. 142) «нельзя опровергнуть статистическими фактами прошедшаго», ибо «статистика въ прошломъ столѣтіи не занималась высшими слоями общества». Слѣдовательно остаются, за весьма немногими данными, одни соображенія, а соображенія подобныя тѣмъ, которыя употребляетъ Гильдебрандъ въ этомъ мѣстѣ, внушаютъ очень малое довѣріе. Онъ говоритъ, напримѣръ, что заработная плата увеличилась въ Англіи вдвое, ибо при королевѣ Елизаветѣ подщицкъ изъ одного квартера пшеницы долженъ былъ работать 48 дней, а въ 1840 годахъ всего только 28³/₄ дня. Между-тѣмъ читатель, очень хорошо вѣдая изъ приведенныхъ авторомъ цифръ, что пшеница въ настоящее время стала дѣйствительно дешевле, нежели она была во

цремсна Елизаветы, рѣшительно не видить, увеличилась ли вдвое заработная плата, ибо авторъ не говоритъ ни слова, подешевѣла ли за то же время насмъ жилищъ для работанка или сталь въ 10 разъ дороже? Подорожало ли мясо или нѣтъ? Были ли прежде такіе перерывы въ работѣ (или такъ называемые шмажи), какіе периодически встрѣчаются теперь, или они суть печальныя принадлежности новѣйшаго времени, и т. д.? За тѣмъ Гильдебрандъ очень много говоритъ о политической организаціи Англіи и сулитъ ей блестящее будущее, ссылаясь на ея конституцію, политическую свободу, на духъ ея работниковъ, «изъ которыхъ каждый носитъ въ своемъ сердцѣ идею общественности и государства». Въ будущемъ Англіи едва ли кто сомнѣвается; но заслонить социальныя ея бѣдствія великолѣпнымъ политическимъ устройствомъ, никогда не было и не будетъ разумнымъ. Къ несчастію, это въ обычаѣ у насъ теперь, хотя выходитъ уже изъ обычая въ западной Европѣ. Въ самыхъ умѣренныхъ и скромныхъ англійскихъ журналахъ, вовсе не диковинно встрѣчать мысли, совершенно противныя такому невѣрному взгляду:

Вообще, говорить эти журналы, мы желали бы слышать поменьше объ англійской конституціи, — этомъ сборникѣ вымершихъ феодальныхъ началъ, — и побольше о социальной нашей силѣ, о социальныхъ усилкахъ.

Гильдебрандъ, очень хорошо понимая своимъ обширнымъ умомъ всю односторонность началъ смитовой школы, — тѣмъ не мѣнѣе иногда остается ихъ безсознательнымъ поклонникомъ по привычкѣ. На предпоследнихъ страницахъ своего сочиненія, онъ превосходно доказываетъ, что всѣ организаціонныя планы социалстовъ неисполнимы.

Они относятся къ существующему порядку, говоритъ онъ, именно такъ, какъ будто сейчасъ произошли на свѣтъ первые люди, для которыхъ надо еще изобрѣсть первую форму общежитія. Они хотятъ какъ бы магическимъ жезломъ вызвать въ жизни своей воображаемый міръ, а не видятъ того, что каждая новая фаза развитія, которую проходитъ человѣчество въ своей исторіи, можетъ вырасти только изъ прежнихъ данныхъ стихій и должна извлекать свою пищу изъ соковъ данной почвы... Нѣтъ ничего легче, какъ начертать какойнибудь новый социальный планъ; для этого не нужно никакого изученія исторіи и человѣческихъ обществъ и вообще не нужно никакого знанія. Но отъ этого ничего не выигрываетъ человѣчество въ улучшеніи своего положенія.

Краснорѣчиво высказавъ такую простую и несомнѣнную истину

авторъ идетъ однако гораздо далѣе, и, не отличая воображаемой, коммунистской общины отъ простой экономической ассоціаціи труда, начинаетъ доказывать, что «*всякое совокупное хозяйство (Gesamtwirtschaft), исключющее всякое частное, все равно, сохраняется ли въ немъ частная собственность в деньгахъ, или нѣтъ, невозможно ни при какихъ обстоятельствахъ*», — и что «*изъ самаго рода этого хозяйства вытекаетъ тотъ справедливый фактъ, что всѣ попытки осуществить его въ отдѣльныхъ общинахъ (Gemeinden) имѣли успѣхъ только до тѣхъ поръ, пока всѣ члены общины были сдерживаемы вмѣстѣ одною, особенно сильною и даровитою личностью*». Гильдебрандъ не находитъ для совокупнаго хозяйства ни такого закона, который опредѣлялъ бы какъ отношенія личныя услуги и угожденій къ цѣлой общинѣ, такъ и взаимное отношеніе ихъ между собой; ни такой силы, которая могла бы поддерживать этотъ законъ, если бы онъ и былъ, ни такихъ наконецъ данныхъ, которыя бы даже и при осуществленіи совокупныхъ хозяйствъ, могли не только устранить для нихъ дурныя слѣдствія изолированныхъ хозяйствъ или господство сильнаго надъ слабымъ, но напротивъ, не развиты между отдѣльными общинами еще большаго соперничества и еще большихъ бѣдствій.

Прежде всего представляется вопросъ, о какомъ совокупномъ хозяйствѣ, *исключающемъ всякое частное* (*), говоритъ авторъ? Подъ хозяйствомъ разумѣютъ въ наукѣ каждую непрерывную и послѣдовательную дѣятельность для приобрѣтенія имущества и для пользованія имъ (Рошеръ). Слѣдовательно такимъ хозяйствомъ, которое исключаетъ всецѣло подобную дѣятельность со стороны частныхъ лицъ, можетъ быть, по логикѣ, только чисто-коммунистское хозяйство, гдѣ все общее и ничего нѣтъ частнаго. Между тѣмъ очевидно не его здѣсь разумѣетъ Гильдебрандъ, ибо прибавляетъ: «*все равно, сохраняются ли частная собственность и деньги, или нѣтъ*», а въ чисто-коммунистской общинѣ не предполагается не только денегъ и частной собственности, но и частнаго пользованія. Если же подъ всякимъ совокупнымъ хозяйствомъ, разумѣтъ и общинное хозяйство съ соразмѣрнымъ вознагражденіемъ за трудъ, съ частнымъ пользованіемъ и частнымъ приобрѣтеніемъ, то невозможность такого вовсе некоммунистскаго хозяйства, нигдѣ видна одной какой либо могучей личности, перестала какъ извѣстно давнымъ уже давно быть фактомъ. Онъ пересталъ имъ быть именно съ тѣхъ поръ, какъ въ Англіи, Франціи и Германіи осуществилось до 600

(*) „Jede Gesamtwirtschaft, welche die Einzelwirtschaft aufhebt“. Въ нѣмецк. подлинникѣ стр. 264).

всякаго рода трудовыхъ рабочихескихъ общинъ, и между ними есть чисто производительныя ассоціаціи, которыя развиваются и богатѣютъ именно при строго-соокупномъ, собирательномъ хозяйствѣ, а долготѣлая исторія многихъ изъ этихъ общинъ и ассоціацій показала, что члены ихъ не сдерживаются ни какою «одвою особенно сильною и даровитою личностью», а сдерживаются гораздо проще — нравственными убѣжденіями и личными интересами всѣхъ членовъ. Что касается искомыхъ авторомъ законовъ («отношенія личныхъ услугъ и угожденій къ общинѣ и между собою»), то на многіе изъ нихъ указывалъ Фурье. Такого же точнаго, математическаго закона, котораго Гильдебрандъ повидному доискивается, вопреки историческому методу, чисто-отвлеченными соображеніями, — одинаково не существуетъ ни для совершеннаго, ни для частнаго хозяйства. Ибо и послѣднее производить въ тысячи случаевъ на угадъ, ошибается въ своихъ расчетахъ, не получаетъ должнаго вознагражденія и очень часто подвергается опасности погибнуть отъ причинъ, отъ него нисколько независящихъ. Соокупное хозяйство имѣетъ передъ нимъ весьма простое преимущество: соединеніе силъ и всѣ послѣдствія издавна-сознанной людьми истины: одинъ умъ хорошо, два — лучше. Законъ возможности ассоціаціи и охраняющая его сила, лежатъ въ нравственной природѣ человѣка, гдѣ *личный интересъ* и *совѣсть* гармонируютъ другъ съ другомъ. Геніальный Юмъ былъ убѣжденъ, что «вообще участіе къ другимъ въ каждомъ человѣкѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ своя собственная выгода». Фергюсонъ утверждалъ даже, что «стремленіе къ соединенію (*sense of union*) часто тамъ сильнѣе, гдѣ отъ соединенія имѣютъ наименше выгоды». Во всякомъ случаѣ, когда человѣкъ входитъ въ дѣйствительно нравственныя отношенія съ ближними, въ немъ развивается по крайней мѣрѣ столько же уваженія къ требованіямъ совѣсти и любви къ справедливости, сколько эгоизма. Говоря въ началѣ такъ убѣдительно о необходимости нравственныхъ началъ въ экономической дѣятельности, Гильдебрандъ въ окончательныхъ выводахъ самъ не чувствуетъ, какъ, допуская эти начала вообще, онъ отрицаетъ ихъ въ частности. Всю частную экономическую дѣятельность онъ созидаетъ какъ будто по старой привычкѣ политико-эконома, опять на одномъ человѣческомъ эгоизмѣ, забывая свои собственные слова, забывалъ и то, что «высшее нравственное и матерьяльное благо тамъ», какъ сказалъ Кантъ, «гдѣ наклонность къ благосостоянію разумно и достаточно сдерживается наклонностью къ добродѣтели». На какомъ же основаніи Гильдебрандъ ставилъ въ упрекъ Листу, что: «всякое подчиненіе частнаго интереса общественной цѣли, является у

него только какъ требованіе благоразумія и хорошо понимаемой выгоды, а не какъ нравственная обязанность, вытекающая изъ самой природы общественнаго союза?» Но самое существенное заблужденіе Гильдебранда заключается безъ всякаго сомнѣнія въ томъ, что за одно съ французскими и англійскими политико-экономами, онъ смотритъ на человѣческій трудъ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, какъ на дѣло насильственное и мучительное, а между-тѣмъ при нравственной обстановкѣ трудъ непремѣнно самъ за себя ручается и самъ въ себѣ находитъ поддержку своей энергіи. Въ противномъ случаѣ, мы рѣшительно не могли бы объяснить существованія производительныхъ ассоціацій, какъ несомнѣннаго живого факта, осуществившагося въ западной Европѣ. Наконецъ тѣ бѣдствія, которыми грозитъ Гильдебрандъ еще въ большей мѣрѣ совокупнымъ хозяйствомъ, нежели частнымъ, суть только пока предсказанія, которымъ по всей вѣроятности, не суждено сбыться. У хозяйственныхъ общинъ, какъ собирательныхъ единицъ, и самостоятельности, и средствъ входить въ мирные союзы и взаимныя, правильно-разсчитанныя отношенія между собою, — несравненно болѣе, чѣмъ у частныхъ людей, съ ихъ страстями и капризами.

Впрочемъ никакъ не должно думать, чтобы Гильдебрандъ принадлежалъ къ числу такихъ мыслителей, которыхъ самъ онъ — за безусловное ихъ поклоненіе существующему въ западной Европѣ хозяйству — клеймитъ названіемъ мануфактуръ-философовъ. Нѣтъ.

Мы далеки отъ того, говорить онъ, чтобы... безусловно благоговѣть передъ нынѣшнею фабричною системою и не признавать, что эта система стремится къ основанію могучаго владычества капитала, которое можетъ имѣть самое гибельное вліяніе, если только не встрѣтитъ сильнаго противодѣйствія... Адамъ Смитъ впалъ въ большую ошибку, признавъ денежное хозяйство не просто переходнымъ періодомъ экономическаго развитія, а постоянною и безусловно-истинною формою народнаго хозяйства... Система его... преслѣдовала все что встрѣчалось на пути свободнаго развитія мѣны... Средневѣковыя натуральныя повинности въ отношеніи государствъ и помѣщиковъ, были переведены на деньги; но при этомъ позабыли завести кредитныя учрежденія, которыя ссужали бы крестьянъ-землеуладѣльцевъ капиталами для выкупа и улучшенія ихъ земли. Уничтожили остатки прежняго цеховаго устройства и забыли издать законы, необходимыя для ремесленныхъ ассоціацій и дать просторъ развитію рабочихъ и ремесленныхъ обществъ. Денежное хозяйство отдѣлило ручное, прядильное и ткацкое мастерства отъ сельскаго хозяйства и поставило ихъ въ соперничество съ машинами, но при этомъ забыли посредствомъ кредитныхъ учрежденій, дать этимъ ремесламъ возможность устроить самостоятельную фабричную жизнь. Повсюду вмѣстѣ съ Смитомъ про-

возгласили полную ремесленную свободу, но лишили ее условий, без которых эта свобода не может имѣть благотворныхъ дѣяній. Мало того: такъ какъ въ большей части государствъ европейскаго материка противодействовали съ политической точки зрѣнія всѣмъ стремленіямъ къ ассоціаціи и каждое собраніе, каждое общество, каждое общественное предпріятіе ставили въ зависимость отъ полицейской власти, отъ государственной опеки, то задавили всѣ дремавшіе въ народѣ зародыши ассоціацій и изъ свободы промышленности, сдѣлали какую-то неволю промышленной обособленности.

Въ слѣдствіе этого, сильно распространилось корыстолюбіе и частная торговая спекуляція, а свобода, которую денежное хозяйство сообщило естественному развитію всѣхъ общественныхъ силъ, тѣмъ болѣе была отдана въ жертву злоупотребленію, чѣмъ менѣе государственная жизнь на материкѣ была способна возбудить въ гражданахъ глубокий нравственный интересъ къ общественному благу и чѣмъ болѣе наука о народномъ хозяйствѣ какъ бы сама оправдывала это исключительное стремленіе къ личной выгодѣ. Капиталистъ ради одной минутной выгоды, могъ покупать и продавать землю, и лишать крестьянъ ихъ владѣній. Фабрикантъ могъ нѣкоторое время продавать свои товары дешевле ихъ настоящей цѣны для того только, чтобы подорвать своихъ соперниковъ и одному завладѣть цѣлымъ рынкомъ. Хлѣбный торговецъ могъ скупить произведешя земли и не пустить ихъ на рынокъ для того, чтобы произвести искусственную дороговизну. Однимъ словомъ, всякое безнравственное дѣло въ торговлѣ находило себѣ оправданіе въ началахъ торговли, а если въ дѣйствительности весь атомъ порядка не достигъ еще тѣхъ размѣровъ и силы, какіе можно было ожидать при господствѣ такихъ началъ, если эти безнравственныя злоупотребленія являлись только въ видѣ исключеній и нравственное развитіе народовъ не отставало отъ развитія экономическаго, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе промышленныхъ и торговыхъ странахъ Европы, — то это доказываетъ только, что нравственная сила народовъ гораздо могущественнѣе теоретическихъ началъ.

Но, вмѣстѣ мы полное право сказать въ настоящее время, если противодействіе владычеству капиталовъ и всѣмъ злоупотребленіямъ денежнаго хозяйства — роковая необходимость на западѣ, то гдѣ же намъ искать этого противодействія, какъ не въ ассоціаціяхъ капитала и труда, не въ ихъ органическихъ, тѣсныхъ соединеніяхъ между собою? А такія соединенія только и возможны въ формѣ болѣе или менѣе совокупныхъ хозяйствъ, т. е. ассоціацій.

Основная идея книги Гильдебранда заключается въ томъ, что денежное хозяйство «составляетъ только переходъ къ кредитному хозяйству, по взаимному обмѣну произведеній человеческого труда, основанному на личномъ общаніи, на честномъ словѣ, на довѣрдіи, на нравственныхъ качествахъ. При безусловной продолжительности

свѣей», говоритъ авторъ, «денежное хозяйство, въ свою очередь начинаетъ вредить обществу: оно даетъ возможность личнымъ талантамъ употреблять эту подвижность жизни въ свою личную выгоду и во вредъ общественному благу и утверждать господство денегъ и капитала, которое также тягостно, какъ прежде было господство земельной собственности». Въ какой формѣ представляетъ себѣ Гильдебрандъ это новое кредитное хозяйство, будетъ разъяснено имъ лишь въ послѣдующихъ томахъ сочиненія (если только они будутъ). Въ ожиданіи же этого желаннаго труда, припомнимъ замѣчательныя слова Рошера (*): «Темныя стороны кредита тѣ же, что и въ раздѣленіи труда: онъ ведетъ къ усиленію неравенства между людьми. Кто выдѣляется отъ другихъ своимъ состояніемъ или личностью, тотъ разумѣется извѣстенъ въ болѣе обширномъ кругу, чѣмъ другіе. Отъ того онъ свои и безъ того уже значительныя производительныя силы можетъ увеличить, благодаря кредиту, еще сильнѣйшимъ множителемъ... Средства, которыя могли бы удержать это гибельное стремленіе, состоятъ прежде всего въ разумно-устроенной ассоціаціи мелкихъ капиталистовъ и въ капитализаціи, если можно такъ выразиться, личныхъ качествъ. До какой степени можно довѣрять и организованной ассоціаціи работниковъ, не имѣющихъ капитала, доказываютъ носильщики тяжестей въ большихъ городахъ, русскіе артельщики и, прибавимъ мы съ своей стороны, всѣ рабочія ассоціаціи въ Англіи, Франціи и Германіи (**).

Такимъ образомъ въ книгѣ Гильдебранда читатель найдетъ превосходное изложеніе старыхъ и новыхъ экономическихъ воззрѣній, органической ихъ связи между собою и съ окружающими явленіями; нѣсколько краткое, но за то дѣльное и добросовѣстное изложеніе разнообразныхъ экономическихъ ученій; за тѣмъ умный критическій разборъ и во многихъ отношеніяхъ безукоризненно-справедливую ихъ оцѣнку. Кромѣ того книга написана изящнымъ языкомъ, изобилуетъ массою свѣтлыхъ и оригинальныхъ мыслей, и богатыхъ экономическихъ и литературныхъ свѣденій. Наконецъ, не смотря на то, что издана еще 10 лѣтъ тому назадъ, она ставитъ читателя въ научное, спокойное отношеніе къ такимъ вопросамъ, которые до сихъ поръ служатъ предметомъ или неумѣренныхъ увлеченій, или безусловныхъ порицаній. Въ этомъ то и состоитъ ея существенное значеніе и огромная заслуга.

Что касается до перевода, то мы считаемъ его однимъ изъ са-

(*) Въ перев. г. Бабста, стр. 107, § 90 и п. 4.

(**) См. статью Губера, въ *Zeitschr. für die gesammte Staatswissenschaft*, 1859, h. 3 и 3.

мых добросовѣстныхъ, какіе намъ случилось встрѣчать въ послѣднее время. Видно, что переводчикъ смотрѣлъ серьезно на свое дѣло, относился съ величайшимъ уваженіемъ къ своему автору, не употреблялъ нигдѣ для передачи его сильной и оригинальной рѣчи такъ называемыхъ вольныхъ переводовъ, вдумывался въ каждую его мысль и заботился сохранить вмѣстѣ со смысломъ, тонъ и своеобразность ея выраженія. Если встрѣтитъ читатель двѣ-три неточности (напр. „Gemeinschaft“ (общность) переводится иногда некстати словомъ «община» (Gemeinde); сравн. въ подлинникѣ: нѣмецкомъ стр. 311 и 312 и въ русскомъ стр. 260). или какое нибудь переводное противорѣчіе (когда напр. въ одномъ мѣстѣ слово: „Gebrauchswert“ переводится «полезность» (?) (Nützlichkeit), а въ другомъ, «цѣнность по употребленію», и т. п.), то не долженъ забывать, что ученый экономическій языкъ нашъ далеко не установился, а переводъ многихъ экономическихъ терминовъ требуетъ почти изобрѣтеній со стороны переводчика, слѣдовательно особеннаго знанія русскаго языка и его духа.

Литературныя воспоминанія И. Панаева

Часть первая. Современникъ 1861. № 1 и 2

Теперь я ужъ ничему не удивляюсь.

И. Панаевъ (Лит. вос. стр. 190).

Когда въ 1859 году вышли *Литературныя и театральныя воспоминанія С. Аксакова*, «Современникъ» встрѣтилъ ихъ очень дурно. Судьба присудила мнѣ быть, между-прочимъ, прилежнымъ читателемъ русскихъ журналовъ; такъ что я читалъ и статью «Современника». Съ обыкновеннымъ тономъ высочайшаго высокоумія, съ неподражаемою сухостью и рѣзкостью осуждались *Воспоминанія Аксакова*. Рецензентъ утверждалъ, что авторъ знакомить насъ съ лицами и событіями, до которыхъ намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Помню, съ особеннымъ упорствомъ рецензентъ остановился на описаніи нѣкотораго *уженья*. С. Аксаковъ имѣлъ неосторожность сказать, что одно изъ лицъ *Воспоминаній*, выудило щуку въ *столько-то фунтовъ*, положимъ въ четыре фунта. По этому поводу рецензентъ очень распространился. Онъ задавалъ себѣ и публикѣ многозначительные вопросы. Зачѣмъ намъ знать, говорилъ онъ, что *такой-то* любилъ удить рыбу? Кчему послужить свѣденіе, что онъ поймалъ щуку? Къ какой цѣли приведетъ познаніе, что эта щука, пойманная такого-то числа и такимъ-то лицомъ, вѣсила *четыре фунта*?

Вопросы трудные, и разрѣшеніе ихъ повело бы насъ очень далеко. Мы упомянули объ этой статьѣ только потому, что не прошло года послѣ нея, какъ въ первой книжкѣ «Современника» на 1860 г. явился *Воспоминанія о Бѣлинскомъ г. Панаева*, а теперь, въ первомъ же номерѣ «Современника» являются *Литературныя Воспоминанія г. Ив. Панаева*. Между-тѣмъ эти «Воспоминанія», хотя г. Панаевъ и нигдѣ не говоритъ о *низкихъ* предметахъ, въ родѣ *уженья* и вѣса пойманныхъ рыбъ, довольно слабы въ сравненіи

съ *Воспоминаніями* Аксакова. Аксаковъ писалъ высоко художественно. Онъ оставилъ намъ драгоценный памятникъ, гдѣ современныя ему лица схвачены во всей ихъ жизненности, гдѣ читатель знакомится съ ними лучше, чѣмъ можетъ быть познакомиться бы, если бы встрѣчался съ ними на самомъ дѣлѣ. Г. Панаевъ знакомитъ насъ только съ *тѣнями*. Вы видите усилія, съ которыми онъ рисуетъ, и ясно видите, что эти усилія неудачны. «Современникъ» очевидно впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Замѣтимъ впрочемъ, что подобныя противорѣчія въ немъ очень обыкновенны. Вѣдь любимая страсть его — *отрицать*. Отрицаю сколько можно, все и всѣхъ, онъ *заотрицался* до того, что можно въ каждой книжкѣ его найти то, что противорѣчитъ его предыдущей книжкѣ. Но, такъ какъ «Современникъ», по справедливому замѣчанію многихъ, пишется ради *искусства для искусства*, то читатели, вполне насладившись предыдущею книжкою, съ такою жадностью принимаются за слѣдующую, что и не думаютъ вспоминать о томъ, что читали прежде.

«Современнику», если онъ хотѣлъ оставаться вѣрнымъ своимъ началамъ, не слѣдовало бы помѣщать «Воспоминаній» г. Панаева. Но, *вообще говоря*, то есть судя не по узкой мѣркѣ «Современника», а чуть-чуть пошире, явленіе «Воспоминаній» есть дѣло вполне законное. Они годятся для первой книжки журнала, потому что читаются съ большимъ интересомъ. Какъ слабо ни проявился бы въ нихъ талантъ г. Панаева, его выручаетъ то горячее любопытство, которое возбуждаетъ предметъ. Какъ ни мало читательныхъ кружницъ въ статьѣ г. Панаева, читатели съ жадностью прочтутъ ее, чтобы найти эти крупницы.

Этотъ интересъ, это любопытство — происходятъ оттого, что дѣло идетъ ни больше ни меньше, какъ о *внутренней исторіи нашей литературы*. Читатели — знаютъ ли г. Панаевъ, что такое читатель? Читатели — народъ, большею частью глубоко-идеальный. Обыкновенно, очень обыкновенно они видятъ въ сочиненіи гораздо больше, чѣмъ сказалъ или думалъ самъ авторъ. Простолушно обманываемы, они находятъ глубокую мудрость и восторгающую красоту тамъ, гдѣ черѣдко и мудрость мелка и красота — весьма посредственна. Такимъ образомъ умъ и фантазія читателей собственною силою допоявляютъ достоинства сочиненія, и литература дѣйствуетъ на нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ сколько въ ней дѣйствительной силы.

Отсюда понятно и уваженіе, съ которымъ многіе смотрятъ на писателей. Добродушно приписывая имъ свой собственный умъ и свою собственную фантазію; читатели воображаютъ ихъ людьми съ

необычными совершенствами, особыми существами, не похожими на них самих. Если иногда читателямъ

Печатный каждый листъ быть кажется святымъ,

то вовсе не оттого, чтобы было много непогрѣшимости въ писателяхъ, но оттого, что сами читатели часто очень непогрѣшимы, и свою непогрѣшимость приписываютъ печатнымъ листамъ. Передъ ними носится высокій идеалъ умственнаго развитія, науки, поэзіи, глубокой правды и свѣтлой истины и, такъ или иначе, они стараются видѣть слѣды этого идеала въ *текущей* литературѣ.

Вотъ отчето и литераторовъ, людей служащихъ искусству, читатели также воображаютъ лучше, чѣмъ они есть. Читателямъ кажется, что слово непременно должно быть въ согласіи съ дѣломъ, что чистыя и высокія мысли должны быть соединены съ чистою и высокою жизнью, что должно быть что-то необыкновенное, почти чудесное въ томъ человѣкѣ, писанія котораго подѣйствовали на нихъ такъ чудесно и необыкновенно.

Внутренняя исторія литературы интересна для читателей прямо какъ средство приблизиться къ ихъ недоступному идеалу, сколько-нибудь захватить въ руки блестящіе образы, которые носится передъ ними. Изъ этой исторіи читатель научается нѣсколько выше цѣнить себя и иногда нѣсколько ниже цѣнить писателей. Во всякомъ случаѣ оба полюса, разорванные идеальными помыслами, сближаются. Читатель съ радостью узнаетъ, что писатели были люди, во многомъ похожіе на него самого; въ тоже время передъ нимъ яснѣе и правильнѣе обозначаются идеалы, вывшіе до тѣхъ поръ слишкомъ общія, слишкомъ яркія и сливающіяся формы.

Ни въ какомъ случаѣ однакоже, біографическія подробности не могутъ *умижать* литературы. Этому можетъ научить насъ хотя бы недавнее дѣло о *Грановскомъ*. Г. В. Григорьевъ, рассказывая о своей дружбѣ съ нимъ, старался очень много о томъ, чтобы ополчить фигуру своего покойнаго друга. Онъ писалъ объ немъ за просто, свысока, рассказывалъ всѣ будничныя мелочи, — ничего не помогло. Между прочимъ съ тою же цѣлью онъ привелъ цѣлый рядъ писемъ Грановскаго изъ Берлина; г. В. Григорьеву хотѣлось доказать этими письмами, что Грановскій въ Берлинѣ не занимался дѣломъ, а дурчался. И дѣйствительно письма наполнены по видимому великимъ издеромъ, пустѣйшими разглагольствіями, невѣроятными шутками. Но что же вышло?

Отъ этихъ писемъ вѣтъ такую прелесть, такимъ обаяніемъ, что читатель начинаетъ только больше любить Грановскаго, только больше знакомиться съ его удивительною добротою, съ его чистымъ и любящимъ сердцемъ. А г. В. Григорьевъ, даромъ что ве

писалъ глуостей и старается говорить все умныя вещи, безвозвратно погибаетъ въ глазахъ читателя.

И такъ, что золото, то останется на вѣки чистымъ золотомъ; а мишура со временемъ конечно потускнѣетъ и пропадетъ. Для читателей во всемъ этомъ неоцѣненный выигрышь, — они найдутъ наконецъ воплощеніе своихъ мечтаній, они увидятъ наконецъ согласіе высокой рѣчи съ высокими мыслями и высокимъ сердцемъ; передъ глазами у нихъ будутъ полные образы, живые люди, которыхъ они могутъ любить и уважать гораздо глубже, полнѣе, крѣпче, чѣмъ они могли уважать общій неопредѣленный призракъ писателей, людей, умѣющихъ хорошо говорить и возбуждающихъ своими словами какіе-то высокіе порывы. А крѣпко любить хорошее, значитъ самому быть хорошимъ, значитъ приближаться къ тому, что любишь.

То, что мы сказали, относится только къ *настоящимъ* читателямъ. Потомучто есть много читающихъ людей, которые вовсе не любятъ литературы и ни мало не уважаютъ писателей. Но эти люди — не настоящіе читатели, потомучто литература существуетъ не для нихъ, никогда на нихъ не рассчитываетъ, ничего для нихъ не дѣлаетъ и ничего отъ нихъ не ожидаетъ. Въ ея дѣлѣ они люди совершенно посторонніе. Какъ музыка сочиняется не для глухихъ, какъ картины пишутся не для слѣпыхъ, такъ и писатель, желающій вызвать восторгъ, пишетъ не для тѣхъ, кто вовсе не способенъ къ восторгу. Такіе люди нерѣдко однако же вмѣшиваются въ дѣла писателей и читателей. Они приступаютъ къ нимъ съ настоятельными вопросами: что вы тутъ дѣлаете? О чемъ вы такъ хлопчете? Вы кажется занимаетесь пустяками?

Сладить съ такими людьми очень трудно, труднѣе чѣмъ убѣдить слѣпого, что картина, которую онъ ощупываетъ, есть вещь хорошая, что она можетъ быть даже не хуже тѣхъ вещей, въ опунываніи которыхъ онъ находитъ несомнѣнное удовольствіе.

Литературныя воспоминанія, какія бы ни были, имѣютъ важный интересъ именно для *настоящихъ* читателей. Между тѣмъ г. Панаевъ, воспользовавшись этимъ интересомъ, опираясь на любовь, возбуждаемое жизнью литераторовъ, служить этому интересу очень дурно. Говоря прямо, онъ рисуетъ литературу съ задней стороны: онъ занимается не лицомъ этой сладкогласной сирены, а преимущественно ея хвостомъ, очень безобразнымъ и грязнымъ.

Нельзя однакоже видѣть въ этомъ измѣну литературѣ, подобно тому, какъ въ статьѣ г. В. Григорьева обнаружилась явная измѣна памяти друга. Здѣсь дѣло болѣе простое, совершенное безъ хитрости и злородства, въ простотѣ души и сердца. Дѣло въ томъ, что

г. Панаевъ, на своемъ многолѣтнемъ литературномъ поприщѣ достигъ наконецъ полнѣйшаго скептицизма. На своемъ вѣку онъ видѣлъ столько произведеній, которыми восхищался и которыя оказались дрянью, столько знаменитостей, которыя оказались посредственностями; онъ самъ такъ сильно восхищался разными лицами и твореніями, въ которыхъ потомъ разочаровался, что теперь онъ какъ-будто не знаетъ уже, что ему и думать; теперь, какъ онъ говорить, *онъ уже ничему не удивляется*. Прибавьте къ этому, что г. Панаевъ не разъ высказывалъ свое уваженіе къ мнѣніямъ журнала, въ которомъ онъ редакторствуетъ; а этотъ журналъ, если не совсѣмъ ничему не удивляется въ литературѣ, то удивляется однако же очень немногому; онъ смотритъ на литературу съ высочайшей и новѣйшей точки зрѣнія, именно съ той, что литература большею частью — побрякушки.

И такъ дѣло объясняется чрезвычайно просто и естественно. Оглянувшись на свою прошлую жизнь, г. Панаевъ вздумалъ рассказать, что онъ видѣлъ, и съ своей теперешней точки зрѣнія, необходимо долженъ былъ рассказывать о томъ, *какими пустяками занимались литераторы въ прежнее время, какихъ пустыхъ людей приносили и какъ творили многое неприличное*.

Разумѣется тутъ нечего и думать о движеніи идей, о развитіи вкуса, вообще о какомъ бы то ни было содержаніи литературы; она является у г. Панаева пустымъ пузыремъ, занимающимъ много мѣста, но ничего не содержащимъ.

Лицъ, которыя выводитъ г. Панаевъ, очень много; но всѣ они поставлены одинаково; на всѣхъ г. Панаевъ смотритъ скептически; такимъ образомъ люди, какъ Дельвигъ, Пушкинъ, Михаилъ Глинка, ничѣмъ не выдаются изъ толпы; и они похожи у г. Панаева на тѣ литературные мыльные пузыри, которые блестяли и лопались на глазахъ г. Панаева.

Манера описыванія у г. Панаева извѣстная. Онъ схватываетъ множество вѣшнихъ чертъ и никогда не въ силахъ захватить ничего внутренняго; онъ иногда вѣрно передаетъ рѣчи, но смыслъ рѣчей обыкновенно у него ускользаетъ. Понятно, что такимъ образомъ, мудрено изображать настроеніе умовъ, характеры и душевную жизнь писателей.

Насъ очень удивило то, что въ *Воспоминаніяхъ* очень мало говорится о Пушкинѣ. Первая часть Воспоминаній обнимаетъ время отъ 1830 до 1839 г. Конечно г. Панаевъ не былъ знакомъ съ Пушкинымъ, но для насъ было бы любопытно подробнѣе знать тогдашніе толки объ немъ, впечатлѣніе произведенное его смертью и т. п.

Вотъ какъ г. Панаевъ рассказываетъ о своей первой встрѣчѣ съ Пушкинымъ :

- До этого я нигдѣ никогда не встрѣчалъ Пушкина. Я преодолѣлъ робость, которую ощутилъ при первомъ взглядѣ на этого великаго литературнаго авторитета, подошодъ къ прилавку, у котораго онъ стоялъ, (встрѣча была у тогдашняго книгопродавца Смирдина) и началъ внимательно и въ подробности разсматривать црота. Прежде всего меня поразили огромные ногти Пушкина, походящіе больше на ногти. Выраженіе лица его показалось мнѣ очень симпатическимъ, а улыбка чрезвычайно пріятной и даже добродушной. Онъ спросилъ у Смирдина, не помню, какую то книгу... и пр.

Дальше нѣтъ ровно ничего замѣчательнаго, такъ что неизвѣстно чѣмъ все это написано. Говорится о томъ, что какой-то господинъ запросто обращался съ Пушкинымъ, что Смирдинъ юдиль передъ нимъ, а г. Панаевъ, хоть не юдиль, но смотрѣлъ на него съ великимъ благоговѣніемъ; такъ что мы только и узнаемъ о Пушкинѣ, что у него были *огромные ногти, походившіе больше на ногти*. Такое важное обстоятельство *поразило г. Панаева прежде всего*. Что же касается до своего благоговѣнія, то г. Панаевъ очевидно теперь смѣется надъ нимъ, точно такъ какъ надъ своимъ восторгомъ въ отношеніи къ Кукольникову, о которомъ говорить на слѣдующей страницѣ.

Разсказъ о Михаилѣ Глинкѣ блистаетъ тѣми же особенностями таланта г. Панаева и блистаетъ даже особенно ярко. Выпишемъ его :

Я сидѣлъ возлѣ М. И. Глинки.

Глинка перелъ ужиномъ былъ въ дурномъ расположеніи духа. Онъ говорилъ мало и не хотя, гордо поднималъ свою голову и, заложивъ руку за жилетъ, важно прохаживался въ толпѣ, *будуруя* всѣхъ своихъ знакомыхъ. Такія минуты находили на него часто. За ужиномъ онъ однако мало по малу расходился, говорилъ мнѣ о своихъ музыкальныхъ планахъ, о своемъ «Русланѣ», надъ которымъ онъ тогда трудился, о будущности Россіи (это былъ одинъ изъ любимыхъ его разговоровъ) и о русскомъ народѣ. Глинка полагалъ, что онъ хорошо знаетъ народъ и умѣетъ говорить съ нимъ. При такого рода разговорахъ онъ обыкновенно очень одушевлялся, глаза его сверкали, онъ щипалъ руку того, съ тѣмъ говорилъ, и безпрестанно повторялъ «не правда ли?». Въ этотъ разъ онъ щипалъ мнѣ руку до синяковъ.

Глинка былъ человекъ страстный, увлекающійся, настоящій артистъ, и въ такія минуты онъ возбуждалъ къ себѣ большую симпатію и увлекалъ многихъ своими фантазіями и парадоксами, потому что въ его увлеченіяхъ не было ничего поддѣльнаго... надобно было только сидѣть отъ него подальше. Но когда кто-нибудь затрогивалъ чуть-чуть его самолюбіе, или ему только казалось это, онъ скандировалъ

стершимъ горлъ, душой подымаясь на ходули и принимая важныя и преслѣдныя позы, являе не шедшія къ его маленькой фигуркѣ...

Вотъ и все. Неправда ли какъ это похоже на мыльный пузырь? «Расходился, глаза сверкаютъ, шивлетъ руку. А то бываетъ, что вадуетоя, маленькая фигурка, важныя позы...» Да гдѣ же во всемъ этомъ содержаніе? Какъ думалъ, чего желалъ, чѣмъ жилъ этотъ человѣкъ? Внутренняя жизнь людей для г. Панаева какое-то заколдованное царство; онъ останавливается какъ разъ на границѣ этой жизни, не умѣя ступить ни одного шага впередъ. Намъ кажется, на это мѣсто *Воспоминаній* можно бы сдѣлать такое толкованіе: Глинка, вродушевденный какими-то мыслями, много говорилъ г. Панаеву и щипалъ его руку, стараясь пробудить въ немъ вниманіе къ своимъ рѣчамъ и желая, чтобы онъ не упустилъ ихъ смысла. Но Глинка ошибся въ расчетѣ и ни до чего не добился; можетъ быть онъ еще недостаточно больно щипалъ г. Панаева, а можетъ быть, что ужъ черезъ-чуръ больно. Такъ что г. Панаевъ помнитъ только, что рѣчь была о Русланѣ, о Россіи, о русскомъ народѣ, но что такое, позабылъ; въ памяти же у него только и осталось, что Глинка пощипалъ ему руку.

Впрочемъ г. Панаевъ очевидно очень мало цѣнитъ всякія мысли, всякія мнѣнія и настроенія умовъ, словомъ все то, чего онъ никакъ не можетъ замѣтить и передать. Онъ называетъ мысли Глинки *фантазіями и парадоксами*. Вотъ почему онъ конечно ничего и не говоритъ объ нихъ, если можетъ быть что-нибудь и помнить. Вотъ почему и убѣжденія другихъ лицъ у него также ни гдѣ не указываются, не обрисовываются ни одною чертою. Вотъ почему и тѣ мнѣнія, которыя у него высказываютъ иногда герои его *воспоминаній*, или такъ выбраны, или такъ сказаны, что являются пущѣйшими фразами.

Печальная судьба! Прожить со столькими людьми, переслушать столько рѣчей, волноваться, восхищаться и наконецъ дойти до убѣжденія, что все это *фантазии и парадоксы*! Мы не столько сожалѣемъ объ ищипанной рукѣ г. Панаева, сколько о такомъ поистинѣ плачевномъ расположеніи его мыслей.

Какъ одно изъ самыхъ характеристическихъ мѣстъ, приведемъ разсказъ, тотчасъ слѣдующій за выписаннымъ нами мѣстомъ.

Послѣ ужина всѣ смодкли, потомучто Глинка, почувствовавъ вдохновеніе, сѣлъ къ фортепяно и началъ импровизировать. Кукольникъ стоялъ у фортепяно, восклицая по временамъ «дивно!» и обращаясь къ офицерамъ, шепталъ, прикладывая указательный перстъ къ губамъ: «слушайте, слушайте, п—цы!»

Въ заключеніе Глинка пропѣлъ романсъ:

Въ крови горить огонь желанья,

страстнымъ, задыхающимъ голосомъ, дико поводя глазами на слушателей.

И только! ни одного слова о впечатлѣнїи и о достоинствѣ музыки! Вы видите, какъ рассказываетъ г. Панаевъ. На сценѣ персты, губы, глаза и все подобное; но гдѣ *душа* у дѣйствующихъ лицъ и у самаго рассказчика, этого вы никакъ не добьетесь. Говорить, Глинка пѣлъ удивительно; говорятъ импровизаціи его были часто выше композицій, которыя мы знаемъ. Обо всемъ этомъ любопытно бы услышать отъ очевидцевъ; какимъ образомъ г. Панаевъ могъ удержаться, чтобы ничего не сказать объ этомъ, ужъ Богъ его знаетъ.

Вмѣсто того онъ рассказываетъ слѣдующее:

Потомъ онъ (Глинка) повелъ рукою по лбу и волосамъ (это онъ часто дѣлалъ въ минуты волненія), всталъ со стула, изъ-за плеча бросилъ гордый взглядъ на всѣхъ (кто изъ знавшихъ Глинку не помнитъ этого взгляда?) прошелся по комнатѣ, допилъ свой стаканъ, подошелъ ко мнѣ, улыбаясь, ущипнулъ меня и скавалъ ..

И сказалъ пустяки, правда очень милые, но все-таки пустяки, которые однакоже г. Панаевъ тщательно выписываетъ. Какъ видите, манера автора достигаетъ въ этомъ отрывкѣ полного апогея. Имъ и оканчивается весь рассказъ о Глинкѣ. Чтоже хотѣлъ сказать г. Панаевъ? Что скрывается за этими таинственными описаніями: «повелъ рукою, всталъ, взглянулъ, ущипнулъ» и т. д.? Если г. Панаевъ желаетъ осудить Глинку за гордость, то едвали успѣетъ сколько-нибудь повредить Глинкѣ въ глазахъ читателей. Глинка былъ гордъ, да вѣдь было и чѣмъ гордиться. Все-таки маленькая фигура Глинки будетъ для насъ мила, можетъ быть милѣе самаго г. Панаева, котораго онъ щипалъ и отъ котораго ничего недощипался, кромѣ этого страннаго рассказа...

Самый замѣчательный фактъ, о которомъ говорится въ первой части *Воспоминаній*, есть безъ сомнѣнїя быстрый и блестящій успѣхъ Кукольника, слава, которая такъ ярко засіяла и такъ скоро померкла. Наша литература, еще очень молодая, уже богата многими поучительными примѣрами. Къ числу ихъ принадлежитъ и появленіе такихъ скоропреходящихъ метеоровъ, какъ Кукольникъ. Быть можетъ г. Панаевъ объясняетъ такіе метеоры очень просто, какими-нибудь общими *фантазіями*, какими-нибудь причудами общественного вкуса, не имѣющими ни основанія, ни смысла; но литературная метеорологія не можетъ довольствоваться подобнымъ пониманіемъ вещей. Ей нужна связь явленій съ эпохою, когда они проис-

ходили; для нея необходимо знать источники и законы развитія даже неправильныхъ, болѣзненныхъ явленій. Подобныя свѣденія она могла бы кажется всего удобнѣе почерпнуть у современниковъ явленія, у его очевидцевъ. Г. Панаевъ самъ принадлежалъ къ пламеннымъ поклонникамъ Кукольника; казалось бы, ему легко было отвѣчать на вопросъ, чѣмъ же онъ такъ восхищался, что возбуждало его восторгъ? Но попробуйте прочитать его *Воспоминанія* и попробуйте поискать отвѣта на эти вопросы; ни одной черты, ни малѣйшаго намека! Необыкновенное искусство!

Выписываемъ первое свиданіе г. Панаева съ Кукольниковомъ.

Въ 7 часовъ мы были у Гижилинскаго.

Черезъ полчаса явился поэтъ.

Въ это время еще онъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ идеализированнымъ портретомъ, который впоследствии былъ слѣланъ Брюловымъ. На насъ произвела сильное впечатлѣніе его сухощавая и длинная фигура, его блѣдное и продолговатое лицо, черные задумчивые глаза и какой-то особенный тонъ, который казался намъ пророческимъ. При этомъ Кукольникъ говорилъ по печатному на букву О, что придавало особенную вѣскость и торжественность его словамъ.

Слушателей собралось человекъ десять. Гижилинскій всѣхъ насъ представилъ поэту. Кукольникъ наждаго изъ насъ обнялъ и поцѣловалъ.

— Господа, произнесъ онъ: — отъ души радъ съ вами сблизиться. Вы любите и чтите искусство, а искусство — моя святыня, которой я обрекъ себя на служеніе. Всѣ, любящіе искусство, близки мнѣ, слѣдовательно, хотя я вижу васъ въ первый разъ, но уже считаю васъ какъ бы ровными и близкими себѣ.

Кукольникъ вскорѣ приступилъ къ чтенію «Руки Всевышняго», зачѣтивъ впрочемъ, что онъ не считаетъ эту драму лучшимъ своимъ произведеніемъ; что у него задуманъ цѣлый рядъ драмъ изъ жизни итальянскихъ художниковъ, требовавшихъ огромной *ардуици*, изъ которыхъ одна: «Джуліо Мости» приведена почти совсѣмъ къ окончанію, и что это его любимое, *задушевное* произведеніе.

Кукольникъ прочелъ намъ свою драму мастерски, съ эффектомъ. Слушатели были плохіе судьи; имъ не могло прійти въ голову ни о томъ, какая мысль движетъ произведеніемъ, ни о томъ, заключаетъ ли оно въ себѣ хоть тѣмъ исторической правды. Мы восхищались только эффектными стихами и монологами. Этого одного довольно было, чтобы «Рука Всевышняго» показала намъ замѣчательнымъ произведеніемъ.

Когда Кукольникъ кончилъ, было уже около часа. Послѣ изъясненія восторговъ, начались приготовления къ ужину.

За ужиномъ Кукольникъ говорилъ неутомкаемо, и каждое слово его казалось намъ чуть не откровеніемъ. Онъ поразилъ насъ своими обширными и многосторонними свѣденіями, что было очень не мудроно при отсутствіи въ насъ всякихъ свѣденій.

Послѣ ужина онъ сѣлъ на диванѣ. На столѣ передъ диваномъ поставлена была бутылка съ краснымъ виномъ. Мы разсѣлись кругомъ поэта. Рѣчь его становилась все вдохновеннѣе и возвышеннѣе, по крайней мѣрѣ намъ такъ казалось. По поводу къѣмъ-то изъясненнаго восторга о его «Тассѣ», Кукольникъ замѣтилъ, что это произведение дѣтское, слабое сравнительно съ его «Мости» и съ тѣмъ рядомъ произведений, которыя замышлены имъ.

— Сказать ли вамъ, господа, что смущаетъ меня, произнесъ Кукольникъ въ заключеніе: я съ вами буду говорить прямо: меня смущаетъ мысль, что русская публика еще не доросла до пониманія серьезныхъ произведений. Много ли въ ней такихъ, какъ вы? Мнѣ кажется, я брошу писать по русски, а буду писать или по итальянски, или по французски.

Слова эти произвели на всѣхъ насъ потрясающее впечатлѣніе — «У-у! киковъ!» подумали мы, перемигнувшись другъ съ другомъ, и съ нѣкоторымъ страхомъ взглянули на Кукольника, какъ на существо, выходящее изъ ряда вонъ, высшее... Потому мнѣ показалось немалого подвѣрительнымъ, чтобы можно было также хорошо владѣть чужими языками, какъ своими отечественнымъ, но и тотчасъ же устыдился своего сомнѣнія.

— Мнѣ это больно, горько, продолжалъ поэтъ, — и на глазахъ его, по крайней мѣрѣ такъ показалось намъ, были слезы: — я люблю Россію горячо, но дѣлать ничего! все-таки, я думаю, прійдется бросить русскій языкъ..

Мы начали умолять поэта, чтобы онъ не дѣлалъ этого и вслѣдствіе бы русскую литературу и наше любезное отечество — слава: что онъ и въ Россіи найдетъ себѣ много истинныхъ приверженцевъ и почитателей... Что касается до насъ, мы почти дали ему слово въ вѣрности на всю жизнь.

Кукольникъ долго молчалъ. Бутылка была опорожнена, онъ прислонился къ спинкѣ дивана и закрылъ глаза.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ вѣки и медленнымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ насъ.

Этотъ взглядъ показался мнѣ до того многозначительнымъ, что и вздрогнулъ.

— Благодарю васъ, искренно и отъ всего сердца благодарю, произнесъ Кукольникъ глубоко растроганнымъ голосомъ: — не за себя благодарю, за искусство, великое дѣло котораго вы такъ горячо принимаете къ сердцу... Да, я буду писать по русски, и долженъ писать по русски, уже по одному тому, что я нахожу такихъ русскихъ, какъ вы!

Кукольникъ всталъ, обнялъ насъ и сказалъ, что онъ счастливъ приобрѣта себѣ такихъ друзей, какъ мы...

— Добрый хозяинъ дома дастъ намъ еще бутылку вина, прибавилъ Кукольникъ и мы скрѣпимъ союзъ нашъ брудершафтомъ.

Мы равстались съ поэтомъ часа въ четыре утра, убѣжденные въ его гениальности.

Я долго не могъ заснуть, и все думалъ о счастьи быть другомъ такого поэта и говорить ему. *и...*

Неправда ли какъ все это смѣшно и пусто? Г. Панаева поразилъ только чрезмѣрный порывъ самолюбія Кукольника, да еще бутылка, которая передъ нимъ стояла, т. е. что было самое худшее, то и осталось въ памяти г. Панаева и теперь сохранено для потомства. Больше онъ ничего не могъ вынести изъ этой сцены, хотя Кукольникъ говорилъ четыре часа сряду и г. Панаевъ внималъ ему, благоговѣя и содрагаясь. Что такъ вдохновляло Кукольника, и дѣйствительно ли было что-нибудь, чѣмъ онъ вдохновился, остается покрытымъ тайною. Г. Панаеву, если не ошибаемся, все это представляется кѣкимъ-то сномъ, въ которомъ онъ ничего не разберетъ. Онъ безпрестанно повторяетъ: *намъ такъ казалось, мнѣ показалось*, и т. н. Понятно, почему онъ такъ говоритъ. При его разсказѣ у каждаго невольно рождаются вопросы: да изъ чего же вы восхищались, трепетали и плакали? Что тутъ было хорошаго? Вотъ онъ заранѣе и замѣчаетъ: ничего не было, а *такъ намъ показалось...*

Послѣ этого не правъ ли былъ Кукольникъ, вздумавшій писать по итальянски, или по французски? Вѣдь еслибы какой-нибудь французъ или итальянецъ прослушалъ его четыре часа, невѣрно онъ сказалъ бы о содержаніи его рѣчей больше, чѣмъ г. Панаевъ. Да и нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой талантъ какъ Кукольникъ, въ другой болѣе развитой литературѣ, при другихъ вліяніяхъ, при *другихъ слушателяхъ*, могъ бы развиваться несравненно правильнѣе и богаче.

Нѣсколько далѣе г. Панаевъ рѣшился таки хоть что-нибудь привести изъ того, что слышалъ отъ Кукольника. Вотъ эти драгоценныя строки:

... однажды, разговорясь о литературѣ и о значеніи Пушкина, онъ сказалъ:

— Пушкинъ, безспорно, поэтъ съ огромнымъ талантомъ; гармонія и звучность его стиха удивительны, но онъ легкомысленъ и не глубокъ. Онъ не создалъ ничего значительнаго; а если мнѣ Богъ продлитъ жизнь, то я создамъ что-нибудь прочное, серьезное и можетъ быть даже другое направленіе литературѣ... (Передавая слышанное мною изъ устъ поэта, я ручаюсь конечно только за вѣрность мысли, а не за слова и обороты фразъ).

Какъ это забавно! Г. Панаевъ разсказываетъ это съ особенными предосторожностями, какъ что-то невѣроятное и чудовищное. Помните, чтожь тутъ удивительнаго? Отчего же вновь выступающему поэту нельзя мечтать, что онъ превзойдетъ Пушкина? А что

касается до того, что Кукольникъ былъ не высокаго мнѣнія о Пушкинѣ, такъ и тутъ нѣтъ большого дѣла. Такія-ли мнѣнія мы слышали! То ли еще было, не то что говорено въ дружеской бесѣдѣ, а напечатано во всеуваженіе! Ужь не Кукольнику же удивлять насъ своею заносчивостью!

Г. Панаевъ нѣсколько коварно замѣчаетъ, что пророчества Кукольника относительно будущаго превосходства надъ Пушкинымъ не сбылись. Совершенно справедливо, но можно сказать, что Кукольникъ предугадалъ по крайней мѣрѣ судь потомства надъ Пушкинымъ, предугадалъ то мнѣніе, котораго только съ недавняго времени сталъ держаться «Современникъ», именно что Пушкинъ *легкомысленъ и не глубокъ*.

Разсказъ г. Панаева о его знакомствѣ съ Булгаринымъ представляетъ также нѣчто очень замѣчательное. Пусть судятъ сами читатели.

Когда Кукольникъ подвелъ меня къ Булгарину, Булгаринъ схватилъ мою руку и спотыкаясь почти на каждомъ словѣ, скороговоркою произнесъ, брызгая слювой:

— Очень радъ, очень радъ, почтеннѣйшій! Я васъ, еще не зная, душевно полюбилъ за вашу повѣсть... вы пишете чистымъ русскимъ языкомъ, прекрасный слогъ, прекрасный. Полюбите меня, не слушайте моихъ враговъ... Я рѣжу всѣмъ правду-матку въ глаза, оттого и нажилъ много враговъ... Дядюшку вашего я уважаю. Мы съ нами старые знакомые... достойный человекъ, достойный...

Въ ту минуту, какъ онъ мнѣ говорилъ это, я курилъ сигару и пустилъ ему дымъ прямо въ ротъ.

Булгаринъ поперхнулся.

Съ тѣхъ поръ, при упоминаніи о моихъ повѣстяхъ въ «Пчелѣ», онъ всякій разъ заговаривалъ о сигарѣ совершенно не кстати, уверяя, будто всѣ изображаемыя мною лица непременно курятъ сигары, что эти сигары весьма неумѣстны и что можно быть конечно охотникомъ до нихъ, но не надоѣдать съ ними въ литературѣ. Кромя меня и Булгарина никто конечно не понималъ, что это значить.

Ну можно ли такъ разсказывать? Можно ли до такой степени темно выражать смыслъ важнаго событія! *Я курилъ сигару и пустилъ ему дымъ прямо въ ротъ...* Что же это значить? Нарочно вы пустили дымъ въ ротъ Булгарина, или это было случайно? Изъ вашего разсказа ничего понять нельзя. Если это было не нарочно, если вы просто провинились въ неловкости, и потомъ, смутившись и можетъ быть даже извинившись передъ Булгаринымъ, то разумѣется онъ виноватъ, что такъ раздражился пустяками и сталъ васъ преслѣдовать литературно. Но дѣло было кажется не такъ. Г. Панаевъ какъ будто хвалится, говоря, что онъ пустилъ

дымъ прямо *ex parte* Булгарину; потомъ онъ ясно говоритъ, что онъ скрываетъ этотъ случай ото всѣхъ. Слѣдовательно это было нѣкотораго рода *не литературное нападеніе*, совершенное съ большою ловкостью. Дѣло, вообще говоря, непохвальное, Булгаринъ такъ не любимъ всѣми, что читатели конечно не поставятъ г. Панаеву въ вину такое нападеніе и можетъ быть даже порадуются ему. Жаль, что г. Панаевъ такъ темно рассказываетъ о событіяхъ, въ которыхъ самъ былъ героемъ, и которыя, какъ онъ самъ пишетъ, отозвались въ литературѣ, именно въ таинственныхъ толкахъ Булгарина о сигарахъ и ихъ куреніи лицами повѣстей г. Панаева. Мы теперь могли бы получить наконецъ ключъ къ уразумѣнію этихъ тонкихъ намековъ; но, трудно сказать почему, по особой ли манерѣ писанія, или по какимъ нибудь высшимъ соображеніямъ, г. Панаевъ оставилъ тайну попрежнему неразгаданною.

И вообще много, очень много любопытнаго заключаютъ «Воспоминанія» г. Панаева; но чтобы вѣрно понять эти отдѣльныя черты и мелочныя обстоятельства, нужно прибѣгать къ такимъ сложнымъ соображеніямъ, къ такому внимательному и тонкому толкованію, что невольно разсердишься на автора за утомленіе, которое онъ наводитъ; за то, что онъ не умѣетъ и не хочетъ сказать именно того, что для насъ всего любопытнѣе.

Въ № 2 «Современника» явилась остальная половина первой части «Воспоминаній». Она гораздо интереснѣе первой половины по тѣмъ лицамъ, до которыхъ касается. Кого не видалъ, съ кѣмъ не былъ знакомъ г. Панаевъ! Здѣсь выходятъ на сцену Олоевскій, Кольцовъ, Надеждинъ, Гоголь, Соллогубъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій и т. д. Но читателя только обманываютъ, только дразнятъ искусно составленныя, испещренныя всякими именами, длинныя оглавленія, красующіяся надъ каждою главою г. Панаева. Подъ этою радужною оболочкою скрывается очень мало и часто ровно ничего нѣтъ.

Оказывается, что г. Панаевъ еще видалъ Пушкина у Олоевского, что онъ очень часто видѣлъ Лермонтова у г. Краевского; но ничего не успѣлъ схватить и понять въ нихъ г. Панаевъ. Говоря о Пушкинѣ, онъ только повторяетъ битую фразу о его аристократизмѣ. О Лермонтовѣ онъ болѣе распространяется. Онъ рассказываетъ необыкновенно интересный фактъ, что однажды Лермонтовъ *опрокинулъ ученаго редактора* (г. Краевского) *со стула*, и передаетъ вѣнчанный никакаго интереса разговоръ между Лермонтовымъ и г. Краевскимъ о стихотвореніи: *Встѣ рѣчи, — значенье*. За тѣмъ г. Панаевъ

пускается даже въ общія разсужденія о Лермонтовѣ, какъ о человеѣкъ и какъ о писателѣ. По его словамъ *миросозерцаніе Лермонтова гораздо шире и глубже Пушкина*. Такой отзывъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ неблагоприятнымъ взглядомъ на Пушкина, котораго держится «Современникъ» и который проглагольвается и у г. Панаева. Но хотя здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ, замѣтимъ, что миросозерцаніе Лермонтова относится къ миросозерцанію Пушкина совершенно такъ, какъ неустановившійся и тревожный взглядъ юноши, къ свѣтлomu и спокойному созерцанію зрѣлаго мужа. Сочиненія Пушкина заставляютъ любить его всюю душою. Въ сочиненіяхъ Лермонтова есть и нѣчто отталкивающее, точно такъ, какъ много было отталкивающаго и въ самомъ Лермонтовѣ.

Вѣрный своимъ всегдашнимъ приемамъ, г. Панаевъ и въ послѣднихъ главахъ обращаетъ преимущественное вниманіе на всамыя пошлости. Онъ разсказываетъ подробно неизбѣющій никакого смысла анекдотъ съ какимъ-то сотрудникомъ Сенковского, человекомъ котораго даже имени не помнитъ г. Панаевъ, но который запечатлѣлся въ его памяти вѣроятно потому, что *имѣлъ въ карманѣ красную фуфайку, которая виднѣлась изъ подъ пальто и высовывалась изъ за рукавовъ*.

Говоря о Кольцовѣ, г. Панаевъ распространяется почти только объ одномъ фактѣ, о томъ, что тогдашніе литераторы обращались съ Кольцовымъ съ высока, а Кольцовъ между тѣмъ видѣлъ ихъ насквозь. Да Богъ съ ними, съ тогдашними литераторами! Вы бы намъ лучше побольше разсказали о самомъ Кольцовѣ,

Впрочемъ вотъ еще что г. Панаевъ сообщаетъ относительно Кольцова:

Кольцовъ былъ небольшого роста и казался довольно крѣпкаго сложенія. Одѣтъ онъ былъ даже съ нѣкоторою претензіею на щегольство: на манжеты его сверкали пуговицы съ камешками, сверху жилета красовалась цѣпь отъ часовъ, онъ былъ напомаженъ и даже раздушотъ. Високѣдствіи за эти духи ему жестоко доставалось отъ Бѣлинскаго. «Охота вамъ прысаться и душиться какою-то гадостью», говорилъ онъ: «отъ васъ какимъ-то бергамотомъ или гвоздичкой пахнетъ. Это нехорошо. Если мнѣ не вѣрите, спросите у него (я Бѣлинскій указывалъ на меня), онъ франтъ, онъ ужь, батюшка, авторитетъ въ этомъ дѣлѣ».

Главное здѣсь — конечно необыкновенно-милая черта душевной доброты Бѣлинскаго. Но г. Панаевъ разсказываетъ такъ, что вполне вызываетъ самое злонамѣренное толкованіе. Какое презрительное описаніе туалета Кольцова! Разсказъ точно имѣетъ цѣлю доказать, что впащная вѣдшность г. Панаева, служила въ этомъ

образомъ для нашихъ литераторовъ и что самъ Бѣлинскій указывалъ на г. Панаева, какъ на авторитетъ въ этомъ дѣлѣ.

Да не подумаетъ читатель, что мы желаемъ сибѣться надъ извѣстными всему читающему міру изяществомъ туалета г. Панаева; мы ничего не имѣемъ ни противъ чистыхъ перчатокъ, ни противъ весомаѣннаго превосходства голландскаго полотна или батиста надъ галенкоромъ. Для г. Панаева настала теперь такая минута въ нашей литературѣ, что лишь только какой нибудь журналъ, особенно изъ враждебныхъ «Современнику» заговоритъ о немъ, г. Панаевъ, то прежде всего начнетъ рыться въ его гардеробѣ и спрашивать, какой мортвой его одѣваетъ. Право, подумаешь, что каждый новый образъ К. Панаева современная критика считаетъ личнымъ своимъ оскорбленіемъ. Пора бы ужъ это и оставить. Г. Панаевъ быть можетъ не безъ умысла привелъ этотъ разговоръ о Кольцовѣ, чтобы показать, что вѣдливость дурного вкуса замѣтно непріятно подѣйствовала и на самаго Бѣлинскаго. Все это такъ... и почему не говорить объ этомъ, но останавливаться только на этомъ и не пойти на шагъ глубже непростительно. Совершенно вонятно что Кольцовъ, какъ всякій человекъ, вышедшій изъ низкаго слоя общества, съ одной стороны самъ меловко старался принять видъ того слоя, въ который подвнялся; съ другой стороны терпѣлъ высокострѣіе людей этого слоя, и ясно видѣлъ это высокострѣіе. Да что же изъ этого? Только-то мы и узнаемъ о Кольцовѣ?

Такой чувство неудовлетвореннаго любопытства оставляетъ весь разговоръ г. Панаева. А между тѣмъ, нельзя же замѣтить, что разговоръ написанъ съ полнымъ простодушіемъ, съ самою неподдѣльною искренностью. Недостатки разсказа происходятъ вовсе не отъ недостатка желанія сказать правду или отъ ложнаго свѣта, бросаемаго на событія. Мы думали, что найдемъ у г. Панаева и что-нибудь объ его собственной литературной дѣятельности, что-нибудь такое, что поясняло бы ея значеніе, ея внутреннюю исторію. Г. Панаевъ ничего не говоритъ объ этомъ предметѣ. Онъ разсказываетъ только о томъ переворотѣ, который совершился въ его мнѣніяхъ, когда появились Гоголь и Бѣлинскій. Очевидно г. Панаевъ уроденный обличитель. То-то ему такъ душно было въ предыдущемъ періодѣ литературы; то-то онъ съ такимъ презрѣніемъ отзывается и теперь объ этихъ людяхъ, которыхъ онъ не понималъ, о которыхъ онъ только и помнитъ, что они все толковали что-то о *святыняхъ искусства*.

Вполнѣ вѣрнѣе г. Панаеву, что онъ восхитился Бѣлинскимъ съ первой же его статьи, что онъ тотчасъ же призналъ высокій талантъ Гоголя, словомъ, что онъ изъ числа первыхъ услышалъ вѣд-

ніе новаго духа въ литературѣ. Въ этомъ случаѣ г. Панаеву помогъ его естественный инстинктъ, врожденное расположеніе ого ума. Можетъ быть съ нами согласятся, что талантъ г. Панаева, какой у него есть, могъ свободнѣе развиваться только при этомъ новомъ духѣ литературы.

Этотъ талантъ остался вѣренъ самому себѣ и въ Воспоминаніяхъ. Къ сожалѣнію область литературы есть чуждая для него область, и какъ читатели видѣли, онъ не могъ здѣсь обнаружиться въ такой силѣ, какую проявилъ въ изображеніи хлыщей, актеоновъ, камелій и проч. Сказать правду—въ *Воспоминаніяхъ* г. Панаеву удалось только два лица, его пріятель Кречетовъ и г. Краевскій. Не ясно ли видно отсюда, въ чемъ сильная сторона таланта г. Панаева? Кречетовъ вовсе не относится къ литературѣ и слѣдовательно вышелъ изъ подъ пера г. Панаева невольно, самъ собою. Что же касается до г. Краевского, то здѣсь очевидно употреблены нарочные труды, болѣею частью весьма успѣшныя. Малѣйшія особенности и случаи, относящіеся къ г. Краевскому, г. Панаевъ тщательно выставляетъ на видъ. Стараній его нельзя не замѣтить. Можно думать, что г. Панаевъ считаетъ г. Краевского самымъ важнымъ изъ всѣхъ литературныхъ дѣятелей, съ которыми встрѣчался. Между тѣмъ разгадка всего этого, какъ кажется, кроется въ старинной борьбѣ «Современника» съ «Отечественными Записками», въ этой нескончаемой враждѣ Монтеки и Капулетти, въ неумолимой вѣдеттѣ, повидямому готовой перейти изъ рода въ родъ. Намъ это напомнило старину, и мы удивились тому жару (если можно приписать къ г. Панаеву такое выраженіе), который, какъ видно, до сихъ поръ еще сохраняютъ враждующія стороны.

Оканчивая разборъ «Воспоминаній» г. Панаева, мы не можемъ не отдать справедливости (и дѣлаемъ это съ величайшимъ удовольствіемъ) искренности рассказовъ автора, непринужденности и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайной занимательности ихъ. Но главное, мы должны быть особенно благодарны г. Панаеву за то, что онъ рѣшился записать и опубликовать свои воспоминанія. У насъ такъ мало сочиненій въ этомъ родѣ; нельзя не пожелать, чтобъ прѣмъ г. Панаева соблазнилъ когонибудь изъ старыхъ литераторовъ слѣлать тоже самое. Мы же съ нетерпѣніемъ ждемъ продолженія «Воспоминаній».

Одинъ поступокъ и нѣсколько мнѣній г. Камина Виногорова въ № 8 газеты «Вѣкъ»

Извѣстно, что многіе издавна считали Пушкина безнравственнымъ поэтомъ. Уже поэма *Русланъ и Людмила* возбудила негодованіе почтенныхъ мужей, и одинъ изъ *увѣличенныхъ первоклассныхъ отечественныхъ писателей* привѣтствовалъ ее стихомъ :

• Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть! •

Негодованіе на безнравственность Пушкина съ тѣхъ поръ не прекращалось. Въ свое время органомъ его былъ знаменитый журналъ *Маякъ*. Казалось бы, что вопросъ столь давнишній въ настоящее время уже достаточно проясненъ, что рѣшеніе его теперь уже ясно всякому, хотя мало свѣдущему человѣку. Но

• Ничто не старо подъ луною! •

Нынѣ вопросъ о Пушкинѣ возникъ съ болѣею силою, чѣмъ когда бы то ни было. Одинъ наиболѣе читаемый и любимый публикою журналъ — «*Современникъ*» и нынѣ, Богъ знаетъ что такое, называющееся *Домашнею Бельдою* г. Аскоченскаго, постоянно стараются внушить публикѣ, что Пушкинъ есть писатель *безнравственный*. Въ этомъ и «*журналъ*» и «*нынѣ*» вполне согласны и разнятся между собою только въ томъ, что г. Аскоченскій считаетъ Пушкина *противоо нравственнымъ*, то-есть принимаетъ его за гибельное проявленіе темныхъ, злыхъ силъ; «*Современникъ*» же признаетъ его только *нравственнымъ*, то есть пустымъ празнословомъ, не производящимъ благого нравственнаго вліянія на читателей. Такъ что «*Современникъ*» очевидно ставитъ Пушкина еще несравненно ниже, чѣмъ г. Аскоченскій.

Новый органъ нашей литературы, еженедѣльная газета *Вѣкъ*, начавшая выходить съ нынѣшняго года, недавно обнаружила, что

и она раздѣляетъ мнѣніе о безнравственности Пушкина. До свѣдѣнія нѣкотораго участвующаго въ *Вѣкъ*, г. Виногорова, дошло, что 27 ноября въ Перьми, на музыкально-литературномъ вечерѣ, г-жа Толмачева читала стихотвореніе Пушкина: *Египетскія ночи*. И вотъ «Вѣкъ» въ лицѣ г. Виногорова объявляетъ, что чтеніемъ такого произведенія попирается *всякое чувство стыдливости*, и обнаруживается *безнравственный взглядъ* на вещи.

По видимому, нельзя не прійти въ умиленіе при видѣ такихъ заботъ о нравственности, такого рвущаго старанія устранить все, что могло бы повредить ей. Какъ не порадоваться, видя что люди безкорыстно служатъ столь высокой и чистой идеѣ! Какъ не восхититься голубиною чистотою этихъ добрыхъ душъ, съ такимъ омерзеніемъ встрѣчающихъ всякое оскорбленіе идеала, носимаго ими въ сердцахъ!

Мы сами очень любимъ нравственность; мы преданы ей всею душою и готовы содѣйствовать ея процвѣтанію всѣми силами. А между тѣмъ, признаемся откровенно, мы никогда не могли удержаться отъ нѣкотораго подозрѣнія и даже ужаса, когда встрѣчал жаркое ратованіе за нравственность. Намъ становилось страшно, когда мы замѣчали, съ какимъ презрѣніемъ поборники нравственности смотрятъ на людей; какъ легко они вѣрятъ всякой гадости, всякому разврату человеческой души; съ какою жестокостію они торопятся оскорбить другихъ въ томъ, что для cadaго составляетъ высочайшую святѣню, — въ нравственномъ достоинствѣ чловѣка. Намъ поражала непоколебимая увѣренность поборниковъ въ чистотѣ и глубинѣ ихъ убѣжденій, тогда какъ оскорбленія, ими наносимыя, часто вытекали изъ одной узкости нравственныхъ понятій или изъ грубаго непониманія, изъ вольнаго истолковыванія чужихъ поступковъ или, какъ мы видимъ у г. Аскоченскаго, изъ угожденія ханжеству и мракобвію.

Но кромѣ всего этого — есть еще важная причина, которая, какъ намъ кажется, должна бы воздерживать cadaго отъ упрековъ въ безнравственности. Нравственность есть идея; способная возбуждать фанатизмъ, то-есть слѣпое, неразумное увлеченіе; можно различаться въ пониманіи нравственности, но каждый питаетъ отвращеніе и презрѣніе къ тому, что считаетъ безнравственнымъ. Поэтому тѣ, которые бросаютъ въ лицо чловѣку упрекъ въ безнравственности, должны помнить на какую силу они опираются; какую струну они задѣваютъ въ сердцахъ людей. Они должны помнить, какимъ страшнымъ орудіемъ они дѣйствуютъ, къ какому сильному, хотя часто слѣпому инстинкту они обращаются. Прибѣгать къ этому орудію, вызывать противъ кого-нибудь эту силу, которая всегда

дѣйствуетъ несоразмѣрно и чаще всего сильнѣе, чѣмъ слѣдуетъ; намъ всегда казалось дѣломъ несправедливымъ, нечестивымъ.

То, что г. Камень Виногоровъ сдѣлалъ въ отношеніи къ г-жѣ Толмачевой какъ нельзя лучше показываетъ, до какой степени могутъ быть *правственны* обвиненія въ безнравственности.

Въ самомъ дѣлѣ, выступивъ проповѣдникомъ нравственности, г. Камень Виногоровъ въ отношеніи къ г. Толмачевой сдѣлалъ поступокъ неизвинительный, оскорбляющій всякую нравственность. Не имѣя ни малѣйшаго основанія, кромѣ собственнаго неправильнаго перетолковыванія словъ корреспондента «Сиб. Вѣдомостей» (звѣстіе о литературномъ вечерѣ въ Пермѣ напечатано было въ этой газетѣ), онъ рѣшился публично, въ газетѣ, предполагать въ г. Толмачевой какія-то *кавалерскія убѣжденія*, намекать на какія-то *отношенія олуцателей госпожи Толмачевой къ повлонникамъ Клеопатры*, толковать о томъ, что г. Толмачева *принимала вызывающее выраженіе* и т. п.

Написать подобныя оскорбленія, мазать другихъ грязью, почерпаемою въ собственной головѣ, не позволить себѣ никто, уважающій нравственность.

Само собою разумѣется, что мы не видимъ никакой нужды наступать за г-жу Толмачеву. Защищать ее рѣшительно не отчего. Думать, что слова г. Камня Виногорова могутъ набросить на нее хотя малѣйшую недобрую тѣнь, значило бы оскорблять г-жу Толмачеву. Смотрѣть серьезно на обвиненіе, значитъ допускать возможность вины. Кто и почему имѣетъ на это какое-нибудь право въ настоящемъ случаѣ?

Мы убѣждены, что г-жа Толмачева вернетъ слова г. Виногорова, съ тѣмъ презрѣніемъ, котораго онѣ заслуживаютъ.

Съ нашей стороны, повидимому гораздо приличнѣе — сильно вознегодовать на г. Виногорова. Но, если у насъ и вспыхнуло сперва негодованіе на его поступокъ, то скоро и погасло. Возможно ли сильно разсердиться на поступокъ до такой степени уродливый? На дѣло, которое очевидно сдѣлано не только безъ всякаго злоумышленія, но и вообще безъ всякаго мышленія; которое прямо вытекло изъ дикихъ, безсознательно процвѣтающихъ инстинктовъ г. Виногорова и, какъ мы надѣемся, никому вреда причинить не можетъ?

По этому вѣсто негодованія, у насъ скоро родилось болѣе мирное чувство. Намъ захотѣлось — желаніе чисто литературное — побориться немножко въ этой статейкѣ, которая украшаетъ собою 8 № «Вѣка», анализировать сердечныя чувства и внутреннія убѣжденія

этого удивительнаго г. Виногорова. Намъ это показалось очень любопытно.

Нравственныя разсужденія у г. Виногорова начинаются вотъ гдѣ. «Г-жа Толмачева прочла публикѣ *Египетскія ночи*. Какъ? это стихотвореніе, въ которомъ Клеопатра громогласно предлагаетъ *купить цѣлою жизни одну изъ ночей ея*? И дама рѣшилась публично произнести этотъ стихъ?»

Г. Виногоровъ дальше ничего не говоритъ. Что же такое совершалось въ его головѣ? Вы видите, что онъ находитъ неприличнымъ не столько цѣлое стихотвореніе, сколько стихи

Скажите, кто межъ вами купить
Цѣною жизни ночь мою?

Но что же особенно соблазнительнаго нашолъ г. Виногоровъ въ этихъ стихахъ? Развѣ онъ не помнитъ, какое впечатлѣніе они произвели и должны производить?

Рекла — и ужась всѣхъ объемлетъ.

Г. Виногоровъ очевидно къ ужасу не расположенъ; у него радуются при этомъ другія ощущенія. Предложеніе Клеопатры онъ принимаетъ за одно изъ тѣхъ предложеній, которыя дѣлаются не громогласно, а потихоньку; продажа ея ночей ему напоминаетъ извѣстную продажу...

Ну, виновать ли Пушкинъ, что его стихи производятъ на г. Виногорова такое превратное впечатлѣніе? Что они не очищаютъ его мыслей, а только приводятъ въ броженіе всю мерзость, накопляющуюся въ воображеніи?

И въ самомъ дѣлѣ, нужно особенное настроеніе для того, чтобы найти хоть тѣнь соблазнительнаго, или раздражающаго чувствительность въ *Египетскихъ ночахъ*. Ужась въ нихъ покрываетъ развратъ; вы чувствуете жестокою нравственную борьбу, которую переносить пирующіе; вы видите, что душа человѣка возмущается противъ одного услажденія чувствъ, что она требуетъ еще чего-то и съ странною радостью хватается за ужась и смерть, чтобы заглушить свою тоску, помирить себя съ пустотою жизни. А г. Виногоровъ при этомъ думаетъ о клубничкѣ поручика Пирогова.

На слова г-жи Толмачевой: «что воспитаніе, безъ знакомства съ наукою и жизнью, положительно губитъ нашихъ дѣвушекъ», г. Виногоровъ восклицаетъ: «какой удивительный нравственный взглядъ — знакомить дѣвушекъ съ наукою и жизнью, посредствомъ чтенія «Египетскихъ ночей!»

Понятно, отчего г. Виногоровъ такъ сильно опасается за дѣвушекъ; онъ воображаетъ, что имъ непременно прійдутъ въ голову тѣ же хорошія мысли, какъ и ему. Удивительныя понятія о дѣвушкахъ! Чтоже безирравственнаго могутъ онѣ вывести изъ «Египетскихъ ночей»?

Научатся, что ли, *продавать свои ночи цѣною жизни*? На это очень мало вѣроятія. Бываетъ вѣдь еще хуже, потому что, какъ справедливо замѣтила г-жа Толмачева, дѣвушки продаютъ себя за болѣе дешовую цѣну, выходя замужъ по расчету и т. п... Но г. Виногорову все мерещется свое; все это дѣйствуетъ на него совершенно особеннымъ образомъ. Ему показываютъ Египеть, а онъ все думаетъ о Мѣщанской, да о Вознесенскомъ проспектѣ.

«Русская дама, пишетъ онъ, статская совѣтница, явилась передъ публикою въ видѣ Клеопатры, произнесла предложеніе *купить цѣною жизни ночь ея*, и какъ произнесла!»

Чтоже это то такое? *Русская дама, статская совѣтница*. . вѣдь это прямо значить: до чего унизилась столь высокая особа! Понимаете, — если бы это была коллежская регистраторша или мѣщанка, если бы это была французенка или итальянка — то дѣло бы было совсѣмъ другое. До чего вы доходите, г. Виногоровъ, въ вашей ревности о нравственности! Такъ по вашему, что годится для какой-нибудь мѣщанки, то безирравственно для статской совѣтницы? Такъ по вашему актриса, являющаяся не то что въ видѣ Клеопатры, а даже въ видѣ Лукреціи Борджіи, непремѣнно *попираетъ всякое чувство стыдливости*? Вотъ не ожидалъ, я думаю, г. Аскоченскій, что найдеть себѣ такого ревностнаго сподвижника въ *Вѣлкѣ*!

Произнесла предложеніе «купить цѣною жизни ночь ея». Мы уже знаемъ какъ мило понимаетъ г. Виногоровъ это чудовищно-страшное предложеніе. Въ такомъ смыслѣ онъ приписываетъ его и г-жѣ Толмачевой; разумѣется это не болѣе, какъ милая шутка, которую г. Виногоровъ позволилъ себѣ, увлекшись своимъ игривымъ остроуміемъ. Далѣе г. Виногоровъ дѣлаетъ выписку изъ письма корреспондента «Спб. Вѣдомостей» и снабжаетъ ее замѣчаніями въ скобкахъ. Вотъ она:

Большіе глаза ея (т. е. глаза г-жи Толмачевой) то загорались, то меркли и погасали . . (ахъ! какъ это должно было быть хорошо!) все лицо ея измѣнялось безпреставно, принимая то нѣжно-страстное, то жгучее, то неумовимо-суровое, то горделиво-вызывающее (ого!) выраженіе.

Положимъ, что корреспондентъ «Спб. Вѣдомостей» чрезвычайно похожъ на тѣхъ *литераторовъ-обывателей*, о которыхъ говоритъ Щедринъ, что онѣ смѣшны и дѣлаютъ смѣшнымъ то что описы-

васть, но чувствуете ли вы совершенно ясно, что выраженія въ скобкахъ изображаютъ чувства какого-то сатира, при взглядѣ на женщину? Г. Виногоровъ въ подмостъ волненія. Замѣчаете, какъ онъ понимаетъ взгляды? *Горделиво-вызывающее* выраженіе онъ очевидно понялъ совершенно по своему. Да, перелѣ такими господами читать стихи дамамъ не слѣдуетъ; для нихъ всякая дама и всккіе стихи являются только съ одной стороны. Но только напрасно г. Виногоровъ тревожится; мы увѣрены, что въ Пермь не мало найдется мушкетъ совершенно иныхъ понятій, и что едвали даже найдутся способные прійти въ такой смѣлый соблазнъ, до какого дошелъ г. Виногоровъ.

Вы видите, какъ много личного, субъективнаго въ сужденіяхъ г. Виногорова? другими словами, онъ судить о другихъ не самому себѣ и обвиняетъ г-жу Толмачеву въ нечистотѣ своихъ собственныхъ помысловъ. Продолжаемъ выписку изъ корреспондента:

Стихъ, слѣдующій за предложеніемъ Клеопатры — купить ночь цѣною ея жизни — извѣстный стихъ: «И взоръ презрительный обводитъ кругомъ поклонниковъ своихъ» прочитанъ былъ дѣйствительно съ такимъ выраженіемъ преврѣтій и злой насмѣшки, молодая женщина такимъ взоромъ обвела при этомъ безмолвную толпу, что будь это въ театрѣ — зала навѣрно потряслась бы отъ аплодисментовъ.

Читатель легко сообразитъ, какъ этотъ рассказъ долженъ былъ подѣйствовать на г. Виногорова. Г. Виногорову довольно было одного слова *поклонникъ*, находящагося въ стихѣ, для того чтобы воображеніе его разыгралось и разгорѣлось. И вотъ онъ пишетъ:

Я не театральная зала, но и я потрясла отъ аплодисментовъ, прочитавъ эти удивительныя строки. Не совсѣмъ я понялъ только какое отношеніе имѣли посѣтители пермскаго литературнаго собранія, слушавшіе г-жу Толмачеву, къ поклонникамъ Клеопатры, а отношеніе вероятно было, потому что иначе, зачемъ бы я-же Толмачевой обводить толпу взоромъ презрѣнія и злой насмѣшки. Но мнѣ неизвѣстны пермскія тайны и оттого понятно, что я тутъ ничего не понимаю...

Г. Виногоровъ здѣсь прикидывается, какъ будто онъ разсуждаетъ; но читатель видитъ, что этого нѣтъ, что въ словахъ Виногорова нѣтъ и слѣдовъ логики. Такъ что все это есть явная игра болѣзненно-настроеннаго воображенія. Г. Виногоровъ не знаетъ пермскихъ тайнъ, но онѣ такъ легко ему представляются; его мысли такъ мутны, что онъ не можетъ вообразить себѣ чистыхъ словъ и дѣйствій; самымъ естественнымъ образомъ онъ не могъ удержаться отъ намека на то, что

Судя по совѣсти своей

считаетъ вѣроятнѣйшимъ и возможнѣйшимъ.

Таковъ, какъ намъ кажется, психологическій процессъ, который довелъ поборника женственности и стыдливости до безстыдныхъ предположеній и до публичнаго оскорбленія женщины.

А между тѣмъ, будь у г. Виногорова хоть сколько-нибудь чистоты помысловъ и вѣры въ хорошее, онъ могъ бы убѣдиться, что г-жа Толмачева дѣйствовала еозмательно, разумно и была далека отъ всего, что такъ легко приходитъ въ голову г. Виногорову. Въ самомъ дѣлѣ, корреспондентъ приводитъ намъ ея мнѣнія, высказанныя ею послѣ чтенія, именно по случаю упрека за выборъ *Египетскихъ ночей*. Вотъ что говорила г-жа Толмачева :

Это немножко странно; если мы всё, и мужчины, и дамы, и дѣвочки, читаемъ не конфузясь, грязные и безнравственные французскіе романы, смотримъ, не краснѣя, сальные и пошлые французскіе водевилы, то было бы въ высшей степени смѣшно и дико не прочесть публично прекрасное, художественное произведеніе великаго поэта. «Египетскія ночи» — фактъ историческій, подражательница Клеопатрѣ между нами пастрико не авится, а особенной нескромности въ стихахъ я не вижу. Не кажется ли ужъ особенно нескромнымъ выраженіе: «Скажите, кто межъ вами купить цѣною жизни ночь мою?». Но вѣдь если это не говорится, то за то дѣлается на каждомъ шагу: мы чуть не каждый день видимъ, какъ молодыя женщины продаютъ себя — и не на одну ночь, а на всю жизнь, противнымъ, дряхлымъ, но богатымъ старикамъ... Воспитаніе, безъ знакомства съ наукою и жизнью, положительно губитъ нашихъ дѣвушекъ. Ихъ замкнутость, вѣчныя помочи, на которыхъ ихъ водятъ, развиваютъ не умъ, требующій знанія, а воображеніе, только раскаляющееся отъ вѣчныхъ тайнъ и загадокъ. Рашель играла по большей части очень страстныхъ женщинъ. Всё были востыщены ея игрою, увлечены ею, но никто не былъ на столько пошлъ, чтобы назвать ея роли нескромными. Неужели же это одна грустная привилегія актрисъ, на которыхъ до сихъ поръ еще смотрятъ дико: и я не могу взять на себя никакой подобной роли, потому что я — жена статскаго совѣтника? Какой недѣльный взглядъ! Въ Англіи, напримеръ, молодая дѣвушка взойдетъ смѣло въ вертепъ разврата, узнаетъ всё его грязныя и печальныя стороны, и отъ этого ничуть не сдѣлается безнравственной. Наоборотъ: она только узнаетъ жизнь во всёхъ ея проявленіяхъ, пойметъ ее и будетъ женщиной серьезной.

Вотъ что говорила г-жа Толмачева тому офицеру, который напомнилъ ей о дурномъ впечатлѣніи ея чтенія на многихъ замечательныхъ и дѣвочъ. Вчитайтесь въ слова г-жи Толмачевой; пересмотрите нѣсколько разъ, потому что мы собираемся представить вамъ

самый разительный примѣръ нѣжной стыдливости г. Виногорова. Повѣрите ли? онъ находитъ, что женщина попираетъ стыдъ и обвѣрживаетъ *кавалерскія* понятія, если произноситъ слова, которыя вы сейчасъ прочитали. Дѣло доходить до того, что перечитывая слова г-жи Толмачевой, г. Виногоровъ начинаетъ извѣтливо стучать ногами и пропически кричить: *браво! бисъ!* (не вѣрите — взгляните сами въ 8 № «Вѣка»).

Глубина дѣломудрiя по истинѣ непостижимая! Не поможетъ ли намъ понять ее хотъ г. Аскоченскiй? Что касается до насъ, то по слабому своему разумѣнiю, мы не находимъ другого объясненiя, кромѣ глубокаго развращенiя мыслей самаго г. Виногорова. Онъ не можетъ себя представить, чтобы женщина говорила серьезно, спокойно, разумно о предметахъ касающихся отношенiй мужчины и женщины. Говорить о развратѣ, о нарушенiи семейнаго счастья, о несчастной судьбѣ дѣвушекъ, выходящихъ замужъ по расчетамъ или по принужденiю, словомъ о всей страшной безсмыслицѣ, часто господствующей въ отношенiяхъ двухъ половъ; о тѣхъ жестокихъ страданiяхъ, которыя проистекаютъ съ одной стороны изъ преобладанiя чувственности, съ другой стороны изъ власти предрасудковъ, говорить обо всемъ этомъ, — г. Виногоровъ не считаетъ приличнымъ для женщины. Какъ видно онъ думаетъ, что говорить объ этомъ серьезно, дѣломудренно, строго — могутъ только мужчины; женщина же, заговоривъ объ этихъ предметахъ, по его мнѣнiю, непременно увлечется въ нечистыя мысли и не можетъ ихъ избѣгать никакимъ образомъ. Женщина — есть существо слабое — таково по истинѣ *кавалерское* убѣжденiе г. Виногорова. Дьяволъ сивень — сказалъ бы г. Аскоченскiй.

По нашему мнѣнiю и для мужчинъ и для женщинъ одинаково возможна серьезная, дѣломудренная рѣчь обо всемъ, что необходимо входитъ въ сферу понятiй зрѣлаго человека. Если на слушателей рѣчь производить различное впечатлѣнiе, то виновать не тотъ, кто произноситъ рѣчь. Это впечатлѣнiе намъ кажется можно правильно подраздѣлить на три рода:

1) Одни, или поймутъ сказанное въ настоящемъ его смыслѣ, или вовсе ничего не поймутъ, — тутъ не можетъ быть и рѣчи о вредѣ.

2) Другiе обидятся, что имъ сказали о томъ, о чемъ она будто бы и понятiя не имѣли — обидчивость несправедливая и совершенно безвредная.

3) Третьи наконецъ (и въ числѣ ихъ г. Виногоровъ), поймутъ въ сказанномъ только то, что вызываетъ чувственность; найдутъ въ немъ только поводъ къ игрѣ своей фантазiи. Для такихъ сказанное будетъ вредно, очень вредно. Но сдѣлайте милость, взгляните

нѣтъ, что же не предно для такихъ господъ? Что можетъ исцѣлить ихъ? Очевидно только одно — повтореніе серьезныхъ рѣчей о тѣхъ же предметахъ, внушеніе имъ серьезнаго взгляда на нихъ.

Тотъ же самое мы должны сказать о содержаніи и о впечатлѣніи поэтическихъ произведеній.

Пушкинъ, какъ поэтъ и какъ великій поэтъ, необходимо обнимаетъ всѣ сферы жизни. Какъ поэтъ вполне, безусловно (для русскихъ Пушкинъ есть мѣра всякой поэзіи), онъ понимаетъ жизнь глубоко, серьезно.

Онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взираетъ на живя.

Поэтому Пушкинъ — мы приводимъ это, какъ одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ его неизмѣримой великости — былъ цѣлостнѣе и чище въ высочайшей степени. Его стихотворенія могутъ быть прекраснѣйшею школою для истиннаго пониманія жизни, для проясненія грубыхъ понятій, для возведенія животнаго чувства, иногда возникающаго въ человѣкѣ, въ истинно-человѣческой идеалъ. При этомъ мы конечно предполагаемъ правильное, глубокое пониманіе произведеній Пушкина, а не такое, къ какому напримѣръ способенъ г. Виногоровъ.

Г. Виногоровъ разумѣется очень хорошо чувствовалъ, противъ кого онъ говоритъ. Онъ понималъ, что имя Пушкина опасный врагъ для такого рыцаря, который выступаетъ на поприще во имя нравственности и стыдливости. Вотъ почему онъ съ особенною радостью ссылается на стихотвореніе того же Пушкина.

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ

Напрасныя усилія! Смѣшно ссылаться на шутку, на мимолетное слово, которое было произнесено вовсе не съ тѣмъ, чтобы раздѣляться публично. Но всего замѣчательнѣе то, что и здѣсь, и въ этомъ мимолетномъ словѣ, высокая натура поэта не измѣнила себѣ. Г. Виногоровъ не замѣчаетъ, что весь смыслъ, все значеніе стихотворенія уже содержится въ этомъ первомъ стихѣ:

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ

Можетъ ли быть что-нибудь чище, какъ полная свобода отъ власти *наслажденій*? Только г. Виногорову могло вообразиться, что описаніе этихъ наслажденій, сдѣланное въ *шутку*, составляетъ главное содержаніе стихотворенія, что поэтъ только шутя не дорожитъ наслажденіями, а на самомъ дѣлѣ только и дорожитъ что

ни. Вообще — о дѣвушкахъ, о женщинахъ и о поэтахъ, г. Виногоровъ самого страшнаго мнѣнія. Онъ очень подозрителенъ, Богъ знаетъ по какой причинѣ.

Таковы внутреннія убѣжденія и сердечныя чувства г. Виногорова. Читатель видитъ, что они вполне объясняютъ его поступокъ. Одно другого стоятъ.

Въ 9 № *Вѣка* явилась замѣтка отъ редакціи. Редакція объявляетъ, что она получила письмо отъ г. Михайлова, касающееся статьи г. Виногорова, что это письмо и свои объясненія она напечатаетъ въ слѣдующемъ № «Вѣка». Но, что еще раньше этого письма, она *приклеяла ось мѣры, чтобы извиниться передъ г-жею Толмачевою*. Сердечно радуемся деликатности, которую такимъ образомъ обнаружила редакція. Мы весьма удивлены, что она тутъ не виновата, а только одинъ г. Виногоровъ способенъ не только подумать то, что онъ думалъ, но изложить это письменно, пересмотрѣть, отправить въ типографію, продержатъ корректуру и наконецъ спокойно выпустить въ свѣтъ свою чудовищную статью.

НѢЧТО О ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ «ВРЕМЕНИ»)

«Клянуса, XIX вѣкъ будетъ стыдиться за
эти пять лѣтъ!» (1836) Гоголь.

Часто размышлялъ я о томъ, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время наша литература; но, признаюсь вамъ, чаще всего ничего не выходило изъ этихъ соображеній. Конечно вы можете найти, что въ этомъ виноватъ я, а не кто другой; но я вамъ замѣчу, что можетъ быть виновата и сама литература, т. е. можетъ быть, литература такова, что въ ней ничего понять нельзя, что какъ ни бейся, ничего не объяснишь. Нынче и за моремъ и у насъ очень любятъ толковать о томъ, что въ исторіи вообще много *неразумнаго*, случайнаго, не поддающагося логическимъ выводамъ. Слѣдовательно меня нельзя еще упрекнуть въ отсутствіи научной строгости, еслибы я объявилъ, что наша нынѣшняя литература *неразумна*, что она не болѣе, какъ несчастная случайность. Вы согласитесь по крайней мѣрѣ, что можно смотрѣть на нашу литературу съ этой точки зрѣнія, что за примѣрами и фактическими доказательствами дѣло не станетъ. Гдѣ у насъ центръ? Гдѣ ясные лагери, ясная правая и лѣвая сторона? На комъ покоются наши надежды?

Не правда ли, на эти вопросы трудно отвѣчать; скорѣе можно согласиться, что все у насъ въ туманѣ, все спутано, неопредѣленно, что нѣтъ ничего, чтобы оставалось неподвижнымъ и свѣтило ярко и постоянно. Пушкина не считаютъ народнымъ, Державина не признаютъ даже поэтомъ — словомъ все рушится, вездѣ хаосъ и мракъ...

Мы живемъ въ великую эпоху. То, что дѣлается въ Европѣ, то, что дѣлается у насъ, представляетъ зрѣлище столь великаго движенія, что ему не удивлялся и надъ нимъ не задумывался только тотъ, кто никогда не думалъ. Я живо помню — *шестнадцать лѣтъ* (дальше)

ше не помню), когда все походило на неподвижную рѣку, покрытую льдомъ; нынѣ, пять-шесть лѣтъ, все похоже на рѣку, которая вдругъ начала ломать свой ледъ и постепенно ломаетъ его и увозитъ въ море, и станетъ наконецъ вполне живою, текучею рѣкою.

Передъ такимъ зрѣлищемъ мною овладѣваетъ робость и страхъ. О чемъ я хочу говорить? На что устремляю все свое вниманіе? О малодушіе! О дерзость! На русскую литературу!

Вѣдь нынѣ въ модѣ — необыкновенная строгость. Многіе удивляются, да какъ и не удивляются, что люди цѣлуются, женятся, пишутъ стихи и вообще позволяютъ себѣ разныя удовольствія, тогда какъ другіе — страдаютъ. Противорѣчіе нестерпимое, и я вполне его чувствую. Повѣрьте, господинъ редакторъ, что я вполне сознаю свою ничтожность, въ настоящемъ случаѣ. Принимаясь писать къ вамъ, я очень хорошо понимаю, что я не приступаю къ совершенію великаго подвига и не готовлюсь принести себя въ жертву. Надѣюсь однакоже, что это не дастъ вамъ никакого права заключать, что я совершенно неспособенъ ни къ подвигамъ ни къ жертвамъ. Прошу васъ не обижать меня. Вы были бы до крайней степени несправедливы, еслибы стали упрекать меня въ холодности къ страданіямъ чловѣчества, въ сухомъ эгоизмѣ, въ наглomъ безсердечіи за то только, что я намѣреваюсь разсуждать о русской литературѣ. Я знаю, что разсуждать о русской литературѣ почти тоже, что писать стихи къ ней, но, если бы вы мнѣ стали это запрещать, если бы вы отъ меня потребовали, чтобы я обѣдалъ со скрежетомъ зубовъ и пилъ вино не иначе, какъ пополамъ съ собственными моими слезами, то вы сами провинились бы въ ужасномъ жестокосердіи. Вы не повѣрите, какъ я люблю русскую литературу.

А впрочемъ — знаете ли, къ чему клонится моя рѣчь? Я бы не сталъ васъ и спрашивать, я не сталъ бы и оговариваться, если бы былъ вполне убѣжденъ, что съумѣю правильно разсудить о русской литературѣ. На такія разсужденія ни у кого не нужно просить позволенія и странное дѣло! — запретить ихъ никто не имѣетъ силы. Вотъ отчего тѣ, которые свысока смотрятъ на литературу, непременно хотятъ убѣлить своихъ читателей, что приверженцы литературы не только занимаются пустяками, но и совершенно *ложно* разсуждаютъ. Они, эти господа свысока смотрящіе — ни за что не признаются, что сами они имѣютъ прямо въ виду *неправильно* разсуждать о литературѣ, хотя дѣло почти до этого доходить. И вся бѣда господъ, презирающихъ литературу, состоитъ именно въ разсужденіяхъ о литературѣ. Ну, презираешь — такъ и не разсуждай о томъ, что презираешь. А то непременно нужно посудить и о Пушкинѣ и о Лермонтовѣ и о прочемъ, и выходитъ очень не хорошо.

И такъ я считалъ бы себя совершенно невиновнымъ и безукоризненно правымъ, если бы мое разсужденіе было правильно. Долго блуждалъ я во мракѣ, долго не находилъ точки опоры; но наконецъ я замѣтилъ слабый лучъ, который, едва замѣтно, по все-таки, какъ мнѣ кажется озаряетъ мрачный океанъ нашей словесности. Объ этомъ-то и хочу поговорить съ вами. Вотъ въ чемъ дѣло.

Уже издавна замѣчено, что въ нашей литературѣ существуютъ два направленія, два отдѣльных и отчасти противоположныхъ лагеря, одинъ петербургскій и другой московскій. Корень этого раздвоенія, какъ вы видите, кроется глубоко, въ тѣхъ историческихъ судьбахъ, по которымъ у насъ двѣ столицы.

Проницательный Гоголь сказалъ объ этомъ раздвоеніи нѣсколько меткихъ словъ. Вотъ они :

«Въ Петербургѣ всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ; московскіе рѣдко прилагаютъ картинки; если же приложить, то съ непривычки взглянувшій можетъ перепугаться. Московскіе журналы говорятъ о Кавтѣ, Шеллингѣ и проч.; въ петербургскихъ журналахъ говорится только о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы не идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются.» Это было сказано въ 1836 году.

Но не правда ли, какъ это вѣрно до сихъ поръ? Нѣсколько измѣнились формы, но сущность — сущность осталась таже. Модныхъ картинокъ нѣтъ и въ поминѣ (*), но за то есть *Свистокъ*; для нынѣшняго времени можно бы сказать: въ Петербургѣ какъ бы икъ былъ серьезень журналъ, а въ каждомъ номерѣ непременно найдется «Свистокъ.» Въ Москвѣ «Свистки» рѣдки, но за то, если раздается свистъ, то держись только.

Серьезно — легкія шутки Гоголя, мнѣ кажется, указываютъ на существенныя черты, и я постараюсь развить ихъ. Во первыхъ — московская литература до сего дня находится въ тѣснѣйшемъ соединеніи съ университетомъ; даже большая часть редакторовъ были тамъ профессора университета. У насъ литература независима отъ университета; былъ у насъ редакторъ изъ профессоровъ, Сенковскій, а за то нѣтъ литератора, который бы былъ меньше похожъ на профессора, чѣмъ тотъ профессоръ. У насъ литераторы сами по

(*). Непростительная ошибка! Модныя картины до сихъ поръ прилагаются къ серьезнѣйшему изъ петербургскихъ журналовъ — къ *Отечественнымъ Запискамъ*.

себѣ и профессоры сами по себѣ. Не забудьте, что у насъ есть еще и академія, которая заключила въ свой составъ и *Россійскую академию*. Собственно говоря, у насъ ученыхъ больше чѣмъ въ Москвѣ, а между тѣмъ весьма справедливо замѣчено, что ученые наши смотрятъ свысока на литераторовъ, а литераторы обратно на ученыхъ. Нашъ почтенный академикъ Я. Гротъ, не даромъ жалуется, что слово *ученый* употребляется у насъ непочтительно (См. «Русскій Вѣстникъ» № 2). Раздѣленіе явное. Можетъ быть, вы подумаете, что я говорю это въ упрекъ Петербургу? Ни мало. Я просто рассказываю фактъ. Совершенно ясно, что въ Москвѣ литература развивается *сверху*, у насъ *снизу*, что тамъ она подчинена, у насъ самостоятельна, а самостоятельность — великое дѣло!

Пойдемъ далѣе. Въ Москвѣ родилось западничество и славянофильство; въ Петербургѣ повидимому ничего не родилось. Что значитъ западничество и славянофильство? Одно — преклоненіе передъ наукою, передъ общеевропейскою мыслью; другое — преклоненіе передъ идеаломъ русской жизни. И эта наука и этотъ идеалъ очень далеки отъ насъ; это поклоненіе есть слѣдствіе умственного напряженія, идеальныхъ стремленій. Мы, петербургцы, ничему далекому не поклонялись, мы жили всегда своимъ собственнымъ умомъ, а не чужимъ. Въмѣсто западничества, на петербургской почвѣ роскошно распустилось совершенно особенное растеніе, именно спеціализмъ знаменитаго барона Брамбеуса, скептицизмъ, передъ которымъ было равно все на свѣтѣ, и Европа и Россія, и Гёте и Кукольникъ, и Гоголь и Поль де Кокъ. Въмѣсто славянофильства — у насъ, если не процвѣтали, то *цвѣли*, какъ гнилое болото, явленія въ родѣ «Маяка», «Маяка», считавшаго себя полнымъ обладателемъ высочайшей истины и припавшаго гнуснѣйшія и безобразнѣйшія явленія нашей дѣйствительности за въ очію совершающагося воплощеніе высшихъ идеаловъ.

Повидимому перевѣсъ явно на сторонѣ Москвы; Москва смотритъ на все гораздо серьезнѣе и глубже, чѣмъ Петербургъ. Но мысль моя другая. Я хотѣлъ бы сказать нѣчто именно въ пользу петербургской литературы. «Въ Москвѣ, пишетъ Гоголь, литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются.» Что это значитъ? То, что въ Петербургѣ больше пишутъ, и что въ Россіи больше читаютъ, то что здѣсь пишется. И въ самомъ дѣлѣ, не смотря на всѣ преимущества Москвы, не смотря на обиліе въ Петербургѣ всякаго рода Брамбеусовъ большихъ и маленькихъ, петербургскіе журналы несравненно многочисленнѣе и въ совокупности имѣютъ гораздо больше читателей, чѣмъ московскіе. Фактъ многозначительный. Въ литературѣ, какъ извѣстно, господствуетъ право сильнаго. Горе по-

бѣжденнымъ! Горе тѣмъ, которыхъ не слушаютъ и не читаютъ! Петербургскіе писатели имѣютъ полное право сказать, что они находятъ больше отзыва, больше симпатіи въ читателяхъ; слѣдовательно, что они внутренне сильнѣе московскихъ, что въ нихъ больше жизни, больше *сродства* съ россійскими умами.

И въ самомъ дѣлѣ, имѣя въ виду разныя далекія и возвышенныя цѣли, московскіе журналы обыкновенно принимаютъ чрезвычайно серьезный видъ: они говорятъ важнымъ, наставительнымъ тономъ. Петербургскіе журналы говорятъ самымъ простымъ тономъ и обращаются съ читателями какъ съ равными себѣ. Если московскій журналъ имѣетъ успѣхъ, то книжки его встрѣчаются съ уваженіемъ, мы всегда ждемъ отъ нихъ поученія. Книжки петербургскихъ журналовъ встрѣчаются съ любовью; они намъ равны, въ нихъ намъ все по плечу. Недостатки московскихъ журналовъ — высокоуміе и напыщенность, недостатки петербургскихъ — дерзость и наклонность къ свисту и визгу въ самыхъ серьезныхъ статьяхъ.

Мы чувствуемъ въ московскихъ книжкахъ что-то искусственное и напряженное; наши петербургскія произведенія постоянно отличаются естественностью и непринужденностью. Петербургская литература *натуральнѣе*, — вотъ въ чемъ ея великая сила! Говорю это серьезно. Здѣсь, на берегахъ Невы, мы чувствуемъ себя какъ-то необыкновенно привольно; мы вполне освоились съ цивилизаціей, привыкли къ ней, такъ что намъ не приходится и въ голову, что мы еще недавно были варварами, а можетъ быть и до сихъ поръ еще варвары. Вотъ почему мы выступаемъ въ литературѣ необыкновенно развязно, бойко и беззаастѣливо. А москвичи — какъ ни сядутъ за бумагу, такъ сейчасъ вообразить себя на каедрѣ, да сверхъ того зададутъ себѣ вопросъ — чтоже мы такое, дѣйствительно ли мы европейцы, или намъ нужно еще развить свою народность, поднять ее до уровня Европы? Мудрено ли, что съ такими мыслями они чувствуютъ себя такъ неловко и пишутъ такъ тяжело и принужденно?

Нѣкто изъ *ненужныхъ людей* еще недавно замѣтилъ, что постепенное распространеніе невѣжества въ русской литературѣ не коснулось только *Русской Бесѣды* и *Русскаго Вѣстника*, т. е. именно двухъ главныхъ московскихъ журналовъ. Знаете ли, что это значитъ? Просто на просто — что въ городѣ Петербургѣ являются самостоятельныя мысли и воззрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ представьте, что человекъ, долго повторявшій чужія мысли и чужія фразы, вздумаетъ наконецъ заговорить отъ себя, сказати свою собственную мысль. Чтоже мудренаго, если въ его фразѣ будетъ грамматическая ошлябка, и если даже вся мысль будетъ нелѣпностью? Не должны ли

мы все-таки обрладоваться, что человекъ заговорилъ отъ себя, а не съ чужого голоса?

А что мы, петербургскіе писатели, говоримъ уже отъ себя, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Посмотрите, напримѣръ, на наши эстетическія разсужденія. Мы вдругъ задаемъ себѣ вопросъ: Что есть поэзія? Дѣйствительно ли Державинъ поэтъ? Народный ли поэтъ Пушкинъ? и т. д. Однимъ словомъ, мы какъ будто вдругъ опомнились и стараемся дѣйствительно понять то, что до сихъ поръ твердили только по наслышкѣ, какъ попугав. То есть мы поняли наконецъ, что мы ровно ничего не понимаемъ. Какъ хотите, а вѣдь это тоже самое, что сократовское я знаю только то, что ничего не знаю. Сомнѣніе, какъ вы знаете, есть первое самостоятельное движеніе мысли.

Самостоятельность можно замѣтить и прослѣдить во многихъ явленіяхъ петербургской литературы. Въ Петербургѣ развилось и достигло полнаго цвѣта наше природное зубоскальство, наше неудержимое пересмѣиваніе, основанное на томъ, что *такая ужъ русская натура, ничего преснаго не любитъ!* У насъ явился «Свистокъ», у насъ процвѣтаетъ «Искра»: въ Москвѣ издается серьезнѣйшій изъ всѣхъ возможныхъ литературныхъ журналовъ — *Русская Бесѣда*. Если и въ Москвѣ что-нибудь осмѣиваютъ и бранятъ, то это дѣлается не такъ какъ въ Петербургѣ. Москва постоянно замѣчаетъ, что то-то и то-то *не по европейски*, что оно смѣшно и нелѣпо для образованнаго народа; мы же говоримъ и пишемъ, что это для насъ смѣшно и нелѣпо. Мы смѣемся прямо отъ себя, а не на основаніи какихъ-нибудь сравненій. Если московскіе журналы смотрятъ на нашу литературу свысока, то это дѣлается изъ поклоненія Европѣ или русскому идеалу. Если же мы вздумаемъ посмотрѣть свысока на Пушкина и на все вообще, то тутъ причина совершенно другая: мы до этого *собственными умоми дошли!*

Въ Москвѣ процвѣтаетъ *Русскій Вѣстникъ*, журналъ по преимуществу англійскій. Въ Петербургѣ процвѣтаетъ *Современникъ*, журналъ, который многіе называютъ французскимъ. Такое мнѣніе однакоже совершенно ложно; потому что, если «Современникъ» и заимствуетъ что-нибудь отъ французовъ, то все это подвергается такой самостоятельной переработкѣ, что потомъ французскаго ничего и узнать нельзя. Тамъ были напримѣръ компіліція и даже простыя перифразы изъ одной извѣстной исторической книги: смыслъ выходилъ однакоже совершенно другой, чѣмъ въ подлинникѣ.

Въ Москвѣ издается лучшій изъ духовныхъ журналовъ *Православное обозрѣніе*; въ Петербургѣ издается панхудшій — *Домашній*

Бесѣда; хуже всѣхъ онъ потому, что, заразившись духомъ *элка*, привался не за дѣло любви и смиренія, а за дѣло вражды и глумленія, за полемику, за всегдашнюю страсть петербургской литературы. И тутъ самостоятельность явно на нашей сторонѣ!

Московская *Русская Бесѣда* есть единственный свѣтскій журналъ, имѣющій глубокое религіозное направленіе; петербургская *Домашняя Бесѣда*, единственный вполне духовный журналъ, имѣющій свѣтское направленіе.

Московскіе философы никогда не были достаточно смѣлы для того, чтобы философствовать вполне самостоятельно; они всегда крѣпко держались или за Гегеля, или чаще всего за Шеллинга. У насъ въ Петербургѣ являются даже свои, вполне самостоятельныя философы; вотъ оно куда пошло!

Въ наукахъ москвичи до сихъ подъ довольствуются кой-какими частными изслѣдованіями; самое видное мѣсто у нихъ занимаютъ даже просто ихъ толстѣйшія *диссертаціи* на ученые степени. У насъ эти диссертаціи не важны и бывають очень тощи; за то въ настоящее время у насъ выходитъ уже *третья энциклопедія*. Мы издаемъ уже *третій* энциклопедическій словарь, то есть словарь по всѣмъ наукамъ и искусствамъ. Первый, Плюшаровскій — не былъ конченъ; второй, Старчевскаго вышелъ очень уже слабъ; такъ вотъ мы и затѣяли третій, съ тѣмъ чтобы сдѣлать его хорошо и довести до конца. Москвичи только пожимаютъ плечами и никакъ не могутъ понять, какъ мы все это дѣлаемъ.

То, что я сказалъ, конечно, представляетъ только легкія черты, неполный и очень блѣдный очеркъ предмета. Но если моя мысль вѣрна, то современемъ она можетъ развиться, и ее дополнять другіе болѣе проникательные умы. Я счелъ своимъ долгомъ указать на нѣкоторые признаки *самостоятельности* петербургской литературы, признаки, наполнившіе радостью мое сердце. Не пріятно ли думать, что въ Петербургѣ наконецъ зародится наше особенное, національное воззрѣніе на міръ, что здѣсь, какъ мечталъ объ этомъ Петръ Великій, мы поровняемся наконецъ съ Европою?

Москва отъ насъ отстанетъ, но таковъ долженъ быть естественный ходъ вещей; не даромъ же намъ нужна была новая столица; эта столица должна принести свой плодъ: въ нее положено много русскихъ силъ...

Вполнѣ чувствую, что я сказалъ очень мало; мнѣ слѣдовало бы точнѣе очертить содержаніе петербургской литературы, сколько возможно схватить ея физиономію. Но трудъ — великій и мнѣ не по силамъ. Признаюсь вамъ однакоже, что съ недавняго времени передо мною все чаще и яснѣе рисуется нѣкоторый образъ, именно —

образъ — *петербургскаго литератора*; но онъ все еще покрытъ для меня туманомъ, хотя я часто и прилежно вглядывался въ его черты. Если васъ ужь очень мучитъ любопытство, то я намекну вамъ на нѣкоторыя особенности. Представьте — полнѣйшее отрицаніе авторитетовъ; слабое, даже ничтожное развитіе эстетическаго вкуса; нѣкоторое отвращеніе къ стихамъ, какъ къ чему-то очень приторному; пламенное желаніе общественной пользы; желаніе стать во главѣ, на виднѣйшемъ и главнѣйшемъ мѣстѣ въ нашемъ движеніи впередъ; очень малая начитанность; полнѣйшая увѣренность въ достоинствахъ собственной логики и въ непогрѣшимости *самобытныхъ*, хотя весьма немногихъ собственныхъ убѣжденій; неопредѣленное, но постоянное недовольство всѣмъ и всѣми; инстинктивное уклоненіе отъ общества и пребываніе въ узкихъ кружкахъ; причисленіе себя къ избраннымъ и весьма немногимъ; полнѣйшее незнаніе дѣйствительности; мизантропическій взглядъ на людей, скорая вѣра во все дурное; воззрѣніе на жизнь болѣе аскетическое или стоическое, чѣмъ современное...

Я чувствую, что сообщаю вамъ большею частью отрицательныя, а не положительныя черты; но я уже сказалъ, что не уяснилъ себѣ образа вполне, что вижу его въ туманѣ. Какъ бы то ни было, эти черты мнѣ милы; я узнаю въ нихъ черты *юности*; и въ самомъ дѣлѣ легко согласиться, что петербургская литература пока представляетъ намъ даже только младенчество нашего самобытнаго развитія. Но —

Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?

Глядя на эту юность, я предаюсь самымъ сладкимъ надеждамъ. Что за бѣда, если пока все еще у насъ слабо, мелко, фальшиво; не будемъ унывать; со временемъ мы возмужаемъ, обрѣпнемъ, и у насъ явятся свои самостоятельныя русскіе философы, свои историки, свои политико-экономы, свои энциклопедисты... Явятся наконецъ и вполне *народные* поэты, о которыхъ мы такъ вздыхаемъ и при мысли о которыхъ Пушкинъ намъ кажется только пигмеемъ... И корень всему этому, первые зачатки, первые отпрыски — уже есть въ Петербургской литературѣ.

Не считайте этого парадоксомъ, не думайте, что этииъ можно шутить; дѣло здѣсь вовсе не шуточное. Если вы отвергнете мой взглядъ, то спрашиваю васъ, какимъ образомъ вы объясните петербургскую литературу? Какой смыслъ въ этихъ безчисленныхъ книгахъ, постоянно разлетающихся изъ Петербурга во всѣ концы Россіи? Какое значеніе въ этихъ статьяхъ, которыя сыплются какъ

градъ , читаются съ жадностью, но не оставляютъ по себѣ никакого слѣда? Что хотять сказать наши критики и философы? Что выражаютъ наши *три* энциклопедіи?

Однимъ словомъ — возьмите во вниманіе всю громадную массу печатной бумаги, являвшейся и явившейся въ Петербургъ; вообразите всѣхъ читателей этой бумаги, всю массу времени, которую они употребили на чтеніе, всѣ мысли и чувства, которыя чтеніе въ нихъ возбудило, — и спросите себя — что же все это значить?

Ужели все это — мыльный пузырь, подраженіе, пустое словоизверженіе, *искусство для искусства, превращеніе головъ въ книги и книгъ въ головы*, — однимъ словомъ, ужели все это одна гигантская брамбеусовщина?

Я никогда этому не повѣрю!

Н. Б.

ЯВЛЕНІЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОПУЩЕННЫЯ НАШЕЙ КРИТИКОЙ

II

Псковитянка, драма Л. Мея

Положимъ, что еще можно было нашей критикѣ, занятой преимущественно такими важными задачами какъ казнь обломовщины и какъ доказательства ненародности Пушкина, не замѣтить небольшого поэтического разсказа: «Лѣсъ»; но какъ же было ни слова не сказать, ни худого, ни добраго, о такой серьезной вещи какъ «Псковитянка» Л. Мея?.. Точно у насъ такое огромное богатство драматическихъ оригинальныхъ произведеній — да и вообще оригинальныхъ произведеній, что можно иногда молчать о нихъ? Во первыхъ и вообще-то молчать о какомъ бы то ни было честномъ и даровитомъ трудѣ — чрезвычайно неприлично критикѣ, а во вторыхъ, у насъ это хуже чѣмъ неприлично: вредно. Не говоря уже о томъ, насколько молчаніе критики оскорбительно для даровитаго писателя, который желаетъ всегда слышать справедливый приговоръ своему произведенію — молчаніе, положительно вредно, потому что оставляя писателя при однихъ его самородныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, оставляетъ и такъ называемую публику при одномъ ея собственномъ, неопредѣленномъ сочувствіи къ писателю.

Бываютъ случаи, что молчаніе критики является даже и матеріально вреднымъ. Случай такого рода произошелъ на нашихъ глазахъ съ «Псковитянкой» Л. Мея. У академіи нашей, которой, какъ всякой академіи, для оцѣнки писателя нужны извѣстныя, установившіяся данныя (и чѣмъ больше они установились, чѣмъ больше стали обязательны и даже принудительны, тѣмъ лучше), не было никакихъ данныхъ для оцѣнки таланта Л. Мея

вообще и его драмы въ особенностях — и вотъ драма не удостоилась преміи. А между тѣмъ, она, по нѣкоторымъ параграфамъ устава, можетъ быть, прежде всѣхъ другихъ, подлежала оцѣнкѣ и разсмотрѣнію, — и стоила преміи нисколько не меньше драмы Писемскаго. Академію, повторимъ опять, какъ и всякую академію, винить много нечего. Она свое дѣло сдѣлала: увѣнчала, говоря академическимъ терминомъ, два произведенія, на которыя указывали ей положительныя, установленныя критическія данныя; хотъ разумѣется нѣсколько странно, что она уравнила премію два произведенія, изъ которыхъ одно неизмѣримо выше другого, до того выше, что по строгой справедливости, одно только и должно было быть *увѣнчано*... Если же непремѣнно нужно было увѣнчивать другое, то слѣдовало увѣнчать еще и третье. Почему же еще не четвертое, спросить можетъ-быть нѣкоторые?.. А потому, что ни какое четвертое указать нельзя, потому что при всѣхъ своихъ недостаткахъ и драма Писемскаго и драма Мея имѣютъ такія яркія достоинства, по которымъ прямо относятся къ художеству, а не къ беллетристикѣ и сценическому репертуару.

Высоко ставя талантъ Л. А. Мея, и нагѣясь скоро отдать подробный отчетъ о всей его дѣятельности, по поводу выходящаго теперь полнаго собранія его сочиненій, мы совершенно далеки отъ того, чтобы вообще признавать его драматургомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ наиримѣръ драматургъ — Островскій и восторгаться его драмами вообще и даже лучшею изъ нихъ: «Псковитянкою» въ особенностях. А между-тѣмъ, нельзя же не видѣть того, что «Псковитянка», чрезвычайно-замѣчательное поэтическое произведение — в говоря это, не нужно прибавлять казенной фразы: «при бѣдности нашей драматургіи...» И драматургія наша вовсе не бѣдна, потому что у насъ есть Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій — да и «Псковитянка» вовсе не принадлежитъ къ разряду явленій, о которыхъ обыкновенно говорится, что на безрыбьи и ракъ рыба. Нѣтъ! «Псковитянка», съ ея недостатками и достоинствами — сама по себѣ, безотносительно-замѣчательное произведение, а одна сторона ея такъ замѣчательна, что замѣчательнѣе-то въ этомъ родѣ у насъ и нѣтъ ничего: вѣдь эта сторона «Псковитянки» стоитъ на ряду, — шутка сказать! съ Пушкинскимъ Борисомъ. Эта сторона «Псковитянки» выдвигаясь какъ-то странно изо всей, весьма впрочемъ достойной уваженія, дѣятельности даровитаго автора, заставляетъ неволью предполагать, что сила въ его талантѣ больше, чѣмъ мы видимъ во всемъ остальномъ его творчествѣ, что стало быть этимъ силамъ кое-что мѣшаетъ вполне высказаться. Вѣдь нельзя же допустить съ одной стороны того, что Мей, довольно давно уже дѣй-

ствующей въ литературѣ, являющейся съ давнихъ поръ съ определенными качествами таланта и определенной мѣрою творчества, еще развивается, *ist noch im Werden* — нельзя же съ другой стороны предположить и то, что «Псковское Вѣче» далось ему случайно... «Псковское Вѣче» давить собою всю «Псковитянку» и широтою своего замысла, глубокимъ постиженіемъ русскаго народнаго духа, художественнымъ спокойствіемъ, соединеннымъ съ истинно-драматическимъ содержаніемъ, давить въ нашей современной драматургіи все, кромѣ разумѣется драмъ Островскаго...

Собственно говоря, во всей «Псковитянкѣ» только «Псковское Вѣче», т. е. III актъ — стоитъ серьезной критической оцѣнки или лучше сказать критическаго изученія. Все остальное въ драмѣ или 1) *сдѣлано* болѣе или менѣе искусно, или 2) *неодѣлано*, или 3) представляетъ только задатки чего-то, намеки на что-то. Къ числу такихъ превосходныхъ задатковъ, такихъ удивительныхъ намековъ, принадлежитъ напримѣръ ожиданіе Ивана Грознаго и первое его появленіе, т. е. IV актъ.

Прежде всего, тотъ родъ исторической драмы, къ которому относится и «Псковитянка» Мея и его «Царская Невѣста», по нашему мнѣнію, совершенно ложный родъ. Это какая-то незаконная помѣсь исторически-громднаго съ выдуманымъ, сравнительно-мизернымъ содержаніемъ: совершенно-неловкое перенесеніе въ драму приемовъ Вальтеръ Скоттовскаго романа. Ни одинъ истинный драматическій художникъ не грѣшенъ въ такой помѣси... Вы укажете намъ можетъ быть на Шиллера, который еще до Вальтера Скотта ввелъ любовь Макса и Теклы, событіе частное и выдуманное, въ исторически-мировую поэму о Валленштейнѣ, — на Гёте, который основалъ своего Эгмонта на пружинахъ почти что мѣщанской интриги, — на Гюго наконецъ, который какъ драматургъ все-таки чего же nibудь да стоитъ, вопреки «кавалерскимъ» отношеніямъ къ нему нашей критики?.. На это отвѣтить можно, по отношенію къ Шиллеру, что любовь Макса и Теклы у него не главная пружина драмы, а одинъ изъ эпизодовъ огромной исторической картины, хоть эпизоду этому и придано въ поэмѣ значеніе нѣсколько во вредъ ея художественной гармоніи. Образецъ соблюденія художественной гармоніи въ эпизодахъ можно найти у самаго Шиллера въ его «Вильгельмъ Теллъ», въ удивительной умѣренности эпизода частныхъ отношеній Руденца и Берты. Что касается до Гёте — то вольно же вамъ смотрѣть на Эгмонта какъ на историческую драму?.. Въдъ не всякая драма, въ которой дѣйствуетъ историческое лицо — непременно историческая драма... О Викторѣ Гюго, ибо какъ ни велика бездна, отдѣляющая его въ художественномъ отношеніи отъ Гёте и

Шиллера, а все-таки изъ драматурговъ только о немъ можно послѣ нихъ говорить, — о Викторѣ Гюго тоже надобно судить не какъ объ историческомъ драматургѣ, за исключеніемъ его «Кромвелля», замѣчательно-серьезной, на половину гениальной, на половину фальшивой драматической этюды, да его «Бургграфовъ», высоко-поэтической концепціи воплѣ исторической картины, испорченной мелодраматическими пружинами. Все остальное у него — драмы психологическія, болѣе или менѣе замѣчательныя — а не историческія. Въ «Le roi s'amuse» — Францискъ I взять не какъ историческое лицо, а какъ типъ блестящаго, увлеченаго и безсовѣстнаго чловѣка, изъ самой высшей среды общества, въ противоположность обиженному природой и социальнымъ положеніемъ уроду-шуту; въ «Машенькѣ де Лормъ» Ришелье можетъ быть удобно-замѣненъ какимъ хотите чиновнымъ лицомъ...

Но представьте вы огромный холстъ, натянутый видимымъ образомъ для картины съ грандіознымъ содержаніемъ. На этомъ холстѣ отдѣланъ центръ, и отдѣланъ явно великимъ мастеромъ... Вдали обрисована великолѣпная фигура, столь же важная какъ центръ картины, и связанная необходимо съ центромъ. Вниманіе ваше приковано къ центру и къ этой грандіозно-обрисованной фигурѣ, а вась живописецъ хочетъ насильно приковать къ эпизоду, видимо сочиненному — мѣстами искусно, а мѣстами даже вовсе не искусно, и насильно же приковываетъ къ этому эпизоду колоссальную фигуру, связанную въ сущности только съ центромъ картины.

Таково или почти таково впечатлѣніе отъ множества историческихъ драмъ, и отъ «Псковитянки» Л. Мея въ особенности. Для того, чтобы совершенно уяснить его для читателей, мы рѣшаемся разобратъ всю драму въ подробности. Это можетъ быть будетъ и излишнее для многихъ изъ нашихъ читателей — ибо, вѣроятно многіе изъ нихъ и не читали драмы Мея, о которой молчала наша критика. Въ «Свѣточѣ» явилась, правда, статья о «Псковитянкѣ», статья и умная и справедливая — но вѣдь во всѣхъ журналахъ только одна статья, да и та въ «Свѣточѣ, журналѣ еще молодомъ, еще только что возникшемъ. *Можетъ быть*, но не ручаемся, — г. Гымалѣ что-нибудь сказалъ о «Псковитянкѣ» въ фельетонѣ «Спб. Вѣдомостей», но литературные фельетоны этой почтенной газеты читаются только сотрудниками журналовъ — да и слава Богу, что ими только читаются.

Итакъ — прямо къ дѣлу, т. е. къ разбору «Псковитянки».

Дѣйствіе открывается во Псковѣ въ 1555 году. У боярина Ивана Семеновича Шелогина есть жена Вѣра Дмитріевна. Бояринъ въ походѣ; во время его отсутствія — жена родила дочь. Съ замираніемъ

сердца ждетъ она мужа, стараго и ревниваго. У Вѣры Дмитриевны есть сестра Надежда, сговоренная за князя Юрія Ивановича Токмакова. Вѣра Дмитриевна наконецъ не вытерпѣла и рассказываетъ сестрѣ, какой грѣхъ съ ней приключился. Только что она рассказала и не успѣли онѣ обѣ придумать что-нибудь, слышенъ звукъ трубъ. Вѣра схватываетъ свою Оленьку. Сѣнная дверь растворяется, на порогѣ показывается бояринъ Шелога и князь Токмаковъ; оба въ кольчугахъ и шлемахъ.

ШЕЛОГА.

Здорово! Дорогихъ гостей не ждала? *(снимаетъ шлемъ и молится.)*

ВѢРА *(бросается въ безпамятствѣ, между нимъ и Токмаковымъ).*

Пусти, пусти!

ШЕЛОГА *(заступаетъ ей дорогу, смѣясь)*

Аль мужа не признала?

Знать съ нѣмцами и самъ я нѣмцомъ сталъ.

Здорово, Вѣра! дай поцѣловаться;

Кажися, годъ промаялись... *(хочетъ ее обнять)*

ВѢРА *(отскакиваетъ отъ него).*

Не тронь,

Не тронь ребенка!

ШЕЛОГА *(крестится).*

Наше мѣсто свято!

Ребенка? какъ ребенка? *(дѣлаетъ шагъ впередъ)*

ВѢРА *(отбѣгаетъ къ окну).*

Отойди!

Въ окошко нивусь!..

ШЕЛОГА.

Господи, помилуй!

Неужто я на смертный грѣхъ вернулся? *(возвышаетъ голосъ)*
Жена!.. и чей пащеночекъ этотъ?

НАДЕЖДА *(падаетъ на колѣни).*

Мой!

Эта небольшая и какъ видите энергическая сцена, собственно-единственное драматическое мѣсто въ первомъ дѣйствіи. Все остальное въ немъ или казенщина, написанная превосходнымъ языкомъ, какъ разговоръ Надежды съ нянькой Перфильевной, или лирическія мѣста, которыя хороши взятыя отдѣльно, но совершенно не драматичны, какъ рассказъ Вѣры Дмитриевны, даже неестественный въ

ту напряженную минуту, въ которую происходитъ дѣло. Казенщиной называемъ мы совершенно ненужныя рѣчи няни Перфильевны, начиная отъ рѣчей о красотѣ обоихъ сестеръ, до рѣчей о князѣ Юріѣ Токмаковѣ, рѣчи совершенно «порожныя» въ отношеніи къ драмѣ, ни къ какому дѣлу не ведущія, и въ сущности ничего не рисующія: ни быта, ни характеровъ. Все отличіе этихъ «порожныхъ» рѣчей отъ другихъ столь же порожнихъ въ различныхъ историческихъ драмахъ александринской сцены, заключается въ мастерскомъ русскомъ языкѣ... Граціозно-прелестная подробность, но столь же порожняя какъ и рѣчи няни Перфильевны, колыбельная пѣсня Вѣры Дмитріевны надъ Оленькою... Отдѣльно взятая, она такъ хороша, такъ свѣжа и наивна, что мы не можемъ ее не выписать:

Баю — баюшки баю,

Баю Оленьку мою...

Что на зорькѣ на зарѣ,
О весенней, о порѣ,
Птички Божіи поютъ,
Въ темномъ лѣсѣ гнѣзды вьютъ.

Баю и т. д.

Соловейко — соловей!
Ты гнѣздо себѣ не вей,
Прилетай ты въ нашъ садокъ,
Подъ высокій теремокъ

Баю и т. д.

По кусточкамъ попорхать,
Спѣлыхъ ягодъ поклевать,
Солнцемъ крылышки пригрѣть,
Олѣ пѣсенку пропѣть.

Мы не станемъ здѣсь входить въ разбирательство, сколько и что именно взялъ Мей здѣсь цѣликомъ изъ народной колыбельной пѣсни, то дѣло въ томъ, что онъ съ высокимъ поэтическимъ тактомъ разработалъ народный текстъ...

Что касается до разсказа Вѣры Дмитріевны о приключившемся грѣхѣ — разсказъ рѣшительно фальшивъ въ драматическомъ отношеніи. Во первыхъ онъ ужасно длиненъ; во вторыхъ... но послушайте сами... Вѣра рассказываетъ что «шла она замужъ неволей, — но что мужъ въ ней души не чаялъ» и баловалъ какъ малаго ребенка. Пошолъ онъ въ походъ на нѣмцевъ... Дала она обѣтъ сходить къ Вечерскимъ чудотворцамъ — и пошла «угодникамъ господнимъ поклониться...» Ты не была въ монастырѣ?.. обращается она къ сестрѣ, перерывая свой разсказъ. — Оборотъ по видимому очень естественный — но фальшива такая естественность въ такую мину-

ту, когда ей хочется поскорѣй облегчить свою душу исповѣдью.
«Въ Печерскомъ» — отвѣчаетъ «Надежда»

Нѣтъ не была...

ВѢРА

Туда дорога лѣсомъ,
А лѣсъ густой; березы да осины
Переплелися, спутались вѣтвями,
Какъ волоса, а молодой кустарникъ
Сплошнымъ плетнемъ раскинулся — разросся
Продолу нѣтъ...

Какая превосходная живопись, совершенно наша мѣстная, — во вѣдь это Л. А. Мей говорить, поэтъ говорить, а не преступница-жена, которой некогда вспоминать въ эту минуту о дорогѣ... Вдругъ, — продолжаетъ она

... Степанида мнѣ и говорить:

Боярыня, гляди-ка: подоси́нникъ,
Пойдемъ искать грибовъ.

НАДЕЖДА

Ты и пошла?

ВѢРА

Я и пошла... Давно ужъ это было,
А какъ теперь гляжу на этотъ лѣсъ...

и начинается превосходнѣйшее описаніе лѣса, отъ котораго такъ в пахветъ нашимъ русскимъ лѣсомъ — но которое въ драматическомъ отношеніи, положительное безобразіе. Безобразія этого не выкупаютъ ни художественность изобрѣтенія, ни удивительное владѣнье народной рѣчью — до такихъ *простыхъ* повидимому, но всякому другому крайне *мудреныхъ* тонкостей — какъ отмѣченныя нами курсивомъ слова... «Ты и пошла?.. Я и пошла»... Рѣчь совсѣмъ живая, поразительно народная повсюду, владѣнье красками нашей природы — страшное; но все это пропало задаромъ, все это не къ мѣсту. Если-бъ мы хотѣли даже сдѣлать натяжку, предположить въ поэтѣ излишество психологической тонкости, желаніе показать наглядно, какъ его героинѣ стыдно, трудно и больно доходить до настоящаго дѣла, высказать самую *суть* — и то подробности выйдутъ слишкомъ неумѣренны. За то, все дальнѣйшее въ разсказѣ, — превосходно... Истинно тонко и вѣрно, что ВѢра Дмитриевна, вмѣсто прямого разсказа о своемъ грѣхѣ — на слова Надежды: «Какъ ты жива осталась, и проч. отвѣчаетъ

Не страшень страхъ Надежа,
 А страшень грѣхъ... Вотъ какъ любовь змѣя
 Подъ сердце ляжетъ, словно подъ колоду,
 Да высосетъ всю кровь изъ ретиваго,
 Да какъ не то, что о грѣхъ молился
 А, кажется молилась бы грѣху...
 Такъ тутъ вотъ плохо... Что твой дѣсь потемный.

Какъ это хорошо! — невольно скажешь, читал это мѣсто до самого слова *потѣмный* — одного изъ архаизмовъ или мѣстныхъ терминовъ, которыми иногда любить щегольнуть Мей, злоупотребляя своимъ знаніемъ языка... Какъ это поэтично!.. подумаете вы, сказавши прежде невольно: какъ это хорошо... Также точно хороши своей таинственностью и страстностью всѣ послѣдующія рѣчи Вѣры, въ которыхъ и, «Онъ» — вы догадываетесь конечно кто этотъ онъ — является окруженный какимъ-то мрачнымъ, зловѣщимъ и неотразимымъ обаяніемъ.

Очнулася я поздно,
 Ужъ въ сумерки... Въ какомъ-то я шатрѣ...
 Гляжу: коверъ подстланъ подо мною,
 А въ головкахъ камчатная подушка,
 И парчевой попоной я накрыта...
 Кругомъ собаки лаютъ, кони ржутъ,
 Народъ гуторить.

НАДЕЖДА.

Чтожь это такое?..

Бояре, чтоль охотилися?

ВѢРА.

Онъ!

Приподняла я голову — подходить...
 Въ потьмахъ лица не видно, только очи
 Какъ уголья въ жаровнѣ... Говорить:
 «Долгонько спалось, гостя дорогая!
 А намъ бы вотъ навѣдаться: какъ гостя
 Велить себя по имени назвать,
 Какъ величать по отчеству? «Самъ въ полевъ.
 Я ни гугу: языкъ не шевелится...
 А вижу то, что изъ бояръ бояринъ,
 По рѣчи слышно: голосъ такъ и льется,
 Что за осанка, что за ростъ и плечи.
 Онъ мнѣ опять: «Мужевая жена,
 Аль красная дѣвица — обзавися,
 Мы до дому проводимъ». Я молчу
 Сверкнулъ глазами, отвернулся, крикнулъ:
 Т. II. — Отд. II.

*Князь Вяземскій! послать сюда дѣточку!
И вышелъ вонъ...*

Красота поразительная и красота совершенно народная въ этомъ образѣ!.. Сумрачныя и зловѣщія стороны лица грознаго Ивана удивительно слиты съ тѣмъ адски-юмористическимъ, что поражаетъ насъ въ его письмахъ, хоть бы къ старцамъ Кирилло-Бѣозерскаго монастыря, которымъ тоже вѣдь онъ «самъ въ поясъ», какъ бѣдной жертвѣ своего сладострастія!.. И какой поэтической и поэтически-вѣрный задатокъ — личность этой женщины, которая въ немъ, мрачномъ, Грозномъ, съ разу увидала то, чего душа ея жаждала, сразу полюбила его такъ, что

*...не то, что о грѣхъ молиться
А кажется молилась бы грѣху!..*

Знаете ли что?.. Вѣдь это таже «Катерина» Грозы; только «Катерина», мгновенно мелькнувшая въ фантазіи поэта лирика, да такъ и промелькнувшая задаромъ... Лирическая концепція, пожалуй даже въ одномъ отношеніи и шире драматической концепціи Островскаго. Катеринѣ «Грозы» недостаетъ для того, чтобы совѣмъ быть правой, только именно такого образа, какой увлечь въ грѣхъ Вѣру Дмитріевну... да что толку въ широтѣ лирической концепціи?.. Она только дразнитъ васъ... понапрасну, нисколько не удовлетворяя...

Мрачно-зловѣщій и проницательскій ликъ Грознаго, двѣ страстныхъ женскихъ природы, изъ которыхъ одна «молится грѣху», другая на ея страстные рассказы говорить:

Вѣра! знаешь ли ты?

ВѢРА.

Что?

НАДЕЖДА.

И я бы также полюбила...

и потомъ, по внезапно, по трагически-страшно созрѣвшему въ душѣ, безъ всякаго участія рефлексій, порыву, на вопросъ возвратившагося домовладыки, вопросъ грозный, вопросъ, въ которомъ лежитъ жизнь или смерть: Жена! а чей пащенокъ этотъ?.. отвѣчаетъ: «Мой»!.. вотъ все что вы выносите изъ пролога драмы...

Вы думаете, что одна изъ этихъ женщинъ и будетъ героинею драмы, а пожалуй и обѣ... Разочаруйтесь! надъ героиней еще расцвѣвалъ только «соловейко-соловей!».. героиня еще въ пленкахъ...

И это бы еще не бѣда, что она въ пеленкахъ; мы слава Богу давно забыли жалобы Буало на драматурговъ, у которыхъ герой

Enfant au premier acte est barbon au dernier...

Бѣда въ томъ, что поэтъ нашъ лирикъ, что онъ какъ «соловейко-соловей» не вьетъ себѣ гнѣзда, что ему дорога только лирическая сторона его концепціи... Бѣда еще въ томъ, что ему, какъ всякому лирику, трудно и невозможно даже удержаться постоянно на одинаковой высотѣ лиризма, и что онъ часто падаетъ въ рутину, въ родъ разговоровъ Перфильевны или въ «порожнія», хотя и прекрасныя рѣчи... А ни того, ни другого, ни рутинны, ни порожнихъ рѣчей въ драмѣ не должно быть...

Дѣйствіе второе происходитъ черезъ пятнадцать лѣтъ. Колыбельная героиня выросла и бѣгаетъ въ горѣлки съ подругами, въ саду своего названнаго батюшки, князя Юрія Токмакова, намѣстника царскаго въ вольномъ городѣ Псковѣ... Дѣйствіе начинается тремя страницами прекрасныхъ, но совершенно «порожнихъ» подробности, по видимому очень естественныхъ, какъ разговоры про ягоды, но какъ-то, не смотря на превосходную народную рѣчь, пошло и рутинно-естественныхъ... Странное дѣло! Вѣдь кажется и Островскій вводитъ и народныя игры цѣликомъ, и разговоры посторонніе, не прямо къ драмѣ относящіеся въ свои драмы, но отъ чего же естественность у него не рутинна а типична, какъ старухи, боящіяся темныхъ ночей и лихихъ собакъ, мѣрно какъ глиняныя кошки, качающія подъ пѣсни головами въ «Бѣдность не порокъ» и мящики уговаривающіеся, чтобы «промежъ собой не галдить» въ «Не такъ живи какъ хочется» и обыватели дивнаго города съ «жестокими» нравами, собравшіеся на соборной паперти и разсуждающіе, что «эта Литва — она къ намъ съ неба упала»... Оттого, что все это у него не лирическія концепціи, а фонъ его драматическихъ картинъ, самая жизнь, самая правда... Тутъ же по видимому всѣ концепціи, какъ концепция, хороши, должны бы кажется по пледъ поэта рисовать быть, даже по видимому совершенно естественны, а между тѣмъ въ сущности только «порожнія» рѣчи... или даже рутинна, сочиненіе...

Увы! «гнѣзда себѣ не свилъ» въ мелькнувшей передъ нимъ жизни, нашъ «соловейко-соловей»... Онъ увлекся только поэтическими идеями. Какъ доходить дѣло до того, что ему дѣйствительно дорого, онъ поднимается на высоту часто удивительную; гдѣ же приходится ему сочинять, уввы! тамъ рутинна, не выкупаемая ні мастерскою рѣчью, ни даже пѣснями въ роляхъ: «По малину я хопила молодая»... Передъ вами нѣтъ живыхъ лицъ и живой жизни:

вмѣсто нихъ фигуры съ ярлыками на лбу. Вотъ вамъ Степа Машута, долженствующая представлять собою удалую женскую натуру и подь пару ей удалецъ Четвертка; вотъ вамъ мамки и няньки, вчѣмъ одна отъ другой не отличающіяся, хотъ и говорящія языкомъ безукоризненно-народнымъ, языкомъ-золотомъ.

Но какъ только, повторяемъ, доходить дѣло до того, что поэту въ его драмѣ дѣйствительно дорого, чего онъ не сочинялъ, а чѣмъ онъ вдохновился, въ немъ является сила истиннаго творчества... Промежду этихъ порожнихъ рѣчей раздаются зловѣщія вѣсти о царѣ Иванѣ, что онъ

На Новгородъ прогнѣваться изволилъ,
Пришолъ со всей опричиной...

Что онъ:

Казнить по всѣмъ концамъ и по посадамъ,
И старого и малаго, кто виненъ,
А кто и не виновенъ, безъ разбора,
Безъ жалости, безъ милости казнить...
Пригналъ оттуда къ князю спѣшный вершникъ:
«Стонъ стономъ князь, по городу стоять,
На Волховѣ, пониже моста съ версту
Набило тѣлъ — такая-то плотина,
Что полою водою не размоетъ...
Три тысячи, никакъ, онъ говорилъ,
На площади казнено было за день,
А что ужъ тамъ, по пригородамъ, селамъ,
Монастырямъ... Охъ, Господи, помилуй
Насъ грѣшныхъ...»

и когда старуха Власьева, начинаетъ сказку про лютаго змѣя Тугарина, вы чувствуете, что эта по видимому совершенно эпизодическая подробность — эта сказка здѣсь не порождая рѣчь, что отъ этой сказки вѣтъ чѣмъ-то грозно-трагическимъ, что вѣтъ тѣмъ же идущимъ вдали Иваномъ, и чувствуете вмѣстѣ съ тѣмъ, что это не эффектъ, сочиненный поэтомъ, что это далось по вдохновенію, что тутъ и въ концепціи и въ самомъ выполненіи, самая истинная правда и самая грандіозная поэзія, не говоря уже о техническомъ совершенствѣ выполненія, совершенствѣ до полного и между тѣмъ совершенно свободнаго отождествленія съ народной сказкою, до *хозяйскаго* распорядка народной рѣчью:

Починается сказка,
Приговоромъ да присказкой,

Тихимъ пошептомъ, частымъ прічитомъ;
 Починается сказка,
 Что отъ сиваго моря Хвалынскаго,
 Отъ семи рѣкъ восточныхъ,
 Отъ семи звѣздъ закатныхъ,
 Отъ семи горъ великихъ полуночныхъ.

Ой, на морѣ-мори

Погасають зори

За поморскою Камень-горою поднебесною,
 За ятарнымъ узорочнымъ теремомъ:
 На небѣ темно, въ теремѣ звѣзды;
 На небѣ звѣзды, въ теремѣ мѣсяцъ:
 На небѣ солнце — въ теремѣ ночь непроглядная...
 Зачурованъ тотъ теремъ съ покѣнь-вѣковъ
 И положенъ зарокъ на немъ изстари
 На три сотни головъ богатырскихъ,
 А молодыхъ людей на три тысячи,
 Гдѣ онъ сталъ, та земля поизвѣдана;
 Путь дорога къ нему неповѣдана,
 И залегъ ту дорогу Тугаринъ злой.
 Пастъ у змѣя, что печь раскаленная,
 Лапы словно дубы трехъохватные,
 Крылья мѣдныя, когти булатные,
 Хвостъ на семьдесятъ сажень волочится,
 Русскій духъ слышитъ змѣй ровно за семь верстъ,
 Убиваетъ людей ровно за версту,
 Убиваетъ собака ничѣмъ другимъ,
 Какъ разбойничьимъ громкимъ посвистомъ:
 Зашипить онъ — деревья шатаются,
 Ко сырой мать землѣ преклоняются...
 А какъ свиснеть...

Боже! какую рутинную пошлостью перерывается это грандіозно-народное трагическое, пошлостью, достойною драмъ Полевого, пошлостью, отъ которой больно и стыдно сочувствующему читателю за большое дарованіе Л. Мея... За сосѣднимъ заборомъ, изволите видѣть, раздастся рѣзкій свистъ, дѣвушки вскрикиваютъ... Этотъ водевильный эффектъ — свистъ посадничьяго сына Четвертки, удалца и сорви-головы...

Но мы забыли рассказать вамъ содержаніе второго акта. Колыбельная героиня Ольга выросла, и какъ «слѣдственно» влюблена. Влюблена она въ сына посадничьяго, Михайла Тучу; названный же отецъ ея, князь Токмаковъ, почти-что сосваталъ уже ее за пожилого боярина Машуту. У Машуты есть дочь, Стеша, нѣчто въ родѣ «Варвары» въ Грозѣ: она любитъ, на-сколько можетъ любить ея

размашистая натура, другого сына посалничьяго Четвертку... Личности Стеши и Четвертки очеркиваются очень хорошо потому въ сценѣ ихъ свиданія, равно какъ и ихъ отношенія; у Стеши и у Четвертки языкъ даже колоритный и способъ чувствования оригинальный.

СТЕША МАШУТА (подходить къ забору).

Четвертка, ты?

ЧЕТВЕРТКА (за заборомъ).

Все я же, Степанида

Никитична! (показываетъ голову изъ-за забора).

Позволишь перелѣзть?

СТЕША.

Вотъ я тебѣ позволю! Здѣсь Михайло Андренчъ?

ЧЕТВЕРТКА.

Туча? У меня на лавкѣ сидитъ, повѣся голову.

СТЕША.

Скажи,

Чтобы сюда пришолъ и дожидался.

ЧЕТВЕРТКА.

А я-то чтожь, Терпиоревъ.

СТЕША.

А ты

Проваливай!

ЧЕТВЕРТКА.

Благодаримъ покорно...

Личность Стеши также хорошо и бойко обрисована еще прежде въсколькими штрихами — ея допросами, которые она дѣлаетъ Ольгѣ, стремительною радостью, когда она узнаетъ, что та любить «не дьявола Четвертку» и дорисована необыкновенно смѣло въ четвертомъ актѣ...

Странное дѣло! отъ чего эти двѣ личности — Стеша и Четвертка удались Мею, хоть онъ по видимому не заботился много объ ихъ отработкѣ и такъ положительно не удались ему серьезныя отношенія Ольги и Тучи — ему, который однако лирически видитъ дѣло русской любви до той ея грани, что

не то что о грѣхѣ молиться
А кажется молилась бы грѣху...

Странное дѣло, но для объясненія его вовсе не нужно прибѣгать къ тому, что типъ удалой, разгульной любви болѣе у насъ выработанъ, чѣмъ типъ любви сосредоточенной, трагической или элегической... У Островскаго же вѣдь одинаково хороши (за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстами еще проскользающихъ рутявннхъ выраженій «романтически-народной эпохи», въ родѣ — заложу я сапожн-самокаточки и проч.), серьезныя отношенія Мити и Любы и «гулевыя отношенія» Анны Ивановны и Гуслина въ «Бѣдность не порокъ», не говоримъ уже о глубоко-трагической любви Катерины въ «Грозѣ»... У Мея же сцена свиданія Ольги съ Михайломъ Тучею вся состоитъ изъ такъ называемыхъ «башлыковъ.»

Но вы не знаете конечно, что такое *башлыки*? У насъ есть одинъ пріятель, безпощаднѣйшій комикъ по натурѣ и притомъ, что особенно дорого — народный комикъ. Все мало-мальски фальшивое, напряженное, сочиненное въ выраженіи и чувствахъ, онъ казнить прозвищемъ «башлыковъ» въ память героя блаженной памяти «Двумужницы» (пещи впрочемъ въ свое время замѣчательной и стойшей всей «романтически-народной» эпохи за исключеніемъ Лажечникова), Егора Башлыка. Въ «Двумужницѣ» «башлыки несутъ» и самъ Башлыкъ и Романъ Боберъ и даже Фаддей Дятель... Увы! такіе же «башлыки» несутъ у Мея Ольга и Михайло Туча...

И это странное обиліе «башлыковъ» у Мея, одного изъ самыхъ большихъ знатоковъ народнаго созерцанія, чувства, языка, объясняется просто тѣмъ, что онъ «сочинилъ» а не создалъ отношеніе Ольги и Михайла Тучи. Для чего онъ ихъ сочинялъ — Богу единому извѣстно... Драма въ нихъ не нуждалась, тѣмъ болѣе, что къ драмѣ о Псковѣ и Иванѣ, Ольга привязана болѣе глубокою дружиною, и въ этой дружинѣ, въ таинственной, для нея самой-необъяснимой любви къ Грозному, страшному для всѣхъ другихъ Ивану, видѣтъ такой высокій поэтическій тактъ, данъ такой истинно-драматическій намекъ, что все сочиненное въ драмѣ становится еще болѣе виднымъ и всѣ «башлыки» еще омерзительнѣе.

Въ сущности и Ольга, какъ представительница симпатій къ трагическому образу Грознаго, была не нужна въ драмѣ, а нужны были мать ея и тетка, но ужъ если она поставлена въ драму, то поставлена въ нее этою, а не другою какой-либо стороною, ибо только въ этой сторонѣ заключается такое трагическое, которое подъ пару «Пскову государю» и грозному змѣю-тугарину, заложившему всѣ дороги проѣзжія... Всѣ остальныя отношенія медки и могилы, войдти

въ драму только слегка, какъ краски картины, какъ ея бытовой фонъ и притомъ, не касаясь ни Ивана, ни Ольги. Какъ именно должны и могли они войти, объ этомъ вы насъ не спрашивайте. Мы пишемъ критику, а не драму, отиѣчаемъ чего не должно было бы быть, но не возьмемъ на себя дерзость учить Л. Мея, какъ должно быть.

Князь Юрій и бояринъ Машута выходятъ въ садъ гулять и чуть не застаютъ *любленной* четы. Разговоръ ихъ перерываетъ то, что одно могло какъ художественный эффектъ; перервать рассказъ о Змиѣ Тугаринѣ, перерываетъ звонъ вѣчевого колокола...

Прежде чѣмъ мы пойдемъ съ ними на вѣче, мы вправѣ представить слѣдующую дилемму читателямъ, дилемму, изъ которой, кажется намъ, прямо вытекаетъ заключеніе о фальши переноса романическихъ приемовъ Вальтера-Скотта въ драму.

1) Или передъ нами семейная драма, и намъ нечего ходить съ поэтомъ на вѣче, а пусть онъ намъ передастъ черезъ кого-нибудь изъ своихъ лицъ свѣденія о томъ, чѣмъ и какъ общее событіе коснулось частнаго, т. е. вѣче — семейной драмы.

2) Или передъ нами историческая драма, и вѣче въ ней ея истинное средоточіе, и въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ насъ томилъ частными подробностями, стараясь хотя и тщетно заинтересовать ими, зачѣмъ онъ напряженно сочинялъ рутинныя отношенія и такъ щедро угощалъ насъ «порожними» рѣчами и даже «башлыками»? За что мы выносили эти «башлыки» и эти «порожнія» рѣчи?..

Но дѣло очевидное, и слава Богу, что поэтическая концепція Л. Мея, правда и красота его драмы не въ этихъ рутинныхъ отношеніяхъ, а въ Псковѣ и Иванѣ. Вѣче даже и не фонъ, а истинное средоточіе картины... Это средоточіе и фигура Грознаго, пока она еще обвита туманомъ, пока является намъ какъ нѣчто фантастическое, писаны однимъ изъ великихъ мастеровъ исторической живописи, и притомъ не лирикомъ, а уже чистымъ драматургомъ.

Мы были безпощадны ко всему сочиненному и недоуланному въ драмѣ Л. Мея, но мы будемъ только что справедливы, когда скажемъ, что весь третій актъ и весь четвертый, возбуждаютъ чувство довольно рѣдкое въ наше время, — увлеченіе, а по временамъ чувство еще болѣе рѣдкое: художественный восторгъ и широтой концепціи и глубокою, спокойною, безукоризненно-чистою правдою выполненія. Псковское вѣче, ожиданіе Грознаго Ивана, входъ его въ домъ князя Токмакова, все это останется на вѣки въ русской литературѣ, ибо изваяно мѣдными чертами и рукою мастера, какихъ немного.

Разбирать третій актъ, значитъ выписывать почти все; ограничиться общими о немъ словами, будетъ вредно и для статьи нашей и для драмы. Постараемся найти средній путь — путь разъясненія и разсужденія.

Спросить читателей, знаютъ ли они что такое наши вѣча вообще, набатъ которыхъ неумолчно гудить не въ одномъ только государѣ великомъ Новѣгородѣ и въ братѣ его младшемъ Псковѣ и во всѣхъ городахъ и пригородахъ до-татарской Руси, — гудить а во время татаръ не только въ Твери, въ самой Москвѣ до казни послѣдняго тысяцкаго, — гудить наконецъ уединенно въ Новѣгородѣ и Псковѣ, въ Новѣгородѣ, пока не свезли вѣчевой колоколъ въ Москву и не повѣсили гудѣть съ остальными московскими колоколами въ одинъ тонъ; дозваниваетъ въ Псковѣ до самаго Грознаго; беспорядочнымъ и мятежнымъ набатомъ пробуждается въ эпоху междуцарствія и торжественно сзываетъ всю землю на охрану и оборону земли въ Новѣгородѣ Нижнемъ, спрашивать, — говоримъ мы объ этомъ читателей въ наше время, будетъ читателямъ обидно...

Большія силы таланта нужно было въ себѣ чувствовать, принимаясь за изображеніе этого вѣча. Изобразить его фальшиво и эффектно, пожалуй легко, но такое изображеніе польстило бы можетъ быть той или другой изъ нашихъ историческихъ теорій, пошевелило бы воображеніе и умъ поборниковъ доктринъ, но какъ фальшивое, имѣло бы въ художественномъ отношеніи значеніе не больше пошлыхъ историческихъ драмъ «романтически-народной» эпохи... Трезвую любовь къ нашему быту нужно было имѣть для такого изображенія, какое предпринялъ нашъ поэтъ, глубину и имѣсть народную простоту взгляда, кромѣ таланта.

Прежде всего кидается въ глаза то, что болѣе пятнадцати фигуръ введено въ дѣйствіе изъ народа, кромѣ главныхъ лицъ драмы, и что каждая изъ этихъ фигуръ носитъ яркій, личный отпечатокъ и Федось Гоболя, Медосось Федось и Колтырь Раковъ и Дмитръ Патрикѣичъ и гонецъ Юшко Велебинъ и Ивашко Торгоша и проч. и проч. Вы ихъ всѣхъ видите — всѣ они необходимы, всѣ они рождены съ плотью и кровью, а не сочинены авторомъ. Въ тонѣ красокъ картины такая жизненная многосторонность — то юморъ народный, то обрядовая сторона уваженія къ дѣйствию «по пошлнѣ», по чину, то патріархальность, то общинный духъ; такая объективная умѣренность, совершенно русская въ трагизмѣ, и имѣсть въ цѣломъ такое сосредоточенное движеніе, что впечатлѣніе вполне сильно и цѣльно. Ни одной черты лишней вы водъ къ лишнимъ чертамъ, къ неумѣренности движенія, былъ бы

для всякаго другого, менѣ трезваго во взглядѣ художника, на каждомъ шагу. Въ Меѣ, стаетъ вездѣ высокой энергіи жертвовать всѣми эффектами правдѣ и смыслу нашего вѣча.

Сначала собираются очередные концовъ и народъ. Рѣчи ихъ исполнѣ живыя, пересыпанная юмористическими выходками, которыя никогда, ни въ какую даже общественно-трагическую минуту не покидаютъ русскаго человѣка. Ловкія и мѣткія прозвища сыплются то тому, то другому изъ очередныхъ; прозвища, полныя какого-то размахистаго и вмѣстѣ наивнаго и любовнаго юмора, то

Федось Гоболя, дѣлка-домосѣдка!
Воловій крѣстный! Медосось Федось!

ТО

Кѡлтырь Раковъ...
И то вѣдь онъ ..
Давай его сюда!
Куда уползъ
Хватай его за клешни
Ракушку!

И вотъ сотскій Дмитрѡ Патрикѣвичъ обращается къ жизненновдвигущемуся морю государей псковичей, со спросомъ: быть сходкѣ или не надо?..

Быть сходкѣ! быть на всей на Псковской волѣ...

кричитъ тысячеглавое дятло.

И выступаетъ первый — тотъ, кто созвонилъ вѣче, гонецъ Велебинъ Юшко, съ невеселою рѣчью: отъ старшого брата, Новаго рода великаго:

Поклонъ и слово Нѡгорода: Братья
Молодая, всѣ мужи псковичи!
Вамъ кланялся де Новгородъ великій,
Чтобъ помогли вы суиротивъ Москвы,
И вы-де брату вашему старшому
Не дали помочь ниже никакую
И цѣлованье крестное забыли;
Или на то вся ваша власть и воля
И помоги вамъ Троица святая,
А братъ де вашъ старшой открасовался
И наказалъ вамъ долю жить да править
По немъ поминки.

Не нужно даже знать нашихъ лѣтописей, а нужно быть русскимъ человѣкомъ, чтобы оцѣнить по достоинству эту рѣчь, полную величаво-спокойнаго горя, мирныхъ упрековъ, горькаго фатализма и славенныхъ рыданій по великомъ покойникѣ.

Вы ждете взрыва рыданій въ толпѣ... Они и есть, но тихія... Раздается правда чей-то голосъ зловѣщій и упрекающій :

Прійдетъ конецъ и Пскову!
И по дѣломъ: сидѣли склавши руки,
Чужой бѣдѣ поразовались...

Но на этотъ голосъ слышится :

Тихе!
Пуцай гонецъ все скажетъ...

Все! чего же еще вамъ надо, государи псковичи, вы уже слышали, что братъ вашъ старшой открасовался.

Вторгается молодая вольница псковская, и враждебно относится къ нимъ толпа :

Ну! привалили!
Вольница!
Буяны!..

Толпа слушаетъ до конца разсказъ Юшки Велебина о неистовствахъ въ Новѣгородѣ, и только проклятія опричинѣ кромѣшной раздаются въ ней, да Федосъ, «воловій крѣстный» высказываетъ сомнѣніе въ достовѣрности неистовствъ надъ неповинными младенцами, да и не въ одномъ Федосѣ, въ царскомъ намѣстникѣ, благодушномъ и благородномъ князѣ Юріѣ Токмаковѣ возбуждаетъ уже не сомнѣніе а вопль подробный разсказъ гонца... Кончилъ гонецъ словами :

Царь на Городищѣ
Всѣмъ становъ сталъ, и это безъ него
Опричники злодѣйствуютъ...

И взрывъ въ толпѣ, взрывъ бурный, поднятый словами Федоса... Взрывъ растеть, растеть какъ морскія валы... Все поднялось на общее вооруженье... Въ Петровскія ворота вѣзжаютъ на взмыленной тройкѣ, гость псковской Семень Бороусовъ, съ словами :

Бѣда!.. бѣда намъ, мужи-псковичи!
На Псковъ идутъ!..

Еще какіе гости?

Литва?

Шальные вѣщцы?

Самъ идетъ!

и стихъ взрывъ, и слышно только:

Пропали!

Пропали мы!

Идѣть!**Идѣть изгономъ!**

Охъ, батюшки, ворота завалите!

Посады жечь?

Добро-то гдѣ намъ спрятать?

Дѣтей-то малыхъ съ жонами куда?..

Страшный, горькій и беспощадный трагизмъ этой сцены, ясень вѣроятно для всякаго и безъ нашихъ толкованій. Понятно вѣроятно и то, почему появленіе молодой псковской партіи на вѣче встрѣчено было бранью и враждой...

И всходитъ на вѣчевое мѣсто степенный посадникъ, князь на мѣстникъ Юрій Токмаковъ, честный, доблестный псковичъ и вмѣстѣ честный, вѣрный слуга земскаго единства — Москвы. Миротворна рѣчь его, и заключаетъ онъ ее тѣмъ, что нечего Пскову бояться, что царь Иванъ Васильичъ

Какъ съѣзъ на мѣсто царское свое
Печаловался Псковомъ, да и нонѣ
Жалѣеть Псковъ...

Насмѣшливыя слова раздаются въ молодой вольницѣ, сомнѣніе слышно въ рѣчахъ толпы, но князя Юрія слушаетъ народъ, потому что князь Юрій точно добра желаетъ осударямъ псковичамъ, не хочетъ «наказывать» государю Пскову, явно отрицается отъ сообщества съ переметчикомъ и холопомъ, бояриномъ Машутою.

Слушала князя и вольница псковская, но не вытерпѣла она, когда на его честныя и любовныя рѣчи сказалъ: аминь! переметчикъ Машута. Вспыхнула вольница въ лицѣ удалого Четвертки, который не пощадилъ въ переметчикѣ отца своей Стеши, но община уявля частный порывъ, община зоветъ и молодыхъ сказать слово въ лицѣ сына посадничьяго Михайла Тучи...

А Михайло Туча «по старинѣ и по пошлинѣ» самъ отдаетъ первенство рѣчи старшому бывшему посаднику степенному, Максиму Иларіоновичу.

Разступается все перелѣ старшимъ. Князь Юрій встаетъ съ вѣчевой ступени, снимаетъ шапку и взводитъ Максима Иларіоновича на мѣсто. Слушайте, слушайте! Столѣтній разумъ будетъ гогорить

устами Максима Иларіоновича... Драма дошла до своего апогея, до разъясненія своего смысла...

И вотъ что говорить старый степенный посадникъ, Максимъ Иларіоновичъ :

Не чаялъ я, отцы мои и братья,
 Что мнѣ еще придется молвить слово,
 Съ великимъ Псковомъ, осударемъ нашимъ,
 А Богъ привелъ подъ старость... не взыщите,
 Коль въ чемъ и какъ, не помнящій, промолвлюсь ..

Такъ начинаеть онъ по «старинѣ и по пошлнѣ» и такъ же «по старинѣ и по пошлнѣ» отвѣчаютъ ему осудари псковичи въ лицѣ Гобои :

Ты говори, а мы ужъ подберемъ...
 Слова — что жемчугъ : если закатился
 Въ какую щолку — лучше половицу
 Аль двѣ поднять, чѣмъ потерять добро...

Какая поэтическая грандіозность въ картинѣ, но грандіозность самая исчезаетъ передъ глубоко-трагическою ея правдою, передъ ея страшнымъ смысломъ... Вотъ что говорить «осударямъ псковичамъ» столѣтній разумъ :

Прослышалъ я про нашу про невзгбду...
 Знать Богъ велѣлъ... а супротивъ велнья
 Господню никто не возмогъ!..
 Вотъ мнѣ теперь девятый ужъ десятокъ,
 Видалъ я волю — красною дввицей,
 Видалъ ее — старухой безпомощной
 И самъ отнесъ покойницу въ могилу...
 Ну! было время и не въ вашу версту
 И потягаться было бы кому
 Съ Москвой.. да нѣтъ! умнѣе были дяды,
 Аль Псковъ-отъ былъ имъ словно по дорожке,
 Покдры будто слыхомъ не слыхали,
 Обиды будто андомъ не видали,
 Какія слезы къ горлу подступили,
 Такъ отогнали къ сердцу пиво, мѣдомъ...
 И веселились... Чтожь не веселитесь
 По двдовски?

Великій князь Василій
 И колоколъ корсунскій снятъ велѣлъ
 И вѣче рушилъ... Какъ у насъ тогда
 Не выпали злнцы со слезами

*И Богу вѣсть... А все же веселились,
А все же Псковъ великій сберегли,
Любили Псковъ побольше внуковъ дѣды...
А я сказалъ...*

Кто хочетъ мнѣ перечить
Тотъ видно молодъ и Москвы не знаетъ
Не то свое — чужое на счету:
Все вывприть, да вывьситъ, да сметить
Да и возьметъ — поди ты съ ней, судися
Въ великій день, передъ судомъ Христовымъ!
И то сказать: въ мое то время были
Цари въ Москвѣ, да только что парами
Въ Москвѣ звались, а нынѣ царь московскій
На всѣ страны и на народы царь.
Тяжка рука да и душа-потемки
У Грознаго... Проститесь съ Псковомъ,
Хорошій будетъ пригородъ московскій
И слава Богу.

Что это такое? Злое ли горе, лютая ли вронія, покорность ли судьбѣ? Ни то, ни другое, ни третье, и вмѣстѣ и то и другое и третье, и горе до ужасающей оледенѣлости причитанья по невозвратномъ покойникѣ, и вронія до наивности юмора, и покорность року до фатализма, все же вмѣстѣ, нѣчто такое трагическое въ своемъ ледяномъ спокойствіи, нѣчто столь глубоко-схваченное въ нашей сущности и быту, что дается съ такимъ техническимъ совершенствомъ только великимъ мастерамъ искусства, .. что стоитъ конечно десяти «Обломовыхъ», помноженныхъ на десять же «Горькихъ Судьбинъ», что стоитъ наряду съ лучшими сценами «Бориса» и съ бытовыми сценами драмъ Островскаго.

Драма достигла, повторяемъ —, въ этой рѣчи до своего апогея. Дальше ея общему движенію идти некуда. Въ рѣчи старика сказался весь смыслъ вѣча, но осталось еще частное движеніе, движеніе молодыхъ людей, и какъ могущественно схвачено оно поэтомъ, какъ оно уноситъ васъ съ вольницею подъ сибирскій камень, въ ея бессмысленное, но удалое дѣло, въ ея отчаянную гибель... Какъ хороша въ другомъ совершенно родѣ рѣчь Михайла Тучи и его прощанье съ Псковомъ-осударемъ, за которымъ слѣдуютъ взрывъ толпы и прощанье съ Псковомъ его сторонниковъ, плаущихъ съ нимъ на бесполезную, но честную гибель съ удалою прощальною пѣснью!..

Не явное ли дѣло, что «псковское вѣче» центръ драмы Л. Мел — и что если бы все остальное въ драмѣ соотвѣтствовало этому центру, мы имѣли бы въ Мелѣ однимъ большимъ поэтомъ болѣе или ужь по

крайней мѣрѣ, однимъ великимъ поэтическимъ произведеніемъ болѣе...

Правдѣ и художественной красотѣ изображенія вѣща, вполне соответствующей очеркъ ожидаемаго Ивана, т. е. весь IV актъ. Никогда еще и никѣмъ Иванъ, съ его внѣшней, полуфантастической стороны, съ той стороны съ которой является онъ въ памяти народа и лѣтописныхъ сказаніяхъ, не былъ изображенъ съ такою художественною мощью... Ожиданіе его, первое появленіе, при вопляхъ о пощадѣ лежащагося головами народа, входъ въ домъ князя Токмакова, беспощадно-злая иронія въ отношеніи къ лежащимъ передъ нимъ во прахѣ осударямъ-псковичамъ, грозная его справедливость, любострастіе, выразившееся въ отношеніи къ смѣлой Стешѣ, — самая нѣжность къ дочери, — глубокая набожность и тишина волкана, который того и гляди что прорвется лавой... все это черты мѣдныя, черты мастера.

Но увы! Иванъ, какъ все фантастическое, только и хорошъ пока онъ вдали или пока является, предшествуемый лихорадочнымъ настроеніемъ. Грозный V-го акта, разсуждающій по г. Соловьеву, не смотря на все глубокое изученіе его образа поэтомъ; не смотря на мастерство языка и эффекты подробностей — лицо столь же сдѣланное, какъ Грозный ожидаемый и Грозный IV-го акта, лицо вполне живое и поэтическое...

Вотъ все что мы хотѣли высказать поповоду «Псковитянки» Л. Мея. Выводъ изъ нашихъ замѣтокъ, вполне искреннихъ какъ въ порицаніи, такъ и въ удивленіи, предоставляемъ самимъ читателямъ.

Надѣмся только, что читая эти искреннія замѣтки, они также какъ мы спросятъ съ недоумѣніемъ: чѣмъ же столь серьезнымъ занята наша критика, чтобы молчать о такихъ явленіяхъ, какъ драма, со всѣми своими недостатками, захватывающая однако необычайно-широко существеннѣйшіе вопросы нашего народнаго быта? Можетъ быть еще, они съ такимъ же недоумѣніемъ спросятъ — почему на нашихъ литературныхъ утрахъ и вечерахъ, никто не поздравилъ публику, въ отрывкахъ, съ замѣчательнымъ произведеніемъ даровитаго поэта?.. Почему наконецъ, наши славянофилы не отозвались нигдѣ объ этомъ явленіи, прямо подлежащемъ разсмотрѣнію ихъ, монополистовъ народной исторіи и народнаго быта?..

Почему?.. Увы! на многія: «почему?» не найдешья совсѣмъ что отвѣтить, — а чтобы отвѣчать на другія, надобно поднимать дѣло съ явца Лебѣ.

Мы поставили себѣ обязанностью, по крайней мѣрѣ хоть заявлять многіе необъяснимые факты.

О самомъ Л. Меѣ, значеніи и свойствахъ его таланта намъ еще придется говорить, и можетъ быть скоро. Покаместъ, мы отдали отчетъ объ его «Псковитянкѣ», и думаемъ, что искренняго, не теоретическаго отчета объ этомъ произведеніи достаточно для опроверженія мнѣнія, единственнаго, какое когда-либо о Л. Меѣ высказалось въ нашей литературѣ — что у поэта нашего талантъ чисто вѣшній. Съ однимъ вѣшнимъ талантомъ поэтъ не могъ бы написать много, тѣмъ болѣе третьяго и четвертаго акта «Псковитянки.»

Стихотворенія А. И. Плещеева. Новое изданіе значительно дополненное. Москва. 1861.

Книжка г. Плещеева является въ самое неудобное для стиховъ время. Въ нашей литературѣ въ числѣ многихъ дикихъ выходовъ чуть-чуть что не возникаетъ вопросъ о томъ, что обиліе стиховъ въ литературѣ означаетъ ея упадокъ и мельчаніе. Право, мы не шутимъ. Ничего не можетъ быть серьезнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ нашихъ наиболѣе — не скажемъ, читасмыхъ или любимыхъ, но вообще изъ наиболѣе толстыхъ журналовъ, выразилъ въ своемъ февральскомъ номерѣ мысль, что обиліе стиховъ въ литературѣ знаменуетъ упадокъ ея. Онъ даже опирается на подобную же мысль, когда-то высказанную Веневитиновымъ. Правда, почтенный журналъ прибавляетъ, что это онъ говоритъ о стихотвореніяхъ безъ поэзіи; по этимъ ограниченіемъ, по нашему мнѣнію, странность этой мысли нисколько не уменьшается. Стиховъ безъ поэзіи всегда и во всякой литературѣ бываетъ больше чѣмъ съ поэзіей. Да и опредѣлить извѣстную дозу поэзіи въ стихотвореніи дѣло довольно тонкое и щекотливое. Ужъ лучше бы почтенному журналу прямо объявить, что у себя стихотвореній онъ болѣе помѣщать не будетъ. Какъ нарочно въ томъ же номерѣ почтеннаго журнала не было никакихъ стиховъ, даже и стиховъ г. Розенгейма. И точно, стихи вещь мудреная. Они могутъ обличить недостатокъ критическаго такта въ журналѣ. Въ прозѣ что ни помѣсти — сойдетъ съ рукъ. Не всѣ же сотрудники гении, а журналъ долженъ выходить къ извѣстному числу. Если читать ужъ будетъ не въ мочь тяжело, то пожалуй еще скажутъ, за то учености много, оттого и тяжело, а такой упрекъ всегда лестенъ. Стихи же другое дѣло: вещь кажется и легкая: вся-то соткана изъ чего-то воздушнаго, безусловнаго, изъ звуковъ, изъ рѣемъ, изъ мимолетныхъ впечатлѣній, изъ чувствъ тонкихъ и полъ-часъ неопредѣленныхъ, а главное вещь необязательная, въ томъ смыслѣ,

что никто и не требует, чтобы въ каждой книгѣ журнала были стихи. Безъ прозы обойтись нельзя, безъ стиховъ можно. Но зато всякій требуетъ того, что если помѣщать стихи, то помѣщать хороше. Всякій требуетъ, чтобы въ помѣщенныхъ стихахъ была поэзія, это нѣчто, такое неувимое, что его никакою ученостью не отыщешь, никакимъ умомъ не узнаешь и не отличишь.

Теперь представимъ себѣ редактора — не редактора наиболѣ толстаго журнала, а такъ какого-нибудь редактора, совершенно небывалаго, совершенно фантастическаго редактора. Пусть этотъ редакторъ будетъ милъ, любезенъ, уменъ, пусть будетъ онъ украшенъ всевозможными добродѣтелями, пусть будетъ онъ прекраснымъ семьяниномъ и, къ довершенію всѣхъ преимуществъ, пусть будетъ онъ богатъ, чиновенъ, со связями, однимъ словомъ, пусть будетъ онъ перломъ редакторовъ, находкой-редакторомъ, однимъ словомъ фантастическимъ редакторомъ. Но вмѣстѣ со всѣми этими прекрасными качествами и добродѣтелями, пусть будетъ онъ одаренъ или лучше сказать обездариенъ отъ природы отсутствіемъ всякаго пониманія поэзіи. Пусть понимаетъ онъ акціи, учеты, дивиденды, дисконты; пусть жизнь онъ знаетъ какъ Фаустъ, архитектуру какъ бобръ, откупа какъ Кокоревъ, науку какъ Гёте, но поэзію знать, какъ Гёте, пусть ему не будетъ дано отъ природы. Известно, что природа всегда въ чемъ-нибудь да откажетъ. Есть много такихъ людей: все знаютъ, но въ дѣлѣ поэзіи ничего не смыслятъ.

Пусть также этотъ редакторъ печатаетъ стихотворенія въ своемъ журналѣ.

Вотъ дѣлое положеніе или ситуація, какъ говорятъ романисты и драматурги. Конечно такой идеальной редакторъ бросится на имена. Флагъ прикрываетъ товаръ. Громкое имя само за себя отвѣчаетъ, а я тутъ въ сторонѣ, рассуждаетъ редакторъ и рассуждаетъ весьма благоразумно. И вотъ въслѣдствіе такого рассужденія стихотвореніе, подписанное именемъ, онъ печатаетъ; безыменные же или съ неизвѣстными именами лежатъ въ *портфеляхъ* редакціи, какъ выражаются теперь редакторы. Такихъ портфелей съ такими стихотвореніями со дня основанія журнала должно накопиться десятки пудовъ, а не портфелей.

И вотъ является книга его журнала съ стихами, подписанными извѣстными именами, и на другой же день являются къ нему разные сотрудики и почти каждый изъ нихъ говоритъ, ну положимъ хоть слѣдующія фразы: «Ну, Афанасій Афанасьевичъ, какую же вы дрянъ напечатали!» — Какъ, дрянъ, возражаетъ редакторъ, да вѣдь это написано такимъ-то, посмотрите вотъ и на оберткѣ

стоитъ. — «Все-таки дрянъ, хоть и сбѣить на оберткѣ!..» и ну, доказывать милѣйшему и добродѣтельнѣйшему изъ редакторовъ всю негодность помѣщенныхъ стихотвореній. Что послѣ этого прикажете дѣлать? Даже и имена не спасаютъ. А ну васъ и со стихами, говоритъ возмущенный редакторъ. Стихи въ журналѣ показываютъ упадокъ въ литературѣ. Правду говоритъ въ февральскомъ номерѣ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ журналовъ. Не стану помѣщать стиховъ. Только мѣсто занимаютъ.

А мѣста стихи занимаютъ всего четверть печатнаго листа изъ 35 или 40 листовъ, изъ которыхъ состоитъ обыкновенно книга журнала.

Это напоминаетъ намъ одного господина, который жаловался, что мухи занимаютъ у него много мѣста въ тарантасѣ.

Какъ же теперь не сказать, что стихотворенія г. Плещеева являются не во-время. Говорятъ, что «С. Петербургскія Вѣдомости» слѣдуя внушенію своего тарантаса, въ которомъ мухи занимаютъ такъ много мѣста, уже успѣли отозваться о книжкѣ г. Плещеева очевъ — неблагоклонно. Вольно же поэту ничего не печатать въ «Отечественныхъ Запискахъ»? Самъ виноватъ. Его бы тогда хвалили.

Но что бы ни говорили «Отечественныя Записки» съ своею крѣпостною газетою, а есть много людей, любящихъ стихи и понимающихъ поэзію. Есть довольно ушей тонкихъ и сердець чуткихъ, и для нихъ-то собственно и пишутъ поэты. Для нихъ-то и мы во «Времени» будемъ всегда помѣщать стихи, которые по крайнему нашему разумѣнію найдемъ хорошими и преимущественно будемъ стараться знакомить публику съ новыми талантами. Да какъ же и провалятся они иначе какъ не въ журналахъ. Въ журналахъ совокупилась вся наша текущая литература. Издателей-книгопродавцевъ у насъ еще до сихъ поръ нѣтъ, въ томъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, какъ они есть напр. въ Англіи или въ Германіи. У насъ надо прежде прославиться, приобрести всѣмъ извѣстное имя, чтобъ найти для себя издателя. Наши издатели издаютъ книги или съ спекулятивною цѣлью, какъ напрямѣръ, разные сонники, разные гадательныя книжонки, разные «средства отъ болѣзней» и сами придумываютъ заманчивыя заглавія для своихъ сонниковъ и «средствъ», или сочиненія уже извѣстныхъ писателей, или наконецъ, книги научнаго содержанія, обѣщающія вѣрный успѣхъ. Да и много ли такихъ издателей?

Но обратимся къ стихотвореніямъ г. Плещеева.

Г. Плещеевъ въ одной небольшой, но и не совсѣмъ маленькой книжкѣ, собралъ все лучшее, написанное имъ стихами во все про-

долженіе его литературнаго поприща. Мы прочли его книжку, хотя и признаемся, что это былъ трудъ ужасный, мучительный. Не потому ужасный и мучительный, чтобъ стихи были плохи; спѣшимъ говорить: совсѣмъ напротивъ. Г. Плещеевъ хорошій поэтъ, и стихи его большею частью прекрасные стихи. Но мы не понимаемъ одного: какъ ни одинъ критикъ, ни одинъ рецензентъ, писавшій о собраніи лирическихъ стихотвореній, не высказалъ еще ни разу подобной мысли, т. е. той мысли, что прочесть уютный томикъ мелкихъ стихотвореній, составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ нравственный подвигъ. Каждое стихотвореніе поэта есть непременно плодъ или его мысли или его впечатлѣній; каждое стихотвореніе написано или подъ вліяніемъ минуты, большею частью совершенно противоположной по своему настроенію той минутѣ, подъ вліяніемъ которой было написано предыдущее. Такъ что одно стихотвореніе составляетъ часто совершенную противоположность другому, которое однако, напечатано съ нимъ рядомъ. Поэтъ переживаетъ подобныя плодоносныя минуты въ теченіе года, а иногда и многихъ лѣтъ, между-тѣмъ какъ критикъ по обязанности своей долженъ погружаться въ нихъ въ очень короткій промежутокъ времени. Нравственное состояніе, которое онъ испытываетъ невыразимо. Одно стихотвореніе погружаетъ его въ элегію, а другое, слѣдующее, можетъ возбудить въ немъ хохотъ, если оно комическаго содержанія или негодованіе, если въ немъ преобладаетъ сатира. Одно полно нѣги и любви, другое караетъ взятки, третье даетъ образъ сытаго жуира и возбуждаетъ смѣхъ. Читатель, купившій книгу нашего поэта — а мы советуемъ ему купить его книжку, потому что въ ней найдетъ онъ много хорошаго — читатель прочтетъ ее иначе чѣмъ критикъ. Ему некуда торопиться. Онъ прочтетъ въ ней то, что ему понравится въ извѣстную минуту настроенія его души и отложитъ ее въ сторону до другой минуты, въ которую онъ прочтетъ другое.

Но мы прочли стихотворенія г. Плещеева и нѣкоторыя даже по нѣскольку разъ, чтобъ выяснитъ себѣ тѣ впечатлѣнія, которыя ему наиболѣе дороги, которыя наиболѣе дразнятъ его *жалостливую* музу. Мы удерживаемъ за нею это прилагательное. Она же такъ любитъ откликаться у него на современные вопросы. Поклонники «искусства для искусства» терпятъ ихъ не могутъ и рѣшительно утверждаютъ, что эта вопросанія губитъ у насъ не одно поэтическое дарованіе. Мы не приверженцы «искусства для искусства» въ томъ смыслѣ какъ понимаютъ эту теорію ея ярые адепты. Мы думаемъ и совершенно серьезно, что поэзія можетъ быть и въ этихъ вопросахъ точно также какъ въ любви, въ красотахъ природы, даже въ лунѣ, про которую такъ много воспѣвали мнувшіе поэты,

даже въ *ней*, которую не позабываютъ и настоящіе. Поэзія, по нашему, таится во всемъ: въ отвлеченномъ, сухомъ какомъ-нибудь фактѣ, точно также какъ въ самомъ яркомъ образѣ дѣйствительности. Поэзія во всемъ, потому что она въ сердцѣ поэта. Отъ него зависитъ превратить самую скучнѣйшую прозу жизни въ обаятельную поэтическую міръ, самый отвлеченный вопросъ въ жгучее впечатлѣніе. Какъ это онъ дѣлаетъ, это его тайна.

Но почему же такъ скучны у насъ тѣ поэты, которые затрогиваютъ современные вопросы? Почему, наиримѣръ, такъ ужасенъ для насъ г. Розенгеймъ съ откупамъ, съ таксой и тому подобными тѣмами?

Конечно ужъ не отъ тѣмъ. Можетъ быть, еслибъ онъ писалъ только къ *ней*, къ лунѣ, воспѣвалъ бы одни весеннія впечатлѣнія, можетъ-быть тогда онъ былъ бы еще ужаснѣе?

Истинный поэтъ, чѣмъ бы онъ ни вдохновился, всегда дѣлаетъ такъ, что его вдохновеніе будетъ законно. Предметъ, на которомъ онъ остановитъ свое вдохновеніе, непременно пройдетъ у него путемъ таинственной метаморфозы и въ результатъ выйдетъ достойнымъ поэзіи. Въ подтвержденіе этого мы можемъ указать на большую часть стихотвореній Некрасова, стихотвореній прелестныхъ и въ высшей степени поэтическихъ, несмотря на всю сухость и, такъ сказать, дѣловитость вопросовъ, которымъ посвящены эти стихотворенія.

Дѣловитость направленія теперь въ большомъ ходу въ нашей литературѣ. Принимаются только за нее большую часть вовсе не художники, не поэты. Мы говоримъ это безъ всякаго сожалѣнія. Если не берутся, значитъ она ихъ не вдохновляетъ, значитъ еще эта дѣловитость не настолько созрѣла, чтобъ глубоко язвить поэтическія сердца и исторгать изъ нихъ истинно-поэтическіе вопли. Въ свое время явятся поэты и этого направленія. Да ужъ и явились: Некрасовъ можетъ служить блестящимъ примѣромъ нашей мысли. Вотъ истинный поэтъ этого направленія, вотъ поэтъ, котораго, не говоримъ до боли, но до истинной поэзіи язвятъ нѣкоторые недуги наши.

Г. Плещеевъ тоже любитъ откликаться на современные вопросы и, по нашему мнѣнію, часто весьма, но не всегда удачно. Они у него не всегда проходятъ путемъ той метаморфозы, о которой мы говорили. Выпшемъ для примѣра, хоть *десятое* стихотвореніе перваго отдѣла:

Я у матушки выросла въ холѣ...

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ ставитъ передъ нами громадный

соціальный вопросъ, — участь дѣвушки, соблазненной и покинутой.

Вотъ это стихотвореніе :

Я у матушки выросла въ холѣ
И кручины не вѣдала злой.
Да счастливой дѣвической долѣ
Позавидовалъ недругъ людской.

Рѣчи сладкія сталъ онъ, лукавый,
Мнѣ нашептывать ночью и днемъ.
И наскучили смѣхъ и забавы,
И наскучилъ мнѣ матери домъ.

Сердце билось испуганной пташкой,
Не давало ни часу заснуть.
Подымалась подъ тонкой рубашкой
Высоко моя бѣлая грудь.

Я вставала съ постели босая,
И бывало всю ночь напролетъ,
Подъ окошкомъ кого-то ждала я —
Всѣ казалось мнѣ, кто-то идетъ...

Два прелестные станса :

Я ждала и дождалась милѡва —
И ужъ какъ полюбился онъ мнѣ;
Молодца не видала такого
Прежде я никогда и во снѣ. —

Очи карія бойко глядѣли
На меня изъ-подъ черныхъ бровей.
Допытать они видно хотѣли —
Что въ душѣ затаилось моей.

Допытали они, что готова —
Хоть на гибель для нихъ — я была...
И за милымъ, изъ дома роднова
Я какъ малый ребенокъ пошла.

Былъ онъ баринъ богатый, и глѣ-то
Всѣ въ далекихъ краяхъ проживалъ.
Слышь лечился — и только на лѣто —
Онъ въ помѣстья свои наѣзжалъ.

Только лаской его и жила я;
Бѣлый свѣтъ съ нимъ казался мнѣ.

Ни почему было мнѣ, что дурная
Шла молва про меня у людей.

Да не думала, я не гадала
Что любви его скоро конецъ.
Вдругъ постыла милому я стала —
И съ другой онъ пошелъ подъ вѣнецъ.

Не пригожимъ лицомъ, — не красюю —
Приманила дворянка его:
Приманила богатой казною —
Много взялъ онъ за нею всего.

Съ той поры будто солнышка нѣту,
Всѣ глухая, осенняя ночь.
Какъ не жди — не дождешься разсвѣту;
Какъ не плачь, а бѣдѣ не помочь.

И съ красой я своей распрощалась,
Не узнала бѣ теперь меня мать.
Ни кровинки въ лицѣ не осталось, —
Словно зелья мнѣ дали принять.

Ахъ! измѣной своей — не отравой —
Онъ съ лица мнѣ румянецъ согналъ...
Буду помнить я долго, лукавый,
Что ты ночью мнѣ лѣтней шепталъ!

Что это стихотвореніе носить въ себѣ такъ называемую *идею*, о томъ свидѣтельствуесть весь томикъ стихотвореній г. Плещеева. Рѣдкое изъ оригинальныхъ стихотвореній его не вызвано какою-нибудь современною мыслью. Переводныя же почти всѣ отзываются тѣмъ, что въ послѣднее время у насъ привыкли называть *стихами съ направленіемъ*. Мы ничего не имѣемъ противъ этого и даже рады, что міросозерцаніе нашего поэта, не замкнуто въ тѣсный кругъ мимолетныхъ впечатлѣній или маленькихъ, частныхъ явленій природы. Намъ кажется только, что вопросъ иногда суживается въ стихахъ г. Плещеева, что поэзія должна бы была поставить и обработать его иначе, чѣмъ обыкновенное разсужденіе. Хотя бы вотъ и этотъ вопросъ. По нашему, ужъ лучше вовсе не залаваться имъ, чѣмъ подвергать его такой обработкѣ. Говоримъ здѣсь о *поэтической* обработкѣ, потому что о другой тутъ не можетъ быть и рѣчи. Въ этомъ вопросѣ таятся цѣлыя драмы, драмы ужасныя: таятся самоубійства, дѣтоубійства, безуміе, мало ли какихъ ужасовъ не таятся въ немъ! А въ этомъ стихотвореніи на

что жалуется покинутая дѣвушка? На то, что разлюбилъ ее ее милый. Но это въ природѣ вещей — любовь не продолжается вѣчно. Еслибъ не онъ разлюбилъ ее, она можетъ быть сама бы его разлюбила. На то, что онъ женился на богатомъ уродѣ? Но это ужъ его дѣло, если онъ разлюбилъ. Мы довольны, что все по крайней мѣрѣ такъ благополучно кончилось, что кромѣ блѣдности и нѣкоторой утраты красоты (будемъ надѣяться, что не надолго), никакихъ другихъ несчастій не случилось съ покинутой. Но можетъ быть мы видимъ вопросъ, илею тамъ, гдѣ поэтъ и не думалъ ни о вопросѣ, ни объ идеѣ? Можетъ быть мы все это ему навязали? Можетъ быть. Но въ такомъ случаѣ стихотвореніе теряетъ всякое достоинство и становится еще блѣднѣе. Намъ уже болѣе нравится старинный романсъ Пушкина, написанный имъ при самомъ началѣ его поэтического поприща и такъ опошленный лакейскимъ и фабричнымъ пѣвиемъ:

Подъ вечеръ осенью ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ ..

Но такихъ стихотвореній, какъ вышеприведенное, у г. Плещеева мало. Мы нарочно остановились на самомъ слабѣйшемъ, чтобъ показать разомъ главный недостатокъ его поэзіи. Впрочемъ и въ этомъ родѣ у него есть стихотворенія прекрасныя; вотъ, напримеръ хоть эго:

ОПУСТѢВШІЙ ДОМЪ

Одинъ по улицамъ брожу я съ грустной думой:
На спящій городъ хоръ дрожащихъ звѣздъ глядитъ.
Вотъ предо мной дворецъ забытый и угрюмый,
Гдѣ жизнь провелъ въ пирахъ и нѣгѣ сибаритъ.

Когда-то музыка гремѣла въ пышныхъ залахъ;
Изъ оконъ лился свѣтъ отъ тысячи свѣчей,
И кубки старые усердно осушала
Шумящая толпа напудренныхъ гостей.

Теперь заброшены огромныя палаты;
Въ роскошныхъ комнатахъ и пусто и темно;
Давно лежитъ въ землѣ хозяинъ торговатый,
Въ чужихъ краяхъ живутъ наследники давно.

Стоитъ уныло домъ; а на крылечныхъ плитахъ,
Подъ рубищемъ дрожа, бѣднякъ заснуть прилегъ
И думаетъ: когда бъ въ палатахъ позабытыхъ
Отъ стужи дали мнѣ хоть тѣсный уголокъ!

Такихъ прекрасныхъ стихотвореній мы много могли бы выписать у г. Плещеева. Ему ненавистны всякая ложь и несправедливость. Онъ съ болѣзненнымъ участіемъ смотритъ на всѣхъ обдѣленныхъ въ мірѣ, на всѣхъ *униженныхъ и оскорбленныхъ*. И это главное достоинство его поэзіи. И это главная черта, заставляющая симпатизировать его благородной музѣ. Онъ всегда откровенъ и простосердеченъ въ стихахъ своихъ, а это большое достоинство. Онъ самъ говоритъ въ стихотвореніи: *луной ночью*

И мнѣ когда-то было мило
Свѣтило блѣдное ночей,
Такъ много грезъ оно будило
Въ душѣ неопытной моей!

Когда лучи его дрожали
На влагѣ дремлющей рѣки —
Душа рвалась къ неясной дали,
Полна невѣдомой тоски.

И было томное сіянье
Путеводителемъ моимъ,
Когда спѣшилъ я на свиданье,
Кипя восторгомъ молодымъ.

Прошли неясныя стремленья,
И потчическіе сны!
Теперь иныя впечатлѣнья
Во мнѣ луной порождены.

Досадно мнѣ, что такъ безстрастно
Съ недосигаемыхъ высотъ,
Глядитъ она на міръ несчастный,
Гдѣ жи и зла повсюду гнѣтъ; —

Гдѣ столько слабыхъ и гонимыхъ,
Изамогающихъ отъ битвъ,
Гдѣ льется столько слѣзъ незримыхъ,
И скорбныхъ слышится молитвъ.

Или въ другомъ стихотвореніи, обращаясь къ призракамъ, онъ восклицаетъ:

Исчезните — зловѣщія видѣнья!
Я не пойду на вашу печальный воевъ!
Я жить хочу! Страданья и волненья
Я чашу полную испить до дна готовъ!

И до конца я вѣры не утрачу —
 Что озаритъ нашъ міръ, любви и правды свѣтъ.
 Пускай я вѣсь — какъ въ морѣ капля — значу,
 Но каждый честный бой — оставить долженъ слѣдъ.

Исчезните! А вы святые звуки —
 Вы силу новую въ мою вдохните грудь.
 Хотя бы жизнь одна сулила муки —
 Я бодро встрѣчу ихъ — благословивъ свой путь!

Изъ приведенныхъ отрывковъ и пьесъ читатель видитъ какими мыслями вдохновляется муза г. Плещеева. Выборъ его переводовъ еще болѣе подтверждаетъ наше опредѣленіе. По нашему крайнему убѣжденію г. Плещеевъ въ переводахъ еще болѣе поэтъ, чѣмъ въ оригиналахъ. Переводчикъ онъ превосходный, и мы совѣтовали бы ему обратить вниманіе на эту яркую сторону его таланта. Для переводовъ своихъ онъ выбираетъ не однихъ только первоклассныхъ поэтовъ. И прекрасно дѣлаетъ. Въ иностранныхъ поэтахъ онъ ищетъ прежде всего своей мысли и беретъ свое добро, гдѣ бы оно ни было. Найдеть онъ это добро у Макса Вальдау, онъ и у Макса Вальдау возьметъ его. Встрѣтитъ свою мысль у Роберта Пруца, онъ и изъ него ее вытащитъ. Даже какого-то Чарльза Ламбы онъ не оставилъ въ покоѣ: зачѣмъ онъ воруетъ плещеевскія мысли? А Анастасій Грюнъ, Оскаръ Радвицъ и Карлъ Бекъ очевидно для того только и существуютъ на свѣтѣ, чтобъ выразить на нѣмецкомъ языкѣ одну какую-нибудь завѣтную мысль г. Плещеева и потомъ отдать ее ему, да не просто отдать, а съ процентами, потомучто мы увѣрены, что въ переводѣ г. Плещеева эти мысли выражены лучше.

Замѣтили мы также въ талантѣ г. Плещеева струйку ироніи и даже нѣкоторой веселости, которою онъ кажется пренебрегаетъ. А между тѣмъ въ этомъ родѣ у него есть нѣсколько прелестныхъ стихотвореній. Упомянемъ изъ нихъ о стихотвореніяхъ: *Счастливецъ и Мой знакомый*. А одну переводную его пьеску мы даже выишемъ: такъ она хороша по своей веселости и ироніи. Это изъ Гейне:

ГРАФИНЯ ГУДЕЛЬ ФОНЪ ГУДЕЛЬСФЕЛЬДЪ

Преклоняются всѣ, о графиня,
 За червонцы твои предъ тобой.
 Въ раззолоченной пышной каретѣ,
 Запряженной четверкой лихой,
 Ты на герцогскій балъ покатила.
 Тамъ огни и оркестръ ужъ гремить,

И по мраморнымъ, гладкимъ ступенямъ
 Длинный шелковый шейфъ твой шумить.
 А вверху галуны и ливреи,
 И кричатъ великаны лакеи:
 C'est m-me la comtesse Gouldefeld.

Въ дорогихъ кружевахъ, въ брилліантахъ,
 По сіяющимъ заламъ дворца,
 Горло, съ вѣромъ ты выступаешь,
 И не сходять улыбка съ лица.
 Такъ высоко отъ радости дышетъ,
 Грудь твоя и полна и бѣла;
 Передъ цѣлымъ дворомъ герцогиня —
Cara mia тебя назвала.
 Вальсируютъ съ тобой камергеры.
 Превозноситъ самъ герцогъ манеры
 De m-me la comtesse Gouldefeld.

Но бѣда, если денегъ не будетъ!
 Всѣ къ тебѣ повернутся спиной.
Cara mia презрительно взглянетъ,
 И ни слова не скажетъ съ тобой.
 Длинный шейфъ твой оттопчутъ лакеи,
 Не пойдешь съ камергеромъ плясать;
 И любезностей ты не услышишь,
 Только будешь обиды глотать.
 Даже герцогъ съостритъ герцогинѣ:
 Какъ несетъ чеснокомъ отъ графини,
 Отъ m-me la comtesse Gouldefeld.

Вообще мы думаемъ, — и да проститъ намъ нашъ милый поэтъ, съ которымъ насъ связываетъ давнишнее знакомство — вообще мы думаемъ, что онъ пренебрегаетъ многими сторонами своего таланта ради другихъ, которыя въ немъ не такъ сильны и ярки. Напримеръ: г. Плещеевъ пишетъ не одни стихи: онъ и прозаикъ. Онъ пишетъ повѣсти и романы, и иногда премилыя повѣсти. Самые лучшія изъ нихъ тѣ, въ которыхъ онъ беззавѣтно, безъ претензіи предается своей врожденной веселости, и какъ-будто стыдись этого, отдастъ въ журналъ не такъ распространенный въ публикѣ. По нашему, мнѣнію самыя лучшія его прозаическія вещи напечатаны были въ журналѣ самомъ распространенномъ въ тогдѣшнее время, но это случилось въ началѣ его литературнаго поприща, именно въ «Отеч. Зап.». Это было уже очень давно, когда г. Плещеевъ только начиналъ писать, и эти лучшія вещи назывались: *Енотовая шуба* и *Папироска*. Въ прошломъ году онъ написалъ

тоже одну *лучшую* (подчеркиваемъ) свою вещь и отдалъ ее уже не въ «Современникъ» и даже не въ «Отеч. Зап.», а въ «Библіотеку для чтенія». Это были небольшія сцены изъ чиновничьяго быта. Не помнимъ ихъ названій. Самыя неудачныя, по нашему *искреннему* мнѣнію, онъ напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», хотя мы увѣрены, что онъ потому-то тамъ ихъ и напечаталъ, что считалъ ихъ самыми лучшими. Такое непониманіе своей силы мы могли бы указать во многихъ повтахъ, и въ современныхъ и въ давно уже почившихъ. Мы не понимаемъ отчего наши писатели такъ боятся предаваться всей искренности своихъ талантовъ. Неужели не надоѣла имъ еще эта рутина, эти старые мотивы, которые когда-то имѣли большой смыслъ — смыслъ противодѣйствія романамъ тридцатыхъ годовъ, романамъ съ небывальными лицами, съ невозможными приключеніями, съ разными *deus ex machina* и т. п. вещами. Вѣдь всегда тянутъ прежнюю канитель скучно, а между тѣмъ мы видимъ, что не только г. Гончаровъ, но и новые писатели — гг. Потанинъ, Родіоновъ, Помяловскій (всѣ они болѣе или менѣе съ дарованіемъ и нѣкоторые даже съ большимъ), тянутъ ее преусердно. Но объ этомъ мы собираемся поговорить въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Времени», а теперь, оканчивая разборъ нашъ, который вышелъ длиннѣе, чѣмъ мы предполагали, не можемъ не сказать, что чувствуемъ большую симпатію къ стихотвореніямъ г. Плещеева и желаемъ имъ не залежаться въ книжныхъ лавкахъ. Въ этомъ, впрочемъ, мы увѣрены. Что бы ни говорили «Отеч. Зап.», а любителей стиховъ у насъ много.

ВЗГЛЯДЪ НА КНИГИ И ЖУРНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ

КАСАЮЩИЯСЯ ИСТОРИИ РУССКАГО НАРОДНАГО БЫТА

1) **Историческіе очерки русской народной словесности и искусства**, сочиненіе **Θ. Буслаева**. Спб. 1861. Томъ I. Русская народная поэзія. Томъ II. Древне-русская народная литература и искусство. (Изданіе **Д. Е. Кожанчикова**).

2) **Калѣки переходіе**, сборникъ стиховъ и изслѣдованіе **П. Безсонова**. Москва. 1861. Часть I. Выпускъ I.

3) **Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ**, составленный **Н. Варенцовымъ**. Спб. 1860. (Изданіе **Д. Е. Кожанчикова**).

4) **И. А. Худякова**. Великорусскія сказки. Москва. Выпускъ I. 1860. Выпускъ II. 1861. (Изданіе **К. Солдатенкова** и **Н. Щепкина**).

5) **А. Н. Афанасьева**. Народныя русскія сказки. Выпускъ I. 1858. Выпускъ II. 1859. Выпуски III и IV. 1860. Москва. (Изданіе **К. Солдатенкова** и **Н. Щепкина**).

6) **Пѣсни собранныя П. В. Кирѣевскимъ**, изданы обществомъ любителей россійской словесности. Пѣсни **Былевья**. Выпускъ I. 1860. Выпускъ II. 1861. Москва.

7) **Двѣ статьи г-жи Кохановской** въ «Русской Бесѣдѣ» 1860 и 1861 г. 1) О русскихъ народныхъ пѣсняхъ. 2) Русскія боярскія пѣсни.

8) **Сборникъ пѣсенъ П. И. Якушкина** — въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860.

- 9) **Исторія Русской Словесности** С. П. Шевырева.
 10) **Статья о свадебныхъ пѣсняхъ** въ № 2 «Свѣточа»
 1861.
-

Да не ужаснется нашъ читатель, взглянувши на длинный списокъ сочиненій, выставленныхъ нами въ заглавіи нашего библиографическаго обзора... Статья наша не затруднитъ его вниманія учено-спеціальными изслѣдованіями, на которыя мы — говоримъ откровенно, и не присвоиваемъ себѣ никакихъ правъ. Въ дѣлѣ народнаго быта, со стороны его учено-исторической разработки, мы только люди искренно любящіе народный бытъ, глубоко сочувствующіе его разработкѣ литературной и ученой, а потому слѣдящіе усердно за этой разработкой, а слѣдовательно, болѣе или менѣе знакомые съ результатами ея, болѣе или менѣе способные оцѣнить ихъ значеніе... Тоже самое просимъ разумѣть и о другихъ обзорахъ нашихъ, которые будутъ относиться къ историческимъ ли чисто книгамъ и журнальнымъ статьямъ, къ изслѣдованіямъ ли бытовымъ, къ изданіямъ ли наконецъ памятниковъ.

Журналъ нашъ мы назвали литературнымъ и политическимъ, а не учено-литературнымъ. Стало быть и спеціально-ученыхъ статей мы не общали.

Но книги, статьи, изслѣдованія и самые памятники историческіе и бытовые, вышли уже въ наше время изъ почтеннаго, но тѣснаго круга спеціальной учености и если не вошли еще вполне, то постепенно все болѣе и болѣе входятъ въ общій кругъ образованія и духовныхъ интересовъ. Не одна наука владѣетъ ими какъ было лѣтъ за десять назалъ и не одни адепты науки ими интересуются. Великая обобщительница духовныхъ интересовъ, литература, приняла ихъ наравнѣ съ наукою въ свое обладаніе... Доказательство этому есть, и притомъ очевидное, матеріальное: всѣ книги подобнаго рода печатаются и расходятся въ довольно большомъ, а нѣкоторыя, наиболѣе замѣчательныя въ значительно-большомъ количествѣ экземпляровъ, стало быть и читаются или по крайней мѣрѣ, хоть съ интересомъ просматриваются читающей массою.

Отдавать о нихъ какой либо, лишь бы ковечно не невѣжественный отчетъ, становится вслѣдствіе этого одною изъ обязанностей литературнаго журнала.

Мы не общали и не общаемъ вообще библиографическаго отдѣла въ нашемъ журналѣ, въ прежнемъ его смыслѣ, т. е. въ смыслѣ перечня выходящихъ книгъ, — отъ книгъ важнаго содержанія до книгъ объ истребленіи клоповъ и таракановъ, перечня или совер-

шенно сухого и бесполезнаго, весьма удобно замѣняемаго книго-продавческими объявленіями, или въ наше время уже недостойнаго серьезнаго литературнаго журнала, т. е. перечня поверхностнаго въ отношеніи къ сочиненіямъ важнымъ и болѣе или менѣе скоморошскаго въ отношеніи къ плохимъ литературнымъ произведеніямъ и товару толкучихъ рынковъ. Положимъ, что Бѣлинскій писалъ иногда удивительныя страницы по поводу какой-нибудь «Прекрасной Астраханки», но то было иное время. Тогда еще и съ «прекрасными Астраханками» надобно было бороться во имя здраваго смысла и изящнаго чувства. Наше время уже, слава Богу, въ такой борьбѣ не нуждается, въ наше время не стоитъ бороться даже и съ повѣстями «Вѣка» и съ повѣстями разныхъ дамъ, печатающихъ свои труды въ серьезномъ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ наше время нѣтъ нужды предупреждать читателей на счетъ пошлости фельетоновъ И. Ч-р-н-к-н-ж-н-к-ва, на счетъ безобразій г. Гымала и т. д. Ничего этого не нужно; ни объ чемъ объ этомъ говорить уже не стоитъ — и слава Богу, что ничего этого не нужно, слава Богу, что ни объ чемъ объ этомъ говорить не стоитъ.

За то стало нужно, положительно нужно говорить о томъ, что и всегда стоило разговора, но къ разговору о чемъ, какъ настоятельной потребности, могло приготовить читающую массу послѣднее десятилѣтіе...

Тѣмъ господамъ, которые съ постояннымъ злорадствомъ доказываютъ вамъ, что развитіе наше пучъ, что мы «не созрѣли», мы, не впадая нисколько въ другую крайность, т. е. не влагаясь въ восторженную пѣсню:

Мы созрѣли, мы созрѣли!..

укажемъ только съ скромностью на несомнѣнный фактъ распространяющейся любви къ знакомству съ нашимъ историческимъ и народнымъ бытомъ, на матеріальный успѣхъ честныхъ учено-литературныхъ предпріятій и на совершенный упадокъ всѣхъ спекуляцій въ подобныхъ дѣлахъ. Замѣйте, что мы скромно говоримъ о распространеніи любви къ знакомству съ дѣломъ и дѣльнымъ — а не о любви къ изученію. До любви къ изученію, не мы одни достигаемъ не скоро; на первый разъ достаточно и любви къ знакомству, видимо распространяющейся до того, что это знакомство съ дѣломъ и дѣльнымъ, преимущественно же съ нашимъ бытомъ народнымъ и съ нашею исторією, начинаетъ уже становиться нѣкоторымъ образомъ обязательнымъ пунктомъ образованія. Какъ именно, въ какой мѣрѣ и степени начинается, это другой вопросъ: несомнѣнно только то, что начинается?

Первый вопрос, который невольно возникает въ умѣ, тотчасъ же по засвидѣтельствovaniи факта и его несомнѣннаго бытiя, это, — чему мы обязаны такимъ въ высокой степени дѣльнымъ настроенiемъ мысли и вкуса, наукъ и литературѣ, той или другой предмету, той ли и другой вѣстѣ.

Разрѣшить вопросъ казенно-примиряющимъ образомъ, сказать что той и другой вѣстѣ, было бы дѣло самое безопасное и главное, самое приличное. Но вѣдь не всякое примиренiе — истинно, а слѣдственно и не всякое хорошо, потому что хороша на свѣтѣ только истина.

Если предложить вопросъ этотъ нѣкоторымъ изъ органовъ нашего развитiя, т. е. журналовъ, учено-литературныхъ (о просто ученыхъ мы ужъ и не говоримъ), литературно-ученыхъ, просто литературныхъ, каждый изъ нихъ отвѣтитъ сообразно съ своими вкусами и наклонностями, или, говоря языкомъ сороковыхъ годовъ, «субъективно». «Русскiй Вѣстникъ» на примѣръ, журналъ достойный величайшаго уваженiя за серьезность своего взгляда вообще и политическаго въ особенности, но пренебрегавшiй литературу цѣлыхъ шесть лѣтъ, пренебрегавшiй ею такъ явно, что на ряду съ повѣстями Тургенева и Крестовскаго помѣщалъ съ какимъ-то необъяснимымъ усердiемъ повѣсти г-жи Нарской и другихъ госпожъ... «Русскiй Вѣстникъ», не смотря на то, что милостиво обѣщалъ принять съ нынѣшняго года и бѣдную литературу подъ свое покровительство — извѣстно какъ отвѣтитъ на нашъ вопросъ, если удостоитъ обратить на него вниманiе. Вкусъ его, не смотря на строгiй отзывъ, касающiйся литературы, нисколько не измѣнился какъ видно изъ литературныхъ перловъ, помѣщенныхъ въ его вышедшихъ въ настоящемъ году книжкахъ, перловъ, стоящихъ въ своемъ родѣ и прошлоголней повѣсти: «Пустушкова» и литературныхъ перловъ прежнихъ лѣтъ. Стало быть и отвѣтитъ онъ, смотря свысока на литературу, — отвѣтитъ, что ученое направление вообще и (подразумѣвается) его направление въ особенности содѣйствовали главнымъ образомъ нашему развитiю.

«Отечественныя Записки» — чтобы идти послѣдовательно по стопамъ проговорившагося статьей о Пушкинѣ г. Дудышкина и дополнившаго его мысль г. Гымаля, должны радикально отвергнуть всякое серьезное влiяние, на развитiе наше литературы, не народной и стало быть несуществовавшей самобытно до напечатанiя сказокъ г. Авонасьевымъ и «Сборника пѣсенъ» (въ «Отеч. Зап.») г. Якушкинымъ... «Современникъ», если тоже захочетъ быть послѣдователемъ, то хоть и рѣшить можетъ быть въ милостивый часъ дѣло въ пользу литературы — но во первыхъ надъ самымъ фактомъ нашего

развитія наслѣдствъ какъ надъ взлоромъ, а во вторыхъ тутъ же, благо рука расходилась, похерить значеніе всей нашей литературы usque ad гг. Щедрина и Некрасова. Что касается до другихъ органовъ нашего развитія, то «Вѣкъ» напримѣръ припишетъ пожалуй поворотъ нашъ къ знакомству съ серьезнымъ, — фельетонамъ И. Ч-р-н-к-н-ж-п-к-ва. Въ сущности же, вопросъ останется покрытымъ «мракомъ неизвѣстности» какъ выражался покойный учебникъ Кайданова обо всѣхъ вовсе неизвѣстныхъ или мало ему извѣстныхъ предметахъ.

Не беремся и мы совершенно порѣшить этотъ вопросъ — а желаемъ только указаніемъ на факты вывести его изъ кайдановскаго мрака неизвѣстности, желаемъ, потому что придаемъ ему большое значеніе. Глубоко уважая науку, мы все-таки видимъ въ ней дѣло болѣе специальное, болѣе такъ сказать аристократическое сравнительно съ великой обобщительницей идей—литературою и думаемъ, что инициатива развитія принадлежитъ ей — не то что преимущественно, а исключительно. Мы даже, да простить намъ «Русскій Вѣстникъ», такъ твердо вѣруемъ въ нее какъ въ народный и вѣчный органъ духовнаго развитія, что не признаемъ такихъ эпохъ, когда ея интересы могутъ быть совершенно покидаемы для другихъ высшихъ интересовъ — и видимъ въ пренебреженіи къ ней, даже временномъ, ни болѣе ни менѣе какъ произволь теорій, хотя и ученыхъ, но всегда узкихъ сравнительно съ безграничною жизнью, которой органомъ литература, — какъ бы она съ точки зрѣнія теорій ни была маловажна, не переставала и не перестаетъ никогда быть, по своему народному, общедоступному и симпатичному существу. Таково наше мнѣніе или лучше сказать наше исповѣданіе. Но дѣло не въ немъ конечно, дѣло въ фактахъ, т. е. въ томъ: будутъ ли на нашей сторонѣ факты?

Въ настоящемъ библиографическомъ обзорѣ нашемъ мы сгруппировали въ заглавіи вѣскольکو изслѣдованій и памятниковъ, относящихся къ одному предмету, къ нашей народной словесности и къ нашему быту...

Припомните положеніе этого дѣла, не говоря уже за *пятнадцать*, даже за *десять* лѣтъ назадъ. Мы не напоминаемъ чисто отрицательныхъ статей Бѣлинскаго, и чисто же отрицательнаго направленія сороковыхъ годовъ, статей о нашей народной словесности по поводу сборника Кириши Данилова и сказаній г. Сахарова, рѣзкихъ выходовъ покойнаго великаго критика и вождя нашего противъ народной поэзіи вообще, противъ славянской народной поэзіи въ особенности, его горькихъ обличеній нашей русской народной поэзіи въ грубости и татарствѣ, не напоминаемъ потому, что раскрывши

любой изъ послѣднихъ пяти томовъ Бѣлинскаго, читатели непремѣнно встрѣтятся съ однимъ изъ подобныхъ взглядовъ, въ свое время и съ извѣстной точкой правыхъ, выраженныхъ всегда съ честною прямою и удивительною энергіей... Нѣтъ! возьмите дѣло въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда Бѣлинскаго уже не стало — а взгляды его, лишонные энергіи, продолжали пѣвторяться. Припомните — что писалось критиками «Отечественныхъ Записокъ» и даже «Современника», о русскомъ народномъ бытѣ, по поводу драмъ Островскаго, въ особенности напимѣрь по поводу «Не такъ живи какъ хочется»; припомните какъ глумились надъ честнымъ и даровито-выполненнымъ дѣломъ Н. В. Берга, находя крайне смѣшнымъ, что онъ собирается «пропѣть намъ пѣсни всего міра»; его вѣдь чуть что не вызывали поэтому поводу пропѣть ихъ съ пляскою — также точно неблагопристойно, какъ въ наше время «Вѣкъ» приглашалъ г-жу Толмачеву прочесть съ «вызывающими» жестами одно стихотвореніе Пушкина, — забывая въ своемъ наивномъ глумленіи, что до г. Берга еще великій Гердеръ «спѣлъ» уже Германіи «пѣсни всего міра.» Припомните какъ г. Егуцовъ уничтожалъ всю древию русскую торговлю, какъ г. Аванасевъ, нынѣ весьма дѣльно и полезно занятый собираніемъ сказокъ и легендъ нашего народа, сочинялъ по Гримму боговъ кочерги и ухвата. Припомните всѣ послѣдствія теоріи родового быта, послѣдствія, отъ которыхъ видимо отступился одинъ изъ отцовъ ея, добросовѣстный и даровитый К. Д. Кавелинъ и которыхъ упорно держится доселѣ г. Соловьевъ... Припомните, однимъ словомъ, въ общихъ чертахъ положеніе вопроса о нашей народности и объ изученіи нашего народнаго быта, о нашей народной поэзіи, о нашихъ вѣрованіяхъ, повѣрьяхъ, обрядахъ и преданіяхъ, и оцѣните успѣхи нашего времени, великій шагъ нашего народнаго сознанія.

Кто не привыкъ, — говоритъ блистательнѣйшій представитель научнаго вѣкомства нашей эпохи съ нашими народнымъ бытомъ, Ф. И. Буслаевъ (Ист. оч. Р. нар. Слов. Т. I. стр. 55), — отдавать себѣ отчета въ сокровенныхъ побужденіяхъ наружныхъ явленій, тотъ легко объяснить себѣ рѣзкую откровенность и грубую простоту эпической поэзіи, отсутствіемъ нравственнаго чувства, *принявъ за это послѣднее, условные свѣтскіе приемы, и даже подкрѣпить свое мнѣніе какою нибудь пѣсней новѣйшаго издѣлія, дѣйствительно пошлою и трязною.* Но если взять въ соображеніе, что старинная эпопея возникаетъ и раскрывается въ продолженіе вѣковъ, что каждое поколѣніе бережетъ и лелѣетъ ее, какъ лучшее свое достояніе, и что такъ называемое дурное направленіе возникаетъ въ литературѣ большею частью уже отъ лица, отъ произвола частнаго, а не отъ всеобщаго нравственнаго расположенія, то едвали возможно допустить въ эпической само-

родной поэзіи не только рѣшительное оскорбленіе нравственнаго чувства, но даже и малѣйшее намеренное уклоненіе отъ добра и правды. И въ наустной, безграмотной словестности, безъ сомнѣнія, могли тогда слагаться пѣсни, оскорбляющія нравственность, но онѣ не расходились далѣе той волости, гдѣ пѣлъ ихъ самъ сочинитель и никогда не доживали до послѣдующаго поколѣнія, умирая вмѣстѣ съ своимъ виновникомъ. • Все минется • говорить народъ — одна правда остается. — а пѣсня — правда. Какъ бездарность, такъ и всякое личное зло и всякій произволъ, эпическая поэзія, въ своемъ вѣковомъ теченіи, отъ себя отбрасывала, подобно тѣмъ озерамъ, которыя будто-бы не терпятъ на днѣ своемъ никакой нечистоты и постоянно извѣргаютъ ее на берегъ...

Пѣсня, сказка, поэтическое преданіе старины, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же даровитый и глубокомысленный изслѣдователь (Т. I. стр. 308), — дорогіи народу не потому только, что забавляютъ въ досужее время, даютъ пищу праздному воображенію, ласкаютъ слухъ складными звуками, однимъ словомъ — не потому, *чтобъ народъ находилъ въ произведеніяхъ своей безыскусственной поэзіи, удовлетвореніе только однимъ эстетическимъ стремленьемъ и позывамъ.* Въ этихъ произведеніяхъ онъ чувствуетъ какъ бы дополненіе всему нравственному существу своему, *потому что они срослись въ его сердце со всеми лучшими, задушевыми его помыслами, мечтами и вѣрованьями; потому въ нихъ находить онъ уже готовое выраженіе тѣхъ сокровенныхъ духовныхъ началъ, которыя ему становятся доступны и ясны только въ этой вѣшней, уже установившейся, окрѣпшей формѣ.* Это его старина и преданіе, *изъ которыхъ сложились первыя основы его нравственной фізіономіи.* Это духовная собственность *всѣхъ и каждого.* Кто поетъ пѣсни или рассказываетъ сказку, тому она и принадлежитъ какъ его литературная собственность, *потому что онъ и самъ подумалъ бы и сказалъ бы точно также, еслибъ старина не подслужилась ему готовымъ выраженіемъ.* Поэтическое творчество цѣлыхъ массъ или поколѣній и творчество отдѣльныхъ личностей, сливаются въ этомъ всеохватывающемъ широкомъ потокѣ народной поэзіи. Пѣвецъ или рассказчикъ что нибудь иногда прибавитъ и отъ себя, но такъ, что ни онъ самъ того не замѣтитъ, ни другіе, точно такъ какъ отъ избытка сердца слагается новое слово, мѣткое и бойкое; совершенно свѣжее, но уже изъ готовыхъ въ языкѣ этимологическихъ данныхъ.

Вдумываясь глубже въ общій смыслъ народной поэзіи, мы должны признать за нею высокое назначеніе. Она сопутствуетъ народамъ на тяжоломъ историческомъ поприщѣ, и вѣчно юная и свѣжая — постоянно питаетъ въ нихъ высокія стремленія въ область идей: *она убѣждаетъ всякаго, что техническое настроеніе есть одна изъ необходимыхъ и непреодолимыхъ потребностей духовной жизни, какое бы направленіе въ теченіе вѣковъ она ни получила, хотя бы даже исключительно практическое.*

Едва ли нужно припоминать и пояснять на сколько этот глубокий и сочувствующий взгляд на народную поэзію вообще, взгляд, прилагаемый г. Буслаевымъ съ любовью и къ нашей народной поэзіи, далекъ отъ взглядовъ на это дѣло критики сороковыхъ годовъ. Разница неизмѣрима... Въ настоящую минуту скорѣе возможна другая крайность, именно взглядъ, ставящій непосредственную, такъ сказать растительную поэзію выше художественной, искусственной, и притомъ возможенъ не у фанатическихъ adeptовъ народности вообще и нашей народности въ особенности, а у глубокомысленныхъ и вполне добросовѣстныхъ изслѣдователей, многосторонне смотрящихъ на предметъ, какъ г. Буслаевъ, который смотритъ на народную поэзію, какъ на нѣчто органическое. Для него, народная поэзія какъ старина и преданье, какъ вѣрованіе и обычай, выше всякаго вымысла, внѣ всякаго подозрѣнія въ неправдѣ и обманѣ. Онъ даже выражаетъ часто какую-то не любовь къ поэзіи искусственной, сопоставляя съ ней растительную, народную поэзію.

Народная поэзія, — говоритъ онъ между прочимъ (Т. I стран. 407.), будучи главнымъ, существеннымъ и преимущественнымъ выраженіемъ эпическаго творчества, предлагаетъ безспорно самыя лучшіе образцы эпическаго стиля, какихъ не найдемъ ни у Виргилія, ни у Аріоста или Тасса. Но кромѣ того, сверхъ этихъ видовыхъ свойствъ эпическаго стиля, она *непогрѣзительна* относительно поэтическихъ достоинствъ вообще...

И за тѣмъ, подкрѣпивъ свой взглядъ мнѣніемъ знаменитаго Я. Гримма, ученый нашъ замѣчаетъ, относительно поэзіи искусственной, что она можетъ быть лучше или хуже, смотря по личнымъ дарованіямъ поэта, по его направленію и т. д.

Поэзія народная, — продолжаетъ онъ, — *разумѣется чисто народная, а не испорченная фабричными или лакейскими передѣлками* — во всѣхъ отношеніяхъ хороша, потомучто она *естественна*; потомучто, будучи выраженіемъ творческаго духа всего народа, свободно выливалась она изъ устъ цѣлыхъ поколѣній. Къ ней не прикоснулось никакое личное соображеніе. Красота ея есть такое же независимое отъ личной искусственности, отъ случайной прикрасы явленіе, *какъ и красота самой природы*. И какъ произведенія природы потому только прекрасны, что это качество *согласно съ ихъ внутреннимъ организмомъ, совсѣмъ существомъ ихъ*: такъ и изящество народной поэзіи есть необходимое выраженіе самаго содержанія, самаго міа или преданія и кроющейся въ нихъ мысли или основнаго нравственнаго чувства: потомучто *безыскусственная поэзія всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ высоко нравственна*, точно также какъ въ природѣ физическое здоровье, необходимое условіе красоты.

Тѣмъ же самымъ взглядомъ на народную поэзію проникнуть какъ видно, въ настоящую минуту и А. Н. Афанасьевъ, — нѣкогда сочинявшій боговъ кочерги и ухвата, нынѣ добросовѣстно и полезно занятый собираніемъ матеріаловъ народного быта. Вотъ что говоритъ онъ напримѣръ въ предисловіи къ своему собранію сказокъ (Вып. I. Предисл. стр. XVII.), явно на основаніи тѣхъ же самыхъ началъ, которыя руководили г. Буслаева въ его изданіяхъ :

Составляя вмѣстѣ съ былинами отрывки стариннаго эпоса, скаски уже потому самому запечатлѣны прочнымъ художественнымъ достоинствомъ. Въ доисторическую эпоху своего развитія, народъ необходимо является поэтомъ. Обогащая природу, онъ видитъ въ ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный въ соверщеніе ея торжественныхъ явленій и исключительныхъ силъ, народъ всѣ свои убѣжденія, вѣрованія и наблюденіе воплощаетъ въ живые поэтическіе образы и высказываетъ въ одной неумолкаемой, отличающейся ровнымъ и спокойнымъ взглядомъ на весь міръ.

Народныя русскія сказки проникнуты всеми особенностями эпической поэзіи: тотъ же свѣтлый и спокойный тонъ; таже неподражаемая искусственность описать всякій предметъ и всякое явленіе по впечатлѣнію, производимому ими на душу человѣка; таже обрядность, высказывающаяся въ повтореніи обычныхъ эпитетовъ, выраженій и цѣлыхъ описаній и сценъ и т. д.

Повторяемъ опять: какъ далекъ этотъ взглядъ отъ взгляда сороковыхъ годовъ — взгляда, который въ сущности былъ только прямымъ результатомъ отрицанія всего природнаго, непосредственнаго въ пользу и во имя отвлеченнаго духа съ его прогрессомъ, отрицанія, послѣдовательно выразившагося у Бѣлинскаго фразой, что «гвоздь выкованный рукою человѣка лучше и дороже лучшаго цвѣтка природы». Персчитите, если желаете провѣрить взглядъ сороковыхъ годовъ во всѣхъ его приложеніяхъ и послѣдствіяхъ — то что онъ говоритъ напримѣръ о народной поэзіи славянскихъ племенъ (Т. IV. стран. 106.), то, что онъ говоритъ въ своей капитальной статьѣ о русской народной поэзіи (Т. V. стран. I.), что говоритъ онъ объ индѣйской эпической поэзіи (Т. IX. стран. 76.), чтобы вѣдѣть до какихъ нелѣпостей доходилъ отрицательный взглядъ. Еще въ 1840 году, соблюдая еще нѣкоторую умѣренность, Бѣлинскій выражаетъ мнѣніе, что иностранныя литературы должны остаться и всегда останутся предметомъ предпочтительнаго вниманія, потому что общеміровое всегда будетъ выше частнаго, а художественная поэзія выше естественной или такъ называемой народной... Въ капитальной же статьѣ своей, онъ проводитъ свой взглядъ съ такою по-

слѣдовательностью, которая исчерпываетъ его до крайнихъ крайностей.

Что же — приходимъ опять, къ поставленному нами вопросу — что подорвало отрицательный взглядъ, что дало такую повсемѣстную силу, такой исключительный перевѣсъ другому взгляду, взгляду, который не можетъ быть названъ иначе какъ органическимъ — взгляду, съ такой глубиною проводимому г. Буслаевымъ въ его наследованіяхъ? Наука или литература?

Органическій взглядъ имѣетъ у насъ также точно какъ и взглядъ отрицательный, также точно какъ и взглядъ положительный свою исторію, свои зародыши, свои первыя формаціи. Собственно говоря, онъ возникъ одновременно съ отрицательнымъ взглядомъ, возникъ изъ одного источника, но на время затаился и развивался совершенно въ тишинѣ, совершенно изолированно. Вотъ это-то обстоятельство и бросаетъ, кажется намъ, свѣтъ на поставленный нами вопросъ.

Органическій взглядъ высказался еще въ 1839 году, въ первомъ году возобновленныхъ «Отечественныхъ Записокъ» и притомъ высказался не какъ робкое усиліе, не какъ несложившійся зародышъ, а блистательно и полно, хотя еще молодо, въ статьѣ о русской народной поэзіи. Имя ея автора не тайна въ кругу литературномъ, но все-таки мы не имѣемъ права назвать его до тѣхъ поръ, пока самъ онъ не объявитъ себя авторомъ этого, хотя и юношескаго, но превосходнаго труда. Статья эта до сихъ поръ не потеряла своей цѣны — до сихъ поръ одна только съ полнотою обнимаетъ вопросъ о нашей поэзіи и заключаетъ въ себѣ, словно въ зернѣ — всѣ послѣдствія органическаго взгляда на народную поэзію въ особенностн. Тотъ же самый взглядъ сказывался и въ диссертациі г. Каткова, и въ диссертациі г. Буслаева и, съ примѣсю въ которой односторонности и многихъ увлеченій, въ филологическихъ трудахъ покойнаго К. С. Аксакова, глумиться надъ которыми могутъ позволить себѣ только фельетонные поэты по своему невѣжеству. Съ этимъ же взглядомъ родственны и глубокомысленныя, гениальныя, хоть иногда парадоксальныя, историческія и филологическія идеи покойнаго Хомякова... Однимъ словомъ, взглядъ этотъ вовсе не есть что-либо новое, и въ настоящую минуту мы свидѣтельствуемъ и заявляемъ только побѣду его а не бытіе.

Отъ чего же побѣда эта совершилась только теперь, отъ чего въ тиши и незамѣтно созрѣвалъ и развивался органическій взглядъ,

не смотря на научную даровитость нѣкоторыхъ его представителей (Хомяковъ, Катковъ, Буслаевъ), на добросовѣстныя работы другихъ?

Пока живъ былъ принципъ отрицательнаго взгляда, органическому взгляду, хотя и существовавшему и постепенно созрѣвавшему, не было и не могло быть никакого хода.

Принципъ отрицательнаго взгляда, принципъ отрицанія всего чуждаго и народнаго въ пользу общечеловѣческаго, всего природнаго, непосредственнаго — въ пользу *выкованнаго* духомъ, цвѣтка въ пользу гвоздя — принципъ исторической, нравственной, эстетической и наконецъ общественной (пожертвованіе Турціи славянствомъ и жертва имъ же австрійскому жандарму) централизаціи, былъ принципъ односторонне-понятаго гегелизма.

Силу въ жизни имѣютъ только цѣлостныя, всеохватывающія вѣянія жизни — философія и искусство. Пока гегелизмъ лѣвой стороны былъ единственнымъ вѣяніемъ жизни, съ его словомъ прогресса, съ его пожирающимъ какъ древній Кроносъ чадъ своихъ «*Gott im Werden*», и пока противъ него стоялъ только гегелизмъ правой стороны, наслѣдовавшій отъ великаго учителя только букву, никакое другое слово кромѣ слова прогресса не было и не могло быть живымъ словомъ.

Слово же прогресса — *последовательно*, есть слово вѣчнаго, никогда по сущности своей не успокоивающагося отрицанія, а *ограниченно*, — слово теоріи а не жизни. Абстрактное чудовище челоуѣчества (не челоуѣчности, не души челоуѣческой а челоуѣчества какъ рода), требовало жертвъ никакъ не менѣе древняго Ваала. Мудрено ли, что наивнѣйшаго, искреннѣйшаго и жизненинѣйшаго представителя этого взгляда — Бѣлинскаго, порою, когда онъ предается всѣмъ послѣдствіямъ отрицательнаго, централизаціоннаго взгляда, оставляетъ даже самое блистательное свойство его природы, эстетическое чувство! Обращаемъ въ этомъ отношеніи вниманіе читателей нашихъ на разборъ его индѣйской поэмы: «*Наль и Дамаянти...*»

Что касается до самой поэмы, — говоритъ онъ (Т. IX, стран. 76) она — *индѣйская во полномъ значеніи слова*. Въ ней дѣйствуютъ боги, люди и животныя. *Боги какъ двѣ капли воды похожи на людей, а люди, ни дать ни взять — также животныя*. Такъ напримѣръ, гуси играютъ въ поэмі такую роль, что безъ нихъ не было бы и поэмы. *И эти гуси говорятъ и мыслятъ точь въ точь какъ люди, а эти люди въ свою очередь говорятъ и мыслятъ точь въ точь какъ гуси*. Гуси здѣсь не *глухыя* людей, а *люди не умныя гусей* и т. д.

Такое непониманіе народовъ и поэзіи народовъ было только послѣдствіемъ принципа.

Выдохся и вымеръ самый принципъ, посраженный въ своей сущности возродившимся въ новыхъ формахъ шеллингизмомъ. Явился, какъ вѣяніе, какъ сила и органическій взглядъ, которому суждено можетъ быть раскрыть безпредѣльную, но нѣсколько смутную глубину этой бездны свѣта, которая сказавшись сначала системою трансцендентальнаго идеализма — вызвала какъ свое полное діалектическое развитіе гегелизмъ (но не гегелистовъ), а какъ философія природы указала только пока еще путь человѣческому мышленію, ибо и философію мифологіи и «*Philosophie der Offenbarung*» нельзя еще считать пока ничѣмъ инымъ, какъ «зіяніемъ бездны», молніею, озаряющею намъ путь...

Стало быть, къ чему мы, и вели главнымъ образомъ дѣло — побѣда органическаго взгляда совершена *во-первыхъ* философскою революціею, паденіемъ одной системы и первымъ проблескомъ иной.

Во-вторыхъ, но и во-вторыхъ — совершена она столь же органическимъ, растительнымъ явленіемъ — литературою. Любовь и сочувствіе къ быту народному, къ поэзіи народа, къ преданіямъ и вѣрованіямъ народа, не могла быть возбуждена ночастными, хотя и въ высокой степени замѣчательными соображеніями и изслѣдованіями, а представленіями болѣе или менѣе цѣлостными, художественнымъ пониманіемъ народа и народности.

Торжеству органическаго взгляда, интересу, принимаемому теперь всѣми образованными людьми въ изученіи народа, его быта, поэзіи, преданій, содѣйствовалъ литературный переворотъ пятидесятихъ годовъ, переворотъ, во главѣ котораго стоитъ имя Островскаго, какъ единственнаго до сихъ поръ поэта народныхъ созерцаній и народныхъ образовъ. Вотъ почему между прочимъ, мы и ставимъ Островскаго со всѣми его недостатками, которые мы видимъ можетъ быть больше другихъ, на совершенно особенное мѣсто въ современной литературѣ; почему въ его новомъ словѣ цѣнимъ равно и ясно — отрицательныя (во никакъ не обличительныя) и широкія, но еще не вполне выяснившіяся положительныя стороны. Вотъ почему кромѣ Островскаго, въ другихъ дѣятеляхъ нашей эпохи, какъ на примѣръ въ даровитомъ Л. Меѣ, мы слѣдимъ съ такою любовью эти положительныя стороны. Это уже не надежда, даже не задатки раскрытія нашей народной сущности, нѣтъ, — это уже прамыя художественныя данныя, цѣликомъ долженствующія войти въ наше развитіе, факты завоеванія нами нашей личности, самостоятелно-

сти, народности, единственные наши, послѣ Пушкина и вмѣстѣ съ Пушкинымъ, вполне народные литературные факты.

Обращаясь къ сочиненіямъ, подавшимъ намъ поводъ къ изложенію нашихъ взглядовъ на значеніе, въ развитіи нашемъ, изученія родного нашего быта, мы, по формѣ должны раздѣлить ихъ на 1) изслѣдованія (сочиненія г. Буслаева, г. Шевырева) и 2) на памятники и по духу тоже на двѣ категоріи: 1) на изданія и изслѣдованія отмѣченныя положительнымъ славянофильскимъ взглядомъ, и притомъ а) славянофильскимъ въ его смутномъ, неочищенномъ видѣ, какъ «Исторія словесности» г. Шевырева, и б) славянофильскимъ въ его окончательно-опредѣлившимся чистомъ видѣ (Пѣсни Кирѣевскаго, Калѣки г. Безсонова, Русскія пѣсни г-жи Кохановской съ примѣчаніями редакціи «Русской Бесѣды»). 2) На изслѣдованія и изданія, представляющія собою результаты торжества органическаго взгляда на народъ, народный бытъ, народную поэзію, изслѣдованія и изданія, болѣе или менѣе замѣчательныя, но свободно ли сознательно, какъ книга г. Буслаева, подчиненно ли сознательно какъ трудъ г. Аванасьева, наконецъ безсознательно ли выражающія собою этотъ органическій взглядъ.

Въ замѣчаніяхъ нашихъ, какъ библиографическихъ, мы будемъ по необходимости кратки.

Начнемъ съ первой категоріи явленій:

Славянофильскій взглядъ на народъ, его бытъ, исторію, преданія, поэзію—взглядъ, хотя и несравненно справедливѣйшій нежели взглядъ отрицательный, въ сущности сходенъ съ сямъ послѣднимъ тѣмъ, что онъ точно также теоретическій. Славянофильство теперь уже точно такое же историческое явленіе, какъ и западничество, не брало народъ, какимъ онъ является въ жизни, а искало въ немъ всегда своего *идеальнаго* народа, обрѣзывало по условной мѣркѣ побѣги этой громадной растительной жизни. Славянофильство въ своемъ теоретическомъ ослѣпленіи подавало руку шишковизму, который велъ прямо къ «Маяку» и «Домашней Бесѣдѣ»; славянофильство не любитъ въ сущности Пушкина, такъ же точно, какъ г. —бовъ съ одной стороны и г. Аскоченскій съ другой, и можетъ быть до сихъ поръ еще чуждается современной народной литературы, во главѣ которой стоитъ Островскій. По крайней мѣрѣ, оно ни разу не выражало къ ней, къ этой новой литературѣ своего сочувствія. Къ народу и къ народному быту относилось это, впрочемъ весьма почтенное и много добраго сдѣлавшее направленіе, учительное и даже ино-

гда исправительно. *Своею, идеальнаго* народа оно отыскивало только въ до-Петровскомъ быту и въ степяхъ, которыхъ не коснулась еще до сихъ поръ реформа. Кунеческаго сословія, т. е. той среды, въ которой народное развилось вполне самостоятельно въ хорошемъ и дурномъ, въ типическомъ и уродливомъ, въ жизненной, хотя изолированной, (отчего и уродства), полнотѣ и въ жизненномъ же безобразіи, оно не признавало какъ существеннаго явленія, оно знало только старое боярство и степное крестьянство, стремись отождествить въ началахъ два эти явленія въ сущности разнородныя, одно — отжившее, другое совсѣмъ не жившее...

Замѣчательно странно, назидательно и исправительно сказалось это направленіе въ отношеніи къ народному быту, въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 года, въ статьѣ г. Т. Филипова о драмѣ Островскаго «Не такъ живи какъ хочется».. Вотъ ужъ подлинно, *жизни* въ этой статьѣ говорилось, не такъ живи какъ хочется, а живи какъ мы велимъ. На одной пѣснѣ, которой въ народной поэзіи найдется десять противорѣчащихъ, говорящихъ и про гульбу:

Вешнюю ночь, весь денечикъ
Осеннюю ночь до свѣточку

и про лихую свекровь и про свекра, который

меня мѡлоду домой кличетъ ..
Ужъ ты кличь не кличь, я домой не буду,
Буду ль нѣтъ ли я, завтра поутру

на одной пѣснѣ, да и притомъ порѣшающей дѣло только фактами, между прочимъ даже и надеждами не совсѣмъ нравственными, въ родѣ того что

Свекровь кропотлива
Сама въ землю пойдетъ...

строилась цѣлая теорія тупой покорности, какъ идеальнаго начала семьи и быта народнаго...

Эта статья явно въ свое время поднимавшая скандалъ, была, статья неофита. Но славянофильство и въ 1860 году осталось вѣрнымъ своей любви къ тому лоту прокруста, на которое клало оно и до котораго достигвало или по которому обрѣзывало народъ и народность

Въ «Бесѣдѣ» 1860 года, въ двухъ книжкахъ 1-й и 2-й напечатаны двѣ статьи одного изъ первостепенныхъ талантовъ нашей эпохи, яро даровитой и глубоко-симпатизирующей народу и народности г-жи Кохановской, статьи о русскихъ пѣсняхъ («Нѣсколько русскихъ пѣсенъ» въ Томѣ I-мъ, и «Боярскія пѣсни» въ Томѣ II-мъ).

Статья г-жи Кохановской сама по себѣ принадлежитъ какъ и самый ея талантъ, къ новому органически-жизненному направленію. Пѣсни сообщала она, не мудрствуя лукаво, объясняя только ихъ поэтически, высказывая въ своихъ объясненіяхъ и удивительную тонкость чутя и самую широкую любовь къ народу. Первую изъ этихъ статей редакція «Русской Бесѣды» снабдила примѣчаніемъ и въ одномъ изъ примѣчаній, наивнѣйшимъ образомъ высказались садовники, обрѣзывающіе произвольные побѣги растенія. Дѣло въ томъ, изволите видѣть, что въ собраніи г-жи Кохановской встрѣтилась пѣсня, рѣшительно неподходящая подъ теорію безстрастія, трагическая до мрака и ужаса, пѣсня о мести красной дѣвицы, которая собираясь мстить свосму милому, говорить :

Я изъ рукъ, изъ ногъ короватъ смощу,
 Изъ буйной головы яндову скую,
 Изъ глазъ его я чару солью,
 Изъ мяса его пироговъ напеку;
 А изъ сала его я свѣчей налью;
 Созову я бесѣду подружекъ своихъ,
 Я подружекъ своихъ и сестрицу его,
 Загадаю загадку неотгадливую :

Ой и что таково :
 На милѣмъ я сижу,
 На милѣва гляжу,
 Я милымъ подношу,
 Милымъ подчиваю;
 А и милъ передо мной,
 Что свѣчекю горить?..

Пѣсня дѣйствительно изъ ряду вонъ; пѣсня, наволящая на мысль, что и у насъ, какъ въ грѣшной западной жизни бывали времена элементы страстности, доходящіе до чудовищности и звѣрства, что и у насъ пожалуй въ трагическія минуты возможна какая нибудь *Theroigne de Migecourt*... Пѣсня удивительно поясняетъ узакониваетъ какъ жизненные элементы не людоѣдство конечно, но страстность многихъ нашихъ великихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, кровавыя желанія Алеко, лихорадочную жажду крови въ «Братьяхъ разбойникахъ», звѣрскіе инстинкты Мцыри, холодное наслажденіе образомъ смерти въ бояринѣ Оршѣ, и поясняетъ же необузданность страстныхъ порывовъ «Страшнаго гаданья» и «Мулы Нура» Бестужева, вакханаліи страстности въ Полежаевѣ, но за то разбиваетъ всѣ теоріи о безстрастномъ смиреніи. Замѣьте еще, что чувство мести, выраженное здѣсь въ чудовищнѣйшей формѣ, въ формахъ иныхъ, такъ сказать потише выражается и въ другихъ

пѣсняхъ : о красной дѣвицѣ напримѣръ, собирающейя высушить милаго не зельями, не кореньями, а своими горючими слезьми; замѣтите, что само славянофильство приводитъ пѣсню тоже не очень вѣжвую, и послѣ этого, поймите что нибудь, если вы только добровольно не закроете себѣ глазъ теорією, поймите что нибудь въ слѣдующемъ замѣчаніи къ пѣснѣ, слѣланномъ редакцією «Бесѣды». А замѣчаніе подписано буквами: А. Х. да и по глубокомысленному, ловкому, хотя ничего не объясняющему космогоническому софизму, не трудно отгадать въ немъ широкій и блестящій умъ знаменитаго главы партіи :

Странная пѣсня,—такъ гласитъ примѣчаніе,—и уродливая во всѣхъ отношеніяхъ. (1) Отрицать ея подлинности нельзя (2) хотя бы даже она была только мѣстною, но такая же точно пѣсня записана и въ другихъ мѣстностяхъ, (3) слѣдовательно она довольно общая въ Великорусской землѣ. Предполагать позднѣйшее изобрѣтеніе нѣтъ причинъ, ни по тону, ни по содержанию; окончаніе загадки даже какъ будто указываетъ на древность. (4) Что же это такое? (5) Гнусное выраженіе злой страсти, доведенной до изступленія? (6) Тонъ вовсе не носить на себѣ отпечатокъ страсти и его холодность дѣлаетъ пѣсню еще отвратительнѣе. (7) Сравнимъ съ нею разбойничью пѣсню, кончающуюся стихами:

На ножѣ сердце встрепенулося
Красна дѣвица усмѣхнулась...

и разница станетъ очень явною. Какъ пѣсня, эта пѣсня не имѣетъ никакого смысла, ни объясненія: она невозможна психически и невозможна даже въ художественномъ отношеніи. Какъ же объяснить ея существованіе? Просто тѣмъ, что она вовсе не пѣсня въ смыслѣ бытового.

Далѣе кажется служеніе теоріи идти не можетъ. Пѣсня, признаваемая самими комментаторами несомнѣнно подлинною, довольно общою въ Великорусской землѣ, въ тоже самое время объявляется невозможною психически, невозможною въ художественномъ отноше-

(1) Не споримъ, что уродливая, да чтожь дѣлать-то? съ тѣмъ и возьмите!

(2) Ахъ, какъ это жалко!

(3) Это ужасно!!!

(4) Засвидѣтельствованіе въ высшей степени добросовѣстнов.

(5) Во всякомъ случаѣ — нѣчто.

(6) Безъ сомнѣнія.

(7) Можетъ быть, но за то дѣлаетъ ее пѣснью сѣверной, великорусской. ■ можетъ быть указываетъ на органичность, національность холодной страстности Лермонтова, на психическую возможность лютей Грознаго, на адскія наслажденія муками Куролесова, на страшныя явленія времени Стеньки и Пугачовщины
и т. д. и т. д.

ним, наконецъ *вовсе не пѣсною* (съ прибавкою таинственнаго слова : въ смыслѣ бытовомъ).

Мы не выписываемъ остроумнаго, обличающаго глубокую ученость, но въ особенности необыкновенную софистическую ловкость, космогоническаго толкованія пѣсни. Мы хотѣли только наглядно указать на существенный порокъ направленія, которое тѣмъ не менѣе мы уважаемъ едва ли не болѣе всѣхъ другихъ, долго существовавшихъ теоретическихъ направленій, в котораго самые промахи поучительны, потому что и самые промахи происходили изъ источника любви и уваженія къ народу.

Сказанное нами преимущественно относится къ совершенно-чистому и опредѣленно высказавшемуся славянофильству, къ славянофильству, высказавшемуся въ дѣятельности Хомякова, двухъ Кирѣевскихъ (И. В. и П. В.), Аксаковыхъ — К. С. и И. С. Аксаковыхъ (ибо Аксаковъ—отецъ, авторъ «Семейной хроники» — просто русскій художникъ, а не теоретикъ) и нѣкоторыхъ другихъ писателей, болѣе или менѣе тождественныхъ съ ними по взгляду (А. И. Кошелева, какъ политико-эконома, П. А. Безсонова, Н. П. Г—ва). Погодинъ, явленіе совершенно особое и самостоятельное, самъ глава направленія во многомъ расходящагося съ славянофильствомъ — хоть глава, не всегда сознательный, не всегда смѣло и прямо приывкавшій къ тому направленію, которое смѣло и прямо признавало его главою *quand même*, вопреки пожалуй даже ему самому, т. е. тѣмъ страннымъ предразсудкамъ, которые оригинальнѣйшимъ образомъ соединялись въ его взглядѣ историческомъ и общественномъ съ самымъ широкимъ и жизненнымъ захватомъ, вопреки тому мнѣнію, которое составлялось о немъ часто въ кружкахъ, по однимъ его предразсудкамъ...

Это же самое направленіе, къ которому принадлежали, по скольку могутъ принадлежать вообще къ какому-либо направленію художники, Островскій, Писемскій, Мей, заявляло временами сочувствіе и къ дѣятельности С. П. Шевырева.

Говоря по поводу разныхъ изданій, касающихся быта народнаго, народной словесности вообще и поэзіи народной въ особенности, мы не можемъ миновать вопроса о дѣятельности г. Шевырева. Прежде всего мы скажемъ честно, что по отношенію къ его, во всякомъ случаѣ добросовѣстному, хотя и одностороннему по мысли труду — труду, написанному съ огромной начитанностью и съ безспорною даровитостью, служащими къ сожалѣнію рабски и почти постоянно самому узкому воззрѣнію, мы не дѣлимъ ни озлобленія доктринеровъ, ни легкаго тона нашихъ народистовъ. Для насъ и для нашего журнала все это уже древняя исторія, къ которой мы

относимся очень спокойно. Мнѣніе наше объ этомъ трудѣ совершенно сходится съ безпристрастнымъ и благороднымъ взглядомъ, высказываемымъ г. Буслаевымъ — авторитетомъ (если ужь нужны непремѣнно авторитеты), въ дѣлѣ изученія русской древней словесности и русскаго быта, самымъ серьезнымъ въ настоящую минуту. Совершенно разбивая по мѣстамъ критическую методу г. Шевырева, авторъ «Историческихъ очерковъ народной словесности и искусства», умѣетъ удержаться всегда въ границахъ должнаго уваженія къ добросовѣстности, трудолюбію и начитанности историка русской словесности, и конечно только такого рода критическому отношенію, къ почтенному и полезному, хотъ и одностороннему по мысли труду, могутъ сочувствовать серьезные люди.

Что касается до самыхъ «Историческихъ очерковъ русской народности и искусства» г. Буслаева, то мы, не намѣреваясь теперь дѣлать серьезную критическую оцѣнку этому капитальному сочиненію, позволяемъ однако себѣ нѣсколько замѣчаній.

Нѣкогда а именно въ 1840 году, въ критической рецензіи на книжку «Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени», изданныя И. Боричевскимъ, покойный Бѣлинскій замѣчалъ между прочимъ слѣдующее (соч. Бѣл. т. IV, стран. 106).

Кажется излишнее пристрастіе къ народнымъ произведеніямъ славянской фантазіи, заставило г. Боричевского отыскивать сходство въ народныхъ славянскихъ повѣрьяхъ и преданіяхъ съ скандинавскими: но приведенные имъ примѣры только доказываютъ ихъ несходство. *Если хотите, тутъ есть что-то похожее на сходство; но все близкое къ своему источнику, болѣе или менѣе сходно, и потому славянскія преданія и повѣрья сходны не только съ скандинавскими, но и съ индійскими, египетскими и т. д.*

Время переминилось. Какъ смутныя предчувствія покойнаго Велелина разрослись въ научно-ясныя положенія о старобытности славянъ великаго Шафарика, такъ и намеки г. Боричевского, уже не намеки, а завоеванные факты въ трудахъ Э. И. Буслаева, факты неопровержимыя, хотя часто и поражающіе еще своей новостью. Одна изъ великихъ заслугъ ученой дѣятельности автора «Очерковъ», — введеніе славянской повѣи, славянскихъ преданій, славянскаго быта, въ родственные имъ циклы. Другая, столь же огромная заслуга ея заключается въ удивительно ясномъ и даровитомъ разложеніи всего непосредственнаго и растительнаго на органическіе законы. Глубокое изученіе съ одной стороны и необыкновенное чутье съ другой, сообщаютъ высокое значеніе книгѣ г. Буслаева, которую можно упрекнуть только въ томъ, что она не популярна, что

она требуетъ самаго серьезнаго чтенія, но въ сущности и этотъ упрекъ будетъ справедливъ только вполонину, только какъ желаніе, чтобы даровитый изслѣдователь написалъ для публики книгу болѣе доступную, книгу систематическую. Этого мы въ правѣ желать, судя по той удивительной ясности и простотѣ, съ которою авторъ излагаетъ по мѣстамъ различныя стороны своего общаго взгляда на народную словесность и искусство. Свѣтлыя идеи его, облегченныя нѣсколько отъ тяжелой арматуры специализма, принесли бы массѣ въ дѣлѣ пониманія народнаго вообще и нашего народнаго въ особенности, неизмѣримую пользу.

И въ особенности теперь настоятельно нужна общедоступная пропаганда органическаго взгляда... Мы нарочно въ самомъ заглавіи нашей статьи выписали значительную массу сочиненій и изданій памятниковъ. Руководная нить для знакомства съ ними, необходима, а общая потребность этого знакомства — фактъ очевидный. Все это раскупается, стало-быть, повторимъ въ заключеніе, если и не всѣми покупающими изучается, то по крайней мѣрѣ просматривается съ сочувствіемъ.

БѢЛИНСКІЙ

И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ

I

Вотъ что пятнадцать лѣтъ назадъ и даже менѣе думали болѣе или менѣе всѣ мы, — исключая разумѣется немногихъ сторонниковъ славянофильства.

Петръ Великій есть величайшее явленіе не нашей только исторіи, но и исторіи всего человѣчества; онъ *божество, воззавшее насъ къ жизни, вдунувшее душу живую въ колоссальное, но поверженное въ смертную дремоту тѣло древней Россіи...* (Соч. Бѣлинскаго, томъ IV. стран. 333).

Нѣтъ, безъ Петра Великаго, для Россіи не было никакой возможности естественнаго сближенія съ Европою. Повторяемъ: Петру некогда было медлить и выжидать. Какъ прозорливый кормчій, онъ во время тишины предузналъ ужасную бурю и велѣлъ своему экипажу не щадить ни трудовъ, ни здоровья, ни жизни, чтобы приготовиться къ напору волнъ, порывамъ вѣтра, — и всѣ изготовились хоть и не хотя, и настала буря, но хорошо приготовленный корабль легко выдержалъ ея неистовую силу, — и нашлись недалъновидные, которые стали роптать на кормчаго, что онъ напрасно такъ беспокоилъ ихъ! Нельзя ему было сѣять и спокойно ожидать, когда прозаябнетъ, взойдетъ и сорветъ брошенное сѣмя: *одной рукою бросая сѣмена, другою котил онъ тутъ же и пожиналъ плоды ихъ, нарушая обычные законы природы и возможности, — и природа отступила для него отъ своихъ свѣдѣнъ законовъ, и возможность стала для него волшебствомъ. Новый Навигъ, онъ останавливалъ солнце въ пути его, онъ у моря отторгалъ его довременныя владѣнія, онъ изъ болота вывелъ чудный городъ. Онъ повѣлъ, что полумѣры никуда не годятся, что коренные перевороты въ томъ, что сдѣлано вѣками, не могутъ производиться вполонину, что надо дѣлать или больше чѣмъ можно сдѣлать или ничего не дѣлать и повѣлъ, что на первое станеть его сила. Передъ битвою подъ Лѣснымъ, онъ*

позади своихъ войскъ поставилъ казаковъ съ строгимъ приказаніемъ убивать безъ милосердія всякаго, кто побѣжитъ вспять, даже и его самого, если онъ это сдѣлаетъ. Такъ точно поступилъ онъ и въ войнѣ съ невѣжествомъ: *выстроивъ* противъ него весь народъ свой, онъ отрѣзалъ ему всякій путь къ отступленію и бѣгству. Будь полезенъ государству, учись, или *умирай*: вотъ что было *написано кровью* на знамени его борьбы съ варварствомъ. И потому, все старое безусловно должно было уступить мѣсто новому — и обычан и нравы и дома и улицы и служба. Говорятъ дѣло — въ дѣлѣ, а не въ бородѣ; но что жъ дѣлать, если борода мѣшала дѣлу? Такъ вонъ же ее, если сама не хочетъ валиться... (Соч. Бѣл. Т. IV. стран. 392. 393).

До Петра, русская исторія *вся заключалась въ одномъ стремленіи къ соглашенію раздѣленныхъ частей страны и сосредоточеніи ея вокругъ Москвы*. Въ этомъ случаѣ *помогло и татарское иго и грозное царствованіе Иоанна*. Цементомъ, соединившимъ разрозненныя части Руси, было преобладаніе московскаго великокняжескаго престола надъ удѣлами, а потомъ уничтоженіе ихъ и *единство патріархальнаго обычая*, замѣнившаго право. Но эпоха самозванцевъ показала, какъ еще не довольно твердъ и достаточенъ былъ этотъ цементъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, обнаружилась самая необходимость реформы и сближеніе Руси съ Европою. Было сдѣлано много попытокъ въ этомъ родѣ; но для такого великаго дѣла, нуженъ былъ и великій творческій геній, который и не замедлилъ явиться въ лицѣ Петра... (Соч. Бѣл. Т. VII. стран. 105).

Неужели же русскій народъ до Петра Великаго, не имѣлъ чести существовать по человѣчески? *вспометь г. Шевыревъ. Если человеческое существованіе народа заключается въ жизни ума, науки, искусства, цивилизаци, общественности, гуманности въ правахъ и обычаяхъ, то существованіе это для Россіи начинается съ Петра Великаго, — смѣло и утвердительно отвѣчаемъ мы г. Шевыреву...* Петръ Великій — это новый Моисей, воздвигнутый Богомъ для изведенія русскаго народа изъ душнаго и темнаго плѣна азіатизма... Петръ Великій — это путеводная звѣзда Россіи, вѣчно долженствующая указывать ей путь къ преуспѣванію и славѣ... Петръ Великій — это колоссальный образъ самой Руси, представитель ея нравственныхъ и физическихъ силъ... Нѣтъ похвалы, которая была бы преувеличена для Петра Великаго, ибо *онъ далъ Россіи свѣтъ и сдѣлалъ Русскихъ людьми...* (Соч. Бѣл. Т. VII. стр. 413).

Видите ли въ чемъ дѣло! Для Русскихъ XVIII вѣка много было радости въ томъ, что славяне, около тысячи лѣтъ косивъ въ бесплодномъ для человечества существованіи, все-таки, не смотря на то, пребывали въ величествѣ! Индійцы, китайцы, японцы, ужь конечно гораздо древнѣе славянъ и, своимъ существованіемъ, *оставили въ исторіи человечества болѣе глубокий, нежели славяне, слѣдъ*; но что жъ въ этомъ пользы для нихъ теперь, когда они превратились въ какія-то нравственныя окаменѣлости какъ-будто до-потопнаго міра? Для насъ русскихъ важна русская, а не славянская исторія, да и русская-то

исторія становится важною не прежде, какъ съ возмъщеніа московскихъ владыкъ, съ котораго для Россіи наступило время уже историческаго существованія... (Соч. Бл. стр. 417).

Я нарочно началъ статью свою цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ сочиненій Бѣлинскаго, на счетъ Петра и реформы, болѣе или менѣе рѣзкихъ, болѣе или менѣе смѣлыхъ — но во всякомъ случаѣ — съ первой же, относящейся къ началу сороковыхъ годовъ и до послѣдней, относящейся къ ихъ половинѣ — выражающихъ одно и то же.

Это одно и то же — полное отрицаніе какого-либо значенія нашего быта и нашей исторіи до реформы Петра, благоговѣніе передъ реформою со всѣми ея мѣрами и послѣдствіями, отрицаніе — насколько не скрываемое — всякихъ силъ самосущнаго развитія народа. Рядъ этихъ выписокъ сдѣланъ изъ сочиненій писателя, которому, по вліянію его на наше умственное, нравственное и даже общественное развитіе, принадлежитъ роль столь же первостепенная какъ Карамзину, писателю, котораго можно пожалуй ненавидѣть съ точекъ зрѣнія мракобѣсія, но которому мудрою отказать въ имени великаго, по энергіи убѣжденія и силѣ таланта, человѣка... Съ 1834 года, съ тѣхъ поръ какъ еще юношей — одною силою убѣжденія разсѣялъ онъ призраки авторитетовъ въ «литературныхъ мечтаніяхъ» — до самой смерти своей — до конца сороковыхъ годовъ, онъ былъ нашимъ воспитателемъ, и руководителемъ. Пламенно стремившійся къ истинѣ, никогда не боявшійся отречься отъ того, что почему-либо стало для него ложью, готовый противорѣчить себѣ самому, т. е. никогда неспособный поставить свое личное и выше сознаваемой имъ истины, увлекавшійся до фанатизма въ симпатіяхъ и до нетерпимости въ враждахъ — онъ одинъ былъ способенъ исчерпать до дна то направленіе мысли, котораго служилъ представителемъ... и дѣйствительно исчерпалъ его.

Не поражаютъ ли современныхъ читателей приведенныя мною выписки — послѣ всего того что о Петрѣ и его реформѣ сказано въ наше время? Не наивны ли въ своемъ фанатизмѣ выходки Бѣлинскаго до самыхъ крайнихъ крайностей? Съ полнѣйшею искренностью, Бѣлинскій выдвигаетъ въ достоинство своему герою — что онъ «бросая сѣмена, хотѣлъ тутъ же и пожинать плоды ихъ, нарушая общыя законы природы и возможности», и того что онъ «выстроилъ народъ свой на борьбу съ невѣжествомъ» и того что онъ «кровью написалъ на знамени: учись или умирай!». Съ безпощаднымъ фатализмомъ, видитъ онъ помощь судьбы въ татарскомъ игѣ и въ грозномъ царствованіи Ивана IV. Съ самою упорною послѣдовательностью от-

называетъ же онъ намъ въ какомъ-либо *человѣческомъ* существованіи до Петра, и славянъ вообще ставитъ ниже китайцевъ и японцевъ!.. Впрочемъ, въ его дѣятельности сказалось рѣшительно и притомъ массою, все, что развивало при немъ и послѣ него въ частности направленіе, за которымъ утвердилось названіе западничества, — все, отъ любви гг. Соловьева и Кавелина къ Ивану Грозному и его прогрессивнымъ мѣрамъ противъ отсталыхъ людей, мѣрамъ, исполняемимъ архи-прогрессистомъ, палачемъ Томилой, — до симпатіи «Атенея» къ цивилизаціи, олицетворяемой въ славянскихъ земляхъ австрійскимъ жандармомъ, — все что десять лѣтъ назадъ представляло верхи нашего возрѣнія подъ именемъ родовыхъ и другихъ теорій, считалось единственно-законнымъ возрѣніемъ и что нынѣ отзывается какъ уже запоздалое только въ однихъ компиляціяхъ, которыми г. Соловьевъ *даритъ* по временамъ публику, называя свои безконечныя выписки изъ подлинныхъ актовъ «разказами изъ русской исторіи...» Увы! Публика, можетъ быть, и есть для этихъ разказовъ, но читатели едва ли.

Sacrés ils sont car personne n'y touche...

можно сказать о нихъ, какъ говорилъ Вольтеръ о сочиненіяхъ аббата Трюбле «*qui compilait, compilait, compilait...*» И еще болѣе увы! Если бы разказы эти и были писаны такъ, чтобы быть читаемыми — духъ въ нихъ господствующій едва ли бы нашолъ теперь много сочувствія. «Русскій Вѣстникъ», помѣстившій недавно одинъ изъ такихъ нечитаемыхъ разказовъ («Штенцы Петра Великаго»), какъ-будто въ противоядіе ему помѣстилъ въ той же книжкѣ блестящую по изложенію и совершенно противоположную этому разказу по духу статью г. Лонгинова о «Дневникѣ камеръ-юнкера Берхгольца» — статью совершенно обличительную въ отношеніи къ преобразователю и даже къ преобразованію...

Всѣ идеи этого направленія въ зародышѣ заключаются въ дѣятельности Бѣлинскаго. И г. Соловьевъ, и г. Кавелинъ, и даже г. Чернинъ — не болѣе ни менѣ какъ учения его, разработавшіе по частямъ общія мысли учителя... Поэтому-то дѣлаю, особую статью позволяю я себѣ посвятить разсмотрѣнію дѣятельности Бѣлинскаго въ анализѣ вопроса о народности въ нашей литературѣ.

Но прежде чѣмъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ развитіе и расширеніе теоріи западничества въ дѣятельности Бѣлинскаго — необходимо разъяснить что именно понимаю я подъ идеей централизаціи, лежащей въ основѣ отрицательнаго направленія съ самаго начала и завершающей его какъ послѣднее слово.

Отрицаніе — какое бы оно ни было, совершается всегда во имя

какой-либо, смутно или ясно, — это все равно — сознаваемой *железительной* правды мыслителемъ, во имя какого-либо, прочно или не прочно, но во всякомъ случаѣ установленнаго, положительнаго идеала художникомъ. Голаго, отвлеченнаго отрицанія нѣтъ и быть не можетъ: самое поверхностное отрицаніе и то совершается во имя какихъ-либо, хоть даже мелко-разсудочныхъ или узко-нравственныхъ положеній. Отрицая, уничтожая, разбивая какой-либо быть, обличая его во лжи — вы казните его передъ какою-либо истинною, такъ сказать измѣряете его этою истинною и судите его по степени согласія или несогласія съ нею. Это — дѣло ясное и кажется неопровержимое.

Чаадаевъ первый подошелъ смѣло къ нашему быту съ известною мѣркою и явился безпощаднѣйшимъ отрицателемъ. Мѣрка его была жизнь, выработанная западомъ. Что по личнымъ его впечатлѣніямъ жизнь эта была при томъ жизнь, выработанная западомъ католическимъ, — это обстоятельство незначительно. Дѣло все въ томъ, что передъ судомъ выработанной западомъ жизни — наша бытовая, историческая и нравственная жизнь оказалась совершенно несостоятельною, т. е. неподводимою подъ нее никакими аналогіями. Направленіе, которое пошло отъ толчка, сообщеннаго Чаадаевымъ, несколько не раздѣляло чаадаевскихъ сочувствій къ католицизму — но сочувствія его къ западнымъ идеаламъ государственнымъ, общественнымъ и нравственнымъ, привело съ величайшею послѣдовательностью.

Темпы и пустынности должны были показаться передъ судомъ западныхъ идеаловъ наши бытъ и исторія. Еще Карамзинъ, первый изъ приступившихъ къ быту и исторіи нашимъ съ серьезно установленными западными требованіями, думалъ выручить нашъ бытъ и нашу исторію аналогіями. Аналогіи оказались фальшивы (сопоставленіе удѣловъ съ феодализмомъ, Ивана IV съ Людовикомъ XI и т. д.), но въ самыхъ аналогіяхъ проглядывало уже и у Карамзина централизованное начало. Еще онъ не проводилъ его такъ далеко какъ западники — еще онъ не жертвовалъ теоріи централизаціи ни Новгородомъ, ни Тверью и т. д., но онъ, уже сама главнымъ образомъ развитіе государства и государственной идеи въ нашей исторіи, давая этой идеѣ перевѣсъ надъ прочими — многое множество явленій упустилъ изъ виду, на еще большее множество явленій взглянулъ съ ложной точки зрѣнія — и положилъ основаніе такому взгляду на сущность и развитіе нашего народнаго быта, который къ этому быту несколько не примѣнимъ.

Весь смыслъ нашего развитія (ибо какое же нибудь развитіе къ допетровскомъ быту было) заключается — для простаго, никакой

теоріей не потемнѣннаго взгляда въ томъ — что наша самость, особенность, народность постоянно, какъ жизнь, уходитъ изъ-подъ различныхъ болѣе или менѣе тѣсныхъ рамокъ, накладываемыхъ на нее извнѣ — и что съ другой стороны различныя внѣшнія силы, стремятся насильственно наложить на ея разнообразныя явленія печать извѣстнаго, такъ сказать оффиціального уровня и извѣстнаго, такъ сказать форменнаго однообразія... Силы эти большею частью одолеваютъ въ борьбѣ многообразныя и разрозненныя явленія жизни. Жизнь не протестуетъ, — по крайней мѣрѣ видимо и цѣльно, она какъ-будто принимаетъ печать извѣстнаго формализма — но упорно, въ отдаленныхъ, глубокихъ слояхъ своихъ, таитъ свои живые соки... Равнодушно низвергая своего Перуна и насмѣшливо приглашая его «выдыбать» — жизнь въ сущности удерживаетъ все свое язычество — и подъ именами христіанскаго святого чтитъ «Волоса скотья Бога», создаетъ святую Пятницу и проч. и проч. Изъ-подъ устанавливающейся догматической нормы, она какъ растеніе распоздается въ расколы... Не въ силахъ бороться съ московской политической централизаціей, она только упорно затаиваетъ въ себѣ и упорно хравить соки своихъ мѣстностей. И вотъ эти соки принимаютъ ненормальное направленіе, уродливый видъ, будетъ ли то безобразіе самозванщины или безобразіе расколовъ...

Приступая къ такому странному по существу своему и развитію быту — западничество, т. е. взглядъ съ точки зрѣнія формъ, отличныхъ развитіемъ остальнаго человѣчества, идеаловъ, данныхъ этимъ развитіемъ — не нашло и не могло въ немъ найти ничего подходящаго подъ свое воззрѣніе, согласнаго съ своими общественными, нравственными идеалами.

Аналогіи, проведенныя Карамзинымъ и комически обличившіяся въ «романтически-народной» эпохѣ нашей словесности — оказались явно фальшивыми... Западничество, начиная съ Чаадаева, честно отключилось отъ фальши. Въ нашей жизни бытовой и исторической, оно на первый разъ могло увиѣть только уродливыя, безобразныя, нечеловѣческія (въ западномъ смыслѣ) проявленія стараго язычества, невѣжества, грубости нравовъ съ одной стороны — и силу, которая, начиная съ татарскаго погрома и пользуясь имъ, ломитъ все это грубо и непосредственно. Ясно, что оно должно было прямо стать на сторону этой силы, сводящей во едино то, что распадалось, стремящейся придать какую-либо благоустроенную форму хаотическому безобразію, сокрушающей язычество и невѣжество — приводящей разнообразіе жизни къ одному знаменателю, къ центру, силы централизующей.

Начавши апофеозой Петра, оно послѣдовательно продолжается

апофеозой Ивана IV, еще послѣдовательнѣе съ г. Кавелинымъ продолжаетъ родовой бытъ до временъ Петра и всего послѣдовательнѣе кончается съ «Атенеумъ» полнѣйшею апофеозомъ централизаціи.

Прослѣдить шагъ за шагомъ постепенныя проявленія этой доктрины въ Бѣлинскомъ — одномъ изъ искреннѣйшихъ, когда-либо бывшихъ писателей — чрезвычайно поучительно, тѣмъ болѣе, что ничего больше сказаннаго Чаадаевымъ и Бѣлинскимъ западнячествомъ не сказало.

Ц

Знаете ли что, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, — обращается Бѣлинскій къ редактору «Телескопа» Надеждину въ своей статьѣ: *Ничто о ничемъ или отчетъ г. издателю «Телескопа» за последнее полугодіе (1835) русской литературы* (Соч. Бѣл. Т. II. стр. 14), — я душевно люблю православный русскій народъ и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой въ его массѣ, но моя любовь сознательная, а не слепая. Можетъ быть, вслѣдствіе очень понятнаго чувства, я не вижу пороковъ русскаго народа, но это нисколько не мешаетъ мнѣ видѣть его странности, и я не почитаю за грѣхъ пошутить надъ веселымъ часомъ, добродушно и незлобиво надъ его странностями, какъ великій парадоксальный человѣкъ не почитаетъ для себя за униженіе посмѣяться надъ собственными своими недостатками...

Чтобы понять значеніе этихъ оговорокъ, этого *подхода* къ общительнымъ выходкамъ, предшествовавшимъ ясному и смѣлому Чаадаевскому поставленію вопроса, надобно припомнить, что Н. И. Надеждинъ былъ одинъ изъ тѣхъ поборниковъ народности, которые не боялись никакихъ послѣдствій своей теоріи — вели ее даже до оправданія кулака, какъ орудія силы...

Знаете ли вы, — продолжаетъ Бѣлинскій, — въ чемъ состоитъ главная странность вообще русскаго человѣка? *Во какомъ-то своеобразномъ взглядѣ на вещи и упорной оригинальности.* Его упрекаютъ въ раздражительность и безхарактерности; я сама, грѣшнѣй, вслѣдъ за другими, вводилю эту небывлицу (въ чемъ и каюсь); но этотъ упрекъ неоснователенъ...

Вотъ то распутіе, съ котораго мысль можетъ идти въ ту или другую сторону — распутіе, до котораго еще прежде появленія чаадаевскаго письма, дошолъ гениальный человѣкъ... Бѣлинскій былъ въ эту минуту одинъ только правъ, но правда его, самому ему какъ-будто страшна, и онъ видимо чувствуетъ, что всѣмъ другимъ она покажется парадоксомъ. Вопреки всѣмъ утвердившимся отъ Карамзина наслѣ-

дошными, карамзинскими формами освятившими мнѣніямъ, онъ говоритъ, что мы не похожи на другихъ, что мы — упорно-оригинальны. Но... чтожь изъ этого? Къ чему это насъ ведетъ? Въ чемъ оригинальность эта выражается? Хорошо или дурно то, что мы такъ упорно оригинальны?.. Вотъ въ чемъ вопросъ, и вопросъ страшный. Но не такой человекъ Бѣлинскій, чтобы разъ въ чемъ либо убѣдившись сердцемъ, бояться послѣдствій. Онъ смѣло кается, что вмѣстѣ съ другими (т. е. съ цѣлою эпохою карамзинизма), возводилъ на русскій народъ небывицу и разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ, почти что преду-вредая Чаадаева или по крайней мѣрѣ, одновременно съ нимъ.

«Русскому человеку», смѣло и честно высказывается онъ, «вредитъ совѣсьмъ не подражательность, а напротивъ—излишняя оригинальность».

Вредить... слово сказано. Пойдемте за нашимъ бывалымъ вождемъ въ развитіи, хотя еще въ первоначальномъ, еще неустановившемся, въ его взглядѣ на нашу бытовую и нравственную сущность.

Пробѣгите въ умѣ вашемъ всю его (русскаго человека) исторію, и доказательства явятся передъ глазами. Вотъ они... Но стойте: чтобъ вѣсѣ выразить мою мысль, я долженъ прибавить, что *русскій человекъ, съ чрезвычайною оригинальностью и самобытностью, совдѣляетъ удивительную недоувѣрчивость къ самому себѣ и вслѣдствіе этого, страхъ какъ любитъ перекинуть чужое, но перенимая, кладетъ типъ своего гениа на свои заимствованія.* Такъ еще въ давніе вѣки прослышалъ русскій человекъ, что за моремъ хороша вѣра и пошолъ за нею за море. Въ этомъ случаѣ, онъ по счастью не ошибся; но какъ поступилъ онъ съ истинной, божественной впрой? *Перенесъ ея овященныя имена на свои лмычскіе предразсудки: Св. Власію поручилъ должность бога Волоса, Перуновы громаы отдалъ Ильѣ-пророку и т. д.* И такъ вы видите, перемѣнились слова и названія, а идеи остались все тѣ же. Потомъ явился на Руси царь умный и великій, который захотѣлъ русскаго человека умыть, причесать, обрить, отучить отъ дѣни и невѣжества; *взвѣлъ русскій человекъ глазомъ великимъ и замагалъ руками и ногами; но у царя была воля желѣзная, рука крѣпкая и потому русскій человекъ, волею или неволею, а застѣлъ за азбуку, началъ учиться и шить и кроить и стровить и рубить.* И въ самомъ дѣлѣ *русскій человекъ сталъ выходить съ виду какъ будто на человека: и умыть, и причесанъ, и одѣтъ по формѣ, и знаетъ грамоту, и кланяется съ пришаркиваніемъ и даже подходитъ къ ручкѣ дамъ.* Все это хорошо, да вотъ что худо: *кланялся съ пришаркиваніемъ, онъ, говорятъ, расшибалъ носъ до крови, а подходилъ къ ручкамъ прелестнымъ дамъ, наступалъ на ихъ ножки, цѣплялся за свою шапку, не умѣлъ справляться съ треуголкою; выучивъ наизусть правила, начертанныя на зеркаль русскаго великаго царя, онъ не забылъ, не разучился спрягать глаголъ «брать» подъ всеми видами, во все время, по всемъ лицамъ безъ извѣтій, по всемъ числамъ безъ исключенія; надѣвши*

мундиръ, онъ смотрѣлъ на него какъ на форму идеи, какъ на форму награды и не хотѣлъ слушать, когда мудрое правительство толковало ему, что правосудіе не средство къ жизни, что присутственное мѣсто не лавка, идѣ отпускаютъ и права и совесть оптомъ и по мелочи, что судья не воръ и разбойникъ, а защитникъ отъ воровъ и разбойниковъ...

Въ этой еще только порывистой, еще недостаточно развитой, хотя и гениально мѣткой, остроумной и вмѣстѣ пламенно фанатической выходкѣ сказалось все западничество и рѣшительно можно сказать не пошло дальше. Да и идти было некуда, развѣ только къ высшему опозтеизированію единства формализма, къ чаадаевскому католицизму. Съ глубокаго замѣчанія о двойственномъ свойствѣ русской природы, начинается Бѣлинскій, но вмѣсто того, чтобы поискать причинъ урочливыхъ внѣшнихъ явленій, онъ только подводитъ явленія подъ немилосердый судъ западнаго идеала человѣка и человѣчности. Идеаль этотъ дѣйствительно блестящій, потому что онъ выработался; Бѣлинскій глубоко воспринялъ его въ свою душу, и въ «двосвѣрїи» нашемъ видятъ только грубое явленіе, явленіе животной жизни. Дѣльвѣйшіе послѣдователи его, доводятъ его взгляды до подробной и развитой доктрины, въ особенности же г. Соловьевъ, который съ чисто византійскою ненавистью (*les extrêmes se touchent*) казнить всѣ слѣды паганизма и народности въ своей исторіи Россіи... Славянофильство борется съ этой доктриною, но борется посредствомъ теоріи, представляющей другую крайность: оно хочетъ смлчить грубые слѣды паганизма и народности, не признаетъ даже тѣхъ народныхъ пѣсень, которыя не подходятъ подъ славянофильскую теорію народнаго быта и т. д. Дѣлю въ томъ, что Бѣлинскимъ брошено сѣмя борьбы, брошено смѣло, честно и все что на логической почвѣ выросло изъ этого сѣмени, онъ принимаетъ безтрепетно, съ самою нещадною послѣдовательностью. Бытовая и историческая жизнь народа не лѣзетъ въ извѣстныя рамки, не подходитъ подъ извѣстные идеалы, чтожъ се и жалѣтъ? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ сочувствовать тому, что русскій человѣкъ «взвыль гласомъ велимъ и замалхъ руками и ногами», когда повеліе его учиться, если точно поѣтому только взвыль онъ... Апоеоза реформы со всѣми ея крутыми мѣрами вытекала сама собою изъ такого взгляда и понятна сильная, обличительная тирада, заключающая выходку Бѣлинскаго, тирада, сильнѣе которой сказали что нибудь не западничество и не отрицательная литература, а развѣ современная обличительная литература, но на другихъ уже основаніяхъ. Посмотрите съ другой стороны, до какой ужасающей послѣдовательности доходитъ съ перваго же шага фанатизмъ къ реформѣ, — до поэзіи формализма. Что же мудренаго, что на поэзію формализма славянофильство отвѣчало вполнѣдствіи

и странностями въ родѣ охабней, святославокъ и мурмолокъ, и остроумно-ловкими замѣтками въ родѣ той, которую слѣлалъ К. С. Аксаковъ, разбирая одну назидательную повѣсть, умилавшуюся передъ какимъ-то идеальнымъ воспитательнымъ заведеніемъ, въ которомъ дѣвочки или мальчики, не помню право, ходили *стройно и юпарно*. «Какъ не сказано, что они ходили *въ ногу!* это было бы еще красивѣе», замѣчалъ по этому поводу Аксаковъ въ одномъ изъ «Московскихъ Сборниковъ».

Кончасть Бѣлинскій свою выходку такъ же нещадно — послѣдовательно :

Потомъ, — говоритъ онъ, — былъ на Руси другой царь умный и добрый; видя, что добро не можетъ пустить далеко корни тамъ, гдѣ нѣтъ науки, онъ подтвердилъ русскому человѣку учиться, а за ученье обѣщавъ ему и большой чинъ и знатное мѣсто, думая, что приманка выгоды всего сильнѣе; но чтожъ вышло? Правда, русскій человѣкъ смышленъ и почитавъ; ноли захочеть, такъ и самага нѣмца за поась... *И точно, русскій примался учиться, но только, получивъ чинъ и мѣсто, бросалъ тотчасъ книги и принимался за карты — оно и лучше!..*

Все это гѣмъ болѣе сильно, что тутъ много и правды, что тутъ заключается не одна теорія, не одно западничество, а заключаются отчасти и отрицательныя стороны пушкинскаго созерцанія и причины лермонтовскаго протеста, и всего болѣе заключается Гоголь!..

И такъ не ясно ли послѣ этого, — заключаетъ Бѣлинскій свою страшную діатрибу, — что русскій человѣкъ самобытенъ и оригиналенъ, что онъ никогда не подражалъ, а только бралъ изъ-за границы формы, оставляя тамъ идеи и отливалъ въ эти формы свои собственныя идеи, завѣщанныя ему предками. Конечно, къ этимъ доморощеннымъ идеямъ, не совѣтъ шолъ заморскій нарядъ, но къ чему нельзя привыкнуть, къ чему нельзя приглядѣться?..

Глубокою и правильною мыслью заключена діатриба, но Бѣлинскій не сознавалъ самъ, насколько эта мысль о непреложности идей, завѣщанныхъ предками и о внѣшнемъ приѣмѣ формъ, свидѣтельствовала въ пользу самобытности народной жизни и поражала требованіе внимательнаго углубленія въ сущность этой самобытности. Онъ говоритъ объ этомъ съ иронією, которую въ немъ нельзя назвать иначе, какъ наивною, но которая теперь въ запоздалыхъ послѣдователяхъ его не можетъ уже быть названа такою, потому что многіе старались обратить ихъ вниманіе на причины неправильныхъ проявленій нашей самобытности.

Бѣлинскій видѣлъ передъ собою одно, а именно идеалы человѣческіе и вполне развитые, да жизнь совершенно непонятную, подѣ

эти идеалы неподходящую. Попытка объяснить эту жизнь, подводя ее под западные аналогии, для его природы столько же правдивой, как натура Чаадаевская — видимо были несостоятельны. Попытки же оправдать эту странную жизнь ее же законами, на первый раз заявляли себя такими нелпыми формами, как славянофильство Шишкова, пошлость загосининского взгляда в литературу и в лучшемъ случаѣ *экстравагантности*ми глубокомысленнаго, но часто столь же безтактнаго, въ качествѣ редактора «Телескопа», как иъ-когда подъ именемъ Никодима Недоумки, Н. И. Надеждина, въ роли апотеозы русскаго кулака.

Вы, — обращается онъ къ нему (соч. Бл. Т. II. стр. 133 прилѣч.), смотрите на кулакъ, какъ на орудіе силы, совершенно тождественное съ пшлагою, штыкомъ и пулею. Оно такъ, но все таки между этими орудіями силы есть существенная разность: *кулакъ, равно какъ и дубина, есть орудіе дикаго, орудіе невѣжды, орудіе человѣка грубо въ своей силѣ, грубо въ своихъ понятіяхъ, кулакъ требуетъ одной животной силѣ, одною животнаго остервененія и больше ничею. Шпата, штыкъ и пуля, суть орудія человѣка образованнаго; они предполагаютъ искусство, учніе, методу, следовательно зависимость отъ идеи.* Звѣрь сражается когтемъ и зубомъ, естественными его орудіями; кулакъ есть тоже естественное орудіе звѣря-человѣка; человѣкъ общественный сражается орудіемъ, которое создаетъ себя самъ, но котораго не имѣетъ отъ природы...

Въ этой, повидимому незначительной замѣткѣ, высказывается всего яснѣе основной принципъ убѣжденій Бѣлинскаго и за нимъ всего западничества — принципъ чисто отрицательный — ненависть ко всему непосредственному, ко всему природному или лучше сказать прирожденному. А между тѣмъ, что же можно было, и что можно теперь даже сказать въ защиту кулака, какъ явленія — не впадая въ страшную неловкость?.. Отъ кулака еще много шаговъ Бѣлинскому до того знаменитаго положенія, что «гвоздь, выкованный рукою человѣка, дороже самаго лучшаго цвѣтка природы», — которое уже становится возмутительнымъ для *вѣчнаго* эстетическаго чувства человѣческой природы; еще далеко и до отрицанія всякой непосредственности, народныхъ преданій, народной поэзіи, народности вообще. Кулакъ еще нельзя было защищать. Защищавшій его, т. е. Н. И. Надеждинъ, неловко хотѣлъ обогнать время, не въ томъ конечно смыслѣ, чтобы наше время оправдало кулакъ, но въ томъ, что оно его сравняло со всѣми *mittelbar*, посредственно приобрѣтеными орудіями грубой силы.

Съ другой стороны въ этой замѣткѣ уже ясно высказывается, что только *образованный* человѣкъ есть человѣкъ. И въ этомъ конечно есть известная доля правды, но только гдѣ же грань идеалъ

образованія и грань звѣрства?.. Образование принято здѣсь явнымъ образомъ за послѣдній моментъ современнаго и притомъ западнаго развитія, если вести мысль логически... Отсюда уже недалеко до того, чтобы всѣхъ нашихъ доблестныхъ и по своему даже образованныхъ предковъ признать звѣрями. Такъ оно и выходитъ. Все, что не подойдетъ подъ условную мѣрку западнаго образованія, германско-романскихъ идеаловъ, германско-романскаго развитія, будетъ обречено на звѣрство западничествомъ. Во всемъ тысячелѣтнемъ бытіи народа удѣляють только два образа: Петръ, да Иванъ IV.

Апофеозу Петра мы уже видѣли; я началъ ею мою статью. Апофеоза Ивана IV — прямое логическое послѣдствіе исключительной апофеозы Петра, не совершена однако Бѣлинскимъ съ той наивной и вѣстѣ ужасающей послѣдовательностью, съ какою совершена апофеоза Петра, хотя въ идеяхъ Бѣлинскаго объ Иванѣ IV заключаются уже сѣмена почти всего того, что впослѣдствіи высказано гг. Соловьевымъ и Кавелинымъ. Бѣлинскій взялъ Ивана IV болѣе съ психологической общей стороны, увлекся имъ какъ художественнымъ образомъ.

Мы, — говоритъ Бѣлинскій (Т. II. стр. 213), поспорили бы съ почтеннѣйшмъ авторомъ только на счетъ Іоанна IV. Намъ кажется, что онъ не разгадалъ, или можетъ быть не хотѣлъ разгадать тайну этого необыкновеннаго человѣка. У насъ господствуетъ нѣсколько различныхъ мнѣній на счетъ Іоанна Грознаго. Карамзинъ представилъ его какимъ-то двойникомъ, въ одной половинѣ котораго мы видимъ какого-то ангела, святаго и безгрѣшнаго, а въ другой чудовище, изрыгнутое природою въ минуту раздора съ самой собою, для пагубы и мученія бѣднаго человечества и эти двѣ половины сшиты у него, какъ говорится, бѣлыми нитками. Грозный былъ для Карамзина загадкою; другіе представляютъ его не только злымъ, но и ограниченнымъ человѣкомъ; нѣкоторые видятъ въ немъ генія. Г. Полевой держится какой-то середины; у него Іоаннъ не геній, а просто замѣчательный человѣкъ. Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться, тѣмъ болѣе, что онъ самъ себя противорѣчитъ, изобразивъ такъ прекрасно, такъ вѣрно, въ такихъ широкихъ чертахъ этотъ колоссальный характеръ. Въ самомъ разсказѣ г. Полеваго, Іоаннъ очень понятенъ. Объяснися. *Есть два рода людей съ добрыми наклонностями: люди обыкновенные и люди великіе. Первые, сбившись съ прямого пути, дѣлаются мелкими негодьями, слабодушниками; вторые злодѣями. И чѣмъ душа человека огромнѣе, чѣмъ она способнѣе къ впечатлѣніямъ добра, тѣмъ глубже падаетъ она въ бездну преступленія, тѣмъ больше закаляется во зль. Таковъ Іоаннъ; это была душа энергическая, глубокая, миагтская. Стоитъ только пробѣжать въ умѣ жизнь его, чтобы удостовериться въ этомъ. Вотъ, четырехлѣтнее дитя, остается онъ безъ отца, и кому же вѣрнется его воспитаніе? Преступной матери и самовольству бояръ, этихъ буйныхъ бояръ, крамольныхъ, корыстныхъ, ко-*

торые не почитали за безчестіе и стыдъ лѣности, перадѣнія, лѣнаго неповиновенія царской волѣ, проигрыша сраженія вслѣдствіе спорогъ о мѣстахъ, а почитали себя обезчещенными, уничтоженными, когда ихъ сажали не по чинамъ на царскихъ пирахъ. И чтожъ дѣлають съ царственнымъ отрокомъ эти корыстные и бездушные бояре? Онъ рветъ животное, наслаждается его смертными издыханіями, а они говорятъ: «пусть державный тѣшится!» Кто-жъ виноватъ, если потомъ онъ тѣшится надъ ними, своими развратителями и наставниками въ тиранствѣ? Онъ любитъ Телепнева, и они вырываютъ любимца изъ его объятій и вѣдутъ его на мѣсто казни. *Душа младенца была потрясена до основанія, а такіа души не забываютъ подобныхъ потрясеній.* Онъ дѣлается юношею и распутничаетъ, бояре видятъ въ этомъ свою пользу и получаютъ его на распутство. Но зрѣлище народнаго бѣдствія потрясаетъ душу юнаго царя и вдругъ перемѣняетъ его: онъ женится, и на комъ же? на кроткой, прекрасной Анастасіи; онъ уже не тиранъ, а добрый государь, онъ уже не легкомысленный и вѣтренный мальчикъ, а благородный мужъ: *какіе люди способны къ такимъ внезапнымъ и быстрымъ перемѣнамъ? ужь конечно не просто добрые и неглупые!* Онъ подаетъ руку иноку Сильвестру и безродному Адашеву, онъ вѣрится имъ, онъ какъ будто понимаетъ ихъ, *покли-ль они его?* Люди народа, они дѣйствуютъ *благородно и безкорыстно, умно и удачно, но они оковываютъ волю царя;* эта воля была львиная и жаждала раздолья и дѣятельности самобытной, честолюбивая и пламенная... Своимъ вліяніемъ на умъ царя, они спеленали исполина, не думая, что ему стоитъ только пожать плечами, чтобы разорвать пеленки. *Они наконецъ назначали ему и часъ молитвы, и часъ суда и совѣта и часъ царской потѣхи, покорили эту душу тлжскому, холоднему, жалкому и бездушному ханжеству,* а эта душа была пылка, нетерпѣлива, стояла выше предразсудковъ своего времени и тайно презирала безсмысленными обрядами. И царь надѣлъ его, слушался своихъ любимцевъ какъ дитя, казалось былъ всѣмъ доволенъ; но его сердце точилъ червь униженія... У царя есть сынъ и есть дядя, *последній обломкомъ развалившася зданія удѣловъ.* Царь боленъ при смерти; въ это время Русь уже пріучилась отрѣшиться отъ престола; *наслѣдство престола было уже определено и утверждено общимъ народнымъ мнѣніемъ,* сынъ царя былъ уже выше своего дяди. Что же? при смертномъ одрѣ умирающаго вѣнценосца возсталъ крамола: *бояре отрекаются отъ законнаго наслѣдника, къ нимъ пристають Сильвестръ и Адашевъ...* Царь все видитъ, все слышитъ: его савъ, его достоинство поруганы; его его смертнаго одра брань и чуть не драка; *справедливость нарушена;* его сынъ лишонъ престола, *который отдается удѣльному князю,* который въ глазахъ царя и народа казался крамольникомъ, хотя былъ невиненъ, которому право жизни было дано какъ будто изъ милости... Этотъ ударъ былъ слишкомъ силенъ, нанесенная имъ рана была слишкомъ глубока, царь возсталъ для мщенія.. *Трепещите, буйные и крамольные бояре! вашъ часъ пробилъ, вы сами накликали кару на свою голову, вы оскорбили льва, а левъ не забываетъ оскорбленій и страшно мститъ за нихъ...* Царь

выздоровѣлъ, оглянулся назадъ: назадъ было его сирое дѣтство, казнь Овчины Телепиева, тяжкая неволя и ненавистная боярщина, поругавшаяся надъ его смертнымъ часомъ, оскорбившая и законъ и сираведливость и совѣсть; взглянулъ впередъ: впереди опять тяжкая неволя и ненавистная боярщина... Мысль объ измѣнѣ и крамолѣ сдѣлалась его жизнью, и съ тѣхъ поръ, онъ вездѣ и во всемъ могъ видѣть одну измѣну и крамолу, какъ человѣкъ, помѣшавшійся отъ привидѣнія, вездѣ и во всемъ видитъ испугавшій его призракъ... Къ этому присоединилась еще смерть страстно любимой имъ Анастасіи... И теперь, какъ понятно его постепенное измѣненіе, его переходъ къ злодѣйству... Ему надлежало бы свергнуть съ себя тягостную опеку, слушать совѣты, а дѣлать по своему, не питать вѣры, но быть осторожнымъ съ боярщиною и править государствомъ къ его славѣ и счастью; но онъ жаждетъ мести, мести за себя, *а человекъ имѣетъ право мстить только за дѣло истинны, за дѣло Божіе, а не за себя.* Мщеніе можетъ быть сладкій, но ядовитый напитокъ; это скорпионъ самъ себя уязвляющій... Кровь тоже напитокъ опасный и ужасный: она чтѣ морская вода, чѣмъ больше пьешь, тѣмъ жажда сильнѣе, она тушитъ месть, какъ тушитъ масло огонь... Для Иоанна мало было виновныхъ, мало было бояръ, онъ сталъ казнить цѣлые города: онъ былъ боленъ, онъ оцѣнялъ отъ ужаснаго напитка крови... Все это вѣрно и прекрасно изображено у Полеваго и въ его изображеніи намъ понятно это безуміе, эта звѣрская кровожадность, эти неслыханныя злодѣйства, эта гордыня и вмѣстѣ съ ними эти гнучія слезы, это мучительное раскаяніе и это униженіе, въ которыхъ проявилась вся жизнь Грознаго; намъ понятно также и то, что только ангелы могутъ изъ духовъ свѣта превращаться въ духовъ тьмы... Иоаннъ поучителенъ въ своемъ безуміи, это не тиранъ классической трагедіи, это не тиранъ Римской имперіи, гдѣ тираны были выраженіемъ своего народа и духа времени: это былъ падшій ангелъ, который и въ паденіи своемъ обнаруживаетъ по временамъ силу характера желѣзнаго, и силу ума высокаго...

Прежде еще чѣмъ остановлюсь я на этомъ весьма важномъ очеркѣ, я сопоставлю съ нимъ выписку изъ статьи «Отеч. Записокъ» 1840 года, въ которой Бѣлинскій восторженно увлекаясь поэмою Лермонтова о «Купцѣ Калашниковѣ», касается тоже образа Ивана IV.

На первомъ плацѣ, — говоритъ нашъ критикъ, — видимъ мы Иоанна Грознаго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный блескъ живъ еще въ преданіи и фантазіи народа... Что за явленіе въ нашей исторіи былъ этотъ «мужъ кровей», какъ называетъ его Курбскій? Былъ ли онъ Людовикомъ XI нашей исторіи, какъ говоритъ Карамзинъ? *Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о его историческомъ значеніи*; замѣтимъ только, что это была сильная натура, которая требовала себѣ великаго развитія для великаго подвига; но какъ условія тогдашняго полуазіатскаго быта и внѣшнія обстоятельства отъ-

назвали ей даже *въ наказаніи* имбуди развитіи, оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи и лишивъ ее всякой возможности *пересоздать дѣйствительность*, то эта сильная натура, этотъ великій духъ поневолѣ исказились, нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ дѣйствительности... Тираниа Іоанна Грознаго имѣеть глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ скорѣе сожалѣніе какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращенію, какъ къ мучителю... *Можетъ быть, это былъ своею рода великій человекъ, но только не во время слишкомъ рано лежавшей Россіи*, пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло и увидавшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ: можетъ быть въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его и которой онъ такъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее и себя самага въ болѣзненной и безсознательной ярости. Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства, *онъ самъ наиболее заслуживаетъ соболезнованіе*; вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми, сверкающими очами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи ..

Мы русскіе, — говоритъ еще Бѣлинскій уже въ 1843 году, сильнѣе и сильнѣе вдаваясь въ свой централизаціонный взглядъ и сопоставляя прямо Петра съ Іоанномъ (Т. VII, стран. 105), какъ съ его предшественникомъ въ выработкѣ государственной идеи, — имѣли своего Ахилла, который есть неопровержимо-историческое лицо, ибо отъ дня смерти его протекло только 118 лѣтъ, но который есть миотическое лицо со стороны необъятной важности духа, колоссальности дѣла и невѣроятности чудесъ, имъ произведенныхъ. Петръ былъ полнымъ выраженіемъ русскаго духа и если бы между его натурою и натурою русскаго народа не было кровнаго родства, его преобразованія, какъ индивидуальное дѣло сильнаго средствами и волею человека, не имѣли бы успѣха. *Но Русь неуклонно идетъ по пути, указанному ей творцемъ ея*. Петръ выразилъ собою великую идею самоотрицанія случайнаго и произвольнаго въ пользу необходимаго, грубыхъ формъ ложно развившейся природности, въ пользу разумнаго содержанія національной жизни. Этою высокою способностью самоотрицанія, обладаютъ только великіе люди и великіе народы, и ею то русское племя возвысилось надъ всеми славянскими племенами, въ ней то и заключается источникъ его настоящаго могущества и будущаго величія. До Петра, вся русская исторія заключалась въ одномъ стремленіи къ соглашенію разведенныхъ частей страны и сосредоточенію ея вокругъ Москвы. Въ этомъ случаѣ помогло и татарское и грозное царствованіе Іоанна ..

Послѣ этихъ нарочно сопоставленныхъ мною мѣстъ, нельзя не удивляться тому, что Бѣлинскій въ 1846 году, стало быть въ эпоху еще позднѣйшую и еще болѣе теоретическую своей дѣятельности;

выходить энергическими стихами Языкова о Грозномъ—Языкова, котораго притомъ преслѣдовалъ онъ безпощадно. Это можно пояснить только великимъ художническимъ чувствомъ, которое никогда не покидало нашего критика, какъ бы снѣжно ни вдался онъ въ теорію.

Одушевляясь прошедшимъ, — пишетъ онъ въ одной рецензій 1846 г. (Соч. Бѣл. Т. X., стр. 389) какъ почтенный собесѣдникъ старины, г. Н. Языковъ, вдругъ обмолвился нѣсколькими энергическими стихами объ Иванѣ Грозномъ:

•Трехъ мусульманскихъ царствъ счастливый покоритель
И кровопійца своего!
Неслышанный тиранъ, мучитель непреклонный,
Природы ужасъ и позоръ.
Въ Москвѣ за казнь казнь; у плахи незаконной
Весь день мясничаетъ топоръ,
По земскимъ городамъ толпа кромѣшныхъ бродить
Нося грабежъ, губя людей
И бѣшено свирѣпъ, самъ царь ее предводитъ...»

Для того, чтобы уяснить себѣ и оцѣнить по достоинству значеніе взгляда Бѣлинскаго на личность Ивана IV, нужно принять въ соображеніе то обстоятельство, что Бѣлинскій былъ совершенно незнакомъ съ источниками нашей исторіи вообще, въ его время еще мало доступными, создавалъ себѣ Ивана по карамзинскимъ формамъ съ одной стороны, и по отрицанію Полеваго съ другой, веѣмъ слѣдовательно обязанъ былъ своей гениальной чуткости и проникательности. Притомъ, стремясь разъяснить себѣ таинственную личность грознаго вѣнценосца, онъ имѣлъ въ виду цѣли болѣе психологическія и художественныя, чѣмъ историческія или политическія. Онъ былъ пораженъ этимъ, дѣйствительно знаменательнымъ образомъ, пораженъ какъ артистъ, и хотѣлъ разгадать внутреннія пружины страшныхъ дѣяній Ивана IV...

Въ 1836 году, къ которому принадлежитъ первое изъ выписанныхъ мною мѣстъ, Бѣлинскій еще былъ самымъ яркимъ поклонникомъ юной французской словесности; стоялъ, такъ сказать, на козлыяхъ передъ нею вообще, передъ Бальзакомъ въ особенности; восхищался не только глубокимъ анализомъ Бальзака, но и образами въ родѣ Феррагуса въ Histoire de treize. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, на сколько онъ былъ правъ или не правъ въ тогдашнихъ своихъ увлеченіяхъ. Дѣло въ томъ, что исходная точка его симпатическаго взгляда на Ивана IV, заключается въ увлеченіи той эпохи вообще, и въ ея увлеченіи въ особенности страшными и мрачными натурами, демоническими и разрушительными

стремленіями, — стремленіями, выходящими изъ общаго круга; идущими въ разрѣзъ съ общею жизнью. Такою личностью, такою титаническою натурою представилъ онъ себя и нашего Грознаго. Въ этомъ представленіи много правды, по крайней мѣрѣ оно и одно оно помогло разгадать сколько нибудь эту психологическую загадку, и нѣтъ сомнѣній, что если бы Бѣлинскій прямо по источникамъ изучилъ Грознаго со всѣхъ его сторонъ, онъ можетъ быть удачнѣе всѣхъ разгадалъ бы эту мрачную и виѣстѣ вроническую, часто даже юмористическую (въ походахъ Александровской Слободы, въ посланіи къ отцамъ Бѣлозерскаго Кирилловскаго монастыря), вполнѣ *русскую* личность... Не виѣла же подъ рукою ни фактовъ, ни красокъ для этой фигуры, онъ набросилъ на нее общій байроническій тонъ, и самая рѣчь его въ приведенныхъ мѣстахъ о Грозномъ, отзывается страстной, лихорадочною тревожностью...

Но, какъ писатель общественный, Бѣлинскій не могъ остановиться на одной художественной симпатіи къ личности... Онъ взглянулъ глубокимъ взглядомъ на значеніе этой личности въ нашемъ развитіи общественномъ — взглянулъ на Ивана, какъ на общественнаго двигателя и съ разу проложилъ и указалъ дорогу своимъ ученикамъ. Въ статьѣ 1836 года, Бѣлинскій еще ни слова не говоритъ о государственномъ значеніи Ивана IV. Въ статьѣ 1841 года, онъ, оговариваясь, что не мѣсто и не время распространяться въ статьѣ объ историческомъ значеніи Грознаго, даетъ однако замѣтить, что въ дѣлѣ его онъ видитъ «великій подвигъ», что въ его страшныхъ казняхъ видно стремленіе пересоздать дѣйствительность, говоритъ наконецъ прямо, что *можетъ быть* это былъ преждевременно явившійся великій человѣкъ... Вся послѣдующая школа родового быта уже заключается въ этомъ взглядѣ. Она отброситъ только слово: «*можетъ быть*», которое и самъ Бѣлинскій поставилъ потому только, что не владелъ достаточнымъ количествомъ фактовъ, подтверждающихъ взглядъ и почерпнутыхъ прямо изъ источниковъ; потому только, что говорилъ гадательно. Когда же явилась книга Котошихина, когда отрицателямъ представилась цѣлая масса фактовъ, обличающихъ «ужасную дѣйствительность», тогда Бѣлинскій прямо и послѣдовательно призналъ Ивана IV предшественникомъ Петра Великаго, какъ свидѣтельствуешь третье приведенное мною мѣсто, — виѣстѣ съ тѣмъ, по своей неумолимой послѣдовательности, онъ наравнѣ съ Иваномъ призналъ и татарское иго необходимымъ звѣномъ въ нашемъ государственномъ развитіи...

Но не только основная идея всѣхъ послѣдующихъ взглядовъ на личность Ивана IV и его историческое значеніе, заключается въ приведенныхъ выпискахъ, — нѣтъ! въ нихъ заключаются намеки

на всё самыя тонкія подробности. У Бѣлинскаго уже является та мысль, что Иванъ IV припощъ въ міръ съ «*призваніемъ на великое дѣло*». Г. Соловьевъ только развилъ это «призваніе» фактически и раздвинулъ предѣлы брошенной Бѣлинскимъ мысли только тѣмъ, что сталъ доказывать въ Иванѣ сознательное чувство этого призванія. Бѣлинскій указалъ на разубѣжденіе Грознаго въ Сильвестрѣ и Адашевѣ. Гг. Соловьевъ и Кавелинъ только смѣлѣе и прямѣе объявили ихъ и ихъ партію отсталыми людьми, а Грознаго и палача Томилу прогрессистами. Все, однимъ словомъ, что развилось послѣ въ цѣлую теорію — существуетъ уже въ зародышѣ въ мысляхъ Бѣлинскаго, все, даже къ сожалѣнію, до клика *vae victis!* этого грустнаго результата историческаго фатализма, породившаго теорію родового быта и централизаціи. У Бѣлинскаго крикъ этотъ только напряженнѣй и лихорадочнѣй («Трениците, буйные и крамольные бояре» и т. д.)...

Бѣлинскій, прежде всего обладалъ геніальнымъ чутьемъ, и потому нисколько не удивительно, что онъ намѣтилъ геркулесовы грани теоріи отрицанія и централизаціи. Можно сказать, что бросившись разъ по пути этой теоріи, онъ уже носилъ се въ себѣ совершенно непосредственно, и перемѣняя часто взглядъ на частныя явленія, идеѣ централизаціи остается вѣрнѣе постоянно до послѣдняго года жизни, когда въ немъ повидимому готовился какой-то переломъ, совершенію котораго воспренятствовала смерть. Въ 1836 ли году, фанатическій поклонникъ бурнаго романтизма; въ 1838 или 1839 году фанатикъ разумности дѣйствительности и ярый гонитель французовъ, романтизма и либерализма, въ сороковыхъ ли годахъ, предсказатель прогресса, онъ твердо и неуклонно стоитъ въ одномъ — въ отрицаніи и централизаціонныхъ началахъ. Этимъ объясняются его нелюбовь къ славянству и стремленіямъ славянства, его вражда къ малороссійской литературѣ, какъ къ мѣстной литературѣ и т. д. Эта нелюбовь къ славянству и эта вражда къ мѣстной малороссійской литературѣ, въ немъ являются чѣмъ-то странно-инстинктивнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, для того кто пристально прослѣдилъ дѣятельность Бѣлинскаго, въ томъ, что эпоха отъ 1834 до 1836 года, т. е. эпоха дѣятельности въ «Телескопѣ», единственная, въ которой мы видимъ его вполнѣ, такъ сказать, на распашку, не подчиненнымъ никакой извнѣ пришедшей теоріи, отдающимся беззавѣтно всѣмъ страстнымъ сочувствіямъ: по временамъ только страстные порывы его умѣняются вліаніемъ чужой могущественной мысли, мысли Надеждина, но и то борятся съ этимъ вліаніемъ. Всего замѣчательнѣе, что и въ эту эпоху, Бѣлинскій, или прямо возстаеъ на первыя выраженія

исключительно народных стремлений или относится къ нимъ отрицательно, насмѣшливо...

Первоначальныя стремленія исключительно народнаго направленія, выражались часто или въ нескладныхъ формахъ, какъ напримѣръ, оправданіе кулака, или въ юношескомъ высокоуміи и заносчивости противъ западнаго образованія. Выходку Бѣлинскаго противъ «кулака» я уже приводилъ. Не менѣ замѣчательны и двѣ выходки его въ рецензіи на книгу Венелина: «О характерѣ народныхъ пѣсень у славянъ Задунайскихъ».

Венелинъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей славянства, и одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей славянской мысли. Человѣкъ сердца, болѣе чѣмъ человѣкъ ума, обладавшій громадною, но безпорядочнѣйшею ученостью, одаренный гениальнымъ историческимъ чутьемъ и предупредившій многими идеями великаго Шафарика, въ отношеніи къ которому онъ былъ своего рода допотопною формаціей, онъ вносилъ въ науку всѣ симпатіи и всѣ глубокія ненависти угнѣтеннаго племени, за которое, какъ и за всѣ славянскія племена въ совокупности, онъ готовъ былъ идти на кресты и мученія. Статья его о пѣсняхъ задунайскихъ славянъ, какъ и всѣ его къ сожалѣнію еще неизданныя вполне сочиненія, представляютъ смѣсь гениальнѣйшихъ соображеній и глубокой критической провицательности, съ мыслями недозрѣлыми и неразъясненными, а иногда даже просто незрѣлыми и темными, по исполненнымъ самою страстной заносчивости. Холодно и то какъ-бы повинувая общему духу своего тогдашняго журнала, хвалить Бѣлинскій достоинство книги Венелина, но явно враждебно относится къ ея слабымъ сторонамъ, съ какой-то злостью выставляетъ ихъ, и высказываетъ рѣзко свое несочувствіе къ славянству, его интересамъ, его враждамъ, стремленіямъ и даже къ его исторіи.

Мы пропускаемъ, — говоритъ онъ (соч. Бѣл. Т. II, стр. 175), что языкъ г. Венелина нерѣдко бываетъ неправиленъ и страненъ, что онъ любитъ употреблять слова и выраженія, нѣмѣ употребленныя, какъ то: кухонность человѣческаго рода и тому подобныя, которыхъ не мало; все это не важно. Но насъ удивили нѣкоторыя его мысли, положенныя частью въ выносахъ, частью въ прибавленіяхъ къ статьѣ; онѣ кажутся намъ въ совершенной дисгармоніи съ тѣми, о которыхъ мы говорили выше. Съ трудомъ вѣрится, чтобы тѣ и другія принадлежали одному и тому же лицу. Что значитъ напримѣръ эта насмѣшка надъ Гёте, за то, что онъ выдалъ Елену Илиады за нѣмца Фауста? Неужели почтенному автору неизвѣстно, что есть художественныя сочиненія, которыя будучи неестественны, несбыточны и негѣмы въ фактическомъ отношеніи, тѣмъ не менѣ истинны поэтически? Не-

желѣ ему неизвѣстно, что въ творчествѣ, сказка или разсказъ бываетъ иногда только символомъ идеи? Что за насѣшка надъ красавицею Еленою, которую авторъ грозитъ наказать самымъ славянскимъ, т. е. *самыми варварскими* наказаніемъ? За что такая немилость? Неужели почтенный авторъ думаетъ, что дѣйствующія лица въ поэмѣ должны быть резонабельны, нравственны, словомъ должны отличаться хорошимъ поведеніемъ? Неужели ему неизвѣстно, что самыя понятія о нравственности не у всѣхъ народовъ сходны? Елена нисколько не оскорбляла своимъ поведеніемъ жизни древнихъ; она совершенно въ духѣ народа и въ духѣ времени. Ею такъ же смѣшно упрекать въ безнравственности, какъ смѣшно упрекать *Задунайскихъ славянъ въ томъ, что они голворъзы...*

Повидимому въ высшей степени правильны здѣсь нападки Бѣлинскаго, но въ этихъ правильныхъ и разумныхъ нападкахъ кроется столько инстинктивно враждебнаго, что жолчь въ нихъ постепенно накипаеть, накипаеть и наконецъ прорывается злобною выходкою противъ задунайскихъ славянъ, столь дорогихъ сердцу благороднаго, самоотверженнаго труженика болгарскаго и всего славянскаго дѣла... Дѣло ясное теперь для насъ читателей, что всѣ «неужели», обращаемыя рецензентомъ къ Венелину, «неужели» столь справедливыя и разумныя, въ сущности къ Венелину не относятся. Все, о чемъ допрашивалъ его Бѣлинскій, Венелинъ зналъ конечно такъ же хорошо, какъ самъ Бѣлинскій, но у Венелина кровь кипѣла, жолчь подымалась при словѣ «нѣмецъ», и вотъ рука расходилась, въ ученой книгѣ вырвались необдуманныя слова племенной ненависти, — хоть на чемъ нибудь, хоть не кстати, да сорвать злость на нѣмцевъ! До Елены, до Фауста, тутъ и дѣла нѣтъ, тутъ звучитъ старая пѣсня о Любушиномъ судѣ, что не хорошо

искать у нѣмцевъ правды...
У насъ правда по закону святу,
Привесли ту правду наши дѣды,
Черезъ три рѣки на нашу землю.

Тутъ явно видима наивная, племенная обмолвка. И вотъ обмолвка эта попадаетъ человѣку, у котораго кровь кипитъ и жолчь накинѣла отъ противорѣчій нашей славянской дѣйствительности, тому блестящему идеалу, который выработало остальное человѣчество, который именно въ нашей славянской дѣйствительности видитъ причины нашей отсталости и неразвитости...

Оба эти человѣка правы... но за наивную, почти дѣтскую, въ своей заносчивости обмолвку одного, злобно и даже разсчитливо мстить другой. Этотъ другой, сильнѣе и ясностью ума и твердыми, хотя чужими основами взгляда.

Потомъ, — продолжаетъ рецензентъ, — что это за нападки на Гердера и Гизо? И за что же? За то что они находили духъ рыцарства и героизма только въ нѣмецкихъ племенахъ, а не въ славянскихъ? Странно. Конечно, героизмъ т. е. непосѣдность, предприимчивость и страсть къ кровопролитію свойственны всякому младенчеству народоу болѣе или мене; но самый этотъ героизмъ имѣетъ болѣе или меньшій кругъ дѣйствія. Норманны переплывали моря и завоевывали отдаленныя страны, а славяне дрались съ своими сосѣдями или дружили съ другомъ. Что же касается до рыцарства, то оно безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ исключительно одной Европѣ среднихъ вѣковъ и именно кляццамъ. Рыцарство и героизмъ очень похожи другъ на друга, но между ними есть и большая разница; героизмъ бываетъ почти всегда безсмысленъ а рыцарство водится всегда идеею! Гдѣ же надо искать этой идеи? Неужели въ безсмысленной рѣзни Задунайскихъ славянъ съ турками или кавказскихъ племенъ между собою? За что же г. Венелинъ такъ сердится на Гизо и особенно на великаго Гердера, что они были неуважительны къ славянамъ? Я презираю это дѣтское обожаніе авторитетовъ, вслѣдствіе котораго нельзя сказать о Мильтонѣ, что онъ не поэтъ, или по крайней мѣрѣ не великій поэтъ и тому подобное; но съ тѣмъ выѣстъ противъ неуважительнаго тона къ людямъ, оказавшимъ человѣчеству большія услуги, каковъ Гердеръ и слова: «Гердеръ дѣтствуетъ, Гердеръ ребячествуетъ» мнѣ кажутся неумѣстными. Гердеръ могъ ошибаться, могъ не знать чего либо, но никогда онъ не могъ ни дѣтствовать, ни ребячиться. Намъ желательно чтобы г. Венелинъ и т. д...

Это мѣсто, въ которомъ все, по крайней мѣрѣ повидимому, справедливо, кромѣ злости, въ высшей степени знаменательно и въ отношеніи къ исторіи борьбы двухъ направлений и въ отношеніи къ самому Бѣлицкому. Безпощадная послѣдовательность вражды заводитъ его въ «Телескопъ» 1836 года, почти въ тоже самое, что высказано имъ было въ сороковыхъ годахъ. Въдъ тутъ ужъ чуть-чуть что нѣтъ симпатіи къ туркамъ, какъ къ организованному государству, чуть-чуть что нѣтъ этого знаменитаго положенія, которое закончилъ послѣдовательно «Атеней» мрачной памяти, въ лѣто отъ Р. X. 1859, чуть-чуть что нѣтъ того однимъ словомъ, за что глубоко ненавидѣло славянофильство Бѣлинскаго, за что оно готово было оскорблять его великую память...

И кто же тутъ виноватъ?.. Не виновато славянофильство, ибо Бѣлинскій увлекаемый теоріею, шолъ на перекоръ его завѣщаннымъ и притомъ благороднѣйшимъ стремленіямъ; не виноватъ я Бѣлинскій, вѣрный здѣсь своему принципу, своимъ идеаламъ до фанатизма... Ходъ мысли его касательно нашей связи съ славянствомъ, т. е. касательно нашей народности вообще, былъ таковъ, что только отрицаніемъ нашей самости, мы вступаемъ въ семью человѣчества, что исторіи у насъ нѣтъ до Петра и до реформы.

До славянъ же, — говорить онъ въ 1845 году (соч. Бѣл. Ч. IX, стр. 417), намъ нѣтъ дѣла, потомучто они не сдѣлали ничего такого, что дало бы имъ право на вниманіе науки и на основаніи чего наука могла бы видѣть въ ихъ существованіи *фактъ исторіи человечества*.

Вотъ оно главное слово разгадки: *человѣчество!* это абстрактное *человѣчество* худо понятата гегелизма, *человѣчество*, котораго въ сущности нѣтъ, ибо есть организмы растущіе, старѣющіеся, перерождающіеся, но вѣчные: народы. Для того, чтобы оно *было*, — это абстрактное *человѣчество*, нужно непременно признать какой либо условный идеалъ его. Этому идеалу жертвуется всѣмъ народнымъ, мѣстнымъ, органическимъ... Въ концѣ концовъ, въ результатахъ этого идеала, стоитъ конечно то, о чемъ Гегелю и не снилось.

Чаадаевъ былъ проще и послѣдовательнѣе. Онъ прямо схватился за католицизмъ, за блестящее и вѣковое выраженіе мертвящей централизаціи, прямо взглянулъ въ лицо *теоріи*, абсолютнѣе отрекся отъ *жизни!*..

III

Всякій народъ есть нѣчто цѣлое, особое, частное и индивидуальное; у всякаго народа своя жизнь, свой духъ, свой характеръ, свой взглядъ на вещи, своя манера понимать и дѣйствовать. Въ нашей литературѣ теперь борются два начала, французское и нѣмецкое. Борьба эта началась уже давно, и въ ней-то выразилось рѣзкое различіе направленія нашей литературы. Разумѣется, что намъ такъ же не къ лицу шлеть быть нѣмцами, какъ и французами, *потому что у насъ есть своя національная жизнь, глубокая, могучая, оригинальная; но назначеніе Россіи есть принять въ себя все элементы не только европейской, но міровой жизни*, на что достаточно указываетъ ея историческое развитіе, географическое положеніе и самая многосложность племенъ, вошедшихъ въ ея составъ и теперь *перекаляющихся въ горниль великорусской жизни, которой Москва есть средоточіе и сердце, и приобщающихся къ ея сущности*. Разумѣется, принятіе элементовъ всемірной жизни не должно и не можетъ быть механическимъ или эклектическимъ какъ философія Кузена, сшита изъ разныхъ лоскутковъ, а живое, органическое, конкретное: эти элементы, принимаясь русскимъ духомъ, не остаются въ немъ чѣмъ-то *постороннимъ и чуждымъ, но перерабатываются въ немъ, преобразуются въ его сущность и получаютъ новый самобытный характеръ*. Такъ въ живомъ организмѣ разнообразная пища, процессомъ пищеваренія обращается въ единую кровь, которая животворитъ единый организмъ. Чѣмъ многосложнѣе элементы, тѣмъ богачѣ жизнь. Неуловимо безконечны стороны бытія, и чѣмъ болѣе сторонъ выражаетъ собою жизнь народа, тѣмъ могучѣе, глубже и выше народъ. *Мы рус-*

скіе наследники цѣлаго міра, не только европейской жизни, и наследники по праву. Мы не должны и не можемъ быть англичанами, ни французами, ни нѣмцами, потому что мы должны быть русскими; но мы возьмемъ какъ свое все что составляетъ исключительную сторону жизни каждаго европейскаго народа, и возьмемъ ее, не какъ исключительную сторону, а какъ элементъ для пополненія нашей жизни, исключительная сторона которой, должна быть многосторонностью неотвлеченная, а живая, конкретная, имѣющая свою собственную народную физиономію и народный характеръ. Мы возьмемъ у англичанъ ихъ промышленность, ихъ универсальную практическую дѣятельность, но не сдѣлаемся только промышленными и дѣловыми людьми; мы возьмемъ у нѣмцевъ науку, но не сдѣлаемся только учеными; мы уже давно беремъ у французовъ моды, формы свѣтской жизни, шампанское, усовершенствованія по части высокаго и благороднаго повареннаго искусства; давно уже учимся у нихъ любезности, ловкости свѣтскаго обращенія; но пора уже перестать намъ брать у нихъ то, чего у нихъ нѣтъ: знаніе, науку. Ничего нѣтъ вреднѣе и негнѣе, какъ не знать, гдѣ чѣмъ можно пользоваться.

Вліаніе имѣцевъ благотвельно на насъ во многихъ отношеніяхъ, и со стороны науки и искусства и со стороны духовно-нравственной. Не ниѣ ничего общаго съ нѣмцами въ частномъ выраженіи своего духа, мы много имѣемъ съ ними общаго въ основѣ, сущности, субстанціи нашего духа. Съ французами мы находимся въ обратномъ отношеніи: хорошо и охотно сходясь съ ними въ формахъ общественной (свѣтской) жизни, мы враждебно противоположны съ ними по сущности (субстанціи) нашего національнаго духа (Соч. Бѣл. Т. II. стр. 304).

Кромѣ природы и личнаго человѣка, есть еще общество и человѣчество. Какъ бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человѣка, какимъ бы горячимъ ключемъ ни была она во мнѣ и какими бы волнами ни лясалась черезъ край, она не полна, если не усвоитъ въ свое содержаніе интересовъ внѣшнему ей міра, общества и человечества. Въ полной и здоровой натурѣ тяжело лежитъ на сердцѣ судьба родины; всякая благородная личность глубоко сознаетъ свое крѣпкое родство, свои кровныя связи съ отечествомъ. Общество, какъ всякая индивидуальность, есть вѣчто живое и органическое, которое ниѣтъ свои эпохи возрастанія, свои эпохи здоровья и болѣзней, свои эпохи страданія и радости, свои роковые кризисы и переломы изъ выздоровленія и смерти. Живой человѣкъ носить въ своемъ духѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей крови жизнь общества; онъ болѣетъ его недугами, мучится его страданіями, цвѣтетъ его здоровьемъ, блаженствуетъ его счастіемъ, ниѣ своихъ собственныхъ, своихъ личныхъ обстоятельствъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ общество только беретъ съ него свою дань, отторгая его отъ него самаго въ извѣстные моменты его жизни, но не покора его себѣ совершенно и исключительно. Гражданинъ не долженъ уничтожать человѣка, ни человѣкъ гражданина; въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ крайность, а всякая крайность есть родная сестра ограниченности. *Любовь къ отечеству должна выходить изъ любви къ человѣч-*

стиму, какъ частіа изъ общаго. Любить свою родину значить, пламенно желать видѣть въ ней осуществленіе идеала человечества и по мѣрѣ силъ своихъ способствовать этому. Въ противномъ случаѣ, патриотизмъ будетъ китаизмомъ, который любитъ свое только за то, что оно свое, и ненавидитъ все чужое за то только, что оно чужое и не нарадуются собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ. Романъ англичанина Морьера - Хаджи Баба - есть превосходная и вѣрная картина подобнаго кваснаго (по счастливому выраженію князя Вяземскаго) патриотизма. Человѣческой натурѣ сродно любить все близкое къ ней, свое родное и кровное; но эта любовь есть и въ животныхъ, слѣдовательно любовь человѣка должна быть выше. Это превосходство любви человѣческой передъ животною состоитъ въ разумности, которая тѣлесная и чувственная просвѣтляетъ духомъ, а этотъ духъ есть общій. Примѣръ Петра Великаго, говорившаго о родномъ языкѣ, что лучше чужой да хорошій, чѣмъ свой да негодный, лучше всего поясняетъ и оправдываетъ нашу мысль. Конечно, изъ частнаго нельзя дѣлать правило для общаго, но можно черезъ сравненіе объяснить частнымъ общее. Можно не любить и родного брата, если онъ дурной человѣкъ, но нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было, только надобно, чтобы эта любовь была не жертвнымъ довольствомъ тѣмъ что есть, но живымъ желаніемъ усовершенствованія; словомъ, любовь къ отечеству должна быть вмѣстѣ и любовью къ человечеству (Соч. Бѣл. Т. IV. стр. 261).

Для того, чтобы совершенно понять два этихъ весьма характеристическихъ мѣста, — одно, относящееся къ 1838, другое къ 1841 году, но оба связанная очевидно однимъ и тѣмъ же направленіемъ мысли; для того, чтобы уяснить себѣ ихъ содержаніе и тонъ, нужно перенестись нѣсколько въ то время, въ которое они были писаны.

Время же это характеризуется однимъ словомъ: гегелизмъ...

О гегелизмѣ, Геприхъ Гейне сказалъ весьма остроумно, хоть и в очень поверхностно, что онъ похожъ на страннаго и по формамъ уродливаго писмена, которыми выражено простое и ясное содержаніе, въ противоположность таинственнымъ іероглифамъ шеллингизма, въ сущности ничего якобы не выражающимъ. Ни въ отношеніи къ гегелизму, ни въ отношеніи къ шеллингизму, это рѣшительная неправда. И содержаніе гегелизма и содержаніе шеллингизма, какъ содержаніе вообще философин, безгранично-широко и въ сущности едино... Но дѣло не въ томъ. Гегелизмъ, въ первоначальную эпоху своего къ намъ привитія, дѣйствовалъ на насъ преимущественно магическимъ обаяніемъ своихъ таинственныхъ формъ и своимъ «эмблемнымъ» положеніемъ о тождествѣ разума съ дѣйствительностью. Сначала мы съ самою наивною вѣрою приняли это положеніе, что «Was ist — ist vernünftig», съ такою вѣрою, которой никогда не же-

далъ великій учитель, не даромъ скорбившій о томъ, что никто изъ учениковъ его, его не понялъ... Послѣдствія этой наивной вѣры, были часто самыя комическія въ приложеніи къ дѣйствительности, въ особенности у насъ, гдѣ гегелизмъ по источникамъ знакомъ былъ весьма немногимъ, да и этими немногими большею частью былъ усвоенъ совершенно формально. Слова «духъ человѣчества», «воля человѣчества» для адептовъ имѣли какое-то таинственно-реальное бытіе, служили какими-то всепримиряющими и успокоивающими формулами. Къ снѣльчакамъ, которые придавали этимъ формуламъ только номинальное значеніе, адепты питали чуть что не презрѣніе, какъ къ *материалистамъ* и *либераламъ*.

Къ числу самыхъ жаркихъ адептовъ принадлежалъ Бѣлинскій. Силою одного ума и чутья, онъ, совершенно незнакомый съ гегелизмомъ по источникамъ, такъ сказать пережилъ весь гегелизмъ внутри самаго себя, изъ намековъ развилъ цѣлую систему и развивалъ ее діалектически съ послѣдовательностью, свойственною одному русскому человѣку.

Въ 1834—1836 годахъ, ярый романтикъ, фанатическій поклонникъ тревожныхъ чувствъ, страстныхъ грезъ и разрушительныхъ стремленій юной французской словесности, онъ вдругъ въ 1838 г., въ «Зеленомъ Наблюдателѣ» является по крайней мѣрѣ по внѣшнимъ формамъ своимъ, совершенно инымъ человѣкомъ, предсказателемъ новаго, ученія, обѣщающаго примиреніе и любовь, оправдывающаго воплѣ дѣйствительность вообще, стало быть и нашу дѣйствительность...

Разумѣется, онъ на этомъ не могъ остановиться, потому что не способенъ былъ жить призраками, а искалъ правды. Не могъ остановиться на такомъ пунктѣ и другіе, но отъ этого пункта можно было идти въ совершенно разныя стороны. Такъ оно и было. Аксаковъ (К. С.), котораго вступленіе къ его магистерской диссертациі о Ломоносовѣ представляетъ этотъ моментъ гегелизма, доведенный до самыхъ комическихъ крайностей, пошолъ совершенно въ другую сторону. Бѣлинскій же безтрепетно шолъ отъ крайностей къ крайностямъ, наивно забывая въ пользу послѣднихъ предшествовавшія, фанатически вѣруя въ послѣднія, какъ единственно-истинныя, готовый сегодня восторгаться дѣйствительностью *quand même*, завтра рвать на себѣ волосы за эти восторги и послѣ завтра уже совершенно отдаваться новому и озлобленно преслѣдовать свои старыя заблужденія...

Но прежде чѣмъ слѣдить шагъ за шагомъ за его развитіемъ, нельзя не замѣтить того, что онъ всегда остается вѣрнымъ одному,

именно, какъ уже я сказалъ прежде — отрицанію и централизаціоннымъ началамъ.

Стоить только повнимательнѣе перечестъ два приведенныхъ мною мѣста о національности, чтобы въ этомъ окончательно убѣдиться... Основная идея, проникающая эти мѣста, вовсе не національная жизнь, хоть ей и придаются эпитеты «глубокой, могучей, оригинальной» а космополитизмъ. Наша національная жизнь явнымъ образомъ представляется здѣсь какою-то эклектической. Бытіе ея признается только со времени реформы, той реформы, которая устами преобразователя говорила о родномъ языкѣ, что лучше чужой да хорошій, чѣмъ свой да негодный. За русскими, какъ за славянами не признается ровно ничего, и въ кругъ міровой жизни они не вносятъ ничего своего, т. е. славянскаго: значеніе наше только въ многостороннемъ усвоеніи европейской жизни, въ нашихъ отрицательныхъ достоинствахъ, въ нашей способности усваивать чужое и отрицаться отъ своего... Это однимъ словомъ только оборотная сторона медали, только другая сторона того, о чемъ говорилъ Бѣлинскій въ 1836 году.

Логическія послѣдствія такого взгляда были: 1) Уничтоженіе всего непосредственнаго, прирожденнаго въ пользу выработаннаго духомъ, искусственнаго. 2) Уничтоженіе всего мѣстнаго въ пользу общенаціональнаго, и потому же принципу всего общенаціональнаго въ пользу общечеловѣческаго.

Изъ перваго общаго послѣдствія вытекали сами собою съ постепенною послѣдовательностью предпочтенія поэзіи искусственной всякой поэзіи народной, и въ особенности нашей народной поэзіи, и какъ крайняя грань логической мысли, знаменитое положеніе конца сороковыхъ годовъ, что «гвоздь, выкованный рукою человѣка, лучше самаго лучшаго цвѣтка природы». Изъ втораго развивались послѣдовательно централизаціонный взглядъ на нашу исторію, равнодушіе къ нашему славянству, во имя нашего европеизма и даже какое-то презрѣніе къ славянскимъ стремленіямъ, насмѣшливое и враждебное отношеніе ко всякимъ мѣстно-народнымъ, преимущественно малороссійскимъ литературнымъ стремленіямъ, если только они обособлялись...

Съ особенною ясностью развиваетъ Бѣлинскій свой космополитическій взглядъ въ 1841 году, въ статьѣ своей по поводу Кошкина.

Записные наши историческіе критики, — говоритъ онъ въ ней между прочимъ, — заняты вопросомъ, откуда пошла Русь, отъ Балтійскаго или отъ Чернаго моря. Изъ какъ-будто и нужды нѣтъ, что рѣшеніе этого вопроса не дѣлаетъ ни ясныя, ни занимательныя баснословнаго

періода нашей исторіи. *Норманны ли забалтійскіе или татары звантійскіе, все равно; ибо если первые не внесли въ русскую жизнь европейскаго элемента, плодотворнаго зерна всемірно историческаго развитія, не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, ни въ общественномъ устройствѣ, то стоить ли хлопотать о томъ, что норманны, или калмыки пришли княжить надъ словены; если же это были татары, то разве намъ легче будетъ, если мы узнаемъ, что они пришли къ намъ изъ-за Урала, а не изъ-за Дона и вступили въ словенскую землю правокъ, а не львою ногою. Демать голову надъ подобными вопросами, лишенными существенной важности, которая дается факту только мыслью, все равно, что пускаться въ хронологическія изысканія и писать цѣлые томы о томъ, какого цвѣта были доспѣхи Святослава и на которой цѣкѣ была родимка у Игоря...*

Не будь эта выходка внушена фанатизмомъ отрицанія, понятнаго исторически въ ту эпоху и необходимаго логически, она была бы дѣлизмомъ, достойнымъ Сеньковского... Не говорю уже о степени ея научно-исторической правды. Наше время доказало насколько еще важны въ исторіи нашего быта вопросы, которые критикъ считалъ лишонными всякаго интереса, какъ мы постоянно возвращаемся къ этимъ вопросамъ, увлекаемые какой-то роковой необходимостью...

А между тѣмъ, — продолжаетъ Бѣлинскій, — этотъ первый и базилде-ный (!!) періодъ нашей исторіи, поглощаетъ, или по крайней мѣрѣ поглощала всю дѣятельность большей части нашихъ умныхъ исследователей, которые и знать не хотятъ того, что имена Рюриковъ, Ольговъ, Игорей и подобныя имъ герои, наводятъ скуку и грусть на мыслящую (!) часть публики и что русская исторія начинается съ возвышенія Москвы и централизаціи около нея удѣльныхъ княжествъ, т. е. съ Иоанна Калиты и Симеона Гордаго. Все что было до нихъ, должно составить коротенькій рассказъ на нѣсколькихъ страничкахъ, въ родѣ введенія, рассказъ съ выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: лѣтописи говорятъ, но думать должно; вѣроятно; можетъ быть; могло быть и т. д. Подобное введеніе должно быть кратко, ибо что интереснаго въ подробномъ повѣствованіи о колыбельномъ существованіи хотя бы и великаго человѣка?.. И малые и великіе люди въ колыбели равно малы; спятъ, кричатъ, ѣдятъ, пьютъ. Даже и собственно исторія московскаго царства есть только введеніе, разумѣется несравненно важнѣе перваго, — введеніе въ исторію государства русскаго, которое началось съ Петра. (Соч. Бѣл. т. IV. стр. 337.)

Время совершило уже судъ свой надъ этимъ взглядомъ, и съ нимъ какъ съ отжившимъ вполнѣ, бороться нечего. Привода выписки, представляющія заблужденія великаго человѣка, я правую ихъ какъ факты заблужденій цѣлой эпохи — заблужденій, вытека-

шихъ изъ ошибочнаго взгляда, во въ высшей степени послѣдовательныхъ и стало-быть вполне добросовѣстныхъ.

Въ недавнее время въ журналѣ «Свѣточъ» явилась статья о Бѣлинскомъ, имѣющая цѣлью доказать, что Бѣлинскій не былъ въ сущности, въ послѣднюю эпоху его дѣятельности, ни западникомъ, ни славянофиломъ и указывала на *русское* направленіе, на *русскую* самобытность. Статья, очень умная между прочимъ, не уяснила себѣ одного, что нельзя быть русскимъ, не бывши славяниномъ, что русское направленіе разрывая связи съ славянизмомъ, разрываетъ связи съ своею сущностью и переходитъ въ отрицательный космополитизмъ и въ апофеозу централизаціи. Что Бѣлинскій по его пламенной и жизненной натурѣ, смѣло отрекся бы въ пятидесятыхъ годахъ отъ своихъ заблужденій, прамѣ другихъ отнесся бы къ новому направленію и съ такой же чистотою сталъ бы во главѣ его, съ какой стоялъ онъ во главѣ направленія отрицательнаго, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но нѣтъ ни малѣйшаго же сомнѣнія и въ томъ, что во всемъ оставшемся намъ отъ него, онъ является отрицателемъ и централизаторомъ, врагомъ и гонителемъ народности, какъ славянской сущности, преслѣвателемъ всѣхъ мѣстныхъ проявленій народности...

Въ преслѣдованіи своемъ доходилъ онъ до жестокой послѣдовательности, до своего рода терроризма. Вотъ что писалъ онъ наприимѣръ по поводу книжки, изданной однимъ изъ безкорыстныхъ подвижниковъ славянскаго дѣла: «Деяніа ново-болгарскаго образованія».

Цѣль этой книжки, познакомить русскихъ съ возникающимъ просвѣщеніемъ родственнаго намъ болгарскаго племени. Цѣль поясненная и исполненная отчасти вѣдурно. Въ книжкѣ есть интересныя факты. Просвѣщеніе болгаръ пока еще не отличается слишкомъ большимъ свѣтомъ; но другъ человѣчества не можетъ не порадоваться и одному началу благого дѣла. *Въ этомъ случаѣ, вопросъ не о болгарахъ и не о славянахъ, а о людяхъ.* Всѣ люди должны быть братьями людямъ. Изъза большихъ не слѣдуетъ не любить меньшихъ. *Если эти меньшіе уже слишкомъ малы, такъ что едва лепечутъ кое-что, можно ихъ не слушать;* но зачѣмъ же не порадоваться, что они начинаютъ лепетать и тѣмъ даютъ надежду, что *могутъ быть будущи когда-нибудь и говорить.* Вотъ наприимѣръ стихи — дѣло другое; если они плохи, имъ вѣчего радоваться. Если же они внушены какимъ-нибудь благороднымъ чувствомъ, какъ наприимѣръ признательностью, воздадимъ должную похвалу чувству, а стихи все-таки назовемъ дурными. Одно другому не мѣшаетъ. Намъ рѣшительно не нравится: «Рыданіе на смерть Ю. Н. Венемана.» Вотъ для примѣра отрывокъ:

Плачьте, рыдайте
 Все болгарски чада
 Изгубихме вѣчно,
 Юрья Венемена,
 Нашъ премудрый братъ!

Но на вѣчный спомель,
 Въ наши же сердца же,
 Не готово име,
 Ше бы безсмертно
 Ако и умрель...

Впрочемъ и то сказать, можетъ быть эти стихи и горюхи для людей, знакомыхъ съ болгарскимъ языкомъ и болгарскимъ вкусомъ въ поэзіи, не споримъ! Учитесь, учитесь добрые, почтенные болгары! До того же времени постарайтесь внушить своимъ поклонникамъ и вообще всемъ славянофиламъ побольше въжливости и человечности. Кто болѣе интересуется литературою Франціи, Германіи и Англій, нежели болгарскимъ букварями, на тѣхъ они смотрятъ какъ на злодѣевъ и изверговъ, какъ испанцы смотрѣли на лютеранъ, которыхъ въ своемъ невѣжественномъ фанатизмѣ, называли еретиками. Наши испанцы, т. е. наши ревнители, хоть сейчасъ готовы были бы учредить инквизицію для истребленія духа европолюбія и для распространенія духа азіялюбія и обскурантизма, т. е. мраколюбія. Одинъ изъ нихъ (мы забыли его неизвѣстное и темное въ литературѣ имя), недавно написалъ на насъ въ московскомъ журналѣ, и именно по поводу книжки г. Априлова, ужасную филиппику, обвиняя насъ въ равнодушіи къ ученымъ государствамъ, находившимся подъ владычествомъ Турціи и въ любви къ нѣмецкимъ геллертамъ. Прочитавъ это предъявленіе, мы воздали хвалу Богу, что живемъ въ XIX вѣкѣ, а то сгорѣтъ бы намъ на кострѣ. Въ самомъ дѣлѣ, добрые болгары насъ учили въ страшномъ преступленіи. Мы, видите, какъ-то сказали, что турки народъ, образующій собою государство, а болгаре — только племя, не образующее собою никакого политическаго общества, и что въ этомъ-то и заключается причина турецкаго владычества надъ вами, какъ историческаго права, которое есть сила. Досталось же за это и намъ и нѣмецкимъ геллертамъ! Вспомнить страшно! Если у всѣхъ славянскихъ геллертовъ такой крутой нравъ и такая инквизиціонная манера раздѣльваться съ русскими литераторами, которые не хвалятъ ихъ сочиненій, то русскимъ литераторамъ придется также навѣдѣть всякаго съ ними столкновенія, какъ вы избываете его съ турецкими кадилми... Да! просвѣщайтесь, добрые болгары! дай Богъ вамъ успѣховъ! Даже пишите стихи, если не можете безъ нихъ обходиться; только Бога ради, берегитесь защитниковъ, которые роняютъ васъ своимъ заступничествомъ и вредятъ вамъ больше турковъ! (Соч. Бѣл. т. VI. стр. 447.)

Судить собственно самаго Бѣлинскаго за эту выходку нельзя. Злость ея вызвана была безтактностью защитниковъ славянскаго

дѣла, и если я привелъ ее въ настоящемъ случаѣ, то вовсе ужъ конечно не изъ желанія глумиться надъ проиграннымъ дѣломъ отрицанія и централизаціи, а для того, чтобы показать, до какой степени безпощадности можетъ простираться послѣдовательность принципа и фанатизмъ вѣры. Да, повторю еще разъ невольно слова великаго поэта:

Keimt ein Glaube neu
Wird oft Lieb und Treu,
Wie ein böses Unkraut ausgerauft. (*)

Не входя еще въ разборательство частныхъ причинъ, вызвавшихъ со стороны Бѣлинскаго проиически-раздражонную діатрибу, въ оправданіе ея жестокости припомню только читателямъ, что она относится къ 1842 году, къ времени, когда споръ двухъ лагерей совершенно еще не выяснился, когда противники положительно не понимали другъ друга...

«Славянство и народность» значили для Бѣлинскаго новее не то, что значатъ они теперь для насъ. Онъ видѣлъ въ нихъ сторону мрака и застоя, видѣлъ въ нихъ препятствіе ходу гуманной цивилизаціи. Въ общей схемѣ его философско-историческаго міросозерцанія, народы и народности вообще играли переходную роль въ отношеніи къ отвлеченному идеалу человѣчества. Идеаль этотъ имѣлъ для него реальное значеніе... Не доходя еще до положенія о томъ, что гвоздь, выкованный рукою человѣка дороже и лучше самаго роскошнаго цвѣтка природы, онъ уже приближался къ этому положенію, къ которому велъ его гегелизмъ лѣвой стороны, столь же несправедливый въ своихъ рѣзкихъ выводахъ, какъ гегелизмъ правой стороны въ своемъ формализмѣ... Принесеніе народнаго вообще въ жертву общечеловѣческому, и принесеніе всего непосредственнаго въ пользу благопріобрѣтеннаго, созданнаго духомъ, было только прямымъ результатомъ доктрины, совершенно отдѣлявшей духъ отъ природы.

Замѣчательно, что подъ вліяніемъ увлеченія доктриною, Бѣлинскій постепенно все болѣе и болѣе терялъ всякое сочувствіе къ народной, непосредственной, безыскусственной поэзіи, не только къ нашей и славянской въ частности, но ко всякой вообще...

Слава Богу, — говоритъ онъ, разбирая въ 1844 году ново-греческія, народныя стихотворенія, — теперь это бѣснованіе (собирать народныя пѣсни и переводить чужія!!!) уже прошло; *теперь имъ одержимы*

(*) Когда встаетъ новая вѣра, то часто дружба и любовь вырываются съ корнемъ, какъ сорныя травы.

только люди недалеко, которым суждено вечно повторять чужие зады и не замечать смѣны стараго новымъ. Никто не думаетъ теперь отвергать *относительнаго* достоинства народной поэзіи, но никто уже кромѣ людей зановладѣлыхъ, не думаетъ придавать ей *важности*, которой она не имѣетъ. Вѣдкій знаетъ теперь, что въ ней есть своя жизнь, свое одушевленіе, естественное, наивное и простолушное, но что все это и оканчивается, ибо она *бѣдна мыслью, бѣдна содержаніемъ и художественностью*. (Т. IX, стр. 102).

Такой взглядъ на поэзію народную вообще, хотя и въ высшей степени неправильный, но довольно еще спокойный, переходилъ у нашего критика въ совершенно враждебный и фанатически-нетерпимый, какъ только дѣло касалось до нашей или до славянской народной поэзіи.

Вѣдь, — говорить онъ (т. IV, стр. 158), согласились въ томъ, что въ народной рѣчи есть своя свѣжесть, энергія, живописность, и въ народныхъ пѣсняхъ и даже (?) сказкахъ своя жизнь и поэзія, и что не только не должно ихъ презирать, но еще и должно ихъ собирать, какъ живые факты исторіи языка, характера народа. Но вмѣстѣ съ этимъ, теперь никто уже не будетъ преувеличивать дѣла и въ народной поэзіи видѣть что-нибудь *большее, кромѣ младенческаго лепета, являющаго само относительную важность, свое относительное достоинство*. По остальныя поборники блаженной памяти такъ называемаго романтизма, упорно остаются при своемъ. Они такъ скарать застрали въ поднятыхъ ими вопросахъ, и не совладавъ съ ними, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе вязнуть въ нихъ, какъ мухи попавшіяся въ медъ. *Для нихъ не были опяшки: едва ли не важнее любого лирическаго произведенія Пушкина, и сказка о «Емелья дурачкѣ» едва ли не важнее «Камениста гостя» Пушкина.*

IV

Было бы неумѣстно останавливаться на подробномъ анализѣ всѣхъ послѣдствій того принципа отрицанія и централизація, котораго поборникомъ былъ Бѣлинскій, и приводить всѣ его выходы противъ народности вообще, противъ нашей народности, противъ возможности мѣстной малороссійской литературы и поэзіи, противъ значенія востока въ челоуѣчествѣ и т. д. Время совершило свой судъ надъ этой доктриной, опровергло ее фактами (Шевченко), изслѣдованіями ученыхъ (Буслаевъ), общимъ повсемѣстно и постоянно распространяющимся сочувствіемъ къ народности. Заблужденія Бѣлинскаго имѣли въ сущности одинъ характеръ, происходили

изъ одного источника, именно изъ исключительно-историческаго воззрѣнія.

На днѣ этого воззрѣнія лежитъ — въ какія бы формы воззрѣніе ни облекалось — идея отвлеченнаго человѣчества. Безотраднѣйшее изъ созерцаній, въ которомъ идеаль постоянно находится въ будущемъ (im Werden), въ которомъ всякая минута міровой жизни является переходной формою, къ другой столь же переходной формѣ — бездонная пропасть, въ которую стремглавъ летитъ мысль безъ малѣйшей надежды за что либо ухватиться, въ чемъ либо найти точку опоры.

И такъ какъ человѣческой натурѣ, при стремленіи ея къ идеалу, врождено непремѣнное же стремленіе воображать себѣ идеаль въ какихъ либо видимыхъ формахъ, то мысль невольно становится тутъ нелогичною, невольно останавливаетъ безгранично несущееся будущее на какой либо минутѣ и говоритъ «hic locus — hic saltus». Минута эта естественно уже есть послѣдняя, настоящая... Вотъ тутъ то, при такой произвольной остановкѣ, начинается ломка всего прошедшаго по законамъ произвольно взятой минуты; тутъ то и совершается наприимѣръ, то удивительное по своей непослѣдовательности явленіе, что человѣкъ, провозгласившій законъ вѣчнаго развитія, останавливаетъ все развитіе на идеалахъ германскаго племени какъ на крайнемъ предѣлѣ; тутъ то и начинается деспотизмъ теоріи доходящій до того, что все остальное человѣчество, не жившее по теоретическому идеалу, провозглашается чуть-чуть что не въ звѣриномъ состояніи. Душа человѣческая всегда единая, всегда одинаково стремящаяся къ единому идеалу правды, красоты и любви, какъ будто забывается; отвлеченный духъ человѣчества съ постепенно расширяющимся сознаниемъ поглощаетъ ее въ себя. Послѣднее слово этого отвлеченнаго бытія, яснѣйшая форма его сознанія есть готовая къ услугамъ теорія, хотя, по сущности воззрѣнія, если бы только въ человѣческихъ силахъ было быть вѣрнымъ такому воззрѣнію, и это послѣднее воззрѣніе должно поглотиться позднѣйшимъ; какъ еще болѣе яснымъ и т. д. до безконечности.

Ненесчастныя, мучительнѣйшія противорѣчія порождаются такими воззрѣніемъ.

Отправляясь отъ принципа стремленія къ безконечному, оно кончаетъ грубымъ матеріализмомъ; желая объяснить общественный организмъ, скрываетъ отъ себя самаго и отъ другихъ точку его начала — быта человѣчества, пока оно не развитилось на народѣ. И все это, явнымъ образомъ происходитъ отъ того, что вмѣстѣ съ действительной точкой опоры — душой человѣческой, берется точка воображаемая, предполагается чѣмъ то реальнымъ а не номиналь-

нымъ, отвлеченный духъ человѣчества; ему, этому духу отправляются требы идольскія, приносятся жертвы неслыханныя, жертвы незаконныя, ибо онъ есть всегда кумиръ поставленный произвольно, всегда только теорія.

Посмотрите съ какою логическою послѣдовательностью проводить этотъ взглядъ Бѣлинскій въ общихъ основахъ созерцанія исторіи человѣчества, и послѣдовательность общихъ основъ въ приложеніи къ нашему быту, къ нашей народности перестанетъ уже изумлять насъ.

Исторія, — говоритъ онъ, — есть фактическое жизненное развитіе общей (абсолютной) идеи въ формѣ политическихъ обществъ. Сущность исторіи составляетъ одно только разумно-необходимое, которое связано съ прошедшимъ, и въ настоящемъ заключаетъ свое будущее. *Содержаніе исторіи есть общее: судьбы человечества.* Какъ исторія народа не есть исторія миллионныхъ отдѣльныхъ лицъ его составляющихъ, но только исторія нѣкотораго числа лицъ, въ которыхъ выразились духъ и судьба народа, точно такъ же и человѣчество не есть собраніе народовъ всего земного міра, но только нѣсколькихъ народовъ, *выражающихъ собою идею человечества* (т. IV стр. 336).

Перечтите у него тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ объ индѣйской поэзіи (въ разборѣ «Ная и Дамаянти»), о значеніи востока (въ рецензій переводовъ «Тысячи и одной ночи»), и взгляды его на славянскую народную поэзію и нашу русскую будутъ вамъ логически понятны.

Существенный порокъ исключительно историческаго воззрѣнія и такъ называемой исторической критики, которой такимъ высокодаровитымъ и энергическимъ представителемъ былъ у насъ Бѣлинскій, заключается въ томъ, что она не имѣетъ критеріума, вѣчнаго идеала, а съ другой стороны по невозможности, обусловленной человѣческою природою, жить безъ критеріума, безъ идеала, — создаетъ критеріумъ произвольно и этотъ условный, чисто-теоретическій критеріумъ прилагаетъ къ жизни безпоощадно.

Когда идеалъ лежитъ въ душѣ человѣческой, признается за нѣчто вѣчное, неизмѣнное, всегда и во всѣ времена ей одинаково присущее — онъ не требуетъ никакой ломки фактовъ живой жизни; онъ ко всѣмъ равно приложимъ и все равно судить. Но когда идеалъ поставленъ произвольно, теоретически, тогда онъ непременно долженъ гнуть факты подъ свой уровень. Сегодняшнему кумиру приносится въ жертву все вчерашнее, тѣмъ болѣе все третьягоднее — и все предшествовавшее вообще представляется только ступенями къ нему... И такъ какъ кто-то, не помню, весьма спра-

велико замѣтилъ, что для говорящаго «все вздоръ въ сравненіи съ вѣчностью» самая вѣчность есть вздоръ, то очевидно, что на двѣ чисто-историческаго воззрѣнія лежитъ ядиферентизмъ и фатализмъ, въ силу которыхъ ничто въ жизни, ни народы, ни лица не имѣютъ своего замкнутаго, самоотвѣтственнаго бытія и являются только орудіями отвлеченной идеи, проходящими, призрачными явленіями.

Единственный идеалъ, мыслимый для подобнаго воззрѣнія, въ крайнихъ его результатахъ, есть однообразный уровень — централизація, католическая ли, социалистская ли, это въ сущности все равно — но централизація.

Говоря о томъ, что Бѣлинскій былъ энергическимъ представителемъ этого воззрѣнія, я говорю о его доктринахъ, которой онъ постепенно увлекался все болѣе и болѣе, до крайнихъ ея предѣловъ, а не о его личности, какъ художественнаго критика. Высокое художественное чутье, которое вмѣстѣ есть можетъ быть и высшая степень чувства гуманности, выручало его почти всегда и, составляя главную его силу, дѣлало его постоянно вождемъ жизни, а не слушателемъ теоріи...

Вождемъ жизни онъ и былъ съ самаго начала своего поприща.

Въ 1834 году, въ «Телескопѣ», пользовавшемся весьма небольшимъ матеріальнымъ успѣхомъ, но въ замѣнъ того отличавшемся серьезностью взгляда и тона, впервые появилось съ особенною яркостью это великое имя, которому суждено было долго играть путеводную роль въ нашей литературѣ. Въ «Молвѣ» еженедѣльномъ листкѣ, издававшемся при «Телескопѣ» появлялись въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ статьи, подъ названіемъ «Литературныя мечтанія». Эти статьи изумляли невольно (въ то время) своей беспощадной и вмѣстѣ наивной смѣлостью, жаромъ глубокаго и внутри души выросшаго убѣжденія, прямымъ и нецеремоннымъ поставленіемъ вопросовъ, наконецъ той молодой силой великой энергіи, которая дорога даже и тогда, когда впадетъ въ ошибки, дорога потому, что самыя ошибки ея происходятъ отъ серьезнаго и пламеннаго стремленія къ правдѣ и добру. «Мечтанія» такъ и дышали вѣрою въ это стремленіе, и не падали никакого кумиро-поклоненія, во имя идеаловъ разбивали всякіе авторитеты, неподколившіе подъ мѣрку идеаловъ. Всѣ заблужденія, промахи, неистовыя увлеченія Бѣлинскаго исчезали, сгорали въ его огненной рѣчи, въ огненномъ чувствѣ, въ возвышенномъ, яркомъ и истинно поэтическомъ воззрѣніи на жизнь и искусство.

Это была притомъ такая эпоха, въ которую всѣ интересы жизни, т. е. интересы высшіе, сосредоточивались и могли выражаться толь-

ко въ искусствѣ и литературѣ. Литература была тогда *все и одно* въ области духа. Литературныя симпатіи были вмѣстѣ и общественными и нравственными симпатіями, равно какъ и антипатіи. Не только нѣсколькихъ, но даже и *душъ* возрѣній на литературу быть тогда не могло. Новое, выступавшее возрѣніе литературное несло съ собою новую вѣру, поднимало рѣшительную борьбу.

«Литературныя мечтанія», ни болѣе ни менѣе какъ ставили на очную ставку всю русскую литературу со временъ петровской реформы; впервые серьезно и строго допрашивались у нея ея высшаго т. е. общественнаго, нравственнаго и художественнаго значенія — у нея, у этой литературы, въ которой невзыскательные современники и почтительные потомки насчитывали уже десятка съ два геніевъ, въ которой то и дѣло раздавались торжественныя гимны не только Ломоносову и Державину, но даже Хераскову и чуть ли не Николеву, въ которой всякое критическое замѣчаніе на счетъ Карамзина считалось святотатствомъ. Геніальность Пушкина надобно было еще отстаивать, а поэзію первыхъ гоголевскихъ созданій почувствовали еще весьма немногіе, и изъ этихъ немногихъ во первыхъ Пушкинъ, а во вторыхъ — авторъ «Литературныхъ мечтаній».

Между тѣмъ, умственно-общественная ложь была очевидна. Хераскова уже положительно никто не читалъ, Державина читали немногіе, да и то не цѣликомъ, читалась серьезными людьми исторія Карамзина, но уже давно не читались его повѣсти и разсужденія.

Сознавать эту ложь внутри души могли многіе, но сознательно почувствовать ее до того чтобы, сознательно и смѣло высказать всѣмъ, могъ только призванный человекъ и такимъ то именно человекомъ былъ Бѣлинскій.

Дѣло, начатое имъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», было до того смѣло и ново, до того — не смотря на то что было повидимому только литературнымъ дѣломъ, задѣвало существенные вопросы нашей жизни, что черезъ много лѣтъ потомъ, казалось еще болѣе чѣмъ смѣлымъ — дерзкимъ и разрушительнымъ всѣмъ почтительнымъ потомкамъ невзыскательныхъ дѣловъ, что черезъ много лѣтъ потомъ вызывало юридическіе акты въ стихахъ, писанные ясно съ пѣною у рта, въ родѣ слѣдующихъ :

Нѣтъ — твой подвигъ не похваленъ,
 Онъ Россіи не привѣтъ,
 Карамзинъ тобой ужаленъ,
 Ломоносовъ — не поэтъ !

Кто ни честенъ, кто ни славенъ

Ни радѣль странѣ родной,
Домоносозъ и Державинъ
Деракой тронуты рукой.

Ты всю Русь лишилъ дѣяній
До великаго Петра,
*Обнаживъ бытописаній
Чести, славы и добра.*

Но, страннымъ образомъ начало этого дѣла въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» не возбуждало еще ожесточенныхъ криковъ, хоть Бѣлинскій, съ «Литературныхъ же мечтаній» сталъ во главѣ сознательнаго или критическаго движенія.

До этихъ криковъ, уже потомъ додразнилъ онъ своихъ протавниковъ.

Огромный успѣхъ его столько же зависѣлъ отъ этихъ нелѣпныхъ криковъ, какъ отъ силы его таланта и энергіи убѣжденія. Оппозицію Бѣлинскому составляли или беззубые виршеплеты или поборники ирака, тѣ и другіе одинаково вносили въ дѣло юридическій характеръ. До настоящей оппозиціи онъ не дождалъ. Литература была за него, оправдывала его доктрины, потому самому что онъ ее угадывалъ, опредѣляя съ удивительною чуткостью ея стремленія, разъясняя ее, какъ Гоголя и Лермонтова. Говоря о литературѣ нашей, а она долго была, повторю я, единственнымъ средоточіемъ всѣхъ нашихъ высшихъ интересовъ, постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ. Высокій удѣлъ, данный судьбою немногимъ изъ критиковъ! едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не одному Бѣлинскому. И данъ судьбою этотъ удѣлъ совершенно по праву.

Горячаго сочувствія стоилъ при жизни и стоить по смерти тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззавѣтно сочувствовать всему благородному, прекрасному и великому. Безстрашный боецъ за правду, онъ не усумнился ни разу отречься отъ жи, какъ только признавалъ ее и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненіе взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей тотъ, кто не дорожитъ правдой. Кажется, онъ даже созданъ былъ такъ, что натура его не могла устоять противъ правды, какъ бы правда ни противорѣчила его прежнему взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала... Смѣло и честно звалъ онъ первый геніальнымъ то, что онъ таковымъ призналъ и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Такъ же смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто на перекоръ утвердившимся мнѣніямъ все, что казалось ему ложнымъ и напыщеннымъ, заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущ-

ности, въ основахъ не ошибался никогда. У него былъ ключъ къ словамъ его эпохи и въ груди его жила могущественная и волнательная сила. Теоріи увлекали его какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ. Воплнѣ сынъ своего вѣка, онъ не опередилъ, да и не долженъ былъ опережать его. Чѣмъ дольше боролся онъ съ новою правдою жизни или искусства, тѣмъ сильнѣе должны были дѣйствовать на поколѣніе его окружавшее, его обращенія къ новой правдѣ. Если бы Бѣлинскій прожилъ до нашего времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранялъ бы высшее свойство своей натуры: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды искусства и жизни.

Въ наше время онъ не былъ бы ни отрицателемъ и централизаторомъ, хотя подлежить сомнѣнію и то, что онъ былъ бы славянофиломъ. Славянофильство можетъ быть играло бы только роль кратковременнаго момента въ его развитіи — не болѣе.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

Государь Императоръ въ 19-й день февраля сего 1861 года соизволилъ подписать всемилостивѣйшій манифестъ о дарованіи помѣщичьимъ крестьянамъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и изволилъ утвердить всѣ относящіеся до этого предмета положенія и правила, въ коихъ опредѣляются порядокъ постепеннаго пріобрѣтенія сими крестьянами правъ, имъ даруемыхъ, и отношенія ихъ къ помѣщикамъ, какъ владѣльцамъ земель, на коихъ крестьяне водворены.

Его Величеству благоугодно было повелѣть, дабы высочайше утвержденные 19-го февраля манифестъ и положенія были распубликованы, установленнымъ порядкомъ, и сверхъ того доставлены всѣмъ помѣщикамъ и во всѣ сельскія общества крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

По обширности новыхъ положеній и по огромному числу экземпляровъ, требующихся для повсемѣстной ихъ разсылки, печатаніе оныхъ, не взирая на всѣ принятые мѣры, потребуетъ вѣроятно нѣсколько недѣль.

Между тѣмъ Его Императорское Величество, желая, дабы всемилостивѣйшій манифестъ о дарованіи помѣщичьимъ крестьянамъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей сдѣлался столь возможно скорѣе извѣстенъ народу, соизволилъ повелѣть: обнародовать его сначала въ С. Петербургѣ и Москвѣ, въ воскресенье, 5-го марта.

Обнародованіе это происходило вчера. Во всѣхъ церквахъ столицы манифестъ прочитанъ народу послѣ литургіи. По прочтеніи манифеста принесено во всѣхъ церквахъ благодарственное съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе Господу Богу за здравіе и долгоденствіе Государя Императора Александра Николаевича. Экземпляры манифеста были разсланы во всѣ дома. Кромѣ того экземпляры особаго положенія о дворовыхъ людяхъ были чрезъ полицію розданы дворовымъ, дабы они могли ознакомиться со всѣми подробностями

положенія , на основаніи коего они обязаны въ теченіе двухъ лѣтъ оставаться въ полномъ по закону повиновеніи владѣльцу .

Желая также, чтобы манифестъ сдѣлался извѣстнымъ какъ можно скорѣе въ прочихъ губерніяхъ и командировавъ во всѣ губерніи, гдѣ есть помѣщичьи крестьяне, генераловъ свиты Его Императорскаго Величества и флигель-адъютантовъ, для содѣйствія губернскому начальству при введеніи въ дѣйствіе новыхъ положеній, Его Величество соизволилъ повелѣть : отправить съ ними къ начальникамъ губерній экземпляры манифеста для зависящихъ распоряженій къ обнародованію онаго .

За симъ подробныя ; высочайше утвержденныя Его Императорскимъ Величествомъ, 19-го февраля 1861 года, положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, будутъ въ скорѣйшемъ, по возможности, времени доставляемы съ нарочными курьерами ко всѣмъ начальникамъ губерній, для отсылки ихъ во всѣ помѣщичьи имѣнія и во всѣ сельскія общества крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ .

Между тѣмъ по высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію часть сихъ экземпляровъ обращена въ продажу въ С. Петербургъ и Москвѣ . Продажа открывается въ понедѣльникъ, 6-го марта, въ 9 часовъ утра и будетъ производиться во всѣхъ вообще книжныхъ лавкахъ и сверхъ того въ сѣзжихъ домахъ всѣхъ частей столицы . Цѣна полному экземпляру одинъ рубль сереб . Дабы дать возможность ознакомиться съ новыми положеніями и правилами большому числу желающихъ, воспрещено въ первые дни продавать каждому покупщику болѣе одного полного экземпляра . Впослѣдствіи, по отпечатаніи большого числа новыхъ постановленій, будетъ разрѣшена продажа каждому желающему и нѣсколькихъ экземпляровъ .

(Сообщено.)

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ **НАШИМЪ** вѣрноподаннымъ

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію **МЫ** положили въ сердцѣ **СВОЕМЪ** **обѣтъ** обнимать **НАШЕЮ** Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ **НАШИХЪ** вѣрноподанныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу Государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, **МЫ** усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустроая высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности

въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подѣ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроить ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патриархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагоприятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и приснопамятные Предшественники **НАШИ** и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положенія крестьянъ; но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ **ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I-й** издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившій Родитель **НАШЪ НИКОЛАЙ I-й** постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ **МЫ** убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее, есть для **НАСЪ** завѣщаніе Предшественниковъ **НАШИХЪ** и жребій, чрезъ теченіе событій, подавній **НАМЪ** рукою Провидѣнія.

МЫ начали сіе дѣло актомъ **НАШЕГО** довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Пре-

столу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразования, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе НАШЕ оправдалось. Въ Губернскихъ Комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, МЫ рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадьбную ихъ осядлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуется временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осажденность, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ приобретать въ собственность полевая земля и другія угоды, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ приобретениемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освобождаются отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступаютъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положениемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получаютъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, устанавливается порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія, и указываются подробно даруемая крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемая на нихъ обязанности въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстныя, и особая дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды, МЫ предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбежной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ; то въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій дониндѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ до той,

когда, по совершении надлежащихъ приготовлений, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильного достиженія сего, МЫ признали за благо повелѣть :

1) Открыть въ каждой губернии Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мирowychъ Посредниковъ, и образовать изъ нихъ Уѣздныя Мировыя Съезды.

3) За тѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мирскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открытъ въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сія уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ

имѣніяхъ , съ правомъ суда и расправы , впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпринимаемаго преобразованія, МЫ первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія , которому не можемъ не изъявить отъ НАСЪ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію НАШИХЪ предначертаній. Россія не забудетъ , что оно добровольно , побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ , отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно , что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тѣсаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ , въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія , устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію Государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ , и признательности крестьянъ къ благотельной попечительности владѣльцевъ , утверждаютъ НАШУ надежду , что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть затрудненій , неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній , и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе , доброе согласіе и единомушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами , по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность , вмѣстѣ съ усадьбами , и полевыя угодья ,

отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ НАШЕГО народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между неприготовленными къ ней крестьянами: возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободахъ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ* (Рим. XIII. 1), *воздавать всѣмъ должно*, и въ особенности кому должно, *уроки, дань, страхъ, честь* (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что получая для себя болѣе твердое основаніе собственности, и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрутся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною въ страхъ Божіемъ жизнію.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству

крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребить бдительное попеченіе , чтобы сіе совершалось правильнымъ , спокойнымъ движеніемъ , съ наблюденіемъ удобства временъ , дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея , чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность.

Осени себя крестнымъ знаменіемъ , православный народъ , и призови съ НАМИ Божіе благословеніе на твой свободный трудъ , залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ , въ девятнадцатый день Февраля въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же НАШЕГО въ седьмое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано :

«АЛЕКСАНДРЪ.»

ВНУТРЕННІЯ НОВОСТИ

Великое событіе. — Нѣсколько статистическихъ цифръ. — Статистическіе комитеты. — Развитие свободнаго труда въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ. — Отмѣна откупной системы и отголоски трезвости. — Отмѣна постановленія о штрафованныхъ. — Общественныя пожарныя команды. — Рѣчь къ самарскому купечеству. — Мысль купца Коробанова. — Новыя воскресныя школы. — Комитетъ грамотности. — Предложеніе министра народнаго просвѣщенія. — Университетскіе обѣды. — Мысли о новыхъ университетахъ. — Слушательницы университетскихъ лекцій и франты не на своемъ мѣстѣ. — Нѣсколько вѣстей изъ провинцій: биржевыя собранія въ Саратовѣ; «Волжскій Вѣстникъ»; Ярославль, Ростовъ на Дону, Псковъ, Вильно, Варшава. — Виды гласности. — Циркуляръ къ исправникамъ. — Вѣсти съ Урала: *возможно и случаются*; монополія. — Откровеніе изъ Мусскаго округа. — Господинъ Коляминъ. — Нерѣшонныя дѣла о студентѣ Страховѣ и крестьянинѣ Хитринѣ. — Жертва неосторожной гласности. — Кончина Шевченка.

Въ теченіи первыхъ двухъ третей прошедшаго мѣсяца, общее вниманіе почти исключительно поглощено было носившимися слухами о близкомъ окончаніи крестьянскаго дѣла. Извѣстно, что подобныя слухи, пока они не подтверждены никакими официальными данными, напрягаютъ общественное вниманіе, по свойственному людямъ любопытству, особенно если предметъ слуховъ полонъ такого высокаго интереса, какъ сказанное дѣло. Наконецъ 17 и 18 февраля это напряженное вниманіе разрѣшилось въ самое свѣтлое, торжественное чувство. Послѣ явившагося 17-го числа объявленія С. петербургскаго военнаго генераль-губернатора, что въ 19-й день февраля (на которомъ сосредоточивались слухи) ни какихъ распоряженій по крестьянскому дѣлу не будетъ, — на другой день «Сѣверная Пчела» сообщила слѣдующую вѣсть: «мы узнали изъ достовѣрнаго источника, что это многознаменательное для всей Россіи дѣло приводится къ окончанію. На это важное народное дѣло потребовались продолжительныя ежедневныя обсужденія въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ. Обсужденія эти приближаются къ концу, и можно надѣяться, что въ сельмой годъ царствованія Александра II, въ предстоящіе дни молитвы и поста, совершится давно ожидаемое народное событіе».

И въ самомъ дѣлѣ, пятого марта явился Высочайшій манифестъ, которымъ для Россіи открывається новый путь усовершенствованія и преусиженія. Крѣпостное право болѣе не существуетъ.

И такъ совершилось наконецъ великое дѣяніе, славный подвигъ настоящаго царствованія. Россія начинаетъ новый періодъ своей исторіи. Вѣчная, неувядаемая слава Государю-Избавителю своего народа; этимъ царственнымъ подвигомъ Государь счастливить не одни только двадцать-три милліона крѣпостныхъ, но и всѣ милліоны, населяющіе его громадное царство. Если малая, едва замѣтная частица этихъ милліоновъ принимаетъ это счастье безсознательно, то не пройдетъ и десятка лѣтъ какъ и эта частица увѣруетъ въ него, наравнѣ съ людьми науки и прогресса. Поручкой за это исторія и ея непреложные опыты. Если есть награда на землѣ для вѣнценосцевъ, то это благодарная память осчастливленнаго народа. Александръ II будетъ вѣчно жить въ народной памяти, въ этомъ нерукотворномъ монументѣ, который тверже и прочнѣе всякихъ гранитовъ, мраморовъ и бронзы.

По поводу этого великаго событія считаемъ весьма не лишнимъ привести нѣсколько статистическихъ цифръ изъ недавно вышедшей книги подъ заглавіемъ: «Крѣпостное населеніе Россіи по 10-й народной переписи», книги, составленной завѣдующимъ статистическимъ отдѣломъ центральнаго статистическаго комитета, А. Г. Тройницкимъ. Цифра — вещь сухая, но за то точная и положительная, а иногда даже сильная и обаятельная. Простыя слова: *двадцать три милліона* сами по себѣ не лишены вліяющей силы, способной привлечь вниманіе каждаго. Поэтому мы не боимся на этотъ разъ испугать читателей цифирной сухостью, тѣмъ болѣе, что приводимое нами извлеченіе будетъ очень недлинно.

По послѣднему народосчисленію (1858—1859) всѣхъ крѣпостныхъ людей въ Россіи было 23.069.631; въ томъ числѣ 11.244.913 мужчинъ и 11.824.718 женщинъ.

По мѣстностямъ эти люди распредѣляются такъ:

Въ европейской Россіи	22.558.748
Въ Сибири	4.338
Въ Закавказскомъ Краѣ	506.545.

По разрядамъ:

Крестьянъ помѣщичьихъ	22.284.876
Крестьянъ разныхъ вѣдомствъ	242.156
Крестьянъ заводскихъ и фабричныхъ	542.599.

Изъ числа помѣщичьихъ крестьянъ, находящихся въ европей-

ской Россіи и Сибиря, состоятъ на условномъ правѣ 354.321, на обещемъ крѣпостномъ правѣ 21.625.609.

Въ этомъ послѣднемъ числѣ: поселенныхъ крестьянъ 20.158.231 и дворовыхъ людей 1.467.378.

Укажемъ еще на число дворянъ, владѣющихъ крѣпостными людьми. Во всей Россіи безпомѣстныхъ дворянъ 4.118 (у нихъ дворовыхъ людей 18.033); дворянъ — помѣщиковъ 112.560.

Въ книгѣ г. Тройницкаго все народонаселеніе російской имперіи показано въ 67.081.167; стало быть ожидаемое событіе непосредственно касается болѣе нежели цѣлой трети этого народонаселенія. Какъ-же не считать его событіемъ великимъ?

Статистическія свѣденія вообще у насъ еще очень дороги, и полное развитіе ихъ принадлежитъ будущему. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на новую правительственную мѣру, общающую ускорить это развитіе. Въ концѣ декабря прошлаго года утверждень проэктъ положенія о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ, и министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено приступить вынѣ-же къ преобразованію комитетовъ по этому проэктъ. При этомъ имѣлось въ виду, что одною изъ причинъ неуспѣшности дѣйствій существующихъ статистическихъ комитетовъ былъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, и потому по новому положенію они въ извѣстной мѣрѣ снабжаются этими средствами. Вотъ въкоторыя, наиболѣе существенныя черты положенія:

Статистическимъ комитетамъ (которые состоятъ, подъ предѣлательствомъ начальника губерніи, изъ его помощника и членовъ: непремѣнныхъ, дѣйствительныхъ и почетныхъ), кромѣ установленія правильнѣйшихъ способовъ собиранія точныхъ статистическихъ свѣденій о количествѣ и качествѣ земель, народонаселеніи, производительныхъ силахъ губерніи или области, поставляется еще въ обязанность заботиться о составленіи по мѣрѣ возможности, — вызывая къ тому содѣйствіе какъ своихъ членовъ, такъ и постороннихъ лицъ, — подробныхъ описаній губерній или областей, городовъ и особенно замѣчательныхъ почему-либо мѣстностей, въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ, сельско-хозяйственномъ и пр., и объ изданіи своихъ трудовъ въ свѣтъ.

Начальнику губерніи (въ качествѣ предѣлателя комитета) предоставляется право, по опредѣленіямъ комитета, командировать дѣйствительныхъ членовъ, секретаря и другихъ благонадежныхъ лицъ въ разныя части губерніи или области для мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій, для повѣрки и пополненія на мѣстахъ, непосредственными личными изысканіями, первоначальныхъ свѣ-

дений, собираемыхъ официальнымъ путемъ, или для направленія и установленія способовъ собиранія этихъ свѣденій и указанія соотвѣтственныхъ статистическихъ приемовъ.

Кромѣ того, по мѣрѣ открывающихся средствъ, комитеты могутъ снаряжать особыя статистическія экспедиціи изъ нѣсколькихъ лицъ, для мѣстныхъ изслѣдованій. Экспедиціи эти могутъ быть назначаемы и въ нѣсколькихъ губерніяхъ вмѣстѣ, по совокупности предметовъ изысканія.

На содержаніе каждаго комитета назначается штатная сумма отъ 1500 до 2000 руб. (изъ которыхъ полагается жалованья секретарю комитета 750 р.). По сверхъ этой суммы, въ распоряженіе комитетовъ обращаются тѣ денежные пособія, которыя могутъ образоваться отъ пожертвованій почетныхъ членовъ или постороннихъ лицъ, а также отъ продажи изданій комитета. Распоряженіе этими сверхштатными суммами предоставляется самимъ комитетамъ по ихъ усмотрѣнію, безъ всякаго ограниченія.

Можно положительно надѣяться, что когда будетъ введено и исполнѣе разовьется дѣйствіе новаго положенія, тогда не будутъ, при собраніи статистическихъ данныхъ, встрѣчаться такіе вызывающіе невольную улыбку факты, какой недавно появился во всеобщее извѣстіе въ «Бессарабскихъ областныхъ вѣдомостяхъ». Тамъ разсказывается, что одна полиція въ таблицѣ о числѣ гимназій, училищъ и пансіоновъ, показала: «приходское училище—1, пансіоновъ—78»; о такомъ неправдоподобномъ явленіи обратились съ вопросомъ къ городничему, онъ пояснилъ, что пансіоны означаютъ «количество офицеровъ и нижнихъ чиновъ, получающихъ оныя».

Въ основаніи разрѣшающагося теперь дѣла, съ котораго начали мы нашу статью, лежитъ великая идея развитія свободнаго труда; эта идея начинается осуществляться у насъ, въ параллель съ ходомъ крестьянскаго дѣла, и внѣ его предѣловъ. Въ военномъ министерствѣ давно уже возникло предположеніе, въ видахъ облегченія податныхъ сословій отъ рекрутской повинности, замѣнять служащихъ нижнихъ чиновъ въ разныхъ нестроевыхъ командахъ, людьми вольнонаемными. Не смотря на разныя затрудненія, встрѣченныя какъ было слышно, нѣкоторыми вѣдомствами къ исполненію этого благого предположенія, въ послѣднее время, вѣроятно по устраненіи этихъ затрудненій, оно наконецъ осуществляется. Между прочимъ, въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» 27 января нынѣшняго года обнаружено Высочайшее повелѣніе не комплектовать на будущее время служащими нижними чинами, а пополнять, по мѣрѣ открывающихся вакансій, наемными служителями, какъ нѣкоторыя нестроевыя команды военнаго вѣдомства, такъ и вѣдомствъ гражданскихъ: Соб-

ственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій, министерствъ: Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ.

Подобное же постановленіе недавно состоялось по Морскому Министерству о постепенной втеченіи пяти лѣтъ замѣнѣ нижнихъ чиновъ, находящихся въ качествѣ прислуги при морскихъ учебныхъ заведеніяхъ, людьми вольнонаемными. Кромѣ этого, въ Морскомъ Министерствѣ существуетъ другое обширнѣйшее предположеніе объ упраздненіи всѣхъ рабочихъ экипажей и о замѣнѣ казеннаго труда въ адмиралтействахъ — трудомъ вольнымъ. «Морской Сборникъ» сообщаетъ, что проектъ положенія о будущихъ постоянныхъ наемныхъ мастеровыхъ морского вѣдомства, которые должны постепенно замѣнить нижнихъ чиновъ рабочихъ экипажей, уже составленъ и теперь повѣряется свѣденіями, заключающимися въ доведеніи особой комисіи изъ специалистовъ, которая была въ 1858 году назначена въ Англіи для изслѣдованія хозяйства въ адмиралтействахъ и на заводахъ. Между-тѣмъ, для достиженія предположенной цѣли, признано полезнымъ допустить пріемъ учениковъ въ адмиралтейскія и заводскія мастерскія. Отъ Кораблестроительнаго департамента уже объявлено, что въ адмиралтейскія мастерскія вертовы: с. петербургскаго, кронштадскаго, архангельскаго, астраханскаго и николаевскаго, а также въ мастерскія адмиралтейскихъ морскихъ заводовъ, принимаются ученики всякаго званія мужскаго пола, имѣющіе отъ роду четырнадцать и болѣе лѣтъ. При этомъ положены условія и нѣкоторыя права учениковъ, какъ наприм: ученикамъ будетъ производиться поденная заработная плата — въ первые два года ученія по двадцати коп., въ слѣдующіе два года по тридцати, а въ послѣдній пятый годъ по пятидесяти коп. за каждый рабочій день; имъ представляется право посѣщать воскресныя школы, которыя предполагается открыть для дѣтей адмиралтейскихъ и заводскихъ мастеровыхъ морского вѣдомства и въ которыхъ будутъ учить закону Божію, чтенію, письму, ариметикѣ, черченію и рисованію; по достиженіи девятнадцати лѣтъ, способный ученикъ удостоивается званія адмиралтейскаго и заводскаго мастероваго, званія, которое однако не даетъ никакихъ другихъ правъ, кромѣ права быть принятымъ въ мастеровые въ адмиралтейства и на заводы морского вѣдомства, предпочтительно предъ тѣми, кто этого званія не имѣетъ.

Такимъ образомъ изъ этихъ учениковъ постепенно образуются свѣдущіе, искусные мастеровые, которые, при условіяхъ свободнаго труда, въ несравненно меньшемъ числѣ совершенно замѣнятъ вышшихъ казенныхъ мастеровыхъ.

Преимущества свободного труда надъ несвободнымъ уже давно не подлежатъ никакому спору; они огромны не въ одномъ экономическомъ смыслѣ: за развитіемъ свободного труда неизбежно слѣдуетъ развитіе чувства человѣческаго достоинства, которое необходимо предполагаетъ и возвышеніе уровня народной нравственности. На вожделенное возвышеніе этого уровня у насъ много надеждъ, много задатковъ. Кромѣ начала свободного труда, кромѣ ежедневно распространяющихся средствъ къ образованію, мы имѣемъ еще въ виду близкое уничтоженіе доживающей свои послѣдніе годы откупной системы. Читатели наши безъ сомнѣнія уже знаютъ изъ газетъ, что срокъ бытія этой системы опредѣленъ 1 января 1863 года: съ того дня вводится другая система, акцизная, для которой уже высочайше утверждены главныя основанія, а теперь для составленія, на этихъ основаніяхъ, проекта положенія и для обработки всѣхъ относящихся до него предположеній образована при министерствѣ Финансовъ особая коммисія. Мы не будемъ входить въ подробности этого дѣла; для насъ довольно того, что за полный успѣхъ его ручаются во первыхъ обширный составъ коммисіи, въ которомъ блеститъ много извѣстныхъ именъ ученыхъ и специалистовъ по разнымъ относящимся къ дѣлу предметамъ; а во вторыхъ то, что распределеніе и ходъ занятій коммисіи публикуется во всеобщее свѣденіе.

Откупщики, отживая свой вѣкъ и предчувствуя близость конца, до того дали волю своимъ корыстнымъ стремленіямъ, что вызвали, какъ извѣстно, со стороны народа обѣты трезвости, быстро распространившіеся по разнымъ мѣстамъ Россіи. Явленіе было неожиданно и сильно; въ немъ было нѣчто величественное, какъ торжество побѣды. Въ послѣднее время говоръ объ этомъ чудномъ явленіи какъ будто смолкъ и теперь только взрѣдка долетаютъ то изъ того, то изъ другого края отрывочные слухи, свидѣтельствующіе о томъ, что сила вспыхнувшего стремленія не вездѣ ослабѣла. Такъ недавно прочли мы въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» слѣдующія, наводящія на размышленіе слова:

«Трезвость, почти погибшая въ празднои борьбѣ между личной страстью и принужденіемъ, опять начинаетъ оживать въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Мняской. Благодаря стараніямъ приходскихъ священниковъ, трезвость начинаетъ мало-по-малу возражаться даже въ городахъ, какъ это замѣтно даже въ самой Вильнѣ. Въ Лидскомъ уѣздѣ, въ которомъ трезвость укоренилась сильнѣе чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Литвы, помѣщики, желая служить примѣромъ своимъ крестьянамъ, почти единодушно согласились измѣнить вѣками установленному обычаю — употребленію

виноградныхъ винъ и пр. «Гостя слѣдуетъ угощать сердечнымъ, искреннимъ приемомъ, а не упивать виномъ.» — Вотъ девизъ импровизированнаго братства трезвости.»

Тамъ же почти вслѣдъ за этими словами, приведено нѣсколько интересныхъ строкъ изъ *украинскихъ эскизовъ* г. Подолицы, помѣщенныхъ въ «Газетѣ Варшавской». Эти строки, характеризующія своеобразный типъ украинскаго чумака, близко относятся къ предмету, о которомъ мы заговорили, и потому не можемъ не привести ихъ:

«Частные владѣльцы пастбищъ и колодезь (вырытыхъ въ степи, на путѣ слѣдованія чумацкихъ обозовъ), ввели въ обычай слѣдующее возмутительное злоупотребленіе: за пастбище и водою берутъ они по грошу, либо по два, и на каждую пару воловъ вынуждаютъ чумакамъ въ непремѣнное условіе брать по осьмухъ водки изъ мѣстнаго кабака. «Взять осьмуху водки, говорятъ чумаки, извѣстно не бѣда: осьмуха всего на-все стоитъ четыре гроша; но у кого четыре пары воловъ, тому придется взять четыре осьмухи. Одному не выпить; ну, извѣстно угостить пріятелей, — и то бы не бѣда; но вотъ бѣда—то, какъхватишь лишнее да загуляешь, ну и плохо: иной разъ все какъ есть пропьешь и воловъ, и возы, и одежду, и чужой товаръ. Не одинъ изъ насъ, по этому самому, возвращается домой съ однимъ батогомъ.»

Извѣстно всѣмъ русскимъ людямъ, на сколько этотъ курьезный обычай обязательной осьмухи родственъ, по духу и образу дѣйствій отходящей откупной системѣ!

Кто негодуетъ на подобныя растлѣвающія начала, и наоборотъ сочувствуетъ всему, хотя сколько-нибудь способствующему возвышенію общественной нравственности и пробужденію чувства чловѣческаго достоинства, тотъ не можетъ не остановиться съ любовью на слѣдующей законодательной новости. По военному министерству послѣдовало высочайшее повелѣніе: «отмѣнить постановленія, изложенныя въ §§ 15, 16 и 19-мъ правилъ 16 января 1843 г. и въ §§ 10 и 11-мъ дополненія къ онымъ 6 апрѣля 1844 г., о нашиваніи тонкихъ сѣрыхъ и черныхъ смурковъ поперегъ погоновъ у штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и объ отдѣленіи сихъ послѣднихъ отъ безпорочно служащихъ за обѣденнымъ и вечернимъ столами.»

Обратимся еще къ одному правительственному распоряженію, обещающему благія послѣдствія. Оно принадлежитъ къ числу тѣхъ распоряженій, которыя способствуютъ къ пробужденію общественной дѣятельности, гонять понемногу отъ общества его апатическій сонъ, предоставляя ему самому бодро и зорко блюсти свои мѣстные, насущные интересы, и затѣмъ снимаютъ съ пра-

вительства лишнее бремя мелкихъ заботъ объ этихъ мѣстныхъ общественныхъ нуждахъ. Объ этомъ распоряженіи начнемъ отчасти исторически. Тверской губерніи въ городѣ Осташковѣ, назадъ тому десять лѣтъ, городское общество устроило пожарную команду совершенно по своему. По его порученію было приобрѣтено нѣсколько заливныхъ трубъ въ Петербургѣ изъ пожарнаго депо, а другіе снаряды и принадлежности заготовлены городскою думою на мѣстѣ. Для дѣйствованія всѣми этими снарядами назначены были отъ общества сто человѣкъ молодыхъ и способныхъ гражданъ, подъ руководствомъ двухъ опытныхъ брандмейстеровъ, также изъ гражданъ (прикомандировало было высшее начальство туда человѣкъ десять пожарныхъ изъ военныхъ чиновъ; но большая часть ихъ, по старости и неспособности, только мѣшала, говорить, на пожарахъ, а потому впоследствии исходатайствовано разрѣшеніе удалить ихъ изъ Осташкова). Сто гражданъ служатъ безъ срока и безвозмездно; живутъ на своихъ квартирахъ и занимаются каждый своимъ дѣломъ, а на пожары являются исправно и скоро; вообще служатъ такъ добросовѣстно и усердно, что ни разу до сихъ поръ не доводилось налагать на нихъ штрафы. Постановлено, что за второй или третій разъ мелявки на пожаръ, провинившійся исключается изъ пожарныхъ, и это считается большимъ стыдомъ. Въ награжденіе пожарныхъ, разъ въ годъ городской голова угощаетъ ихъ обѣдомъ и чаемъ, а вечеромъ въ честь ихъ и ихъ семействъ дается въ общественномъ театрѣ бесплатный спектакль. Лошади на пожары доставляются обывателями (у кого онѣ есть). — Словомъ, вся пожарная команда находится въ вѣдѣніи и распоряженіи общества, а полиція на пожарахъ только смотритъ за виѣшнимъ порядкомъ, за цѣлостью лицъ и имущества. Главными распорядителями на пожарахъ являются голова и члены думы.

Осташковская пожарная команда оказалась образцовою, и вотъ въ прошедшемъ году, по поводу возбужденнаго вопроса о неудовлетворительномъ состояніи пожарной части въ другихъ городахъ и недостаточности для этого городскихъ средствъ, послѣдовалъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній, въ которомъ министръ признаетъ полезнымъ предложить городскимъ обществамъ принять на себя какъ образованіе изъ среды своей общественной пожарной команды, такъ и поставку для пожарнаго обоза обывательскихъ лошадей. При чемъ приводится въ примѣръ городъ Осташковъ.

Теперь узнаемъ изъ официальныхъ свѣденій, что по поводу ходатайства Зубцовскаго городского общества (той же Тверской губерніи) объ учрежденіи тамъ пожарной команды по примѣру осташ-

ковской, высочайше утверждено 28 декабря положеніе комитета министровъ о томъ, чтобы дать тверскому губернскому начальству разрѣшеніе какъ на дальнѣйшее оставленіе оставшковской пожарной команды въ настоящемъ ея видѣ, такъ и на образованіе таковой въ Зубцовѣ, съ тѣмъ, чтобы распоряженія по завѣдыванію пожарнымъ обозомъ и командою, какъ составленною изъ лицъ, избранныхъ самимъ обществомъ изъ среды своей, были сосредоточены въ городской думѣ, а равно впредь до общихъ преобразованій по устройству пожарной части въ городахъ, разрѣшать на томъ же основаніи и могущіе поступить подобныя ходатайства другихъ городскихъ обществъ. вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, чтобы при введеніи этой мѣры мѣстнымъ обществамъ было поставляемо въ непремѣнную обязанность имѣть при общественныхъ пожарныхъ командахъ опытныхъ и вполнѣ благонадежныхъ брандмейстеровъ.

Хорошо, если бы городскія общества и другихъ губерній, въ своей дѣятельности, въ заботливости о самихъ себѣ, слѣдовали примѣру оставшковскаго общества, даже не ограничивая этой дѣятельности одними пожарными командами... Высказавъ такое желаніе, мы можемъ сослаться, въ подтвержденіе его, на прекрасную, по ея простотѣ и ясности мысли, рѣчь управляющаго Самарскою губерніею г. Арцимовича, произнесенную имъ на выборахъ городского сословія въ Самарѣ, происходившихъ въ январѣ нынѣшняго года. Вотъ что говорилъ онъ собравшимся гражданамъ: «Старайтесь сами больше обращать вниманіе на свои городскія дѣла; въдѣ теперь повалится ли заборъ, проломится ли доска на тротуарѣ, кража ли ночная, буйство ли случается — все на полицію, все требуютъ отъ полиціи, обвиняютъ ее въ недѣятельности. А знаете ли вы, сколько всего въ Самарѣ полицейскихъ служителей? По штату ихъ положено *шестьдесятъ* человекъ, а на лицо никогда не бываетъ больше *сорока*. Такъ могутъ ли эти сорокъ человекъ успѣвать вездѣ, смотрѣть за всѣмъ, возможенъ ли тутъ ночной караулъ, необходимый для вашей же безопасности? Это рѣшительно невозможно. Очевидно: необходимо, чтобы вы сами, граждане, болѣе заботились обо всемъ этомъ, безъ цостолннаго призыва и мелочнаго вмѣшательства полиціи въ дѣла ваши.» За тѣмъ онъ предлагаетъ слѣдующую мѣру: «Въ каждомъ кварталѣ ванимайте ночныхъ караульщиковъ; затѣмъ выберите кого нибудь побогаче, позначительнѣе, чтобы онъ смотрѣлъ за всѣмъ порядкомъ въ кварталѣ, за караулами, такъ чтобы онъ былъ посредникомъ между вами и полиціей, чтобы и она знала, къ кому обратиться въ кварталѣ въ случаѣ надобности. Пусть эта должность будетъ совсѣмъ неофициальная: не нужно ни жалованья, ни мундира, пусть онъ ѣздитъ въ от-

пуски, когда и куда хочетъ. *Вообще привыкайте устраивать собственныя свои дѣла сами.»*

Представляется вопросъ: городу Осташкову, который первый началъ «самъ устраивать свои собственныя дѣла», не суждено ли пойти впереди другихъ городовъ и не въ одномъ дѣлѣ устройства пожарныхъ командъ? Этотъ вопросъ представился намъ по поводу недавно напечатанной статьи изъ Осташкова, подписанной купцомъ Коробановымъ. Статья носитъ заглавіе: *Городскіе обыватели*. Въ этой статьѣ г. Коробановъ, раздѣливъ городскихъ обывателей на двѣ части — на изъятыхъ отъ рекрутской повинности и на несущихъ ее, останавливается преимущественно на этой послѣдней части, на этой меньшей братіи, составляющей конечно большинство. Онъ характеризуетъ положеніе этого большинства, особенно въ отношеніи отправленія имъ рекрутской повинности; излагаетъ несовершенство и неудобства двухъ существующихъ системъ отправленія этой повинности — жеребьевой и очереди и затѣмъ предлагаетъ свой способъ отстранить по возможности эти неудобства, облегчить сколько-нибудь обществу отбываніе рекрутской повинности. Онъ полагаетъ устроить ее такъ, чтобы она имѣла видъ больше денежной, нежели натуральной повинности; для этого положить сборъ, составить капиталъ, образовать изъ него, при городской думѣ, особый рекрутскій банкъ, средствами котораго покрывать расходы по сдачѣ рекрутъ, назначая лицамъ, идущимъ за общество въ рекруты, родъ вознагражденія въ размѣрѣ отъ 100 до 300 р. и болѣе. Затѣмъ самое поступленіе въ рекруты предоставить: или добровольно желающимъ, всѣмъ и каждому изъ городскихъ обывателей, или, въ случаѣ недостатка желающихъ, лицамъ по выбору общества, на особомъ, подробно-изложенномъ въ статьѣ основаніи. О добровольно-желающихъ г. Коробановъ говоритъ: «Здѣсь вмѣсто наемщика является представитель своей родины, своего общества, добровольно-посвящающій себя, за честь этого общества, на общее дѣло служенія отечеству; за что и предназначается ему награда, не въ видѣ условной цѣны за нанимательство, а какъ заслуженная дань общественной признательности.»

Порядокъ выбора въ рекруты, въ случаѣ немѣня желавшихъ, довольно сложенъ (какъ замѣчаетъ и самъ г. Коробановъ), и можетъ подлежать спору (какъ уже и вызвалъ онъ одно замѣчаніе со стороны редакціи, помѣстившей статью, вызвавшее въ свою очередь поясненіе со стороны г. Коробанова). — Но авторъ, приступая къ изложенію своей мысли, сдѣлалъ оговорку, что мнѣніе свое онъ вовсе не считаетъ непогрѣзительнымъ, и что цѣль его — «заявить

свою послынную мысль, предоставить ее на общее обсужденіе и разработку.»

Людамъ практическимъ, людамъ хорошо изучившимъ механизмъ городской общественной администраціи, предстоитъ обсудить и разработать эту мысль. Мы разбирать и судить ее здѣсь не будемъ, потому что не таковъ планъ нашей статьи: наша цѣль — указать на фактъ, указать на то, что изъ среды нашего купеческаго сословія выходитъ г. Коробановъ, предающій на общее обсужденіе свою мысль, выведенную изъ наблюденія его среды, клонящуюся ко благу его меньшей братіи, основанную по его словамъ, «на убѣжденіяхъ, вынесенныхъ изъ тридцатилѣтняго служебнаго опыта по разнымъ частямъ городской административной и торговой дѣятельности.» Примется ли мысль г. Коробанова, окажется ли она удобопримѣнимою — не знаемъ; но знаемъ то, что всего легче принимаются и даютъ добрый плодъ мысли, выработанныя въ той самой средѣ, къ которой имъ надлежитъ быть примѣненными.

Перейдя такимъ образомъ къ нашей общественной дѣятельности, мы намѣрены, не измѣняя предыдущимъ статьямъ, прослѣдить по слѣдвіе факты по дѣлу распространенія грамотности. Воскресныя и другія школы все продолжаютъ умножаться; по послѣднимъ извѣстіямъ вновь открыты школы въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Петербургѣ *четыре* — въ артиллерійской академіи, въ казармахъ л. гв. сапернаго батальона, при первой гимназіи (женская) и въ литейной части (ежедневная); въ Петрозаводскѣ, въ Новгородѣ, въ Старой-Русѣ (ремесленная), въ Ярославѣ, Ярославской губ.: въ гг. Угличѣ (женская) и Ростовѣ и Мышкинскаго уѣзда въ с. Архангельскомъ (бесплатное приходское); въ Самарѣ (женская), въ Бирскѣ (Оренбургской губ.), въ Новомиргородѣ (Херсонской губ.), на Кавказѣ: въ Нальчикѣ (Терской обл.) и въ укр. Хасафъ-юртѣ. Всего стало быть *шестнадцать*; да кромѣ того въ Бѣлгородѣ (Курск. губ.) открыта женская гимназія.

Любопытны бываютъ обстоятельства, сопровождающія открытіе нѣкоторыхъ школъ. Такъ напр. въ Бирскѣ инициатива учрежденія школы принадлежала преподавателямъ уѣзднаго училища, при содѣйствіи священника Касимовскаго. Они, какъ видно изъ одной корреспонденціи, давно уже положили себѣ, во чтобы ни стало, завести воскресную школу; но для города въ ней не было потребности, потому что мастеровыхъ тамъ мало и тѣ почти не держатъ работниковъ, а прочіе жители отдають дѣтей въ приходское и уѣздное училища. Поэтому обратили вниманіе на сельское народонаселеніе; объѣзжали окрестныя деревни и разглашали о даровой школѣ по воскресеньямъ, имѣя въ виду, что въ воскресенье крестьяне съѣз-

жакотся въ городъ на базаръ и будутъ привозить съ собою дѣтей. Но дѣло не уладось: время было лѣтнее, страдное, — крестьяне мало ѣздили на базаръ. Послѣ еще нѣсколькихъ попытокъ увидѣли, что нужно отложить дѣло до зимы; а между-тѣмъ училищное начальство вздумало осуществить другую мысль: открыть при училищѣ ежедневные вечерніе классы для дѣвочекъ. По первому призыву явилось 12 дѣвочекъ, а потомъ число ихъ дошло до 32; ихъ учать закону Божію, чтенію, письму, арифметикѣ, рисованію; во воскресной школы все-таки вѣтъ. Съ наступленіемъ выѣшней зимы, неутомимые начинатели снова принялись хлопотать. Теперь они уже видѣли, что въ самомъ городѣ открыть школу имъ не удастся; а потому придумали сдѣлать это въ деревнѣ Пономаревкѣ, лежащей въ трехъ верстахъ отъ Бирска. 17 декабря тамъ была мирская сходка; воспользовавшись этимъ, священникъ и нѣкоторые преподаватели явились на сходку съ предложеніемъ; крестьяне изъявили полное согласіе, и — на другой же день была отслужена молебенъ и приступлено къ обученію. На первый разъ набралось 20 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ.

Мы рассказали ходъ этого дѣла потому, что такіа безкорыстныя энергическія усилія начинателей достойны всякаго вниманія... Намъ хочется еще привести нѣсколько словъ, которыми въ Старой-Русѣ законоучитель Василій Сахаровъ началъ свой первый урокъ въ воскресной школѣ. Слова эти могутъ служить образцомъ языка, которымъ надо говорить съ дѣтьми. «Обязанность учиться (такъ началъ священникъ) возложилъ на насъ самъ Иисусъ Христосъ. Онъ назвалъ всѣхъ послѣдователей своихъ учениками. А обязанность ученика — учиться. Вотъ одинъ изъ васъ, дѣти, ученикъ — сапожника ремесла, другой — портнаго, третій — столярнаго. Каждый — и учитесь своему ремеслу. Теперь обязанность Христова ученика учиться тому, что заповѣдалъ намъ знать Иисусъ Христосъ. Онъ оставилъ намъ Евангеліе, эту Божью книгу, которую мы должны не только видѣть и цѣловать, какъ видимъ и цѣлуемъ ее въ церкви, но имѣть собственное Евангеліе и читать его. А для того, чтобы читать Евангеліе, напередъ надо умѣть читать. Вотъ мы и употребимъ свое стараніе, чтобы научить васъ, дѣти, читать и понимать Евангеліе».

Между новостями, относящимися къ распространенію образованія, важное мѣсто должна занять слѣдующая: 25 января нынѣшняго года было засѣданіе *комитета грамотности*, устроеннаго при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ. Должность предсѣдателя занималъ С. С. Лашкаревъ, какъ учредитель комитета. Онъ открылъ засѣданіе чтеніемъ наканунѣ полученнаго имъ

письма изъ Парижа отъ И. С. Тургенева, который высказываетъ мысль о необходимости и пользѣ учрежденія общества для распространенія грамотности. Цѣлью заведенія былъ окончательный пересмотръ проекта устава комитета, составленнаго г. Лашкаревымъ и измѣненнаго на основаніи замѣтокъ, сдѣланныхъ нѣкоторыми членами комитета, которыхъ теперь всего 36 человекъ.

Въ прошедшій разъ мы говорили, что изданными учебнымъ начальствомъ правилами для воскресныхъ школъ, придана этимъ школамъ опредѣленная форма, положено начало ихъ организаціи. Продолженіемъ такого организоваія можно считать предложеніе министра народнаго просвѣщенія 30 прошлаго декабря. Сущность этого предложенія состоитъ въ томъ, что «воскресныя школы должны служить *только пособіемъ приходскимъ училищамъ*», къ учрежденію которыхъ, въ соответствующемъ настоящей потребности числѣ, представляются теперь матеріальныя препятствія, и что по этому училищное начальство должно «слѣдить за тѣмъ, чтобы воскресныя школы не выступали границъ опредѣленнаго имъ круга дѣйствій, т. е. чтобы обученіе въ нихъ ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и первыми правилами ариметики». Между тѣмъ получаютъ свѣденія, что напр. въ Кіевѣ въ одной школѣ преподаютъ исторію, а въ одной изъ московскихъ школъ — французскій и нѣмецкій языки, — предметы, выходящіе изъ программы приходскихъ училищъ. Вслѣдствіе этого, для наблюденія со стороны училищнаго начальства, указываются ему между прочимъ слѣдующія основанія:

Обученіе въ воскресныхъ школахъ ограничивается закономъ божіимъ, чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, первыми началами ариметики, рисованіемъ и линейнымъ черченіемъ; преподаваніе же предметовъ, не входящихъ въ программу приходскихъ училищъ, отнюдь не допускается.

При преподаваніи употребляются тѣ руководства и пособія, которыя одобрены министерствомъ или допущены къ употребленію въ начальныхъ училищахъ другихъ вѣдомствъ.

Особенное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы учредители и распорядители воскресныхъ школъ были люди вполне благонадежныя.

Если со стороны распорядителей или преподавателей замѣчены будутъ дѣйствія, несогласныя съ указанными началами, «а тѣмъ болѣе направленіе, противное религіознымъ истинамъ, государственному управленію и правиламъ нравственности, таковыя неблагонадежныя преподаватели и распорядители должны быть немедленно отстраняемы и недопускаемы за тѣмъ къ обученію или распоряденію въ другихъ воскресныхъ школахъ».

Хотя здѣсь не выражены вполне ясно причины, почему частныя школы, образовавшіяся и поддерживаемыя одними частными усиліями и средствами, должны служить *только* пособіемъ приходскимъ училищамъ и непремѣнно держаться ихъ программы; но тѣмъ не менѣе въ настоящемъ распоряженіи нельзя не видѣть заботливой внимательности къ этому прекрасному общественному дѣлу... Мы слышали стороной, что нѣкоторые молодые преподаватели въ воскресныхъ школахъ въ порывѣ горячаго усердія, въ порывѣ юношескихъ, всегда великодушныхъ стремленій, собирались было дѣлиться съ дѣтьми познаніями своими, не стѣсняясь программю приходскихъ училищъ; они напр. хотѣли сообщать ученикамъ нѣкоторыя элементарныя свѣденія изъ физики и химіи, и новое распоряженіе, запрещающее выходить изъ сказанной программы, въ первую минуту привело ихъ, говорятъ, въ уныніе, какъ приводитъ въ уныніе всякое, остановленное въ самомъ его разгарѣ стремленіе. Если это правда, то мы желали бы замолвить этимъ великодушнымъ дѣателямъ, что ихъ уныніе намъ кажется напраснымъ; потомучто безъ физики и химіи, безъ исторіи и французскаго языка, съ одной программю приходскихъ училищъ, ни въ чемъ не отступая отъ вышеприведенныхъ правилъ, они могутъ найти довольно пищи для своихъ благородныхъ стремленій. Нельзя забывать того, что они имѣютъ дѣло съ самымъ простымъ, самымъ бѣднымъ, часто заброшеннымъ людомъ. Пусть только они научатъ возможно большее число этого бѣднаго люда читать по-русски, и научатъ разумно, не одному механизму чтенія, но и пониманью читаемаго, — это одно уже составитъ огромную сумму добра и пользы. Но кромѣ того, передъ ними еще большая задача: — имѣя непосредственно дѣло съ бѣднымъ людомъ и научая его разумному чтенію книгъ, возвысить сколько-нибудь его нравственныя понятія, влить въ эту массу нравственныя начала, которыя у ней часто хромаютъ только вслѣдствіе невѣдѣнія и привычки... «Правдой-то не проживешь на свѣтѣ», говорилъ недавно извозчакъ, малый лѣтъ восемнадцати, ѣхавшему съ нимъ сѣдоку, замѣтившему ему, что не хорошо утаивать отъ хозяина часть вырученныхъ денегъ, а должно отдавать ему всё, по правдѣ. «Коли все какъ есть по правдѣ отдавать, продолжалъ малый, такъ хозяинъ совсѣмъ забранить». — Это какъ? да развѣ хозяинъ знаетъ, что ты утаиваешь? — «Еще бы ему не знать!» — Какимъ же образомъ онъ забранить тебя за правду? — «Вотъ какимъ: когда выѣдшишь хоть три рубля, отдай ему всё, — онъ ничего; а иной день не задастся, привези полтора рубля — накинется такъ, что не уйдешь. Ну, вотъ и равняешь: иной разъ вѣдь и своихъ приложишь».

«Правдой не проживешь...» Удивительная сентенція и удивительный феноменъ! Неправда, возведенная въ систему, почти въ догматъ! И обманывающей и обманываемый — оба согласились призывать ее, какъ законно-существующій фактъ, и спокойно живутъ съ ней, во взаимномъ мирѣ! Они, можетъ быть, хорошіе люди, и совѣсть ихъ ничѣмъ не возмущается, потомучто они не видятъ и никто имъ не указалъ безобразія факта. Попробуйте же указать бѣдному люду хоть на безобразную сторону этого факта; попробуйте поколебать въ немъ вѣру въ дозволенность неправды, — и это будетъ великій подвигъ, и для совершенія его не нужно ни физики, ни химіи. А великъ этотъ подвигъ будетъ потому, что простодушная вѣра въ дозволенность неправды не заключается въ однихъ отношеніяхъ извозчика къ его хозяину; она глубоко лежитъ въ обществѣ; она растетъ всюду, прививается ко всѣмъ сферамъ общественной дѣятельности и кладетъ свой отпечатокъ на всѣ стороны жизни... Можно ли же въ виду такого поприща увѣвать и малодушно опускать руки!

Воскреснымъ школамъ, судя по принятому въ нихъ до сихъ поръ способу обращенія съ учениками, предстоитъ оказать еще одну услугу: пойдти дальше Н. И. Пирогова, глубоко уважаемаго нами за его всѣмъ памятное первое живое слово о «малыхъ сихъ», и доказать на дѣлѣ, что съ дѣтьми можно обойтись совсѣмъ безъ тѣлесныхъ наказаній, безъ пресловутаго сѣченія, которое въ кievскомъ учебномъ округѣ уже значительно уменьшено посредствомъ приведенія его въ строгую систему. Въ недавно вышедшемъ циркулярѣ по управленію округомъ, помѣщенъ «отчетъ о слѣдствіи введенія правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій». Изъ этого отчета видно, что въ годъ, предшествовавшій введенію правилъ, въ 11-ти гимназіяхъ изъ 4.109 учениковъ было подвергнуто тѣлесному наказанію 551; при новыхъ же правилахъ изъ 4.310 учениковъ, подвергнуто такому наказанію въ годъ только 27 учениковъ; да еще въ числѣ этихъ 27 наказаній было нѣсколько самовольныхъ, сдѣланныхъ однимъ директоромъ безъ опредѣленія педагогическаго совѣта. Впрочемъ этотъ нарушитель столь благотворныхъ правилъ уже оставилъ службу въ кievскомъ округѣ; теперь правила, оставаясь ненарушимыми, безъ сомнѣнія поведутъ къ дальнѣйшему уменьшенію числа тѣлесныхъ наказаній, и если не доведутъ до совершеннаго уничтоженія ихъ, то честь довершенія этого подвига, путемъ примѣра, должна конечно достаться воскреснымъ школамъ.

Въ прошедшій разъ мы говорили о празднованіи въ Москвѣ, 12 января, годовщины основанія Московскаго университета. Извѣстіе это осталось бы не совершенно полнымъ, если бы мы не прибавили

теперь, что празднованіе этой годовщины происходило не въ одной Москвѣ: бывшіе студенты московскаго университета, находящіеся въ другихъ городахъ, также собирались въ этотъ день на обѣды; обѣды также сопровождались тостами и рѣчами, и также окончились полезными начинаніями; такъ въ Костромѣ и Тамбовѣ составилсѣ сборъ на общественныя библіотеки, а въ Рязани сдѣлана подписка въ пользу недостаточныхъ московскихъ студентовъ. Но всѣхъ характернѣе и общительнѣе было собраніе въ Тамбовѣ: тамъ собралось на обѣдъ сто двадцать два человѣка изъ разныхъ круговъ и сословій — купцовъ, студентовъ, чиновниковъ и помѣщиковъ, «соединенныхъ на этотъ разъ (какъ говоритъ корреспондентъ, самъ участвовавшій въ собраніи) однимъ общимъ уваженіемъ ко всему тому, чѣмъ дороги были и будутъ для насъ русскіе университеты».

Мы считаемъ должнымъ упоминать объ этихъ студентскихъ обѣдахъ, потомучто находимъ въ нихъ смыслъ и значеніе. Не знаю, существуетъ ли у насъ гдѣ-нибудь въ такомъ обширномъ кругѣ такая внутренняя связующая сила, какъ между воспитанниками московскаго университета; не знаю, существуетъ ли у кого-нибудь такой общій предметъ неизмѣнной на всю жизнь привязанности, какимъ служить для всѣхъ московскихъ студентовъ ихъ родной университетъ. Видно, есть въ этомъ старѣйшемъ ученomъ учрежденіи что-нибудь особенно влекущее; видно выносятъ изъ него воспитанники много такого, что остается у нихъ въ душѣ на всегда, ни чѣмъ не заглушаемое и согрѣвающее ихъ души до старости.

Кстати объ университетахъ. Читатели ваши можетъ быть уже слышали, что въ Одессѣ поднять вопросъ о преобразованіи тамошняго Ришельёвскаго лицея, если не въ университетъ, то хоть въ одинъ или два факультета. Мысль естественная и, казалось бы, легко исполнимая. Но вотъ любопытная вѣсть: жители Саратовской губерніи думаютъ объ основаніи у нихъ университета и въ послѣднее время, говорятъ, особенно жарко принялись за это дѣло. На сѣздѣ землевладѣльцевъ, бывшемъ тамъ въ прошедшемъ декабрѣ, шла объ этомъ рѣчь и большинство было въ пользу основанія въ Саратовѣ высшаго учебнаго заведенія. Рассказываютъ даже, что всѣ бывшіе на этомъ сѣздѣ единодушно изъявили готовность пожертвовать на это учрежденіе по полкопейкѣ съ каждой земледѣльческой десятины.

Примѣръ нѣкоторыхъ петербургскихъ дамъ, постоянно слушающихъ лекціи въ здѣшнемъ университетѣ, вашоль подражательницы въ Кіевѣ: одна изъ тамошнихъ дамъ обращалась, говорятъ, къ попечителю округа съ просьбою разрѣшить ей слушать университет-

скія лекціи исторіи, русской словесности и педагогикѣ. Не извѣстно только, дано ли ей это разрѣшеніе.

Что касается до слушательницъ въ петербургскомъ университетѣ, то... не встрѣтили ли вы, читатели, въ № 23 «Сѣверной Пчелы» небольшую статейку, подписанную буквами Л. М., доводящую до вашего свѣденія, что между здѣшними студентами нашлись въкоторыя, «принадлежащія къ особому типу франтовъ-студентовъ, изящно одѣтыхъ, разчесанныхъ и раздушонныхъ», которые въ отношеніи къ любознательнымъ и достойнымъ полного уваженія за эту любознательность женщинамъ, являются или дѣтьми, или взрослыми обскурантами. «Въ этой грустной истинѣ, говоритъ г. Л. М., мы убѣдились, видя, какихъ выходовъ приходилось быть свидѣтельницей иной дѣвушкѣ, явившейся въ аудиторію съ благоговѣніемъ къ этому святилищу науки». За тѣмъ г. Л. М., приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ разговора двухъ юныхъ ученыхъ:

— Откуда, братъ, идешь?

— Съ лекціи Костомарова.

— Ну, что?

— Ничего, было много дамъ...

— Да къ чему пускаютъ эту...? ну, что онѣ смыслятъ?

Ну что, если выходы, о которыхъ говоритъ г. Л. М., будутъ продолжаться, и если слушательницы, чрезъ этихъ раздушонныхъ франтовъ, принуждены будутъ оставить дальнѣйшее посѣщеніе лекцій!... По нашему мнѣнію, ужь было-бы лучше и сообразнѣе съ общей пользой, если бы сами раздушонные откочевали куда-нибудь... хоть въ какой-нибудь манежъ, гдѣ ихъ выходы никому мѣшать не могутъ и гдѣ они были бы на мѣстѣ, совершенно соответствующемъ ихъ ухарскимъ наклонностямъ, а между тѣмъ и истинно-благородный кругъ здѣшнихъ студентовъ, сталъ бы тогда чище безъ этой примѣси, съ нимъ негармонизирующей....

Мы однако увлеклись. Намъ хотѣлось сначала пересказать о всѣхъ извѣстныхъ намъ, болѣе или менѣе отрадныхъ явленіяхъ и потомъ уже перейти къ явленіямъ грустнымъ; но вотъ эти изящно-одѣтые господа, по свойственной имъ безцеремонности, врѣзались въ средину нашихъ отрадныхъ явленій.... Будемъ продолжать свою рѣчь.

По части отрадныхъ явленій намъ остается указать на болѣе или менѣе замѣтное оживленіе умственной дѣятельности въ въкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Съ особенной любовью оставливается мысль на привольномъ поволжскомъ краѣ, богатомъ силами и природы и народонаселенія. Объ усиѣхахъ общественнаго развитія въ Саратовѣ можно уже судить по желанію тамошнихъ

жителей имѣть у себя университетъ (который въ самомъ дѣлѣ и нуженъ, по отдаленности всего низоваго края отъ существующихъ русскихъ университетовъ). Но это еще въ будущемъ, а вотъ другая мысль, уже осуществленная саратовскимъ купеческимъ сословіемъ: существующій тамъ *коммерческій клубъ* 23 января открылъ *биржевыя собранія*, имѣющія цѣлью—«доставить возможность слѣдить за ходомъ торговыхъ дѣлъ какъ на мѣстномъ, такъ и на другихъ рынкахъ, и облегчить совершеніе разныхъ коммерческихъ слѣлокъ». Этому учрежденію конечно предстоитъ развиваться и расширять свои цѣли и кругъ дѣятельности.

Въ Симбирскѣ существуетъ общество сельскаго хозяйства. Это общество объявляетъ объ изданіи въ нынѣшнемъ году журнала: «Волжскій Вѣстникъ». Въ объявленіи редація между прочимъ говоритъ: «Одна изъ важнѣйшихъ мѣстностей Россіи въ земледѣльческомъ отношеніи, это — среднее Поволжье, или губерніи: Симбирская, Казанская, Самарская, и Саратовская. Экономическія условія быта этого края, хорошіе или дурные въ немъ урожаи, успѣшная или несвоевременная и другая уборка, цѣнность рабочихъ, — все имѣетъ сильное вліяніе на благосостояніе значительной части нашего отечества. Отъ Астрахани и до Петербурга, въ основѣ обеспеченія народнаго продовольствія, лежитъ земледѣльческое производство средняго Поволжья. Не даромъ край этотъ прозванъ житницею Россіи: — этотъ край будетъ предметомъ изученія «Волжскаго Вѣстника». *Мѣстная польза и мѣстная потребность* средняго поволжья — вотъ цѣль объявленнаго изданія».

Съ радостью привѣтствуемъ изданіе, имѣющее такую прекрасную цѣль, обещающее быть органомъ богатаго и важнаго края. При существованіи подобныхъ органовъ и при добросовѣстномъ выполненіи ими своей задачи, нельзя, да и нѣтъ повода сочинять *мѣстныя потребности* того или другого края, сидя въ кабинетѣ, лежащемъ гдѣ-нибудь далеко отъ края, чуть не на другомъ концѣ свѣта, — сочинять ихъ по собственнымъ соображеніямъ (а иногда и видамъ) кабинетнаго мыслителя, эконома или администратора, и на основаніи этихъ соображеній навязывать краю то, что ему вовсе не нужно, оспаривать или отсовѣтовать то, чему онъ былъ бы радъ, какъ росѣ небесной.

Изъ Ярославля пишутъ, что тамъ «кругъ современныхъ интересовъ, умственныхъ и моральныхъ, постепенно расширяется». Признаки: 1, нравятся мѣры къ распространенію грамотности между арестантами тюремнаго замка; 2, дѣлаются соображенія объ отдачѣ въ аренду губернской типографіи; 3, число подписчиковъ

въ публичной библіотекѣ для чтенія въ нынѣшемъ году перешло за *дѣлти*. Не много словъ, да много дѣла!

Волга скоро должна соединиться желѣзной дорогой съ Дономъ. Событія этого нетерпѣливо ждуть Ростовъ на Дону. «Съ окончаніемъ волжско-донской желѣзной дороги, сказано въ одной корреспонденціи, этотъ городъ ждетъ замѣчательная судьба русскаго Ливерпуля. Умы его жителей настроены превосходно. Хлопочуть объ открытіи въ немъ общей городской думы, по примѣру петербургской. Съ нею (здѣсь убѣждены) городское хозяйство пойдетъ быстро впередъ. Уже поговариваютъ тамъ о газовомъ освѣщеніи и устройствѣ публичной библіотеки».

Обращаемся на другой трактъ.

Изъ Псковской губерніи сообщаютъ, что тамошніе помѣщики «почувствовали необходимость заблаговременно обсудить нѣкоторые вопросы, касающіеся производительности ихъ края и способъ къ наивыгоднѣйшему употребленію экономическихъ силъ. Особенное движеніе замѣтно въ юго-восточной части губерніи, гдѣ почва лучше и больше надеждъ на развитіе и водвореніе разнаго рода промысловъ. Въ Торопцѣ образовался уже клубъ, куда съѣзжаются мѣстные владѣльцы для обсужденія проекта общества сельскаго хозяйства и другихъ хозяйственныхъ вопросовъ. Стали появляться во многихъ имѣніяхъ усовершенствованные способы веденія сельскаго хозяйства. Были дѣланы опыты снятія хлѣба вольнонаемными рабочими и оказались выгодными; жней обнаруживали успѣхъ почти вдвое большій противъ прежняго».

Помнится, назадъ тому года два намъ попалась брошюрка подъ заглавіемъ: «Опытъ сельскаго хозяйства при вольномъ трудѣ» или что-то въ этомъ родѣ. Въ этой брошюркѣ доказывалось цифрами, что при старой трехпольной системѣ, безъ улучшенныхъ хозяйственныхъ пріемовъ, вольнонаемный трудъ просто не окупится; съ введеніемъ же системы многопольной, съ обширнымъ травосѣяніемъ и съ разными иными улучшеніями, то же самое сѣмье, при томъ же вольномъ трудѣ, даетъ семь, восемь процентовъ и даже больше. По этому-то благой примѣръ торопецкихъ землевладѣльцевъ и важенъ и дорогъ въ настоящее время. Только не знаемъ, скоро ли и много ли этотъ примѣръ найдетъ подражателей. Намъ случилось непосредственно слушать рассказы людей, выѣхавшихъ изъ глубины нашихъ провинцій, и даже недавно видѣли мы господина, много лѣтъ толкавшагося по городамъ и деревнямъ одвой изъ великороссійскихъ губерній, наблюдавшаго бытъ и нравы тамошнихъ помѣщиковъ и — впавшаго въ совершенный скептицизмъ. «У насъ, говорилъ онъ, ничего не думаютъ, совсѣмъ ничего и не

будутъ думать. У насъ все идетъ по старому: помѣщики получаютъ доходы тѣ же, что въ старину получали, и проживаютъ ихъ, а больше ничего... Какъ-то одинъ молодой помѣщикъ выписалъ себѣ изъ Москвы, по объявленію, какой-то плужокъ новаго устройства и всѣмъ показывалъ его. Какъ только пріѣдетъ гость, онъ тотчасъ :

— Вы не видѣли, какой я выписалъ плужокъ?

— Не видѣлъ.

— Хотите посмотрѣть?

— Хочу.

— Эй, человѣкъ: прикажи показать плужокъ.

Гость и хозяинъ выходятъ; навстрѣчу имъ тащатъ изъ сарая плужокъ. Гость любитъся, хозяинъ указываетъ на отличную, отчетливую отдѣлку плужка; долго ходятъ они вокругъ него (благо сѣшить-то некуда, — досуга много), долго судятъ о томъ, какъ хорошо онъ долженъ дѣйствовать; а потомъ хозяинъ скажетъ: «убрать плужокъ на мѣсто», и плужокъ ползетъ задомъ въ сарай, и сарай запираютъ. Господа идутъ въ гостиную, и гость, покачивая головой, приговариваетъ: «Да! отличная вещьца»... Пріѣхалъ другой гость: «Вы не видѣли у меня плужокъ? — Не видѣлъ. Хотите посмотрѣть? — Хочу». И такъ далѣе, и плужокъ все ѣздитъ по прямой линіи изъ сарая въ сарай, а больше ничего... Впрочемъ разъ вздумали сдѣлать опытъ, какъ будетъ пахать плужокъ; но опытъ что-то не удался, и плужокъ опять поставили въ сарай, и сарай заперли. Теперь, я думаю, уже и не отпираютъ сарая, потому что всѣ сосѣди видѣли плужокъ... Нѣтъ! ничего не думаютъ и не будутъ думать!» заключилъ нашъ скептикъ и махнулъ рукой ужасно безнадежно.

Нѣдо полагать, что онъ попалъ ужъ на такое мѣсто, — въ затишье какое-нибудь; оттого и развился въ немъ такой неизлечимый скептицизмъ. Мы конечно не заражены этимъ недугомъ: мы вѣримъ... во все вѣримъ: въ непрерывное совершенствованіе чело- вѣчества, въ нашу будущность, въ будущую повсемѣстность усовершенствованныхъ плужковъ, а потому и ловимъ съ такой жадностью всѣ признаки пробужденія мысли и дѣла: намъ хочется убѣдиться, что неправъ скептикъ, что если не думаютъ, то будутъ думать. Конечно въ этой ловлѣ признаковъ, можетъ быть и намъ случится ошибиться, можетъ быть и мы иной разъ святящагося червячка или древесную гнилушку примемъ за камень самоцвѣтный, — и тогда непременно посмѣются про себя надъ нами обитатели затишья... Но чтожь дѣлать? мы все-таки вѣримъ, что подобныя затишья (если они есть) недолго будутъ сохранять свою безмолвную тишину, что и въ нихъ скоро раздадутся живые голоса и подни-

мется дѣятельность; всѣ плужки выдвинутся изъ сараевъ въ поле и вокругъ нихъ бойко засуетятся вольные работники...

Слѣдя дальше на западъ, встрѣчаемся съ явленіемъ другого рода. Жители Вильны измѣнили свой образъ жизни: они стали замѣтно серьезнѣе; потеряли охоту къ шумнымъ свѣтскимъ удовольствіямъ; стали вести жизнь скромную, безъ вечеровъ и баловъ... Замѣчена перемена въ направленіи. «Мы имѣли случай наблюдать разные слом нашего общества, сказано въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», и не безъ искренняго удовольствія любовались отрадной переменою. Вѣковые сословные предрасудки, родовыя претензіи, если не погибли еще безслѣдно, то по крайней мѣрѣ покидаются добровольно, безъ сожалѣнія, безъ упрека».

Заключающаяся въ этихъ немногихъ словахъ характеристика новаго направленія виленскаго общества, какъ бы пополняется словами варшавскаго корреспондента того же «Виленскаго Вѣстника». Слова эти касаются предмета самаго легкаго, предмета, о которомъ обыкновенно говорить не иначе, какъ съ пріятной, или немногосмѣливой, но мягкой и свислительной улыбкой; между тѣмъ это такой предметъ, который въ сущности очень стоить серьезныхъ мыслей и серьезныхъ словъ. Дѣло идетъ о «прекрасныхъ обитательницахъ Варшавы», о томъ, что зараза *утилитарности* не пощадила и ихъ. «Наши милыя вѣтреницы, говоритъ корреспондентъ, уже не скрываютъ своего недоброжелательства, не только къ иноземнымъ обычаямъ, но даже и къ торговымъ фирмамъ. Вѣковая монополія Парижа съ каждымъ годомъ теряетъ свою обаятельность. Тщетны старанія выманить лишнюю копейку, столь цѣнную и такъ необходимую въ настоящее время; тщетны усилія привлечь ее прежними чарами... Напрасно такъ умильно посматриваютъ въ огромныя зеркальныя стекла магазиновъ роскошныя гирлянды изящныхъ цвѣтовъ, граціозныя уборы... Не возвратитъ имъ прежней охоты къ пустому мотовству!.. Бѣдныя гирлянды, бѣдныя уборы! Имъ суждено увянуть на изящно точеныхъ палочкахъ или восковыхъ кулакахъ... Но плачевная участь ихъ никого не трогаетъ: прежняя мода, прежнее безразсудное увлеченіе нарядами для большинства сдѣлались анахронизмомъ.... Наши дѣвушки сознали, и сознали вполне разумно, что скромный нарядъ имъ болѣе къ лицу; въдъ наше небо и наша земля отличаются тоже скромностью, но не имѣетъ ли эта скромность для каждаго изъ насъ болѣе прелести, болѣе близкаго сердцу, — какъ родное, — нежели вся намъ чуждая роскошь!»

Мы готовы уважить это одушевленіе впадающаго въ лиризмъ корреспондента; мы сочувствуемъ описываемому имъ явленію и

убѣждены, что многія изъ нашихъ русскихъ женщинъ также сочувствуютъ ему. Говоримъ многія, но не всѣ; и даже эти многія, сочувствуя въ душѣ и пожалуй выражая свое сочувствіе на словахъ, все-таки на дѣлѣ останутся вѣрны преданію. Конечно, всякое общественное явленіе, вытекаая изъ самой жизни общества, имѣетъ тѣсную связь съ другими совершающимися въ немъ явленіями; поэтому и приведенное сейчасъ явленіе имѣетъ свое значеніе тамъ, гдѣ оно возникло, и навязывать его во что бы ни стало другому обществу нельзя. Но оно внушаетъ намъ нѣкоторыя мысли и желанія. Оно напимѣръ привело намъ на мысль, что наши женщины какъ-то неадекватно сознаютъ всей прелесть настоящей, истинной простоты; онѣ понимаютъ только простоту искусственную; она у нихъ выходитъ почти всегда какъ бы намѣреннымъ. Потому онѣ справедливо думаютъ, что если женщина, явившись въ общество, окажется одѣтою проще и скромнѣе всѣхъ другихъ, то она непременно будетъ всѣми замѣчена, обратитъ на себя общее вниманіе; но съ этою справедливою мыслью у нихъ связывается другая, уже несправедливая, что будто бы всѣ, замѣтивъ эту женщину, непременно осудятъ ее или насмѣются надъ нею. Здѣсь проступаетъ наружу самолюбіе и въ тоже время — какъ будто недостатокъ признанія своего достоинства и своихъ правъ въ обществѣ. Онѣ во-первыхъ упускаютъ изъ вида, что нѣтъ ничего общаго между простымъ и скромнымъ нарядомъ и между нарядомъ безъ вкуса; во вторыхъ — представляютъ себя въ полной и неизбежной зависимости отъ всѣхъ, самыхъ мелкихъ свѣтскихъ условій, которыя проводятъ надъ ними общій уровень и почти предписываютъ имъ форменные костюмы... Если бы наши женщины съ одной стороны сознали прелесть истинной, неподдѣльной простоты, а съ другой — усвоили бы ту мысль, что каждая изъ нихъ имѣетъ свою человѣческую личность и что эта-то личность и должна по преимуществу опредѣлять ихъ отношенія къ обществу и степень ихъ значенія въ немъ; тогда онѣ тотчасъ выросли бы въ собственныхъ глазахъ, почувствовали бы себя въ своемъ правѣ, и мода и условныя требованія роскоши потеряли бы надъ ними свою власть. Освободясь изъ подъ этой роковой власти, онѣ почувствовали бы себя легко, избавились бы отъ рабскаго страха насмѣшекъ, да кромѣ того избавили бы нѣкоторыхъ фельетонистовъ отъ египетскаго труда крутить мозги, придумывая остроумныя сказанія въ родѣ какого-нибудь фантастическаго кабинета красоты (см. Спб. Вѣд. № 24).

Мы уже хотѣли закончить этимъ нашъ отчетъ о явленіяхъ и событіяхъ, болѣе или менѣе веселящихъ сердце; но встрѣтили въ послѣднихъ номерахъ газетъ еще одно явленіе, которое проу-

стить невозможно. Мы говоримъ о напечатанномъ въ № 5 «Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостей» циркулярномъ предписаніи начальника Нижегородской губерніи отъ 28 января земскимъ исправникамъ. Мысль циркуляра — сообщить официально и гласно лицамъ, составляющимъ низшую административную инстанцію, новый просвѣщенный взглядъ на ихъ службу; разъяснить имъ тотъ способъ исполненія ихъ обязанностей, какого требуютъ современные общественныя понятія; словомъ, — пролить въ этотъ низшій слой служебной іерархіи новый духъ, уже вѣющій въ ея высшихъ слояхъ, согласуясь съ современнымъ настроеніемъ. Эта мысль возникла еще въ прошломъ году и едва ли не впервые выразилась въ извѣстныхъ циркулярахъ начальника Костромской губерніи. Теперь видимъ, что она не осталась замкнутою въ предѣлахъ одной мѣстности, а пошла дальше. Въ настоящемъ циркулярѣ генераль-маіоръ А. Н. Муравьевъ, ссылаясь на законъ, по которому въ случаѣ выбытія изъ должности исправниковъ, избранныхъ дворянствомъ, предлагается губернаторамъ къ исправленію этихъ должностей назначать отъ правительства лицъ, совершенно благонадежныхъ, *подъ личною губернаторовъ за выборъ ихъ отвѣтственностью*, и выводя изъ этого прямое заключеніе, что губернаторъ и исправники какъ бы связаны другъ съ другомъ этою отвѣтственностью, излагаетъ существенную цѣль ихъ назначенія, состоящую въ доставленіи вѣренными ихъ управленію людямъ возможнаго благосостоянія, посредствомъ защиты праваго и притѣсненнаго, охраненія тишины и спокойствія, преслѣдованія зла, невзирая ни на какое лицо и пр. — Затѣмъ онъ говоритъ:

«Можетъ ли съ успѣхомъ преслѣдовать зло человѣкъ, самъ къ тому же злу причастный? Какъ сталъ бы онъ направлять на прямой путь уклоняющагося, еслибъ не пользовался его довѣріемъ? Какъ сталъ бы онъ охранять тишину и спокойствіе, еслибъ вмѣсто употребленія нравственной силы внушенія и убѣжденія, онъ находился въ тѣхъ же отношеніяхъ къ подвѣдомственнымъ лицамъ, въ какихъ состоитъ укротитель звѣрей къ своему звѣринцу? *Палки да розги, розги да палки, драгье и тасканье за бороду, біеніе по зубамъ* — вотъ однакожь, за нѣкоторыми исключеніями, обыкновенный языкъ земской власти. Языкъ этотъ наводитъ, правда, временный трепетъ, но никакъ не сознаніе и убѣжденіе въ винѣ; безъ сознанія же и убѣжденія, одни *наказанія для примѣра* мало приносятъ пользы, а раздражаютъ и ожесточаютъ. При томъ надо принять во вниманіе, что упоминаемый выше укротитель усиѣваетъ въ своихъ жестокоствахъ потому, что имѣетъ дѣло со звѣрями, тогда какъ человѣкъ-правитель обязанъ дѣйствовать на подобныхъ себѣ людей».

Послѣ этихъ словъ начальникъ губерніи указываетъ на нѣкоторыя недозволительныя вещи, которыя въ низшихъ слояхъ административной дѣятельности стали такъ обыкновенны, что ихъ въ простотѣ сердечной уже считаютъ совершенно-дозволительными и нисколько не противными кроткой совѣсти служивыхъ людей; — а потомъ высказываетъ нѣсколько такихъ прекрасныхъ мыслей, что если бы только онѣ проникли въ души тѣхъ, къ кому обращены, и усвоились ими, то нечего было бы и желать больше.

«Пока въ отношеніяхъ съ подчиненными (говоритъ онъ) начальствующіе добровольно не отложатъ *сословныя преимущества свои* и не измѣнятъ взгляда на вѣрренныхъ законному ихъ управленію крестьянъ, заслуживающихъ нашего *уваженія*, *потому что они люди*; пока начальствующіе не будутъ *поставлять себя не ихъ мѣсто* и вникать въ ихъ нужды, — дотолѣ ни тѣ, ни другіе понимать другъ друга не будутъ.

«Пока орудія кары (которыя употреблять должно въ крайнихъ только случаяхъ) не замѣнятся языкомъ снисходительнаго внушенія и терпѣливаго вразумленія, преодоляющаго даже непонятливость простыхъ людей, дотолѣ невозможно пріобрѣсть ихъ довѣріе.

— «Вообще же, пока начальникъ не будетъ служить примѣромъ чести, безкорыстія и правдолюбія, дотолѣ не пріобрѣтеть уваженія и любви подчиненныхъ, безъ которыхъ придется дѣйствовать грубою силою, часто безъ ожидаемаго успѣха».

Наконецъ — начальникъ губерніи положительно требуетъ отъ исправниковъ: во первыхъ — не входить ни въ какія сдѣлки съ подрядчиками по подводной части, по дорожной или по какой другой; а если кто изъ *прежнихъ* (избранныхъ дворянствомъ) исправниковъ уже вошелъ въ такія сдѣлки, — немедленно отказаться отъ всего, довольствуясь содержаніемъ, закономъ положеннымъ, съ добавленіемъ пособія, также закономъ вновь-опредѣленнаго; если же кто изъ нихъ несогласенъ отказаться отъ этихъ сдѣлокъ и поборовъ и *измѣнить обращеніе свое съ крестьянами*, тому совѣтуется заблаговременно просить увольненія отъ должности; во вторыхъ — «совершенно отказаться отъ полученія какого бы то ни было содержанія отъ виннаго откупа, какъ противнаго чистотѣ нравственной, такъ и вреднаго для службы; ибо кто отъ другого получаетъ плату, тотъ обязанъ ему служить. А какъ мѣстныя стѣснительныя дѣйствія виннаго откупа возможны, — то само сабою разумѣется, что получающіе отъ него содержаніе обязываются ему потворствовать и стѣснять другихъ, единственно для пользы его».

Такова сущность этого циркуляра, который намъ кажется весьма важнымъ документомъ. Два мѣсяца назадъ мы говорили, что гла-

свость принимала у насъ разные виды и положенія ; этотъ видъ ея одинъ изъ послѣднихъ и едва ли не одинъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ. Обличительная литература, съ ея игривой колкостью, съ характеромъ осмѣянія или горькой сатиры, не указывая прямо на отдѣльныя лица, не такъ сильно дѣйствуетъ на тѣхъ людей, противъ которыхъ направлена, какъ дѣйствуетъ на нихъ серьезно и спокойно сказанное слово, слово, заключающее въ себѣ свѣтлую, бьющую въ глаза истину и сказанное такъ, что *обязаны* выслушать его. Произведенія обличительной литературы эти люди принимаютъ съ лукавой улыбкой, какъ забавныя рассказы, называя авторовъ этихъ произведеній, какъ гоголевскій городничій, щелкоперами. Но когда высшее правительственное лицо, когда ихъ начальство официально объявляетъ имъ тоже, о чемъ твердитъ обличительная литература, — о! тогда другое дѣло! Это уже не забавныя рассказы, это уже не шутки щелкопера... И самая обличительная литература, подтверждаемая такимъ неотразимымъ авторитетомъ, должна кажется стать въ ихъ глазахъ не одной забавной шуткой. Начальство, подъ надзоромъ и прикрытіемъ котораго они считали себя невредимыми отъ острыхъ шпилекъ щелкоперовъ, само становится на сторонѣ этихъ послѣднихъ и за одно съ ними гласно обличаетъ и гонитъ тѣ мелкіе, превратившіеся въ крѣпкій, давнишній обычай грѣшки, съ которыми было такъ тепло на свѣтѣ и съ которыми такъ сжилась и свыклась наивная совѣсть... Да кромѣ того, это начальство еще ведоуетъ на палки и розги, на тасканье за бороду и битье по зубамъ ; оно не скрываетъ скорби и презрѣнія къ этимъ казавшимся такими легкими и естественными средствами управленія ; оно совѣтуетъ помнить, что крестьяне — тоже люди, и ставить себя на ихъ мѣсто... Куда же послѣ этого прятать грѣшки и негласныя зуботычины? Не придется ли въ самомъ дѣлѣ наконецъ разстаться съ ними?...

Такое значеніе и такую силу придаемъ мы подобнымъ циркулярамъ ; подобное же значеніе и силу признаемъ и вообще въ серьезной и полной гласности. Къ этому роду гласности можно отнести напр. вѣсти съ Урала, недавно напечатанныя въ одной петербургской газетѣ, и подобныя же вѣсти во многомъ сходныя съ первыми, помѣщенныя въ одной газетѣ Московской. Тамъ во-первыхъ изображается все приволье и богатство края ; потомъ замѣчается, что «едва ли во многомъ, вмѣсто того чтобы извлекать изъ земли и труда капиталъ», мы не толчемъ только воду», и берутся въ примѣръ Пермскіе мѣдиноплавильные заводы. Вотъ что объ нихъ сказано.

Къ нимъ приписано больше 259,000 десятинъ земли, большею

частью лѣсистой, луговой и хлѣбородной, да около 19.000 душъ крестьянъ обоюга пола. За одну свободную обработку этой земли, съ нѣкоторою вырубкою лѣсовъ на продажу, тѣже крестьяне могли бы дать круглымъ счетомъ рубля по два за десятину, и казна получила бы до 400.000 руб. Рудники и устроенные заводы, еслибы ихъ отдать въ аренду, дали бы тоже хоть сотню тысячъ руб. Составилось бы такимъ образомъ дохода до 500.000 руб. Что же теперь получаетъ казна? На двухъ заводахъ Юговскомъ и Мотовалихинскомъ выплавляется мѣди всего до 16,000 пудовъ въ годъ, по существующимъ въ Петербургѣ цѣнамъ (по двѣнадцати руб. за пудъ), всего на сумму до 192.000 руб. На выплавку мѣди ежегодно ассигнуется 117.440 руб.; стало быть чистаго дохода получается 74.560 руб. (*)

Если сравнить цифры дохода возможнаго и дохода дѣйствительно-получаемаго, — результатъ будетъ ужасающій. Но это конечно не все: при заводахъ множество разныхъ заведеній и есть оброчныя статьи, именно: четыре мукомольныя мельницы, изъ которыхъ три приносятъ дохода 40 р. 28¹/₄ к. и одна 5 р.; два картофельно-паточныя заведенія, платящія оброка 6 р., да каменоломни бутоваго и извѣстковаго камня, дающія 55 руб. Тутъ въ извѣстїи есть маленькая неточность: относятся ли 40 р. 28¹/₄ к. ко всѣмъ тремъ мельницамъ и 6 руб. къ обонимъ картофельно-паточнымъ заведеніямъ, или каждая цифра къ одному только заведенію. Предположимъ даже послѣднее, и тогда доходъ со всѣхъ оброчныхъ статей составитъ 192 р. 84³/₄ к. Сильное подспорье!

Изъ тѣхъ же уральскихъ вѣстей возьмемъ еще слѣдующее, не менѣе поразительное мѣсто:

«Дороговизна въ нашемъ краѣ главнѣйшимъ образомъ произведена искусственною монополіею. Извѣстно, что во всемъ *аріураль* главный сбытъ ржаного хлѣба — въ винокуренные заводы и на продовольствіе войскъ. Отставной чиновникъ *Козель-Паклевскій* то и другое забралъ въ свои руки. Два большіе казенные винокуренные завода, Ертарскій и Талицкій, онъ купилъ отъ казны; два другіе громадныя завода, Услѣвскій и Екатерининскій, онъ же держитъ на арендѣ, а два завода Боготольскій и Киреевскій (отдаленныя отъ послѣднихъ) по какому-то случаю закрыты... На своихъ заводахъ г. Паклевскій выкуриваетъ вино изъ муки, покупаемой конечно имъ самимъ въ количествѣ до 500.000 пудовъ, а на арендуемыхъ — изъ муки, заготовляемой *подрядомъ казною* въ количествѣ

(*) Въ извѣстїи сказано 26.660 руб.; но по расчету эта цифра оказывается ошибочною.

до милліона пудовъ. Онъ же, г. Паклевскій, состоитъ уже довольно лѣтъ главнымъ подрядчикомъ заготовленія хлѣба какъ на эти заводы, разумѣется по особымъ контрактамъ, такъ и поставщикомъ почти на все войско провіанта, заготавлиаемаго въ количествѣ тоже около милліона пудовъ». Дальше говорится, что результаты этой безобразной монополіи, соединенной съ нѣкоторой ловкостью г. Паклевскаго, вотъ какіе: зимою 1860—1861 года въ мѣстности, гдѣ дѣйствуютъ винокуренные заводы, цѣны на хлѣбъ доходятъ до 80, 90 к. и до 1 руб. сер. за пудъ; тамъ же, гдѣ заводы закрыты, — 18 и 20 к. за пудъ!

Доходы и оброчныя статьи мѣдишлавильныхъ заводовъ и г. монополистъ Козель-Паклевскій, который самъ себя подряжаетъ ставить муку, — явленія, не правда-ли, достойныя самой серьезной, выразительной гласности!

Имѣются еще случаи, не столь крупные и болѣе частныя, подлежащіе прямой, именной гласности. На этотъ разъ у насъ въ виду есть два такихъ случая.

Еще въ сентябрѣ прошлаго года нѣкто изъ Новочеркаска сообщилъ «С. Петербургскимъ Вѣдомостямъ» о безобразномъ поступкѣ одного помѣщика Миусскаго округа съ дѣвицей, жившей въ его семействѣ больше шести лѣтъ въ качествѣ гувернантки. Но тогда корреспондентъ не назвалъ помѣщика по имени и дѣло осталось все равно что безгласнымъ. Поступокъ же состоялъ въ слѣдующемъ. Съ дѣвушкой все семейство обращалось очень хорошо до тѣхъ поръ, пока отецъ ея, жившій въ сорока верстахъ отъ имѣнія, гдѣ жила его дочь, часто посѣщавшій ее и слѣдившій за ея занятіями, не уѣхалъ по дѣламъ въ Петербургъ. Тогда на гувернантку подвѣлились на съ того ни съ сего гоненія. И вотъ — въ одно со-вѣтъ не прекрасное утро помѣщикъ-хозяинъ приглашаетъ къ себѣ своего зятя и, поддерживаемый имъ, «вооружившись двухъ-аршиннымъ чубукомъ», съ неистовыми ругательствами бросается на беззащитную дѣвушку, которая спаслась отъ нападенія, выско-чивъ въ окно и спрятавшись въ саду. Когда она вышла потомъ изъ засады, то увидѣла всѣ свои пожитки выброшенными на дворъ; а челядинцы сказали ей, чтобъ она скорѣй уходила изъ дома, потому что иначе «придутъ бить ее». Дѣвушка пріютилась у сосѣдей, а благородное семейство, ею теперь оставленное, чтобъ оправдать свой гнусный поступокъ, принялось поносить ее на весь околосокъ разными небывлицами. Дикій поступокъ въ той же корреспонденціи объясненъ былъ тѣмъ, что мать и жена помѣщика, закоренѣлыя раскольницы, вознепавидѣли гувернантку, замѣтивъ, что дѣти подѣ

ея руководством стали слабѣть въ расколѣ, и потому разными наговорами до неистовства вооружили противъ нея помѣщика.

Теперь, именно въ № 34 той же газеты, является письмо одного изъ помѣщиковъ Миусскаго округа, который, подтверждая во всей полнотѣ справедливость разсказаннаго происшествія, и не желая, чтобъ оно падало грязнымъ пятномъ на всѣхъ помѣщиковъ этого округа, объявляетъ, что господина, вооруженнаго двухъ-аршиннымъ чубукомъ, зовутъ — *Василій Григорьевичъ Ханженковъ*, а зятя его, помогавшаго ему въ геройскомъ подвигѣ, — *Федоръ Петровичъ Талаласовъ*. При этомъ послѣднемъ имени прибавлено въ скобкахъ: «не донскаго происхожденія». Тутъ же корреспондентъ прописалъ было и имя оскорбленной дѣвушки, но редакция газеты не сочла себя въ правѣ напечатать его. Да это имя и не нужно для гласности; а вотъ имена господъ Ханженкова и Талаласова-недонскаго озарятся извѣстностью: пускай, пускай красуются въ числѣ другихъ достойно оглашенныхъ именъ.

Другой геройскій подвигъ совершонъ Ярославской губерніи Любимскаго уѣзда въ деревнѣ Ильинской, принадлежащей двумъ владѣльцамъ: г-жѣ Жадовской и г-ну Козлянинову. Крестьянка послѣдняго *Настасья Васильева* пожаловалась своему помѣщику, что крестьянка г-жи Жадовской *Авдотья Лукьянова* побила ея сына двѣнадцати лѣтняго мальчика *Арсенія*, бывшаго пастухомъ, за то, что тотъ пустилъ стадо на лугъ, гдѣ былъ посланъ лепъ *Лукьяновой*. Г. Козляниновъ написалъ къ сыну г-жи Жадовской, прося указать виновницу и взыскать съ нея пеню за побой. Послали же *Лукьяновой*; а между-тѣмъ *Настасья Васильева* явилась отъ своего барина съ порученіемъ просить, чтобъ *Лукьянову* прислали къ нему для личныхъ объясненій. *Лукьянова* своимъ господамъ въ взводимой на нее винѣ не призналась; *Настасья* уличить ее ничѣмъ не могла, и ей, *Авдотѣ Лукьяновой*, велѣно было идти объясняться самой съ г. Козляниновымъ. — Г. Козляниновъ... (страшное сближеніе звуковъ!.. Помните, читатель: желѣзная дорога... вагоны... нѣмка...), г. Козляниновъ объяснился съ *Лукьяновой* хорошо и ясно: онъ избилъ ее *капайкой* такъ, что она не могла дойти до своей барыни, а была уже привезена къ ней своимъ свекромъ. Г-жа Жадовская посовѣтовала ей подать жалобу въ земскій судъ, и дѣло пошло слѣдственнымъ порядкомъ.

Объ этомъ возвѣстивъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ сама г-жа Жадовская, стало быть публика выслушала только еще одну сторону и потому до времени полагать окончательный приговоръ въ этомъ дѣлѣ не можетъ, тѣмъ болѣе, что есть примѣры, доказывающіе что эта именная гласность требуетъ большой осторож-

ности. Такими примѣрами намъ могутъ служить два нерѣшенные дѣла: одно — о поступкѣ харьковскаго студента Страхова съ маской, другое — о поступкѣ VII комисіи по присужденію наградъ экспонентамъ здѣшней сельско-хозяйственной выставки съ крестьянникомъ Хитринымъ. По первому дѣлу свидѣтельствовали два очевидца и взаимно противорѣчили другъ другу: одинъ обвинялъ Страхова въ оскорбленіи маски, другой обвинялъ маску въ несправедливомъ ищеніи Страхову за обиду, нанесенную ей кѣмъ-то другимъ. Последнее свидѣтельство поддерживали еще два лица, но въ подробностяхъ показанія разошлись съ этимъ свидѣтельствомъ. Какъ тутъ обществу миѣнію добраться до истины? А между тѣмъ имя Страхова оглашено... Это примѣръ тѣмъ поразительнѣе и тѣмъ грустнѣе, что тутъ пришлось... за смертью обвиняемаго, предать дѣло волѣ Божьей. Студентъ Страховъ 31 января умеръ.

По дѣлу Хитрина первымъ обвинителемъ явился С. С. Лашкаревъ въ письмѣ къ профессору Киттары, и по поводу этого письма въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатана громовая статья, направленная противъ дѣйствій VII комисіи, которая обвинялась въ пристрастіи противъ гениальнаго простолудина-изобрѣтателя, въ пристрастіи противъ всѣхъ экспонентовъ съ русскими фамильями, въ пользу экспонентовъ съ фамильями нѣмецкими. Тутъ досталось нѣмецкой партіи, досталось всѣмъ нѣмцамъ, всѣмъ *фонамъ*, особенно г-ну *фонъ-Петерсону* (предсѣдателю VII комисіи). Но вотъ черезъ нѣсколько дней, въ той же газетѣ являются «замѣчанія» г-на А. Ходнева, изъ которыхъ VII комисія выходитъ ни въ чемъ неповинною, а статья «Сѣверной Пчелы» обвиненною въ неуваженіи къ обществу миѣнію, въ клеветѣ на добросовѣстныхъ подвижниковъ науки; да и г. Лашкаревъ упрекается въ избыткѣ самонадѣянности и недостаткѣ скромности. Такимъ образомъ общественное миѣніе опять поставлено въ затрудненіе: винить ли ему нѣмцевъ въ пристрастіи, или винить нѣкоторыхъ русскихъ, увлекшихся патріотизмомъ, въ клеветѣ? Положимъ оно можетъ очень спокойно отклонить отъ себя рѣшеніе вопроса о личныя качествахъ г. Лашкарева, вопроса, до него не относящагося; но вопросъ о поступкахъ съ Хитринымъ и дальнѣйшая судьба его модели жатвенной машины — должны сильно заинтересовать публику, и ей безъ сомнѣнія хотѣлось бы послушать самаго Хитрина; только врядъ ли удосужится и сладить оны прислать къ ней отъ себя послынную грамотку.

Наконецъ столкнулись мы еще съ однимъ сильнѣйшимъ примѣромъ неосторожной гласности. Жертвою ея стала одна изъ пермскихъ дамъ, провинившаяся только тѣмъ, что на литературномъ ве-

черѣ прочла «Египетскія ночи» Пушкина; а неосторожный корреспондентъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» увлеченный превосходнымъ чтеніемъ, до того откровенничалъ съ редакціею этихъ «Вѣдомостей», до того расиространился въ изліяніяхъ своего восторга, что прислужился женщинѣ, по всей вѣроятности достойной полного уваженія и названной имъ по имени, точь въ точь какъ медвѣдь пустынноку. Нашолся въ нашемъ «Вѣкѣ» нѣкій свирѣпый человекъ, который воспользовался болтливостью услужливаго корреспондента и, во имя морали, ревнуя о славѣ Аскаченскаго и иныхъ праведныхъ, ополчился на женщину дикой и злобной статейкой, наполненной такими ни на чемъ неоснованными намеками, что прочитавъ статейку, мы не хотимъ указывать, гдѣ она напечатана; желали бы даже, чтобъ никто не читалъ ея.

Нашей лѣтописи на этотъ разъ досталось окончиться грустно. Вотъ послѣдняя печальная новость.

Въ воскресенье 26 февраля, въ шестомъ часу утра умеръ Тарасъ Григорьевичъ *Шевченко*. Г. Лазаревскій описалъ (въ «Сѣвер. Пч.») послѣдній день его жизни. Изъ этого описанія мы, между прочимъ, узнаемъ, что наканунѣ смерти, 25 февраля, въ день своихъ именинъ, Тарасъ Григорьевичъ получилъ двѣ поздравительныя депеши: одну изъ Харькова отъ г. Трунова, другую изъ Полтавы слѣдующаго содержанія: «Батьку! полтавці поздравляютъ любого кобзаря съ именинами и просятъ: утни, батьку, орле сизый! Полтавська громада». Утни, батьку, орле сизый, — можетъ быть эта просьба по-русски сказала бы такъ: взмахни крылами, орелъ ты нашъ сизый!.. Мы, *москальи*, даже не знавшіе и не думавшіе 25 февраля, что это день именинъ Шевченка, скорбимъ душою о смерти поэта: что же должны чувствовать его близкіе земляки, у которыхъ нѣтъ другого такого поэта? что должна почувствовать «полтавська громада», когда въ отвѣтъ на свою телеграмму получитъ вѣсть, что уже нѣтъ на свѣтѣ ея любого кобзаря, ея орла сизаго? Знать пѣлъ этотъ кобзарь въ ладъ съ своей пѣвучей родиной; знать умѣлъ онъ извлекать отвѣтные звуки изъ ея сердечныхъ струнъ. Какъ страшно ударить по этимъ струнамъ послѣдняя вѣсть о немъ, съ послѣдними, обращенными имъ къ ней словами: «спасибі, шо не забувають!...» Его не забудутъ: такіе поэты, какъ Шевченко, никогда не забываются народомъ!

ВНУТРЕННІЯ НОВОСТИ

Встрѣча великаго слова. — Воззванія и ожидаемыя послѣдствія. — Суды и прозрѣть устава военно-морского суда. — Пашъ кошмаръ: тѣлесныя наказанія. — Прогрессъ московской полиціи. — Дуэль между двумя журналами за честь будочниковъ. — Вопросъ о цехахъ. — Упраздненіе двухъ округовъ путей сообщенія. — Психологическое явленіе по поводу воскресныхъ школъ. — Мысли о распространеніи грамотности и образованія между крестьянами. — Школа Золотова. — Новый типъ и интересная *внутренняя новость*. — «Курмушь и курмышане», идиллія. — Екатеринбургскій клубъ и балъ на Амурѣ. — Наша симпатія къ глухимъ городкамъ и сила любви къ искусству въ одномъ изъ нихъ, съ эпизодомъ о Нерехтѣ. — Разсужденія о кризисахъ; недостатокъ довѣрія и непокорные должники. — Легкіе признаки возможнаго пробужденія нашей промышленности. — Предпримчивость и разныя формы ея. — Покорность судьбѣ въ русскомъ человѣкѣ. — Еще неосторожная гласность.

Произнесено великое слово: «крѣпостное право на людей отиѣняется»; произнесено то слово, котораго ждали на Руси, какъ ждалъ библейскій человѣкъ обѣтованнаго искупленія; оно встрѣчено тихо и благоговѣйно. Но произнесенное слово — все равно, что брошенное въ землю сѣмя, въ которомъ есть только возможность будущаго дерева. И слово Христово не въ одну минуту преобразило міръ и переродило человѣка; а слову, теперь у насъ произнесенному, назначено почти преобразить Россію и почти переродить русскаго человѣка. Много нужно ухода за посаженнымъ сѣменемъ, пока оно разрастется въ многолѣтвистое дерево; много потребуется труда и заботы, пока наше великое слово примется и усвоится всѣми сердцами, перейдетъ въ настоящее дѣло и своими огромными послѣдствіями обниметъ всю нашу жизнь.

Вотъ почему въ настоящее время вся Россія, читая положенія, Высочайше утвержденныя 19 февраля, въ промежуткахъ между главами, читаетъ воззванія разныхъ газетъ и журналовъ ко всѣмъ русскимъ людямъ, призывающія ихъ на честный, дружный, сочувственный трудъ, на бодрую дѣятельность, на общую помощь общему дѣлу. «Необходимо, взываетъ одинъ, чтобъ каждый изъ старшихъ образованіемъ и мыслью членовъ русской семьи прилагалъ

нелицемерное и упорное стараніе просвѣтить и развить новичковъ въ дѣлѣ воли и самоуправленія ; необходимо , чтобы каждый благонамѣренный собратъ ихъ по мѣсту и крови объяснялъ и указывалъ имъ путь къ утвержденію новаго закона и новаго положенія ; нужно , чтобы наблюденіе за исполненіемъ закона , защита его отъ попытокъ самоуправства и притѣсненія слѣдидись всеобщей задачей , лозунгомъ желающихъ добра отечеству , нужно , чтобы гласность... и проч. «Переставъ быть *обязательнымъ* органомъ государственной власти (говорить другой), наше дворянство пріобрѣтаетъ теперь новое положеніе , которымъ оно должно достойно воспользоваться ко благу народа , а стало быть и къ собственному благу... Законоположенія 19 февраля открываютъ цѣлый міръ новыхъ отношеній , новой дѣятельности , новаго общественнаго быта. Возвращая гражданскую свободу отдѣльнымъ милліонамъ русскаго народа, они на первый разъ еще сильнѣе , еще глубже дѣйствуютъ на тѣ общественные классы , которые уже пользовались *полною* гражданской свободой , и сверхъ того обладали крѣпостнымъ правомъ. Отдавъ назадъ это неестественное и подавляющее право владѣть людьми , наше дворянство получаетъ новое , высокое призваніе. Никогда , во все продолженіе нашей исторіи , не было оно призываемо къ такой плодотворной гражданской дѣятельности какъ теперь ; никогда такъ много не зависѣло отъ его инициативы въ общественномъ дѣлѣ. Дворянству довѣрено многое , и много возложено на него надеждъ ; отъ него будетъ зависѣть оправдать это довѣріе верховной власти и исполнять эти надежды народа».

Если бы мы хотѣли также воззвать въ свою очередь , то принуждены были бы повторить тѣже мысли , можетъ быть только въ другой формѣ. Но форма тутъ дѣло неважное ; изъ уваженія къ мысли , можно даже пропустить въ подобныхъ воззваніяхъ какую-нибудь легкую несоотвѣтственность въ словахъ , если бы она встрѣтилась , какую-нибудь неточность или лишній эпитетъ. Нельзя же уважать восторженнаго настроенія , въ которое все мы пришли въ нѣкоторое время.

«Мы боимся (сказано еще въ одной лирической статейкѣ) незнѣжства , ведобросовѣстности , безпечности , своекорыстія , рутинны...

Жатвы много , а жнецовъ мало , и такъ молитѣ господина жатвы , чтобы выслать жнецовъ на жатву свою.

«Гдѣ жнецы наши ? Гдѣ наши подвижники ?..

«Не можетъ быть , чтобы въ Россіи не было людей ; любящихъ отечество , готовыхъ служить ему и посвятить себя благу народа. Не вовсе оскудѣла русская земля людьми добра и правды».

«Не можетъ быть , чтобы не было на Русси людей правды ; но не

можетъ быть, чтобъ не было и людей неправды, да кромѣ того у насъ есть еще такіе люди, которымъ очень хотѣлось бы идти давно пробитой тропой, которые простодушно убѣждены, что это самая прямая и вѣрная тропа, и даже думаютъ, что пробивать другую, новую — мудрено да и незачѣмъ. Такимъ людямъ, года два-три назадъ, отиѣненіе крѣпостнаго права казалось или несбыточной утопией, или какой-то роковой мѣрой, предвѣщающей чуть не свѣтопреставленіе. «Гдѣжь вы найдете теперь такихъ людей?» спросятъ можетъ быть нѣкоторые читатели. Но нѣтъ, — читатели, живущіе или жившіе внутри нашего отечества, этого не спросятъ. Только намъ, живущимъ на окраинѣ, могло бы показаться, что такіе люди уже исчезли съ лица русской земли, если бы не прилетали къ намъ отголоски съ внутреннихъ пространствъ этой земли. Одинъ человекъ правды недавно, послѣ долгой разлуки, посѣтилъ скромный степной уѣздный городокъ, свою родину, пробылъ тамъ долго ли, коротко ли и говоритъ: «здѣсь все тоже: тѣже люди и тѣже понятія; кажется послѣднія пять лѣтъ пролетѣли надъ ихъ головами, не коснувшись до нихъ; есть еще между ними такіе, которые не стылятся жалѣть о крѣпостномъ правѣ»... Потомъ этотъ человекъ удалился въ горы Кавказскія, и въ горахъ Кавказскихъ повѣло на него свѣжестью: тамъ почуялъ онъ больше жизни и движенія, нежели въ его милой степной родинѣ... Да! многимъ русскимъ людямъ должно или переродиться, или сойти со сцены.

Отиѣненіе крѣпостнаго права коснулось не однихъ двадцати трехъ милліоновъ помѣщичьихъ крестьянъ: въ самый день 19-го февраля Высочайшимъ указомъ повелѣно правительствующему сенату учредить особый комитетъ, которому именоваться *главнымъ комитетомъ по устройству сельскаго состоянія*. Предметъ дѣйствія этого комитета — приведеніе къ однимъ общимъ началамъ устройства и управленія всего сельскаго или крестьянскаго состоянія въ государствѣ. Затѣмъ 5-го марта даны Высочайшіе указы министрамъ императорскаго двора и государственныхъ имуществъ о мѣрахъ къ примѣненію главныхъ началъ положеній 19-го февраля къ крестьянамъ удѣльнымъ и государственнымъ. По исполненіи этихъ мѣръ, т. е. по приведеніи всего сельскаго народонаселенія къ единообразному устройству и управленію, естественно должно послѣдовать уменьшеніе административныхъ учреждений, и вотъ то сокращеніе штатовъ, въ которомъ назадъ тому болѣе десяти лѣтъ сознана была правительствомъ настоятельная потребность и къ которому въ 1851 году сдѣлана была первая, мало впрочемъ ошутимая попытка, по рѣшительной невозможности при существовавшемъ порядкѣ сдѣлать се болѣе ошутимую.

Въ связи съ сокращеніемъ штатовъ, правительство давно стремилось къ уменьшенію дѣловой переписки, которая, какъ замѣчено было, множилась съ году на годъ и не видно было предѣловъ этого умноженія. Мѣры къ уменьшенію ея заключались въ упрощеніи формъ и въ отмѣненіи или сокращеніи нѣкоторыхъ срочныхъ донесеній низшихъ мѣстъ высшимъ. Это конечно должно было нѣсколько задержать силу возрастанія; но такая задержка представляла нѣчто въ родѣ подстриганія вѣтвей сильно растущаго дерева, у котораго чрезъ то растительные соки не убавляются; и дѣйствительно, не слышно было, чтобы какая-нибудь бумажная фабрика упала или хотя уменьшила количество своего производства.

Учрежденіе устнаго крестьянскаго суда безъ сомнѣнія указываетъ въ будущемъ на дальнѣйшее развитіе началъ, положенныхъ въ его основаніе, такъ какъ вопросъ о реформахъ въ нашемъ общемъ судоустройствѣ, какъ извѣстно, давно возникъ. Мы не знаемъ, въ какомъ именно положеніи вообще находится разработка этого вопроса въ настоящую минуту; но вотъ по распоряженію начальства морского вѣдомства составленъ и напечатанъ для общаго свѣденія проектъ устава о военно морскомъ судѣ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ современной лѣтописи «Русскаго Вѣстника» рассмотрѣнъ довольно подробно этотъ проектъ. Мы, въ качествѣ лѣтописцевъ, не беремъ на себя подобнаго же рассмотрѣнія; а только приводимъ, къ слову, нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ основаній новаго морского устава. Онъ присваиваетъ суду возможную самостоятельность и возлагаетъ судъ на самихъ судей, безъ содѣйствія канцеляріи; уничтожаетъ систему формальныхъ доказательствъ и замѣняетъ ее сужденіемъ по внутреннему убѣжденію судей; допускаетъ къ слѣдствію и суду неофіціальныя защитниковъ подсудимаго; принимаетъ публичность суда и словесное пріе на судѣ; наконецъ устанавливаетъ живыя, непосредственныя отношенія между судомъ и лицами, съ которыми онъ долженъ имѣть дѣло.

Такимъ образомъ морское вѣдомство подвигаетъ впередъ вопросъ о преобразованіи суда. Мы имѣемъ поводъ думать, что это вѣдомство занимаетъ также другой гуманнѣйшій вопросъ, съ которымъ раздѣлаться у насъ такъ трудно, что даже и новое положеніе о крестьянахъ не могло вдругъ порѣшить его. Это — вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, защитниковъ которыхъ у насъ еще такъ много во всѣхъ кругахъ и сферахъ. Органъ морского вѣдомства, «Морской Сборникъ» въ объявленіи на 1861 годъ, излагая свои основныя взгляды и сущность своего направленія, между прочимъ говоритъ, что онъ «не можетъ не возставать противъ жестокаго обра-

шенія съ нижними чинами, и отчасти признавая *трудность* замѣненія тѣлесныхъ наказаній на флотѣ другими, болѣе соотвѣтствующими человѣческому достоинству, наказаніями, не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые не находятъ *никакой возможности и надобности* бросить за бортъ линьки и розги, даже относительно лучшей части командъ».

— Если такъ смотритъ спеціальныи органъ флота, гдѣ строгость уставовъ и суровая дисциплина признаются особенно необходимыми, то какъ бы кажется не порѣшить вопроса, по преимуществу болѣзненнаго, на сушѣ и въ мирномъ, гражданскомъ обществѣ! Но такую силу всему придаетъ время, такъ сродняютъ человѣка вѣка со всѣмъ, даже самымъ безобразнымъ, что и это безобразное претворяется въ какую-то злую необходимость, и человѣкъ мирится съ нею, какъ съ чѣмъ-то должнымъ и неотвратимымъ. «Оно нужно носѣчь, потомучто мужикъ балуется», говоритъ русскій человѣкъ Селифанъ о самомъ себѣ, «порядокъ нужно наблюдать; коли за дѣло, то и поѣдки». И каждый русскій человѣкъ, самъ не изыятый отъ тѣлесныхъ наказаній, соглашается съ мнѣніемъ Селифана, не чувствуя, какъ этотъ *порядокъ* растлѣваетъ его и низводитъ со степеней человѣка. Защитники тѣлесныхъ наказаній, сами отъ нихъ изытые, бывають очень послѣдовательны въ своей защитѣ: сегодня они говорятъ, что на русскаго человѣка нельзя подѣйствовать ни чѣмъ кромѣ розги, а завтра будутъ доказывать, что для русскаго человѣка трехдневный арестъ, особенно въ рабочую пору, не въ примѣръ тяжелѣй розогъ. Изъ того и изъ другого они выводятъ одно и тоже заключеніе о необходимости розогъ — по первому доводу, чтобъ было чѣмъ дѣйствовать на русскаго человѣка, а по второму — чтобъ не наноситъ ущерба его хозяйству арестами въ рабочую пору. Какая, подумаешь, любовь къ *порядку* и какая, съ другой стороны, вѣжная заботливость о хозяйственныхъ выгодахъ русскаго человѣка! Въ тоже время большая часть этихъ защитниковъ стыдится не признавать абсолютнаго безобразія тѣлесныхъ наказаній и только стоитъ на невозможности обойтись безъ нихъ; но эти защитники простодушно упускають изъ вида то обстоятельство, что вѣдь русскаго человѣка приучили къ розгѣ; стоитъ только дать ему отвыкнуть отъ нея, и тогда она не только не будетъ необходимою, но даже сдѣлается невозможною. А эта привычка ужъ копечно не изъ тѣхъ, отъ которыхъ отвыкать трудно, и не знаю, что другое могло бы такъ успѣшно произвестъ нравственное перерожденіе русскаго человѣка, какъ эта отвычка.

Московская полиція, какъ слышно, приступила къ отученію русскихъ людей отъ розги: она, говорятъ, употребляетъ всѣ мѣры,

для ограниченія тѣлесныхъ наказаній безъ суда; а женщины уже рѣшено вовсе не подвергать этому наказанію...

Московская полиція напомнила намъ недавній московскій споръ, споръ жаркій, даже можно сказать ожесточенный, происходившій между двумя тамошними журналами, касающійся полиціи и неизбежно наводящій на нѣкоторыя размышленія. Спорящіе журналы «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости»; предметъ спора — ночная стража. Первый журналъ высказалъ мысль о замѣнѣ неподвижно-стоящихъ будочниковъ, составляющихъ у насъ ночную стражу, наемными отъ городского общества сторожами, образующими артель, и указалъ при этомъ на расположеніе русскаго народа къ артельному устройству. Второй журналъ или, собственно говоря, одинъ изъ его сотрудниковъ, объявлялъ эту мысль неудобопримѣнимою и нашолъ невозможнымъ замѣнить артелью городскую полицію и ни съ чѣмъ не сообразнымъ отдать въ артельное управленіе «функцию государственной власти». Конечно свойственно человѣку не сойтись въ мнѣніи съ своимъ ближнимъ; свойственно даже, по человѣческой слабости, принять ошибкой будочниковъ за функцию государственной власти, т. е. за всю полицію въ ея полномъ составѣ, и вступить за эту функцию, — все это можетъ случиться съ человѣкомъ. Но откуда же ожесточеніе? А ожесточеніе было, даже до такой степени, что редація «Русскаго Вѣстника» была кажется заподозрѣна въ ненормальномъ состояніи ея здоровья. Заподозрѣнная редація, разумѣется, не осталась въ долгу, и споръ перешолъ въ перебранку. Перебранка конечно не большая бѣда; послушать перебранку, особенно между умными людьми, бываетъ иногда весело, если только ее ведутъ умно и честно, не прибавляя къ словамъ щипковъ и кусковъ грязи. Но здѣсь, т. е. въ московскомъ спорѣ, чувствуется нѣкая посторонняя примѣсь побужденій, независимая отъ самаго предмета спора, чувствуются щипки и пр. Мысль о замѣнѣ стоящихъ на мѣстѣ будочниковъ наемными сторожами, соединенными въ русскую, издавна знакомую и сродную народу артель, такъ современна, такъ гармонируетъ съ настоящимъ стремленіемъ къ простѣйшему и естественнѣйшему общественному устройству, при томъ и русскимъ людямъ такъ нужно и такъ пора перестать на каждомъ шагу, въ каждомъ будочникѣ видѣть «функцию», и вслѣдствіе того считать его не своей вѣрной охраной, а чѣмъ-то пугающимъ, какимъ-то нескромнымъ глазомъ, чѣмъ-то такимъ, отъ чего нужно только сторониться, что право не только нельзя было разсердиться на эту мысль, но и возражать-то противъ нея слѣдовало бы поосторожнѣе. Откуда же раздраженіе? Изъ-за чего же амбиція?

Если тутъ въ самомъ дѣлѣ примѣшалось постороннее побужденіе и, чего добраго, личная страстишка, то вотъ уже и не честно приносить ей въ жертву мысль и можетъ быть умышленно показывать ее, принимая будочника за функцію государственной власти... Впрочемъ и не всегда всякому легко отрѣшиться отъ личныхъ отношеній и страстишекъ въ пользу какой-нибудь полезной идеи; такъ пожалуй дѣло пойдетъ на героизмъ, на гражданскую доблесть... Куда ужъ тутъ: и безъ того много на свѣтѣ оглушительно громкихъ и до слезъ умилятельныхъ фразъ, при которыхъ произносящій ихъ перѣдко приговариваетъ про себя, какъ Чичиковъ: «ой врешь, да еще и сильно!»

Возникшій вопросъ о почвой стражѣ относится къ устройству городского общественнаго быта, который не можетъ же оставаться въ прежней колеѣ въ виду совершающагося теперь устройства быта сельскаго. Коренное преобразование сельскаго быта должно вызвать и послѣдовательныя преобразованія въ болѣе сложномъ бытѣ городскомъ. Мы видимъ уже начало этихъ преобразованій, и къ послѣднимъ извѣстіямъ этого рода должно отнести извѣстіе, сообщенное въ передовой статьѣ 45 № «Сѣверной Пчелы», о происходящемъ теперь пересмотрѣ постановленій о фабричной и ремесленной промышленности. Тамъ сказано, что правительство давно уже сознало недостаточность этихъ постановленій и дошло до заключенія о необходимости въ коренномъ преобразованіи всей ихъ системы. Главнѣйшая ихъ недостаточность состоитъ въ неточномъ разграниченіи фабричной промышленности отъ ремесленной. Пользуясь этой неточностью, ремесленныя управы, изъ видовъ усиленія ремесленныхъ сборовъ, простирали на разныя фабричныя заведенія свои требованія о запискѣ въ цехи. При обсужденіи этого законодательнаго предмета возникъ вопросъ: полезно ли самое учрежденіе ремесленныхъ управъ и необходимо ли существованіе самихъ цеховъ. Собранные факты показали, что вліяніе ремесленныхъ управъ на развитіе и усовершенствованіе ремеслъ весьма сомнительно также какъ и польза существованія цеховъ, которые во многихъ европейскихъ странахъ давно уничтожены. Вслѣдствіе этого, мысль объ окончательной отиѣпѣ обязательныхъ цеховыхъ обществъ, выраженная въ отдѣленіи мануфактурнаго совѣта, намъ (какъ сказано въ статьѣ) полное сочувствіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Для разсмотрѣнія этого предположенія составлена при министерствѣ финансовъ особая коммисія; предсѣдатель ея А. О. Штакельбергъ былъ въ прошедшемъ году командированъ за границу для собранія разныхъ свѣденій о цѣхахъ, о поводахъ къ ихъ уничтоженію въ разныхъ государствахъ, о вліяніи ихъ бытія или

отмѣны на ремесла и проч. ; между тѣмъ внутри Россіи собирались данныя о томъ, въ какой степени исполняются нынѣшнія ремесленныя постановленія и какія при этомъ встрѣчаются затрудненія. Теперь коммисія составила программу своихъ работъ и приступила къ выполненію ея.

Не знаю, найдутъ ли читатели какую-нибудь связь въ нашихъ мысляхъ, если мы, говоря о томъ, что въ городскомъ устройствѣ необходимо предстоить много преобразованій, приведемъ слѣдующее недавно состоявшееся постановленіе : «предсѣдатель и старшины рыбинскаго биржевого комитета могутъ, на время закрытія навигаціи, пользоваться отпусками, по журналамъ сего комитета, безъ испрошенія особаго на то разрѣшенія и полученія увольнительныхъ свидѣтельствъ. Производство письменныхъ дѣлъ въ комитетѣ во время ихъ отсутствія возлагается на старшаго маклера». Прежде, какъ видите, они не могли этого дѣлать.

Мы сказали, что съ приведеніемъ къ однимъ общимъ началамъ управленія всего сельскаго состоянія должно послѣдовать уменьшеніе административныхъ учрежденій и стало быть давно желанное сокращеніе штатовъ. Въ ожиданіи этого будущаго, мы можемъ теперь пока занести въ нашу лѣтопись недавно слѣланное сокращеніе въ такомъ вѣдомствѣ, на которое, по его специальности, вліяніе новаго устройства сельскаго быта можетъ быть въ первое время и не распространится. Изъ числа существовавшихъ у насъ (преобразованныхъ въ 1843 году) тринадцати округовъ путей сообщенія, два округа, именно VII и IX, въ февралѣ нынѣшняго года упразднены, а находившіеся въ нихъ вѣдѣнія пути причислены частями къ другимъ смѣжнымъ округамъ. Распределеніе этихъ путей не должно было представить особенныхъ затрудненій, потомучто напри- мѣръ въ VII-мъ округѣ, правленіе котораго находилось въ Саратовѣ, изъ искусственныхъ путей было всего 85-ть верстъ воронежскаго шоссе (отъ Воронежа до г. Задонска); а за чѣмъ гг. штабъ и оберъ-офицеры округа вѣдали только плаваніемъ по естественныхъ водамъ рѣкъ : Волги, Суры, Мокши, Хопра, Медвѣдицы, Воронежка и части Дона... Въ вѣдѣніи IX-го округа, административный центръ котораго находился въ Екатеринославѣ было екатеринославское шоссе и потомъ опять естественныя воды : части Дона съ сѣвернымъ Донцомъ, Днѣпра, Сожи и Десны. Такимъ образомъ эти два округа, послѣ шестнадцатилѣтняго своего существованія почли отъ дѣлъ. Изъ воспоминаній объ этомъ мы знаемъ только одно довольно крупное дѣло : расчистку днѣпровскихъ пороговъ, которая долго занимала IX округъ ; о VII округѣ ничего припомнить не можемъ.

Заговоривъ въ первый разъ о путяхъ сообщенія, мы очень же-

жалк-бы передать читателямъ еще что-нибудь по этой чрезвычайно важной части, которая называется спеціальною только по ея техническимъ процессамъ, по практической-же цѣли этихъ процессовъ и ихъ конечнымъ результатамъ до крайности полна общаго интереса. Мы всей душой желали-бы изобразить послѣдніе результаты движенія у насъ этой части, новѣйшіе успѣхи развитія нашихъ путей сообщенія, прямыхъ путей къ процвѣтанію нашего обшпрнаго, отечества. Но сознавая важность предмета, мы вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ на этотъ разъ недостатокъ собственной подготовки, недостатокъ общедоступныхъ, малыми крупницами попадающихся изрѣдка въ разныхъ изданіяхъ данныхъ для составленія желаемаго нами изображенія. Правда, общества желѣзныхъ дорогъ возбуждаютъ много толковъ, но эти толки преимущественно касаются акціонерскихъ кармановъ; мы же больше сочувствуемъ бокамъ ближнихъ, осужденныхъ на странствованіе по землѣ русской, и участи плодовъ земныхъ, движущихся изъ конца въ конецъ на проволочствіе человѣку... Притомъ въ настоящую минуту мы еще подъ вліяніемъ великаго слова, и въ головѣ у насъ все кружатся предметы, имѣющіе съ нимъ близкую связь, — одни какъ видимыя вдали послѣдствія, другіе какъ вспомогательныя, подсобныя средства для его скорѣйшаго и успѣшнаго осуществленія. Въ числѣ этихъ послѣднихъ одно изъ первыхъ и важнѣйшихъ мѣстъ конечно занимаетъ дѣло о распространеніи грамотности, которое теперь вдругъ получило новую степень интереса, сдѣлалось больше чѣмъ когда-либо предметомъ вопіющей потребности. И сущность этого предмета такъ обаятельна, что хотѣлось-бы поймать каждую мысль, каждое сказанное о немъ слово, да и записать его въ назиданіе читателямъ, — какъ-будто этимъ вотъ такъ и подвинешь дѣло... Хотѣлось бы такъ и подвинуть дѣло, чтобы какъ можно поскорѣе, — хоть тогда, какъ засвѣтится первая лучина въ избахъ, — вдругъ весь сельскій людъ отъ мала до велика усѣвшись передъ этой лучиной, взявъ въ руки по номеру «Пчелки» или, еще лучше, обшпанной «Бесѣды» г-на Погоскаго (*), да и принялся бы — кто толкомъ кто складомъ... Этого конечно такъ скоро не будетъ, даже, можетъ быть, долго не будетъ, но все равно: мы будемъ страстно желать и въ силу этого желанія намъ вѣроятно простятъ то, что мы не оставимъ любимаго предмета, постоянно слѣдя за всѣми мельчайшими успѣхами его, до тѣхъ поръ, пока исполнится наше желаніе хоть въ половину.

(*) Г. Погоскій, издатель журнала: «Солдатская Бесѣда», объявляетъ, что онъ получилъ разрѣшеніе на изданіе другого подобнаго-же журнала подъ названіемъ: «Бесѣда, народный вѣстникъ начальнаго образованія».

Воскресныя школы уже показали, что можно слѣлать миротъ, если миръ возьмется за дѣло честно и свято, съ энергіей и страстью. Онѣ принялись несомнѣнно и казалось бы, что уже нечего о нихъ беспокоиться, что ихъ существованіе и дальнѣйшее развитіе обезпечены и что общая забота могла бы теперь перейти отъ этихъ городскихъ школъ на школы сельскія. Но въ природѣ духа человѣческаго есть одно удивительное свойство: при самой свѣтлой картинѣ, среди самаго яснаго настроенія, вдругъ набѣгаетъ иногда какое-то темное облачко, мгновенный страхъ, безотчетное опасеніе. Одна хорошая старушка, мать многочисленнаго семейства, считавшая себя очень счастливою въ своемъ семействѣ, вдругъ начала какъ-то особенно живо ощущать свое счастье, свое ничѣмъ невозмутимое семейное благополучіе, и среди этого сладкаго ощущенія стали набѣгать на нее такія минуты: «Что это, говорила она, какъ мнѣ хорошо! какъ я здорова, счастлива, какъ все меня радуетъ! Мнѣ такъ хорошо, что даже страшно: къ добру-ли это? Я ужъ боюсь, не случилось-бы у насъ чего нибудь...» И странно! чѣмъ это кончилось: здоровая и счастливая старушка мѣсяца два или три была въ такомъ настроеніи и — умерла... Мы не думаемъ проповѣдывать вѣру въ предчувствія, — мы говоримъ только о фактѣ и о возможности такого явленія въ духовной жизни человѣка; мы хотимъ сказать, что можетъ возникнуть такой мгновенный страхъ и такое размышленіе: ужъ къ добру-ли, что такъ хорошо, легко принялись и такъ безпрепятственно пошли у насъ воскресныя школы? Что, если врагъ человѣка и всякаго добра позавидуетъ такому успѣшному ходу дѣла и науститъ кого нибудь изъ служителей мрака подбросить камень преткновенія? Въ служителяхъ у него не бываетъ недостатка. «Что это за школы? заговорятъ они, — откуда онѣ взялись? Отъ чего ихъ прежде не было, а теперь вдругъ такъ много расплодилось? И къ чему поведутъ онѣ? Нѣтъ-ли тутъ опасности? Что тамъ дѣлаютъ, что говорятъ, какой духъ развиваютъ? Вотъ слышно, одинъ ученикъ уже показалъ излишнюю развязность предъ лицомъ старшаго. Кстатили такое нарушеніе дисциплины? Не повредило-бы это общественному порядку? Не слѣдуетъ ли положить предѣлы этимъ школамъ?..» Враги добра всегда говорятъ про добро: только у нихъ обыкновенно добро ограничивается словами.

Въ числѣ разныхъ извѣстій о воскресныхъ школахъ находимъ слѣдующее изъ Нижняго Новгорода: «17-го января Е. А. Рагозина и Е. П. Скандовская получили отъ директора гимназій увѣдомленіе, что г. помощникъ попечителя дозволяетъ имъ открыть женскую воскресную школу въ зданіи гимназій, причемъ г-жанѣ учредительницамъ поставлено на видъ, что въ женскихъ воскресныхъ шко-

лахъ не должны быть допускаемы въ учредители и распорядители молодые люди всякаго рода службы и званія. Школа открыта 22 января. Кромѣ учредительницъ, обязанность обучать приняла на себя г-жа Поливанова, Иванова, Боборыкина и др., а преподаваніе закона Божія — священникъ Костровъ. Такимъ образомъ въ настоящее время въ Нижнемъ четыре воскресныя школы: двѣ мужскія и двѣ женскія».

Изъ Валдая: «Вчера (12 февраля) у насъ въ Валдаѣ происходило открытіе воскресной школы. Учениковъ разныхъ возрастовъ на первый разъ явилось только *одиннадцать*... Въ слѣдующее воскресенье, надѣемся, учениковъ явится значительно больше. Занятіе въ школѣ назначено тотчасъ послѣ обѣдни, чтобъ дать возможность несѣять школу крестьянамъ, приходящимъ въ городъ къ обѣднѣ изъ окрестныхъ деревень. Школа открыта попеченіемъ валдайскаго градскаго головы Ивана Никитича Терскаго». Тутъ же сообщена слѣдующая достопримѣчательность: «4 декабря мы съ удовольствіемъ смотрѣли комедію Островскаго «Не въ свои сапоги садись», разыгранную нашими чинами батальонной школы 4-го резервнаго батальона Эстляндскаго вѣхотнаго полка. Еслибы мы не были предупреждены, что пьеса будетъ разыграна солдатами, то никакъ не могли бы предположить, что передъ нами люди, только два года назадъ начинашіе учиться грамотѣ: Такое отчетливое выполненіе ролей сдѣлало бы честь и не простому солдату... Послѣ представленія, многіе купцы города стали поговаривать, что будто бы офицеры выбрали эту пьесу въ насмѣшку здѣшнему купечеству». Помилуйте купцы честные! какая же это насмѣшка! Въдѣ пьеса-то хорошая, да и выставлены въ ней изъ купческаго званія все хорошіе, душевные люди. Не оскорбляетъ ли, можетъ быть, васъ самое названіе пьесы? Но авторъ ея не имѣлъ въ виду оскорбительнаго смысла, который въ иныхъ случаяхъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ эта пословица.

Изъ Казани: студенты университета изъявили желаніе открыть воскресную школу при тюремномъ замкѣ, для арестантовъ.

Между-тѣмъ благодатный примѣръ воскресныхъ школъ начинаетъ увлекать и сельскихъ обитателей. Нѣкто Кинешемскій помещикъ (Костромской губерніи) пишетъ въ «Экономическомъ Указателѣ», что «потребность въ образованіи чувствуется въ нашемъ крестьянскомъ сословіи все болѣе и болѣе, живѣе и живѣе». Потомъ онъ разсказываетъ, что положеніе этого образованія все-таки очень жалкое; спрашиваетъ, откуда же мы можемъ и должны ожидать улучшения такого положенія, и далѣе говоритъ: «до сихъ поръ правительство главную роль въ учрежденіи школъ и въ распространеніи

образованія предоставляло себѣ. Оно беретъ на себя: снабженіе училищъ учителями и пособіями учебными, издаетъ учебники, дозволяетъ или не дозволяетъ употребленіе тѣхъ или другихъ учебниковъ, беретъ на себя надзоръ за училищами, безъ своего согласія и вѣдома не дозволяетъ учрежденія ни одной школы! Правда, правительство обращается иногда къ городскимъ обществамъ, побуждая ихъ къ благотворительности; оно къ каждому среднему и высшему учебному заведенію присовѣщивало должностъ почетныхъ попечителей и почетныхъ смотрителей, которые обязаны ежегодно жертвовать извѣстную сумму и могутъ наблюдать за своими училищами. — Но этимъ и ограничивается все участіе общества въ дѣлѣ народнаго образованія. Дальнѣйшія разсужденія приводятъ кивнешкаго помещика къ такому заключенію: *движеніе въ пользу распространенія народнаго образованія должно выходить изъ самаго общества въ удовлетвореніе прямыхъ его потребностей, должно сообразоваться съ различіемъ потребностей той или другой мѣстности.* Въ подтвержденіе этого заключенія онъ указываетъ на воскресныя школы, созданныя частными усиліями и средствами и быстро привившіяся всюду сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ разныхъ мѣстностей.

Свободное движеніе общества и его отдѣльныхъ членовъ не можетъ не согласоваться съ насущными потребностями самаго общества. По этому оно идетъ легко и прививается успѣшно; при этомъ самыя приемы имѣютъ большое значеніе: изъ нихъ избираются самыя сподручныя, сообразныя мѣстнымъ условіямъ, даже ярымъ и обычаемъ, если только выборъ ихъ не стѣсненъ никакою формою. Эту послѣднюю мысль, какъ сейчасъ увидимъ, раздѣляетъ управляющій рязанской палатой государственныхъ имуществъ, который особенно заботится объ открытіи въ селеніяхъ воскресныхъ школъ и *духовныхъ бесѣдъ*.. Въ рязанской губерніи, инициатива образованія крестьянъ принадлежитъ духовенству, а потому она и приняла тамъ форму «духовныхъ бесѣдъ для толкованія Закона Божія». Первый примѣръ къ тому подалъ священникъ рязанскаго уѣзда села Аграфениной пустыни о. Аеавасій Арбековъ, а ему тотчасъ послѣдовалъ того же уѣзда въ Рыковой слободѣ священникъ о. Николай Ловцовъ. Бесѣды происходятъ по праздникамъ между заутреней и обѣдней; въ Рыковой слободѣ крестьяне собираются въ мѣстномъ приходскомъ училищѣ и охотно слушаютъ то, что имъ объясняютъ. Между тѣмъ управляющій палатой далъ циркулярное предложеніе подчиненнымъ ему окружнымъ начальникамъ, въ которомъ говоритъ: «Изученіе грамоты не должно быть стѣсняемо никакой формою, никакою методою. Каж-

дому наставнику должна быть предоставлена полная свобода дѣйствовать по своему крайнему разумѣнію, съ одной стороны для того, чтобъ онъ самъ, начавъ преподаваніе по избранному и задуманному имъ способу, смотрѣлъ на него какъ на выраженіе задушевнаго своего убѣжденія, какъ на любезное и дорогое для себя дѣтище, съ преуспѣваніемъ котораго онъ связавъ всѣмъ сердцемъ; всею душою, съ другой же стороны и для того, чтобъ дать возможность сообразоваться не только со степенью развитія учащихся въ массѣ, но и со способностями и стремленіями каждаго изъ нихъ въ отдѣльности».

Въ Вязмѣ инициатива возникаетъ съ другой стороны: тамъ дворянство учреждаетъ *общество распространенія грамотности и образованія въ простомъ народѣ*. Писнуть, что оно очень недавно обратилось къ своему предводителю съ слѣдующимъ официальнымъ письмомъ: «Сознавая настоятельную потребность въ распространеніи грамотности и образованія въ простомъ народѣ, какъ наиболее современныхъ средствахъ къ смягченію его нравовъ, мы, по примѣру Одессы, Костромы и многихъ другихъ городовъ, рѣшились образовывать постоянное общество въ городѣ Вязмѣ, и какъ по существующимъ законамъ мы не имѣемъ на то права безъ предварительнаго разрѣшенія отъ правительства, то прилагая при семъ проектъ устава» и пр. Прибавляютъ, что предводитель уже слѣлалъ объ этомъ надлежащее представленіе.

Мы указали на послѣдніе примѣры инициативы духовенства и дворянъ въ дѣлѣ образованія народа; желали бы указать и на инициативу самаго народа, самихъ членовъ сельскаго населенія; но она еще впереди и ей то нужно ждать, чтобъ надлежащимъ образомъ осуществилась воображаемая нами картинка, представляющая весь сельскій людъ читающимъ предъ пылающей лучиной (тогда, пожалуй, зажгутъ и свѣчку: грамотность дастъ достатокъ) «Бесѣду» г-на Погоссаго. Объ этомъ разумныя и одушевленные рѣчи высказалъ г. Дм. Дашковъ въ 11 № Современной Лѣтописи «Русскаго Вѣстника». Встрѣтивъ въ одной статьѣ, жалуемой на бесполезность и даже зловредность обученія народа *«самодѣльными и самозваными педагогами»*, г. Дашковъ отпривляется отъ той-же мысли, какую высказалъ кинешемскій помѣщикъ и прилагаетъ ее къ самому народу. Онъ говоритъ, что нельзя ничего сдѣлать для народа, безъ сочувствія и готовыхъ потребностей самаго народа; что потребность всякаго органическаго созданія, отъ дерева до чело-вѣка, развиваться изнутри, а не вѣшними приложеніями и надбавками; и перебирая статью, ожидающую правительственныхъ распоряженій для приготовленія народу учителей, доходитъ до слѣдующихъ словъ: «Мнѣ не вѣрится, чтобы здоровая природа всякаго

парода, а следовательно и русскаго, не могла выработать изъ среды своей, своими силами, незамысловатый типъ простого, честнаго сельскаго учителя, на столько умѣющаго читать, чтобы знакомились съ фактами и указаціями, которые передаетъ ему почта изъ зааса чужой оцѣтності, на столько любящаго дѣтей, чтобы думать о благѣ ихъ, желать его и заботиться о развитіи ихъ сердца и разума; чтобы — по глубокому выраженію народа объ учительѣ на этомъ поприщѣ — быть страдальцемъ дѣтей русскаго.

«Ну, а первый-то портной у кого учился?» спрашиваетъ затѣмъ г. Дашковъ, и конечно отвѣчаетъ самъ на свой вопросъ. Но мы на этотъ разъ перебежимъ его рѣчь и отвѣтимъ на вопросъ — *частною школою для образованія сельскихъ учителей*, открываемою г. Золотовымъ, Известная и всюду распространившаяся метода г. Золотора для обученія чтенію и писью, говорятъ, не вездѣ идетъ успѣшно, именно потому что не всѣми преподавателями усвоивается. Вслѣдствіе этого неудобства, г. Золотовъ по сдѣланнымъ ему порученіямъ въ предыдущихъ годахъ приготовилъ нѣсколько преподавателей изъ удѣльныхъ крестьянъ и нижнихъ чиновъ, которые потомъ сами приготовляли другихъ преподавателей. Эти привѣры навели теперь г. Золотора на мысль, открыть частную школу съ исключительной цѣлью образованія сельскихъ учителей или, говоря словами ея программы, «распространенія разумной грамотности чрезъ людей, преимущественно взятыхъ изъ среды самаго народа». Вотъ эти-то люди и будутъ первыми портными... Конечно школа г. Золотора не останется же единственною въ своемъ родѣ.

Большаго ничего въ эту минуту не имѣемъ сказать о движеніи въ пользу распространенія образованія между простымъ народомъ. Но наша задача — вести хронику общественнаго движенія вообще, отмѣчать всѣ шаги общества, какъ бы в куда бы оно ни ступило. Слѣдуютъ факты.

Во первыхъ послѣднее время выработало у насъ въ литературѣ новый типъ, стало быть въ обществѣ — новый классъ людей, которые будутъ отнынѣ именоваться *литераторами-обывателями*. Это литературное распоряженіе стало извѣстно намъ такимъ образомъ. Бесѣдовали нѣд. на страницахъ одной газеты, съ однимъ екатеринославскимъ обывателемъ. «Екатеринославское купеческое и ремесленное общество, говоритъ обыватель, пронзичутый благороднымъ духомъ обличенія и сознаніемъ великаго значенія гласности, — это общество, при равнодушіи къ просвѣщенію, умѣютъ только скопидать деньги. За чѣмъ, дескать, образованіе работнику или прикащику, — это дѣлать въ мутной водѣ рыбу ловить!» Въ продолженіе двухъ лѣтъ равнодушіе здѣшняго купеческаго об-

щества выразилось вполнѣ; ни одинъ человекъ изъ этого сословія не пожертвовалъ для воскресной школы ни гроша... Г. начальникъ губерніи заболѣлъ объ учрежденіи въ Екатеринославѣ женскаго училища 2-го разряда, — и на всѣ его убѣжденія городское общество едва согласилось жертвовать по 800 руб. ежегодно. Можно ли на такую скудную сумму организовать и содержать приличное училище?

— Нельзя, отвѣчали мы.

— Между тѣмъ, продолжалъ обыватель, можно утвердительно сказать, что въ числѣ здѣшнихъ купцовъ и оптовыхъ торговцовъ многіе ворочаютъ не десятками, а сотнями тысячъ.

— Скажите! промолвили мы съ видомъ изумленія.

— Видите ли? снова продолжалъ обыватель, замѣтно олушевляясь. — А какъ не порадоваться наприимѣръ на уѣздный городъ Екатеринбургъ, гдѣ общество купцовъ и мѣщанъ, встрѣтивъ общимъ сочувствіемъ учрежденію женскаго училища, изъявило готовность вносить на содержаніе его по двѣ тысячи...

— Messieurs! раздалось вдругъ за нами, и г. надворный совѣтникъ Щедринъ предсталъ намъ въ ту самую минуту, когда мы только-что собирались въ простотѣ души пачать сладить обличительный духъ и любовь къ гласности почтеннаго обывателя.

— Messieurs! докторилъ его высокоблагородіе,

Мы привстали.

— Cher Корытниковъ, продолжалъ онъ, обращаясь уже исключительно къ нашему собесѣднику (*Корытниковъ* — имя собирательное, означающее вышеупомянутый новый типъ, о которомъ мы тутъ-то и узнали), cher Корытниковъ! бросьте подъ столъ перо ваше, илѣ обуздайте вашу мысль, Юный другъ мой! вы окупаете ее, вашу мысль, въ многочисленныя солнца души вашей. Зачѣмъ, когда вы беретесь за перо, то васъ внезапно одолеваетъ какое-то адское самоуслажденіе? Вспомните, mon cher, что содовой потому имѣеть право наслаждаться самимъ собою и заслушиваться своихъ пѣсень, что пѣсни, которыя онъ поетъ, суть его собственныя пѣсни! Слѣжайте-ка намъ ваше собственное «ю-ю-ю-ю» и тогда в первый готовъ признать ваше право на самонаслажденіе.

Мы почувствовали, что кровь бросилась намъ въ лицо, и подумали про себя, не смѣя заговорить вслухъ: Боже мой! да кого же изъ малыхъ міра сего можно лишить права на самонаслажденіе? Право это дала природа, а не люди, всякой твари земной; загляните въ душу всякаго человекъ, и вы увидите тамъ, цѣлое гнѣздо самонаслажденія. Разорите это гнѣздо, и человекъ будетъ очень несчастливъ: онъ умалится въ собственныхъ глазахъ, будетъ недоволенъ собою... Содовой имѣеть право заслушиваться

своих пѣсень, а чижики и снигири не имѣютъ? Но вѣдь они непременно позволяютъ себѣ это невинное удовольствіе — незаконно стало быть? Соловей поетъ собственные пѣсни; но чижики и снигири считаютъ свои скромныя пѣсни тоже собственными — разувѣрте-ка ихъ въ этомъ!.. Обыватель, къ которому непосредственно относилось его высокоблагородіе, стоялъ видимо недоумѣвая, къ чему идетъ рѣчь и за что его распекаютъ. Рѣчь между тѣмъ являлась сильнымъ, блестящимъ потокомъ, настоящею соловьиною пѣснюю, и первая половина ея заключилась наконецъ слѣдующими словами: «И такъ — больше краткости, любезный Корытниковъ! больше той величественной краткости, которая прямо и неуклонно вливается въ самую морду заподозрѣннаго въ гнусности субъекта — и тогда смѣло дерзайте на поприщѣ гласности».

Эти ободрительныя слова видимо успокоили обывателя; онъ сталъ смотрѣть смѣлѣе, но слѣды недоумѣнія все еще оставались на лицѣ его.

— Еще позволю себѣ одно замѣчаніе, снова началъ г. Щеринъ: — вы не всегда удачно выбираете темы для вашихъ обвиненій и не всегда удачную берете для нихъ обстановку... Мнѣ кажется, что вы скользите только по поверхности; вы только подозреваете, что есть гдѣ-то въ окрестностяхъ вашихъ болото, но гдѣ оно и какого оно свойства — это тайна, которую вамъ врядъ ли суждено когда-нибудь проникнуть. (Обыватель оскорбляется и начинаетъ благородно негодовать). Знаете ли, какое впечатлѣніе сдѣлало сейчасъ рассказанное вами обличительное извѣстіе? Слушайте: «Вотъ тебѣ и съ праздникомъ! сказала, прочитавъ вашу любезность, одна изъ купеческихъ личностей, о которыхъ вы говорите.

— За что же онъ насъ по зубамъ-то треснулъ? спросила въ свою очередь другая, столь же купеческая личность.

— А такъ вотъ: проѣзжалъ по близости — и заѣхалъ. Поди ты судись съ нимъ!»

— И я спрошу васъ: за что вы треснули по зубамъ гражданъ? Чѣмъ виноваты граждане? Тѣмъ ли, что ихъ ужъ тошнить отъ общеполезныхъ устройствъ и сопряженныхъ съ ними пожертвованій? Тѣмъ ли, что они, быть можетъ, имѣютъ причины (по ихъ разумѣнію, даже весьма законныя), не желать именно *этихъ* общеполезныхъ устройствъ?

Обыватель покраснѣлъ и совершенно сконфузился... А! дорогой собесѣдникъ! подумали мы, глядя на него, — теперь вы узнали, «что значитъ надлежащее должностное распеканье?» Зачѣмъ же вы сами сиѣшили распекать гражданъ за то, что они дали восемь сотъ, а не двѣ тысячи; и распекли-то ихъ, можетъ быть, даже не въ вѣ-

дахъ «самоуслажденія», какъ подозрѣваетъ г. надворный совѣтникъ, а — чего добраго — въ угоду кому-либо... Мы даже почти убѣждены, что это именно такъ случилось... Вы не приняли въ уваженіе, что потребностей насильно навязывать нельзя.

Намъ однако кажется, что не весь собирательный Корытниковъ проникся понимаемъ внутренняго побужденія, заставившаго г. Щедрина прочесть ему это строгое поученіе, хотя прослушавъ внимательно и поразмысливъ, понять его не трудно. Надо вспомнить, что всякую вещь, даже такую прекрасную вещь какъ гласность, легко можно опошлить, если сдѣлать ее моднымъ кафтаномъ и начать во чтобы ни стало шить этотъ кафтанъ изъ всего, изъ всѣхъ возможныхъ тканей, держась съ буквальной точностью разъ установленнаго модою покроя. А когда хорошая вещь опошляется, стало быть падаетъ и теряетъ цѣну, становится ужасно жаль и ужасно досадно.

Кончивъ поученіе, г. Щедринъ поднялъ взоръ къ небу и произнесъ, какъ бы говоря самъ съ собою, слѣдующую чрезвычайно любопытную тираду: «Разрушительно дѣйствуешь ты, о гласность! и не только на отдѣльныхъ людей, но и на цѣлые общественные организмы. Не смотря на учрежденіе женскихъ гимназій и воскресныхъ школъ, не смотря на процвѣтаніе трезвости, не смотря на успѣхи, которые въ послѣднее время слѣлала мысль о самоуправленіи, провинціальныи нашъ людъ скучаетъ и бьетъ баблужи. Прежняя привольная жизнь провинцій исчезаетъ все болѣе и болѣе; вмѣсто нея поселяется какая-то чопорная патянупость, какой-то нелѣпый антагонизмъ, еще не высказывающійся ясно, но уже дающій себя чувствовать особаго рода метаніемъ взоровъ, расширеніемъ воздрей, покоробленіемъ устъ и общимъ рылокошеніемъ... Какое-то подглядыванье и подслушыванье всасывается повсюду: и въ присутственныя мѣста, и въ клубы, и въ частныя дома, не говоря уже объ улицахъ, перепутьяхъ, распутьяхъ и мѣстахъ пустопорожныхъ. Садитесь ли вы въ клубъ за карты, вы даже зажмуривъ глаза, ощущаете, какъ изъ темнаго угла сверкаютъ на васъ глаза мѣстнаго публициста, какъ-будто говоря вамъ: «Малодушный! какъ могъ ты найти въ себѣ рѣшимость заниматься прерѣвными картами въ то время, когда отечество»... и пр.

Мы не имѣемъ чести знать мѣсто жительства г. Щедрина, но имѣемъ сомнѣнія, что голосъ его несется къ намъ изъ оныхъ мѣстъ «общаго рылокошенія». Благодаримъ его за эту *внутреннюю* новость; мы здѣсь и не знали объ общемъ рылокошеніи. Это очень, очень любопытно! Примемъ фактъ къ свѣденію и будемъ продолжать наблюдать, что дѣлается при его существованіи.

Есть въ сѣмбирской губерніи городъ Курмышъ. Начальствующее лицо, вѣдающее этимъ городомъ, В. В. Хвоцинскій, пишетъ въ редакцію «Русскаго Вѣстника» прелезлое письмо, — такое письмо, какое можетъ написать напрімѣръ счастливѣйшій отецъ семейства, все существо и вся жизнь котораго озарены теплымъ и ровнымъ свѣтомъ счастья, льющагося свѣтлой струйкой въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ взглядѣ. Мы теперь именно вспомнили объ этомъ письмѣ потому, что авторъ его между прочимъ бросилъ маленькій камышекъ въ огородъ г. Щедрина, что весьма естественно со стороны счастливаго человѣка. Вотъ что говорится въ началѣ письма: «Жизнь маленькихъ, отдаленныхъ городковъ всегда была мнѣ знакома Петербургу и Москвѣ, чѣмъ жизнь городовъ иностранныхъ, а теперь очерки Щедрина и его послѣдователей (которыя мы отчасти благодарны), употребившихъ свой талантъ на описаніе одной изнанки медали, затемнили и тѣ малыя свѣденія, которыя имѣли о насъ, бѣдныхъ провинціалахъ, наши остальные соотечественники. Читая такіе очерки, легко можно подумать (да и думаютъ многіе), что мы, провинціалы, только и дѣлаемъ, что по утрамъ изыскиваемъ *фортели* и безъ зазрѣнія совѣсти грабимъ казну, просителей и обывателей, а вечеромъ трудимся въ пользу воспитательнаго дома, — стараюсь разбить какъ можно больше карточныхъ колодъ. *Не отрицая изнанки медали*, прошу позволенія сказать и о лицевой ея сторонѣ».

За симъ слѣдуетъ изображеніе лицевой стороны Курмышъ и курмышанъ: курмышане уже семь лѣтъ, а можетъ быть и больше, выписываютъ не меньше восьми періодическихъ изданій, не считая органовъ правительства; курмышане всѣ литературныя новости и всѣ новыя замѣчательныя историческія сочиненія постоянно пріобрѣтаютъ и, стало бытъ, читаютъ; курмышане завели у себя женское приходское училище, не имѣя, по бѣдности, средствъ завести другое, высшее; но когда тамошніе чиновники и помѣщики узнали о такой скудости средствъ, то начали тотчасъ же жертвовать и — 23 февраля нынѣшняго года открыто въ Курмышѣ женское училище второго класса; курмышане... Но согласитесь, читатели, что и этого совершенно достаточно со стороны курмышанъ для того, чтобы осчастливить человѣка, которому они ввѣрены. Мы вполне сочувствуемъ счастью г. В. В. Хвоцинскаго.

Просимъ читателя изъ Курмышъ вернуться на минутку въ Екатеринбургъ. «Экономическій Указатель» увѣряетъ, что вліяніемъ Я. Савельева, принявшаго на себя управленіе дѣлами екатеринбургскаго дворянскаго клуба, теперь въ число членовъ этого клуба принимаются не только купцы-христіане, но и купцы-евреи, и что

такое соединеніе начнѣтъ дѣйствовать на образованіе купечества, жившаго доселѣ чисто затворническою жизнью.

Для духа не существуетъ вещественное пространство: духомъ екатеринославскаго клуба повѣяло... гдѣ же? на берегахъ Амура! А можетъ быть съ береговъ Амура перенесся этотъ духъ въ екатеринославскій клубъ. Не знаемъ; но вотъ въ № 7 газеты «Амуръ» написано: «Въ Благовѣщенскѣ былъ устроенъ балъ. Характеристическая черта этого бала, какъ и всѣхъ благовѣщенскихъ баловъ, то, что на немъ царствовало полное равенство всѣхъ участвовавшихъ; тутъ были и чиновники, и купцы, и приказчики, — и никто не выдавался изъ массы. Не было и тѣни чиновной важности и іерархическихъ отличій. Вообще въ Благовѣщенскѣ нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ кружковъ; всѣ между собой знакомы, всѣ составляютъ одинъ кругъ и держатся между собою такъ, какъ будто между членами общества не существуетъ сословныхъ и іерархическихъ различій».

Нѣтъ, это духъ не заимствованный, не наносный издалека; его должно быть навѣялъ вѣтеръ, дующій съ рѣки Амура; его породила дѣйственная почва при-амурскаго края, если только отсутствіе раздѣленія на кружки не происходитъ оттого, что и дѣлать-то нечего.

Свѣжо на берегахъ Амура, и воображеніе можетъ съ полнымъ правомъ рисовать великолѣпнѣйшія картины на этихъ берегахъ въ отдаленномъ будущемъ; но это будущее такъ далеко, что намъ хочется лучше говорить о томъ, что ближе, о Курмышѣ и курмышанахъ... Признаемся, мы питаемъ особенную симпатію къ нашимъ маленькимъ, глухимъ, степнымъ, лѣснымъ или затерянными среди проселковъ уѣзднымъ городкамъ. Просимъ читателей раздѣлять съ нами эту симпатію и дерзаемъ увѣрять, что глухіе городки способны оправдать ее. Не даромъ въ нихъ ведется повѣрье, что въ Петербургѣ все живутъ эгоисты, что всякій человѣкъ, попавшій изъ ихъ глуши въ Петербургъ, очень скоро измѣняется къ худшему въ сердечномъ отношеніи, перестаетъ писать къ своимъ затеряннымъ среди проселковъ знакомымъ и даже не отвѣчаетъ на ихъ письма — явный признакъ эгоизма и крайней сухости сердца! И удивляются въ глухихъ городкахъ тому, что можетъ такъ скоро высыхать человѣческое сердце. Удаленные отъ нашего крутящагося, стягивающаго и всепоглощающаго центра, закрытые отъ его прямого вліянія другими посредствующими центрами, знакомая съ тѣмъ, что выработывалось на свѣтѣ, преимущественно по книжкамъ, получая стало быть матеріалъ уже очищенный, глухіе городки успѣли какъ-то сохраниться отъ того тяжелаго дуновенія сложившихся у насъ, съ виду стройныхъ, но въ сущности неестественныхъ

порядковъ и официальныхъ отношеній, дуповенія, которое въ самомъ дѣлѣ не мало сушило сердца и притупляло мозговую воспримчивость. Оттого въ глухихъ городкахъ все простодушнѣе и искреннѣе; простодушно и искренно тамъ все: дружба и вражда, восторги и негодованіе, добродѣтели, служебныя грѣхи и взаимное прощеніе другъ другу этихъ грѣховъ. Оттого и общественному движенію глухихъ городковъ, если случится ему тамъ возникнуть, какъ-то больше довѣряешь, нежели таковому же движенію въ посредствующихъ центрахъ: ужь если поднимется уѣздный людъ, весь сообщая на какое-нибудь дѣло, то это будетъ врядъ ли оттого только, что такъ угодно господину градоначальнику. Тамъ нѣтъ той политичности и тонкости официальныхъ отношеній, какъ въ главномъ и посредствующихъ центрахъ; тамъ отношенія проще, открытѣе; они прямы, даже отчасти патріархальны, хотя иногда не такъ красивы. Тамъ съ градоначальниками и градоначальницами могутъ случаться такія событія, какое недавно случилось въ городѣ Нерехтѣ... Это стоитъ даже рассказать. Видите ли: супругъ нерехтскаго городничаго потребовалось нѣсколько аршинъ коленкора. Поэтому поводу прибыла она въ лавку нерехтскаго купца и бургомистра Говорова, гдѣ находилась сама супруга бургомистра, купчиха Говорова. Последовалъ разговоръ такого рода. Купчиха говоритъ: «уже была де отъ васъ служанка, и я сказала ей, что у меня про васъ славы нѣтъ». Просили отпустить безденежно, а за деньгами, которыхъ причиталось 36 коп., прислать на домъ. На это последовалъ отвѣтъ: «я васъ не знаю и вѣрить не хочу». Супруга городничаго объявила свое званіе; но несговорчивая купчиха и тутъ нашлась: «не вамъ рена, говоритъ, я ходить и отыскивать васъ по полиціямъ, а товару безъ денегъ отпустить не желаю; была ужь у васъ городничиха, да завезла у меня четыре съ полтиной». Затѣмъ была поставлена ей на видъ крайняя надобность въ коленкорѣ, и г-жа Говорова, дерзко бросивъ штуку коленкору своей помощницѣ по торговлѣ, произнесла *грубо и сердито*: «отпусти ей коленкору». Тутъ только супруга городничаго, осмотрѣвшись кругомъ замѣтила, что толпа народа уже собралась, смотреть на нее и смѣется. Заплакала барыня и пошла домой.

Такъ рассказалъ это происшествіе самъ г. городничій въ отвѣтъ на запросъ начальника губерніи. Почему жь это, спросите вы, начальнику губерніи угодно стало любопытствовать о такомъ неважномъ, будничномъ дѣлѣ? А потому, что дѣло-то это не кончилось одними слезами г-жи градоначальницы. Она не могла конечно не рассказать о случившемся супругу, а супругъ, г. городничій, не могъ оставить дѣла безъ преслѣдованія. И дѣйствительно: онъ вы-

требовалъ бургомистершу Говорову къ себѣ на квартиру и, не стѣнясь разными тамъ писанными правилами, по домашнему, отечески приказалъ посадить ее подъ арестъ, во временный острогъ, вмѣстѣ съ какой-то преступницей, съ которою и провела она ровно семь часовъ, по истеченіи которыхъ получила свободу и — принесла жалобу начальнику губерніи. Она-то въ своей жалобѣ и рассказала эту вторую половину происшествія.

Начальникъ губерніи, получивъ объясненіе городничаго, нарядилъ формальное слѣдствіе, а о происшествіи объявилъ циркулярно городскимъ и земскимъ полиціямъ Костромской губерніи, съ приличнымъ назиданіемъ. Циркуляръ этотъ напечатанъ въ мѣстныхъ губерскихъ вѣдомостяхъ.

Мы отвлеклись верехтскимъ приключеніемъ, тогда какъ собственно намѣрены были удовлетворить своей симпатіи къ глухимъ городкамъ, рассказавъ нѣчто о городѣ Бѣломъ, Смоленской губерніи, — одномъ изъ самыхъ глухихъ, ничѣмъ не прославленныхъ городковъ. Жители этого городка, видите ли, хотятъ просить разрѣшеніе на составленіе «благотворительнаго общества любителей искусства», которое будетъ имѣть въ виду устройство женской гимназіи и вообще распространеніе просвѣщенія. Въ члены общества предположено принимать лицъ обоихъ половъ и *всѣхъ сословій безъ исключенія*; плата за право вступленія въ члены назначается по *одному рублю* въ годъ. Въ чемъ же, говорите вы, тутъ «искусство»? А вотъ послушайте дальше, — дѣло можетъ быть отчасти объясниться. Въ видахъ учрежденія общества, было дано три спектакля, изъ которыхъ въ одномъ давали *Женитьбу* Гоголя; роли Явчицы и Старикова исполняли купцы, и исполняли, какъ увѣряютъ, болѣе нежели удовлетворительно. На спектакли съѣхалось столько публики, что билетовъ не достало; нѣкоторые пріѣхали за шестьдесятъ, а другіе за сто верстъ (за *сто*?! не смѣемъ не вѣрить). Кромѣ спектаклей, былъ маскарадъ, гдѣ три сословія, прежде раздѣленные, веселились единодушно. Собрано уже до шести сотъ рублей, да еще въ виду столько же...

Видите ли, г. екатеринославскій обыватель? Глухой городокъ, силою собственнаго побужденія, силою одной «любви къ искусству», такіе капиталы создалъ! А ваши земляки, ворочающіе сотнями тысячъ, приглашаемые начальникомъ губерніи къ просвѣщенію и саморазвитію, едва могли сколотить восемь сотъ рублешекъ. Подите же, изслѣдуйте причины явленій? Вамъ уже остается только ждать болѣе сильныхъ результатовъ отъ вашего клуба: не надумаютъ-ли тамъ что-нибудь сообщая граждане... Почему не вспомнить иногда античной пословицы: *concordia res parvae crescunt etc.*

Капиталы — это самый болѣзненный предметъ нашъ въ настоящую минуту; ни о чемъ не говорятъ и не пишутъ съ такимъ соболѣзнованіемъ и такой горечью, какъ объ этомъ предметѣ; это — заколдованное мѣсто, это — сфинксова загадка для насъ, людей темныхъ въ дѣлѣ капиталовъ. Люди посвященные ходятъ и говорятъ съ видомъ врачей, у которыхъ на рукахъ трудный и интересный паціентъ. Политико-экономическій комитетъ при географическомъ обществѣ въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій слушалъ объ этомъ рѣчи не только своихъ членовъ, но и приглашенныхъ со стороны искуснѣйшихъ знатоковъ-практиковъ — негоціантовъ, банкировъ, биржевыхъ маклеровъ и проч. Разсуждали о томъ, какой у насъ кризисъ — финансовый или торговый. Рѣшили кажется, что и тотъ и другой. Потомъ говорили о томъ, чего у насъ не достаетъ. Оказалось, что многого: нѣтъ капиталовъ въ оборотѣ, нѣтъ движенія въ промышленности и торговлѣ, нѣтъ кредита, т. е. довѣрія. Въ сущности перваго недостатка еще явилось нѣкоторое сомнѣніе: одинъ маклеръ сказалъ, что недостатка въ деньгахъ нѣтъ, но «ощущается недостатокъ въ доброкачественныхъ цѣвностяхъ, представляемыхъ къ учету, оттого и кажется, что нѣтъ денегъ». Но противъ недостатка кредита или довѣрія не нашлось ни одного возраженія, ни одного малѣйшаго сомнѣнія. Относительно застоя въ торговлѣ укажемъ на одну фразу, далеко не главную въ суммѣ всѣхъ разсужденій, но болѣе общепонятную. Одинъ изъ членовъ сказалъ, что у насъ нѣтъ биржевой игры, но есть сильная игра на товары, что гораздо хуже и опаснѣе, чѣмъ на бумаги. «Эта игра, примолвилъ онъ, вредитъ нашей торговлѣ. Также она (т. е. торговля?) терпитъ отъ затрудненій въ путяхъ и способахъ сообщеній, и также отъ множества разныхъ накладныхъ и негласныхъ расходовъ». О, если бы всѣ негласные расходы, хотя бы съ помощью хитрости какого-нибудь хромоногаго бѣса, вдругъ содѣлались гласными!..

Выставляемый мыслящими людьми существующій недостатокъ довѣрія въ денежныхъ дѣлахъ приводитъ на мысль давнишнія общія жалобы на непрочность у насъ долговыхъ обязательствъ, т. е. на трудность взыскацій по этимъ обязательствамъ; а это въ свою очередь напоминаетъ намъ недавній приказъ московскаго оберъ-полиціймейстера, начинающійся такъ: «Московская наружная полиція весьма часто встрѣчаетъ не только затрудненія, но даже *легкое и упорное сопротивленіе* при исполненіи *рѣшенной судебныхъ мѣстъ*, преимущественно объ описи имущества, со стороны тѣхъ лицъ, копѣхъ имущества должны быть описаны, а также при *высылкѣ полиціею жильцовъ изъ квартиръ*». Далѣе предписываются полиціи слѣдующія правила относительно упорныхъ должниковъ:

«1) Определеніе управы благочинія или другого присутственнаго мѣста, относительно описи движимаго имущества объявляется должнику мѣстнымъ полицейскимъ чиновникомъ; если при этомъ должникъ откажется дать подписку въ объявленіи ему того определенія и не допуститъ къ описи, то частный приставъ приглашаетъ стряпцаго.

«2) Въ назначенный день стряпчій, частный приставъ и добросовѣстный свидѣтель отправляются на мѣсто и объявляютъ должнику, что если онъ добровольно не согласится на опись его имущества, то они приступятъ къ ней съ правомъ отмыкать запертое.

3) «При дальнѣйшемъ упорствѣ должника, частный приставъ приглашаетъ хозяина дома или заступающаго его мѣсто, составляетъ при нихъ постановленіе объ ослушаніи должника, которое и подписывается, какъ имъ самимъ, такъ и добросовѣстнымъ, стряпчимъ и всѣми присутствующими и приступаетъ къ описи, отмыкая запертое. Въ случаѣ сопротивленія, соединеннаго съ насиліемъ, должникъ во время описи берется подъ арестъ, а по окончаніи оной предается уголовному суду.»

Мы привели этотъ приказъ и эти правила потому собственно, что они показываютъ, до какихъ отношеній доходило у насъ между обществомъ и нѣкоторой «государственной функціей», за которую такъ жарко ополчился кто-то, смущенный мнимымъ посягательствомъ на нее. Читая этотъ приказъ и вдумываясь въ обстоятельства, его вызвавшія, право можно подумать, что находишься во всесвѣтной больницѣ доктора Крупова, среди его повально-помѣшанныхъ. Человѣкъ, задолжавшій своему ближнему, стало-быть завладѣвшій собственностью ближняго, подвергшійся за то извѣстному судебному рѣшенію, оказываетъ сопротивленіе исполнителямъ этого рѣшенія въ мирномъ столичномъ градѣ благоустроеннаго государства!.. Да чѣмъ же это объяснить? Помѣшательствомъ? Ужъ скорѣй помѣшательствомъ, нежели строптивостью характера русскаго народа, въ которомъ никогда такой черты замѣчено не было. Но вѣдь тутъ все дѣло состоитъ въ силѣ закона, въ степени уваженія къ нему. «Хорошъ бы я былъ, говорить у г. Щедрина нѣкій Ударь-Ерыгинъ, — хорошъ бы я былъ, еслибъ сталъ дѣйствовать на законномъ основаніи!» Вотъ это ясно! Не ронцйте же, господа заимодавцы: вѣдь вамъ самимъ можетъ быть не совѣсь незнакомы и чужды понятія и взгляды Удара-Ерыгина; можетъ быть когда нибудь, хогь разъ въ жизни, и вамъ въ душу врывалось подобное помышленіе. Подождемте же той поры, близкой или далекой, когда и Ударь-Ерыгинъ и мы съ вами усвоимъ иные взгляды и понятія.

Что промышленность у насъ въ застоѣ, это также положительно рѣшается разсужденіями политико-экономическаго комитета, и не соглашались съ этимъ рѣшеніемъ для насъ нѣтъ никакой возможности. Признавая фактъ существующимъ, мы остаемся при желаніи, чтобъ скорѣй послѣдовало пробужденіе спящей промышленности, и за тѣмъ позволяемъ себѣ приводить попадающіеся признаки, указывающіе если не самое пробужденіе, то хотя на возможность его въ будущемъ.

Говорятъ, что съ тѣхъ поръ какъ сталъ носиться слухъ о близкомъ разрѣшеніи крестьянскаго дѣла, стало-быть о близкомъ концѣ существованія обязательнаго труда, вдругъ значительно усилилось требованіе на улучшонныя земледѣльческія орудія. Если это правда, то очень кстати нѣкоторые южно-русскіе хозяева устроили у себя собственные заводы для приготовленія разныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. Изъ числа такихъ хозяевъ въ особенности указываютъ на Н. Н. Хорвата и А. Б. Лутковскаго. Послѣдній, какъ увѣряютъ, входитъ въ сношеніе съ антверпенскими заводчиками, братьями Брельсъ, которые вызываются доставлять на его заводъ машины въ частяхъ, чрезъ что онѣ, отъ одной перевозки, могутъ понизиться въ цѣнѣ, по расчету заводчиковъ, на 25 или 30%.

Тамъ-же, на югѣ, образуется еще одно хорошее предпріятіе: помѣщики Херсонской губерніи предполагаютъ учредить товарищество для устройства конныхъ станцій отъ Елисаветграда до Одессы, съ цѣлью перевозки въ Одессу сельскихъ продуктовъ. Это предпріятіе конечно вызывается настоятельной мѣстной потребностью; въ ожиданіи вождеменныхъ желѣзныхъ дорогъ, конная перевозка долго еще будетъ играть у насъ важную роль и можетъ быть долго еще православные, промышленяющіе извозомъ, будутъ славить національный санный путь, не смотря на то, что этотъ національный путь въ многоснѣжныя зимы исторгаетъ вопли у проѣзжающихъ, да случается, что и самихъ возчиковъ погребаетъ подъ сугробами. Состояніе этого пути у насъ иногда бываетъ даже невысѣдуемо и непостижимо, потому что по однимъ официальнымъ свѣденіямъ оказывается, что въ такой-то мѣстности проѣзда нѣтъ отъ снѣжныхъ наносовъ и бездонныхъ ухабовъ, а по другимъ, что въ той же мѣстности дорога какъ скатерть. По этой части нѣкто К. М. сообщаетъ (въ «Сиб. Вѣд.») любопытную вещь объ Архангельской губерніи. Онъ ѣхалъ зимой, въ январѣ 1860 г., изъ Архангельска въ Петербургъ, и ѣхалъ по отличной дорогѣ, безъ ухабовъ и раскатовъ. Захотѣлъ онъ узнать причину такого благополучія и узналъ, что благополучіе происходитъ отъ треугольника. Тамъ ведется обычай постоянно послѣ выпавшаго снѣга, послѣ матеи и

въ случаѣ начинающихъ образовываться ухабовъ, проходить до-рогу треугольникомъ. Исполняютъ это тѣ сословія, на которыхъ лежитъ дорожная повинность. На вопросъ, не обременительна ли для нихъ эта обязанность? крестьяне отвѣчаютъ, что нѣтъ; что у нихъ это «ведется съ подряда, промежъ себя, міромъ въ раскладку, а охотникъ находится между ними же, и возитъ треугольникъ, ему и заработокъ тутъ, подъ рукой; безъ треугольника же по ихъ снѣгамъ — бѣда!»

Неужели такъ всемогущъ треугольникъ? Если да, то отчего онъ не введенъ у насъ повсемѣстно, или если гдѣ введенъ, то только по имени? Жаль, что въ Европѣ, у опередившихъ насъ народовъ, нѣтъ долгой зимы съ снѣгами и мятелями, а то они давно ввели бы у себя треугольникъ, а отъ нихъ ужъ и мы заимствовали бы его дѣятельное употребленіе.

«Московскія Вѣдомости» обрадованы слѣдующимъ рѣдкимъ фактомъ, какъ «предвѣстіемъ лучшаго будущаго нашего сельскаго хозяйства.» Нѣсколько землевладѣльцевъ Саратовской губерніи, въ числѣ которыхъ значится одинъ государственный крестьянинъ, мордвинъ, И. Тулековъ, обратились къ профессору технологіи въ московскомъ университетѣ съ просьбою посѣтить и осмотрѣть ихъ имѣнія, чтобъ указать на мѣстѣ техническія примѣненія имѣющихся у нихъ лѣсныхъ дачъ. Профессоръ не отказался и даже пригласилъ къ этой поѣздкѣ нѣсколько молодыхъ людей изъ студентовъ и воспитанниковъ ремесленного учебнаго заведенія.

По поводу лѣса мы очень рады повторить имя Я. Савельева, уже упомянутое нами по поводу екатеринославскаго клуба. Вотъ что разсказано въ «Экономич. Указателѣ». На послѣдней парижской выставкѣ впервые показывались машины, обрабатывающія дерево во всѣхъ его видахъ быстро и красиво. Изобрѣтены онѣ преимущественно столярами для ускоренія мебельнаго производства. Съ того времени машины эти стали расходиться по Европѣ, но до сихъ поръ распространяются весьма медленно, потому что ни одно изъ большихъ механическихъ заведеній ихъ еще не дѣлаетъ, а изобрѣтатели, получая огромные барыши отъ работъ этими машинами, почти не принимаютъ заказовъ изъ опасенія конкуренціи. Попастъ въ эти заведенія очень трудно, и только съ большими хлопотами и съ званіемъ русскаго, еще не возбуждающимъ опасенія конкуренціи, г. Савельеву удалось изучить эти машины и заказать для себя. Онъ рѣшилъ устроить въ Екатеринославѣ обширный паровой лѣсопильный заводъ и при немъ большую механическую столярную фабрику; тутъ же паровая сушка для лѣса и небольшое механическое заведеніе, въ которомъ между прочимъ будутъ выдѣ-

льваться самыя популярныя земледѣльческія орудія в машины. Всѣ эти заведенія отстроены въ пять мѣсяцевъ. Въ числѣ исполненныхъ сооружеій, принадлежащихъ къ заведеніямъ, есть одно, которое даже инженеры считали невозможнымъ или по крайней мѣрѣ очень труднымъ; это каналъ, ведущій воду изъ Дибюра въ паровой машинѣ, каналъ, который на протяженіи 35-ти сажень высѣченъ въ гранитной скалѣ въ три сажени вышиною. «Всѣ заведенія (сказано въ статьѣ «Указателя») великолѣпны, и смѣло можно сказать, что такого заведенія, специально-посвященнаго строительной фабрикаціи, по величинѣ и разнообразію производствъ, до дерева относящихся, не видало въ Европѣ. Въ маѣ (нынѣшняго года) всѣ заведенія пойдутъ въ ходъ и могутъ двинуть строительное дѣло въ новороссійскомъ краѣ чрезвычайно быстро.» Полезно замѣтить, что устройство всего этого дѣла, какъ увѣряютъ, обошлось г. Савельеву во *сто тысячъ рублей*. Кто слѣдилъ за стоимостью нашихъ общественныхъ сооружеій, тотъ изумится такой дешевизмѣ: заводскія *великолѣпныя* постройки, заграничныя машины съ доставкой ихъ и каналъ въ гранитной скалѣ — все это 100,000 рублей? Значить, г. Савельевъ тратилъ собственные деньги.

Странная случайность! Въ другой разъ придется намъ прямо изъ Екатеринославля перелетать въ отдаленнѣйшія страны востока: разъ уже екатеринославскій клубъ съ г. Савельевымъ заставилъ насъ отправиться на берега Амура, въ Благовѣщенскъ на балъ; теперь предприимчивость того же г. Савельева переноситъ насъ къ предприимчивости кяхтинскаго купечества. Вотъ что пишетъ оттуда г. Н. Ивановъ («Указат.» 9 марта): «31 января обнародованъ здѣсь пекинскій трактатъ, заключенный генераломъ Игнатьевымъ съ Китаемъ, а 2 февраля уже положено отправить торговую экспедицію внутрь Китая, съ товарами нашихъ отечественныхъ мануфактуръ; при чемъ какъ для разузнанія торговыхъ дѣлъ въ Китаѣ, такъ и для промѣна отправляемыхъ товаровъ назначены въ Калгинъ, Пекинъ и Тяньзинъ купеческіе агенты по два въ каждый изъ этихъ городовъ, кромѣ агентовъ, которые должны имѣть постоянное пребываніе въ означенныхъ городахъ; нѣкоторые изъ кяхтинскихъ купцовъ отправляютъ отъ себя приказчиковъ тоже съ частью товаровъ для промѣна... Съ послѣдней почтой изъ Пекина увѣдомляютъ, что тамъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ русскихъ съ товарами.» И такъ, устремимъ на востокъ «полныя ожиданія очей»!..

Великое дѣло предприимчивость! Отъ транзатлантическаго телеграфа, изумившаго цѣлый міръ на минуту, до телеграфа оставковскаго купца Савина, едва не лишившагося его вслѣдствіе существоващаго у насъ закона, не позволяющаго частнымъ лицамъ

устроить по своему произволу телеграфы; отъ суэзскаго канала Лесепса до канала г. Савельева, отъ похода Гарибальди на неподвижный Неаполь до статьи «Русскаго Вѣстника» на неподвижныхъ будочниковъ, всюду и во всемъ вѣтъ животворный духъ предпримчивости, потому что въ сущности оно есть только движеніе, и вѣтъ ей предѣла въ области человѣческой дѣятельности, нѣтъ предѣла ея разнообразію, разнообразію ея формъ и результатовъ! Одинъ практической философъ не допускалъ законности хныканья бѣдняка, бесплодно жалующагося на свою бѣдность; онъ говорилъ: если вы бѣдны, значить не желаете или не сильно желаете быть богатымъ, значить у васъ есть другія сильнѣйшія желанія, другія сильнѣйшія сердечныя потребности, удовольствованіе которыхъ для васъ важнѣе богатства; стало-быть все-таки причина и вина въ васъ же самихъ. Но поставьте цѣлью вашей жизни — разбогатѣть, ловите всѣ ваши дѣйствія исключительно къ одной этой цѣли, не упуская ея изъ вида ни на минуту, — и вы разбогатѣете непременно. Нельзя не согласиться, что въ строгомъ смыслѣ нашъ философъ правъ, только для полнѣйшей вѣрности его рецепта, ему слѣдовало бы прибавить: «развейте въ себѣ предпримчивость.» Потому что безъ предпримчивости бѣднякъ, пожелавшій разбогатѣть, будетъ только отказывать себѣ во всемъ и всю жизнь прятать въ копылку скудные гроши; онъ будетъ не богачъ, а скряга, не Кокоревъ, а Плюшкинъ, не человѣкъ движенія, а неподвижный консерваторъ. Плохо народу не предпримчивому, плохо и недѣльному субъекту, не имѣющему въ себѣ этой движущей силы: и народъ и недѣлаго затрутъ другіе движущіеся народы и недѣлимые. Нѣтъ предѣла разнообразію формъ предпримчивости, сказали мы. У насъ напримѣръ *благородныя* сословія до сихъ поръ считали единственно-приличнымъ и достойнымъ поприщемъ службу, и въ служебномъ мірѣ, по видимому не дающемъ пищи духу предпримчивости, она приняла особую форму и даже измѣнила названіе: вмѣсто предпримчивости стала называться *искательностью*. Стало-быть вездѣ есть движеніе, только результаты его копечно соответствуютъ взятому имъ направленію, и потому въ иныхъ случаяхъ движеніе можно принять за неподвижность, что съ известной точки зрѣнія будетъ совершенно справедливо. Но если гдѣ есть настоящая, хотя временная неподвижность, тамъ уже очень худо... Въ Харьковѣ дороговизна, и тамъ же есть чиновники-писцы, получающіе возмездія за свой всеневный трудъ переписыванія отъ 2 до 6 и — тахітит — до 10 руб. въ мѣсяцъ. Оставаясь недвижно въ такихъ обстоятельствахъ, необходимо прійдется бѣлствовать, и они дѣйствительно бѣдствуютъ, какъ рассказывается въ мѣстныхъ

губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ Саратовѣ есть такіе же чиновники, пользующіеся такимъ же возмездіемъ и такою же возможностью бѣдствовать. Но они догадались двинуться, устремиться къ какому-нибудь выходу: они согласились, да вдругъ всѣ хоромъ заѣли, и имъ стало легче... Мы не шутимъ: есть печатное извѣстіе, что саратовскіе чиновники (конечно бѣдные) образовали изъ себя хоры и поютъ за плату при бракахъ, отпѣваньяхъ и другихъ церковныхъ церемоніяхъ. Каковъ-бы ни былъ выходъ, все-таки онъ выходъ, и даже чѣмъ онъ оригинальнѣе и неожиданнѣе, тѣмъ больше показываетъ способность предпринимателей находить свои пути къ выходу; при этой способности духъ движенія не дастъ человѣку остановиться на одномъ пѣниці, а поведетъ его дальше, укажетъ ему область труда производительнаго, и ходъ движенія можетъ быть безконеченъ...

Духъ предпринимчивости, духъ движенія присущъ конечно и русскому простому человѣку; только въ немъ онъ до сихъ поръ все дремалъ, и если шевелился изрѣдка, то или шевелился во снѣ, стремясь къ какому-нибудь фантастическому предмету, или если случалось ему очнуться и устремиться къ предмету дѣйствительному, то являлась какая-нибудь виѣшняя фатальная сила, становилась на пути и снова укладывала его спать. Грустная доля, которая, можетъ быть, скоро сдѣлается нашимъ прошлымъ, отойдетъ въ исторію; вдали сгладятся ея грустныя черты, смягчатся комическимъ отгѣнкомъ, который есть же и тутъ и безъ котораго слишкомъ тяжела была бы вообще людская доля, и тогда можно будетъ спокойнѣе читать такіе рассказы, какъ напримѣръ рассказъ минусинскаго крестьянина Фотія Шавкунова, напечатанный въ газетѣ «Амуръ». Вотъ этотъ простодушный рассказъ о томъ, чѣмъ кончились ихъ стремленія переселиться на Амуръ, рассказъ, сильный именно своимъ простодушіемъ:

«Помнится, начали мы хлопотать объ Амурѣ назадъ тому года четыре. Да! какъ только слышали, что есть-де указъ, вызываютъ желающихъ на Амуръ, охотниковъ нашлось *много*. Мы собирались было подать прошеніе по начальству, да спустя немного стали толковать въ народѣ, что-де золотопромышленники, слышавъ, что многіе хотятъ собираться на Амуръ, просили станового исправника на Амуръ много народа не отпускать, а то-де хлѣбъ-то подорожаетъ, да и на промыслѣ нанимать народъ будетъ трудно. И исправникъ съ ними согласился. А мы ужъ какъ порѣшили идти на Амуръ, то оставаться въ Минусѣ шибко не хотѣлось! Собрались между собой, потолковали, да и рѣшили, что если проситься на Амуръ у мѣстнаго начальства, то только потратишь время, а на Амуръ не отпустятъ, а лучше попробовать послать прошеніе къ министру. Такъ и сдѣлали.

Отослали прошеніе съ почтой и ждемъ, что намъ выйдетъ. Мѣсяца черезъ четыре объявили намъ въ волостномъ правленіи, что по прошенію нашему ожидали бы распоряженія отъ мѣстнаго начальства. И деньги съ насъ взыскали за гербовую бумагу. Стороной же мы узнали, что пришла объ нашемъ дѣлѣ бумага губернатору изъ Иркутска. Ну, вѣстимо дѣло, что губернаторъ передастъ дѣло исправнику, а исправникъ засѣдателю.

«Недѣли черезъ двѣ прибѣжалъ къ намъ въ деревню (Екатери-нинскую) изъ волости засѣдатель Харченковъ съ благочиннымъ Угрюмовымъ, да привезли съ собою палача. Прошло два дня, засѣдатель никого не спрашивалъ; на третій день собралъ все общество, да и говоритъ: «Кто изъ васъ писался на Амуръ, становись особо, въ сторону, а кто не писался, оставайся на мѣстѣ».

«Когда мы отошли въ сторону и стали особо, подошолъ къ намъ благочинный, сталъ спрашивать насъ, какимъ крестомъ мы молимся? Мы отвѣчали ему, что молимся крестомъ благословеннымъ (двухперстнымъ). Тутъ онъ закричалъ на насъ, называя насъ раскольниками и еретиками, приказалъ подать розогъ, и начали сѣчь Трофима Шавкунова и Родіона Гостевского. А засѣдатель между тѣмъ спрашивалъ насъ: съ чего мы взяли проситься на Амуръ? Мы ему отвѣчали, что былъ—де указъ, вызывали желающихъ на Амуръ. Вдругъ благочинный какъ прикрикнетъ на насъ: Да откуда вы взяли такой указъ? Такого указа совѣтъ и не было!»

«Опросивъ всѣхъ насъ, засѣдатель вышелъ на крыльцо, да и объявилъ всему обществу, что онъ прикажетъ наказывать насъ за Амуръ. Въ тотъ день наказали Бранина, Аббакума Гостевского да меня, а на слѣдующій день и другихъ, которые просились на Амуръ. Когда насъ сѣкли, засѣдатель все стоялъ на крыльцѣ, приказывалъ бить сильнѣе, да все приговаривалъ: «Вотъ вамъ Амуръ! Вотъ вамъ Амуръ! Не проситесь на Амуръ, не смущайте народъ!»

Обратите вниманіе на спокойный тонъ этого разсказа; вѣдь это разсказываетъ о самомъ себѣ человѣкъ, который все-таки мечталъ, мечталъ о важной переменѣ въ жизни, о какой-то обѣтованной землѣ, я долженъ былъ не только разстаться съ своей мечтой, но еще подвергнуться за нее, за эту мечту, позорному наказанію. Не могло же не волновать его ожиданіе, не могла же не рисоваться въ его воображеніи картина будущаго счастья, — какова бы ни была эта картина, какъ бы грубо ни была она намалевана, да все-таки она малсвалась. И вдругъ этого волнующагося ожиданіемъ человѣка, это разгоряченное воображеніе... кладутъ и сѣкутъ! И послѣ онъ разсказываетъ объ этомъ, какъ о весьма простомъ и достождномъ фактѣ. Удивительная степень покорности судьбѣ!

Удивительнаго тутъ впрочемъ ничего нѣтъ ; всякая черта въ народѣ слагается изъ условій его быта ; а эта черта давно замѣчена въ русскомъ народѣ. Надо знать, какъ онъ умираетъ. Вспомните рассказъ Тургенева «Смерть». И какъ только не приходится умирать простому человѣку ! Какой только обстановкой не сопровождается его смерть ! Выслушайте напримѣръ слѣдующую замѣтку о московской больницѣ для чернорабочихъ. «Нѣсколько дней тому назадъ, пишетъ г. В. Соболевъ, случилось зайти въ эту больницу одной женщиѣ, которая невольно обратила вниманіе на разговоръ, происходившій въ то время между фельдшеромъ и умирающимъ крестьяниномъ : крестьянинъ повидимому о чемъ-то крѣпко сокрушался, а фельдшеръ успокаивалъ его, какъ умѣлъ, отвѣчая на его сѣтованія вопросомъ : что же дѣлать ? Женщина подошла изъ любопытства ближе и обратилась къ фельдшеру съ просьбой сказать ей, о чемъ сокрушается умирающій. Тогда фельдшеръ объяснилъ, что умирающій безнадеженъ и желаетъ предъ кончиною принять исповѣдь и св. причастіе, но не имѣетъ на это средствъ ; на вопросъ удивленной женщины, какія нужны для этого средства, фельдшеръ, повидимому *удивленный въ свою очередь ея вопросомъ*, отвѣчалъ : у насъ положено платить за это рубль сер. Пораженная такими словами женщина подходит къ умирающему и повторяетъ свой вопросъ о причинѣ сокрушенія его, но тотъ объясняетъ ей тоже самое, что и фельдшеръ... Женщина нашла къ счастью въ своемъ карманѣ рубль и отдала его умирающему, который до того былъ пораженъ внезапнымъ благодѣяніемъ, что не могъ выговорить слова и началъ рыдать какъ ребенокъ».

Здѣсь черта безотвѣтной покорности судьбѣ замѣтна даже въ фельдшерѣ. Если бы онъ умиралъ, а на его мѣстѣ былъ этотъ крестьянинъ, послѣдній точно также сталъ бы утѣшаться ~~э~~ словами : что же дѣлать ! И точно также удивился бы онъ тому, что другіе удивляются установившемуся обычаю, противъ котораго идти казалось бы для него дѣломъ непонятнымъ и немислимымъ.

Если вспомнить святость и благоговѣніе, которыми народъ окружаетъ послѣднія минуты жизни человѣка и исполненіе имъ послѣдняго христіанскаго долга, то нельзя не согласиться, что замѣтка объ обычаѣ, существующемъ въ московской больницѣ чернорабочихъ должна по всей справедливости относиться къ области обличительной гласности... Въ эту область мы на сей разъ могли бы перенести два факта : 1) протестъ четырехъ саратовскихъ обывателей (г-дъ Мордвинова, Москвина, Кондырева и Корсакова), заявившихъ о мѣрахъ полиціи Кривской заставить своего крѣпостного человѣка, бывшего на оброкѣ, не задолго до рѣшенія крестьянскаго дѣла откупиться

за выгодную для нея, помѣщицы, цѣну, и 2) слышанный нами изъ устъ одного мужичка о подобныхъ же распоряженіяхъ другой помѣщицы, ухитрившейся, года два назадъ, нѣкоторыми энергическими убѣжденіями склонить своего весьма зажиточнаго крестьянина внести ей за себя и свое семейство *четыре тысячи* рублей. Но... это уже дѣла прошлыхъ, подробно о нихъ теперь говорить нечего: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Предыдущія строки были уже написаны и мы хотѣли окончить ими нашу статью, когда попался намъ въ руки № 78 «Спб. Вѣдомостей», гдѣ прочли мы нижеслѣдующую корреспонденцію, не помѣстивъ содержанія которой не считаемъ себя въ правѣ. Вотъ что между прочимъ пишетъ упомянутая сейчасъ помѣщица Кривская:

«Управляющій саратовскою удѣльною конторою, г. Н. Мордвиновъ, съ тремя подчиненными ему чиновниками, гг. Н. Москвинымъ, І. Кондѣревымъ и В. Корсаковымъ, публиковалъ слѣдующее: «Въ концѣ января 1861 г. г-жа Е. Д. Кривская прислала въ Саратовъ своего конторщика, отст. унт.-офиц. Петра Прокофьева, съ полномочіемъ сдать въ рекруты нѣсколькихъ изъ своихъ людей, между прочимъ и столяра Якова Иванова, если онъ немеленно не откупится за 200 руб. Яковъ Ивановъ скрывался нѣсколько дней, уплатилъ только сто рублей, а остальные сто руб. мы убѣдили конторщика, за нашимъ поручительствомъ, ждать до 1-го апрѣля, чтó конторщикъ и исполнилъ. Для бóльшей же увѣренности г-жи Кривской въ прочности нашего ручательства, мы заявляемъ его публично, воздерживаясь отъ дальнѣйшаго обсужденія такого способа извлеченія доходовъ».

«Знаюшіе меня хорошо, особенно такъ, какъ меня знаютъ въ Саратовѣ, не повѣрятъ такой несправедливости съ моей стороны; для остальной же читающей публики нужнымъ считаю разсказать это дѣло такъ, какъ оно было.

«Яковъ Ивановъ содержитъ въ Саратовѣ столярное заведеніе, съ *пятнадцатью* работниками. Ему поручено было собирать оброкъ съ остальныхъ *двадцати* (?) человекъ и доставлять его въ контору. Всѣ оброчные, люди молодые и хорошіе мастеровые, — никому изъ нихъ не назначенъ оброкъ болѣе 25 руб., — употребляя во зло мою снисходительность и даже слабость, всегда были несправны, а со времени первыхъ распространившихся слуховъ объ освобожденіи, почти совершенно перестали платить. Ни напоминанія управляющаго, ни невысылка паспортовъ — ничто не помогало. Яковъ Ивановъ сначала отговаривался тѣмъ, чтó они его не слушаютъ, ждуть осво-

боженія, и потому не хотятъ платить, а потомъ уже прямо отвѣчалъ посылаемымъ къ нему изъ вотчинной конторы, что какъ онъ, такъ и остальные, знать никого болѣе не хотятъ. Недоимка дошла до 600 руб.»

Далѣе говорится о томъ, что Ивановъ, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, вмѣсто надзора, самъ сбивалъ оброчныхъ съ толка и совѣтовалъ имъ не платить; что нѣкоторые впрочемъ уплатили ему до 200 р., которыхъ онъ не отсылалъ въ контору; что кромѣ того онъ извелъ для себя, безъ позволенія, 500 сосновыхъ досокъ, привезенныхъ изъ имѣнія и сложенныхъ на дворѣ дома, въ которомъ живетъ Ивановъ, стоящихъ до 600 руб., и что вслѣдствіе всего этого помѣщика велѣла взыскать съ него принадлежащія ей деньги, чтобы за тѣмъ отпустить его на волю, и только въ противномъ случаѣ отдать его въ рекруты.

«Сдача же (продолжаетъ г-жа Кривская) нѣсколькихъ людей въ рекруты, какъ пишетъ г. Мордвиновъ, относится къ Платону Монакову и Григорію Иванову; оба они сидѣли два года въ сердобскомъ острогѣ, первый за фальшивый паспортъ и воровство, второй за воровство овецъ у крестьянъ; оба они, по суду, лишены правъ и преимуществъ, и наказаны при полиціи, но не сосланы, оттого что сознались въ кражѣ только на 28, а не на 30 руб., и присланы для водворенія на мѣсто жительства, подъ надзоръ вотчиннаго начальства. Григорій Ивановъ между прочимъ во время допроса въ судѣ укралъ одинъ томъ свода законовъ (!) Чтобы избавить крестьянъ отъ каждодневнаго ихъ воровства и грабежа, оставалось два средства: сослать на поселеніе, или отдать въ рекруты. Ихъ и отдали въ рекруты.

«Замѣчательно, что гг. чиновники достаточно повѣрили Якову Иванову, чтобы публично посягнуть на доброе имя, сохранившееся въ продолженіе 65-ти лѣтъ безъ пятенъ, но недостаточно, чтобы дать или повѣрить ему же въ долгъ на два мѣсяца сто рублей, т. е. по 25 рублей съ cadaго...

«Разсказавъ, какъ это было, воздерживаюсь и я отъ обсужденія поступка г. Мордвинова съ прочимъ».

Конечно мы также воздержимся отъ обсужденія этого дѣла. Равны были бы мы содѣйствовать защитѣ притѣсненнаго путемъ гласности и обличенія, но и не помочь раздаться голосу оправдывающейся стороны было бы недобросовѣстно. Остается повторить сказанное нами въ прошломъ мѣсяцѣ: поименная гласность требуетъ большой осторожности.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Распаденіе Соединенныхъ Штатовъ — Конституціонное устройство Австріи. —
«Синяя Книга» во Франціи.

РАСПАДЕНІЕ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ

Въ то время, какъ Европа съ участіемъ слѣдитъ за сліяніемъ въ одно цѣлое нѣсколькихъ мелкихъ, разрозненныхъ государствъ Італіи, и истинные друзья человѣчества радуются окончанію кровопролитій, сопровождавшихъ защиту Гаэты, тѣже самые друзья человѣчества безъ горя и безъ сожалѣнія смотрятъ на распаденіе того, что восемьдесятъ лѣтъ составляло одно цѣлое, — на раздѣленіе Соединенныхъ Штатовъ. Теперь ихъ распаденіе совершилось, вѣроятно окончательно, и прежніе Соединенные Штаты не существуютъ. Шесть южныхъ штатовъ отдѣлились, и изъ нихъ образовалась новая республика, которая назвала себя: Конфедерованные Американскіе Штаты. Это штаты: Южная Каролина, Георгія, Флорида, Алабама, Миссиссипи и Луизіана. Президентомъ этой новой конфедерации избранъ г. Жефферсонъ Дависъ, а вице-президентомъ г. Александръ Стевенсъ; столицей конфедерации покамѣстъ, назначенъ Монгомери, небольшой городъ, бывшій до сихъ поръ столицей одного только штата Алабамы. Изъ остальныхъ двадцати восьми штатовъ, нѣкоторые тоже не замедлятъ отложиться отъ первоначальнаго союза и приступятъ къ новой *конфедерации*. Образуются двѣ совершенно отдѣльныя, независимыя одна отъ другой республики, различныя по основнымъ своимъ учрежденіямъ, по нравамъ и обычаямъ, по благосостоянію жителей, различныя по тѣмъ путямъ, которыми онѣ пойдутъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи.

Распаденіе произошло вслѣдствіе несогласія, возникшаго лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, по поводу давнишней, злокачественной язвы, раздѣдавшей Соединенные Штаты, по поводу невольни-

чества. Эта язва давно знакома человечеству, но христианство излечило ее, объяснивъ людямъ, что они между собою братья. Въ XVI вѣкѣ христіане опять возстановили рабство, но въ видѣ исключенія, допуская рабовъ только изъ другого племени, расширяя рабство на однихъ только негровъ. Язва вышла не такъ широка, но за то ее несравненно труднѣе вылечить.

Непосредственное зло рабства у новѣйшихъ народовъ — почти тоже, какое было у древнихъ, но дальнѣйшія послѣдствія оказались совершенно другія. У древнихъ римлянъ рабъ очень часто принадлежалъ къ одному племени съ своимъ господиномъ, иной разъ былъ гораздо образованнѣе господина, и въ дѣлѣ свободы заключалось между ними все различіе. Различіе огромное, но оно легко сглаживалось при полученіи рабомъ свободы. Конечно, слѣды рабства были замѣтны еще нѣкоторое время по освобожденіи: у людей неразвитыхъ есть очень глубоко вкорененный предрасудокъ, — презирать того, кто былъ низшимъ, еще долгое время посдѣ того, какъ онъ сдѣлался равнымъ. Но у римлянъ вольноотпущенный такъ былъ физически и нравственно похожъ на человѣка свободнаго происхожденія, что разница сглаживалась скоро. Вся трудность состояла только въ томъ, чтобы перемѣнить юридическія отношенія между рабовладѣльцемъ и его невольникомъ. У народовъ новѣйшихъ, для того, чтобы разница сгладилась, надобно перемѣнить самыя нравы, такъ что въ Америкѣ затрудненіе начинается тамъ, гдѣ въ древности оно оканчивалось. Это происходитъ оттого, что въ Америкѣ нематеріальный, проходящій фактъ рабства роковымъ образомъ связанъ съ матеріальнымъ и неразрушимымъ фактомъ различія племенъ. Ни одинъ африканецъ не пріѣхалъ въ Новый свѣтъ по своей собственной волѣ, по этому всякій негръ тамъ непременно или невольникъ или вольноотпущенный; по этому, если законъ и можетъ уничтожить рабство, то онъ безсиленъ передъ типомъ, передъ цвѣтомъ кожи, который увѣковѣчитъ воспоминаніе о рабствѣ.

Въ сѣверныхъ штатахъ рабство уничтожено, закопная преграда между бѣлымъ племенемъ и чернымъ снята, но нравы остаются, предрасудки остаются, и предрасудокъ племени въ свободныхъ штатахъ еще несравненно сильнѣе нежели тамъ, гдѣ невольничество свирѣпствуетъ во всей силѣ. Правда, что въ сѣверныхъ штатахъ законъ разрѣшаетъ браки между неграми и бѣлыми; но общественное мнѣніе, всемогущее въ Соединенныхъ Штатахъ, клеймитъ позоромъ бѣлаго, который женится на негритянкѣ, и едва ли можно найти одинъ примѣръ такого брака въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ. Почти во всѣхъ штатахъ, гдѣ рабство уничто-

жено, негры имѣютъ избирательныя права ; но если бы негръ вздумалъ въ самомъ дѣлѣ явиться на выборы, то онъ подвергалъ бы свою жизнь весьма серьезной опасности. Въ случаѣ притѣсненія, онъ имѣетъ полное право жаловаться ; но судьи его все бѣлые. По закону, онъ имѣетъ право быть и между присяжными, но вслѣдствіе предрасудка, этого никогда не бываетъ. Сынъ его не допускается въ школу, гдѣ учатся бѣлые дѣти. Въ театрѣ онъ ни за какія деньги не купитъ права сидѣть рядомъ съ бѣлымъ ; въ больницѣ онъ лежитъ отдѣльно. Негру позволено молиться Богу, только не въ одномъ храмѣ съ бѣлыми, и на кладбищѣ тѣло его лежитъ въ особомъ отдѣленіи. Такимъ образомъ свободный негръ не можетъ раздѣлять ни правъ, ни удовольствій, ни печалей, ни даже могилы съ тѣмъ, кто законнымъ образомъ считается его равнымъ.

Замѣтимъ кстати, что за всѣ эти несправедливости, не должно слишкомъ безусловно обвинять бѣлыхъ. Припомнимъ что и въ Европѣ у образованнѣйшихъ народовъ, которые, казалось бы, должны съ большею легкостью отрѣшиться отъ предрасудковъ, аристократія съ большимъ упорствомъ держится своей касты, и въ бракахъ, и на церковныхъ скамейкахъ, и въ мѣстахъ погребенія, и даже въ удовольствіяхъ ; припомнимъ, что въ Германіи чиновникъ средняго разряда не можетъ, подъ опасеніемъ изгнанія изъ службы, пойти съ своимъ семействомъ въ ложу перваго яруса, гдѣ сидятъ только семейства чиновниковъ высшихъ разрядовъ ; припомнимъ, что истинно нѣмецкому чиновнику не можетъ даже прійти въ голову такая дерзкая мысль, а если и прійдетъ, то онъ постарается отъ себя ее прогнать, какъ соблазнъ, какъ навожденіе лукаваго.

Въ южныхъ штатахъ, гдѣ рабство существуетъ въ полной силѣ, бѣлые не держатъ негровъ такъ далеко отъ себя : тамъ негры иногда работаютъ наряду съ бѣлыми, веселятся вмѣстѣ съ ними ; тамъ законы несравненно строже къ неграмъ, но привычки снисходительнѣе, мягче. На югѣ хозяинъ не побойтся иной разъ возвысить невольника до своего уровня, потому что онъ всегда можетъ бросить его назадъ, въ грязь.

Все, что разсказывается въ «Жизнѣ дяли Тома» и въ подобныхъ, болѣе или менѣе хорошихъ сочиненіяхъ о жестокомъ, безчеловѣчномъ обращеніи хозяевъ съ невольниками, все чрезвычайно преувеличено, все «возведено въ перлъ созданія,» или набрано изъ дѣятельности за нѣсколько десятковъ лѣтъ и скоплено въ одинъ разсказъ. Хозяева негровъ очень берегутъ своихъ невольниковъ, если не изъ чувства челоуѣколюбія, то по расчету, потому что за

обыкновеннаго чернорабочаго негра платять отъ 900 до 1500 рублей серебромъ, а за обученнаго какому-нибудь мастерству — двѣ, три и пять тысячъ рублей. Еще недавно въ Новомъ Орлеанѣ хорошій часовщикъ-негръ, холостой, проданъ за 7500 рублей; обыкновенная же рыночная цѣна человѣка — около 1200 рублей. Понятно, что при такой дороговизнѣ, хозяинъ бережетъ свое имущество. Дѣти очень рѣдко продаются отдѣльно отъ матерей, въ разныя руки; это было бы невыгодно покупателю. Мать всегда лучше выхолить свое дитя, нежели посторонняя женщина, если бы даже этой посторонней и платить деньги. Другая женщина, ирѣдя съ работы, усталая, позаботится только о томъ, чтобы отдохнуть, а у матери есть всегда выгодный для хозяина инстинктъ — и не доспать, и не доѣсть, чтобы только хорошо было ея дѣтицу. Въ Виргиніи есть большіе заводы невольниковъ, и Виргинія отпускаетъ теперь въ южные штаты болѣе чѣмъ на двадцать три милліона рабовъ каждый годъ. Тамъ дѣло разведенія рабовъ ведется систематически; тамъ особенно въ цѣнѣ сильныя, плодильныя женщины. Тамъ сдѣлано даже нѣсколько наблюдений, важныхъ въ фізіологическомъ отношеніи. Нѣкоторые заводчики пробовали не давать кормить новорожденное дитя своей матери, а отбирали во дворъ и кормили коровьимъ и козьимъ молокомъ, чтобы мать, оправившись, давала скорѣе приплодъ. Самыя положительныя наблюденія, тѣмъ болѣе положительныя, что они отзывались прямо на карманѣ, показали, что это невыгодно, что ежели дѣйствительно при такомъ воспитаніи приплодъ и бываетъ счетомъ больше, за то онъ не такъ живучъ. Пробовали сократить кормовой расходъ на новорожденныхъ и отлавать двоихъ кормить одной матери, съ тѣмъ, чтобы другую пускать на племя. Оказалось, что это выгоднѣе искусственнаго кормленія козьимъ молокомъ, и эта система вообще принята всѣми заводчиками, хорошо понимающими свои выгоды. Кормить негровъ и на заводахъ, и на плантаціяхъ очень хорошо, заботятся о нихъ и видятъ въ нихъ рабочую силу не совсѣмъ такую же, какъ волъ или лошадь. Одинъ изъ поборниковъ невольничества какъ-то сравнивалъ раба съ ручнымъ соколомъ, который, конечно, работаетъ на своего хозяина, но требуетъ также и хорошаго ухода, и съ работы пожалуй не возвратится на хозяйскую перчатку, подъ колачокъ.

Первые невольники привезены въ Виргинію въ 1621 году; мало по малу распространились они по всѣмъ землямъ нынѣшнихъ штатовъ, но на сѣверѣ ихъ всегда было меньше, чѣмъ на югѣ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія рабы считались очень выгодною вещью и на сѣверѣ; такъ закономъ 1740 г. въ Нью-Йорскомъ штатѣ поста-

повнено, что слѣдуетъ какъ можно болѣе поощрять прямой откры-
тый ввозъ невольниковъ, и какъ можно строже наказывать контра-
банду «чтобы не было подрыва честнымъ торговцамъ.» Но очень
рано замѣчено было странное явленіе: тѣ провинціи, въ которыхъ
было очень мало невольниковъ, или даже вовсе ихъ не было, бы-
стро дѣлались многочисленными, скоро богатѣли, и общее благосостоя-
ніе развивалось тамъ несравненно скорѣе, чѣмъ въ провинціяхъ съ
многочисленнымъ невольничьимъ населеніемъ. А между тѣмъ въ
первыхъ мѣстностяхъ жители должны были сами воздѣлывать зем-
лю или нанимать для этого другихъ, а во вторыхъ провинціяхъ они
ниѣли въ своемъ распоряженіи рабочихъ, которымъ не нужно бы-
ло платить никакого жалованья. Съ одной стороны были трудъ,
издержки и недурная почва при среднемъ климатѣ, а съ другой —
бездѣйствіе, даровая работа, великолѣпная почва и богатый
климатъ; а между тѣмъ выгоды были на сторонѣ первыхъ. Время
шло; новые поселенцы захватывали пустынные мѣста все далѣе и
далѣе на востокъ; народъ передвигался свободно, съ юга на сѣверъ,
съ сѣвера на югъ и на востокъ, и на каждомъ шагу замѣчалось то-
же самое явленіе: безъ рабовъ колонія развивается и процвѣтаетъ
гораздо скорѣе, чѣмъ съ невольниками. По мѣрѣ движенія колоній
къ востоку, становилось ясно, что рабство, столь жестокое для не-
вольника, было пагубно и для хозяина. Но всего яснѣе это доказа-
но на берегахъ Огею. Эга рѣка, названная краснокожими по преи-
муществу Огею, или прекрасная рѣка, омываетъ одну изъ велико-
лѣннѣйшихъ долинъ, въ какой только жилъ человекъ. На обоихъ
берегахъ рѣки таятся холмистыя земли, въ которыхъ сокрыты
для земледѣльца неисчерпаемыя богатства; по обѣ стороны воздухъ
одинаково здоровый и климатъ умѣренный; оба берега состав-
ляютъ границы обширныхъ штатовъ; на лѣвой сторонѣ таятся по
извилинамъ рѣки граница Кентуки, а на правой — штатъ называет-
ся именемъ рѣки. Разница между двумя штатами только одна: въ
Кентуки есть невольники, а въ Огею нѣтъ ни одного. Въ законахъ
этого послѣдняго штата есть кромѣ того большая несправедливость:
даже и свободный негръ не имѣетъ права тамъ жить и приобрѣ-
тать себѣ собственность. Путешественникъ, посреди рѣки Огею до
самаго впаденія ея въ Миссиссипи, плыветъ такъ сказать между
рабствомъ и свободой; ему стоитъ только посмотрѣть на тогъ и на
другой берегъ, чтобы рѣшить, что выгоднѣе. На лѣвомъ или юж-
номъ берегу рѣки населеніе незначительно; порою видишь стадо
невольниковъ, работающихъ кое-какъ на плохомъ полѣ; порою ви-
дишь первобытный, нетронутый лѣсъ; общество какъ будто спитъ;
только природа являетъ свою нескончаемую дѣятельность и жизнь.

На правомъ, сѣверномъ берегу, напротивъ, слышатся говоръ, шумъ и стукотня промышленныхъ заведеній; поля покрыты богатѣйшими жатвами; красивые дома показываютъ виауъ и заботливость владѣльцевъ; вездѣ, во всемъ видѣнъ достатокъ; человекъ богатъ и, по видимому, счастливъ: онъ работаетъ. Штатъ Кентуки основанъ въ 1775 году, штатъ Огейо — двѣнадцать лѣтъ позже, а въ Америкѣ двѣнадцать лѣтъ, это — болѣе полуѣка въ Европѣ. Въ 1830 свободный штатъ былъ многочисленъ невольничьяго на 250.000 душъ, а теперь въ свободномъ штатѣ почти два съ половиною милліона жителей, а въ невольничьемъ вдвое меньше. Такое вліяніе свободы и рабства очень понятно. На лѣвомъ берегу Огейо мысль о работѣ смѣшивается съ мыслью о рабствѣ; на правомъ берегу, напротивъ, — съ мыслью о благосостояніи и прогрессѣ; тамъ работа унижена, здѣсь — въ почетѣ; на лѣвомъ берегу рѣши нельзя найти работника, принадлежащаго къ бѣлому племени: бѣлый боится въ этомъ случаѣ походить на раба, и всѣ работы исполняются неграми; на правомъ берегу праздныхъ нѣтъ, и бѣлый человекъ во всякій трудъ вноситъ свою дѣятельность и свой умъ. По этому люди, на которыхъ въ Кентуки лежитъ вся работа, дѣлаютъ свое дѣло безъ усердія и безъ знаній; а тѣ, у кого могли бы быть и то, и другое, ничего не дѣлаютъ, или переѣзжаютъ за рѣку, чтобы извлечь пользу изъ своихъ знаній и умѣнья, и работать безъ стыда.

Вліяніе невольничества простирается еще далѣе: оно проникаетъ въ самую душу рабовладѣльца и даетъ особенное направленіе его вусамъ и мыслямъ. На обоихъ берегахъ Огейо природа одарила человека характеромъ смѣлымъ, предприимчивымъ, сильнымъ; но невольничество дало имъ разныя направленія. Бѣлый на правомъ берегу принужденъ жить своимъ собственнымъ трудомъ, и главною цѣлю его существованія сдѣлалось матеріальное благосостояніе. Земля, на которой онъ живетъ, даетъ ему неисчерпаемые источники промышленности, и его страсть къ пріобрѣтенію превзошла границы обыкновенной человѣческой жадности: мучимый жаждою богатства, онъ бросается во всѣ предпріятія, какія только попадаютъ подъ руку: онъ и морякъ, и колонистъ, и торговецъ, и мануфактуристъ, и рудокопъ, и земледѣлецъ, и вездѣ во всемъ онъ съ одинаковымъ постоянствомъ и съ желѣзною твердостью переноситъ всевозможные труды и опасности. Есть что-то изумительное въ его находчивости, въ его стойкости и изворотливости, какое-то геройство жажды пріобрѣтенія. На лѣвомъ берегу американецъ презираетъ не только трудъ, но и всѣ предпріятія, которыя удаются только посредствомъ труда; живетъ онъ въ праздномъ довольствѣ, и у

него всё вкусы празднаго человѣка; деньги потеряли для него часть своей цѣнности; онъ не столько гонится за богатствомъ, сколько за волненіями и удовольствіями, и на это обращены у него всё силы души, онъ страстно любитъ охоту и войну; онъ любитъ сплавныя физическія упражненія; у него безпрестанно въ рукахъ оружіе, и съ молодости онъ привыкъ къ поединкамъ. Рабовладѣніе не только мѣшаетъ человѣку быть богатымъ, но даже не даетъ и желать богатства. Однѣ и тѣже причины въ продолженіе двухъ вѣковъ дѣйствуютъ одинаково въ англійскихъ колоніяхъ сѣверной Америки, и наконецъ составили огромную разницу въ характерахъ и богатствѣ сѣвера и юга Соединенныхъ Штатовъ. Теперь только сѣверъ обладаетъ кораблями, мануфактурами, желѣзными дорогами, каналами, а если все это есть и на югѣ, то сдѣлано на деньги сѣвера и сѣвернымъ жителямъ приноситъ доходы. Кромѣ того сѣверные люди безпрестанно наѣзжаютъ въ южные штаты для промышленности и торговли, открываютъ здѣсь такіе источники богатствъ, которые не были замѣчены туземцами.

Такое зловредное вліяніе невольничества на произведеніе богатствъ было неизвѣстно въ древности; рабство существовало тогда въ цѣломъ образованномъ мірѣ и не было знакомо только варварамъ.

Христіанство уничтожило рабство, указавъ человѣку на права невольника; въ наше время на рабство можно дѣйствовать уже во имя рабовладѣльца: въ этомъ случаѣ выгоды и нравственныя требованія между собою согласны.

По мѣрѣ того, какъ эти простыя истины становились извѣстны въ Соединенныхъ Штатахъ, рабство мало по малу отодвигалось передъ голосомъ опыта, къ югу, откуда началось, и это произошло весьма естественно. Нью-Йорскій штатъ, напр. въ 1788 запретилъ у себя продажу невольниковъ; это было непрямое средство запретить ихъ привозъ. Съ тѣхъ поръ количество негровъ увеличивалось только по мѣрѣ естественнаго приращенія чернаго населенія. Черезъ восемь лѣтъ послѣ того объявлено, что съ 4 іюля 1798 всё дѣти, родящіяся отъ рабовъ, будутъ свободны; тогда уничтожена была всякая возможность увеличенія числа невольниковъ. Какъ только уничтожено было право продажи, невольникъ, прикрѣпленный къ своему хозяину, сдѣлался весьма неудобною собственностью, такъ что выгодно было вывозить его на югъ. Какъ только объявлено, что сынъ невольникъ будетъ свободенъ, цѣна невольника сильно падаетъ, потому что его потомство не входитъ въ расчетъ при продажѣ, и опять выгодно вывозить его на югъ. Такъ мало по малу сѣверные штаты очистились отъ рабства. Негры вольноотпущенные

и тѣ, которые родились послѣ уничтоженія рабства, на югъ не переселялись; но съ бѣлыми они остались въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ краснокожіе индѣйцы, съ тою только еще разницею, что на неграхъ лежало тяжелое пятно бывшаго рабства, и презрительная нетерпимость общественнаго предразсудка. Бѣдняки остались въ очень печальномъ положеніи, скопились въ городахъ и ведутъ тамъ самую бѣдственную жизнь. Смертность между свободными неграми вдвое больше, чѣмъ между бѣлыми, и на половину больше, чѣмъ между рабами. Это фактъ, выведенный изъ самыхъ тщательныхъ статистическихъ наблюденій. Между прочимъ, защитники рабства ухватились за него съ большимъ удовольствіемъ, и говорятъ, что невольникамъ, видно, не очень дурно жить на свѣтѣ, если ихъ умираетъ гораздо меньше, чѣмъ свободныхъ негровъ; еще они доказываютъ благодѣтельность рабства тѣмъ, что краснокожіе умираютъ какъ мухи отъ одного прикосновенія цивилизаціи, тогда какъ невольники, при хорошемъ уходѣ, размножаются весьма удовлетворительнымъ образомъ. Но они забыли, что если бы предложить краснокожимъ дикарямъ вступить въ неволю, то они несогласятся, хотя бы пришлось умирать вдвое скорѣе.

Какъ бы то ни было, невольничество на сѣверѣ уничтожено съ большою выгодой, но на югѣ сдѣлать это не такъ-то легко, и на это есть нѣсколько важныхъ причинъ. Во-первыхъ — климатъ. Доказано, что по мѣрѣ приближенія къ тропикамъ, европейцу все труднѣе и труднѣе работать; многіе американцы утверждаютъ даже, что на известной географической широтѣ, работа для блага бываетъ часто смертельна (что совершенно справедливо для рисовыхъ плантацій), тогда какъ негръ работаетъ безъ опасенія. Смертельность работы еще недоказана, но конечно бѣлому труднѣе чѣмъ негру работать подъ лучами тропическаго солнца. Сверхъ того растенія, которыя воздѣлываются на югѣ, требуютъ ухода постояннаго, безпрерывнаго, тогда какъ зерновые хлѣба, растущіе на сѣверѣ, нуждаются въ большемъ количествѣ рабочихъ только во время ихъ уборки. На югѣ табакъ, хлопокъ и сахарный тростникъ составляютъ главныя статьи богатства, требующія на данномъ пространствѣ большаго числа постоянныхъ рабочихъ рукъ, нежели зерновые хлѣба. Наконецъ, если бы южные штаты какимъ-нибудь образомъ дошли до убѣжденія, что надо освободить негровъ, то куда ихъ потомъ дѣвать? На сѣверѣ въ одно и тоже время изгнаны были и рабство, и невольники; на югѣ это совершенно невозможно. На югѣ негровъ очень много. Въ южной Каролинѣ бѣлыхъ 300.000, черныхъ 400.000; въ Миссиссиппи бѣлыхъ 230.000, черныхъ 370.000; въ Алабамѣ, Флоридѣ, Георгіи и Луизианѣ число свободныхъ и рабовъ почти

одинаково. Это все хлопковые штаты, теперь отдѣлившіеся отъ Союза. Если бы они вздумали распорядиться точно также, какъ это было сдѣлано на сѣверѣ, чрезъ освобожденіе изъ рабства всѣхъ новорожденныхъ послѣ извѣстнаго дня, то принципъ, идея свободы завелись бы въ самыхъ нѣдрахъ рабства; мать стала бы чувствовать, что у нея родится свободное дитя, родители удивлялись бы неравенству правъ между ними и дѣтьми; они стали бы беспокоиться, раздражаться. Для нихъ рабство потеряло бы ту нравственную силу, которая утверждена временемъ и обычаемъ; оно стало бы въ ихъ глазахъ простымъ злоупотребленіемъ силы. Неизбѣжно начались бы прискорбные безпорядки. Но если бы и это прошло благополучно, предрасудокъ противъ свободныхъ негровъ остался бы въ той же самой силѣ, какъ теперь на сѣверѣ. Очень трудно бѣлому и черному племени жить на правахъ совершеннаго равенства, а въ Соединенныхъ Штатахъ это еще труднѣе, нежели гдѣ бы то ни было. Бываетъ, что человѣкъ становится выше предрасудковъ своей страны, своего племени, и если онъ обладаетъ большою властью, то можетъ сдѣлать большія перемѣны въ обществѣ; но требовать того же самаго отъ народа, требовать, чтобы народъ, такъ сказать, сталъ выше самаго себя — невозможно. Повелитель съ большою властью могъ бы еще, при помощи насилія, смѣшать американцевъ съ ихъ прежними рабама; но пока въ Америкѣ правленіе демократическое, этого быть не можетъ. Англичане вообще весьма тщеславятся своимъ происхожденіемъ, а у американцевъ эта слабость еще усилилась тщеславіемъ демократической свободы. Бѣлый человѣкъ въ Соединенныхъ Штатахъ гордится своимъ племенемъ и гордится собою. Это одно помѣшаетъ слитію двухъ племенъ; южно-американецъ всегда будетъ бояться походить на негра, своего стариннаго невольника, и въ то же время сойти ниже блага, своего сосѣда.

Въ штатахъ, которые теперь отдѣлились, черное населеніе многочисленнѣе блага; въ случаѣ борьбы, на сторонѣ бѣлыхъ будетъ образованность, а на сторонѣ черныхъ — численность и сила отчаянія. До сихъ поръ, до нынѣшняго распаденія штатовъ, жители сѣвера безпрестанно толковали объ опасностяхъ невольничества, хотя собственно за себя имъ нечего было бояться. Въ южныхъ штатахъ, напротивъ, молчатъ; о будущемъ никогда не говорятъ съ ливостранцами; не объясняются даже объ этомъ съ друзьями; всякій прячется въ самаго себя, и въ этомъ случаѣ молчаніе юга гораздо страшнѣе шумныхъ опасеній сѣвера. Эта общая забота порождаетъ предпріятіе, довольно мало-извѣстное: основаніе новой республики, Либеріи. Нѣсколько гражданъ составили общество для пе-

ревозки въ Африку свободныхъ негровъ, которые захотятъ избавиться отъ тяготящаго надъ ними въ Америкѣ предубѣжденія. Общество начало свои дѣйствія съ 1820 года, и въ первые десять лѣтъ успѣло перевезти въ Африку 2.500 негровъ, которые устроились тамъ по образцу американскихъ учреждений. Либерія — республика, тамъ судья негры, присяжные негры, президентъ негръ, священники негры; теперь тамъ и церкви, и ежедневныя газеты, и театръ, и по странному противорѣчію судьбы — бѣлымъ запрещено тамъ имѣть недвижимую собственность. Теперь тамъ болѣе 250.000 жителей, изъ которыхъ до 9000 человекъ перевезено изъ Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ величавый подвигъ человеколюбія стоилъ обществу страшныхъ денегъ; конгрессъ съ своей стороны, тоже отпускаетъ ежегодно болѣе трехъ сотъ тысячъ рублей на эту колонизацію; но все это — капля въ морѣ, въ сравненіи со всѣми невольниками, которые остаются въ штатахъ; тамъ въ тоже время родилось ихъ въ двадцать разъ больше, чѣмъ вывезено въ Африку.

Надо признаться, что далеко не всѣ жители юга считаютъ невольничество необходимымъ для богатства хозяина; въ этомъ отношеніи очень многіе согласны съ сѣверомъ, что невольничество есть зло; но они думаютъ, что надо сохранить себѣ жизнь. Они говорятъ: мы знаемъ два средства, чтобы избавиться отъ бѣды: освободить негровъ, слиться съ ними, или — не сливаясь съ ними, оставить ихъ какъ можно долѣе, до послѣдней, крайней возможности, въ нынѣшнемъ ихъ состояніи. Негры долго могутъ оставаться невольниками, не жалуясь на свою горькую долю; но войдя въ число людей свободныхъ, они весьма скоро прійдутъ въ негодованіе отъ того, что будутъ лишены всѣхъ правъ гражданства, если не законами, то обычаемъ; имъ нельзя будетъ сдѣлаться равными бѣлымъ, и потому они сдѣлаются ихъ врагами.

Законы южныхъ штатовъ относительно негровъ — невыносимо жестоки; по нимъ видно, что оба сожителствующія племена находятся въ отчаянномъ положеніи. Но при этомъ не слѣдуетъ тотчасъ воображать себѣ казни, пытки, отпиливаніе пальцевъ и подобныя ужасы. Напротивъ, матеріальная участь негра вовсе не очень дурна. Въ древности рабство поддерживалось оковами, пытками, смертною казнью; американцы южныхъ штатовъ нашли другія, такъ сказать болѣе умственные средства, для упроченія своей власти. Самовластіе и насилие у нихъ спиритуализированы. Въ древности люди старались не дать невольнику разбить свои цѣпи, а нынѣ они стараются отнять у него и самое желаніе это сдѣлать. Въ древности тѣло невольника было сковано, а былъ духъ свобо-

день и имѣлъ возможность просиѣщаться; американцы южныхъ штатовъ, подѣ страхомъ строгихъ наказаній, запрещаютъ своимъ рабамъ учиться грамотѣ.

Во всѣ времена въ самыя нѣдра невольничества, допускалась надежда на свободу, чтобы этимъ смягчить горькую долю раба. Американцы замѣтали, что освобожденіе представляетъ нѣкоторыя опасности, если вольноотпущенный никогда не имѣетъ возможности сравняться съ своимъ господиномъ. Дать человѣку свободу, но оставить его въ нищетѣ и въ презрѣніи, значить преднамѣренно его ожесточить. Замѣчено также, что присутствіе свободнаго негра поселить въ самой глубинѣ души несвободнаго какое-то смутное безпокойство, какой-то сомнительный лучъ надежды или желаніе другихъ правъ. Поэтому американцы почти совершенно отняли у хозяина право отпускать негровъ на волю, или по крайней мѣрѣ обставили это право такими формальностями, которыя отбиваютъ у хозяина всякую охоту приняться за отпускную.

Не смотря на различіе учреждений относительно рабства, не смотря на различіе въ образѣ жизни, въ нравахъ, даже въ характерѣ, сѣверные штаты съ южными до сихъ поръ почти не враждовали: у нихъ такъ много общихъ выгодъ, такъ перемѣшаны ихъ интересы, и — что не менѣе важно — такъ гордятся они устройствомъ своего отечества, своимъ Союзомъ. Но нельзя сказать, чтобы въ этомъ обширномъ Союзѣ не было партій, то есть чтобы не было различныхъ убѣжденій относительно того, что истинно полезно для общаго отечества.

Во время войны за независимость было только двѣ партіи, которыхъ имена, но не значеніе, заимствованы изъ метрополи: были виги и тори; первые проповѣдовали необходимость и выгоду отдѣленія отъ Англіи, вторые утверждали, что это будетъ невыгодно. Въ 1783 году заключенъ парижскій миръ, по которому Соединенные Штаты призваны самостоятельнымъ государствомъ. Но собственно говоря, эти штаты вовсе еще не были соединены; не было никакого акта, никакого условія, по которому всѣ штаты составляли бы что-нибудь цѣлое. Каждый штатъ былъ совершенно самостоятельнымъ, отдѣльнымъ государствомъ съ республиканскою формою правленія, и каждый штатъ, чувствуя свое относительное безсиліе (въ самомъ многочисленномъ не было 500,000 жителей), желалъ прочнаго устройства центра, который составлялъ бы нѣчто сильное и уважаемое для вѣдшихъ сношеній. Замѣчательные государственные люди, составлявшіе основную конституцію, до сихъ поръ дѣйствующую въ штатахъ, раздѣлились на двѣ партіи. Первая старалась придать новой центральной, *федеральной* власти какъ можно

больше силы, дать ей весьма широкое вліяніе на всѣ дѣла каждого отдѣльнаго штата. Это партія федералистовъ; она была представляема Вашингтономъ, Гамильтономъ, Адамсомъ и др. Другая партія была противнаго мнѣнія: допуская общій центръ, она жертвовала только весьма немногими самодержавными правами каждого штата. Это *демократы*. Вслѣдствіе уступокъ, взаимно сдѣланныхъ обѣими партіями, явилась нынѣ дѣйствующая конституція, 17 сентября 1787 года. На югѣ было больше демократовъ, на сѣверѣ — федералистовъ: югъ сильнѣе сѣвера держался самодержавныхъ правъ каждого штата, каждой общины. Но такъ какъ впослѣдствіи южнымъ штатамъ, по ихъ географическому положенію и историческому развитію, пришлось поддерживать свои права на разведение негровъ и торговлю ими, то понятіе *демократы* смѣшалось съ понятіемъ *защитники невольничества*, и теперь эти два выраженія однозначущи. Какъ бываетъ очень часто въ спорахъ, демократы переступили границы и доказывали, что невольничество есть общественное благо, средство и орудіе, данное Провидѣніемъ для народнаго образованія, краеугольный камень демократическихъ учрежденій. Съ горяча они проповѣдовали даже, что невольничество должно быть распространяемо для блага человѣчества вездѣ въ другихъ странахъ даже силою оружія и завоеваніями. Такое излишество породило реакцію: явились, особенно въ сѣверныхъ штатахъ, *аболиціонисты*, проповѣдники уничтоженія невольничества во что бы то ни стало, даже если бы изъ этого могла возникнуть междоусобная война. Аболиціонисты были частнымъ видомъ мнѣніемъ новой партіи *виговъ*, которые явились на мѣсто федералистовъ, съ тѣми же основными принципами, но нѣсколько смягченными. Собственно виги не проповѣдовали уничтоженія невольничества; она были только противниками его распространенія. Не всѣ также демократы (въ первоначальномъ американскомъ смыслѣ этого слова) были поборниками рабства. Во время присоединенія Новой Мексики и Калифорніи, возникъ вопросъ, должно ли быть въ нихъ допущено невольничество? Сѣверные демократы, вѣрные первоначальному смыслу своей партіи, объявили себя въ пользу свободы земли, что значило, что въ новоприсоединяемыхъ штатахъ невольничества не должно быть водворяемо. Вслѣдствіе разныхъ ошибокъ, партія виговъ распалась, и изъ нея въ 1853 г. возникла новая, подъ названіемъ *республиканской*, къ которой пристало нѣсколько демократовъ. Въ этой партіи принято много положеній виговъ, какъ напр. покровительство народной промышленности, внутреннія улучшенія, но главная цѣль партіи состояла въ томъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не дѣлать никакихъ уступокъ невольничеству. Республиканцы от-

казались отъ прежнихъ стремленій виговъ относительно усиленія и централизаціи союзной власти и приняли положенія демократовъ. Они утверждаютъ, что каждый штатъ, вслѣдствіе самодержавныхъ своихъ правъ въ самоуправленіи, независимо постановляетъ законы для обезпеченія личной свободы всякого, кто ступитъ на его землю убѣгая изъ другого штата, безъ различія цвѣта кожи бѣглеца. Иначе это значитъ, что республиканцы противятся выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ. Это послѣднее обстоятельство и составляетъ яблоко раздора между республиканцами и демократами.

Республиканцы совершенно согласны съ демократами, что каждый штатъ самодержавенъ на своей землѣ, и — тутъ начинается несогласіе — слѣдовательно можетъ постановить какой ему угодно законъ, касательно выдачи или невыдачи бѣглыхъ невольниковъ. Демократы на это возражаютъ, что хозяинъ всегда можетъ взять свою собственность, гдѣ бы онъ ее ни нашолъ. Республиканцы на это отвѣчаютъ, что человѣкъ, какого бы онъ цвѣта ни былъ, не можетъ быть собственностью. Споръ становится ядовитымъ, несогласіе разгорается... Но не должно думать, чтобы республиканцы безкорыстно и самоотверженно стояли за право невыдачи невольниковъ изъ одного только человѣколюбія. Нельзя сказать, чтобы у американцевъ этого послѣдняго чувства не было, но оно почти никогда не стоитъ у нихъ на первомъ планѣ: они никогда не станутъ вести войну за идею, какъ это было въ Италіи въ 1859 году. Вопросъ о невольничествѣ тамъ тѣсно связанъ съ другимъ вопросомъ, прямо и непосредственно касающимся кармана.

Долгое время демократическая партія имѣла на своей сторонѣ большинство какъ въ законодательной палатѣ, такъ и въ выборѣ президента Соединенныхъ Штатовъ. Тарифъ по ввозу иностранныхъ произведеній составляетъ дѣло законодательнаго собранія цѣлаго союза, а не отдѣльныхъ штатовъ. Имѣя на своей сторонѣ большинство и самаго президента, демократы (южные штаты) весьма часто устраивали тарифъ въ своихъ интересахъ, которые въ этомъ отношеніи не сходятся съ интересами республиканцевъ (сѣверныхъ штатовъ). Южные штаты — рѣшительные приверженцы свободы торговли, которая такъ выгодна для Англійи и съ такимъ успѣхомъ проповѣдуется ея эмиссарами. Для невольничьихъ штатовъ англійское ученіе въ самомъ дѣлѣ выгодно: тамъ возможна только однообразная земледѣльческая промышленность, а устраивать фабрики и мануфактуры невыгодно, потому что на фабрикѣ работать невольниками невозможно. Англійскіе фабриканты съ большою легкостью убѣдили производителя хлопчатой бумаги, что они будутъ покупать у него все количество ея и въ обмѣнъ

будутъ снабжать его мануфактурными издѣліями, такъ что ему нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ домашней, народной промышленности. При низкой степени своего умственнаго и нравственнаго развитія, южные плантаторы охотно стали на сторону англійскаго ученія. Сѣверные штаты напротивъ, во время войны съ Англіею въ 1812 и 1813 годахъ замѣтили, что у нихъ промышленность сдѣлала огромные уснѣхи, что большая часть товаровъ, привозимыхъ изъ Англіи, можетъ быть приготовляема у нихъ дома въ гораздо болѣе большихъ размѣрахъ. Они поняли очень ясно, что въ случаѣ хорошаго урожая въ Европѣ, имъ некуда будетъ дѣвать своихъ земледѣльческихъ продуктовъ и хлѣбъ сгнѣтъ въ амбарахъ, если они не заведутъ себѣ дома потребителей, которые сами хлѣба не сѣютъ, именно если у нихъ не будетъ фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ. Чтобы навсегда застраховать себя отъ могущей пронзойти при разныхъ обстоятельствахъ остановки въ вывозѣ сырыхъ произведеній въ Европу, они рѣшились принести маленькую жертву, именно: обложить болѣе или менѣе высокою пошлиною иностранныя мануфактурныя произведенія, съ двойною цѣлю получить таможенный доходъ на покрытие увеличивающихся расходовъ по управленію, и въ тоже время оказать такимъ образомъ покровительство домашнимъ фабрикамъ, которыя сначала не могли соперничать съ англійскими, точно также какъ начинающій ученикъ не можетъ соперничать съ опытнымъ мастеромъ.

Тарифъ долженъ быть для всѣхъ штатовъ одинъ, а требованія сѣвера и юга были различны; при большинствѣ голосовъ на своей сторонѣ, югъ всегда одерживалъ верхъ, пользовался безпошлиннымъ привозомъ мануфактурныхъ произведеній, а сѣверныя мануфактуры не могли подняться такъ какъ это было нужно, потому что ихъ на первомъ шагѣ давила неодолимая конкуренція опытныхъ, старыхъ фабрикантовъ. Отсюда неудовольствія на невольничьи штаты, на самое невольничество, какъ на причину промышленныхъ неудачъ сѣвера; отсюда и антагонизмъ между сѣверомъ и югомъ, отсюда естественнымъ образомъ вышло и нынѣшнее отяжеленіе хлопчатобумажныхъ штатовъ.

Въ концѣ прошлаго года было избраніе новаго президента на мѣсто г. Буканана, котораго президентство оканчивается 4 марта. Къ величайшему изумленію и гнѣву демократовъ, оказалось, что избранъ нѣкто г. Линкольнъ, извѣстный республиканецъ и сверхъ того до нѣкоторой степени аболіціонистъ. Обыкновенно случалось такъ, что до избранія новаго президента, по всѣмъ штатамъ бѣваетъ большая тревога: всѣ партіи со всѣми своими отгѣнками приходятъ въ лихорадочное движеніе; газеты наполнены только

волнующими статьями о необходимости такого или другого президента; агенты снуютъ изъ общины въ общину, изъ штата въ штатъ, разыскиваютъ десятки тысячъ воззваній, общаются отечеству золотыя горы отъ избранія своего кандидата. Наступаетъ назначенный день, избиратели президента подаютъ свои записки и все приходитъ въ прежній порядокъ, все успокаивается. На этотъ разъ было вовсе не такъ. По поводу избранія г. Линкольна поднялся страшный шумъ, а между демократами чаще прежняго стали раздаваться голоса въ пользу отдѣленія южныхъ штатовъ отъ союза. Голоса эти раздаются уже не въ первый разъ, и южные штаты давно стремятся къ отложенію. Еще въ 1820 году южная Королина въ прошеніи, поданномъ конгрессу, объявила установленный тогда тарифъ неконституціоннымъ, притѣснительнымъ, несправедливымъ; потомъ Георгія, Виргивія, сѣверная Королина, Алабама и Миссиссипи, почти тѣже штаты, которые теперь отложились, сильно протестовали въ томъ же смыслѣ. Не смотря на этихъ недовольныхъ, конгрессъ еще возвысилъ пошлины, и тогда явилось знаменитое ученіе *нуллификаторовъ*. Во всѣхъ случаяхъ, предвидѣнныхъ и опредѣленныхъ конституціей, Соединенные Штаты составляютъ одинъ народъ; его воля выражается голосомъ большинства, и меньшинство этому голосу обязано подчиняться. Нуллификаторы напротивъ говорятъ, будто американцы, соединившись подъ общею конституціей, не хотѣли слиться въ одинъ народъ, а только составили союзъ независимыхъ одинъ отъ другого народовъ; по этому будто бы каждый штатъ имѣетъ право толковать законы конгресса и не исполнять у себя тѣхъ, которые кажутся ему несогласными съ конституціей и справедливостью. «Конституція», говорятъ они, «есть контрактъ между самодержавными и независимыми штатами. А всякій разъ какъ заключается контрактъ между двумя сторонами, непризнающими никакого общаго верховнаго судьи, каждая сторона удерживаетъ за собою право самой судить объ объемѣ своихъ обязательствъ.» Ясно, что такое ученіе въ самомъ корнѣ уничтожаетъ федеральный союзъ, повергаетъ все въ ту анархію, въ которой были освободившіяся колоніи до конституціи 1787 года.

Когда южная Королина увидѣла, что конгрессъ не слушаетъ ея жалобъ, она стала грозить, что исполнитъ на дѣлѣ ученіе нуллификаторовъ относительно тарифа. Конгрессъ продолжалъ держаться своей системы. Наконецъ буря разразилась. Въ 1832 народъ Южной Каролины собралъ своихъ уполномоченныхъ, которые и объявили, что для ихъ штата федеральный тарифъ не существуетъ, что съ февраля слѣдующаго года они не станутъ болѣе собирать пошлины собразно этому тарифу, если конгрессъ не убавитъ къ тому вре-

мени пошлинъ; а если измѣнить, то дѣла пойдутъ по старому. Между тѣмъ южная Каролина вооружала свои народныя ополченія и готовилась къ войнѣ. Виргинія тогда, какъ и въ нынѣшнемъ несогласіи, предложила свои услуги въ качествѣ посредницы.

Конгрессъ, неслушавшій просьбъ, съ большою легкостью послушался угрозы, и въ началѣ 1833 г. издалъ законъ, которымъ постановлено постепенное въ теченіи десяти лѣтъ пониженіе тарифа. Чтобы замаскировать свое пораженіе, союзное правительство распорядилось такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ слабыя правительства: уступая въ фактѣ, оно старалось выказать себя непреклоннымъ въ принципѣ. Измѣняя законъ о тарифѣ, оно другимъ закономъ давало президенту чрезвычайную власть — оружіемъ противиться всякому сопротивленію, котораго тогда уже нечего было опасаться. Южная Каролина удовольствовалась закономъ о пониженіи тарифа, но объявила, что остается вѣрною принципу нуллификаціи, и доказала это, отмѣнивъ у себя законъ, дававшій президенту чрезвычайную власть, хотя и не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ никогда этою властью не воспользуется.

Всякій разъ, какъ правительство одного штата входило въ столкновение съ правительствомъ всего союза, президентъ оказывался безсильнымъ для рѣшенія дѣла какимъ-нибудь перевѣсомъ въ свою сторону. Самый энергическій президентъ во всю короткую исторію Соединенныхъ Штатовъ, былъ Джексонъ. Однакожъ и ему приходилось безпрекословно подчиняться требованіямъ большинства. Когда большинство оказалось противъ претензій южныхъ нуллификаторовъ, Джексонъ ясно и энергически формулировалъ требованія партіи, одержавшей верхъ; а когда Южная Каролина стала готовиться къ войнѣ, и разумное большинство стало требовать мира, Джексонъ поспѣшилъ выразиться въ томъ же смыслѣ, и только по случаю чрезвычайнаго полномочія своего опять возвысилъ голосъ. О немъ тогда говорили, что онъ *федералистъ* по чувствамъ и *демократъ* по расчету. Такова участь всякаго президента Соединенныхъ Штатовъ; вся конституція тамъ направлена къ торжеству большинства, и если у президента есть какое-нибудь вліяніе, то оно такъ незначительно, что собственно говоря, американцамъ совершенно все равно, кто именно у нихъ президентъ. Имя того или другого чловѣка важно только потому, что передъ избраніемъ каждая партія представляетъ и рекомендуетъ своего кандидата, и избраніе того или другого президента, какихъ бы онъ свойствъ ни былъ, важно потому, что означаетъ торжество той или другой партіи, а не чловѣка. Отъ этого избраніе г. Линкольна, который теперь занялъ мѣсто президента, было встрѣчено всѣми просвѣщенными людьми съ ве-

личайшею радостью, потому что оно означало торжество лучшей изъ двухъ главнѣйшихъ партій Союза — партіи республиканской.

За то демократическая партія пришла въ неописанное негодованіе, и Южная Каролина опять первая подняла голосъ противъ Союза. Сходящій теперь со сцены президентъ Бухананъ (*), человекъ нерѣшительный и безкорыстный, внимательно изучая свою конституцію, могъ найти въ ней только то, что Южная Каролина была неправа, объявляя свои намѣренія отложиться отъ Союза, что поднятіе оружія противъ Союза составляетъ измѣну, что наказаніе за измѣну можетъ назначать конгрессъ, и что наконецъ онъ, президентъ, какъ главнокомандующій сухопутными и морскими силами Союза, обязанъ будетъ привести приговоръ конгресса въ исполненіе. Что же было ему дѣлать для предотвращенія кризиса? Онъ въ своемъ послѣднемъ посланіи къ сенату и палатѣ представителей ограничивается, по необходимости, горькимъ сѣтованіемъ о неминуемомъ распаденіи штатовъ, и совершенно входя въ безвыходное положеніе невольничьихъ штатовъ, оправдываетъ рабство, потому что оно тамъ составляетъ невѣзбѣжную необходимость, неотвратимую никакими до сихъ поръ извѣстными средствами.

«Впродолженіи всего года, истекшаго со времени послѣдняго нашего собранія, наша страна процвѣтала во всемъ, что касается вещественныхъ интересовъ. Здоровье было превоеходно, жатвы обильны; все улыбалось съ одного конца земли до другого. Наша торговля и мануфактуры давали прекрасныя и большія выгоды. Словомъ сказать, никакая нація, въ теченіе вѣковъ, не представляла большаго матеріальнаго процвѣтанія, чѣмъ то, которымъ наслаждались мы въ послѣднее время. Зачѣмъ же царствуетъ теперь такое всеобщее недовольство? Зачѣмъ распаденіе грозитъ теперь Союзу

(*) Кстати объ этомъ имени, которое пишется въ нашихъ журналахъ различно. Не худо бы нашимъ филологамъ заняться разработкой вопроса о русскомъ правописаніи англійскихъ именъ. Едва ли справедливо — стараться выражать русскими буквами *произношеніе* этихъ именъ, особенно когда дѣло идетъ объ именахъ американскихъ, гдѣ произношеніе нѣсколько отлично отъ чисто-англійскаго. Бухананъ (Buchanan) нѣкоторые пишутъ у насъ Бьюкананъ, или Бьюхананъ, но сѣвероамериканецъ этого не пойметъ, потому что онъ привыкъ называть президента Бокананъ. Если бы вѣрно изображать звуками мѣстное произношеніе, то, вмѣсто Южной Каролина надо бы писать Соусъ-Карлайнъ (South Carolina), штатъ Iowa (Iowa) надо бы называть Айда, Виргинія — Вирджини, Георгія — Джорджія, Англія — Энгландъ, Техасъ — Тексэсъ, Канада — Кэнади, Либерія — Лайбери, и все это съ такими отгѣнками, которыхъ невозможно передать русскими буквами. Не напрасно ли стараться передавать произношеніе? Не принять ли какой другой системы, въ родѣ той, которую мы приняли для нашихъ статей?

штатовъ? Продолжительное и неумолимое внимательство сѣвера въ невольничій вопросъ юга, произвело наконецъ свои естественныя послѣдствія. Различныя части Союза возстали теперь одна на другую, и пришло время, когда образовались географическія партіи. Я давно предвидѣлъ и часто указывалъ моимъ согражданамъ опасность, теперь неизбежную. Опасность эта происходитъ не отъ одной претензіи конгресса или законодательства территорій исключать рабство въ территоріяхъ; она происходитъ не отъ однихъ успѣхъ различныхъ штатовъ — препятствовать исполненію закона о бѣглыхъ невольникахъ. Эти вредныя вещи, взятыя вмѣстѣ, или каждая отдѣльно, были бы вынесены югомъ, какъ онъ выносили многое, въ надеждѣ, что размышленіе и время поправятъ все это. Непосредственная опасность произошла оттого, что сильныя и непрерывныя толки о невольничествѣ по всему сѣверу въ продолженіе послѣдней четверти столѣтія, произвели наконецъ свое зловерное вліяніе на невольниковъ и внушили имъ смутныя догадки о свободѣ. Отъ этого происходитъ, что вокругъ домашняго очага уже нѣтъ безопасности. Чувство внутренняго спокойствія уступило мѣсто опасеніямъ возстанія невольниковъ. Многія матери семейства, на югѣ, ложатся вечеромъ спать въ смертельномъ страхѣ о томъ, что можетъ случиться съ ними и съ ихъ дѣтьми до восхода солнца. Если это опасеніе домашнихъ бѣдствій увеличится и обойметъ собою всѣ массы южнаго населенія, то распаденіе сдѣлается неизбежнымъ. Инстинктъ самосохраненія есть первый законъ природы, и Создатель вложилъ его въ человѣка съ премудрою предусмотрительностью. Никакой политической союзъ, какъ бы онъ ни былъ плодотворенъ по своимъ благотворнымъ выгодамъ, не будетъ продолжителенъ, если онъ будетъ имѣть необходимымъ слѣдствіемъ постоянное и безнадежное отсутствіе безопасности почти половины всѣхъ членовъ союза. Радо или поздно связи такого союза распадутся...»

Все это очень хорошо, но причина распаденія вовсе не та, которую выставляетъ достопочтенный президентъ. Напрасно онъ говорить, что «американскому народу очень легко разъ навсегда отбѣлаться отъ невольничества, воротить себѣ миръ и согласіе.

Самому поверхностному взгляду замѣтно, что здѣсь есть противорѣчіе непримиримое. Президентъ требуетъ, чтобы югъ былъ оставленъ сѣверомъ въ покоѣ, чтобы сѣверъ не вмѣшивался во внутреннія дѣла каждаго изъ южныхъ штатовъ. Прекрасно, и сѣверъ очень легко можетъ на это согласиться. Но тогда и сѣверъ потребуетъ того же, и обѣ стороны въ этомъ никогда между собою согласны не будутъ. Положимъ, что штатъ Iowa совершенно уважаетъ

домашнія учрежденія Виргиніи и нисколько не протестуетъ противъ того, что въ Виргиніи есть невольники. Пусть же и Виргинія съ своей стороны признаетъ, что въ штатѣ Іова человѣкъ не можетъ быть собственностью. Между-тѣмъ, если невольникъ, бѣжавшій отъ хозяина изъ Виргиніи, найдется въ Іова, тотчасъ Виргинія требуетъ выдачи бѣглаго. Напрасно штатъ Іова говоритъ, что его полиція должна охранять личность негра, о которомъ идетъ рѣчь, напрасно онъ утверждаетъ, что по его законамъ человѣкъ не можетъ быть собственностью. Виргинія ничего не слушаетъ, переноситъ дѣло въ верховное судилище Соединенныхъ Штатовъ, которое не всегда уважаетъ законы сѣверныхъ штатовъ, и заставляетъ выдать бѣглеца, чѣмъ разумѣется наносить жестокое оскорбленіе сѣверу. Но на бѣду, въ случаѣ противнаго рѣшенія, точно также оскорбленъ югъ. Нѣтъ никакой возможности придумать рѣшеніе, которое удовлетворило бы обѣ стороны. И подобные случаи повторяются безпрестанно, каждый день сотнями, потомучто невольникъ — такая неудобная собственность, что за нею никакъ не усмотришь. Будь онъ развитъ не болѣе лошади, можетъ быть онъ не думалъ бы о побѣгѣ; но хозяину не выгодно было бы держать его на такой низкой степени развитія, потомучто отъ него требуется работа, на которую все-таки нужно нѣсколько соображенія, догадливости, смѣтливости. А какъ только попали въ душу эти свойства, такъ развитія уже не остановить, и мысль о побѣгѣ является вмѣстѣ съ сознаниемъ рабства. Чтобы эта мысль явилась, вовсе не нужно сѣверу печатать сотни тысячъ экземпляровъ иллюстрированныхъ возмутительныхъ сочиненій и рассыпать ихъ по хлопчатобумажнымъ, табачнымъ и кофейнымъ плантаціямъ. Мысль такъ естественна сама по себѣ, что было бы очень большимъ чудомъ, когда бы ея не было.

Какъ бы то ни было, но сущность дѣла состоитъ въ томъ, что нѣтъ никакой возможности помирить свободный сѣверъ Соединенныхъ Штатовъ съ невольничьимъ югомъ; если бы даже и можно было сдѣлать это еще на нѣсколько лѣтъ или десятковъ лѣтъ, то это было бы скорѣе вредно, нежели полезно. До сихъ поръ югъ очевидно мѣшалъ развитію сѣвера, мѣшалъ ему устроиться такъ, какъ онъ считаетъ для себя выгоднѣйшимъ; съ другой стороны тѣсный союзъ съ сѣверомъ до сихъ поръ не давалъ югу идти своей дорогой по тому ровному склону, на который онъ безысходно поставленъ своимъ противоестественнымъ учрежденіемъ невольничества. Теперь, когда распаденіе штатовъ окончательно совершилось, когда черное ядро, прикованное къ ногѣ сѣвера, отпало, — человечество увидитъ невѣроятныя чудеса прогресса собственно —

Соединенныхъ Штатовъ и ту неизбежную судьбу, которая грозитъ вновь-учредившимся конфедерованнымъ Штатамъ. Какъ именно пойдутъ дѣла на югъ — это скажетъ будущее. Вѣроятно однакоже, что сначала бѣлое племя будетъ твердою рукою держать и сдерживать черное, потомъ мало по малу черное племя почувствуетъ всю тягость своего положенія, и — кто знаетъ? — можетъ быть судьбою суждено неграмъ быть преобладающимъ племенемъ въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ они теперь доведены почти до условій безсловесныхъ животныхъ, а въ далекомъ будущемъ возможны штаты, которыхъ черные представители будутъ въ общемъ конгрессѣ сидѣть рядомъ съ своими бѣлыми сосѣдями.

Но президентъ, который по смыслу конституціи, долженъ заботиться о цѣлости союза, и который въ тоже время сочувствуетъ югу, этого сказать не могъ, и потому въ своемъ длинномъ посланіи онъ совѣтуетъ сѣвернымъ штатамъ сдѣлать какъ можно больше уступокъ югу. Между тѣмъ южная Каролина уже не хотѣла слушать объ уступкахъ и отдѣлялась самымъ рѣшительнымъ образомъ, не смотря на то, что президентъ назначилъ на 4 января постыный день для всѣхъ штатовъ, для молитвы. По смыслу той же конституціи, Южная Каролина имѣла право толковать сколько угодно объ отложеніи, только бы она исполняла то, что требуется закономъ, то есть дозволяла бы, какъ прежде, таможенному чиновнику собирать доходъ въ пользу союза и не мѣшала союзному гарнизону занимать фортъ близъ Чарльстоуна. Послано было въ этотъ фортъ подкрѣпленіе; но милиція штата стрѣляла въ союзный пароходъ и не дала ему подойти къ форту. Даже безъ большой прилачивности можно было заключить, что это уже значить: поднять оружіе противъ союза. Но ни президентъ, ни конгрессъ не истолковали такимъ образомъ явно-непріятельскихъ дѣйствій, и не распорядились наказаніемъ ихъ, что какъ извѣстно, лежитъ на обязанности не президента, а конгресса, по § 2, отд. III, статьи III конституціи. Изъ этого ясно, что весь конгрессъ чувствовалъ или союзное безсиліе, или — что гораздо вѣрнѣе, — бесполезность приведенія въ порядокъ союзныхъ дѣлъ силою.

17 декабря прошлаго года Южная Каролина объявила, что она въ 1788 г. добровольно присоединялась къ Соединеннымъ Штатамъ какъ свободное государство, но что послѣ того обстоятельства перемѣнились. «Въ то время — (сказано въ деклараціи объ отложеніи южной Каролины), когда мы вступили въ союзъ, большая часть штатовъ имѣла невольниковъ. Съ тѣхъ поръ вражда сѣверныхъ штатовъ противъ невольничества побудила ихъ нарушить конституціонныя обязанности: они не стали выдавать бѣглыхъ рабовъ.

Когда одна изъ договаривающихся сторонъ перестаетъ выполнять свои обязательства, то этимъ самымъ она освобождаетъ отъ обязательствъ другую сторону... По этому... мы объявляемъ союзъ, существовавшій до сихъ поръ между Южной Каролиной и другими штатами сѣверной Америки расторгнутымъ, и Южная Каролина вцѣвъ принимаетъ свое прежнее положеніе между государствами земли, какъ государство самостоятельное и независимое, съ полнымъ правомъ вести войну, заключать миръ, входить въ союзы, производить торговлю и дѣйствовать во всемъ какъ подобаетъ независимому государству...»

Къ великой чести обѣихъ ссорящихся сторонъ надобно сказать, что во всемъ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ не было пролито ни капли крови; къ отдѣлившейся южной Каролинѣ присоединилось еще пять штатовъ, тоже невольничьихъ, и новая конфедерація уже обнародовала свою предварительную конституцію, которая будетъ дѣйствовать впродолженіе года или до тѣхъ поръ, пока обрабатывается новый, окончательный уставъ. Конфедерація запрещаетъ привозъ невольниковъ откуда бы то ни было, моремъ или сухимъ путемъ, при чемъ конечно торговля ими остается свободною на всемъ пространствѣ новаго союза. Такое запрещеніе весьма важно по отношенію къ тѣмъ невольничьимъ штатамъ, которые до сихъ поръ еще не отложились отъ первоначальнаго союза. Можетъ быть эти средніе штаты, до обнародованія новой конституціи рассчитывали, что они будутъ удобно пользоваться покровительствомъ сѣвера, и въ тоже время по прежнему заниматься разведеніемъ невольниковъ и сбывать ихъ въ новую конфедерацію. Теперь этотъ расчетъ разрушенъ, разводитъ невольниковъ не-для-чего, если ихъ не сбывать въ хлопчатобумажные штаты, и имъ остается выбирать между двумя крайностями: или пристать къ новой конфедераціи, или отказаться отъ невольничества. Нѣкоторые штаты откажутся отъ невольничества, другіе отложатся отъ первоначальнаго союза, и третьяго тутъ ничего быть не можетъ; нельзя будетъ *надолго* оставаться въ союзѣ, сохраняя невольничество, это помѣшаетъ нынѣшнему перевороту быть окончательнымъ, раціональнымъ, да и скоро положеніе такихъ несвободныхъ штатовъ въ сѣверномъ союзѣ будетъ еще невыносимѣе теперешняго. Сѣверный конгрессъ, на радостяхъ что избавился отъ стѣснявшихъ его сосѣдей, тотчасъ же возвысилъ свой тарифъ и вообще сталъ свободнѣе распоряжаться своими дѣлами. Онъ значительно укрѣпился, когда изъ него вышли чуждые ему элементы, и по этому много выигралъ, а вмѣстѣ съ нимъ выигралъ и весь Союзъ.

До сихъ поръ власть центрального правительства была до край-

ности ограничена. Каждый штатъ, то есть каждое отдельное государство, входящее въ союзъ, уступали центральному правительству весьма малую долю своихъ самодержавныхъ правъ, и разумѣется эта доля была тѣмъ меньше, чѣмъ разнороднѣе были интересы каждой изъ составныхъ частей. Какова бы ни была въ государствахъ форма правленія, большому государству необходима сильная центральная власть, да случай войны, да и вообще для всѣхъ вышнихъ сношеній. Штаты и хотѣли сильнаго центрального правительства, съ тѣмъ однакоже, чтобы власть каждаго отдельнаго штата не была ослаблена; хотѣли, чтобы въ случаѣ войны, правительство держало въ своихъ рукахъ всѣ средства страны, всѣ національныя силы, но чтобы въ мирное время оно такъ сказать вовсе бы не существовало, какъ будто одна и таже власть можетъ быть и сильна, и слаба. Теперь у всѣхъ свободныхъ штатовъ интересы значительно между собою сходны, а для ихъ выгодъ не можетъ быть предосудительна нѣсколько большая власть въ рукахъ президента, и въ особенности конгресса, который будетъ весьма приближаться характеромъ своимъ къ собранію представителей одного народа, а не тридцати четырехъ разныхъ народовъ, какъ это было до сихъ поръ. Соединеніе народовъ или штатовъ сѣверной Америки вошло уже въ нравы, всякій его желаетъ, всякій видитъ, какіе благодѣтельные результаты дадо это соединеніе. Теперь это соединеніе сдѣлается тѣснѣе, плотнѣе, сильнѣе, стало быть еще плодотворнѣе по своимъ результатамъ.

Конституціонное устройство Австріи

Исполнились пламенные желанія различныхъ народовъ Австрійской имперіи. Ныѣшняго 26 февраля имъ дарованы уставы для самоуправленія, уставы, которые такъ сказать стремятся навстрѣчу потребностямъ народныхъ. Сначала вышелъ знаменитый дипломъ 20 октября прошлаго года, составленный на скорѣ передъ варшавскимъ свиданіемъ; потомъ г. Шмерлингъ, своимъ циркуляромъ, далъ широко-либеральнымъ толкованіе этому диплому; потомъ разославъ былъ 16 января рескриптъ графствамъ и муниципальнымъ начальствамъ Венгріи, чтобы нѣсколько усмирить ихъ нетерпѣніе грозою матеріальной силы и въ то же время успокоить ихъ обѣщаніемъ близкаго коронаціи венгерско-королевскою короною св. Стефана. Наконецъ 26 февраля, дѣлымъ рядомъ декретовъ, манифестовъ, статутовъ и законовъ исполнено болѣе, нежели обѣщано дипломомъ 20 октября. «На основаніи прагматической санкціи и въ силу самодержавной своей власти, для собственнаго своего

руководства и для руководства своихъ наследниковъ», австрійскій императоръ постановилъ, что онъ «будетъ пользоваться правомъ давать, измѣнять и уничтожать законы только при содѣйствіи сеймовъ и государственнаго совѣта.» вмѣстѣ съ тѣмъ обнародованъ основной законъ избирательно-представительнаго устройства имперіи. Учреждено двѣ палаты, высшая и низшая; членами высшей палаты по рожденію признаются принцы императорскаго дома, когда достигнуть совершеннолѣтія, архіепископы и высшіе епископы; сверхъ того по наследству принадлежать къ верхней палатѣ «благородныя австрійскія фамиліи, которыя отличаются обширными поземельными владѣніями и которымъ императоръ пожалуетъ наследственное достоинство имперскихъ совѣтниковъ.» Сверхъ того императоръ предоставляетъ себѣ право назначать въ верхнюю палату, въ качествѣ пожизненныхъ членовъ, замѣчательныхъ людей, которые приобрѣли себѣ это право на государственной или церковной службѣ, въ области наукъ или искусствъ.» «Въ палатѣ представителей определенное (тѣмъ же основнымъ закономъ) число членовъ для каждой страны, избирается непосредственно сеймомъ каждой страны.» «Въ вѣдѣніи всего государственнаго совѣта накрѣдятся всѣ предметы законодательства, относящіеся до правъ, обязанностей и интересовъ всѣхъ королевствъ и земель имперіи, именно: 1) Всѣ дѣла, касающіяся правилъ о военной службѣ и о способѣ выполненія этой повинности; 2) Всѣ дѣла по вопросамъ финансовымъ и дѣла о почтахъ, желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ. Къ числу финансовыхъ дѣлъ относится кредитъ, монета, вопросы коммерческіе и таможенныя, проекты бюджета, разсмотрѣніе отчетовъ по бюджету и по ходу финансовыхъ дѣлъ, выпускъ новыхъ займовъ, продажа недвижимостей, принадлежащихъ государству, увеличеніе существующихъ налоговъ и установленіе новыхъ. Для всякаго закона необходимо согласіе обѣихъ палатъ и утвержденіе императора. Министры и начальники центральныхъ управленій имѣютъ право участвовать во всѣхъ преніяхъ, и представлять свои предложенія лично или чрезъ уполномоченныхъ. Они должны быть выслушаны всякій разъ, какъ будутъ того требовать. Проекты законовъ представляются имперскому совѣту представителемъ въ видѣ правительственныхъ предложеній. Если въ то время, когда имперскій совѣтъ не въ сборѣ, нужно будетъ принять неотложныя отлагательства мѣры, которыя подлежатъ вѣдѣнію имперскаго совѣта, то министерство обязано изложить въ ближайшемъ собраніи поводы и послѣдствія принятыхъ имъ мѣръ.

Въ то же время опубликованъ статутъ государственнаго совѣта, и уставы представительства для разныхъ провинцій имперіи. Каза-

лось бы, что совершенно всѣ желанія народонаселеній имперіи удовлетворены съ излишкомъ. Вся имперія, включая сюда и венеціанскую область, такъ долго воздыхавшую о представительномъ устройствѣ, всѣ королевства и земли получили право посылать своихъ представителей въ Вѣну, и такимъ образомъ каждая провинція будетъ въ состояніи защищать свои интересы, заявлять свои потребности и законнымъ образомъ ходатайствовать о нихъ удовлетвореніи. Въ нижней палатѣ соберется 343 члена, распределенные следующимъ образомъ по различнымъ королевствамъ и землямъ: за королевство Венгрію 85; за королевство Богемію 54; за королевство Ломбардо(?)—Венеціанское 20; за королевство Далматію 5; за королевство Кroatію и Славонію 9; за королевство Галицію и Лодомерию съ герцогствами Аушвицъ и Заторъ и великое герцогство Краковъ 38; за эрцгерцогство Австрію ниже Эннса 18; за эрцгерцогство Австрію выше Эннса 10; за герцогство Зальцбургъ 3; за герцогство Штирію 13; за герцогство Каринтію 5; за герцогство Карниолію 6; за герцогство Буковину 5; за великое герцогство Трансильванію 26; за маркиграфство Моравію 22; за герцогство Верхнюю и Нижнюю Силезію 6; за герцогское графство Тироль и Форарльбергъ 12; за маркиграфство Истрію съ герцогскимъ графствомъ Горлицъ и Гродиска, и городомъ Триестомъ съ его округомъ 6.

Казалось бы, что нечего болѣе желать; что народамъ Австріи остается только вступить на широкій путь конституціоннаго благоустройства и дальнѣйшихъ совершенствованій, — а между тѣмъ неудовольствіе и ропотъ всеобщіе; газеты извѣщаютъ, что вся Австрія теперь какъ-будто на иголкахъ; страсти разгораются все больше и больше, и всѣ эти распоряженія, сочиненныя популярнѣйшимъ министромъ, г. Шмерлингомъ, подвергаются порицаніямъ не только оппозиціонныхъ газетъ, но и тѣхъ, которыя наиболѣе преданы существующему правительству: Что же это значитъ? Отчего это? Неужели это значитъ, что въ самомъ дѣлѣ Австрійская имперія стремится къ неминуемому разложенію, какъ Соединенные Штаты? Неужели въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ большинство славянъ въ Австріи, близокъ часъ, когда эта громада падетъ и изъ развалинъ ея возникнетъ нѣсколько другихъ государствъ, которыя могутъ составить изъ себя конфедерацію? Въѣсто отвѣта на эти близкіе славянскому сердцу вопросы, рассмотримъ нѣсколько подробнѣе нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ сочиненій г. Шмерлинга.

Число представителей для разныхъ королевствъ и земель определено совершенно точно; казалось бы, что это была и не очень трудная задача: опредѣлить, съ какого числа жителей долженъ быть присланъ одинъ представитель въ палату, и сообразно съ этимъ на-

значить требуемое число. Въ уставѣ не сказано, какое число жителей должно быть представляемо однимъ депутатомъ; но сравнивая назначенное число депутатовъ съ числомъ жителей, напр. въ Краковѣ и Славоніи, оказывается что на сто тысячъ человѣкъ назначенъ одинъ представитель (на 970 т. ж. 9 депут.). Далѣе, въ Галиціи съ Краковомъ 5.200.000 жителей. Казалось бы, что представителей этихъ земель въ Вѣнѣ должно быть тоже по одному на сто тысячъ жителей, или 52 человѣка, а между тѣмъ уставомъ назначено только 38 депутатовъ. По какому случаю отъ Червленной Руси отнято четырнадцать представителей? Почему не сто тысячъ, а 136 тысячъ посылають одного представителя? — Разсматривая, напротивъ, представительство эрцгерцогства Австріи выше Энса, находимъ на 800 т. жителей 10 представителей: два прибавлено. Въ Тиролѣ съ Форарльбергомъ на одинъ милліонъ не 10, а 12 депутатовъ: опять два прибавлено. Въ Венгріи 9 милл., а депутатовъ назначено вмѣсто 90, только 85: убавлено 5. Разсмотрѣвъ національности всѣхъ земель, найдемъ, что число депутатовъ въ нѣмецкихъ земляхъ увеличено, а въ славянскихъ и венгерскихъ — уменьшено. Къ чему же по напрасну раздражать народонаселенія? Что за печальная неловкость со стороны г. Шмерлинга!... Еще еслибы вновь учреждаемая палата имѣла дѣйствительное значеніе представительства, какъ напр. въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, даже до нѣкоторой степени во Франціи, если бы она цѣликомъ была выбрана независимымъ выборомъ и непосредственно избирателями, тогда можно бы еще надѣяться, что нѣкоторый относительный перевѣсъ на сторонѣ чистыхъ нѣмцевъ далъ бы средства противиться предполагаемымъ энергическимъ представленіямъ не нѣмецкихъ депутатовъ. А то и этого извиненія нѣтъ у г. Шмерлинга, потому что избраніе представителей страны будетъ производиться подъ ближайшимъ и непосредственнымъ надзоромъ правительства.

Вотъ напр. какъ будутъ вѣсти дѣла и производиться выборы въ эрцгерцогствѣ Австріи ниже Энса: Сеймъ провинціи будетъ состоять изъ 66 членовъ. Изъ нихъ непремѣнные члены: архіепископъ вѣнскій, епископъ с. пельтенскій и ректоръ вѣнскаго университета; за тѣмъ 15 депутатовъ отъ поземельныхъ собственниковъ, 28 депутатовъ отъ гороловъ и 20 отъ сельскихъ общинъ. Императоръ между этими членами назначаетъ президента, который будетъ называться маршаломъ сейма, и вице-маршала. Сеймъ собирается разъ въ годъ. Депутаты приносятъ присягу *въ вѣрности и повиновеніи императору*, такъ что по смыслу своей присяги, должны будутъ подавать голоса въ томъ смыслѣ, какъ будетъ приказано. Сеймъ

во всякое время можетъ быть распущенъ, и тогда, по высочайшему повелѣнію производятся новыя выборы. Кромѣ дѣлъ чисто провинціальныхъ, какъ-то земледѣлія, путей сообщенія и публичныхъ зданій, благотворительныхъ учрежденій и проч., сеймъ назначаетъ членовъ въ имперскій совѣтъ (въ нижнюю палату). Губернаторъ провинціи или его комиссары имѣютъ право засѣдать въ сеймѣ и держать рѣчь во всякое время. Президентъ имѣетъ право и обязанъ, если считаетъ рѣшеніе сейма противнымъ общему благу или законамъ, отлагать исполненіе и докладывать императору. — Такимъ образомъ сеймъ далеко не будетъ пользоваться тою свободою дѣйствій, которая теперь такъ желана всѣми въ Австріи; но способъ избранія его членовъ и избраніе этими членами членовъ въ государственный совѣтъ (въ нижнюю палату) заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ избирательствѣ съ большою аккуратностью разграничены сословія, и антагонизмъ между ними поддержанъ гораздо тщательнѣе, нежели можно было бы желать для цѣлости имперіи. Въ день, назначаемый губернаторомъ эрцгерцогства, владѣльцы поземельной собственности, платящіе не менѣе 200 флоринговъ прямого налога, не включая сюда военной прибавки, собираются въ Вѣнѣ и выбираютъ 15 депутатовъ. Потомъ изъ городовъ Вѣны назначаетъ 8 представителей, а коммерческая палата четырехъ. Отъ сельскихъ общинъ избраніе въ депутаты производится избирателями, которые сами выбраны изъ всѣхъ жителей, по одному изъ 500 человекъ. Избраніе производится въ день, отдѣльно назначаемый для каждаго класса губернаторомъ. Для каждаго избирательнаго корпуса существуетъ по избирательной комиссіи. Комиссія для поземельныхъ собственниковъ состоитъ изъ 4 членовъ, назначаемыхъ собственниками и трехъ, назначаемыхъ губернаторомъ. Въ Вѣнѣ эта комиссія состоитъ изъ бургомистра или его помощника, трехъ муниципальных совѣтниковъ, которыхъ онъ назначаетъ, и трехъ, назначаемыхъ губернаторомъ. Каждый избиратель называетъ громкимъ голосомъ и ясно то лицо, которое онъ хочетъ выбрать депутатомъ. Каждый голосъ, противъ имени его подающаго, заносится въ двойномъ реестрѣ. Комиссія окончательна, безъ апелляціи, рѣшаетъ годность поданныхъ голосовъ, (а комиссія сама состоитъ на половину и болѣе изъ лицъ, назначенныхъ губернаторомъ). Считается избраннымъ только получившій абсолютное большинство голосовъ.

Сеймъ, выбранный съ такими предосторожностями, подъ тѣмъ непосредственнымъ вліяніемъ губернатора, который упоминается на каждомъ шагѣ, потомъ выбираетъ членовъ въ нижнюю палату государственнаго совѣта: три члена, имѣющіе личный го-

лость (въроятно это архіепископъ, епископъ и ректоръ вѣнскаго университета), вмѣстѣ съ пятнадцатью представителями поземельныхъ собственниковъ, выбираютъ пять членовъ въ нижнюю палату, или 5 имперскихъ совѣтниковъ; 12 депутатовъ города Вѣны назначаютъ четверыхъ; 4 депутата коммерческой палаты — одного; 23 депутата отъ другихъ городовъ, раздѣленные на три класса, назначаютъ четверыхъ; 9 депутатовъ изъ другихъ мѣстъ — двоихъ. Всѣ протесты въ дѣлѣ избирательства рѣшаетъ губернаторъ. Все предвидѣно, предусмотрено въ величайшей подробности. Сельскія общины (первая ступень) назначаютъ по одному избирателю съ 500 душъ (вторая ступень), для избранія депутата въ провинціальный сеймъ (третья ступень), который уже избираетъ имперскихъ совѣтниковъ (четвертая ступень). Такое избирательство достаточно предохраняетъ нижнюю палату имперскихъ совѣтниковъ отъ напылява слишкомъ независимыхъ элементовъ, такъ что казалось бы не настояло надобности оскорблять славянскія и венгерскія земли убавкою числа ихъ представителей.

Для полноты картины надо еще замѣтить, что устроена новая инстанція, окончательно ограничивающая, парализующая всякую инициативу имперскаго представительства. Это вновь учреждаемый государственный совѣтъ. Онъ состоитъ изъ президента (имѣющаго степенъ и совѣщательный голосъ министра) и многихъ государственныхъ совѣтниковъ, назначаемыхъ императоромъ. «Онъ назначается (§ 5), чтобы давать совѣщательную опору императору и его министерству мудростью, званіями и опытностью его членовъ, для постановленія принциповъ прочныхъ, зрѣлыхъ и между собою согласныхъ. Проекты законовъ, которые должны быть предложены представителямъ имперіи или различныхъ земель, или тѣ, которые исходятъ отъ имперскаго или провинціального представительства и должны быть предложены на утверженіе государя, предварительно будутъ подвергнуты разсмотрѣнію государственнаго совѣта.» «Приказаніе (§ 6) изложить мнѣнія адресуются председателю государственнаго совѣта или по повелѣнію государя, или вслѣдствіе рѣшенія совѣта министровъ, председателемъ этого послѣдняго совѣта.» «§ 7. Президентъ государственнаго совѣта будетъ распределять дѣла между разными членами совѣта и будетъ назначать лица, призываемыя къ совѣщанію. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли спрашивать мнѣнія государственнаго совѣта въ цѣломъ его составѣ или только одного его отдѣленія, разрѣшается по свойству предмета, председателемъ. Мнѣнія государственнаго совѣта подписываются председателемъ и докладчикомъ.»

Такимъ образомъ одна и таже мѣра можетъ быть рассматри-

ваема въ провинціальномъ сеймѣ, потомъ въ пажней палатѣ имперскаго совѣта представителей, потомъ въ государственномъ совѣтѣ, потомъ въ совѣтѣ министровъ. Такимъ ходомъ дѣль многія газеты въ высшей степени довольны; особенно «Donauzeitung» возлагаетъ великія надежды на новое устройство и ставитъ его на ряду съ англійскими учрежденіями. «Ostdeutsche Post», газета также знаменитая своимъ пристрастіемъ къ централизаціи, не предается однакоже своимъ обычнымъ восторгамъ, находя, что все это сложное и громоздкое дѣло представительства устроено такъ, что все-таки не дастъ Австріи рациональной конституціи, потому что министры (по пункту 13 устава), если ихъ будетъ сколько нибудь стѣснять имперскій совѣтъ, распустятъ его, примутъ тѣ мѣры, которыя имъ угодно будетъ принять и обратятъ ихъ въ законъ. Напр. министръ финансовъ можетъ выпустить новыя ассигнаціи, когда имперскій совѣтъ не въ сборѣ, а слѣдующему собранію онъ безъ всякой отвѣтственности съ своей стороны, только изложитъ причины и послѣдствія принятой мѣры. Газета «Presse» (вѣмецкая) рассказываетъ, что новыя распоряженія произвели *меланхолическое* впечатлѣніе въ Австріи, что населенія получили приказаніе устроить аллюминацію, но не смотря на потѣшныя огни, замѣчаютъ, что «основныя вольности конституціоннаго государства не сведены въ одну прочную, ясную, не двусмысленную формулу; что еще не объявлены ни свобода печати, ни судебное покровительство, ни личная свобода, ни безразличное равенство всѣхъ вѣроисповѣданій; что не объявлено необходимое каждому представителю покровительство противъ всякой отвѣтственности за его рѣчи и мнѣнія въ имперскомъ совѣтѣ; что не устроено непосредственное избирательство депутатовъ; что двойная выгода предоставлена аристократіи, которая будетъ почти исключительно наполнять верхнюю палату и будетъ составлять большую часть нижней; что въ случаѣ распущенія имперскаго совѣта, нѣтъ законнаго ручательства въ томъ, что онъ будетъ вновь созванъ черезъ извѣстное время; что право правительства въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, принимать мѣры, на которыя нужно согласіе имперскаго совѣта — ничѣмъ не ограничено; что государственный совѣтъ вовсе напрасно прибавленъ ко всей этой многосложной постройкѣ, потому что онъ наравнѣ съ имперскимъ совѣтомъ, подобно всѣмъ представительнымъ палатамъ, учреждается «чтобы давать опору императору и его министерству мудростью, знаніями и опытностью своихъ членовъ.»

Между тѣмъ въ Венгріи всѣ замѣтали, что статуты и уставы, подписанные всѣми министрами, не подписаны канцлеромъ Венгріи.

Изъ этого прямо вывели, что конституція не имѣеть важнаго значенія для Венгріи. Тогда же объявлено было въ официальной газетѣ, что венгерскій канцлеръ баронъ Вай не подписалъ по болѣзни, а въ Венгріи всякій видѣлъ его въ Пестѣ. Такая официальная несообразность подѣйствовала неблагопріятно. Сверхъ того въ устройствѣ имперскаго совѣта оказались нѣкоторыя вещи, посягающія на венгерскую конституцію, снова введенную въ силу прошлымъ дипломомъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что общій венгерскій сеймъ имѣеть право постановлять законы касательно налоговъ и рекрутской повинности, а между тѣмъ тоже самое право для всей имперіи предоставлено ввошь учреждаемому имперскому совѣту, и такимъ образомъ венгерскій сеймъ лишается важныхъ правъ, которыхъ онъ однакоже не думаетъ уступить. Венгерскія газеты «*Szabony*», «*Pesti Hirnök*», «*Pesti Naplo*» и вѣнская «*Wanderer*» излагаютъ свое недоумѣніе по этому поводу съ подобающею почтительностью. «Дипломъ 26 февраля подписанъ министрами, изъ которыхъ ни одинъ не призванъ представлять интересы Венгріи; графъ Ссеценъ подписалъ его какъ статсъ-секретарь. Его величество могъ обнародовать дипломъ только какъ государь австрійскихъ провинцій, а не какъ король венгерскій, потому что иначе онъ нарушилъ бы многіе изъ нашихъ основныхъ законовъ, и главнѣйшимъ образомъ прагматическую санкцію. Поэтому дипломъ есть не иное что, какъ королевское предложеніе, о которомъ разсудить сеймъ. До тѣхъ поръ онъ не законъ и не можетъ быть прилагаемъ путями вѣзаконными. Да этого и бояться нельзя, когда государь хочетъ короноваться и принести присягу отечественной конституціи. Ни одна изъ многочисленныхъ партій въ Венгріи не можетъ вообразить себѣ венгерскій сеймъ безъ права обсуживать и подавать голоса касательно налоговъ и рекрутской повинности, потому что сеймъ во все времена имѣлъ это право, даже задолго до 1848 г., и Австрія никогда этому не противилась. Требованіе, чтобы мы отказались отъ этихъ двухъ правъ, будетъ встрѣчено единодушною оппозиціею всего народа. Въ первую минуту по прочтеніи конституціи, общественное мнѣніе требовало, чтобы пріостановлены были выборы въ сеймъ и чтобы всѣмъ послѣдующимъ членамъ правительства противопоставлено было то пассивное сопротивленіе, которымъ встрѣчены были все попытки министерства Баха. Въ первую минуту не могло быть рѣчи о положительной рѣшимости въ этомъ отношеніи; но надо замѣтить, что даже въ первомъ раздраженіи никто не подумалъ о дѣятельномъ сопротивленіи или объ уклоненіи отъ законныхъ путей...

Такимъ образомъ первыя попытки конституціоннаго устройства

Австріи оказались неудачными, и причины этого заключаются въ пагубномъ колебаніи, въ желаніи примирить новыя формы съ старою, отжившею сущностью, въ стремленіи сохранить принципъ, когда дѣлаются уступки въ самомъ существѣ дѣла. Такія стремленія необходимо влекутъ за собою полумѣры, которыя никого не удовлетворяютъ, а между тѣмъ подрываютъ, ослабляютъ власть.

Синія книга и сенатскія пренія во Франціи

У сольфериинскихъ друзей Австріи дѣла ведутся несравненно утонченнѣе; тамъ все довольно, счастливы, и если при этомъ не очень веселы, то конечно только потому, что заняты дѣлами; государственный механизмъ движется и дѣйствуетъ у нихъ съ большою точностью, къ великому удовольствію большинства, которое имѣетъ полное и законное право гордиться и роскошными финансовыми средствами своего правительства и чарующею воинскою славою своихъ орловъ. Воинская слава, идолъ французовъ, составляетъ ихъ наслажденіе, составляетъ то средство, при помощи котораго съ ними можно дѣлать что угодно. На театральной сценѣ представляется какъ друзья рѣжутъ маронитовъ, какъ являются французскія колонны и все падаетъ ницъ, друзья отъ страха, марониты изъ благодарности, а зрители растроганы чувствомъ благодарности къ своему императору, который даетъ имъ побѣды и гремитъ французскимъ оружіемъ по всѣмъ концамъ вселенной. Между тѣмъ императоръ французовъ не ограничивается благодареніями войны; онъ вознамѣрился еще осыпать своихъ вѣрноподданныхъ благодареніями мирнаго развитія конституціонной свободы. И вотъ съ конца прошлаго года начали мало-по-малу являться мѣры, для исполненія этого намѣренія. Сначала приказано было палатѣ и сенату не просто соглашаться, какъ было до сихъ поръ, а разсуждать въ извѣстныхъ предѣлахъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ будетъ позволено; потомъ сняты предостереженія съ газетъ и приказано имъ было тоже въ извѣстныхъ предѣлахъ разсуждать о чемъ угодно, кромѣ существующаго порядка вещей. Все это было чрезвычайно ново для французовъ, привыкшихъ мирно и спокойно заниматься своими частными дѣлами, полагаясь во всемъ на мудрость императора; маленькая тѣнь свободы привела въ рѣшительный восторгъ всю Францію. «Іюльская монархія, по словамъ нынѣшнихъ французовъ, можетъ быть и дала нѣкоторую политическую свободу, зато она допустила Францію потерять то преобладающее вліяніе, которое должно было ей принадлежать въ совѣтахъ Европы. Потомъ перетерпѣвъ судороги февральской ре-

волюціи, мы потеряли политическую свободу, и цѣною этого временнаго пожертвованія, вновь пріобрѣли себѣ принадлежавшее намъ первое въ Европѣ мѣсто. Теперь мало-по-малу, постепенно, не торопясь, возвращается намъ опять политическая свобода. Такимъ образомъ Франція становится въ такое положеніе, выше котораго никогда не стоялъ никакой народъ: она будетъ имѣть свободу, твердыя, непоколебимыя внутреннія учрежденія, богатство, преобладающее вліяніе въ дѣлахъ всего свѣта и неоспоримую, грозную, громкую военскую славу.» Дѣйствительно, величайшее торжество политики императора состоитъ въ томъ, что французы, по крайней мѣрѣ ихъ большинство, довольны своею судьбою.

Когда императоръ рѣшился дозволить обсужденіе адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь, говорили тогда, что ему необходимо знать мнѣніе страны, чтобы имѣть опору при рѣшеніи вопроса о занятіи Рима французскими войсками; говорили, что наступила пора, когда принципъ невмѣшательства долженъ быть наконецъ честно выполненъ по отношенію къ Риму, точно также, какъ онъ былъ выполненъ, хотя и нѣсколько поздно, по отношенію къ Гаэтѣ. Чтобы облегчить сужденіе сената и палаты представителей, императоръ приказалъ обнародовать нѣкоторые дипломатическіе документы за послѣднее время; ихъ собраніе въ подражаніе англичанамъ, также названо *синею книгой*. Изъ нихъ видно, что французское правительство тысячу разъ уговаривало папу оставить его устарѣвшую систему управленія областью посредствомъ священниковъ, слѣлать реформы, которыя были совершенно необходимы, потому что страна окончательно была выведена изъ терпѣнія. Папа не слушалъ ни какихъ совѣтовъ, сильнѣе прежняго поддавался вліянію старой партіи и не понимая, какъ необходимы были ему въ Римѣ французы для поддержанія его свѣтской власти, оскорблялъ своихъ защитниковъ разными пеловкостями.

До сихъ поръ еще неизвѣстно, что скажетъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь палата представителей; но сенатъ, съ своей стороны, не сказалъ ничего, кромѣ восторженныхъ похвалъ всѣмъ дѣйствіямъ императора и всей его политикѣ. Пренія были довольно любопытны, особенно принцъ Наполеонъ произнесъ великолѣпную импровизацію, въ которой объяснилъ французскую политику, нѣсколько съ своей точки зрѣнія, но чрезвычайно картинно, особенно тѣ обстоятельства, которыя касаются папы, его упрямства, неблагодарности и губельнаго упорства оставаться при отжившихъ формахъ управленія. Мы приведемъ нѣкоторыя мѣста этой рѣчи, потому что они основаны на изданныхъ дипломатическихъ документахъ и показы-

вають взглядъ на современное положеніе дѣлъ такого лица, которое очень близко императору.

«...Одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ изъ числа изданныхъ правительствомъ — тотъ который бросаетъ яркій свѣтъ на неаполитанскую политику; онъ показываетъ, какъ несправедливо было бы вовлекать французское правительство въ поддержаніе системы, которая истощаетъ его терпѣніе. Эта депеша даетъ отчетъ о предложеніяхъ сдѣланныхъ неаполитанскому правительству для поддержанія и укрѣпленія свѣтской власти папы. Что же отвѣчаетъ неаполитанское правительство? — О, отвѣтъ любопытный и даже странный. «Мы не можемъ», говорятъ, и это весьма понятно; потому прибавляютъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, изъ подъ котораго однако проглядываютъ настоящіе чувства: Не противятся, говорятъ, викаріатству Виктора-Эммануила папѣ Романьями и Легатствами, потому что эти провинціи дурно управляются; но, — прибавляютъ, — есть и другія провинціи, дурно-управляемыя, именно Мархія и Умбрія. И неаполитанское правительство объявляетъ, что оно не противится викаріатству короля сардинскаго въ однихъ, съ условіемъ, чтобы король неаполитанскій имѣлъ викаріатство другихъ. Этотъ отвѣтъ г. Мартино не можетъ ли быть переведенъ такимъ образомъ: Раздѣлимъ пирогъ пополамъ; пусть Пьемонтъ согласится, и мы будемъ съ Пьемонтомъ. Отвѣтъ, по крайней мѣрѣ откровенный; онъ подтверждается тѣмъ, что происходило въ Туринѣ, гдѣ неаполитанскіе уполномоченные говорили, что они имѣютъ необходимыя инструкціи для окончательныхъ переговоровъ по этому дѣлу. При помощи поучительныхъ и ясныхъ документовъ, обнародованныхъ правительствомъ, совершенно понятно поведеніе римскаго двора, который себя въ военные министры приглашалъ бельгійскаго подпоручика, приглашаетъ къ себѣ на службу французскаго генерала, не испросивъ предварительно согласія нашего правительства. Но этихъ фактовъ мало; остается еще изучить прошлое, чтобы видѣть, какъ постоянно и всегда одинаково это поведеніе: развѣ Гейврихъ IV, единственный великій король изъ дома Бурбоновъ, и Людовикъ XIV, этотъ пышный король, не имѣли споровъ съ Римомъ? А императоръ Наполеонъ I развѣ не находилъ римскаго двора всегда одинаково къ себѣ расположеннымъ? Все это доказываетъ, что нынѣшнее положеніе дѣлъ не ново, что оно всегда существовало и что римская политика похожа на скалу неподвижную. Въ 1796 г. писалъ Наполеонъ изъ Болоньи на имя исполнительній директоріи, что народъ той провинціи платитъ огромный налогъ, любитъ французскихъ солдатъ и считаетъ величайшимъ несчастіемъ вернуться снова подъ папскую власть.

«Здѣсь не смѣненъ ни одинъ чиновникъ, — гласитъ депеша, кромѣ папскаго легата». Перебѣнивъ числа, всякій скажетъ, что депеша относится къ нынѣшнимъ дѣламъ. Тоже самое произошло въ 1859 г., когда папскій легатъ оставилъ Болонью вслѣдъ за послѣднимъ австрійскимъ кавалеристомъ... Наступаетъ коронованіе императора. Любопытно прослѣдить въ домашнихъ бесѣдахъ Наполеона слѣды его разговора съ папой въ Фонтенебло. «Онъ пріѣхалъ въ Парижъ, говоритъ императоръ, онъ согласился меня короновать; онъ избавлялъ меня отъ причащенія. Но за тѣмъ шла рѣчь о вознагражденіяхъ: надо было отдать Романью и Легатства». — Любопытно, что никогда папы не требуютъ ничего для духовнаго; всегда рѣчь идетъ о свѣтскомъ, мірскомъ. Соглашается короновать, избавляетъ отъ причащенія; это духовное. Но за это требуются Легатства и Романья: мірское. Но это еще не все. Однажды папа предлагаетъ императору подписать бумагу, которая была уже подписана Людовикомъ XIV, бывшимъ тогда подъ вліяніемъ мадамъ Ментенонъ. Эта дама — шокровительница религіи!.. Въ этой бумагѣ было отреченіе отъ знаменитыхъ статей 1682 г. Императоръ отвѣчалъ, что ему нужно посоветоваться съ учеными людьми; на томъ дѣло и кончилось; но папа не забылъ своей неудачи. Въ наше время посланникъ предлагаетъ папѣ бюджетъ съ самыми прочными и почетными ручательствами, доходъ, получаемый съ католическихъ державъ, которыя вписывали бы суммы, назначаемыя папѣ, въ свои государственныя книги. На это кардиналъ Антонелли отвѣчаетъ шуткой; онъ предлагаетъ возвратиться къ *аннатамъ*. Я не силенъ въ каноническомъ правѣ, а потому долженъ былъ наводить справки. Кажется, что это полатъ, платимая папѣ съ духовныхъ мѣстъ, которымъ онъ даетъ инвеституру. Когда говорятъ серьезно, когда переговариваются съ посланникомъ великой державы, какъ рѣшиться выступить съ такими шутками? Какъ предложить намъ вернуться за 'шестьдесятъ лѣтъ назадъ? Развѣ такъ серьезно говорятъ о государственныхъ дѣлахъ? И заслуживаетъ ли такое ребяческое правительство того почета, которымъ стараются его окружить? Исторія произнесетъ свой приговоръ... Я также, какъ и г. Ларошжакленъ, энергически противлюсь соединенію духовнаго со свѣтскимъ въ однихъ рукахъ. Я нахожу, что и отдѣльно власть велика. Я не хочу чтобы императоръ былъ моимъ духовнымъ начальникомъ, какъ онъ мой начальникъ свѣтскій. Конечно, національная церковь, это довольно соблазнительная мысль, которая съ перваго взгляда нравится; но я отрицаю необходимость ея, потомучто я сторонникъ духовной независимости, потомучто моя совѣсть не должна зависѣть ни отъ кого. Я послѣдователенъ съ самимъ собой, а вы вѣтъ, потомучто хотите въ

Римъ того, чего не хотите въ Парижѣ. Но если настаиваете на томъ, что нельзя отдѣлить духовной власти отъ свѣтской, чего желаютъ самые искренніе католики, вы наводите сомнѣніе во вліяніи и достоинствѣ католической религіи, вы заставляете думать, что священникъ ничего не значить, если съ нимъ нѣтъ жандарма. А мы хотимъ, чтобы священникъ былъ уважаемъ, чтобы онъ былъ окруженъ ореоломъ и всѣми ручательствами, принадлежащими его служенію; но мы не хотимъ возлѣ него жандарма, который заставляетъ повиноваться священнику въ дѣлахъ духовныхъ того, кто этого не хочетъ. (Одобреніе на различныхъ скамьяхъ. — Шумъ).

«Перехожу теперь къ разбору южноитальянской политики, и здѣсь для объясненія паденія короля неаполитанскаго, достаточно только посмотрѣть на прошедшее; я хочу излагать не свое мнѣніе, а мнѣніе представителей всѣхъ образованныхъ націй при неаполитанскомъ дворѣ.»

Здѣсь ораторъ постепенно разсматриваетъ нѣкоторыя депеши, адресованныя французскимъ посланникомъ своему правительству и замѣчаетъ, что въ каждой указаны ошибки, излишества и насилия неаполитанскаго правительства. Онъ особенно налегаетъ въ этомъ отношеніи на циркуляръ 13 декабря 1859 г. министра полиціи Аюсса къ интендантамъ; онъ имъ пишетъ именно, чтобы безо всякаго колебанія арестовали всякаго, на основаніи нѣкоторыхъ элементовъ виновности, или на основаніи *простыхъ подозрѣній*. Въ Сициліи (все на основаніи дипломатическихъ депешъ) происходили точно такія же несправедливости. Такъ въ Мессинѣ, въ апрѣлѣ 1860 г., населеніе было спокойно, мирно; оно рѣшилось не давать ни малѣйшаго повода къ беспорядкамъ. Что же дѣлать власти? Выпускаютъ на волю воровъ и убійцъ, чтобы вызвать вспышку, которая оправдала бы задуманные строгія мѣры. Далѣе ораторъ утверждаетъ, что Пьемонтъ, вступивъ въ Неаполь, дѣйствовалъ очень политически, въ истинныхъ интересахъ Италіи и самой Европы.

«Король Викторъ-Эммануилъ (продолжаетъ принцъ Наполеонъ) не хотѣлъ, чтобы Гарибальди былъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Неаполѣ. Гарибальди могъ компрометировать Неаполь; въ его распоряженіи были бы арсеналы, флотъ, войско. Онъ могъ бы рѣшиться на какое-нибудь геройское сумасбродство въ Римѣ или въ Венгріи. Король Пьемонта остановилъ его, взялъ въ свои руки его знамя и его дѣло. Онъ прекрасно сдѣлалъ, и этого нельзя назвать недобросовѣстностью; это политика, и превосходная политика. Не скажу ничего о защитѣ Гаэты. Давно уже король неаполитанскій хотѣлъ отступить, и императоръ ему совѣтовалъ это, и онъ не отвергалъ рѣшительно совѣтовъ. Такъ слабо

защитилъ королевство противъ такой слабой атаки, что нельзя было разумнымъ образомъ надѣяться снова завоевать его съ во-семью или десятью тысячами человѣкъ. Итакъ, 16 января, король хотѣлъ уступить. Представители иностранныхъ державъ были къ нему призваны. Держади совѣтъ. Дипломатическій корпусъ горячо представлялъ необходимость продолженія защиты. Тогда король подшутилъ надъ дипломатами: онъ предложилъ имъ переѣхать въ большой казематъ. (Смѣхъ). Тогда всѣ очень проворно разбѣжались. Одинъ захворалъ; другому понадобилось платье и рубашки; третьему нужно было уѣхать, чтобы вернуться съ большимъ флотомъ. Остается мнѣ, господа, разсмотрѣть основной вопросъ нашихъ преній, единство Италіи. Это единство — неизбежное слѣдствіе войны 1859 г. Я это предвидѣлъ, и поэтому, признаюсь, былъ сторонникомъ этой войны. Въ ней былъ зародышъ и начало итальянскаго единства. Въ самомъ дѣлѣ, Австрія была разбита; всѣ маленькіе итальянскіе государи, бывшіе не болѣе какъ австрійскими губернаторами своихъ владѣній, должны были пасть вмѣстѣ съ Австріей. Самъ неаполитанскій король отказался отъ своего самодержавія въ пользу Австріи. Послѣ войны 1859 г. необходимо было, чтобы Италія слѣдалась французскою или итальянскою; она уже не могла болѣе слѣдаться австрійскою. Не хотѣтъ, чтобы она была французскою, такъ пусть она будетъ итальянскою. Говорили одно время объ итальянской конституціи. По моему это несчастная мысль. Императоръ, замѣтите, никогда не хотѣлъ навязать ее. Онъ сказалъ Италіи: «Я оказалъ вамъ большую услугу; изучивъ вашу исторію, я вамъ совѣтую конфедерацію. Если вы послушаете этому совѣту, вы можете рассчитывать на меня въ мирѣ и въ войнѣ; я буду отвѣчать за все, что слѣдается въ Италіи. Если не примете моего совѣта, то вы вольны дѣлать что хотите, но уже на свой страхъ и отвѣтъ.» Впрочемъ, эта конфедерація — старая мысль. Потомъ она была поднята въ Виллафранкѣ. Тамъ я нѣсколько разъ толковалъ со всѣми, и никто не хотѣлъ конфедераціи, ни папа, ни Австрія. Папа требовалъ только одного: всѣхъ своихъ свѣтскихъ владѣній, да чтобы кто-нибудь ихъ для него оберегалъ. Викторъ-Эмануилъ тоже не хотѣлъ конфедераціи; ему хотѣлось лучше: кто же возьметъ кусокъ тамъ, гдѣ можно взять все?.. (Смѣхъ) Итальянцы тоже не хотѣли конфедераціи, какъ орудія новыхъ угнетеній. Наконецъ остается важнѣйшій вопросъ, о выгодахъ, какія будетъ имѣть Франція отъ единства Италіи. Мы сходны съ итальянцами племенемъ и религіей; у насъ съ ними, благодаря присоединенію Савойи и Ниццы, границы не могутъ подать повода ни къ какому спору. Поэтому Италія будетъ для Франціи превосходящимъ, естественнымъ союз-

никомъ. Какія силы Франція можетъ противопоставить морскому могуществу Англіи? Ясно, что она противъ Англіи будетъ сильва, только сдѣлавшись средоточіемъ всѣхъ второстепенныхъ флотовъ. Государственные люди въ Англіи знаютъ это очень хорошо. Въ 1849 г. лордъ Абердинъ подробно рассказывалъ какіе невыгоды произойдутъ для Англіи отъ единства Италіи, и на первомъ мѣстѣ ставилъ устройство итальянскаго флота. Единство Италіи въ особенности тѣмъ выгодно Франціи, что это единственное разумное средство окончательно измѣнить трактаты 1815 года; это предупредить то уединеніе, въ какомъ оставалась Франція въ другія времена. Италія — единственная союзница Франціи, и чтобы утверждать это, нѣтъ надобности рассчитывать на благодарность народовъ; для этого достаточно отдать себѣ отчетъ въ ихъ выгодахъ. До сихъ поръ эти маленькія, опрокинутыя теперь княжества, могли ли служить интересамъ Франціи? Ни мало. Весь вопросъ состоялъ только въ томъ, кто присвоить тамъ себѣ преобладающее вліяніе; было вліяніе испанское, потомъ австрійское. Теперь, по крайней мѣрѣ, въ Италіи не будетъ другихъ вліяній, кромѣ собственныхъ убѣжденій или торжества выгоды... Сторонники стариннаго порядка говорятъ, что надо бы опять разъединить Италію и употребить для этого силу... Но взгляните на эту сумасбродную гипотезу вооружоннаго вмѣшательства въ Италію: противъ васъ были бы итальянцы, потомъ англичане. А что сдѣлалось бы съ Сициліей? Англія завладѣетъ тогда ею, и будетъ имѣть на это право. Замѣтите, что такимъ образомъ вы не удовлетворите даже Австрію; ибо если Австрія ненавидитъ Италію, то есть нѣчто такое, что она ненавидитъ еще болѣе, это — вліяніе и силу Франціи... Чтобы тронуть уже всѣ вопросы... остается произнести горестное имя... Венеціи... Положеніе Венеціи — одно изъ несчастій нашего времени; но всякая несвоевременная атака на нее была бы прискорбна. Роль Италіи, — и она понимаетъ это, — развивать свои силы, устроить войско, и, когда придетъ время, она можетъ, въ согласіи съ Франціею воротить себѣ Венецію. Вотъ что надо дѣлать, и какъ ручательство въ такомъ поведеніи можно указать на мудрость итальянскаго народа въ послѣднихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Можно ли найти другой народъ, который бы такъ мало злоупотреблялъ свободой послѣ столькихъ вѣковъ угнетенія? Конечно, Франція великій народъ, первый между всѣми (ужъ безъ этого никакъ нельзя); но представьте себѣ Францію въ этомъ положеніи: все было бы опрокинуто и перевернуто вверхъ дномъ... Говорили много о преобладаніи Пьемонта, о его заговорахъ. Но какъ онъ составляетъ заговоры? О, какъ легко ихъ со-

сладить, когда всё и безъ того съ вами, когда уже нѣсколько вѣкоръ единство Италіи находится во всѣхъ сердцахъ... Когда итальянскій парламентъ объявилъ Виктора-Эммануила королемъ Италіи, страна потребуеть своей столицы, она скажетъ, что Европа не можетъ вмѣшиваться, ибо принципъ невмѣшательства вошелъ въ общественное право. Отдайте же Римъ Италіи, и единство ея будетъ обезпечено. (Ропоть)... Остается вопросъ о приложеніи папской власти. Папа долженъ, конечно, сохранить свою независимость, и вавонскій престолъ не можетъ сдѣлаться подданнымъ другого государя; въ этомъ—то и трудность римскаго вопроса; но трудность разрѣшимая. Папа, духовный начальникъ церкви; не можетъ ли онъ жить въ Римѣ съ такою суммою независимости, которая не дѣлала бы его ничьимъ начальникомъ и ничьимъ подданнымъ?.. Разрѣшеніе вопроса, кажется, представляется самымъ географическимъ положеніемъ Рима, который раздѣленъ Тибромъ на два разные города: одинъ, на правой сторонѣ, городъ католическій, городъ Ватикана, другой, на лѣвой сторонѣ, городъ воспоминаній императорскаго Рима. Развѣ нельзя было бы обезпечить независимость папы въ его части города, дать ему гарнизонъ, постановить бюджетъ, за который будутъ ручаться всѣ державы? Такимъ образомъ папа, окруженный уваженіемъ христіанства, въ церковномъ мирѣ, съ своимъ знаменемъ, былъ бы совершенно независимъ. (Различный ропоть). Римъ сдѣлался бы, такъ сказать, святилищемъ, базисомъ христіанства. Я знаю, скажутъ, что это химеры; но сколько вещей называлось химерами три года тому назадъ, а теперь осуществилось! Когда является затрудненіе, то напрасно люди стараются отложить его разрѣшеніе: можно смягчить, уменьшить трудность на нѣсколько времени, а наконецъ все-таки ее надо разрѣшить. Передъ нами единство Италіи: надобно или принять этотъ фактъ, или слѣдовать политикѣ, которая необходимо ведетъ къ бѣдствіямъ...»

Привцу Наполеону возражали разные епископы, доказывая всю спасительность для человѣчества свѣтской власти папы и великое благополучіе его свѣтскихъ подданныхъ; говорилъ также и министръ, г. Бильо, и вотъ чѣмъ все кончилось:

Г. Бильо кончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Невозможно сказать, какъ будетъ дѣйствовать императоръ; но вѣроятно, это будетъ зависть отъ обстоятельствъ. Вы хотите, чтобы правительство, въ присутствіи стремленій, которыя должны быть умѣрены, страстей, которыя должны быть усмирены, различныхъ интересовъ, которые связаны съ вопросомъ, чтобы правительство обязалось, когда никто не обязывается, сказало свое послѣднее слово, связало бы себѣ заранѣе руки, не оставило себѣ даже выгодъ въ самыхъ

событіякъ. На такое объявленіе не согласился бы даже ученикъ дипломатъ. (Одобреніе). Если мы доказали, что императоръ, въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ сдѣлалъ все, что было возможно для огражденія основныхъ принциповъ нашей политикѣ, относительно Австріи, относительно народовъ Италіи, относительно безопасности и независимости папы, если вы вѣрите всему этому виѣствъ съ нами, то на основаніи прошедшаго, имѣйте довѣріе къ императору и его политикѣ.» (Одобреніе)

Графъ Сегюръ. Такъ неужели возможно, что вы оставите Римъ?
Министръ. Я не отвѣчу на этотъ вопросъ.

Графъ Сегюръ. Но это уже отвѣтъ.

Министръ. Вы худо объясняете мое молчаніе. Одиннадцать лѣтъ мы въ Римѣ окружаемъ святаго отца своею преданностью. Поэтому никто не можетъ сомнѣваться въ благихъ намѣреніяхъ нашихъ.

Графъ Сегюръ. Поэтому-то и надо остаться въ Римѣ.

Генералъ Гюссонъ. Поэтому надо довѣряться мудрости императора.

Процессъ Бонапартъ-Патерсонъ окончился, какъ извѣстно уже, отказомъ г-жѣ Елизаветѣ Патерсонъ и Жерому Бонапарту въ ихъ искъ. Последнее засѣданіе происходило 15 февраля. Судъ присудилъ истцовъ къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СМѢСЬ

1

О ПОСТЕПЕННОМЪ

НО БЫСТРОМЪ И ПОВСЕМѢСТНОМЪ РАСПРОСТРАНЕНІИ НЕВѢЖЕСТВА И
БЕЗГРАМОТНОСТИ ВЪ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

(ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ НЕМУЖНАГО ЧЕЛОВѢКА) (*)

Vox in Rama audita est. Rachel plorans
filios suos...

Богѣ четверти столѣтія «отъ молодыхъ ногтей», питаюсь крупицами отъ великолѣпной трапезы отечественной словесности и черная мудрость изъ многоразличныхъ ея источниковъ, начиная съ покойника «Телеграфа» и покойника «Телескопа» до «зеленаго» Наблюдателя, съ его юношески-гегелианскими замашками и отъ «Зеленаго Наблюдателя» до «Современника» и ввыхъ новѣйшихъ органовъ нашего умственного развитія, я конечно имѣлъ достаточно времени и возможности ко многому присмотрѣться.

«Въ настоящее время, когда... т. е. въ настоящую чисто-практическую минуту, въ ту великую минуту, когда г. — бовъ каждую статью свою начинаетъ требованіемъ высокаго акта смиренія со стороны своего читателя; въ ту практическую минуту, когда знаніе, искусство, государственная свобода — объявляются строго-

(*) Хотя мы во многомъ несогласны съ почтеннымъ и къ-сожалѣнію неизвѣстнымъ намъ авторомъ, мы съ удовольствіемъ однако даемъ мѣсто статьѣ его. Она откровенна, искренна, а ѣдкость ея для многихъ изъ насъ, людей издающихъ и пишущихъ пройдетъ не безслѣдно. Мы же съ своей стороны не раздѣляемъ того тонко-политическаго ученія, гласящаго, что не для чего посвящать непризванныхъ (т. е. публику) въ закулисныя тайны литературы. Мы вѣримъ въ прямое и здравое чутіе массъ и думаемъ, что честно высказанная правда, няюгда не повредитъ въ глазахъ читателей ни литературѣ, ни тому уваженію, которое *должна* питать къ ней читающая и мыслящая публика, потому что безъ этого уваженія не мыслима и сама публика. *Ред.*

логическимъ мышленіемъ г. Чернышевскаго, побрякушками передъ высшею идеею матеріальнаго благосостоянія (матеріальное благосостояніе вещь хорошая, но зачѣмъ же казенные стулья ломать); въ настоящую — продолжаю я мой длинный ораторскій періодъ — минуту, когда даже и самые осторожные, — бывало слишкомъ осторожные, мыслители, какъ почтенный критикъ «ветхихъ денки» «Отечественныхъ Записокъ», покушаются перескочить бездну, отдѣляющую ихъ отъ новѣйшихъ и, стало быть, самыхъ близкихъ къ истинѣ мыслителей и приносятъ самовѣйшему мышленію идоложертвенную требу, чѣмъ же? — лишая народнаго значенія Пушкина; въ настоящую, наконецъ высшую минуту нашего умственнаго развитія, я смиренно причисляю себя и многихъ, столь же отсталыхъ какъ я моихъ товарищей къ числу «ненужныхъ», совершенно ненужныхъ людей.

И это — безъ малѣйшей ироніи, безъ малѣйшей гордости смиренія, безъ малѣйшаго даже желанія порисоваться своей «ненужностью». Знаю, что немногіе изъ собратій моихъ раздѣляютъ со мною это смиреніе безъ ироніи и затаенной гордости; знаю, что не одинъ, еще могучій можетъ быть, голосъ раздастся за «ненужныхъ» людей... Но увы! и такой голосъ можетъ подняться только за то, что были когда-то нужны «ненужные» люди, ненужные «въ настоящее время, когда...»

Увы! Голоса «ненужныхъ» людей, болѣе или менѣе сильные, болѣе или менѣе даровитые, могутъ имѣть теперь только историческое значеніе, да пожалуй еще, значеніе отрицательное, критическое...

Въ отношеніи къ настоящему времени, мы «ненужные люди» поневолѣ, по самой натурѣ нашей — скептики и стало-быть критики. Мы поневолѣ видимъ только его промахи, замѣчаемъ только темныя пятна въ его свѣтилахъ, поражаемся только пробѣлами въ его глубокихъ безднахъ... И это въ насъ, «ненужныхъ» людяхъ, вовсе даже не болѣзнь, которая называется *ambition rentrée*, а простое логическое послѣдствіе нашего умственнаго и нравственнаго развитія.

Прежде всего въ насъ, «ненужныхъ» людяхъ, при глубокомъ сочувствіи къ прогрессу, укоренена до неизлѣчимости безотрадная вѣра въ безконечность прогресса, и вслѣдствіе этой вѣры — печальное убѣжденіе въ томъ, что душа человѣческая съ ея многоразличными струнами, остается и останется всегда одинакова; что никогда ни луна не соединится съ землею, какъ надѣялся Фурье, на разнообразныя краски народностей и личностей не сольются въ общую, сплошную, здоровую и однообразную массу человѣчества.

ни страсти человѣческія не вырываются въ математически-опредѣленныя и свободно-удовлетворяемыя потребности, — ни искусство, этотъ вѣчный гимнъ и вѣчный вопль человѣческой души, не изсякнетъ и не исчезнетъ... Если вы хотите, мы, ненужные люди, — даже и довольны нашей безотрадной вѣрою, нашимъ печальнымъ убѣжденіемъ: но во всякомъ случаѣ эта вѣра и это убѣжденіе, лишають насъ возможности вѣрить въ утѣшительныя теоріи г. Чернышевскаго и предпочитать вмѣстѣ съ нимъ яблоко настоящее яблоку нарисованному, и красавицу живую красавицѣ писанной; лишають насъ возможности совершать акты смиренія, требуемые г. — бовымъ отъ его читателей.

А отъ этого, согласитесь, и я и другіе мои собратія остаемся въ потерѣ, весьма и весьма значительной. Ужь одно то наприимѣръ, государи мои! что мы не можемъ вѣрить такъ пламенно, какъ адепты г. Чернышевскаго и — бова (въ крѣпости вѣры самихъ этихъ глубокихъ мыслителей мы крѣико сомнѣваемся) въ того великаго поэта, «которому только обстоятельства, какъ сказано въ ихъ писаніяхъ, помѣшали получить въ литературѣ нашей значеніе гораздо большее, чѣмъ Пушкинъ и Лермонтовъ»; а вѣдь вѣра — счастье! Мы, съ другой стороны, огорчаемся до глубины души, когда альбомными побрякушками называютъ вещи Пушкина, которыми всѣ мы вѣкогда душевно жили и доселѣ еще жить способны; а вѣдь огорченія кровь портятъ! Правда, что большая часть изъ «ненужныхъ» людей, не доводитъ своего огорченія до предѣловъ крайнихъ и вредоносныхъ для благосостоянія собственной ихъ особы. Правда, что большею частью, всѣ остальные, «ненужные» люди, при какой-либо сильной выходкѣ самоновѣйшей мудрости, ограничиваются тѣмъ, что соберутся, покачаютъ задумчиво своими, уже сѣдѣющими и по большей части увѣнчанными большимъ или малымъ вѣнцомъ, головами; дойдутъ пожалуй до вѣкотораго паэоса озлобленія, до рѣшимости возстать наконецъ всей послѣдней энергіей на замашки ярыхъ витязей, поклянутся пожалуй въ порывѣ негодованія разорвать всякія умственныя и нравственныя сношенія съ современною мудростью, — да такъ и останутся «при своемъ желаніи и при своемъ собственномъ интересѣ», какъ выражаются карточныя гадалщицы.

Это впрочемъ главнымъ образомъ отъ того, что большая часть изъ «ненужныхъ» людей, уже нѣкоторымъ образомъ увѣнчанные (*laureati*), стало-быть, состоящіе на покоѣ.

Не имѣя высокаго счастья принадлежать къ числу моихъ «увѣнчанныхъ» старшихъ собратій, я маленькій ненужный человѣкъ, рѣшаюсь, какъ *sentinelle perdue*, повиноваться своему, въ настоящую

минуту отрицательному, скептическому назначенію, принять на себя роль Зоиля въ отношеніи къ новымъ нашимъ Гомерамъ, отмѣчать по временамъ «несообразныя» глаголы недоточивыхъ устъ ихъ, роль неблагодарную, роль даже опасную, но тѣмъ не менѣе полезную. «Большою полезностью» (*grande utilité*) — выражаясь техническимъ языкомъ закулиснаго міра, я не имѣю поползновенія быть, — но быть даже и простою «полезностью» — все-таки какое-нибудь назначеніе для «внужнаго» человѣка.

Изъ довольно откровеннаго (отдаю себѣ въ этомъ случаѣ полную справедливость) заглавія моей первой попытки, современная мудрость уже можетъ усмотрѣть, что я имѣю цѣли весьма дерзновенныя и даже въ пѣкаторомъ родѣ неблагопристойныя: не въ томъ конечно смыслѣ, чтобы я съ разу заявлялъ себя, какъ покойникъ Измайловъ «писателемъ не для дамъ» — до дамъ мнѣ рѣшительно никакого нѣтъ дѣла... Благопристойны могутъ показаться цѣли мои въ отношеніи къ русской словесности, на горизонтѣ коей возсіяли въ послѣднія времена, столь яркія и руководящія свѣтила, разпѣвающія на юное поколѣніе столь лучезарное сіяніе знаній и мудрости, — что кромѣ ихъ, этихъ лучезарныхъ свѣтилъ, означенное юное поколѣніе никакихъ другихъ не видитъ, да и видѣть не хочетъ.

Съ этого-то именно пункта мнѣ и да будетъ позволено начать свой плачевный рапсодіи.

Пунктъ же этотъ позволю ужъ я самъ себѣ выразить въ слѣдующемъ, хотя и въскольکو рѣзкомъ, но тѣмъ не менѣе довольно справедливомъ, судя по фактамъ, положеніи, а именно:

Умственное развитіе наше есть Сатурнъ, постоянно пожирающій чадъ своихъ, но мѣръ ихъ рожденія. Все, что сдѣлано вчера, а тѣмъ паче третьяго дня, мы уже забыли сегодня и подаемъ большія надежды, что сдѣланное нами сегодня, рѣшительно зачеркнемъ завтра и не только зачеркнемъ, а подъ веселую руку даже и оплюемъ.

Въ этомъ случаѣ, мы дѣйствительно люди прогресса въ самомъ крайнемъ и слѣпомъ его опредѣленіи, т. е. люди послѣдней минуты). Перелъ нами все, даже истинно высокое и великое прошло, проходить и вѣроятно долго еще будетъ проходить, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ.

Прежде чѣмъ коснуться частныхъ фактовъ, которыми я тотчасъ же могъ бы нагляднѣйшимъ образомъ подтвердить мое рѣзкое положеніе, позвольте мнѣ основательно заняться однимъ общимъ,

грубнѣишѣ фактошъ, — хорошимъ или дурнымъ, это какъ вамъ будетъ угодно его признать, но во всякомъ случаѣ — несомнѣннымъ, а именно: повсемѣстнымъ упадкомъ общаго человѣческаго образованія, упадкомъ совершившимся чрезвычайно, до неожиданности быстро, въ теченіе какихъ-нибудь десяти или много-много пятнадцати лѣтъ. Упадокъ же образованія, на языкѣ не совсѣмъ вѣжливымъ, но точномъ въ своей простотѣ, называется, какъ вамъ конечно не безызвѣстно — невѣжествомъ.

Эпоха нашего умственнаго развитія отъ Карамзина до смерти Пушкина, можетъ быть названа эпохою широкаго, всесторонняго, энциклопедическаго, хотя и крайне поверхностнаго образованія.

Мы тогда воспитывались (изъ вторыхъ впрочемъ и притомъ изъ французскихъ рукъ) на древности, на древней исторіи, даже на древней поэзіи, хотъ только очень немногіе избранные были способны понимать настоящую поэзію этой поэзіи и цитаться историческимъ духомъ древности, а большая часть развивались, какъ легкій, но общій представитель того племени, Онѣгинъ, т. е.

Онъ рыться не имѣлъ охоты
 Въ хронологической пыли,
 Но дней минувшихъ анекдоты,
 Отъ Ромула до нашихъ дней
 Хранилъ онъ въ памяти своей...

Я конечно не стану васъ убѣждать, что въ этомъ образованіи была хороша его поверхностность, но вѣдь и вы конечно не станете убѣждать меня, что въ немъ была пехороша его всесторонность, его человѣчность, начинавшаяся какъ и слѣдуетъ, ознакомленіемъ челоѣка съ древностью, хотъ по книгѣ Бартеlemi: «Путешествіе младаго Анахарсиса» — ознакомленіемъ съ завѣщанными древностью великими сокровищами, хотъ только по имени или по французскимъ подражаніямъ, — ознакомленіемъ съ ея доблестями, хотъ бы даже по старику Ролленю... Не говорю уже о томъ, что такъ знакомились съ древностью только Онѣгины, что въ эпоху, давшую талантъ Гнѣдича, трудолюбіе Мартынова, — не безъ основанія можно подозрѣвать и болѣе серьезную сторону знакомства съ древностью во многихъ.

Что касается до мышленія, искусства, жизни средняго и новаго европейскаго челоѣчества, то мы, — я говорю про образованныхъ вполне людей, и преимущественно, про классъ писавшій и поучавшій другіе классы, — были съ ними знакомы столько же, сколько вся тогдашняя Европа была знакома съ своимъ прошедшимъ и настоящимъ. По нашей перепмчивости и по нашей удивительной спо-

способности отращаться отъ своей собственной жизни въ пользу всакой чужой, способности, которая и теперь за нами осталась неотъемлемо, только *sub alia forma*, мы доводимъ дѣло нашего гуманизма и европеизма даже до педантства. Недаромъ даже Онѣгинъ былъ

..... по мнѣнью многихъ
Судей рѣшительныхъ и строгихъ,
Ученый малый, но педантъ.

Потому что даже Онѣгинъ и тотъ

... зналъ довольно по латыни,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить: *vale!*
Да помнилъ хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.

Потому что даже и въ воспитаніе Онѣгина, этого, повторяю, легкаго, но общаго и типическаго представителя эпохи, гуманизмъ залегъ, какъ нѣчто *обязательное*.

Опять-таки не подумайте пожалуйста, чтобы я восторгался *поверхностностью* образованія онѣгинской эпохи. Во-первыхъ, — на столько вы конечно допустите во мнѣ, «ненужномъ» человѣкѣ, здраваго смысла, чтобы не восторгаться нагло вздоромъ, а во вторыхъ — я, «ненужный» человѣкъ, принадлежу моимъ умственнымъ развитіемъ къ иной полосѣ, къ эпохѣ *jordain* и *туманнаго* глубокомыслия; я, съ «гордостью страданья» свойственной моему эпохѣ, имѣю право сказать, какъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда: «Я Гёте наизусть знаю, я Гегеля изучалъ, милостивые государи!» Стало-быть, восторгаться мнѣ энциклопедизмомъ онѣгинской эпохи, даже и по эгоизму — не изъ чего. Я такъ только отмѣчаю фактъ.

Гуманизмъ и энциклопедизмъ, началъ я говорить, довели мы до педантства, главнымъ образомъ изъ боязни показаться не европейцами.

Малѣйшій недостатокъ въ знаніи древней или обще-европейской жизни и литературы; ошибка въ имени какого-либо, даже не первокласснаго европейскаго дѣятеля или писателя, и тѣмъ болѣе, незнаніе какого-либо изъ нихъ, хотя бы по имени, — считались тогда невѣжествомъ. Попробовалъ бы тогда кто-нибудь изъ литераторовъ не знать имени и хоть перечня сочиненій какого-нибудь, не говорю ужъ *Реньяра*, не говорю даже *Детуша* (французскихъ комиковъ, позволю я себѣ прибавить, чтобы не поставить въ затрудненіе новаго пишущаго поколѣнія), а какого-нибудь *La Chaussée*, какого-

нибудь *Lapone!* Попробовалъ бы кто-нибудь изъ пишущей братіи, не зная какой-либо анекдотической черты изъ древней или новой, преимущественно конечно французской исторіи, — его заклевали бы, буквально заклевали бы тогдашніе литераторы! Стоитъ только припомнить, какъ даровитому самоучкѣ Полевому досталось за незначительнѣйшій промахъ и съ какимъ скандаломъ проводили его по всѣмъ тогдашнимъ журналамъ съ его «Грипусье».

Подъ вліяніемъ Жуковского, подъ вліяніемъ Пушкина, подъ вліяніемъ даже жадно усвоившаго, или лучше сказать хватавшаго на лету образованіе Полеваго и наконецъ подъ вліяніемъ серьезныхъ мыслителей, каковы были Надеждинъ, Кирѣевскій и другіе литераторы въ Москвѣ, Одоевскій въ Петербургѣ, — къ массѣ нашихъ гуманныхъ свѣденій, почерпнутыхъ изъ французскихъ источниковъ, — присоединялись постепенно масса англійская и масса нѣмецкая. Какъ та, такъ и другая, конечно немногими усвоились внутренне, но зато всѣми хватались на лету, какъ Полевымъ и для всѣхъ образованныхъ, и въ особенности пишущихъ людей, становились *обязательными*. Я не говорю о томъ, что истинно, въ полномъ смыслѣ образованные изъ нашихъ литераторовъ тогдашнихъ Кирѣевскій, Хомяковъ, Одоевскій, Надеждинъ, Погодинъ и нѣкоторые другіе, — многосторонностью образованія и даже глубиной учености, стояли въ уровень со всѣми тогдашними европейскими писателями и мыслителями. Нѣтъ! я говорю о массѣ образованнаго и вообще пишущаго класса, говорю о томъ фактѣ, что общее гуманное образованіе было тогда для этого класса обязательно, и что отсутствіе общаго образованія было казнимо безпощадно, какъ только оно выказывалось, хотя бы даже въ мелочахъ.

Опять позвольте оговориться. Мнѣ, маленькому «ненужному» человѣку, шагу нельзя ступить безъ оговорокъ, «въ настоящую минуту, когда»...

Въ этомъ педанствѣ гуманизма, была своя нехорошая сторона. Обязанные знать все чужое, зная это чужое часто только по имени и по наслышкѣ, — мы ровно ничего не знали своего. Но не забудьте, что самые жаркіе, самые исключительные ревнители и борники «своего» славянофилы, по развитію и образованію своему совершенно принадлежали къ этой эпохѣ, не хотѣвшей знать ничего своего и поставлявшей обязательнымъ знаніе всего чужого.

Ну-съ! Теперь, отъ этихъ фактовъ одной изъ эпохъ нашего прошедшаго, позвольте перейти къ нашему блистательному настоящему.

Если я скажу на первый раз, что общее, гуманное, энциклопедическое образованіе вѣсколько поу пало, сравнительно съ эпохою предшествовавшей, то въ этомъ, я надѣюсь, никто со мной спорить не станетъ. Раздадутся только голоса противъ значенія поверхностнаго, энциклопедическаго образованія бывалыхъ годовъ, въ обличеніе его бесплодности и т. д., и въ этихъ голосахъ будетъ безъ всякаго сомнѣнія много весьма справедливаго. Главное же справедливое будетъ заключаться въ томъ, о чемъ уже мною упомянуто; т. е. въ томъ, что зная тогда много лишняго чужого, мы рѣшительно не знали ничего своего, ни нашего быта, ни нашей исторіи, ни нашихъ преданій. Напротивъ, мы считали тогда какимъ-то *шикомъ* не знать ничего своего и всего своего чуждаться.

И если бы наша эпоха, въ замѣну поверхностнаго энциклопедизма, въ замѣну на лету нахватанныхъ свѣденій, отличалась повсемѣстнымъ и глубокимъ знаніемъ своего, она имѣла бы огромное значеніе въ нашемъ умственномъ развитіи, какъ естественная и необходимая реакція самобытности, народности, противъ погрязательности и пустого космополитизма.

Къ сожалѣнію, глубокаго знанія «своего» незамѣтно какъ-то въ молодыхъ поколѣніяхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ личностей, обрекшихъ себя на трудъ и изученіе.

«Своимъ» зовется въ настоящую эпоху только сегодняшнее, а все вчерашнее — и тѣмъ болѣе третьягоднишее, хотя бы вчерашнее было Гоголь, а третьягоднишее — Пушкинъ, положительно пропадаетъ безъ слѣдовъ и вѣдь пропадаетъ, или лучше сказать, кладется подъ спудъ вовсе не потому, чтобы оно само по себѣ было бессильно, само по себѣ неспособно оставить глубокіе слѣды въ общественномъ развитіи...

Говорю вамъ, что вчерашнее — Гоголь, а третьягоднишее — Пушкинъ!

А между тѣмъ, и тотъ и другой, какъ будто служили только подмостками для сооруженія великолѣпныхъ храмовъ настоящей эпохи! Великолѣпные храмы сооружены, наприимѣръ, и тѣмъ великимъ поэтомъ «которому только обстоятельства (какія право досадныя эти обстоятельства!) помѣшали въ литературѣ нашей получить значеніе выше Пушкина и Лермонтова» и великимъ романистомъ, казвинскимъ нашу Обломовщину и иными. Ненужныя же подмостки сняты — зачѣмъ ихъ!

Оно такъ и быть должно, если вѣра въ прогрессъ есть вѣра въ послѣднюю минуту, но, милостивые государи мои, господа «нужные» люди, я «ненужный» человекъ, покушаюсь въ этомъ случаѣ сдѣлать вамъ *appel à la pudeur!*

При чемъ же вы насъ наконецъ оставили?

Неужели же, не въ шутку, при великомъ цѣствѣ, «которому обстоятельству»... и т. д., котораго энергическій талантъ признаемъ и мы «ненужные» люди — только не въ такой мѣрѣ и степени какъ вы, да при великомъ романистѣ Обломовщины?.. А вѣдь вы, господа «нужные» люди, рѣшительно при сихъ только свѣтлахъ оставили «неопытное» *младое* поколѣнiе!

Знаете ли вы, что часть этого «младого» поколѣнiя весьма плохо знакома съ Пушкинымъ, потому что съ гимназической скамьи упивалась только пѣснопѣнiями о «Ванькѣ ражемъ» и о «кунцѣ, у когото украденъ былъ казачъ; а другая, позднѣйшая, стало быть еще современнѣйшая часть этого «младого» поколѣнiя, плохо читала даже и Гоголя, замѣнивши его г. Щедринымъ и иными обличителями. Право такъ!

А ужъ что касается до дѣятелей нашей до-пушкинской эпохи, до Жуковскаго наприимѣръ, котораго имя какъ будто кануло въ воду въ нашей литературѣ, до Карамзина, то эти писатели извѣстны нашему «младому» поколѣнiю только по хрестоматiи г. Галахова. Золотая книга! Безъ нея совсѣмъ пропали бы въ нашей росiйской словесности имена Жуковскаго, Карамзина, Дмитриева, Батюшкова и т. д. Тѣ же изъ писателей нашихъ, которые въ хрестоматiи г. Галахова не существуютъ даже и заклеенные звѣздочкой, выучиваются разъ поименно къ окончательному гимназическому или къ вступительному университетскому экзамену и за тѣмъ забываются навсегда.

Знакомства съ древнею нашею письменностью, съ до-петровскимъ нашимъ бытомъ, т. е. опять таки, знакомства, сколько-нибудь повсемѣстно распространеннаго, въ нашей эпохѣ тоже какъ-то незамѣтно.

Знакомы мы въ настоящую минуту только преимущественно съ г. Некрасовымъ, съ г. Гончаровымъ, съ г. Щедринымъ и съ пророкомъ ихъ г. —бовымъ, отчасти, по старой памяти и по привычкѣ съ Тургеневымъ и отчасти же съ Островскимъ, да и то съ весьма недавняго времени и притомъ, благодаря г. —бову, благодаря его ловкому, хотя и явно лукавому маневру обратить Островскаго въ отрицательнаго писателя, въ обличителя самодурства. До разъясненiй же г. —бова, къ Островскому, не смотря на весь великiй его талантъ, «младое» поколѣнiе оставалось какъ-то холодно, чтобы не сказать равнодушно.

Что касается до знакомства и сближенiя съ народнымъ бытомъ, то ни явленiе такого великаго художника, какъ Островскiй и такихъ произведенiй, какъ нѣкоторыя изъ произведенiй Писемскаго, ни

изданія доселѣ подѣ слудомъ обрѣтавшихся источниковъ, на учебныя разработки, часто, какъ напримѣръ Буслаевскія, обильны многосторонними результатами, не доказываютъ ничего въ пользу повсемѣстнаго распространенія знакомства съ народнымъ бытомъ въ нашу эпоху. Можно сказать безъ малѣйшей гиперболы, что бѣольшая часть нашего пишущаго, т. е. поучающаго класса, точно также разобщена съ народною жизнью, какъ и въ былую эпоху и этимъ только могутъ быть объяснены тѣ странныя промахи, въ которые впадаютъ нѣкоторые изъ пишущихъ и поучающихъ въ наше время. Въ 1852 году, въ предисловіи къ нѣсколькимъ пѣснямъ издаваемымъ въ третьемъ «Московскомъ Сборникѣ», Хомяковъ, въ ирическомъ увлеченіи писалъ: «Поется старо-русская пѣсня, называется старо-русская сказка — и мы чувствуемъ въ ней нашу, вѣчно-живущую струю...» Но вѣдь нѣчто, совершенно иное происходитъ теперь въ нашемъ литературномъ мѣрѣ. При раскрытіи какихъ-либо новыхъ сторонъ нашей народной жизни въ пѣснѣ ли, въ сказкѣ ли, въ письменномъ ли историческомъ памятникѣ, съ бѣольшею частью нашей мыслящей, пишущей и поучающей братіи, совершается какое-то, съ позволенія сказать, ошеломленіе. За примѣрами ходить недалеко. Пѣсни, переданныя въ «Отечественныя Записки» г. Якушкинымъ, сказки, собранныя г. Аванасьевымъ, рассказы о народѣ настоящихъ знатоковъ народнаго быта, гг. Максимова, Потѣхина, Якушкина, — новизною своею такъ полюбѣствовали на добросовѣстное, но чисто-кабинетное мышленіе почтеннаго и всегда очень осторожнаго и умѣреннаго критика «Отечественныхъ Записокъ», что онъ «ничто же сумняся» привнесъ новооткрытому имъ міру въ жертву... бездѣлицу: народное значеніе Пушкина, основавши свои выводы главнымъ образомъ на томъ обстоятельстве, что Пушкинъ мало распространенъ въ народѣ и совершенно позабывши, что въ народѣ, вообще малограмотномъ, трудно было распространиться Пушкину, что для рѣшенія этого вопроса, надобно, по крайней мѣрѣ, подождать слѣдствій распространенія грамотности. Пушкинъ мало знакомъ теперь и образованному «младому» поколѣнію, да что же изъ этого слѣдуетъ? Не Пушкинъ же виноватъ, что прѣныя яства повѣйшей поэзіи, приправленныя всякими возбуждательными спеціями, отбили у «младого» поколѣнія вкусъ къ простой и естественной пищѣ. Я вамъ говорю, и говорю право безъ особеннаго преувеличенія, что даже съ Гоголемъ, не смотря на всю соль и отрицательную силу таланта этого писателя. «младое» поколѣніе мало знакомо, по крайней мѣрѣ гораздо меньше, чѣмъ съ произведеніями г. Щедрина. Не думайте Бога ради, чтобы въ г. Некрасовѣ, даже въ г. Щедринѣ, я отрицалъ талантъ, даже

высокую степень таланта : но неужели же гг. Некрасовъ и Щедринъ болѣе народные писатели, чѣмъ Пушкинъ и Гоголь, потому что больше распространены теперь въ читающей публикѣ? Не думайте также, чтобы самихъ гг. Некрасова и Щедрина винилъ я въ томъ, что правыми яствами отбить вкусъ къ простому и истинно прекрасному. Если я и виню кого-либо, — то пророковъ и адептовъ...

Да и то впрочемъ нѣтъ! Беззлбный «ненужный» человекъ, я никого не виню, а хочу только засвидѣтельствовать факты нашего времени...

Дѣло въ томъ, что мы теперь все забыли, кромѣ нынѣшняго дня, все — и свое и чужое, что мы не знаемъ ничего кромѣ нынѣшняго дня, ни своего, ни чужого, ни глубоко, ни поверхностно.

Я началъ осторожно съ того, что общее образованіе нѣсколько поупало въ нашу эпоху, а вѣль можно сказать хоть и рѣзко, но справедливо, что оно совершенно упало и притомъ упало не въ читающемъ только, а въ пишущемъ и поучающемъ классѣ... Примѣровъ не оберешься.

Я могъ бы указать вамъ на изслѣдователей миеовъ, созидавшихъ нашу миеологию по идеямъ Якова Гримма о Германской миеологии и обличенныхъ въ незнаніи Гримма по незнанію того языка, на которомъ Гриммъ писалъ ;

На изслѣдователей нашей древней торговли, скандально уличенныхъ же въ незнаніи языка византійскихъ источниковъ, которыми они полтврждали свои глубокомысленныя изслѣдованія ;

На знатокъвъ англійской литературы, признанныхъ англомазовъ, смѣшивавшихъ Бенъ-Джонсона съ докторомъ Джонсономъ ;

На мирандольскій пикъ (Пикъ де ла Мирандола), на церковь святаго Этьенна въ Вѣнѣ и другія дивныя мѣстности (въ переводѣ на російскій языкъ Зандовой Консуэло), на біографію весьма малоизвѣстнаго писателя Шиллера, наполненную Фредериками Шиллерами, Миннами де Баригельмъ и другими подобными ликовинками ; на смѣшеніе писателя Юстинуса Кернера съ Теодоромъ Кернеромъ и на обруганіе первого за послѣдняго и т. д. и т. д.

Цѣлыя страницы можно было бы для любителей литературныхъ скандаловъ наполнить грубѣйшими промахами въ отношеніи къ еврпейской литературѣ и еврпейской исторіи, какими изобиловали наши журналы и большіе, и малые, и старыя, и нововозникшіе, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, за исключеніемъ разу-

мѣется строгихъ пуритовъ; представителей бывалаго образованія, «Русской Бесѣды» и «Русскаго Вѣстника».

А вѣдь журналы наши были въ теченіе не то что десяти, но двадцати-пяти лѣтъ — источниками образованія для нашей публики.

Ясное дѣло, что редакціи ихъ не были достаточно приготовлены литературно, чтобы достойно называться редакціями или исполняли дѣло свое съ чисто «россійскимъ» нерешествомъ. Главнымъ образомъ, они были только на интересы послѣдней минуты, а обо всѣхъ остальныхъ обязанностяхъ вислолько не заботились. Многіе же изъ нихъ, просто на просто занимались «битьемъ по карманамъ», употребляя циническое, но мѣткое выраженіе покойнаго Сеяковского.

И такъ, энциклопедизмъ, хотя и поверхностный бывалаго времени, замѣнился въ наше время замѣчательнымъ невѣжествомъ и замѣчательнымъ же равнодушіемъ къ какому бы то ни было невѣжеству. Всякій интересъ къ европейской литературѣ и къ европейской исторіи исчезъ въ публикѣ, оставшись только въ университетахъ и спеціалитетахъ.

Въ самыхъ университетахъ ознакомленіе съ гуманными наукамъ потеряло свой прежній, общій охватывавшій всю науку характеръ, а получило характеръ частный, монографическій, характеръ подробнаго ознакомленія съ частями науки и съ ученымъ методомъ разработки, что очень хорошо въ повсемѣстно и классически образованной Германіи и очень выгодно для преподавателей какъ ученыхъ, — но едва ли полезно такъ для слушателей, которые большею частью, досель еще по старой памяти

..... учились пошлаго
Чему-нибудь и какъ-нибудь,

какъ по необходимости сжатое, но по возможности цѣльное изложеніе недавняго бывалаго времени, эпохи Грановскихъ, Рѣдкихъ, Рулье и т. д.

Не думайте, сдѣлайте милость, господа «сужные» люди, чтобы я вопіялъ на сильное развитіе спеціализма въ знаніяхъ... Я волю только и конечно въ пустынѣ, на развитіе его во вредъ полнотѣ и цѣльности гуманнаго образованія, волю на то, что отсутствіе этого общаго гуманнаго образованія, не вознаграждается пока еще ничѣмъ въ нашемъ умственномъ и нравственномъ развитіи...

Знаніе, хотя и по наслышкѣ, явленій европейской жизни и литературы, обязательное для всѣхъ образованныхъ, и тѣмъ болѣе ищущихъ людей въ прежнюю эпоху, приносило нѣрѣдко значитель-

ные результаты, ибо не востѣхъ же было оно знаніемъ только по наслышкѣ. Имена великихъ дѣятелей европейской мысли и жизни, носившіяся тогда въ воздухѣ, звучавшія въ ухахъ каждаго читателя, иногда вѣдъ будили же интересъ и до ближайшаго, непосредственнаго съ ними знакомства. Поверхностныя журнальныя статьи о нихъ, неизбежныя въ каждой книжкѣ тогдашнихъ журналовъ, все-таки что-нибудь сообщали о ихъ дѣятельности и это сообщаемое становилось нашимъ капиталомъ и капиталъ этотъ нерѣдко у многихъ приносилъ проценты... Въ наше же время статьи подобнаго рода, если онѣ не приправлены какими-либо приностями, остаются въ журналахъ неразрѣзанными.

Эпоху поверхностнаго энциклопедизма смѣнила у насъ съ 1836 года другая эпоха, которую можно назвать философскою, или по крайней мѣрѣ, эпохою философскаго броженія. Она еще такъ свѣжа въ памяти многихъ, что говорить о ней пространно — незачѣмъ. Дѣятельность Кирѣевскаго, Надеждина, Хомякова, Станкевича, пламенная пропаганда Бѣлинскаго, безошадный анализъ писемъ о двллетантизмѣ и писемъ объ изученіи природы, возвышенная рѣчь Грановскаго — еще какъ будто и до сихъ поръ не отзвучали для насъ.

Пусть въ эту эпоху мы часто шарлатанили, пусть не разъ глубокомысленно трактовали мы о мнѣѣ Прометей и другихъ подобныхъ, «связывающихъ на размышленіе» предметахъ, цѣликомъ перевода изъ «Deutsche Jahrbücher»; пусть ни одна, самая простая мысль не приходила тогда безъ извѣстныхъ туманныхъ формъ; но поколѣвіе Бельтовыхъ и Рудиныхъ само мыслило серьезно и мучительно, и учило Лежневыхъ мыслить... Въ этомъ, я думаю, едва ли можетъ быть какое сомнѣніе.

Глубокое и вѣками купленное мышленіе Германіи, это смѣлое мышленіе, стремившееся постоянно, въ лицѣ своихъ великихъ представителей — Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, захватить цѣлость міровой жизни, вывести ее всю изъ одного принципа, — это мышленіе, раздвиненное съ жизнью у самихъ мыслителей Германіи, въ насъ находило себѣ и жрецовъ и вѣстѣ жертвы...

Зная немного, но зная за то съ фанатическою вѣрою то, что знали, Рудины и Бельтовы прямо и непосредственно вносили въ жизнь убѣжденія, не остававливаясь въ процессахъ своего внутренняго міра ни передъ какими переворотами, ни передъ чѣмъ условнымъ... Да: они смѣло входили въ жизнь

... съ прекраснымъ упованьемъ,
 Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ ...

Они всё, одни конечно болѣе, другіе менѣе, вѣдали по многимъ душевнымъ опытамъ тяжкія страданія мысли...

Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движеніе,
 Страшна твоя борьба,
 Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушеніе.
 Неумолима какъ сама судьба.

Отъ старыхъ истинъ я отрекся правды ради,
 Для призраковъ давно я заперъ дверь...

Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради
 И все и все изорвано теперь!

Но они же вѣдали и минуты того горлаго торжества мысли, когда имъ, какъ поэту «Монологовъ» становился не страшенъ Мефистофель.

Припомните, какимъ упоеніемъ мысли дышатъ девять частей сочиненій Бѣлинскаго, который только уже съ половины сороковыхъ годовъ становится болѣе публицистомъ, чѣмъ философомъ, чтобы понять эту эпоху.

И между тѣмъ эта эпоха тревожаго броженія мысли пропала для настоящаго времени безслѣдно. Слѣды ея обнаружатся еще можетъ быть послѣ, но покамѣстъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы или занимаемся перетряскою вопросовъ, о которыхъ уже писалъ и много писалъ Бѣлинскій, или умиленно услаждаемся резонерствомъ г. — бова, не требующимъ отъ читателя никакого мышленія, даже и не желающимъ будить въ немъ ихъ собственнаго мышленія; теоріями г. Чернышевскаго — тоже доступными всѣмъ и каждому, какъ чисто отрицательныя или грубо положительныя; ласклыми философскими статьями, которыя ясны потому, что не ищутъ всеохватывающаго начала жизни. Маніей ли позитивизма, маніей ли бенекианизма заражаются наши современныя, даже и даровитые мыслители, стремленія ихъ равно не переходятъ изъ области мысли въ жизнь, равно не дѣйствуютъ на цѣльность природы человѣка по той простой причинѣ, что дѣйствовать цѣльно могутъ только философія и искусство, вещи сами по себѣ цѣльныя...

Почастный анализъ заступилъ мѣсто стремленій къ синтезу въ поучающемъ классѣ, а въ классѣ читающемъ и слушающемъ замѣтно совершенное отсутствіе работы мысли. Въ самыхъ впечатлительныхъ натурахъ, вмѣсто прежняго фанатизма вѣры или фанатизма безвѣрія, развился дешевой и легкой скептицизмъ... Да и зачѣмъ мыслить?... Г. Чернышевскій такъ убѣдительно доказываетъ, что

въ исторической жизни народовъ, все — вздоръ, кромѣ матеріальнаго благосостоянія; г. — бовъ такъ ясно видитъ повсюду одну глупость и подлость и съ такою ясностью излагаетъ намъ наши насущные интересы, что избавляетъ насъ отъ всякаго труда думать: позитивисты-философы такъ искусно обходятъ всѣ пункты, отъ которыхъ можно идти къ охватывающимъ цѣлостъ жизни принципамъ...

А между тѣмъ, мнѣ «ненужному» человѣку все кажется, что мы похожи на солдатъ, которые вполне вооруженные шли въ ночной темнотѣ, шли хоть и ощупью, но готовые на бой: на разсвѣтѣ, вдругъ, внезапно имъ указанъ другой пунктъ стремленія — и они бросились стремглавъ, побросавши даже оружіе...

Мнѣ все кажется также, что только то движеніе законно и вѣрно, въ которомъ сохраняется законъ солидарности, послѣдовательность, преемственности идей.

Вотъ вамъ на первый разъ мои сомнѣнія, сомнѣнія «ненужнаго» человѣка.

Вѣра въ одно, въ неисчерпаемыя тайны жизни, вѣра слѣдовательно, что жизнь умнѣе и меня и всѣхъ насъ «ненужныхъ» людей, взятыхъ совокупно, я вѣрю однако, что она умнѣе и самихъ «нужныхъ» людей, и потому-то считаю обязанностью, по крайнему разумѣнію, констатировать факты.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ НЕНУЖНЫХЪ ЛЮДЕЙ

ОБРАЗЦЫ ЧИСТОСЕРДЕЧІЯ

Представьте себѣ, что гдѣ-то, когда-то и въ какомъ-то обществѣ случилось слѣдующее происшествіе:

Собралось въ одномъ домѣ нѣсколько человѣкъ. Люди были *дѣловыя*, и потому тотчасъ же завели разговоръ о современныхъ вопросахъ. Зашла рѣчь о гуманности и о томъ, какъ слѣдуетъ понимать ее. Одинъ изъ говорившихъ высказалъ нѣсколько своихъ убѣжденій, довольно оригинальныхъ. Его сильно оспаривали. Но изъ всѣхъ слушателей, внимавшихъ господину съ оригинальными убѣжденіями, наиболѣе замѣчательнѣе былъ сидѣвшій отъ всѣхъ поодаль, до сихъ поръ молчавшій, но по лицу котораго можно было видѣть, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ своей очереди, чтобы вернуть и свое слово. Наконецъ при одномъ, наиболѣе оригинальномъ замѣчаніи господина съ оригинальными убѣжденіями, молчаливый слушатель вдругъ поднялся съ мѣста, быстро подошелъ къ спорщику, хотѣлъ было ему что-то сказать, но вдругъ, прежде чѣмъ вымолвилъ слово, размахнулся и далъ ему звонкую пощочину. Поднялась суматоха.

— Что съ вами случилось! завопилъ получившій пощочину, обращаясь къ дантисту и смотря на него въ крайней степени изумленія. Это изумленіе было такъ сильно, что, на минуту, заглушило въ немъ даже чувство гнѣва и мщенія; остолбенило его.

— Позвольте вамъ замѣтить, что вы совершенно не такъ понимаете гуманность... началъ дантистъ, скороговоркой, весь въ жару спора и кажется не замѣчая, что далъ пощочину.

— Что вы! образумьтесь! закричали со всѣхъ сторонъ.

— Это сумасшедшій. повторяли другіе.

— Развѣ теперь о гуманности дѣло? Опомнитесь! прокричалъ обиженный.

— Ахъ это вы о пощочинѣ-то! довольно спокойно проговорилъ тотъ, къ кому относились всѣ эти крики. — Вы пожалуйста не обращайтесь на нее вниманія. Я соглашаюсь, что увлекся. Такая право скверная привычка; вы меня разгорячили и у меня совершенно печально сорвалась пощочина. Но къ дѣлу: я именно хочу возразить, что гуманность, въ томъ значеніи какъ вы ее принимаете, не можетъ быть... и т. д. и т. д.

Какъ вы находите, поступокъ этого господина? Невозможнымъ? а если возможнымъ, то нелѣпымъ?

И однакожъ совершенно подобное случилось въ нашей литературѣ, по поводу оскорбленія г-жи Толмачевой сотрудникомъ «Вѣка». Дѣло идетъ объ извиненіяхъ и оправданіяхъ, представленныхъ редакціей «Вѣка» и ихъ сотрудникомъ публикѣ и г-жѣ Толмачевой. Эти извиненія очень похожи на объясненія и оправданія вышеозначеннаго господина, давашаго пощочину. Смотрите и судите:

Вы уже знаете начало и ходъ всего этого дѣла изъ статьи помѣщенной въ этомъ же номерѣ нашего журнала, подъ названіемъ: Оди́нъ поступокъ и нѣсколько ми́нній г. Камня Виногорова. Г. Михайловъ протестовалъ противъ Камня Виногорова въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.» И Камень Виногородъ и редакція «Вѣка» отвѣчали г. Михайлову въ 10-мъ номерѣ своего журнала. Вотъ отвѣтъ редакціи «Вѣка», цѣлникомъ, отъ слова до слова, безъ малѣйшаго выпуска.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ МИХАЙЛОВА

I

ОБЪЯСНЕНИЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ «ВѢКА»

Въ № 51 «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» появилась обвинительная статья противъ нашего журнала, г. Михайлова. Статья эта, присланная для помѣщенія и въ «Вѣкѣ» (см. замѣтку отъ редакціи № 9 «Вѣка» стр. 328) написана по поводу юмористической (!) замѣтки Камня Виногорова...

Этн господа называютъ въ высшей степени оскорбительную замѣтку Камня Виногорова юмористическою! и вѣдь серьезно. Вспомните, что редакція состоитъ изъ такихъ серьезныхъ людей.

.. По поводу юмористической замѣтки Камня Виногорова о чтеніи «Египетскихъ ночей» г-жею Толмачевой, на литературномъ вечерѣ, въ Перми (см. № 8 «Вѣка» «Русскія Диковинки»), г. Михайловъ съ жа-

ромъ протестуетъ противъ выхода Камня Виногорова отъбистелью женщины - не давшей никакого къ тому повода - и противъ его глумленія надъ поступкомъ женщины (т. е. публичнымъ чтеніемъ «Египетскихъ ночей») - смѣло заявившей этимъ, по словамъ г. Михайлова, свое пренебреженіе къ невѣжественнымъ предрасудкамъ. - Можно, говоритъ г. Михайловъ, не раздѣлять мнѣнія, которыя высказала г-жа Толмачева, можно находить ихъ смѣшными, дикими, можно находить рѣшимость ея читать публично «Египетскія ночи» Пушкина велѣпою, все это, къ несчастью, (*) можно, еще и въ наше время. Но нѣтъ, конечно, челоѣка съ живымъ сердцемъ въ груди, который, зная настоящія общественныя условія и положеніе женщины, рѣшился бы публично оскорблять женщину и выдавать ее головою на посмѣяніе и обиду глумцамъ и невѣждамъ. Затѣмъ г. Михайловъ обвиняетъ Камня Виногорова въ искаженіи смысла фельетона «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» (о литературномъ вечерѣ въ Перми), по поводу котораго написана означенная юмористическая замѣтка и ставитъ въ упрекъ редакціи «Вѣка» допущеніе статейки Камня Виногорова въ своемъ журналѣ.

Хороша статейка!

Мы изложили содержаніе статьи г. Михайлова; опубликованіе ея въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» освобождаетъ редакцію «Вѣка» отъ обязанности давать ей мѣсто на *страницахъ* своего журнала...

Не совсѣмъ; подписчикъ «Вѣка» можетъ не получать «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», слѣдовательно не зная отвѣта г. Михайлова вполнѣ. Эти дѣла надо вести на чистоту. Впрочемъ, продолжаемъ нашу выписку; у редакціи «Вѣка» была другая причина:

...на страницахъ своего журнала, тѣмъ болѣе, что, по своему тону и своимъ литературнымъ формамъ, эта статья нисколько не соотвѣтствуетъ характеру, преобладающему въ нашемъ журналѣ.

Это замѣчательно. Слѣдственно статья Виногорова, помѣщенная на *страницахъ* вашего журнала, по своему тону и по своимъ литературнымъ формамъ (особенно по тону) болѣе соотвѣтствуетъ характеру, преобладающему въ вашемъ журналѣ?

Въ Замѣткѣ своей въ № 10, редакція «Вѣка» уже принесла свое *чистосердечное* извиненіе за допущеніе нѣкоторыхъ неосмотрительныхъ выраженій, вкрапившихся въ юмористическую статейку Камня Виногорова; редакція «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», печатая статью г. Михайлова подъ громкимъ названіемъ *безобразнаго поступка «Вѣка»* (**)

(*) Подчеркнуто редакцію «Вѣка».

(**) Подчеркнуто редакцію «Вѣка».

обязана была сообщить своимъ читателямъ и объ означенномъ поступкѣ «Вѣка». Такое упущеніе со стороны редакціи «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», впрочемъ, весьма для насъ понятно и сообразно съ обычаями нѣкоторыхъ журнальныхъ редакцій, посвятившихъ свою дѣятельность исключительно на отыскиваніе *безобразій* (*) въ другихъ редакціяхъ. Тѣмъ неменѣе мы считаемъ, что послѣ упомянутой Замѣтки нашей, въ миѣніи какъ публики, такъ и литературы, не можетъ быть теперь и *тѣни сомнѣнія* относительно взгляда редакціи «Вѣка» на нѣкоторыя выраженія Камня-Виногорова (по поводу чтенія г. Толмачевой), подвергнувшіяся обвиненіямъ г. Михайлова; и затѣмъ мы смѣемъ думать, что со стороны нашей сдѣлано было въ этомъ отношеніи *все, что только въ границахъ литературныхъ приличій и обязанностей могло быть сдѣлано*.

Рѣшительно исторія о пощочинѣ! Но прервемъ на время эту выписку и выпишемъ ту замѣтку рѣдакціи «Вѣка», въ которой она, по ея словамъ, принесла чистосердечное извиненіе за допущеніе неосмотрительныхъ выраженій и т. д. и за которую она упрекаетъ «С. Петербургскія Вѣдомостя», не помѣстившія эту извинительную замѣтку на столбцахъ своей газеты. Вотъ эта замѣтка:

Замѣтка отъ редакціи. Настоящій номеръ «Вѣка» былъ уже напечатанъ, когда мы получили отъ М. Л. Михайлова письмо по поводу помѣщенной въ послѣднемъ номерѣ нашего журнала юмористической замѣтки о г-жѣ Толмачевой (см. отдѣл. *Русскія Диковинки*). По необходимости, отложивъ печатаніе означеннаго письма, вполне или въ извлеченіи (съ сохраненіемъ всей его сущности), редакція «Вѣка» сообщаетъ, что *по общему содержанию* (**) статьи г. Михайлова она не замедлитъ представить свое объясненіе, но что касательно *неосмотрительныхъ* выраженій, вкравшихся въ статью г. Виногорова, она еще до полученія письма г. Михайлова, сама приняла *всѣ мѣры* и употребила средства, какими только располагать можетъ, для заавленія г-жѣ Толмачевой чистосердечнаго своего извиненія.

Нѣтъ, господа, это не такъ. Тутъ недостаточно сказать: извините, я увлекся, какъ сказалъ господинъ, давшій пощочину другому господину, и считать, что уже приняты *всѣ мѣры* и употреблены *всѣ средства*, какими только можно было располагать, для изъясненія чистосердечнаго извиненія. Нѣтъ господа, тутъ нѣтъ чистосердечія. Какое же тутъ чистосердечіе, если вы называете статью Виногорова *юмористическою*, а выраженія его только *неосмотрительными*, да еще говорите: *оказались выраженія*. Когда вся статья со-

(*) Подчеркнуто редакціею «Вѣка».

(**) Подчеркнуто редакціею «Вѣка».

стоятъ изъ этихъ выравшихся выражений. Юмористическая статья! Это по вашему юморъ! *неосмотрительныя* выраженія! Да вѣдь подъ этими выраженіями посовѣстился бы подписаться комаринскій мужикъ; и не только комаринскій мужикъ, а можетъ быть даже и самъ г. Аскоченскій. Ну можетъ ли быть, чтобъ вы, люди умные, этого не понимали! Нѣтъ, тутъ именно недостаетъ чистосердечія. Вамъ надо было, для извѣстныхъ цѣлей, покрыть своимъ редакторскимъ покровительствомъ Виногорова, — вотъ вы и покрываете его, хоть можетъ быть сами возмущаетесь противъ этой статьи. Вы говорите: «мы извинились, чего же больше? Но мы опять повторяемъ, что тутъ недостаточно сказать: извините, какъ сказалъ господинъ, давшій пощину другому господину. Извиненіе въ такихъ формахъ не удовлетворяетъ, а усугубляетъ обиду. Правда, въ обычаяхъ западнаго дворянскаго point-d'honneur'a сохранилось, говорятъ, правило, что если дворянинъ, давшій другому дворянину пощину, согласится сказать ему, въ видѣ извиненія за обиду только: J'en suis fâché, то обиженный *можетъ* считаться удовлетвореннымъ. Но развѣ это рыцарское правило примѣнимо къ нашему вѣку? особенно когда въ дѣло замѣшаны такіе рыцари, какъ Виногородъ. А вѣдь вы почти на этомъ настаиваете; вы кивнули головой, сказали, что вамъ жаль, что въ юмористическую статейку вкралась *неосмотрительныя* выраженія и думаете, что этого довольно.

Кстати г. Виногородъ въ своемъ собственномъ отвѣтѣ г. Михайлову толкуетъ о рыцарствѣ и упрекаетъ г. Михайлова въ недостатки рыцарскихъ правилъ! Нечего сказать, хорошъ знатокъ рыцарства! И редакція «Вѣка» допустила отвѣтъ Виногорова на *страницы* своего журнала? Развѣ такъ надо было поступить съ Виногородымъ?

Но послушаемъ, что редакція «Вѣка» говоритъ дальше въ своемъ объясненіи.

Высоко ставя нравственное самовоздержаніе литературы...

— Какъ! нравственное самовоздержаніе послѣ статьи Виногорова! Послѣ того какъ вы печатно признали его отягчительныя клеветы *юмористическими* и *неосмотрительными* выраженіями!

.. в признавая нравственный отпоръ ея лучшимъ оружіемъ противъ всякихъ нарушеній литературныхъ приличій...

Хорошо приличіе!

...мы полагаемъ, что въ настоящемъ случаѣ нѣсколько строкъ замѣтки редакціи «Вѣка» послужили этому важному дѣлу гораздо болѣе, чѣмъ могутъ послужить всякіе протесты на страницахъ другихъ жур-

валовъ, какъ бы ни былъ, подобно статьѣ г. Михайлова, тщательнѣ подборъ рѣзкихъ выраженій и горячихъ фразъ негодованія.

Каково! да почему же, на какомъ это основаніи нѣсколько строкъ редакціи «Вѣка» послужили дѣлу болѣе, чѣмъ могли бы послужить всѣ протесты журналовъ? Да чѣмъ же считаетъ себя редакція «Вѣка» что, такъ высоко цѣнить нѣсколько словъ своихъ, — эта редакція, которая сожалѣетъ о *окрашившихся* выраженіяхъ, и извинялась передъ г-жею Толмачевой, въ тоже время оправдываетъ Виногорова (именно тѣмъ, что называетъ его выраженія *только* неосмотрительными и помѣщаетъ отвѣты его въ своемъ журналѣ); мало того, она даже защищаетъ Виногорова, что увидимъ мы ниже. И послѣ этого она считаетъ *нѣсколько своихъ словъ*, высказанныхъ въ видѣ извиненія, въ такой формѣ и при такой обстановкѣ, совершенно-достаточнымъ удовлетвореніемъ для г-жи Толмачевой, и даже значительнѣе чѣмъ все, что могли бы сказать другіе журналы! Какое забавное высокомеріе!

Обращаясь затѣмъ (продолжаетъ редакція «Вѣка») къ сущности юмористической замѣтки Камня-Виногорова относительно публичнаго чтенія въ Перми «Египетскихъ Ночей», редакція «Вѣка» позволяетъ себѣ рѣшительно не соглашаться со взглядомъ на этотъ предметъ, высказаннымъ въ статьѣ г. Михайлова, съ мыслями его о смѣлости женщины, ставящейся посредствомъ подобнаго чтенія, выше невѣжества толпы, о *несчастіи* (*) тѣхъ, которые не могутъ сочувствовать такимъ проявленіямъ смѣлости женщинъ, объ оскорбленіи, нанесенномъ всѣмъ русскимъ женщинамъ шуткою надъ такими общественными явленіями и проч.

Не соглашаться всякій можетъ. Невозможно ни у кого отнять права имѣть свое мнѣніе; но съ самымъ мнѣніемъ можно не соглашаться. Все это какъ слѣдуетъ. Но далѣе слѣдуютъ чрезвычайно любопытныя строки; это попытки оправдать Виногорова, доказывая, что онъ въ статьѣ своей вовсе не напалъ на г-жу Толмачеву, а только на пермскаго корреспондента «С. Петербургскихъ Вѣдомостей.»

Мы рѣшительно не понимаемъ, что можетъ выиграть общественное положеніе русской женщины отъ публичнаго чтенія «Египетскихъ ночей», и считаемъ пока такое заявленіе со стороны нашей совершенно достаточнымъ. Но здѣсь мы обязаны только замѣтить, для устраненія всякихъ недоразумѣній, что предметомъ *шутки* Камня-Виногорова была

(*) Подчеркнуто редакціей «Вѣка».

вовсе не г-жа Толмачева, не поступки г-жи Толмачевой и не мысли г-жи Толмачевой о своемъ чтеніи; предметомъ шутки была только г-жа Толмачева, какую ее изобразилъ фельетонъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» или лучше диѳирамбъ въ пользу чтенія «Египетскихъ Ночей» женщинами, а не дѣйствительная г-жа Толмачева, на личность которой ни редація «Вѣка», ни безъ сомнѣнія, юмористъ никогда не позволяютъ себя послынуть. Предметомъ такой же шутки можетъ быть и статья самаго г. Михайлова. Затѣмъ необходимое въ этомъ случаѣ упоминовеніе имени г-жи Толмачевой должно уже пасть всею своею тяжестью на отвѣтственность фельетониста «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», ибо сама г-жа Толмачева въ дѣйствительности можетъ быть вовсе не раздѣляетъ мыслей неудачныхъ толкователей своего чтенія.

Каково оправданье! Вотъ ужъ значить желали оправдаться во чтобы ни стало. Какое шаткое, какое жалкое оправданіе! Ребенокъ, и тотъ бы не сталъ такъ оправдываться.

Помилуйте! вы утверждаете, что предметомъ шутки вашего юмориста была не дѣйствительная г-жа Толмачева, а та, какую ее изобразилъ фельетонъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей.» Во-первыхъ, почему вы знаете навѣрно, что фельетонъ «Вѣдомостей» изобразилъ ее не такъ какъ она есть въ дѣйствительности и исковеркалъ ея слова и мнѣнія? Ну, что если г-жа Толмачева дѣйствительно такая, какъ изобразилъ ее корреспондентъ, и всѣ ея слова и мнѣнія переданы вѣрно? Тогда вы вправѣ такъ глумиться надъ нею, такъ оскорблять ее? Вѣдь вы глумитесь и оскорбляете только *из предположеніи*, что она не такая въ дѣйствительности: какъ же можно въ такомъ дѣлѣ основываться на одномъ предположеніи? А ну, если предположенія ваши невѣрны — стало быть всѣ ваши оскорбительныя выраженія примѣнены къ г-жѣ Толмачевой, дѣйствительно существующей? А во вторыхъ положимъ, что вы справедливы въ вашей догадкѣ; положимъ, что г-жа Толмачева никогда такъ не говорила и не думала и корреспондентъ ошибся. (Мало ли чего не можетъ быть! Вѣдь можетъ быть даже, что не только мнѣній и словъ такихъ не было, но даже и чтенія «Египетскихъ Ночей» не было, ничего не было, а статья въ фельетонѣ «Спб. Вѣдомостей» была не болѣе какъ шутка изъ провинціи, пуфъ, — вѣдь изъ ста тысячъ можетъ быть одинъ такой случай!) Но что же изъ этого? Покаместъ вы не убѣдились въ этомъ *навѣрно*, вы все-таки должны помнить, что въ фельетонѣ «Спб. Вѣдомостей» выставлено имя, объявленное дѣйствительнымъ, называется лицо: жена статскаго совѣтника г-жа Толмачева, въ Перми. Развѣ можно упоминать въ такихъ ругательныхъ выраженіяхъ дѣйствительно суще-

ставящее имя, оправдывая себя только тѣмъ, что это не надъ той г-жей Толмачевой, а надъ другой, изображенной корреспондентомъ? Да одно только упоминаніе ея имени *среди такихъ шутокъ*, которыя позволилъ себѣ вашъ юмористъ, уже въ высшей степени не деликатно и оскорбительно для названнаго выше лица. Неужели вы не понимаете этого гг. редакторы? Неужели вы не догадываетесь сколько тутъ грубости и оскорбленія и считаете себя вправѣ печатать эти не деликатности (по вашему шутки) на томъ только основаніи, что корреспондентъ могъ не такъ передать слова г-жи Толмачевой. Если вы не понимаете этого, то представьте себя на мѣстѣ г-жи Толмачевой

- Угодно-ль на себѣ примѣрить? -

Представьте, что объ васъ кто-нибудь написалъ и напечаталъ похвальное слово; напечаталъ неловко и даже смѣшно, а кто-нибудь, придравшись къ этому случаю, принялся бы примѣрять ваше имя, вашу личность къ такимъ постыднымъ дѣламъ, выставлять васъ въ такомъ срамномъ видѣ. Поставилъ бы васъ въ такую отвратительную позицію, сталъ бы глумиться надъ вами, поставленными для примѣра, въ эту позицію, ругаться, плевать; сталъ бы приписывать вамъ намѣренія и поступки, возмутительныя, жалкія и смѣшныя и вездѣ бы упоминалъ ваше имя, съ яростнымъ наслажденіемъ, осмѣивая, карриатура его, оправдываясь только тѣмъ, что это онъ такъ шутитъ, а что въ дѣйствительности этого можетъ еще и нѣтъ, это дескать, еще не доказано. Что? хорошо бы вамъ было? Каково же это для женщины? Но что же, повторяемъ опять, если всѣ мнѣнія и выраженія г-жи Толмачевой переданы корреспондентомъ вѣрно? Какова для нея обида тогда? И наконецъ позвольте: вы утверждаете, что Виногоровъ смѣялся вовсе не надъ дѣйствительной г-жей Толмачевой, а надъ дифирамбомъ корреспондента. Но какое же отношеніе имѣеть корреспондентъ, вапримѣръ, къ такому оскорбленію?

(Выписываемъ изъ статьи Виногорова).

Теперь статьи Стюарта Милля, Михайлова и т. д. оказываются совершенно бесполезными; дѣло освобожденія женщинъ началось. Русская дама, статская совѣтница, явилась передъ публикою въ видѣ Клеопатры, произнесла предложеніе «Купить цѣною жизни ночь ея» и какъ произнесла! Не могу опять удержаться отъ восхитительной выписки изъ письма корреспондента нашей удивительной политической газеты: «Большіе глаза ея то загорались, то меркли и погасали... (ахъ! какъ это должно было быть хорошо!) все лицо ея намѣнялось безпрестанно, принимая то цѣжно-страстное, то гжучее, то неумолимо-суро-

вое, то горделиво-вызывающее (ого!!) выражение. Стихъ, слѣдующій за предложеніемъ Клеопатры купить ночь цѣною ея жизни, извѣстный етакъ: «И взоръ презрительный обводитъ вокругъ поклонниковъ своихъ», прочитавъ былъ, дѣйствительно, съ такимъ выраженіемъ презрѣнія и злой насмѣшки; молодая женщина такимъ взоромъ обвела при этомъ безмолвную толпу, что будь это въ театрѣ — зала, навѣрно, потряслась бы отъ аплодисментовъ.»

Я не театральная зала, но и я потрясся отъ аплодисментовъ, прочитавъ эти удивительныя строки. *Не совсѣмъ я понялъ только — какое отношеніе имѣли посетители пермскаго литературнаго собранія, слушавшіе г-жу Толмачеву, къ поклонникамъ Клеопатры; а отношеніе впрямую, было, потомучто, иначе, зачѣмъ бы г-жѣ Толмачевой обводить толпу взоромъ презрѣнія и злой насмѣшки. Но какъ неизвѣстны пермска тайны, и оттого понятно, что я тутъ ничего не понялъ..*

И это у васъ называется шутками и юморомъ, гдѣ редакторы? Это по вашему юмористъ?

Теперь я спрашиваю всѣхъ читателей: какое отношеніе имѣеть то, что мы подчеркнули въ нашей подстрочной выпискѣ изъ Виногорова, съ неловкимъ и невѣрнымъ (предположивъ это) изображеніемъ г-жи Толмачевой пермскимъ корреспондентомъ? Тутъ говорится прямо и ясно про г-жу Толмачеву, т. е. про дѣйствительное существующее лицо, и удостовѣряется, что *отношеніе, впрямую, было.* Но, скажетъ редакція: Виногоровъ предполагаетъ, что *отношеніе было*, только вслѣдствіе изображенія г-жи Толмачевой корреспондентомъ, а настоящая г-жа Толмачева, вѣрно не такая, слѣдственно слова объ «отношеніи» къ ней не относятся. Но по первымъ: изъ какихъ же словъ, изъ какихъ мнѣній, *приближенныхъ* г-жѣ Толмачевой неловкимъ корреспондентомъ, можно заключить, что такія *отношенія впрямую были*? Не изъ того ли, что она обвела залу взглядомъ «презрѣнія и злой насмѣшки»? Въ самомъ дѣлѣ именно на этомъ и основывается Виногоровъ: «Отношеніе, впрямую, было, говоритъ онъ, — потомучто, иначе, зачѣмъ бы г-жѣ Толмачевой обводить толпу взоромъ «презрѣнія и злой насмѣшки». Такъ на этомъ только! Такъ изъ одной неосторожности читательницы, желавшей прочитать лучше и увлекшейся чтеніемъ, основать такое страшное обвиненіе, да еще подтверждать, что *отношеніе впрямую было*, иначе зачѣмъ бы и т. д. — Ну, а что если корреспондентъ не ошибся и передалъ вѣрно? Такъ изъ одного жеста, печатно, публично, обвинять женщину, дѣйствительно существующую, названную по имени! Господи Боже! Неужели жъ это юморъ? Неужели жъ, если даже и корреспондентъ передалъ невѣрно, позволено упоминать извѣстное имя рядомъ съ такимъ предположе-

вѣрны, принимая это имя къ такимъ обвиненіямъ? Да и наконецъ, что мы дѣти, что ли? Гдѣ тутъ, въ этой фразѣ г. Виногорова, говорится или намекается, что рѣчь идетъ не о дѣйствительной г-жѣ Толмачевой? Г. Виногородъ стушовывается и объявляетъ, что онъ говоритъ вовсе не о г-жѣ Толмачевой. Перечтите эту фразу: о комъ же тутъ сказано? Вѣрно ли, невѣрно ли передалъ корреспондентъ, — о комъ тутъ сказано? Намъ отвѣтять: настоящая г-жа Толмачева не обвела бы залу съ выраженіемъ презрѣнія и злой насмѣшки, а если корреспондентъ увѣряетъ, что обвела, то во первыхъ значить это не настоящая г-жа Толмачева, а во вторыхъ если ужъ обвела, то *отношенія впрямую были.*

Вотъ логика редакціи «Вѣка».

Но почему жъ, повторяемъ еще разъ, почему жъ знаете вы, что настоящая г-жа Толмачева не обвела бы залу такимъ взглядомъ и вслѣдствіе такого соображенія, такъ безопасно позволяете себѣ защищать Виногорова, выдумавшаго такую адскую клевету; а во вторыхъ, изъ чего слѣдуетъ вѣроятность «*отношеній*» потому только, что обведена взглядомъ зала и слушатели, бывшіе въ залѣ?

И это юморъ? И это вы называете шутками?

И это у васъ только *неосмотрительныя* выраженія! Но вы утверждаете, что извинились въ этихъ *неосмотрительныхъ* выраженіяхъ. Хорошо же извиненіе, когда вы сами говорите, — что все это *только шутка* и что «необходимое въ этомъ случаѣ упоминованіе имени г-жи Толмачевой должно уже пасть всею своею тяжестью на отвѣтственность фельетониста Сиб. Вѣдомостей, ибо сама г-жа Толмачева въ дѣйствительности *можетъ быть* вовсе не раздѣляетъ мыслей неудачныхъ толкователей своего чтенія».

Сами вы говорите: *можетъ быть*, слѣдовательно навѣрно не знаете; слѣдственно, если въ дѣйствительности г-жа Толмачева раздѣляетъ мысли толкователей своего чтенія (тѣмъ болѣе что ея собственныя слова, приведенныя корреспондентомъ чрезвычайно умны и основательны, — и трудно предположить, чтобы они были выдуманы) — то вы считаете себя *вправъ* изобрѣтать на ея счетъ такія предположенія? И наконецъ, почему упоминованіе имени г-жи Толмачевой въ *шуткахъ* г. Виногорова, должно пасть *всею своею тяжестью* на отвѣтственность фельетониста Вѣдомостей? На какомъ это основаніи? по какой логикѣ? корреспондентъ изобразилъ невѣрно, исказилъ (положимъ такъ) — такъ вы послѣ этого вправѣ допустить то что говорить у васъ г. Виногородъ о пермскихъ тайнахъ? или такую фразу: «Долой всякая стыдливость, долой женственность, долой свѣтскія приличія; — васъ приглашаетъ къ этому г-жа Толмачева и почтенный панетористъ ея;» т. е. пригла-

шаетъ не г-жа Толмачева, изображенная невѣрно своимъ панегристомъ, а *г-жа Толмачева и панегиристъ ея*; тутъ именно говорится о самой г-жѣ Толмачевой. Вправдѣ ли наконецъ Виногоровъ предлагать г-жѣ Толмачевой прочесть другое стихотвореніе Пушкина:

«Нѣтъ я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ».

и восклицаетъ:

Прочтите, прочтите *г-жа Толмачева!* При чтеніи его можно еще лучше принимать *вызывающее* *) выраженіе и дѣлать еще *болѣе выразительныя жесты!* Ужъ коли эмансипироваться, такъ до конца! Зачѣмъ останавливаться на полдорогѣ?

Какая гадость! Ну не подымаетъ ли это сердца отъ негодованія! И гдѣ, скажите ради здраваго смысла, гдѣ тутъ хоть какой-нибудь намекъ, что это обращеніе съ просьбой о выразительныхъ жестахъ сдѣлано не къ г-жѣ Толмачевой; не прямо къ ней, а къ какой-то фантастической, несуществующей г-жѣ Толмачевой, къ той, которую изобразилъ корреспондентъ. Хоть бы одинъ намекъ былъ во всей статьѣ Виногорова, что онъ говоритъ о другой г-жѣ Толмачевой; что онъ оспариваетъ корреспондента и утверждаетъ, что настоящая г-жа Толмачева не такая. Хоть бы оговорился онъ гдѣ! Ну какъ повѣрить ему, если послѣ такихъ ясныхъ *обращеній и соловьевъ* онъ вдругъ испугался и сталъ отпираться:

— Нѣтъ, дескать, это не я, я ничего, это право не я, это корреспондентъ, а я не виноватъ!

И редакція «Вѣка» называетъ подобныя оскорбленія женщинами *неосмотрительными!* Да чтожъ онъ лунатикъ что ли? въ лунатизмѣ писалъ? Ну какъ представить, что все это было написано *отъ неосмотрительности?* Что за комическое оправданіе. Хоть бы взяли какое-нибудь другое слово, а то: *неосмотрительность*.

Мало того: редакція «Вѣка» помѣщаетъ еще на своихъ страницахъ отвѣтъ самаго г. Виногорова — отвѣтъ г. Михайлову.

Чего нѣтъ въ этомъ отвѣтѣ? Виногоровъ говоритъ, что онъ съ изумленіемъ узналъ объ себѣ, изъ статьи г. Михайлова, такія вещи, которыя ему и въ голову не приходили. (Чтожъ онъ во снѣ, что ли писалъ свою статью?) Далѣе говоритъ, что г. Михайловъ «обвиняющій меня въ циническомъ неприличіи, самъ тутъ же забылъ всѣ приличія, и заговорилъ такимъ тономъ, который допускается только въ состояніи изступленія нравственнаго или умственнаго разстройства, и вообще, въ состояніи ненормальномъ».

(*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Каково! Г. Виногоровъ говоритъ о приличіяхъ и упрекаетъ г. Михайлова, что онъ говоритъ съ нимъ въ нехорошемъ тонѣ! Да въ какомъ же еще тонѣ говоритъ г. Михайлову? Каково!

Но вотъ еще выписки изъ «отвѣта» Виногорова г. Михайлову:

Въ самомъ дѣлѣ, что вызвало мою замѣтку? Ужь конечно не желаніе очернить г-жу Толмачеву, положимъ даже, что у меня, какъ изволить выражаться г. Михайловъ, вмѣсто сердца комъ грязи; но я, также какъ и г. Михайловъ, не имѣю чести знать г-жу Толмачеву лично и если г. Михайловъ узналъ ея имя въ первый разъ изъ статьи «Вѣстк.», то я узналъ его въ первый разъ изъ статьи «С. Петербургскихъ Вѣдомостей».

Какая логика! Слѣдственно потому только, что г. Виногоровъ не знаетъ лично г-жу Толмачеву, онъ имѣетъ право ее оскорблять? По крайней мѣрѣ, онъ оправдываетъ себя этимъ. Вотъ еслибъ онъ лично ее зналъ, тогда г-жа Толмачева могла бы принять статью г. Виногорова за личное себѣ оскорбленіе; но такъ какъ онъ узналъ ея имя только изъ «Спб. Вѣдомостей», то объ этомъ имени можно ужъ все говорить, даже и о «вѣроятности отношеній» даже и о «выразительныхъ жестахъ»? Да что за дѣло, что онъ не зналъ лично? Вѣдь въ «Вѣдомостяхъ» обозначено было, что г-жа Толмачева лицо дѣйствительно существующее, жена такого-то и живетъ въ Церм. Развѣ этого не довольно?

Я произнесъ ея имя (говорить г. Виногоровъ) только потому, что это имя было прописано en toutes lettres корреспондентомъ «Спб. Вѣдомостей»...

— Да; но какъ произнесла?

... Я не выводилъ на посмѣяніе женщину (*), а позволилъ себѣ только обезудать фактъ (**), сдѣлавшійся достояніемъ гласности. По моему глубокому убѣжденію, какой фактъ противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ объ истинной женственности; по моему глубокому убѣжденію, между тою чопорною pruderie, на которую напалъ корреспондентъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» и совершенною беззастѣнчивостью есть еще большая разница. Вотъ, что я имѣлъ въ виду, когда писалъ свою замѣтку, подъ страннымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня статьею «С. Петербургскихъ Вѣдомостей».

До вашихъ «глубокихъ убѣжденій» въ настоящемъ случаѣ намъ всѣмъ нѣтъ никакого дѣла. Дѣло въ томъ какъ выразили вы ваши

(*) Подчеркнуто г. Виногоровымъ.

(**) Подчеркнуто г. Виногоровымъ.

убѣжденіа. Если вы не соглашались съ г-жею Толмачевою, то изъ этого еще не слѣдовало говорить о пермскихъ тайнахъ и дѣлать оскорбительныя предположенія еще о болѣе «выразительныхъ жестахъ.» Г. Виногоровъ называетъ это впрочемъ: «обсудить фактъ». Если онъ въ такой формѣ только *обсуждаетъ*, въ какой же формѣ онъ послѣ этого ругается? Опъ, видите ли, не выводилъ на посмѣяніе женщину. Да вы камаринскимъ тономъ вашей статьи оскорбили не одну женщину, а всѣхъ женщинъ, доказавъ, что въ Россіи объ русскихъ женщинахъ (дѣйствительно существующихъ) можно печатно говорить такимъ языкомъ, да еще находить защитниковъ и оправдателей. И послѣ этого редація «Вѣка» сердится на провѣсты!

Повторяю: (продолжаетъ г. Виногоровъ) передо мной была не г-жа Толмачева, передо мной былъ корреспондентъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», описывавшій чтеніе «Египетскихъ ночей» женщиною, въ публичномъ собраніи и описывавшій это самымъ смѣшнымъ, самымъ циническимъ образомъ.

Такъ вы бы и смѣялись надъ описаніемъ корреспондента. А вы что сдѣлали съ г-жею Толмачевою, тѣмъ болѣе, что по вашимъ же словамъ, были убѣждены, что корреспондентъ передалъ объ ней невѣрно?

Да, циническимъ — и я приглашаю всѣхъ обратиться къ означенной статьѣ, прочесть, на примѣръ, то мѣсто, въ которомъ корреспондентъ описываетъ манеру чтенія г-жи Толмачевой, и потомъ рѣшить — кто изъ насъ выводилъ на посмѣяніе г-жу Толмачеву: я или невѣстный апологистъ ея...

Нѣтъ г. Виногоровъ, сравненіе невозможно: невѣстный апологистъ вывелъ положимъ на посмѣяніе, но безсознательно, шавино, въ простотѣ своего восторженнаго и невиннаго сердца, а вы вывели не только на посмѣяніе, а ужъ на позоръ.

Но впрочемъ скажу нѣсколько и объ апологистѣ г-жи Толмачевой, тѣмъ болѣе, что и редація «Вѣка» основывается на его словахъ, чтобъ оправдать г. Виногорова. Это главный пунктъ ихъ оправданія.

Да, я читалъ это мѣсто у апологиста, которое приглашаетъ прочесть г. Виногоровъ.

Дѣйствительно трудно представить себѣ что-нибудь смѣшнѣе. Это или невѣстная, восторженная прогрессомъ душа, думавшая угораздитъ г-жѣ Толмачевой или... или, повторяю, все это будетъ пуфъ, т. е. письмо изъ Перми полложное, для произведенія скандала въ литературѣ. Отличился какой-нибудь шадуищъ. Жаль только, что

существованіе невиннаго и наивнаго корреспондента вѣроятнѣе. Удивляться тоже надо и «Спб. Вѣдомостямъ», помѣстившимъ у себя такую корреспонденцію, даже безо всякой оговорки, и тоже *наивно*. Но если я и отзываюсь такъ о корреспондентѣ, то имѣю въ виду только то мѣсто, гдѣ онъ описываетъ чтеніе. Тамъ же, гдѣ онъ передаетъ слова г-жи Толмачевой, онъ передаетъ умно; слова эти безспорны; свиданію въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго, и *въ теоріи* эти слова совершенно истинны.

Но развѣ можно, основываясь на этомъ чтеніи и на этихъ словахъ (какъ бы ни несоглашалась съ ними редакція «Вѣка» съ г. Виногооровымъ), развѣ можно основать такіа обвиненія противъ г-жи Толмачевой? Предположимъ, что сквозъ комическое описаніе корреспондента просвѣчивается правда. Предположимъ, что г-жа Толмачева дѣйствительно прочла «Египетскія ночи» съ одушевленіемъ. На какомъ же основаніи можно предположить изъ этого, что если читательница увлеклась красотой величайшаго художественнаго произведенія въ русской литературѣ и прочла его одушевленно, то стало-быть эта читательница имѣетъ «отношенія» и т. д., однимъ словомъ *въротно* (какъ говоритъ г. Виногооровъ) существуютъ пермскія тайны? Почему онъ судилъ? по выраженію лица, котораго еще самъ не видалъ, а только читалъ объ этомъ выраженіи у корреспондента. Но онъ, говорятъ, писалъ не о дѣйствительной г-жѣ Толмачевой, онъ только *примѣрлял* къ той, которую описывалъ корреспондентъ, основываясь на томъ, что г-жа Толмачева обвела при извѣстномъ стихѣ, взглядомъ залу и слушателей, и лицо ея имѣло въ эту минуту одушевленное выраженіе.

Ну, а если, что всего вѣроятнѣе, г-жа Толмачева дѣйствительно была такъ одушевлена при чтеніи (въ чемъ я не вижу ничего дурного, а нахожу дурнымъ только описаніе корреспондента), что тогда? Вѣдь тогда ваша примѣрка и ваши предположенія о *въротности* прихоятся прямо на счетъ г-жи Толмачевой? И редакція «Вѣка» еще находитъ въ этомъ свою защиту, оправдываетъ этимъ г. Виногоорова, — г. Виногоорова, обращающагося прямо къ г-жѣ Толмачевой съ предположеніемъ о жестахъ! И не устыдилась этого редакція?

Что же касается «собственно» до мнѣній г-жи Толмачевой и до ея поступка, то мы позволимъ себѣ только замѣтить одно:

Совершенно соглашаясь съ ея словами, приведенными въ статьѣ корреспондента, мы думаемъ только, что г-жа Толмачева поступила немного нѣлко и несвоевременно. Читать такое художественное произведеніе какъ «Египетскія ночи» Пушкина, вслухъ, въ обществѣ, разумѣется нисколько не стыдно, также точно какъ не стыдно останавливаться въ восторгѣ передъ Венерой Медицейской

на выставкѣ въ залѣ, гдѣ толпятся посѣтители всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ. Но въ обществѣ много предрасудковъ: обнаженныя статуи ставить передъ публикой принято; читать «Египетскія ночи» тоже можно; вѣдь прочелъ же ихъ импровизаторъ Пушкина. Но на женщину за это чтеніе возстануть. Женщинѣ у насъ еще нѣтъ такихъ правъ. Я отнюдь не говорю, что не должно быть такихъ правъ; напротивъ, я стою за права женщины всей душой моею. Я говорю только, что правъ этихъ покажѣсть нѣтъ и непремѣнно найдется какой-нибудь Виногоровъ, чтобъ пустить первый камень. Этой идеальной свободы пользованія своими правами женщинѣ еще не дано. Она установится, когда установится общество и укрѣпятся нравственныя правила въ обществѣ, тогда и женщинѣ позволятъ безнаказанно восхищаться художественнымъ произведеніемъ вслухъ, воспламеняться чистымъ, самымъ высокимъ художественнымъ восторгомъ при чтеніи его, и не станутъ *непремѣнно* подозрѣвать сладостраствыя помышленія въ этой чистой женщинѣ, низость пластическихъ желаній, не станутъ предполагать вслѣдствіе ея восторженнаго взгляда, упоеннаго художественнымъ наслажденіемъ, что вѣроятно тутъ есть египетскія тайны. Въ самомъ дѣлѣ, если женщина, дѣвица, непорочна и чиста, развѣ можетъ она чувствовать непремѣнно низкое желаніе при чтеніи хоть бы «Египетскихъ ночей»? И потому дай Богъ, чтобъ настала этотъ золотой вѣкъ поскорѣе, чтобъ нравственность укоренилась глубже, и тогда всѣ будутъ больше вѣрить другъ въ друга и перестанутъ подозрѣвать другъ друга въ низкихъ мысляхъ. На неразвитое, порочное сердце и Венера Медицейская произведетъ только сладострастное впечатлѣніе. Нужно быть довольно высоко очищеннымъ нравственно, чтобъ смотрѣть на эту божественную красоту не смущался. Слава Богу, такихъ людей уже встрѣчаешь довольно. Но много и г. Виногоровыхъ, а потому женщинѣ выходить передъ ними съ чтеніемъ «Египетскихъ ночей» значитъ выходить на бой. Притомъ же мнѣнія старыхъ маменекъ должно тоже уважить. Что же дѣлать, если онѣ смотрятъ еще на это своими глазами; онѣ опасаются за своихъ дочерей. Дѣйствительно, — для *отроческаго* возраста такое чтеніе *можетъ быть* даже опасно. Въ отроческомъ возрастѣ человекъ не сформированъ ни физически, ни нравственно и на него *Венера Медицейская* можетъ не производить полного художественнаго впечатлѣнія. Съ отроческимъ возрастомъ дѣйствительно надо нѣсколько *погодить*, однимъ словомъ, надо имѣть къ нему уваженіе. И потому маменьки въ этомъ случаѣ отчасти правы, но только въ этомъ случаѣ. Что же касается до другихъ случаевъ, то вѣдь ни маменекъ, ни папенокъ, не переубѣришь, ни переубѣдишь какимъ-нибудь публич-

нѣмъ чтеніемъ того, что по ихнему *непріятно* читать въ публикѣ. Зачѣмъ же идти противъ нихъ насильно, тѣмъ болѣе, что всякая пропаганда провозводится не силой, а добротой, лаской, любовью, снисхожденіемъ даже иногда къ предразсудкамъ.

Вотъ все, что я осмѣлюсь замѣтить по поводу чтенія г-жи Толмачевой. Надѣюсь, что я говорилъ не о пермскихъ тайнахъ «и не о выразительныхъ жестахъ». На все есть свое слово и своя манера. Только одни гг. Виногоровы этого не понимаютъ. Но вѣдь они юмористы.

Впрочемъ г. Виногоровъ извиняется; представьте что онъ пишетъ:

Но твердо стоя за свои убѣжденія, я считаю упрямство — однимъ изъ глупѣйшихъ недостатковъ человѣческихъ и всегда готовъ сознаться въ своей винѣ.

Въ какой же это винѣ, г. Виногоровъ?

Такъ и теперь: я сознаю и чистосердечно извиняюсь въ томъ, что напавши на принципъ, на совершившійся фактъ, совершенно *неволью* и все-таки подъ влияніемъ курьезнѣйшей въ своемъ родѣ статьи корреспондента «Спб. Вѣдомостей» — употребилъ нѣсколько такихъ выраженій, которыя *справедливо могутъ показаться глубоко оскорбительными для женщины*.

Что это? такъ вы сознаетесь, что употребили такія выраженія, которыя могли показаться глубоко оскорбительными для женщины, слѣдовательно сознаетесь, что вы оскорбили женщину. Да вѣдь это же я говорилъ г. Михайловъ: за что же вы на него сердились-то? какъ же вы ему-то не позволяете говорить? Да! вѣдь вы пишете, что вы оскорбили *неволью*! Рѣшительно не понимаю, какъ можно писать статью *неволью*, *безсознательно*, развѣ въ лунатизмѣ? Да... но вы были подъ впечатлѣніемъ; въ такомъ случаѣ ваше извѣщеніе лантиста, о которомъ я рассказывалъ выше:

— «Ахъ, это вы о пощочинѣ-то! Вы пожалуста не обращайтесь на нее вниманія. Я соглашаюсь, что увлекся, такая право скверная привычка, вы меня разсердили и у меня совершенно *нечаянно* сорвалась пощочина».

Но вѣдь людей, у которыхъ *нечаянно* срываются пощочки за это порицаютъ, чтобъ не срывалось у нихъ *нечаянно* пощочинъ. А васъ оправдываютъ, именно редакція «Вѣка».

Я такъ высоко ставлю достоинство женщины (финтить далѣе г. Виногоровъ) *такъ свято что ея права* (вотъ юмористъ-то!) — что эти

нѣсколько выраженной мнѣ, *выразившихся совершенно невольна (!) безъ всякаго злаго умысла*, — неприятно подѣйствовали на меня, можетъ быть, больше чѣмъ на когонибудь другого.

Ну, ужъ это вы слишкомъ! вы опять увлеклись, г. Виногоровъ, ужъ не *невольна ли?*

Такое откровенное сознаніе предъ лицомъ всего общества, ма-дюсь, сымаетъ съ меня позорный укоръ — въ умышенномъ оскорбленіи женщины.

Врядъ ли? Скажутъ только, что вы ступевываетесь, а дальше... врядъ ли!

Наковецъ, въ довершеніе своего въ высшей степени наглаго объясненія г. Виногоровъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько строкъ спустя.

Я не искажилъ ни одного слова г-жи Толмачевой, я перепечаталъ съ буквальною точностью тѣ выраженія ея, которыя показались мнѣ неумѣстными въ устахъ женщины, я смѣлся надъ фактомъ, передаваемымъ во всеуслышаніе корреспондентомъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей — и не прибавилъ отъ себя ни одного слова, *котораго могло бы исказить этотъ фактъ*. А клеветою называется только искаженіе факта, живая выдумка — а никакъ не *сужденіе* о томъ или другомъ.

Это уже изъ рукъ вонъ. И такъ «пермскія тайны», вѣролности «отношеній» и проч. были по вашему не искаженіе факта, не *кривавка*, не умышенное представленіе этого факта въ отвратительномъ видѣ? Это было по вашему только *сужденіе*! Что за странность! И неужели, неужели редакція «Вѣка» обравдываетъ Виногорова? Не вѣрю. Тутъ другой умыслъ. Тутъ просто не чистосердечіе.

Кстати: когда Тартювъ говоритъ Доринѣ, замѣтивъ, что у нея не прикрыта шея: — *прикройте это; это можетъ возбудить грѣшныя мысли*.

Дорина отвѣчаетъ ему:

А вы хоть все съ себя снимите, такъ не возбудите во мнѣ ни одной грѣшной мысли.

Этотъ забавный отвѣтъ мы рекомендуемъ вниманію г. Виногорова.

СВІСТОКЪ ВЪ РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Я сейчасъ говорилъ о чистосердечіи. Я совершенно увѣренъ, что статья «Русскаго Вѣстника», въ первомъ номерѣ за нынѣшній годъ: «нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи» вполне чистосердечна; тѣмъ не менѣе, она произвела на меня чрезвычайно странное впечатлѣніе; какая-то въ ней раздражительность, можно даже сказать, какая-то страстность, конечно происходящая отъ благороднаго негодованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вредящая дѣлу. Говорятъ же, что порывы страстей губительны; это вы прочтете въ любой прописи. Дѣло вотъ въ чемъ: Въ этой статьѣ «Русскій Вѣстникъ» увѣдомляетъ своихъ читателей (которыхъ у него очень много и дай ему Богъ еще больше, потому что «Русскій Вѣстникъ» стоить читать), что съ нынѣшняго года у «Русскаго Вѣстника» происходитъ перемѣна въ способѣ изданія журнала: его «Современная лѣтопись», удерживая попрежнему характеръ преимущественно политическій, получила отдѣльное существованіе, впрочемъ неразрывное съ «Русскимъ Вѣстникомъ», а вмѣсто этого отдѣла въ самомъ «Русскомъ Вѣстникѣ» заведется съ нынѣшняго года отдѣлъ критическій. Это, по моему, очень хорошо. Остается только ждать, что новаго скажетъ «Русскій Вѣстникъ» въ своемъ новомъ отдѣлѣ. Вторая книжка «Русскаго Вѣстника» уже вышла съ библиографическимъ отдѣломъ, покажѣтъ еще незначительнымъ, но мы подождемъ: мы терпѣливы. А теперь я хочу обратить вниманіе читателей только на вышеназванную мною статью въ первомъ номерѣ «Русскаго Вѣстника», которую можно принимать за что-то въ родѣ вступительнаго слова къ его будущей критической дѣятельности. Начинается она увѣдомленіемъ, что «Русскому Вѣстнику» вначалѣ его дѣятельности другіе журналы нѣкоторое время ставили въ упрекъ, что онъ мало занимается литературною критикою, потомъ упрекъ этотъ замолкъ, и журналы, дѣлавшіе его, сами потѣснили свою литературную критику и дали обширное мѣсто политическимъ обзорѣ-

піймъ. Изъ этого читатель видитъ, замѣчаю я отъ себя, что «Русскій Вѣстникъ» первый угадалъ потребность или лучше сказать непотребность нашей критики въ данный моментъ и изгналъ ее изъ русской литературы; что непрозорливые наши журналы долго стали ему это въ упрекъ, но наконецъ догадались, что критика въ настоящее время лишнее и завели политическое обозрѣніе, конечно по примѣру «Русскаго Вѣстника». Русскіе журналы слѣдали хорошо; умнымъ людямъ подражать всегда слѣдуетъ. Но представьте, какъ мы мало знаемъ современную дѣйствительность! Я-то вѣдь думалъ до сихъ поръ, что отдѣлъ политики завелся въ русскихъ журналахъ вовсе не изъ подражанія «Русскому Вѣстнику», а просто вслѣдствіе расширенія поля дѣйствія русской литературы нѣскольکو лѣтъ тому назадъ. Но хорошія вещи никогда не поздно узнавать. Далѣе «Русскій Вѣстникъ» увѣдомляетъ, что въ тогдашнихъ журналахъ исчезъ также обычай литературно обозрѣвать другъ друга; что «Современникъ» доказывалъ, что «Отечественныя Записки» нигде не годятся, а «Отечественныя Записки» что «Современникъ» нигде не годится; но что какъ только началъ издаваться «Русскій Вѣстникъ» обычай этотъ вдругъ прекратился. «Въ первый годъ существованія «Русскаго Вѣстника» мы указали на эту черту нашихъ литературныхъ нравовъ, — говоритъ статья «Русскаго Вѣстника», на этотъ процвѣтавшій тогда въ журналахъ обычай, подъ видомъ литературныхъ обозрѣній зазывать къ себѣ публику. Обычай этотъ тогда же прекратился, но не надолго: натура взяла свое.» И такъ видно изъ достойныхъ и въ высшей степени сознательныхъ словъ статьи, что «Русскому же Вѣстнику» обязана наша литература и уничтоженіемъ этихъ смѣшныхъ обозрѣній другъ друга, хотя къ несчастію и не надолго; потому что натура русскихъ журналистовъ взяла свое. Миѣ конечно очень жаль русскихъ журналистовъ, что у нихъ такая натура; но на счетъ журнальныхъ обозрѣній, уничтоженныхъ «Русскимъ Вѣстникомъ», къ моему ужасу и даже стыду, я не совѣмъ съ нимъ согласенъ. Вѣдь литература совокупилась въ журналахъ. Слѣдственно, если въ «Отечественныхъ Запискахъ» появится прекрасная статья, то вѣдь издатель другого журнала, ужъ по обязанности своей долженъ указать на нее публикѣ. Наконецъ, есть такіе странные журналисты и ихъ сотрудники, которые даже любятъ литературу и сочувствуютъ ея явленіямъ съ порывами неопытнаго но горячаго юношества: такъ и тянетъ поговорить о новомъ интересномъ литературномъ явленіи, и вдругъ благоразуміе заставляетъ всѣхъ молчать. Вышла какая-то странная противоположность. Прежде обозрѣвали другъ друга для зазыва къ себѣ публики, а теперь молчатъ другъ о другѣ, можетъ быть тоже для за-

зываетъ къ себѣ публики. И потому мнѣ кажется, что нападать слѣдовало бы не на взаимныя обзорѣнія другъ друга, а на пристрастность и недобросовѣстность этихъ обзорѣній. А то теперь, какъ будто всѣ журналисты, изгнавъ у себя взаимныя обзорѣнія, и признавъ ихъ смѣшными и нелѣпыми, тѣмъ самымъ точно согласились передъ всею публикой, что они (то есть журналисты) и не способны быть безпристрастными и добросовѣстными; тѣмъ же самымъ какъ будто признались передъ всею публикой, что они и прежде, во время взаимныхъ обзорѣній, были пристрастны и недобросовѣстны, а обзорѣвали другъ друга только для зазыва публики. Странное признаніе, даже по моему немного смѣшное, хотя конечно достойное уваженія, потому что показываетъ много искренности. Но не знаю почему, можетъ вслѣдствіе молодыхъ моихъ лѣтъ, мнѣ кажется, что можно взаимно обзорѣвать другъ друга и остаться честнымъ и добросовѣстнымъ. А польза и литературѣ была бы, и нравственный примѣръ хорошій. Вѣдь публика сейчасъ увидитъ кто пристрастенъ, кто безпристрастенъ, пойметъ это и будетъ уважать литературу и литераторовъ. Это было бы даже что-то въ родѣ золотого вѣка. Согласенъ, что это слишкомъ молодая мысль... Но странное дѣло, вѣдь говоритъ же «Русскій Вѣстникъ», что обычай этотъ, хоть и прекратился сейчасъ же послѣ его указанія, но не надолго и что натура взяла свое. Мнѣ даже кажется, что натура и «Русскаго Вѣстника» взяла тоже самое. Онъ на примѣръ ужасно сердится на «Свистокъ» и дѣльно, дѣльно, хорошенько его! и первое вступительное свое слово начинается ненавистью къ «Свистку». Вездѣ у него «Свистокъ», въ каждомъ фактѣ нашей литературы онъ видитъ «Свистокъ», въ исторіи тоже, даже на будущность Россіи имѣетъ по его мнѣнію ужасное вліяніе «Свистокъ»!.. Но что я! Проговорился прежде срока. Впрочемъ, если проговорился, то замѣчу ужь тутъ кстати, что именно это-то и есть та страстность, та раздражительность, доходящая до страстности, которая меня поразила въ статьѣ «Русскаго Вѣстника». Но читатель увидитъ это самъ; мы вмѣстѣ съ нимъ прочтемъ эту статью. Будемъ же продолжать это чтеніе.

И такъ: натура взяла свое, — говоритъ статья: Брань возвратилась, только уже не литературная: сброшенную маску литературныхъ объясненій поднять было совѣстно, и раздались объясненія болѣе откровенныя, прямо идущія къ дѣлу, открылись балаганы съ пѣснями и безъ пѣсенъ, со свистомъ и даже съ визгомъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ (тутъ слѣлана выноска: «Современникъ» № 1. Мы такъ и ожидали что «Современникъ».) Не служить ли это также нѣкоторымъ доказательствомъ, что время наше есть время не совѣсти литературное?

Печальное явленіе, истинно печальное явленіе. Но вотъ что надо замѣтить: эти балаганы съ пѣснями и съ свистунами, съ визгомъ и проч., напрасно упомянуты негодующимъ журналомъ во множественномъ числѣ. «Свистокъ» въ строгомъ, такъ сказать въ оффиціальномъ смыслѣ, у насъ одинъ, — это въ «Современникѣ». Если «Русскій Вѣстникъ» не употребляетъ здѣсь известной риторической фигуры умноженія: наши Пушкины, наши Лермонтовы, наши свистки и проч., то я беру на себя смѣлость замѣтить ему, что ужь однимъ этимъ умноженіемъ онъ придаетъ этому досадному «Свистку» слишкомъ ужь большое значеніе. Не смѣю рѣшать (я слишкомъ молодъ), но мнѣ кажется, что такой серьезный, такой деловой журналъ, какъ «Русскій Вѣстникъ», могъ бы даже не обращать ни малѣйшаго вниманія на этотъ «Свистокъ»; а вмѣсто того, у «Русскаго Вѣстника» даже двоятся въ глазахъ отъ негодованія (конечно благороднаго). Онъ ужь видитъ «Свистокъ» вездѣ; «Свистокъ» умножается въ глазахъ его; обращается въ цѣлые балаганы. Мало того: почтенный журналъ даже мѣряетъ всю нашу литературу по «Свистку» и заключаетъ по «Свистку» же, что наше время «есть время не совсѣмъ литературное». Если ужь высказывать свое мнѣніе, то, по моему, наше время именно литературное; «Свистокъ» же ни мало не служитъ доказательствомъ его нелитературности. Но продолжаемъ слѣдить за статьей:

Статья говоритъ, что до сихъ поръ «Русскій Вѣстникъ», слѣдя характеру времени, воздерживалъ себя отъ интересовъ и вопросовъ, которые имѣютъ характеръ болѣе общій и теоретическій, и которыми неблагопріятствовали время и требованія общества. Наступило ли теперь другое время, появились ли новыя задачи, чувствуется ли въ обществѣ потребность другихъ интересовъ, кромѣ чисто практическихъ, сопряженныхъ съ трудомъ гражданскаго строенія и преобразованія, — «Русскій Вѣстникъ» рѣшить не беретъ; но однакожь думаетъ, что до нѣкоторой степени существуетъ эта потребность... а затѣмъ и объявляетъ, что вслѣдствіе этой потребности и открываетъ у себя новый отдѣлъ критики и библіографіи.

Я этому очень радъ. Правда, въ послѣдніе годы намъ какъ-будто было не до литературы. Все у насъ какъ-будто зашевелилось, какъ-будто куда то собиралось. Мы какъ-будто вдругъ открыли Америку. Ожиданій, надеждъ была бездна. Но мало по малу мы, не то чтобъ успокоились, не то чтобъ и разочаровались, а такъ, перестали ожидать чего-то немедленнаго. Намъ даже вдругъ показалось, что подъ нами какъ-будто нѣтъ почвы, нѣтъ и указчика въ смыслѣ центро-стремительной силы; что мы не согласились въ чемъ-то, не умѣемъ еще чего-то, однимъ словомъ, обвиняли сами себя и отчасти наира-

ско, потому что по моему все происходило отъ того, что мы — дилетанты. Въ самомъ дѣлѣ: у насъ напримѣръ есть потребности: мы хотъ и толкуемъ объ нихъ, но какъ-то не такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ толкъ тотчасъ же прилагается къ дѣлу, а слѣдственно каждый толкующій заинтересованъ такъ, какъ только можно быть заинтересованнымъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Мы же хотъ и съ тѣми же потребностями, но принуждены были толковать объ нихъ отвлеченно, въ видѣ искусства для искусства, увражались въ діалектикѣ, говорили о высокомъ и прекрасномъ... и только. Правда, мы въ это время учились; вотъ, напримѣръ, «Русскій Вѣстникъ»: онъ насъ училъ жутомшмо; онъ толковалъ и о судахъ и о присяжныхъ и о тюрьмахъ и объ общинѣ и о полиціи; даже приятно было слушать со стороны. Но все тѣмъ и кончилось, что мы слушали со стороны. Ваши споры, задоры, ваша діалектика, ваша полемика оставались для насъ одной книгой, а потому и отзывались чѣмъ-то книжнымъ, а не живымъ. Какъ-будто и подъ вами не было настоящей почвы, какъ-будто и вы въ настоящую жизнь не вошли. И все болѣе и болѣе отъ васъ вѣяло такимъ ораторствомъ, пальмерстонствомъ, кавурствомъ... У васъ напримѣръ былъ хорошій отдѣлъ политики, а въ сущности для чего намъ политика? такъ, хорошенькая игрушка. Я читалъ статьи г. Громеки съ надеждами и удовольствіемъ; съ удовольствіемъ даже читалъ я и объ тротуарахъ, посыпаемыхъ пескомъ въ июлѣ мѣсяцѣ, по приказанію полицейскаго служителя. Очень умно было написано; но если бъ умному человѣку, написавшему эту обличительную статейку, было что дѣлать, онъ бы не распространялъ ее на столько страницъ, что было довольно смѣшно. Я и вывелъ изъ этого заключеніе, что если есть у насъ не совсѣмъ дилетантская дѣятельность, то это литературная дѣятельность. Мало того: еще такъ недавно, съ небольшимъ десятилѣтіе, литературная дѣятельность была для насъ такъ полезна, что даже вошла въ нашу жизнь и быстро принесла прекрасные плоды; образовалось тогда цѣлое новое поколѣніе, немногочисленное, но благонадежное; оно скрѣпилось новыми убѣжденіями; эти убѣжденія стали органическою потребностью общества, развивались все больше и больше... Это было въ послѣднее время дѣятельности Бѣлинскаго. Однимъ словомъ, литература входила органически въ жизнь. Вотъ почему мнѣ кажется, что литературная критически-сенситивная, если можно такъ выразиться, дѣятельность нашихъ представителей литературы, пріятна бы была намъ и теперь. Мы такъ разрезаны; мы жаждемъ нравственнаго убѣжденія, направленья... Мы даже видимъ, что намъ еще много надо бы сдѣлать въ этомъ смыслѣ и что многое въ этомъ смыслѣ еще не сдѣлано. Вотъ

почему я думаю, что настоящее время даже наиболее литературное: однимъ словомъ время роста и воспитанія, самосознанія, время нравственнаго развитія, котораго намъ еще слишкомъ недостаетъ. Просвѣщенія, просвѣщенія во что бы ни стало, какъ можно скорѣе и съ обоихъ концовъ: съ насъ и съ тѣхъ, которые недавно милосердой волей, получили такое огромное расширеніе своихъ правъ гражданства. Мнѣ даже кажется, что безъ нравственнаго очищенія, безъ внутренняго развитія, — никакіе спеціальности, ни Пальмерстоны, ни Громеки, ни даже обличители посыпанья пескомъ, не войдутъ настоящимъ образомъ въ наше сознаніе: конечно и они тоже способствуютъ нравственному развитію, даже очень; но вмѣстѣ съ этимъ не мѣшаетъ и чего-нибудь по сентетичнѣе, даже очень бы не мѣшало. Жаль что не умѣю я выразиться. Мнѣ даже кажется, что теперь даже такъ называемая изящная литература, какой-нибудь на примѣръ Пушкинъ, Островскій, Тургеневъ все еще полезнѣе для насъ даже самыхъ лучшихъ политическихъ отдѣловъ и *reviewers*—Moscow нашихъ журналовъ. (Батюшки! что это я такое сказалъ! Но—слово не воробей; вылетѣло не воротить). Я потому впрочемъ это думалъ, что всегда вѣрилъ въ силу гуманнаго, эстетически-выраженнаго впечатлѣнія. Впечатлѣнія мало по малу накапливаются, пробиваютъ съ развитіемъ сердечную кору, проникаютъ въ самое сердце, въ самую суть и формируютъ человѣка. Слово, — слово великое дѣло! А къ сформированному по гуманнѣе человѣку, получше привьются и всякія спеціальности. Человѣкъ-то этотъ еще не совсемъ сформированъ у насъ — вотъ бѣда! Спеціальности-то хоть и прививаются нами, да какъ-то не прививаются еще къ намъ. Конечно спеціальности и теперь необходимы. Это наука. Необходимы, необходимы! — Это одно изъ самыхъ первыхъ дѣлъ. Но и то хорошо и это хорошо. Все бы вмѣстѣ, въ стройномъ согласіи — самое лучшее. Но крайней мѣрѣ — въ одной только литературѣ мы еще какъ-будто не дилетанты. Конечно литература и всѣ ея впечатлѣнія далеко не составляютъ всего, но она способствуетъ къ составленію всего. Правда тогда былъ Бѣлинскій, а теперь человѣка-то такого симпатичнаго нѣтъ. Бездѣлица! А новый-то человѣкъ намъ бы навѣрво сказалъ что-нибудь новое, успокоительное. Развѣ положить что скажетъ «Русскій Вѣстникъ».

Но «Русскій Вѣстникъ» еще не началъ новаго отдѣла, а ужъ начинаетъ говорить странныя вещи. Вотъ это-то меня и озадачиваетъ, даже какъ-будто разочаровываетъ. Онъ заговорилъ было о томъ какой характеръ будетъ имѣть ихъ новый отдѣлъ и тотчасъ же опять свернулъ на «Современникъ» и на Свистокъ его; даже подумаешь, пожалуй, что «Русскій Вѣстникъ» и заводитъ-то у себя во-

вый отдѣлъ не для чего иного, какъ въ пику «Современнику» и «Свистку» его, — мысль недѣльная и которой, по настоящему, я бы долженъ былъ стыдиться. Я впрочемъ и стыжусь ея и всѣми силами стараюсь не вѣрить ей. Впрочемъ, объ «Современникѣ» говорится въ «статьѣ» то, что объ немъ теперь всѣ говорятъ; но порывъ, но страстность статьи поражаютъ неволью :

Только лишонная производительности безжизненная и безсильная литература — говорить статья — роется въ собственныхъ дразгахъ, вьсида передъ собой Божьяго міра, и вмѣсто живого дѣла занимается толченіемъ воды или домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями.

Сильно сказано, но вѣрно. Согласитесь сами. И далѣе :

Намъ ставили въ укоръ отсутствіе литературныхъ разсужденій въ нашемъ изданіи именно тѣ журналы, гдѣ съ тупымъ доктринерствомъ или съ мальчишескимъ забіячествомъ проповѣдывалась теорія, лишающая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью всѣ литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право національнаго поста... и т. д. и т. д.

И далѣе :

Книжки этихъ журналовъ, гдѣ требовалось отъ литературы полнѣйшее самоотреченіе, гдѣ во имя дѣла и практическихъ интересовъ уничтожалось все, безъ разбора и смысла, книжки этихъ журналовъ на половину наполнялись самыми бездѣльными литературными разсужденіями и сплетнями, безкорыстными или корыстными упражненіями въ *искусствѣ для искусства*. Ни одна литература въ мірѣ не представляетъ такого изобилія литературныхъ скандаловъ, какъ наша маленькая, скудная, едва начавшая жизнь, литература, литература безъ науки, едва только выработавшая себѣ языкъ. Очевидно, что такого рода занятіе литературой не есть признакъ чего-либо добраго, выраженіе какой-либо силы, а напротивъ признакъ безсилія и выраженіе ничтожества.

Мнѣ кажется, что «Русскій Вѣстникъ» судить ужь слишкомъ подлѣ вліаніемъ гнѣва и даже какъ-то безотрадно. Это жаль. Мнѣ кажется, что ужь слишкомъ большую долю даютъ этимъ скандаламъ въ развитіи русской литературы. Право такъ. Мнѣ кажется даже, что наши литературные скандалы происходятъ только отчасти отъ безсилія и ничтожества, и я все еще держусь мысли, что они происходятъ отъ тузовъ и столповъ нашей литературы, именно отъ тѣхъ, которые кричатъ противъ нихъ. И тому есть причины; я ихъ изложу ниже. Но отчасти и потому, кажется, они происходятъ, что инымъ дѣлать больше нечего. Младая кровь играетъ. Безпокойство, потребности жизни, потребности чего-то,

потребности хоть какъ-нибудь пошевелиться, — вотъ и скандалчики. Оно хоть и скверно, но все-таки это не признаки какого-нибудь безсилія и ничтожества. А вотъ та часть скандаловъ, и самая огромная, которая остается на совѣсти тузовъ и столповъ литературныхъ, вотъ эта можетъ быть признакомъ ихъ безсилія и ничтожества, хотя между этими столбами есть чрезвычайно много не ничтожныхъ людей, а напротивъ очень умныхъ, которые могли бы быть очень полезны. Но какое-то самолюбіе поѣдаетъ ихъ. Все это распалось на кружки, на приходы. Все это готово считать, какъ мы уже сказали гдѣ-то, свою домашнюю стирку за интересы всего человечества. Каждый считаетъ себя исходнымъ пунктомъ, спасеніемъ, всеобщей надеждой. Каждый дѣзетъ въ триумфаторы. Умныхъ людей много, да и роль ихъ пришла: всѣ къ нимъ обращаются; всѣ отъ нихъ ждутъ и разрѣшеній и указаній, на нихъ надежда; а они какъ догадались, что пришло ихъ время, т. е. догадались, что они, указатели и стали потребностью общества, тотчасъ же и свихнулись съ дороги. Проповѣывали прежде гуманность и всѣ добродѣтели, а чуть-чуть дѣло коснулось до нихъ практически, они и перелетались: куда дѣвались всѣ совершенства! Я и радъ дѣйствовать, говорить иной столпъ, но съ условіемъ, чтобы меня считали центромъ, около котораго вертится вся вселенная. Потребность олимпійства, пальмерстонства заѣдаетъ нашихъ литературныхъ кацковъ до комическаго, до каррикатуры. Одинъ даже и съ талантомъ писатель вдругъ среди бѣла-дня сходитъ съ ума и кричитъ на вора караулъ:

Украли пукъ моихъ стиховъ!

Другой, безспорно умнѣйшій человѣкъ, встрѣчается съ другимъ литераторомъ и долго колеблется, что ему протянуть: палецъ или два пальца, чтобы дескать не счесть меня тотъ какъ-нибудь своей равней; пожалуй съ дуру-то и сочтетъ. Третьяго освистали, конечно дѣло! Значить все падаетъ, все разрушается, свѣтопреставленіе пастунаетъ, — меня освистали! Эта манія считать себя центромъ вселенной и объяснять всемірныя событія своими домашними обстоятельствами, напомнила мнѣ недавній пріемъ Лакордера въ французскую Академію. Гизо, отвѣчая на его рѣчь и упомянувъ въ своей рѣчи о томъ, какія славныя надгробныя слова произнесилъ Лакордеръ и еще надъ какими знаменитыми покойниками, прибавилъ: «Провидѣніе какъ-будто выбирало для васъ покойниковъ, достойныхъ вашего краснорѣчія и ваше краснорѣчіе оказалось достойнымъ этого выбора». Что за безсмыслица, вотъ дичь-то! Подумать только о томъ, что Провидѣніе нарочно будетъ подбирать

хорошихъ покойниковъ, единственно для того только, чтобъ аббату Лакордеру можно было поблестать палъ ними своимъ краснорѣчіемъ! Фу, какая ерунда! и это сказала Гизо, — человѣкъ умный. Печальный примѣръ того, что и умный человѣкъ можетъ иногда ужасно провратиться и даже въ хладнокровномъ видѣ. Чтожь будетъ, если онъ обуреваемъ страстью? Но обратимся къ нашимъ: мнѣ кажется, по молодости моихъ лѣтъ разумѣется, что все это раздѣленіе, а за нимъ и скандалы, происходятъ у насъ отчасти и оттого, что ужъ слишкомъ много развелось одинаково умныхъ людей; будь надъ ними одинъ, самый умный, они бы можетъ быть какъ-нибудь и подчинились ему и все бы пошло хорошо. Но шутки въ сторону: человѣка вѣтъ, — это главное, центра вѣтъ, горячѣй, искренней души вѣтъ, новой мысли вѣтъ, а главное — человѣка, человѣка прежде всего! Есть книжки, есть правила о гуманности, есть росписанія всѣхъ добродѣтелей, есть много умныхъ людей, наслѣдовавшихъ гениальную мысль и вообразившихъ, что они поэтому сами гени, — вотъ что есть. Но этого мало. Съ такой обстановкой, даже на лучшемъ пути, прійдется пожалуй самихъ себя обвинять, а не то что дороги плохи.

Все это я наговорилъ теперь только такъ, для упражненія въ слогѣ и краснорѣчіи; но, разумѣется, все это нисколько не касается «Русскаго Вѣстника». Напротивъ мы многого ждемъ отъ него. Мнѣ вѣтъ только кажется, что онъ немного увлекся говоря выше о русской литературѣ и даже побранивъ ее за то, что она «маленькая, скудная, едва начавшая жизнь, литература безъ науки, едва только выработавшая себѣ языкъ», — «Русскій Вѣстникъ» былъ очевидно разсерженъ, хотѣлось хотъ на комъ-нибудь сердце сорвать; подвернулась литература, — вотъ ей и досталось; не подвертывайся. Мнѣ кажется тоже, что литература наша, хотъ и новая, хотъ и недавняя, но вовсе ужъ не такая мизерная. Она совсѣмъ не скудная: у насъ Пушкинъ, у насъ Гоголь, у насъ Островскій и это уже литература. Преемственность мысли видна уже въ этихъ писателяхъ, а мысль эта сильная, всенародная. Кромъ этихъ писателей есть много и прежнихъ и новыхъ, которыхъ не отвергла бы любая европейская литература. И неужели явленіе Пушкина выработало намъ одинъ только языкъ? Неужелижъ «Русскій Вѣстникъ» не видитъ въ талантѣ Пушкина могущественнаго олицетворенія русскаго духа и русскаго смысла? Литература безъ науки, говорите вы; но за то съ сознаниемъ говорю я, и это сознание, хотъ и молодое, хотъ и неустановившееся, но широко, начавшееся и уже благонадежное. У насъ уже давно сказано свое русское слово. Блаженъ тотъ, кто умѣетъ прочесть его. За что же вы хвалите Пушкина, за что же вы

сами говорите выше, что онъ національный поэтъ, когда признаете за нимъ только одну выработку языка? Ужь не для того ли, вы и похвалили Пушкина чтобъ сказать что-нибудь въ пику «Современнику»? Не вѣрю этому подозрѣнью! Постыдная мысль оставь меня! Просто запросто вы разгорячились; я подожду, когда вы будете хладнокровнѣе.

Но увь, къ ужасу моему «Русскій Вѣстникъ» не ставовится хладнокровнѣе, напротивъ все раздражительнѣе и раздражительнѣе, и что всего досаднѣе, всему причиною опять тотъ же «Свистокъ». Досадный «Свистокъ»! и сколько еще онъ впередъ надѣлаетъ у насъ бѣдъ? Да вотъ судите сами. Только что «Русскій Вѣстникъ» разговорился о томъ, какъ мало бываютъ дѣйствительны принудительныя сближенія племенныхъ особенностей, какъ напротивъ легко и успѣшно совершается это дѣло свободнымъ развитіемъ нравственныхъ силъ; только что онъ заговорилъ было, для примѣра, о печальномъ положеніи славянскихъ племенъ и ихъ нарѣчій и для контраста — о пріятномъ положеніи нѣмецкихъ племенъ и ихъ языка, онъ вдругъ заключаетъ:

Въ славянскомъ же мірѣ, забытомъ или подавленномъ исторіей, до сихъ поръ еще ни одно изъ племенныхъ началъ его, не достигло безспорнаго могущества, не возобладало даже надъ ближайшими соседями. Россія представляетъ, бесспорно, великое государственное могущество, страшную громаду, занимающую неизмѣримыя пространства Европы и Азіа; но что такое русская народность? Что такое русская литература, русское искусство, русская мысль? Выгодно ли будетъ для Россіи, чтобы русская народность и русское слово оставалось позади всякой другой народности и всякаго другого слова въ Европѣ? Хорошо ли будетъ для Россіи, чтобы мы оставались вѣчными мальчишками-свистунами, способными только на мелкія дѣла; на малевкія сплетни и скандалы?

Господи Боже! восклицаю я, да неужели-жъ «Свистокъ» имѣетъ такое всевародное значеніе въ русской жизни и въ русской будущности? Отъ такихъ великихъ вопросовъ переходить прямо къ «Свистку» и находить въ немъ только завязку и развязку всѣхъ русскихъ недоумѣній! Да неужели-жъ вся Россія, все русское общество обратилось въ свистокъ? Разумѣется, невыгодно оставаться позади всѣхъ, но Россія, я увѣренъ, мы всѣ въ этомъ увѣрены, вовсе не считаетъ выгоднѣе обратитъ все свое населеніе въ свистуновъ, и совершенно напрасно вы задаете всему русскому обществу такой вопросъ. Оно можетъ быть и неслыхало, что такое «Свистокъ». Да этотъ «Свистокъ» вамъ просто не даетъ покою; спать не даетъ; въ всюду его видите, всюду встрѣчаете, назъ-за него ничего не замѣчаете. Послѣ

этого понятны и ваши предыдущіе вопросы. Я оставляю въ покоѣ ваше предположеніе, что Россія не возвысилась еще ни надъ одной славянскою народностью; но вопросъ вашъ: «что такое русская народность?» нельзя не поднять. Странно, что вы ее не замѣчаете. Конечно, сидя въ кабинетѣ, трудно что нибудь замѣтить, даже и при великой учености. Надобно, чтобъ обстоятельства заставили насъ пожить вмѣстѣ съ народомъ и хоть на время, непосредственно, практически, а не свысока, не въ идеѣ только раздѣлить съ нимъ его интересы, тогда можетъ быть мы и узнаемъ народъ и его характеръ, и что въ немъ кроется и къ чему онъ способенъ и какія его желанія, осмысленныя имъ и еще не осмысленныя, и узнавъ народъ, можетъ быть и поймемъ его народность, и что она обѣщаетъ, и что изъ этихъ обѣщаній *непрелымно* разовьется и исполнится. Русскій народъ трудно узнать, не принадлежа къ нему непосредственно и не поживъ съ нимъ его жизнью. А когда поживете съ нимъ, то его характеръ напечатлѣтся въ вашей душѣ такъ сильно, такъ ошутительно для васъ, что вы уже потомъ не разувѣритесь въ немъ. Русскій народъ отсталъ отъ высшаго своего сословія, раздвоившись съ нимъ еще со временъ реформы. Съ тѣхъ поръ тяжелыхъ обстоятельствъ, уничтожающихъ все болѣе и болѣе въ наше время, еще болѣе усилили это раздѣденіе. И потому къ народу заглянуть трудно. Онъ и говоритъ съ нами, онъ и служитъ намъ, онъ и всегда около насъ, но мы его не знаемъ. Но неужели-жъ васъ не поражали по крайней мѣрѣ факты: одинаковость языка въ огромной полосѣ Россіи, одинаковость привычекъ, обычаевъ, умозаключеній, правилъ, надеждъ и умственнаго развитія? Посмотрите какъ онъ одинаковъ даже въ своихъ уклоненіяхъ, въ своихъ таинственныхыхъ и иногда уродливыхъ уклоненіяхъ мысли и попытокъ сознанія, но всегда сильныхъ и глубокихъ въ своемъ основаніи. Нѣтъ, въ немъ таится мысль и великая мысль и можетъ быть скоро выразится. Не понимаю, что вы разумѣли подъ вашимъ вопросомъ: что такое русская народность? Не то ли, что она до сихъ поръ не заявила себя вполне? Такъ вѣдь въ этомъ она невиновата. Она заявила только въ исторіи свою необъятную силу отпора и самохраненія; вѣдь и этого уже очень довольно, взявъ въ соображеніе всѣ бывшія неблагопріятныя обстоятельства, и если далеко еще не развилась, то сомнѣваться въ ней ужъ ни какъ нельзя. По крайней мѣрѣ навѣрно можно сказать, что «Свистокъ» не будетъ имѣть на нее никакого вліянія и бояться нечего. Вы спрашиваете: гдѣ русская наука? Про науку я скажу только то, что по моему убѣжденію, наука создается и развивается только въ практической жизни, то есть рядомъ съ практическими интересами, а не среди отвлечен-

каго диллетантизма и отчужденія отъ народнаго начала. Вотъ почему у насъ и не было до сихъ поръ русской науки. Въ этомъ вы правы. Но спрашивая: «что такое русская литература, русское искусство, русская мысль»? рѣшительно неправы. Русская мысль уже во многомъ заявила себя. Надобно получше глядѣть, непосредственнѣе принимать факты, по меньше отвлеченности, кабинетности, не принимать своихъ частныхъ интересовъ за общественные, и тогда можно многое разглядѣть. Русская мысль уже начала отражаться и въ русской литературѣ и такъ плодотворно, такъ сильно, что трудно бы кажется не вмѣстить русскую литературу, а вы спрашиваете: «что такое русская литература»? Она началась самостоятельно съ Пушкина. Возьмите только одно въ Пушкинѣ, только одну его особенность, не говоря о другихъ: способность всемирности, всечеловѣчности, всеоткровенности. Онъ усваиваетъ всѣ литературы міра, онъ понимаетъ всякую изъ нихъ до того, что отражаетъ ее въ своей поэзіи, но такъ, что самый духъ, самыя сокровеннѣйшія тайны чужихъ особенностей, переходятъ въ его поэзію, какъ бы онъ самъ былъ англичанинъ, испанецъ, мусульманинъ или гражданинъ древняго міра. Подражатель, — скажутъ намъ, — отсутствіе собственной мысли. Но вѣдь такъ не подражаютъ. Онъ является вездѣ en maître, такъ подражать, значить творить самому, не подражать, а продолжать. Неужели такое явленіе кажется вамъ несамостоятельнымъ, ничтожнымъ, ничѣмъ? Въ какой литературѣ, начиная съ созданія міра, найдете вы такую особенность всепониманія, такое свидѣтельство о всечеловѣчности и главное въ такой высочайшей художественной формѣ? Это-то и есть, можетъ быть главнѣйшая особенность *русской мысли*; она есть и въ другихъ народностяхъ, но въ высочайшей степени выражается только въ русской, и въ Пушкинѣ она выразилась слишкомъ законченно, слишкомъ дѣльно, чтобъ ей не повѣрить. (Я уже не говорю про то, что былъ Пушкинъ собственно для насъ, собственно для выраженія нашей русской національной поэзіи? Неужели-жъ вы сходитесь съ странными шибайями г. Дудышкина и его чудовищныхъ послѣдователей въ «Спб. Вѣдомостяхъ» № 61, 1861 года?) Съ Пушкина мысль идетъ, развиваясь все болѣе и шире. Неужели такія явленія какъ Островскій, ничего для насъ не выражаютъ въ русскомъ духѣ и въ русской мысли? Неужели-жъ потому только, что гдѣ-то свистнутъ, вы ужъ такъ во всемъ отчаялись! О пагубное вліяніе «Свистка»! Да пусть его свистеть. Послушайте, «Русскій Вѣстникъ», между нами, подъ секретомъ, вѣдь иногда свистъ и полезеть, ей Богу! Неужели-жъ по крайней мѣрѣ у васъ ни одной надежды не осталось? Проклятый «Свистокъ»!

Нѣтъ! мы ошиблись! есть надежды. И мы съ жадностью читаемъ дальше:

«При благоприятныхъ условіяхъ, русскому языку могла бы быть суждена великая будущность, въ славянскомъ мірѣ; онъ могъ бы стать безспорно центромъ единенія его разрозненныхъ племенъ. И, по видимому исторія готовила нашъ языкъ къ этому назначенію.»

«Ну слава Богу! Уже по крайней мѣрѣ теперь навѣрно можно сказать, что ужъ тутъ свистокъ не помѣшаетъ: «Свистокъ!» прощелочный отдѣлъ въ «Современникѣ», изрѣдка появляющійся, да еще помѣшаетъ такому великому факту «великой будущности русскаго языка въ славянскомъ мірѣ!»

Затѣмъ «Русскій Вѣстникъ» излагаетъ слегка изъ какихъ стихій сложился теперешній русскій языкъ и восклицаетъ:

«Когда же этотъ русскій языкъ, слагавшійся такъ долго и такъ трудно, какъ бы предназначенный къ чему-то великому и всемірному, когда же окажется онъ въ своей литературѣ достойнымъ этого предназначенія? Когда этотъ тысячелѣтній ребенокъ будетъ признанъ чедовѣкомъ совершеннолѣтнимъ, способнымъ къ самостоятельной жизни и мысли? Когда перестанетъ этотъ языкъ чувствовать себя въ положеніи малаго школьника, занимающагося науками по указкѣ и не способнаго ни къ чему кромѣ свиста и визга?»

Что такое! главахъ не вѣрю! Опять «Свистокъ» помѣшалъ; таковой великой будущности Россіи и русскаго языка мѣшаетъ и кто же? «Свистокъ!»

Не вѣрю; перечитываю еще разъ, два, три и недоумѣніе, даже ужасъ овладѣваютъ мною. Ужъ не случилось ли чего-нибудь съ «Русскимъ Вѣстникомъ?»

Какже можно весь русскій языкъ, т. е. всю русскую литературу прировнять къ одному «Свистку!» Да неужели жъ она въ самомъ дѣлѣ, безъ шутокъ, заключается только въ одномъ «Свисткѣ»? Неужели и все прошедшее ея, былъ до сихъ поръ только одинъ «Свистокъ»? Читайте, сказано прямо: что *весь русскій языкъ, весь, (весь!)* чувствуетъ себя въ положеніи малаго школьника, занимающагося науками по указкѣ и *неспособнаго ни къ чему кромѣ свиста и визга?* Да въ прошедшемъ-то! кричу я, — въ прошедшемъ-то онъ по крайней мѣрѣ доказалъ, что *хоть къ чему-нибудь* былъ способенъ кромѣ свиста и визга! Какже можно еще сомнѣваться въ немъ, если даже согласиться съ вами, что въ настоящей, въ современной литературѣ, кромѣ свиста и визга нѣтъ ничего и не можетъ быть ничего?

Ставетъ ли онъ, дѣйствовать орудіемъ, зрѣдой мысли и знанія — продолжаетъ Русскій Вѣстникъ — живымъ выраженіемъ великихъ интересовъ гражданственности, окажется ли въ немъ дѣйствительно всемірная, связующая и создающая сила? Будетъ ли онъ готовъ къ жизненной пробѣ, которая наступитъ рано или поздно, и не заставетъ ли она его врасплохъ? Исторія не ждетъ, время не задерживаетъ своего хода...

Грозныя и торжественныя слова. Да неужели жъ все это по поводу «Свистка»? Неужели жъ «Свистокъ» до того паразитъ «Русскій Вѣстникъ», что онъ и въ будущемъ видитъ одни только ужасы для всего и для всѣхъ и все оттого, что въ «Современникѣ» есть маленькій отдѣльчикъ «Свистокъ»? Да Богъ съ нимъ, съ «Свисткомъ»! Какое дѣло до него русской литературѣ? Вотъ ужъ подлинно-то сами поражены, раздражены да и думаете, что ужъ все погибаетъ, все рушится, свѣтопреставленіе и все отъ существованія «Свистка»!

Несчастный, безнравственный «Свистокъ»! несчастный уже однимъ своими пороками! къ тебѣ обращаюсь я: заруби себѣ на носъ, что время не ждетъ; наступитъ жизненная проба, заставетъ тебя въ расплохъ, за ней нагрянетъ исторія, а ужъ эта и подавно не ждетъ, — ну, что ты скажешь тогда въ свое оправданіе? Вѣдь вся Россія черезъ тебя можетъ не получить своего развитія, — понимаешь ли ты это? Вѣдь это у тебя останется на совѣсти. И не стыдно тебѣ послѣ этого!

Взгляни что сдѣлалъ ты съ «Русскимъ Вѣстникомъ»!

Но «Русскій Вѣстникъ» ополчается и хорошо дѣлаетъ: между прочимъ онъ говоритъ въ заключеніе:

Мы не откажемся также отъ своей доли полицейскихъ обязанностей въ литературѣ, и постараемся помогать добрымъ людямъ въ изловленіи безпутныхъ бродягъ и ворюшекъ; но будемъ заниматься этимъ искусствомъ не для искусства, а въ интересѣ дѣла и чести.

И хорошо, очень хорошо! Одного бы только желалось, чтобъ прошло все это раздраженіе. Я увѣренъ что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» не можетъ быть бесполезнаго и совершенно неудавшагося отдѣла. Въ новомъ отдѣлѣ своемъ онъ скажетъ намъ что-нибудь новое и полезное. Но раздраженіе, раздраженіе! Вотъ наиримѣръ выше: «воры, ворюшки...» можно бы и помягче. А впрочемъ, во всякомъ случаѣ, статья совершенно чистосердечная.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

- Итальянскія дѣла. — Падевіе Газты, Мессины и Торонто. — Викторъ-Эммануилъ король Италіи. — Пренія въ итальянскомъ парламентѣ. — Гарибальди въ Туринѣ.
- Французскія дѣла. — Пренія объ адресѣ въ палатѣ депутатовъ. — Пять голосовъ. — Дѣло Миреса. — Военственныя приготвленія. — Епископскій циркуляръ.
- Австрійскія дѣла. — Открытіе сеймовъ. — Венгерское собраніе въ Будѣ.
- Прусскія дѣла. — Въмѣшательство Германіи въ датскія дѣла. — Партіи парламента.
- Южныя дѣла. — Возстаніе въ Турціи. — Сирійское занятіе. — Юническіе острова.
- Общее положеніе. — Последнія извѣстія.

Итальянскія дѣла

Въ послѣднее время итальянскія дѣла не поглощаютъ, какъ прежде, вниманія политическихъ людей Европы. Дѣло въ томъ, что въ Туринѣ, говорятъ, собрались гарибальдистскіе вожди, подъ предсѣдательствомъ самаго Гарибальди, и рѣшили, что вынѣшній 1861 годъ надо провести въ оборонительномъ положеніи, потому что Италія слишкомъ еще слаба для наступательныхъ дѣйствій, а снова прибѣгнуть къ помощи Франціи неудобно, по случаю разныхъ нехорошихъ слуховъ касательно уступки острова Сардиніи и тому подобныхъ компликацій. Такіе слухи заслуживаютъ совершеннаго вѣроуя, потому что положеніе Италіи, какъ мы предвидѣли въ предыдущихъ обзорѣніяхъ, осложнилось до чрезвычайности, такъ что всей дѣятельности, всего вниманія правительства едва достанетъ теперь на устройство внутреннихъ дѣлъ, и одинъ годъ, назначаемый гарибальдистскими вождями, весь будетъ поглощенъ благотворнымъ дѣломъ организаціи. Признаться надо, что безъ Венеціи и Рима самое дѣло организаціи труднѣе, нежели было бы съ ними; но об-

стоятельства устроились такимъ образомъ, что безъ особенной счастливой случайности придется еще нѣсколько времени положить.

Обстоятельства эти — слѣдующія :

Во время осады Газты, Европа имѣла весьма пріятныя извѣстія изъ этой крѣпости. Если было вѣрить этимъ извѣстіямъ, то войска пользовались превосходнымъ здоровьемъ, изобильно были снабжены всѣмъ необходимымъ, бомбардировка итальянскаго войска производила самый незначительный вредъ, а гарнизонъ, одушевленный страстною любовью къ королю и отечеству, просилъ только позволенія умереть за свое святое дѣло. Итальянскими божбами было взорвано два-три небольшихъ склада зарядовъ для двухъ или трехъ пушекъ, и взрывы произошли, будто бы, чрезвычайно безвредно для защитниковъ Газты. По извѣстіямъ отъ гарнизона, все обошло совершенно благополучно. Вдругъ 6-го февраля явился изъ крѣпости въ итальянское войско парламентеръ съ просьбою о перемиріи. Итальянцы послали лѣду, пшавокъ и лекарства для лазаретовъ непріятельской крѣпости, а восьмого числа приняли отсюда 400 человекъ больныхъ и раненыхъ. 9-го снова началась обоюдная пальба, 11-го начались переговоры объ окончательной сдачѣ крѣпости, а 13-го была подписана капитуляція, по которой бывший король неаполитанскій выѣзжалъ куда ему было угодно, крѣпость сдавалась итальянскому войску, а защитники Газты оставались военнопленными до сдачи Мессины и Чивителла дель Торонто.

При входѣ въ крѣпость, оказалось, что она провела время осады вовсе не такъ благополучно, какъ осажденнымъ угодно было описывать; по улицамъ не было возможности ходить: такъ онѣ были завалены ядрами, осколками бомбъ и камнями разрушенныхъ домовъ; больныхъ и раненыхъ оказалось 1700 человекъ; 10000 здоровыхъ вышли изъ города съ оружіемъ и знаменами и сложили то и другое передъ итальянскимъ главнокомандующимъ. Пленники были въ самомъ жалкомъ положеніи, исхудалые, блѣдные, въ рубищѣ. Жители смотрѣли на итальянскихъ солдатъ съ ужасомъ; женщины думали не шутя, что ихъ изжарятъ и съѣдятъ. 14 числа, въ 7 часовъ утра, бывший король со свитой перебрался на французскій пароходъ и уѣхалъ въ Террачину, а оттуда въ Римъ. Разставаясь съ своею двѣнадцатитысячною арміею, онъ почтительно приказомъ, въ которомъ благодаритъ свое войско, восхваляетъ его храбрость и самоотверженіе, и кончаетъ словами: «Генералы, офицеры и солдаты, благодарю васъ всѣхъ; всѣмъ жму руки съ чувствомъ дружбы и признательности. Не говорю прощайте! но — до свиданія!»

Этого *de свиданія* ни какъ не могла переварить газета *Perseveranza*. «Чтобы говорить съ такою увѣренностью, — замѣчаетъ она, — надобно имѣть какой нибудь точно поставленный планъ; ясно опредѣленные намѣренія касательно *свиданія*. Что же это будетъ за свиданіе? Гдѣ? Въ какомъ смыслѣ?.. И разнесутъ генералы, офицеры и солдаты газетской арміи по своимъ домамъ свои опасенія или надежды на новое свиданіе съ королемъ, опасеніе за участь Италіи, боязнь новыхъ междоусобныхъ войнъ; а люди, ремесло которыхъ — ловить рыбу въ мутной водѣ, подъ предлогомъ вѣрности Бурбонамъ будутъ разбойничать, въ ожиданіи свиданія, до тѣхъ поръ, пока попадутъ на висѣлицу, или пока это свиданіе оправдаетъ ихъ и прикроетъ. Это досвиданія — или вызовъ на междоусобія или плачевная, горькая придирка, при помощи которой тѣшится оскорбленное самолюбіе. Но Италія съ большимъ удовольствіемъ говоритъ *прощайте*, и разсчитываетъ, опираясь на свой парламентъ и на короля Италіи, что *свиданія* больше не будетъ... Въ тоже время бывшій король неаполитанскій приказываетъ коменданту мессинской цитадели не сдаваться, а защищать свой постъ до послѣдней крайности. Любопытно бы знать, съ какою это цѣлью? Не для того-ли, чтобы посредствомъ междоусобной войны между итальянцами приблизить время *свиданія*? Но едва ли это средство улачно придумано, и тотъ, кто упорствуетъ въ пролитіи крови едва ли хорошо будетъ встрѣченъ при свиданіи. Что же вышло изъ этого приказа? Послѣ сдачи Газеты и отъѣзда бывшаго короля въ Римъ, главнокомандующій итальянской арміи предложилъ мессинскому коменданту сдаться, такъ какъ теперь всякое сопротивленіе сдѣлалось бесплоднымъ. Комендантъ отвѣчалъ, что сдача Газеты не можетъ имѣть вліянія на его обязанность защищаться, что онъ, сверхъ того, помнитъ обѣщаніе Гарибальди, который, въ прошломъ еще году, передъ высадкою въ Калабрію, обязался не трогать цитадели, за что и цитадель обязалась не трогать города; стало быть, если итальянское войско начнетъ дѣйствовать противъ цитадели, то нарушитъ такимъ образомъ условіе, и онъ, комендантъ, немедленно начнетъ бомбардировать городъ. На это Чіальдини отвѣчалъ ему, что онъ въ заблужденіи касательно своего положенія, что на него теперь будутъ смотрѣть не какъ на непріятеля, а какъ на бунтовщика противъ власти короля Виктора-Эммануила, и что за каждаго шпрного жителя, убитаго въ городѣ, Чіальдини разстрѣляетъ одного офицера бывшаго неаполитанскаго войска. Не съ этою ли цѣлью приказано Мессинѣ защищаться до послѣдней капли крови?.. До свиданія... Но какимъ же образомъ, когда Францискъ II, при свиданіи съ генераломъ Гейономъ, немедленно по приѣздѣ своемъ въ Римъ, сказалъ генералу

и его офицерамъ : «Генералъ, покидая Неаполь, я považаю, какъ мое положеніе *непоправимо*. Защищаясь на Вольтурно, на Гарильяно и въ Гартъ, я думаю только о томъ, чтобы *отомстить*, на сколько это было въ моихъ силахъ, *честь* войска, страны и моей фамиліи. Какъ солдатъ, я считаю, что исполнилъ свою обязанность, и горжусь этимъ». Сознавая свое дѣло непоправимымъ, бывшій король рѣшается отомстить честь войска, страны и фамиліи. Но надо замѣтить, что уже прошло то время, когда самые заклятые, легкомысленные и ограниченные дуэлисты считали возможнымъ *отомщать честь* посредствомъ убійства...»

Черезъ четыре дня послѣ паденія Гаэты, произошло открытіе итальянскихъ палатъ. Король Викторъ-Эммануэль, при входѣ своемъ, былъ встрѣченъ единодушными, восторженными кликами: да здравствуетъ король Италіи! Въ своей тронной рѣчи, онъ приветствовалъ Италію какъ свободную и единую; онъ поручалъ ея участь мудрости народныхъ представителей: «Вамъ предстоитъ устроить Италію; обезпечивая единство, вы установите великія административныя льготы.» Далѣе, когда король говорилъ о французскомъ союзѣ, слова его были покрыты громкими рукоплесканіями; также были встрѣчены слова о союзѣ съ Англіей и съ Пруссіей. Наиболѣе эффекта произвело то мѣсто рѣчи, когда король, указывая на необходимость итальянцамъ быть благоразумными (намекая на Венецію), прибавляетъ, что онъ могъ рисковать своею жизнью и короной... При этихъ словахъ произошелъ бѣшеный взрывъ криковъ браво и рукоплесканій. Потомъ король повторилъ свою фразу и прибавилъ, что онъ, рискуя собою, не имѣлъ права рисковать судьбою народа. Тогда опять раздались рукоплесканія, но уже не столь громкія. Въ итогѣ вся королевская рѣчь была воззваніемъ къ разуму и благоразумію.

За тѣмъ палата приступила къ повѣркѣ избраній и къ внутреннему приведенію себя въ порядокъ. Эта важная хозяйственная процедура потребовала много времени, такъ что засѣданія открылась окончательно только 11 марта.

Мѣсто предсѣдателя занялъ г. Ратацци, извѣстный политическій противникъ г. Кавура. Онъ открылъ засѣданіе великолѣпною похвальною рѣчью Гарibaldi и потомъ выразилъ надежду на разрѣшеніе вопросовъ римскаго и венеціанскаго. Послѣ того г. Кавуръ представилъ парламенту проектъ закона о провозглашеніи итальянскаго королевства, «которое теперь, прибавилъ онъ, приступаетъ къ окончательному своему устройству.»

Докладчикъ проекта закона, г. Джіорджини, произнесъ по этому случаю довольно блѣдную рѣчь. За нимъ г. Броссеріо, при-

надлежащій къ оппозиціи, импровизировалъ поэтическую рѣчь для произведенія въ проектѣ закона нѣкоторыхъ измѣненій. Онъ началъ такъ: «Слава народу! Слава королю, который соединилъ 22 милліона итальянцевъ!» За тѣмъ онъ дѣлаетъ пылкій очеркъ восьми сотъ лѣтъ страданій и несчастій Италіи, перечисляетъ великія вѣсна литературы, живописи и военнаго дѣла, и величайшимъ провозглашаетъ Осина Гарибальди. Нѣтъ нужды говорить, что это нмѣя встрѣчено жаркими рукоплесканіями. Потомъ онъ упоминаетъ о епископахъ и духовенствѣ во Франціи, которые возставали противъ единства Италіи, и переходитъ къ вновь предлагаемому закону. По его мнѣнію, законъ долженъ быть предложенъ не правительствомъ а палатою депутатовъ, потомучто она представляетъ народъ, и тѣмъ неумѣстиже предложеніе этого закона правительствомъ, что первый, провозгласившій короля Италіи былъ *великій диктаторъ*. (Рукоплесканія). Далѣе онъ сравниваетъ Виктора-Эммануила съ другими историческими лицами, носившими титулъ королей Италіи, и говоритъ, что тѣ были завоеватели, а этотъ — представитель самодержавія народа и его свободы. Сказавъ нѣсколько похвальныхъ словъ въ честь савойскаго дома, онъ утверждаетъ, что Италія, провозглашая Виктора-Эммануила своимъ королемъ, не имѣетъ надобности вспоминать его достопочтенныхъ предковъ, которые были савойцами а вовсе не итальянцами, и потому новый король Италіи долженъ называться Викторъ-Эммануилъ Первый а не Второй, какимъ онъ считается въ линіи савойскаго дома.

Собственно говоря, тутъ не о чемъ было слишкомъ долго толковать, потомучто титулъ въ такомъ великомъ дѣлѣ весьма не много значить. Но если уже признать за титуломъ какое-нибудь серьезное значеніе, то конечно г. Брофферіо виолнѣ правъ. Что за нужда возрожденной Италіи, если единство ея укрѣпится на долгое время, вѣчно вспоминать, что ея короли начались съ нумера второго, потомучто первый пришелся въ исторіи Савойи. Какъ-бы то ни было, Викторъ-Эммануилъ былъ единогласно провозглашонъ королемъ Италіи.

Передъ самымъ собираемъ голосовъ, президентъ получилъ и тутъ же прочелъ палатѣ телеграфическую денешу отъ генерала Чіальдини о сдачѣ мессинской цитадели: «Четыре дня вытерпѣвъ непріятельскій огонь, сегодня въ полдень я открылъ огонь изъ своихъ баттарей. Наша артиллерія дѣйствовала удивительно успѣшно. Мы взорвали въ крѣпости нѣсколько складовъ гранатъ, отчего произошолъ большой пожаръ. Въ пять часовъ цитадель подняла бѣлый флагъ; въ шесть часовъ я отказался отъ всякихъ переговоровъ, и далъ три часа на размышленіе; въ девять часовъ гарнизонъ

слалоа безусловно. Мы взяли въ плѣнъ 5 генераловъ, 150 офицеровъ, 4 или 5 тысячъ солдатъ и 300 пушекъ, вся это приблизительно.»

Такимъ образомъ внутренняя формальность о провозглашеніи итальянскаго королевства кончилась. Покаместъ отложенъ вопросъ о подробностяхъ титула, и осталось неизвѣстнымъ, какъ будетъ писаться Викторъ-Эммануэль II, король Италіи, «Божіею милостію» или по «волю народа?»

Принявъ мѣсто председателя палаты, г. Ратацци оказалъ дѣлу итальянскаго единства большую услугу. Г. Ратацци партизанъ плотнаго единства на *французскій ладъ*, чтобы не было большихъ провинцій или областей. Онъ хочетъ, чтобы Италія была раздѣлена на департаменты и префектуры, чтобы не оставалось и сдѣла старыхъ раздѣленій Италіи, чтобы и поминувъ не было о неаполитанской области, о тосканской области, о ломбардской, римской, пьемонтской и проч.; въ особенности онъ не хочетъ, чтобы въ отдѣльныхъ областяхъ были свои провинціальныя палаты, что конечно сильно замедлило бы ходъ дѣла и, питая старинную раздѣльность, неопредѣленно отдалило-бы дѣло соединенія Италіи въ одно цѣлое. Вопросъ объ областяхъ — мысль Фарини и Мингетти, къ которой присоединяется до вѣкоторой степени и г. Кавуръ. Предлагалось устроить, кромѣ столицы, еще провинціальныя отдѣльные центры, на томъ основаніи, что старинныя итальянскія столицы не помнятся съ мыслью сдѣлаться простыми губернскими городами передъ младшею итальянскою столицей, Туриномъ. Говорили, что всѣ преданія Италіи противятся устройству одной большой столицы, которая поглотитъ всю политическую дѣятельность и всѣ богатства страны. Надо признаться, что во всемъ этомъ есть своя доля правды; но съ другой стороны надо замѣтить, что когда столицей Италіи сдѣлается Римъ, что совершенно неминуемо, то мелкая зависть другихъ маленькихъ столицъ исчезнетъ передъ величіемъ такого центра каковъ вѣчный городъ. Сверхъ того, г. Кавуръ, конечно знаетъ очень хорошо всѣ неудобства такой крайней децентрализаціи, какъ устройство провинціальныхъ парламентовъ, понимаетъ очень хорошо какія замедленія произведетъ это въ ходѣ дѣла. Но онъ также знаетъ и провинціальную обидчивость, и безъ сомнѣнія хочетъ учредить только крупныхъ номинальныхъ губернаторовъ, которые поддерживали бы блескъ мелкихъ столицъ. Эти губернаторы будутъ давать балы и обѣды мѣстнымъ тузамъ и значительнымъ профѣзжимъ путешественникамъ, а дѣйствительнымъ, настоящимъ центромъ будетъ все-таки итальянскій парламентъ, а собраніе этого парламента, въ свое время, будетъ вѣроятно въ Римѣ,

Между тѣмъ, бывшій министр индстрiальныхъ дѣлъ бывшаго короля испанскаго воспользоваться отвѣтомъ генерала Чіальдини генералу Фергола, мессинскому коменданту, чтобы еще разъ обратить вниманіе европейскихъ кабинетовъ на вопіющую несправедливость сардинскаго вторженія и на нечеловѣческую жестокость сардинскихъ начальниковъ. «Я считаю бесполезнымъ какое бы то ни было толкованіе на отвѣтъ генерала Чіальдини. Онъ объявляетъ, что законные защитники монархіи будутъ признаваемы бунтовщиками и разстрѣляетъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ, которые избѣгнутъ смерти въ бомбардировкѣ...» Далѣе министр описываетъ возвышенное повеленіе своего государя, который приказалъ мессинскому гарнизону не разрушать города и положить оружіе. «Вотъ, — добавляетъ онъ, — повеленіе государя, котораго описываютъ Европѣ противникомъ Италіи и жестокимъ. Онъ слагаетъ на разрушителей всякаго принципа, на вторгшихся въ его владѣнія отвѣтственность за разрушеніе Анконы, Капуи, Гаэты, и всѣхъ городовъ, составляющихъ преграду ихъ честолюбію.»

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ Чіальдини исполнилъ свою угрозу категорично разстрѣлыванія, это было бы величайшимъ варварствомъ. Однако надо войти и въ его положеніе, какъ въ положеніе всякаго, командующаго дѣйствующимъ войскомъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы нанести какъ можно больше вреда непріятелю и какъ можно лучше сохранить своихъ. Между тѣмъ, по какимъ-то сбивчивымъ понятіямъ, говорится, что надо вести войну какъ можно человѣколюбивѣе, что въ переводѣ на логическій языкъ выходитъ: быть человѣколюбиво-безчеловѣчнымъ. Какъ примирить такое противорѣчіе? Стрѣлятъ въ крѣпость, стараются убивать какъ можно больше народу, стѣснять осажденныхъ, вгонять ихъ въ лихорадки и тифъ, и потомъ посылать лекарства, лечить, съ тѣмъ чтобы потомъ выздоровѣвшихъ убивать какъ можно вѣрнѣе, цѣля щупце-ромъ въ грудь, въ лобъ, въ глазъ. Что-нибудь одно: или лекарство помогаетъ въ болѣзни, и тогда осаждающій, присылкою лекарствъ, помогаетъ непріятелямъ противъ самого себя, поднимая больныхъ и ставя ихъ въ ряды сражающихся, т. е. даетъ непріятелю противъ себя оружіе, все равно, что присылаетъ имъ подкрѣпленія, даетъ боевые припасы. Или лекарства ничему не пособляетъ и тогда присылка его — наглая насмѣшка надъ человѣколюбіемъ. Нечего обманывать себя, нечего рыцарствовать, чтобы прикрасить звѣрство войны, Особеннаго рода воинская честь требуетъ, говорятъ, того, чтобы во время перемирія противники не питали другъ къ другу ненависти и отъ сердца протягивали бы одинъ другому руку. Но опять таки что-нибудь одно: или нѣтъ возможности цѣлять въ

лобъ человѣку, которому часть назадъ честнымъ образомъ протягивалъ руку, или эта протянутая рука была фанфаронада, опять насмѣшка надъ человѣческими чувствами, въ родѣ рыцарствованья дуэлистовъ, которые встарину безъ особеннаго гвѣва, только для удовлетворенія чувству какихъ-то безсмысленныхъ приличій вздѣвали другъ-друга на шпаги. Къ тому же Чіальдини едва ли исполнилъ бы свою угрозу, уже и потому, что Фергола не осмѣлился бы стрѣлять въ городъ; а если бы осмѣлился, то на войнѣ чтоже можетъ быть справедливѣе ветхозавѣтнаго правила: зубъ за зубъ. Мессинскій комендантъ написалъ итальянскому главнокомандующему, что онъ сопротивляется только по чувству воинской чести, и будетъ щадить городъ сколько возможно. На это главнокомандующій поздравилъ его съ перемѣною чувствъ и рѣчей, и прибавилъ, что послѣ осады онъ съ удовольствіемъ пометъ ему руку, такъ какъ онъ любитъ вести войну безъ ненависти и кончать ее безъ сердцовъ. На свѣжаго человѣка эти два послѣднія письма наводятъ настоящій ужасъ, несравненно сильнѣе того, который возбуждается первою угрозою Чіальдини: разстрѣлять по офицеру за каждаго убитаго мирнаго жителя. Въ этой рѣзкой выходкѣ видно, по крайней мѣрѣ, сильное желаніе предохранить мирныхъ жителей отъ разоренія и смерти, видна страстность увлеченія. Страстные подвиги гверильсовъ и волонтеровъ понятны, какъ понятно всякое увлеченіе, и несмотря на всю жестокость этихъ людей, имъ сочувствуешь, потому что видишь въ нихъ людей, а рыцарскія увертки, молодечество хладнокровнаго и равнодушнаго убиванья произволятъ на свѣжаго человѣка такое же впечатлѣніе, какое онъ чувствуетъ при внимательномъ разсматриваньи старинныхъ орудій пытки, щипцовъ, клещей, колодокъ, жаровень и т. п. инструментовъ, которые честно и безъ ненависти отправляли свою службу. Но довольно объ этомъ.

Война въ Италіи кончилась, крѣпость Чивителла дель Торонто занята 20 марта итальянскими войсками. Два раза бывшій король неаполитанскій присылалъ гарнизону приказаніе слаться; но гарнизонъ продолжалъ держаться и дождался того, что крѣпость была превращена итальянскими пушками въ одну груду развалинъ. О защитникахъ Торонто нельзя даже сказать, что они болѣе роялисты, нежели самъ король; они сражались вопреки приказаніямъ своего короля, какъ настоящіе диллетанты. Но и послѣ того спокойствіе въ Италіи не возстановилось. Въ Неаполѣ продолжаются весьма серьезныя волненія. Тамъ осталось множество солдатъ-волонтеровъ арміи Гарибальди, которые, до нѣкоторой степени справедливо считаютъ себя весьма важными людьми, и ничего не дѣлая, получаютъ

отъ мѣстнаго правительства денежное вспомошествованіе. Деньги создали множество такихъ гарибальдистовъ, которые никогда не были волонтерами, а надѣли красныя фланелевыя рубашки только для полученія казенныхъ денегъ. Оказалось, что невозможно удовлетворить ихъ всѣхъ, и они стали ходить по Неаполю толпами, крича: да здравствуетъ Гарибальди! долой министерство! Сверхъ того въ Калабріяхъ поднимаются порою возстанія въ роялистскомъ смыслѣ, и этимъ возстаніямъ не чуждо вліяніе бывшаго короля и его сродниковъ. Какъ бы въ отвѣтъ на возмущенія и поддержку междоусобій, въкоторые благородные прусаки напечатали циркуляръ, которымъ приглашаютъ своихъ друзей къ складчинѣ для поднесенія Франциску II почетнаго подарка. Этотъ циркуляръ такъ любопытенъ, что мы его выпишемъ сполна.

«Съ горестью и въ тоже время съ законною гордостью всякаго честнаго сердца перелъ газетской катастрофой, мы обращаемся ко всѣмъ намъ равнымъ *по рану* и ко всѣмъ, кто раздѣляетъ наши чувства, въ твердомъ убѣжденіи, что нашъ проектъ найдетъ откликъ въ рыцарскихъ и прямыхъ сердцахъ. Цитадель, которую король Францискъ II защищалъ съ такою славой, не только есть цитадель короля Обѣихъ Сицилій, но и оплотъ законности. Если законные монархи Европы не хотѣли предохранить отъ паденія этотъ оплотъ, ни протянуть руку помощи геройскимъ защитникамъ ихъ принципа, мы однакоже громко признаемъ покинутое племя; и чѣмъ глубже чувство вѣрности нашему монарху пустило въ насъ свои корни, тѣмъ откровеннѣе должны мы поднять знамя законности перелъ лицомъ клятвопреступничества и беззаконій, которыя теперь торжествуютъ въ Италіи, а завтра нахлынутъ на Германію. Поэтому мы съ довѣрчивостью обращаемся къ всѣмъ, кто раздѣляетъ нашъ образъ мыслей съ предложеніемъ исповѣдать его во всеуслышаніе рыцарскимъ поднесеніемъ рыцарской королевской четѣ Обѣихъ Сицилій. И такъ какъ мы не можемъ извлекать свой мечъ иначе какъ по приказу, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, и мы должны прикрыть хорошее и справедливое дѣло эгидою чувствъ вѣрныхъ, неколебимыхъ, мы не въ состояніи лучше выразить наши чувства къ защитнику вещей, существующихъ на основаніи священнѣйшихъ принциповъ, какъ поднести рыцарской королевской четѣ почетный щитъ, золотой или серебрянный, смотря по средствамъ, украшенный аллегоріями, приспособленными къ случаю, предметъ, который сдѣлается для его величества Франциска II прочнымъ памятникомъ удивленія и живого сочувствія, какими его геройская храбрость исполнила наши сердца. И такъ мы приглашаемъ всѣхъ, кто расположенъ принять участіе въ этомъ поднесеніи, присылать какъ можно скорѣе добро-

вольныя приношенія тѣмъ, отъ кого они получаютъ настоящее при-
глашеніе. Въ потребное время мы будемъ имѣть честь дать отчетъ
о результатахъ всего предпріятія.»

Подписали: князь Эмиль фонъ Сайль-Виттгенштейнъ, князь
Карль Эгонъ фонъ Фюрстенбергъ, графъ Альфредъ фонъ Эрбакъ-
Фурстенау, графъ Карль фонъ Дейнингенъ-Биллингеймъ, графъ
Эбергарль фонъ Штольбергъ-Вернигероде.

Нало замѣтить, что почти всѣ эти особы, по рангу своему при-
надлежатъ къ числу немногихъ счастливицевъ, изъ домовъ арца-
нскихъ императорскихъ князей, которые, въ силу постановленія гер-
манскаго сейма 13 августа 1825 года, получили право носить ти-
тулъ свѣтлѣйшихъ высочествъ, *altesse sérénissime, Durchlaucht*;
стало быть ихъ предложеніе ни въ какомъ случаѣ до простыхъ
смертныхъ не касается. Но газета *Perseusganza* принимаетъ это пред-
ложеніе въ серьезную сторону, и тоже не можетъ его исреварить.
«Прекрасно, говоритъ она, — если щить будетъ художественно
сработанъ, на что въ Германіи найдутся хорошіе мастера. Но худо-
жественно онъ можетъ быть сдѣланъ и изъ бронзы, для этого вѣтъ
особенной надобности именно въ золотѣ. Злополучный король, по-
терявшій престолъ, сохранилъ 318 милліоновъ франковъ, взятыхъ
его отцомъ и имъ изъ государственныхъ суммъ и благоразумнымъ
образомъ разосланныхъ въ два или въ три разные банка. Жаль толь-
ко, что свѣтлѣйшіе авторы циркуляра, тоже люди большею частью
очень богатые, говоря о своихъ рыцарскихъ чувствахъ, такъ мѣ-
щански усчитываютъ свои копѣйки и толкуютъ о щитѣ золотомъ
или серебряномъ, смотря по количеству подписки, по величинѣ
сдѣлчины, какъ будто у нихъ однихъ не достало бы средствъ на
десять золотыхъ щитовъ, а говоря о рыцарской чести королевской
четы, не упоминаютъ о 318 милліонахъ благоразумно припрятан-
ныхъ франковъ. Это было бы очень кстатіи.»

Въ самомъ Неаполѣ и въ провинціяхъ прежняго королевства
Обѣихъ Сицилій дѣла все болѣе и болѣе запутываются: недоволь-
ныхъ безчисленное множество и, надо правду сказать, туринское
правительство отчасти заслужило это. Оно не имѣло привычки
управлять такою обширною страню, какъ вся Италия, не имѣло и
достаточнаго числа чиновниковъ для этого управленія, а ихъ было
нужно много, особенно потому, что съ другой стороны населенія
новь присоединеннаго къ Италіи королевства не имѣютъ никакой
привычки къ самоуправленію, не умѣютъ обращаться съ своею сво-
бодою и не могутъ обойтись безъ того, чтобы ими не управляли
сверху. Въ неаполитанской области оказывается теперь обширная
роялистская партія, не только въ низшемъ классѣ народа, но въ

особенности и гораде больша, въ высшемъ, который пользовался по близкому положенію своему къ престолу, круницами королевскихъ милостей. Правительство г. Нигра, въ Неаполь, совершенно неожиданно узнало обо всемъ этомъ, вечеромъ, 5 апрѣля, когда въ ту же ночь должны были открыться политическія тюрьмы; стража была уже подкуплена. Въ восемь часовъ вечера стражу сбѣжали, удвоили караулы. Въ ту же ночь городъ долженъ былъ заплыть въ разныхъ мѣстахъ: противъ этого несчастію, которому такъ сочувствуютъ члены юнкерской прусской партіи, подписаншіе вышеприведенный циркуляръ о почетномъ щитѣ, приняты были дѣятельныя мѣры. Однако зданіе Карла II, аббатство бѣдныхъ, въ Форія, загорѣлось, и огонь едва былъ остановленъ. Ночью же, въ Портичи, въ Понтичелли, въ Масса, въ Сомма, во всей долинѣ Соренто и Амальфи подняты были бѣлые бурбонскіе флаги. Подробности дѣла еще неизвѣстны, но положительно увѣряютъ, что было много убитыхъ и раненыхъ. Войска были собраны въ казармахъ; многіе караулы національной гвардіи удвоены; два батальона этой гвардіи всю ночь стояли бивакомъ на Марсовомъ полѣ, Цѣлый день потомъ ходили усиленные патрули. Полицейскіе комиссары тщательно обыскиваютъ дома, особенно тѣ, въ которыхъ живутъ яшювики прежняго правительства. Въ полночь полицейскій комиссаръ забралъ бумаги герцога Гавелло, который тутъ же арестованъ. Этотъ господинъ былъ послѣднимъ чрезвычайнымъ посломъ отъ Франциска II къ Наполеону III. Въ ту же ночь арестовано множество священниковъ и монаховъ. Все это показываетъ, что положеніе напряжено до невозможности, и что Неаполь составляетъ пока мѣсть не силу, а слабость итальянскаго королевства. Что будетъ дальше, — неизвѣстно, но г. Кавуръ и съ нимъ всѣ лучшіе люди въ Италіи (а въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ Гарибальди) думаютъ, что все уладится очень легко и удобно, когда столицей Италіи сдѣлается Римъ. Г. Кавуръ говоритъ объ этомъ постоянно и особенно краснорѣчиво говорилъ 27 марта въ палатѣ депутатовъ, въ отвѣтъ на разные запросы,

«Я сообщу мнѣнія правительства о различныхъ предложеніяхъ, представляемыхъ палатѣ, отвѣчу ораторамъ, говорившимъ передо мной, и объясню касательно нѣкоторыхъ нелсныхъ пунктовъ. Я не стану отвѣчать почтенному депутату Феррари, не потому чтобы рѣчь его не была весьма прилична и сообразна съ парламентскими формами и обычаями, но потому, что она перенесла вопросъ на почву теоретическую. По неимѣнію ли специальныхъ знаній или по особенному предпочтенію къ вещамъ практическимъ, я за нимъ слѣдовать не буду. Но онъ вывелъ на кабинетъ два обвиненія, трот-

буюція отвѣта. Онъ сказалъ, что не любитъ заговорщиковъ, даже на скамьѣ президента совѣта. Стало быть, онъ сдѣлалъ мнѣ честь, причисливъ меня къ заговорщикамъ. И я объявляю, что я двѣнадцать лѣтъ составлялъ заговоры изъ всѣхъ моихъ силъ, чтобы дать свободу и независимость моему отечеству. Я составлялъ заговоры, объявляя свою цѣль въ печати, въ парламентѣ, въ совѣтахъ Европы; сообщникомъ моимъ былъ пьемонтскій парламентъ; итальянскія провинці снабдили насъ безчисленными и знаменитыми соумышленниками; въ прошломъ году еще я былъ въ заговорѣ съ національнымъ обществомъ, и нынѣ же я въ заговорѣ съ 26 милліонами итальянцевъ. Г. Феррари сверхъ того критикуетъ вашу политику присоединеній; онъ говоритъ, что присоединеніе для насъ только увертка, будто мы присоединили Парму, чтобы заставить замолчать Ломбардію, недовольную нѣкоторыми законами; Тоскану присоединили мы будто-бы потому, что у насъ не достало храбрости разрѣшить вопросъ о гражданскомъ бракѣ, будто мы пойдемъ въ Римъ только для избѣжанія другихъ затрудненій. Это очень ловкіе доводы, но я позволю себѣ считать ихъ не совсѣмъ прочными. Когда гарнизонный солдатъ станетъ жаловаться передъ сраженіемъ генералу, что у него платье совсѣмъ износилось, то генералъ сдѣлаетъ очень хорошо, если отложить до другого раза вопросъ объ одеждѣ остающагося дома отряда, а тѣмъ не менѣ поведетъ войско въ дѣло. Г. Мауро-Мекка представилъ другое предложеніе; оно, не противорѣча, отличается отъ предложенія г. Буонкомпаньи. Требуя, чтобы Римъ былъ возвращенъ Италіи, онъ опирается особенно на прошеніе 8000 римскихъ гражданъ. Я признаю важность этого прошенія; но не слѣдуетъ уменьшать вопроса, связывая его съ прошеніемъ. Всѣ остальные предложенія въ сущности между собою согласны: Римъ признается естественною столицей Италіи, и правительство приглашается употребить всѣ усилія, чтобы присоединить его къ Италіи. Да, Римъ долженъ быть нашей столицей, мы провозглашаемъ это безъ замедленія и колебаній. Нѣкоторые говорятъ, что теперь еще не время объ этомъ хлопотать, что благоразуміе совѣтуетъ требовать Рима не потому, что это наша столица, а потому что мы имѣемъ право на Римъ, что онъ нашъ по справедливости. По моему, это важная ошибка: неизбѣжная необходимость этой столицы, невозможность иначе поддержать въ Италіи спокойствіе есть единственный доводъ, который можетъ побѣдить сопротивленіе католическаго міра... Говорятъ еще, что опасно тотчасъ перенести столицу въ Римъ, что надо еще воспитать римскій народъ, прежде нежели намъ туда перейти, стало быть переждать одно или два поколѣнія. Я не хочу связать ни министерство, ни па-

лугу обязательствомъ немедленно перебраться въ Римъ, только что онъ будетъ свободенъ; ясно, что этотъ переходъ будетъ предметомъ разсужденій палаты, потому что это дѣло не исполнительной власти. Дѣло будетъ зрѣло обсуждено и исполнено со всѣми необходимыми предосторожностями. Между-тѣмъ я попробую прибавить еще кое-что ко всему тому, что такъ краснорѣчиво выражено депутатами, говорившими передо мной. Предположимъ, что Римъ присоединенъ къ Италіи, а столица въ него не перенесена, по случаю какихъ-нибудь непреодолимыхъ препятствій: вся Италія была бы въ водненіи; была бы постоянная борьба между тѣми, кто хочетъ тамъ столицы, и тѣми, кто не хочетъ. Развѣ не могло бы случиться, что 180 или 200 южныхъ депутатовъ, дорогою къ сѣверу, остановятся въ вѣчномъ городѣ, задержанные какою-то таинственною, непреодолимою силой? Эта перспектива меня смущаетъ, признаюсь; и когда намъ можно будетъ, безъ опасности для государства, перебраться въ Римъ, то чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше. (Рукоплесканіи.) Спрашивается, какія средства мы употребимъ для достиженія этой цѣли? Вчера я уже говорилъ объ этомъ. Угодно ли, чтобы я разсказалъ всѣ подробности переговоровъ, которые могутъ существовать по этому предмету между Римомъ, Парижемъ и Туринномъ? Чтобы я прочиталъ здѣсь депеши?.. Я скажу палатѣ маленькій секретъ. (Смѣхъ.) Официальныя депеши, въ томъ видѣ, какъ онѣ пишутся теперь, не длинны и не заключаютъ въ себѣ многого. Съ тѣхъ поръ, какъ ихъ печатаютъ въ газетахъ и сообщаютъ парламентамъ, онѣ потеряли всю свою цѣну. (Смѣхъ.) Онѣ могутъ быть изложеніемъ совершившихся фактовъ, описаніемъ общаго положенія дѣлъ; но пишущій депешу думаетъ болѣе о впечатлѣніи, какое она произведетъ на европейскую публику, чѣмъ на того, кто ее получитъ первый. Часто депеша есть почти журнальная статья. За то иная парламентская рѣчь есть отличная дипломатическая нота. Стадо быть нечего желать сообщеній такого рода. Сверхъ того министерство изложило свои виды какъ можно яснѣе. Надо увѣрить истинно-вѣрующихъ католиковъ въ той истинѣ, что присоединеніе Рима къ Италіи не будетъ причиною угнетенія церкви; надо увѣрить, что напротивъ, независимость церкви увеличится, и тогда мы дойдемъ до согласія съ Франціей, которая естественно представляетъ католическое общество въ этомъ великомъ спорѣ. Тогда произойдетъ и соглашеніе съ папой, въ этомъ я твердо увѣренъ; а если бы соглашеніе не совершилось, то вина этого пала бы не на насъ. Доказано, что независимость папы вслѣдствіе свѣтской его власти — ошибка. Когда свѣтская власть даетъ оружіе и деньги, да, тогда она можетъ дать и независимость; но когда, вслѣдствіе свѣт-

ской власти, приходится выпрививать Христа-ради оружія и денег у другихъ; и то не для опасенія независимости, а только для поддержки именно этой свѣтской власти, то это именно одна изъ сильнѣйшихъ причинъ зависности. (Очень хорошо!) Человѣкъ, спокойно живущій въ мирѣ съ соеблями, безъ долговъ, гораздо независимѣе богача; который изнураетъ своихъ крестьянъ и дурно обращается съ ними и не смѣетъ выходить вначе; какъ въ сопроложеніи жандармовъ. (Браво! Смѣхъ.) Остается крѣпко убѣдить, что церковь и папа не будутъ уничтожены. Мы скажемъ папѣ: Святой отецъ, свѣтская власть не обезпечиваетъ вамъ независимости; откажитесь отъ свѣтской власти, мы вамъ дадимъ духовную свободу, которой вы напрасно добивались втеченіе трехъ вѣковъ у всѣхъ католическихъ державъ и которой нѣсколько клочковъ вы съ трудомъ вырвали посредствомъ конкордатовъ, которые связываютъ васъ съ ними; эту свободу мы вамъ дадимъ снола, и провозглашаемъ великій принципъ: «свободная церковь въ свободномъ государствѣ.» (Браво!) Добросовѣстные друзья ваши предлагаютъ вамъ реформы, которыхъ вы произвести не можете, совѣтуютъ вамъ издать законы, противные вашимъ правиламъ; они настаиваютъ, упрекаютъ васъ въ отказахъ; вы сопротивляетесь и дѣлаете прекрасно. Вы не хотите набирать солдатъ, чтобы не принуждать своихъ подданныхъ въ возрастѣ страстей къ безбрачной жизни, но этому у васъ нѣтъ своего мѣстнаго войска; это справедливо. У васъ требуютъ свободы совѣсти, свободы преподаванія; вы не можете дать свободы мысли, не можете позволить преподавать то, что противно католическому догмату: это очевидно. Вынужденный оставаться въ такомъ неестественномъ положеніи, вы поставлены въ необходимость, сдерживать своихъ сыновъ нвоземными штыками. Святой отецъ, то, что мы вамъ предлагаемъ, гораздо лучше!» Когда мы скажемъ все это святому отцу, мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы наши откровенныя, честныя предложенія не были приняты. Предложенія эти чистосердечны, это легко доказать самымъ невѣрующимъ. Я говорю тоже самое съ 1850 года. Предложенія чистосердечны, потому что они сообразны со всею нашею системою, которая требуетъ свободы во всемъ, свободы экономической, свободы административной, полной и совершенной свободы совѣсти, свободы политической, наконецъ полной свободы въ отношеніяхъ церкви и государства. (Очень хорошо!) Когда эти истинны будутъ приняты общественнымъ мнѣніемъ, то я увѣренъ, мы войдемъ въ согласіе съ Франціей; тогда можно будетъ согласиться и съ римскимъ дворомъ. Я не хочу предвидѣть возможности несогласія съ Римомъ. Но если бы это и случилось безъ вины

съ нашей стороны, то послѣдствія не были бы для насъ опасны. Чтобы достигнуть этой цѣли, правительству необходимо имѣть всевозможную нравственную силу. Всѣ предложенія депутатовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ быть выражены коротко такимъ образомъ: провозгласить Римъ столицей Италіи, установить полную и совершенную свободу церкви, признать необходимость согласія съ Франціей. Если палата, своимъ единодушіемъ, дастъ намъ необходимую силу, то мы достигнемъ тогда одного изъ самыхъ великолѣпныхъ результатовъ, какіе только были занесены въ исторію. Если, по стеченію роковыхъ для церкви и для Италіи обстоятельствъ, убѣжденія папы не переѣнятся и онъ непоколебимо будетъ отталкивать всякое согласіе, мы все-таки не перестанемъ провозглашать только-что выраженные принципы, мы не перестанемъ повторять, что, какимъ бы образомъ Италія ня достигла Рима, едва до него добравшись, она объявитъ уничтоженіе свѣтской власти, принципъ отдѣленія государства отъ церкви, и принципъ немедленнаго приложить на самыхъ широкихъ основаніяхъ начало свободы церкви...»

Г. Кавуръ говорилъ съ большою увѣренностью, а между-тѣмъ за десять дней до него, въ консисторіи 18 марта, папа называлъ смертнымъ грѣхомъ носительство на его свѣтскую власть, даже смертнымъ грѣхомъ — всякое приглашеніе къ уступкамъ и примиренію; онъ отрекался отъ современной цивилизаціи, за то будто бы, что она идетъ не однимъ путемъ съ римско-католическою церковью, которая «на землѣ одна только и есть истинная и святая, единственный истинный путь къ вѣчному блаженству;» онъ говорилъ, что «ему предлѣвляютъ везаконныя требованія, но онъ не можетъ на нихъ согласиться, отталкиваетъ и проклинаетъ предъявляющихъ...» Святѣйшему отцу черезъ мѣсяць (13 мая) будетъ 69 лѣтъ и онъ уже давно страдаетъ перипными припадками. 30 марта ему сдѣлалось дурно въ Сикстинской капеллѣ, во время службы; но этотъ обморокъ прѣшло въ благополучно.

Затрудненія итальянскаго правительства увеличились еще въ послѣднее время неожиданнымъ прїѣздомъ въ Туринъ знаменитаго диктатора, самаго Гарибальди. Онъ нездоровъ, страдаетъ ревматизмомъ, и сидитъ дома. Газеты приписываютъ ему разныя намѣренія, какихъ вѣроятно у него никогда не было. Во первыхъ говорятъ, что онъ побѣдетъ въ Акви, на тамошнія воды, лечится отъ ревматизма. Ну, это положимъ, очень правдоподобно. Гарибальди живетъ чрезвычайно скромно, выдается, говорятъ, только съ прежними розглями своихъ волонтеровъ, и втому-то обстоятельству газеты придаютъ весьма большое значеніе, тогда какъ это очень по-

нятно, иначе и быть не можетъ. Эти вожди ближайшіе для него и любимые имъ люди, а онъ не такого рода человекъ, который умѣлъ бы дѣлать визиты приличій. Къ тому же онъ недавно очень круто выразился о политическихъ людяхъ, разумѣя вѣроятно г. Кавура; но вся палата депутатовъ приняла это на свой счетъ и многіе глубоко обидѣлись: «Представителямъ рабочихъ итальянскихъ артелей. Представители рабочихъ итальянскихъ артелей являлись ко мнѣ, въ моемъ уединеніи, чтобъ доказать сочувствіе сильной и работающей половины народа. Не могло быть событія, пріятнѣе этого для моего сердца, потому что я всегда разсчитываю на мозолистую руку людей нашего сословія а не на лживыя обѣщанія обманщиковъ-политиковъ. Поклонъ и братство! О. Гарibaldi.»

Всякій, считающій себя сколько-нибудь политикомъ, принялъ эту выходку за личное оскорбленіе. Говорятъ, что онъ пріѣхалъ въ Туринъ въ качествѣ депутата за Неаполь, и на дняхъ принесетъ палатѣ узаконенную присягу. Говорятъ, что онъ не намѣренъ предлагать министерству запросовъ, а хочетъ внести проектъ закона, а въ чемъ состоитъ этотъ проектъ — никто не знаетъ. Газеты догадываются, что законъ будетъ относиться до вооруженія націи. Отчего же не предположить скорѣе, что своимъ проектомъ онъ предложитъ какую-нибудь страшную кару министерству въ случаѣ уступки чужеземной державѣ острова Сардиніи или какой-нибудь другой части Италіи. Это было бы несравненно ближе къ правдѣ, особливо потому, что въ совѣтѣ гарibaldiстскихъ вождей рѣшено провести мирно 1861 годъ, потому что время не настало. Но министерство, говорятъ, очень сильно занято положеніемъ, какое принялъ диктаторъ въ Туринѣ. Явилось въ городѣ множество красивыхъ рубахъ, и потому, будто-бы, гарвизонъ увеличенъ цѣлымъ батальономъ берсалеровъ. Но все это газетныя утки. Главные наперстники Гарibaldi давно уже сблизились съ г. Кавуромъ, и безъ сомнѣнія теперь имѣютъ примирительное и умѣряющее вліяніе на диктатора. Медичи, Козенцъ, Биксіо и другіе живутъ въ Туринѣ въ качествѣ депутатовъ. Но тѣмъ не менѣе газеты пугаютъ читателей смутными извѣстіями о военныхъ приготовленіяхъ, и, не имѣя никакихъ данныхъ, увѣряютъ даже, что въ воздухѣ пахнетъ войной.

Французскія дѣла

Нѣкоторыя газеты, въ глубочайшей наивности своей, полагаютъ что министерство согласилось составить для Гарibaldi особенную армию изъ однихъ волонтеровъ, какъ будто бывший диктаторъ дѣла, которое охотно играеть въ солдаты. Другіи находятъ, что нѣтъ,

неправда, что армія Гарибальди будетъ состоять на половину изъ регулярнаго войска. Правда, что Гарибальди долженъ быть сильно озабоченъ участіемъ своихъ бывшихъ товарищей по оружію, и что на правительствѣ лежитъ обязанность какъ-нибудь ихъ пристроить. Съ другой стороны, положеніе итальянскаго правительства значительно облегчено тѣмъ, что итальянское королевство окончательно признано англійскимъ министерствомъ 30 марта, и на дняхъ маркизъ д'Азеліо, представитель сардинскаго короля при сен-джемскомъ кабинетѣ, будетъ принятъ королевою Викторіей въ качествѣ посланника Виктора-Эммануила II, короля Италіи.

Сенатскія пренія объ адресѣ на тронную рѣчь, въ сущности, кончились тѣмъ, что мы сообщали въ прошломъ мѣсяцѣ, именно мѣсяцѣмъ генерала Гюссона, что «надо во всемъ довѣряться мудрости императора.» Но въ палатѣ представителей многіе депутаты считали, что надо въ адресѣ заявить нѣкоторыя существенныя потребности и желанія страны. Вотъ ихъ измѣненія на различные параграфы адреса:

«§ 1. Чтобы право контроля, возвращенное представителямъ страны, въ ограниченныхъ предѣлахъ послѣдняго декрета, могло принести свои плоды, — необходимо отмѣнить законъ общественной безопасности и всѣ прочіе исключительные законы; освободить печать отъ произвола; муниципальной власти возвратитъ жизнь, а поголовному праву избирательства возвратитъ силу посредствомъ искренности веденія дѣла и уваженія къ закону. § 2. Мы сожалѣемъ, что несмотря на единодушныя, много разъ выражасмыя желанія, до сихъ поръ удерживается разсмотрѣніе бюджета по министерствамъ. Разсмотрѣніе его въ палатѣ по главамъ и статьямъ — единственное средство дойти до серьезнаго и дѣйствительнаго контроля государственныхъ финансовъ. § 12. Города Парижъ и Ліонъ съ безпокойствомъ взираютъ на неумѣренныя предпріятія своихъ городскихъ управленій, лишонныхъ всякаго обузданія и контролл. Никогда они болѣе живо не жалѣли объ отсутствіи избранныхъ жителями городскихъ совѣтовъ и о забвеніи первоначальнаго принципа нашихъ правъ, выбирать тѣхъ, кто подаетъ голоса о лежащихъ на васъ налогахъ и распоряжаются этими налогами. § 13. Мы съ сожалѣніемъ видѣли, что Алжирія опять поставлена подъ военное управленіе и лишена, какъ и наши колоніи, представительнаго устройства и права посылать депутатовъ въ законодательную палату. § 14. Пришла пора приложить въ Римѣ мудрыя начала системы невмѣшательства и немедленнымъ отзываніемъ нашихъ войскъ, оставить Италію распорядительницею своихъ судебъ.»

Другіе депутаты предложили измѣнить параграфъ, начинающійся словами: «средства Франціи неисчерпаемы...» такимъ образомъ: «средства Франціи огромны, равно какъ ея дѣятельность и энергія, но предусмотрительная политика вашего величества съумѣетъ приберечь и обезпечить себѣ запасы на возможные случайности въ будущемъ. Мы надѣемся, что кромѣ необходимыхъ и не предвидѣнныхъ надобностей, добавочные и чрезвычайные кредиты не будутъ нарушать гармоніи бюджета.»

Особенно яснымъ взглядомъ на вещи отличился извѣстный адвокатъ и ораторъ Жюль Фавръ. Мы приведемъ здѣсь небольшія извлеченія изъ его рѣчей, чтобъ ознакомиться съ нынѣшнимъ духомъ законодательной французской палаты, которая не одобрила ни одного замѣтнаго измѣненія въ проектѣ адреса, и совершенно согласна съ мнѣніемъ генерала Гюссона.

«Самый печальный умъ не упрекнетъ редакторовъ проекта адреса въ излишней смѣлости. По моему мнѣнію слѣдовало бы держать рѣчь болѣе твердую, и это было бы сообразно съ великостью и новостью нашего положенія: вѣдь нынѣче въ первый разъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ палаты призваны къ изложенію своихъ чувствъ и мыслей о ходѣ общественныхъ дѣлъ. Правда, насъ предупѣдомили, что совѣты наши не будутъ имѣть никакого вліянія на высокія рѣшенія. Однако, таково могущество всякой свободы, что это возвращеніе къ нашимъ правамъ, хотя и частное и ограниченное, произвело въ Европѣ законное и глубокое сочувствіе, было привѣтствовано всѣми, кто предпочитаетъ прогрессъ, происходящій вслѣдствіе разсужденій, тому, который бываетъ результатомъ революціонныхъ толчковъ. Редакторы адреса начинаютъ свой проектъ изъясненіемъ благодарности главѣ государства. Прошу позволить мнѣ съ ними не соглашаться. Втеченіе десяти лѣтъ, власть не встрѣчала никакого серьезнаго сопротивленія. У нея были и надо сказать правду, свои безкорыстные сторонники; она могла тоже иной разъ замѣтить, что у нея были и противники, но въ полномъ своихъ верховныхъ актовъ она не встрѣчала сопротивленія. Власть могла одна рѣшать величайшіе вопросы. Но всегда ли это дѣлалось сообразно съ національнымъ чувствомъ? Трудно отвѣтить на это безусловно; по крайней мѣрѣ я утверждаю, что рѣшенія были не всегда согласны съ желаніями большинства. Еслибъ, напр., власть посоветовалась съ палатой объ итальянскомъ вопросѣ, можетъ быть рѣшеніе законодательнаго корпуса не было бы согласно съ намѣреніями власти. (Отрицаніе.) Вы сознаетесь по крайней мѣрѣ, что съ нами не совѣтовались, потомучто французскую палату нечего призывать къ

разсужденію о мирѣ или о войнѣ, когда мечъ обнаженъ. И такъ я утверждаю, что дѣйствіе власти было свободно и верховно, и что она старательно направляла общественныя силы къ тому, чтобы избрателя не выходила изъ повиновенія, чтобы не было нигдѣ ни волненій, ни независимой мысли. (Нѣтъ! нѣтъ!) Въ самомъ дѣлѣ, восстановлена была безконтрольная власть... Но теперь насъ приглашаютъ прямо и откровенно высказать свое мнѣніе, и если вѣрять официальнымъ объясненіямъ, которыя мы здѣсь слышали, мы весьма свободны въ своихъ объясненіяхъ. Намъ говорятъ, что не падо смѣшивать настоящее съ прошедшимъ. Встарину, у оппозиціи были тщеславныя и корыстныя побужденія, которыя ослабляли оппозицію и лишали ее нравственной силы. Не общественная польза, а желаніе добиться министерскаго портфеля поддерживали борьбу. Нынѣче безличность министровъ разрушила эти расчеты, и слова депутатовъ возвращаютъ свою нравственную силу и свою свободу. Никто лучше комиссаровъ правительства не можетъ оцѣнить сколько правды въ ихъ собственныхъ замѣчаніяхъ, потому что они приобрѣли свое нынѣшнее положеніе тою извѣстностью, которую они приобрѣли въ старинныхъ парламентскихъ преніяхъ. Конечно, тогда ихъ намѣренія были чисты, но они никогда не будутъ клеветать на свое прошедшее ради выгодъ настоящаго. (Шумъ и смѣхъ на нѣкоторыхъ скамьяхъ.) Но замѣчательные люди, которые теперь представляютъ правительство передъ палатами, принуждены будутъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, поддерживать мысли, противныя ихъ чувствамъ... (Шумъ.)

Президентъ. Обсуждайте политику правительства, но не касайтесь ни прошедшаго, ни личности представителей правительства въ этой палатѣ; это не будетъ честнымъ и приличнымъ преніемъ, и я вамъ не позволю продолжать въ этомъ направленіи. (Живое одобреніе).

Жюль Фаверъ. Я огдаю справедливость, господинъ президентъ, *безпристрастію*, съ какимъ вы ведете настояція пренія; но я не хотѣлъ дѣлать оскорбительныхъ намековъ. Я только излагалъ, въ чемъ нынѣшнее положеніе отлично отъ прошлаго, и я утверждаю только, что люди, представляющіе правительство, не говорятъ лично отъ себя и за себя. Я прибавлю, что это неудобство теперь еще наименьшее; въ самомъ дѣлѣ, спрашиваютъ нашего мнѣнія о политикѣ правительства, и мы должны высказаться откровенно и твердо. Но что будетъ, если наше мнѣніе не согласво съ мнѣніемъ верховной власти? Произойдетъ-ли столкновеніе? Нѣтъ, говорятъ, комстація ясна. Императоръ совѣтуется съ палатами, но не связанъ ихъ рѣшеніями. Но въ тотъ день, когда случилось бы, что со-

бранія держались бы одной стороны, а императоръ другой, его нравственная сила не была ли бы нѣсколько подорвана? Чтобы выйти изъ такого положенія нужно было бы или употребить силу, поработить собранія, или, — уменьшить императорскую власть. Мнѣ кажется, что было бы разумнѣе въ такомъ случаѣ, вмѣсто перемѣны политикѣ, перемѣнить министерство. (Шумъ и смѣхъ). — Эти размышленія внушены мнѣ современными фактами, возбуждающими самое законное безпокойство. Хотѣлось бы знать законы Франціи, ея управленіе не находятся ли въ совершенномъ противорѣчій съ новымъ порядкомъ вещей, какого должно ждать отъ декрета 24 ноября? Для народа всего хуже — быть игрушкою обольщеній; всего опаснѣе — быть подъ управленіемъ не тѣхъ учреждений, какія кажутся. Мы именно въ этомъ положеніи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ принципъ, служащій основаніемъ всей правительственной политикѣ? Недоразумѣніе невозможно послѣ всего, что мы слышали вчера: знамя правительства, его принципъ — народное самоуправленіе, идея 1789 года. Я читаю на фронтонѣ храма эти принципы 89, а внутри нахожу изъ опроверженіе. По этому то я и представилъ свое измѣненіе перваго параграфа адреса: мнѣ хочется возстановить симетрію, хочется чтобы гармонія была возстановлена». (Смѣхъ).

Далѣе ораторъ необыкновенно краснорѣчиво доказывалъ, что личная свобода во Франціи не существуетъ, потому что отъ воли министра, префекта зависитъ изгнать и разорить отца семейства; доказывалъ, что Франція не знаетъ мѣры, что она убѣжала отъ безграничной свободы и кинулась въ объятія отчаяннаго произвола; — что муниципальныя учрежденія не уважаются; что народъ, не принимающій участія въ управленіи, народъ слабый, образующій государство, которое не можетъ не погибнуть. «Шатобрианъ, великій консерваторъ, говорилъ еще въ 1818 году: «что можетъ быть пелѣнѣ, какъ кричать народу: бросьте энтузіазмъ, зачѣмъ вамъ увлеченія? Хлопочите только о своихъ выгодахъ!» Но съ подобною политикою, когда прійдетъ пора самоотверженія, всякій запретъ свою дверь, сидеть у окошка и ставеть смотрѣть какъ проходитъ монархія. Далѣе г. Фавръ доказывалъ, что надо прекратить деспотизмъ префектовъ, уничтожить ихъ прямое вліяніе на выборы и дать свободу печати. Тутъ онъ напомнилъ, что недавно г. Ганеско, иностранецъ, издававшій журналъ *Courrier du dimanche*, былъ изгнанъ изъ Франціи за какую-то статью. Палата довольно дружными возгласами доказала, что она вполне одобряетъ мѣру, принятую министромъ. Господиныхъ министр прав!

Развѣ не правъ господинъ министръ? раздавалось на разныхъ скамьяхъ справа и слѣва.

Отвѣчалъ на эту рѣчь г. Барошъ, министръ-президентъ государственнаго совѣта. Онъ доказывалъ, что Франція процвѣтаетъ, что ей вѣчего желать лучшаго, что префекты конечно имѣютъ нѣкоторое вліяніе на выборы, но что это уже такъ выходитъ само собою, по ихъ положенію; что печать пользуется совершенно достаточнымъ количествомъ свободы, далѣе которой идти вельзя безъ опасности для внѣшняго правительства и для всякаго. Раздались голоса: «да! да! да!» а кто-то, неизвѣстный, прибавилъ: «и для общества!» Когда г. Барошъ кончилъ, стѣны палаты законодательной потряслась отъ дружныхъ рукоплесканій законодателей.

За тѣмъ говорилъ Эмиль Оливье, и въ особенности о свободѣ печати. «Я и не требую абсолютной свободы печати, да и вѣкогда не слѣдуетъ требовать ничего абсолютнаго; политика есть исключительно наука относительнаго. (Живое одобреніе). Для относительной свободы печати нужно чтобы не было предупредительнаго препятствія къ изданію книги или журнала, и чтобы преступленія по части печати были судимы присяжными. Въ дополнительномъ актѣ Наполеонъ I говоритъ (а я надѣюсь, что это авторитетъ), что въ этомъ отношеніи надо вернуться къ принципамъ 89 года. Статья 64 дополнительнаго акта гласитъ: «Всякій гражданинъ имѣетъ право печатать и издавать свои мысли, за свою подписью, безо всякой предварительной цензуры, отвѣчая законнымъ образомъ послѣ изданія передъ судомъ присяжныхъ, даже если приговаривается къ наказанію исправительному». Мы держимся тѣхъ же принциповъ; мы не хотимъ ничего абсолютнаго; мы хотимъ какого нибудь закона особенно такого, который былъ бы согласенъ съ двумя вышеприведенными принципами. Скажутъ, что для правительства опасно, когда о немъ разсуждаютъ. Но мы и не просимъ, чтобы вы позволили о васъ разсуждать; мы просимъ только, чтобы администрація не была нашимъ судьей; мы просимъ, чтобы дѣло шло законнымъ порядкомъ, словомъ сказать, мы просимъ суда, а не цензуры. (Возгласы на разныхъ скамьяхъ. Продолжительная пауза). Вчера г. министръ Бильо говорилъ, въ своей опытности, что онъ видѣлъ паденіе многихъ правительствъ, и что всѣ они пали по своей винѣ; и ояъ былъ правъ. Развѣ отъ печати пала древняя Французская монархія? Развѣ отъ печати пали диктаторскія власти, называвшіяся конвентомъ, директоріей, имперіей? Развѣ печать свергла июльскую монархію?.. (Многіе голоса: да! да!) Господа! я предоставляю отвѣчать мнѣ на это министерскому оратору — г-ну Бильо (смѣхъ); онъ вамъ скажетъ, при-

поминная великолѣпныя рѣчи, произнесенныя имъ въ другое время; рѣчи, которыя въ юнѣшствѣ я такъ страстно любилъ, что итальянское правительство пало, потому что уорно шло противъ общественнаго мнѣнія, потому что во время не произвело необходимыхъ преобразованій. А какъ же ему было бы безъ печати знать общественное мнѣніе?.. Одинъ извѣстный государственный человѣкъ въ Англіи разсказывалъ мнѣ слѣдующую характеристическую черту: когда въ Лондонѣ пришло извѣстіе о февральской революціи, парламентъ былъ въ засѣданіи; человѣкъ, тогда уже историческій, сэръ Робертъ Пиль, былъ въ палатѣ депутатовъ. Ему сказали, что пало правительство Людовика-Филиппа, которое одинъ прусскій дипломатъ сраннивалъ въ прочности съ алмазомъ. Г. Пиль отвѣчалъ: «Г. Гизо великій государственный умъ; но онъ палъ по незнанію того, что если министръ и опирается на парламентское большинство, все-таки онъ не долженъ бороться противъ общественнаго мнѣнія». А какъ же узнать это мнѣніе безъ свободной печати? Приведу еще одно историческое воспоминаніе, именно о Наполеонѣ; побѣжденный, онъ ѣхалъ на островъ Эльбу и слышалъ проклятія народа, о которомъ говорили ему, будто онъ души не чае въ маленькомъ капралѣ. Слезы текли изъ глазъ убитаго великаго человѣка. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, когда онъ опять, по счастливому обороту судьбы, вернулся въ Тюльери, кого же онъ прежде всѣхъ позвалъ къ себѣ? Бенжамена Констана, который былъ его пламеннѣйшимъ врагомъ. Первыя слова Наполеона были: «Публичныхъ преній намъ надо, свободныхъ избраній, отвѣтственныхъ министровъ, и особенно свободу печати». Послѣ, еще болѣе испытанный неудачами, онъ отправляясь на скалу св. Елены, писалъ своему брату Жозефу, въ Соединенные Штаты. «Скажите моему сыну, чтобы онъ далъ Франціи столько же свободы, сколько я далъ ей равенства». Вотъ чего мы теперь просимъ у императора; и если бы слова наши имѣли какое-нибудь вліяніе, мы сказали бы ему: государь, вы избраны, какъ васъ увѣряютъ всякій день, 35 милліонами голосовъ; вы управляете міромъ въ томъ смыслѣ, что увлекаете фортуны туда, куда сами идете; вы исчерпали всѣ блага и всѣ уроки фортуны; вы имѣли единственное въ исторіи счастье, вступить на престолъ, пройдя черезъ изгнаніе; такъ знайте же, что есть еще одна несказанная и невѣдомая для васъ радость: быть мужественнымъ наставникомъ народа въ дѣлѣ свободы, оттолкнуть робкіе совѣты и стать лицомъ къ лицу съ самою націей. Въ тотъ день, когда вы обратитесь съ этимъ къ Франціи, можетъ быть найдутся люди, вѣрные носоминанціямъ прошлаго; но огромнѣйшее большинство станетъ вамъ горячо удивляться и страстно помогать, а

поддержка націи, государь, будетъ тѣмъ болѣе дѣйствительна, что она будетъ безкорыстна». (Очень хорошо! очень хорошо!)

Вслѣдъ за этимъ (не дожидаясь отвѣта г. Бильо), пустилъ на голоса предложенное измѣненіе и первый параграфъ проекта адреса. Измѣненіе отвергнуто, первый параграфъ принятъ въ его первоначальномъ видѣ.

На дняхъ гѣло Наполеона I опять тронули съ мѣста и перенесли въ той же церкви инвалиднаго дома, на особенно устроенное для этого и чрезвычайно великолѣпно изукрашенное возвышеніе. Перенесеніе совершено было съ надлежащею торжественностью.

У насъ нѣтъ мѣста, чтобы пересказать здѣсь все, что было сказано хорошаго въ защиту предложенныхъ измѣненій въ адресѣ. Нѣтъ нужды приводить и всего того, что возражали на измѣненія правительственные комиссары; они, по словамъ Жюля Фавра, принимались говорить только, чтобы любоваться на собственное свое самодовольство. Особенно хороши были рѣчи г. Фавра объ Алжирѣ и колоніяхъ, о свѣтской власти папы, но неопѣненное зрѣлище представляла палата во время рѣчи маркиза де Пьерра. Эта рѣчь и мнѣнія о ней палаты въ высшей степени поучительны. Все это даетъ такое вѣрное понятіе о палатѣ, можетъ быть даже и обо всемъ французскомъ обществѣ, особенно о буржуазіи, что мы приведемъ ее сполна. Маркизь де Пьерръ говорить не умѣетъ; съ трудомъ онъ выражается, слова у него часто бываютъ безъ связи, онъ конфузится, но рѣчи своей не написалъ заранѣе, хотя это въ законодательной палатѣ и водится. Шла рѣчь о томъ мѣстѣ адреса, въ которомъ восхваляется декретъ 24 ноября, возвращающій палатѣ даръ слова. Многіе хвалили декретъ, и нахвалились вдоволь, когда президентъ позволилъ говорить маркизу де Пьерру.

«Я очень радъ, сказалъ онъ, — всѣмъ тѣмъ объясненіямъ, которыя слѣдовали за замѣчаніями г. де Шазелля, потомучто, къ вашей великой, господа, выгодѣ, онѣ избавляютъ меня отъ ораторскихъ увертокъ. Я не умѣю ни написать впередъ, ни выучить наизусть своей рѣчи. Я повинуюсь неодолимому желанію высказаться, что у меня бываетъ послѣ противорѣчивыхъ преній. (Смѣются). Къ несчастію, мѣры я не знаю. (Опять смѣются). Отъ этого я такъ холодно принялъ декретъ. Я очень любилъ старинные отчеты о нашихъ засѣданіяхъ. Теперь я выражаю имъ свою благодарность, хотя и нѣсколько поздно. Когда я начинаю говорить, то можетъ быть стану поддерживать мнѣнія, которыя покажутся парадоксальными, странными. (Смѣются). Но еслибы здѣсь было десять чловѣкъ одного со мною мнѣнія, то я оставилъ бы имъ заботу говорить. Но я одинъ. Надо же объясниться. (Новая веселость палаты).

Старинные отчеты давали порядокъ, тактъ и мѣру всегдашнему беспорядку моихъ рѣчей. (Смѣются). А нынче я очень беспокоюсь о томъ, что слова мои разнесутся по цѣлой Европѣ. Многіе за это благодарны, и вѣроятно всѣ комиссары адреса, благодаря стенографическому воспроизведенію ихъ словъ и печати, будутъ наслаждаться эхомъ своихъ рѣчей. (Веселость). Прошу извиненія палаты: что касается до меня, то я не увѣренъ въ своихъ новыхъ правахъ, что не мѣшаетъ мнѣ быть благодарнымъ государю за его либеральныя начинанія. Со времени декрета 24 ноября, я не могъ еще добиться прямого отвѣта на вопросъ: какой надобности соотвѣтствуетъ этотъ декретъ? какой свободѣ дастъ онъ удовлетвореніе? Я не получилъ еще отвѣта, и къ величайшему сожалѣнію, я долженъ возобновить его, то есть мой вопросъ, здѣсь, хотя и ужасно боюсь *Монитера*, который мою рѣчь напечатаетъ цѣликомъ. (Смѣются). Я спрашиваю себя, что вѣдь мы не адвокаты, не ораторы (я говорю о меньшинствѣ нашей палаты), такъ что же намъ за выгода въ великой публичности нашихъ словъ? Я такъ чувствую отъ этого скорѣе робость, чѣмъ ободреніе. Говорятъ, что честные люди, для того, чтобы говорить правду, имѣли нужду въ подстреканіи общественнаго мнѣнія; ну а мнѣ для этой цѣли общественнаго мнѣнія вовсе не нужно. Вотъ что я могу сказать о первой половинѣ декрета; перехожу ко второй, къ приглашенію отвѣчать на тронную рѣчь. Исчерпайте всѣ вопросы, говорить намъ государь. Это насъ приглашаютъ на великое ораторское пиршество, (смѣются), и мы приняли въ этомъ пиру участіе такое жадное, которое обозначаетъ, конечно, давнишній голодъ. (Веселость). Когда я въ своемъ отдѣленіи хотѣлъ предложить вопросъ, на который теперь намекаю, я никакъ не могъ заставить себя выслушать. Сочлены мои разбѣжались кто въ Римъ, кто въ Неаполь... (Смѣются).

Одинъ голосъ. Кто въ Сирію: вы забываете.

Маркизъ де Пьерръ. Кто въ Сирію. (Продолжительная веселость). Я продолжаю. Я предвидѣлъ эту жадность; однако можетъ быть мы сохранили бы свое достоинство не кидаясь на приглашеніе съ такую жадностью. Я говорилъ себѣ: во всякомъ случаѣ, декретъ будетъ изученъ, мы научимся употреблять его благоразумно. Я не могъ добиться этого изученія, и если настаивалъ на томъ, чтобы имѣть свою очередь говорить, то это лишь для того, чтобы объяснить какой я подамъ голосъ. Уговаривали меня присоединиться къ предлагаемымъ измѣненіямъ адреса; я постоянно отказывался. Я постановилъ себѣ подать голосъ противъ всего адреса, противъ самаго адреса. (Смѣются). Я не могу принять не въ шутку приглашеніе — выразить свое мнѣніе о самыхъ запутанныхъ вопросахъ

вѣншией политики; эти вопросы принадлежать и должны принадлежать власти исполнительной. Болѣе нежели кто-либо другой во Франціи нашъ государь можетъ нести на себѣ эту отвѣтственность; онъ уже сказалъ одинъ разъ: «Въ своихъ дѣйствіяхъ я никому не обязанъ отчетомъ, кромѣ своей совѣсти, Бога и потомства.» Съ меня этого и довольно. Адресъ хочетъ давать совѣты касательно вѣншией политики; но мы можемъ давать эти совѣты безъ знанія, безъ собственнаго достоинства, безъ большой пользы. (Прерываютъ оратора.) Въ адресъ останется немного, если свести его только на вопросы внутренней политики. Но и то было бы много. Часть надобно отвергнуть. Законодательный корпусъ, собственно говоря, не политическое собраніе... (Шумныя отрицанія, ораторъ прерванъ на вѣсколько минутъ.)

Г. О'Кенъ. А принципы 89 гола?

Г. виконтъ де Лемерсье. Что же мы? Общинный совѣтъ, что ли?

Г. маркизъ де Пьерръ. Мнѣ кажется, что общее движеніе палаты показываетъ... по крайней мѣрѣ... сомнѣнія, которыя соотвѣтствуютъ моей мысли.

Г. президентъ. Не ошибайтесь касательно чувствъ палаты: ваши слова возбудили только нѣкоторый родъ любопытства; но вы унижаете роль палаты. (Очень хорошо! Очень хорошо!)

Г. Шнейдеръ. Я замѣчу, что въ началѣ рѣчи г. де Пьерръ замѣтилъ самъ, что онъ привыкъ говорить только въ уединеніи. (Смѣхъ и одобреніе).

Г. президентъ. Теперь покажѣтъ я еще не отниму у г. де Пьерра права говорить; но я повторяю, что говорить такимъ образомъ — не значить принимать серьезно роль палаты: это значить унижать ее до какой-то роли пловцовъ. (Да! да! хорошо! Очень хорошо!)

Г. де Беллеймъ. Развѣ это значить серьезно смотрѣть на палату — говорить ей такія вещи, когда императоръ спрашиваетъ ея мнѣнія.

Г. маркизъ де Пьерръ. Сейчасъ, слушая меня, вы, господа, смѣялись; я не смѣялся; я постановилъ дать себѣ отчетъ о декретѣ 24 ноября, вслѣдствіе анализа дѣла, если я говорилъ умѣренно, то тѣмъ не менѣе я чувствовалъ свои обязанности и свои права. Пусть извиняютъ меня, если стану говорить теперь съ нѣкоторымъ одушевленіемъ. Я принялъ декретъ 24 ноября съ благодарностью за чувство, которое его внушило; но подумавъ, я объявляю, что этотъ декретъ — подводный камень для палаты, и я испыталъ это, какъ и всякій другой, послѣ рѣчей, здѣсь произнесенныхъ, о которыхъ я не стану объясняться. Я понялъ чувства членовъ, которые говорили: «Никогда въ палатѣ не было произнесено болѣе силь-

ныхъ нападокъ на правительство!» Однако ораторы не говорили ничего рѣзкаго. (Смѣются.) Что я сказалъ — совсѣмъ не смѣшно. Ораторы ничего не сказали сильнаго. Когда передъ нами одинъ государь, то всякое противорѣчіе его дѣйствій похоже на бунтъ. По этому я испытывалъ чувства министровъ, но извинялъ ораторовъ. Да позволено намъ будетъ сказать: дверь должна быть открыта или затворена; не даютъ мнѣ вольностей за тѣмъ, чтобы потомъ ихъ отнять. И такъ я объявляю, что ежели передъ нами постоянно находится лицо государя, который долженъ оставаться сильнымъ и уважаемымъ, когда мы безпрестанно обращаемся къ нему, безъ посредства министра, то всякое преніе о дипломатической депешѣ, написанной министромъ, за котораго отвѣчаетъ государь, всякое преніе похоже на возмущеніе. (Отрицаніе. Различныя возгласы.) Утверждая это, я не думаю унижать характеръ палаты. Я былъ свидѣтелемъ большого безпристрастія въ веденіи преній; я ожидалъ такого же безпристрастія и для себя. Я хотѣлъ только сказать, что мнѣ невозможно принимать въ серьезную сторону условій, при которыхъ намъ дается свобода. Никогда, ни въ какомъ случаѣ не стану я противорѣчить государю; я хочу отвѣтственного министра, къ которому я могъ бы обращаться съ запросами, объясненіями и разборомъ его дѣйствій; и выражая это желаніе, я объявляю, что никогда еще я лучше теперешняго не понималъ я живѣе не цѣнилъ старинныхъ конституціонныхъ учреждений. (Движеніе. Смѣхъ.)

Г. президентъ. Г. де Пьерръ сказалъ, что я былъ безпристрастенъ ко всѣмъ членамъ палаты кромѣ него самаго. Мнѣ нужно объясниться объ этомъ, потомучто я болѣе всего стремлюсь къ почтенію и уваженію палаты. Вчера я прервалъ г. де Пьерра съ нѣкоторою живостью, когда онъ требовалъ слова, и вотъ почему: вчера г. де Пьерръ подошелъ ко мнѣ требовать слова, объяснилъ мнѣ, что онъ хотѣлъ сказать палатѣ и что палата теперь знаетъ. Я съ самою дружескою настойчивостью старался его отговорить, замѣчая ему, что не всякая правда годится на то, чтобы ее высказывать (*que toute vérité n'est pas bonne à dire*)...

Но довольно. Палата, внимательно ловившая каждое слово г. де Пьерра, смѣлшаяся дѣтскимъ или дерзкимъ смѣхомъ на неловкіе, не замѣтила, какъ неудачно проговорился г. президентъ, признавъ слова оратора правдой, которую однако не ловко высказывать, и покрыла дружными рукоплесканіями окончаніе его рѣчи, точно также, какъ въ всѣ рѣчи правительственныхъ ораторовъ. Ни одно изъ серьезныхъ измѣненій не было принято, и адресъ утвержденъ 22 марта большинствомъ 213 голосовъ противъ 13.

То измѣненіе, которое относилось до очищенія Рима и предложено было Жюлемъ Фавромъ съ четырьмя другими товарищами, отвергнуто большинствомъ 246 голосовъ противъ 5, стало-быть краснорѣчивый ораторъ не убѣдилъ ни одного изъ своихъ сочленовъ въ необходимости строгаго примѣненія принципа невмѣшательства въ Италиі, и за измѣненіе подали голоса только тѣ, которые его подписали. Какъ видно, большая часть французскихъ сердець съ сочувствіемъ стремится туда, гдѣ звучитъ военная труба, гдѣ гремятъ барабаны и маршируютъ солдаты. Жюль Фавръ говорилъ между прочимъ:

«Противорѣчій безчисленное множество въ этомъ дѣлѣ. Генералъ Ламорисьеръ и съ нимъ множество французовъ опредѣлилось въ папскую службу, а у насъ есть законъ, что всякій французъ, поступающій въ иностранную службу, лишается права гражданства во Франціи. (Смутный шумъ.) У насъ просили денегъ, добровольныхъ приношеній, для поддержанія святѣйшаго отца, увѣряли при этомъ, что онъ находится во власти злыхъ, увѣряли, что онъ просто мученикъ, тогда какъ онъ находился подъ покровительствомъ Франціи. (Движеніе.) Что же изъ этого вышло? Святѣйшій отецъ собралъ войско, которое со дня на день увеличивалось, кидала вызовы итальянскому движенію. Задача была въ томъ, чтобы схватить итальянское движеніе за горло, притащить его къ стопамъ св. Петра въ Римѣ и принести его въ жертву католичеству. (Смутный шумъ.) Пьемонтъ долженъ былъ приять свои мѣры. На границахъ составлялось угрожающее войско; онъ вызываетъ кардинала Антонелли разсѣять это скопище. (Смѣются.) Да знайте, что войско было собрано не для защиты папы, потому что Франція была въ Римѣ. Я повторяю, Пьемонтъ сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать. Если бы въ Брюссель собралось 50,000 пруссаковъ, развѣ вы ничего не стали бы дѣлать? За что же вы хотите, чтобы Пьемонтъ держался другой политики, нежели мы сами? (Прерываютъ. Смутный шумъ.) Пьемонтъ разсѣялъ скопище... По конкордату, заключенному въ Фонтенебло 25 января 1813 г., папѣ рѣшился жить въ Авиньонѣ съ ежегоднымъ доходомъ въ два милліона. Скажутъ можетъ быть, что папа былъ къ этому принужденъ, потому что былъ въ плѣну? Неправда. Никогда папа не согласился бы сдѣлать уступку въ догматѣ вѣры. Вѣдъ католичество совершенно отлично отъ свѣтской власти, между ними ничего нѣтъ общаго; и какъ же дерзны тѣ, которые хотятъ соединенія двухъ такихъ противоположностей. Католическая религія стоитъ превыше всего нашего житейскаго. Заставить ее принимать участіе въ условіяхъ свѣтскихъ властей, оставить ея участь въ зависимости отъ всего,

что такъ измѣнливо въ житейскихъ дѣлахъ, это, смѣло сказать, — недостатокъ благоговѣнія къ вѣрѣ, который странно видѣть у защитниковъ панства...»

Только пять голосовъ поддержали измѣненіе г. Жюля Фавра, а изъ нихъ еще одинъ былъ его собственный. Видно, что палата сочувствуетъ французскимъ орламъ, гдѣ бы они ни были и во что бы то ни стало, и сверхъ того видно, что если императору Наполеону III и нужно было сочувствіе палаты для продолженія римскаго занятія, то онъ теперь имѣетъ полное право на него разсчитывать съ величайшею увѣренностью.

Въ послѣднее время французское общество выказалось, и если дѣло не будетъ искусственнымъ образомъ замято, выкажется еще въ банкротствѣ Миреса, извѣстнаго бавкира. Это одинъ изъ самыхъ ловкихъ биржевыхъ людей во Франціи и, стало быть, въ цѣломъ свѣтѣ, потому что нигдѣ на свѣтѣ не производится биржевая игра въ такихъ отчаянныхъ размѣрахъ какъ въ Парижѣ. Миресь первый возымѣлъ богатую мысль основать на акціяхъ общество для биржевой игры, и въ самомъ дѣлѣ основалъ его въ 1848 году. Оно называлось Кассою соединенныхъ акцій. Понятно, что большое число акцій различныхъ обществъ въ однихъ рукахъ не могутъ въ итогѣ разорить челоуѣка: потерявъ на однихъ акціяхъ онъ выигрываетъ на другихъ. Сверхъ того, при большихъ средствахъ, онъ покупаетъ множество акцій какого-нибудь новаго общества; отъ этой покупка цѣна акцій поднимается, и при усиленной въ этомъ смыслѣ операціи, поднимается неестественно, выше того, что въ самомъ дѣлѣ стоятъ акціи. Доведа ихъ такимъ образомъ до высшей возможной точки, онъ сбываетъ ихъ понемногу, за противуестественную цѣну, самъ или черезъ своихъ агентовъ, а за тѣмъ акціи опять падаютъ въ цѣнѣ и доходятъ до дѣйствительной стоимости, т. е. представляютъ тотъ капиталъ, съ котораго, въ качествѣ процентовъ, получается ежегодный дивидендъ. Такимъ образомъ тотъ, кто купитъ искусственно взбитую акцію, пондется, потеряетъ, можетъ быть, половину или двѣтрети своего капитала, а выиграетъ тотъ, кто первоначально скупилъ много акцій по дешевой цѣнѣ. По просту, это называется играть въ крапленныя карты, съ передерживаньемъ и передержками; но эта продѣлка — еще самая неважная изъ всѣхъ тѣхъ, къ которымъ прибѣгаютъ крупныя биржевыя спекуляторы въ Парижѣ. Разумѣется, чѣмъ болѣе капиталъ употребляется на такого рода спекуляціи, тѣмъ легче производить перевороты, дающіе баснословно высокія выгоды. Миресь это понялъ, и посредствомъ своей Кассы соединенныхъ акцій дѣлалъ на биржѣ чудеса и наживалъ милліоны.

Черезъ три съ половиною года послѣ него нѣсколько богатѣйшихъ банкировъ основали подобное же общество, подъ названіемъ: Главное общество кредита на движимости (*Société générale de crédit mobilier*). Во главѣ его стояли Эмиль Перейра, Исаакъ Перейра, Бенедиктъ Фульдъ, Адольфъ Эйхталь и многіе другіе финансовыя тузы. Кредитомъ на движимости названо общество въ противоположность съ Кредитомъ на недвижимыя имѣнія, и будто бы по сходству этихъ двухъ операцій. Какъ банкъ для залога земель, домовъ и фабрикъ ссужаетъ деньги или свои облигаціи подъ залогъ этихъ имѣній, такъ мы будемъ ссужать деньги и потомъ своя облигаціи подъ залогъ акцій и бумагъ, т. е. движимостей, принадлежащихъ обществамъ, существующимъ или только что образующимся. Такое громадное общество съ капиталомъ въ 60 милліоновъ франковъ и съ правомъ выпустить облигацій на 600 милліоновъ, держало въ своихъ рукахъ всю промышленность, стало имѣть могучее вліяніе на дѣла всѣхъ существующихъ и въ особенности всѣхъ вновь учреждаемыхъ обществъ. Но очевидно, что все это общество, къ великой выгодѣ основателей и директоровъ, построено на воздухѣ. Оно покупаетъ различныхъ акцій на 660 милліоновъ, 60 милліоновъ выдаетъ деньгами, а 600 милліоновъ своими облигаціями. Въ видѣ залога этой вылачи, оно хранитъ акціи, которыя точно такъ же пускаетъ въ ходъ, смотря по потребностямъ биржи и конечно, главное, по своимъ выгодамъ. При упадкѣ дѣлъ на биржѣ, цѣнность бумагъ понижается иногда на цѣлыя 30%; но уже и при упадкѣ на 10% общество должно считаться вполне и совершенно безъ денегъ, потому что оно обязано выплачивать по своимъ облигаціямъ наличныя деньги, а въ портфель имѣющіяся акціи не стоятъ тѣхъ денегъ, какія надо выслать по облигаціямъ. Такое учрежденіе, какъ общество кредита на движимости можетъ существовать только при величайшемъ внутреннемъ порядкѣ государства, при твердомъ мирѣ съ сосѣями; но замѣтимъ мимоходомъ, что физическая возможность существованія не доказываетъ еще нравственной законности предмета. Общество кредита на движимости поддерживается только правительствомъ, которое посредствомъ этого общества держитъ въ рукахъ безчисленное множество мелкихъ капиталистовъ, заинтересованныхъ во всевозможныхъ предпріятіяхъ, существующихъ теперь во Франціи. А извѣстно, что капиталисты во 100, въ 200 франковъ, если это возможно, еще болѣе консерваторы, чѣмъ люди, участвующіе въ дѣлахъ большими суммами.

Какъ бы то ни было, общество кредита на движимости было лавнымъ подрывомъ Мирсовой Кассѣ соединенныхъ акцій. Однако

же, при помощи своей ловкости, Миресь держался, только долженъ былъ увеличить капиталъ общества съ 12 до 50 милліоновъ, и такъ какъ и правительство не сочло нужнымъ покровительствовать ему на столько же, сколько Кредиту на движимости, то онъ и получалъ право выпустить облигацій на сумму не въ десять разъ превышающую капиталъ, а только равную капиталу. При этомъ, такъ какъ первоначальныя дѣла Кассы соединенныхъ акцій были сдѣланы въ особенности на бумаги желѣзныхъ дорогъ, то и самое общество съ 1856 года стало называться главною кассою желѣзныхъ дорогъ. Дѣла этой кассы или Миреса, что все равно, состояли въ продажѣ и покупкѣ всевозможныхъ бумажныхъ цѣнностей, въ совершеніи займовъ и т. д. Между прочими дѣлами, Миресь взялъ на себя устроить заемъ для турецкаго правительства, которое давно уже потеряло кредитъ. Это ему не удалось, подписка далеко не покрывала той суммы, которую онъ обязался къ извѣстному сроку турецкому правительству. Дѣла запутались, и вдругъ парижское общество было глубоко огорчено и страшно взволновано: прошелъ слухъ, что Миреса взяли, что Миресь въ тюрьмѣ, что касса желѣзныхъ дорогъ запечатана. Любители новостей стали рассказывать, что поражены ужасомъ особенно высшія сферы, что оказывается по кассѣ множество злоупотребленій, подкуповъ, безпорядковъ всякаго рода. Прошелъ еще болѣе страшный слухъ: заговорили, будто императоръ непременно хочетъ все дѣло вывести на чистую воду, раскрыть всю подноготную всѣхъ интригъ, при помощи которыхъ Миресь обдѣлывалъ свои дѣла. Въ газетахъ даже какъ-то проскользнуло, будто въ великомъ страхѣ разныхъ обличеній, которыя непременно должны были воспослѣдовать при подробномъ и публичномъ изслѣдованіи дѣла, разные важныя лица стали возвращать въ кассу Миреса разные болѣе или менѣе законно полученныя суммы, и будто сынъ г. министра-президента государственнаго совѣта Бароша (а не самъ онъ), возвратилъ въ тотъ же день въ кассу 200 тысячъ франковъ. Теперь назначена ликвидація кассы Миреса; ликвидаторы опредѣлены отъ правительства, а Миресь все еще содержится въ тюрьмѣ.

Но сынъ г. Бароша напрасно поторопился. Въ дѣлахъ такого рола, какъ дѣло Миреса, не будетъ особенно скандальныхъ разоблаченій и обличеній, потому что дѣло вышло бы слишкомъ гласно, въ судѣ произносились бы имена слишкомъ крупныя, слишкомъ высоко стоящія въ совѣтахъ правительства, и хотя нынѣшній порядокъ вещей во Франціи довольно проченъ, чтобы выдержать и не такіе толчки, однако все же лучше безъ скандала: и спокойнѣе, и вѣрнѣе. Навѣрное, все кончится благополучно для высшихъ сферъ;

не ожили что замѣчательное будетъ, мы конечно передадимъ все читателямъ. Теперь пока еще неизвѣстны и результаты ликвидаціи. Въ кассѣ должно быть разныхъ акцій и бумажныхъ цѣнностей на сто милліоновъ франковъ, а въ обращеніи — на 50 милл. франковъ Миресовыхъ облигацій. Все ли такъ и окажется — еще не извѣстно.

А между-тѣмъ парижское и французское общество было озадачено страннымъ, давно небывалымъ явленіемъ. Высшее духовенство, по самому положенію своему, держитъ сторону папы; иначе оно и быть не можетъ; но французскіе законы предвидѣли возможность вмѣшательства духовенства въ свѣтскія дѣла и постановили на этотъ случай извѣстныя наказанія: ст. 201. «Духовное лицо, за произнесеніе во время церковной службы и въ общественномъ собраніи рѣчи, заключающей въ себѣ разборъ или порицаніе правительства, закона, императорскаго декрета или всякаго другого акта общественной власти, подвергается заключенію въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцовъ до двухъ лѣтъ.» Далѣе сказано: ст. 204. «Всякое сочиненіе, которое заключаетъ въ себѣ пастырскія наставленія въ какой бы то ни было формѣ и въ которомъ духовное лицо разбираетъ или порицаетъ правительство или какой-либо актъ общественной власти, ведетъ за собою наказаніе изгнаніемъ духовнаго лица, издавшаго такое сочиненіе.» Законъ ясенъ, и если слишкомъ строгъ, такъ-что не можетъ прилагаться къ дѣлу, то долженъ быть замѣненъ другимъ, или уничтоженъ, а простое неисполненіе показываетъ или невниманіе власти къ своему положенію, или слабость. Въ томъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, таинственная, необъясняющая своихъ цѣлей политика Наполеона III поставила его въ ложное положеніе, въ которомъ онъ оказывается до нѣкоторой степени слабымъ, не смотря на безграничную свою власть. Защитникъ особы папы и свѣтской его власти, императоръ французовъ уговариваетъ его къ измѣненію формы правленія. Въ отвѣтъ на это папа проклинаетъ своего защитника на ряду со всѣми, уговаривающими его къ уступкамъ. Французскія войска продолжаютъ защищать того, кто ихъ проклинаетъ. Роли, такъ сказать, переѣнились: за зло платятъ добромъ свѣтскіе и сверхъ того военные люди высшему своему духовному лицу. Между-тѣмъ, распоряженіями папы духовныя лица во Франціи оставлены въ странное положеніе: ихъ глава порицаетъ французское правительство, а между-тѣмъ они по закону этого права не имѣютъ, хотя съ другой стороны обязаны всячески содѣйствовать своему главѣ. Но законъ не дѣйствуетъ; епископы рассчитываютъ на сочувствіе къ папѣ своихъ прихожанъ и одинъ изъ нихъ, именно епископъ пуатьерскій, въ отвѣтъ своемъ

на известную брошюру ла-Героньера, о которой мы говорили въ своихъ обзорѣняхъ, позволилъ себѣ порицаніе императорской политики. Въ отвѣтъ на это 3 апрѣля вышелъ декретъ, которымъ порицается пастырское посланіе пуатьерскаго епископа. «Такъ такъ, — сказано въ декретѣ, — глава церкви и самая церковь имѣютъ власть только надъ дѣлами духовными а не надъ свѣтскими, то пастырскія посланія епископовъ къ прихожанамъ епархій должны имѣть предметомъ только поученія касательно религіи. Въ пастырскомъ посланіи 22 февраля епископъ пуатьерскій дозволилъ себѣ порицать политику и критиковать дѣйствія нашего правительства; въ его посланіи заключаются сверхъ того оскорбленія нашей особы и сближенія, которыя могутъ произвести смятеніе въ убѣжденіяхъ католическихъ нашихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, епископъ превысилъ свою власть, нарушилъ законы имперіи и могъ самовольно смутить совѣсти гражданъ. Вслѣдствіе этого постановляемъ, что въ сказанномъ пастырскомъ посланіи есть злоупотребленіе, почему и самое посланіе уничтожается.» Этотъ декретъ, дѣйствительно, смутилъ совѣсти гражданъ, потомучто придавалъ посланію чрезвычайно большую важность, и подданные не знали, чьей же стороны держаться въ своихъ убѣжденіяхъ, епископской или императорской, такъ какъ онѣ вступили въ открытую борьбу и, повидямому, съ равными силами. Тогда догадались, что дѣло надо было повести иначе, и 9 апрѣля явился простой циркуляръ министра юстиціи прокурорамъ. Въ циркулярѣ говорится, что противъ злоупотребленій въ пастырскихъ посланіяхъ есть законы, которые до сихъ поръ не прилагались, потомучто духовенство не мѣшалось въ свѣтскія дѣла, а теперь наступила пора, когда законность должна вступить въ свои права, и потому прокурорамъ предлагается слѣдить за подобными нарушеніями закона, и, по надлежащемъ доказательствѣ фактовъ, представлять виновныхъ суду въ подлежащія мѣста. Послѣ этого совѣсти католическихъ подданныхъ успокоились, и хотя трудно представить себѣ епископа представленнымъ передъ гражданскій судъ, однако робкія совѣсти стали понимать, чего имъ держаться, увидѣли, что есть законъ, и колебаніе между авторитетомъ императора и епископа кончилось. Друзья Италіи видятъ въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ симптомовъ приближенія развязки римскаго вопроса. Ждутъ отвѣта папы на циркуляръ министра юстиціи, и потомъ болѣе ѣдкаго и рѣшительнаго циркуляра, съ надеждою на дипломатическую растраву этого вопроса, и вслѣдствіе этого на удаленіе французскихъ войскъ изъ Рима.

АВСТРІЙСКІЯ ДѢЛА

Передъ открытіемъ засѣданій венгерскаго сейма, многія вѣнскія газеты выражали преувеличенный страхъ и неестественныя опасенія. Имъ казалось: или что венгерцы, не понимая благодѣяній нѣмецкаго владычества, тотчасъ постараются отъ него освободиться, или представляютъ такія желанія, что императору непременно окажется необходимымъ переехать въ Пестъ. Опасенія доходили до того, что многіе жители Вѣны продавали свои дома съ уступкою 20%, рассчитывая на то, что скоро Вѣна перестанетъ быть столицею имперіи. Нѣмцы, живущіе въ Пестѣ и въ Будѣ, приготовили экипажи, чтобы бѣжать въ первую же минуту опасности. Страхъ объялъ всю нѣмецкую часть населенія Венгріи. Говорили, что въ сеймъ, какъ нарочно, выбраны такія лица, съ которыми правительство никакъ не сладитъ, не добьется ни до какихъ результатовъ. Сильное меньшинство, — говорили газеты, — будетъ, вѣроятно, имѣть сильное вліяніе на сеймъ; онъ получаетъ инструкціи отъ Кошута и повинуется ему безусловно. Предводителемъ этой партіи въ сеймѣ будетъ Владиславъ Телеки, недавно помилованный императоромъ. Противорѣчія ожидаются на каждомъ шагѣ, и между прочимъ по важному вопросу о назначеніи палатина. Извѣстно, что сеймъ долженъ выбрать трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ будетъ уже выбранъ императоромъ. Званіе палатина чрезвычайно важно, потому что по закону 1848 г., когда король не въ Венгріи, то палатинъ имѣетъ за него почти всѣ права исполнительной власти, что онъ лицо не отвѣтственное, и такимъ образомъ власть короля почти уничтожается. Теперь уже нѣтъ надежды, чтобы сеймъ избралъ палатиномъ эрцгерцога Максимилиана; говорятъ, что партія Кошута первымъ кандидатомъ представитъ графа Телеки, что онъ откажется, и тогда предложатъ г. Коломана Гичи, который извѣстенъ за человѣка либеральнаго, но неспособнаго противиться напорѣ противодинастическаго движенія.

Но теперь оказывается, что всѣ эти догадки были неудачны и опасенія напрасны, потому что здраво-либеральное направленіе никогда не можетъ довести населенія и ихъ правительства до серьезной опасности, которая скорѣе возможна при другой крайности. 6 апрѣля сеймъ открылся въ Будѣ совершенно благополучно, при чемъ не было выражено ни малѣйшаго противодинастическаго или противозаконнаго желанія. Но старинный принципъ не удался на этотъ разъ въ своемъ примѣненіи. Приходится перемѣнить систему и окончательно отказаться отъ преданій политики Меттернихъ-Бахъ,

и принять политику прямую, правдивую, открытую, справедливую.

Когда было разрѣшено собраніе сербскаго національнаго конгресса, то правительство надѣялось, что сербы, вмѣстѣ съ кроатами, уже изъявлявшіе неудовольствіе на венгерцовъ, устремятся своими симпатіями къ Вѣнѣ, и что они скорѣе пошлютъ своихъ представителей въ Вѣну, чѣмъ въ Пестъ. Но при этомъ забыто было два обстоятельства, во-первыхъ, что система Баха была для сербовъ еще тяжелѣе, чѣмъ для венгерцовъ, и потому тамъ боялся и тѣмъ ся возвращенія, а во-вторыхъ, что новая австрійская конституція представляла для сербовъ еще меньше гарантій, чѣмъ конституція венгерская.

Сербскій конгрессъ долженъ былъ открыться 28 марта; но когда начальство узнало, что сербы постановили неизбѣжнымъ условіемъ дальнѣйшихъ совѣщаній — соединеніе съ Венгріей, то сеймъ былъ отерочень, а въ Вѣну посланы были сообразныя съ дѣломъ запресы. Въ отвѣтъ получено было предписаніе: сеймъ открыть, но совѣщанія его сдѣлать негласными и ограничить ихъ нѣкоторыми заранее назначенными незначительными пунктами. Такое ограниченіе провозвело глубочайшее, хотя и сдержанное неудовольствіе, такъ что ни патріархъ, ни императорскій комиссаръ не посмѣли открыть сейма такого озлобленнаго. Опять дали знать въ Вѣну, и надо полагать, что инструкціи были измѣнены: сеймъ былъ открытъ 2 апрѣля; тотчасъ же назначена была коммисія для сношеній съ венгерскимъ сеймомъ и выраженія желаній сербовъ. Желанія эти въ короткихъ словахъ, слѣдующія: соединеніе съ Венгріей во всякомъ случаѣ; недостаточность австрійскаго государственнаго министерства для сербскихъ дѣлъ; участіе въ сербскомъ сеймѣ; образованіе изъ сербской воеводины неотдѣлимой части Венгрии; административная самостоятельность воеводины; признаніе сербскаго языка официальнымъ языкомъ въ странѣ; избраніе воеводы.

Остальныя провинціальныя сеймы тоже открыты. Венгерскій сеймъ открытъ въ Будѣ 6-го апрѣля, но не самимъ императоромъ-королемъ, какъ-то было обѣщано, а великимъ судьей графомъ Аппоя, который прочелъ королевское посланіе, стоя на послѣдней ступени трона. Въ посланіи сказано, что король, сдержавшій свое обѣщаніе, посылаетъ венгерской законодательной палатѣ свое привѣтствіе, въ полномъ убѣжденіи, что нѣтъ препятствій, нѣтъ недоразумѣній, которыя не исчезли бы передъ доброй волей и откровенностью. Король возлагаетъ свою надежду на сеймъ, созванный имъ для возстановленія и обезпеченія конституціи, созванный для того, чтобъ сообразить конституцію съ потребностями времени, во

въ особенности для того, чтобы, принеся присягу на дипломѣ открытія, короноваться священной короною перваго короля. Тѣмъ болѣе король хочетъ удовлетворить законнымъ желаніямъ націи, что онъ надѣется съ ея стороны на уваженіе къ власти короля и къ существованію монархіи. Далѣе королевское посланіе упоминаетъ о развѣтвіи октябрьскаго диплома, о распространеніи конституціоннаго устройства на всю имперію, при чемъ уважены были права Венгріи. Король сожалѣетъ о томъ, что не можетъ возстановить конституціи въ той мѣрѣ, какъ желало бы его отеческое сердце, наъ уваженія къ цѣлости монархіи. За тѣмъ было прочитано отреченіе отъ престола короля Фердинанда I, 2 декабря 1848 г., равно какъ и тотъ актъ, которымъ августѣйшій отецъ нынѣшняго короля, эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, отказывается отъ своего права на престолонаслѣдіе.

Въ Прагѣ, въ Троппау, въ Зальцбургѣ открылись тоже сеймы, съ самыми миролюбивыми изъявленіями преданности и любви къ австрійской монархіи. Еще прежде, 14 марта, открылось кرواتское генеральное собраніе. Тамъ начальникомъ комитата сѣдланъ извѣстный въ славянскомъ мірѣ ученый, Кукулевичъ. Въ собраніи онъ былъ встрѣченъ съ необычайною торжественностью, съ самыми пышными изъявленіями уваженія. Передъ принесеніемъ присяги епископъ сказалъ, что онъ весьма счастливъ, принимая присягу челоуѣка, знаменитаго своею ученостью и заслугами передъ народомъ и отечествомъ, и потомъ описалъ достоинства и заслуги Кукулевича. Затѣмъ начальникъ комитата произнесъ рѣчь, которая была принята слушателями съ выраженіемъ самаго пламеннаго сочувствія.

«У меня нѣтъ ни богатствъ, ни высокихъ титуловъ, — сказалъ онъ; — я не занималъ въ государствѣ никакого высокаго поста, когда императору угодно было назначить меня начальникомъ комитата; но у меня есть любовь къ согражданамъ и къ отечеству. Я останусь кромѣмъ, я буду вѣренъ своей странѣ, которая теперь мала, но была нѣкогда знаменита, велика, а съ помощью Божіею опять будетъ велика и знаменита, въ непродолжительномъ времени... Прежде всего мы должны быть самими собой, а потомъ мы можемъ войти въ дружескія связи съ народами венгерскими, которые съ древнихъ временъ были нашими ближайшими союзниками. Наши отцы любили свободу выше всего и оберегали права кرواتской короны; они заботились тоже самое дѣло своимъ потомкамъ. Горе намъ, если мы не пойдемъ по стопамъ своихъ отцовъ, если дозволимъ какое нибудь посягательство на наши права и на вольности нашей короны: мы осквернили бы этимъ священный прахъ нашихъ предковъ. Не

забудемъ однакоже, что свобода нашихъ предковъ была свобода конституціонная, которая умѣла держаться между абсолютизмомъ и анархіей. Необдуманый шагъ можетъ погубить насъ; мы знаемъ это по недавнему опыту: послѣ 1848 года наступилъ германскій абсолютизмъ. Мы теперь наканунѣ великой будущности, и за вниманіемъ другихъ причинъ, ручается намъ за это наше географическое положеніе. Куда ни посмотримъ, вездѣ видимъ единокранныя племена южныхъ славянъ, которые ждутъ нашей помощи и покровительства: одни противъ ига нѣмецкаго, другіе противъ ига азіатскаго, и нѣкоторые противъ ига итальянскаго....»

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ рѣшены были вопросы о возстановленіи кроатской земли въ ея древнихъ границахъ и о собраніи сейма далмато-кроато-славонскаго. Особенно шумно и замѣчательно было засѣданіе 19 марта, когда шла рѣчь объ отношеніяхъ Кроаціи къ Венгріи. Въ 1848 году кроаты не согласились соединиться съ венграми и возстали противъ нихъ, потомучто Венгрія не признавала кроатскихъ законовъ, лишала Кроацію всякой самостоятельности и у короны отнимала независимость. Кроаты присоединились къ мадыарамъ только въ силу прагматической санкціи, которою императоръ Карлъ III призналъ самостоятельность и независимость королевства кроатскаго, и сверхъ того въ силу трактата съ венгерскимъ королемъ Коломаномъ, который за себя и за всѣхъ своихъ преемниковъ присягнулъ въ вѣчномъ охраненіи правъ народа кроатскаго, именно: самостоятельности и независимости королевства, свободное избраніе высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, древніе народныя законы, удаленіе мадыаровъ, которые не могутъ жить въ странѣ безъ согласія кроатовъ; обязательное для преемниковъ коронованіе королевскою короною Звонимира; участіе народа въ обсужденіи того, что до него касается. Магнаты, обыкновенно не признающіе никого и ничего, кромѣ самихъ себя, не обращали вниманія на просьбы и домогательства кроатовъ, и тѣмъ оттолкнули отъ себя націю и погубили собственное свое дѣло 1848 года. Но теперь венгерскій сеймъ одушевленъ нѣсколькими другими принципами, и домогаясь самостоятельности для себя, вѣроятно будетъ снисходительнѣе смотрѣть на самостоятельность другихъ.

«И вотъ наконецъ мы присутствуемъ, говоритъ газета Sun, при окончательной организаціи народовъ, входящихъ въ составъ Австрійской имперіи, до сихъ поръ составлявшихъ неорганическое скопленіе частей, сплоченныхъ силою штыковъ и пушекъ. Теперь каждая изъ частей принимаетъ свои, сообразныя съ внутренними законами формы, а потомъ, если освѣожены такимъ процессомъ части найдутъ это удобнымъ, онѣ составятъ одно въ самомъ дѣлѣ»

сильное дѣло, сильное потому, что оно будетъ не искусственно, а естественно».

ПРУССКІЯ ДѢЛА

Любимая и важнѣйшая забота прусскаго министерства состоитъ теперь въ увеличеніи числа своего войска, въ предвидѣніи разныхъ военныхъ случайностей, въ особенности со стороны Рейна и отчасти со стороны Даніи, по поводу давнишняго, много разъ поднятаго и нѣсколько разъ оставленнаго вопроса о Голштиніи. Мы постараемся разсказать дѣло какъ можно короче, хотя и приходится пачать весьма издалека. Въ XII вѣкѣ Шлезвигъ былъ независимымъ герцогствомъ, точно также, какъ и Голштинія. Датскій король Магнусъ убилъ шлезвигскаго герцога Кнуда. Потомъ шлезвигцы отомстили ему убійствомъ его отца. Потомъ Вальдемаръ, сынъ Кнуда, побѣдилъ и убилъ Свена, короля датскаго, и самъ сдѣлался датскимъ королемъ, и потомъ еще завоевалъ себѣ сосѣдную Голштинію. Общее несчастье Шлезвига и Голштиніи соединили ихъ судьбы; и та и другая страна до сихъ поръ питаютъ къ Даніи самую искреннюю ненависть, которая не исчезла отъ множества разнообразнѣйшихъ переворотовъ въ судьбѣ этихъ трехъ странъ, начиная съ XII столѣтія.

Были договоры, которыми датскіе короли обязывались за себя и за всѣхъ своихъ преемниковъ, что Шлезвигъ и Голштинія никогда не будутъ соединены съ Даніей подъ властью датскаго короля. Другими договорами Шлезвигъ и Голштинія обязывались быть вѣчно и неразрывно соединенными. Вслѣдствіе войны, оба герцогства отпадали отъ королевства съ торжественнымъ обоюднымъ обѣтомъ никогда больше, ни подъ какимъ предлогомъ не соединяться; потомъ опять были обѣты вѣчнаго соединенія, съ извѣстными ограниченіями королевской власти въ герцогствахъ, наконецъ сама Голштинія распалась на двѣ части, королевскую и герцогскую. Великій князь, въ послѣдствіи императоръ, Павелъ Петровичъ, уступилъ Даніи свою часть Голштиніи, въ обмѣнъ на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, которыя и отдалъ младшей Гольштейнъ-Готторпской линіи. Съ тѣхъ поръ Голштинія связана съ судьбами датскаго королевскаго дома. Потомъ, актомъ вѣнскаго конгресса, Голштинія вошла въ составъ германскаго союза, все-таки подъ верховнымъ владычествомъ Даніи, вслѣдствіе чего Голштинія постоянно стремится къ отдѣленію отъ королевства. Революція 1830 года еще усилила отвращеніе Голштиніи, потому что данныя тогда полупредставительныя учрежденія развили и усилили чувство національностей. Въ бурномъ 1848 году ненависть разразилась войной, въ которой

предпоследнее слово было сказано дипломатами, а последнее Австріей. Сначала прусскія войска помогали Голштиніи, а потом, когда рѣшено было, что Голштинія не имѣеть права заявлять свою національность, когда дипломатія рѣшила, что *возстаніе* Голштиніи должно быть подавлено, то Пруссіи было уже неудобно принять на себя роль жандарма, когда она была соучастникомъ, и потому роль эту приняла на себя Австрія. Корпусъ австрійскихъ войскъ прошолъ черезъ всю Германію, вступилъ въ Голштинію и, вмѣстѣ съ датскими войсками, заставилъ патриотовъ положить оружіе, около конца 1850 года. Не смотря на это, датское правительство постоянно встрѣчало отпоръ своимъ распоряженіямъ; Голштинія всегда признавала датскаго короля своимъ государемъ, она постоянно возставала противъ *данизированной*, противъ поглощенія нѣмецкаго своего элемента датскимъ; Германія долго не вступалась въ голштинскія дѣла. Наконецъ Пруссія съ Австріей согласилась въ 1858 году на столько, что при союзномъ совѣтѣ устроенъ былъ особый комитетъ для разсмотрѣнія голштинскихъ желаній. Голштинскій комитетъ для составленія уложенія объявилъ въ 1859 году свои представленія въ смыслѣ самостоятельности и равенства, такъ что общими съ королевствомъ оставались только военныя силы, флотъ и финансы, притомъ съ нѣкоторыми ограниченіями и Голштинія соединяется съ Шлезвигомъ опять навсегда и опять неразрывно. Датскій кабинетъ воспользовался тѣмъ, что вниманіе Германіи было отвлечено итальянскими дѣлами, и закрылъ собраніе. Въ январѣ 1860 опять открытъ былъ сеймъ, который изъяслялъ закончигъ путемъ, и съ надлежащимъ по закону большинствомъ голосовъ, свои желанія соединиться съ Шлезвигомъ и ввести въ преподаваніи и въ церквахъ нѣмецкій языкъ, какъ наиболѣе поватный огромному большинству. Началось полицейское слѣдствіе по поводу проекта адреса, начались аресты, и собраніе, созванное правительствомъ для совѣщаній, для изложенія своихъ мнѣній, было распущено именно за свои мнѣнія и желанія. Тогда прусское министерство назвало поступки Даніи несправедливостью, на что копенгагенскій кабинетъ отвѣтилъ рѣзкою нотой, требуя объясненій, а берлинскій кабинетъ отвѣтилъ еще болѣе жестко. Дѣло дошло до угрозъ войны, вторженія; стали собирать войска, снаряжать корабли. Само собою разумѣется, что иностранныя, болѣе или менѣе дружественныя державы приняли въ спорѣ участіе, и вотъ наконецъ что отвѣчалъ 12 апрѣля г. Джонъ Россель на запросы въ палатѣ депутатовъ о положеніи переговоровъ касательно голштинскихъ дѣлъ.

«Переговоры послѣ вмѣшательства германскаго союза въ 1851

году повели къ совершенному, повидимому соглашенію; но, какъ это часто бываетъ съ соглашеніями, изъ него вышло значительное разногласіе. Датское правительство обѣщало общую конституцію, которою обезпечены были бы права Голштиніи. Къ несчастію, такая конституція никогда не была дана. Правительство предложило общее для всей монархіи собраніе, въ которое Голштинія присылала бы своихъ членовъ пропорціонально своему народонаселенію. Это было довольно справедливо, но народъ голштинскій не принималъ предложенія, полагая, что его права такимъ образомъ не будутъ достаточно обезпечены. Представлены были другіе проекты соглашеній; между прочимъ г. Пальмерстонъ предлагалъ отдѣлить отъ Шлезвига нѣмецкіе округа и присоединить ихъ къ Голштиніи. Данія отъ этого отказалась, точно такъ же какъ Германія постоянно противится слитію Голштиніи съ Даніей. Король датскій всегда утверждалъ, что онъ всячески старался исполнить свои обязательства 1851 года. Германія отвѣчала, что эти старанія не были чистосердечны, потому что ни въ одномъ предложеніи датскаго правительства не было гарантіи нѣмецкой національности Голштиніи. Въ концѣ прошлаго года датское правительство обратилось къ правительству ея величества съ предложеніями, которыя надо было передать Пруссіи. Предложенія эти не были приняты; на томъ дѣло и остановилось. Германскій союзъ предложилъ Даніи согласиться на двѣ вещи: 1) чтобы сдѣла общихъ расходовъ, падающая на Голштинію, была представляема сейму этого герцогства; 2) чтобы никакой законъ, касающійся Голштиніи, не былъ постановленъ безъ разсмотрѣнія сеймомъ ея. Эти предложенія весьма понятны, и я думаю, что союзъ имѣлъ право ихъ сдѣлать. Я долженъ только сказать, что съ той и съ другой стороны употреблялись фразы чрезвычайно темныя, отчего ссора и продолжается такъ долго и отчего становится труднѣе примиреніе. Датское правительство истолковало предложеніе Германіи такъ, какъ будто *никакой* въ монархіи законъ не долженъ былъ быть изданъ безъ согласія голштинскаго сейма. Пруссія отвѣчала, что никогда и не думала дѣлать такого предложенія. Тогда французское правительство спросило насъ, что мы намѣрены дѣлать. Въ отвѣтъ на это, я сообщилъ г. Тувенелю всю переписку, а тотъ отвѣчалъ, что французское правительство дѣйствуетъ въ гармоніи съ нами. Тогда вмѣстѣ съ Франціей (Россія и Швеція раздѣляли наши мнѣнія) Англія послала ноту, въ которой приглашала Данію сообщать голштинскому сейму часть бюджета, приходящуюся на долю Голштиніи. Датскій министръ отвѣчалъ, что его правительство уже утвердило справедливыя и разумныя предложенія, которыя имѣютъ быть сообщены Голштиніи. Но

впослѣдствіи оказалось, что предложенія эти были такъ немалы и сложны, что не могли быть приняты голштинскимъ сеймомъ по причинѣ разныхъ ограничивающихъ оговорокъ... Мнѣ кажется, что истинное разрѣшеніе вопроса будетъ состоять въ томъ, чтобы датскій король въ самомъ дѣлѣ и добросовѣстно исполнилъ то, что обѣщалъ. Для Европы было бы великимъ несчастіемъ, сопряженнымъ съ большими опасностями, если бы изъ-за Голштиніи возникла борьба, которая можетъ подвергнуть опасности независимость и неприкосновенность Даніи. До сихъ поръ я старался употреблять вліяніе британскаго правительства въ смыслѣ мира и примиренія. Такова наша обязанность въ качествѣ друзей Германіи и Даніи.»

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Пруссія не будетъ воевать съ Даніей изъ-за Голштиніи, хотя нѣкоторые любители страховъ и ужасовъ составляютъ множество разнообразнѣйшихъ догадокъ, будто Франція намѣрена начать войну, принявъ сторону Даніи противъ Голштиніи, и пользуясь этимъ случаемъ, захватить прирейнскія прусскія земли, и т. п., но это все лишь газетные толки, основанные на собственномъ соображеніи или воображеніи публицистовъ.

Послѣ рассказанныхъ нами замѣчательныхъ преній въ прусской палатѣ депутатовъ объ адресѣ, въ которомъ выражено сочувствіе палаты итальянскому движенію, пренія, большею частью, направлены были на предметы мѣстныхъ интересовъ. Партіи въ палатѣ окончательно опредѣлились, но упоминая о нихъ, не слѣдуетъ забывать, что онѣ далеко не имѣютъ того значенія, какое имѣютъ партіи англійскаго парламента или прежняго французскаго. Здѣсь министерство не отвѣтственно, стало быть независимо отъ палаты, и потому палаты могутъ думать что хотятъ, говорить такъ краснорѣчиво, какъ умѣютъ, — министерство будетъ дѣйствовать съ полною независимостью, и ни въ какомъ случаѣ не подастъ въ отставку, если палата съ нимъ будетъ несогласна, т. е. если оно не пользуется довѣріемъ страны. Между тѣмъ, палата уже выслушала проектъ закона, представленный однимъ членомъ, назначила комиссію для его разсмотрѣнія, и комиссія одобрила его. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы пригласить правительство представить палатѣ, въ слѣдующемъ ея собраніи законъ на основаніи министерской отвѣтственности, на основаніи ст. 61 конституціоннаго акта. Любопытно будетъ слѣдить за преніями по поводу этого проекта, но можно сказать заранее, что онъ будетъ принятъ, и тогда Пруссія окончательно вступитъ на конституціонный путь. Въ палатѣ явственнѣе другихъ обозначалась партія Финке, къ которой принадлежитъ 140 членовъ. Въ остальныхъ шести партіяхъ 191 членъ, и сверхъ того 12 членовъ

подають голоса независимо отъ партій. Партія Финке можетъ по справедливости назваться чисто конституціонною; такъ какъ онъ съ своею партією крѣпко держится точнаго смысла конституціи; по этому—то можно смѣло разсчитывать, что его партія будетъ держать сторону предположеннаго закона объ отвѣтственности министровъ, какъ—то постановлено 61-ю статьею конституціоннаго акта. Г. Финке далеко не демократъ, и недавно онъ высказалъ это совершенно ясно: «Законъ существуетъ для того, чтобы уравнивать права всѣхъ прусскихъ гражданъ, или лучше сказать, всѣхъ подданныхъ. Демократы дѣлаютъ различіе между этими двумя понятіями. Я подданный, и при томъ подданный моего прирожденнаго государя.» Члены либеральной партіи возражали на это, что въ конституціи вѣтъ подданныхъ, а г. Финке отвѣчалъ изложеніемъ различія между демократами и конституціоналистами. Остальныя партіи нелаты незначительны и главное, не имѣютъ надлежащей парламентской дисциплинировки.

Южныя дѣла

На западѣ дѣла, для насъ южныя, называются обыкновенно восточными; для жителей запада, дѣйствительно, Греція, Европейская Турція, Сирія, Египетъ—лежатъ на востокѣ, а для насъ все это па югъ. Такъ какъ мы стараемся смотрѣть на вещи съ своей точки зрѣнія, то и не видимъ, почему бы югъ называть востокомъ.

Наша южная сосѣдка Турція недавно (27 марта) объявила блокаду своихъ албанскихъ береговъ, въ Адриатическомъ морѣ. Это не совсѣмъ обычное явленіе, хотя примѣры этому и бывали. Обыкновенно блокируютъ непріятельскій портъ или берегъ, а тутъ—свой собственный, точно какъ будто онъ непріятельскій. Дѣло въ томъ, что народонаселенія, по случаю всеобщаго пробужденія національностей, начинаютъ волноваться, будучи не въ силахъ терпѣть ненавистное мусульманское владычество. Дѣло въ томъ, что турецкое правительство въ отвѣтъ на различныя представленія европейскихъ державъ о трудномъ положеніи турецкихъ христіанъ, послало на ревизію христіанскихъ областей Киприсли-пашу. Этотъ сановникъ долженъ былъ обозрѣть провинціи, выслушать жалобы обижаемыхъ, если таковыя окажутся, вникнуть подробно въ положеніе дѣлъ, и донести высокой Портѣ все такъ, какъ найдетъ. Въ тоже время ему дано было полномочіе смѣнять чиновниковъ, не заслуживающихъ довѣрія правительства и назначать на ихъ мѣсто другихъ. По возвращеніи въ Константинополь, онъ донесъ, что все обстоитъ совершенно благополучно, что христіанскія населенія блаженствуютъ подъ

мусульманскимъ владычествомъ, что имъ рѣшительно не остается ничего болѣе желать. Изъ его донесенія весьма удобно можно было понять, что ежели и бывало нѣсколько случаевъ, что мусульмане насильно увозили христіанскихъ дѣвушекъ, насилдовали ихъ и заставляли принять мухамеданство, то на эти мелочи не стоитъ обращать вниманія. Въ то же время онъ доносилъ, что во многихъ мѣстахъ онъ разспрашивалъ недовольныхъ и жалующихся, и ему всѣ и всѣ говорили, что напротивъ, не только жаловаться нечего, а еще благодарить надо турецкія власти за благополучіе, какимъ пользуются христіане. Очевидно, что Киприсли-паша былъ посланъ турецкимъ правительствомъ только для удовлетворенія общественному мнѣнію въ Европѣ: пусть видятъ, какъ мусульмане пекутся о своихъ подданныхъ, христіанахъ. Это донесеніе вызвало ноту русскаго правительства; въ этой нотѣ съ величайшею простотою и въ то же время съ достоинствомъ указывалось, что Киприсли-паша доносилъ неправду, что во время быстрого своего объѣзда турецкихъ областей, онъ нигдѣ не останавливался даже на столько, чтобъ имѣть физическую возможность, хотя поверхностно, разспросить недовольныхъ, что ему недовольныхъ христіанъ приводили какъ бы къ допросу турецкіе полицейскіе, стало быть допрашиваемые передъ допросомъ были надлежащимъ образомъ напуганы, и потому говорили не то, что есть. За тѣмъ, въ подтвержденіе этого привадено множество фактовъ, съ именами различныхъ безнаказанно убитыхъ въ разныхъ мѣстахъ Турціи христіанъ. Турецкое правительство обратилось къ англійскому съ запросомъ, что дѣлать по поводу этой ноты. Англійскій посланникъ сказалъ, что это ничего, что слѣдуетъ только отписаться, тоже составить ноту. Этотъ послѣдній отвѣтъ отличается большою наивностью: изъ него видно, будто всѣ свѣденія, собранныя Киприсли-пашей совершенно вѣрны, и это сказано такимъ тономъ, какъ будто само министерство не вѣритъ тому, что пишетъ. Послѣдствія оправдали русскую ноту. Болгары возстали: то тамъ, то здѣсь слышно о жестокихъ проявленіяхъ кровомщенія, и понятво, что если населенія не могли добиться справедливости законными путями, и не видятъ и впредь никакого исхода изъ своего положенія, то взяли за оружіе. Черногорцы, всегда готовые подраться съ турками, помогаютъ возставшимъ, и дѣло принимаетъ довольно серьезный оборотъ. Между тѣмъ дѣло осложняется тѣмъ, что одно время носились слухи, будто волонтеры Гарибальди явятся возставшимъ на помощь, съ тѣмъ, что такъ какъ тутъ близко австрійская граница, то они потомъ перейдутъ и въ славянскія австрійскія земли, подвигаясь такимъ образомъ къ своей желанной Венеціи, на освобожденіе своего Іерусалима на да-

гунахъ. Выходитъ, что теперь турецкіе корабли держатъ въ блокадѣ свои собственные берега для защиты отъ предполагаемаго вторженія колонтеровъ со стороны моря.

Сирийское занятіе продолжается; срокъ его послѣдними конференціями въ Парижѣ продленъ еще на три мѣсяца; но этотъ срокъ не основанъ ровно ни на чемъ, или, вѣрнѣе сказать, только на томъ, что англійское министерство согласилось и соглашается на занятіе съ величайшимъ неодовольствіемъ, по разнымъ соображеніямъ. Сущность вопроса для него состоитъ въ томъ, чтобы какъ нибудь французскія силы не утвердились съ нѣкоторою прочностью въ странѣ, столь близко лежащей къ Индіи и къ новому пути, туда пролагаемому, черезъ Суэцскій перешеекъ. Силы эти могутъ имѣть большое вліяніе и на успѣшность работъ по иррыгаціи канала, и на расположеніе египетскаго правительства, и на духъ азіатскихъ населеній, которыя привыкають уважать французское оружіе. Все это до крайности неспріятно для Англии, которая теперь сильнѣе прежняго вооружаетъ островъ Мальту, увеличиваетъ тамъ число войскъ, доводитъ ихъ до восьми тысячъ, и все это, какъ догадываются французскіе журналы, чтобы успѣть, въ случаѣ нужды, занять какой нибудь прибрежный пунктъ Сиріи, между Бейрутомъ и Суэцскимъ перешейкомъ. Тутъ дѣла вѣтъ до того, что христіанамъ въ Сиріи грозитъ поголовное истребленіе, въ случаѣ удаленія французскихъ войскъ. Для нихъ это статья второстепенная, когда рѣчь идетъ о выгодахъ торговыхъ.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ

«Въ воздухѣ пахнетъ войною» — говорятъ западныя газеты. Но слѣдуетъ надѣяться, что это только такъ кажется. Правда, что національности вездѣ шевелятся, желаніе самостоятельности начало ярко проявляться вездѣ, гдѣ только національность была подавлена. Славяне хотятъ положительно избавиться отъ нѣмецкаго ига, и немудрено полагать, что когда они достигнутъ этой первой, ближайшей своей цѣли, они будутъ хлопотать о слитіи отдѣльныхъ славянскихъ частей между собою. Ионическіе острова тяготеютъ протекторатомъ Англии и хотятъ соединиться съ Греціей. На это англичане совершенно справедливо и честно представляютъ имъ, что подъ греческимъ управленіемъ имъ будетъ гораздо хуже, что они не будутъ пользоваться такимъ количествомъ личной свободы и благосостоянія, какъ теперь; что имъ теперь желать нечего, что у нихъ свой національный парламентъ, свободная печать, что всѣ сборы съ острововъ употребляются на нихъ же. Но жители Иониче-

скихъ острововъ ничего не хотѣтъ слышать, я допуская даже все это, соглашаясь, что имъ будетъ несравненно хуже, все-таки стремятся къ соединенію съ Греціей: дѣло въ томъ, что грекамъ хочется быть греками, хотя это и не такъ выгодно, какъ быть англичанами. Голштинія стремится къ самостоятельности, съ тѣмъ, чтобы воссоединиться съ своимъ элементомъ, съ Германіей. Венеція рвется въ объятія Италіи, не смотря на то, что австрійское правительство общало области представительное устройство... Вся Европа исполнена страстныхъ, давно сдерживаемыхъ стремленій; но благоразуміе кабинетовъ не дремлетъ: тамъ дружеское вмѣшательство, здѣсь принципъ невмѣшательства, далѣе вмѣшательство вооруженной силой, объятія дипломатическихъ нотъ, благоразумныя уступки, все это предупреждаетъ могущія возникнуть столкновенія. А если ко всему этому прибавить, что современная огнедышущая гора, Италія, на время погасла, притаилась, по сознанию собственного безсилія, то можно почти навѣрное разсчитывать, что еще нѣсколько мѣсяцевъ войны не будетъ. Кромѣ того, такъ какъ въ нѣсколько мѣсяцевъ утечетъ много воды и перемѣнится много обстоятельствъ, то можетъ быть, что эта египетская казнь челоуѣчества, война, отсрочится еще на неопредѣленно далекое время.

Послѣднія извѣстія

Искренніе почитатели неаполитанскаго диктатора были глубоко огорчены послѣднею его выходкой въ Туринѣ. Гарибальди попробовалъ свои силы въ новой для себя борьбѣ, и былъ разбитъ на голову. Теперь объясняется, для чего онъ пріѣхалъ въ Туринъ. Телеграфъ извѣщаетъ насъ, что онъ 18 апрѣля присутствовалъ въ палатѣ депутатовъ. Генералъ Фанги давалъ объясненіе по поводу запроса о распущеніи неаполитанскаго войска. Потомъ Гарибальди произнесъ сильную рѣчь, оскорбительную для министерства, вслѣдствіе чего произошелъ въ палатѣ шумъ. Г. Кавуръ протестовалъ. Чтобы положить этому конецъ, президентъ долженъ былъ накрыться, и такимъ образомъ засѣданіе было прервано. Потомъ, когда оно вновь было открыто, Гарибальди опять началъ говорить, но уже гораздо умѣреннѣе, и требовалъ вооруженія націи, точно также какъ это сдѣлано въ Англіи, гдѣ корпусъ волонтеровъ составляетъ весьма почтенную силу; онъ сказалъ между-прочимъ, что французы, занимающіе Римъ, враги Италіи, и что министерство можетъ съ нимъ помириться не иначе, какъ снова сформировавъ армію волонтеровъ и пославъ его въ Римъ. Послѣ этого г. Кавуръ поддерживалъ мнѣніе о необходимости принять слова Гарибальди къ сооб-

раженію, что въ парламентскихъ обычаяхъ значить, что министръ не отвергаетъ предложеніе, какъ нестоящее вниманія, или какъ невозможное, а готовъ обсуживать его съ палатой, предоставляя себѣ потомъ согласиться съ нимъ или не согласиться. Примирительныя слова, сказанныя 19 апрѣля г. Кавуромъ и г. Биксіо, были покрыты рукоплесканіями всѣхъ партій. Гарibaldi, въ своей возвышенной, почти дѣтской простотѣ, объявилъ себя удовлетвореннымъ. Но 20 апрѣля, примирившись наканунѣ съ Гарibaldi въ своей рѣчи, г. Кавуръ говорилъ противъ его предложенія. Онъ сказалъ, что предлагаемое немедленное сформированіе арміи волонтеровъ будетъ чѣмъ-то въ родѣ объявленія войны, тогда какъ Англія положительно объявила себя противъ всякаго подобнаго вызова. Потомъ г. Риказоля слѣлалъ предложеніе, благопріятное министерству, и оно было принято большинствомъ 194 голосовъ противъ 77. Отъ 21 апрѣля извѣщаютъ, что Гарibaldi ѣдетъ на нѣсколько времени въ Кремону, по случаю разстроеннаго своего здоровья.

Подробности этихъ любопытныхъ дней 18, 19 и 20 апрѣля еще неизвѣстны; но по всему видно, что Гарibaldi потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе въ своемъ парламентѣ, и истинные друзья его горько сожалеютъ, что онъ попробовалъ вступить въ борьбу на новомъ для себя поприщѣ и новымъ оружіемъ съ противникомъ, которому и поприще знакомо со всѣми его изворотами и условіями, и оружіе извѣстно съ давнихъ поръ.

Бывшая республика Сан-Доминго 18 марта, чрезъ своего президента, генерала Сантана, присоединилась къ Испаніи. Теперь это уже совершившійся фактъ. Но такъ какъ онъ совершился безъ согласія или безъ вѣдома Италіи и Франціи, то надо ждать по поводу его обширной и довольно раздражительной дипломатической переписки.

Въ неаполитанской области реакція, по извѣстіямъ отъ 20 апрѣля, была разбита на всѣхъ пунктахъ; послѣднія мѣста, гдѣ укрывались инсургенты, заняты пьемонтскими войсками. Особенно большія услуги оказала національная гвардія. Арестовано множество духовныхъ лицъ, и оказывается, что возстаніе подготавливалось въ огромныхъ размѣрахъ.

Турецкое правительство, давно уже идущее быстрыми шагами къ своему разоренію, выпустило нынче новыхъ бумагъ на 300 мил-

ліоновъ міастровъ, а вся вичатая теперь операція, дойдеть до 1250 милліоновъ міастровъ.

Въ засѣданіи верхней палаты лордъ Волгусъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, объявилъ, что англійское правительство взираеть на положеніе Рима съ большимъ неудовольствіемъ, потому что свѣтская власть папы номинально уважается во время французскаго занятія, и тотчасъ прекратится, какъ только французы выведутъ свои войска. Правительство было бы очень радо, — прибавилъ благородный лордъ, — если бы французы оставили Римъ; но протестантская Англія не можетъ быть посредницею переговоровъ, когда съ вопросомъ связана духовная власть папы.

ФЕЛЬТОНЪ

НѢКОТОРЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ ПО ПОВОДУ НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСОВЪ

Слово шутъ во всякой порядочной душѣ тотчасъ пробуждаетъ представленіе низенькаго, уродливаго человѣчка съ брюшкомъ и горбикомъ, съ вытаращенными глазами, съ бубенчиками и побракушками на его пестрой одеждѣ, созданнаго для пеньковъ и забавы. Но во мнѣ слово шутъ пробуждаетъ всегда представленіе цѣлой жизни, съ ея грозой и вьюгою, съ ея слезами, прячущимися подъ смѣхомъ, и съ ея злобнымъ смѣхомъ, замаскированнымъ чистою и блестящею слезою; и подъ этой пестрою одеждою, у этого человѣчка съ вѣчно-смѣющейся рожицею, тотчасъ мнѣ представляется сердце, жгучее сердце, сердце, которое не даетъ утвердиться въ головѣ его ни одной мысли, привезенной въ корзинѣ изъ-за моря, потому что не можетъ лежать заморская мысль, дозрѣвшая въ дорогѣ, подлѣ мысли сочной и свѣжей, какъ дозрѣвшій плодъ, только что свалившійся съ дерева, какъ не можетъ чужое дитя жить у матери, у которой своихъ дѣтей много; и если оно будетъ жить тамъ, то не весела будетъ жизнь его, потому что каждый мигъ будетъ оно чувствовать, какъ оно чуждо и какъ его мало любятъ. И обыкновенно люди, у которыхъ ни одной мысли своей не выросло, считаютъ потѣшною болтовней роковыя, рожденныя горькими муками слова шута, и не подозреваютъ того, что каждое его слово дышетъ презрѣніемъ къ нимъ или сожалѣніемъ, они, не купившіе право жалѣть или презирать ни одною бурною минутою жизни, ни одной никогда не позабывасмою минутою. И когда шутъ, звеня гремушками и балагура, входитъ въ рыцарскій замокъ, гдѣ въ это время потѣшающійся рыцарь дѣлаетъ ему честь тѣмъ, что лишаетъ чести любимую дочь его, его единственное сокровище, они, помогавшіе закованному въ желѣзо баловню, могутъ спокойно и весело глядѣть

въ глаза шута и смѣяться на его странныя выходки, не подозрѣвая, что маа, который клокочетъ въ эту минуту въ шутовскомъ сердцѣ, хватило бы для того, чтобы отравить всѣхъ ихъ, если бы ихъ сердца имѣли хоть сотую долю чувствительности, спрятанной за пюбрякушками, нашитыми вмѣсто пуговицъ.

Эти мысли приходятъ мнѣ въ голову потому, что фельетонистъ — шутъ въ журналѣ: его дѣло — потѣшить почтенную публику; онъ за это имѣетъ право пестрить чѣмъ угодно свои страницы. И вотъ я надѣваю теперь на себя шутовской костюмъ съ своимъ кознакомъ и задумываюсь надъ приготовленными мнѣ колокольчиками и гремушками. Но отчего бы мнѣ не бросить ихъ къ черту, и не обратиться къ міру, совершенно неожиданно, съ какой-нибудь накипѣвшей на сердцѣ, роковою жалобою? А жалобъ у меня много; у меня въ головѣ ни одной нѣтъ мысли, которая не была бы роднымъ дѣтищемъ какой-нибудь роковой, незабвенной минуты, а этихъ роковыхъ минутъ у меня было тоже довольно много!

Каждый человѣкъ шутъ въ этой жизни; и не шутъ въ ней только тотъ, у кого сердце пусто, и у кого ни одной живой искры не прячется подъ его благопристойной, холодной наружностью. Но настоящій шутъ знаетъ все, что происходитъ въ душѣ его, а остальные шуты даже сами не знаютъ, что у нихъ на сердцѣ, и пасничая по доброй волѣ, не по обязанности, такъ запутываются въ сердечныхъ своихъ ощущеніяхъ, что нуждаются въ посторонней помощи для того, чтобы разобрать по складамъ, что такое у нихъ въ сердцѣ написано.

Въ лѣта моей юности, когда душа моя не начинала еще разрывать книжныхъ оковъ своихъ; когда ни одно потрясеніе не было въ ней, еще слабой и гибкой, довольно сильно, чтобы расколебать и разрушить всѣ идеи, противорѣчація этому потрясенію, и когда я служилъ не дѣйствительности, которую одну я считаю теперь безапелляціонною и разумною, но людямъ, завладѣвшимъ мною, по большей части, пахальствомъ и дерзостью своихъ предположеній и выводовъ, — въ лѣта этой юности спрашивалъ я учителей своихъ, отчего мнѣ нравится Плюшкинъ, не смотря на все отвратительное, что заключено въ этомъ характерѣ. — Оттого, что образъ Плюшкина прошелъ сквозь горнило поэтической души Гоголя, говорилъ мнѣ поэтъ, и я ровно ничего не понималъ изъ этого, но возражать боялся, потому что когда я одинъ разъ сдѣлалъ ему возраженіе, онъ заговорилъ со мной языкомъ грома и жолчи, доказывая мнѣ мою юность и мое невѣжество, и сквозь весь его говоръ, и сквозь всѣ его восклицанія и осужденія слышалось ясно и рисовалось огненными буквами одно только *горнило поэтической души*. — Плюшкинъ

нравится намъ потому, говорилъ мнѣ другой господинъ, не повѣтъ ужъ, а критикъ скорѣе, — что Гоголь разоблачаетъ передъ нами недуги и зло человѣчества, и насъ тѣшитъ надежда, что зло устыдится само-го себя и спрячется, увидя свое изображеніе. — Я чувствовалъ, что тутъ чего-то не достаетъ, и сказалъ это; и критикъ рассказала мнѣ поэтому случаю ѣдкій и грязный анекдотъ; и я замолчалъ, не смѣя пускаться въ дальнѣйшія разсужденія. — Третій господинъ говорилъ мнѣ, что Плюшкинъ намъ нравится потому, что мы видимъ въ его изображеніи, какъ оно было не навистно самому Гоголю; четвертый говорилъ, что мы любимъ это изображеніе потому, что гнусная рожа Плюшкина возбуждаетъ въ насъ противоположное ей представленіе добра и красоты, и что мы, видя эту ужасную фигуру, упиваемся возникшимъ въ душѣ нашей противоположнымъ ей образомъ. — И все это было такъ хитро и замысловато придумано, что мой юный умъ никакъ не сѣумѣлъ бы въ то время открыть подъ этой хитросплетенною сѣтью идей и понятій какого-нибудь художника, заповѣданнаго намъ высшею мудростью правила, увѣчаемаго много десятковъ вѣковъ прописями и азбуками. И сколько было людей, столько было различныхъ мнѣній. Были и такіе, которые говорили, что Плюшкинъ нравится намъ потому, что онъ хорошо и вѣрно описанъ; были даже такіе честные люди, которые признавались, что они сами не знаютъ, отчего Плюшкинъ имъ нравится; но что они его читали и перечитывали тысячу разъ; наизусть выучили, и все-таки готовы опять перечитывать. Но не нашлось ни одного человѣка, который признался бы, что Плюшкинъ ему нравится потому, что Гоголь заставляетъ его любить этого Плюшкина. — Какъ взвести на Гоголя такую клевету! какъ сказать, что онъ заставляетъ любить то, что любить запрещаютъ намъ няньки, азбуки и даже прописи! До сихъ поръ мы еще не вышли изъ-подъ власти прописей и азбуки, и цѣлый міръ еще не вышелъ изъ-подъ ихъ деспотической власти! И что бы мы ни утверждали, что бы мы ни говорили, у насъ вездѣ проскользнетъ и утвердится памѣреніе подвести свои чувства и мысль подъ установленный вѣками аршинъ, можетъ быть искривленный уже и изувѣченный отъ долгаго и ежеминутнаго употребленія. — И самъ Гоголь отрекся бы оттого, что онъ любитъ Плюшкина, любитъ какъ друга, какъ брата, какъ брата больного, но тѣмъ не менѣе родного и близкаго. И Гоголь, какъ всѣ мы, находился подъ властью того аршина, которымъ учителя бьютъ въ школахъ по рукамъ учениковъ своихъ. Но я люблю Плюшкина; люблю его точно также, какъ невѣдомо для себя, втихомолку, любилъ его Гоголь; я люблю его; я эту любовь

. во тѣмъ ночной
 Вскормилъ слезами и тоской;
 Ее предъ небомъ и землей
 Я нынѣ громко признаю,
 И о прощеньи не молю.

И я люблю Гоголя за то, что онъ заставляетъ меня любить Плюшкина. И если бы теперь встрѣтилъ я Плюшкина живого, лицомъ къ лицу, въ томъ же изношенномъ халатѣ съ прорѣхой пониже спины; съ тѣмъ же выдавшимся впередъ подбородкомъ, и съ тѣми же маленькими мышьиными глазками, — съ тѣми же самыми рѣчами, — то я любилъ бы его такъ же точно, любилъ бы много, любилъ бы бесконечно, какъ зачумленного друга, котораго я люблю, и къ которому я боюсь прикоснуться. Только, разумѣется, не въ такую минуту, когда мнѣ пришлось бы просить у него помощи себѣ или ближнему; не въ минуту, когда расшевеленная страсть не даетъ оторваться отъ себя и глядѣть на предметъ безо всякаго личнаго пристрастія; но въ такой моментъ, когда страсти спокойны, когда сердце не считаетъ безчеловѣчьемъ каждое себѣ противорѣчіе, и когда уму ничто не мѣшаетъ понимать силу и игру страстей въ другомъ или права каждаго человѣка быть тѣмъ, чѣмъ создала его природа или чѣмъ его сдѣлала жизнь, если только въ этомъ нѣтъ самонасплованья или самоуродованья; если это сдѣлалось такъ потому, что иначе не могло сдѣлаться. Послушайте — вы можете меня упрекнуть въ нескромности; но все, что я говорю, я говорю вамъ, любезный читатель, не съ цѣлью вамъ понравиться, а такъ, ради какой-то внутренней потребности; и потому кладу скромность въ карманъ, обшитый шутовскимъ галуномъ и говорю о себѣ слѣдующее: Послушайте: я зналъ человѣка, который совершенно спокойно, да какое спокойно! — съ восторгомъ, съ увлеченіемъ рассказывалъ, какъ онъ надулъ жида, и какъ онъ надуваетъ свою любовницу. — Вы думаете, я почувствовалъ отвращеніе? — Ничуть. Я смѣялся, и смѣялся такъ же отъ души, какъ смѣялся при чтеніи Плюшкина. Другіе, слушавшіе его — онъ не мнѣ и рассказывалъ — старались изобразить презрѣніе на своей улыбкѣ, но сквозь это презрѣніе такъ и просвѣчивалъ добродушный смѣхъ. И нельзя было не смѣяться, видя какъ простодушно, какъ дѣтски доволенъ этотъ человѣкъ ловкими своими продѣлками. И разказчикъ, замѣчая благопріятное впечатлѣніе, все веселѣе и веселѣе рассказывалъ далѣе. — И вамъ не стыдно это! замѣтилъ я, чтобы посмотрѣть, что онъ отвѣтитъ. — Э, возразилъ онъ, дружески до меня дотрогиваясь: толи еще я дѣлаю! — И тутъ же онъ принялся рассказывать свои новыя похождения. — Онъ мошенникъ, сказалъ я, когда его уже не

было : но онъ мнѣ нравится , и я люблю его . — Это доказываетъ , замѣтили мнѣ многіе , какъ неискренно въ васъ все то , что вы тутъ проповѣдуете о добрѣ и о безкорыстіи . — Можетъ быть , сказалъ я , и пожалъ плечами . Мнѣ было обидно , что эти господа не понимаютъ меня . Но я тутъ же былъ вознагражденъ тѣмъ , за кого получалъ упрекъ себѣ . — «Я васъ люблю , сказалъ онъ мнѣ , оставшись со мною наединѣ (вотъ тутъ-то я и кладу скромность въ карманъ) : — я люблю васъ именно потому , что изъ всѣхъ этихъ господъ , меня презирающихъ , одни только вы имѣли бы на это самое полное право , потому что только вы дѣйствительно составляете противоположность со мною : у васъ душа чиста , и я поклянусь головой , что вы никогда ничего , подобнаго моимъ похождениямъ , не сдѣлаете . А эти ? — это все тотъ же я , только въ вашемъ платьѣ . Они хуже меня воры : у нихъ ничего нѣтъ своего ; у нихъ все краденое » . — И въ этомъ мы съ вами братья , сказалъ я ему , протягивая руку : мы здѣсь одни — чѣмъ богаты , тѣмъ и рады . — И ему это доставило неизъяснимое наслажденіе . — Но только , прибавилъ я : если я васъ застану на вашихъ похожденияхъ , я все-таки первый закричу полицейскаго . — «А я , сказалъ онъ смѣясь : если убѣжать не успѣю , перваго васъ позову судить меня , потому что отъ васъ мнѣ не будетъ обидно принять своего осужденія » . — Но я не позволялъ бы противъ этого человѣка полиціи : я лучше бы самъ какъ-нибудь съ нимъ раздѣлался . Но я даже увѣренъ , что по моей просьбѣ , онъ удовлетворилъ бы всѣхъ обиженныхъ нимъ на моихъ глазахъ , только не далъ бы слова , что не будетъ впередъ дѣлать этого . Другому онъ дастъ слово , но обманетъ его . — И я люблю этого человѣка ; и одинъ онъ любилъ меня на службѣ , и одинъ онъ слушалъ меня съ удовольствіемъ и дорожилъ моимъ мнѣніемъ , и говорилъ мнѣ : «Я люблю васъ слушать , потому что вы никогда не лжете ; и я не хотѣлъ бы при васъ сдѣлать когда-нибудь что-нибудь дурное , не потому чтобы мнѣ было стыдно васъ , но потому , что я не хочу сдѣлать вамъ неудовольствія » . — Чувствуете ли вы , сколько было въ этомъ человѣкѣ хорошаго , что мирило съ нимъ всякаго , кто не имѣлъ только повода ему завидовать и за что-нибудь лично негодовать на него ?

Я зналъ одного разбойника , признавашагося въ двадцати трехъ убійствахъ . Отъ него требовали , чтобы онъ показалъ могилы , въ которыхъ схоронены его жертвы . Онъ совершенно охотно показалъ первую . Но когда выриси гнилой и о безобразный трупъ , онъ , стоявшій поодаль , отвернулся . Ему велѣли подойти ; онъ не шолъ . Когда его три полицейскихъ сержанта повели , противъ его желанія , онъ упирался , вырывался , отвергивался ; все лицо его искажалось

страшными судорогами, какъ у ребенка, котораго ведутъ наказывать. Подведенный къ трупу, онъ взглянулъ на него, и упалъ безъ чувствъ. Это была мощная, непоколебимая натура; и въ эту минуту каждому честному сердцу, откровенному въ своихъ ощущеніяхъ, его было бы больше жаль, чѣмъ покойника. Онъ узналъ имъ убитаго. Только это и было нужно слѣдователямъ. Черезъ нѣсколько дней привели его къ другому мѣсту и просили его указать другую могилу. Онъ не хотѣлъ. Онъ не понималъ, для чего имъ нужно это; но по странному закону судьбы всѣ, бывшіе тутъ, истинную причину ихъ требованія считали, кажется, совершенно недостаточной; и ему объяснялъ одинъ господинъ, что нужно открыть тѣло для того, чтобы предать его честному погребенію, и т. п. — Онъ ухмыльнулся: «Все равно, сказалъ онъ, гдѣ лежать.» Тогда другой господинъ сталъ говорить ему, что нужно отрыть тѣло для того, чтобы примириться съ нимъ: «Поцѣлуй его въ его гнилыя губы!» сказалъ онъ. Арестантъ задумался и сказалъ, что въ этомъ больше правды; но могилы не показалъ все-таки. — Отчего имъ было не сказать ему попросту, безъ всякаго желанія потрясти или смутить его грустную душу искусственной рѣчью: «Намъ нужно знать эту могилу и отрыть тѣло для того, чтобы какъ-нибудь послѣ не отрыли ее случайно, и чтобы тогда не пало подозрѣніе на кого-нибудь вовсе невиннѣе.» Онъ бы показалъ тогда. Это была душа, которая не солгала ни одного слова при допросѣ своемъ, и не запутала ни одного невиннаго. Но у этихъ господъ у самихъ не было этого сознанія. И они вступили въ новые разговоры съ убійцею. — «За что ты убилъ этого?» спросили они. — А за то, что мнѣ тогда волки хотѣлось, а денегъ не было. — Сколько же ты нашолъ у него? — Четвертакъ. — И стоило изъ-за четвертака убивать человѣка! — Преступникъ посмотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ: «Все равно, сказалъ онъ: что изъ-за четвертака, что изъ-за тысяча.» У этого человѣка было больше смысла, чѣмъ у тѣхъ, кто его допрашивалъ. Имъ все хотѣлось благодушно снизойти до его грубаго пониманія, и онъ постоянно оказывался выше нихъ, и вмѣсто того, чтобы имъ завладѣть его душою, онъ все больше и больше пріобрѣталъ надъ ними власти, и они поминутно чувствовали себя передъ нимъ школьниками. Его грубая откровенность поминутно уничижала ихъ, потому что въ ней все больше и больше, все страшнѣе и неотразимѣе возставалъ его человѣческій образъ, тогда какъ у нихъ все пугливѣе и пугливѣе, все мельче и все ничтожнѣе пряталась ихъ душа подъ грудю страницъ, вырванныхъ изъ разныхъ когда-то прочитанныхъ книгъ, подъ грудю правилъ, пестрящихъ наши прописи и азбуки.

И я, еще юноша тогда, поддался обаятельному впечатлѣнію этого человѣка.

И какъ онъ нравится мнѣ со своей откровенностью г. Лазаревъ; но какъ слѣдователи этого человѣка, мнѣ не нравится г. Сѣровъ, ораторствовавшій въ сравнительномъ концертѣ г. Лазарева и Бетховена. Г. Лазаревъ любитъ музыку и такъ любитъ ее, что ему непремѣнно хочется быть первымъ любовникомъ этой прекрасной женщины. Не смотря на то, что она не отвѣчаетъ ему взаимностью, онъ такъ доволенъ ею, можетъ быть, съ отвращеніемъ брошенными ему ласками, что ему кажется, что больше этого никто и не получалъ отъ нея, и что выше этого ничего и желать нельзя. И образъ г. Лазарева, какъ великій и громкій образъ несчастной любви, перейдетъ въ вѣка, и мнѣ только жаль, что, какъ орелъ на хвостѣ унесъ муху, страшный образъ г. Лазарева унесетъ съ собою въ вѣка маленькое имя г. Сѣрова, кидавшаго въ него гнилымъ картофелемъ. Г. Сѣровъ ухаживаетъ за той же самою дамою, и ему самому мочи нѣтъ хочется похвастать своими успѣхами, но онъ не смѣетъ; и вотъ его возмущаетъ наивное чистосердечіе г. Лазарева. Вѣдь всегда самый страшный судья для вора тотъ, который самъ собирался украсть имъ украденное, но боялся, не смѣлъ: какъ же этотъ осмѣлился? — Но г. Лазаревъ не воруетъ; онъ, какъ донъ Кихотъ, убѣжденъ въ дѣйствительности имъ воображаемаго; и бить за это г. Лазарева также точно дико и безчеловѣчно, какъ обломать палку объ сумасшедшаго. Только тотъ кто самъ сумасшедшій, можетъ отважиться на такое предпріятіе. — Г. Сѣровъ, защитникъ Бетховена! Г. Лазаревъ страстнымъ, безумнымъ, неистовымъ своимъ желаніемъ превзойти Бетховена, больше поднимаетъ передъ очами міра великую тѣнь эту, нежели г. Сѣровъ, думающій, что Бетховенъ нуждается въ его неприличной защитѣ. Имя, вашему чувству, г. Сѣровъ, не любовь къ Бетховену, а злоба къ г. Лазареву за его неистовое чистосердечіе: хочу превзойти Бетховена! — Да кто же ему можетъ запретить желать этого? И потомъ: желаніе чрезвычайно похвальное; и стараться быть выше Бетховена гораздо похвальнѣе нежели стараться попасть кому-нибудь въ глазъ картофелиной. — И будьте увѣрены, г. Сѣровъ, что не вы, а г. Лазаревъ при концѣ своей жизни благодушно сознается, можетъ быть, въ своихъ заблужденіяхъ, и чистосердечно скажетъ, обращаясь мыслью къ Бетховену: «Не лобзаніемъ предаю тебя, какъ Иуда; но какъ разбойникъ, признаю надъ собою великую силу твою!» Вы если и раскаетесь, такъ не признаетесь въ этомъ.

Но дѣло не въ томъ; г. Лазарева я люблю за его откровенность. Г. Лазаревъ создаетъ, какъ умѣетъ, а потомъ говоритъ: «Смотрите и

судите ; а мнѣ, говорить, кажется, что ничего лучше этого въ цѣломъ мірѣ нѣтъ !» На это можно улыбнуться, и промолчать деликатно такимъ серьезнымъ критикамъ, какъ г. Сѣровъ, тѣмъ болѣе, что никто и безъ того не поддается вліянію г. Лазарева. У всѣхъ нелѣпыхъ сектаторовъ были послѣдователи ; у г. Лазарева нѣтъ никого ; а у васъ есть — я знаю это.

И также точно, какъ г. Лазаревъ, нравится мнѣ Плюшкинъ Гоголя. Но откровенность вещь чрезвычайно рѣдкая ; можетъ быть оттого она такъ и обезоруживаетъ. И я увѣренъ, что въ жизни нигдѣ не увидишь Плюшкина съ тѣми же обезоруживающими рѣчами ; онъ покажется мнѣ въ своемъ халатѣ, онъ нахально выставитъ ко мнѣ свой подбородокъ ; онъ не спрячетъ отъ меня мышиныхъ глазъ своихъ, но онъ забудетъ въ глубину своего сердца, тѣ рѣчи, которыя вытаскилъ оттуда Гоголь. И Плюшкинъ, будетъ противенъ мнѣ, и я буду ненавидѣть Плюшкина, какъ человѣка, который по какому-то глупому упрямству самъ себя завѣдомо увѣчитъ и пачкаетъ. Азбуки, прописи и няньки помѣшаютъ также точно и Плюшкину явиться передо мной во всей наготѣ пораженной безпощадною страстью души своей, и онъ, одержимый опять таки общеловѣческой болячкою ложнаго стыда и недоувѣрчивости, похожей на какое-то чувство самосохраненія, пугливо запрячетъ отъ меня именно все то, что могло бы служить ему оправданіемъ. И я буду не любить этого Плюшкина, какъ всѣ мы не любимъ того, что не вѣритъ намъ ; мы открываемъ другъ другу всѣ грязнѣйшіе закоулки души нашей, съ разнымъ сбродомъ наваленныхъ туда разбитыхъ идей и сочиненныхъ чувствованій, но никогда никому не показываемъ мы тѣхъ глубочайшихъ, сокровенныхъ изгибовъ, въ которыхъ всюду, на каждомъ мѣстѣ, ясно и четко написано : «Я братъ твой !» И это будетъ такъ до скончанія міра. И вотъ поэты указываютъ намъ эти сокровенные изгибы души человѣческой ; и оттого Плюшкинъ въ дѣйствительности возбудилъ бы во мнѣ отвращеніе со своимъ подленькимъ желаніемъ, прикинуться такимъ же точно какъ всѣ — человѣкомъ ; а Плюшкинъ Гоголя мнѣ нравится со своей ничѣмъ не прикрытою рѣчью :

— Вѣдь у меня, что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздниціи завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего...»

Или, наиримѣръ, это мѣсто изъ разговора Чичикова съ Коробочкой :

— Страмъ, страмъ, матушка ! просто страмъ ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами ! Ктожь станетъ покупать ихъ ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать ?»

— А можетъ быть, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подь случай попадаться... возразила старуха да и не кончила своей рѣчи, открыла ротъ, и смотрѣла на него почти со смѣхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по почамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?»

Ну, есть ли что-нибудь тутъ возмутительнаго? Все это живописно и закононо, какъ кривое, безобразно выросшее дерево, дающее однако свою тѣнь и нелишнюю способности производительности. И слушая эти рѣчи, я склонюсь передъ ними съ благоговѣніемъ, какъ передъ всякимъ дѣломъ природы; но какъ стриженная аллея, какъ безсильныя и тщетныя попытки человѣка — не помочь природѣ, а поправить и причесать ее, возмутительны для меня, наиримѣръ рѣчи г. Обломова; и человѣкъ, самобытно и твердо развившійся, какъ бы ни было безобразно его развитіе, всегда мнѣ во сто кратъ милѣе и ближе, нежели человѣкъ, въ которомъ природы вовсе не видно, и на которомъ остались только слѣды постороннихъ, человѣческихъ прикосновеній, иногда полныхъ эгоизма и пустой, оскорбительной самопадѣльности. И нигдѣ человѣкъ не чувствуетъ такъ своего безсилія, какъ при встрѣчѣ съ другимъ человѣкомъ, въ которомъ заговорить вдругъ природа живымъ и понятнымъ языкомъ своимъ, вмѣсто рта и жиденькаго ума, поселеннаго книжною мудростью. Книжная мудрость хороша только тамъ, гдѣ она сольетъ и составитъ одно съ природою; а тамъ, гдѣ она, какъ жеребенокъ подлѣ матери, бѣжитъ, то забѣгая впередъ, то отставая, и безпрестанно пугаясь, она и смѣшна, и некрасива, какъ этотъ жеребенокъ со своимъ подобьемъ хвоста и съ своими жиденькими, нетвердыми ножами.

«Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи,» сказалъ одинъ глубочайшій изъ глубочайшихъ нашихъ поэтовъ, и ни въ чемъ это такъ хорошо не выразилось, какъ въ послѣднемъ спорѣ изъ-за госпожи Толмачевой.

У всѣхъ на языкѣ теперь: права женщины, эмансипація. Но что такое эмансипація?

Эмансипація есть освобожденіе отъ всего того, что лишаетъ человѣка разумной, обязывающей, какъ благородство, личной, гражданской свободы; что стѣсняетъ вообще его дѣятельность, но только хорошую, полезную для него и для общества дѣятельность, и что можетъ иногда помѣшать его счастью, но только благообразному, настоящему счастью.

И какъ всякое новое право влечетъ за собою и новыя обязанности, такъ, самая эта свобода, самое это освобожденіе, основанное

на довѣри къ человѣческой личности, облизываетъ его самого слѣдить за собою, облизываетъ его оправдать это довѣріе, облизываетъ не употребить во зло своей свободы. Въ дѣлѣ женской эмансипаціи, мнѣ кажется, все у насъ должно совершить образование — образование женщинъ, и мужчинъ въ особенности.

Нѣсколько уже женщинъ серьёзно посѣщаютъ университетскія лекціи: никогда не видавъ ихъ и ничего не слышавъ о ихъ наружности, я узналъ ихъ тотчасъ, когда онѣ вошли въ одно общество, гдѣ читалась серьёзная лекція: я узналъ ихъ по спокойной скромности, съ которою вошли онѣ; я узналъ ихъ по простотѣ ихъ одежды; я узналъ ихъ по тому почтительному вниманію, съ которымъ онѣ, съ сомкнутыми устами и съ глазами, открытыми любопытствомъ, слушали лекцію, въ то время какъ другія дамы, приходя поздно, шумѣли своими кринолинами, диванами, усаживаясь, стульями, шептались между собой и подавали другъ-другу черезъ всю залу телеграфическіе знаки какіе-то. Меня тронулъ видъ этихъ двухъ женщинъ, и я думалъ, глядя на нихъ: «О, вѣрно и слово любви, не произносимое всуе вашими чистыми устами, будетъ въ нихъ горячѣе и чище, нежели въ тѣхъ устахъ, которыя, отъ нечего дѣлать, произносятъ его всю жизнь, и имѣютъ больше времени, чѣмъ сколько нужно, для того, чтобы его опошлять!» — И когда потомъ я говорилъ съ ними, меня поразило и тронуло то благородное вниманіе, съ которымъ онѣ слушали нѣкоторыя объясненія къ непонятнымъ ими мѣстамъ, объясненія, которыхъ онѣ сами просили. — Да будетъ благословенно имя ваше, думалъ я послѣ, за тотъ примѣръ, который вы показываете будущимъ жонамъ дѣтей нашихъ: мы не вкусимъ еще плода, вамъ указываемаго.

И я увѣренъ, что ни одна изъ этихъ женщинъ не выберетъ для чтенія въ обществѣ «Египетскихъ ночей», потому что онѣ знаютъ или по крайней мѣрѣ смутно чувствуютъ слѣдующее:

Выборъ большое дѣло; и когда мы читаемъ публично въ первый разъ, и когда мы не знаемъ, приведется ли намъ читать еще когда-нибудь, то мы торопимся прочесть именно ту пьесу, которая съ давнихъ поръ у насъ на умѣ, которую больше всѣхъ другихъ мы полюбили, которую полюбить намъ и другихъ хочется заставить; пьесу, въ которой отразился нашъ вкусъ, наши понятія, наши задушевные жалобы. Такъ на примѣръ, если бы мнѣ довелось читать публично, то я прочелъ бы... я бы многое прочелъ изъ русскихъ поэтовъ. Но положимъ, что я прочелъ «статую» г. Половскаго, потому что въ ней есть слѣдующія удивительныя строки:

• И надъ пепельной грудой камней,
 Изъ-за темнозеленыхъ вѣтвей
 Поднималась статуя. Вѣка
 На лицѣ пощадили черты
 Первобытной ея красоты —
 И была лишь отбита рука,
 Да обтесаны складки одеждъ
 Безпощадной рукою невѣждъ! •

И если бы голосъ мой задрожалъ, если бы слезы потекли при этихъ строчкахъ изъ глазъ моихъ, я не устыдился бы этого, потому что эти строки полны такой святой тоски, такого праведнаго упрека, такого небесно-прозрачнаго горя, что я бы гордился тѣмъ, что могу имъ сочувствовать. Это одно изъ лучшихъ стихотвореній въ нашей поэзіи; я завидую г. Полонскому, что онъ написалъ его; я готовъ клеветать за это на всѣ другія его стихотворенія, но на это я клеветать не могу.

Выборъ почти тоже, что вдохновеніе, только еще больше въ этомъ случаѣ, потому что вдохновеніе не произвольно: надъ душою поэта могутъ властвовать разные идеи, разнымъ предметамъ готовъ служить онъ, и онъ не виноватъ, если въ данную минуту его преслѣдуетъ именно извѣстный предметъ. Если бы не заранѣе выбирались пьесы для чтенія; если бы самый литературный вечеръ былъ дѣломъ импровизированнымъ, тогда, конечно, всякій изъ читавшихъ могъ бы сказать: я прочелъ эту пьесу потому, что она первая пришла мнѣ на умъ; потому что лицо моего содѣла ее мнѣ напомнило. Но когда пьеса выбирается заблаговременно; когда для борьбы надъ этимъ выборомъ дается достаточное количество времени, тогда передъ нами разоблачаются вкусы и мысли того, кто ее выбираетъ; и если наше чувство задѣто тѣмъ, что женщина такъ откровенно признается въ нѣкоторой исключительности направленія своихъ мыслей и наклонностей, то она должна намъ это простить, потому что мы можемъ не знать, по крайнему нашему невѣжеству, что иногда мысли наши діаметрально противоположны съ нашею жизнью. Такъ самый сластолюбивый пѣвецъ нашъ, Батюшковъ, былъ скромнѣйшій и застѣнчивѣйшій человекъ, и его любимые вопросы можетъ быть именно потому и интересовали его, что онъ никогда не встрѣчался съ ними лицомъ къ лицу въ жизни, и они никогда не являлись его воображенію въ томъ грязноватомъ видѣ, въ какомъ они представляются душамъ, развращеннымъ или испорченнымъ. Но если бы мы и знали это, то и тогда мы могли бы остаться, и остались бы недовольны выборомъ г-жи Толмачевой, только разумѣется высказали бы ей, да и не ей, а обществу, мнѣніе

свое языкомъ болѣе благороднымъ и осмышленнымъ. Она увлеклась страстью, страстью къ тому же самому предмету, къ которому горятъ страстной любовью ея защитники, и къ которому питаетъ не менѣе страстную ненависть ея обвинитель. Но если въ литературѣ большинство на ея сторонѣ, то совсѣмъ не то въ обществѣ: общество, часто втихомолку, и не все, а та часть его, которая не имѣетъ претензіи стоять впереди, противъ нея; и даже нѣкоторые, съ какою-то особенною злобною радостью, поддерживаютъ г-на Камня-Виногорова, и поддерживаютъ его также страстно, какъ поддерживаетъ г-жу Толмачеву ея партія. И все это потому, что страсть не что иное, какъ идея въ первоначальномъ своемъ развитіи. Самая страсть къ женщинѣ не составляетъ исключенія изъ этого правила. Едва женскій взглядъ смутилъ нашу душу, едва успѣлъ намъ понравиться смыслъ женской улыбки, какъ уже мы, по этимъ двумъ даннымъ, своевольно дорисовываемъ остальное, дорисовываемъ по своему вкусу, согласно нашему идеалу, нашимъ желаніямъ; мы дрожимъ за неприкосновенность идей и чувствъ своихъ, и упорно держимся за свое, хотя бы эта женщина тутъ же, передъ нами, словомъ и дѣломъ, доказывала несостоятельность нашей идеи о ней. И по мѣрѣ того, какъ разсудокъ и время выясняютъ намъ настоящее ея содержаніе, истинный характеръ ея и существенныя ея достоинства, страсть исчезаетъ и остается спокойное чувство любви, а иногда ничего, кромѣ идеи о томъ, что такое въ самомъ дѣлѣ была эта женщина. Такою же страстью загорѣлись теперь многіе люди къ идеѣ объ эмансипаціи. Въ настоящемъ видѣ этой эмансипаціи они не знаютъ; и какъ знать то, чего еще нѣтъ? — но къ существующему порядку, къ существующему положенію женщины въ обществѣ, несправедливому для нея и тяжолому для мужчинъ, они почувствовали отвращеніе, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ударились въ противоположность. Они еще не объяснили себѣ, что въ этомъ положеніи худо, и что хорошо, и только увлеченные страстью къ измѣненію, рушатъ все съ зажмуренными глазами, и говоря, что хорошо все противоположное, рисуютъ передъ нами безобразный образъ его. Противники ихъ, въ свою очередь, не могутъ еще выдѣлать истинно хорошаго отъ худого въ этомъ новомъ образѣ, и недовольные имъ въ общей его фигурѣ, иногда даже не хотятъ разбирать его и разсуждать о немъ, отворачиваются отъ него съ отвращеніемъ, или нападаютъ на него, и находятъ лучшимъ старое, къ которому они по крайней мѣрѣ привыкли, упрямо держатся за это старое. И вотъ объ стороны въ страхѣ, въ страхѣ мучительномъ; объ онѣ чувствуютъ несостоятельность ими защищаемого и объ, въ какой-то предсмертной тоскѣ, представляютъ себѣ ужасное

торжество ненавистнаго для нихъ противника, и ни одной изъ сторонъ этихъ не приходитъ въ голову, что онѣ падуть обѣ разомъ, но падуть примиренныя, только для того чтобы встать и обняться, и можетъ быть улыбнуться, какъ люди, которые протягивая другъ другу руки, признаются, что они до сихъ поръ не понимали другъ друга. Это будетъ въ тотъ мигъ, когда ребенокъ—идея вырастетъ и почувствуетъ свое совершеннѣе; это будетъ въ тотъ мигъ, когда сладкій недугъ страсти, по выраженію того же милаго, дорогого поэта — «исчезнетъ при словѣ разсудка», при словѣ, которое будетъ сказано уже не ими, а самою дѣйствительною жизнью. Но этого слова не знаетъ никто, и философія только послѣ укажетъ намъ его значеніе; а покуда только поэзія можетъ предлагать вопросы свои, глядя на борьбу, которой послѣднее слово должна произнести сама дѣйствительность, и возбуждать то ту, то другую сторону своимъ смѣхомъ или своимъ жалобами и молитвами.

Но можетъ ли идея эмансипаціи устоять въ томъ видѣ, въ какомъ ее понимаютъ теперь, когда чѣмъ больше какойнибудь поступокъ женщины возбудитъ ужасъ въ консерваторахъ, тѣмъ больше возбуждаетъ онъ одобренія со стороны ихъ противниковъ; въ томъ видѣ, въ какомъ она нравится только развѣ крайней юности, пылающей своеволіемъ и совершенно несознающей, что ничто такъ не обязываетъ, какъ свобода? При полной свободѣ, которая будетъ возможна только тогда, когда воспитаніе и вкусъ, имъ развитый, заставитъ самихъ мужчинъ отказаться отъ той грубой распущенности, которую они теперь хотятъ навязать и женщинамъ — возможно ли будетъ, чтобы женщина приняла то, отчего отказываются мужчины? — Для свободы нужно образованіе; а возможно ли желать да и думать, чтобы высокое образованіе могло уничтожить въ женщинѣ хотя какоенибудь изъ тѣхъ качествъ, которыя ее дѣлаютъ такою неоцѣненною для мужчинъ? — Сестры милосердія, исполняющія обязанности фельдшеровъ, часто совершенно мужскія обязанности, шменно тѣмъ драгоцѣнны, что онѣ вносятъ въ нихъ женскій элементъ любви и участія, тотъ элементъ вѣжной заботливости, котораго часто лишены самыя высокія мужскія натуры. И какое бы ни находили мы наслажденіе въ жизни общественной, въ трудахъ на пользу общую, все-таки всегда лучшими минутами жизни нашей будутъ минуты, проведенныя съ любимою женщиной, и для женщины также точно, и потому она сама никогда не захочетъ лишиться того, что такъ необходимо для увеличенія ея собственнаго счастья. Распущенность и цинизмъ никогда не сдѣлаются принадлежностью женщины. Но развѣ, спросятъ меня, цинизмъ — прочитатъ превосходное стихотвореніе Пушкина?

— Какъ прочитать!

И мущина и женщина могутъ прочесть «Египетскія ночи», такъ точно, какъ не только мущина и женщина, но и мальчикъ и дѣвочка, могутъ смотрѣть на обнаженную статую, напримѣръ, Венеры Таврической. Стихотвореніе есть таже статуя; таже нагота терпится въ немъ, нагота, которая невозможна ни въ прозаическомъ сочиненіи, ни въ живописи; но мнѣ кажется, что придѣлай только къ статуѣ зрачки, и уже нагота ея сдѣлается нѣсколько оскорбительна. Именно ея отвлеченность дѣлаетъ въ ней возможной ея наготу. Стихотвореніе носитъ въ себѣ нѣчто такое же отвлеченное, какъ статуя: это не простое выраженіе чувствъ нашихъ; это выраженіе чувства, облеченное въ форму искусства: кадансъ, рима, нѣжная изысканность выраженій, все поднимаетъ стихотвореніе надъ обыкновенною нашею рѣчью и дѣлаетъ его идеальнымъ, какъ одноцвѣтность мрамора, эта неопредѣленность взгляда дѣлаетъ идеальной статую. И всѣ могутъ смотрѣть и любоваться каждою ея точкою, но не на каждую ея точку можно указать пальцемъ. Можно читать и восхищаться «Египетскими ночами», но не на каждую строчку ихъ можно обратить особенное вниманіе публики. Тутъ до цинизма одинъ шагъ. И тотъ, кто надѣется прочесть такъ, что все это стихотвореніе въ устахъ его сохранить ту изысканную цѣлость, ту соразмѣрность всѣхъ частей его, которыя дѣлаютъ его похожимъ на мраморное изваяніе, гдѣ ни одна точка не выдается впередъ съ цѣлью обратить на нее особенное вниманіе; тотъ, кто съумѣетъ восторгъ души своей разлить на все это стихотвореніе, не сосредоточивая его на извѣстныхъ только строчкахъ, тотъ пусть читаетъ его публично, пусть дѣлаетъ этотъ salto mortale; но кто не убѣжденъ въ поэтическомъ чутьѣ своемъ, кто въ глубинѣ души своей не проникнуть этой художественною чистотой взгляда, кто не чувствуетъ равной любви къ строкамъ:

И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ оставила —

и къ *златорогому мѣсяцу*, освѣтившему александрійскіе чертоги, и къ *сладострастнымъ проладамъ*, готовящимся земнымъ богамъ, и ко всему, ко всему, къ каждой строчкѣ и къ каждому слову, заключающемуся въ этомъ стихотвореніи, — тотъ пускай не читаетъ его, а то пожалуй выйлетъ цинизмъ, и смертельный скачекъ сдѣлается въ самомъ дѣлѣ смертельнымъ. И мы, зная все это или чувствуя, смотримъ сейчасъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ на женщину, которая рѣшается на этотъ отважный подвигъ; и иногда наше недоумѣніе такъ сильно, что мы не въ состояніи даже замѣтить, невыходить ли

женщина побѣдительницей и не оправдываетъ ли передъ нами рѣшимость свою.

Между тѣмъ у насъ въ обществѣ существуетъ убѣжденіе, что каждую строчку стихотворенія нужно читать въ гостиной такъ, какъ она и на сценѣ произнеслась бы въ подобномъ случаѣ. Но сцена и гостиная двѣ вещи совершенно различныя. На сценѣ каждый зритель, находящійся въ театрѣ, есть не что иное, какъ четвертая, недостающая стѣна, которая нисколько не стѣсняетъ актрису, которой игра тѣмъ выше, тѣмъ натуральнѣе, чѣмъ больше она, сама для себя, обращаетъ въ стѣну своихъ зрителей. Тогда говорятъ: зрителей для нея не существуетъ. Тутъ каждое слово актрисы есть движеніе собственной ея души. Но если бы и на сценѣ, не актриса, а дѣйствующее лицо должно было читать стихотвореніе для другихъ, также точно дѣйствующихъ лицъ, то условія совершенно бы измѣнились, и актриса должна бы была прочесть такъ, какъ слѣдуетъ читать въ обществѣ. Вы не можете себя представить, какъ стыдно было публикѣ за г. Степанова, когда онъ, въ первомъ дебютѣ г-жи Сябтковой 3-й, въ Дмитріѣ Завревскомъ сталъ читать оду Богъ, не такъ, какъ бы слѣдовало прочесть человѣку любимой имъ женщинѣ, и выражая восторгъ собственной души своей, а не восторгъ чужого стихотворенія. Чтеніе это казалось кривляньемъ и отзывалось только отсутствіемъ вкуса и непониманіемъ дѣла. Но когда я обратилъ на это вниманіе многихъ, бывшихъ со мною въ театрѣ, и вмѣстѣ со мной отвернувшихся, то они мнѣ отвѣчали, что все это вздоръ, и что г. Степановъ имъ не нравится только потому, что онъ прочелъ скверно. Такъ мы упрямы, когда что-нибудь заберемъ себя въ голову. И теперь эта манера чтенія въ обществѣ существуетъ во всемъ цвѣтѣ своемъ, въ полномъ своемъ развитіи; и этимъ мы обязаны новой нашей музыкѣ.

Музыка теперь, выбирая для романа какое-нибудь стихотвореніе, не хочетъ уловить общій смыслъ его, его содержаніе, не хочетъ вслушаться въ то движеніе души, которое у самаго поэта составляло мотивъ его; но старается буквально переводить слова этого стихотворенія. Такъ слово крикъ непремѣнно у ней сопровождается взвизгиваніемъ и въ пѣніи:

Не стоны родныхъ, а крики враговъ
Раздавались надъ нимъ. (Надъ Сусаньянымъ.)

Отъ этого происходятъ иногда вещи чрезвычайно безобразныя. Такъ въ аккомпанементѣ къ словамъ:

Шли годы; бурь порывъ матежный
Развѣялъ прежнія мечты,

И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты —

первымъ двумъ строчкамъ соотвѣтствуютъ звуки, похожіе на маршъ погребальный; двумъ вторымъ строчкамъ соотвѣтствуютъ звуки, похожіе на гимнъ души, увидавшей въ небесахъ ангела. Выѣстъ выходить какая-то ералашъ, которой смысла не понимаемъ. И въ самыхъ отвлеченныхъ своихъ проявленіяхъ, въ мелодіяхъ и симфоніяхъ, музыка старается нынче изображать шелестъ листьевъ, пробужденіе льва, и кажется, скоро будетъ изображать чиханье и кашлянье; послѣднее уже имѣется у г-на Верди въ Травіатѣ; только это все-таки опера; подождемъ, вѣроятно на нашихъ глазахъ это перейдетъ и въ симфонию.

Между тѣмъ я совѣмъ не такъ всегда представлялъ себѣ музыку и ея вдохновеніе. Случается иногда, что ни съ того, ни съ другого, пробуждается въ душѣ мотивъ, отъ котораго отвязаться не можешь: думаешь и его напѣваешь мысленно; ѣшь, и жуешь подъ ритмъ его; ложишься спать, и вокругъ тебя часы кажется, повторяютъ его ударами маятника. Помнишь, что когда-то и гдѣ-то слышалъ ты этотъ мотивъ, только — гдѣ, не помнишь; и Богъ знаетъ, какую связь имѣетъ онъ съ настоящимъ настроеніемъ души вашей, и Богъ знаетъ, что въ немъ; но онъ нравится, и отъ него не можешь отдѣлаться. Точно также, думалъ я, приходятъ въ душу музыканта мотивы, но мотивы, никогда ни имъ, ни другимъ кѣмъ не слышанные, небывалые мотивы, имѣющіе тоже Богъ знаетъ какую связь съ тайными движеніями души его; и также точно, Богъ вѣстъ что означающіе, вдохновенные мотивы, которые потомъ будутъ волновать сердца людей, и будутъ ими случайно припоминаться, и по цѣлымъ днямъ ихъ преслѣдовать.

Да тоже самое думалъ я во вдохновеніи поэта: приходитъ къ нему, ни съ того, ни съ другого, какая-то мысль въ голову, и онъ съ нею носится, и страдаетъ, и мучится, до тѣхъ поръ, пока не сдумаетъ передать ее, во всей простотѣ и во всей чистотѣ ея зарожденія, и именно въ той самой формѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она проснулась въ душѣ его, и каковыя она смутила его благородную душу. И тоже я думалъ о вдохновеніи художника, которому именно надо изобразить тотъ образъ, который вдругъ, по чьему-то велѣнію, парисовался въ душѣ его, и изобразить со всѣми подробностями, со всею чистотою его вдохновенія, потому что если онъ изобразитъ его иначе, то, какъ бы ни были довольны имъ всѣ остальные, онъ, какъ та душа, которая слышавши пѣсни ангела, несшаго ее на землю, не могла удовольствоваться скучными пѣснями земли, какъ эта душа, онъ, видѣвшій образъ своего вдохновенія, не будетъ

доволенъ его изображенемъ. И всегда мнѣ казалось, что та мелочная работа, тѣ безконечныя поправки и передѣлки, которыя мы видимъ у поэтовъ, музыкантовъ, художниковъ, суть не что иное, какъ усилія возвратиться къ тому, что ихъ вдохновило, и отъ чего они отдавались въ своемъ исполненіи.

Не такъ смотритъ общество. Какъ самый міръ, представляетъ оно себѣ поэтическія произведенія всѣхъ видовъ построенными по заранѣ начертанному плану, какою-то отвлеченной идеей, родившейся голою и потомъ одѣтой въ тѣ одежды, въ которыхъ оно явилось передъ публикой. Но я и міръ представлялъ себѣ всегда *купно* съ планомъ его, и я до сихъ поръ увѣренъ, что природа, и планъ ея созидались вмѣстѣ, одна въ другомъ, нераздѣльно, слитно, и мнѣ всегда казалось, что оттого то она такъ непостижима, и такъ прекрасна, и такъ громадно-величава во всей своей неразрушимой и безконечно-разнообразной цѣлости. И иначе этого быть не могло, и ни одного истинно изящнаго произведенія иначе быть не можетъ, и думать иначе все равно, что сказать: «Въ мірѣ все переводы и ничего нѣтъ оригинальнаго.» Напротивъ, только и хорошо все оригинальное, и поэты именно тѣмъ велики, что они какъ сама природа, не отдѣляютъ мысли отъ вещества, изъ котораго строятъ свои созданія. Но должно быть иначе представлять было легче, когда нѣсколько милліоновъ вѣковъ такъ это представляли себѣ, и теперь эта нелѣпая мысль доводится, въ лицѣ самихъ музыкантовъ и многихъ поэтовъ нашихъ, до крайности, но я думаю, что это передъ концомъ ея существованія. А послѣдователей ея множество. Цѣлые романы пишутся нынче по заданной мысли; они грѣшатъ противъ правды, противъ дѣйствительности, и публикѣ, кажется мнѣ, нравится въ нихъ больше всего ясность постройки ихъ; это хорошо: именно это-то и пужно для того, чтобы они поскорѣ потеряли свое значеніе.

И вотъ именно эта-то искусственность постройки породила въ обществѣ и особенное воззрѣніе на декламацию. Пропойте романсъ по возможности близко къ тому, какъ идея его выразилась бы человѣкомъ въ самой жизни, въ то время, какъ она еще страсть, въ то время, какъ вся кровь ея взволнована, и это не будетъ еще такъ безобразно, какъ стихотвореніе, прочитанное такимъ же образомъ, потому что тутъ музыка наброситъ тоненькій покровъ на дѣйствительность; но прочтите со всѣми движеніями страсти хотя тотъ же самый романсъ, произнесите каждое слово его, какъ оно произнеслося бы въ прозѣ, и не шута, но серьезно, тамъ, гдѣ совѣмъ не до шутокъ, и это будетъ тоже, что выкрасить тѣльными цвѣтами статую. Вмѣстѣ съ краской потребуется одежда. И я видѣлъ, какъ одна

дама пѣла арію Ратмира изъ Руслана. Она пѣла въ гостиниой. И когда она, въ одномъ патетическомъ мѣстѣ, схватясь за сердце, закачала всѣмъ туловищемъ, увѣряю васъ, мнѣ за нее стыдно сдѣлалось, такъ это было цинично и безобразно. Чтoже дѣлать? Изъ всѣхъ путей труднѣе всего отыскать путь кратчайшій; и человѣкъ такъ устроенъ, что если онъ сразу, случайно, и попадетъ на этотъ прямой путь, то онъ все-таки своротитъ всторону поискать, нѣтъ ли пути еще прямѣе. Всѣ наши искусства и всѣ мы находимся теперь на такихъ странныхъ поискахъ.

Но я высказалъ свой взглядъ на искусство и чтеніе вообще, высказалъ его отвлеченно, и въ отношеніи ко всему живущему считаю его абсолютною истиной. Однако есть лица... есть лица, которыя такъ могучи, такъ обаятельно хороши и такъ сами по себѣ художественны даже въ своихъ уклоненіяхъ, и иногда именно только въ однихъ уклоненіяхъ отъ общеприятыхъ формъ и установившагося порядка, что на нихъ только посмотришь и во всемъ согласишься съ ними. Г-жа Толмачева могла прочесть вовсе неудовлестительно; но она могла сама быть до того хороша въ своемъ чтеніи, что все впечатлѣныя стихотворенія исчезло бы подъ впечатлѣніемъ ея обаятельной личности. Можетъ быть, она была такъ сама собой въ эту минуту, что «Египетскихъ ночей» тутъ вовсе и на сценѣ не было, а было совершенно другое, совсѣмъ новое, никѣмъ незамѣченное, знойное и прекрасное стихотвореніе: «г-жа Толмачева». Но тогда безумно сказать другимъ: «Дѣлайте то, что она сдѣлала!» Не сдѣлаешь! Нужно сказать: «Будьте такъ сами собою, какъ была она въ эту минуту, и тогда перелѣ вами преклонитъ колѣна художникъ, потому что тогда вы станете рядомъ со всѣмъ изящнымъ, что только есть въ мірѣ, ибо только то все изящно, гдѣ человѣкъ является самъ собою!»

ПИСЬМО СЪ ВАСИЛЬЕВСКАГО ОСТРОВА, ВЪ РЕДАКЦІЮ «ВРЕМЕНИ»

Молчаніе есть одна изъ драгоцѣннѣйшихъ способностей, дарованныхъ человѣку. Это долженъ строго имѣть въ виду всякій, кто собирается говорить, слѣдовательно журналистъ по преимуществу. Посредствомъ молчанія можно не только жить со всѣми въ ладъ, и не имѣть на своей совѣсти разныхъ во всеуслышаніе сказанныхъ и во всевидѣніе нанечатаанныхъ глупостей, но можно и весьма выра-

зительно сказать очень многое. И именно молчаніе можетъ выражать — великое презрѣніе и несравненное глубокомысліе. Въ особенностях, глубокомысліе можетъ быть выражено до невѣроятной степени силы. Многочисленные читатели нашихъ журналовъ, съ жадностью поучался ихъ остроумными и глубокими статьями, всегда склонны думать, что редакция съ своими сотрудниками имѣеть самое глубокомысленное и вѣрное понятіе именно о тѣхъ предметахъ, о которыхъ не говоритъ. Отъ этого происходитъ то, что журналъ, сохраняющій молчаніе о предметѣ, который всѣхъ занимаетъ и о которомъ всѣ говорятъ, имѣеть видъ глубокомысленный до невообразимости и невозможности.

По всѣмъ этимъ причинамъ весьма любопытно бы было взглянуть на нашу литературу съ этой точки зрѣнія, т. е. со стороны *молчанія*. Можно бы было найти много поучительнаго. Самые блистательные, самые краснорѣчивые примѣры молчанія представляетъ или лучше сказать представлялъ безъ всякаго сомнѣнія одинъ изъ лучшихъ русскихъ журналовъ — *Русскій Вѣстникъ*. И это понятно; потому что онъ есть журналъ самый глубокомысленный и самый важный, какой только есть на Руси. Во многихъ случаяхъ, какъ многозначительно было его молчаніе! И какъ прилежно, какъ невѣроятно крѣпко умѣлъ онъ молчать! Онъ вполне доказалъ, что начала Пифагорейской мудрости молчанія были имъ усвоены совершенно. Недавно онъ объявилъ (см. «Русскій Вѣстникъ» № 1), что онъ пять лѣтъ воздерживался отъ разсужденій о литературѣ, хотя ему будто бы очень хотѣлось говорить о ней. Пять лѣтъ молчанія! Вѣдь это не шутка!

Передъ такимъ примѣромъ всѣ другіе становятся совершенно ничтожными. Тѣмъ болѣе, что журналы обыкновенно путаютъ и неумышленно затемняютъ лѣно. Журналъ, по сущности своей природы долженъ быть существомъ говорливымъ, и потому болѣе или менѣе сознательно каждый журналъ старается или *быть* или *казаться* таковымъ. Лучшіе примѣры въ этомъ случаѣ представляютъ *Отечественныя Записки*; не обнаруживаетъ ли каждая книжка ихъ явнаго желанія, совершенно видимыхъ потугъ сказать что-то? Очевидно ни одинъ журналъ не имѣеть болѣе твердаго желанія быть прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ русскихъ журналовъ. И одно уже это желаніе должно быть зачтено ему въ заслугу. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» обо всемъ говорится и только, къ величайшему сожалѣнію, имъ не удается ничего сказать. Въ прошломъ году напр. г. Дудышкинъ завелъ рѣчь о Пушкинѣ. Завелъ, заговорилъ громко, и вдругъ замолчалъ, остановился на серединѣ рѣчи, какъ будто почувствовавъ, что говорить что-то не совсѣмъ складное...

Но, хотя сущность того, что сказалъ г. Дудышкинъ опредѣлять довольно трудно, однако самъ онъ полагалъ, что онъ все-таки сказалъ что-то. Что же вышло? Вслѣдъ за рѣчью г. Дудышкина раздалось такое глубокое молчаніе въ русской литературѣ относительно Пушкина, что г. Дудышкинъ слушалъ, слушалъ, и не слыша ничего, съ изумленіемъ спрашиваетъ теперь въ № 2 «Отечественныхъ Записокъ», отчего же всѣ молчатъ?

Отвѣтъ на это чрезвычайно простъ. Молчатъ оттого, что г. Дудышкинъ сказалъ очень мало, почти ничего, по мнѣнію нѣкоторыхъ даже ровню ничего.

Теперь впрочемъ г. Дудышкинъ можетъ утѣшиться. *Время*, журналъ только распускающійся, уже успѣлъ и прямо и косвенно многократно отвѣчать на мудреный вопросъ г. Дудышкина. Но, да не подумаетъ онъ, что *Время* поступаетъ такъ, въслѣдствіе важности, приписываемой имъ статьѣ г. Дудышкина. Тутъ была бы жестокая ошибка. *Время* собственно желаетъ говорить о Пушкинѣ, а не о чемъ либо другомъ. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется.

Если же *Время* столь часто упоминаетъ о почтенномъ г. Дудышкинѣ, то здѣсь причина совершенно другая и ирѣшюсъ, чистосердечно объявить ее: *Время* вообще есть журналъ очень *зосорломый*. Даже, прибавятъ враги, журналъ *болтливый*. Можетъ быть! Очень можетъ быть!

Мнѣ однакоже эта черта нравится. Мнѣ кажется, что съ явленіемъ «Времени», вдругъ нарушилось нѣкоторое молчаніе, и сильно *оживился разговоръ*, если мнѣ позволятъ примѣнить это выраженіе къ литературѣ. Здѣсь я долженъ предупредить благосклоннаго читателя, что я вовсе не думаю польстять «Времени». Фактъ слишкомъ ясный, и мнѣ нѣтъ никакой нужды преувеличивать его. Развѣ мы не были свидѣтелями, что «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ» по цѣлымъ годамъ молчали другъ о другѣ? Они молчали такъ упорно, какъ будто хотѣли дать полное право думать, что одна для другого ничего не значить и даже вовсе не существуетъ. Только изрѣдка они измѣняли себѣ, не выдерживали, прорывались... За то въ этихъ случаяхъ, какимъ затаеннымъ гнѣвомъ, какимъ накопившимся раздраженіемъ отзывались эти немногія вырвавшіяся слова, немногія строчки, являвшіяся гдѣ нибудь въ уголку, въ примѣчаніи, въ такомъ мѣстѣ, которое показывало бы, что имъ не даютъ большой важности.

Слава Богу, теперь все это кончилось. «Русскій Вѣстникъ» издавъ сперва посланіе, а со втораго номера началъ уже и войну съ *новыми богами*...

Но, если «Русскій Вѣстникъ» и имѣетъ нѣкоторое право сказать,

что вѣкогда, при самомъ своемъ началѣ онъ подалъ знакъ ко всеобщему молчанію, то теперь онъ не можетъ сказать, что онъ же подалъ сигналъ и для общаго говора; вѣтъ, «Время» его предупредило, до того предупредило, что даже самъ «Русскій Вѣстникъ» увидѣлъ необходимость заговорить. (1)

Какъ я сказалъ, «Время», заговоривши, прервало вѣкоторое странное и тяжелое молчаніе, господствовавшее въ русской журналистикѣ. «Время» отличилось необыкновенною развязностью и тѣмъ показало, что готово исполнить свое объявленіе. Оно не думаетъ прикидываться, что для него какой-нибудь журналъ *не существуетъ*, и свободно говоритъ о всѣхъ журналахъ, о всѣхъ именахъ, о всѣхъ литературныхъ явленіяхъ. Я вполне увѣренъ, что въ случаѣ надобности *Время* не усумнится завести рѣчь даже и о *Русскомъ Словѣ*, журналѣ, который существуетъ третій годъ и о которомъ третій годъ литература сохраняетъ ненарушимое молчаніе.

Такая говорливость «Времени» требуетъ, по моему мнѣнію, вѣкоторыхъ поясненій. Многіе, конечно съ непривычки, были удивлены тою непринужденностью, съ которою обо всемъ говоритъ «Время». Они подумали, что «Время» хочетъ всѣхъ задѣть, уколоть, что оно неумѣренно предается полемикѣ; ошибка, совершенная ошибка!

(1) И неуданно заговорилъ. Къ величайшему, искреннѣйшему нашему сожалѣнію, онъ самъ, съ каждымъ новымъ своимъ литературнымъ обзорѣемъ, обращается все болѣе и болѣе въ свистуна. Мы только что получили его мартовскую книжку и не можемъ не признаться, что съ грустнымъ чувствомъ смотримъ на теперешнее его положеніе. Съ олимпійскимъ высокоуміемъ смотритъ онъ на бѣдную текущую журналистику нашу, и, отхлѣвавъ ее хуже всякой дряни (Литер. Обзоріе страница 21-я), объявивъ притомъ, что «лучшіе люди русской литературы безглаголиво спѣшатъ пробраться мимо и запереться у себя въ домѣ, оставляя свистуновъ господами положенія (что впрочемъ по нашему уже черезъ-чуръ высокоуміемъ), «Русскій Вѣстникъ» вдругъ самъ выходитъ изъ себя, начинаетъ свистать изо всѣхъ силъ и свирѣпо лѣзетъ въ драку. Да, дѣйствительно что нибудь съ нимъ случилось. И неужели такого пятилѣтняго олимпійца могло до такой степени задѣть ваше молодое «Время»? Неужели и мы такъ его *пропали*? А мы еще, въ простотѣ души нашей, серьезнѣйшимъ образомъ, говорили въ прошломъ номерѣ нашего журнала, что ожидаемъ отъ «Русскаго Вѣстника» серьезнаго слова въ нашей критикѣ. Вотъ, что значить самолюбіе прежде всего, самолюбіе, дошедшее до лихорадки, при такомъ состояніи дѣйствительно можно повредить себя, мало того, что повредить себя, можно обратиться ко всѣмъ тѣмъ жалкимъ и несовсѣмъ чистымъ уловкамъ, которыя выработались ремесленной стороною нашей литературы, т. е. можно пуститься и въ неприличное извращеніе смысла чужихъ словъ и въ жалкіе, тупые споры для верху въ спорѣ, а не для истины и въ страстное желаніе острить именно въ то время, когда не острится, и проч. и проч. однимъ словомъ: можно сильно покачнуться на мѣстѣ. Но мы когда нибудь поговоримъ о «Русскомъ Вѣстникѣ» подробнѣе. Теперь онъ все еще не въ душевномъ спокой-

«Время»; какъ мнѣ кажется, только даетъ себѣ полную свободу выражать свои мнѣнія; оно не считаетъ нужнымъ имѣть при этомъ въ виду какія бы то ни было побочныя соображенія; оно не ищетъ ни *удобить* кому-нибудь одному, ни *насолить* кому-нибудь другому; оно не стѣсняется авторитетами... Вотъ, кстати, поясненіе тѣхъ словъ его объявленія, которыя такъ странно были перетолкованы «Отечественными Записками». При полномъ желаніи основательно поговорить о *Времени*, знаменитымъ «Запискамъ» опять не удалось ничего сказать. Онѣ вообразили — какой смѣлый полетъ воображенія! — что *Время* подъ авторитетами разумѣтъ *Гегеля*, *Адама Смита* и т. п. Конечно изъ этого сейчасъ видно, что говорить журналъ ученый, журналъ, понимающій и привимающій въ соображеніе и *Гегеля*, и *Адама Смита* и *Сен-Симона*. Но ошибка, произшедшая отъ такого чрезмѣрнаго углубленія въ ученость, тѣмъ не менѣе — странная ошибка. «Отечественныя Записки» увѣряютъ, что «Время» называетъ авторитетами не то, что *подъ ними разумѣтъ исторія и наука*. И такъ какъ «Отечественныя Записки» понимаютъ авторитеты именно такъ, какъ ихъ понимаютъ *исторія и наука*, то не мудрено, что они не поняли словъ «Времени». Дѣло, какъ видите, дошло до того, что *исторія и наука* мѣшаютъ «Отечественнымъ Запискамъ» понимать самую простую рѣчь.

ствѣн, и хоть вышелъ изъ пятилѣтняго олимпійскаго своего молчанія, но все еще въ литературѣ нашей не въ состояніи видѣть никого кромѣ себя, а это слишкомъ немного и подозрительно. Онъ напримѣръ оскабляется при нашемъ словѣ «о величіи Бѣлинскаго» и въ той же статьѣ сѣбѣ шнуръ упомянуть о тѣхъ «нашихъ людяхъ, которые не смотря на никакія обстоятельства, умѣли спасти свою мысль, сохранять ея достоинство и не терять ея положительныхъ основъ, людяхъ *таланта и знанія*; но они (продолжаеъ «Русскій Вѣстникъ») остаются одинокими явленіями, дѣятельность ихъ обращена на малое или задержана, и они не производятъ того вліянія, которое могло бы давать толпъ нашей литературѣ и нашему общественному мнѣнію». (21 стран. Литер. Обзор.) Ктожь бы это были эти великіе незнакомцы, спрашиваемъ мы невольно? Что у насъ дѣйствительно были люди мысли и убѣжденій, отстаивавшіе свои убѣжденія честно и смѣло и заставившіе уважать себя, то это такъ. Это было и есть, но въ словахъ *Русскаго Вѣстника*, именно кажется есть намекъ на какого-то особаго великаго незнакомца... Не давно, мѣсяца два тому назадъ, въ одномъ изъ номеровъ «Спб. Вѣдомостей» было объявлено тоже о какомъ-то великомъ незнакомцѣ при сравненіи его съ лордомъ Пальмерстономъ: говорили тамъ, что лордъ Пальмерстонъ хотъ и подвергается свисткамъ и насмѣшкамъ, но все-таки получилъ свою награду, а великій петербургскій незнакомецъ не получалъ своей награды. Но мы положительно знаемъ, что «Спб. Вѣдомости» говорили о петербургскомъ незнакомцѣ, а не о московскомъ и сильно подозрѣваемъ, что «Русскій Вѣстникъ» хотя и сходится съ «Спб. Вѣдомостями» въ мысляхъ, но упоминаеъ теперь про какого-то другого незнакомца, про великаго, особаго москвитянина. А изъ всего этого и видно, что «Русскій Вѣстникъ» находится въ положеніи не ляднокровномъ. Мы подождемъ покаместъ онъ будетъ ляднокровнѣе, тогда и отвѣтимъ ему.

Говорливость «Времени» опирается именно на то, что оно имѣетъ смѣлость, но безъ дерзости и высокомерія, и если слова его вышлютъ силу, то они не заключаютъ въ себѣ однакоже ничего оскорбительнаго.

Незаражонное гордостью, *Время* и не терпятъ той неловкости, которою сопровождается гордость. Высокомерный господинъ видѣть — и показывать видѣть, что не замѣчаетъ, сердится, и показываетъ видѣть, что спокоенъ, хочеть сказать и однако же молчить. «Время» ведетъ себя совершенно натурально, и въ этомъ его сила. Литература занимаетъ его, такъ какъ оно само есть органъ литературы; «Время» не скрываетъ и не считаетъ нужнымъ скрывать, что оно читаетъ всѣ наши журналы, что оно слѣдитъ за ними съ интересомъ, что оно всего болѣе занято именно русскою литературою.

Все это, какъ я замѣтилъ, есть нѣчто новое, нѣчто особенное, что привнесло съ собою «Время». И все это очевидно происходитъ изъ одного источника, изъ *глубокаго уваженія къ литературѣ*. Это уваженіе, заявленное въ объявленіи, какъ нельзя лучше высказывается и оправдывается *Временемъ*. «Время» говорливо, потому что ему есть о чемъ говорить съ любовью, съ увлеченіемъ. Оно не стыдится литературы, не гордится передъ литературою, не имѣетъ ни дерзости, ни страха въ отношеніи къ ней, потому именно, что любитъ ее. Вотъ отчего оно можетъ такъ свободно и такъ много говорить о ней.

Объ литературѣ же *должно* говорить. Молчаніе объ ней, въ какихъ бы видахъ и формахъ ни проявлялось, всегда несомнѣнно доказываетъ малую любовь къ ней, или малое уваженіе. Вотъ почему такую странную фальшью отзываются слова «Русскаго Вѣстника», что онъ молчалъ объ литературѣ потому, что давалъ мѣсто другимъ интересамъ. Развѣ возможно слѣлать надъ собою подобную штуку? Развѣ можно любить и уважать литературу и однакоже не говорить объ ней? Гораздо правильнѣе и прямѣе поступалъ «Современникъ». Онъ смотрѣлъ немного свысока на литературу и однакоже говорилъ объ ней, можетъ быть, именно потому, что смотрѣлъ на нее свысока.

У нашихъ журналовъ вошло ужъ въ обычай смотрѣть на «Современникъ» какъ на свистуна какого-нибудь. Что касается до меня, то не во гнѣвъ будь сказано «Русскому Вѣстнику» и «Отеч. Зап.» я считаю откровенный свистъ и открытое скалозубство «Современника» вещами весьма-серьезными, даже болѣе-серьезными, чѣмъ нѣкоторые глубокомысленные взгляды нѣкоторыхъ серьезныхъ нашихъ журналовъ, совершенно довольныхъ своею серьез-

ностію и глубокомысліемъ. «Русскій же Вѣстникъ» поступилъ какъ-то неестественнымъ и непонятнымъ образомъ. Не можетъ быть, чтобы всѣ лица, предлагавшія ему сотрудничество, разомъ рѣшились молчать объ литературѣ. Да мы помнимъ, что время отъ времени тамъ появлялись критическія статейки, хотя и отлучавшіяся волнѣйшею безцвѣтностью. Нѣтъ сомнѣнія, что эти статейки выбирались изъ многихъ, и что слѣдовательно *цѣлыми* были отвергаемы какъ не подходящія подъ цвѣтъ, котораго желалъ «Русскій Вѣстникъ»; никто не угадалъ этого таинственнаго цвѣта, извѣстнаго вѣроятно только избраннѣйшимъ изъ избранныхъ. Только такимъ образомъ мы можемъ объяснить себѣ молчаніе «Русскаго Вѣстника», увлеченнаго другими интересами.

Литературѣ *Время* придастъ такую важность, что не говорить о ней не можетъ и считаетъ своимъ долгомъ говорить объ ней какъ можно больше. Поступая такимъ образомъ, оно вѣроятно и надеется своими статьями доказать то глубокое значеніе, которое признаетъ за литературою.

Многіе упрекаютъ *Время* за недостатокъ ученыхъ статей. Но «Время» во первыкъ не обѣщало быть *ученымъ* журналомъ, а только *литературнымъ* и *политическимъ*, а во вторыхъ, оно кажется имѣть право не считать своихъ критикъ статьями *не учеными*. Сверхъ того, сколько мнѣ кажется, вы до сихъ поръ не пренебрегали и учеными статьями. Этого я никакъ не могу допустить въ такомъ серьезномъ изданіи какъ «Время». Если до сихъ поръ оно давало болѣе мѣста другимъ статьямъ, статьямъ, въ которыхъ оно снѣжало высказаться и яснѣе обозначить свое направленіе, то это очень законно и уврѣкать тутъ не за что. Къ тому же хорошія ученые статьи рѣдки, столько же рѣдки, сколько плохія обыкновенны. Казалось бы напримѣръ, что можетъ быть лучше и по предмету и по учености автора, какъ статья г. Леонтьева *о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ Римѣ*? Но эти шесть печатныхъ листовъ возбуждали самое горькое разочарованіе во многихъ, кто съ жадностью принялся за ихъ чтеніе. Статья такъ трудно изложена, такъ мало даетъ свѣта на предметъ, что едва ли найдетъ себѣ читателей.

Все, что я сказала въ похвалу «Времени», оно не должно принимать за лесть, не должно успокоиваться на лаврахъ. Объявляю громогласно, что это не только похвала, но и примѣръ и наставленіе. Мнѣ кажется, что «Время» идетъ по хорошей дорогѣ. Горю ему, если оно собьется съ пути!

Примите и вѣроч.

Д. К.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. В. БАЗУНОВА

КОММИССИОНЕРА МОРСКОГО УЧЕНАГО КОМИТЕТА И МОРСКОГО СБОРНИКА

Въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста,
въ домѣ Ольминой.

Отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ къ улучшенію быта рус- скихъ православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ

СОДЕРЖИТЬ ВЪ СЕБѢ:

1) Историческое начало благочестиваго обычая посѣщенія св. мѣстъ. 2) Черты русскаго поклонничества: сводъ указаній изъ сочиненій нашихъ паломниковъ—писателей на духовныя и матеріальныя нужды русскихъ поклонниковъ. 3) Что сдѣлано доселѣ нашимъ правительствомъ для улучшенія быта русскихъ поклонниковъ въ Палестинѣ и въ особенности въ Иерусалимѣ. 4) Что еще предполагается сдѣлать для улучшенія быта русскихъ поклонниковъ въ Палестинѣ и въ особенности въ Иерусалимѣ. 5) Списокъ лицъ къмъ сдѣлано пожертвованіе съ 1-го марта 1858 года по 14-ое апрѣля 1860 года съ приложеніемъ плана города Иерусалима, детальныя плановъ верхнихъ этажей богоугодныхъ заведеній, строящихся близъ яффскихъ воротъ внѣ города Иерусалима, и детальныя плановъ нижнихъ этажей и двухъ видовъ отдѣльно, большого формата.

Спбурзь Изданіе комиссаріатскаго департамента морскаго министерства, 1860 г., съ иллюминированными видами. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., съ черными видами 50 к., съ перес. 4 р.

Крайняя дешевизна этого изданія, заключающаяся въ изясности двухъ рисунковъ, изображающихъ богоугодныя заведенія, строящіяся близъ яффскихъ воротъ города Иерусалима. Плановъ издама съ цѣлю ознакомить возможно большее число жертвователей на пользу улучшенія быта нашихъ поклонниковъ въ Палестинѣ и со всѣми распоряженіями, сдѣланными на мѣстѣ осуществленія благотворительной цѣли ихъ пожертвованія.

БИОГРАФІИ ТВЕРСКИХЪ ІЕРАРХОВЪ. Отъ начала существованія архіерейской кафедры г. Твери и до нынѣ. Составилъ пратоіерей К. Чередѣвъ. Тверь. 1859. Съ перес. 2 р.

МОРСКАЯ ГИГИЕНА. Разсужденіе о вліяніи физическихъ и нравственныхъ условій въ которыхъ морякъ находится по роду своей службы и о мѣрахъ для сохраненія его здоровья. Доктора Фю-

- сагрива, профессора брестской морской школы. Съ 57 полит. рисунок. въ текстѣ Переводъ съ французскаго. Спб. 1860. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- МОРСКАЯ АРТИЛЛЕРІЯ СЭРА ГОВОРДА ДУГЛАСА**, Генераль-Лейтенанта великобританской службы. Часть 1 и 2. Спб. 1851. Ц. 70 коп., съ перес. 1 р. Часть 3. Спб. 1860. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
- О КУПЕЧЕСКОМЪ СУДОСТРОЕНІИ ВЪ РОССІИ**, рѣчномъ и прибрежномъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей и рисунковъ судовъ. Состав. Богословскимъ. Спб. 1859. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ**. Зоологія для первоначальнаго чтенія. Состав. Фр. Александровымъ, старшимъ учителемъ новгородской гимназіи. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- ТЕПЛОТА И ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИМѢНЕНІЯ ЕЯ КЪ ТЕХНИКѢ**. Общее понятіе — Источники теплоты. — Распространеніе и дѣйствіе ея. — Техническія приложенія общепонятное руководство. Соч. Д-ра Циммермана. Переведено съ нѣмецкаго съ дополненіями подъ редакцію А. Горчакова. Со многими полиптипажами. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- ОБЗОРЪ ИСТОРИИ И ХРИСТИАНСКОЙ ВѢРЫ** и всѣхъ еретиковъ и гонителей христіанства. Отъ I-хъ вѣковъ до XIX. Соч. А. Славина. Спб. 1861. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ НАСТОЯЩАГО И БУДУЩАГО**. Соч. Бруна Гильдебранда. Перевод. М. П. Щепкина. Спб. 1860. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ВОНРОСЪ О ЗЕМСКИХЪ БАНКАХЪ**. (Отзывъ о трудахъ учрежденной комисіи для устройства земскихъ банковъ) І. Шилли. Спб. 1861. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.
- ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ДРЕНАЖУ**. Состав. Леккеркомъ, инженеромъ путей сообщенія и начальникомъ дренажеровъ въ Бельгіи. Съ 2-го франц. изд. переводъ М. Нолле. Спб. 1861. 2 части Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- ПУТЕВОДИТЕЛЬ ЗА ГРАНИЦЕЮ**. Германія, Швейцарія, Голандія и Бельгія, Стокгольмъ, Пестъ, Венеція, Миланъ, Генуя. Состав. по Рейхарду и др. Съ описаніемъ водъ, путешествій по горамъ и навигаціи по Дунаю и Рейну. Съ большою картою желѣзныхъ дорогъ центральной Европы, 18 картинами и 37 планами главнѣйшихъ городовъ. Изданіе Н. Майскаго. Спб. 1860. Ц. 4 р., съ перес. 5 р.
- О СМѢНЕНИИ ПО НАЧАЛАМЪ ТЕОРИИ И ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА**, разсужденіе В. Власьева. М. 1860. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
- ЧТЕНІЕ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ** (съ исхода XVII вѣка). П. Щербальскаго. Выпускъ І. Спб. 1861. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Печатать дозволяется. 30 марта 1861. Цензоръ П. Новосилскій.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

Женская Исторія. Романъ въ трехъ частяхъ. Юли Жадовской	
Часть вторая	5
Часть третья и послѣдняя	329
Царица Прасковья. Очеркъ изъ русской исторіи. М. И. Семейскаго	
Статья вторая	65
Статья третья	459
Ванька-ключникъ. Баллада. В. В. Крестовскаго	103
Похожденія Артура Гордона Пэйма. Изъ разсказовъ Эдгара Поэ. Время. (Мысль неизвѣстнаго по имени сѣверо-американскаго поэта). Стих. Л. А. Мея	191
Помѣшанный. Сцены въ трехъ дѣйствіяхъ. С. Ѳедорова	193
Греція. Стих. А. Апухтина	223
Униженные и Оскорбленные. Романъ въ пяти частяхъ. Ѳ. М. Достоевскаго	
Часть третья	235
Часть четвертая. Гл. I и II	615
Старичокъ. Стих. П. Кускова	325
Труженикъ. Стих. Ѳ. Берга	328
Идетъ весна. Стих. Его же	329
<i>Я читаю книгу пьесъ...</i> Стих. Я. Полонскаго	330
Лезюркъ. Изъ уголовныхъ дѣлъ Франціи (1796—1951). (Случай судейской ошибки)	411
Много снова мнѣ чудныхъ снится. Стих. П. Кускова	458
Вакханка. Стих. К. Бабикова	492
Черные люди въ соединенныхъ штатахъ	493
Лунная ночь (изъ Эйхендорфа) Стих. А. Плещеева	520
Зимній сонъ (изъ Эйхендорфа) Стих. Его же	521
Мерв Бартоувъ. Повѣсть о манчестерскихъ труженникахъ (съ англійскаго). Часть первая	522

19 февраля 1861 года — Главнѣйшія черты всѣхъ положеній о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ 584

✓ Старый домъ. Стих. К. Бабикова.	601
✓ О рукописяхъ Гоголя, принадлежащихъ лицу князя Безбородко Н. Гербея.	606
✓ Тарась Шевченко. А. Григорьева	634
✓ Записки изъ Мертваго Дома. Ф. М. Достоевскаго	1

КРИТИЧЕСКОЕ ОБЗРѢНІЕ

✓ Западничество въ русской литературѣ, причины происхожденія его и силы. А. Щодова Бриворьева	1
✓ Знаменитые европейскіе писатели передъ судомъ русской критики	35
Явленія современной литературы пропущенныя нашей критикой .	60
Политическая экономія настоящаго и будущаго; соч. Бруно Гилдебранда. Переводъ М. П. Щепкина	74
Литературныя воспоминанія И. Панаева	93
Одинъ поступокъ и нѣсколько мнѣній г. Камня Видогорова въ № 8 газеты «Вѣкъ»	109
Нѣчто о петербургской литературѣ (письмо къ редактору «Времени»). Н. К.	119
Явленія современной литературы пропущенныя нашей критикой — И. Псковитянка, драма Л. Мейя.	128
Стихотворенія А. Н. Плещеева. Новое дополненное изданіе . . .	151
Взглядъ на книги и журнальныя статьи, касющіяся исторіи русскаго народнаго быта :	
1) Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, сочиненіе Ф. Буслаева. — 2) Калѣжки переходящія, сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова. — 3) Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, составленный Н. Варенцовымъ. — 4) П. А. Худякова. Великорусскія сказки. — 5) А. Н. Аванасьева. Народныя русскія сказки. — 6) Пѣсни собранныя П. В. Кирѣевскимъ, изданы обществомъ любителей руссійской словесности. Пѣсни Былевья — 7) Двѣ статьи г-жи Кохановской въ «Русской Бесѣдѣ». — 8) Сборникъ пѣсень П. Е. Якушкина — въ «Отечественныхъ Запискахъ». — 9) Исторія Русской Словесности С. П. Шевырева. — 10) Статья о свадебныхъ пѣсняхъ въ № 2 «Свѣточа»	163
Бѣлинскій и отрицательный взглядъ въ литературѣ.	162

ВНУТРЕННІЯ НОВОСТИ

Высочайшій манифестъ	1
Великое событіе. — Нѣсколько статистическихъ цифръ. — Статистическіе комитеты. — Развитіе свободнаго труда въ военномъ и морскомъ вѣ-	

домствахъ. — Отмѣна откупной системы и отголоски трезвости. — Отмѣна постановленія о штрафованныхъ. — Общественныя пожарныя команды. — Рѣчь къ самарскому купечеству. — Мысль купца Коробанова. — Новыя воскресныя школы. — Комитетъ грамотности. — Предложеніе министра народнаго просвѣщенія. — Университетскіе объѣды. — Мысли о новыхъ университетахъ. — Слушательницы университетскихъ лекцій и франты не на своемъ мѣстѣ. — Нѣсколько вѣстей изъ провинцій: биржевыя собранія въ Саратовѣ; «Волжскій Вѣстникъ»; Ярославль, Ростовъ на Дону, Псковъ, Вильно, Варшава. — Виды гласности. — Циркуляръ къ исправникамъ. — Вѣсти съ Урала: *возможное и существующее*; монополія. — Откровеніе изъ Мюсскаго округа. — Господинъ *Козляниновъ*. — Неръшонныя дѣла о студентѣ Страховѣ и крестьянинѣ Хитринѣ. — Жертва неосторожной гласности. — Кончина Шевченка. 11

Встрѣча великаго слова. — Воззванія и ожидаемыя послѣдствія. — Суды и прозектъ устава военно-морского суда. — Нашъ кошмаръ: тѣлесныя наказанія. — Прогрессъ московской полиціи. — Дуэль между двумя журналами за честь будочниковъ. — Вопросъ о цехахъ. — Упраздненіе двухъ округовъ путей сообщенія. — Психологическое явленіе по поводу воскресныхъ школъ. — Мысли о распространеніи грамотности и образованія между крестьянами. — Школа Золотова. — Новый типъ и интересная *внутренняя новость*. — «Курмышъ и курмышане», идиллія. — Екатеринославскій клубъ и балъ на Амурѣ. — Наша симпатія къ глухимъ городкамъ и сила любви къ искусству въ одномъ изъ нихъ, съ эпизодомъ о Нерехтѣ. — Разсужденія о кризисахъ; недостатокъ довѣрія и непокорные должники. — Легкіе признаки возможнаго пробужденія нашей промышленности. — Предпримчивость и разныя формы ея. — Покорность судьбѣ въ русскомъ человѣкѣ, — Еще неосторожная гласность. 41

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Распаденіе Соединенныхъ Штатовъ. — Конституціонное устройство Австріи. — «Синяя Книга» во Франціи. 1

Итальянскія дѣла. — Паденіе Газты, Мессины и Торонто. — Викторъ-Эммануилъ король Италіи. — Пренія въ итальянскомъ парламентѣ. — Гарибальди въ Туринѣ. — Французскія дѣла. — Пренія объ адресѣ въ палатѣ депутатовъ. — Пять голосовъ. — Дѣло Миреса. — Военныя приготовленія. — Епископскій циркуляръ. — Австрійскія дѣла. — Открѣтіе сеймовъ. — Венгерское собраніе въ Будѣ. Прусскія дѣла. — Вмѣшательство Германіи въ датскія дѣла. — Партія парламента. — Южныя дѣла. — Возстаніе въ Турціи. — Сирійское занятіе. — Ионическіе острова. — Общее положеніе. — *Послѣднія извѣстія*.

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СМѢСЬ

I. О постепенномъ, но быстромъ
нѣвѣжествѣ и безграм-
(Изъ замѣтокъ ненужна

II. Образцы чистосердечія	54
III. Свитокъ и Русскій Вѣстникъ	71

ФЕЛЬЕТОНЪ

Нѣкоторыя размышленія по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ	131
Письмо съ Васильевскаго острова въ редакцію «Времени»	117

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 19 апрѣля 1861 года

Ценсоръ *Е. Волковъ*

Въ типографіи Эдуарда Праца.

